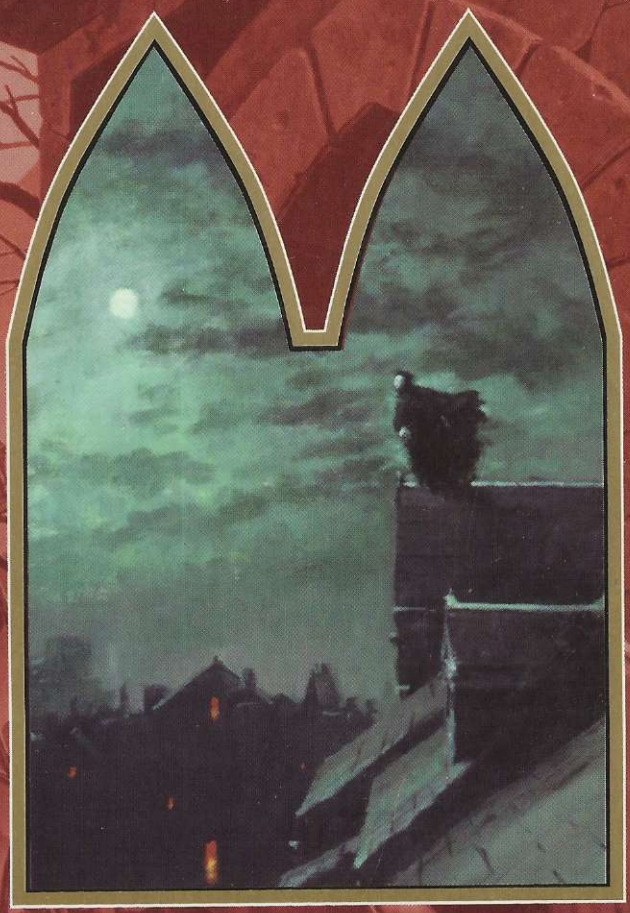
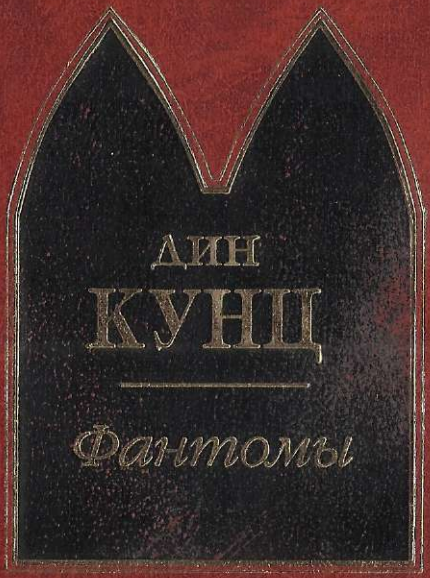
ДИН

КУНЦ

ФАНТОМЫ

ДИН
КУНЦ
Фантомы

АЦН
КУНЦ

Фантомы

•

Ангелы-хранители

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2004

ДИН

КУНЦ

Фантомы

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2004

УДК 820 (73)
ББК 84(7 США)
К 91

Dean R. KOONTZ

PHANTOMS
Copyright © 1983 by Dean R. Koontz

WATCHERS
Copyright © 1987 by Nkui, Inc.

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Художник *И. Жмайлова*

Кунц Д.

К 91 Фантомы: Романы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Изд-во Домино, 2004. — 960 с. (Шедевры мистики).

ISBN 5-699-04481-7

После выхода в свет «Фантомов» доселе мало кому известный Дин Кунц в одночасье сделался знаменитым. Различные ипостаси Зла предстают перед нами в романах писателя — всегда непредсказуемые, всегда безжалостные, никогда не упускающие возможность отомстить человеку за ту частицу божественного огня, которую вложил в него Господь.

УДК 820 (73)
ББК 84(7 США)

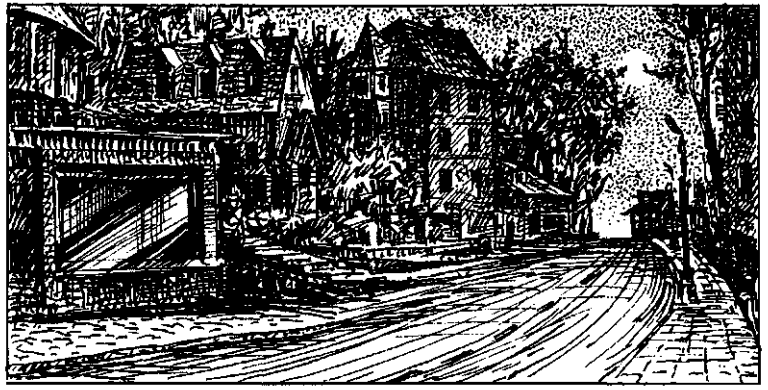
© **Перевод. Н. Косолапов, Л. Ходырев, 2003**
© **Издание на русском языке, оформление. ООО Издательство «Эксмо», 2003**

ISBN 5-699-04481-7

ФАНТОМЫ

Эта книга посвящается
той, которая всегда рядом,
той, которая все принимает близко к сердц
той, которая все понимает,
той, подобной которой не существует:
Герде,
моей жене и моему лучшему другу.

Часть I

ЖЕРТВЫ

Объял меня ужас и трепет и потряс все кости мои.
Книга Иова, 4:14

Цивилизованный человеческий дух... не в состоянии избавиться от ощущения, что в мире существует нечто сверхъестественное.
Томас Манн. Доктор Фауст

Глава 1

В ПОЛИЦЕЙСКОМ УЧАСТКЕ

Где-то в отдалении раздался и мгновенно стих пронзительный вопль. Кричала женщина.

Пол Хендерсон, помощник шерифа, оторвался от журнала «Тайм» и насторожился, прислушиваясь.

В лучах солнца, настолько ярких, что казалось, они пронзают саму раму окна, медленно кружились пылинки. Тонкая красная секундная стрелка настенных часов беззвучно скользила по циферблату.

Единственным звуком в комнате был скрип кресла под Хендерсоном, когда он слегка изменил позу.

Сквозь большие окна фасадной стены участка Хендерсону была видна часть Скайлайн-роуд, главной улицы Сноуфилда. В этот послеполуденный час, под золотыми лучами солнца, улица была совершенно пустынной и спокойной. Лишь трепетали листья и слегка раскачивались ветви деревьев под легкими дуновениями ветра.

Какое-то время Хендерсон старательно прислушивался, пока наконец сам не засомневался, не померещился ли ему этот крик.

«Воображение разыгралось,— решил он.— Мне просто хочется, чтобы хоть что-нибудь произошло».

Ему действительно почти хотелось, чтобы это и в самом деле оказался чей-то крик. Его неугомонная, деятельная натура испытывала сейчас какое-то тревожное беспокойство.

В межсезонье, с апреля и до конца сентября, он был единственным полицейским, постоянно приписанным к участку в Сноуфилде, и это была не служба, а тоска. Зимой, когда в городок съезжались несколько тысяч лыжников, приходилось возиться с пьяными, разнимать драки, расследовать кражи из номеров в гостиницах, пансионатах и мотелях, где останавливались отдыхающие. Но сейчас, в начале сентября, работали только два небольших мотеля, охотничий домик и гостиница «При свечах». Местные жители были людьми спокойными, и Хендерсон — которому было всего двадцать четыре и который дослуживал лишь самый первый год в должности помощника шерифа — помирал от скуки.

Он вздохнул, взглянул на лежавший перед ним на столе журнал — и снова услышал вопль. Как и в первый раз, кричали где-то далеко, и звук мгновенно оборвался; но на этот раз вроде бы кричал мужчина. Это был не возглас восторга и даже не крик о помощи; это был вопль ужаса.

Нахмурившись, Хендерсон встал и направился к двери, поправляя на ходу кобуру с револьвером, висевшую на правом бедре. Он миновал открывающуюся в обе стороны дверцу в ограждении, отделяющем «стойло» — внутреннюю часть участка — от предбанника для посторонних, и уже почти дошел до выхода, как вдруг услышал позади себя какое-то движение.

Этого просто не могло быть. Весь день он просидел в участке в полном одиночестве. В трех камерах, расположенных в тыльной части здания, арестованных не было уже больше недели. Задняя дверь была заперта, других входов в участок не было.

Однако, обернувшись, Хендерсон обнаружил, что он здесь уже действительно не один. И вся обуревавшая его скука исчезла в мгновение ока.

Глава 2
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

В предзакатный час того воскресного дня, в самом начале сентября, горы были окрашены лишь в два цвета: зеленый и синий. Сосны и ели выглядели так, словно были сделаны из сукна, каким покрывают бильярдные столы. И повсюду лежали холодные голубые и синие тени, с каждой минутой становившиеся все длиннее, все темнее, приобретавшие все более глубокий оттенок.

Сидя за рулем своего «понтиака», Дженифер Пэйдж радостно и беззаботно улыбалась при виде красоты этих гор и в предвкушении возвращения домой. Она искренне любила эти края и душой всегда была здесь.

Она свернула с трехполосной магистрали, дороги штата, на местное, покрытое черным асфальтом, узкое шоссе. Еще четыре мили непрерывных поворотов, подъем к перевалу — и они будут в Сноуфилде.

— Мне здесь так нравится! — проговорила сидевшая рядом ее сестра, четырнадцатилетняя Лиза.

— Мне тоже.

— А снег когда будет?

— Через месяц. Может быть, раньше.

Деревья подступили почти вплотную к дороге. «Понтиак» въехал в тоннель, который образовывали смыкавшиеся над асфальтом кроны деревьев, и Дженни включила фары.

— Я никогда не видела снег. Только на картинках,— сказала Лиза.

— К следующей весне он успеет тебе надоесть.

— Только не мне. Никогда. Я всегда мечтала жить в таких краях, где бывает снег. Как ты.

Дженни искоса посмотрела на девочку. Даже для сестер они были поразительно похожи друг на друга: одинаковые зе-

леные глаза, одинаковые рыжеватые волосы, одинаково высокие скулы.

— Научишь меня кататься на лыжах? — спросила Лиза.

— Ну, голубушка, когда сюда съезжаются лыжники, бывает обычно масса сломанных ног, растянутых мышц, поврежденных спин, порванных связок... Я тогда бываю занята по горло.

— Да-а-а...— протянула Лиза, не в силах скрыть свое разочарование.

— А потом, зачем учиться у меня, если ты можешь брать уроки у настоящего профессионала?

— У профессионала? — Лицо Лизы немного просветлело.

— Конечно. Если я его попрошу, Хэнк Андерсон тебя научит.

— А кто он такой?

— Владелец охотничьего домика, который называется «Сосновая гора». И он инструктор по горным лыжам. Но учит только очень немногих, тех, кто ему нравится.

— Он твой парень?

Дженни улыбнулась, вспомнив, какой была сама, когда ей было четырнадцать лет. В этом возрасте большинство девчонок одержимы мальчиками, прежде всего мальчиками, и ничем больше.

— Нет, Хэнк не мой парень. Я его знаю уже два года, с тех самых пор, как приехала в Сноуфилд. Но мы просто хорошие друзья.

Они проехали мимо зеленого щита, на котором белыми буквами было написано: «ДО СНОУФИЛДА — 3 МИЛИ».

— На спор: здесь наверняка будет много ребят что надо моего возраста.

— Сноуфилд не очень большой городок,— предупредила сестру Дженни.— Но, думаю, пару хороших ребят ты здесь найдешь.

— Но во время лыжного сезона их же должно тут быть десятки!

— Господи, малышка! Не станешь же ты встречаться с приезжими! По крайней мере еще несколько лет тебе это нельзя.

— Почему это?

— Потому что я так сказала.

— Но почему нельзя?

— Прежде чем встречаться с каким-нибудь мальчиком, ты должна узнать, откуда он, из какой семьи, что собой представляет.

— Ну, я потрясно разбираюсь в людях! — заявила Лиза.— На мое первое впечатление всегда можно положиться целиком и полностью. Можешь обо мне не беспокоиться. Какой-нибудь маньяк-убийца или сумасшедший насильник меня не подцепит.

— Надеюсь,— ответила Дженни, притормаживая перед крутым поворотом,— но все-таки встречаться ты будешь только с местными ребятами.

Лиза вздохнула и покачала головой, подчеркнуто театрально изображая разочарование и чувство безысходности.

— Если ты не заметила, Дженни, то могу сказать: пока тебя не было, я уже вполне созрела и больше не ребенок.

— Это я заметила, не беспокойся.

Они проехали поворот. Впереди лежал прямой участок дороги, и Дженни снова нажала на газ.

— У меня уже даже сиськи есть,— похвасталась Лиза.

— На это я тоже обратила внимание,— ответила Дженни, решив не дать сестре вывести себя из равновесия ее подчеркнуто откровенными заявлениями.

— Я уже больше не ребенок.

— Но ты еще и не взрослая. Ты пока подросток.

— Я молодая женщина!

— Молодая? Да. Женщина? Еще нет.

— Ха!

— Послушай. По закону я твоя опекунша. Я несу за тебя ответственность. А кроме того, я твоя сестра и я тебя люблю. И я буду делать то, что, на мой взгляд, будет лучше для тебя же. Я *уверена*, что лучше.

Лиза демонстративно громко вздохнула.

— Потому что я тебя люблю,— повторила Дженни.

— Значит, ты будешь такая же придира, какой была мама,— бросив на сестру злой взгляд, проговорила Лиза.

— Может быть, даже строже,— согласно кивнула Дженни.

— Жуть!

Дженни искоса посмотрела на Лизу. Девочка глядела в боковое окно машины, и поэтому Дженни видела только ее про-

филь. Но все-таки по лицу не было заметно, чтобы Лиза сердилась по-настоящему. И губы у нее не были надуты, скорее уж они непроизвольно стремились растянуться в улыбке.

«Детям необходимы строгие правила, понимают они это сами или нет,— подумала Дженни.— Дисциплина — это выражение любви и заботы. Главная трудность в том, чтобы не навязывать правила и дисциплину жесткими, грубыми методами».

Переводя взгляд снова на дорогу и немного разминая лежащие на руле руки, Дженни проговорила:

— Могу сказать, *что* я разрешу тебе делать.

— Что?

— Я разрешу тебе самой застегивать туфли.

— Ну да?! — Лиза подмигнула ей.

— Разрешу принимать ванну в любое время, когда тебе только захочется.

Не в силах больше выдерживать позу оскорбленного собственного достоинства, Лиза захихикала:

— А есть, если мне захочется, ты мне позволишь?

— Безусловно,— широко улыбнулась Дженни.— Я тебе позволю даже убирать за собой по утрам постель.

— Ах, какая вольница! — проговорила Лиза.

В этот момент девочка казалась даже еще младше, чем была на самом деле. В теннисных туфлях, джинсах и свободной, как носят на Западном побережье, блузке, не в силах сдержать смех, Лиза выглядела сейчас особенно милой, хрупкой, нежной и ужасно беззащитной.

— Друзья? — спросила ее Дженни.

— Друзья.

Дженни была удивлена и обрадована той легкости, с которой она и Лиза общались друг с другом во время этой долгой поездки на север от Ньюпорт-Бич. Все-таки, несмотря на кровное родство, они были практически незнакомыми, чужими людьми. Дженни была на семнадцать лет старше Лизы — ей уже исполнился тридцать один год. Она уехала из дома, когда Лизе не сравнялось еще и двух лет, за полгода до того, как умер их отец. На протяжении всего того времени, что она училась в медицинском колледже, а потом проходила практику в пресвитерианском госпитале при Колумбийском университете в Нью-Йорке, Дженни постоянно приходилось очень много работать, к тому же она была слишком далека от дома, чтобы более или менее регулярно видеться с матерью и Лизой. Потом, закончив обучение, она вернулась в Калифорнию с намерением открыть собственный кабинет в Сноуфилде. В течение двух последних лет она трудилась изо всех сил, чтобы обзавестись надежной врачебной практикой в самом Сноуфилде и нескольких других таких же небольших городках, разбросанных в горах. Недавно умерла их мать, и только тогда Дженни пожалела о том, что у нее не сложились более близкие отношения с Лизой. Может быть, теперь, когда они остались вдвоем, они смогут как-то восполнить то, что было упущено в прошлом.

Узкая дорога шла на подъем, долина с ее тенями и полусумраком осталась уже позади, и, по мере того как «понтиак» забирался все выше, сгущавшиеся сумерки вокруг машины как бы на время отступали.

— Такое ощущение, словно уши заложило ватой,— проговорила Лиза, широко зевая, чтобы скомпенсировать разницу в давлении.

Они въезжали в крутой поворот, и Дженни притормозила. Дальше, за поворотом, шел еще один длинный, взбирающийся вверх прямой отрезок, и в конце его узкое местное шоссе переходило в Скайлайн-роуд, главную улицу Сноуфилда.

Лиза с жадным любопытством всматривалась вперед, через испещренное полосами от разбившихся насекомых ветровое стекло. Городок явно произвел на нее впечатление.

— Это вовсе не то, что я ожидала!

— А что ты ожидала?

— Ну, знаешь, что-нибудь вроде скопления безобразных мотелей с неоновыми вывесками, массу бензоколонок, что-нибудь в этом роде. А тут так симпатично!

— У нас очень жесткие правила застройки,— сказала Дженни.— Неоновые вывески запрещены. Пластмассовые щиты и знаки тоже. Никаких кричащих цветов, никаких кафе, которые были бы выстроены в форме кофейника.

— Тут здорово,— сказала Лиза, глазея с любопытством по сторонам, пока они медленно ехали по городу.

Вся уличная реклама ограничивалась лишь грубо обструганными, выдержанными в деревенском стиле досками, на которых было написано название заведения и то, чем оно занимает-

ся. Архитектура была несколько эклектичной — можно было видеть дома, выстроенные в норвежском, швейцарском, баварском, франко-альпийском и итало-альпийском стилях,— но каждое здание было выдержано в стиле, принятом в той или иной горной стране или местности. Широко использовались самые разные строительные материалы и приемы отделки: камень и кирпич, дерево и шифер, прошлифенные или искусственно состаренные брусья и доски, цветное и затемненное стекло, оконные рамы с разнообразными вычурными переплетами. Жилые дома, выстроившиеся вдоль дальнего конца Скайлайн-роуд, выставляли напоказ цветочные ящики под окнами, балконы и парадные крылечки с перилами, под которыми красовались причудливые решетки.

— Очень красиво,— сказала Лиза. Они ехали в гору, в сторону лыжных подъемников, что были установлены в противоположной от въезда части города.— А тут всегда так тихо?

— Ну нет,— ответила Дженни.— Зимой тут бывает очень оживленно и...

Она не закончила фразу, внезапно поняв, что городок выглядит не просто тихим, но мертвым.

Обычно в сентябрьское воскресенье, после обеда, когда на улице тепло и сухо, кто-нибудь из местных жителей обязательно прогуливался бы по вымощенным булыжником тротуарам, кто-нибудь сидел бы на крыльце дома или на одном из балконов, что выходили на Скайлайн-роуд. Приближалась зима, и горожане очень ценили эти последние погожие деньки. Сегодня же, хотя вечер еще только начинался, на балконах, тротуарах, возле домов не было ни одного человека. Даже в тех домах и магазинах, где горел свет, не было никаких признаков жизни. Единственной машиной, движущейся по довольно длинной улице, был «понтиак» Дженни.

Она затормозила перед знаком «Стоп» возле первого перекрестка. Здесь Скайлайн-роуд пересекала Сент-Мориц-уэй, которая шла на три квартала к востоку и на четыре к западу от главной улицы. Дженни посмотрела в обе стороны, но и там никого не было видно.

Следующий квартал вдоль Скайлайн-роуд был тоже совершенно пустынен. Как и следующий за ним.

— Странно,— сказала Дженни.

— Наверное, по телевизору показывают что-нибудь потрясное,— проговорила Лиза.

— Наверное.

Они миновали «Горный вид», стоящий на углу Скайлайн-роуд и Вейл-лэйн. В ресторане горел свет, но внутри — это было отлично видно сквозь большие окна — не было ни души. Местные жители любили заглядывать в «Горный вид» и зимой, и в межсезонье, и потому было очень необычно, чтобы в такое время дня ресторан стоял совершенно пустой. Не видно было даже официанток.

Лиза, кажется, уже потеряла интерес к этой противоестественной тишине, хотя она первая обратила на нее внимание. Но сейчас она снова во все глаза смотрела по сторонам и восторгалась зданиями необычной архитектуры.

Дженни, однако, не могла поверить, будто все жители городка действительно засели перед телевизорами, как предположила Лиза. Озадаченная, она, нахмурившись, медленно ехала в гору, вглядываясь по дороге в каждое окно. Но нигде не было видно ни малейших признаков жизни.

Сноуфилд протянулся вдоль своей идущей снизу вверх главной улицы на шесть кварталов. Дом Дженни находился в центре самого дальнего квартала, с западной стороны Скайлайн-роуд, там, где начинались лыжные подъемники. Это было двухэтажное шале, выстроенное из камня и дерева, с тремя мансардными окнами с той стороны чердака, которая была обращена к улице. Причудливо изломанная, крытая шифером крыша была выкрашена в серый, синий и черный цвета. Дом стоял позади живой изгороди из вечнозеленого кустарника, высотой примерно по грудь взрослого человека, футах* в двадцати от мощеного тротуара. На углу, возле входа, был врыт столбик, на котором висела табличка: «ДЖЕНИФЕР ПЭЙДЖ, доктор медицины» и стояли часы приема.

Дженни припарковала «понтиак» на дорожке перед гаражом.

— Отличный домик! — восхитилась Лиза.

Это был первый дом, который смогла приобрести Дженни за всю свою жизнь, и она любила его и гордилась им. Один толь-

* 1 фут (1/2 ярда, 12 дюймов) равен 0,3048 м.— *Здесь и далее прим. пер.*

ко вид этого дома пробуждал в ней самые теплые чувства и действовал успокаивающе, и на какое-то время Дженни позабыла о той странной тишине, что, подобно одеялу, опустилась на весь Сноуфилд и накрыла его.

— Ну, он для меня немножечко мал, особенно если учесть, что половину первого этажа занимают мой кабинет и приемная. И принадлежит он в большей мере банку, чем мне. Но у него есть свое лицо, правда?

— А то! — подтвердила Лиза.

Они вышли из машины, и Дженни обнаружила, что с заходом солнца подул холодный ветер. На ней были джинсы и зеленый свитер с длинными рукавами, тем не менее она задрожала. В горах Сьерры осенью теплые, приятные дни всегда сменялись как бы контрастирующими с ними холодными, даже морозными ночами.

Она потянулась, расправляя мышцы, одеревеневшие за время долгой поездки, потом захлопнула дверцу машины. Звук захлопывающейся дверцы эхом отозвался наверху, в горах, и внизу, в городке. И это был единственный звук, раздавшийся в сумеречной тишине.

Дженни постояла минуту-другую возле багажника «понтиака», глядя вдоль Скайлайн-роуд в сторону центра Сноуфилда. Все было по-прежнему неподвижно.

— Я бы могла здесь жить вечно,— заявила Лиза, обхватывая себя руками от холода, но радостно вглядываясь в открывшийся ее взгляду городок внизу.

Дженни прислушалась. Эхо, вызванное хлопком дверцы, растаяло, но на смену ему не возник никакой другой звук. Только легкие, в южную сторону, дуновения ветра.

Бывает тишина — и тишина: различные ее разновидности не похожи друг на друга. Скорбная тишина в обитой черным бархатом и устланной толстыми коврами похоронной конторе сильно отличается от мрачной, холодной и жуткой скорбной тишины в спальне вдовы. Дженни казалось очень странным, что царившая в Сноуфилде тишина как будто бы несла на себе отпечаток скорби. Она, однако, не могла понять, чем вызвано у нее такое ощущение да и откуда оно вообще возникло. Она подумала о той тишине, которая бывает теплой летней ночью и которая на самом деле вовсе не тишина, но причудливое сочетание хлопанья крыльев бьющейся о стекло ночной бабочки, стрекота сверчков и чьих-то шорохов в траве, потрескиваний на веранде и других с трудом различимых звуков. В безмолвной дремоте Сноуфилда тоже было нечто похожее, она рождала ощущение, что где-то рядом идет лихорадочная деятельность — что-то движется, звучат голоса, кто-то с кем-то борется,— но все это происходит на грани и за гранью человеческого восприятия. Однако было в этом безмолвии и нечто большее. Есть ведь еще и особая тишина зимней ночи — тишина глубокая, холодная и бессердечная, но скрывающая в себе ожидание, что по весне все взорвется звуками пробуждающейся, растущей жизни. В *этом* безмолвии тоже было скрыто ожидание, и оно-то и вселяло в Дженни чувство тревоги.

Ей захотелось окликнуть: «Кто тут?» Но она не стала этого делать, на ее крик могли выйти соседи, которые сейчас спокойно сидят по своим домам, и тогда она оказалась бы в глупом положении. А врач, который в понедельник на виду у всех повел себя глупо, во вторник лишился бы практики.

— ...Жить здесь вечно, всегда-всегда,— говорила Лиза, все еще не в состоянии прийти в себя от восторга, вызванного красотой этого горного городка.

— А тебя ничего... не настораживает? — спросила Дженни.

— Что именно?

— Тишина.

— Что ты, мне она нравится! Здесь так спокойно.

Вокруг *действительно* было спокойно. Ни малейшего признака беды, никаких причин для волнений.

«Тогда отчего же мне так чертовски не по себе?» — подумала Дженни.

Она открыла багажник и достала оттуда вначале один чемодан Лизы, потом другой.

Лиза подхватила второй чемодан и полезла в багажник за сумкой с книгами.

— Не перегружайся,— сказала Дженни.— Все равно придется еще пару раз сходить.

По лужайке они прошли до выложенной камнем дорожки и направились по ней к парадному крыльцу, вокруг которого в янтарно-красных лучах заходящего солнца пролегли уже во все стороны удлиняющиеся тени, чем-то напоминающие расходящиеся лепестки ночного цветка.

Дженни открыла входную дверь и вошла в темную прихожую.

— Хильда, мы приехали!

Никакого ответа.

Единственный свет в доме горел в дальнем конце холла, за открытой дверью, что вела на кухню.

Дженни поставила чемоданы на пол и включила свет в холле.

— Хильда?!

— А кто такая эта Хильда? — спросила Лиза, бросая свой чемодан и сумку с книгами.

— Моя экономка. Она знала, в котором примерно часу мы должны приехать. Я думала, что она уже накрывает на стол.

— Ого, экономка! И она постоянно тут живет?

— У нее квартира над гаражом,— ответила Дженни, кладя сумочку и ключи от машины на небольшой столик под огромным зеркалом в бронзовой раме.

На Лизу эти слова произвели впечатление.

— Ого! А ты что, богатенькая?

— Да нет,— засмеялась Дженни.— На самом-то деле экономка мне не по средствам. Но и без нее я тоже не могу обойтись.

Недоумевая, почему на кухне горит свет, если Хильды там нет, Дженни направилась туда через холл. Лиза почти вплотную шла за ней следом.

— Мне надо строго выдерживать часы приема, да еще выезжать на срочные вызовы на дом в три других городка в здешних горах. Если бы не Хильда, мне пришлось бы питаться одними бутербродами.

— Она хорошо готовит? — спросила Лиза.

— Великолепно. А десерты так даже слишком хорошо.

Кухня была большая, с высоким потолком. В центре нее была устроена рабочая зона — гриль и рабочие столы,— по периметру которой на полке из сверкающей нержавеющей стали стояли, лежали и висели кастрюли, сковородки, черпаки, большие ложки и всевозможные приспособления. Шкафы были сделаны из темного дуба, верхняя часть столов покрыта керамической плиткой. В дальнем углу кухни стояли двойная мойка, большая, двойного размера плита, микроволновая печь и холодильник.

Войдя в дверь, Дженни сразу же повернула влево, к секретеру, за которым Хильда составляла меню и списки того, что необходимо будет купить. Именно здесь она должна была оставить им записку. Но никакой записки тут не оказалось, и Дженни уже направилась обратно, когда вдруг услышала потрясенное «ах!» Лизы.

Девочка прошла к дальнему углу центральной рабочей зоны и сейчас стояла возле холодильника, уставившись на что-то, что лежало на полу около мойки. Лицо у нее было мертвенно-бледным, ее всю трясло.

Почувствовав вдруг прилив необъяснимого ужаса, Дженни быстро обогнула центральную часть кухни и подошла к сестре.

На полу на спине лежала Хильда Бек. Она была мертва. Ничего не видящими глазами она уставилась в потолок, а между сведенных судорогой губ был зажат кончик языка, сейчас уже обескровленного и обесцветившегося.

Лиза оторвала взгляд от мертвой женщины, перевела его на Дженни, попыталась что-то сказать, но не смогла произнести ни звука.

Дженни схватила сестру под руку и оттащила ее в противоположную часть кухни, откуда труп не был виден. Там она обняла Лизу.

Лиза тоже обняла ее и прижалась к ней. Крепко. Изо всех сил.

— Как ты себя чувствуешь, малышка?

Лиза ничего не ответила. Ее продолжало трясти.

Всего лишь шесть недель назад, в Ньюпорт-Бич, вернувшись как-то в начале вечера из кино домой, Лиза вот так же обнаружила в кухне на полу свою мать, умершую от массированного кровоизлияния в мозг. Для девочки рухнул сразу весь мир. Она никогда не знала отца, скончавшегося, когда ей было всего два года, и поэтому всегда была необычайно близка с матерью. Утрата глубоко потрясла ее, на какое-то время ввергла в депрессию и вытеснила из ее сознания все остальное. Постепенно, однако, Лиза примирилась со смертью матери, научилась снова улыбаться и смеяться. В последние несколько дней она, кажется, вновь стала самой собой. А теперь вот это.

Дженни отвела девочку к секретеру, усадила ее, а сама присела перед ней на корточки. Она вытянула бумажную салфетку

из стоявшей на столе пачки «Клинекса» и промокнула выступивший у сестры на лбу холодный пот. Лиза была не только мертвенно-бледна, но и холодна, как лед.

— Что сделать, сестричка?

— Н-н-ничего, сейчас все пройдет,— дрожащим голосом ответила Лиза.

Они взялись за руки. Хватка Лизы была сильной, почти до боли.

Спустя какое-то время она проговорила:

— Мне показалось... Когда я увидела ее здесь... вот так, на полу... мне показалось... смешно, но показалось... будто это мама.— Глаза у Лизы были полны слез, но она не давала себе расплакаться.— Я з-з-знаю, что мама умерла. И эта женщина на нее даже не похожа. Но это было... так неожиданно... так страшно... я так растерялась.

Они продолжали держать друг друга за руки, и постепенно судорожная хватка Лизы ослабевала.

Через некоторое время Дженни спросила ее:

— Тебе лучше?

— Да. Немного.

— Хочешь прилечь?

— Нет.— Она отпустила руку Дженни, чтобы вытащить салфетку из коробки «Клинекса», вытерла нос и посмотрела в ту сторону, где лежало тело.— Это Хильда?

— Да,— ответила Дженни.

— Как жалко...

Дженни очень любила Хильду Бек и в глубине души была потрясена ее смертью. Но в этот момент больше всего на свете ее волновала Лиза.

— Сестричка, думаю, будет лучше всего, если ты отсюда уйдешь. Посиди пока в моем кабинете, ладно? А я тем временем осмотрю тело. А потом надо будет вызвать шерифа и коронера.

— Я побуду здесь с тобой.

— Будет лучше, если...

— Нет! — воскликнула Лиза, и ее снова затрясло.— Я не хочу быть одна.

— Ну ладно,— успокаивающим тоном сказала Дженни.— Посиди здесь.

— Господи...— со страхом проговорила Лиза.— Как она выглядит... вся раздувшаяся... черно-синяя. А какое у нее выражение на лице.— Лиза вытерла глаза тыльной стороной ладони.— Почему она вся черная и так раздулась?

— Ну, она явно умерла уже несколько дней назад,— ответила Дженни.— Но, знаешь что, тебе сейчас лучше не думать о таких вещах...

— Если она умерла уже несколько дней назад,— дрожащим голосом спросила Лиза,— то почему же здесь не воняет? Тут ведь должно вонять, верно?

Дженни нахмурилась. Конечно, здесь должно было вонять, если Хильда Бек умéрла так давно, что тело ее успело уже потемнеть и раздуться. Здесь *обязательно* должно было вонять. Но никакого запаха не было.

— Дженни, что с ней *произошло*?

— Я еще не знаю.

— Я боюсь.

— Не бойся. Сейчас уже нечего бояться.

— Какое у нее выражение на лице,— проговорила Лиза.— Просто ужасное.

— Как бы она ни умерла, это должна была быть быстрая смерть. Не похоже, чтобы она мучилась или с кем-то боролась. И ей, судя по всему, было не очень больно.

— Но... впечатление такое, словно в момент смерти она кричала.

Глава 3
МЕРТВАЯ ЖЕНЩИНА

Дженни Пэйдж никогда не видела трупа, хотя бы отдаленно похожего на тот, что лежал сейчас перед ее глазами. Ни учеба в колледже, ни ее собственная врачебная практика не подготовили ее к встрече с таким феноменом, какой представляло собой тело Хильды Бек. Дженни опустилась рядом с трупом на корточки и принялась рассматривать его, испытывая одновременно грусть, отвращение и любопытство. И чем дольше она изучала его, тем сильнее становилось ее любопытство и тем быстрее росло изумление.

Лицо мертвой женщины раздулось; круглое, гладкое, даже как будто блестящее, оно напоминало сейчас карикатуру на то,

какой была Хильда Бек при жизни. Тело тоже вздулось, туго натянув в некоторых местах ливы серо-желтого домашнего платья, в котором она обычно хлопотала по хозяйству. Там, где были видны отдельные участки тела — на шее, на кистях и в нижней части рук, на икрах ног и коленях,— ткани казались мягкими и внешне естественными для пролежавшего несколько дней трупа. Складывалось, однако, впечатление, что это вздутие не было следствием обычного при начинающемся распаде обильного выделения газов. Во-первых, живот должен был быть уже наполнен газом и раздут гораздо сильнее, чем остальные части тела; он, однако, вздулся очень умеренно. А кроме того, отсутствовал характерный трупный запах.

При более близком и внимательном осмотре складывалось также впечатление, что и кожа — темная, покрытая крапинками — стала такой не в результате распада тканей. Дженни не могла обнаружить никаких явных, зримых признаков начавшегося разложения: не было ни повреждений, ни волдырей, ни вскрывшихся гнойников. Признаки физического распада и разложения обычно быстрее всего проявляются на глазах трупа, потому что они состоят из относительно мягких тканей. Но широко раскрытые, смотрящие вверх глаза Хильды Бек были в безупречном состоянии. Белки были совершенно чистыми, не пожелтевшими и не обесцвеченными из-за разрыва кровеносных сосудов. Зрачки тоже были абсолютно ясными и сохраняли мягкий голубой цвет, на них не было даже обычной посмертной мутной пленки.

При жизни глаза Хильды всегда лучились добротой и жизнелюбием. Это была седая шестидесятидвухлетняя женщина с очень милым и приятным лицом, всем своим обликом и манерами напоминавшая добрую бабушку. Говорила она с легким немецким акцентом, голос у нее был удивительно мягкий и певучий. Прибираясь в доме или готовя что-нибудь на кухне, она часто напевала; и она умела находить радость и удовольствие в самых простых вещах.

Дженни почувствовала вдруг острый приступ горя и скорби и поняла, как будет ей не хватать Хильды. Она закрыла глаза и посидела так некоторое время, не в силах смотреть на труп. Потом взяла себя в руки, подавила уже готовые было пролиться слезы. Наконец, восстановив в себе способность к профессиональной отстраненности, она открыла глаза и продолжила осмотр.

Чем дольше смотрела она на тело, тем больше складывалось у нее впечатление, будто вся кожа трупа покрыта *синяками и кровоподтеками*. Об этом свидетельствовал цвет кожи: местами она была черная, местами синяя или темно-желтая, причем цвета эти переходили один в другой. Но и таких ушибов Дженни тоже не доводилось видеть. Насколько она могла судить, ушиблено было *все тело*; не было ни одного кусочка кожи, на котором не было бы синяков. Дженни осторожно взялась за рукав платья и подняла его вдоль вздувшейся руки настолько, насколько это удалось. Но и под руками поверхность кожи была точно такой же, и Дженни стала подозревать, что, видимо, все тело представляло собой один невообразимый синяк.

Она еще раз посмотрела на лицо миссис Бек. И здесь тоже вся поверхность кожи была в кровоподтеках. Бывает, жертвы серьезных автомобильных катастроф получают такие повреждения, в результате которых у них тоже *почти все* лицо оказывается сплошным кровоподтеком; но это всегда сопровождается более тяжелыми травмами — переломами носа, челюсти, разрывом губ... Как же получилось, что при столь страшных синяках у миссис Бек нет никаких других, более серьезных ранений?

— Дженни? — окликнула ее Лиза.— Почему ты так долго?

— Я уже скоро. Посиди пока там.

Тогда... возможно, ушибы, покрывающие тело миссис Бек, не были результатом каких-то внешних ударов? Могло ли получиться так, что этот страшный цвет кожи был вызван не ушибами, а давлением изнутри тела, отеком подкожных тканей? В конце концов, такой отек очевиден. Однако, чтобы вызвать подобные синяки, он должен был произойти мгновенно и с огромной силой. Но, черт возьми, это же невозможно! Живая ткань не может вспухнуть с такой скоростью. Конечно, при некоторых аллергиях бывает быстрый отек, это их симптом; самый тяжелый отек такого рода бывает при сильной аллергической реакции на пенициллин. Однако Дженни не знала ничего, что могло бы вызвать столь внезапный и мощный отек тканей, результатом которого стало бы превращение всего тела в один огромный, ужасающий синяк.

И даже если тот отек, который она видела, не был обычным, простым, классическим посмертным вздутием — а Дженни была уверена, что он им не был,— и если он был причиной синяков и кровоподтеков, то что же, о господи, могло послужить причиной самого этого отека? Аллергическую реакцию Дженни исключала.

Если причиной был яд, то наверняка какой-то очень экзотический. Но каким образом столь необычный яд мог попасть к Хильде? Врагов у нее не было. Сама мысль о том, что кто-то захочет ее убить, казалась абсурдом. И если ребенок еще мог бы потащить что-то незнакомое в рот, чтобы попробовать его на вкус, то Хильда подобной глупости наверняка бы не сделала. Нет, это был не яд.

Болезнь?

Но если это действительно была болезнь, бактериальная или вирусная, то она была совершенно не похожа на все то, чему учили Дженни. А что, если она окажется заразной?

— Дженни! — позвала Лиза.

Болезнь.

Испытывая чувство облегчения от того, что она не прикасалась непосредственно к телу, и запоздало сожалея о том, что все-таки дотронулась до рукава платья, Дженни тяжело поднялась, покачнулась на слегка затекших ногах и, сохраняя равновесие, отступила на шаг от трупа.

По всему ее телу пробежали холодные мурашки.

Только сейчас она обратила внимание на то, что лежало на разделочной доске рядом с мойкой. Там были четыре крупные картофелины, кочан капусты, несколько морковок, нож для очистки овощей и длинный нож для резки. В тот момент, когда ее настигла смерть, Хильда была занята готовкой. Все произошло совершенно внезапно. Бах! — и конец. Совершенно очевидно, что она не была больна и вообще не предчувствовала ничего подобного. Ежу ясно, что болезнь не могла быть причиной столь внезапной смерти.

Какая болезнь приводит к смерти без того, чтобы предварительно пройти через стадии заражения, плохого самочувствия, постепенного упадка сил и физического увядания? Никакая. Ни одна из тех, что известны современной медицине.

— Дженни, давай уйдем отсюда,— попросила Лиза.

— Тихо! Погоди минутку. Дай мне подумать,— ответила Дженни, облокачиваясь на стол и продолжая рассматривать мертвую женщину.

Где-то в глубине сознания у Дженни шевелилась еще не определившаяся, но уже пугающая мысль: чума. Бубонная и некоторые другие разновидности чумы иногда встречались в Калифорнии и на Юго-Западе. За последние годы было около полудюжины сообщений о таких случаях. Теперь, однако, редко кто умирал от чумы: она излечивалась стрептомицином, хлорамфениколом или любым из тетрациклинов. Для некоторых разновидностей чумы характерно появление сыпи: маленьких красных зудящих точек на коже. При очень тяжелых формах болезни сыпь бывает почти черной и распространяется чуть не по всему телу: во времена средневековья эту болезнь так и называли — «черная смерть». Но может ли сыпь выступить в таком количестве, чтобы все тело почернело полностью, как у Хильды?

А кроме того, Хильда умерла внезапно, в тот момент, когда занималась готовкой; у нее не было ни рвоты, ни лихорадки, ни недержания — а это исключало чуму. Это исключало вообще любую из известных инфекционных болезней.

Но не было и никаких явных признаков того, что на Хильду Бек было совершено нападение. Ни кровоточащих огнестрельных ран. Ни ран от холодного оружия. Никаких признаков того, что экономку забили насмерть или задушили.

Дженни обошла вокруг тела и подошла к мойке. Она дотронулась до капусты и с удивлением обнаружила, что кочан еще холодный. Он пролежал на разделочной доске не больше часа.

Отвернувшись от стола, Дженни снова посмотрела на тело Хильды, но теперь уже с ужасом.

Эта женщина умерла не больше часа назад. Если дотронуться до ее тела, то оно еще, наверное, теплое.

Но что же ее убило?

Сейчас Дженни оказалась не ближе к ответу, чем тогда, когда только начинала осмотр. И хотя болезнь вряд ли могла быть причиной этой смерти, полностью исключить такую возможность Дженни не могла. Мысль, что это окажется нечто очень заразное, пугала ее.

Стараясь не показать своей озабоченности Лизе, Дженни проговорила:

— Пойдем, голубушка. Я позвоню из своего кабинета.

— Ничего, мне уже лучше,— ответила Лиза, но сразу же поднялась, явно желая как можно быстрее уйти из кухни.

Дженни обняла сестру, и они вышли.

Во всем доме стояла какая-то неземная тишина. Она была столь глубокой, что даже шорох шагов сестер по ковру по контрасту с ней казался громом.

Кабинет Дженни, хотя его и освещали установленные на потолке люминесцентные лампы, оказался вовсе не таким холодным и обезличенным, какие предпочитают большинство из современных врачей. Наоборот, он был выдержан в старомодном стиле кабинета сельского доктора и как будто сошел с картин Нормана Роквелла, репродукции с которых печатает «Сэтердей ивнинг пост». Книжные полки были до отказа забиты литературой и медицинскими журналами. Вдоль стен стояли шесть старинных деревянных шкафов для историй болезни; в свое время Дженни удалось купить их на аукционе по очень сходной цене. На стенах были развешаны ее дипломы, анатомические схемы и две большие акварели с видами Сноуфилда. Рядом с запертым шкафом для лекарств стояли аптекарские весы, около них, на небольшом столике,— коробка с дешевыми игрушками — маленькими пластмассовыми машинками, солдатиками, куколками — и с жевательной резинкой без сахара; все это раздавали в качестве наград, а иногда и взяток тем детям, которые не ревели во время осмотра.

Главной вещью в кабинете был громоздкий, темный, местами поцарапанный, сосновый письменный стол. Дженни подвела сюда Лизу и усадила ее в стоявшее возле стола большое кожаное кресло.

— Извини меня,— сказала девочка.

— Извинить? — удивилась Дженни, садясь на край стола и придвигая к себе телефон.

— Извини, что я расклеилась. Но когда я увидела... это тело... я... ну... со мной приключилась истерика.

— Никакой истерики у тебя не было. Ты была просто потрясена и испугана, что совершенно естественно.

— Но *ты* же не была ни потрясена, ни испугана.

— Я была,— сказала Дженни,— и не просто потрясена — *ошеломлена*.

— Но ты ведь не перепугалась так, как я.

— Перепугалась. Я и сейчас еще боюсь.— Немного поколебавшись, Дженни решила, что не должна все-таки скрывать от сестры правду, и рассказала ей о возможности заражения чем-то неизвестным.— Я не думаю, что это и *вправду* какая-то болезнь. Но я могу и ошибаться. А если я ошибаюсь...

Девочка смотрела на Дженни широко раскрытыми от удивления глазами.

— Ты перепугалась так же, как я, но ты просидела там столько времени, осматривая тело! Господи, я бы так не могла. Только не я. Никогда.

— Ну, голубушка, я же *врач*. Меня ведь этому учили.

— Все равно...

— Ни капельки ты не расклеилась,— заверила ее Дженни.

Лиза согласно кивнула, но было видно, что слова сестры не убедили ее.

Дженни подняла трубку телефона, намереваясь позвонить вначале в полицейский участок Сноуфилда, а потом коронеру в Санта-Миру, главный город их округа. Гудка не было, в трубке слышался только слабый свистящий шорох. Она постучала по рычагу, но линия по-прежнему молчала.

В том, что телефон вышел из строя именно тогда, когда на кухне лежала мертвая женщина, было нечто зловещее. В конце концов, возможно, что миссис Бек *действительно* убили. Если кто-то перерезал телефонную линию, пробрался в дом, если он тихо и осторожно подкрался к Хильде... ну... он мог бы ударить ее в спину длинным ножом, который вошел бы достаточно глубоко, попал ей в сердце, и тогда наступила бы мгновенная смерть. В этом случае рана оказалась бы не видна, если только не перевернуть труп со спины на живот. Но тогда неясно, почему совсем нет крови. Неясно, почему опухли внутренние ткани и откуда взялся этот сплошной кровоподтек. Но все-таки на спине у экономки могла быть рана, а поскольку она умерла не больше часа тому назад, то вполне возможно, что убийца — если это *действительно* убийца — еще находится где-нибудь здесь, в доме.

«Кажется, у меня просто разыгрывается воображение»,— подумала Дженни.

Но все же она решила, что ей и Лизе лучше всего сейчас же уйти из дома.

— Придется сходить к соседям, к Винсу и Энджи Сантини, и попросить разрешения позвонить от них,— спокойно сказала Дженни, поднимаясь с краешка стола.— Наш телефон не работает.

Лиза удивленно замигала.

— А это как-нибудь связано с тем... с тем, что произошло?

— Не знаю,— ответила Дженни.

Она направилась к полуприкрытой двери кабинета, сердце ее при этом колотилось вовсю: она думала о том, не притаился ли кто-нибудь по другую сторону двери.

— Но если телефон испортился именно сейчас... это ведь несколько странно, верно? — проговорила Лиза, идя вслед за Дженни.

— Пожалуй.

Дженни почти ожидала увидеть за дверью какого-нибудь высоченного незнакомца с ножом и со зловещей ухмылкой на лице. Одного из тех ненормальных, которых в наше время, кажется, развелось в изобилии. Какого-нибудь очередного Джека Потрошителя, чьи кровавые дела заполняют программы телевизионных новостей.

Прежде чем рискнуть выйти в холл, она выглянула туда, готовая отпрыгнуть назад и захлопнуть дверь, если кого-нибудь увидит. Но там никого не было.

Взглянув краем глаза на Лизу, Дженни увидела, что девочка все поняла.

Они быстро прошли через холл к входной двери. Когда они поравнялись с лестницей, ведущей на второй этаж, нервы Дженни были напряжены до предела. Убийца — а он вряд ли на самом деле существует, отчаянно успокаивала она себя,— мог притаиться на лестнице, и тогда ему были бы хорошо слышны их шаги. Он мог броситься на них сверху, сзади, когда они проходили мимо него к двери. Броситься, высоко подняв руку с зажатым в ней ножом...

Но на лестнице никто их не подкарауливал.

И в холле тоже. И на крыльце.

На улице уже сгустились сумерки, быстро переходившие в ночь. Свет солнца еще был багряным, но отовсюду, откуда оно

уже ушло, из десятков тысяч укромных местечек протянулись тени, похожие на целую армию зомби. Через десять минут станет совсем темно.

Глава 4
В ДОМЕ СОСЕДЕЙ

Дом супругов Сантини, из камня и калифорнийской секвойи, был построен по более современному проекту, чем дом Дженни. Все углы в нем были закруглены, поверхностей, пересекающихся под острым углом, не было вовсе. Он стоял на фоне высоких сосен, словно вырастая из каменистого грунта и вписываясь своими очертаниями в склон горы, и впечатление было такое, будто этот дом не построен, но возник здесь каким-то естественным образом. В нескольких комнатах первого этажа горел свет.

Входная дверь была приоткрыта. Из дома доносилась классическая музыка.

Дженни позвонила и отошла на несколько шагов от двери, туда, где стояла Лиза. Она считала, что им не следует подходить слишком близко к супругам Сантини: вполне возможно, что они уже заразились чем-то, просто побывав в той самой кухне, где лежит труп миссис Бек.

— Лучших соседей и пожелать невозможно,— сказала она Лизе, мечтая, чтобы рассосался и исчез тот твердый и холодный комок, который она ощущала внутри себя.— Прекрасные люди.

На их звонок никто не вышел.

Дженни подошла к двери, снова нажала кнопку звонка и отступила назад к Лизе.

— У них в городе два магазина: сувениров и лыжных принадлежностей.

Музыка играла, то немного затихая, то становясь громче. Это был Бетховен.

— Наверное, никого нет дома,— проговорила Лиза.

— Кто-то там должен быть. Музыка, свет горит...

Внезапный и резкий порыв ветра вдруг закрутился вихрем под крышей крыльца, и порожденные им звуки слились с нотами Бетховена, превратив прекрасную музыку в неприятный дисгармонический шум.

Дженни распахнула дверь до отказа. Молочный люминесцентный свет лился через открытую дверь кабинета в холл с дубовыми паркетными полами и освещал небольшое пространство возле двери гостиной, в остальном погруженной во мрак.

— Энджи? Винс? — позвала Дженни.

Никакого ответа.

Только Бетховен. Ветер стих, и разрушенная было музыка снова возродилась в наступившей тишине. Третья симфония, «Героическая».

— Эй? Дома кто-нибудь?

Прозвучали заключительные аккорды симфонии, и, когда стих последний звук, музыка прекратилась. Стереопроигрыватель явно выключился сам.

— Эй?

Ничего. Ночь за спиной у сестер хранила полное молчание, и дом перед ними молчал тоже.

— Ты туда не пойдешь, правда? — обеспокоенно спросила Лиза.

Дженни посмотрела на девочку.

— А в чем дело?

Лиза прикусила губу.

— Что-то здесь не так. Ты ведь и сама это чувствуешь, верно?

Немного поколебавшись, Дженни неохотно призналась:

— Да. Чувствую.

— Такое ощущение... словно мы здесь одни... только ты и я... и в то же время... *не* одни.

У Дженни *действительно* было очень странное чувство, что за ними наблюдают. Она обернулась и внимательным, изучающим взглядом обвела лужайку и кусты, уже почти полностью погруженные во тьму. Потом посмотрела на окна. Свет горел только в кабинете, все остальные окна были закрыты и темны, их стекла слегка поблескивали. В темноте, за этими стеклами, мог скрываться кто угодно. И если он там действительно был, то ему все было видно прекрасно, сам же он оставался невидимым.

— Пойдем, пожалуйста,— сказала Лиза.— Пойдем, позовем полицию или еще кого-нибудь. Ну *пойдем же!* Пожалуйста.

Дженни отрицательно покачала головой.

— Мы с тобой просто перевозбуждены. И у нас разыгралось воображение. Мне нужно зайти посмотреть, вдруг там кто-нибудь ранен — Энджи, Винс или кто-нибудь из ребят...

— Не надо! — Лиза схватила Дженни за руку, пытаясь ее не пустить.

— Я врач. Я обязана помочь.

— Но если ты подхватила от миссис Бек микроб или что-нибудь еще, ты можешь их всех заразить. Ты же сама так сказала.

— А что, если они умирают сейчас от того же, от чего умерла Хильда? Что тогда? Может быть, им нужна медицинская помощь.

— Мне кажется, что это не болезнь,— мрачно сказала Лиза, выражая вслух мысли и самой Дженни.— Это нечто худшее.

— Что может быть хуже?

— Не знаю. Но... я это *чувствую*. Нечто гораздо худшее.

Снова поднялся ветер и зашумел в кустах возле крыльца.

— Ну ладно,— сказала Дженни.— Ты подожди здесь, а я пойду и взгляну на...

— Нет,— мгновенно возразила Лиза.— Если ты пойдешь, то и я с тобой.

— Голубушка, не считай, что ты расклеиваешься, если ты...

— Я с тобой,— повторила девочка, отпуская руку Дженни.

— Пошли.

Они вошли в дом.

Остановившись в холле, Дженни посмотрела через открытую дверь влево.

— Винс?

Две лампы освещали теплым золотистым светом каждый уголок в кабинете Винса Сантини, но в комнате никого не было.

— Энджи? Винс? Есть тут кто-нибудь?

Ни один звук не нарушал сверхъестественную тишину, однако сама темнота казалась какой-то настороженной, присматривающейся, выжидающей — словно она была громадным притаившимся зверем.

Гостиная справа от Дженни была погружена в непроницаемый мрак. С противоположной стороны гостиной узкие полоски света проникали сквозь щели неплотно прикрытых две-

рей, ведущих в другие комнаты, но этот слабый свет не мог рассеять глубокую темноту, царившую по эту сторону дверей.

Дженни нащупала на стене выключатель и включила свет. Гостиная была пуста.

— Вот видишь,— сказала Лиза,— никого нет дома.

— Пойдем посмотрим в столовой.

Они пересекли гостиную, обставленную удобными бежевыми диванами и элегантными изумрудно-зелеными креслами в стиле королевы Анны, с широкими, напоминающими крылья подлокотниками. В углу, возле стены, не бросаясь в глаза, стоял музыкальный центр с проигрывателем и магнитофоном. Отсюда-то и доносилась музыка, которую они слышали: хозяева ушли, оставив стереосистему включенной.

Дженни открыла двойные двери, ведущие в столовую,— они слегка скрипнули.

В столовой тоже никого не было, однако горела люстра, освещая необычную сцену. Стол был накрыт к раннему воскресному ужину: лежали четыре большие салфетки, на которых стояли четыре большие мелкие тарелки. Рядом с ними стояли четыре тарелки поменьше, для салата; три из них были абсолютно чистые и блестели, на четвертой лежала порция салата. Около каждого прибора лежали металлические нож и вилка; стояли четыре стакана — два из них были наполнены молоком, один водой, а в четвертом была жидкость янтарного цвета, по-видимому яблочный сок. В воде и соке плавали лишь чуть-чуть подтаявшие кубики льда. В центре стола стояло то, что было приготовлено на ужин: большая миска с салатом, блюдо с окороком, керамический горшок с запеченным в нем картофелем и большое блюдо с морковью и зеленым горошком. За исключением миски с салатом, все остальные блюда были не тронуты. Окорок уже остыл. Запеченная сырная корочка поверх картофеля была цела, и когда Дженни приложила к горшку руку, то почувствовала, что он еще почти горячий. Все эти блюда поставили на стол не больше часа тому назад; возможно, даже не больше получаса.

— Похоже, они все уходили отсюда в дикой спешке,— сказала Лиза.

— Такое впечатление, что их забрали отсюда вопреки их воле,— проговорила, нахмурившись, Дженни.

Некоторые детали обращали на себя внимание. Например, опрокинутый стул. Он лежал на боку, в нескольких футах от стола. Другие стулья стояли совершенно нормально, но на полу возле одного из них лежали большая раздаточная ложка и двузубая вилка для мяса. На полу в углу комнаты валялась смятая в комок салфетка, причем впечатление было такое, что ее не просто уронили, но *отшвырнули* в сторону. На самом столе была опрокинута солонка.

Все это были мелочи. Ничего особенного. И ничего определенного.

Тем не менее Дженни испытывала беспокойство.

— Забрали вопреки их воле? — удивленно переспросила Лиза.

— Возможно.— Дженни по-прежнему говорила тихо, как и ее сестра. У нее все еще было неприятное ощущение, что рядом с ними постоянно кто-то есть, что он прячется, наблюдая за ними или по меньшей мере подслушивая.

«Ты становишься параноиком»,— предупредила она себя.

— Никогда не слышала о том, чтобы похищали сразу целую семью,— сказала Лиза.

— Н-ну... может быть, я не права. Возможно, кто-то из детей внезапно почувствовал себя плохо и они все уехали в Санта-Миру, в больницу. Или что-нибудь еще в этом роде.

Лиза еще раз внимательно осмотрела комнату, прислушалась к стоявшей в доме могильной тишине и почесала голову.

— Нет, я так не думаю.

— Да и я тоже так не думаю,— призналась Дженни.

Лиза медленно обошла вокруг стола, внимательно разглядывая его, словно ожидала найти где-нибудь оставленное семейством Сантини секретное послание. Страх, который она испытывала раньше, теперь явно уступал место любопытству.

— А знаешь,— проговорила она,— мне все это немного напоминает те странные вещи, о которых я читала в одной книжке. Кажется, она называлась «Бермудский треугольник» или что-то в этом роде. Там говорилось о большом парусном судне «Мария Селеста»... Это было в 1870 году или около того... Так вот, «Марию Селесту» обнаружили, когда она дрейфовала в Атлантике, и там тоже стол был накрыт к обеду, но вся команда исчезла. Судно не было повреждено штормом, в нем не было

течи или каких-либо других неисправностей. У команды явно не было никаких причин покидать судно. А кроме того, все спасательные шлюпки были на борту. Горели сигнальные фонари, были нормально подняты нужные паруса, и стол, как я уже сказала, был накрыт. В общем, все было так, как должно было быть, но только все люди с корабля, до последнего человека, куда-то исчезли. Это одна из самых больших загадок на море.

— Ну, я уверена, что в *этом-то* случае никаких загадок нет,— возразила Дженни, но как-то неуверенно.— Не сгинули же Сантини навечно!

Обойдя половину стола, Лиза вдруг остановилась, глаза у нее широко раскрылись и заморгали.

— А если их и вправду забрали отсюда против воли, это может быть как-то связано со смертью твоей экономки?

— Возможно. Мы пока слишком мало знаем, чтобы что-нибудь утверждать.

Еще более тихим голосом, чем раньше, Лиза спросила:

— А тебе не кажется, что нам надо было бы найти пистолет или что-либо еще, что стреляет?

— Да нет! — Дженни снова посмотрела на остывающую пищу, на рассыпанную соль, на перевернутый стул и отвернулась от стола.— Пойдем, дорогая.

— Куда?

— Посмотрим, работает ли телефон.

Они прошли через дверь, соединявшую столовую с кухней, и Дженни зажгла свет.

Телефон висел на стене около мойки. Дженни подняла трубку, послушала, постучала по рычагу, но гудка не было.

На этот раз, однако, линия не была совсем мертвой, как в ее собственном телефоне. Здесь были слышны легкий свист и шипение, и казалось, что соединение есть, отсутствовал только гудок. Внизу под телефоном была приклеена бумажка с номерами пожарной части и шерифа, однако линия не соединяла.

Дженни уже собиралась было повесить трубку, как вдруг ей показалось, что кто-то на другом конце линии слушает ее.

— Алло? — сказала она в трубку.

Но там раздавалось только отдаленное шипение, чем-то похожее на то, как шипит яичница на сковороде.

— Алло? — повторила она.

Тот же самый отдаленный звук; его еще называют «белым шумом».

Дженни постаралась убедить себя в том, что звук, который она слышит,— это всего лишь обычный звук молчащей телефонной линии. И все-таки ей продолжало казаться, что кто-то прислушивается на другом конце линии к ее молчанию точно так же, как она.

Чепуха какая-то.

Чепуха или нет, но по спине у нее побежали муравьи, и Дженни поспешно положила трубку.

— В таком маленьком городке полицейский участок должен быть где-нибудь недалеко,— то ли спросила, то ли сказала Лиза.

— В двух кварталах отсюда.

— Почему бы нам туда не сходить?

Дженни намеревалась вначале осмотреть весь дом, чтобы убедиться, что члены семьи Сантини не лежат в других комнатах больные или раненые. Но теперь она задумалась: если кто-то *действительно* подслушивал ее по телефону, он вполне мог слушать по параллельной трубке, находящейся где-то в этом же доме. Такая возможность в корне меняла положение. К своим обязанностям врача она относилась очень серьезно. Ей даже нравилась та особая ответственность, с которой была связана ее работа, потому что она принадлежала к числу людей, нуждающихся в постоянном применении своего ума, знаний и способностей. Трудная задача всегда поднимала ей настроение и жизненный тонус. Но сейчас она несла ответственность прежде всего за Лизу, да и за саму себя. Пожалуй, лучше всего будет сходить в полицейский участок, привести сюда Пола Хендерсона, а уже *потом* вместе с ним осмотреть весь дом полностью.

Хоть она и продолжала убеждать себя в том, что у нее просто разгулялось воображение, но она все еще чувствовала на себе чей-то внимательный взгляд: кто-то наблюдал... и выжидал.

— Давай сходим,— сказала она Лизе.— Пошли.

С явным облегчением девочка первой устремилась назад, через столовую и гостиную, к входной двери.

На город уже опустилась ночь. Стало еще прохладнее, чем было в сумерки, а скоро станет просто холодно — температура может упасть до семи—девяти градусов мороза: напоминание

о том, что осень в горах Сьерры проходит очень быстро и что зиме не терпится вступить в свои права.

Вдоль Скайлайн-роуд автоматически зажглись уличные фонари. В окнах и витринах некоторых магазинов тоже заработало ночное освещение: его включали фотоэлементы, чувствительные к наступлению темноты на улице.

Выйдя на тротуар перед домом Сантини, Дженни и Лиза остановились, пораженные открывшейся их взору картиной.

Идущий террасами вниз по склону горы городок с его то островерхими, то плоскими крышами был сейчас, ночью, еще более красив, чем в сумерки. Из нескольких труб поднимался вверх дым, похожий на размытые привидения. В некоторых окнах ярко горел свет. Большинство же окон были темны и, будто черные зеркала, отражали лучи света, что падали на них от уличных фонарей. Под легкими дуновениями ветра деревья слегка колыхались в ритме колыбельной песни, и возникающий при этом шелест напоминал легкие вздохи и тихое сонное бормотание мирно посапывающих во сне детей.

Но внимание к себе приковывала не эта красота. Полная, абсолютная тишина и неподвижность — *вот что* заставило Дженни остановиться. Когда они только приехали сегодня в городок, ей эта тишина и неподвижность показались странными. Теперь они казались ей зловещими.

— Полицейский участок на главной улице,— сказала она Лизе.— В двух с половиной кварталах отсюда.

Они торопливо зашагали в центр Сноуфилда, не подающего никаких признаков жизни.

Глава 5
ТРИ ПУЛИ

В погруженном во мрак здании полицейского участка горела единственная люминесцентная лампа, но раздвижная штанга, на которой она держалась, круто изгибалась вниз, так что свет падал только на крышку письменного стола, оставляя почти всю остальную часть большой комнаты в темноте. Прямо под лучом яркого белого света, поверх книги регистрации происшествий, лежал раскрытый журнал. И если не считать проникавшего через окно слабого отблеска уличных фонарей, в участке была полная темнота.

Дженни открыла дверь и прошла внутрь. За ней вошла и Лиза, стараясь держаться поближе к сестре.

— Эй? Пол? Ты здесь?

Дженни нащупала на стене выключатель, нажала кнопку, включая верхний свет,— и моментально отпрянула назад, увидев то, что лежало прямо перед ней на полу.

Пол Хендерсон. Потемневшая, покрытая синяками и кровоподтеками кожа. Весь опухший. Мертвый.

— О господи! — воскликнула Лиза, быстро отворачиваясь. Пошатываясь, она вернулась к входной двери, оперлась о косяк и стала жадно, большими глотками вдыхать холодный ночной воздух.

Сделав над собой огромное усилие, Дженни подавила начавший было подниматься в ней животный страх и подошла к Лизе. Положив руку на хрупкое плечо сестры, она спросила:

— Как ты себя чувствуешь? Тебя не тошнит?

Казалось, Лиза с трудом сдерживала позывы к рвоте. Наконец она справилась с собой и отрицательно покачала головой.

— Н-нет. Не тошнит. Сейчас все будет хорошо. П-пойдем отсюда.

— Подожди минутку,— сказала Дженни.— Мне хочется сперва взглянуть на тело.

— Быть не может, чтобы тебе этого действительно *хотелось*.

— Ты права. Мне не хочется, но, может быть, я сумею понять, с чем мы тут имеем дело. Постой пока здесь, в дверях.

Дженни вернулась к распростертому на полу трупу и опустилась возле него на колени.

Пол Хендерсон был точно в таком же состоянии, в каком она нашла Хильду Бек. Насколько она могла видеть, каждый квадратный дюйм его кожи представлял собой сплошной кровоподтек. Все тело опухло; лицо было отекшее и искаженное; шея стала толстой, сравнявшись почти с головой; раздувшиеся пальцы рук напоминали сардельки; живот тоже вздулся. Однако Дженни не чувствовала даже самого слабого трупного запаха.

Невидящие вытаращенные глаза особенно выделялись на фоне побагровевшего, испещренного крапинками лица. Эти

глаза в сочетании с широко открытым и перекошенным ртом ясно передавали то чувство, которое испытал погибший перед самой смертью: страх. Как и Хильда, Пол Хендерсон, по-видимому, умер внезапно — но ощутив перед этим приступ сильнейшего, непередаваемого ужаса.

Дженни не относилась к числу близких людей покойного. Она его, конечно же, знала — потому что в таком маленьком городке, как Сноуфилд, все друг друга знают. Он был хорошим полицейским и казался ей приятным человеком. Ей было очень жаль, что его постигла такая страшная участь. Она смотрела в его искаженное лицо и чувствовала, как комок в горле от горя и сострадания становится все больше, заполняя ее тело почти физической болью. Не выдержав, она отвернулась.

Револьвер Хендерсона был не в кобуре. Он лежал на полу, рядом с телом. Это был револьвер сорок пятого калибра.

Она пристально смотрела на револьвер, стараясь понять, что же все это означает. Возможно, он просто выскользнул из кожаной кобуры, когда полицейский упал на пол. Возможно. Но она сомневалась в том, что это было действительно так. Самым очевидным и естественным представлялся ей другой вывод: Хендерсон вытащил револьвер из кобуры сам, чтобы защититься от нападения.

Но тогда, значит, его сразили не яд и не болезнь.

Дженни оглянулась. Лиза все еще стояла возле открытой двери, опираясь о косяк и уставившись на Скайлайн-роуд.

Поднявшись с колен, Дженни отвернулась от трупа и, присев на корточки около револьвера, некоторое время внимательно разглядывала его, пытаясь решить, стоит его трогать или нет. Теперь ее уже не так тревожила возможность заразиться, как при осмотре трупа миссис Бек. Происходящее все меньше и меньше напоминало ей чуму или какую-нибудь иную болезнь. А кроме того, если Сноуфилд и *вправду* поразила какая-то необычная, экзотическая эпидемия, столь сильная и страшная, то к этому времени Дженни уже наверняка заразилась. Стало быть, она ничего не потеряет, если возьмет револьвер в руки и осмотрит его более внимательно. Больше всего ее сейчас волновало, не сотрет ли она при этом отпечатки пальцев преступника, не уничтожит ли какие-нибудь другие важные улики.

Но даже если сам Хендерсон *на самом деле* был убит кем-то, маловероятно, чтобы убийца воспользовался для этого оружием своей жертвы и для удобства следствия оставил на нем свои отпечатки. А кроме того, не похоже, чтобы Пола застрелили. Если здесь кто и стрелял, то, скорее всего, это был сам Пол.

Она подняла револьвер и внимательно осмотрела его. Он был рассчитан на шесть патронов, но три гнезда в барабане были пустыми. Резкий запах сгоревшего пороха подсказал ей, что из револьвера стреляли совсем недавно — сегодня, возможно даже в течение последнего часа.

Она поднялась и, держа револьвер в руке, прошла по комнате, внимательно рассматривая выложенный голубой керамической плиткой пол. Ее взгляд остановился на характерном желтом металлическом блеске: одна гильза, другая, третья. Три стреляные гильзы от использованных патронов.

Ни один из выстрелов не был направлен вниз или в пол. Все начищенные до блеска голубые плитки были невредимы.

Через открывающуюся в обе стороны дверцу в деревянной загородке Дженни прошла в ту часть комнаты, которую полицейские в телевизионных фильмах обычно называют «стойлом». Она двинулась по проходу мимо письменных столов, стоящих друг против друга, и шкафов с документами. Дойдя до центра комнаты, она остановилась и медленно обвела взглядом светло-зеленые стены и белый, сделанный из звукопоглощающего материала потолок, стараясь отыскать следы пуль. Но следов не было видно.

Это удивило ее. Если стреляли не в пол и не в окна — явно не в окна, потому что все стекла были целы,— то ствол должны были направить куда-то в комнату, на уровне пояса или выше. Так куда же пошли пули? Не было видно ни повреждений мебели, ни расщепленного дерева, ни пробитых стальных стенок в сейфах, ни отбитой штукатурки. А Дженни отлично знала, что пуля такого калибра при ударе обо что-нибудь вызывает значительные повреждения.

Если пуль не было нигде в комнате, то оставалось только одно: они должны были попасть в того человека или в тех людей, в которых целился Пол Хендерсон.

Но если бы полицейский ранил нападавшего — или даже двоих или троих — тремя выстрелами из своего служебного револьвера такого большого калибра, причем ранил так, что пули застряли в теле, а не прошли насквозь, то в комнате должны были остаться лужи крови. Но крови не было ни капли.

Озадаченная и сбитая с толку, Дженни вернулась к столу, где люминесцентная лампа на раздвижном штативе по-прежнему освещала открытый номер «Тайма». Здесь же лежал бронзовый полицейский знак, на котором стояло имя владельца: «СЕРЖАНТ ПОЛ ДЖ. ХЕНДЕРСОН». Вот здесь он и сидел, когда случилось... то, что случилось.

На этот раз уже твердо уверенная в том, что она услышит, Дженни сняла трубку стоявшего на столе телефона. Никакого гудка. Только свистящий электронный шум на линии, чем-то похожий на свист крыльев насекомых.

Как и тогда, в доме Сантини, ей показалось, что на линии она не одна.

Она бросила трубку — поспешно и очень резко.

Руки у нее дрожали.

На противоположной стене комнаты висели две доски для объявлений, около стены стояли фотокопировальное устройство, запертый сейф с оружием, полицейская радиостанция и телетайп. Дженни не знала, как пользоваться телетайпом. К тому же он молчал и казался неисправным. Но и радиостанция тоже не хотела работать. Она была явно включена, но лампочка индикатора не загоралась, динамик и микрофон не действовали. По-видимому, тот, кто убил полицейского, заодно вывел из строя телетайп и радиостанцию.

Повернувшись, чтобы выйти из «стойла», Дженни вдруг увидела, что Лизы в дверях нет. Сердце у нее упало, но тут она обнаружила, что Лиза присела рядом с телом Пола Хендерсона и внимательно разглядывает его.

Когда Дженни вышла из-за загородки, Лиза подняла голову и, показывая на сильно раздувшийся труп, сказала:

— Никогда не думала, что кожа может так растягиваться и не рваться.— Своим тоном и позой она старательно изображала хладнокровный научный интерес, отстраненность наблюдателя, наигранное равнодушие к ужасу всей этой сцены. Но глаза, мечущиеся из стороны в сторону, выдавали ее. Делая вид, будто ей все нипочем, Лиза поднялась и отвернулась от мертвого полицейского.

— Голубушка, почему ты не подождала у двери?

— Мне стало стыдно, что я такая трусиха.

— Послушай, сестричка, я же тебе говорила...

— Я хочу сказать, я действительно боюсь, что с нами что-нибудь случится здесь, в Сноуфилде. Что-нибудь очень плохое и прямо сегодня, в любую минуту. Возможно, что-то действительно ужасное. Но *этого* страха мне не стыдно, потому что он ведь совершенно естественный... после всего, что мы сегодня здесь увидали. А вот что я испугалась мертвого полицейского — это уже совсем по-детски.

Лиза замолчала, но и Дженни не проговорила ни слова. Девочке явно необходимо было выговориться, и она сказала еще далеко не все, что у нее накопилось.

— Он ведь мертвый. Он не может причинить мне никакого вреда. Его нечего бояться. Нельзя поддаваться иррациональным страхам. Это глупо, неправильно, и это проявление слабости. Человек должен уметь противостоять таким страхам.— Лиза говорила так, словно убеждала кого-то.— С ними можно справиться, только если противостоять им. Верно? Вот я и решила противостоять *этому*.— Кивком головы она показала на лежащий у ее ног труп.

«Какое у нее страдание в глазах»,— подумала Дженни.

Дело было не только во всем том, что обрушилось на девочку в Сноуфилде. Она еще очень хорошо помнила тот солнечный, жаркий июльский день, когда, придя домой, обнаружила свою мать умершей от удара. И сегодняшние события заставили ее вспомнить это и заново пережить все, что было пережито тогда. Заставили резко, внезапно, грубо.

— Я уже в порядке,— сказала Лиза.— Я все еще боюсь того, что может случиться с нами. Но я уже не боюсь *его*.— Она посмотрела вниз, на труп, как бы доказывая верность сказанного, но тут же подняла взгляд и посмотрела прямо в глаза Дженни.

— Видишь? Ты уже можешь на меня положиться. Больше я не расклеюсь.

Дженни вдруг впервые осознала, что стала для Лизы примером. Выражением глаз и лица, тоном, жестами Лиза уже бессчетное количество раз, сама не сознавая того, высказала свое уважение к Дженни и восхищение ею; уважение и восхищение гораздо большие, чем сама Дженни могла бы предположить. Не прибегая для этого к словам, девочка высказала Дженни нечто глубоко ее тронувшее: «Я тебя люблю; но больше того, ты мне нравишься; я горжусь тобой; по-моему, ты просто потря-

сающая сестра; и, если ты будешь со мной терпелива, я добьюсь того, что ты тоже сможешь мною гордиться и будешь счастлива, что у тебя такая младшая сестренка».

Столь видное место в мире Лизиных авторитетов явилось для Дженни полной неожиданностью. Из-за разницы в возрасте и еще потому, что она почти не бывала дома с тех пор, как Лизе исполнилось два года, Дженни казалось, что она должна быть для девочки практически посторонним человеком. Новая грань их взаимоотношений и польстила Дженни, и заставила ее почувствовать признательность к сестре.

— Я и так знаю, что могу на тебя положиться,— заверила она девочку.— Ничего иного я и не думала.

Лиза застенчиво улыбнулась.

Дженни обняла ее и притянула к себе.

На несколько мгновений Лиза изо всех сил прижалась к ней, а потом, когда они разомкнули объятия, спросила:

— Так все-таки... ты нашла какое-нибудь объяснение того, что же здесь произошло?

— Ничего такого, что можно было бы счесть разумным.

— И телефон не работает, да?

— Не работает.

— Значит, он не работает во всем городе.

— Возможно.

Они подошли к двери и вышли на улицу, на мощеный тротуар.

Оглядев молчащую улицу, Лиза проговорила:

— Все мертвы.

— Ну, мы не можем этого утверждать.

— Все,— тихо и печально повторила девочка.— Весь городок. Абсолютно все. Это *чувствуется*.

— Сантини не мертвы, они исчезли,— напомнила ей Дженни.

За то время, что Дженни и Лиза пробыли в полицейском участке, над горами взошла луна, светившая сейчас в три четверти своего диска. В укромных уголках, куда не доставал свет от окон, витрин и уличных фонарей, серебристый свет луны высветил новые причудливые тени. Он как бы накрыл городок вуалью, которая к одним предметам приникла плотнее, к другим — свободнее, придав их очертаниям некую расплывчатость и заставив их казаться гораздо таинственнее и мрачнее, чем в полной темноте.

— Кладбище,— проговорила Лиза.— Весь городок — кладбище. Давай-ка сядем в машину и поедем за помощью.

— Ты же понимаешь, что мы не можем этого сделать. Если болезнь уже...

— Никакая это не болезнь.

— Мы не можем быть в этом уверены.

— Я уверена. Полностью. Да ты и сама говорила, что почти исключаешь болезнь.

— Но пока есть пусть даже самая ничтожная вероятность, что это все-таки какая-то зараза, мы должны считать себя находящимися как бы в карантине.

Лиза, кажется, впервые обратила внимание на револьвер.

— Это револьвер полицейского?

— Да.

— Он заряжен?

— Из него трижды стреляли, но в нем еще есть три патрона.

— Стреляли во что?

— Хотела бы я знать.

— Ты решила его взять? — спросила, вся дрожа, Лиза.

Дженни посмотрела на револьвер, который она продолжала держать в правой руке, и утвердительно кивнула.

— Пожалуй, да. На всякий случай.

— Д-да. Но ведь... *ему-то* это не помогло, верно?

Глава 6
НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Они двинулись вдоль Скайлайн-роуд, поочередно попадая то в густую тень, то в свет: натриево-желтый — уличных фонарей, бледный, фосфоресцирующий — луны. С левой стороны улицы через ровные интервалы росли посаженные деревья, с правой были магазины. Они прошли мимо магазина сувениров, небольшого кафе, мимо принадлежащего Сантини магазина лыжных принадлежностей. У каждой из витрин они останавливались и всматривались внутрь, стараясь увидеть какие-нибудь признаки жизни, но нигде их так и не обнаружили.

Прошли они и мимо нескольких жилых домов, выходивших прямо на тротуар. Возле каждого из них Дженни поднималась на крыльцо и звонила в дверь. Никто нигде им не открыл, даже в тех домах, где в окнах горел свет. Вначале она хотела подергать двери и, если бы они оказались не заперты, зайти внутрь. Но потом решила не делать этого, поскольку предполагала — так же, как и Лиза,— что если они даже и найдут внутри хозяев дома, то те, скорее всего, окажутся в таком же кошмарном состоянии, как Хильда Бек и Пол Хендерсон. Надо найти живых, уцелевших свидетелей и очевидцев. Трупов с нее уже хватало.

— Тут нет где-нибудь в окрестностях атомной станции? — спросила Лиза.

— Нет. А что?

— А большой военной базы?

— Тоже нет.

— Я подумала, что, может быть, это... радиация.

— Радиация не убивает так быстро.

— А если это какая-то *очень сильная* вспышка радиации?

— Тогда жертвы выглядели бы совсем не так, как то, что мы видели.

— Не так?

— Были бы ожоги, волдыри, повреждения тканей.

Они подошли к парикмахерской, в которую всегда ходила Дженни. Внутри никого не было, что для обычного воскресенья было бы только естественно. «Интересно, что произошло с владелицами — с Мэдж и Дэйни»,— подумала Дженни. Ей нравились и Мэдж, и Дэйни, и она искренне надеялась, что те уехали на весь день из города, куда-нибудь к своим парням в Маунт-Ларсон.

— А если яд? — спросила Лиза, когда они отошли от парикмахерской.

— Как может отравиться сразу весь город?

— Какая-нибудь испорченная еда.

— Ну, только если весь город выехал на пикник и все ели одно и то же: зараженную свинину, испорченный картофельный салат, что-нибудь в этом духе. Но ведь ничего подобного не было. Общегородской пикник бывает здесь только раз в году, четвертого июля*.

---

* День независимости, национальный праздник США.

— Отравленная вода?

— Только если все выпили ее одновременно, и потому ни у кого не было возможности предупредить других.

— То есть это практически невозможно.

— А кроме того, то, что мы видели, совершенно не похоже ни на один из всех известных мне видов отравлений.

Они подошли к булочной Либермана. Это было аккуратное белое здание с бело-голубым полосатым тентом над тротуаром. Во время лыжного сезона здесь целыми днями стояла очередь на полквартала, без выходных: всем приезжим хотелось попробовать большие слоеные лимонные пончики, сделанные в форме баранок, горячие пышные кексы, шоколадные пирожные, янтарные ромовые бабы со сладкой начинкой из мандаринов и шоколада и прочие сладости, которыми Яков и Аида Либерман очень гордились и которые они выпекали с потрясающим артистизмом. Либерманам доставляла такое удовольствие их работа, что они даже жили в этом же доме, в квартире, расположенной над пекарней и булочной,— сейчас там не было света. И хотя в несезонное время их доходы были не так велики, как во время сезона, они и тогда работали шесть дней в неделю, с понедельника по субботу включительно, и люди приезжали к ним из всех окрестных городков — из Маунт-Ларсона, из Шейди-Руст и из Пайнвилля — и целыми сумками покупали все, что пекли Либерманы.

Дженни наклонилась поближе к витринному стеклу, а Лиза прижалась к нему лбом. В задней части дома, там, где стояли печи, из открытой внутренней двери лился яркий свет, освещая половину торгового зала, а через нее и все остальное, что было видно сестрам. Слева стояли маленькие столики, возле каждого из них было по паре стульев. На застекленных белых прилавках было пусто.

Дженни в душе молилась, чтобы Яков и Аида избежали той участи, что, кажется, выпала сегодня всему Сноуфилду. Это были чудеснейшие люди, самые добрые из всех, кого ей когда-либо доводилось знать. Именно такие люди, как Либерманы, делали Сноуфилд приятным для жизни убежищем от грубого мира, в котором насилие и взаимное недоброжелательство были обычным делом.

— А может быть, это какие-нибудь химические отходы? Ядовитые выбросы или что-нибудь, что могло нагнать на город

облако смертоносного газа? — спросила Лиза, отворачиваясь от витрины булочной.

— Только не здесь,— ответила Дженни.— В наших горах нет никаких свалок токсичных отходов. Никаких заводов. Ничего подобного.

— Иногда такое происходит, если сходит с рельсов поезд и лопается цистерна с какой-нибудь химической дрянью.

— До ближайшей железной дороги отсюда двадцать миль.

Наморщив в задумчивости лоб, Лиза отошла от булочной и пошла вперед по тротуару.

— Подожди-ка. Я хочу сюда заглянуть,— сказала Дженни, направляясь к двери магазина.

— Зачем? Тут никого нет.

— Я не уверена.— Она подергала дверь, но не смогла открыть ее.— Свет горит в задней комнате и на кухне. Возможно, они там, пекут к утру товар и даже не знают, что творится в городе. Эта дверь заперта. Давай обойдем сзади.

Между булочной Либерманов и парикмахерской стояли крепкие деревянные ворота, сразу за которыми начинался узкий крытый проезд внутрь, в заднюю часть двора. Ворота были закрыты на засов, но Дженни сумела дотянуться до него, и засов поддался. Несмазанные петли громко заскрипели, ворота раскрылись. Проезд между домами был черен как ночь и казался тоннелем; только в отдалении, где-то в самом конце его, где он переходил в открытую аллею, едва угадывалось в темноте что-то серое, очертаниями напоминающее арку.

— Мне тут не нравится,— сказала Лиза.

— Ничего, сестренка. Иди за мной и старайся держаться поближе. Если потеряешь ориентировку, нащупай рукой стену и иди вдоль нее.

Дженни не хотела обнаруживать собственные сомнения и тем еще больше усиливать страхи сестры, но вид неосвещенного проезда и у нее вызвал нехорошее чувство. С каждым следующим шагом он словно становился все уже и уже, как бы сжимая Дженни со всех сторон.

Они прошли примерно четверть тоннеля, когда Дженни охватило вдруг сильнейшее ощущение, что она и Лиза тут не одни. Еще через мгновение она уловила, как что-то движется в самой темной части этого замкнутого пространства, наверху,

под крышей, в восьми или десяти футах над их головами. Дженни не смогла бы объяснить, *как именно* она это почувствовала. Не было никаких звуков, кроме ее собственных и Лизиных шагов, отзывавшихся слабым эхом. Не было ничего видно. Просто она вдруг ощутила присутствие чего-то враждебного и, кося глазами вперед и вверх, в угольно-черный потолок, была уверена, что темнота там как-то... *меняется.*

Перемещается. Движется. Переливается с места на место. Передвигается под стропилами.

Дженни принялась убеждать себя, что у нее опять разыгралось воображение, но, когда она дошла до середины тоннеля, ее животный инстинкт уже вовсю кричал ей: «Сматывайся отсюда! Беги!» Врачи не должны впадать в панику, их специально учат умению сохранять хладнокровие. Дженни немного ускорила шаг, но только очень немного, самую малость, без всякой паники; через мгновение она ускорила его снова, и снова, и *снова,* пока наконец не побежала — вопреки собственной воле.

Она выскочила в аллею. Там было темно и мрачно, но все же не так черно, как в тоннеле, который она только что миновала.

Следом за ней выскочила Лиза. Она споткнулась, угодила на влажный грунт, поскользнулась и чуть не упала.

Дженни вовремя подхватила ее и не дала ей свалиться.

Обе они попятились, внимательно следя за выходом из темного крытого проезда. Дженни подняла револьвер, который прихватила из полицейского участка.

— Ты тоже почувствовала?! — спросила, задыхаясь, Лиза.

— Что-то там есть, наверху, под самой крышей. Возможно, птицы. В крайнем случае, несколько летучих мышей.

— Нет-нет. Н-не под крышей.— Лиза отрицательно покачала головой.— Оно с-сидело возле с-стены, н-на к-корточках.

Они продолжали внимательно всматриваться в зев тоннеля.

— Я видела что-то под стропилами,— сказала Дженни.

— Нет! — убежденно возразила девочка, в подтверждение своих слов энергично тряся головой.

— В таком случае, *что именно* ты видела?

— Оно было возле стены. Слева. Примерно в средней части тоннеля. Я на него почти наткнулась.

— Но что это было?

— Я... я не знаю точно. Я его не разглядела.

— Ты что-нибудь слышала?

— Нет,— ответила Лиза, не в силах отвести глаз от темной дыры выхода.

— Какой-нибудь запах?

— Нет. Но... темнота была... В одном месте темнота там была... какая-то другая. Я чувствовала, что в ней что-то движется... или как будто движется... переливается...

— Вот и мне показалось в точности то же самое — но только под стропилами.

Они еще немного постояли и подождали. Из проезда никто не показывался.

Постепенно сердце Дженни, колотившееся как бешеное, немного успокоилось и стало биться просто учащенно. Она опустила револьвер.

Дыхание у сестер тоже успокоилось. Ночная тишина снова окутала все вокруг — точно погрузила в жидкое масло.

К Дженни опять вернулись сомнения. Она стала подозревать, что она сама и Лиза просто поддались истерии. Ей совершенно не нравилось такое объяснение, оно никак не согласовывалось со сложившимся у нее представлением о самой себе. Но она была достаточно честна с собой, чтобы признать тот неприятный факт, что по крайней мере на этот раз она, по-видимому, запаниковала.

— Мы с тобой просто перевозбуждены,— сказала она Лизе.— Тебе не кажется, что если там действительно был кто-то или что-то, что представляет для нас опасность, то он бы уже давно напал на нас?

— Возможно.

— Ой, слушай, а знаешь, что это могло быть?

— Что? — спросила Лиза.

Налетел порыв холодного ветра; он прошуршал негромко вдоль аллеи и стих вдали.

— Это могли быть кошки,— сказала Дженни.— Несколько кошек. Они любят такие темные места.

— Мне так не показалось.

— Вполне могло быть. Парочка кошек наверху, на стропилах. И одна или две внизу, на дороге, возле стены, там, где ты на что-то чуть не наткнулась.

— Мне оно показалось больше кошки. *Намного* больше кошки,— с сильным беспокойством в голосе ответила Лиза.

— Ну хорошо, может быть, не кошки. Скорее всего, там вообще ничего не было. У нас просто перенапряжены нервы.— Дженни вздохнула.— Пойдем проверим, открыта ли задняя дверь. Мы ведь с тобой именно для этого сюда и пришли, помнишь?

Они направились к задней двери булочной Либерманов, по пути непрерывно оглядываясь на темневший позади них тоннель.

Служебный вход оказался не заперт, за дверью было тепло и светло. Дженни и Лиза вошли и очутились в узкой и длинной кладовке.

Следующая дверь вела из кладовки в огромную кухню, где приятно пахло мукой, корицей, грецкими орехами и апельсиновым экстрактом. Дженни жадно и глубоко вдохнула. Витавшие в кухне аппетитные запахи были такими домашними, такими естественными и так напоминали об обычной жизни и нормальных временах, что Дженни немного успокоилась и почувствовала, как спадает напряжение.

Кухня была хорошо оборудована. Здесь стояли двойные мойки, большой, размером с целую комнату, холодильник, в который можно было просто войти, несколько печей, несколько огромных белых эмалированных шкафов для хранения припасов, принадлежностей и готовых изделий, тестомесильная машина и масса разных приспособлений. Центр кухни занимал длинный и широкий стол наподобие прилавка, на котором и делалась вся основная работа. На одном его конце шла обычно разделка теста; на другом, покрытом нержавеющей сталью,— ближе к кладовке, откуда вошли на кухню Дженни и Лиза,— горой лежали кастрюли, противни и формы, предназначенные для выпечки всевозможных изделий. Все они были вычищены, вымыты и блестели. Да и вся кухня сияла чистотой.

— Никого нет,— сказала Лиза.

— Похоже, действительно никого,— согласилась Дженни. Она прошла чуть дальше по кухне, настроение у нее заметно улучшилось.

Если уцелела семья Сантини и если удалось спастись Якову и Аиде, то, возможно, не все жители городка погибли. Возможно...

О боже!

На другом конце стола, за горой противней и форм, лежал большой круг приготовленного для пирогов теста. Сверху на этом тесте лежала скалка, которой его обычно раскатывали. С обеих концов эту скалку держали руки. Две отрезанные кисти человеческих рук.

Попятившись назад, Лиза с такой силой ударилась спиной о металлический шкаф, что его содержимое громко зазвенело.

Что за *дьявольщина*! Что тут везде происходит, черт возьми?

Движимая болезненным интересом и нетерпеливым стремлением разобраться в происходящем, Дженни подошла поближе к столу и уставилась на эти руки, не веря собственным глазам, одновременно с чувством отвращения и страха — пронзительного и ледяного, словно лезвие ножа. Кисти были без синяков и не вспухшие, цвет у них был серовато-бледный. Кровь — первая кровь, которую она увидела за весь сегодняшний день,— накапала из того места, где кисти были грубо и неровно оторваны от рук, и теперь поблескивала среди тонкой пленки мучной пыли капельками и отдельными струйками. Руки были сильные, точнее — они были сильными когда-то, при жизни их владельца. Толстые короткие пальцы. Большие суставы. На наружной стороне видны были слегка вьющиеся жесткие седые волосы. Несомненно, это были мужские руки. Руки Якова Либермана.

— Дженни!

Дженни испуганно обернулась на зов.

Поднятая и вытянутая рука Лизы указывала куда-то на противоположную от них часть кухни.

Дальше, за разделочным концом стола, в дальней части кухни, вдоль длинной стены стояли три печи. Одна из них была огромная, с парой больших стальных дверец, закрывавших соответственно верхнюю и нижнюю части печи. Две другие были значительно меньшего размера, но все же более крупные, чем те, какие используются, как правило, в домашних кухнях. У каждой из этих печей была только одна дверца, в центре которой было вставлено стекло. Сейчас печи были выключены, и слава богу, потому что, работай они, вся кухня оказалась бы заполненной невыносимой вонью.

В каждой из этих печей лежала отрезанная голова.

Господи Иисусе!

Ужасные мертвые лица смотрели из печей в кухню, носы их были прижаты изнутри к стеклу.

Яков Либерман. Седые волосы перепачканы кровью. Один глаз полузакрыт, другой вытаращен. Губы плотно сжаты в гримасе боли.

Аида Либерман. Глаза распахнуты, рот широко открыт, причем так, словно верхняя и нижняя челюсти утратили соединение друг с другом.

Поначалу Дженни даже не поверила, что головы настоящие. Это было уже слишком. Слишком шокирующим. На память ей пришли очень натуральные и очень дорогие маски, которые обычно выставляются в витринах и используются на маскарадах в канун Дня всех святых. Вспомнила она и о страшных, способных вогнать в ужас новинках, что продаются в магазинах розыгрышей,— о всех этих восковых головах с нейлоновыми волосами и стеклянными глазами, об этих отвратительных игрушках, которые почему-то иногда страшно нравятся мальчишкам,— уж такие-то игрушки, как *эти*, им бы наверняка понравились! Как ни странно, но на память ей пришла вдруг строчка из телевизионной рекламы сухих смесей для приготовления дома тортов и кексов: «Никто так не ждет и не любит вас, как тот, кто сидит в печи сейчас!»

Сердце Дженни гулко колотилось.

Ее била лихорадка, кружилась голова.

Оторванные кисти рук на разделочном столе по-прежнему держали скалку. Дженни казалось, что они вот-вот зашевелятся и побегут по столу, как два краба.

Но где же в таком случае обезглавленные тела Либерманов? Уложены в большой печи за стальными дверцами, в которых нет окошек? Или заморожены и лежат в том большом холодильнике?

В горле у нее поднялся горький комок, но она сумела подавить его.

Револьвер сорок пятого калибра казался ей теперь никуда не годной защитой против столь изощренно жестокого и неизвестного врага.

У Дженни снова возникло ощущение, что за ними наблюдают, и сердце ее заколотилось так, словно готово было вот-вот выпрыгнуть из груди.

Она повернулась к Лизе.

— Уйдем отсюда!

Девочка направилась к двери кладовки.

— Не сюда! — резко остановила ее Дженни.

Лиза обернулась к сестре и заморгала, не понимая, в чем дело.

— Через аллею мы не пойдем,— сказала Дженни.— И через тот темный проезд тоже.

— Ой, верно,— согласилась Лиза.

Они быстро пересекли кухню и через противоположную дверь вышли в торговый зал. Прошли мимо пустых прилавков. Мимо столиков и стульев кафетерия.

С замком входной двери Дженни пришлось повозиться. Его заело. Она даже подумала, что, возможно, им все-таки придется выходить прежней дорогой, через аллею. Но потом поняла, что пытается повернуть замок не в ту сторону. Когда она повернула его в другую, замок с легким щелчком открылся, и Дженни распахнула дверь.

Они выскочили на улицу, в холодный ночной воздух.

Лиза пересекла тротуар и направилась к высокой сосне. Ей явно необходимо было на что-то опереться.

Дженни подошла и встала рядом с сестрой, продолжая настороженно и со страхом смотреть в сторону булочной. Она бы нисколько не удивилась, если бы увидела сейчас два обезглавленных тела, приближающихся к ним с какими-нибудь дьявольскими намерениями. Но возле булочной не было никакого движения, только края полосатого бело-голубого тента негромко похлопывали под легкими порывами ветра.

Ночь по-прежнему была совершенно беззвучна.

С того времени, как Дженни и Лиза вошли под крышу темного прохода, луна успела подняться немного выше.

Помолчав немного, девочка сказала:

— Господи, что мы только не перебрали — радиация, инфекция, яд, смертельный газ... Знаешь, я думаю, мы ошиблись с самого начала. Подобные мерзости может делать только человек, больной человек. Все это сделал какой-то психопат.

Дженни отрицательно покачала головой.

— Один человек не мог все это сделать. Чтобы расправиться с городком, в котором жили почти пятьсот человек, понадобилась бы целая *армия* психопатов.

— Ну, значит, их была целая армия,— ответила, вся дрожа, Лиза.

Дженни с беспокойством посмотрела вдоль пустынной улицы. Ей казалось очень опрометчивым, даже опасным стоять здесь, на открытом месте, на виду; но она не могла придумать, какое место оказалось бы сейчас для них безопасным.

Наконец она сказала:

— Психопаты не собираются вместе и не планируют массовых убийств. Они не похожи на членов какого-нибудь клуба, готовящих благотворительный бал. Они почти всегда действуют поодиночке.

Беспокойно переводя взгляд от одной тени к другой, как бы опасаясь, что они вдруг материализуются и обнаружат недобрые побуждения, Лиза спросила:

— А помнишь, в шестидесятые годы была эта коммуна Чарльза Мэнсона? Они еще убили кинозвезду. Как ее звали?

— Шарон Тейт.

— Верно. Может быть, и тут действует группа таких же ненормальных?

— Основу группы Мэнсона составляли максимум полдюжины человек, и это было *редчайшее* исключение — как правило, подобные люди бродят сами, как одинокие волки. Но даже полдюжины человек не могли бы натворить ничего подобного в Сноуфилде. Чтобы это сделать, понадобилось бы человек пятьдесят, может быть даже сто или больше. А в таком количестве психопаты не способны действовать вместе.

Они немного постояли молча. Потом Дженни сказала:

— Есть и еще кое-что, не укладывающееся в такое объяснение. Почему на кухне было так мало крови?

— Там была кровь.

— Очень мало. Всего несколько небольших пятен на столе. Там все должно быть залито кровью.

Обхватив себя руками, Лиза быстро поводила ими вверх-вниз, стараясь хоть немного согреться. В желтоватом свете стоявшего неподалеку от них уличного фонаря лицо ее казалось восковым. И внешне ей можно было дать гораздо больше, чем четырнадцать лет. Пережитый ужас заставил ее повзрослеть.

— И никаких следов борьбы тоже нет,— сказала девочка.

— Верно,— нахмурилась Дженни,— нет.

— Я сразу обратила на это внимание,— добавила Лиза.— Мне это показалось очень странным. Такое впечатление, что никто из них не сопротивлялся. Ничего не перевернуто. Ничего не сломано. Скалка могла бы послужить неплохим оружием, верно? Но они ею не воспользовались. И ничего не опрокинуто, не разбито.

— Действительно, похоже, что они вообще не сопротивлялись. Как будто... добровольно положили свои головы на плаху.

— Но почему они так себя вели?!

И в самом деле, *почему* они так себя вели?

Дженни посмотрела вдоль Скайлайн-роуд в сторону своего дома, находившегося менее чем в трех кварталах отсюда, потом в противоположную сторону, туда, где располагались ресторанчик «Старая городская таверна», галантерейный магазин, пиццерия Марио и кафе-мороженое Паттерсона.

Бывает тишина — и тишина. Они не похожи друг на друга. Есть тишина смерти, что живет в склепах и на заброшенных кладбищах, в холодильниках городских моргов, а иногда и в больничных палатах. Это тишина полная, беззвучная, абсолютная. Будучи врачом, которому неизбежно приходится соприкасаться со смертью, Дженни хорошо знала эту особую, мрачную тишину.

Именно такая тишина висела сейчас над всем Сноуфилдом. Тишина смерти.

Дженни не хотела себе в этом признаться. Вот почему она до сих пор ни разу не крикнула во весь голос, не попыталась никого позвать. Она боялась, что никто не откликнется.

Теперь же она не звала и не кричала, потому что стала бояться, что кто-нибудь действительно *может* откликнуться. Кто-нибудь или что-нибудь. Кто-нибудь или что-нибудь очень опасное.

В конце концов у нее не осталось иного выбора, кроме как признать очевидные факты. Весь Сноуфилд был бесспорно мертв. Это был уже не город, но кладбище — искусное собрание каменных, деревянных, кирпичных могил с фронтонами, балконами, с разнообразными крышами и отделкой; забавное кладбище, устроенное в виде симпатичной альпийской деревни.

Снова налетел ветер, засвистел под крышами домов, и в звуках его было что-то от зова самой вечности.

Глава 7
ШЕРИФ ОКРУГА

Власти округа, расположенные в Санта-Мире, еще ничего не знали о постигшей Сноуфилд катастрофе. Они пока занимались решением собственных проблем.

Лейтенант Талберт Уитмен вошел в комнату для допросов в тот самый момент, когда шериф Брайс Хэммонд включил магнитофон и начал перечислять подозреваемому его конституционные права. Тал бесшумно прикрыл дверь. Не желая мешать только начинавшемуся допросу, он не стал садиться за большой стол рядом с шерифом, а подошел к единственному в этой продолговатой комнате окну.

Департамент полиции округа Санта-Мира занимал здание в испанском стиле, построенное еще в конце тридцатых годов. В нем были массивные, громко хлопавшие двери, а стены были такие толстые, что ширина подоконников превышала фут. Вот на таком подоконнике и устроился сейчас Тал Уитмен.

Там, за окном, лежала Санта-Мира, главный город округа. Население города составляло около восемнадцати тысяч человек. По утрам, когда солнце наконец поднималось над горами Сьерры и разгоняло отбрасываемые ими тени, Тал иногда ловил себя на том, что с радостным удивлением смотрит на поросшие лесом невысокие отроги гор, на которых расположилась Санта-Мира: это был на удивление чистый и аккуратный городок, и его железобетонным корням каким-то чудом удавалось не повредить первозданную красоту природы, на которой он вырос. Сейчас на Санта-Миру опустилась ночь. На склонах холмов зажглись тысячи огней, и казалось, будто само звездное небо спустилось вниз и улеглось у подножия гор.

Выходец из Гарлема, черный, как сама ночь, родившийся и выросший в окружении нищеты и невежества, Тал Уитмен, в свои тридцать лет оказавшись здесь, не переставал удивляться. Удивляться и восхищаться.

Однако в сцене, что разворачивалась по эту сторону окна, не было ничего особенного. Комната для допросов внешне была похожа на тысячи других таких же комнат в полицейских участках и отделениях, разбросанных по всей стране. Пол, выложенный квадратами из дешевого линолеума. Старые, обшар-

панные шкафы с бумагами. Круглый стол с пятью стульями около него. Выкрашенные в зеленый цвет стены. Люминесцентные лампы без плафонов.

Место подозреваемого возле стола занимал сейчас высокий и симпатичный двадцатишестилетний торговец недвижимостью по имени Флетчер Кейл, старательно вгонявший себя в состояние оскорбленной невинности и праведного возмущения.

— Послушайте, шериф,— говорил Кейл,— кончайте нести всю эту муть. Сколько можно повторять мне мои права, господи? Вы мне их уже десятки раз излагали за эти последние три дня.

Боб Робин, адвокат Кейла, быстро похлопал своего клиента по руке, давая ему знак не заводиться. Робин был толст, пухл, с круглым лицом и приятной улыбкой, но с жесткими глазами хозяина игорного притона.

— Флетч,— сказал Робин,— шериф Хэммонд знает, что задержал тебя по одному только подозрению и продержал здесь почти столько, сколько позволяет закон. И он знает, что я *тоже* это знаю. Поэтому в течение ближайшего часа он должен будет решить это дело — так или иначе.

Кейл прищурился, кивнул и сменил тактику. Он сполз немного вниз на стуле, словно плечи ему придавила тяжесть огромного горя. Когда он заговорил снова, то голос его слегка дрожал.

— Простите, если я на время потерял голову, шериф. Я не должен был так с вами разговаривать. Но мне сейчас так тяжело... очень, очень тяжело.— Лицо его как будто обмякло, дрожание в голосе стало заметнее.— Я хочу сказать... О господи, я же ведь потерял всю свою семью... Моя жена... сын... их обоих нет.

— Сожалею, если вам показалось, что я был к вам предубежден, мистер Кейл,— проговорил Брайс Хэммонд.— Я лишь пытаюсь делать то, что считаю верным. Иногда я оказываюсь прав. Возможно, в данном случае я ошибаюсь.

Явно решив, что ничего серьезного ему не угрожает и что поэтому он может позволить себе проявить сейчас великодушие, Флетчер Кейл вытер размазанные по лицу слезы, уселся на стуле попрямее и сказал:

— М-да... ну что ж... в общем-то, я вас понимаю, шериф.

Кейл сильно недооценил Брайса Хэммонда.

Боб Робин знал шерифа лучше, чем его нынешний клиент. Он нахмурился, взглянул на Тала, потом вперил свой жесткий взгляд в Брайса.

По своему опыту Тал Уитмен знал, что большинство из тех, кому приходилось иметь дело с шерифом, недооценивали его точно так же, как сейчас Флетчер Кейл. Недооценить его было очень легко. Внешне Брайс не производил большого впечатления. Ему было тридцать девять лет, но выглядел он намного моложе. Густые, песочного цвета волосы спадали ему на лоб и казались взъерошенными, придавая ему мальчишеское выражение. У него был курносый нос с веснушками на переносице; веснушки покрывали и щеки. Голубые глаза были ясными и смотрели пристально, но их прикрывали крупные тяжелые веки, из-за которых выражение лица становилось недовольным, сонным, даже туповатым. Голос его тоже мог ввести в заблуждение. Он был мягкий, негромкий, мелодичный. Иногда Хэммонд специально говорил очень медленно, и кое-кто приходил на этом основании к выводу, что ему трудно формулировать собственные мысли. Ничто, однако, не могло быть дальше от истины, чем подобное предположение. Брайс Хэммонд отлично отдавал себе отчет в том, как его воспринимают, и, если ему это было выгодно, усиливал подобные заблуждения: нарочито старался понравиться, или бессмысленно улыбался, или еще больше растягивал и смягчал свою речь, в результате чего он начинал казаться классическим деревенщиной, таким, какими и изображают обычно полицейских.

В полной мере наслаждаться начавшимся допросом мешало Талу только одно обстоятельство: он знал, что расследование дела Кейла лично и весьма сильно затрагивает Брайса Хэммонда. В глубине души Брайс был потрясен и остро переживал бессмысленную гибель Джоанны и Денни Кейл. Дело в том, что нечто подобное случилось в его собственной жизни. Как и Флетчер Кейл, шериф тоже потерял жену и сына, хотя и при совершенно иных обстоятельствах.

Год назад жена шерифа Эллен Хэммонд погибла в автомобильной катастрофе. Семилетний Тимми, сидевший на переднем сиденье рядом с матерью, получил очень тяжелую травму головы и на протяжении всего последнего года находился в бессознательном состоянии. Врачи очень сомневались, что сознание когда-нибудь вернется к нему.

Эта трагедия почти сломала Брайса. Лишь совсем недавно у Тала Уитмена появилось ощущение, что его друг вроде бы начал постепенно выходить из полосы полного отчаяния.

Дело Кейла снова разбередило рану Брайса Хэммонда, но он не позволял горю притупить его чувства и разум и сумел ничего не проглядеть. Тал Уитмен мог в точности назвать момент — в прошлый четверг, вечером,— когда Брайс начал подозревать, что Флетчер Кейл виновен в двух преднамеренных убийствах, потому что именно с того момента в глазах Брайса, под тяжелыми веками, появилось нечто холодное и неумолимое.

Сейчас, рисуя что-то в желтом блокноте с таким видом, словно голова его занята не столько допросом, сколько какими-то другими делами, шериф проговорил:

— Мистер Кейл, пожалуй, я не буду заново задавать вам все те вопросы, на которые вы уже отвечали не меньше десяти раз. Давайте-ка я лучше попытаюсь суммировать все то, что вы нам рассказали. Согласны? Если мое изложение покажется вам достаточно полным и верным, тогда мы перейдем к новым вопросам, которые я хотел бы вам задать.

— Согласен. Давайте еще раз по всему пройдемся и будем кончать с этим делом,— ответил Кейл.

— Вот и хорошо,— сказал Брайс.— Мистер Кейл, согласно данным вами показаниям, ваша жена, Джоанна, считала, что, выйдя замуж и став матерью, она угодила в ловушку; что она еще слишком молода, чтобы нести такую ответственность. Она считала, что допустила ужасную ошибку и что теперь ей предстоит всю жизнь расплачиваться за это. Она хотела как-то отвлечься от подобных мыслей, забыться и поэтому стала употреблять наркотики. Я верно с ваших слов пересказываю ее состояние?

— Да,— ответил Кейл.— Точно.

— Хорошо,— продолжал Брайс.— Значит, поэтому она начала курить марихуану. Спустя какое-то время она дошла до того, что почти постоянно была под действием наркотика. Два с половиной года вы прожили в этом наркотическом аду, все время надеясь, что вам удастся заставить ее измениться. Потом, неделю назад, она впала в неистовство, перебила массу посуды, разбросала по кухне еду, и вам стоило большого труда ее успокоить. Тогда-то вы и обнаружили, что она перешла на более сильный наркотик, на тот, который на уличном жаргоне называют «ангельской пылью». Вас это поразило. Вы знали, что некоторые люди под действием этого наркотика становятся маниакально агрессивны, поэтому вы заставили ее показать вам, где она хранила свои запасы, и полностью уничтожили все, что там было. Потом вы ее предупредили, что, если она, находясь поблизости от маленького Дженни, еще хоть раз воспользуется наркотиком, вы ее изобьете до смерти.

Кейл откашлялся.

— Да, но она надо мной только посмеялась. Она сказала, что я не смогу ударить женщину и что нечего мне прикидываться суперменом. Она сказала: «Черт возьми, Флетч, даже если я тебе двину по яйцам, ты скажешь мне спасибо за то, что я подняла тебе настроение».

— И в этот момент в вас что-то надломилось и вы расплакались? — спросил Брайс.

— Я просто... ну, я понял, что не имею на нее никакого влияния,— ответил Кейл.

С того места на подоконнике, где он сидел, Талу Уитмену было видно, как лицо Кейла передернулось от горя — а возможно, и потому, что он умел им хорошо владеть. Этот паршивец действительно *здорово* держался.

— И когда она увидела, что вы заплакали,— продолжал Брайс,— это немного привело ее в чувство.

— Точно,— подтвердил Кейл.— Когда такой бык, как я, плачет как ребенок... мне кажется... это на нее как-то подействовало. Она тоже заплакала и пообещала, что больше не будет принимать «ангельскую пыльцу». Мы поговорили с ней о прошлом, о том, что каждый из нас ожидал от нашего брака, высказали много такого, что, наверное, должно было быть сказано намного раньше. И мы почувствовали себя гораздо ближе друг к другу, чем это было за последние два года. По крайней мере, я себя так почувствовал. Мне показалось, что и она тоже. Она поклялась, что начнет постепенно сокращать дозу.

Продолжая рисовать в блокноте чертиков, Брайс продолжил:

— Потом, в прошлый четверг, вы пришли с работы раньше, чем обычно, и увидели в своей спальне, на кровати, своего сына Денни. Он был мертв. Вы услышали у себя за спиной какие-то

звуки. Это оказалась Джоанна. В руках у нее был большой нож для разделки мяса, тот самый, которым она убила Денни.

— Она была накурившаяся,— сказал Кейл.— Этой самой «ангельской пыльцы». Я это сразу понял. У нее в глазах было такое особое, дикое, какое-то животное выражение.

— Она стала на вас орать, кричала что-то насчет змей, которые живут в головах у людей, что эти злые змеи управляют людьми и их поступками. Вы пытались, пятясь, обойти ее, она на вас наступала. Вы не пытались отнять у нее нож...

— Я боялся, что она меня убьет. Я старался как-то отвлечь и успокоить ее разговором.

— Поэтому вы кружили по комнате, пока не добрались до тумбочки, где у вас лежал пистолет тридцать восьмого калибра.

— Я ей говорил, чтобы она бросила нож. Я ее *предупреждал!*

— А она, вместо того чтобы бросить, замахнулась ножом и кинулась на вас. Тогда вы в нее выстрелили. Один раз. В грудь.

Теперь Кейл сидел, наклонившись вперед и закрыв лицо руками.

Шериф положил ручку, которой рисовал. Он сложил руки на животе и принялся крутить пальцами.

— Ну что ж, мистер Кейл. Надеюсь, вы еще сможете немного потерпеть меня. Еще лишь несколько вопросов, и мы сможем закончить и уйти отсюда.

Кейл убрал руки от лица. Талу Уитмену было ясно, что слова «уйти отсюда» он воспринял как указание на то, что его наконец-то освободят.

— Ничего, шериф. Я в порядке. Продолжайте.

Боб Робин не проронил ни слова.

Ссутулившись и приняв неудобную позу, так что казалось, будто у него в теле совсем нет костей, Брайс Хэммонд сказал:

— Пока мы держали вас под арестом по подозрению, мистер Кейл, у нас возникло несколько вопросов, и надо их обговорить, чтобы у всех у нас появилась наконец ясность в отношении этого ужасного дела. Некоторые вопросы могут показаться вам сущей мелочью, не стоящей ни моего, ни вашего времени. Да это и в самом деле мелочи, я согласен. Почему я вас ими мучаю... Понимаете, мистер Кейл, через год предстоят *выборы шерифа, и я хотел бы оказаться избранным еще на один срок.* А если мои оппоненты смогут подловить меня на мелких технических упущениях, даже на какой-нибудь последней мелочи, они сумеют раздуть из этого скандал. Меня станут обвинять в лености, небрежности или еще в чем-нибудь подобном.— Брайс улыбнулся Кейлу, действительно *улыбнулся* ему. Тал не верил собственным глазам.

— Да, шериф, я понимаю,— сказал Кейл.

Сидя на подоконнике, Талберт Уитмен напружинился и слегка наклонился вперед.

И Брайс Хэммонд договорил:

— Так вот, первое. Я бы хотел знать, почему после того, как вы застрелили жену, прежде чем позвонить нам, вы *провернули довольно солидную стирку?*

Глава 8
ЗА БАРРИКАДОЙ

Отрезанные руки. Отрезанные головы.

Торопливо шагая вместе с Лизой по тротуару, Дженни никак не могла прогнать от себя эти ужасные и отвратительные видения.

На Вейл-лэйн, в двух кварталах к востоку от Скайлайн-роуд, ночь была столь же тиха, беззвучна и полна таинственной опасности, как и во всем Сноуфилде. Деревья здесь были выше, чем на главной улице, и потому сюда проникало значительно меньше лунного света. Уличные фонари стояли реже, и небольшие островки желтого света отделяли друг от друга довольно длинные отрезки зловещей темноты.

Дженни свернула в калитку и по выложенной кирпичом дорожке направилась к стоящему в глубине участка одноэтажному дому в английском стиле, из окон которого лился теплый свет. Центр каждой оконной рамы украшала ромбовидная вставка, а сами окна были сделаны из затемненного стекла.

Дом Тома и Карен Оксли снаружи казался небольшим, но это впечатление было обманчиво: на самом деле в нем было семь комнат и две ванные. Том работал бухгалтером почти во всех мотелях и охотничьих домиках города. Карен во время сезона открывала небольшое, но очаровательное французское кафе. Оба они были радиолюбителями и имели коротковолновую радиостанцию: именно поэтому Дженни и решила сюда зайти.

— Если кто-то испортил радио в полицейском участке, почему ты думаешь, что они не добрались и сюда? — спросила Лиза.

— Они могли не знать об этом месте. В любом случае, стоит заглянуть.

Она позвонила и, когда на звонок никто не вышел, подергала дверь. Та оказалась заперта.

Они обошли вокруг дома и зашли с тыльной стороны. Золотистый свет лился тут изо всех окон. Дженни с подозрением посмотрела на лужайку, где чернели тени окружавших ее высоких деревьев. Когда они поднялись на деревянное заднее крыльцо, их шаги отозвались гулким эхом. Дженни подергала кухонную дверь, но она тоже оказалась запертой.

Занавески ближайшего к этой двери окна были раздвинуты. Дженни заглянула внутрь и увидела самую обычную кухню: стены, окрашенные в кремовый цвет, дубовые шкафы и рабочие столы с зелеными крышками, сверкающие кастрюли и кухонные принадлежности. Никаких признаков насилия.

Свет в следующем окне горел, но занавески были задернуты. Как знала Дженни, это было окно кабинета. Она побарабанила по стеклу — никто не отозвался. Попыталась открыть окно, однако оно было заперто изнутри. Взяв револьвер за ствол, она разбила ромбовидную вставку в середине окна. Звон разбиваемого стекла почти оглушил ее. Прекрасно понимая, что это особый случай, Дженни все равно чувствовала себя забирающимся в чужой дом воришкой. Она просунула руку внутрь ромба, нащупала щеколду и открыла ее, потом распахнула створки окна и влезла через подоконник в дом. Запуталась в занавесках, затем раздвинула их, чтобы Лизе было легче влезать.

Внутри кабинета было два трупа: Том и Карен Оксли.

Карен лежала на полу, на боку, ноги ее были подтянуты к животу, плечи полусогнуты вперед и вниз, руки сложены на груди — точь-в-точь поза ребенка в чреве матери. Вся она была покрыта кровоподтеками и распухла, глаза в ужасе вылезли из орбит, рот широко открыт и навеки застыл в вопле.

— Какие у них лица! Самые страшные из всего, что мы видели,— сказала Лиза.

— Не понимаю, почему лицевые мускулы не расслабляются после смерти. Они не должны, просто не могут оставаться такими натянутыми.

— Интересно, что же они такое *увидели?* — спросила Лиза.

Том Оксли сидел перед коротковолновой радиостанцией, когда его настигла смерть. Он тяжело упал на нее, голова его была повернута вбок. Весь он, как и Карен, был покрыт синяками и кровоподтеками и ужасно распух. Правая рука его мертвой хваткой сжимала микрофон, и казалось, что он погиб, пытаясь не отдать его, не выпустить из рук. Но совершенно ясно, что передать призыв о помощи он не успел, иначе полиция уже давно была бы в Сноуфилде.

Радио не работало.

Дженни поняла это, как только увидела трупы.

Но самым потрясающим, однако, здесь была не умолкшая радиостанция и даже не трупы, а баррикада. Дверь, ведущая в кабинет, была закрыта и, по всей видимости, заперта. Карен и Том изнутри приперли ее шкафом, который сумели подтащить, несмотря на его тяжесть. К шкафу они придвинули два кресла, а между креслами и столом, на котором стояла радиостанция, вогнали заклинивший все это сооружение телевизор, так что открыть дверь в кабинет снаружи было бы невозможно.

— Они явно старались не дать кому-то сюда войти,— сказала Лиза.

— Но оно тем не менее проникло.

— Как?

Обе они оглянулись на окно, через которое залезли сами.

— Оно было заперто изнутри,— сказала Дженни.

В комнате было еще только одно окно.

Они подошли к нему и раздвинули занавеску.

И это окно было прочно заперто изнутри.

Дженни уставилась в ночь и смотрела так до тех пор, пока не почувствовала: что-то скрывающееся в темноте смотрит оттуда на нее и прекрасно видит, как она стоит здесь, ничем не защищенная, в освещенном окне. Дженни резко задернула занавеску.

— Совершенно запертая комната,— проговорила Лиза.

Медленно поворачивая голову, Дженни внимательно оглядела весь кабинет. Здесь было закрытое металлической решеткой с узкими щелями вентиляционное отверстие, через которое поступал теплый воздух при отоплении. Щель под

забаррикадированной дверью была не больше полудюйма. Попасть в запертую комнату было невозможно.

— Насколько я могу судить, проникнуть сюда и убить их могли только ядовитый газ, радиация или бактерии,— сказала Дженни.

— Но Либерманов убило не это.

— Да,— кивнула Дженни.— А кроме того, против радиации, газа или бактерий не воздвигают баррикад.

Интересно, сколько же жителей Сноуфилда пытались забаррикадироваться изнутри, считая, что нашли надежную защиту,— а в результате погибали так же молниеносно и таинственно, как и те, кто не успел убежать? И что же это было такое, что обладало способностью проникать в запертые комнаты, не открывая ни окон, ни дверей? Что могло пройти сквозь такую баррикаду, даже не тронув ее?

Тишина в доме Оксли была такая же, какая, наверное, бывает на Луне.

— И что же дальше? — спросила наконец Лиза.

— Думаю, нам надо рискнуть, даже если мы распространим инфекцию. Надо выехать из города, доехать до первого телефона-автомата, позвонить в Санта-Миру шерифу, описать ему положение, и пусть он сам решает, что и как предпринять. А мы с тобой вернемся сюда и будем ждать здесь. Мы не должны вступать ни с кем в непосредственный контакт. Телефонную будку, если понадобится, они смогут потом дезинфицировать.

— Мне очень не нравится мысль о том, чтобы вернуться, если уж мы отсюда уедем,— с беспокойством в голосе сказала Лиза.

— Мне тоже. Но мы должны вести себя с чувством ответственности. Поехали,— сказала Дженни, поворачиваясь к окну, через которое они забрались в дом.

Зазвонил телефон.

Дженни испуганно обернулась на его резкий звонок.

Телефон стоял на том же самом столе, где и радиостанция.

Он зазвонил снова.

Дженни схватила трубку:

— Алло?

Никто не ответил.

Алло?

Ледяное молчание.

Рука Дженни изо всех сил сжимала трубку.

Кто-то внимательно слушал, сохраняя полное молчание и ожидая, чтобы она заговорила первой. Но она отнюдь не собиралась доставлять ему такое удовольствие. Она только прижимала трубку к уху и старалась что-нибудь уловить. Не важно что, что угодно. Пусть даже только его дыхание или звук, не более громкий, чем шорох морского отлива. Ни малейшего звука не было, но Дженни *чувствовала*, что на другом конце провода кто-то есть и этот кто-то тот же самый, чье присутствие она обнаружила, когда снимала трубки телефонов в доме Сантини и в полицейском участке.

Стоя в забаррикадированной комнате, в этом молчащем доме, в который каким-то непостижимым образом пробралась Смерть, Дженни Пэйдж ощущала, как внутри ее происходит странная трансформация. Она была хорошо образованной женщиной, разумной и логичной, начисто лишенной веры в какие бы то ни было суеверия и предрассудки. До сих пор она пыталась разрешить загадку Сноуфилда путем логического анализа и рассуждений. Но впервые в жизни все это оказалось абсолютно несостоятельно. И сейчас в глубине ее сознания что-то... сдвинулось, словно приподняли и откинули в сторону огромную тяжеленную стальную плиту, придавливавшую и скрывавшую бездну ее подсознания. В этой бездне, в ее мрачных глубинах, таились совершенно новые для нее первобытные эмоции и чувства, унаследованные с незапамятных времен, благоговейный страх перед сверхъестественным. И она поняла, что же происходило тут, в Сноуфилде; поняла на уровне животной памяти, заложенной в генах и передаваемой из поколения в поколение. Она и раньше понимала это, это знание жило в ней, но было настолько непривычно и чуждо, казалось таким алогичным, что она сопротивлялась ему сколько могла, изо всех сил стараясь подавить вскипавший в ней суеверный ужас.

Сжимая трубку телефона, она вслушивалась в чье-то молчаливое присутствие и внутренне спорила сама с собой:

— Это не человек; это *нечто*.

— Чепуха.

— Оно вообще чуждо человеческой природе; но оно обладает сознанием.

— У тебя истерика.

— Оно неописуемо злобно; это чистое зло в высшем его выражении.

— Прекрати, прекрати, *прекрати!*

Ей хотелось швырнуть трубку, но она не могла, не в состоянии была сделать это. Нечто находившееся на другом конце провода гипнотизировало ее.

Лиза подошла поближе.

— Что там такое? Что происходит?

Вся дрожа, мокрая от внезапно выступившего пота, чувствуя, что ее отравляет уже одно вслушивание в это чье-то омерзительное присутствие, Дженни готова была оторвать трубку от уха, когда услышала свист, щелчок — и в трубке появился гудок.

В первое мгновение она застыла, пораженная, не в силах что-либо сделать.

Потом она лихорадочно ткнула пальцем в кнопку «0».

Раздался гудок вызова. Это был прекрасный, сладостный, волнующий звук.

— Оператор слушает.

— Соедините меня с окружным шерифом в Санта-Мире,— сказала Дженни.— Очень срочно!

Глава 9

ПРИЗЫВ НА ПОМОЩЬ

— Стирку? Какую стирку? — переспросил Кейл.

Брайс видел, что его вопрос застал Кейла врасплох и тот только притворяется, будто не понимает, о чем его спрашивают.

— Какое это имеет отношение к делу, шериф? — спросил Боб Робин.

Глаза Брайса оставались по-прежнему полуприкрытыми, он продолжал говорить спокойно и медленно:

— Видишь ли, Боб, я просто пытаюсь выяснить все мелочи, чтобы мы могли закрыть это дело. Клянусь, я терпеть не могу работать по воскресеньям, а дело уже почти закончено. У меня есть еще несколько вопросов, мистер Кейл может не отвечать

ни на один из них, если не хочет, но я их все-таки задам. Тогда я смогу с чистой совестью отправляться домой пить пиво.

Робин вздохнул и посмотрел на Кейла.

— Не отвечайте без моего разрешения,— сказал он.

Кейл, теперь уже откровенно обеспокоенный, кивнул.

Нахмурившись, Робин посмотрел на Брайса.

— Продолжайте.

— Когда мы в прошлый четверг приехали в дом мистера Кейла по его вызову,— заговорил опять Брайс,— я обратил внимание на то, что отворот на одной из штанин и нижняя, утолщенная кромка его свитера выглядели немного влажными. Самую малость, так, что это даже трудно было заметить. У меня сложилось впечатление, что перед нашим приездом он перестирал все, что было на нем надето, но не успел как следует высушить выстиранное. Поэтому я заглянул в ту комнату, где стоит стиральная машина, и обнаружил там кое-что интересное. В шкафу рядом со стиральной машиной, там, где миссис Кейл держала мыло, стиральные порошки и тому подобное, на большой коробке порошка были два отпечатка пальцев. Один немного смазанный, другой совсем четкий. Оба отпечатка были оставлены окровавленными пальцами. Наша лаборатория утверждает, что это отпечатки пальцев мистера Кейла.

— Чья кровь была на коробке? — резко спросил Робин.

— И у миссис Кейл, и у Денни была нулевая группа крови. У мистера Кейла та же группа. Поэтому нам было достаточно сложно...

— Чья кровь была на коробке с порошком? — перебил его Робин.

— Кровь была нулевой группы.

— Тогда это вполне могла быть кровь моего клиента! Эти отпечатки могли оказаться на коробке гораздо раньше. Допустим, за неделю до того он что-то делал в саду и порезался.

Брайс отрицательно покачал головой.

— Как вы знаете, Боб, сейчас научились делать очень подробные анализы крови. Ее образец раскладывают на такое число энзимов и молекул протеина, что в результате анализа можно определить ее принадлежность только данному человеку, как и его отпечатки пальцев. И лаборатория нам совершенно однозначно сообщила, что кровь на коробке с порошком — а

следовательно, и на руке мистера Кейла, когда он оставил там эти отпечатки,— принадлежала маленькому Денни Кейлу.

Глаза Флетчера Кейла оставались все такими же спокойными, лишенными выражения, но сам он сильно побледнел.

— Я могу объяснить, как это получилось,— сказал он.

— Погодите! — остановил его Робин.— Объясните сначала мне одному! — Адвокат отвел своего клиента в самый дальний угол комнаты.

Брайс, ссутулившись, сидел на своем стуле. Чувствовал он себя препротивно. Совершенно разбитым. Такое ощущение появилось у него с прошлого четверга, с того момента, когда он увидел жалкое изувеченное тельце Денни Кейла.

Он думал, что ему доставит большое удовольствие наблюдать за тем, как будет корчиться и извиваться, словно червяк, Кейл, когда он его прижмет. Но никакого удовольствия в этом не было.

Робин и Кейл вернулись за стол.

— Шериф, боюсь, мой клиент сделал глупость.

Кейл постарался изобразить на своем лице должное смущение.

— Он совершил поступок, который мог быть неверно истолкован. И вы его *действительно* неправильно истолковываете. Мистер Кейл был тогда испуган, находился в замешательстве, был потрясен свалившимся на него горем. Он не вполне отдавал себе отчет в собственных действиях. Я уверен, что любой состав присяжных окажется на его стороне. Видите ли, когда он обнаружил тело своего сына, то поднял его и...

— Он утверждал, что не прикасался к нему.

Кейл выдержал прямой взгляд Брайса и произнес:

— Когда я увидел лежавшего на полу Денни... я вначале просто не поверил, что он... и *вправду* мертв. Я его подхватил... подумал, что надо побыстрее отвезти его в больницу... А потом, после того как я уже застрелил Джоанну, я посмотрел на себя и увидел, что я весь... в крови Денни. Я *действительно* убил жену; но тут я вдруг понял, что может сложиться впечатление, будто и своего сына тоже убил я.

— В руке у вашей жены был зажат нож,— напомнил Брайс.— И она *тоже* вся была в крови Денни. Кроме того, вы могли бы предположить, что коронер найдет в ее крови наркотик.

Сейчас я все это понимаю,— сказал Кейл, вытаскивая из кармана носовой платок и вытирая глаза.— Но тогда я был напуган, что меня могут обвинить в том, чего я не делал.

Характеристика «психопат» не подходит к Флетчеру Кейлу, решил Брайс. Он не сумасшедший. Нельзя его назвать и в полном смысле слова социопатом*. Пожалуй, его вообще невозможно описать каким-то одним словом. Хороший полицейский, однако, сразу же распознает подобных типов, угадывая в них и способность пойти на преступление, и своего рода талант к проявлениям грубого насилия и жестокости. Есть такой тип людей, у которых прорва жизненных сил, которые любят постоянно находиться в действии, наделены немалой долей обаяния; это люди, которые носят более дорогую одежду, чем могут себе позволить; у которых нет ни одной книги — у Кейла их и не было; у которых нет своей выношенной точки зрения ни по какому серьезному вопросу, будь то сфера экономики, политики, искусства или чего угодно другого; которые не верят в Бога, если только на них не свалилось какое-нибудь несчастье или они не хотят произвести на кого-нибудь впечатление своей набожностью — как Кейл, который хотя и не принадлежал ни к какой религии, сейчас не меньше четырех часов в день проводил за чтением в своей камере Библии; люди, атлетически сложенные, но не терпящие никаких полезных физических нагрузок или упражнений, проводящие все свое свободное время в барах и забегаловках; люди, привычно, по инерции обманывающие свою жену,— что, судя по всем отзывам, делал Кейл; импульсивные, ненадежные, всегда и всюду опаздывающие — что тоже было характерно для Кейла; люди, не имеющие перед собой ясных и реалистических целей — «Кто? Флетчер Кейл? Ну, это мечтатель!»,— лгущие в денежных вопросах и часто забирающие со своего счета в банке больше, чем на нем есть, легко берущие взаймы и трудно отдающие долг; склонные к преувеличениям, *твердо* знающие, что в один прекрасный день они разбогатеют, но не имеющие ни плана движения к этой цели, ни представления о том, как и почему это произойдет; люди, которые никогда не задумываются о будущем, но и не сомне-

* Термин, применяемый в социологии и правоохранительной практике США для обозначения людей с устойчиво патологическими чертами социального поведения.

ваются в том, что оно сложится для них удачно; люди, думающие и заботящиеся только о себе, и то обычно тогда, когда уже бывает поздно. Флетчер Кейл был идеальным образцом подобного человеческого типа.

Брайсу доводилось и раньше встречать таких людей. Глаза у них всегда лишены выражения, заглянуть в них невозможно. Лица способны принимать любое выражение, которое необходимо им в данный момент, хотя оно всегда оказывается немного слишком *правильным*. Если они проявляют заботу и внимание к кому-то другому, кроме себя, от этого за несколько миль несет неискренностью. Их не отягощают угрызения совести, соображения морали, способность любить или испытывать сочувствие. Обычно они живут, сея вокруг себя всевозможные разрушения: портят настроение и существование тем, кто их любит, вносят потрясения в жизнь своих друзей, доверившихся им и понадеявшихся на них, нарушают договоренности и соглашения, обманывают доверие, но при этом так никогда и не пересекают ту черту, за которой начинается преступление. Однако время от времени такие люди заходят далеко. А поскольку они никогда и ничего не делают наполовину, то в этом случае они непременно заходят очень, *страшно* далеко.

Брошенное на пол маленькое, истерзанное, окровавленное тельце Денни Кейла.

Мрачное отвращение, переполнявшее Брайса, казалось, становилось все более густым и тягучим, погружая его рассудок в холодный туман. Обращаясь к Кейлу, он спросил:

— Вы нам говорили, что ваша жена на протяжении двух с половиной лет была заядлой курильщицей марихуаны?

— Совершенно верно.

— По моей просьбе коронер обратил особое внимание на некоторые обстоятельства, которыми обычно не принято интересоваться при вскрытиях. В частности, на состояние легких Джоанны. Она не курила не только марихуану, она вообще не курила. Легкие у нее чистые.

— Я не говорил, что она курила табак. Только марихуану,— сказал Кейл.

— И дым марихуаны, и дым обычного табака разрушающе действуют на легкие,— сказал Брайс.— У Джоанны же легкие были чистые, вообще без всяких следов воздействия дыма.

— Но я...

— Помолчите,— прервал своего клиента Робин. Он наставил длинный тонкий палец на Брайса, повращал им в воздухе и спросил: — Была в ее крови «ангельская пыльца» или нет? Вот что существенно.

— Была,— ответил Брайс.— В крови была. Но она ее *не курила*. Джоанна, видимо, принимала ее внутрь. Очень большое количество этой «пыльцы» было обнаружено у нее в желудке.

Робин заморгал от удивления, но быстро преодолел замешательство.

— Ну вот,— сказал он,— значит, она ее все-таки принимала. И какая разница, как именно?

— В желудке,— продолжал Брайс,— было обнаружено гораздо больше «пыльцы», чем в крови.

Кейл попытался изобразить одновременно любопытство, напряженную работу мысли и полную невинность, но даже его весьма подвижному лицу справиться с этим оказалось затруднительно.

— Значит, в желудке ее оказалось гораздо больше, чем в крови. И что же из этого следует? — спросил, нахмурившись, Боб Робин.

— «Ангельская пыльца» поглощается кровью очень быстро. Если принимать ее внутрь, то она не может оставаться в желудке долгое время. Джоанна проглотила ее столько, что могла бы свихнуться. Но эта «пыльца» не могла успеть на нее подействовать. Дело в том, что она съела эту «пыльцу» с мороженым. А мороженое покрыло изнутри ее желудок тонкой пленкой и мешало попаданию наркотика в кровь. Во время вскрытия коронер обнаружил в желудке частично еще не переваренное мягкое шоколадное мороженое. А это означает, что «пыльца» не успела проникнуть в кровь и вызвать у Джоанны галлюцинации или заставить ее впасть в неистовую ярость.— Брайс остановился, перевел дыхание и немного помолчал.— В желудке у Денни тоже были остатки мягкого шоколадного мороженого, но без наркотика. Когда мистер Кейл говорил нам о том, что в четверг он пришел домой с работы пораньше, он забыл упомянуть, что принес домашним угощение. Полгаллона мягкого шоколадного мороженого.

Лицо Флетчера Кейла стало абсолютно бесстрастным. Похоже, он наконец исчерпал весь имевшийся у него в запасе арсенал выражений.

— В морозильнике у Кейлов мы нашли банку с остатками мороженого,— продолжал Брайс.— Мягкого, шоколадного. Мне кажется, дело происходило следующим образом, мистер Кейл. Вы разложили мороженое по тарелкам, для всех. И я думаю, тайком подсыпали в тарелку жене «ангельской пыльцы», чтобы иметь потом возможность утверждать, что она неистовствовала под влиянием наркотика. Вам не пришло в голову, что коронер сможет все это установить.

— Черт возьми, подождите минуту! — воскликнул Робин.

— А потом, когда вы стирали свою окровавленную одежду,— продолжал Брайс, обращаясь к Кейлу,— вы вымыли тарелки из-под мороженого и убрали их, потому что, по вашей версии, когда вы пришли домой с работы, маленький Денни был уже мертв, а его мать свихнулась на почве наркотиков.

— Все это только предположения,— сказал Робин.— А о мотивах вы забыли? Ради бога, зачем бы моему клиенту понадобилось совершать столь омерзительное деяние?

Пристально глядя в глаза Кейла, Брайс произнес:

— «Высокогорные инвестиции».

Лицо Кейла оставалось бесстрастным, но веки его дрогнули.

— «Высокогорные инвестиции»? — переспросил Робин.— Что это такое?

Брайс продолжал, не отрывая взгляда от Кейла:

— В прошлый четверг, перед тем как идти домой, вы покупали мороженое?

— Нет,— категорически ответил Кейл.

— А владелец магазина на Кальдер-стрит утверждает, что покупали.

Кейл яростно сжал зубы, и скулы у него напряглись.

— Что такое «Высокогорные инвестиции»? — снова спросил Робин.

Брайс выстрелил в Кейла следующим вопросом:

— Вам известен человек, которого зовут Джин Терр?

Кейл молчал.

— Его еще иногда называют Джитер.

— Кто это такой? — спросил Робин.

— Главарь «Хромированных дьяволов»,— ответил Брайс, внимательно наблюдая за Кейлом.— Банды мотоциклистов. Джитер занимается торговлей наркотиками. Самого его поймать с поличным нам, правда, ни разу не удавалось. Но кое-кого из членов банды мы посадили. В связи с этим делом мы нажали на Джитера, и он вывел нас на одного из своих людей, который признался, что мистер Кейл регулярно покупал у него марихуану. Мистер, не миссис Кейл. Она никогда ничего не покупала.

— И кто это говорит? — возмутился Робин.— Рокер! Подонок! Торговец наркотиками! Как можно верить показаниям такого свидетеля?!

— По имеющейся у нас информации, мистер Кейл покупал в прошлый четверг не только марихуану. Он покупал и «ангельскую пыльцу». Человек, который продал ему все это, готов дать показания в суде в обмен на то, что его не будут преследовать по закону*.

Со звериной быстротой и внезапностью Кейл вскочил, схватил стоявший рядом с ним пустой стул, запустил его через стол в Брайса Хэммонда и кинулся к выходу.

В то мгновение, когда стул еще был в воздухе, Брайс уже бросился за убегавшим, поэтому стул пролетел мимо головы шерифа, не причинив ему никакого вреда, и грохнулся на пол позади него. Брайс в этот момент огибал стол.

Ударом ноги Кейл распахнул дверь и выскочил в коридор.

Брайс отставал от него всего на четыре шага.

Тал Уитмен слетел с подоконника так, словно его снесло оттуда взрывом, и сейчас мчался на шаг позади Брайса, крича во все горло.

Выскочив в коридор, Брайс увидел, что Флетчер Кейл несется по направлению к желтой входной двери, находившейся от него примерно в двадцати футах. Он припустился вдогонку за этим сукиным сыном.

Кейл с разбега налетел на ручку и распахнул металлическую дверь.

В следующее мгновение, когда Кейл уже заносил ногу через порог, собираясь выскочить на посыпанную щебнем стоянку возле полицейского участка, Брайс настиг его.

---

* Обычная, разрешенная законом практика в американском правоохранении и судопроизводстве.

Чувствуя, что Брайс уже у него за спиной, Кейл с невероятной быстротой и гибкостью развернулся и выбросил вперед свой огромный кулак.

Брайс увернулся от удара и сам влепил кулаком по твердому и плоскому животу Кейла, а потом со всего маху ударил его по шее.

Кейл отшатнулся назад, прижав руки к горлу, кашляя и ловя ртом воздух.

Брайс двинулся на него.

Но Кейлу досталось не так сильно, как он притворялся. Он прыгнул навстречу Брайсу и крепко зажал его своей железной хваткой.

— Ах ты гад! — рычал Кейл, брызжа слюной.

Его серые глаза были широко раскрыты, рот свирепо оскален, во всем его облике появилось что-то волчье.

Руки Брайса оказались прижатыми к телу, и, хотя он и сам был достаточно силен, вырваться из тисков Кейла не мог. Так, вместе, борясь друг с другом, они сделали несколько шагов назад, споткнулись и грохнулись, причем Кейл очутился наверху. Голова Брайса больно ударилась о мостовую, и на мгновение ему почудилось, что он вот-вот потеряет сознание.

Кейл ударил его, но не очень сильно, потом вдруг скатился с него и быстро пополз на карачках куда-то в сторону.

С трудом прогоняя возникшую у него перед глазами темную пелену и удивляясь, что Кейл почему-то не воспользовался преимуществом, которое имел, Брайс перевернулся и встал на четвереньки. Он потряс головой — и тут увидел, куда устремился его противник.

За револьвером.

Он лежал на щебенке в нескольких ярдах от них, мрачно поблескивая в желтоватом свете натриевых ламп.

Брайс схватился за кобуру. Пустая. Валявшийся на земле револьвер был его собственным. По-видимому, когда шериф упал, револьвер выскользнул из кобуры и отлетел в сторону.

Рука убийцы сомкнулась на оружии.

В этот момент Тал Уитмен изо всей силы ударил Кейла сзади по шее полицейской дубинкой, и тот свалился без сознания прямо на револьвер.

Присев с ним рядом, Тал перевернул Кейла на спину и проверил его пульс.

Держась за собственный раскалывающийся затылок, Брайс прихрамывая подковылял к ним.

— Как он, Тал? Цел?

— Вполне. Через пару минут оклемается.— Уитмен подобрал револьвер Брайса и поднялся.

— Я тебе обязан, Тал,— поблагодарил Брайс, принимая из его рук оружие.

— Чепуха. Как твоя голова?

— Пройдет. На этот раз повезло.

— Я не ожидал, что он бросится удирать.

— Я тоже не ожидал,— сказал Брайс.— Такие люди, когда их по-настоящему припрешь, обычно становятся все спокойнее, хладнокровнее и осторожнее.

— Ну, этот, видимо, решил, что для него уже все кончено.

В дверях полицейского участка стоял Боб Робин, с ужасом глядел на них и молча качал головой.

Некоторое время спустя, когда Брайс Хэммонд уже сидел за столом, заполняя бланки, в которых Флетчеру Кейлу предъявлялось обвинение в совершении двух предумышленных убийств, в открытую дверь его комнаты постучал Боб Робин.

Брайс поднял голову.

— Ну что, адвокат, как ваш клиент?

— С ним все в порядке. Но он уже больше не мой клиент.

— Вот как? Это было его решение или ваше?

— Мое. Я не могу вести дела клиента, который лжет мне буквально *во всем*. Не люблю, когда из меня делают дурака.

— Так что, ему прямо сейчас потребуется другой адвокат?

— Нет. Он намерен просить у судьи общественного защитника, когда ему будет предъявлено обвинение.

— Это будет завтра утром, первым делом.

— Не теряете даром времени, а?

— Только не с этим типом,— ответил Брайс.

— Правильно,— кивнул Робин.— Это очень мерзкий тип, Брайс.— Робин помолчал, а затем негромко произнес: — Знаете, я на целых пятнадцать лет отошел от католической веры. Я уже давным-давно решил для себя, что ангелов, чертей, чудес и тому подобного не существует. Я считал себя слишком образованным человеком, чтобы верить в то, будто Зло — Зло с за-

главной буквы — ходит по миру на козлиных копытах. Но сейчас здесь, в камере, Кейл вдруг окрысился на меня и заявил: «Ничего они со мной не сделают. Меня не сломить. Никому. Я из этого выпутаюсь». А когда я предостерег его против чрезмерного оптимизма, он сказал: «Я таких, как вы, не боюсь. И никаких убийств я не совершал. Я просто избавился от мусора, который отравлял мне жизнь».

— Господи Иисусе,— проговорил Брайс.

Они помолчали оба. Потом Робин вздохнул.

— А все-таки что такое эти «Высокогорные инвестиции»? Как они связаны с мотивами его преступления? — спросил он.

Но, прежде чем Брайс успел ответить, в комнату торопливо вошел Тал Уитмен.

— Брайс, можно тебя на пару слов? — Он взглянул на Робина.— Если можно, наедине.

— Конечно,— проговорил Робин.

Адвокат вышел, Тал прикрыл за ним дверь.

— Брайс, ты знаешь доктора Дженифер Пэйдж?

— Она некоторое время тому назад открыла кабинет в Сноуфилде.

— Точно. Но что она за человек, ты знаешь?

— Я с ней не знаком. Слышал, правда, что она неплохой врач. Жители этих маленьких горных деревушек теперь довольны, что им не надо больше ездить к врачам в Санта-Миру.

— Я тоже с ней не знаком. Я просто хотел спросить... может быть, до тебя доходило... не выпивает ли она. Я хочу сказать... не пьет ли?

— Нет, я ничего подобного про нее не слышал. А что? Что случилось?

— Она позвонила пару минут назад. Говорит, что в Сноуфилде произошла катастрофа.

— Катастрофа? Какая катастрофа?

— Она говорит, что не знает.

— А когда ты с ней разговаривал, у нее не было истерики? — спросил, помолчав немного, Брайс.

— Голос звучал испуганно, это верно. Но истерики не было. Она хочет говорить непременно с тобой, никому другому не хочет ничего говорить. Она сейчас на третьем канале.

Брайс потянулся к трубке телефона.

— И еще кое-что,— проговорил Тал, озабоченно морща лоб.

Брайс положил руку на трубку, но не снял ее.

— Она мне сказала...— проговорил Тал.— Я просто не могу этому поверить... Она сказала...

— Ну?

— Она сказала, что там все мертвы. Весь Сноуфилд. По ее словам, единственные, кто там пока жив, это она сама и ее сестра.

Глава 10
СЕСТРЫ И ПОЛИЦЕЙСКИЕ

Дженни и Лиза выбрались из дома Оксли тем же путем, каким попали туда: через окно.

Ночь становилась все холоднее. И опять подул ветер.

Они поднялись в гору по Скайлайн-роуд, дошли до дома Дженни и прихватили там жакетки, чтобы было не так холодно.

Потом опять спустились вниз и вернулись в полицейский участок. Прямо перед ним, на тротуаре, к бордюрному камню была привинчена деревянная скамья, и они уселись на нее в ожидании, пока придет помощь из Санта-Миры.

— Как ты думаешь, когда они сюда доберутся? — спросила Лиза.

— Ну, до Санта-Миры отсюда больше тридцати миль, причем по горной дороге с массой крутых поворотов. А кроме того, они должны еще принять особые меры предосторожности.— Дженни посмотрела на свои часы.— Думаю, они здесь будут минут через сорок пять. Самое большее через час.

— Ого!

— Это не так долго, голубушка.

Лиза подняла воротник хлопчатобумажной, отделанной шерстяной с начесом тканью жакетки.

— Дженни, когда в доме Оксли зазвонил телефон и ты сняла трубку...

— Да?

— Кто тогда звонил?

— Никто.

— А что ты слышала?

— Ничего,— солгала Дженни.

— Судя по выражению твоего лица, я подумала, что тебе кто-нибудь угрожал или говорил что-то очень неприятное, нехорошее.

— Ну конечно, я была очень встревожена и расстроена. Когда он зазвонил, я подумала, что телефоны заработали. Но когда я сняла трубку и услышала все ту же гробовую тишину, я... во мне как будто что-то сломалось. Вот и все.

— А потом в трубке раздался гудок?

— Да.

«Наверное, она мне не верит,— подумала Дженни.— Считает, что я стараюсь оградить ее от чего-то. Что я, разумеется, и делаю. Но как передать ей ощущение, что на другом конце провода было тогда какое-то неимоверное зло? Я и сама-то пока еще не понимаю, в чем тут дело. *Кто* или *что* слушал тогда меня по телефону? Почему он — или *оно* — в конце концов позволил мне позвонить?»

По улице ветром пронесло клочок бумаги. За исключением этого, все остальное было неподвижно.

По луне скользнуло и прошло легкое облачко.

Помолчав немного, Лиза сказала:

— Дженни, если со мной сегодня ночью что-нибудь случится...

— Ничего с тобой, голубушка, не случится.

— Но если *все-таки* случится,— настойчиво повторила Лиза,— я хочу, чтобы ты знала, что я... ну... честное слово, горжусь тем, что у меня такая сестра.

Дженни обняла девочку за плечи, и они еще теснее прижались друг к другу.

— А жаль, сестренка, что все эти годы мы с тобой так редко виделись.

— Ты же ведь не могла чаще приезжать домой,— ответила Лиза.— Я понимаю, как трудно тебе приходилось. Я прочла десятка два книг о том, через что приходится пройти, прежде чем стать врачом. Я всегда знала, какой груз лежит у тебя на плечах и о скольком тебе приходится думать и беспокоиться.

— Ну, все-таки я бы могла приезжать и почаще,— проговорила Дженни.

Иногда она действительно могла бы приехать, но не делала этого, потому что не могла выносить молчаливого обвинения и укора, которые читала в грустных глазах матери; обвинения, тем более задевавшего ее, что оно ни разу не было высказано вслух: *«Ты убила отца, Дженни. Ты разбила его сердце, и это его убило».*

— И мама тоже всегда тобой очень гордилась,— сказала Лиза.

Это заявление не просто удивило Дженни. Оно потрясло ее.

— Мама всегда всем рассказывала, что ее дочь врач,— улыбнулась при воспоминании об этом Лиза.— Иногда мне казалось, что ее друзья по бридж-клубу выставят ее за дверь, если она скажет еще хоть слово о тебе, твоих хороших отметках и стипендиях.

— Ты это серьезно? — Дженни часто заморгала.

— Конечно, серьезно.

— Но разве мама не...

— Не что? — переспросила Лиза.

— Ну... разве она никогда ничего не говорила о... об отце? Он умер двенадцать лет тому назад.

— Да, я знаю. Он умер, когда мне было два с половиной года.— Лиза наморщила лоб.— Но какое это имеет отношение?..

— Ты ни разу не слышала, чтобы мама винила меня?

— Винила тебя в чем?

Но прежде, чем Дженни успела ответить, Сноуфилд стал еще больше походить на погруженное в могильную тишину и спокойствие кладбище. В городе внезапно погасли все огни.

Три полицейские машины, сверкая красными мигалками, выехали из Санта-Миры и направились мимо погруженных в ночную темень и тишину холмов в сторону высоких гор Сьерры, склоны которых были сейчас залиты лунным светом.

За рулем самой первой машины в этой идущей на большой скорости колонне был Тал Уитмен, рядом с ним сидел шериф Хэммонд. На заднем сиденье расположились два помощника шерифа — Горди Брогэн и Джейк Джонсон.

Горди был в состоянии панического страха.

Он знал, что внешне ничем не выдает этот страх, и радовался хотя бы этому. Внешне он производил впечатление человека, который вообще не умеет бояться. Он был высок, крупного телосложения, широк в кости и мускулист. Руки у него были большие, как у профессионального баскетболиста, и сильные. Казалось, он может одним щелчком прибить любого, кто станет ему досаждать. У него было довольно красивое лицо, и он это знал: женщины не раз говорили ему об этом. Но оно в то же время казалось грубым и мрачным, а тонкие губы придавали его рту жестокое выражение. Впечатление от его внешности лучше всех выразил Джейк Джонсон, сказавший как-то: «Горди, когда ты хмуришься, ты кажешься человеком, который ест на завтрак живых цыплят».

И все-таки, несмотря на столь свирепый внешний вид, Горди Брогэн был сейчас панически напуган. Страх у него вызывала не опасность заразиться неизвестной болезнью или отравиться. Шериф перед выездом предупредил: есть вероятность того, что жителей Сноуфилда убили не микробы и не яды, но *какие-то люди*. И теперь Горди боялся, что впервые за все восемнадцать месяцев службы в полиции ему придется воспользоваться оружием. Боялся, что придется стрелять в кого-нибудь, чтобы спасти свою жизнь, жизнь другого полицейского или потенциальной жертвы.

Он был уверен, что не сможет этого сделать.

Он открыл в себе эту опасную слабость пять месяцев назад, когда выезжал на вызов, поступивший из магазина спортивных принадлежностей Доннера. Здоровый парень по имени Лео Сайпс, бывший работник этого магазина, разозленный тем, что его оттуда выгнали, заявился в магазин через две недели после увольнения, избил управляющего, сломал руку сотруднику, которого взяли на его место, и принялся крушить все вокруг. К тому моменту, когда Горди появился на месте происшествия, Лео Сайпс — высокий, тупой и пьяный — был занят тем, что топором, каким обычно пользуются лесорубы, бил и разносил вдребезги выставленные на прилавках товары. Уговорить его сдаться Горди не удалось. А когда Сайпс, размахивая топором, бросился на него самого, Горди вытащил револьвер. Тогда-то он и обнаружил, что не в состоянии заставить себя воспользоваться оружием. Указательный палец, которым надо было нажать на спуск, внезапно окаменел и перестал его слушаться. Горди пришлось засунуть оружие назад и пойти на риск рукопашной схватки с Сайпсом. Каким-то чудом ему удалось тогда отнять у этого балбеса топор.

Сейчас, пять месяцев спустя, Горди сидел на заднем сиденье патрульной машины, прислушивался краем уха к разговору Джейка Джонсона и шерифа Хэммонда, а живот у него сводило судорогой при одной мысли о том, что может причинить человеку полая внутри пуля сорок пятого калибра. Она в самом *прямом* смысле слова способна снести ему голову. Может превратить плечо в кашу из разорванных тканей и разбитых на длинные корявые иглы костей. Разворотить грудную полость, разметав на кусочки сердце и все, что попадется ей на пути. Оторвать ногу, если попадет в коленную чашечку, или превратить лицо человека в сплошное кровавое месиво. Горди Брогэн, да поможет ему Всевышний, был просто-напросто не способен причинить кому бы то ни было подобные увечья.

В этом-то и заключалась его самая большая слабость. Он знал, что некоторые люди назвали бы его неспособность выстрелить в другого человека не слабостью, но признаком морального превосходства. Он, однако, понимал и то, что такие рассуждения оказываются не всегда верны. Бывают ситуации, когда выстрелить в другого — это и значит совершить моральный поступок. Офицер полиции приносит присягу в том, что будет защищать людей. И если он не способен выстрелить, когда применение оружия явно оправданно и необходимо, то это уже не слабость, а слабоумие, пожалуй даже грех.

На протяжении последних пяти месяцев, после того случая в магазине спорттоваров, Горди везло. Ему пришлось всего несколько раз выезжать на вызовы, связанные с применением насилия. По счастью, ему удавалось смирять нарушителей угрозами, кулаками, дубинкой, на худой конец предупредительными выстрелами в воздух. Один раз, когда стрельба по преступнику была неизбежной, другой полицейский, Фрэнк Отри, выстрелил раньше и тем избавил Горди от непосильной задачи — нажать на спусковой крючок.

Но сейчас в Сноуфилде произошло что-то невообразимо страшное. А Горди хорошо знал по опыту, что насилию часто приходится противопоставлять встречное насилие.

Револьвер, болтавшийся в кобуре у него на бедре, весил, казалось, тысячу тонн.

Горди думал о том, что приближается момент, когда его слабость обнаружится и станет известна всем. Думал, что, возможно, сегодня ночью он погибнет, а быть может, его слабость станет причиной бессмысленной гибели кого-то еще.

Он истово молился про себя, чтобы суметь справиться с этим наваждением. Безусловно, должно существовать какое-то решение, позволяющее человеку быть по природе своей мирным, но при этом обладать достаточной силой воли и характера, чтобы суметь защитить самого себя, своих друзей и других людей — таких же, как он сам...

Сверкая ярко-красными мигалками, три бело-зеленые полицейские машины забирались по серпантину шоссе все выше в темные ночные горы, все ближе к самым их вершинам, блестевшим под лунным светом так, что со стороны могло показаться, будто там, наверху, уже выпал первый в этом сезоне снег.

Горди Брогэн был в состоянии панического страха.

Уличные фонари и все другие огни погасли, и городок погрузился в кромешную тьму.

Дженни и Лиза вскочили с деревянной скамейки.

— Что случилось?

— Тссс! — прервала ее Дженни.— *Слушай!*

Но вокруг стояла все та же абсолютная тишина.

Ветер затих, как будто тоже испугался наступившей в городке темноты. Лес молчал, и ветви деревьев висели неподвижно, как старая одежда в шкафу.

«Слава богу, что хоть луна светит»,— подумала Дженни.

С колотящимся вовсю сердцем она обернулась и принялась внимательно рассматривать все, что их окружало. Полицейский участок. Небольшое кафе. Магазинчики. Жилые дома.

Тени лежали на входных дверях всех домов, настолько густые тени, что было невозможно сказать, открыты эти двери или заперты — или именно в этот момент потихоньку открываются и выпускают на темные ночные улицы страшных, раздувшихся, каким-то дьявольским образом восставших мертвецов.

«Прекрати! — подумала Дженни.— Мертвецы не оживают».

Взгляд ее остановился на воротах крытого служебного проезда между полицейским участком и магазином сувениров. Проезд в точности напоминал тот мрачный узкий тоннель, что находился рядом с булочной Либерманов.

Не прячется ли что-нибудь и здесь тоже? И может быть, сейчас, когда погас свет, оно неумолимо подбирается там, внутри, поближе к воротам, готовясь выскочить прямо на темный тротуар.

Опять этот первобытный страх.

Это ощущение присутствия Зла.

Этот суеверный ужас.

— Пойдем,— сказала она Лизе.

— Куда?

— На улицу. Там на нас ничто не нападет...

— ...так, что мы его даже не увидим,— докончила, сразу все поняв, Лиза.

Они вышли на самую середину освещенной лунным светом мостовой.

— Сколько еще до приезда полиции? — спросила Лиза.

— Минут пятнадцать—двадцать, не меньше.

В этот момент во всем городке внезапно зажегся свет. Яркий электрический поток ослепил их — и тут же снова настала темнота.

Дженни подняла револьвер — растерянно, не зная, в какую сторону его направить.

В горле у нее будто застрял сухой комок страха, рот мгновенно пересох.

Над всем Сноуфилдом пронесся вдруг громкий и ужасный, резкий и отвратительный вой.

Дженни и Лиза завопили от страха, резко обернулись, наткнувшись друг на друга, а затем принялись лихорадочно оглядываться по сторонам, пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь во мраке, лишь чуть-чуть разбавленном лунным светом.

Опять наступила полная тишина.

Потом раздался такой же вой.

Снова тишина.

— Что это? — спросила Лиза.

— Пожарная сирена!

Звук раздался снова: короткое, разрывающее уши завывание, донесшееся с восточной стороны Сент-Морицуэй, оттуда, где располагалось депо добровольной пожарной дружины Сноуфилда.

Бам-м-м!

Дженни опять подскочила от неожиданности и обернулась.

— Бам-м-м! Бам-м-м!

— Церковный колокол,— сказала Лиза.

— Это в католической церкви, в западной части Вейл-лэйн.

Колокол прозвонил еще раз, и его громкий, глубокий и скорбный звук отозвался дребезжанием стекол во всех темных окнах погруженной во мрак Скайлайн-роуд, во всех не видных сестрам окнах по всему мертвому городку.

— Чтобы звонил колокол, кто-то должен тянуть за канат,— проговорила Лиза— А чтобы завыла сирена, надо нажать кнопку. Так что кто-то здесь есть кроме нас с тобой.

Дженни ничего ей не ответила.

Снова подала голос сирена: взвыла и затихла, еще раз взвыла и затихла. Потом опять зазвонил колокол. Потом колокол и сирена зазвучали одновременно — и еще раз, еще и еще, как бы возвещая о пришествии кого-то чрезвычайно важного.

Ночной пейзаж в горах, по дороге на Сноуфилд, был выдержан исключительно в черных и серебристо-лунных тонах. Лес, чуть в отдалении от дороги, казался скоплением мрачных силуэтов и черных теней, среди которых в слабом лунном свете то здесь, то там не столько были видны, сколько угадывались белесые вкрапления листьев и иголок.

С этим пейзажем резко контрастировали кроваво-красные отблески вращающихся мигалок, установленных на крышах трех «фордов», надписи и гербы на передних дверцах которых свидетельствовали об их принадлежности полицейскому департаменту округа Санта-Мира.

Вторую машину вел помощник шерифа Фрэнк Отри; на переднем сиденье рядом с ним, ссутулившись и сползая вниз, сидел Стю Уоргл.

Фрэнк Отри был строен, жилист, с аккуратно подстриженными темными волосами, в которых уже проглядывала седина.

Черты его лица были четки и экономны, словно в тот день, когда Бог создавал генетическую линию Фрэнка, он не был расположен что-либо тратить зря. Карие глаза под узкими, слегка изогнутыми бровями; узкий патрицианский нос; рот, не чересчур маленький, но и не слишком большой; небольшие уши, почти без мочек, плотно прижатые к голове. Усы Фрэнка были подстрижены и ухожены самым тщательнейшим образом.

Полицейскую форму он носил именно так, как предписывали правила: черные ботинки были начищены до зеркального блеска; складка на широких коричневых брюках заглажена как бритва; кожаный пояс и кобура вычищены и блестели от ланолина; коричневая сорочка всегда свежая и накрахмаленная.

— Мать его, это же нечестно,— пробурчал Стю Уоргл.

— Командиру необязательно быть честным. Достаточно, чтобы он был прав,— ответил Фрэнк.

— Это какому еще командиру? — раздраженным, ворчливым тоном спросил Уоргл.

— Шерифу Хэммонду. Ты же о нем говоришь?

— Я его командиром не считаю.

— И тем не менее он командир,— возразил Фрэнк.

— Сукин он сын,— проворчал Уоргл.— Готов меня со свету сжить.

Фрэнк ничего не ответил.

До того как он пришел на работу в полицию округа, Фрэнк Отри был профессиональным армейским офицером. В возрасте сорока четырех лет, после двадцати пяти лет безупречной службы в армии, он вышел в отставку и вернулся в Санта-Миру — городок, в котором родился и вырос. Он намеревался открыть здесь какое-нибудь небольшое дело, чтобы подрабатывать к пенсии и просто чем-то заниматься, но так и не смог подыскать ничего подходящего. Постепенно он стал осознавать, что для него не имеет смысла и не кажется привлекательной никакая работа, где нет необходимости носить форму, командовать и подчиняться, нет элементов физического риска и ощущения того, что, выполняя ее, ты служишь обществу. Три года назад, в сорокашестилетнем возрасте, он поступил на работу в полицию и, несмотря на то что здесь он был рядовым полицейским, а не майором, как в армии, с тех пор чувствовал себя счастливым.

Если точнее, то счастливым он себя чувствовал всегда, за исключением тех дней — обычно за месяц их набиралась неделя,— когда ему выпадало дежурить в паре со Стю Уоргом. Уорга был невыносим. Фрэнк терпел его только потому, что оттачивал на нем свою способность сохранять хладнокровие и выдержку.

Уорга был разгильдяем. Волосы у него нередко бывали грязные. Когда он брился, то всегда оставлял на лице островки невыбритой щетины. Форма на нем была вечно измятая, ботинки он вообще никогда не чистил. У него был слишком широкий зад, чересчур широкие бедра, и вообще весь он как-то неприятно расширялся книзу.

Уорга был тупицей. У него начисто отсутствовало чувство юмора. Он ничего не читал, ничего не знал, однако всегда имел непоколебимую точку зрения по любым вопросам текущей политической и общественной жизни.

Уорга был ничтожеством. В свои сорок пять лет он все еще ковырял в носу, не смущаясь ничьим присутствием. Он мог с апломбом рыгать, выпускать газы, издавать другие неприличные звуки.

Не меняя своей раскоряченной позы, Уорга произнес:

— Мое дежурство заканчивается в десять часов. В *десять*, черт побери! И Хэммонд поступил нечестно, что потащил меня в этот Сноуфилд. А у меня там уже все было на мази.

Фрэнк не клюнул на крючок и не спросил, с кем там у Уорга намечалось свидание. Сосредоточившись на дороге, он продолжал вести машину, искренне надеясь, что Уорга не станет рассказывать, кто это у него там «был на мази».

— Официанточка из этого ресторана, «Для тех, кто торопится»,— проговорил Уорга.— Возможно, ты ее видел. Такая блондиночка. Зовут Беатриса. Там ее кличут Бо*.

— Я туда редко заезжаю,— сказал Фрэнк.

— А-а. Да, так вот, мордашка у нее очень даже ничего. И все остальное тоже. В общем, фигурка что надо. Есть малость лишнего веса, но малость. А она считает, что слишком толстая и некрасивая. Неуверенная в себе, понимаешь? Если правильно подойти, если поиграть на ее сомнениях, понимаешь, а потом сказать ей, что ты ее все равно хочешь, пусть даже она немного и толстовата,— да она тогда все для тебя сделает. Все, понимаешь?

* Игра слов: «Бея» *(англ.)* — уменьшительное от «Беатрисы», но и «Красотка».

И он расхохотался, словно сказал что-то очень смешное.

Фрэнку захотелось врезать этому подонку по физиономии. Но он сдержался.

Уорга был женоненавистником. Он обычно говорил о женщинах как о существах низших. Мысль о том, что с ними можно быть счастливыми, жить одной жизнью, делиться самыми сокровенными мыслями или же что женщину можно любить, лелеять, восхищаться ею, уважать, ценить за ее мудрость, прозорливость, чувство юмора,— подобные представления были абсолютно чужды Стю Уоргу.

Фрэнк Отри, напротив, был вот уже двадцать шесть лет женат на своей симпатичной Рут. Он обожал ее. И хотя сознавал, что думать так — это проявление эгоизма, но иногда молился о том, чтобы ему выпало умереть первому и не пришлось бы жить без Рут.

— Этот Хэммонд, мать его, явно хочет меня допечь. Вечно он ко мне придирается.

— По поводу чего?

— Всего. И форма моя ему не нравится. И то, как я пишу донесения. Он мне тут заявил, что я должен изменить свое отношение к службе. *Отношение* мое ему, видишь ли, не нравится! Он меня хочет допечь, но ничего у него не выйдет. Еще пять лет оттрублю, и будет у меня тридцать лет выслуги и соответствующая пенсия, понимаешь? Не выйдет у этого сукина сына лишить меня моей пенсии. Он меня из полиции не выживет!

Почти два года назад избиратели Санта-Миры проголосовали за то, чтобы ликвидировать свою городскую полицию, передав ее обязанности в городе департаменту окружного шерифа. Так они выразили доверие Брайсу Хэммонду, отлично поставившему работу полиции округа. Но при этом было выдвинуто одно условие: никто из бывших городских полицейских не должен лишиться ни работы, ни выслуги лет перед пенсией. Это означало, что все они должны были перейти на работу в полицию округа. Вот почему Брайс Хэммонд не мог избавиться от Стюарта Уоргла.

Они подъехали к повороту на Сноуфилд.

Фрэнк взглянул в зеркало заднего вида и увидел, что третья машина отделилась от колонны. Как они и договаривались, машина встала поперек дороги на Сноуфилд, заблокировав подъезд к городку.

Машина шерифа Хэммонда продолжала двигаться по направлению к Сноуфилду, и Фрэнк последовал за ней.

— А зачем, черт возьми, мы везем воду? — спросил Уоргл.

Три пятигаллонных канистры воды стояли на полу машины вдоль заднего сиденья.

— Вода в Сноуфилде может быть заражена,— ответил Фрэнк.

— А для чего мы набили полный багажник еды?

— Возможно, продукты там тоже нельзя использовать.

— Не верю, что там все вымерли.

— Шериф не смог дозвониться в наш участок Полу Хендерсону.

— Ну и что? Пол Хендерсон подонок.

— Докторша, которая оттуда звонила, сказала, что Пол Хендерсон мертв, как и все остальные...

— О господи, да эта докторша чокнутая или наклюкалась. Да и какая она докторша? Чтобы женщина была врачом?! Она, наверное, только через постель всего этого и добилась.

— Что?!

— Ни одна баба не способна честно выучиться на доктора!

— Уоргл, ты не перестаешь меня удивлять.

— А чем я тебе-то на хвост наступил? — спросил Уоргл.

— Ладно. Оставим это.

Уоргл рыгнул.

— Я все-таки не верю, что все они там померли.

Еще одним недостатком Стю Уоргла было полное отсутствие воображения.

— Дерьмо. Сплошное дерьмо. А у меня там уже все было на мази.

Фрэнк Отри, напротив, был наделен очень хорошим воображением. Возможно, даже слишком хорошим. И сейчас, когда они поднимались все выше в горы и уже проехали знак «ДО СНОУФИЛДА — 3 МИЛИ», его воображение работало, как

хорошо смазанная машина. У него было очень неприятное ощущение — предчувствие? подозрение? — что они въезжают прямиком в Ад.

Сирена на пожарном депо взвыла снова.

Церковный колокол зазвонил все чаще и чаще.

Городок захлестнула оглушительная какофония.

— Дженни! — закричала Лиза.

— Смотри во все глаза! Следи, нет ли какого движения!

Но улицу заполняли, переплетаясь друг с другом, тысячи мрачных теней, и разглядеть среди них что-либо не было никакой возможности.

Непрерывно выла сирена, отчаянно трезвонил колокол, и в довершение всего в городке замигал свет. Уличные фонари, освещение в домах и витринах магазинов — все это стало включаться и выключаться с такой скоростью, что от непрерывных вспышек закружилось и замельтешило в глазах. Скайлайн-роуд замелькала, как кадры в кино: дома словно бы подпрыгнули ближе к улице, потом отскочили обратно, снова скакнули вперед; тени заплясали, как сумасшедшие.

Дженни, держа револьвер прямо перед собой, повернулась и сделала полный оборот.

Но если что-то и подбиралось к ним под прикрытием этой светлой свистопляски, то разглядеть она все равно ничего не смогла бы.

«А что, если, когда шериф приедет,— подумала Дженни,— он обнаружит посередине улицы лишь две отрезанные головы? Мою и Лизы».

Церковный колокол звонил непрерывно, как сумасшедший, и гул его становился все громче и громче.

Вой сирены становился все выше, от него сводило скулы, начинали болеть зубы и ныть кости. Казалось чудом, что до сих пор от него не разлетелось ни одно окно.

Лиза зажала уши руками.

Револьвер в руке у Дженни прыгал во все стороны. Держать его неподвижно у нее не было сил.

Все прекратилось так же внезапно, как началось. Смолкла сирена. Перестал гудеть колокол. Освещение зажглось и уже больше не гасло.

Дженни быстро пробежала взглядом по улице, ожидая, что сейчас должно произойти что-то еще, что-то гораздо худшее.

Но ничего не случилось.

В городке опять все было тихо и спокойно, как на кладбище.

Неизвестно откуда снова налетел ветерок, и деревья дружно и ритмично закачались, словно пританцовывая под музыку эфира, недоступную обычному человеческому слуху.

Лиза потрясла головой, словно стряхивая с себя какое-то наваждение, и сказала:

— Такое впечатление, будто... нас пытались напугать, *понарошку*... дразнили нас.

— Да, дразнили,— согласилась Дженни.— И у меня тоже было такое впечатление.

— Играли с нами.

— Как кошка с мышкой,— тихо добавила Дженни.

Они стояли посередине погруженной в тишину улицы и не двигались с места, боясь, что, если опять сядут на скамейку возле полицейского участка, это может снова вызвать колокольно-сиренную какофонию.

И тут они услышали низкий рокот. На какое-то мгновение желудок у Дженни судорожно сжался, и она снова подняла револьвер, хотя и не видела вокруг себя ничего такого, по чему требовалось бы стрелять. Потом она поняла, что это за звук: так шумит мотор круто поднимающейся в гору машины.

Она обернулась и стала смотреть вдоль улицы. Шум моторов становился все сильнее. И вот из-за поворота у самого въезда в городок появилась машина.

На крыше у нее сверкали красные мигалки. Значит, полиция. За первой полицейской машиной шла еще одна.

— Слава богу! — воскликнула Лиза.

Дженни взяла сестру под руку, они отошли с мостовой на тротуар и встали перед полицейским участком.

Две бело-зеленые патрульные машины медленно проехали по пустынной улице и остановились под углом к тротуару прямо напротив деревянной скамьи. Их двигатели смолкли одновременно, и над всем Сноуфилдом снова повисла ночная тишина, так похожая на кладбищенское молчание.

Из первой машины вышел довольно красивый негр в форме помощника шерифа. Дверцу он оставил открытой. Он посмотрел на Дженни и Лизу, но ничего не сказал им: его внимание сразу же привлекла сверхъестественно тихая улица, на которой не было видно ни одного человека.

С другой стороны этой же машины, с переднего сиденья, выбрался еще один полицейский. Его песочного цвета волосы были растрепаны, глаза из-под тяжелых век смотрели так, что казалось, он вот-вот уснет. Он был не в форме — серые широкие брюки, бледно-голубая рубашка, темно-синий нейлоновый пиджак,— но к пиджаку был приколот полицейский знак.

Из подъехавших машин вышли еще четверо. Все долго стояли молча, не говоря ни слова, скользя взглядом по притихшей улице, домам и магазинам.

И пока ничто не нарушало это странно затянувшееся молчание, у Дженни возникло леденящее душу предчувствие, к которому она отказывалась прислушаться. Она была уверена — она чувствовала, нет, *знала наверняка*,— что не все из них выберутся отсюда живыми.

Глава 11
РЕКОГНОСЦИРОВКА

Брайс опустился на одно колено рядом с телом Пола Хендерсона.

Остальные семеро — его подчиненные, доктор Пэйдж и Лиза — сгрудились перед деревянной загородкой, в посетительской части полицейского участка Сноуфилда. Перед лицом Смерти все молчали.

Пол Хендерсон был при жизни хорошим и добропорядочным человеком, и смерть его казалась всем бессмысленной и ужасной.

— Доктор Пэйдж? — позвал Брайс.

Она присела на корточки по другую сторону трупа.

— Да?

— Вы не переворачивали тело?

— Я к нему даже не прикасалась, шериф.

— Крови не было?

— Все было так, как вы видите. Никакой крови.

— Рана может быть на спине,— сказал Брайс.

— Даже если она там, на полу все равно должна быть кровь.

— Наверное.— Он посмотрел прямо в ее удивительные глаза — зеленые с золотыми крапинками.— При других обстоятельствах я бы не стал трогать тело до приезда коронера. Но это особый случай. Надо его перевернуть.

— Не знаю, вполне ли безопасно дотрагиваться до него.

— Кому-то же придется это сделать,— ответил Брайс.

Доктор Пэйдж поднялась, и все отступили на пару шагов назад.

Брайс приложил руку к багрово-черному, искаженному лицу Хендерсона.

— Кожа еще немного теплая,— удивленно произнес он.

— Мне кажется, они все умерли очень недавно,— сказала доктор Пэйдж.

— Но тело не может обесцветиться и вздуться всего за какие-то два часа,— проговорил Тал Уитмен.

— И тем не менее с *этими* телами именно так и произошло,— ответила доктор.

Брайс перевернул труп спиной вверх. Никакой раны.

Полагая, что на черепе может быть повреждение, Брайс запустил пальцы в густые волосы покойного и ощупал кости головы. Если его кто-то ударил по голове сзади... Но нет, эта версия тоже не годилась. Череп был совершенно цел.

Брайс поднялся на ноги.

— Доктор, эти две отрезанные головы, о которых вы говорили... Может быть, пойдем посмотрим на них?

— А не мог бы кто-нибудь из ваших людей остаться здесь с моей сестрой?

— Я понимаю ваши чувства,— ответил Брайс.— Но, по-моему, мне лучше не разбивать своих людей. Возможно, числом здесь не возьмешь, а, с другой стороны, всем вместе как-то безопаснее.

— Ничего, я пойду,— заверила сестру Лиза.— Я бы все равно здесь не осталась.

Смелая девочка. Она и ее старшая сестра с самого начала заинтересовали Брайса Хэммонда. Обе были бледны, в их глазах еще читались пережитые ими потрясение, страх и ужас, но обе держались намного лучше, чем абсолютное большинство людей на их месте — в условиях столь странных, неожиданных, кошмарных.

Они вышли из полицейского участка, и сестры повели всю группу к булочной.

Брайсу почти не верилось, что всего несколько часов назад Сноуфилд был еще обычным, занятым своими повседневными делами городком. Сейчас он напоминал какой-нибудь давно уже мертвый, выжженный временем и иссушенный ветрами древний город, затерянный где-то в пустыне на самом краю света, куда уже и ветер-то стал забывать дорогу. Казалось, что окутавшая все тишина висит здесь уже бессчетное число лет, десятилетий, веков, что прошла невообразимая череда эпох, не слышавших здесь ничего, кроме этой тишины.

Вскоре после того, как они приехали в Сноуфилд, Брайс включил сирену на одной из полицейских машин в надежде, что хоть кто-то отзовется на нее из молчавших домов. Сейчас ему уже начинало казаться нелепым, что он всерьез ожидал тогда какого-то ответа.

Они вошли в булочную Либерманов с улицы, через основную дверь, и прошли прямо в тыльную часть дома, на кухню.

На разделочном конце длинного стола две оторванные кисти все так же сжимали ручки скалки.

Две отрезанные головы смотрели на них сквозь стекла в дверцах плит.

— О господи! — тихо проговорил Тал.

Брайса передернуло.

Джейк Джонсон, которому явно необходимо было на что-то опереться, прислонился к высокому белому шкафу.

— Боже, их же забили, как обычную скотину,— произнес Уоргл, и все заговорили разом.

— ...за каким чертом кому-то понадобилось...

— ...больные, ненормальные...

— ...а тела-то где?

— Да,— сказал Брайс, повышая голос, чтобы перекричать говоривших,— действительно, где же тела? Давайте-ка их поищем.

Несколько мгновений никто не двигался с места. Все словно застыли при одной мысли о том, что они могут обнаружить.

— Доктор Пэйдж, Лиза, вам незачем помогать нам в поисках,— сказал Брайс.— Обождите где-нибудь в сторонке.

Дженни кивнула. Лиза благодарно улыбнулась.

С внутренним трепетом они обыскали все шкафы, осмотрели все ящики, заглянули за каждую дверь. Горди Брогэн посмотрел в самой большой печи, в дверце которой не было стекла, а Фрэнк Отри зашел в холодильник. Брайс проверил маленькую, безукоризненно чистую уборную. Но они не нашли ни тел Либерманов, ни хотя бы отдельных их частей.

— Зачем, интересно, убийцам понадобилось увозить тела? — спросил Фрэнк.

— Быть может, это последователи какого-нибудь культа,— предположил Джейк Джонсон.— И тела им нужны были для ритуала.

— Если какой-то ритуал и состоялся,— возразил Фрэнк,— то, по-моему, его провели прямо здесь.

Горди Брогэн, махая рукой, чтобы ему освободили дорогу, на подкашивающихся ногах устремился к туалету. В этот момент он казался долговязым и нескладным подростком, который весь состоит из локтей, коленок, длинных рук и длинных ног. Он захлопнул за собой дверь, и из туалета донеслись звуки, свидетельствовавшие, что его рвало.

— Господи, ну и дурачок! — захохотал Стю Уорга.

— Что в этом такого смешного, Уорга? — Брайс резко повернулся к нему и нахмурился.— Здесь трупы. По-моему, реакция Горди куда более естественна, чем реакция любого из нас.

Лицо Уорга, с маленькими поросячьими глазками и тяжелым подбородком, потемнело от злости — он был органически не способен испытать неловкость.

«Боже, до чего же презренный тип»,— подумал Брайс.

Со смущенным видом вернулся Горди.

— Извините, шериф.

— Не за что извиняться, Горди.

Все вместе они прошли через кухню, через торговый зал и вышли на тротуар.

Брайс тут же подошел к деревянным воротам, висевшим между булочной и соседним магазином, и стал пристально всматриваться поверх них в неосвещенный крытый проезд. Доктор Пэйдж подошла и встала рядом с ним.

— Это вот здесь вам показалось, что что-то было под стропилами? — спросил он.

— Ну, Лиза считает, что оно сидело внизу, у стены.

— Но это было в *этом* проезде?

— Да.

Брайс взял у Тала длинный электрический фонарь, открыл скрипевшие ворота, вытащил из кобуры револьвер и вошел внутрь. Тут ощущался слабый запах сырости. Звук шагов шерифа улетал эхом вперед по тоннелю.

Луч фонаря был очень сильным, он доставал до середины проезда и даже немного дальше. Но Брайс не направлял его так далеко: он поводил фонарем вокруг себя, осмотрел бетонные стены, потом направил луч наверх, на крышу, что была футах в восьми или десяти у него над головой. По крайней мере в этой части проезда на стропилах никого и ничего не было.

С каждым следующим шагом Брайс утверждался в мысли, что вытаскивать из кобуры револьвер было вовсе незачем,— пока не дошел почти до середины тоннеля. И тут он внезапно ощутил... нечто странное... звон в ушах, покалывание в теле, холодную, что-то предвещающую дрожь в позвоночнике. Почувствовал, что он здесь уже не один.

Брайс был из тех, кто привык доверять своей интуиции, и потому он не отмел свои ощущения в сторону. Он остановился, поднял револьвер, еще внимательнее, чем прежде, вслушался в тишину, быстро провел лучом фонаря по стенам и крыше, особенно сосредоточив внимание на стропилах, всмотрелся в темноту впереди себя, стараясь различить все, что можно, почти до самого конца тоннеля, и даже бросил взгляд назад, чтобы проверить, не подкрался ли кто-нибудь к нему таинственным образом оттуда. В темном проезде ничего не было. И тем не менее у него оставалось ощущение, что за ним наблюдают чьи-то враждебные глаза.

Он снова двинулся вперед, и тут луч его фонаря выхватил что-то из темноты. В полу было сделано канализационное отверстие размером примерно в квадратный фут, накрытое сверху металлической решеткой. Под этой решеткой что-то несомненно блестело, отражая луч фонаря; и оно *двигалось*.

Брайс осторожно подошел поближе и направил фонарь прямо под решетку. То, что мгновение назад там сверкнуло, теперь исчезло.

Он присел возле отверстия на корточки и стал всматриваться между прутьями решетки вглубь. Но в луче света видны

были только стенки трубы. Это был обычный водосток для дождя, диаметром около восемнадцати дюймов, внутри совершенно сухой; а значит, то, что он увидел, не могло быть просто отблеском от поверхности воды.

Крыса? В Сноуфилд приезжала на отдых относительно состоятельная публика, и поэтому городок тщательно следил за тем, чтобы на его территории не было ни крыс, ни всяких прочих паразитов. Но, естественно, несмотря на самые строгие меры, полностью исключить возможность появления здесь парочки-другой крыс было нельзя. То, что он видел, в принципе вполне могло быть и крысой. Но Брайс был убежден, что в *данном* случае это была *не* крыса.

Он прошел дальше, до самого выхода из проезда на аллею, потом тем же путем вернулся назад к воротам, где его ждали Тал и все остальные.

— Видели что-нибудь? — спросил Тал.

— Не очень много,— ответил Брайс, выходя на тротуар и закрывая за собой ворота. Он рассказал им о том, как у него возникло ощущение, будто за ним наблюдали, и о том, что он видел возле решетки водостока.

— Вряд ли убийцей Либерманов могло быть что-то настолько маленькое, чтобы забраться под решетку,— проговорил Фрэнк Отри.

— Это, пожалуй, верно,— согласился Брайс.

— Но вы *почувствовали*, что там действительно что-то было? — встревоженно спросила Лиза.

— Я действительно что-то почувствовал,— ответил ей Брайс.— Правда, у меня это ощущение было не таким сильным, каким оно, судя по всему, было у вас. Но там явно было что-то... странное.

— Очень хорошо,— сказала Лиза.— Я рада, что вы по крайней мере не будете считать нас обычными истеричками.

— Если вспомнить, что вам пришлось здесь пережить, то вы обе поразительно неистеричны.

— Ну, Дженни врач,— проговорила девочка,— и я тоже, наверное, стану когда-нибудь врачом. А врачи не могут позволить себе впадать в истерики.

Милая и умная девочка; однако Брайс не мог про себя не отметить, что ее сестра все же красивее. У обеих были рыжеватые волосы, густые и блестящие, очень своеобразного оттенка: как будто темно-красные с переходом в коричневый, цвета хорошо отполированного вишневого дерева, очень красивые. У обеих была золотистого цвета кожа. Но черты лица и весь облик доктора Пэйдж были более зрелыми и законченными, чем у Лизы, и потому она казалась Брайсу более интересной и привлекательной. И глаза у нее были чуть зеленее, чем у ее младшей сестры.

— Доктор Пэйдж, я бы хотел посмотреть тот дом, где баррикада,— сказал Брайс.

— Да,— поддержал Тал.— Где было убийство в запертой комнате.

— Это в доме Оксли, на Вейл-лэйн.— И она повела их по улице к перекрестку Вейл-лэйн и Скайлайн-роуд.

Сухое шуршание их шагов было единственным звуком, который раздавался на темной улице, и Брайсу опять пришли на ум мысли о пустынях, о затерянных там могильниках и о скарабеях, деловито снующих в кипах странных хрупких свитков папируса.

Свернув за угол на Вейл-лэйн, доктор Пэйдж приостановилась и сказала:

— Том и Карен Оксли живут... э-э... жили в двух кварталах отсюда, дальше по этой улице.

Брайс посмотрел вперед, подумал немного и проговорил:

— Вместо того чтобы идти прямо к дому Оксли, давайте-ка осмотрим все подряд дома и магазины отсюда и до их дома, хотя бы по этой стороне улицы. Мне думается, что без особого риска для себя мы вполне можем разделиться на две группы, по четыре человека в каждой. Мы все будем двигаться в общем-то в одном и том же направлении и будем недалеко друг от друга, так что в случае чего сможем прийти на помощь. Доктор Пэйдж и Лиза, вы будете вместе со мной и Талом. Фрэнк, вы старший во второй группе.

Фрэнк кивнул.

— Держитесь все четверо вместе,— предупредил их Брайс.— В полном смысле слова вместе. Чтобы каждый из вас постоянно видел трех других. Понятно?

— Да, шериф,— ответил Фрэнк Отри.

— Хорошо. Значит, вы четверо осмотрите первый дом сразу же за этим вот рестораном, а мы заглянем в следующий. Пой-

дем так по всей улице, а в конце квартала встретимся и сравним впечатления. Если обнаружите что-нибудь необычное, а не просто очередные трупы, позовите меня. Если потребуется помощь, сделайте два-три выстрела. Мы услышим, даже если будем в это время внутри дома. И прислушивайтесь, не стреляем ли мы.

— Можно мне кое-что сказать? — спросила доктор Пэйдж.

— Конечно,— ответил Брайс.

Она обратилась к Фрэнку Отри:

— Если вам попадутся тела, у которых что-то текло из глаз, ушей, носа или рта, немедленно дайте мне знать. И то же самое, если будут признаки рвоты или поноса.

— Это может свидетельствовать о какой-нибудь инфекции? — спросил Брайс.

— Да,— ответила она.— Или об отравлении.

— Но ведь мы это исключили, разве не так? — спросил Горди Брогэн.

Джейк Джонсон, который сейчас выглядел гораздо старше своих пятидесяти семи лет, проговорил:

— Те головы отрезала не болезнь.

— Я думала об этом,— сказала доктор Пэйдж.— Но что, если это какая-то болезнь или ядовитое вещество, с которыми мы еще никогда не встречались, и оно одних людей просто убивает, а у других вызывает что-то вроде бешенства, острого помешательства? А эти помешавшиеся уже начинают убивать других людей?

— А тут возможно что-то подобное? — спросил Тал Уитмен.

— Нет. Но, с другой стороны, не поручусь, что невозможно. И кроме того, кто вообще может сказать, что тут вероятно или невероятно? Разве мог кто-нибудь раньше предположить, что в Сноуфилде произойдет то, что здесь случилось?

Фрэнк Отри подергал себя за усы и спросил:

— Но если здесь были толпы буйных помешанных, то... где же они *сейчас*?

Все посмотрели на тихую и неподвижную улицу, на глубокие тени, пролегавшие по тротуарам, лужайкам, автомобилям. Посмотрели на неосвещенные окна чердаков и такие же темные окна первых этажей.

— Прячутся,— предположил Уорд.

— Выжидают,— сказал Горди Брогэн.

— Нет, это явная чепуха,— проговорил Брайс.— Буйные помешанные не стали бы прятаться, выжидать и *замышлять* что-то. Они бы на нас просто напали.

— Никакие это не буйные помешанные,— тихонько произнесла Лиза.— Это что-то гораздо более странное.

— Возможно, она права,— согласилась доктор Пэйдж.

— И мне от этого почему-то не легче,— заметил Тал.

— В общем, если мы найдем какие-нибудь признаки поноса, рвоты или каких-то выделений, то сможем делать выводы,— сказал Брайс.— А если не найдем...

— Тогда мне придется предложить какое-то другое объяснение,— закончила доктор Пэйдж.

Они немного помолчали, стоя неподвижно и не торопясь начинать осмотр, потому что не знали, что они могут найти — или что может найти их.

Им казалось, что время остановилось.

«Если мы не сдвинемся с места,— подумал Брайс Хэммонд,— то так никогда и не рассветет».

— Пошли,— сказал он.

Самый первый дом оказался узким, но сильно вытянутым в глубину. На первом этаже его располагалась небольшая художественная галерея, служившая одновременно и магазинчиком произведений прикладного искусства и кустарных промыслов. Фрэнк Отри выбил одно из замысловатых окошечек, украшавших входную дверь, просунул туда руку, дотянулся до замка и открыл его. Потом вошел внутрь и включил свет.

Показав жестом, чтобы остальные следовали за ним, он сказал:

— Рассредоточьтесь. Не держитесь слишком близко друг к другу. Чтобы нас не накрыло всех сразу.

Произнося эти слова, Фрэнк вспомнил те два срока, что почти двадцать лет назад он прослужил во Вьетнаме. Сегодняшние поиски очень напомнили ему тогдашние противопартизанские операции: такое же неимоверное напряжение нервов.

Крадучись, они осторожно прошли через картинную галерею, но никого не обнаружили. Никого не было и в небольшом кабинете позади демонстрационного зала. Но одна из дверей

кабинета открывалась на лестницу, которая вела на второй этаж.

По лестнице они поднимались, как военная штурмовая группа. Первым, с оружием наготове, шел Фрэнк; остальные следили за ним, ожидая внизу. Он нащупал наверху выключатель, включил свет и понял, что находится в квартире владельца галереи, в самом углу гостиной. Убедившись, что в этой комнате никого нет, он дал знак остальным двигаться тоже. Когда все поднялись, Фрэнк прошел в глубь гостиной, стараясь держаться поближе к стене и внимательно глядя по сторонам.

Они обыскали всю квартиру, беря каждую дверь приступом, так, словно за ней их поджидал вооруженный, готовый к нападению противник. В небольшой комнатке и в столовой никого не было. Никто не прятался и в стенных шкафах.

Но в кухне на полу они наткнулись на мертвого мужчину. На нем были только голубые пижамные брюки, а его посиневшее и распухшее тело лежало так, что не давало закрыться дверце холодильника. Никаких ран на теле видно не было. Как не было и выражения ужаса на лице. Он явно умер совершенно внезапно, не успев даже мельком увидеть своего убийцу и осознать, что смерть подстерегает его совсем рядом. В момент смерти он был занят тем, что делал себе бутерброд: об этом свидетельствовали разбросанные по полу разбитая баночка с горчицей, пакетик салями, частично раздавленный помидор, пакетик «Швейцарского» сыра.

— Его-то уж, конечно, не болезнь убила,— с чувством произнес Джейк Джонсон.— Какой же он был больной, если собирался съесть бутерброд с колбасой?

— И все произошло очень быстро,— добавил Горди.— Руки у него были заняты тем, что он достал из холодильника, и, когда он поворачивался назад... вот тогда все и случилось. Просто чик — и готово.

В спальне они обнаружили еще один труп. Женщина лежала в постели совершенно обнаженная. По возрасту ей было что-нибудь между двадцатью и сорока годами: точнее определить было трудно, потому что тело тоже посинело и вздулось. Лицо ее искажала гримаса ужаса, точь-в-точь как лицо Пола Хендерсона. В момент смерти она кричала.

Джейк Джонсон достал из кармана рубашки авторучку и продел ее в петлю спускового крючка пистолета двадцать второго калибра, который лежал на смятых простынях рядом с телом.

— Думаю, можно с ним не осторожничать,— сказал Фрэнк.— Ее не застрелили. Ран нет, и крови тоже нет. Если кто-то и пользовался этим пистолетом, то она сама. Дай-ка я взгляну.

Он взял у Джейка пистолет и вынул обойму. Она была пуста. Он оттянул затвор, направил пистолет на прикроватную лампу и заглянул в ствол: патрона в патроннике не было. Он поднес ствол к носу и, понюхав, почувствовал запах сгоревшего пороха.

— Стреляли недавно? — спросил Джейк.

— Совсем недавно. Если обойма была полная, когда она начала стрелять, то, значит, она сделала десять выстрелов.

— Смотри сюда,— сказал Уоргл.

Фрэнк повернулся и увидел, что Уоргл показывает на дырку от пули в стене напротив кровати. Дырка была на высоте примерно семи футов.

— Вот еще одна,— проговорил Горди Брогэн, показывая на другую пулю, застрявшую в высоком, на ножках, комоде из темной сосны.

На кровати и вокруг нее они нашли десять латунных стреляных гильз, но следов от восьми других пуль обнаружить нигде не смогли.

— Не может же быть, чтобы она восемь раз попала в того, в кого стреляла? — спросил Горди Фрэнка.

— Господи, ну конечно нет,— вмешался Уоргл, поправляя на своих толстых бедрах ремень с кобурой.— Если бы она попала в кого-нибудь восемь раз, в этой комнате был бы не один труп, черт возьми.

— Верно,— проговорил Фрэнк, хотя ему крайне не хотелось хоть в чем-то соглашаться со Стю Уоргломом.— А кроме того, нет крови. При восьми попаданиях ее бы тут было полно.

Уоргл подошел к изножью кровати и посмотрел на мертвую женщину. Она полулежала на двух пышных подушках, ноги у нее были широко расставлены, и вся сцена напоминала карикатуру на ожидание любовных ласк.

— Тот парень, которого мы видели на кухне, должно быть, потрахался здесь с этой красоткой,— сказал Уоргл,— а потом пошел малость подкрепиться. Когда он ушел, кто-то вошел сюда и убил ее.

— Человека на кухне убили первым,— возразил Фрэнк.— Его никак не застали бы врасплох, если бы напали на него *после* того, как она здесь десять раз подряд выстрелила.

— Черт, хотел бы я весь день проваляться в постели с такой бабой,— проговорил Уоргл.

Фрэнк изумленно уставился на него.

— Ну и мерзкий же ты тип, Уоргл! Тебя что, даже раздувшийся труп заводит — был бы только голый, да?

Уоргл покраснел и отвернулся от покойницы.

— Чего это ты, Фрэнк? Ты меня что, за извращенца держишь, да? Ничего подобного. Просто я посмотрел на эту карточку.— Он показал на фотографию в серебряной рамке, стоявшую на тумбочке, рядом с лампой.— Смотри, она там в бикини. Видишь, какая красотка? А сиськи какие здоровые! И ножки тоже отличные. Вот что меня завело, приятель.

Фрэнк покачал головой.

— Я поражен, что тебя вообще что-то может завести посреди всего этого, посреди смерти.

Уоргл решил, что это комплимент, и подмигнул, довольный.

«Если выберусь отсюда живым,— подумал Фрэнк,— никогда больше не позволю Брайсу Хэммонду ставить меня в пару с Уоргом. Лучше уволюсь».

— Как могло получиться,— проговорил Горди Брогэн,— что она попала восемь раз в цель и тем не менее не смогла остановить нападавшего? И почему нет ни одной капли крови?

Джейк Джонсон запустил ладонь в свои седые волосы.

— Этого я не знаю, Горди. Я знаю только одно — мне бы очень хотелось оказаться подальше от этого места и никогда здесь не появляться.

Рядом с художественной галереей стояло симпатичное двухэтажное здание, на вывеске которого было написано:

БРУКХАРТ
ПИВО ВИНО ЛИКЕРЫ ТАБАК
ЖУРНАЛЫ ГАЗЕТЫ КНИГИ

Свет в доме горел, входная дверь была не заперта. Магазин Брукхарта даже в несезонный период и даже по воскресеньям торговал до девяти вечера.

Брайс вошел первым, за ним Дженифер и Лиза Пэйдж, Тал был последним. В опасных ситуациях, когда надо было, чтобы кто-то прикрывал со спины, Брайс всегда предпочитал Тала Уитмена. Никому не доверял он в такой мере, как Талу. Даже Фрэнку Отри.

Магазин Брукхарта был суматошным местом, но на удивление приятным и теплым. Здесь размещались высокие холодильники со стеклянными дверцами, забитые банками и бутылками с пивом. На полках, стеллажах и деревянных ларях в изобилии стояли бутылки с винами и ликерами. Другие стеллажи были до отказа заполнены книжками в мягких обложках, журналами и газетами. Лежали коробки с сигарами, пачки сигарет, на нескольких прилавках в невероятных количествах стояли металлические коробки с трубочным табаком. Многие товары просто приткнуты там, где оставалось еще хоть немного свободного места: шоколадки, жевательная резинка, пакетики с орешками, попкорн, картофельные и кукурузные чипсы, мексиканские кукурузные лепешки...

Брайс первым двинулся через пустой магазин, проверяя, нет ли трупов между прилавками и за ними. Трупов не было.

На полу, однако, стояла большая, в полмагазина, и глубокая, почти в целый дюйм глубиной, лужа воды. Они осторожно обошли ее сбоку.

— Откуда здесь взялось столько воды? — удивилась Лиза.

— Наверное, натекло из-под одного из холодильников с пивом,— предположил Тал Уитмен.

Они обошли вокруг винного прилавка и тщательно осмотрели все шкафы-холодильники. Их моторы мягко гудели, воды возле них не было.

— Может быть, водопровод протекает? — спросила Дженифер Пэйдж.

Они продолжили осмотр, спустились в погреб, который использовался как склад для картонных коробок с вином и пивом, потом поднялись на второй этаж, где прямо над магазином располагался небольшой офис. Но ничего необычного нигде не увидели.

Когда они снова вернулись в торговый зал и уже направлялись к выходу, Брайс вдруг остановился возле лужи, присел на корточки и стал ее внимательно разглядывать. Он сунул в лужу

палец: на ощупь это была обычная вода, никакого запаха у нее не было.

— Что такое? — спросил Тал.

— Все-таки странно: откуда здесь эта вода? — ответил, вставая, Брайс.

— Скорее всего, доктор Пэйдж права: где-то протек водопровод,— сказал Тал.

Брайс кивнул. Ему, однако, по-прежнему казалось, что в этой большой луже есть какой-то смысл — хотя он и не мог бы объяснить, чем вызвано это ощущение.

Аптека Тэйтона, очень небольшая, обслуживала Сноуфилд и все прилегающие к нему горные поселки и деревушки. Квартира владельца, располагавшаяся прямо над аптекой, занимала два этажа. Отделана она была в кремовых и персиковых тонах, с вкраплениями изумрудно-зеленого, и была буквально набита отличным антиквариатом.

Фрэнк Отри провел свою группу через все здание: ничего достойного внимания они не обнаружили. Только ковер в гостиной был почему-то мокрым. Причем мокрым в самом прямом смысле слова: он хлюпал у них под ногами.

Гостиница «При свечах» просто излучала очарование и уют, хотя и с некоторой долей претензии на аристократизм: нижняя часть высокой крыши большим козырьком нависала над стенами, карнизы были украшены затейливой резьбой, окна в частых переплетах, а по бокам красовались белые резные ставни. По обе стороны от входа на каменных пилястрах были установлены старинные каретные фонари, а между ними шла короткая, выложенная камнем дорожка. Фасад гостиницы освещали три небольших прожектора, отбрасывавших на него расходящиеся конусом лучи.

Дженни, Лиза, шериф и лейтенант Уитмен остановились на тротуаре возле гостиницы, и Хэммонд спросил:

— Они работают в это время года?

— Да,— ответила Дженни.— Здесь даже в несезонное время половина номеров всегда занята. У них очень хорошая репутация среди знающих толк туристов. Да и номеров-то в гостинице всего шестнадцать.

— Ну что ж... давайте заглянем.

Входные двери вели в маленький, но со вкусом обставленный и отделанный вестибюль: дубовый пол, темный, восточной работы ковер, светло-бежевые диваны, пара кресел в стиле королевы Анны, обитых розовой тканью, несколько столиков из вишневого дерева, бронзовые лампы.

Место дежурного администратора находилось справа от входа. На деревянной стойке был укреплен колокольчик. Дженни несколько раз подряд ударила по нему без всякой надежды, что кто-нибудь отзовется. Никто и не отозвался.

— Там, за конторкой, квартира Дэна и Сильвии,— сказала Дженни, показывая на расположенное за стойкой довольно тесное помещение.

— Это владельцы гостиницы? — спросил шериф.

— Да. Дэн и Сильвия Канарски.

Шериф молча посмотрел на нее, потом спросил:

— Ваши друзья?

— Да. Близкие друзья.

— Тогда, пожалуй, мы в их квартиру лучше заходить не будем,— сказал он.

Его голубые глаза под тяжелыми веками светились теплотой, симпатией и сочувствием. Дженни удивилась, осознав вдруг, что у него интеллигентное и доброе лицо. Наблюдая за его работой на протяжении последнего часа, она уже начала постепенно понимать, что на самом деле он гораздо более энергичный, зоркий и знающий свое дело человек, чем кажется с первого взгляда. Сейчас, глядя в его умные, полные сострадания глаза, она поняла, что шериф — человек проницательный, интересный, а как противник — еще и грозный.

— Не можем же мы просто уйти,— сказала она.— Рано или поздно все равно придется обыскать весь дом. Весь городок надо осмотреть. Так что давайте уж зайдем и в гостиницу, чтобы она на нас не висела.

Она подняла барьер в деревянной загородке и стала открывать дверцу, которая вела в конторку.

— Пожалуйста, доктор,— остановил ее шериф,— всегда пропускайте первым меня или лейтенанта Уитмена.

Дженни послушно отступила, пропуская его вперед. Они осмотрели квартиру Дэна и Сильвии, но никого там не нашли. Трупов не было.

Слава богу!

Когда они вернулись к столу администратора, лейтенант Уитмен перелистал книгу регистрации постояльцев гостиницы.

— Сейчас заняты только шесть номеров, все они на втором этаже.

Шериф взял нужные ключи с доски, расположенной рядом с ящичками для почты.

С повторившейся уже почти как ритуал осторожностью они поднялись наверх и осмотрели шесть номеров. В первых пяти лежали багаж, фотоаппараты, недописанные открытки и прочие свидетельства того, что в гостинице действительно проживали постояльцы; но самих постояльцев они не обнаружили.

В шестом номере, когда лейтенант Уитмен попытался открыть дверь в ванную, та оказалась заперта. Он несколько раз стукнул кулаком и прокричал:

— Полиция! Есть там кто-нибудь?

Никто не отозвался.

Уитмен посмотрел на ручку замка, потом на шерифа.

— С этой стороны она не запирается, так что внутри там должен кто-то быть. Высадить дверь?

— По-моему, она достаточно прочная,— проговорил Хэммонд.— Не калечь плечо, прострели замок.

Дженни взяла Лизу под руку и отвела ее в сторонку, чтобы в них не попали осколки и щепки.

Лейтенант Уитмен прокричал предупреждение тому, кто мог находиться в ванной комнате, затем выстрелил в замок, ударом ноги распахнул дверь и заскочил внутрь.

— Здесь никого нет.

— Может быть, выбрались в окно? — предположил шериф.

— Тут нет никаких окон,— ответил Уитмен, нахмурившись.

— А ты уверен, что дверь действительно была заперта?

— Абсолютно. И запереть ее можно было только изнутри.

— Но как, если там внутри никого не было?

Уитмен пожал плечами.

— Тут есть кое-что интересное. Зайди-ка взгляни.

Посмотреть зашли все, но ванная комната оказалась достаточно большой, так что четыре человека не испытывали там

особой тесноты. На зеркале, висевшем над раковиной, большими жирными черными печатными буквами, явно в спешке, было написано:

ТИМОТИ ФЛАЙТ
ВЕКОВЕЧНЫЙ ВРАГ

В следующей квартире, расположенной над следующим магазинчиком, Фрэнк Отри и полицейские из его группы обнаружили еще один совершенно мокрый ковер, который хлюпал у них под ногами. Те ковры, что лежали в гостиной, в столовой и в спальнях, были сухими. А тот, что лежал в холле, по пути на кухню, можно было выжимать. На самой же кухне пол, выложенный виниловой плиткой, был на три четверти залит водой, глубина которой в некоторых местах составляла почти дюйм.

— Наверное, где-то труба протекла,— сказал Джейк Джонсон, стоя в холле и разглядывая оттуда, что творилось на кухне.

— Ты это и в том доме говорил,— напомнил ему Фрэнк.— Странное совпадение, тебе не кажется?

— Но это самая *обычная* вода. Не понимаю, какая тут может быть связь со всеми... этими убийствами,— сказал Горди Брогэн.

— Черт, мы просто зря тратим время,— проговорил Стю Уорд.— Ничего тут нет. Пошли отсюда.

Не обращая внимания на их реплики, Фрэнк вошел на кухню и осторожно прошел по краешку стоявшего там небольшого озерца, направляясь к сухому месту возле шкафов с посудой. Немного порывшись в них, он отыскал пластмассовую банку, в какие хозяйки обычно складывают остатки еды: чистую, сухую, с завинчивающейся крышкой, которая не пропускала воздух. В одном из ящиков нашел большую ложку и с ее помощью собрал в банку немного воды с пола.

— Что это ты делаешь? — спросил его от двери Джейк.

— Беру пробу.

— Пробу? Зачем? Это простая вода.

— Да,— сказал Фрэнк,— но как-то это все странно.

Ванная. Зеркало. Большие жирные черные буквы.

Дженни пристально разглядывала четыре написанных там слова.

— А кто такой Тимоти Флайт? — спросила Лиза.

— Возможно, тот, кто это написал,— сказал лейтенант Уитмен.

— Этот номер записан на имя Флайта? — поинтересовался шериф.

— Такого имени вообще не было в регистрационной книге, я уверен,— ответил лейтенант.— На обратном пути проверим, но я точно помню, что такого имени там не было.

— Быть может, Тимоти Флайт — это один из убийц,— сказала Лиза.— Возможно, тот, кто жил здесь, узнал его и оставил эту надпись.

Шериф отрицательно покачал головой.

— Нет. Если бы Флайт был как-то связан с тем, что произошло в городке, он бы не оставил на зеркале свое имя. Он бы его стер.

— А может быть, он не знал, что оно тут написано,— предположила Дженни.

— А возможно, даже и знал, но он — один из тех буйных помешанных, о которых вы говорили, и поэтому ему наплевать, поймают его или нет,— сказал лейтенант.

Брайс Хэммонд посмотрел на Дженни.

— Есть в городке кто-нибудь по имени Флайт?

— Никогда не слышала этого имени.

— А вы всех в Сноуфилде знаете?

— Да.

— Всех пятьсот человек?

— *Почти* всех,— ответила Дженни.

— Почти всех, да? Значит, здесь все-таки может оказаться житель по имени Тимоти Флайт?

— Даже если я сама ни разу с ним не встречалась, я должна была слышать от кого-нибудь его имя. Это маленький городок, шериф, *очень маленький*, по крайней мере в несезонный период.

— Может быть, это кто-то из Маунт-Ларсона, Шейди-Руста или Пайнвилля,— высказал предположение лейтенант.

Дженни страшно хотелось побыстрее выбраться из ванной и обсудить надпись на зеркале где-нибудь в другом месте. Не тут. А на открытом месте, где ничто не могло бы подобраться к ним, само оставаясь незамеченным. У Дженни было какое-то сверхъестественное, ни на чем не основанное, но тем не менее совершенно отчетливое чувство, что именно в эту самую минуту нечто — нечто чертовски странное — находилось в другой части гостиницы и втайне от них занималось там чем-то ужасным; и то, что ни она сама, ни Лиза, ни шериф, ни его помощник не знали этого, представляло для них величайшую опасность.

— А что означает вторая часть? — спросила Лиза, показывая на слова «ВЕКОВЕЧНЫЙ ВРАГ».

После долгого молчаливого раздумья Дженни наконец сказала:

— Наверное, Лиза в самом начале была все-таки права. По-видимому, тот, кто сделал эту надпись, хотел сообщить нам, что Тимоти Флайт — его враг. Я полагаю, что и наш враг тоже.

— Возможно,— с сомнением в голосе произнес Брайс Хэммонд.— Но он выбрал очень необычный способ сделать это. Странные слова: «вековечный враг». Почти архаичные. Если он заперся в ванной, чтобы спрятаться от Флайта, и в спешке писал предупреждение, то почему он просто не написал: «Тимоти Флайт, мой старый враг» или что-нибудь другое, но ясно и прямо?

— В самом деле,— согласился лейтенант Уитмен,— если бы он хотел оставить сообщение с обвинением против Флайта, он бы написал: «Это сделал Тимоти Флайт» или «Флайт убил всех». И уж *меньше всего* он бы хотел как-то затемнить суть того, о чем писал.

Шериф принялся перебирать и осматривать то, что стояло на широкой полке прямо под зеркалом: здесь были флакон лосьона для кожи, лимонный крем после бритья, мужская электрическая бритва, пара зубных щеток, зубная паста, расчески, щетки для волос, набор женской косметики.

— Судя по всему, в этом номере жили двое. Возможно, они и в ванной заперлись вдвоем — а значит, оба растворились потом в воздухе. Но чем же они сделали эту надпись на зеркале?

— Похоже, что карандашом для бровей,— сказала Лиза.

— Да, мне тоже так кажется,— кивнула Дженни.

Они обыскали всю ванную в поисках черного карандаша для бровей, но так и не смогли его найти.

— Потрясающе,— раздраженно произнес шериф.— Значит, карандаш для бровей исчез вместе с тем, а возможно, и с теми двумя, кто заперся здесь в ванной. Двое похищены из запертой комнаты.

Они спустились вниз и снова подошли к столу администратора. Согласно записи в регистрационной книге, номер, где они обнаружили надпись на зеркале, числился за супругами Орднэй из Сан-Франциско.

— Постояльца по имени Тимоти Флайт нет вообще,— заметил шериф Хэммонд, закрывая регистрационную книгу.

— Ну что ж,— произнес лейтенант Уитмен,— больше мы сейчас здесь все равно ничего не выясним.

Услыхав эти слова, Дженни почувствовала облегчение.

— Ладно,— сказал Брайс Хэммонд.— Пошли к остальным. Быть может, они нашли что-нибудь такое, чего мы не увидели.

Они двинулись через вестибюль к выходу, но едва успели сделать пару шагов, как громкий вскрик Лизы заставил их остановиться.

Буквально через секунду уже все увидели то, что первоначально привлекло внимание одной только Лизы. Оно находилось на одном из столиков, прямо в свете лампы под розовым абажуром, и было освещено настолько красиво, что казалось выставленным тут произведением искусства. Это была мужская рука. Отрезанная рука.

Лиза отвернулась от ужасного зрелища.

Дженни обняла сестру и прижала к себе, глядя через ее плечо на эту руку с отвращением, но не в силах отвести от нее взгляд. Рука казалась исчадием ада, она издевалась над ними, она была реальна и в то же время невероятна.

Между большим и указательным пальцами она крепко держала карандаш для бровей. *Тот самый* карандаш для бровей. Именно его. Это *должен* был быть именно тот карандаш.

Дженни испытала не меньший ужас, чем Лиза, но она прикусила губу и подавила вскрик. Ее ужас и отвращение были вызваны не только видом этой руки. У нее перехватило дыхание и возникло жжение в груди при мысли о том, что еще совсем недавно никакой руки на этом столике не было. Кто-то поставил ее здесь, пока они были наверху; поставил, зная наверняка, что они на нее наткнутся. Кто-то издевался над ними. Кто-то с крайне извращенным чувством юмора.

Дженни еще не приходилось видеть, чтобы глаза Брайса Хэммонда, постоянно спрятанные под тяжелыми веками, распахивались так широко.

— Черт побери, но ведь раньше этой штуки здесь не было, верно?

— Не было,— согласилась Дженни.

До сих пор шериф и его помощники держали свои револьверы хотя и в руках, но направив их стволами в пол. Сейчас они взяли оружие наизготовку, словно опасаясь, что отрезанная рука может бросить карандаш для бровей, подлететь к чьему-нибудь лицу и выдавить глаза.

Никто из них не в силах был произнести ни слова.

От спирального орнамента на восточном ковре, казалось, исходили потоки ледяного воздуха, как от труб мощного холодильника.

Наверху, в одной из дальних комнат, скрипнула то ли доска пола, то ли несмазанная дверная петля. Потом еще раз скрипнула, потом издала протяжный стонущий звук.

Брайс Хэммонд посмотрел вверх, на потолок вестибюля.

К-р-р-и-и-и-к.

Это мог быть совершенно естественный звук, какие всегда издает дом при усадке. Но могло быть и что-то другое.

— Теперь уже сомнения нет,— сказал шериф.

— В чем нет сомнения? — спросил лейтенант Уитмен, глядя не на шерифа, но сразу на все выходящие в вестибюль двери.

Шериф повернулся к Дженни.

— Помните, вы мне сказали, что когда незадолго до нашего приезда услышали сирену и звон церковного колокола, то подумали, что случившееся со Сноуфилдом, *возможно*, еще продолжается.

— Да.

— Вы были правы. Теперь мы можем быть в этом уверены.

Глава 12
ПОЛЕ БОЯ

В конце квартала, на ярко освещенном участке тротуара возле продовольственного магазина Гилмартина, их ждали Фрэнк, Горди, Стю Уорли и Джейк Джонсон.

Джейк следил взглядом за Брайсом Хэммондом с момента, как тот вышел из гостиницы «При свечах», и молил бога, чтобы

шериф двигался поживее. Ему очень не нравилось стоять тут, на ярком свете. Все равно как на сцене, черт возьми. На этом месте Джейк чувствовал себя уязвимым.

Правда, несколько минут назад, когда они занимались осмотром домов, им приходилось пересекать совершенно темные участки, где казалось, что тени дышат и движутся, словно живые существа; и там Джейку не терпелось поскорее оказаться именно на том ярко освещенном участке улицы, где он сейчас стоял. Тогда Джейк боялся темноты точно так же, как теперь боялся яркого света.

Он нервно провел рукой по своим густым седым волосам. Другую руку он держал на спусковом крючке револьвера, хотя тот и лежал в кобуре.

Джейк Джонсон не просто верил в осторожность — он молился на нее, осторожность была его богом. *Лучше перебдеть, чем недобдеть; лучше синица в руках, чем журавль в небе; не спеши, солдат, будет команда «отставить!»*... Таких правил у него было в запасе не меньше миллиона. Они служили для него чем-то вроде бакенов на реке, указывающих единственно безопасный путь; все, что находилось вне обозначенных этими бакенами пределов, было зоной стихии, хаоса, неопределенности и риска.

Джейк никогда не был женат. Брак означал бы необходимость взять на себя огромную дополнительную ответственность, он потребовал бы рискнуть своим душевным спокойствием, своими деньгами, всем своим будущим.

Джонсон вел осторожный и экономный образ жизни, особенно бережлив он был во всем, что касалось финансовых вопросов. Ему удалось отложить довольно значительную сумму на черный день, вложив свои сбережения в несколько надежных предприятий.

Из своих пятидесяти восьми лет больше тридцати семи Джейк Джонсон проработал в окружной полиции Санта-Миры. Уже давным-давно он мог бы уйти в отставку и получать пенсию. Но он очень опасался инфляции и потому продолжал служить, увеличивая тем самым размеры своей пенсии и откладывая на будущее все больше и больше денег.

То, что Джейк Джонсон стал полицейским, было, по-видимому, единственным неосторожным поступком за всю его

жизнь. Он *не хотел* быть полицейским. Боже упаси! Но его отец, Ральф Джонсон — Большой Ральф, как его называли,— на протяжении 40-х и 50-х годов был шерифом этого округа и ожидал, что сын пойдет по его стопам. Ответов «нет» Большой Ральф не признавал в принципе. Джейк ни минуты не сомневался, что, если он не поступит на работу в полицию, Большой Ральф лишит его наследства. А этого он никак не хотел. Не то чтобы в их семье скопилось огромное наследство: по правде сказать, никакого особого богатства у них не было. Но все-таки был неплохой дом и солидные счета в нескольких банках. А позади дома, на лужайке, за гаражом, на глубине трех футов были закопаны несколько больших каменных кувшинов, до отказа набитых туго скрученными пачками двадцати-, пятидесяти- и стодолларовых купюр. Когда-то Большой Ральф получил эти деньги как взятки и отложил их на черный день. Вот почему Джейк тоже стал полицейским, как и его папочка, который в конце концов умер в возрасте восьмидесяти двух лет, когда Джейку было уже пятьдесят один. К этому времени Джейк был обречен оставаться полицейским до конца своих дней, потому что ничего другого делать он не умел.

Он был *осторожным* полицейским. Например, он старался не попадать на те выезды, где причиной вызова полиции были семейные скандалы: в такого рода столкновениях страсти разгорались вовсю, и, если полицейский встревал между разгоряченными мужем и женой, его иногда даже убивали. Зачем далеко ходить за примерами: этот агент по продаже недвижимости, Флетчер Кейл. Год назад Джейк купил с его помощью небольшой участок в горах, и тогда Кейл показался ему совершенно нормальным и обычным человеком. А теперь вот он убил жену и сына. Если бы в тот момент у них в доме оказался полицейский, Кейл бы и его прикончил. Когда же от дежурного поступало сообщение о происходящем где-либо в данный момент грабеже, Джейк обычно неверно указывал свое местонахождение, выбирая район как можно дальше от места преступления. Дежурный направлял туда те патрули, которые оказывались поближе; когда Джейк в конце концов приезжал, все, как правило, было уже кончено.

Он не был трусом. Ему случалось оказываться на линии огня, и, когда это происходило, он дрался, как тигр, как лев, как разъяренный медведь. Он был просто осторожен.

В работе полицейского были обязанности, которые даже доставляли ему удовольствие. Ему нравилось дорожное патрулирование. А бумажную работу он выполнял просто-таки с наслаждением. Единственной светлой стороной ареста была для него необходимость заполнять потом огромное число разных бумаг, что давало возможность минимум пару часов просидеть в полицейском участке, в тишине и безопасности.

На этот раз, к сожалению, его подвела именно любовь к бумажной работе. Когда поступил звонок от доктора Пэйдж, он как раз сидел за столом, заполняя очередные бумаги. Если бы в тот момент он оказался где-нибудь на улице, в патрульной машине, то избежал бы необходимости ехать в Сноуфилд.

А теперь вот он здесь. Стоит под ярким уличным фонарем и изображает собой прекрасную мишень. Черт возьми.

Но хуже всего было то, что в магазине Гилмартина явно произошло нечто очень неприятное, и сомнений в этом не могло быть никаких. Две из пяти больших стеклянных витрин, что шли по фасаду супермаркета, были разбиты изнутри, так что весь тротуар перед магазином был засыпан стеклом. Банки с консервами для собак и упаковки с водой и пивом — по шесть банок в каждой — были вышвырнуты через эти витрины и теперь валялись по всей мостовой. Джейк опасался, что шериф заставит их идти осматривать магазин, но боялся он и ждать здесь, на улице, где тоже могла таиться опасность.

Но вот наконец подошли шериф, Тал Уитмен и две женщины, и Фрэнк Отри продемонстрировал им пластмассовую банку со взятой им пробой воды. Шериф сказал, что они тоже обнаружили огромную лужу в магазинчике Брукхарта, и все согласились, что за этим что-то кроется. Тал Уитмен рассказал об увиденном в гостинице «При свечах»: о надписи на зеркале и об отрезанной руке,— господи, какой ужас! — но и тут ни у кого не было никаких разумных объяснений.

Шериф Хэммонд повернулся к разбитым витринам супермаркета и произнес именно те слова, которые Джейк так боялся услышать:

— Давайте-ка посмотрим.

Джейк не хотел входить в магазин первым. Но он не хотел быть и последним. И потому протиснулся в дверь в середине группы.

Внутри весь продовольственный магазин был разгромлен. Черные металлические стеллажи с товарами, что стояли ближе к трем кассам, были опрокинуты, и по всему полу разлетелись пачки жевательной резинки и лезвий для бритья, шоколадки, конфеты, книги и прочие мелочи, какими обычно торгуют возле кассы.

Они прошли вдоль витрин фасада, заглядывая по дороге в каждый проход. Везде товары были сброшены с полок и раскиданы по полу. Коробки с пшеничными, кукурузными и другими хлопьями были смяты, разорваны, раскрыты, их содержимое грудами лежало на полу, а поверх были разбросаны прежние яркие упаковки. Бутылки с уксусом были перебиты, из-за чего в магазине стоял едкий запах. Варенья, маринады, горчица, майонез, приправы были вытряхнуты из банок и свалены в одну огромную клейкую кучу.

Возле самого последнего прохода Брайс Хэммонд повернулся к доктору Пэйдж.

— А сегодня вечером этот магазин должен был быть открыт?

— Нет,— ответила она,— но, по-моему, иногда в воскресные вечера они выставляли товары на полки. Не каждое воскресенье, но иногда они это делали.

— Давайте посмотрим в задней части магазина,— сказал шериф.— Может быть, найдем что-нибудь интересное.

«Вот этого-то я и боюсь»,— подумал Джейк.

Все направились вслед за Брайсом Хэммондом, переступая через наваленные на полу пятифунтовые пакеты с сахаром и мукой. Некоторые из пакетов лопнули, их содержимое просыпалось.

В задней части магазина стояли высокие, по грудь, охлаждаемые прилавки для мяса, сыра, яиц и молока. Дальше за ними находилась блистающая чистотой зона, где резали, взвешивали и упаковывали для продажи мясо.

Взгляд Джейка нервно пробежал по разделочным столам и фаянсовым блюдам. Не увидев на них ничего, Джейк вздохнул с облегчением. Он бы не удивился, если бы здесь оказалось тело управляющего магазином, аккуратно разделанное на вырезку, суповые наборы и котлеты.

— Давайте заглянем в складское помещение,— сказал Хэммонд.

«Лучше бы не надо»,— подумал Джейк.

— Быть может...— Хэммонд не договорил.

В этот момент погас свет.

Единственными окнами в магазине были витрины, но и оттуда не проникало никакого света, потому что уличные фонари тоже погасли. В задней же части магазина темень стояла полная, кромешная.

Несколько голосов заговорили одновременно:

— Фонари!

— Дженни!

— Фонари!

Все последующее происходило с неимоверной быстротой.

Тал Уитмен включил электрический фонарь, и его сильный, похожий на лезвие меча луч уперся в пол. В тот же самый момент что-то ударило Тала сзади, нечто невидимое, подкравшееся к ним в темноте с невероятной скоростью и совершенно бесшумно. От удара Уитмен полетел вперед и столкнулся со Стю Уоргом.

Отри как раз вынимал из специальной петли на ремне свой фонарь, но, прежде чем он успел включить его, на него налетели Уорга и Уитмен, и все трое повалились на пол.

От падения фонарь Тала вылетел у него из рук.

Луч крутящегося в воздухе фонаря на миг выхватил из темноты Брайса Хэммонда, тот попытался поймать фонарь, но промахнулся.

Фонарь со стуком упал на пол и откатился в сторону. Пока он катился, его луч с каждым поворотом бросал вокруг дикие пляшущие тени, но ни разу не высветил ничего необычного или угрожающего.

И тут что-то холодное дотронулось сзади до шеи Джейка. Холодное и слегка влажное — но несомненно *живое*.

Он вздрогнул от этого прикосновения и попытался обернуться.

Что-то обвило его шею с такой же быстротой, как захлестывающаяся вокруг шеи плеть.

Джейк, раскрыв рот, лихорадочно ловил воздух.

Но прежде чем он успел хотя бы поднять руку, чтобы схватиться с тем, кто напал на него, руки его оказались плотно прижатыми к телу.

Он почувствовал, что его поднимают в воздух с такой легкостью, словно он был ребенком.

Он попытался крикнуть, но чья-то железная рука зажала ему рот. По крайней мере, он *подумал*, что это была рука. Но по ощущению это было что-то холодное и сырое, скорее похожее на угря.

И оно воняло. Не очень сильно. Оно не распространяло вокруг себя зловоние. Но его запах настолько отличался от всего, с чем приходилось раньше сталкиваться Джейку, был таким резким, горьким и непонятным, что даже в очень малых количествах был почти невыносим.

Джейк почувствовал, как его захлестывают волны отвращения и ужаса, как они все нарастают и нарастают. Он ощутил присутствие чего-то невообразимо странного и безусловно враждебного и злого.

Фонарь все еще крутился по полу. С того момента, когда Тал выронил его, прошло не больше двух секунд, хотя Джейку казалось, что прошло гораздо больше времени. Но вот фонарь крутнулся в последний раз, ударился о нижнюю часть охлаждаемого прилавка, его стекло разлетелось на мелкие кусочки, и они остались даже без этого небольшого пляшущего света: пусть он ничего не освещал, но все же с ним было лучше, чем в полной темноте. Вместе с погасшим лучом фонаря гасла и всякая надежда.

Джейк напрягал все свои силы, извивался как только мог, он отчаянно сопротивлялся, стараясь вырваться, освободиться, сбросить с себя эти сковавшие его непонятные тиски. Его судорожные движения напоминали одновременно и припадок эпилептика, и панические метания, и какой-то фантастический танец. Но ему не удавалось высвободить даже одну руку. Его невидимый противник стискивал Джейка все сильнее и сильнее.

Джейк слышал, как остальные члены группы окликают друг друга; ему казалось, что их голоса долетают до него откуда-то очень издалека.

Глава 13
НЕОЖИДАННОСТЬ

Джейк Джонсон исчез.

Прежде чем Талу удалось найти уцелевший фонарь, тот, который уронил Фрэнк Отри, свет в супермаркете замигал, а потом загорелся ярко и ровно. Темнота длилась не больше пятнадцати—двадцати секунд.

Но Джейк исчез.

В поисках его они осмотрели весь магазин. Его не было ни в проходах между прилавками, ни в холодильнике, где лежало мясо, ни на складе, ни в помещении конторы, ни в раздевалке и душевых для продавцов.

Они вышли из магазина — теперь их оставалось только семеро,— двигаясь вслед за Брайсом со всеми предосторожностями и в глубине души надеясь, что Джейк ждет их снаружи, на улице. Но и там его тоже не было.

Повисшая над Сноуфилдом тишина казалась им теперь приглушенным издевательским смешком.

Тал Уитмен подумал, что ночь стала гораздо более темной, нежели казалась всего несколько минут назад. Она напоминала какую-то огромную, бездонную и ненасытную утробу, готовую поглотить их в любой момент. А они, не зная и не сознавая того, уже сами ступили в эту утробу.

— Куда он мог подеваться? — спросил Горди. Выглядел он взбешенным, но так бывало всегда, когда Горди хмурился, на самом деле он вовсе не злился, а был просто напуган.

— Никуда он не подевался,— ответил Стю Уоргл.— Его *утащили*.

— Но он же не звал на помощь.

— Не успел.

— Вы думаете, он еще жив или... уже умер? — спросила Лиза Пэйдж.

— На твоем месте, куколка,— ответил Уоргл, потирая щетину на подбородке,— я бы особенно не надеялся. Готов прозакладывать последний доллар, что где-нибудь мы его найдем и он будет неподвижен, как камень, и такой же вздувшийся и побагровевший, как все, кого мы тут видели.

Девочка вздрогнула и еще сильнее прижалась к сестре.

— Эй, ребята, давайте не будем списывать Джейка так быстро,— произнес Брайс Хэммонд.

— Согласен,— сказал Тал.— В этом городке *действительно* много мертвых. Но сдается мне, что большинство жителей *не* мертвы. Они просто исчезли.

— Они мертвее, чем те младенцы, которых зажарили напалмом. Верно, Фрэнк? — Уоргл никогда не упускал возможности подколоть бывшего офицера, служившего в свое время во Вьетнаме.— Мы их просто пока еще не нашли.

Фрэнк не ответил на этот выпад. Он был достаточно умен и умел контролировать себя, чтобы не отвечать на такие наскоки. Не реагируя на слова Уоргла, он проговорил:

— Чего я не могу понять, так это того, почему оно не схватило нас всех, когда имело такую возможность? Почему оно только сбило Тала с ног?

— Я включал фонарь,— ответил Тал.— Оно этого явно не хотело.

— Да,— продолжал Фрэнк,— но почему из всех нас оно схватило только Джейка и почему сразу же после этого мгновенно исчезло?

— Оно нас дразнит,— сказала доктор Пэйдж. В свете уличного фонаря глаза ее, казалось, горели зеленым огнем.— Помните, я вам говорила о церковном колоколе и пожарной сирене? Что-то похожее и тут. Оно играет с нами, как кошка с мышью.

— Но *зачем?* — раздраженно спросил Горди.— Что оно от этого имеет? Чего хочет?

— Погодите-ка минутку,— перебил Брайс.— Почему это мы вдруг стали говорить «оно»? Когда я последний раз спрашивал у каждого его мнение, по-моему, все сошлись на том, что подобное могла сделать только шайка убийц-психопатов. Маньяков. То есть *людей*.

Все стояли молча и неловко переглядывались между собой. Никто не торопился первым высказать то, что было на уме у всех. То, что раньше представлялось совершенно немыслимым, теперь казалось уже вполне мыслимым, даже реальным. Но есть вещи, которые нормальному разумному человеку обычно непросто бывает выразить в словах.

Из темноты налетел сильный порыв ветра, и деревья склонились почтительно и благоговейно.

Свет в уличных фонарях опять заколебался.

Все насторожились, встревоженные этим мерцанием. Тал положил руку на рукоятку револьвера, хотя и не стал доставать его из кобуры. Но на этот раз свет не погас.

Они напряженно вслушивались в кладбищенскую тишину городка. Но единственным звуком был шелест потревоженных ветром деревьев, похожий на долгий, постепенно иссякающий выдох на краю могилы, на протяжный предсмертный вздох.

«Джейк и *вправду* мертв,— подумал Тал.— На этот раз Уорга прав. Джейк мертв, а может быть, и все мы уже трупы, просто мы этого еще не знаем».

Обращаясь к Фрэнку Отри, Брайс спросил:

— Фрэнк, почему ты сказал «оно», а не «они» или как-нибудь еще?

Фрэнк посмотрел на Тала, ища поддержки, но Тал и сам толком не понимал, почему он тоже говорил «оно». Фрэнк откашлялся, прочищая горло, переступил с ноги на ногу, поглядел на Брайса, пожал плечами.

— Ну, наверное, сэр, я сказал «оно» потому... ну... солдат, то есть если бы противником был *человек*, убил бы нас там, в супермаркете, раз у него была такая возможность. Всех сразу, прямо в темноте.

— Значит, ты считаешь, что наш противник — что? — не человек?

— Может быть, это какое-то... животное?

— Животное? Ты и в самом деле так думаешь?

Чем дольше продолжался этот разговор, тем больше Фрэнку становилось явно не по себе.

— Нет, сэр.

— Ну, а *что* же ты думаешь? — спросил Брайс.

— Черт возьми, я даже *не знаю*, что и думать,— с отчаянием в голосе произнес Фрэнк.— Вы знаете, я человек военный. Военные не любят ни во что ввязываться вслепую. Они обычно очень тщательно планируют свою стратегию. А хорошее, основательное стратегическое планирование зависит от того, каким опытом мы обладаем и насколько он надежен. Что происходило в похожих сражениях в прошлых войнах? Что делали другие

в подобных обстоятельствах? Добились они успеха или потерпели неудачу? А тут у нас не только нет в прошлом чего-либо похожего, нам *вообще* не с чем это сравнивать. Нет никакого опыта, на основе которого можно было бы строить предположения. Все это так странно. Вот поэтому я и думаю о нашем враге как о каком-то неопределенном, безличном «оно».

— А вы? — спросил Брайс, поворачиваясь к доктору Пэйдж.— Почему вы говорили «оно»?

— Не знаю. Наверное, по тем же причинам, что и Отри.

— Но ведь именно вы высказали гипотезу о том, что под влиянием болезни здесь могли появиться помешанные, которые потом превратились бы в стаю маньяков-убийц. Сейчас вы это исключаете?

— Нет,— нахмурилась она.— Пока еще мы ничего не можем исключать. Но, шериф, я никогда не утверждала, что такое объяснение — единственно возможное.

— У вас есть другие объяснения?

— Нет.

— А у тебя? — Брайс посмотрел на Тала.

Тал, как и Фрэнк несколькими минутами раньше, тоже не знал, что ответить, и чувствовал себя крайне неудобно.

— По-моему, я стал говорить «оно», потому что я уже не могу соглашаться с предположением о маньяках-убийцах.

— Вот как? А почему нет? — Тяжелые веки Брайса поднялись от удивления небывало высоко.

— Из-за того, что произошло в гостинице «При свечах»,— ответил Тал.— Когда мы спустились вниз и обнаружили в вестибюле на столике эту руку, сжимающую карандаш для бровей, который мы искали... ну... мне кажется, маньяк-убийца *такого* бы не сделал. Все мы уже достаточно давно работаем в полиции и навидались подобных типов. Кому-нибудь из вас когда-либо доводилось встречать психопата, у которого было бы чувство юмора? Пусть даже какое-нибудь гнусное, извращенное, но чувство юмора? Все они — люди, абсолютно лишенные этого чувства. Они утратили способность смеяться *над чем бы то ни было*. Может быть, отчасти поэтому они и чокнутые. И когда я увидел эту руку на столике в вестибюле, я сразу понял, что она не стыкуется с предположением о маньяке. Я согласен с Фрэнком: я тоже склонен пока думать о нашем враге как о безличном «оно».

— Почему никто из вас не хочет признаваться в том, что вы на самом деле думаете? — тихо проговорила Лиза Пэйдж. Ей было четырнадцать лет, она была подростком, который вот-вот должен был превратиться в красивую молодую девушку, но сейчас она смотрела на всех остальных с той наивностью и прямотой, с какой смотрят обычно маленькие дети.— Ведь в глубине души по-настоящему каждый из нас *знает*, что все это сделали не люди. Господи, все так ужасно — одни *ощущения* при виде этого чего стоят,— так странно и отвратительно. И чем бы оно ни было, все мы *чувствуем*, что оно здесь. Мы все боимся этого «оно». И поэтому из последних сил стараемся сделать вид, будто его тут нет. Не признаемся себе в очевидном.

Один только Брайс выдержал взгляд девочки, не отводя глаз, и задумчиво, изучающе глядел на Лизу. Все остальные потупились. Друг на друга они тоже избегали смотреть.

«Не любим мы вглядываться в самих себя,— подумал Тал,— а девочка призывает нас именно к этому. Нам не хочется всмотреться в себя и обнаружить внутри голое примитивное суеверие. Мы же ведь все цивилизованные, образованные, *взрослые* люди. А взрослые не должны верить во всякую чертовщину».

— Лиза права,— сказал Брайс.— Единственный способ разрешить эту загадку — а может быть, и единственный способ нам самим не стать очередными жертвами — это подойти к ней непредубежденно, ничем не сдерживать свое воображение.

— Согласна,— сказала доктор Пэйдж.

— И что же нам прикажете думать? — с сомнением покачал головой Горди Брогэн.— *Вообще* все, что угодно? Я хочу сказать, какие-нибудь пределы нашему воображению должны быть? Или надо учитывать и такие версии, как привидения, оборотни... даже вампиры? Должно же быть что-то такое, что мы могли бы *заведомо* исключить.

— Разумеется,— терпеливо проговорил Брайс.— Никто не утверждает, Горди, что мы имеем дело с привидениями или оборотнями. Но мы должны понимать, что столкнулись с чем-то неизвестным. Вот и все. С *неизвестным*.

— Не согласен,— угрюмо возразил Стю Уоргл.— Какое, черт возьми, неизвестное? Рано или поздно мы выясним, что

все это — дело рук какого-нибудь извращенца, какого-нибудь грязного вонючего подонка, одного из тех мерзавцев, которых все мы уже насмотрелись.

— При таком взгляде, как у тебя, Уоргл,— сказал Фрэнк,— мы обязательно упустим какую-нибудь существенную улику. И кончится тем, что нас всех перебьют.

— Не торопись с выводами,— ответил Уоргл.— Увидишь, что я прав.— Он сплюнул на тротуар, заложил большие пальцы за пояс, на котором была подвешена кобура, и принял вид человека, осознающего, что во всей этой компании он единственный, кому удалось сохранить хладнокровие и трезвость мысли.

Тала Уитмена эта поза не обманула: он ясно видел, что и Уоргл тоже испытывает страх и ужас. Хоть Стю и был одним из самых толстокожих людей, с какими доводилось встречаться Талу, он все-таки не утратил тех примитивных инстинктов, о которых говорила Лиза. Хотел он это признать или нет, но он явно ощущал ту же самую до костей пробирающую холодную дрожь, как и все они.

Фрэнк Отри тоже понял, что спокойствие и невозмутимость Уоргла — не более чем поза. Тоном, в котором сквозило преувеличенное и неискреннее восхищение, Фрэнк проговорил:

— Своим прекрасным примером, Стю, ты нас вдохновляешь. Укрепляешь наши силы. И что бы мы только без тебя делали?

— Без меня, Фрэнк,— ехидно ответил Уоргл,— ты бы уже давным-давно был в дерьме.

— По-моему, это здорово похоже на самомнение, а? — Фрэнк с деланным смущением посмотрел на Тала, Горди и Брайса.

— Есть малость. Но не вини Стю,— сказал Тал,— в его случае самомнением природа просто лихорадочно пыталась заполнить вакуум.

Шутка была не особенно удачной, но она вызвала взрыв громкого хохота. Даже Стю, который хоть и обожал подкалывать других, терпеть не мог, когда подкалывали его самого, изобразил тем не менее некое подобие улыбки.

Тал понимал, что смеются не над шуткой, смеются скорее над самой Смертью, хохочут прямо в ее костлявое лицо.

Но когда смех затих, ночь оставалась все такой же темной.

Городок был противоестественно тих.

Джейк Джонсон не появился.

И *оно* было где-то рядом.

Доктор Пэйдж повернулась к Брайсу Хэммонду и спросила:

— Хотите взглянуть на дом Оксли?

— Не сейчас,— отрицательно покачал головой Брайс.— Я считаю, нам надо приостановить дальнейший осмотр городка до тех пор, пока мы не получим подкрепления. Я не собираюсь терять людей. Во всяком случае, рисковать не буду.

Тал увидел, как в глазах Брайса отразилось страдание — он вспомнил о Джейке.

«Брайс, дружище,— подумал он,— если что-то не так, ты всегда берешь всю ответственность на себя; а если все хорошо, ты готов поделиться успехом со всеми, даже когда заслуга целиком и полностью принадлежит тебе».

— Пойдемте обратно, в местный участок,— сказал Брайс.— Надо хорошенько продумать все, что нам необходимо будет сделать. И мне нужно позвонить.

Они двинулись назад тем же путем, каким пришли сюда. Стю Уорт, все еще преисполненный решимости доказать свое бесстрашие, настоял на том, что на этот раз он должен быть замыкающим, и всю дорогу с важным видом тащился сзади.

Когда они дошли до Скайлайн-роуд, раздался звон церковного колокола, заставивший всех вздрогнуть. Колокол протяжно ударил снова, потом еще раз и еще.

Талу показалось, что этот металлический звук отдается резонансом у него в зубах.

Они остановились на углу, вслушиваясь в звук колокола и вглядываясь в противоположный, западный конец Вейл-лэйн. Кирпичная церковная колокольня возвышалась совсем недалеко, чуть больше чем в квартале от них; на каждом углу ее островерхой крыши светились неяркие огоньки.

— Это католическая церковь Божьей Матери на Горе,— пояснила полицейским доктор Пэйдж, стараясь перекричать звук колокола.— Сюда ездят из всех здешних деревушек.

Церковный колокол может звучать как вдохновенная жизнерадостная музыка. Но в этом звоне, решил Тал, не было ничего жизнерадостного.

— Кто же в него звонит? — спросил, ни к кому конкретно не обращаясь, Горди.

— Возможно, и никто,— сказал Фрэнк.— Он может быть соединен с каким-нибудь механическим приспособлением или с таймером.

Колокол на освещенной колокольне раскачивался из стороны в сторону, издавая все тот же, на одной ноте, звук и отбрасывая вокруг слабый медный отблеск.

— А обычно по воскресеньям в это время здесь звонят? — спросил Брайс у доктора Пэйдж.

— Нет.

— Значит, это не таймер.

Колокол, раскачивавшийся высоко над землей, снова подмигнул им медным боком и прогудел еще раз.

— Но кто же дергает за веревку? — спросил Горди Брогэн.

У Тала Уитмена возникла перед глазами зловещая картина: это мертвый Джейк Джонсон, раздувшийся, посиневший и холодный как лед, стоит там, в комнате звонаря, в нижней части колокольни, и обескровленными руками сжимает веревку колокола; он мертв, но каким-то непостижимым образом в состоянии двигаться; он мертв, но тем не менее он дергает эту веревку, дергает ее снова и снова, задрав кверху свое мертвое лицо и улыбаясь широкой, но мрачной улыбкой мертвеца, а его вылезающие из орбит глаза смотрят на раскачивающийся под островерхой крышей гудящий колокол.

Тала передернуло.

— Может быть, стоит дойти до церкви и посмотреть, кто там есть? — предложил Фрэнк.

— Нет,— мгновенно возразил Брайс.— Именно этого оно от нас и хочет. Чтобы мы подошли посмотреть. Чтобы мы зашли в церковь, а тогда оно опять выключит свет...

Тал про себя отметил, что Брайс теперь тоже стал говорить «оно».

— Да,— согласилась Лиза Пэйдж.— Оно сейчас там, в эту самую минуту, и оно нас поджидает.

Даже Стю Уорта на этот раз не поддержал мысль о том, чтобы заглянуть сейчас в церковь.

Было видно, как колокол на верхней, открытой части колокольни раскачивался из стороны в сторону, бросая медные отблески: качнулся, сверкнул, опять качнулся, еще раз сверкнул — как будто вместе с монотонным гудением он световой

азбукой Морзе передавал им послание, обладающее некоей гипнотической силой: «У вас закрываются глаза, вас тянет в сон, хочется вздремнуть, еще сильнее хочется, вы засыпаете, засыпаете... вы уже спите, глубоко спите, вы в трансе... вы мне подчиняетесь... вы пойдете в церковь... пойдете сейчас, прямо сейчас... вы придете, придете в церковь и увидите тот удивительный сюрприз, который вас тут ждет... придете... придете... идите...»

Брайс передернул плечами, как будто сбрасывая с себя наваждение, и сказал:

— Раз оно хочет, чтобы мы зашли в церковь, значит, именно этого делать не стоит. Пока не рассветет, ничего больше осматривать не будем.

Они повернулись к Вейл-лэйн спиной и пошли по Скайлайн-роуд на север, мимо ресторана «Горный вид», по направлению к полицейскому участку.

Они успели пройти не больше двадцати футов, как церковный колокол вдруг замолчал.

Жуткая и таинственная тишина стала снова расползаться по городку, заливая собою все вокруг, словно вязкая жидкость.

Когда они добрались до полицейского участка, то обнаружили, что труп Пола Хендерсона исчез. Бесследно. Как будто мертвый полицейский просто встал и ушел, словно Лазарь*.

Глава 14
ОПЕРАЦИЯ НАЧИНАЕТСЯ

Брайс сидел на столе, за которым раньше работал Пол Хендерсон. Открытый номер «Тайма», который Пол, должно быть, читал в тот самый момент, когда Сноуфилд подвергся нападению, Брайс сдвинул в сторону. Сейчас перед ним лежал лист желтой бумаги из блокнота, заполненный убористым почерком Хэммонда.

Все остальные, находившиеся в комнате, были заняты выполнением поручений, которые он им дал. В полицейском участке воцарилась атмосфера военного лагеря. Твердая решимость каждого выжить во что бы то ни стало непонятным образом сплотила всех, породив пока еще слабое и хрупкое, но с каждой минутой крепнущее чувство товарищества. Возник даже своеобразный осторожный оптимизм, возможно основанный на том, что хотя вокруг них были одни трупы, но сами они до сих пор еще живы.

Брайс быстро пробежал глазами составленный им список, проверяя, не забыл ли он чего. Просмотрев листок еще раз, он пододвинул к себе телефон. Гудок в трубке раздался сразу же, и шериф вздохнул с облегчением, вспомнив, с какими трудностями пришлось совсем недавно столкнуться Дженифер Пэйдж.

Он немного поколебался, прежде чем набрать первый номер. На него тяжким грузом давило осознание всей неимоверной значимости происшедшего. Ничего подобного случившемуся — полному истреблению населения целого города, причем невероятному по жестокости, не было нигде и никогда. Уже через несколько часов в Санта-Миру начнут слетаться десятки и сотни журналистов со всего мира. К утру сообщения из Сноуфилда и репортажи о нем вытеснят с первых страниц газет все другие новости. Сколько бы ни продлился этот кризис, на всем его протяжении Си-би-эс, Эй-би-си и Эн-би-си будут прерывать свои обычные программы, чтобы передавать самые последние известия из Сноуфилда. Все средства массовой информации будут обсуждать случившееся. И пока не станет ясно, сыграл ли какую-нибудь роль в происшедшем неизвестный микроб или бактерия, сотни миллионов людей будут затаив дыхание гадать, не подписан ли в Сноуфилде смертный приговор и им тоже. Но даже если версию с инфекцией можно будет исключить, внимание всего мира не переключится на что-нибудь другое до тех пор, пока тайна Сноуфилда не найдет объяснения. И давление на тех, от кого зависит как можно более быстрое решение этой загадки, наверняка будет невыносимым.

Жизнь самого Брайса в результате всех этих событий конечно же изменится до неузнаваемости. Он возглавляет местную полицию, а значит, будет обязательно фигурировать во всех телерепортажах и газетных сообщениях. Подобная перспектива приводила его в ужас. Он не принадлежал к числу тех

---

* Лазарь *(библ.)* — брат Марии и Марфы, воскрешенный Христом из мертвых (Евангелие от Иоанна, II). Это воскрешение считается одним из величайших чудес Господа, свидетельствующим о божественном Его всемогуществе и Его владычестве над смертью.

шерифов, что любят красоваться перед объективами. Он предпочитал держаться в тени.

Но теперь уж, после всего того, что произошло в Сноуфилде, никуда от такой перспективы не денешься.

Не прибегая к помощи оператора, он напрямую набрал тот номер в своем департаменте в Санта-Мире, который всегда использовал в экстренных случаях. Дежурил сержант Чарли Мерсер, толковый человек, на которого всегда можно положиться,— он сделает все в точности так, как будет сказано.

Чарли поднял трубку посередине второго гудка:

— Департамент шерифа.— У него был вялый, немного гнусавый голос.

— Это Брайс Хэммонд, Чарли.

— Так точно, сэр. Мы здесь все гадаем, что у вас там произошло.

В нескольких фразах Брайс обрисовал ему сложившееся в Сноуфилде положение.

— О господи! — проговорил Чарли.— А Джейк что, погиб?

— Мы пока не знаем точно, погиб ли он. Можно надеяться, что нет. А теперь слушай внимательно, Чарли. В ближайшие пару часов нам надо многое успеть сделать. Нам будет значительно легче, если до тех пор, пока мы не организуем здесь свою базу и не возьмем под контроль окрестности Сноуфилда, будет сохраняться полная секретность. Что бы это ни было, надо *удержать* его здесь, внутри. *Удерживание*, Чарли,— вот ключевое слово. Сноуфилд нужно плотно запечатать, а добиться этого будет гораздо проще, если мы успеем сделать все необходимое раньше, чем сюда начнут подваливать журналисты. Я знаю, что на тебя могу положиться, ты будешь держать язык за зубами, но вот некоторые другие...

— Не беспокойтесь,— ответил Чарли,— пару часов мы выдержим, не протреплемся.

— Хорошо. Прежде всего мне нужны еще двенадцать человек. Двоих на тот пост, который мы выставили на повороте к Сноуфилду, и десять сюда, ко мне. По возможности постарайся отобрать холостяков и тех, у кого нет детей.

— Неужели настолько серьезно?

— Да. И лучше присылай тех, у кого нет в Сноуфилде родственников. Дальше: пусть они захватят с собой питьевую воду

и еду из расчета на два дня. Я не хочу пользоваться здесь, в Сноуфилде, ничем, пока мы не убедимся, что это безопасно.

— Понял.

— Пусть каждый захватит личное оружие, гранаты со слезоточивым газом и ружье для борьбы с уличными беспорядками.

— Понял.

— У вас там останется мало народа, и особенно трудно станет, когда начнут съезжаться журналисты. Вызовите дополнительные полицейские силы для регулирования движения и предотвращения уличных беспорядков. Теперь, Чарли: ты ведь хорошо знаешь эту часть нашего округа, верно?

— Я родился и вырос в Пайнвилле.

— Я так и думал. Я вот смотрю сейчас на карту округа, и, насколько я понимаю, в Сноуфилд ведут только две дороги. Одна — это шоссе, которое мы уже закрыли.— Он повернулся на кресле и уставился на огромную карту, висевшую в рамке на стене.— И кроме того, есть след от старого пожара, поднимающийся с той стороны горы примерно на две трети ее высоты. Там, где этот след кончается, начинается что-то вроде естественной тропы. По-видимому, это пешая тропа, а не дорога, но, если верить карте, она выходит прямо к началу самой длинной лыжной трассы, которая идет с этой стороны горы и ведет прямо в Сноуфилд.

— Да,— ответил Чарли.— Я там ходил в свое время с рюкзаком за плечами, по тем лесам. Официально это называется «старая горная лесная тропа». А мы, местные, называли ее «тропой измора».

— Надо поставить двух человек в самом низу, у начала пожарища, и поворачивать назад всякого, кто попытается подойти с той стороны.

— На это может отважиться только какой-нибудь совсем уж ненормальный репортер.

— Рисковать мы не можем. А еще дороги есть, кроме тех, что показаны на карте?

— Нету,— ответил Чарли.— Если только идти в Сноуфилд напрямую, прокладывая себе дорогу самостоятельно. Но там *действительно* совершенно дикие места. Не такие, где можно поставить палатку на выходные, отнюдь. Туда и опытный-то турист не сунется. Это было бы просто глупо.

— Ну ладно. Теперь мне нужен номер телефона, который у нас где-то записан. Помнишь, я ездил в Чикаго на семинар для офицеров полиции... где-то года полтора назад. И там выступал этот представитель из армии... По-моему, его звали Коппердфильд. Да, генерал Коппердфильд.

— Точно,— ответил Чарли.— Военно-медицинская служба, отдел бактериологической защиты.

— Совершенно верно.

— По-моему, то, где служит Коппердфильд, называется бригадой гражданской обороны. Подождите немного.— Чарли отсутствовал меньше минуты. Вернувшись, он продиктовал Брайсу номер.— Это в Дагвэе, штат Юта. Господи, а вы считаете, в Сноуфилде произошло что-то такое, что заставит этих ребят туда примчаться? Тогда это действительно ужас.

— Это действительно ужас,— согласился Брайс.— Еще вот что. Передай по телетайпу это имя: Тимоти Флайт.— Брайс продиктовал по буквам.— Словесного портрета нет. Адрес неизвестен. Узнай, не числится ли он в розыске. И проверь в ФБР тоже. А потом выясни все, что сможешь, о супругах Орднэй из Сан-Франциско.— Он дал Чарли адрес, который был записан в гостиничной книге регистрации.— И еще одно. Пусть те, кто сюда поедет, захватят из нашего окружного морга пластиковые мешки для трупов.

— Сколько?

— Ну, для начала... две сотни.

— Две... *сотни?!*

— Потом может понадобиться гораздо больше. Возможно, придется просить в соседних округах. Так что узнай заранее, смогут ли они нам столько дать. Здесь пропала масса народа, но их тела еще могут отыскаться. В городке жило около пятисот человек. Возможно, столько мешков нам и понадобится.

«А может быть, и больше, чем пятьсот,— подумал Брайс.— Несколько мешков могут понадобиться и для нас самих».

Хотя Чарли слушал самым внимательным образом, когда Брайс говорил ему, что не стало целого городка, и хотя он, безусловно, верил словам Брайса, но *сердцем* он не прочувствовал всех масштабов этой страшной катастрофы до тех пор, пока не услышал просьбу прислать двести мешков для тел. Истинным смыслом случившегося он проникся только тогда, когда представил себе все эти трупы, запечатанные в светонепроницаемые пластиковые мешки и разложенные вдоль улиц Сноуфилда.

Пресвятая Богородица! — выговорил Чарли Мерсер.

Пока Брайс Хэммонд говорил по телефону с Чарли Мерсером, Фрэнк и Стю начали разбирать массивную полицейскую радиостанцию, что стояла возле задней стены комнаты. Брайс поручил им выяснить, почему она не работала, так как никаких видимых повреждений на ней не было.

Лицевая панель радиостанции закреплялась десятью туго ввинченными шурупами. Фрэнк был занят тем, что один за другим отвертывал их.

От Стю, как всегда, особой помощи не было. Он главным образом глазел на доктора Пэйдж, которая занималась чем-то вместе с Талом Уитменом в другой части комнаты.

— А она ничего, неплохой кусочек,— проговорил Стю, бросая алчные взгляды на докторшу и одновременно ковыряя в носу.

Фрэнк промолчал.

Стю посмотрел на то, что извлек из носа, так, словно это была только что найденная в раковине необыкновенная жемчужина, затем опять перевел взгляд на врачиху.

— Ты только посмотри, как на ней джинсы сидят, *а*? Эх, хорошо бы ей вставить!

Фрэнк уставился на три уже вывинченных им шурупа и сосчитал до десяти, стараясь подавить в себе желание загнать один из них прямо в толстый череп Стю.

— Надеюсь, у тебя хватит ума не пытаться к ней подъехать.

— А почему нет? Такой кадр! А я их повидал, знаю.

— Только попробуй, шериф тебе покажет.

— Шерифом меня не запугаешь.

— Ты меня поражаешь, Стю. Как ты можешь думать сейчас о сексе? Тебе не приходило в голову, что мы все тут запросто можем погибнуть еще сегодня ночью, может быть даже в следующую минуту?

— Тем больше оснований подъехать к ней, если удастся,— ответил Уорд.— Черт возьми, если все равно помирать, так че-

то церемониться? Не пропадать же ей зря? Верно? Да и другая ничего.

— Кто другая?

— Девчонка,— сказал Уоргл.

— Ей же только четырнадцать.

— То, что надо!

— Она же *ребенок*, Уоргл.

— Для этого уже вполне годится.

— Ты больной.

— А тебе бы разве не хотелось, Фрэнк, чтобы эти плотненькие хорошенькие ножки обвились вокруг тебя, а?

Отвертка выскользнула из головки шурупа и со скрежетом проехала по металлу.

Тихим, почти неслышным голосом, от которого тем не менее мгновенно сдуло ухмылку с физиономии Уоргла, Фрэнк произнес:

— Если только я услышу, что ты хоть одним своим вонючим пальцем дотронулся до этой девочки — или до любой другой, где бы то ни было и когда бы то ни было,— я не просто помогу отдать тебя под суд. *Я тобой сам займусь.* Я знаю, как это делать, Уоргл. Я не зря служил во Вьетнаме. Я там воевал, а не по штабам отсиживался. И знаю, как надо обращаться с такими, как *ты*. Хорошо расслышал? Понял меня?

На какое-то время Уоргл лишился дара речи и только бессмысленно смотрел в глаза Фрэнку.

Из разных углов довольно большой комнаты до них долетал шум разговоров, но разобрать слова было невозможно. Ясно было, что никто из окружающих не слышал Фрэнка и Уоргла и не понял смысла сцены, только что разыгравшейся возле радиостанции.

Наконец Уоргл моргнул, облизал губы, посмотрел вниз, на ботинки, поднял взгляд и изобразил на лице улыбку, которая должна была показать, что все сказанное раньше — чепуха, обычный, ничего не значащий треп.

— Да брось ты, Фрэнк, не психуй. И не заводись. Это же я так, *несерьезно*.

— Ты меня понял? — повторил Фрэнк.

— Понял, понял. Но говорю тебе, я же это несерьезно. Просто так, самая обычная трепотня. Что, ты никогда не слышал, как ребята треплются в раздевалке? Или сам не трепался? Ты же знаешь, что я ничего подобного не сделаю. Что я, извращенец какой, прости господи? Брось, Фрэнк, расслабься. О'кей?

Фрэнк посмотрел на него еще немного, а потом произнес:

— Давай-ка разберем это радио.

Тал Уитмен открыл высокий металлический сейф, в котором хранилось оружие.

— Боже, да здесь целый арсенал,— сказала Дженни Пэйдж.

Тал начал передавать ей оружие, а она раскладывала его на стоящем поблизости столе.

Для такого городка, как Сноуфилд, запасы огнестрельного оружия в сейфе были, пожалуй, чрезмерными. Две мощные винтовки со снайперскими прицелами. Два карабина. Два специальных короткоствольных ружья, которые применяются при уличных беспорядках: они стреляют пластмассовыми мягкими пулями и не могут никого убить. Две ракетницы. Два ружья для стрельбы гранатами со слезоточивым газом. Три револьвера: два тридцать восьмого калибра и один большой «смит-вессон-магнум».

Пока лейтенант выкладывал на стол коробки с патронами, Дженни взяла «магнум» и рассмотрела его повнимательнее.

— Чудовищная штука, правда?

— Да. Таким быка остановить можно.

— А Пол держал здесь все в отличном состоянии.

— Похоже, вы разбираетесь в оружии,— сказал лейтенант, продолжая выкладывать коробки.

— Всегда терпеть его не могла. И никогда не думала, что обзаведусь своим,— ответила Дженни.— Но после того, как я здесь прожила уже месяца три, нам стала досаждать банда мотоциклистов, устроившая что-то вроде своего летнего лагеря возле шоссе на Маунт-Ларсон.

— «Хромированные дьяволы».

— Они,— подтвердила Дженни.— Мерзкие типы.

— Мягко говоря.

— Пару раз, когда я вечерами ездила по вызовам в Маунт-Ларсон или в Пайнвилль, ко мне приставали мотоциклисты. Они ехали и справа, и слева от моей машины, держались очень близко, так что это было небезопасно, скалились, махали рука-

ми, что-то кричали мне. В общем, вытворяли разные глупости. Ничего плохого они в общем-то не пытались делать, но я все равно чувствовала, что мне...

— Угрожают.

— Верно. Поэтому я купила револьвер, научилась стрелять и получила разрешение на ношение.

Лейтенант принялся вскрывать коробки с патронами.

— А воспользоваться хоть раз им пришлось?

— Ну, стрелять, слава богу, не пришлось ни разу,— сказала она.— Но показать один раз пришлось. Я ехала в Маунт-Ларсон, только-только стемнело, и «дьяволы» опять ко мне прицепились, но на этот раз не так, как обычно. Четверо окружили меня со всех сторон, взяли в «коробочку» и начали притормаживать, заставляя меня остановиться. В конце концов они все-таки вынудили меня встать прямо посередине дороги.

— Сердечко у вас, наверное, заколотилось, а?

— Еще как! Один из этих «дьяволов» слез с мотоцикла. Здоровый такой, больше шести футов ростом, с длинными курчавыми волосами и с бородой. Вокруг головы повязка. И золотая серьга в ухе. Прямо как пират.

— У него на ладонях не были вытатуированы глаза — красный и желтый?

— Точно! По крайней мере на той руке, которой он оперся о ветровое стекло моей машины, когда смотрел на меня.

Лейтенант облокотился на стол, на котором было разложено оружие.

— Его зовут Джин Терр. Он главарь «Хромированных дьяволов». Одна из худших банд подобного толка. Два или три раза он побывал за решеткой, но его никогда не сажали за что-нибудь серьезное, и он никогда не задерживался подолгу. Всякий раз, когда казалось, что уж теперь-то он должен сесть крепко, кто-нибудь из его людей брал всю вину на себя. У него потрясающая власть над членами банды. Они сделают все, что он захочет. Они на него разве что не молятся. И даже попав в тюрьму, они сохраняют ему верность, а Джитер продолжает о них заботиться, переправляет им туда деньги, наркотики. Он знает, что мы не можем ничего ему сделать, и потому доводит нас почти до бешенства своей вежливостью: заявлениями о том, что всегда готов нам помочь, и вообще тем, что изображает из себя

честного и сознательного гражданина. У него это любимая шутка. Так, значит, Джитер подошел к вашей машине и уставился на вас. И что же было дальше?

— Да. Он хотел, чтобы я вышла из машины, а я не хотела этого делать. Требовал опустить окно, чтобы нам не приходилось кричать. Я ответила, что не возражаю немного покричать. Тогда он пригрозил, что разобьет окно, если я его не опущу. Я понимала, что, если опущу окно, он просунет руку внутрь и отопрет дверь, поэтому решила лучше сама выйти из машины. Я ему сказала, что выйду, если он отойдет немного подальше. Он отошел, и я выхватила из-под сиденья револьвер. Как только я открыла дверцу и вышла, он на меня полез. А я воткнула ствол револьвера прямо ему в пузо. Револьвер был взведен, курок оттянут — это он сразу увидел и понял.

— Хотел бы я поглядеть на его физиономию в тот момент! — улыбнулся лейтенант Уитмен.

— Я была перепугана до смерти,— продолжала вспоминать Дженни.— Конечно, я боялась его. Но я боялась и того, что мне, может быть, придется выстрелить. Я даже не была уверена в том, *смогу ли* нажать на спусковой крючок. Но я понимала: нельзя показать Джитеру свою неуверенность.

— Если бы он ее увидел, он бы вас живьем сожрал.

— Вот и я так подумала. Поэтому держалась очень хладнокровно и очень твердо. Я ему сказала, что я врач, что я еду к тяжелому больному и что я очень тороплюсь. Говорила я тихо. Трое других сидели на своих мотоциклах: им не было видно револьвера и они не слышали, о чем мы говорили. Этот Джитер, как мне показалось, из разряда тех, кто скорее умрет, чем позволит, чтобы другие видели, как им командует женщина. Поэтому я не хотела, чтобы его дружки поняли, что происходит: тогда он мог бы выкинуть какую-нибудь глупость.

— Верно вы его раскусили,— одобрительно покачал головой лейтенант.

— Я ему напомнила, что *ему самому* может когда-нибудь понадобиться врач. Допустим, он врежется во что-нибудь на своем мотоцикле и будет валяться на дороге с тяжелой раной, и тут по вызову приеду я: если он сделает мне что-нибудь плохое, мне ведь захочется ему ответить тем же, верно? Я ему сказала, что у врача много возможностей сделать так, чтобы рана была

как можно более болезненной, чтобы она долго и тоже болезненно заживала, чтобы возникли всякие осложнения. И посоветовала подумать обо всем этом.

Лейтенант Уитмен пораженно смотрел на нее.

— Не знаю,— продолжала Дженни,— это ли на него подействовало, или просто то, что у меня был револьвер. Но он смешался, а потом разыграл великолепную сцену для своих дружков. Он им сказал, что я — знакомая его близкого друга. Сказал, что видел меня всего раз, несколько лет назад, и поэтому не сразу узнал. «Хромированным дьяволам» было велено оказывать мне всяческое почтение. Никто из них и никогда не должен ко мне приставать. После этого он уселся на свой «Харлей» и укатил, а остальные двинулись за ним.

— И после всего этого вы поехали в Маунт-Ларсон?

— А что же мне было делать? Пациент-то ждал.

— Невероятно.

— Но могу вам признаться: всю дорогу до Маунт-Ларсона меня трясло и прошибал холодный пот.

— И с тех пор ни один мотоциклист больше к вам не приставал?

— Наоборот, теперь, когда они меня обгоняют на местных дорогах, то всегда улыбаются и машут рукой.

Уитмен расхохотался.

— Вот вам ответ на ваш вопрос,— сказала Дженни.— Я умею пользоваться револьвером, но надеюсь, что мне никогда не придется ни в кого стрелять.

Она посмотрела на «магнум», который так и держала в руке, нахмурилась, открыла коробку с патронами и принялась заряжать револьвер.

Лейтенант взял несколько патронов из другой коробки и зарядил карабин.

Они помолчали некоторое время, потом лейтенант спросил:

— А вы бы и вправду сделали то, о чем говорили Джину Терру?

— Что? Выстрелила бы?

— Нет. Я хочу сказать, если бы он действительно сделал вам что-нибудь плохое, может быть изнасиловал бы, а потом попал к вам в качестве пациента... вы бы и вправду?..

Дженни полностью зарядила «магнум», повернула на место цилиндр и положила револьвер.

— Ну, искушение так поступить у меня бы возникло. Но, с другой стороны, я очень уважаю клятву Гиппократа. Поэтому... что ж... наверное, в глубине души я тряпка, но — я бы сделала для Джитера все, что необходимо, самым лучшим образом.

— Так я и знал, что вы это скажете.

— Я только на словах твердая и решительная, а внутри я кисель.

— Ну прямо,— возразил Уитмен.— Далеко не у каждого хватило бы духа так противостоять ему, как это сделали вы. Но если бы он причинил вам вред, а вы потом, чтобы поквитаться с ним, нарушили бы клятву врача... это уже было бы другое дело.

Дженни подняла взгляд от револьвера тридцать восьмого калибра, который взяла со стола из общей кучи оружия, и внимательно посмотрела на чернокожего полицейского. Его глаза глядели ясно, открыто, дружелюбно.

— Доктор Пэйдж, у вас, как мы говорим, «правильное нутро». Если хотите, зовите меня Тал. Меня почти все так зовут. Это сокращенное от Талберт.

— Хорошо, Тал. А ты зови меня Дженни.

— Ну, не знаю, хорошо ли это.

— Вот как? А в чем дело?

— Вы все-таки доктор, и все такое. Моя тетушка Бекки — она меня вырастила и воспитала — очень уважала всех докторов. И мне как-то странно называть доктора просто... по имени.

— Знаешь, врачи тоже люди. А с учетом переделки, в которую мы все тут попали...

— Все равно,— отрицательно покачал головой Уитмен.

— Ну, если для тебя это так важно, зови меня так, как зовет большинство пациентов.

— Это как?

— Просто док.

— Док? — Он задумался, и по лицу его стала медленно расплываться улыбка.— Док. Как-то при этом слове вспоминаются те седые сварливые простаки, которых давным-давно, еще в тридцатые и сороковые годы, играл в кино Барри Фитцджеральд.

— Уж извини, но я пока не седая.

— Ну, положим, вы и не старая простушка.

Дженни негромко рассмеялась.

— А мне нравится это слово. В нем есть какая-то дружеская ирония,— сказал Уитмен.— Док. Да, пожалуй, оно подходит. Когда я представляю себе, как вы ткнули револьвер в пузо этому Джину Терру,— что ж, в тот момент вас можно было назвать «док».

Они зарядили пару винтовок.

— Тал, зачем нужно столько оружия в полицейском участке такого маленького городка, как Сноуфилд?

— Если полиция округа хочет получать в свой бюджет еще такие же суммы, как те, которыми она располагает, от властей штата и от федерального правительства, то приходится выполнять их требования, какими бы странными они ни были. А одно из этих требований — перечень минимального запаса оружия, которое должно быть в наличии на таком вот полицейском участке. А сейчас... может быть, и хорошо, что у нас тут есть такой арсенал.

— Но пока что мы даже не видели, в кого могло бы понадобиться стрелять.

— Подозреваю, что увидим,— сказал Тал.— И знаете, что еще я вам скажу?

— Что?

Его широкое темное красивое лицо способно было, оказывается, принимать торжественно-спокойное и строгое выражение.

— Думаю, вам незачем переживать насчет того, сможете ли вы выстрелить в человека. Мне почему-то кажется, что нам тут придется иметь дело *не с людьми*.

Брайс набрал личный, не указанный в телефонных книгах, номер резиденции губернатора штата в Сакраменто*. Вначале к телефону подошла горничная, долго повторявшая ему, что губернатор не может взять сейчас трубку, даже для разговора со старым другом и даже если этот разговор касается вопросов жизни и смерти. Она настойчиво предлагала Брайсу передать ей то, что он хотел бы сообщить губернатору. Потом трубку взял управляющий домом — то есть начальник всей работающей в доме прислуги,— посоветовавший Брайсу то же самое,

* Административный центр штата Калифорния, США.

что и горничная. Затем Брайс долго дожидался у телефона, пока наконец трубку с другой стороны не взял Гэри По, помощник и главный политический советник губернатора Джека Ретлока.

— Брайс,— заговорил Гэри,— Джек сейчас никак не может подойти к телефону. Он сидит на очень важном обеде. Мы принимаем японского министра торговли и их генерального консула в Сан-Франциско.

— Гэри...

— Мы прилагаем прорву усилий к тому, чтобы заполучить сюда, в Калифорнию, новый совместный японо-американский ввод по производству всякой электроники, и мы очень боимся, как бы этот проект не перехватили у нас Техас, Аризона или даже Нью-Йорк. Господи боже мой, Нью-Йорк, ты себе можешь это представить!

— Гэри...

— Я не понимаю, почему японцы вообще даже рассматривают вариант с Нью-Йорком? Они что, не знают, какие там проблемы с рабочей силой и какой там уровень местных налогов?! Иногда я просто думаю, что...

— Гэри, заткнись!

— Что?!

Брайс никогда ни на кого не повышал голоса. Вот почему даже Гэри По, обладавший способностью говорить быстрее и громче любого ярмарочного зазывалы, был на этот раз поражен и смолк.

— Гэри, у нас ЧП. Позови Джека.

— Брайс, я уполномочен...— обиженным голосом заговорил По.

— Гэри, в ближайшие два часа мне нужно сделать чертову уйму разных дел. Если, конечно, я проживу эти два часа и успею хоть что-то сделать. Поэтому я не могу тратить пятнадцать минут на то, чтобы объяснить все происходящее тебе, да потом еще столько же, чтобы снова объяснить то же самое Джеку. Послушай, я сейчас нахожусь в Сноуфилде. Такое впечатление, что все, кто тут жил, мертвы, Гэри.

— Что?

— Все пятьсот человек.

— Брайс, если это какая-то шутка...

— Пятьсот трупов. Причем по меньшей мере пятьсот. А теперь, ради бога, позови мне Джека.

— Но, Брайс, пятьсот...

— Позови Джека, черт побери!

Гэри помолчал немного, затем произнес:

— Ну что ж, старина, надеюсь, ты это не придумал.— Он положил трубку рядом с аппаратом и отправился за губернатором.

Брайс был знаком с Джеком Ретлоком уже семнадцать лет. Когда он только поступил на работу в полицию Лос-Анджелеса, то на первый год к нему в качестве наставника прикрепили Джека. Ретлок к тому времени проработал в полиции уже семь лет и считался ветераном и закаленным бойцом. Он и вправду производил впечатление человека, настолько знающего и понимающего все тонкости жизни улицы, что Брайс с отчаянием спрашивал, сможет ли он когда-нибудь стать хотя бы наполовину столь же искусным полицейским, как Джек. Однако уже через год он превзошел Ретлока. Они решили и дальше продолжать работать вместе, в одной паре. Но еще через полтора года, пресытившись выше головы правосудием, сплошь и рядом выпускающим на свободу подонков, которых он с таким трудом отправлял за решетку, Джек ушел из полиции и занялся политикой. В бытность свою полицейским Ретлок неоднократно удостаивался наград за храбрость. Этот образ бравого и смелого полицейского помог ему занять место в городском совете Лос-Анджелеса, а потом успешно провести избирательную кампанию на пост мэра города и победить с абсолютным преимуществом. Уже оттуда он перепрыгнул в кресло губернатора штата. По сравнению с Брайсом, сумевшим за то же время дослужиться только до поста шерифа в округе Санта-Мира, Джек совершил головокружительную карьеру, но из них двоих он всегда отличался гораздо большей агрессивностью...

— Дуди? Это ты? — спросил Джек, беря трубку телефона в Сакраменто.

Дуди было прозвищем Брайса. Джек всегда говорил, что светлые, песочного цвета волосы Брайса, его веснушчатое, пышущее здоровьем лицо и кукольные голубые глаза делали его похожим на Хауди Дуди.

— Я, Джек.

— Гэри несет какой-то совершеннейший бред...

— Все действительно так,— прервал его Брайс.

Он рассказал Джеку обо всем, что произошло в Сноуфилде.

Выслушав его рассказ, Джек глубоко вздохнул и сказал:

— Жаль, Дуди, что у тебя нет репутации любителя заложить за галстук.

— Джек, это не пьяная болтовня. Послушай, самое первое, что мне нужно...

— Национальная гвардия?

— Только не это! — ответил Брайс.— Пока у нас есть хоть какая-то возможность обойтись без них, я хочу, чтобы их тут не было.

— Если я не воспользуюсь Национальной гвардией и вообще всеми официальными ведомствами, какие есть в моем подчинении, а потом выяснится, что я первым делом должен был задействовать именно их, то меня смешают с дерьмом и на мне спляшет целое стадо голодных коров.

— Джек, я рассчитываю на то, что в этом деле ты станешь принимать *правильные*, а не просто *политически верные* решения. Пока мы не разобрались до конца в ситуации, толпы национальных гвардейцев нам здесь ни к чему. Они будут только путаться под ногами. Они очень нужны, когда надо спасать людей при наводнении, разносить почту во время забастовки почтовиков и в других подобных случаях. Вот тогда они полезны. Но они не профессиональные военные. Это коммивояжеры, юристы, плотники, школьные учителя. А в данном случае нужна небольшая, эффективная, жестко контролируемая полицейская операция. Ее могут провести только настоящие, профессиональные полицейские и никто другой.

— А если твои люди не справятся?

— Тогда я буду первым, кто попросит прислать гвардейцев.

— Ну хорошо,— сдался наконец Ретлок.— Обойдемся без гвардейцев. Пока.

Брайс облегченно вздохнул.

— И я хочу, чтобы управление здравоохранения штата тоже пока не вмешивалось.

— Дуди, это уже чересчур. На это я пойти не могу. Если есть хоть самая малая вероятность того, что в Сноуфилде все погибли в результате массовой инфекции или какого-то крупного отравления окружающей среды...

— Джек, послушай, управление здравоохранения способно что-то сделать, когда надо проследить, не распространяется ли

по штату чума, нет ли массового отравления продуктов или питьевой воды. Но в общем-то они бюрократы и обычно разворачиваются медленно. У меня есть какое-то внутреннее ощущение, что нам отпущено очень мало времени. В любой момент может произойти катастрофа. Я даже буду очень удивлен, если она не произойдет. Кроме того, у управления здравоохранения нет необходимого оборудования и нет планов действий на случай гибели целого города. Все это есть у других, Джек. В военно-медицинской службе есть отдел бактериологической защиты — ОБЗ, а в нем существует относительно новая программа, которую они назвали «бригадой гражданской обороны» — БГО.

— ОБЗ? — переспросил Ретлок, и голос его зазвучал еще более встревоженно.— Это те, кто занимается противохимической и бактериологической защитой?

— Да.

— О боже! Ты что, думаешь, что происшедшее может быть как-то с этим связано?..

— Возможно, и нет,— ответил Брайс, вспомнив отрезанные головы Либерманов, странное чувство, которое испытал он сам в крытом проезде позади их булочной, а также ту невероятную внезапность, с которой исчез Джейк Джонсон.— Но пока еще я слишком мало знаю, чтобы исключать эту да и любую другую возможность.

В голосе губернатора зазвучала, становясь все сильнее, откровенная ярость:

— Если эти разгильдяи-военные опять проворонили какой-нибудь из своих проклятых вирусов, я добьюсь того, чтобы им головы поснимали!

— Не заводись, Джек. Может быть, это не их вина. Возможно, это работа террористов, которым в руки каким-то образом попал образец бактериологического оружия. А возможно, русские просто проводят небольшое испытание готовности наших аналитических и оборонных систем в случае бактериологического нападения. Чтобы во всем этом разобраться, и существует военно-медицинская служба, отдел бактериологической защиты, а в нем группа генерала Копперфильда.

— Кто такой этот Копперфильд?

— Генерал Гэйлен Копперфильд. Он командует бригадой гражданской обороны, входящей в состав ОБЗ. И у нас сейчас

сложилось именно такое положение, о котором их надо ставить в известность. Копперфильд за несколько часов сможет прислать в Сноуфилд группу хорошо подготовленных специалистов. С первоклассными биологами, вирусологами, бактериологами, патологоанатомами, прекрасно осведомленными о самых последних достижениях судебной медицины; с иммунологом, биохимиком, нейрологом и даже с нейропсихологом. У бригады Копперфильда есть очень хорошо оснащенные передвижные лаборатории. Они размещены по всей стране, так что одна из таких баз должна быть где-то достаточно близко к нашему штату. Не пускай сюда здравоохранение штата, Джек. У них нет ни специалистов такого класса, каких может прислать Копперфильд, ни такого оборудования, ни передвижных лабораторий. Я хочу позвонить генералу. То есть я ему *обязательно* позвоню, но я бы хотел предварительно заручиться твоим согласием и обещанием, что наши бюрократы не будут путаться тут под ногами и мешать.

Джек Ретлок помолчал немного и спросил:

— До чего же мы дожили, Дуди, если в нашем мире оказываются необходимы такие вещи, как бригада Копперфильда?

— Ты не пустишь сюда здравоохранение штата?

— Ладно, не пущу. Что еще тебе нужно?

Брайс посмотрел на лежавший перед ним список.

— Договорись с телефонной компанией, чтобы Сноуфилд отключили от автоматической сети. Когда мир узнает о том, что здесь произошло, тут станут обрывать все телефоны и мы сами не сможем никуда позвонить. Если бы они могли переключить Сноуфилд на ручное соединение и не пропускали бы пустопорожних звонков...

— Сделаю,— пообещал Джек.

— Конечно, телефонная связь может вообще оборваться в любой момент. Когда доктор Пэйдж пыталась нам дозвониться, ей это не сразу удалось. Так что мне понадобится коротковолновая радиостанция. Ту, что была в местном полицейском участке, похоже, вывели из строя.

— Пришлю тебе передвижную, на машине, со своим электрогенератором. В нашем отделе помощи при землетрясениях есть пара таких. Еще что-нибудь?

— Кстати о генераторах. Было бы хорошо, если бы мы могли не зависеть от городской электросети. Наш противник явно

способен отключать ее по собственному усмотрению. Не мог бы ты прислать нам пару мощных генераторов?

— Будет сделано. Что еще?

— Пока больше ничего. Но если что-нибудь понадобится, я попрошу. Стесняться не буду.

— Хочу тебе сказать, Брайс: как твоему другу, мне страшно неприятно, что ты угодил в подобную катавасию. Но как губернатор я чертовски рад, что этим делом — что бы у вас там ни произошло — занимаешься именно ты. Некоторые паскудники, попади это дело к ним в лапы, уже успели бы напортачить так, что не расхлебаешь. Если это инфекция, они бы ее разнесли уже как минимум на полштата. А в тебе я уверен.

— Спасибо, Джек.

Они оба помолчали немного.

Потом Ретлок сказал:

— Дуди?

— Да, Джек?

— Береги себя.

— Постараюсь, Джек,— ответил Брайс.— Ну что ж, надо звонить Копперфильду. Перезвоню тебе попозже.

— Пожалуйста, Брайс,— сказал губернатор.— Обязательно перезвони. *Не пропадай*, старина.

Брайс положил трубку и огляделся вокруг. Все, кто находился в большой комнате полицейского участка, были чем-то заняты. Стю Уоргл и Фрэнк снимали переднюю панель с радиостанции. Тал и доктор Пэйдж заряжали оружие. Горди Брогэн и Лиза Пэйдж, самый здоровенный и самая маленькая в этой группе, готовили кофе и накрывали на стол.

Даже здесь, посреди катастрофы, возможно, на грани жизни и смерти, подумал Брайс, надо пить кофе, ужинать. Жизнь продолжается.

Он снова поднял трубку, чтобы набрать номер Копперфильда в Дагвэе, штат Юта.

Гудка не было. Он несколько раз нажал на рычаг.

— Алло? — сказал он.

Ничего.

Брайс чувствовал, что кто-то или что-то слушало его сейчас на другом конце провода. Он ощущал чье-то присутствие, причем именно так, как описывала ему это явление доктор Пэйдж.

— Кто там? — спросил он.

Брайс не ожидал никакого ответа, но вдруг получил его. Это не был человеческий голос. Это была смесь очень странных, но все-таки знакомых звуков: как будто крики птиц, скорее всего чаек: да, морских чаек, кричащих высоко в небе на фоне прибоя и сильных порывов ветра.

Потом эти звуки сменились другими. Шумом и треском. Стуком. Так стучат семена в высохшей, полой внутри тыкве. Стук этот был очень похож на тот предупреждающий сигнал, что издает перед нападением гремучая змея. Да, несомненно. Совершенно отчетливый стук гремучей змеи.

Звук в трубке опять изменился. Теперь это было жужжание, вроде того, какое издают некоторые электронные приборы. Нет, не приборы. Пчелы. Так гудит обычно пчелиный рой.

Потом опять послышался крик чаек.

Потом крик какой-то другой птицы, очень музыкальная трель.

Тяжелое дыхание. Так дышит уставшая собака.

Рычание. Но уже не собаки. Кого-то покрупнее.

Шипение и мяуканье дерущихся котов.

В самих этих звуках не было ничего угрожающего — может быть, только за исключением стука гремучей змеи и рычания,— но у Брайса они почему-то вызвали дрожь.

Потом голоса стихли.

Брайс подождал, послушал, спросил:

— Кто там?

Никакого ответа.

— Чего вы хотите?

И здесь в трубке раздались другие звуки, от которых Брайса словно окатило ледяной водой. Звуки, терзающие, рвущие душу. Это были крики. Крики мужчин, женщин, детей. Причем не одного или двух, не нескольких. А десятков, сотен людей. Кричали не понарошку, не так, как это обычно делают, изображая сцены ужаса. Это были настоящие, потрясающие, леденящие кровь вопли обреченных на смерть людей: вопли отчаяния, вопли страха, вопли агонии.

Брайс чувствовал, что ему становится плохо.

Сердце его бешено колотилось.

Ему казалось, что его телефон соединен с самой преисподней, с самыми глубинами ада.

Были ли это записанные на пленку голоса погибших жителей Сноуфилда? Если так, то кто их записал? И зачем? Или эти люди кричат сейчас, это не пленка?

Наконец раздался последний вопль. Детский. Маленькой девочки. Она кричала вначале от ужаса, потом от боли, потом от невообразимых страданий, словно ее в этот момент разрывали пополам. Ее вопль становился все выше и тоньше, тоньше, тоньше...

Тишина.

Тишина оказалась еще хуже, чем эти крики: Брайс чувствовал присутствие на проводе кого-то неизвестного и непонятного, причем сейчас это ощущение стало у него гораздо сильнее, чем прежде. Внезапно он четко осознал, что тот, кто молчал сейчас в трубке, был чистейшим, лишенным какого бы то ни было милосердия Злом.

Это было *Оно*.

Брайс быстро бросил трубку.

Его трясло. Он не подвергся никакой опасности — и тем не менее его всего трясло.

Он огляделся. Все остальные занимались тем, что он им поручил. Никто явно не обратил внимания на то, что последний разговор шерифа по телефону очень сильно отличался от всех предыдущих.

Сзади по шее у него ручьем лил пот.

Ему, конечно, надо будет рассказать всем об этом разговоре. Но не сию минуту. Потому что сейчас он вряд ли сможет говорить спокойно. Его наверняка выдаст нервная дрожь в голосе, и все услышат и поймут, насколько это потрясло его.

Пока не прибыло подкрепление, пока они не организовали в Сноуфилде хорошую и надежную базу, пока они все не преодолели первоначальный страх и не почувствовали себя спокойнее и увереннее — до тех пор нельзя никому показывать, что его тоже может бить дрожь от ужаса. В конце концов, все ждут от него твердого руководства, и он не имеет права их разочаровывать.

Брайс глубоко вздохнул, успокаиваясь и сбрасывая с себя напряжение от только что пережитого.

Он снова поднял трубку, и в ней сразу же раздался гудок.

С чувством огромного облегчения он набрал номер расположенного в Дагвэе, штат Юта, штаба бригады гражданской обороны отдела бактериологической защиты.

Лизе понравился Горди Брогэн.

Поначалу он показался ей мрачным, замкнутым и как бы излучающим вокруг себя угрозу. Он был очень крупного телосложения, и руки у него были такие большие, что он казался чудовищем из фильмов о Франкенштейне. Правда, лицо у него было довольно приятное и красивое, но когда он хмурился — даже если он при этом не сердился, а просто бывал обеспокоен или напряженно думал о чем-то,— то брови его сходились на переносице, придавая лицу свирепое выражение, совершенно черные глаза становились еще темнее, чем обычно, и он казался самим воплощением рока.

Улыбка совершенно меняла его, и это было просто поразительно. Когда Горди улыбался, всем немедленно становилось ясно, что вот именно сейчас, в этот самый момент они и видят перед собой *настоящего* Горди Брогэна. А тот, другой Горди — каким он *показался*, когда он хмурился или не улыбался,— был всего лишь плодом воображения. Его теплая и широкая улыбка сразу же делала заметными и доброту, которой светились его глаза, и мягкие изгибы его широких бровей.

Тем, кто узнавал его получше, он начинал казаться большим щенком, которому страшно хочется, чтобы его все любили. Он принадлежал к числу очень немногих взрослых, кто умеет говорить с детьми, не испытывая при этом смущения или застенчивости, не снисходя до них, без покровительственных поз и интонаций. Способностью общаться с детьми он был наделен ничуть не меньше, чем Дженни. И он сохранил способность смеяться даже в том положении, в котором они все сейчас очутились.

Пока они занимались тем, что резали консервированное мясо, хлеб, сыр, раскладывали пирожки и фрукты, варили кофе и накрывали на стол, Лиза сказала:

— Вы мне кажетесь совершенно не похожим на полицейского. Ни чуточки не коп*.

---

* Пренебрежительное прозвище полицейских в США.

— Вот как? — проговорил Горди.— А как должен выглядеть настоящий коп?

— Ой, я сказала что-нибудь не то? Разве «коп» обидное слово?

— В некоторых местах его считают обидным. В тюрьме, например.

Лиза сама удивилась, что после всего, что случилось сегодня вечером, она еще могла смеяться.

— Нет, правда? — проговорила она.— А как вы предпочитаете, чтобы вас называли? Полицейским?

— Не важно как. Я помощник шерифа, полицейский, коп. Называйте, как вам больше нравится. Главное, что я вам кажусь не соответствующим этой роли.

— Нет, внешне-то вы похожи,— сказала Лиза.— Особенно когда хмуритесь. Но вы не кажетесь полицейским.

— А кем же я вам кажусь?

— Дайте подумать.— Она уже увлеклась этой игрой, позволявшей ей на время позабыть о творящемся вокруг кошмаре.— Вы мне кажетесь похожим... скорее на... молодого священника.

— *Я?!*

— Ну, вы бы великолепно смотрелись в церкви, на кафедре, когда произносили бы зажигательную проповедь. И я очень хорошо представляю себе, как вы могли бы сидеть в своем приходе, с доброй, сочувственной улыбкой на лице, и выслушивать людей, приходящих к вам поделиться своими проблемами.

— Я священник! — повторил он, явно пораженный.— С таким воображением вам надо будет стать писательницей, когда вырастете.

— Нет, думаю, я стану врачом, как Дженни. Врач может сделать столько хорошего.— Она помолчала.— Знаете, почему вы мне кажетесь не похожим на копа? Потому что я не могу себе представить, как бы вы смогли воспользоваться *вот этим*.— Она показала рукой на его револьвер.— Я не могу представить вас в кого-нибудь стреляющим. Даже если тот человек будет заслуживать, чтобы в него выстрелили.

Ее удивило и немного напугало выражение, появившееся на лице Горди Брогэна. Он был явно потрясен.

Но прежде чем она успела спросить, что его так поразило, свет в комнате задрожал, погас на мгновение, зажегся снова.

Она подняла голову и посмотрела вверх.

Свет снова мигнул. Потом еще раз и еще.

Она взглянула на окна, что выходили на проезжую часть. Уличные фонари тоже мигали.

«Господи, только не это,— подумала она.— Господи, ну пожалуйста, не надо. Сделай так, чтобы мы не оказались снова в темноте. Пожалуйста, ну *пожалуйста!*»

Свет погас.

Глава 15
ВИДЕНИЕ В ОКНЕ

Брайс Хэммонд переговорил с дежурным офицером, который был в этот поздний час у круглосуточного телефона в штаб-квартире БГО ОБЗ в Дагвэе, штат Юта. Ему не пришлось долго объясняться, прежде чем дежурный перевел разговор на домашний телефон генерала Гэйлена Копперфильда. Копперфильд внимательно все выслушал, но почти ничего не сказал в ответ. Брайсу хотелось узнать, считает ли генерал вообще возможным и вероятным, чтобы весь Сноуфилд погиб и исчез под воздействием какого-то химического или биологического реагента. Копперфильд ответил: «Да». Но, кроме этого, он *не захотел* говорить ничего. Он предупредил Брайса, что они разговаривают по открытой телефонной линии, и неопределенно, но жестко напомнил ему о существовании таких вещей, как секретная информация и допуски к ней. Выслушав самое главное, он оборвал Брайса, когда тот заговорил о некоторых подробностях, причем довольно грубо, и заявил, что все остальное они обсудят при личной встрече. «Того, что я услышал, мне достаточно. Я уверен, что это представляет интерес для моей организации». Он пообещал, что к утру или чуть позже пришлет в Сноуфилд передвижную лабораторию и бригаду специалистов.

В тот момент, когда Брайс уже клал трубку, свет начал мерцать, потускнел, снова замигал, стал слабеть — и потух.

Он на ощупь отыскал на столе, за которым сидел, электрический фонарь, схватил его и включил.

Сегодня, когда они снова вернулись в участок, им удалось отыскать здесь еще два полицейских фонаря на длинных руко-

ятках. Один из этих фонарей взял Горди, другой — доктор Пэйдж. Сейчас они тоже одновременно включили свои фонари, и несколько сильных лучей прорезали в разных направлениях наступившую темноту.

Они заранее договорились о том, как действовать и какого плана придерживаться в случае, если освещение в городке снова погаснет. И теперь, в соответствии с выработанным планом, все сошлись в центре комнаты, встав подальше от дверей и окон, и образовали круг, повернувшись спинами внутрь его, а лицами наружу — так они могли больше видеть и лучше защищать друг друга.

Все молчали и напряженно вслушивались.

Слева от Брайса, ссутулившись и вобрав голову в узкие плечики, стояла Лиза Пэйдж.

Справа от Брайса был Тал Уитмен. Он беззвучно скалился, как будто собирался зарычать, и старался разглядеть то, что скрывалось в темноте, за пределами, которые очерчивал расходящийся конусом луч фонаря.

Тал и Брайс держали свои револьверы наизготовку.

Эти трое стояли лицом к задней части комнаты. Четверо других — доктор Пэйдж, Горди, Фрэнк и Стю — оказались лицом к окнам.

Брайс водил лучом фонаря во все стороны, потому что в возникавшей при этом игре теней самые невинные предметы вдруг начинали казаться угрожающими. Но среди ставших уже привычными вещей и мебели не было видно ничего подозрительного.

Стояла полная тишина.

В задней стене комнаты, ближе к правому ее углу, располагались две двери. Одна вела в коридор, по сторонам которого находились три камеры для содержания арестованных. Они еще раньше осмотрели эту часть здания: камеры для задержанных, комната для проведения допросов и два умывальника, занимавшие в общей сложности половину первого этажа, были пусты. Вторая дверь вела наверх, в квартиру помощника шерифа,— и там тоже никого не было. Тем не менее Брайс все время направлял луч своего фонаря то на одну, то на другую дверь: они вызывали у него чувство беспокойства.

Где-то в темноте что-то сильно, но глухо стукнуло.

— Что это? — спросил Уоргл.

— Оно было вон с той стороны,— сказал Горди.

— Нет, с этой,— возразила Лиза Пэйдж.

— Тихо! — резко скомандовал Брайс.

Тук... тук-тук.

Звуки напоминали мягкие удары. Словно уронили подушку на пол.

Брайс быстро поводил вправо-влево лучом фонаря.

Тал сопровождал луч движениями своего револьвера.

«Что мы будем делать, если свет не зажжется всю ночь? — подумал Брайс.— И что делать, когда рано или поздно сядут батарейки фонарей? Что произойдет *тогда?*»

Он не боялся темноты уже давным-давно, с тех пор как перестал быть маленьким ребенком. Сейчас он ясно вспомнил, что иногда испытывал в те далекие детские годы.

Тук-тук... тук... тук-тук.

Звук стал громче. Но не приблизился.

Тук.

— В окнах! — воскликнул Фрэнк.

Брайс резко обернулся, переводя луч своего фонаря с одного окна на другое.

Три ярких луча от трех фонарей одновременно упали на окна, превратив каждое из стекол в зеркало, надежно скрывавшее все, что происходило по другую сторону окна.

— Направьте свет на потолок или на пол,— сказал Брайс.

Один из лучей поднялся вверх, два опустились вниз.

Теперь отраженный свет падал на окна так, что не превращал их в блестящие зеркальные поверхности, и можно было рассмотреть, что делается за окном.

Тук!

Что-то ударилось в окно, поколотилось по задребезжавшему стеклу и снова исчезло в ночи. Брайсу показалось, что он видел крылья.

— Что это было?

— ... птица...

— ... я такой птицы никогда в жизни...

— ... что-то...

— ...ужас какой...

Видение снова вернулось и принялось биться в стекло сильнее и настойчивее, чем прежде: *тук-тук-тук-тук-тук!*

Лиза закричала.

Фрэнк Отри раскрыл от изумления рот, а Стю Уорга проговорил:

— Твою мать!

Горди издал какой-то странный, сдавленный вскрик.

Брайс не отрываясь смотрел на окно, и ему казалось, будто из мира реальности он переносится в мир иллюзий и кошмаров.

Уличные фонари не горели, и вся Скайлайн-роуд была погружена в темноту, если не считать отраженного лунного света. Тем не менее то, что билось о стекло, разглядеть все-таки было можно.

Даже при очень слабом освещении видение в окне производило чудовищное впечатление. То, что увидел Брайс по другую сторону стекла,— или то, что ему *привиделось* в калейдоскопическом мелькании фонарных лучей, в слабом мерцании лунного света и в причудливом переплетении теней,— казалось вышедшим прямо из какого-то жуткого, лихорадочного сна. Размах крыльев у этого кошмарного существа достигал трех или четырех футов. Голова у него была как у насекомого. Из нее торчали короткие, непрерывно дрожащие антенны. Челюсти с мелкими острыми зубами находились в непрестанном движении. Тело состояло из нескольких частей, как у муравья. Оно было подвешено между бледно-серыми крыльями и по форме и размеру напоминало два бейсбольных мяча, приставленных друг к другу острыми концами. Тело было тоже серое, того же оттенка, что и крылья,— неприятно серое, словно слегка покрытое плесенью, поросшее пушком и как будто влажное. Брайсу удалось разглядеть и глаза: огромные, чернильно-черные, сильно выпуклые и состоящие из массы ячеек, они вбирали в себя свет, преломляя и отражая его, и смотрели мрачным, голодным взглядом.

Если то, что он увидел через стекло, и вправду существовало, то оно было чем-то вроде ночного мотылька, только размером с крупного орла. Но это же чистейший бред, это невозможно!

Оно стало биться в окно еще сильнее и ожесточеннее, словно в неистовстве, его бледно-серые крылья колотили по воздуху с такой частотой, что их очертания стали расплываться, размазываться. Оно перелетало с одного стекла на другое, время от

времени отлетало и скрывалось в ночи, потом возвращалось вновь и лихорадочно пыталось пробиться через окно. *Туктуктуктуктуктук!* Но у него явно не было сил пробиться внутрь. Не было у него и щитка или твердого панциря, какие бывают у насекомых: все его тело было совершенно мягким, и при всем своем чудовищном размере и устрашающем внешнем виде разбить стекло оно было не в состоянии.

Туктуктуктуктук!

Наконец оно улетело.

Свет снова зажегся.

«Как в дурном спектакле»,— подумал Брайс.

Когда они поняли, что то, что было в окне, не собирается возвращаться, то все, не сговариваясь, двинулись в переднюю часть комнаты. Они прошли через дверцу в загородке, вышли в посетительскую часть помещения, подошли к окнам и уставились в них, пораженные увиденным и по-прежнему не произнося ни слова.

На Скайлайн-роуд ничто не изменилось.

В ночи никого не было видно.

Ничто не двигалось.

Брайс уселся в заскрипевшее под ним кресло за столом Пола Хендерсона. Все остальные сгрудились вокруг него.

— Ну? — проговорил Брайс.

— Вот так вот,— сказал Тал.

Остальные переглянулись. Все они были взвинчены, взбудоражены, находились в нервном напряжении.

— Кто что думает? — спросил Брайс.

Никто не произнес ни слова.

— Кто-нибудь может объяснить, что это такое было?

— Такое огромное,— проговорила Лиза, и ее передернуло.

— Действительно большое. Ну да ничего,— сказала доктор Пэйдж и положила руку на плечо сестры, стараясь успокоить ее.

На Брайса произвели большое впечатление присутствие духа и выдержка Дженифер Пэйдж. Кажется, она без малейшего труда переносила любой удар и любую неожиданность, которые обрушивал на нее Сноуфилд. Внешне, во всяком случае, она держалась даже лучше, чем его подчиненные. Она единствен-

ная не отвела взгляда в сторону, когда он посмотрел ей в глаза, а так же прямо, не мигая, ответила ему встречным взглядом.

«Очень необычная женщина»,— подумал он.

— Нечто невозможное,— сказал Фрэнк Отри.— Это было нечто совершенно невозможное, вот что.

— Черт побери, ребята, что с вами творится? — спросил Уорги и почесал свое мясистое лицо.— Это была птица. Ничего другого. Самая обычная птица, черт возьми.

— Черта с два обычная,— ответил Фрэнк.

— Какая-то мерзкая, но птица,— продолжал настаивать на своем Уорги. Когда все остальные выразили свое несогласие с таким объяснением, он добавил: — Освещение плохое, повсюду тени — вот они и создали у вас такое впечатление. Ничего такого вы на самом деле и не видели, вам это только померещилось.

— И что же, *по-твоему*, нам померещилось? — спросил Тал.

Лицо Уорги залила краска.

— Мы ведь видели то же самое, что и ты, верно? — нажимал на него Тал.— Ты просто не хочешь в это поверить. Мы видели мотылька, так? Большого, безобразного, невероятного мотылька. Ты его видел?

Уорги уставился вниз, на свои ботинки.

— Я видел птицу. Всего лишь птицу.

Брайс понял: Уорги настолько лишен воображения, что он не способен осознать и принять возможность невозможного даже тогда, когда он видел это невозможное собственными глазами.

— Откуда оно взялось? — спросил Брайс.

На этот счет ни у кого не было никаких соображений.

— Чего оно хотело? — спросил шериф.

— Оно хотело *нас*,— ответила Лиза.

С такой оценкой, похоже, согласны были все.

— Но то, что было в окне, не могло утащить Джейка,— сказал Фрэнк.— Эта штука была слабая и легкая. Она не смогла бы утащить взрослого мужчину.

— Тогда что же утащило Джейка? — спросил Горди.

— Что-то более крупное,— ответил Фрэнк.— Что-то гораздо более сильное и мерзкое.

Брайс решил, что настало наконец время рассказать всем о том, что он слышал — и почувствовал — тогда по телефону, между звонками губернатору Ретлоку и генералу Кошерфильду: о чьем-то молчаливом присутствии; об истошных криках чек; о предупреждающем стуке гремучей змеи и о самом худшем — об отчаянных предсмертных воплях мужчин, женщин и детей. Поначалу он не собирался рассказывать об этом до утра, до тех пор пока не рассвело и не прибыло подкрепление. Но все вместе они могли бы обнаружить нечто существенное, что сам он, возможно, упустил или чему не придал должного значения: какую-нибудь мелочь, какую-то ниточку, которые могут оказаться полезными. А кроме того, теперь, после того как все видели эту тварь в окне, то, что он испытал тогда, уже не казалось чрезмерно шокирующим или способным потрясти.

Все внимательно выслушали рассказ Брайса, и на всех услышанное произвело самое неприятное впечатление.

— Каким же надо быть дегенератом, чтобы записывать на магнитофон вопли своих жертв? — спросил Горди.

Тал Уитмен отрицательно покачал головой.

— Возможно, дело вовсе не в этом. Могло быть и так...

— Да?

— Ну, может быть, не стоит сейчас об этом говорить.

— Раз уж начал, так договаривай,— сказал Брайс.

— Ладно,— сдался Тал.— А что, если вы слышали не запись? Я хочу сказать, мы же знаем, сколько народа в Сноуфилде пропало неизвестно куда. Судя по тому, что мы видели, пропавших должно быть гораздо больше, чем мертвых. Так вот... что, если пропавших где-то удерживают? Как заложников? И что, если вопли, которые вы тогда слышали по телефону, исходили от еще живых людей, которых в *тот самый момент* пытали, а возможно, и убивали?

Вспомнив эти ужасные крики, Брайс почувствовал, как у него внутри все словно бы леденеет.

— Запись это или живые голоса,— сказал Фрэнк Отри,— не думаю, чтобы их взяли заложниками.

— Если мистер Отри хочет сказать, что мы должны ограничивать свои поиски привычными объяснениями,— проговорила доктор Пэйдж,— то с этим я целиком и полностью согласна. Но мне все случившееся кажется совершенно непохожим на

традиционные похищения заложников. Здесь происходит что-то чертовски необычное, что-то такое, с чем никто не сталкивался никогда раньше. И давайте не будем скатываться к привычным объяснениям только потому, что нам с ними было бы приятнее и удобнее. И кроме того, если мы имеем дело с террористами, то как объяснить появление той твари, которую мы видели в окне? Какая между ними может быть связь?

— Вы правы,— кивнул головой Брайс.— Но мне кажется, Тал вовсе не хотел сказать, что здешних жителей похитили по каким-то традиционным мотивам.

— Нет-нет,— проговорил Тал.— Я не имел в виду обычных террористов или тех, кто похищает детей. Даже если здешних жителей удерживают сейчас как заложников, это вовсе не означает, что те, кто их удерживает, тоже *люди*. Я даже готов согласиться, что их может удерживать нечто, имеющее совсем не человеческую природу. Как тем, кто считает себя непредубежденным, понравилась бы вот *такая* версия? Возможно, что их удерживает *оно*, то самое *оно*, которое никто из нас не может определить. И возможно, оно удерживает их только для того, чтобы продлить собственное удовольствие, которое оно получает, вбирая в себя, вдыхая, как дым от сигареты, жизнь этих людей. Не исключено, что оно удерживает их только для того, чтобы дразнить нас их криками, как оно дразнило по телефону Брайса. Черт побери, если мы имеем дело с чем-то действительно необычайным, сверхъестественным, действительно нечеловеческим, то причины, по которым оно удерживает заложников — если оно *в самом деле* их удерживает,— должны быть выше нашего понимания.

— Господи, вы рассуждаете, как лунатики,— проговорил Уорга.

Никто ему не ответил.

Они уже вошли в зазеркалье, вступили в страну чудес. Невозможное становилось тут возможным. А врагом была сама неизвестность.

Лиза Пэйдж откашлялась, прочищая горло. Лицо у нее было совсем бледным. Едва слышным голосом она сказала:

— Может быть, оно сплело здесь где-нибудь в темном потаенном месте, в пещере или в погребе, паутину, связало этой паутиной всех пропавших людей, упрятало их в коконы, прямо

живыми, и будет так держать до тех пор, пока не проголодается снова.

Если возможным отныне становилось абсолютно все, если самые фантастические предположения могли оказаться верными, то вполне возможно, что девочка и права, подумал Брайс. Быть может, где-нибудь в темноте сейчас *действительно* раскачивалась и вибрировала гигантская паутина, в которой, упакованные по отдельности ради удобства и для сохранения свежести, висели, как лакомые кусочки, сотни две, а то и больше мужчин, женщин, детей. Где-нибудь здесь, в Сноуфилде, живые человеческие существа, низведенные до положения чьей-то еды, ждали, возможно, лишь того момента, когда их захочет проглотить грубая, невообразимо злобная и ужасная, наделенная мрачным интеллектом сила.

Нет. Невероятно.

А с другой стороны, все может быть.

О господи!

Брайс присел на корточки перед коротковолновой радиостанцией и в задумчивости уставился на ее искалеченное нутро. Печатные схемы были разбиты. Некоторые детали были расплющены, словно их зажимали в тиски или колотили по ним молотком.

— Чтобы до всего этого добраться, им, как и нам, надо было снять лицевую панель,— проговорил Фрэнк.

— Тогда зачем, после того как они разнесли все внутри,— возразил Уорга,— им понадобилось ставить эту панель обратно?

— И зачем вообще нужна была вся эта возня? — удивленно продолжал Фрэнк.— Радиостанцию можно было вывести из строя, просто вырвав провод.

Лиза и Горди подошли в тот самый момент, когда Брайс, отвернувшись от радиостанции, уже поднимался на ноги.

— Если кто-нибудь хочет перекусить, то еда и кофе готовы,— сказала девочка.

— Я так помираю от голода,— сказал Уорга, облизывая губы.

— Обязательно надо поесть, даже если и не хочется,— проговорил Брайс.

— Шериф,— сказал Горди,— мы тут с Лизой вспомнили о разных зверях и домашних животных. Вспомнили, когда вы

сказали, что слышали по телефону собачий лай и кошачье мяуканье. Что произошло со зверями, сэр?

— Никто из нас не видел ни одной собаки или кошки,— сказала Лиза.— И лая не слышали.

Брайс вспомнил стоящую на улице тишину, нахмурился и произнес:

— Да, вы правы. Странно.

— Дженни говорит, что в городке было несколько довольно больших собак. Несколько немецких овчарок. Один доберман, это она точно знает. И даже датский дог. Они же должны были бы сопротивляться, как вы думаете? А некоторые собаки, может быть, сумели бы и убежать, а? — спросила девочка.

— Хорошо,— быстро вмешался Горди, предвидя возражения Брайса,— допустим, *оно* достаточно большое и легко справится с обычной рассвирепевшей собакой. Мы знаем также, что пули его не останавливают, а значит, возможно, что и ничто другое тоже не может его остановить. Ясно, что оно очень большое и очень сильное. Но, сэр, большое и сильное необязательно справится с *кошкой*. Кошки — они же как молнии. И чтобы переловить всех кошек в городе, надо уметь чертовски здорово подкрадываться.

— Уметь подкрадываться и быть очень *быстрым*,— добавила Лиза.

— Да,— озабоченно произнес Брайс,— *очень* быстрым.

Дженни только откусила сандвич, когда в кресло у стола рядом с ней присел шериф Хэммонд и пристроил тарелку у себя на колене:

— Не возражаете, если я составлю вам компанию?

— Пожалуйста.

— Тал Уитмен говорил мне, что вы — гроза нашей местной банды мотоциклистов.

— Тал преувеличивает,— улыбнулась она.

— Этот человек не умеет преувеличивать,— сказал шериф.— Я вам расскажу один случай, который с ним приключился. Это было шестнадцать месяцев назад, я тогда уезжал на три дня в Чикаго, на правоохранительную конференцию, а когда вернулся, то Тал был самым первым, кого я встретил. Я его спросил, что тут было в мое отсутствие, не было ли каких особых происшествий, и он сказал, что все как обычно — пьяные за рулем, драки в барах, пара краж со взломом, обычные КНД...

— Что такое КНД? — спросила Дженни.

— Кошка на дереве.

— *Кошек* полицейские не спасают, да?

— Вы нас что, совсем уж бессердечными считаете? — спросил Брайс, изображая деланное возмущение.

— Спасаете? Кошек с деревьев? Да бросьте!

Он улыбнулся. Улыбка у него была удивительная.

— Раз в пару месяцев нам и *вправду* приходится снимать кошек с деревьев. Но КНД означает не только это. Мы так называем любые вызовы по пустякам, которые отрывают нас от более важной работы.

— А-а.

— Так вот, когда я в тот раз вернулся из Чикаго, Тал мне сказал, что три дня без меня прошли в общем-то как обычно. А потом, словно поначалу запамятовал, добавил, что была попытка ограбления продовольственного магазина. Когда это произошло, он случайно находился в магазине, просто как покупатель, и был не в форме. Но по закону полицейский обязан всегда иметь при себе оружие, даже когда он не на дежурстве, поэтому у Тала был с собой револьвер. Как он мне объяснил, один из этих подонков был вооружен, поэтому пришлось его пристрелить, но применение оружия было оправданно — он даже сказал, что несомненно оправданно, чистейший хрестоматийный случай,— и мне не о чем беспокоиться. Когда я поинтересовался, все ли в порядке *с ним*, Тал ответил: «Брайс, это был не арест, а прогулка». А потом я узнал, что эти два подонка намеревались перестрелять всех, кто находился тогда в магазине. Тал убил одного из них — но только после того, как его самого уже ранили. Этот тип прострелил Талу левую руку, но буквально в следующую секунду Тал его убил. Рана у Тала была несерьезная, но кровь лила из нее ручьем, и боль, должно быть, была ужасная. Разумеется, бинтов я на нем не увидел, они были под рубашкой, а сам Тал не удосужился мне ничего об этом сказать. Так вот, тогда в магазине из Тала вовсю хлещет кровь, и тут он обнаруживает, что у него кончились патроны. Второй из этих мерзавцев хватает оружие первого, убитого, но у него тоже кончаются патроны, и тогда он решает убежать. Тал броса-

ется за ним, догоняет, и они начинают бороться друг с другом и кататься при этом по полу, по всему этому маленькому магазинчику. Тот тип был на два дюйма выше Тала и фунтов на двадцать тяжелее, причем *он-то* не был ранен. Знаете, что увидели наши ребята, когда они туда прибыли? Один из них мне потом рассказал. Они увидели Тала, восседающего на прилавке около кассы, без рубашки, в руках у него чашечка кофе, которым его там угостили, а продавщица пытается остановить ему кровь. Один из нападавших лежит мертвый. А другой распростерт без сознания посреди кучи всяких раздавленных продуктов. Оказывается, в разгар борьбы они свалили стеллаж, на котором лежали готовые обеденные наборы. Около сотни коробок разлетелось по полу, и Тал с этим типом, пока боролись, передавили эти коробки. Они раскрылись, и все содержимое вывалилось на пол: пирожки, бутерброды, разные пирожные. Все было раскидано по проходу, а поскольку во время борьбы они еще на это наступали, а потом разносили по полу, то по следам можно было восстановить весь ход борьбы.

Шериф закончил свой рассказ и теперь смотрел, какое впечатление он произвел на Дженни.

— Ну что ж. Он ведь вам сказал, что это был не арест, а прогулка.

— Да уж. Действительно прогулка,— рассмеялся шериф.

Дженни бросила взгляд на Тала Уитмена, который в противоположном по диагонали углу комнаты жевал бутерброд и о чем-то говорил с Брогэном и Лизой.

— Теперь вы понимаете,— проговорил шериф,— что когда Тал говорит мне, что вы гроза «Хромированных дьяволов», то я знаю, что он не преувеличивает. Преувеличения просто не в его характере.

Дженни покачала головой. Рассказ шерифа и в самом деле произвел на нее впечатление.

— Когда я говорила Талу о моей встрече с этим парнем, которого он называет Джин Терр, то Тал отреагировал так, будто я совершила чуть ли не величайший подвиг. По сравнению с его «прогулкой» мои приключения должны казаться мелкой ссорой в детском саду.

— Вовсе нет,— возразил Хэммонд.— И Тал совсем не иронизировал в ваш адрес. Он действительно считает, что вы вели

себя очень храбро. И я тоже так считаю. Джитер — это змея, доктор Пэйдж. Притом очень ядовитая.

— Если хотите, зовите меня просто Дженни.

— А вы, тоже если хотите, зовите меня просто Брайс.

Она никогда еще не видела таких голубых глаз, как у него. И улыбка его казалась по-особому располагающей и из-за этих лучистых глаз, и из-за какой-то специфической линии его рта.

Они ели, болтая о каких-то пустяках, словно это был самый обычный вечер и вокруг не творилось ничего чрезвычайного. Брайс обладал удивительной способностью держаться так, что, независимо от обстоятельств, все, кто находился с ним рядом, чувствовали себя легко и непринужденно. Он как будто излучал спокойствие, и Дженни была благодарна ему за возможность хоть ненадолго забыть о том положении, в котором они все очутились.

Тем не менее, когда они поели, он первый завел разговор именно об их положении.

— Вы знаете Сноуфилд лучше, чем я. Нам нужно найти какое-то место, которое могло бы стать нашим штабом и базой. Тут слишком тесно. Скоро должны явиться еще десять моих людей. А утром прибудет бригада Копперфильда.

— Сколько у него будет народа?

— Человек десять—двенадцать, не меньше. Возможно, даже двадцать. Мне нужен штаб, из которого можно было бы координировать все наши действия. Не исключено, что мы пробудем тут несколько дней, поэтому понадобится помещение, где могли бы спать те, кто свободен от дежурства. И нужно что-то вроде столовой, где все могли бы есть.

— Можно занять одну из гостиниц,— предложила Дженни.

— Можно. Но я не хочу, чтобы люди разбились по одному-два, по разным комнатам. Так их легко будет застать врасплох. Нужно какое-то помещение, где могли бы разместиться сразу все.

— Тогда лучше всего организовать такое общежитие в гостинице «На горе». Она примерно в квартале отсюда, на противоположной стороне улицы.

— И правда. Это ведь самая большая гостиница в городе, да?

— Да. И в ней очень большой вестибюль, потому что он переходит прямо в бар.

— Верно. Я туда заезжал пару раз пропустить стаканчик. Если переставить в вестибюле мебель, то там получится удобное место для работы и все смогут разместиться.

— Там еще есть большой ресторан, разделенный на два зала. В одном зале можно устроить столовую, а в другой снесем матрасы из номеров и сделаем общежитие.

— Давайте сходим посмотрим,— предложил Брайс.

Он поставил пустую бумажную тарелку на стол и встал.

Дженни взглянула на окна. Она подумала о том странном создании, которое недавно колотилось в стекло, и в памяти ее сам собой ожил негромкий, но ожесточенный звук: *«туктук-туктуктук!»*

— Что... прямо сейчас сходим? — спросила она.

— А почему нет?

— Может быть, лучше подождать, пока прибудет подкрепление?

— Они могут приехать еще не скоро. Нет смысла просто сидеть здесь, не зная, куда себя девать. Если мы будем чем-то заняты, нам будет легче: это хоть нас отвлечет от... того, что мы тут видели.

Дженни никак не могла выбросить из памяти эти черные, фасетчатые, как у насекомого, глаза, такие злобные и голодные. Она задумчиво посмотрела на окно, на чернеющую за ним ночь. Городок уже не казался ей родным и знакомым. Теперь он превратился в совершенно чужое и враждебное место, в котором сама она была нежеланным чужаком.

— Здесь, внутри, мы отнюдь не в большей безопасности, чем там, на улице,— тихо проговорил Брайс.

Дженни кивнула, вспомнив супругов Оксли, забаррикадировавшихся изнутри в комнате.

— Здесь вообще нигде нет безопасного места,— сказала она, поднимаясь из-за стола.

Глава 16
ТЕНЬ ИЗ МРАКА

Брайс Хэммонд вывел группу из полицейского участка. Сам он шел впереди. Они пересекли освещенный неровным лунным светом тротуар, прошли через оранжевое световое пятно

под уличным фонарем и вышли на Скайлайн-роуд. Брайс нес в руке карабин, Тал Уитмен — тоже.

Все в городке было неподвижно. На деревьях не шевелился ни один листик, а дома казались миражами, готовыми растаять в воздухе.

Брайс миновал освещенное место и вышел на покрытую пятнами лунного света мостовую. Он двинулся, стараясь держаться посередине улиц и по возможности все время в тени. Все время в тени.

Остальные молча шли за ним следом.

Под ногой Брайса что-то хрустнуло, и он насторожился. Но это оказался лишь упавший с дерева сухой лист.

Чуть дальше впереди, примерно в квартале от того места, где они находились, прямо перед ними видна была гостиница «На горе» — четырехэтажное здание из серого камня. Сейчас оно было погружено во мрак. В некоторых окнах четвертого этажа отражалась полная луна, но в самом здании не горела ни одна лампочка.

Уже почти вся группа вышла на середину улицы, как вдруг из мрака к ним что-то метнулось. Брайс вначале увидел только, как в свете луны по мостовой скользнула какая-то тень, словно рябь от ветра на поверхности воды. Он инстинктивно пригнулся и присел. Услышал шелест крыльев, почувствовал, как что-то легонько зацепило его на лету по голове.

Громко закричал Стю Уоргл.

Брайс мгновенно выпрямился и обернулся.

Мотылек. Тот самый.

Он крепко прилепился к лицу Уоргла. Как и на чем он держался, Брайсу не было видно: это существо полностью накрыло собой голову Уоргла.

Кричал не только Уоргл. Все остальные тоже завопили и от неожиданности попадали на землю. Пронзительно кричал и этот мотылек, издавая высокие и резкие звуки.

В серебристых лучах лунного света огромные бархатистые бледно-серые крылья невероятного насекомого хлопали, сворачиваясь и разворачиваясь, с жуткой красотой и грацией, луня Уоргла по голове и плечам.

Уоргл отшатнулся, сделал несколько шагов вбок, присел, пытаясь пригнуться и закрыться руками; он ничего не видел

из-за этого ужасного создания, словно прилипшего к его лицу. Его крики, однако, становились все глуше и глуше, а через несколько секунд затихли вообще.

Брайс, как и все остальные, застыл от изумления и отвращения, не веря собственным глазам, и был не в силах сдвинуться с места.

Уоргл побежал, но сделал всего несколько шагов и остановился. Руки у него опустились, колени подгибались, он уже не пытался сбросить эту тварь со своего лица.

Брайс, преодолев секундное замешательство, отбросил в сторону бесполезный сейчас карабин и бросился к Стю.

Но Уоргл все-таки не упал на землю. Его трясущиеся колени вдруг словно налились силой, и он резко выпрямился, расправив плечи. Тело его дергалось, словно по нему пропускали электрический ток.

Брайс попытался ухватить мотылька и сорвать его с Уоргла. Но от боли и страданий Стю начал извиваться, будто в пляске святого Витта, и Брайсу не удавалось поймать ничего, кроме воздуха. Уоргл шарахался то в одну сторону, то в другую, он то отпрыгивал, то приседал, то начинал вертеться, наклоняясь вниз, и казалось, будто это не человек, а кукла, которую дергает за веревочки пьяный кукловод. Руки его повисли и безвольно болтались во все стороны, отчего его лихорадочные, судорожные движения вызывали у тех, кто их видел, еще больший суеверный страх и ужас. Уоргл уже не пытался оторвать от себя то, что на него напало. Сейчас казалось, что он скорее впал в экстаз, а не корчился от боли. Брайс старался догнать его, схватить, но это никак не удавалось.

Наконец Уоргл упал.

В то же мгновение мотылек отцепился от него и взлетел, зависнув в воздухе на одном месте и быстро махая крыльями. Он повернулся, его кромешно-черный, налитый ненавистью глаз уставился на Брайса, и он устремился на шерифа.

Брайс инстинктивно закрыл лицо руками, сделал несколько шагов назад, оступился и упал.

Существо пролетело прямо у него над головой.

Брайс перекатился на живот и поднял голову.

Ночная бабочка размером с крупную хищную птицу плавно и беззвучно скользила в воздухе, направляясь к домам на противоположной стороне улицы.

Тал Уитмен поднял свой карабин. В накрывшей городок тишине его выстрел прогрохотал, как артиллерийская канонада.

Бабочка резко вильнула в сторону, перекувырнулась, словно хотела сделать мертвую петлю, скользнула вниз, но, чуть-чуть не долетев до земли, снова взмыла вверх и улетела, скрывшись из виду за крышами.

Стю Уоргл остался на мостовой. Он лежал на спине, распростершись и не двигаясь.

Брайс с трудом поднялся на ноги и подошел к Уоргду. Стю лежал прямо посередине улицы. Света там было мало, но все же достаточно для того, чтобы разглядеть, что лицо у него исчезло. О господи! *Исчезло.* Как будто его просто сорвали. Волосы и разодранный на узкие полоски скальп торчали вверх прямо над белой лобной костью. На Брайса смотрел голый череп.

Глава 17
ЗА ЧАС ДО ПОЛУНОЧИ

Тал, Горди, Фрэнк и Лиза сидели в обитых красной искусственной кожей креслах в одном из уголков вестибюля гостиницы «На горе». Гостиница не работала с того времени, как завершился прошлый лыжный сезон, поэтому, прежде чем они, отупевшие от перенесенного потрясения, смогли шлепнуться в эти кресла, им пришлось снять покрытые пылью белые матерчатые чехлы. Овальный кофейный столик все еще стоял под чехлом, и все они молча взирали на этот зачехленный предмет, не в силах посмотреть друг на друга.

В дальнем конце вестибюля Брайс и Дженни стояли над длинным низким столиком возле стены, на котором лежало тело Стю Уоргда. Никто из сидевших в креслах не мог заставить себя взглянуть в том направлении.

Глядя на зачехленный кофейный столик, Тал проговорил:

— Я же попал в эту чертову штуку. Я ранил ее. Я знаю, что попал.

— Пуля ее задела, мы все это видели,— подтвердил Фрэнк.

— Так почему же ее не разнесло в клочья? — одновременно недоумевал и возмущался Тал.— В нее попали почти в упор из карабина двадцатого калибра. Ее должно было разорвать на мелкие кусочки, черт возьми.

— Оружие нас тут не спасет,— проговорила Лиза.

— Ведь на месте Стю мог бы оказаться любой из нас,— каким-то чужим, замогильным голосом произнес Горди.— Эта тварь могла убить меня. Я шел прямо за Стю. Если бы он пригнулся или отскочил в сторону...

— Нет,— возразила Лиза.— Нет. Оно хотело Уоргла. Никого другого. Именно Уоргла.

— Что ты хочешь сказать? — Тал изумленно уставился на девочку.

Она была бледна как смерть.

— Уоргл отказывался признать, что видел эту тварь, когда она билась в окно. Он утверждал, что это была обычная птица.

— Ну и что?

— Вот поэтому оно и захотело Уоргла. Именно его. Чтобы проучить его. Но главным образом чтобы проучить *всех нас*.

— Оно не могло слышать, что говорил Уоргл.

— Могло. Оно слышало.

— Но оно бы не смогло понять.

— Смогло.

— Мне кажется, ты приписываешь ему слишком большие интеллектуальные способности,— возразил Тал.— Да, оно большое. Да, оно не похоже ни на что, с чем нам приходилось сталкиваться раньше. Но все-таки это всего лишь насекомое. Ночная бабочка. Верно?

Девочка промолчала.

— Оно не всемогуще и не вездесуще,— продолжал Тал, стараясь убедить скорее самого себя, нежели остальных.— Оно не может все видеть, все слышать и все знать.

Лиза молча, не мигая, смотрела на покрытый чехлом кофейный столик.

Стараясь подавить подкатывающую тошноту, Дженни осматривала ужасающую рану Уоргла. Свет в вестибюле был недостаточно ярок, и потому она воспользовалась электрическим фонарем, чтобы лучше рассмотреть края раны и вглядеться в череп. Середина лица погибшего была уничтожена полностью, обглодана до кости, здесь не оставалось ни кожи, ни мяса, ни хрящей. Даже кость местами казалась как будто частично растворившейся, изъеденной, словно на нее плеснули кислотой. Глаз не было. Однако по краям раны со всех сторон кожа и

ткани оставались целыми: кожа на щеках, от скул и дальше к затылку, была совершенно нормальной, не поврежденной, такой же целой, нетронутой была и кожа на подбородке и на верхней части лба. Казалось, какой-то садист-художник нарочно поместил жуткие обнаженные лицевые кости в обрамление обычной здоровой кожи.

Увидев все, что ей было необходимо, Дженни выключила фонарь. Еще раньше они накрыли тело чехлом, снятым с одного из кресел, и теперь Дженни натянула этот чехол на лицо погибшего, прикрыв с чувством облегчения ухмыляющийся череп.

— Ну что? — спросил Брайс.

— Следов от зубов нет,— ответила она.

— А у такой твари должны быть зубы?

— Я знаю, что у нее есть рот, небольшой хитиновый клюв. Я видела, как у нее двигались челюсти, когда она билась в окно там, в полицейском участке.

— Да, я это тоже видел.

— Такой рот должен оставлять следы. Должны быть порезы, следы от зубов, изжеванные места, клочья там, где она отрывала куски.

— И ничего этого нет?

— Ничего. Такое впечатление, будто ткани лица вообще не рвали. Скорее, их как будто... растворили. Те ткани, что остались по краям раны, выглядят так, будто их чем-то прижигали.

— Вы полагаете, что... это насекомое... выделяло кислоту?

Дженни утвердительно кивнула.

— И растворило лицо Уоргла?

— Да, и всосало в себя растворенные ткани.

— О господи!

— Вот именно.

Брайс побледнел так, что лицо его стало казаться гипсовой маской, на фоне которой ярко выделялись веснушки.

— Тогда понятно, как оно смогло натворить подобное всего за несколько секунд.

Дженни старалась не думать об этом чудовищном костлявом лице.

— Мне кажется, что в организме не осталось крови,— сказала она.— Совсем.

— Что?

— Тело ведь не лежало в луже крови?

— Нет.

— И на форме у него нет пятен крови.

— Да, я обратил на это внимание.

— А они должны быть. Кровь из него должна была бить фонтаном. А ее нет совершенно. Я осмотрела череп. Глазницы должны быть полны крови. А нет ни капли.

Брайс провел рукой по лицу с такой силой, что оно немного порозовело.

— Посмотрите на его шею,— сказала Дженни.— На шейные сосуды.

Он даже не сделал движения в сторону трупа.

— И взгляните на внутренние поверхности рук и на ладони,— продолжала она.— Не видно ни вен, ни сосудов. Нет этих характерных голубоватых линий.

— Кровеносные сосуды сжались?

— Да. Мне кажется, из него высосана вся кровь.

Брайс глубоко вздохнул и проговорил:

— Это я убил его. Я виноват. Надо было не уходить из участка, а подождать, пока прибудет подкрепление, как вы говорили.

— Нет-нет. Вы тогда верно сказали: внутри ничуть не безопаснее, чем на улице.

— Но погиб-то он все-таки на улице.

— Никакое подкрепление ничем бы в этом случае не помогло. Эта проклятая тварь так неожиданно свалилась с неба... черт возьми, ее целая армия не остановила бы. Все случилось слишком внезапно и быстро.

На мгновение в глазах Брайса появилось какое-то беззащитное выражение. Он слишком остро воспринимал выпавшую на его долю ответственность. Он явно будет теперь постоянно винить себя в гибели своего подчиненного.

— Есть и кое-что похуже,— неохотно проговорила Дженни.

— Куда уж хуже.

— Его мозг...

Брайс подождал. Потом спросил:

— А что? Что с его мозгом?

— Исчез.

— Исчез?

— Черепная коробка внутри пустая. Совершенно пустая.

— Откуда вам это известно, если вы не вскрывали...

Она прервала его, протягивая ему фонарь.

— Возьмите и посветите ему в глазницы.

Брайс, однако, не спешил следовать ее совету. Глаза его были теперь не полуприкрыты, а широко и изумленно распахнуты.

Она заметила, что и сама не может ровно удержать фонарь: рука ее сильно дрожала.

Он тоже это увидел. Взяв у нее фонарь, он положил его на столик, рядом с накрытым трупом. Потом осторожно взял ее руки в свои большие и жесткие ладони.

— У него за глазницами ничего нет,— проговорила она,— совершенно ничего, совсем-совсем ничего, ничегошеньки, только задняя часть черепа.

Брайс, стараясь успокоить ее, стал растирать ей руки, словно согревая.

— Одна только сырая, совершенно вычищенная полость,— продолжала она, и голос ее сперва взлетел, а потом надломился.— Эта тварь слизнула ему все лицо, выела глаза с такой скоростью, что он, наверное, и моргнуть не успел, впрызлась ему в рот, выела с корнем язык, обсосала все десны, о господи, сожрала его мозг, высосала из тела всю кровь, вот просто взяла и высосала...

— Ну успокойтесь, успокойтесь,— сказал Брайс.

Но слова вылетали из нее непрерывно, словно она не могла, не в силах была остановиться; выстали одной неразделимой, неразъединимой цепочкой:

— ...проглотила все это не дольше чем за десять или двенадцать секунд, что невозможно, черт побери, попросту совершенно невозможно! Она сожрала — вы понимаете? — *сожрала* огромную массу тканей — один только мозг весит шесть или семь фунтов*,— сожрала эту массу за десять или двенадцать *секунд!*

Она стояла, с трудом переводя дыхание, а он крепко держал ее за руки.

Потом подвел ее к накрытому белым пыльным чехлом дивану, и они уселись рядышком на этот диван.

---

* 1 фунт равен 0,45 кг.

Остальные не смотрели в их сторону.

Дженни была рада этому. Она вовсе не хотела, чтобы Лиза увидела ее в таком состоянии.

Брайс положил ей руку на плечо и заговорил с ней тихим, успокаивающим голосом.

Постепенно она пришла в себя. Внутреннее смятение ее не прошло и не стало меньше. И страх тоже не исчез. Просто она немного успокоилась.

— Лучше стало? — спросил Брайс.

— Как говорит моя сестра, я совсем расклеилась, да?

— Вовсе нет. Вы что, шутите? У меня даже не хватило смелости взять фонарь и заглянуть в его глазницы, как вы говорили. А у *вас* хватило духа его внимательно осмотреть.

— Ну что ж, спасибо, что помогли мне снова собраться с силами. Вы хорошо умеете приводить растрепанные нервы в порядок.

— Я? Да я ничего не делал.

— Вам как-то здорово удается ничего не делать.

Они посидели молча, думая о том, о чем ни один из них думать вовсе не хотел.

Потом он проговорил:

— Эта бабочка...

Дженни молчала.

— Откуда она *взялась*? — закончил он.

— Из ада?

— А другие предположения есть?

Дженни пожала плечами.

— Может быть, из мезозоя? — полушутливо сказала она.

— Это что такое?

— Та эра, когда жили динозавры.

Его глаза зажглись неподдельным интересом.

— А такие бабочки тогда были? — спросил он.

— Не знаю,— честно призналась она.

— Я *могу* представить ее в то время, порхающей по доисторическим болотам.

— Да. Нападающей на маленьких животных и досаждающей какому-нибудь гигантскому динозавру точно так же, как нам сейчас досаждают ночные мотыльки или комары.

— Но если она из мезозоя, то где же она пряталась последнюю сотню миллионов лет? — спросил он.

Они оба помолчали.

— Может быть... она из какой-нибудь лаборатории по генной инженерии? — предположила Дженни.— Результат экспериментов с перестройкой ДНК?

— А что, они уже продвинулись так далеко? И могут выводить новые виды животных? Я, конечно, знаю только то, о чем читаю в газетах, но мне представлялось, что им до этого работать и работать. Они пока еще возятся только с бактериями.

— Возможно, вы и правы,— сказала Дженни.— А все-таки, кто знает...

Да. Раз *эта штука* тут летает, то ничего невозможного уже нет.

Они снова помолчали, потом она спросила:

— А что же еще тут ползает или летает?

— Вы подумали о том, что случилось с Джейком Джонсоном?

— Да. Что утащило его? Не эта бабочка. Как бы смертоносна она ни была, она бы не смогла ни тихо убить его, ни тем более утащить.— Дженни вздохнула.— Знаете, вначале я не хотела покидать этот городок, потому что боялась, что мы можем стать разносчиками какой-нибудь эпидемии. А теперь я бы не стала этого делать, потому что уверена, что мы не сможем выбраться отсюда живыми. Нас остановят.

— Бросьте. Уж вас-то мы отсюда вытащим,— возразил Брайс.— Когда мы убедимся, что все случившееся не связано ни с какой инфекцией, когда люди генерала Копперфильда исключат такую возможность, то вас и Лизу мы первым делом вывезем отсюда в безопасное место.

— Нет,— она отрицательно покачала головой.— Здесь что-то есть, Брайс. Что-то гораздо более коварное и намного более страшное, чем этот мотылек. И оно не хочет выпускать нас отсюда. Оно хочет поиграть с нами, прежде чем убьет. Никого из нас оно отсюда не выпустит. Поэтому нам надо разобраться, что это такое, и придумать, как с ним себя вести. И сделать это как можно быстрее, пока оно еще не наигралось и ему не надоело.

В обоих залах большого ресторана гостиницы «На горе» стулья были перевернуты ножками вверх и лежали на столах, а сверху все это было накрыто зеленой пленкой. В первом зале

Брайс и все остальные сняли пленочные чехлы, расставили стулья и стали превращать зал во временную столовую.

Во втором зале предстояло вынести всю мебель и освободить место, чтобы потом можно было снести сюда из номеров матрасы. Они только начали освобождать эту часть ресторана, как до них донесся слабый, но отчетливый шум автомобильных моторов.

Брайс подошел к большому французскому окну и посмотрел влево, вдоль склона холма, в ту сторону, откуда начиналась Скайлайн-роуд. Там по улице в их направлении, сверкая красными мигалками, поднимались в гору три полицейские машины округа.

— Подкрепление прибыло,— сказал Брайс.

Раньше он полагал, что этот приезд существенно укрепит их не очень многочисленные ряды, даст им новые силы и возможности. Теперь же он склонен был думать, что от десяти лишних человек будет не больше пользы, чем от одного.

Дженни Пэйдж была права, когда сказала, что, если бы они дожидались приезда дополнительных сил в здании полицейского участка, жизнь Стю Уоргла это все равно бы не спасло.

Все освещение в гостинице «На горе» и уличные фонари снова замигали. Потом свет потускнел. Погас совсем. На секунду наступила полная темнота, затем свет опять зажегся.

На часах было четверть двенадцатого ночи. Воскресенье близилось к концу. Наступал час нечистой силы.

Глава 18
АНГЛИЯ, ЛОНДОН

Когда в Калифорнии наступила воскресная полночь, в Лондоне был уже понедельник, восемь часов утра.

День был унылый. Над всем городом висели низкие серые облака. Еще с ночи непрерывно шел гнетущий и противный мелкий дождь. Намокшие ветви и листья деревьев вяло обвисли, мрачно блестел темный асфальт улиц, почти каждый прохожий держал над головой черный зонтик.

Дождь стучал в окна, сплошным потоком стекая по стеклам, и потому вид, открывшийся из зала ресторана гостиницы

«Черчилль», что на Портмэн-сквер, казался размытым. Время от времени сверкавшие за окнами молнии бросали в зал яркие отсветы, которые, проникая через пелену дождя и залитое водой стекло, на мгновение кидали причудливые тени дождевых капель на столы, покрытые чистыми белыми скатертями.

За одним из таких столов, около окна, сидел Берт Сандлер, прилетевший в Лондон по делам из Нью-Йорка, и с ужасом думал, как он сумеет по возвращении обосновать ту сумму, что будет указана в счете за сегодняшний завтрак. Гость его начал с того, что заказал бутылку хорошего шампанского: особо сухого «Мумм», которое стоило очень недешево. К шампанскому он попросил икру — подумать только, шампанское с икрой на завтрак! — и два вида свежих фруктов. Причем было очевидно, что старик заказал еще далеко не все, что намеревался.

Доктор Тимоти Флайт, сидевший напротив Сандлера и являвший собой предмет изумления последнего, изучал меню с поистине детским восторгом. Обращаясь к официанту, он произнес:

— И пожалуйста, порцию слоеных булочек.

— Да, сэр,— записал официант.

— Они у вас сегодня свежие?

— Да, сэр. Очень.

— Отлично. И яйца,— продолжал Флайт.— Яичницу из двух хороших яиц, слегка непрожаренную. И тосты с маслом.

— Тосты? — переспросил официант.— Это в дополнение к двум булочкам, сэр?

— Да-да,— подтвердил Флайт, теребя слегка обтрепавшийся воротник белой рубашки.— И с яичницей тоненький ломтик бекона.

— Да, сэр,— официант начал моргать.

Флайт наконец взглянул на Берта Сандлера.

— Что такое завтрак без бекона? Верно я говорю?

— Я сам считаю обязательным съесть на завтрак яичницу с беконом,— согласился Берт Сандлер, выдавливая из себя улыбку.

— И правильно делаете,— рассудительно произнес Флайт. Его очки в тонкой металлической оправе постепенно сползали все ниже и ниже и сейчас держались на самом кончике носа, кругленьком и красном. Длинным тонким пальцем Флайт вернул их на место.

Сандлер обратил внимание, что в середине, на переносице, очки, видимо, были сломаны, а потом спаяны. Причем ремонт был выполнен настолько непрофессионально, что напрашивался вывод: ради экономии Флайт спаял очки сам.

— Свиные сосиски у вас хорошие? — спросил Флайт официанта.— Только честно. Если они окажутся не самого высшего качества, я отошлю их назад.

— Сосиски у нас превосходные,— заверил его официант.— Я сам к ним неравнодушен.

— Тогда сосиски.

— Это вместо бекона, сэр?

— Нет, нет, нет. Вдобавок,— проговорил Флайт таким тоном, словно заданный официантом вопрос был не только странен, но и свидетельствовал о его тугодумии.

Флайту было пятьдесят восемь, но выглядел он по крайней мере лет на десять старше. Его редкие жесткие волосы слегка завивались надо лбом и на затылке, но на висках и за большими оттопыренными ушами торчали дыбом, будто заряженные током. Шейка у него была тощая, вся в морщинах, плечи узкие и хрупкие, а в телосложении кости и хрящи явно преобладали над мясом. Трудно было поверить, что он физически сможет съесть все то, что заказал.

— Картофель,— сказал Флайт.

— Обязательно, сэр,— ответил официант, записывая очередной заказ на бланке, на котором уже почти не осталось места.

— Кондитерские изделия у вас съедобные? — спросил Флайт.

Официант, которого в этой ситуации можно было назвать образцом хороших манер, не выказал ни малейшего намека на удивление необычайной ненасытностью Флайта, а только взглянул на Берта Сандлера, как бы спрашивая: «*Ваш дедушка окончательно выжил из ума, сэр, или он бегун-марафонец, которому нужно много калорий?*»

Сандлер лишь слегка улыбнулся ему в ответ.

Обращаясь к Флайту, официант сказал:

— Да, сэр. У нас хороший выбор пирожных и тортов. Есть прекрасный...

— Принесите всего понемножку,— перебил его Флайт.— Разумеется, под конец завтрака.

— Не беспокойтесь, сэр, все будет исполнено как надо.

— Хорошо. Очень хорошо. Отлично! — ответил сияющий Флайт. Наконец-то он с видимой неохотой закрыл меню и отдал его официанту.

Сандлер чуть не застонал от облегчения. Себе он заказал апельсиновый сок, яичницу с беконом и тосты. Пока он этим занимался, профессор Флайт поправлял уже увядшую красную гвоздику, приколотую к лацкану его довольно залоснившегося синего костюма.

Когда Сандлер сделал заказ, Флайт с заговорщицким видом наклонился к нему.

— А вы, мистер Сандлер, не откажетесь от шампанского?

— Пожалуй, выпью бокал-другой,— ответил Сандлер, надеясь, что шипучее вино пробудит его фантазию и поможет ему сочинить какое-нибудь внушающее доверие объяснение, которое убедило бы даже тех скупых клерков из бухгалтерии, что будут изучать представленный им счет под электронным микроскопом.

Флайт посмотрел на официанта.

— Тогда, пожалуй, принесите лучше две бутылки.

Сандлер, отпивавший в этот момент глоток воды со льдом, чуть не поперхнулся.

Официант ушел, и Флайт взглянул на улицу через залитое дождем окно.

— Отвратительная погода. В Нью-Йорке осенью тоже так?

— У нас бывают дождливые дни. Но осень в Нью-Йорке может быть и изумительной.

— У нас иногда тоже,— сказал Флайт.— Хотя, как мне кажется, у нас дождливых дней должно быть больше, чем в Нью-Йорке. Недаром за Лондоном закрепилась слава города, где преобладает влажная погода.

Профессор говорил исключительно о пустяках до тех самых пор, пока не подали икру и шампанское. Он словно боялся, что если они сразу обговорят деловые вопросы, то Сандлер немедленно отменит всю оставшуюся часть заказа, которую им не успеют принести к тому времени.

Просто-таки диккенсовский персонаж, подумал Сандлер.

Они произнесли первый тост, пожелав друг другу всяческой удачи, пригубили шампанское, и Флайт спросил:

— Так, значит, вы прилетели из самого Нью-Йорка, только чтобы встретиться со мной, да? — Глаза его весело блестели.

— Чтобы встретиться с несколькими авторами,— ответил Сандлер.— Я каждый год приезжаю сюда с этой целью. Я ищу новые книги, те, над которыми авторы еще только работают. Английские писатели сейчас популярны в Штатах, особенно те, что пишут триллеры.

— Маклейн, Фоллет, Форсайт, Бэгли, такого рода, да?

— Да. Некоторые из них очень популярны.

Икра была превосходной. По настоянию профессора Сандлер попробовал ее, положив немножко на кружочек лука. Сам Флайт накладывал ее горками на кусочки сухого тоста и ел без каких-либо приправ.

— Но я ищу не только триллеры,— сказал Сандлер.— Меня многое интересует. В том числе и неизвестные авторы. А иногда я сам предлагаю какому-либо автору тему и ее возможный поворот.

— Как я понимаю, у вас есть какое-то предложение подобного рода ко мне.

— Прежде всего позвольте мне сказать, что я прочитал «Вековечного врага» сразу же, как только он вышел, и книга мне очень понравилась.

— Она многим нравится,— сказал Флайт.— Но большинство приходит от нее в ярость.

— Насколько я слышал, у вас из-за этой книги возникли трудности.

— *Ничего*, кроме трудностей, она мне фактически не принесла.

— А какие?

— В сорок три года, в том возрасте, когда большинство профессоров получает уже пожизненное место, меня выставили из университета.

— Выставили из университета за то, что вы написали «Вековечного врага»?!

— Ну, так прямо никто не говорил,— ответил Флайт, отправляя в рот очередную порцию икры.— Если бы они так поставили вопрос, то тем самым продемонстрировали бы собственную ограниченность. Руководство колледжа, в котором я тогда преподавал, декан факультета и мои высокочтимые коллеги предпочли все обставить по-другому. Косвенно. Мистер Сандлер, дорогой вы мой, грызня за власть между оголтелыми

политиканами или иезуитская неразборчивость в средствах молодых карьеристов, рвущихся к продвижению в крупной корпорации, по недоброжелательству, злобности и жестокости не идут ни в какое сравнение с тем, как ведут себя те представители ученого мира, которые внезапно узрели для себя возможность подняться вверх по университетской лестнице за счет кого-то из своих коллег. Обо мне распространяли самые бессовестные сплетни, скандальную чушь о моих сексуальных наклонностях, слухи насчет того, что я якобы вступаю в интимные отношения со своими студентками, да и со студентами тоже. Ни одно из этих лживых, оскорбительных обвинений не выдвигалось открыто, на каком-нибудь собрании, где я мог бы его опровергнуть. Слухи, одни только слухи. Перешептывания за спиной. Ядовитые сплетни. А в более открытых формах делались вежливые намеки на мою недостаточную компетентность, на перегрузку, на умственное утомление от чрезмерно напряженной работы. Понимаете ли, меня *освободили*: мое увольнение было представлено именно таким образом, хотя, с моей точки зрения, никакого освобождения ни от чего я во всем происшедшем не усматриваю. Но через полтора года после выхода «Вековечного врага» меня в университете не стало. И ни один другой университет меня не брал — якобы потому, что у меня была сомнительная репутация. А настоящая причина, конечно же, заключалась в том, что мои теории оказались, по академическим понятиям, слишком странными, эксцентричными. Меня обвинили в том, что я погнался за деньгами и ради этого стал спекулировать на склонности простого человека к всякого рода псевдонауке и дешевым сенсациям, что тем самым я подорвал доверие к себе как специалисту.

Флайт замолчал, отпил немного шампанского, посмаковал его.

Сандлер искренне ужаснулся услышанному:

— Но это же возмутительно! Ваша книга — научный трактат. И она писалась не для того, чтобы оказаться в списке бестселлеров. Обычному человеку продраться через «Вековечного врага» было бы невероятно трудно. На работах такого рода делать деньги практически невозможно!

— Что и подтвердили размеры моего гонорара,— согласился Флайт, доедая икру.

— Но вы же были уважаемым и признанным археологом,— сказал Сандлер.

— Ну, как выяснилось, не таким уж признанным и уважаемым,— ответил Флайт с оттенком самоуничижения.— Хотя профессию свою я никогда не позорил, как утверждали некоторые впоследствии. Если поведение моих коллег представляется вам невероятным, мистер Сандлер, так только потому, что вы не знаете природу этого зверя. Я имею в виду такого зверя, как ученый. Ученые обучены считать, что всякое новое знание добывается по крупицам, по песчинкам. Основная часть знаний и в самом деле добывается именно так: песчинка слагается с песчинкой, и постепенно из них вырастает гора. И потому ученый мир вечно оказывается не готов принять провидцев, предлагающих новый взгляд на вещи, который сразу и в корне меняет все представления в их сфере деятельности. Коперника его современники высмеивали за мысль о том, что планеты вращаются вокруг Солнца. Но в конечном счете прав-то оказался Коперник. И подобного рода примеров в истории науки великое множество.— Флайт раскраснелся и смолк, чтобы снова отпить еще немного шампанского.— Конечно, я не сравниваю себя ни с Коперником, ни с другими великими людьми. Я просто пытаюсь объяснить вам, почему мои коллеги непременно должны были на меня ополчиться. И я должен был это предвидеть.

Подошедший официант убрал пустое блюдо из-под икры и поставил на стол апельсиновый сок для Сандлера и фрукты для Флайта.

Когда они снова остались с Флайтом вдвоем, Сандлер спросил:

— А вы все еще продолжаете считать, что сформулированная вами тогда теория имеет под собой основания?

— Безусловно! — ответил Флайт.— Я *прав*. Или, по крайней мере, есть очень хорошие шансы на то, что я окажусь прав. История знает массу случаев таинственного исчезновения сразу большого числа людей, а у историков и археологов нет никаких мало-мальски правдоподобных объяснений таким случаям.

Слезящиеся глаза профессора оживились и смотрели теперь из-под густых седых бровей пристально и изучающе. Наклонившись через стол в сторону собеседника, Флайт словно гипнотизировал Берта Сандлера своим взглядом.

— 10 декабря 1939 года,— говорил Флайт,— в горах неподалеку от Нанкина бесследно исчезла китайская армия, шедшая на фронт сражаться против японцев. Три тысячи солдат. Они так и не дошли до поля боя. Ни одно тело так никогда и не было найдено. Не осталось ни одной могилы. Ни одного свидетеля. Японские военные историки не нашли ни одного документа, который бы свидетельствовал, что какие-либо части японской армии вступали в бой с этим отрядом китайцев. В той местности, через которую проходили солдаты перед исчезновением, никто из местных жителей не слышал стрельбы, не видел и не слышал вообще ничего, что бы указывало на признаки боя. Целая *армия* как будто просто испарилась! А в 1711 году, в Испании, во время войны за престолонаследие, четырехтысячная армия отправилась в поход в Пиренеи. И в самый первый день похода, еще даже ни разу не разбив лагерь на ночлег, все они исчезли. До последнего человека! На хорошо им знакомой и притом не вражеской территории!

Флайт был захвачен этой темой все так же глубоко и сильно, как и семнадцать лет назад, когда писал свою книгу. Шампанское и фрукты оказались мгновенно позабыты. Он уставился на Сандлера, словно призывая его *попытаться* бросить вызов непризнанным теориям профессора Флайта.

— А если расширить хронологические рамки,— продолжал профессор,— можно вспомнить о крупнейших городах народа майя: Колане, Педрас-Неграсе, Паленке, Менче, Сейбале и некоторых других. Все они оказались внезапно покинуты жителями. Примерно в 610 году десятки, *сотни* тысяч майя бросили свои дома, и все это произошло на протяжении не более чем недели, возможно даже, всего лишь *одного дня*. Некоторые из этих людей ушли на север и там, по-видимому, основали новые города; но есть достаточно причин утверждать, что многие тысячи человек просто-напросто исчезли. Притом за невероятно короткий промежуток времени. Почему-то они не взяли с собой кухонную утварь, инструменты и орудия труда, глиняные кувшины, в которых хранились припасы... Мои ученые коллеги говорят, что земля вокруг этих городов утратила плодородие и майя вынуждены были двинуться на север, туда, где земля была более богатой. Но если этот великий поход был задуман и запланирован заранее, то почему же все имущество людей ока-

залось брошенным? Почему они не взяли с собой такую огромную ценность в хозяйстве, как семена кукурузы? Почему никто из них никогда не вернулся назад, чтобы помародерствовать в этих брошенных городах, забрать те ценности, которые там оставались? — Говоря все это, Флайт слегка пристукивал кулаком по столу.— Это же иррационально! Переселенцы не отправляются в дальний, долгий и опасный путь без предварительной тщательной подготовки, они стараются захватить с собой все, что сможет им пригодиться. А кроме того, в Педрас-Неграсе и Сейбале в некоторых домах семьи явно готовились к обеду: сварили еду, накрыли столы — но потом куда-то исчезли, *так и не притронувшись к приготовленному!* Это определенно указывает, что их уход был внезапным. Никакое из ныне существующих объяснений не отвечает должным образом на *все эти вопросы*. На них отвечает только моя теория, какой бы странной, эксцентричной и невозможной она ни казалась.

— И пугающей,— добавил Сандлер.

— Совершенно верно,— согласился Флайт.

Выговорившись, профессор откинулся на стуле и замолчал. Он вспомнил о бокале с шампанским, схватил его, жадно выпил и облизал губы.

Подошел официант и снова наполнил их бокалы.

Флайт быстро поглощал тепличную клубнику, словно опасаясь, что ее вот-вот унесут.

Сандлер ощутил приступ жалости к старику. Профессор явно очень давно не получал приглашений позавтракать в элегантной атмосфере дорогого ресторана.

— Меня обвиняли в том, что я пытаюсь одним махом объяснить все случаи таинственных исчезновений со времен майя и до современности. Но это же абсолютно нечестно! Я никогда не пытался объяснять исчезновения отдельных людей, кораблей и самолетов в наше время. Меня интересуют только не получившие объяснения случаи *массового* исчезновения людей и животных. А таких случаев в истории — сотни, в самом прямом смысле этого слова.

Официант принес слоеные булочки.

За окном небо прорезала яркая молния, ударившая в землю где-то в отдаленной части города, и тут же раздался могучий удар грома, многократно повторенный эхом среди зданий и улиц.

— Если бы после выхода вашей книги случилось какое-то новое необъяснимое массовое исчезновение,— проговорил Сандлер,— это могло бы прибавить весомости вашим аргументам...

— Да,— перебил его Флайт, выразительно постучав пальцем по столу,— но такие случаи были!

— Тогда об этом должны были бы сообщать на первых страницах под крупными заголовками...

— Я знаю о двух таких случаях,— убежденно заговорил Флайт.— Возможно, были и другие. Один из них — исчезновение огромного числа низших форм жизни, особенно *рыб*. В прессе об этом писали, но большого интереса тот случай не вызвал. Газеты вообще интересуют только политика, убийства, секс да еще рождение двухголовых телят. Чтобы знать, что на самом деле происходит в мире важного, надо читать научные журналы. Именно из них я и узнал, что восемь лет назад специалисты, занимающиеся биологией моря, отметили резкое сокращение количества рыбы в одном из районов Тихого океана. У некоторых рыб численность популяции сократилась вдвое. Среди части ученых возникла поначалу даже паника: они опасались, что, возможно, происходит резкое охлаждение океана, в результате которого в морях выживут только самые закаленные виды. Но оказалось, что дело не в этом. Постепенно различные виды в данной части океана — а она занимает сотни квадратных миль — восстановили свою численность. И никто так в итоге и не смог объяснить, что же произошло с миллионами внезапно исчезнувших живых существ.

— Может быть, виновато загрязнение воды? — высказал предположение Сандлер, поочередно отпивая маленькими глотками то из стакана с апельсиновым соком, то из бокала с шампанским.

— Нет, нет и нет. Нет, сэр,— проговорил Флайт, намазывая мармеладом булочку.— Чтобы вызвать столь сильное сокращение численности живых существ в таком большом районе, понадобилось бы крупнейшее в истории загрязнение водной среды. Такая катастрофа не могла бы пройти незамеченной. Но не было ни каких-либо катастроф, ни разливов нефти — ничего подобного. Кстати, разлив нефти и не смог бы вызвать таких последствий: для этого слишком велики те объемы воды и площадь акватории, которые должны были бы подвергнуться за-

грязнению. Между прочим, мертвую рыбу *не* выбрасывало на побережья. Она просто бесследно исчезла.

Берту Сандлеру передалось возбуждение профессора. Он почувствовал, что здесь пахнет деньгами. Сандлер обладал чутьем на необычные книги, и это чутье еще никогда его не подводило. За исключением, пожалуй, той книжки о диете, которую написала одна кинозвезда, за неделю до выхода книги в свет умершая от недоедания, а до этого полгода просидевшая на грейпфрутовом соке, папайе, тостах из хлеба с изюмом и морковке. Но книга Флайта определенно обещала стать бестселлером. Можно будет спокойно печатать не меньше чем двести—триста тысяч экземпляров в твердой обложке и пару миллионов в мягкой. Если только ему удастся убедить Флайта осовременить и изложить в популярной форме тот сухой научный материал, что содержится в «Вековечном враге», то профессор обеспечит себе возможность пить шампанское на многие годы вперед.

— Вы сказали, что знаете о *двух* случаях массовых исчезновений за то время, что прошло после выхода вашей книги,— напомнил Сандлер, поощряя профессора продолжать его рассказ.

— Другой произошел в 1980 году, в относительно глухом районе Центральной Африки. Там бесследно исчезло целое племя, три или четыре тысячи человек: мужчины, женщины, дети. Их деревни были обнаружены опустевшими. Жители побросали в домах все, включая большие запасы продовольствия. Внешне это выглядело так, будто они внезапно убежали в лес. Единственным, что указывало на возможность насилия, было несколько разбитых горшков. Конечно, в этой части мира массовые исчезновения стали сейчас гораздо более частыми, чем прежде, в основном по политическим причинам. Кубинские наемники, оснащенные советским оружием, помогают уничтожать целые племена, не желающие жертвовать своей этнической самобытностью и самостоятельностью во имя революции. Но при этом дома всегда подвергались разграблению, потом их сжигали, а тела хоронили в общих могилах. В том же случае, о котором я говорю, не было ни мародерства, ни пожарищ, ни трупов. Несколько недель спустя егеря и лесничие сообщили из тех же районов о необъяснимом сокращении там

численности всех видов живых существ. Никто не связал это сообщение с исчезновением жителей деревень: о нем говорилось как о самостоятельном явлении.

— Вы же убеждены, что эти явления взаимосвязаны?

— *Я полагаю*, что они взаимосвязаны,— ответил Флайт, намазывая клубничным джемом остаток булочки.

— Почему-то такие исчезновения происходят главным образом в глухих местах,— сказал Сандлер.— А это сильно затрудняет проверку.

— Да. Меня пытались сразить и этим аргументом. По-видимому, самое большое число таких исчезновений происходит на море просто потому, что оно занимает основную часть земной поверхности. Море во многих отношениях изучено не лучше луны, а то, что происходит под его волнами, вообще остается вне нашего поля зрения. Но не забывайте о тех двух армиях — китайской и испанской,— о которых я упомянул. *Они* исчезли уже в условиях современной цивилизации. И если десятки тысяч майя действительно пали тогда жертвами вековечного врага, существование которого я предположил, то это означает, что объектом нападения — пугающе дерзкого нападения! — могут стать целые города, центры цивилизации.

— Вы считаете, что и сегодня может произойти нечто подобное?

— Несомненно!

— В таком месте, как Нью-Йорк, или даже здесь, в Лондоне?

— Конечно! Это может произойти практически в любом месте, где есть те геологические условия, которые я описал в своей книге.

Они сидели, молча потягивая шампанское, погруженные в свои мысли.

Дождь стучал в оконное стекло с еще большим остервенением, чем раньше.

Сандлер не был уверен в том, что до конца поверил в гипотезу, выдвинутую Флайтом в его «Вековечном враге». Он понимал, что взгляды профессора могли лечь в основу научно-популярной книжки, которая бы пользовалась сумасшедшим спросом, но сам он вовсе не обязан был разделять эти взгляды. Ему даже очень не хотелось их разделять. Поверить в них значило бы приоткрыть дверь в Ад.

Он взглянул на Флайта, который в очередной раз поправлял свою увядшую гвоздику, и проговорил:

— Меня от всего этого просто в дрожь бросает.

— И правильно,— кивнул, соглашаясь с ним, Флайт.— Так и должно быть.

Подошедший официант принес яичницу с беконом, сосиски и тосты.

Глава 19
НОЧНОЙ МЕРТВЕЦ

Гостиница превратилась в крепость.

Брайс остался доволен проведенной подготовкой.

Сейчас, после двух часов непрерывной напряженной работы, он сидел в столовой, потягивая бескофеиновый кофе из белой керамической кружки, на которой красовался большой голубой крест — эмблема гостиницы.

С помощью прибывших из Санта-Миры еще десяти полицейских к половине второго ночи сделать удалось многое. Один из двух залов ресторана был превращен в общежитие: на полу несколькими рядами лежали двадцать матрасов, вполне достаточных для отдыха одной смены даже после того, как подъедут люди генерала Копперфильда. В другой половине ресторана они поставили два длинных стола — здесь во время обеда или завтрака можно будет устраивать нечто вроде кафетерия. Кухню прибрали, вымыли и подготовили к использованию. Большой вестибюль гостиницы превратился в оперативный центр, где стояли письменные столы, столы для оружия, пишущие машинки, лежали папки, блокноты и большая карта Сноуфилда и его окрестностей.

Всю гостиницу успели тщательнейшим образом проверить на предмет безопасности. Были приняты все меры к тому, чтобы противник не смог сюда проникнуть. Два входа в тыльной части здания — один на кухне, другой в заднем конце вестибюля — были закрыты, заперты и для пущей верности забиты толстыми, два на четыре дюйма, досками, которые большими гвоздями прибили к косякам дверных проемов. Брайс распорядился забить эти двери, чтобы не пришлось потом отвлекать

людей для дежурства возле входов, если бы они оставались открытыми. Дверь пожарной лестницы заделали точно таким же образом, и теперь через нее невозможно было ни подняться на три верхних этажа гостиницы, ни неожиданно для находящихся внизу спуститься оттуда. Отныне вестибюль сообщался с верхними этажами только при помощи двух небольших лифтов, возле которых поставили двух часовых. Еще один часовой стоял у главного входа в гостиницу. Четверо полицейских вместе осмотрели все помещения наверху, удостоверившись, что там никого нет. Другая такая же группа проверила все окна первого этажа: большинство из них были не только заперты, но и заделаны на зиму. Однако все-таки окна оставались в их крепости самым слабым местом.

«Но если кто-нибудь попытается проникнуть внутрь через окно,— подумал Брайс,— мы по крайней мере будем предупреждены звуком бьющегося стекла».

Была переделана и масса других дел. Изуродованный труп Стю Уоргла временно поместили в примыкающей к вестибюлю кладовке. Брайс составил распорядок дежурств и определил состав смен на трое суток вперед на случай, если их критическое положение затянется так надолго. Наконец перечень того, что необходимо было сделать, оказался исчерпан, и Брайсу не приходило в голову больше ничего, чем можно было бы еще заняться до наступления рассвета.

Вот почему он сидел теперь в одиночестве в столовой, за одним из небольших круглых столиков, потягивал кофе и пытался как-то осмыслить события этой ночи. Все его размышления непроизвольно возвращались к одному и тому же: из черепа Уоргла исчез мозг, а из его тела высосали всю кровь, до последней капли.

Брайс попытался избавиться от преследующей его картины — страшной, обглоданной, с оскалившимся черепом головы Уоргла. Он встал из-за стола, пошел и налил себе еще кофе, потом вернулся и сел на прежнее место.

В гостинице стояла глубокая тишина.

За соседним столиком играли в карты трое полицейских из ночной смены — Мигель Фернандес, Сэм Поттер и Генри Уонг. Они почти не разговаривали, а когда им надо было что-то сказать друг другу, делали это шепотом.

В гостинице все было тихо и спокойно.

Гостиница превратилась в крепость.

Она *действительно* превратилась в крепость, черт побери!

Но были ли они тут в безопасности?

Лиза выбрала для себя матрас в самом углу зала-общежития, чтобы за спиной у нее была каменная стена.

Дженни развернула одно из двух одеял, сложенных на матрасе, и укрыла им сестру.

— Второе одеяло хочешь?

— Нет,— ответила Лиза,— одного хватит. Как-то странно ложиться спать, не раздеваясь.

— Ничего, скоро все войдет опять в норму,— сказала Дженни и, уже произнося эти слова, вдруг поняла, насколько пусто и бессмысленно они звучат.

— Ты тоже ляжешь?

— Пока нет.

— Ложись,— попросила Лиза.— Мне будет спокойнее, если я буду знать, что ты рядом, на соседнем матрасе.

— Ты здесь не одна, голубушка,— Дженни ласково погладила девочку по волосам.

Несколько полицейских — среди них были Тал Уитмен, Горди Брогэн и Фрэнк Отри — тоже устраивались на ночлег. В комнате были также три хорошо вооруженных полицейских, которым предстояло бодрствовать и дежурить тут всю ночь.

— А свет совсем не выключат? — спросила Лиза.

— Нет. Мы не можем рисковать и сидеть в темноте.

— Это хорошо. Он тут и так не яркий. Ты со мной посидишь немного, пока я не засну? — Сейчас могло показаться, что Лизе не четырнадцать лет, а гораздо меньше.

— Конечно.

— И поговори со мной.

— Ладно. Только тихо, чтобы мы никому не мешали.

Дженни легла рядом с сестрой, оперев голову на руку.

— И о чем же ты хочешь поговорить?

— Не важно. Все равно о чем. О чем хочешь, только не о... сегодняшнем.

— Знаешь, я хочу тебя кое о чем спросить,— сказала Дженни.— Не о том, что сегодня произошло, а о том, что ты сегодня сказала. Когда мы сидели на скамейке около полицейского участка и ждали приезда шерифа, помнишь? Мы тогда говорили о маме, и ты сказала, что она... часто хвасталась мной?

— Еще как! «Моя дочка — врач»,— улыбнулась Лиза.— Она так тобой гордилась, Дженни!

Слова эти снова, как и тогда, когда Лиза произнесла их впервые, больно кольнули Дженни в самую душу.

— И мама никогда не винила меня за то, что с папой случился удар? — спросила она.

— С какой стати она должна была тебя в этом винить? — нахмурилась Лиза.

— Ну... мне казалось, я в какой-то период доставила ему немало страданий. Страданий и беспокойства.

— *Ты?!* — Лиза была искренне поражена.

— А потом, когда врачу не удалось справиться с его давлением и у папы случился удар...

— По словам мамы, единственный твой плохой поступок за всю жизнь — это когда ты под День всех святых покрасила коленкорового кота в черный цвет и перемазала краской всю мебель на террасе.

Дженни удивленно рассмеялась:

— А я и забыла об этом. Мне тогда было всего восемь лет.

Они улыбнулись друг другу и почувствовали себя в большей мере сестрами, чем когда-либо раньше.

— А почему ты решила, что мама считала тебя виновной в смерти отца? — спросила, немного помолчав, Лиза.— Он ведь умер естественной смертью, верно? От удара. Как ты могла быть в этом виновата?

Дженни помолчала, вернувшись мысленно на тринадцать лет назад, к тем событиям, что положили начало ее долгим переживаниям. Она испытала сейчас глубокое облегчение, узнав, что мать ни в чем не винила ее никогда. Впервые за все время, прошедшее с тех пор, как ей было девятнадцать, она почувствовала себя свободной.

— Дженни?

— Угу?

— Ты что, плачешь?

— Нет, ничего,— ответила она, с трудом сдерживая слезы.— Если мама ни в чем не винила меня, наверное, я напрасно сама корила себя все эти годы. Я просто рада, сестренка. Рада тому, что ты мне сказала.

— А почему ты сама так думала? Расскажи мне, Дженни. Если мы сестры, у нас не должно быть друг от друга секретов.

— Это долгая история, сестренка. Когда-нибудь ты все узнаешь, но не сейчас. Расскажи-ка лучше ты о себе.

Они еще некоторое время поболтали о пустяках, и глаза Лизы начали тяжелеть и потихоньку закрываться.

Глядя на нее, Дженни почему-то вспомнила добрые, скрывающиеся под тяжелыми веками глаза Брайса Хэммонда.

И глаза Якова и Аиды Либерман, вылезающие из орбит на их отрезанных головах.

И глаза Уоргла. Мертвые, исчезнувшие. Выжженные глазницы, зияющие на пустом черепе.

Она попыталась заставить себя отвлечься от этих мрачных, но слишком еще свежих и прочно засевших в сознании впечатлений, от глаз, которыми, казалось, смотрела на нее сама Смерть. Но ум ее непрестанно возвращался к чудовищным свидетельствам насилия и гибели, которые ей довелось увидеть.

Дженни очень хотелось, чтобы кто-нибудь убаюкал ее так же, как сама она только что убаюкала Лизу. Ночь обещала быть бессонной и беспокойной.

В кладовке, что примыкала к вестибюлю и тянулась до шахты лифтов, свет не горел. Окна в ней не было.

В комнате висел давно устоявшийся запах мыла, стиральных порошков, всевозможных чистящих и дезинфицирующих средств, мебельной полироли, мастики для натирки полов. Все это стояло и лежало на полках, сделанных вдоль стен.

Справа, в самом дальнем от входа углу, помещалась большая металлическая мойка. Из не совсем исправного крана капала вода — по капле в десять—двенадцать секунд. Каждая капля падала в металлическую раковину с мягким, негромким звуком — *пам*.

В самом центре кладовки, на столе, в кромешной тьме, вобравшей в себя все, что находилось в комнате, накрытое покрывалом, лежало безликое тело Стю Уоргла. Все в комнате было неподвижно, и только со стороны мойки доносилось монотонное *пам... пам...* капающей воды.

В воздухе беззвучно повисло ожидание каких-то событий.

Фрэнк Отри свернулся под одеялом, закрыл глаза и лежал, думая о Рут. О своей высокой, стройной и гибкой, миловидной Руточке, с ее тихим, но четким, почти чеканным голосом и немного хрипловатым смехом. О своей жене, с которой он прожил вместе двадцать шесть лет, единственной женщине, в которую он когда-то по-настоящему влюбился и которую любил до сих пор.

Перед тем как отправляться вместе со всеми сюда, в Сноуфилд, он позвонил ей по телефону и они поговорили, правда недолго. Он не мог сказать ей тогда ничего определенного, кроме того, что в Сноуфилде стряслось что-то очень серьезное, что о происшедшем постараются как можно дольше ничего не сообщать и что, судя по всему, сегодня ночью он домой не попадет. Руточка не стала ни о чем его расспрашивать: за долгие годы службы мужа в армии она научилась быть женой офицера и оставалась ею и теперь.

Привычка думать в трудные моменты о Рут давно стала для Фрэнка главным способом психологической защиты. Переживая стресс, испытывая страх или боль, впадая временами в депрессию, он просто начинал думать о Рут, целиком и полностью сосредоточивая на ней все свои мысли, и тогда мир, заполненный борьбой, проблемами и конфликтами, отступал в его сознании на задний план. Для человека, который основную часть жизни провел на опасной работе и чья профессия редко давала возможность забывать о том, что смерть составляет неотъемлемую часть жизни, такая женщина, как Рут, была незаменимым лекарством, прививкой против отчаяния.

Горди Брогэн боялся снова закрыть глаза. Каждый раз, когда он это делал, перед ним откуда-то из темноты возникали все те же кровавые видения. И потому теперь он лежал под одеялом с открытыми глазами и смотрел на спину Фрэнка Отри.

Горди сочинял в уме заявление об отставке, которое намеревался вручить Брайсу Хэммонду. Отпечатать и вручить его он сможет, конечно, только когда закончится вся эта история. Он не хотел бросать товарищей в самый разгар трудной и опасной операции: это было бы неправильно, нехорошо. Он мог бы даже чем-то им тут помочь — при условии, что ему не пришлось бы стрелять *в людей*. Но как только операция в Сноуфилде за-

вершится, как только они вернутся в Санта-Миру, он тут же напишет письмо с просьбой об отставке и сам, лично, вручит его шерифу.

Теперь у него уже не оставалось сомнений: работа в полиции не для него. Он никогда не годился для такой работы.

Он еще молодой человек, у него есть запас времени и возможность сменить профессию. Полицейским он стал отчасти потому, что бунтовал против родителей, а тем уж никак не хотелось, чтобы их сын служил в полиции. Родители видели, что ему каким-то непостижимым образом удается необыкновенно хорошо ладить с животными, что он умеет за полминуты добиться доверия любого четвероногого существа и установить с ним дружеские отношения. И потому родители его полагали и надеялись, что он станет ветеринаром. Горди же всегда чувствовал, что неослабная любовь отца и матери душит его, и потому, как только они стали подталкивать его к занятиям ветеринарией, он сразу отверг саму возможность этого. Теперь же он понимал, что родители были тогда правы и что они хотели ему только добра. В глубине души он и раньше сознавал их правоту. По складу своего характера он был целителем, а не миротворцем.

Но тогда его еще сильно привлекали и полицейская форма, и значок. Если ты полицейский, казалось ему, то одно это уже доказывает твою мужественность. Несмотря на свой внушительный рост, мускулатуру, на присущий ему острый интерес к женщинам, он всегда полагал, что его считают неженкой. Когда он был мальчишкой, его совершенно не интересовал спорт, которым были одержимы все его одногодки. Бесконечные разговоры о машинах нагоняли на него тоску. Его интересы лежали в других областях и кое-кому казались просто блажью. Так, ему нравилось заниматься живописью, хотя способности его были на уровне средних. Он с удовольствием играл на валторне. Природа его просто зачаровывала, особенно он любил наблюдать поведение птиц. Именно тогда Горди приобрел отвращение к насилию; еще ребенком он всегда стремился избегать любых столкновений. Эта его прирожденная склонность к пацифизму доставляла ему в те времена немало огорчений, особенно когда становилась предметом обсуждения в присутствии девочек. Создавалось впечатление — по крайней мере самому Горди так

казалось,— будто ему сильно недостает мужественности. Но теперь он наконец-то понял, что ему нет никакой необходимости кому бы то ни было что-то доказывать.

Он пойдет учиться, станет ветеринаром. Он больше не будет бунтовать. И его родители будут им довольны. Жизнь его снова войдет в нормальную колею.

Горди закрыл глаза, вздохнул, попытался заснуть. Но из темноты снова поплыли к нему кошмарные видения отрезанных кошачьих и собачьих голов, расчлененных, изувеченных, подвергнутых страшным пыткам тел животных.

Он резко открыл глаза и с трудом перевел дыхание.

И правда, что же случилось со всеми кошками и собаками Сноуфилда? *Куда* они все подевались?

Кладовка, та самая, что примыкает к вестибюлю.

Окон нет, свет выключен.

Монотонное *пам-пам* воды, капающей в металлическую раковину, прекратилось.

Но тишины в комнате теперь не было. В темноте что-то двигалось. Ползая по комнате, погруженной в кромешный мрак, это нечто издавало мягкие, вкрадчивые, какие-то влажные звуки.

Дженни, не собираясь пока спать, прошла в столовую, налила себе кружку кофе и присела за угловой столик к шерифу.

— Лиза спит? — спросил он.

— Мертвым сном.

— Как только вы еще держитесь на ногах? Представляю, насколько вам должно быть тяжело. Здесь ведь все были ваши соседи, знакомые, друзья...

— Я даже не способна сейчас в полной мере почувствовать горе,— ответила она.— Все внутри как будто оцепенело. Если бы я позволила себе должным образом реагировать на то, что увидела, на каждую смерть, я бы уже давно превратилась в зареванную, расклеившуюся развалину. Поэтому я просто выключила все свои чувства, заставила их замереть.

— Это нормальная, здоровая реакция. Мы, полицейские, тоже всегда так делаем.

Они поболтали немного о том о сем, неторопливо попивая кофе. Потом он спросил ее:

— Вы замужем?

— Нет. А вы женаты?

— Был.

— Развелись?

— Она умерла.

— Ой, да, конечно. Вспомнила, я же читала тогда об этом. Извините, пожалуйста. Примерно год назад, да? Автомобильная катастрофа?

— Налетел грузовик.

Дженни посмотрела ему в глаза, и ей показалось, что они затуманились и стали не такими голубыми, как обычно.

— А как сын? — спросила она.

— Все еще в коме. Не думаю, что он когда-нибудь из нее выберется.

— Извините, Брайс. Я не хотела причинить вам боль.

Он обхватил кружку обеими руками и уставился в нее неподвижным взглядом.

— Учитывая состояние, в котором находится Тимми, если он в конце концов умрет, это будет, пожалуй, даже благом. Какое-то время после того, как все случилось, я вообще ничего не воспринимал. Ничего не чувствовал не только эмоционально, но и физически. Как-то раз я резал апельсин и раскроил палец. Всю кухню залил кровью и даже съел несколько окровавленных апельсиновых долек, прежде чем заметил, что что-то не так. Но даже и тогда я не почувствовал никакой боли. И только совсем недавно я как-то внутренне примирился с происшедшим и начал что-то понимать.— Он поднял глаза и встретился взглядом с Дженни.— Как ни странно, с того момента, как я оказался в Сноуфилде, серая пелена спала.

— Серая пелена?

— Очень долго мне все казалось одинаково серым. Краски словно исчезли, совсем. Но сегодня все совершенно иначе. Сегодня вечером мы испытали такое возбуждение, такое напряжение, такой *страх*, что все снова обрело красочность и яркость.

Дженни заговорила вдруг о смерти своей матери, о том, какое впечатление произвела тогда на нее эта смерть, даже несмотря на то, что она уже двенадцать лет жила вне дома, хотя это обстоятельство в какой-то мере смягчило удар.

Рассказывая, она опять удивилась способности Брайса Хэммонда держаться так, что она чувствовала себя свободно и раскованно. Казалось, и они были знакомы друг с другом уже долгие годы.

Неожиданно для себя самой она рассказала ему об ошибках, которые наделала, когда ей было восемнадцать-девятнадцать лет, о своем наивном поведении, об упорствовании в своих заблуждениях и ошибках — обо всем, что доставило тогда столько боли и страданий ее родителям. К концу первого года учебы в колледже она встретила человека, сразу же покорившего ее. Он был на пять лет старше и уже заканчивал колледж. Звали его Кэмпбелл Хадсон, она называла его просто Кэм. Он был обаятелен, проявлял к ней максимум внимания, ухаживал за ней страстно и целеустремленно, и естественно, что она увлеклась. До этого она вела довольно замкнутый и уединенный образ жизни, не имела серьезных романов и редко соглашалась на свидания. Она была легкой добычей. Угодив в расставленные Кэмом Хадсоном сети, она стала не только его любовницей, но и восторженной ученицей, и последовательницей его взглядов и убеждений, и даже, можно сказать, его послушной и преданной рабыней.

— Представить себе не могу, чтобы вы кому-нибудь подчинялись,— сказал Брайс.

— Я была тогда молодая.

— Ну, это всегда удобное объяснение.

Она переехала к Кэму и стала жить с ним, почти не заботясь о том, чтобы скрывать свои прегрешения от отца с матерью, а они считали то, что она делала, именно *грехом*. Позднее она решила — точнее, позволила Кэму решить за себя — бросить колледж и пойти работать официанткой, чтобы помогать Кэму платить за учебу, пока он не закончит ее и не защитит докторскую диссертацию.

Полностью подчинив себя эгоистическим интересам и планам Кэма Хадсона, она вдруг обнаружила, что он постепенно становится к ней все менее внимательным, что он уже далеко не так мил и обаятелен в обращении с ней, как прежде. Выяснилось, что у него буйный темперамент и дурной, грубый ха-

рактер. Она еще жила с Кэмом, когда умер ее отец, и на похоронах она почувствовала, что мать считает ее виновницей его преждевременной кончины. Через месяц после того, как тело отца опустили в могилу, Дженни поняла, что беременна. Значит, она забеременела, когда отец еще был жив. Кэм пришел в ярость от этого известия и настаивал на немедленном аборте. Она ответила, что хотела бы денек подумать, прежде чем решать; но он и слышать не желал об отсрочке хотя бы на сутки. Кэм избил ее так, что у Дженни произошел выкидыш. Именно тогда между ними все было кончено. Все ее иллюзии развеялись в мгновение ока. Она повзрослела сразу, в один день,— хотя и слишком поздно, чтобы отец мог порадоваться этому.

— С тех самых пор,— говорила она Брайсу,— я непрерывно, изо всех сил работала — быть может, гораздо больше, чем надо было,— чтобы доказать матери, что я сожалею обо всем случившемся и, несмотря ни на что, все-таки достойна ее любви. Я работала даже по выходным, отказывалась от всех приглашений на вечеринки, за последние двенадцать лет считанные разы бывала в отпуске, и все это во имя самосовершенствования. Домой я приезжала гораздо реже, чем следовало. Но я не могла смотреть в глаза матери. Я постоянно видела в них укор, упрек в свой адрес. А сегодня вечером Лиза сказала мне нечто такое, что меня просто поразило.

— Что ваша мать никогда ни в чем вас не винила,— предположил Брайс, снова выказав те поразительные проницательность и чуткость, которые Дженни уже подметила в нем раньше.

— Да! — подтвердила Дженни.— Она действительно никогда и ни в чем меня не обвиняла, ничего не держала против меня за душой.

— Скорее всего, она вами даже гордилась.

— Опять угадали! Она никогда не обвиняла меня в смерти отца. Это *я сама* себя во всем винила. Мне казалось, что в ее глазах стоит постоянный укор, а на самом деле я сама все время переживала чувство вины.— Дженни задумчиво покачала головой, горько усмехнулась.— Все это было бы смешно, если бы не было так грустно.

Во взгляде Брайса Хэммонда она увидела сочувствие и понимание, которых ей так не хватало все эти годы, что прошли со дня похорон ее отца.

Мы с вами во многих отношениях очень похожи друг на друга, — сказал Брайс.— По-моему, мы оба страдаем комплексом мученичества.

— У меня его уже нет,— возразила Дженни.— Жизнь слишком коротка. Сегодня вечером я это поняла совершенно ясно. Отныне я намерена жить, жить полной жизнью — если, конечно, мы сумеем отсюда выкарабкаться.

— Выберемся,— проговорил Брайс.

— Хотела бы я разделять вашу уверенность.

— Знаете,— сказал Брайс,— если у нас будут какие-то планы на будущее, если нам будет на что надеяться, то нам всем будет и легче отсюда выбраться. Я на что-нибудь могу надеяться, как вы думаете?

— ???

— Давайте условимся о свидании.— Он наклонился в ее сторону, и густые, песочного цвета волосы упали ему на глаза.— Сходим в ресторан Джирваджо, в Санта-Мире. Закажем минестроне*, его там чудесно готовят. Омара в чесночном масле. По бифштексу или хорошему куску телятины. Большое блюдо макарон на двоих. А еще там делают отличную вермишель с овощами и острым соусом. И возьмем хорошего вина.

— Неплохая идея,— улыбнулась Дженни.

— Да, забыл: и еще чесночный хлеб.

— Ой, я его так люблю!

— А на десерт забаглионе**.

— Нас придется выносить оттуда,— засмеялась она.

— Ничего, заранее закажем носильщиков.

Они поболтали еще немного, стараясь сбросить с себя напряжение минувшего дня, а потом отправились спать.

Пам!

В темной кладовке, той, где на столе лежало тело Стю Уоргла, вода снова начала капать из крана в металлическую раковину мойки.

Пам!

---

* Густой суп из риса и овощей.

** Ассорти из нескольких видов десерта.

Что-то крадучись двигалось в темноте, кружа вокруг стола. Оно издавало странные чавкающие звуки, как будто кто-то, скользя, шлепал по густой грязи.

В кладовке слышались и другие звуки: их было много, все они были низкие и негромкие. Тяжелое дыхание уставшей собаки. Шипение рассерженной кошки. Тихий, легкий, серебристый смех — так смеются маленькие дети. Похныкивание женщины, как будто от ноющей боли. Чей-то стон. Вздох. Щебетание ласточки — оно прозвучало совсем отчетливо, но негромко, так, чтобы не привлечь внимания часовых, дежуривших в вестибюле. Предупреждающий стук гремучей змеи. Глухое и низкое жужжание шмелей. Более высокое и энергичное зловещее гудение ос. Рычание собаки.

Звуки прекратились так же внезапно, как возникли.

Снова установилась тишина.

Пам!

На протяжении примерно минуты абсолютную тишину нарушал только звук равномерно капающей воды.

Пам!

Потом в кромешной тьме кладовки послышалось шуршание ткани. Шуршало покрывало, которым был накрыт труп Уоргла. Оно соскользнуло с мертвого тела и упало на пол.

Снова как будто бы что-то заскользило по комнате.

Раздался резкий звук, напоминающий треск раскалываемого полена. Приглушенный, но, несомненно, сильный. Сухой хруст ломающейся от удара кости.

Снова тишина.

Пам!

Тишина.

Пам. Пам. Пам.

Лежа в ожидании, пока к нему придет сон, Тал Уитмен размышлял о страхе. Именно о страхе: можно сказать, что это чувство и борьба с ним выковали его характер и привычки, саму его личность, как выковывает кузнец самые сложные узоры из податливого раскаленного металла. Страх. Вся жизнь Тала была одной долгой отчаянной попыткой избавиться от этого чувства, опровергнуть само его существование. Он отказывался подчиняться страху, позволять ему унижать себя, руководствоваться

страхом в своих словах и поступках. Он не желал даже в мыслях допускать возможность того, что его удалось бы запугать. Трудный жизненный опыт, приобретенный еще в самом раннем детстве, научил его: стоит хотя бы только признать страх — и ты неминуемо станешь жертвой его ненасытного аппетита.

Тал Уитмен родился и вырос в Гарлеме, где страх пронизывал все: страх перед уличными бандами, перед алкашами, наркоманами и прочей мразью, перед бессмысленным и слепым насилием, перед нищетой, перед угрозой оказаться выброшенным за борт жизни. В домах, что стояли на серых улицах Гарлема, страх готов был поглотить любого и в любой момент, стоило только человеку чуть-чуть уступить и поддаться этому чувству.

В детстве Тал не чувствовал себя в безопасности даже в квартире, где жил вместе с матерью, братом и тремя сестрами. Отец Тала был социопатом, любил бить жену и появлялся в доме один-два раза в месяц исключительно ради удовольствия избить до беспамятства ее и терроризировать детей. Конечно, мамаша сама была немногим лучше. Она пила, злоупотребляла наркотиками и обращалась со своими детьми почти так же безжалостно и жестоко, как и их отец.

Однажды, когда Талу было девять лет, в одну из тех редких ночей, которые отец проводил дома, многоквартирное здание, где они жили, вспыхнуло и в считанные часы сгорело дотла. Из всей их семьи уцелел один только Тал. Отец с матерью сгорели прямо в постели, задохнувшись в дыму. Оливер, брат Тала, и все их сестры — Хэдди, Луиза и Франческа, которая была еще грудным младенцем,— исчезли без следа, и теперь, по прошествии стольких лет, Талу иногда даже с трудом верилось, что у него действительно были когда-то брат и сестры.

После того пожара его взяла к себе сестра матери, тетушка Ребекка. Она тоже жила в Гарлеме. Однако Бекки не пила и не употребляла наркотиков. Собственных детей у нее не было, но зато была работа. А еще она посещала занятия в вечерней школе, была твердо убеждена, что человек — сам кузнец своего счастья, и верила, что у них с Талом все в жизни сложится к лучшему. Она часто повторяла Талу, что на свете нечего бояться, кроме самого Страха, а сам Страх — это всего лишь пугало, тень, призрак, и уж его-то бояться нечего. «Бог дал тебе здоровье, Талберт, и хорошие мозги. И если ты все это растратишь

понапрасну, на глупости, то виноват будешь только ты сам, и никто другой». Под воздействием наставлений тетушки Бекки, любящей, но требовательной и строгой, молодой Талберт начал в конце концов считать себя вовсе непобедимым. Он перестал бояться чего бы то ни было в жизни, не боялся он теперь и самой смерти.

Вот почему много лет спустя он, не кривя душой, смог — после того как уцелел во время перестрелки в продовольственном магазине в Санта-Мире — сказать Брайсу Хэммонду, что это была всего лишь прогулка.

Но сейчас, впервые за долгую череду лет, его охватило сильнейшее чувство страха.

Тал мысленно возвращался к судьбе, постигшей Стю Уоргла, и страх его от этих размышлений становился все сильнее, от него в полном смысле слова цепенели внутренности.

Глаза Уоргла были выедены прямо из головы, заживо.

Вот уж воистину сам Страх.

На этот раз не пугало, а настоящий.

На тридцать втором году жизни Тал Уитмен обнаружил, что еще способен испугаться, как бы рьяно сам он ни отрицал это. Бесстрашие до сих пор здорово помогало ему в жизни. Но вопреки всему, во что он привык верить, только здесь и только теперь он понял: бывают обстоятельства, когда трусить — значит просто умно себя вести.

Лиза проснулась почти перед самым рассветом. Проснулась от приснившегося ей кошмара, хотя какого именно, вспомнить она не могла.

Она посмотрела на Дженни и на других, кто спал на соседних матрасах, потом повернулась и взглянула в окно. Ночь близилась к концу, и предрассветная Скайлайн-роуд казалась обманчиво мирной и спокойной.

Лизе надо было сходить в туалет. Она поднялась и тихонько прошла между рядами матрасов. Возле широкой и большой арки, отделяющей эту часть ресторана, дежурил полицейский. Лиза, проходя мимо, улыбнулась ему, он приветственно подмигнул ей в ответ.

Еще один полицейский дежурил в другой части зала, в той, где была устроена столовая. Он сидел, неторопливо листая журнал.

В вестибюле, перед дверями лифта, стояли сразу двое. Еще один пост был выставлен возле двустворчатой двери главного входа в гостиницу, хотя сейчас ее дубовые полированные створки с овальными оконцами из наборного стекла были заперты. Этот полицейский был вооружен автоматом и, глядя в овальное окошко, внимательно наблюдал за подходами к зданию.

В вестибюле находился еще и четвертый полицейский — лысый, с нездоровым румянцем на лице помощник шерифа. Звали его Фред Тэпнер, Лиза познакомилась с ним еще вечером. Он дежурил возле телефона, сидя за самым большим из собранных тут столов. По-видимому, за ночь телефон звонил довольно часто, потому что две машинописного формата страницы из блокнота лежали рядом, густо испещренные записями. Когда Лиза проходила мимо стола, телефон зазвонил снова. Фред поднял руку, помахал Лизе, потом поспешно схватил трубку.

Лиза направилась прямо в тот угол вестибюля, где были двери в туалеты, помеченные табличками:

«ЗАЙЧИШКИ» «КРУТЫЕ»

Эти обозначения совершенно не вязались с общим стилем гостиницы «На горе».

Лиза толкнула дверь с табличкой «ЗАЙЧИШКИ» и вошла внутрь. Туалеты считались безопасным местом: тут не было окон. А попасть в них можно было только из вестибюля, где постоянно дежурили несколько полицейских. Женский туалет представлял собой большое и чистое помещение с четырьмя кабинками и таким же числом умывальников. Пол и стены его были отделаны белой керамической плиткой, а в верхней части стен и внизу, вдоль самого пола, были выложены полоски из узкой темно-синей плитки.

Лиза воспользовалась самой первой кабинкой и ближайшим к входной двери умывальником. Уже домывая руки, она взглянула в зеркало и тут увидела его. Это был действительно *он*. Тот самый мертвый полицейский. Уоргл.

Он стоял у Лизы за спиной, в восьми или десяти футах от нее, прямо посередине комнаты. И ухмылялся.

Она резко обернулась, уверенная, что увиденное ею в зеркале — мираж, игра света в неровностях стекла, на худой конец

чья-то дурацкая шутка. Не мог же он и в самом деле оказаться здесь.

Но он и *вправду* был тут. Совершенно голый. И грязно ухмылялся.

Лицо у него полностью восстановилось: тяжелый подбородок, с толстыми губами рот, поросячий нос, маленькие бегающие глаза. Каким-то непостижимым образом все это снова оказалось на своих местах.

Невероятно.

Лиза не успела даже пошевелиться, как Уоргл встал между ней и входной дверью. Голые его ступни громко и влажно прошлепали по каменному полу туалета.

Кто-то изо всей силы колотил в дверь.

Но Уоргл, казалось, не слышал этого.

Колотили, колотили, колотили...

Почему они просто не откроют дверь и не войдут?

Уоргл протянул руки вперед и стал шевелить ладонями, как бы подзывая Лизу к себе. И по-прежнему ухмылялся.

Лиза невзлюбила Уоргла с той самой минуты, когда впервые увидела его. Несколько раз, когда он полагал, что ее внимание отвлечено чем-то другим, она ловила на себе его взгляды, неприятные и вызывающие у нее какое-то беспокойное, тревожное чувство.

— Иди-ка сюда, красоточка,— проговорил Уоргл.

Лиза взглянула на дверь и тут поняла, что никто в нее не колотит. Это стучало ее собственное, бешено бившееся сердце.

Уоргл облизал губы.

Лиза вдруг громко вздохнула — и сама удивилась. Оказывается, ее настолько поразило это воскрешение из мертвых, что, незаметно даже для себя, она на какое-то время перестала дышать и только сейчас задышала снова.

— Иди сюда, сучка!

Она попыталась закричать, но не смогла.

Уоргл выразительно потрогал себя.

— Хочешь попробовать эту штуковину, а? — сказал он, по-прежнему ухмыляясь и непрерывно, жадно облизывая мокрым языком губы.

Она снова попыталась закричать, и опять у нее ничего не вышло. Каждый глоток воздуха давался ей с неимоверным трудом. О том, чтобы крикнуть, не могло быть и речи.

Он не настоящий, сказала себе Лиза.

Если закрыть глаза, плотно зажмурить их, досчитать до десяти, а потом открыть, он исчезнет.

Сучка!

Нет, это иллюзия. Мираж, сон. Наверняка весь этот кошмар ей только снится. Даже и то, что она пришла в туалет.

Но она не решилась проверить свои предположения. Не закрыла глаза и не стала считать до десяти. Она просто *не осмелилась* этого сделать.

Уоргл, выразительно поглаживая себя все в том же месте, сделал шаг в ее направлении.

Он не настоящий. Это мираж.

Еще один шаг.

Он не настоящий, это мираж.

— Иди сюда, красоточка, дай-ка я пощупаю твои сиськи!

Он не настоящий, это мираж, он не настоящий, это...

— Тебе это понравится, моя сладенькая.

Лиза попятилась от него.

— Какое у тебя хорошенькое тельце, красотка! Очень хорошенькое!

Он подступал к ней все ближе и ближе.

Вот он уже подошел так близко, что лампа, освещающая туалет, оказалась у него за спиной, и его тень упала на Лизу.

Привидения и призраки не отбрасывают теней.

Ухмылка застыла на лице Уоргла, словно приклеенная. Время от времени он как-то странно подхихикивал. Но голос у него становился все более хриплым и мерзким.

— Глупая ты девчонка. Сейчас я тебя заделаю. Как надо заделаю, по-настоящему. Не то что твои одноклассники. А так, красотка, что ты у меня потом неделю ходить не сможешь.

Теперь уже Лиза вся целиком очутилась в тени Уоргла.

Сердце у нее билось так часто и сильно, что, казалось, вот-вот оборвется совсем. Лиза пятилась все дальше и дальше, пока наконец не уперлась в стену. Теперь она была в ловушке.

Она оглянулась по сторонам, ища что-нибудь, чем можно было бы воспользоваться как оружием или хотя бы кинуть в него. Но ничего подходящего не было.

Каждый новый вдох давался ей труднее предыдущего. Она ощутила нарастающую слабость и головокружение.

Он не настоящий. Это мираж.

Но дольше обманывать себя она уже не могла, в мираж верить становилось все труднее и наконец — невозможно.

Уорга остановился на расстоянии вытянутой руки от нее и стоял, упершись в нее взглядом. Он раскачивался на пятках голых ног из стороны в сторону и взад-вперед, как будто бы в такт какой-то слышной ему одному мрачной, дикой музыки, заставлявшей его тело извиваться.

Он закрыл налитые ненавистью глаза и продолжал раскачиваться, словно в трансе.

Прошла секунда.

Что он делает?

Две секунды, три, шесть, десять.

Глаза его были по-прежнему закрыты.

Лиза чувствовала, что в ней нарастает неудержимая истерика.

Может быть, удастся проскочить мимо него? Пока он так качается с закрытыми глазами? О господи, нет, он слишком близко. Невозможно проскочить, не зацепив его. Боже, коснуться его?! Нет, только не это, боже упаси! Это выведет его из транса, или в чем еще он там находится, и тогда он поймает ее своими холодными, ледяными, совсем как у мертвеца, руками. Она бы не смогла заставить себя коснуться его. Нет.

Тут она обратила внимание, что в глубине его закрытых глаз, под опущенными веками, происходит нечто странное. Словно там что-то корчится или извивается. Но линия век не соответствовала больше выпуклости глазного яблока.

Уорга поднял веки.

Глаз не было.

Прямо за веками начинались пустые глазницы.

Лиза наконец-то закричала, но вопль, который она сумела выдавить из себя, не смогло бы расслышать ни одно человеческое ухо. Выдох получился молниеносным, она почувствовала, как горло ее стало сводить судорогами, но крика, такого, чтобы его услышали и пришли на помощь, так и не получилось.

Его глаза.

Эти его пустые глаза.

Почему-то она была уверена, что, хотя глазницы Уорга и пусты, он ее все равно видит. И эта пустота его глаз непонятным образом притягивала ее к себе.

Ухмылка по-прежнему держалась у него на лице.

– Кошечка ты моя,— проговорил он.

Она опять молча, беззвучно вскрикнула.

– Кошечка. Поцелуй меня, кошечка.

Непонятно как, но в черных как ночь, обрамленных по краям обнаженной черепной костью глазницах все еще светилось, мерцало сознание и было видно выражение нескрываемой любви.

– Поцелуй меня.

Нет!

«Позволь мне умереть,— молилась она,— о Боже, позволь мне умереть прежде, чем...»

– Дай-ка мне пососать твой теплый язычок,— требовательно произнес Уорга и дико захихикал.

Он протянул к ней руки.

Лиза изо всех сил вжалась в стену, но отступать больше было некуда.

Уорга дотронулся до ее щеки.

Она попыталась уклониться, сбросить со щеки его руку.

Он провел рукой по щеке, легко касаясь ее кончиками пальцев.

Пальцы были холодные как лед и скользкие.

Она услышала слабый, сдавленный, еле различимый стон: «О-о-оооой!» — и поняла, что это стонет она сама.

В лицо ей пахнул какой-то странный, острый и раздражающий запах. Что это такое — его дыхание? Зловонное дыхание трупа, извергаемое его разлагающимися легкими? Но разве ходячие трупы дышат? Вонь была слабая, но невыносимая. Она зажала себе рот и нос.

Уорга наклонился к ней, и его лицо оказалось прямо напротив нее.

Лиза уставилась в его выеденные глаза, в их колышущуюся, переливающуюся черноту, и ей показалось, что через две эти темные дыры она заглядывает сейчас в самые сокровенные глубины Ада.

Рука Уорга с силой сжала ей горло.

– Подари-ка мне...— сказал он.

Она испустила... нет, не крик, но лишь горький выдох.

– ...хорошенький поцелуй.

Она попыталась крикнуть снова.

На этот раз крик ее не был беззвучным. На этот раз вопль ее был такой силы, что, казалось, от него должны были бы лопнуть все зеркала, треснуть и осыпаться все керамические плитки.

Мертвое безглазое лицо Уоргла медленно склонялось к ней; Лиза слышала, как ее крик эхом отражается от стен; водоворот истерики, уже начавший кружить ее раньше, все разрастался и разрастался, превращаясь в водоворот мрака, который затягивал ее и уносил куда-то в пустоту и забвение.

Глава 20
ПОХИТИТЕЛИ ТЕЛ

Лиза лежала на диване цвета ржавчины, стоявшем в вестибюле гостиницы «На горе», в самом дальнем от туалетов углу. Рядом, обнимая ее, сидела Дженифер Пэйдж.

Брайс, держа в руках Лизину ладонь, присел перед диваном на корточки. Как он ни сжимал и ни растирал ее, рука Лизы по-прежнему оставалась ледяной.

За спиной у Брайса, образовав полукруг, собрались все остальные. Тут не было только тех полицейских, которые стояли на постах.

Вид Лизы был ужасен. Глаза глубоко ввалились и смотрели отрешенно и настороженно. Лицо своей белизной напоминало плитку, которой был выложен пол в женском туалете — где они обнаружили ее лежащей без сознания.

— Стю Уоргл мертв,— снова и снова уверял девочку Брайс.

— Он х-хотел, чтобы *я* ег-го... поцеловала,— твердила она, упорно и настойчиво повторяя то, что уже успела рассказать и что всем им показалось более чем странным.

— В туалете не было никого, кроме тебя,— убеждал ее Брайс.— Ты была там совершенно одна, Лиза.

— Нет, он там *был*,— стояла на своем девочка.

— Мы примчались, как только услышали твой крик. Ты была одна...

— Он там был!

— ...и лежала в углу, на полу, без сознания.

— Он был там.

Его труп в кладовке,— проговорил Брайс, успокаивающе поглаживая ее по руке.— Мы положили его туда еще с вечера. Ты же сама это помнишь, верно?

— А он *все еще* там? — спросила девочка.— Может быть, стоит проверить?

Брайс посмотрел на Дженни. Она утвердительно кивнула. Вспомнив, что в этом городке сегодня действительно можно ожидать *чего угодно*, в полном смысле этих слов, Брайс отпустил руку девочки, встал и повернулся в сторону кладовки.

— Тал?

— Да?

— Пойдем со мной.

Тал вытащил револьвер.

Брайс достал из кобуры свой и скомандовал:

— Всем остальным оставаться на месте!

Он пересек вестибюль, подошел к двери кладовки и остановился. Тал стоял рядом с ним.

— По-моему, она не из тех девиц, что любят придумывать невероятные истории,— сказал Тал.

— Да, она не из таких, это точно.

Брайс припомнил, что тело Пола Хендерсона и вправду исчезло из полицейского участка. Но, черт возьми, там ведь все было совсем иначе, чем здесь. Тело Пола никто не охранял, в участке никого не было, туда мог свободно зайти кто угодно. Но к трупу Уоргла никто не смог бы подойти — и сам он не смог бы запросто встать и уйти,— без того чтобы хоть один из стоявших в вестибюле часовых не увидел этого. Но никто из них ничего *не видел*.

Брайс сделал еще шаг вперед и встал слева от двери, жестом показав Талу, чтобы тот встал справа.

Они постояли так немного, внимательно прислушиваясь. Но в гостинице все было тихо и спокойно. Из кладовки тоже не доносилось ни звука. Стоя возле левого косяка, Брайс осторожно наклонился вперед, дотянулся до круглой ручки двери и стал медленно и тихо поворачивать ее, пока она не дошла до упора. Он замер, взглянул на Тала, тот взглядом показал, что готов. Брайс сделал вдох, задержал дыхание, резко толкнул дверь внутрь, распахивая ее, а сам мгновенно отпрянул в сторону, освобождая проход.

Но из темной комнаты никто и ничто не выскочило.

Тал подкрался к самому краю дверного проема, запустил внутрь руку и осторожно нащупал на стене выключатель.

Брайс слегка пригнулся и напружинился в ожидании момента, когда надо будет действовать. В тот самый миг, когда в кладовке вспыхнул свет, он рванулся вперед, выставив перед собой револьвер.

Из расположенной под потолком флюоресцентной лампы лился мертвенный холодный свет, отражавшийся от бортиков металлической мойки, от бутылей и банок с чистящими и моющими средствами.

Простыня, в которую они накануне завернули тело, бесформенной кучей лежала на полу возле стола.

Труп Уоргла исчез.

Полицейского, который стоял на посту при входе в гостиницу, звали Дик Кувер. Большую часть времени он провел, наблюдая за Скайлайн-роуд, спиной к вестибюлю, и потому не мог сказать Брайсу ничего вразумительного. Труп Уоргла вполне могли протащить через весь вестибюль, и Кувер этого бы даже не заметил.

— Вы приказали мне наблюдать за подходами к гостинице, шериф,— оправдывался Дик.— А у меня за спиной Уорг вполне мог бы прокрасться на цыпочках, один или с кем-нибудь. Он мог бы даже держать в каждой руке по флагу и размахивать ими. И если бы он при этом не шумел и не пел, я бы и внимания не обратил на то, что происходит в вестибюле.

На посту у лифтов, совсем рядом со входом в кладовку, стояли Келли Мак-Хит и Донни Джессуп. Им было лет по двадцать пять, и в подразделении Брайса они были, пожалуй, самыми молодыми. Но оба они уже обладали кое-каким опытом и доказали свое профессиональное умение и то, что им можно доверять.

— Нет, за всю ночь в кладовку никто не заходил и никто не выходил из нее,— ответил, отрицательно покачав головой, Мак-Хит, здоровенный блондин с бычьей шеей и мощными широкими плечами.

— Никто,— подтвердил Джессуп, гибкий жилистый парень с вьющимися волосами и глазами цвета чая.— Мы бы увидели.

— Дверь же *вот она*, прямо перед нами,— сказал Мак-Хит.

— И мы всю ночь были здесь, никуда не отходили.

— Вы же нас знаете, шериф,— добавил Мак-Хит.

— Мы же не сачки какие-нибудь, сами знаете,— сказал Джессуп.

— Если нам приказано дежурить...

— ...то мы и *дежурим*. Как положено,— договорил Джессуп.

— Но ведь труп Уоргла как-то *исчез*, черт возьми,— возразил Брайс.— Не сам же он встал со стола и прошел через стену!

— Не знаю, как он вставал со стола, но из двери кладовки он не выходил, это точно,— продолжал стоять на своем Мак-Хит.

— Сэр,— вмешался Джессуп,— Уорг был мертвый. Сам я его тела не видел, но, насколько я могу судить по тому, что мне довелось слышать, он был очень мертвый. Мертвецы обычно лежат там, где их оставили.

— Не обязательно,— ответил Брайс.— В этом городке бывает и по-другому. По крайней мере сегодня.

— Отсюда же нет другого выхода, кроме как через дверь,— сказал Брайс Талу, когда они вдвоем снова зашли в кладовку.

Они медленно обошли ее всю, тщательно осматривая.

Скопившаяся на кончике неисправного крана капля оторвалась и с негромким *пам!* ударилась о металлическое дно раковины.

— Отопительная вентиляция,— сказал Тал, показывая на расположенную прямо под потолком решетку в стене.— Может быть, через нее?

— Ты это серьезно?

— Давайте-ка лучше посмотрим.

— Она слишком маленькая, человек через нее не пролезет.

— А помните ограбление ювелирного магазина Крыбинского?

— Разве такое забудешь?! Оно до сих пор не раскрыто. И Крыбинский мне об этом подчеркнуто напоминает всякий раз, когда мы где-нибудь встречаемся.

— Парень, который это сделал, пролез в подвал магазина через оконце чуть побольше этой решетки.

Как всякий полицейский, которому приходилось сталкиваться с ограблениями и квартирными кражами, Брайс хоро-

шо знал, что человеку обычного роста и телосложения достаточно на удивление маленького отверстия для того, чтобы забраться в дом. Если в отверстие пролезает голова, то в него протиснется и все тело. Конечно, плечи шире головы, но их можно приподнять вверх или скосить как-нибудь так, чтобы они пролезли. А там, где прошли плечи, всегда смогут пролезть таз и бедра. Но Стю Уоргл не был человеком обычного телосложения.

— Его живот застрял бы здесь, как пробка в бутылке,— проговорил Брайс.

Но он все-таки взял стоявшую в углу стремянку, подставил к стене, взобрался на нее и заглянул в вентиляционное отверстие.

— Решетка не привинчена,— сказал он Талу.— Она просто вставляется и защелкивается. Так что ее в принципе можно было поставить изнутри на место, если, конечно, Уорг смог сюда пролезть и если он залезал ногами вперед.

Брайс легко снял решетку.

Тал протянул ему электрический фонарь.

Брайс направил луч фонаря в темный вентиляционный колодец и нахмурился. Узкий металлический короб уходил чуть-чуть вглубь и сразу же заворачивал вверх под углом в девяносто градусов.

— Нет, это невозможно,— проговорил Брайс, выключая фонарь и возвращая его Талу.— Чтобы тут пролезть, Уоргл должен быть и карликом, и гуттаперчевым мальчиком одновременно.

Брайс Хэммонд сидел в центре вестибюля за большим столом, выполнявшим тут роль командного центра, и просматривал записи о поступивших за ночь телефонных звонках. Здесь-то к нему и подошел Фрэнк Отри.

— Хотел бы сообщить вам кое-что об Уоргле, сэр.

— Что именно? — Брайс оторвался от бумаг и поднял глаза на полицейского.

— Н-ну... мне не хочется плохо говорить о мертвом...

— Мы все его не любили,— с грубоватой прямотой заявил Брайс.— Так что попытка посмертно польстить ему была бы

чистой воды лицемерием. Если знаешь что-то такое, что может оказаться полезным, то выкладывай, Фрэнк.

— В армии вы бы наверняка прилились к месту, там таких любят,— улыбнулся Фрэнк, усаживаясь на край стола.— Вчера вечером, когда мы вместе с ним разбирали радиостанцию в полицейском участке, Уоргл несколько раз прохаживался насчет доктора Пэйдж и Лизы.

— По части секса?

— Угу.

Фрэнк постарался как можно точнее воспроизвести все, что тогда говорил ему Уоргл.

— Вот черт.— Брайс покачал головой.

— Больше всего меня насторожило то, что он говорил насчет девочки,— сказал Фрэнк.— Его слова, что хорошо бы подъехать к ней, если появится возможность, звучали вроде как шутка, но все-таки не совсем. Не думаю, что он решился бы ее изнасиловать, но сделать *очень* серьезную попытку заставить ее согласиться он мог. Пригрозил бы ей и своей властью, и значком полицейского — на это он тоже был способен. Не думаю, что девочка бы согласилась, она не из пугливых. Но полагаю, что попытаться Уоргл мог.

Шериф сидел, задумчиво глядя перед собой, и постукивал карандашом по крышке стола.

— Но Лиза не могла ничего знать об этом,— добавил Фрэнк.

— Она не могла как-то случайно услышать, о чем вы говорили?

— Никак.

— Может быть, она что-то подозревала, предчувствовала, ловила взгляды, которые бросал на нее Уоргл?

— Но *знать-то* она не могла. Никак,— возразил Фрэнк.— Понимаете, что я хочу сказать?

— Да.

— Когда подростки выдумывают всякие истории,— продолжал Фрэнк,— они обычно не стараются приукрашивать эти истории разными подробностями. Они могут сказать, что за ними гнался мертвец, но не станут расписывать, как этот мертвец приставал к ним.

— Да, на это у них ума не хватает,— согласился с подчиненным Брайс.— Они, как правило, врут попроще, без сложностей.

— Совершенно верно,— продолжал Фрэнк.— И поэтому, когда она говорит, что Уоргл был совсем голый и что он приставал к ней... и-ну... я как-то больше верю, что она говорит правду. Конечно, всем нам хотелось бы думать, что кто-то пробрался в кладовку и выкрал тело Уоргла. И всем нам хотелось бы думать, что этот кто-то подложил труп в женский туалет. Лиза его там увидела, впала в истерику, а все остальное просто напридумывала. И всем нам хотелось бы думать, что потом, когда она свалилась в обморок, этот кто-то, пока еще непонятным нам образом, вытащил труп из туалета и где-то его припрятал. Но в таком объяснении масса слабых мест. На самом же деле произошло что-то гораздо более странное и необычное.

Брайс бросил карандаш и откинулся в кресле.

— Черт возьми, Фрэнк, ты что, веришь в привидения? Или в воскрешение мертвых?

— Нет. У всего этого есть какое-то реалистическое объяснение,— ответил Фрэнк.— Не набор суеверий, а *настоящее*, реалистическое объяснение.

— Согласен,— сказал Брайс.— Но ведь лицо Уоргла...

— Знаю. Я видел.

— Каким образом оно могло восстановиться?!

— Не знаю.

— И Лиза говорит, что его глаза...

— Да. Я слышал, что она говорила.

Брайс тяжело вздохнул.

— Ты когда-нибудь пытался сложить кубик Рубика?

— Нет, а что? — удивленно замигал Фрэнк.

— Я пробовал,— сказал шериф.— Эта чертова штуковина чуть не свела меня с ума, но в конечном счете я с ней все-таки справился. Всем она кажется очень трудной головоломкой. Но по сравнению с тем, чем мы тут занимаемся, кубик Рубика — это задачка для детского сада.

— Есть еще одно отличие,— добавил Фрэнк.

— Какое?

— Если не справишься с кубиком Рубика, никто тебя не убьет.

Флетчер Кейл, убийца жены и сына, проснулся в камере окружной тюрьмы в Санта-Мире незадолго до рассвета. Он лежал не шевелясь на тонком поролоновом матрасе и смотрел в

окно, где взору его представал небольшой прямоугольный кусок серого предрассветного неба.

Нет, он не намерен заканчивать свою жизнь в тюрьме. *Не намерен.*

Ему уготована исключительная, великолепная судьба. Вот чего никто не может понять. Все они видят перед собой только того Флетчера Кейла, который есть *сейчас*, и не способны разглядеть того, кем он станет. У него будет все: бессчетное количество денег, невообразимая власть, слава, почет и уважение. Так предначертано свыше.

Кейл знал, что отличается от толпы, этого огромного человеческого стада; и это знание давало ему силы выдерживать любые удары и повороты судьбы. Посеянные в его душе семена великого предназначения уже прорастали. Со временем он им всем докажет, как они в нем ошибались.

«Проницательность,— думал он, глядя в зарешеченное окно,— проницательность — вот мой величайший дар. Моя проницательность, способность постижения не знают себе равных».

Насколько он мог судить по собственным наблюдениям, каждым человеком, без единого исключения, движет в жизни его личный интерес. В этом, в общем-то, нет ничего плохого. Такова уж природа человеческая. Такими люди *созданы*. Но большинство из них не способно посмотреть в лицо этой истине, признать и принять ее. Люди наизобретали всяческие так называемые вдохновляющие теории — всю эту любовь, дружбу, честь, честность, веру, доверие, всякое там личное достоинство. Они утверждают, что якобы верят во все это и многое другое, подобное, но в глубине-то души они знают, что это муть, чушь. Они просто не способны признать такое открыто. И потому сами, как дураки, морочат себе головы этими елейными правилами поведения, этими чувствами, внешне красивыми и благородными, но лишенными всякого реального смысла, заглушая тем самым свои подлинные чувства и желания, обрекая самих себя на несчастья и неудачи.

Идиоты. Господи, как же он их всех презирает!

Со своей, особой точки зрения Кейл видел и понимал, что на самом-то деле род людской — самый безжалостный, опасный и хищный из всех живущих на Земле. Он *упивался* сознанием

этого, наслаждался им. Его распирало от гордости при одной мысли о собственной принадлежности к столь выдающемуся роду.

«Я опередил свое время,— подумал Кейл, садясь на край койки и опуская голые ноги на холодный пол камеры.— Я — это следующий этап эволюции. Я поднялся в своем развитии настолько, что мне уже нет необходимости задумываться о морали. Вот почему все смотрят на меня с такой ненавистью. Не потому, что я убил Джоанну и Денни. Меня ненавидят за то, что я лучше их всех, за то, что я гораздо полнее, чем они, олицетворяю собой истинную природу человека».

Ему пришлось убить Джоанну, у него просто не было иного выхода. Ведь в конце концов она отказалась дать ему денег. Готова была унизить его в профессиональном отношении, разорить в финансовом, разрушить все его будущее.

Ему *пришлось* ее убить. Она стояла у него поперек дороги.

Плохо, что с Денни так получилось. Об этом Кейл даже вроде бы и сожалел. Не всегда. Время от времени. Плохо. Пришлось это сделать, он, в общем-то, не хотел, но все равно плохо.

Правда, Денни всегда был обычным маменькиным сынком. А от отца был всегда далек, не испытывал к нему никакой привязанности. Это все работа Джоанны. Это она ему полоскала мозги, настраивала ребенка против отца. Вот и получилось, что в конечном итоге Денни оказался Кейлу вовсе не сыном. Стал ему чужим.

Кейл лег на пол камеры и начал отжиматься.

Раз-два, раз-два, раз-два.

Он должен держать себя в форме, быть постоянно готовым к тому моменту, когда представится возможность бежать. Он знал совершенно точно, куда он направится, когда сбежит отсюда. Не на запад, не подальше от своего округа, не в сторону Сакраменто. Это они его станут там искать.

Раз-два, раз-два.

Он знал, где сможет спрятаться. Отличное место. Прямо здесь, неподалеку. Прямо у них под носом, и никто не станет его там искать. Когда за первые день-другой после побега его не обнаружат, то решат, что отсюда он ускользнул, и перестанут искать в своем округе. Потом пройдет еще несколько недель, и о нем позабудут. Вот *тогда-то* он и выйдет из своего укрытия, проберется через город и отправится на запад.

Раз-два.

Но на запад — это после. Первым делом он направится в горы. Там-то и находится его укрытие. Когда он убежит, то лучшее место, чтобы скрыться от копов,— это горы. Так подсказывает ему внутреннее чутье. Горы. Точно. Он чувствовал, что его *тянет* туда словно магнитом.

Рассвет пришел в горы, и на небе появилась первая яркая полоска. Она постепенно расширялась, вытесняя собой темноту, растворяя в себе мрак.

В лесах, покрывающих склоны гор над Споуфилдом, было тихо. Очень тихо.

Трава, цветы, старые листья — все, что росло и лежало на земле, было усеяно капельками утренней росы. От влажной лесной почвы исходил приятный и сильный пряный запах.

Воздух был холодный, как будто последние остатки ночного тумана все еще окутывали землю.

На груде известняка, белевшей на склоне горы, там, где лес только начинался, неподвижно застыла лиса. Ветерок слегка взъерошивал ее серебристый мех.

Ее дыхание застывало крошечными сверкающими льдинками в холодном и прозрачном утреннем воздухе.

Лисы обычно не охотятся по ночам, но эта вышла на охоту примерно за час до рассвета. Она ничего не ела почти два дня.

Ей никак не удавалось никого поймать. Все это время в лесу было как-то неестественно тихо и совершенно отсутствовали запахи какой-либо живности, которая могла бы стать ее добычей.

За всю свою жизнь, за все годы, что она провела, охотясь в здешних местах, лиса ни разу еще не видела такого пустого и тихого леса. В самые худшие из тяжелых дней, которые случались иногда в разгар зимы, не бывало такой пустоты, как сейчас. Даже в январе, когда ветер наносил горы снега, всегда откуда-нибудь да пахло кровью, откуда-нибудь манила запахом возможная жертва.

А сейчас — ничего.

Впрочем, не так чтобы совсем уж ничего.

Казалось, смерть прибрала все живые существа, что обитали раньше в этой части леса,— за исключением одной-единственной маленькой голодной лисички. Но не было даже запаха смерти, даже терпкого духа скелета, гниющего где-нибудь под кустами.

Перепрыгивая по грудам известняка и стараясь при этом не попадать лапами в трещины и отверстия, через которые можно было угодить прямо в находящиеся под горой пещеры, лисица наконец заметила, что впереди, на склоне горы, что-то движется. Не просто колышется под порывами ветра, а вправду движется. Она замерла на невысоком камне и стала всматриваться вверх, в тени, что лежали под стволами этого нового участка леса.

Белка. Две белки. Нет, больше, гораздо больше — пять, десять, двадцать. Они сидели рядышком друг с другом, вытянувшись в одну линию вдоль еще накрытой тенью опушки леса.

Вначале не было вообще никакой добычи. Теперь вдруг ее оказалось полно, и это было не менее странно, чем недавняя пустота.

Лиса принюхалась.

Белки сидели всего в пяти или шести ярдах от нее, но запаха их лиса не чуяла.

Белки смотрели прямо на нее, в упор, но, похоже, совершенно не боялись.

Лиса наклонила голову вбок и искоса посмотрела на белок. Осторожность боролась в ней с чувством голода.

Белки вдруг все сразу, плотной кучкой, устремились влево, а потом высыпали из-под тени деревьев, из-под защиты леса на открытое место, прямо навстречу лисе. Они прыгали, резвились, наскакивали друг на друга, кувыркались, и в порыжевшей осенней траве их бешено мелькающие рыжие хвосты слились в один вращающийся шар. Этот вертящийся шар приближался, а потом вдруг остановился сразу, мгновенно, всего в трех или четырех ярдах от лисицы, и распался. Но теперь это были уже не белки.

Лиса судорожно вздрогнула и зашипела.

Двадцать маленьких белочек превратились в четырех крупных енотов.

Лиса негромко, но угрожающе зарычала.

Не обращая на нее никакого внимания, один из енотов встал на задние лапки и принялся умываться.

Шерсть на спине у лисицы вздыбилась.

Она понюхала воздух.

Никакого запаха.

Лисица низко пригнула голову и стала внимательно наблюдать за енотами. Все ее поджарое тело напряглось, напружинилось каждым своим мускулом — но не потому, что лиса готовилась к нападению. Нет, она собиралась удирать.

Что-то здесь было не так.

Все четыре енота уселись вдруг на задние лапки, скрестив передние на груди и выставив напоказ мягкие незащищенные животы.

Все они наблюдали за лисицей.

Лисы обычно не охотятся на енотов. Еноты слишком агрессивны, у них слишком острые зубы, и они умеют очень быстро орудовать когтями. Но и еноты, хотя и чувствуют себя в безопасности по отношению к лисице, сами никогда не ввязываются в противоборство с ней. И уж, во всяком случае, никогда не ведут себя в ее присутствии так, как эта четверка. Не рисуются и не подставляются.

Лисица высунула язык и как будто полизала им холодный воздух.

Она снова принюхалась и на этот раз действительно уловила какой-то запах.

Уши ее мгновенно прижались к голове, и она зарычала.

Это был запах не енотов. И не один из великого множества тех запахов, с которыми лисица сталкивалась в здешних лесах множество раз в своей жизни. Это был какой-то незнакомый, резкий, неприятный запах. Слабый. Но отвратительный и отталкивающий.

Этот омерзительный запах исходил не от сидевших перед лисицей четырех енотов. Лисица не могла даже толком разобраться в том, откуда он на самом деле исходит.

Почуяв смертельную опасность, лисица круто отвернулась от енотов, хотя ей было очень не по душе подставлять им спину.

Царапая и стуча когтями по плоским, отшлифованным ветрами камням, лисица, вытянув в линеечку хвост, устремилась вниз по склону. Впереди в камнях была трещина шириной

примерно с фут. Лиса прыгнула через нее, и... в самой середине прыжка, прямо в воздухе ее перехватило что-то темное, холодное, пульсирующее.

Это что-то вырвалось из трещины с неукротимой силой, с потрясающей быстротой и энергией.

Лисица издала короткий и резкий предсмертный вопль.

Ее утянуло внутрь, в трещину, так же мгновенно, как она была схвачена. Там, внутри, примерно в пяти футах от поверхности, на дне неглубокой расщелины было отверстие, которое вело в подземные пещеры. Отверстие было слишком маленьким для того, чтобы лиса могла в него пройти, но, хотя она и попыталась сопротивляться, кости ее затрещали и ее затянуло внутрь.

Все было кончено.

И глазом не успела моргнуть. Даже еще быстрее.

Лисицу *всосало* под землю раньше, чем ее предсмертный крик успел отразиться эхом от ближайшей горы.

Еноты тоже исчезли.

Теперь по гладкому известняку струился ручеек мышей-полевок. Их было несколько десятков. Пожалуй, не меньше сотни.

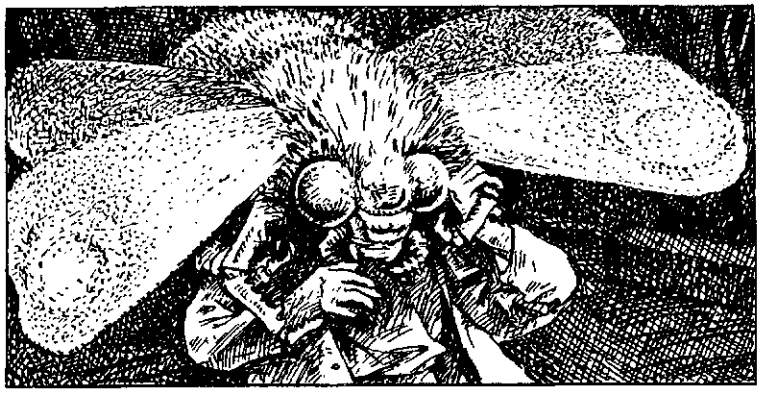
Они подошли к краю трещины.

Заглянули в нее.

Потом одна за другой стали съезжать по краю расщелины, падать вниз и скрываться в маленьком отверстии, которое вело дальше, в пещеры.

Вскоре снаружи не осталось уже ни одной полевки.

В горах над Сноуфилдом снова установилась полная тишина.

Часть II

ФАНТОМЫ

Зло — не абстрактная категория. Оно существует. Оно материально. Оно способно перемещаться. Оно реально, даже слишком.

Доктор Том Дули

Фантомы! Стоит мне только счесть, будто я до конца понял цель, ради которой живет на земле человечество, стоит мне только по глупости своей вообразить, будто я понял смысл жизни... как вдруг я замечаю танцующие где-нибудь в тени фантомы. И эти таинственные фантомы, исполняя гавот, говорят мне так, словно заколачивают каждое слово: «Все, что ты знаешь, маленький человечишко, это пустяк, а то, что тебе еще предстоит узнать, необъятно».

Чарлз Диккенс

Глава 21
СЕНСАЦИЯ

анта-Мира.
Понедельник, 1 час 02 минуты ночи.

— Слушаю.

— Это «Санта-Мира дейли ньюс»?

— Да.

— Газета?

— Девушка, газета закрыта. Сейчас час ночи.

— Закрыта?! Вот уж не думала, что газеты когда-нибудь закрываются.

— У нас тут не «Нью-Йорк таймс».

— А вы разве не печатаете сейчас завтрашний тираж?

— Он печатается не здесь. Это делает типография. А тут у нас только редакция. Вам что нужно-то — типографию?

— Н-ну... у меня есть для вас один материал.

— Если это некролог, или сообщение о благотворительном аукционе в церкви, или еще что-нибудь в этом роде, то позвоните утром после девяти, и тогда...

— Нет-нет. Это *сенсация*, самая настоящая.

— Большая распродажа в чьем-нибудь гараже, да?

— Что вы сказали?

— Ничего, не обращайте внимания. Просто вам придется перезвонить утром.

— Погодите, выслушайте меня. Я работаю в телефонной компании.

— Ну, это не ахти какая сенсация.

— Нет, но именно потому, что я работаю в телефонной компании, я обо всем и узнала. Вы главный редактор?

— Нет. Я заведующий отделом рекламы.

— Ну-у... может быть, вы все-таки сможете чем-то помочь?

— Девушка, я сижу тут всю ночь, с самого воскресного вечера, а сейчас уже утро понедельника, абсолютно один в этой жуткой конуре, которую называют редакцией, и ломаю себе голову над тем, где еще можно выбить заказы, чтобы не дать потонуть этой газетенке. Я устал. Я зол...

— Это просто ужасно!

— ...и я боюсь, что вам все-таки придется перезвонить утром.

— Но в Сноуфилде произошло что-то кошмарное. Я не знаю в точности, что именно, но знаю наверняка, что там есть жертвы. Возможно даже, что там много погибших или тех, чья жизнь в опасности.

— Господи, по-моему, я устал даже еще сильнее, чем мне казалось. Но меня начинает интересовать то, что вы говорите. Продолжайте.

— Все телефонные разговоры, которые идут через Сноуфилд, мы перевели на другие каналы. Отключили автоматическое соединение с городом и ограничили связь с ним. Сейчас туда можно позвонить только по двум номерам, и по обоим отвечают люди шерифа. Все это явно сделано для того, чтобы изолировать город, прежде чем журналисты разузнают, что там что-то происходит.

— Девушка, а что вы пили, а?

— Я вообще не пью!

— Тогда чего накурились?

— Послушайте, я еще кое-что знаю! Им все время звонят из департамента шерифа в Санта-Мире, от губернатора штата, с какой-то военной базы в Юте, и они...

Сан-Франциско.

Понедельник, 1 час 40 минут ночи.

— Сид Сандович слушает. Чем могу вам помочь?

— Я же вам говорю: мне нужен репортер «Сан-Франциско кроникл»!

— Это я и есть.

— Вот черт! У вас там кто-то трижды вешал трубку. Разговаривать со мной не желают! Вы там что, мать вашу?..

— Потише, потише. Следи за своими выражениями.

— Дерьмо!

— А ты знаешь, сколько таких вот пацанов, как ты, названивает по редакциям с дурацкими розыгрышами и шутками?

— Да? А как вы узнали, что я пацан?

— Судя по голосу, тебе лет двенадцать.

— Пятнадцать!

— Поздравляю.

— Дерьмо!

— Послушай, сынок, у меня есть свой мальчик твоего возраста, только поэтому я с тобой до сих пор и разговариваю. Другие уже давно повесили бы трубку. Так что если ты действительно имеешь сообщить нечто интересное, выкладывай.

— Так вот, мой предок работает профессором в Стэнфорде. Он вирусолог и эпидемиолог. Знаете, что это такое?

— Это значит, что он изучает вирусы, разные болезни и тому подобное.

— Точно. И он продался.

— Это как?

— Взял деньги на исследования у этих клепаных военных. Связался с каким-то заведением, которое занимается биологическим оружием. Считается, что результаты его исследований будут использоваться в мирных целях. Но это все один треп, вы же сами понимаете. Он продал душу дьяволу, и теперь дьявол за ней пришел.

— То, что твой отец продался — если он действительно это сделал, сынок,— быть может, и сенсация в вашем доме. Но нашим читателям это вряд ли будет интересно.

— Эй, погодите, я вам позвонил не для того, чтобы на него пожаловаться. У меня есть *настоящая* сенсация. Сегодня за ним приехали. Где-то что-то стряслось. Мне сказали, что он отправляется в командировку на Восточное побережье. Но я прокрался наверх и подслушал за дверью, когда он в спальне рассказывал все старухе. В Сноуфилде какое-то массовое отравление. Не город, а сплошное кладбище. И все стараются удержать это в тайне.

— В Сноуфилде? Здесь, в Калифорнии?

— Ну да. Я так понял, что они проводили испытания какого-то бактериологического оружия *на своем собственном народе* и что-то там вышло из-под контроля. А может быть, произошла случайная утечка. Но там творится что-то очень серьезное, это точно.

— Как тебя зовут, сынок?

— Рики Беттенби. А моего предка — Вильсон Беттенби.

— Ты сказал, он работает в Стэнфорде?

— Ну. Займетесь этим, а?

— Возможно, тут что-то и есть. Но прежде чем я стану звонить в Сноуфилд, мне еще придется о многом тебя расспросить.

— Валяйте. Что знаю, скажу. Я хочу, чтобы это все раскрылось, понимаете? Он должен заплатить за то, что продался.

На протяжении всей ночи то в одном месте, то в другом происходила какая-нибудь утечка информации. Эти утечки следовали одна за другой. На военной базе в Дагвэе, штат Юта, какой-то офицер, который должен был бы понимать, что дела-

ет, воспользовался обычным телефоном-автоматом, чтобы позвонить в Нью-Йорк и рассказать все, что знал, своему горячо любимому младшему братишке, который работал репортером-стажером в «Таймс». Помощник губернатора рассказал обо всем в постели своей любовнице, которая тоже была журналисткой. Так в плотине секретности одна за другой возникали трещины и течи, и в результате очень скоро слабая струйка информации превратилась в бурлящий поток.

К трем часам ночи коммутатор департамента полиции округа Санта-Мира уже задыхался от звонков. К рассвету в Санта-Миру начали съезжаться репортеры газет, радио и телевидения. Несколько часов спустя вся улица перед зданием полиции оказалась забита их машинами, фургонами телевизионных станций из Сакраменто и Сан-Франциско, самими журналистами и просто зеваками всех возрастов.

Полицейские отчаялись убрать эту толпу с проезжей части: людей было слишком много, и на тротуарах бы они просто не уместились. Поэтому полиция перекрыла квартал своими заграждениями и превратила его в один большой пресс-клуб под открытым небом. Несколько предприимчивых подростков из расположенных здесь домов принялись торговать вразнос печеньем и бутербродами, а потом поставили на улице столы, протянули из квартир длиннющие провода из соединенных вместе удлинителей — где они их только отыскали так быстро и в таком количестве! — и стали предлагать желающим горячий кофе. Их прилавок быстро превратился в своеобразный центр, где журналисты обменивались слухами, обсуждали новости и различные версии происходящего в ожидании самых последних официальных сообщений.

Часть журналистов рыскала в это время по Санта-Мире, стараясь разыскать тех, у кого в Сноуфилде были друзья или родственники или кто был хоть как-то связан с находившимися там сейчас полицейскими. Третья группа журналистов разбила лагерь возле полицейского поста в том месте, где от дороги штата отходило шоссе на Сноуфилд.

Несмотря на весь этот бедлам, в городе не собралась еще даже половина ожидавшегося количества журналистов. Многие представители прессы Восточного побережья и иностранные журналисты находились еще в пути. Для местных властей,

которые пытались как-то справиться и с кризисом, и с неразберихой, главные трудности были еще впереди. К полудню понедельника здесь начнется настоящий цирк.

Глава 22

УТРО В СНОУФИЛДЕ

Как только рассвело, у шлагбаума на шоссе в том месте, где стояло внешнее ограждение зоны карантина, появились два небольших фургона, которыми управляли люди из отдела дорожной полиции штата Калифорния. В фургонах были коротковолновая радиостанция и два электрогенератора с бензиновыми движками. Машины пропустили через шлагбаум, они проехали примерно полпути по четырехмильному шоссе на Сноуфилд и остановились на обочине. Тут их и оставили.

Когда полицейские, сидевшие за рулем в этих фургонах, вернулись назад к шлагбауму, оттуда в департамент полиции в Санта-Мире — где был штаб операции — передали по радио сообщение, что машины оставлены. Штаб, в свою очередь, сообщил об этом Брайсу Хэммонду в гостиницу «На горе».

Тал Уитмен, Фрэнк Отри и еще двое полицейских сели в свою машину, доехали до середины шоссе и забрали оставленные там фургоны. Все эти сложные манипуляции нужны были для того, чтобы избежать распространения инфекции, которая, возможно, поразила городок и его жителей, за пределы карантинной зоны.

Радиостанцию установили в вестибюле гостиницы, в углу. Отправили пробное сообщение в штаб, в Санта-Миру, получили оттуда ответ. Теперь, если что-то опять произойдет с телефонами, они не окажутся в полной изоляции.

В течение следующего часа один из генераторов подключили к сети уличного освещения на западном конце Скайлайн-роуд. Другой подсоединили к системе электроснабжения гостиницы. Так что если следующей ночью электричество снова станет каким-то таинственным образом отключаться, то автоматически заработают генераторы, и темнота продлится всего секунду-другую.

Брайс был убежден, что даже их неизвестный враг не сможет за столь короткое время напасть и утащить свою жертву.

Утреннее мытье при помощи губки не доставило Дженни Пейдж удовольствия. Но завтрак, состоявший из яиц, тонко нарезанной ветчины, тостов и кофе, оказался хорош и поднял ее настроение.

Позавтракав, она в сопровождении трех до зубов вооруженных полицейских прошлась пешком по улице до своего дома и взяла там чистую одежду для себя и для Лизы, чтобы было во что переодеться. Она заглянула и к себе в кабинет, прихватив оттуда стетоскоп, прибор для измерения кровяного давления, шпателя, которыми прижимают язык при осмотре горла, ватные тампоны, марлю, шины, бинты, жгуты, антисептики и антибиотики, одноразовые шприцы, обезболивающие средства и другие лекарства и инструменты, которые могли пригодиться, если бы возникла необходимость оборудовать в вестибюле гостиницы походный госпиталь.

В доме стояла полная тишина.

Полицейские нервно оглядывались по сторонам и в каждую следующую комнату заходили с такими предосторожностями, будто ожидали, что там над дверью укреплена взведенная гильотина.

Когда Дженни уже заканчивала собирать все необходимое у себя в кабинете, вдруг зазвонил телефон. Все удивленно уставились на него.

Они хорошо знали, что во всем городе работают только два телефона и оба находятся в гостинице «На горе».

Телефон зазвонил снова.

Дженни сняла трубку, но не стала ничего говорить в нее.

В трубке молчали.

Она немного подождала.

Мгновение спустя она услышала донесшиеся откуда-то издалека крики чаек. Потом жужжание пчел. Тонкое мяуканье котенка. Детский плач. Детский смех, но уже другого ребенка. Тяжелое дыхание собаки. Предупреждающий стук гремучей змеи.

Вчера вечером в полицейском участке Брайс тоже слышал по телефону такие же звуки, а потом появился этот гигантский мотылек, который бился в окно. Брайс говорил, что это были самые обычные и естественные звуки, и тем не менее они вызвали у него какое-то тревожное чувство, хо-

тя он и не мог объяснить, чем именно они его встревожили и почему.

Теперь Дженни поняла, что он должен был тогда испытывать.

Пение птиц.

Кваканье лягушек.

Довольное урчание кота.

Урчание перешло в шипение. Шипение — в рассерженное мяуканье. А оно — в короткий, но пронзительный и ужасный вопль боли.

Потом послышался голос:

— Все равно я трахну твою смачную сестренку, поняла?

Дженни узнала этот голос. Уорга. Тот мертвый полицейский.

— Ты меня слышишь, док?

Она молчала.

— И со всех сторон, с каких захочу.— Голос захихикал.

Она бросила трубку.

Полицейские вопросительно смотрели на нее.

— Молчат, никого нет,— проговорила она, решив не рассказывать им об услышанном. Им и так было заметно не по себе.

Из дома Дженни все направились в аптеку Тэйтона на Вейл-лэйн, где она набрала еще лекарств: болеутоляющие средства, антибиотики, коагулянты и антикоагулянты, и многое другое, что могло бы в случае чего оказаться полезным.

Когда они уже были готовы выходить из аптеки, зазвонил телефон.

Дженни оказалась к нему ближе всех. Ей очень не хотелось снимать трубку, но она все-таки не удержалась.

Это снова было *оно*.

Дженни помолчала немного, потом спросила:

— Алло?

— Я твою сестричку так заделаю, что она потом неделю ходить не сможет,— произнес Уорга.

Дженни повесила трубку.

— Опять никого,— сказала она полицейским.

Вряд ли они ей поверили: все трое не могли оторвать взгляда от ее трясущихся рук.

Брайс сидел за столом в импровизированном оперативном центре и разговаривал по телефону со штабом в Санта-Мире.

Проверка Тимоти Флайта по картотекам ничего не дала. В розыске он не значился ни в Соединенных Штатах, ни в Канаде. ФБР никогда о нем не слышало. Имя, которое кто-то написал на зеркале в гостинице «При свечах», по-прежнему было покрыто тайной.

Но полиция Сан-Франциско смогла сообщить кое-что об исчезнувших супругах Орднэй, в гостиничном номере которых было обнаружено имя Тимоти Флайта. Супругам Орднэй принадлежали в Сан-Франциско два книжных магазина. Один из них был самым обычным и обслуживал рядовых покупателей. Другой специализировался на торговле антикварными и редкими изданиями и, по-видимому, приносил более значительную прибыль. В среде библиофилов супруги Орднэй были известны и пользовались уважением. По словам остававшихся в Сан-Франциско членов семьи, Гарольд и Бланш Орднэй отправились под уикенд на четыре дня в Сноуфилд, чтобы таким образом отметить тридцать первую годовщину своей совместной жизни. Члены семьи никогда не слышали ни о каком Тимоти Флайте. Полицейским разрешили просмотреть личные записные книжки супругов Орднэй, но и там фамилия Флайт ни разу не упоминалась.

Полиция не успела еще поговорить ни с кем из работников книжных магазинов: она это сделает сразу после десяти часов утра, как только магазины откроются. Флайт, видимо, один из тех, с кем Орднэй поддерживали деловые отношения, и работникам магазинов должно быть известно это имя.

— Держите меня в курсе,— сказал Брайс полицейскому, дежурившему в штабе в Санта-Мире.— Что у вас там делается?

— Столпотворение вавилонское.

— Погодите, будет еще хуже.

Когда Брайс клал трубку, вошла Дженни Пэйдж, вернувшаяся из своего похода за лекарствами и медицинскими инструментами.

— Где Лиза? — спросила она.

— На кухне, вместе с кухонным нарядом,— ответил Брайс.

— С ней все в порядке?

— Конечно. С ней там трое здоровых, сильных и хорошо вооруженных ребят. А в чем дело, что-нибудь случилось?

— Потом расскажу.

Брайс дал новые распоряжения тем полицейским, что сопровождали Дженни в ее походе, а потом помог ей оборудовать что-то вроде полевого лазарета в одном из углов вестибюля.

— Наверное, зря мы стараемся,— сказала она.

— Почему?

— Пока что раненых не было. Одни убитые.

— Ну, все может измениться.

— Мне кажется, *оно* наносит удар только тогда, когда твердо намерено убить. Полумер *оно* не признает.

— Возможно. Но мои парни здесь нервничают, они все на пределе и у всех оружие, так что я не удивлюсь, если кто-нибудь в кого-то случайно пальнет или даже прострелит сам себе ногу.

Расставляя склянки с лекарствами в ящике стола, Дженни проговорила:

— Когда мы были у меня дома, а потом в аптеке, и тут, и там звонил телефон. Это был Уорга.

Она пересказала Брайсу содержание обоих разговоров.

— Вы уверены, что это был действительно он?

— Я очень хорошо помню его голос. Такой неприятный.

— Но, Дженни, он же был...

— Я знаю, знаю. Ему объели все лицо, из него выели мозг, высосали всю кровь. Знаю. И мне чертовски хочется понять, в чем же тут дело.

— Может быть, кто-то просто имитирует его голос?

— Если так, то этот кто-то — воистину великий актер.

— А его голос не напоминал...— Брайс оборвал фразу на полуслове, одновременно с Дженни они повернулись на звук бегущих шагов, и тут в арке, служившей входом в залы ресторана, появилась Лиза.

— Пойдемте! Быстро! — замахала им девочка рукой.— На кухне происходит что-то странное!

Прежде чем Брайс успел остановить ее, Лиза повернулась и побежала обратно.

Несколько полицейских, на ходу доставая оружие, бросились было за ней, но Брайс приказал им остановиться:

— Оставайтесь тут! И занимайтесь своим делом!

Дженни уже давно сорвалась с места и умчалась вслед за сестрой.

Брайс поспешил за ними, нагнал по дороге Дженни, обогнал ее, вытаскивая на бегу револьвер, и с ходу влетел вслед за Лизой на кухню гостиницы.

Трое полицейских, которые были сегодня в кухонном наряде — Горди Брогэн, Генри Уонг и Макс Данбар,— побросали то, чем занимались, и тоже стояли с оружием в руках, но явно не могли сообразить, в какую сторону надо его направлять. Растерянные и смущенные, они смотрели на Брайса, словно извиняясь.

Мы танцуем под деревом,
Под тутовым деревом,
Под деревом, под деревом...

Звонкое детское пение, казалось, заполняло всю кухню. Пел маленький мальчик. Голос у него был высокий, ясный, чистый и приятный.

Мы под деревом танцуем
Рано-рано уу-тро-о-ооом!

— Это из раковины,— сказала Лиза, показывая рукой туда, где стояли мойки.

Брайс, не на шутку удивленный, подошел к ближней из трех двойных моек. Дженни подошла тоже и встала чуть позади него.

Тот же детский голос запел снова, но теперь песня была другая:

Дед стучит на барабане,
Барабан у деда мой!
Бам-барабам, бам-барабам!
Дал он косточки собачке...

Детский голос выходил из сливного отверстия раковины, и казалось, что он доносится до них откуда-то издалека.

...Сам он топает домой.
Бам-барабам, бам-барабам!

Несколько бесконечно долгих секунд Брайс прислушивался к этому голосу, как зачарованный. Он был не в состоянии выговорить ни слова.

Он взглянул на Дженни. На лице у нее были написаны те же растерянность и удивление, какие он увидел на лицах собственных подчиненных, когда вбежал на кухню.

— Это началось совсем внезапно, ни с того ни с сего,— прокричала Лиза, стараясь перекрыть поющий голос.

— Когда? — спросил Брайс.

— Несколько минут назад,— ответил Горди Брогэн.

— Я стоял около мойки,— заговорил Макс Данбар. Это был плотный, с густой шевелюрой и волосатыми руками, грубоватый на вид человек с теплым и застенчивым взглядом карих глаз.— Когда началось это пение... Господи, я от неожиданности подскочил на добрых два фута!

Мелодия сменилась еще раз. Теперь вместо веселой детской песни звучало нечто напоминающее церковный гимн, но исполняемый с каким-то подчеркнутым, даже издевательским благочестием.

Господь меня любит,
И я это знаю.
Так Библия учит меня.

— Не нравится мне все это,— сказал Генри Уонг.— Как это может быть?!

К себе призывает Он
Малых и слабых.
Слабы они. Он же силен.

В пении не было ничего явно угрожающего, и тем не менее исходивший из столь невероятного источника нежный детский голосок, как и те звуки, что Брайс и Дженни слышали по телефону, чем-то настораживал, выводил из душевного равновесия. От него мурашки бежали по телу.

Иисус меня любит,
Иисус меня любит,
Да, да, Он...

Пение вдруг прекратилось.

— Слава богу! — выговорил Макс Данбар, передернув плечами и облегченно вздохнув, словно это мелодичное детское пение было невыносимо неприятным, режущим слух и фальшивым.— Не голос, а бормашина, у меня от него все зубы разболелись!

Несколько мгновений они стояли не двигаясь в полной тишине, потом Брайс начал наклоняться над раковиной, желая рассмотреть, что в ней происходит...

...Дженни сказала, что, может быть, лучше этого не делать...

...и тут что-то с силой вырвалось из темного и глубокого сливного отверстия.

Все вскрикнули, Лиза завизжала, Брайс от удивления и испуга сделал несколько шагов назад, ругая себя за неосторожность. Он резко вскинул револьвер, наставив его черный зрачок на то, что вырвалось из раковины.

Но это была всего лишь грязная вода.

Вылетевшая под большим давлением длинная струя отвратительно вонючей жидкости достала почти до потолка и обрушилась вниз на все, что находилось вокруг. Фонтан бил не больше одной-двух секунд, но обдал все и во всех направлениях.

Несколько грязных капель попало Брайсу на лицо. Спереди на его рубашке появились темные пятна. И они воняли.

Именно такая гадость и должна идти из канализации: грязная темно-бурая вода, в которой плавают мыльная пена, слизь и мелкие кусочки смытых с тарелок и раздробленных посудомоечной машиной остатков еды.

Горди принес рулон бумажных полотенец, и все стали обтирать лица и промокать пятна на одежде.

Они еще занимались приведением себя в порядок и гадали, раздастся пение снова или нет, как одна из створок двери на кухню распахнулась и в ее проеме возник Тал Уитмен.

— Брайс, нам только что сообщили, пару минут назад через пост на развилке преследовали генерал Копперфильд и его команда.

Глава 23
ОСОБАЯ БРИГАДА

Под яркими лучами утреннего солнца Сноуфилд выглядел особенно мирным, спокойным и как будто только что вычищенным и свежеумытым. Воздух был кристально чист. Легкий ветерок слегка колыхал ветви деревьев. На небе ни облачка.

Вместе с Брайсом, Фрэнком, доктором Пэйдж Тал вышел из гостиницы, за ним шли еще несколько полицейских. Он взглянул на солнце, и вид этого яркого диска вдруг пробудил в памяти Тала детские воспоминания из тех времен, когда он еще жил

в Гарлеме. Тогда он обычно покупал дешевые конфетки в газетном киоске Боаз, что стоял в конце того квартала, где жили они с тетушкой Бекки. Больше всего ему нравились лимонные леденцы — маленькие, круглые, немного похожие на застывшие капли. Они были какого-то особенного желтого цвета: такого оттенка он никогда и нигде больше не видел. И вот сегодня утром у солнца оказался вдруг точно такой же желтый цвет, и оно висело в небе, похожее на гигантский леденец, заставляя с поразительной яркостью вспомнить, как выглядел киоск Боаз, как там пахло, какие звуки жили в нем и вокруг него.

Подошла Лиза и встала рядом с Талом. Все, кто вышел из гостиницы, собрались сейчас на тротуаре и смотрели вдоль идущей под уклон главной улицы, ожидая появления бригады особого назначения из отдела бактериологической защиты.

Внизу, под горой, ничего движущегося видно не было. Никакие звуки не отражались эхом от склонов гор. Команда генерала Копперфильда явно была еще далеко.

Ожидая под лимонного цвета солнцем появления этой команды, Тал раздумывал: находится ли еще на прежнем месте киоск Боаз, работает ли он? Скорее всего, он пополнил собой длинную череду тех заброшенных маленьких магазинчиков, что стоят нынче разгромленные, разграбленные, замусоренные и изгаженные. А может быть и так, что теперь он продает газеты, журналы, сигареты и карамель только для отвода глаз, а на самом деле живет тем, что торгует из-под прилавка наркотиками.

С возрастом Тал все острее подмечал в окружающем его мире признаки деградации и распада. Ранее вполне благополучные кварталы и районы вдруг на глазах приходили в упадок, а те, что и прежде были запущенными, теперь превратились в трущобы. Порядок уступал место хаосу. Это проявлялось в массе самых разных вещей. Каждый год становилось все больше самоубийств. Люди употребляли все больше и больше наркотиков. Постоянно росло число разбойных нападений, изнасилований, квартирных краж. От того, чтобы не разувериться окончательно в будущем всего человечества и не превратиться в пессимиста, Тала спасала только горячая убежденность в том, что хорошие люди — такие, как Брайс, Фрэнк, доктор Пэйдж или его тетушка Бекки,— обладают способностью останавливать надвигающийся вал всеобщего распада и даже время от времени могут заставить его отступить.

Но здесь, в Сноуфилде, его вера в силу и способности хороших людей, нужность и полезность ответственных действий и поступков подвергалась тяжелейшему испытанию. Зло, с которым они тут столкнулись, казалось непобедимым.

— Тихо! — произнес Горди Брогэн.— По-моему, я слышу шум моторов.

Тал посмотрел на Брайса.

— Я думал, они приедут где-то около полудня, а они добрались на целых три часа быстрее.

— Полдень мы считали самым крайним сроком,— ответил Брайс.— Копперфильд хотел приехать даже еще раньше, если бы удалось. Судя по разговору, который у меня с ним был, он жесткий парень, привык делать дело и брать быка за рога и умеет добиваться от своих людей того, что ему нужно.

— Вроде вас, да? — спросил Тал.

Брайс пристально посмотрел на него своими как бы сонными глазами, почти скрытыми под полуопущенными тяжелыми веками.

— Вроде меня? Я что, жесткий? Да я мягкий, как котенок.

— Скорее уж как пантера,— усмехнулся Тал.

— Едут!

В самом конце Скайлайн-роуд показался большой грузовик, и звук натужно работающего мотора, приближаясь, становился все громче и громче.

Бригада гражданской обороны особого назначения из отдела бактериологической защиты прибыла на трех больших грузовиках. Дженни стояла на тротуаре и смотрела, как они медленно ползли вверх по длинному пологому подъему, приближаясь к гостинице «На горе».

Возглавлял эту процессию сияющий белой краской «дом на колесах», громоздкий бегемот длиной в тридцать шесть футов, несколько видоизмененный по сравнению с другими такими же домами. По бокам у него не было ни дверей, ни окон. Значит, единственная входная дверь должна была находиться сзади. Ветровое стекло кабины водителя, цельное и глубоко загибающееся по бокам, было затемненным, причем очень сильно

затемненным, так что внутренняя часть кабины оставалась снаружи невидимой, и, кроме того, казалось, что это стекло было гораздо толще того, какое ставится на подобные серийные дома. На фургоне не было никаких обозначений, как-то указывающих на его предназначение или же на принадлежность, и уж тем более ничто не указывало на его принадлежность к вооруженным силам. Номерной знак был самым обычным, калифорнийским. Значит, команда генерала Копперфильда предпочитает путешествовать, не раскрывая своего инкогнито.

За первым «домом на колесах» шел второй такой же. Замыкал колонну грузовик без номера, который тащил прицеп, выкрашенный обычной серой краской. Стекла в кабине грузовика были тоже толстые, как броня, и затемненные.

Не будучи уверен, что водитель самой первой машины заметил их группу, стоявшую перед входом в гостиницу, Брайс вышел на проезжую часть и помахал над головой руками.

То, что находилось внутри «домов на колесах» и грузовика, было явно очень тяжелым, потому что моторы всех трех машин ревели натужно, а сами машины ползли вверх по улице крайне медленно, вначале не быстрее десяти миль в час, потом — уменьшив скорость до пяти, потом даже еще медленнее, содрогаясь от натуги и рева. Добравшись наконец до гостиницы, они проехали мимо, сделали на углу правый поворот и въехали на боковую улицу.

Дженни, Брайс и все остальные тоже свернули за угол на эту улицу в тот самый момент, когда колонна подъехала к тротуару и остановилась. Если центральная улица в Сноуфилде поднималась в гору, то все пересекавшие ее в направлении с востока на запад располагались как бы уступами вдоль горного склона. Здесь, конечно, было гораздо удобнее и надежнее расположить три прибывших фургона, чем на довольно крутой Скайлайн-роуд.

Дженни стояла на тротуаре и глядела на заднюю дверь первого «дома на колесах». Ожидая, когда оттуда кто-нибудь выйдет.

Три перетруженных, перегретых двигателя один за другим смолкли, и на городок снова опустилась давящая тишина.

Впервые за все время после вчерашнего вечера, когда они приехали в Сноуфилд, настроение у Дженни было по-настоящему приподнятое. Наконец-то приехали специалисты! Как большинство американцев, она истово верила в специалистов в какой-нибудь области и относилась к ним с огромным доверием. Пожалуй, она верила в них даже сильнее, чем обычный человек: ведь она же и сама была представительницей племени специалистов, женщиной из науки. Теперь уж они скоро разберутся, что же именно убило Хильду Бек, Либерманов и всех остальных. Специалисты приехали. Кавалерия прибыла и вступает в бой.

Первой открылась задняя дверца грузовика, и оттуда начали выпрыгивать люди. Все они были одеты в специальные костюмы, предназначенные для действий в биологически зараженной местности. Это были белые герметичные виниловые костюмы, внешне напоминающие скафандры астронавтов, с большими шлемами, закрытыми спереди крупными и прозрачными пластинами из плексигласа. На спине у каждого были баллончик со сжатым воздухом и похожая на ранец система очистки и регенерации отходов жизнедеятельности.

Как ни странно, но сперва Дженни даже не подумала о том, что эти люди похожи на астронавтов. Скорее они напомнили ей приверженцев какой-то странной религии, облачившихся в торжественные ритуальные одеяния.

Из грузовика выпрыгнули уже человек пять или шесть и продолжали появляться все новые, и только тут Дженни вдруг поняла, что все они вооружены. Выскочившие из грузовика люди быстро оцепили колонну со всех сторон, встав спиной к грузовикам между своими машинами и теми, кто был на тротуаре. Люди эти явно не были специалистами. Это были солдаты охраны. На шлемах, прямо над лицевыми панелями, были трафаретом нанесены их имена и звания: «СЕРЖАНТ ХАРКЕР», «РЯДОВОЙ ФОДОР», «РЯДОВОЙ ПАСКАЛЛИ», «ЛЕЙТЕНАНТ АНДЕРХИЛЛ». Они выставили перед собой автоматы и образовали вокруг колонны защищенное пространство, всем своим видом давая решительно понять, что не допустят никого внутрь этого пространства.

Дженни, к своему ужасу и удивлению, вдруг обнаружила, что прямо ей в лицо смотрит ствол автомата.

— Что, черт побери, все это значит? — спросил Брайс, делая шаг по направлению к солдатам.

Сержант Харкер, стоявший ближе всех к Брайсу, направил свой автомат вверх и дал короткую предупредительную очередь.

Брайс мгновенно застыл на месте.

Тал и Фрэнк автоматически потянулись за оружием.

— Отставить! — закричал Брайс.— Не стрелять, черт возьми! Мы же все делаем одно дело!

Один из солдат заговорил. Это был лейтенант Андерхилл. Голос его исходил из небольшой, размером не больше шести квадратных дюймов, коробочки радиоусилителя, укрепленной на груди, и звучал как из консервной банки: «Пожалуйста, не подходите к машинам. Наша главная обязанность — обеспечивать неприкосновенность лабораторий, и мы сделаем это любой ценой».

— Черт возьми,— сказал Брайс,— мы ведь на вас не нападаем, верно? Я же первый вас сюда и вызвал!

— Не подходите,— повторил Андерхилл.

Наконец-то открылась задняя дверь первого «дома на колесах». Из нее вышли четверо, одетые в такие же костюмы, но это были уже не солдаты. Двигались они неторопливо и были не вооружены. Одна из них оказалась женщиной: Дженни увидела под шлемом на редкость красивое восточное лицо. Имена, написанные на шлемах, были без званий: БЕТТЕНБИ, ВАЛЬДЕЗ, НАЙВЕН, ЯМАГУТИ. Это были гражданские врачи и ученые, которые в случае объявления химической или бактериологической тревоги бросали свою мирную жизнь и работу где-нибудь в Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Сиэтле или других городах Западного побережья и поступали в распоряжение генерала Копперфильда. По словам Брайса, таких бригад было три: одна предназначалась для действий на Восточном побережье страны, вторая — на Западном и третья — на Юге и в штатах, прилегающих к Мексиканскому заливу.

Из второго «дома на колесах» вышли шестеро. ГОЛДСТЕЙН, РОБЕРТС, КОППЕРФИЛЬД, ХОУК. Еще у двоих имена на скафандрах указаны не были. Оставаясь внутри оцепления, эти шестеро прошли вперед и присоединились к Беттенби, Вальдезу, Найвену и Ямагути.

Десятка о чем-то посовещалась при помощи внутреннего переговорного устройства. Дженни видела, что губы говоривших шевелятся за плексигласовыми лицевыми панелями, но из укрепленных на груди коробочек не раздавалось ни слова. Отсюда можно было заключить, что они могут общаться как с внешним миром, так и только между собой, и в данный момент они избрали второй вариант.

«Но зачем? — удивилась про себя Дженни.— Им ведь нечего от нас скрывать. Или есть что?»

Генерал Копперфильд, самый высокий из новоприбывших двадцати человек, отделился от стоявшей позади первого грузовика группы, вышел на тротуар и подошел к Брайсу.

Брайс начал наступление первым, не дожидаясь, пока генерал перехватит инициативу:

— Генерал, я требую объяснений! Почему нас держат тут под прицелом?

— Извините,— проговорил генерал. Он повернулся к стоявшим с каменными лицами часовым и скомандовал: — Все в порядке, ребята. Можно не напрягаться. Вольно!

Поскольку за спиной у них были баллоны с воздухом и ранцы систем жизнеобеспечения, солдаты не смогли занять правильную стойку «вольно». Но, как хорошо отлаженная машина, они все одновременно опустили автоматы стволами вниз, расставили ноги ровно на двенадцать дюймов, опустили руки по швам и застыли так, глядя перед собой.

Брайс был прав, говоря Талу, что генерал Копперфильд — жесткий парень. Для Дженни тоже было совершенно очевидно, что проблем с дисциплиной в его подразделении нет.

— Так лучше? — спросил Копперфильд, снова поворачиваясь к Брайсу и улыбаясь ему через щиток шлема.

— Лучше,— ответил Брайс.— Но я все равно требую объяснений.

— Обычные СПД,— сказал Копперфильд.— Стандартные правила действий. Это часть их обычной подготовки. Мы не имеем ничего против вас или ваших людей, шериф. Ведь вы же шериф Хэммонд, верно? Я вас запомнил еще с прошлогодней конференции в Чикаго.

— Да, сэр, я — Хэммонд. Но вы пока еще не дали мне убедительного объяснения. СПД я принять всерьез не могу.

— Не надо повышать голос, шериф.— Облаченной в перчатку рукой Копперфильд похлопал себя по закрепленной на

груди коробочке.— Это не только громкоговоритель. Там еще стоит и очень чувствительный микрофон. Видите ли, когда мы отправляемся в местность, которая подверглась химическому или бактериологическому заражению, то исходим из того, что на нас могут накинуться толпы больных и умирающих людей. Но у нас просто нет необходимого оборудования и возможностей, чтобы лечить их или хотя бы только раздавать успокоительные средства. Мы — *исследовательская* бригада. Мы должны не лечить, а только изучать все патологические формы. Наша задача — максимально полно выявить природу и характер заражения, тогда вслед за нами смогут прийти бригады медиков со всем необходимым, и они займутся теми, кто уцелеет к тому времени. Но умирающим, измученным людям, возможно, трудно будет растолковать, что мы не можем их лечить. Они могут напасть на наши передвижные лаборатории просто от гнева и отчаяния.

— И от страха,— сказал Тал Уитмен.

— Совершенно верно,— согласился генерал, не заметив или сделав вид, будто не уловил иронии, с какой были произнесены эти слова.— Мы проигрывали возможные психологические ситуации, и этот анализ показал, что вероятность таких нападений вполне реальна.

— А если больные и умирающие люди *и вправду* попытались бы помешать вашей работе,— спросила Дженни,— вы что, стали бы в них стрелять?

Копперфильд повернулся к ней. Солнце отразилось в щитке его шлема, превратив лист плексигласа в зеркало, и какое-то время Дженни не могла разглядеть скрывающееся под шлемом лицо. Генерал слегка изменил позу, и лицо его снова стало видно, но все же не настолько хорошо, чтобы Дженни могла рассмотреть, как он выглядит. Лицо как бы зависло внутри шлема, обрамленное им, но в отрыве от всего остального.

— Вы, как я понимаю, доктор Пэйдж? — спросил генерал.

— Да.

— Так вот, доктор, если какие-нибудь террористы или агенты иностранного правительства совершили бы акт бактериологической войны против американского города или местности, то моей задачей и задачей подчиненных мне людей было бы выделить микроб, определить его и предложить возможные

средства противодействия. Это очень большая ответственность. И если мы позволим кому-нибудь помешать нам, пусть даже это будут страдающие жертвы нападения, то опасность распространения заразы увеличится во много раз.

— Значит,— продолжала нажимать на него Дженни,— если бы больные и умирающие люди попытались помешать вашей работе, вы бы стали в них стрелять.

— Да,— честно ответил он.— Даже порядочным людям иногда приходится выбирать из двух зол меньшее.

Дженни посмотрела на Сноуфилд, который и сейчас, в ярком солнечном свете, выглядел таким же кладбищем, каким казался вчера в вечерних сумерках. Генерал Копперфильд был прав. *Любые* меры, которые могли понадобиться для защиты его бригады, оказались бы меньшим злом. Зло большее уже произошло в этом городе — и продолжало происходить еще и сейчас.

Теперь она уже сама не понимала, с чего вдруг так на него набросилась.

Может быть, потому, что представляла себе генерала и его бригаду как кавалерию, которая прискачет и мгновенно выиграет бой, решит исход сражения. Ей подсознательно хотелось, чтобы с прибытием Копперфильда все вопросы сами собой мгновенно разъяснились, все проблемы автоматически решились. Когда она поняла, что ничего подобного не произойдет, когда на нее даже наставили автомат, все мечты исчезли в одно мгновение. И она совершенно иррациональным образом сочла генерала виновным в этом.

На нее это было совсем не похоже. Значит, за прошедшую ночь нервы у нее сдали гораздо сильнее, чем она сама думала.

Брайс начал представлять своих людей генералу, но Копперфильд прервал его:

— Извините, шериф, я не хочу показаться невежливым, но у нас нет времени на представления. Это все потом. А сейчас надо начинать *делать дело*. Я хочу осмотреть все то, о чем вы рассказали мне вчера по телефону, и сразу после этого начинать проводить вскрытия.

«Он не хочет взаимного представления, потому что нет смысла тратить время на знакомство с людьми, которые, возможно, обречены и скоро умрут,— подумала Дженни.— Если в

ближайшие несколько часов у нас разовьются симптомы какой-нибудь болезни, если эта болезнь поражает мозг и если мы сойдем с ума и попытаемся напасть на его лаборатории, ему будет легче перестрелять нас, не успев с нами познакомиться и узнать нас поближе».

— *Прекрати это!* — сердито приказала она самой себе.

Она посмотрела на Лизу и подумала: «Господи, сестренка, если я в таком раздрызге, то в каком же состоянии должна быть *ты?!* А тем не менее ты держишься молодцом, не хуже всех остальных. Отличная ты у меня сестренка, честное слово!»

— Прежде чем мы вам все покажем,— сказал Брайс, обращаясь к Копперфильду,— должен рассказать вам кое о чем, что мы видели прошедшей ночью и что...

— Нет-нет,— нетерпеливо перебил его Копперфильд.— Я хочу пройти последовательно по всем стадиям, шаг за шагом. Начнем с того, что вы увидели, когда приехали в город. Потом у нас будет масса времени и вы сможете рассказать мне, что случилось прошлой ночью. Давайте начнем.

— Но, видите ли, вполне вероятно, что население городка было уничтожено вовсе не болезнью,— запротестовал Брайс.

— Мои люди прибыли для того, чтобы удостовериться, не было ли тут факта бактериологического нападения,— сказал генерал.— Это мы и будем выяснять в самую первую очередь. *Потом* мы сможем рассмотреть и другие версии. СПД, шериф.

Брайс отправил почти всех своих людей назад в гостиницу, оставив с собой только Тала и Фрэнка.

Дженни взяла Лизу за руку, и они вдвоем тоже направились к гостинице.

— Доктор! — окликнул ее Копперфильд.— Погодите минутку. Я бы хотел, чтобы вы нас сопровождали. Вы оказались тут самым первым врачом. И если состояние трупов за ночь изменилось, вы это обнаружите быстрее всех.

Дженни посмотрела на Лизу.

— Пойдешь с нами?

— Опять в ту булочную? Нет уж, спасибо.— Девочку даже передернуло.

Вспомнив о нежном, похожем на детский, голосочке, который исходил из раковины мойки, Дженни сказала:

— Не заходи на кухню. И если тебе понадобится в туалет, попроси, чтобы кто-нибудь тебя сопровождал.

— Дженни, но они же все парни!

— Мне на это наплевать. Попроси Горди. Он постоит около кабинки, повернувшись к тебе спиной.

— Ой, мне будет так неудобно.

— Хочешь опять оказаться одна в таком же положении?

Вся кровь отлила у девочки от лица, она стала белее снега.

— Нет, ни за что!

— Вот и хорошо. И будь все время рядом с другими. В полном смысле слова *рядом*. Не в одной и той же комнате, но в одном и том же углу или месте. Обещаешь мне?

— Обещаю.

Дженни подумала о двух утренних телефонных звонках от Уорга, о его страшных угрозах. Конечно, это были угрозы мертвеца, и в этом смысле им можно было не придавать значения. Но все же Дженни была не на шутку напугана.

— Ты тоже будь осторожна,— сказала Лиза.

Дженни поцеловала сестру в щеку.

— Ну а теперь беги, догоняй Горди, пока он не повернул за угол.

Лиза помчалась, крича вслед полицейскому:

— Горди! Подожди!

Глядя вслед убегающей по вымощенному камнями тротуару Лизе, Дженни почувствовала, как у нее защемило сердце.

Она вдруг подумала: «А что, если, когда я вернусь, ее уже не будет? Что, если я никогда больше не увижу ее живой?»

Глава 24
ЛЕДЕНЯЩИЙ УЖАС

Булочная Либерманов.

Брайс, Тал, Фрэнк и Дженни вошли на кухню. Прямо за ними следом шли генерал Копперфильд и девять ученых из его группы, а сзади замыкали шествие четыре солдата с автоматами в руках.

На кухне получилось столпотворение, и от этого Брайс чувствовал себя тут очень неуютно. Что, если сейчас, когда они сгрудились тут целой кучей, на них нападут? Что, если им придется поспешно отступать отсюда?

Две отрезанные головы лежали на том же самом месте, где они оставили их накануне вечером: в печах, уставившись сквозь стекло вытаращенными глазами. На рабочем столе отрезанные руки по-прежнему сжимали скалку.

Один из членов бригады генерала, Найвен, сделал с разных точек несколько снимков общего вида кухни, потом еще раз десять сфотографировал вблизи головы и руки.

Все остальные переходили в это время от одной стенки к другой, стараясь не попадать в объектив аппарата. Вначале все должно было быть сфотографировано, только потом можно было приступать к расследованию. Что ж, полиция, прибывая на место преступления, обычно тоже следует этому правилу.

Когда одетые в свои космические скафандры ученые переходили с места на место, их прорезиненные костюмы издавали визжащий звук, а тяжелые ботинки громко стучали по выложенному кафелем полу.

— Вы все еще полагаете, что это похоже на обычное бактериологическое заражение? — спросил Брайс генерала.

— Не исключено.

— В самом деле?

— Фил, вы тут у нас специалист по нервно-паралитическим газам,— проговорил генерал.— Вам не приходит в голову то же самое, что и мне?

— Пока еще рано что-нибудь утверждать категорически,— на вопрос генерала ответил человек, на шлеме которого было написано: «ХОУК».— Но мне кажется, что мы имеем тут дело с нейролептическим отравлением. А кое-какие детали — и прежде всего проявленное тут крайнее психопатическое насилие — заставляют меня думать, не сталкиваемся ли мы тут с применением Т-139.

— В высшей степени вероятно,— согласился Копперфильд.— Я сразу об этом подумал, как только мы вошли сюда.

Найвен продолжал фотографировать, и Брайс спросил:

— А что такое этот Т-139?

— Один из основных нервно-паралитических газов в арсенале у русских,— ответил генерал.— Полное его обозначение «Тимошенко-139». Назван так по имени Ильи Тимошенко, ученого, который изобрел этот газ.

— Хороший памятник, ничего не скажешь,— с сарказмом произнес Тал.

— Большинство нервно-паралитических газов вызывают наступление смерти в течение интервала от тридцати секунд до пяти минут после контакта газа с кожным покровом,— сказал Хоук.— Но Т-139 не столь милосерден.

— Милосерден?! — пораженно воскликнул Фрэнк Отри.

— Т-139 не просто убивает,— объяснил Хоук.— Обычная смерть от отравляющего газа действительно может показаться актом милосердия по сравнению с тем, что делает этот газ. Т-139 принадлежит к числу отравляющих веществ, которые военные называют деморализующими.

— Он проходит через кожу и попадает в кровь меньше чем за десять секунд,— добавил генерал Копперфильд,— потом доходит вместе с кровью до мозга и мгновенно вызывает в его клетках необратимые изменения и нарушения.

— На протяжении первых четырех—шести часов после поражения,— продолжал Хоук,— жертва полностью сохраняет и физические силы, и способность действовать. В этот период страдает только ее мозг.

— Возникает параноидальное умопомешательство,— сказал Копперфильд.— Теряется способность логически мыслить, появляются чувства страха, ярости, утрачивается эмоциональный самоконтроль, возникает сильнейшая мания преследования, ощущение, будто абсолютно все замышляют против вас нечто очень скверное. И все это происходит на фоне развивающейся тяги к насилию. Короче говоря, шериф, газ Т-139 на период от четырех до шести часов превращает людей в роботов-убийц. Они начинают нападать друг на друга и на тех, кто находился вне зоны поражения и не подвергся воздействию газа. Можете себе представить, какое деморализующее влияние все это окажет на противника.

— Да уж, действительно,— проговорил Брайс.— А доктор Пэйдж вчера вечером первым делом предположила что-то подобное: что какие-нибудь мутанты-бактерии могли вызвать гибель одних людей, а других превратить в свихнувшихся бешеных убийц.

— Т-139 не болезнь,— немедленно уточнил Хоук.— Это нервно-паралитический газ. И, честно говоря, лично я предпочел бы, чтобы причиной всего здесь случившегося и в самом деле оказалось газовое нападение. Потому что, после того как газ

рассеялся, никакой угрозы больше нет. Распространение бактериологического заражения предотвратить гораздо труднее.

— Если это действительно был газ,— сказал Копперфильд,— то он уже давным-давно рассеялся, но следы его должны были остаться буквально на всем в виде мельчайших капелек конденсата. Это мы выясним очень быстро.

Они прижались к стене, чтобы пропустить Найвена с его фотоаппартом.

— Доктор Хоук,— спросила Дженни,— вы сказали, что первая стадия поражения газом Т-139 продолжается от четырех до шести часов. А что потом?

— Ну,— ответил Хоук,— вторая стадия летальна. Она длится от шести до двенадцати часов. Она начинается с распада эфферентных нервов и заканчивается параличом двигательных и дыхательных центров мозга.

— О господи! — проговорила Дженни.

— И что все это значит в переводе на обычный язык? — спросил Фрэнк.

— Это значит,— ответила Дженни,— что на второй стадии поражения, где-то в течение шести—двенадцати часов, Т-139 постепенно уменьшает регулятивные способности мозга: те, которые управляют телом, устанавливают частоты дыхания, биения сердца, наполнение кровеносных сосудов, определяют работу различных органов... У пострадавшего начинает неровно биться сердце, ему становится очень трудно дышать, и постепенно у него перестают работать все железы и органы. Может быть, сейчас вам кажется, что двенадцать часов — это не так уж и долго, но, уверяю вас, пострадавшему они покажутся целой вечностью. Начнутся рвота, понос, недержание, всякие прочие выделения, сильные и почти непрерывные судороги... И если при этом будут поражены только эфферентные нервы, а остальная часть нервной системы останется незатронутой, то все это будет сопровождаться невыносимыми, ни на минуту не прекращающимися болями.

— То есть от шести до двенадцати часов сплошного ада,— подтвердил Копперфильд.

— Пока не остановится сердце,— сказал Хоук,— или же пока не перестанут работать легкие и человек просто не задохнется.

Некоторое время все молчали, только Найвен продолжал щелкать фотоаппаратом.

— Но все-таки мне кажется, в том, что здесь произошло, нервно-паралитический газ не виновен,— сказала наконец Дженни.— И даже такой, как Т-139: все это никак не объясняет ситуацию с отрезанными головами. Прежде всего, ни у одной из обнаруженных нами жертв не было никаких признаков рвоты или недержания.

— Ну,— возразил Копперфильд,— возможно, мы имеем дело с каким-нибудь производным от Т-139, которое не вызывает таких симптомов. Или с каким-то иным газом.

— Никакой газ не объясняет мотылька,— заметил Тал Уитмен.

— А также и того, что произошло со Стю Уоргом,— добавил Фрэнк.

— Мотылька? — переспросил Копперфильд.

— Вы не хотели слушать об этом прежде, чем увидите все собственными глазами,— напомнил генералу Брайс.— Но сейчас, мне кажется, настало время...

— Я закончил,— произнес Найвен.

— Отлично,— сказал Копперфильд.— Шериф, доктор Пэйдж и все остальные, пожалуйста. Мы будем очень признательны, если теперь вы все помолчите до тех пор, пока мы не закончим здесь всю работу.

Члены бригады генерала немедленно принялись за дело. Ямагути и Беттенби перенесли отрезанные головы в специальные контейнеры для проб, облицованные изнутри фарфором и снабженные герметически закрывающимися крышками. Вальдез осторожно высвободил скалку из державших ее рук, а сами руки положил в третий такой же контейнер. Хоук наскреб в небольшой пластиковый сосуд немного муки с рабочего стола: сухая мука должна была впитать в себя и сохранить вплоть до настоящего времени какое-то количество нервно-паралитического газа — если, конечно, его применение и вправду имело здесь место. Хоук взял также пробу теста, заготовленного на утро и лежавшего сейчас под скалкой. Голдстейн и Робертс внимательно осмотрели печи, в которых лежали раньше головы, а потом Голдстейн при помощи маленького, работающего на батарейках пылесоса взял пробу пыли и золы из первой

печи. Когда эта операция была завершена, Робертс снял с пылесоса мешочек со всем, что в него попало, тщательно заклеил и надписал его, а Голдстейн тем временем проделал то же самое на второй печи.

Все специалисты из команды генерала были чем-то заняты, за исключением только тех двоих, на шлемах которых не были обозначены их имена. Эти двое просто стояли в стороне и наблюдали.

Брайс, в свою очередь, наблюдал за ними, гадая, кто это может быть и какие задачи они тут выполняют.

Все, кто был занят каким-нибудь делом, говорили вслух о том, что они делают и что при этом им удалось увидеть или установить, но они пользовались каким-то специальным жаргоном, которого Брайс не понимал. Говорили они, однако, строго поочередно, ни разу не получилось так, чтобы два человека заговорили вдруг одновременно. Это обстоятельство, а также тот факт, что Копперфильд попросил всех остальных помолчать, наводили на мысль, что все их разговоры записываются.

Среди различных приборов и приспособлений, закрепленных на поясе Копперфильда, оказался и магнитофон, соединенный проводом с вмонтированной в костюм системой связи. Брайс разглядел, что катушки магнитофона крутятся.

Когда эксперты закончили все свои дела на кухне булочной, Копперфильд проговорил:

— Здесь все, шериф. Куда теперь?

— А это вы выключать не будете, пока мы туда не доберемся? — спросил Брайс, кивком головы показывая на магнитофон.

— Нет. Мы начали вести запись с того момента, как проехали шлагбаум, и будем вести ее непрерывно до тех пор, пока не установим точно, что же произошло в этом городке. Так что если что-то случится, если все мы погибнем прежде, чем успеем отыскать объяснение, то следующая бригада будет знать каждый наш шаг. Им не придется начинать все снова на пустом месте, и, может быть, в их распоряжении окажется даже подробнейшая запись той фатальной ошибки, которую мы совершим и которая приведет к *нашей* гибели.

Следующей их остановкой был магазин, торгующий произведениями прикладного искусства, с примыкающей к нему небольшой выставочной галереей — тот самый, куда накануне

вечером заходил Фрэнк Отри с тремя полицейскими. Теперь он снова провел всю группу по выставочному залу, через небольшое конторское помещение в задней части магазина и вверх по лестнице, в квартиру на втором этаже.

Фрэнку казалось, что во всей этой сцене было нечто комическое: по узенькой лестнице неуклюже карабкаются вверх космонавты, лица их, скрытые за плексигласовыми щитками шлемов, по-театральному озабочены, шум тяжелого дыхания, усиленный замкнутым внутренним пространством скафандров, а потом еще и системой связи, воспроизводится укрепленными снаружи динамиками, рождая какие-то неестественно громкие и зловещие звуки. Все это было похоже на кадры из научно-фантастических фильмов, какие снимали в пятидесятые годы — «Нападение инопланетян» или что-нибудь в таком роде,— и Фрэнк не мог сдержать улыбку.

Но легкая его улыбка сразу исчезла, едва только он вошел на кухню и снова увидел труп погибшего мужчины. Тело лежало там же, где они обнаружили его накануне, у самого холодильника, одетое только в голубые брюки от пижамы. Оно было все так же покрыто синяками и кровоподтеками, и по-прежнему смотрели куда-то вверх широко раскрытые, застывшие от ужаса и ничего уже не видящие глаза.

Фрэнк отошел в сторону, освобождая проход Копперфильду и его людям, и присоединился к Брайсу, вставшему около кухонного стола, на котором находился тостер.

Копперфильд снова попросил всех, кто не участвовал в осмотре места и трупа, помолчать, а эксперты из его команды живо принялись за дело. Осторожно ступая между разбросанными по полу остатками так и не приготовленного сандвича, они сгрудились возле трупа.

Через несколько минут предварительный осмотр тела был закончен.

— Мы возьмем его на вскрытие,— сказал Копперфильд, поворачиваясь к Брайсу.

— Вы все еще полагаете, что мы сталкиваемся тут с каким-то обычным бактериологическим заражением? — повторил Брайс вопрос, который он задавал и в булочной.

— Да, это вполне вероятно,— ответил генерал.

— А все эти синяки и кровоподтеки? — спросил Тал.

— Это может быть аллергическая реакция на нервно-паралитический газ,— сказал Хоук.

— Поднимите пижаму на ноге,— проговорила Дженни.— Эти симптомы есть даже на той части тела, которая не соприкасалась с газом.

— Да, верно,— подтвердил Копперфильд.— Мы уже видели.

— Почему же они там образовались?

— Подобные газы обладают обычно сильной проникающей способностью,— сказал Хоук.— Они проходят через большинство тканей. Пожалуй, единственное, что способно защитить от них,— это виниловые или прорезиненные ткани и костюмы.

«Как раз такие, что надеты на вас и каких у нас нет»,— подумал про себя Фрэнк.

— Здесь в доме есть еще одно тело,— сказал Брайс генералу.— Хотите взглянуть и на него тоже?

— Безусловно.

— Тогда сюда, сэр,— показал Фрэнк.

Он первым вышел из кухни и повел всех через холл, держа револьвер на изготовку.

Фрэнку было страшно заходить в спальню, где на смятых простынях лежала обнаженная мертвая женщина. Он помнил, как прохаживался в ее адрес Стю Уорт, и у него было ужасное предчувствие, что и сам Стю окажется сейчас здесь, вместе с этой блондинкой, и два мертвых тела будут сжимать друг друга в объятиях холодной бесконечной страсти.

Но в спальне оказалась одна только женщина. Она лежала, как и прежде, распростершись на постели, широко раскинув ноги, рот у нее был открыт в предсмертном вопле, теперь уже вечном.

Когда Копперфильд и его люди закончили предварительный осмотр трупа и уже собрались уходить, Фрэнк обратил их внимание на пистолет двадцать второго калибра, который женщина полностью разрядила явно в того, кто ее убил.

— Как вы думаете, генерал, разве она стала бы стрелять по клубам газа?

— Конечно нет,— ответил Копперфильд.— Но возможно, что, когда она стреляла, она уже находилась под воздействием газа, ее мозг был уже поражен. Быть может, она стреляла во

что-то, что ей померещилось. В свои собственные галлюцинации, в фантомов.

— Да, сэр, не иначе как это были именно фантомы,— сказал Фрэнк.— Дело в том, что она выпустила все десять патронов, которые были в обойме; но мы обнаружили только две пули. Одна попала вон туда, в комод, а другая в стену — видите вон ту дырку? А это означает, что все остальные пули попали в то, во что она стреляла.

— Я знала этих людей,— сказала, выходя вперед, доктор Пэйдж.— Их звали Гэри и Сэнди Веклас. Она была тут заметной женщиной. Занималась стрельбой. В прошлом году на местном фестивале выиграла несколько призов.

— Значит, она могла попасть в цель восемь раз из десяти,— перебил ее Фрэнк.— Но даже восемь попаданий не остановили того, кого она пыталась остановить. Больше того, у него от восьми попаданий не пролилось ни капли крови. Конечно, у фантомов нет крови. Но, сэр, разве фантом смог бы уйти отсюда *и унести с собой эти восемь пуль?*

Копперфильд молча, нахмурившись, смотрел на Фрэнка.

Остальные специалисты тоже нахмурились.

Солдаты не только нахмурились, но и с тревогой оглядывались вокруг.

Фрэнк видел, что состояние обоих трупов и особенно выражение ужаса, застывшее на лице женщины, произвели впечатление на генерала и его людей. В их глазах теперь явственно прочитывался страх. Они столкнулись с чем-то таким, что выходило за пределы их понимания,— хотя и не желали пока признать это. Они по-прежнему цеплялись за привычные для себя объяснения — и нервно-паралитический газ, и вирус, и яд,— но у них стали уже появляться сомнения.

Люди Копперфильда привезли с собой застегивающиеся на «молнии» пластиковые мешки для трупов. На кухне они уложили тело в пижамных брюках в такой мешок, вынесли из дома и оставили на тротуаре, рассчитывая прихватить его на обратном пути, когда все будут возвращаться назад в передвижные лаборатории.

Брайс повел их к продовольственному магазину Гилмартина. Там, в задней части супермаркета, возле охлаждаемых

прилавков для молока, где это все и произошло, он рассказал им о том, как исчез Джейк Джонсон:

— Никаких криков. Вообще ни звука. Всего лишь несколько секунд темноты. *Несколько секунд!* А когда снова зажегся свет, Джейка не было.

— А вы проверяли...— спросил Копперфильд.

— Везде и всюду.

— Может быть, он просто удрал,— высказал предположение Робертс.

— Да,— поддержала его доктор Ямагути.— Взял да и дезертировал. С учетом того, что он насмотрелся...

— О боже,— перебил его Голдстейн,— а что, если он выбрался из Сноуфилда? Возможно, он уже пересек линию карантина и сейчас разносит заразу...

— Нет, нет, нет, Джейк не стал бы дезертировать,— возразил Брайс.— Не скажу, что он был самым инициативным и решительным из моих людей, но подобной штуки он бы не выкинул. Он не был безответственным человеком.

— Совершенно верно,— подтвердил Тал.— К тому же отец Джейка был когда-то шерифом этого округа, так что тут еще и вопрос семейной чести.

— И Джейк был очень осторожным,— сказал Фрэнк.— Он никогда не совершал импульсивных поступков.

Брайс согласно кивнул.

— А кроме того, если бы он уж настолько перетрусил, что решился удрать, он бы взял одну из наших машин. Уходить из города *пешком* он бы уж точно не стал.

— Послушайте,— возразил Копперфильд,— он же понимал, что у шлагбаума его остановят, поэтому он должен был вообще держаться подальше от шоссе. Он мог пойти напрямик, через лес.

— Нет, генерал,— отрицательно покачала головой Дженни.— Места здесь в полном смысле слова *дикие*. Джонсон должен был знать, что он там заплутает и погибнет.

— И еще,— добавил Брайс,— разве перепуганный человек бросится очертя голову ночью в незнакомый лес? Не думаю, генерал. Но зато я *уверен*, что вам пора уже выслушать, что же произошло еще с одним из моих людей.

Облокотившись на прилавок, набитый сырами и банками консервированного мяса, Брайс рассказал им о ночном визите

мотылька, о нападении этого мотылька на Уоргла и о том, в каком состоянии был после нападения труп. Рассказал он и о том, как Лиза встретилась с внезапно воскресшим Уорглом, и о последующем их открытии, что тело Уоргла пропало.

Копперфильд и члены его команды выразили вначале удивление, потом замешательство, затем страх. Но по мере того как Брайс продолжал свой рассказ, они смолкли и подозрительно уставились на него, а потом стали понимающе переглядываться между собой.

Брайс закончил рассказом о детском голосе, который пел из канализационной трубы на кухне буквально за несколько минут до их приезда. Окончив, он в третий раз повторил свой вопрос:

— Ну что, генерал, вы по-прежнему считаете, что мы имеем тут дело с обычным бактериологическим заражением?

Копперфильд помолчал немного, оглядел разгромленный магазин, потом посмотрел прямо в глаза Брайсу и сказал:

— Шериф, я хочу, чтобы доктор Робертс и доктор Голдстейн самым тщательным образом осмотрели вас, а также всех тех, кто видел этого... э-э-э... мотылька.

— Вы мне не верите.

— Нет, я верю, что вы действительно совершенно искренне *считаете*, будто и вправду все это видели.

— Вот черт,— выругался Тал.

— Надеюсь, вы понимаете,— продолжал Копперфильд,— что мы можем сделать из вашего рассказа только один вывод: вы все подверглись какому-то воздействию и страдаете галлюцинациями.

Брайс устал уже от их недоверия и был в отчаянии от их интеллектуальной ограниченности. Как ученые, они должны были бы с готовностью воспринимать новые идеи и самые невероятные предположения. А вместо этого они, кажется, преисполнены решимости *подогнать* любые факты под собственные априорные объяснения того, что им еще только предстоит увидеть и узнать в Сноуфилде.

— И у всех у нас *одна и та же* галлюцинация. Вам это не кажется странным? — спросил Брайс.

— Случаи массовых галлюцинаций известны,— заявил Копперфильд.

— Генерал, в том, что мы видели, не было ничего от галлюцинаций,— возразила Дженни.— Напротив, были все признаки отвратительнейшей реальности.

— Доктор Пэйдж, при других обстоятельствах я бы самым внимательным образом отнесся к любым вашим соображениям. Но поскольку вы тоже утверждаете, будто *видели* этого мотылька, то в данном случае я просто не могу принять ваше свидетельство за объективное суждение медика.

Бросив на Копперфильда сердитый взгляд, Фрэнк Отри спросил:

— Но, сэр, если это всего лишь галлюцинация, то где же в таком случае Стю Уоргл?

— Может быть, они *оба* удрали: и он, и этот Джейк Джонсон,— сказал Робертс.— А у вас их исчезновение совпало с галлюцинациями и как-то встроилось в них.

По собственному немалому опыту Брайс знал: спор проигрываешь в тот самый момент, когда позволяешь эмоциям взять над собой верх. Поэтому он заставил себя остаться стоять в прежней непринужденной позе, облокотившись на прилавок. Негромким голосом, слегка растягивая слова, он произнес:

— Генерал, если послушать вас и ваших людей, то может сложиться впечатление, будто полиция Санта-Миры состоит исключительно из трусов, идиотов и симулянтов.

Копперфильд протестующе замахал своими затянутыми в резину руками.

— Нет, нет, нет. Ничего подобного мы не говорили. Пожалуйста, шериф, постарайтесь понять. Мы с вами всего лишь откровенны. Мы пытаемся вам втолковать, как выглядит положение с нашей точки зрения — и как оно выглядит с точки зрения *любого*, кто обладает профессиональными познаниями в области химического и бактериологического оружия. У тех, кто подвергся нападению с применением такого оружия, обязательно должны возникать галлюцинации. Это один из признаков, которые мы и *должны* установить. Если вы можете предложить нам какое-то логичное объяснение того, что это за мотылек и откуда он взялся... что ж, тогда мы, может быть, и сами в него поверим. Но у вас такого объяснения нет. И тогда единственным осмысленным объяснением остается наше предположение, что это была галлюцинация.

Брайс заметил, что четыре солдата смотрят на него сейчас, когда его стали считать пораженным нервно-паралитическим газом, совершенно иначе, чем они смотрели на него раньше. В конце концов, человек, страдающий страшными галлюцинациями,— это человек явно психически неустойчивый, опасный, возможно даже, вполне способный напасть на кого-нибудь, отрезать голову и сунуть ее в печь. Солдаты приподняли стволы автоматов, хотя и не стали направлять их прямо на Брайса. Теперь они относились к нему — а также и к Дженни, Талу и Фрэнку — с явным подозрением.

Прежде чем Брайс успел ответить Копперфильду, его внимание отвлек громкий шум, раздавшийся вдруг в задней части магазина, где-то позади столов для разделки мяса. Он отошел от прилавка, повернулся в ту сторону, откуда донесся шум, и положил правую руку на кобуру.

Краем глаза Брайс увидел, что солдаты среагировали на это движение, а не на шум. Стоило ему только положить руку на кобуру с револьвером, как они подняли стволы автоматов выше.

Звук, привлекший внимание Брайса, был похож на стук молотка. И еще как будто бы слышался чей-то голос. Все эти звуки исходили из холодильной камеры для мяса, которая находилась по другую сторону разделочной зоны, не более чем в пятнадцати футах от них, практически прямо напротив того места, где стояли сейчас шериф и все остальные. Толстая изолирующая дверь камеры заглушала удары, которые кто-то непрерывно обрушивал на нее с внутренней стороны, и все-таки они были достаточно громкими. Голос был тоже приглушен, слова доносились неразборчиво, но Брайсу показалось, что кто-то зовет на помощь.

— Там кто-то заперт,— сказал Копперфильд.

— Не может этого быть,— ответил Брайс.

— Там невозможно никого запереть, потому что дверь отпирается с обеих сторон,— пояснил Фрэнк.

Крики и удары немедленно прекратились.

Раздался какой-то лязг.

Стук металла по металлу.

Рукоятка на большой, начищенной до зеркального блеска стальной двери повернулась вверх, потом вниз, снова вверх, вниз, вверх...

Щелкнул замок. Дверь приоткрылась. Но не больше чем на пару дюймов. И остановилась в таком положении.

Холодный воздух из камеры вырвался наружу, смешиваясь с теплым воздухом магазина, и по торцу двери побежали узкие черточки мгновенно осаждающегося инея.

Хотя внутри морозильной камеры горел свет, рассмотреть что-нибудь через щель едва приоткрывшейся двери было невозможно. Но Брайс в общем-то представлял себе, как выглядит внутри холодильная камера. Когда накануне вечером они повсюду искали Джейка Джонсона, Брайс сам заходил в эту камеру и осматривал ее. Это было небольшое закрытое помещение, без окон, размером примерно двенадцать на пятнадцать футов. В камере была еще одна дверь, выходившая прямо на улицу, чтобы удобно было разгружать мясо из машины. Эта дверь запиралась на два замка с задвижками. Пол камеры был бетонный, крашеный, стены тоже бетонные. Лампы дневного света под потолком. Вентиляторы, закрепленные на трех стенах, гоняли холодный воздух вокруг мясных туш и окороков, которые свисали с крючьев, приделанных к поперечным балкам под потолком.

Брайс слышал только усиленное динамиками дыхание экспертов и солдат, одетых в защитные скафандры, но даже оно звучало несколько приглушенно: по-видимому, некоторые из них старались дышать как можно тише.

Потом из холодильной камеры послышался стон, как будто от боли, и чей-то слабый, жалобный голос позвал на помощь. Голос, отраженный от холодных бетонных стен, вылетал через едва приоткрытую дверь вместе с клубами холодного воздуха. Он был искажен внутренним эхом и дрожал, но все-таки его можно было узнать.

— Брайс?.. Тал?.. Кто там? Фрэнк? Горди?.. Есть там кто? Может... мне кто-нибудь... помочь?

Это был голос Джейка Джонсона.

Брайс, Дженни, Тал и Фрэнк стояли не шевелясь и вслушивались.

— Кто бы там ни был, ему явно нужна срочная помощь,— сказал Копперфильд.

— Брайс... пожалуйста... кто-нибудь...

— Вы его знаете? — спросил Копперфильд.— Он ведь зовет вас по имени, правда, шериф?

Не дожидаясь ответа, генерал приказал двоим из своих солдат — сержанту Харкеру и рядовому Паскалли — осмотреть холодильную камеру.

— Погодите! — остановил их Брайс.— Никому туда не заходить! И будем стоять здесь, чтобы, до тех пор пока мы не узнаем побольше, между нами и камерой были эти прилавки.

— Шериф, я готов сотрудничать с вами как только возможно, но своими людьми я командую сам!

— Брайс... это я... Джейк... Ради бога, помоги... Я сломал ногу, черт бы ее побрал...

— Джейк? — переспросил Копперфильд, бросая косой, преисполненный любопытства и подозрительности взгляд на Брайса.— Это тот самый человек, которого, как вы говорили, вы потеряли тут вчера ночью?

— Помогите... кто-нибудь... Господи, я з-замерзаю... з-замерзаю...

— По голосу похоже на него,— согласился Брайс.

— Ну, вот вам и объяснение! — уверенно заявил Копперфильд.— В итоге выясняется, что ничего таинственного и нет. Он все это время был здесь.

Брайс со злостью посмотрел на генерала.

— Говорю вам, мы вчера обыскали здесь все. Даже эту проклятую холодильную камеру. Его там не было!

— Ну, сейчас-то он там!

— Эй, кто-нибудь! Я з-замерзаю... Н-не м-могу пошевелить... этой чертовой ногой!

Дженни тронула Брайса за локоть.

— Здесь что-то не так. Что-то не так.

— Шериф, мы не можем стоять здесь и ждать неизвестно чего, когда раненый страдает,— сказал генерал.

— Если бы Джейк действительно пролежал там всю ночь,— проговорил Фрэнк Отри,— он бы уже давно замерз.

— Если это обычный холодильник для мяса,— возразил генерал,— то замерзнуть в нем невозможно. В нем просто холодно. Человек в достаточно теплой одежде вполне может пролежать там и столько, и даже дольше.

— Прежде всего, каким образом он туда попал? — спросил Фрэнк.— И что, черт возьми, он там все это время *делал*?

— И вчера вечером его там действительно не было,— раздраженно добавил Тал.

Джейк Джонсон снова позвал на помощь.

— Там какая-то опасность,— сказал Брайс Копперфильду.— Я ее чую. И мои люди ее чувствуют. И доктор Пэйдж тоже.

— А я нет,— ответил Копперфильд.

— Генерал, вы еще слишком недолго пробыли в Сноуфилде, чтобы понять, что здесь надо ожидать чего-то в высшей степени неожиданного.

— Вроде мотыльков размером с орла?

Подавив готовый вырваться наружу гнев, Брайс повторил:

— Вы еще слишком недавно в Сноуфилде, чтобы понять, что... н-ну... ничто не является здесь тем, чем оно кажется.

— Не надо впадать в мистику, шериф,— Копперфильд смерил Брайса скептическим взглядом.

Из холодильной камеры донесся плач Джейка Джонсона. Слушать его мольбы о помощи было невыносимо. Он говорил так, словно это был измученный болью, смертельно перепуганный старик. Ничего мало-мальски угрожающего в его голосе не чувствовалось.

— Надо ему *немедленно* помочь,— проговорил Копперфильд.

— Я своими людьми рисковать не буду,— ответил Брайс.— Пока не буду.

Копперфильд снова приказал сержанту Харкеру и рядовому Паскалли проверить холодильную камеру. Судя по тому, как он держался, генерал явно не верил, что внутри камеры может быть что-то, представляющее собой опасность для двух вооруженных автоматами людей, но он все же велел им действовать с максимальной осторожностью. Генерал все еще полагал, что их враг здесь — что-то очень маленькое, вроде бактерии или молекулы нервно-паралитического газа.

Два солдата быстро прошли мимо прилавков ко входу в разделочную зону.

— Если Джейк сумел отпереть дверь, почему он не откроет ее *до конца*, так, чтобы мы его видели? — спросил Фрэнк.

— Может быть, последних сил ему хватило только на то, чтобы ее отпереть,— сказал генерал.— Господи, неужели же вы по голосу не слышите, что он вконец обессилен?!

Харкер и Паскалли миновали прилавки и вошли в разделочную зону.

Брайс стиснул рукоятку револьвера, не вынимая его пока из кобуры.

— Черт побери, что-то здесь совершенно не так,— проговорил Тал Уитмен.— Если это действительно Джейк и если ему и вправду нужна помощь, то почему же он ждал *до сих пор*, чтобы открыть дверь?

— Вот спросим его и узнаем,— сказал генерал.

— Нет, я хочу сказать, там же, в камере, есть выход прямо на улицу,— продолжал Тал.— Он мог бы открыть ту дверь намного раньше и просто покричать. В городе такая тишина, что мы бы его услышали, даже сидя в гостиной.

— Может быть, до сих пор он лежал без сознания,— предположил Копперфильд.

Харкер и Паскалли шли сейчас мимо разделочных столов и электрической пилы для разрезания туш.

Джейк Джонсон позвал снова: *«Придет ко мне... кто-нибудь? Идет... кто-нибудь... сюда?»*

Дженни хотела что-то сказать, но Брайс остановил ее:

— Не надо. Помолчите.

— Доктор,— сказал Копперфильд,— не можем же мы не обращать внимания, когда человек зовет на помощь?

— Конечно нет,— согласилась Дженни.— Но не надо торопиться. Надо придумать какой-нибудь *безопасный* способ заглянуть туда внутрь.

Копперфильд перебил ее, отрицательно мотая головой:

— Нужна безотлагательная помощь. *Вслушайтесь*, доктор. Это же тяжелораненый!

Джейк снова застонал от боли.

Харкер приближался к двери холодильной камеры.

Паскалли поотстал от него на пару шагов и пошел немного сбоку, добросовестно прикрывая сержанта и подстраховывая его.

Брайс почувствовал, как у него на спине, на плечах, на шее напрягается каждый мускул.

Харкер был уже у двери.

— Не надо,— тихо проговорила Дженни.

Дверь камеры открывалась внутрь. Харкер дотянулся до нее стволом автомата, толкнул, и дверь распахнулась. Клубы холодного воздуха с шуршанием и свистом устремились наружу.

От этих звуков у Брайса мурашки побежали по телу.

Джейк не лежал распростершись за дверью. Его вообще не было видно.

Тем, кто смотрел сзади, из-за спины сержанта, видны были только свисающие с потолка мясные туши: темные, с полосками жира, поблескивавшие кровью.

Харкер остановился на пороге...

«Не делай этого!» — подумал Брайс.

...Потом решительно шагнул в дверь. Он вошел в камеру, полупригнувшись, глядя влево от себя и направляя туда же автомат, потом быстро и резко повернулся вправо, поворачивая и ствол оружия в эту же сторону.

Справа от себя Харкер что-то увидел. От неожиданности, удивления и страха он выпрямился, поспешно сделал шаг или два назад, но наткнулся спиной на свисавшую тушу. *«Черт побери!»*

Харкер сопроводил этот свой вскрик короткой очередью из автомата.

Брайс вздрогнул и поморщился: гром выстрелов прозвучал неожиданно сильно.

Что-то, что находилось в холодильной камере, с силой толкнуло изнутри дверь, и она захлопнулась.

Харкер оказался в ловушке. И вместе с ним там было *оно*.

— О боже! — крикнул Брайс.

Он вскочил на высокий, по грудь взрослому человеку, прилавок, не теряя времени на то, чтобы обогнуть его, и, пробежав прямо по упаковкам сыра, спрыгнул с другой стороны, уже в разделочной зоне.

Внутри камеры снова раздалась автоматная очередь. На этот раз гораздо более длинная. Такая длинная, что, по-видимому, сержант выпустил весь магазин.

Паскалли был уже у двери и лихорадочно пытался повернуть ручку и открыть ее.

Брайс обогнул разделочные столы.

— В чем дело?

Рядовой Паскалли выглядел совсем мальчишкой, которому еще рано быть в армии, и был смертельно перепуган.

— Надо вытащить его оттуда! — бросил Брайс.

— Не могу! Эта хреновина не поворачивается!

Стрельба в камере прекратилась.

Послышались крики.

Паскалли отчаянно пытался справиться с ручкой, но она не поддавалась.

Хотя толстая, изолирующая дверь приглушала крики Харкера, они тем не менее раздавались достаточно громко и все усиливались. Воспринимаемые радиостанцией и воспроизводимые внутри скафандра, эти предсмертные вопли, по-видимому, казались просто оглушительными, потому что рядовой Паскалли внезапно приложил руки к шлему, как будто хотел заткнуть себе уши.

Брайс отпихнул солдата в сторону и обеими руками вцепился в длинную, похожую на рычаг ручку двери. Ручка не двигалась ни вверх, ни вниз.

Вопли внутри камеры то усиливались, то немного стихали, но с каждым новым их всплеском становились все громче и ужаснее.

Что, черт побери, *оно* там делает с Харкером, спрашивал себя Брайс. Кожу с него заживо снимает, что ли?

Он оглянулся назад, в сторону прилавков. Тал последовал его примеру и прямо по прилавку изо всех сил мчался сейчас ему на помощь. Генерал с еще одним солдатом, рядовым Фодором, бежали по проходу между прилавками. Фрэнк тоже вскочил на прилавок и стоял на нем, глядя в сторону торгового зала на случай, если заваруха вокруг холодильной камеры окажется всего лишь отвлекающим маневром. Все остальные сбились тесной группой около прилавков.

— Дженни! — прокричал Брайс.

— Да?

— Здесь есть хозяйственный отдел?

— Какой-то есть.

— Мне нужна отвертка.

— Сейчас,— ответила она уже на бегу.

Харкер издал еще один вопль.

Ужасающий, леденящий. Господи, такое может померещиться только в каком-нибудь кошмаре. Или в сумасшедшем доме. Или исходить прямо из Ада.

От одного только этого вопля Брайса прошиб холодный пот.

Копперфильд подбежал к двери.

— Дайте-ка я попробую!

— Бесполезно.

— Пустите!

Брайс уступил ему место.

Генерал был крупным и мускулистым человеком — из всех тех, кто был сейчас в магазине, безусловно, самым крупным. Казалось, он способен вырвать с корнем из земли столетний дуб. Но, как он ни пыжился и ни напрягался, как ни ругался, стараясь повернуть ручку двери, он преуспел в этом не больше, чем до него Брайс.

— Чертов замок! Наверное, или сломался, или что-то погнули,— проговорил, с трудом переводя дыхание, Копперфильд.

Крики Харкера раздавались теперь непрерывно.

Брайсу вспомнилась булочная Либерманов. Та скалка на столе. И те руки. Отрезанные руки. Наверное, так, как кричит сейчас Харкер, и должен кричать человек, который видит, как ему отрезают кисти рук.

Копперфильд в гневе и отчаянии колотил в дверь кулаками.

Брайс взглянул на Тала. Такое он увидел впервые в жизни: Талберт Уитмен был откровенно перепуган.

В зал, окликая Брайса, вбежала Дженни. Она несла три отвертки, каждая из которых была закреплена на картоне с ярким рисунком и накрыта прозрачной пластмассовой крышкой.

— Посмотрите сами, какая подойдет,— сказала она.

— Ладно,— ответил Брайс, протягивая руку за инструментами,— а теперь давайте быстро отсюда. Будьте с остальными.

Не обращая внимания на его распоряжение, Дженни отдала Брайсу две отвертки, оставив третью себе.

Крики Харкера стали такими жуткими, что уже трудно было поверить, что так может кричать человек.

Брайс разорвал яркую красочную упаковку одной из тех отверток, что были у него в руках; Дженни тем временем содрала упаковку со своей.

— Я врач. Я остаюсь здесь.

— Ему уже никакой врач не нужен,— ответил Брайс, лихорадочно срывая упаковку с третьей отвертки.

— А может быть, и нужен. Если бы вы считали, что никаких шансов не осталось, вы бы не пытались вытащить его оттуда!

— Ну вас к чертям, Дженни!

Он переживал за нее, но понимал, что не сможет заставить ее уйти, раз уж она решила остаться тут.

Он взял у Дженни третью отвертку, оттер генерала Копперфильда плечом и встал у двери.

Отвинтить петли он не мог. Дверь закрывалась изнутри, поэтому подобраться к винтам петель не было возможности.

Но запорная ручка, похожая на рычаг, удерживалась большой накладной пластиной, за которой находился механизм замка. Эта пластина крепилась к наружной поверхности двери четырьмя винтами. Брайс присел перед ней на корточки, выбрал подходящую по размеру отвертку, открутил первый винт и бросил его на пол.

Крики Харкера прекратились.

Наступившая тишина была едва ли не хуже, чем прежние крики.

Сержант Харкер не издавал больше ни звука.

Брайс сдвинул с места накладную пластину, продвинул ее до конца ручки, снял и отставил в сторону. Потом склонился над запирающим механизмом, рассматривая его и тыча в разные места отверткой. Но из замка вдруг посыпались наружу сломанные детали, кусочки искореженного металла, какая-то их часть провалилась внутрь самой двери. Замок был разбит вдребезги, и *сделано это было с внутренней стороны камеры!* Брайс нашел упор, при помощи которого можно было сдвинуть с места задвижку замка, сунул туда отвертку и нажал вправо. Пружина была то ли сломана, то ли перекручена, потому что она почти не поддалась. Но все же ему удалось достаточно сместить задвижку, чтобы язычок замка вышел из гнезда в косяке. Брайс толкнул дверь от себя, что-то щелкнуло, и дверь стала медленно приоткрываться.

Все, включая и самого Брайса, отпрянули назад и в сторону.

Рядовой Паскалли направил в образовавшуюся щель автомат, Брайс и Копперфильд вытащили свои револьверы, хотя опыт сержанта Харкера неоспоримо доказывал, что оружие здесь бесполезно.

Дверь открылась полностью.

Брайс думал, что оттуда на них что-нибудь выскочит. Но ничего подобного не произошло.

Посмотрев через раскрытую дверь внутрь холодильной камеры, Брайс увидел, что другая дверь, ведущая прямо на улицу, была тоже открыта. Но когда Харкер пару минут назад вошел в камеру, то дверь совершенно определенно была заперта. Сейчас через нее было видно залитую солнцем аллею.

Копперфильд приказал Паскалли и Фодору осмотреть камеру. Они вместе быстро вошли внутрь, один повернул влево, другой вправо, и пропали из виду.

Через несколько секунд Паскалли возвратился.

— Никого нет, сэр.

Копперфильд зашел в камеру, Брайс последовал за ним.

Автомат Харкера валялся на полу.

Сержант Харкер свисал с потолка, рядом с мясной тушей. Он висел на огромном, странно изогнутом и остром двузубом крюке, вогнанном ему прямо в грудь.

Брайса начало подташнивать. Он отвернулся было от повешенного — но тут понял, что на самом-то деле это был не Харкер. На крюке, обмякнув, висели только его пустые скафандр и шлем. Прочная виниловая ткань была распорота. Плексигласовый щиток расколот и наполовину вырван из резинового крепления, в котором прежде он сидел очень прочно. Харкера просто вырвали из костюма, даже не разрезая его.

Но куда же подевался сам Харкер?

Исчез.

Еще один. Просто исчез.

Паскалли и Фодор были уже снаружи, на разгрузочной площадке, и озирались по сторонам, проверяя, нет ли чего на дороге.

— Как он кричал,— сказала Дженни, подходя сзади к Брайсу,— а ни на костюме, ни на полу нет ни капли крови.

Тал Уитмен подобрал несколько стреляных автоматных гильз, которыми был усеян весь пол. Медные гильзы тускло поблескивали у него на ладони.

— Столько гильз, а пуль не видно ни одной. Похоже, сержант попал в то, во что стрелял. Судя по гильзам, он выпустил не меньше сотни патронов. Может быть, даже две сотни. Генерал, сколько патронов в этих больших магазинах?

Копперфильд посмотрел на блестящие гильзы, но ничего не ответил.

С разгрузочной площадки в камеру вернулись Паскалли и Фодор, и Паскалли доложил:

— Снаружи никаких его следов нет, сэр. Осмотреть аллею подальше?

Не дожидаясь ответа Копперфильда, Брайс проговорил:

— Генерал, как это ни больно, но сержанта Харкера надо списать. Он мертв. И никакой надежды на то, что он может оказаться жив, нет. Так что не надейтесь. Здесь действует нечто такое, что признает только смерть. *Смерть*. Заложников тут не берут. И никаких террористов тут нет. Как нет и никакого нервно-паралитического газа. И никаких полумер тут не бывает. Мы играем по самой большой ставке. Я не знаю точно, что это такое и откуда оно тут появилось, но я твердо знаю, что это сама Смерть. Смерть в какой-то такой форме, которую мы пока даже вообразить себе не можем, и движимая целями, которые, возможно, мы вообще никогда не поймем. Тот мотылек, который убил Стю Уоргла, даже не был настоящим обличьем этой Смерти. Я это *чувствую*. Мотылек был, скорее всего, тем же самым, что и ожившее тело Уоргла, которое гонялось за Лизой в туалете: попыткой поморочить нам головы... ловким трюком.

— Фантомом,— сказал Тал, воспользовавшись словом, которое чуть раньше употребил сам Копперфильд, хотя генерал тогда вкладывал в него совсем другой смысл.

— Да, фантомом,— согласился Брайс.— Мы пока еще не видели настоящего врага. Это нечто такое, что просто любит убивать. Оно способно убивать молниеносно и тихо — так, как оно убило Джейка Джонсона. Но Харкера оно убивало медленно, заставив его мучиться и кричать. И сделало это потому, что хотело, чтобы мы послушали его вопли. Убийство Харкера выполняло ту же роль, о которой вы говорили в связи с газом Т-139,— деморализующую. И оно не просто утащило сержанта Харкера. Оно его сожрало, генерал. Именно сожрало. Так что не рискуйте больше людьми и не ищите понапрасну труп.

Копперфильд помолчал немного, потом проговорил:

— Но тот голос, который мы слышали,— это же был *ваш* человек, Джейк Джонсон?

— Нет,— ответил Брайс.— Я не думаю, чтобы это и вправду был Джейк. Голос был очень похож, но я начинаю подозревать,

что это нечто обладает потрясающими способностями звукоподражателя.

— Звукоподражателя? — переспросил Копперфильд.

Дженни посмотрела на Брайса.

— Звуки, которые мы слышали по телефону.

— Верно. Кошки, собаки, птицы, гремучие змеи, плачущие дети. Целое представление. Такое впечатление, что оно как будто хвастается: «Вот, посмотрите, что я могу, какой я умный!» Так что и голос Джейка Джонсона — просто еще один номер из его репертуара.

— Что вы хотите сказать? — спросил Копперфильд.— Что это нечто сверхъестественное?

— Нет. Оно реальное.

— Тогда что? Назовите его как-нибудь,— нажимал Копперфильд.

— Я *не могу*, черт возьми,— ответил Брайс.— Возможно, это какая-нибудь природная мутация. Или что-то, что вырвалось откуда-нибудь из лаборатории генной инженерии. Вам об этом лучше знать, генерал. Возможно, где-нибудь в армии сидит целая дивизия генетиков, которая выводит биологических роботов-убийц, искусственных чудовищ, которые должны будут убивать, терроризировать. И возможно, они лепят этих чудовищ, соединяя вместе молекулы ДНК, взятые из генов десятка разных животных. Что-то от тарантула, что-то от крокодила, что-то от кобры, от осы, может быть даже от медведя-гризли, а потом ко всему этому просто смеха ради добавить гены человеческого интеллекта. Положить ту смесь в инкубатор, дать ей развиться, подкормить. И что получится? Как оно будет выглядеть? Может быть, сама мысль о такой возможности — просто бред и, говоря об этом, я становлюсь похож на сумасшедшего, на этакого Франкенштейна с научно-техническим уклоном? Способна ли современная наука так перестраивать наследственность? Не знаю. Может быть, не стоит исключать и сверхъестественное. Я просто пытаюсь сказать, генерал, что это действительно может оказаться что угодно. Вот почему я не в состоянии никак его назвать. Дайте своему воображению полную свободу, генерал. Мы не можем исключать ничего, какие бы жуткие фантазии ни приходили нам в голову. Мы имеем

дело с неизвестным, а понятие неизвестного включает в себя и все самые страшные наши кошмары.

Копперфильд внимательно и задумчиво посмотрел на шерифа, потом на висевший на крюке костюм сержанта Харкера. Повернувшись к Паскалли и Фодору, он проговорил:

— Дорогу осматривать не нужно. Возможно, шериф и прав. Сержат Харкер погиб, ему мы уже ничем не поможем.

В четвертый раз после того, как Копперфильд появился в Сноуфилде, Брайс повторил свой вопрос:

— Вы *все еще* продолжаете думать, что это похоже на обычный случай бактериологического заражения?

— Какие-то химические или биологически активные вещества тут могут присутствовать,— сказал Копперфильд.— Как вы сами заметили, мы ничего не можем исключать. Но это не обычный случай, тут вы правы, шериф. Извините меня за предположение, что у вас были галлюцинации и...

— Извинения приняты,— сказал Брайс.

— Какие-нибудь предположения у вас есть? — спросила Дженни.

— Я хочу как можно быстрее начать вскрытия и патологоанатомические исследования,— сказал Копперфильд.— Возможно, мы и не найдем ни бактерий, ни нервно-паралитического газа, но можем наткнуться на что-то такое, что даст ключ к разгадке.

— Да, сэр, и как можно быстрее,— сказал Тал.— У меня такое предчувствие, что нам отпущено очень мало времени.

Глава 25
ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ...

Капрал Билли Веласкез, один из тех солдат, что входили во взвод охраны, сопровождавший бригаду генерала Копперфильда, протиснулся в люк и по колодцу спустился в трубу ливневой канализации. Дышал он тяжело, но не от напряжения, а от страха. Капрал был действительно смертельно перепутан.

Что произошло с сержантом Харкером?

Все, кто там был, вернулись потрясенные. Старик Копперфильд сказал, что Харкер погиб. Еще он сказал, что они не зна-

ют, что именно убило сержанта, но обязательно выяснят. Господи, какая чушь! Конечно же, они знают, что его убило. Они просто не хотят говорить, вот и все. Вечно эти генералы из всего делают тайну.

Колодец, по стенке которого шла лестница, был неглубок и вел прямо в горизонтальную магистральную трубу. Билли спустился до самого низа. Когда его обутые в сапоги ноги коснулись бетонного дна, раздался громкий и гулкий стук.

Магистральная труба ливневой канализации представляла собой невысокий тоннель, в котором невозможно было выпрямиться во весь рост. Билли пригнул плечи и обвел вокруг лучом фонаря.

Серые бетонные стены. Трубы с телефонными и электрическими кабелями. Сыро, но не очень. То здесь, то там видны пятна плесени. Вот, пожалуй, и все, что он увидел.

Билли сделал шаг в сторону, чтобы освободить место, и в колодец по лестнице стал спускаться Рон Пик, еще один солдат из взвода охраны.

Почему они хотя бы не принесли с собой тело Харкера, когда вернулись из этого проклятого супермаркета?

Билли непрерывно водил вокруг себя лучом фонаря и нервно осматривался по сторонам.

Почему эта старая железная задница Копперфильд так напирал на то, что, когда они окажутся здесь, внизу, необходимо будет проявлять максимум осмотрительности и осторожности?

— *Чего нам надо будет остерегаться, сэр?* — спросил его тогда Билли.

— *Чего угодно. Абсолютно всего,*— ответил Копперфильд.— *Я не знаю, есть там какая-нибудь опасность или нет. И даже если есть, я не могу в точности сказать, в чем она может заключаться и чего вам следует опасаться. Просто будьте чертовски осторожны! И если увидите что-нибудь движущееся — каким бы безопасным оно ни казалось, даже если это будет обычная мышь,— немедленно мотайте оттуда со всех ног!*

Ничего себе ответ, правда?

О господи!

У него от такого ответа мурашки забегали.

Билли очень жалел, что ему не удалось перебросится несколькими словами с Паскалли или Фодором. Простые ребята, не то что эти чертовы генералы. Они-то рассказали бы ему, что там на самом деле произошло с Харкером — если, конечно, тот сам успел предупредить их.

Рон Пик добрался до последней ступеньки лестницы и теперь стоял внизу, встревоженно глядя на Билли.

Веласкез еще раз обвел вокруг лучом фонаря, чтобы показать ему, что опасаться нечего.

Рон включил свой фонарь и застенчиво улыбнулся, смутившись от того, что так откровенно продемонстрировал свои страхи.

Те, кто оставался наверху, начали опускать в открытый люк электрический кабель. Он шел от двух передвижных лабораторий, что стояли на улице у тротуара, в нескольких ярдах от люка.

Рон ухватился за конец кабеля, а Билли, полусогнувшись и тяжело шаркая ногами, направился по тоннелю в восточную сторону. Сверху, с улицы, им продолжали подавать кабель.

Тоннель, в котором они сейчас находились, должен был где-то неподалеку пересекаться с другим, таким же или большего диаметра, что проходил под главной улицей, под Скайлайн-роуд. В месте их пересечения должна была находиться принадлежащая электрической компании распределительная коробка, от которой отходили кабели городской электросети. Продвигаясь вперед со всей осторожностью и осмотрительностью, как приказал генерал Копперфильд, Билли шарил лучом фонаря по стенкам тоннеля, выискивая стрелку или какой-нибудь указатель с названием компании.

Распределительный щит оказался на левой стене, в пяти или шести футах от пересечения двух тоннелей. Билли прошел чуть дальше, до того тоннеля, что проходил под Скайлайн-роуд, и заглянул в него, посветив фонарем вправо и влево, проверяя, не прячется ли там что-нибудь. Тоннель под Скайлайн-роуд был такого же диаметра, как и тот, где стоял сейчас Билли, но в отличие от него шел круто вниз, повторяя уклон улицы. Никого и ничего подозрительного не было видно.

Глядя вниз, в серый, постепенно переходящий в полную темноту сумрак тоннеля, Билли Веласкез вдруг вспомнил рас-

сказ, который он читал много лет назад в каком-то комиксе ужасов. Название этого рассказа он забыл. Но речь там шла о преступнике, который во время ограбления банка убил двух человек, а потом, удирая от полиции, свалился в люк городской дождевой канализации. Оказавшись внизу, этот преступник пошел по тоннелю под уклон, рассчитывая, что таким образом выйдет к реке, но вместо этого тоннель вывел его прямо в Ад. И сейчас, глядя на круто уходящий куда-то вниз тоннель под Скалайн-роуд, Билли подумал, что он тоже очень напоминает дорогу прямехонько в Ад.

Билли повернулся и посмотрел в другую сторону, туда, где тоннель взбирался в гору. Но и там он отнюдь не напоминал дорогу на небеса. Что вверх, что вниз от перекрестка тоннель под Скайлайн-роуд выглядел совершенно одинаково — как дорога в Ад.

Что же все-таки случилось с сержантом Харкером?

И произойдет ли то же самое рано или поздно со всеми ними?

Даже с Уильямом Луисом Веласкезом, который вплоть до сегодняшнего дня был абсолютно уверен, что будет жить вечно?

Во рту у него вдруг пересохло.

Он повернул голову и прикоснулся внезапно высохшими губами к кончику находившейся внутри шлема питательной трубки. Начал сосать, втягивая в себя сладкую, холодную, насыщенную витаминами и минеральными веществами и слегка газированную жидкость. По правде говоря, больше всего ему хотелось сейчас пива. Но пока он не сбросит с себя этот костюм, придется удовлетворяться питательным раствором. Если расходовать не больше двух унций в час, то его запаса должно хватить на двое суток.

Повернувшись к дороге в Ад спиной, Билли вернулся к распределительному щиту. Рон Пик уже открыл его и начал присоединять кабель. Хотя работать приходилось в неуклюжих защитных костюмах и в неудобном месте, где невозможно было даже распрямиться, действовали они споро и ловко.

Команда генерала привезла сюда собственный генератор, но его предполагалось задействовать только в том случае, если невозможно будет воспользоваться энергией из городской электросети.

Несколько минут спустя Веласкез и Пик уже все закончили. Через внутреннее переговорное устройство, которое было вмонтировано в скафандры, Билли связался с теми, кто оставался наверху:

— Генерал, мы подключились. Проверьте, сэр, у вас уже должно быть напряжение.

Ответ не заставил себя ждать:

— Напряжение есть. А теперь уносите оттуда ноги, быстро!

— Слушаюсь, сэр,— ответил Билли.

И тут он... что-то услышал.

Какой-то шорох, шуршание.

Тяжелое дыхание.

Внезапно Рон Пик ухватил Билли за плечо. А другой рукой показал куда-то ему за спину, в ту сторону, где проходил коллектор под Скайлайн-роуд.

Билли резко обернулся, пригнулся еще больше и направил луч своего фонаря в сторону стыка двух коллекторов, туда же, куда светил и фонарь Пика.

Вниз по коллектору под Скайлайн-роуд текла живая река. Десятки самых разных собак всех пород. Собаки белые и серые, черные и коричневые, с красноватым отливом и желторыжие, собаки всех видов и размеров. По большей части это были дворняжки, но немало попадалось и породистых: гончих, карликовых и обычных пуделей, немецких овчарок, спаниелей, пробежали два датских дога, пара эрдельтерьеров, ризеншнауцер, два угольно-черных добермана с заросшими аккуратно подстриженной коричневой шерстью мордами. И десятки кошек. Больших и маленьких, тощих и упитанных, черных, пестрых, белых, рыжих, серых, пятнистых, полосатых, с прямыми хвостами и с хвостами, загнутыми крючком кверху. Ни одна из всего этого множества собак не рычала и не лаяла. И кошки тоже не мяукали и не шипели. Единственными раздававшимися в коллекторе звуками было тяжелое дыхание животных и мягкое постукивание и поскребывание их лап и когтей по бетону. С какой-то странной целеустремленностью животные неслись вперед по тоннелю, устремив взгляд прямо перед собой и даже не скашивая глаз в боковой коллектор, туда, где стояли Билли и Пик.

— Что они тут делают? — недоуменно спросил Билли.— И как они тут оказались?

По радио до них немедленно донесся сверху, с улицы, голос Копперфильда:

— Что у вас там происходит, Веласкез?

Билли был так поражен видом этой живой реки, что не сразу ответил.

В потоке кошек и собак стали появляться и другие животные. Белки. Кролики. Серебристая лисица. Еноты. Опять белки и лисицы. Скунсы. Все они целеустремленно мчались куда-то вперед, глядя прямо перед собой, безразличные ко всему, что могло происходить по сторонам, и сосредоточенные только на одном: вперед и вперед. Вот показались опоссумы и барсуки. Полевые мыши и бурундуки, койоты. Все они неслись вперед и вниз, по дороге, ведущей в Ад, тесня друг друга, перепрыгивая через головы и прошмыгивая под ногами, но не сталкиваясь между собой, не нападая и не огрызаясь друг на друга, не останавливаясь и не задерживаясь по дороге. Этот странный, непрерывный, быстро несущийся и по-своему гармоничный поток действительно чем-то напоминал реку.

— Веласкез! Пик! Что у вас там происходит? Отвечайте!

— Животные, сэр,— ответил Билли генералу.— Собаки, кошки, еноты и масса других. Целая река.

— Сэр, они бегут вниз по коллектору под Скайлайн-роуд, в том месте, где соединяются два тоннеля,— добавил Рон Пик.

— Животные здесь, под землей,— удивленно проговорил Билли.— Странно.

— Уходите оттуда, черт побери! — приказал Копперфильд.— Немедленно уходите оттуда! Немедленно!

Билли вдруг вспомнил, о чем предупреждал их генерал перед тем, как они спустились в люк: *«Если увидите что-нибудь движущееся... даже если это будет обычная мышь, немедленно уматывайте оттуда со всех ног!»*

Поначалу это подземное шествие животных показалось ему странным и удивительным, но ничего особенно пугающего в нем не было. Однако сейчас этот необычный парад вдруг вызвал в нем суеверный страх и по-настоящему напугал его.

К тому же теперь среди животных появились змеи. Десятки змей. Быстро скользили вперед длинные полозы, на фут или даже на два поднимая вверх головы над дном коллектора. Много было гремучих змей, их зловещие головы тоже раскачивались в воздухе чуть ниже, чем головы полозов, но они устремлялись вперед так же быстро, переплетаясь по пути друг с другом в тугие узлы, а потом разделяясь, с таинственной целеустремленностью скользя куда-то в темноту, во мрак, к такой же неясной и таинственной цели.

Змеи обратили на Пика и Веласкеза не больше внимания, чем до них кошки и собаки, но одного только появления змей оказалось достаточно, чтобы мгновенно вывести Билли Веласкеза из созерцательного транса. Билли ненавидел змей. И стоило им только заскользить мимо, как он сразу развернулся лицом к лестнице и подтолкнул Пика в спину:

— Пошли! Пошли отсюда! Быстро! Бегом!

Откуда-то послышался жуткий звук. Это были одновременно и рев, и рычание, и вопль, и крик.

Сердце у Билли заколотилось с сумасшедшей скоростью.

Звук этот донесся из коллектора под Скайлайн-роуд, с той дороги, что вела прямым ходом в Ад. Оглянуться и посмотреть Билли не осмелился.

Звук этот не был ни криком человека, ни одним из тех звуков, какие обычно издают животные. Исходил он, несомненно, от какого-то живого существа. Но от существа глубоко чуждого и враждебного обычному миру: только так можно было понять те обнаженные чувства, что были вложены в этот крик, от которого кровь стыла в жилах. Звук этот не был криком боли или страха. Это был вопль несдерживаемой ярости, ненависти, свирепой кровожадности.

По счастью, этот преисполненный злобы вопль прозвучал не рядом с Билли и Пиком, а донесся до них откуда-то сверху, со стороны гор, с дальнего и верхнего конца коллектора под Скайлайн-роуд. Издавшее этот вопль чудовище — кем бы и чем бы оно ни было,— по крайней мере, было еще далеко и не нападало на них. Но оно явно приближалось, причем быстро.

Рон Пик заторопился к лестнице, следом за ним спешил Билли. Оба они бежали, но бежали неловко, неуклюже: им мешали громоздкие защитные костюмы, ограниченность пространства и изгибы трубы. До лестницы было, в общем-то, недалеко, но приближались они к ней до умопомрачения медленно.

Сзади из коллектора снова донесся вопль чудовища.

На этот раз он прозвучал уже ближе.

В нем слились, переплелись воедино и жалобный вой, и злобное рычание, и тоскливый скулеж, и мощный рык, и зловещее завывание, и раздраженный пронзительный визг. Звук был как будто соткан из колючей проволоки, от него лопались барабанные перепонки, разрывалось сердце и, казалось, по самой душе скребли холодные, колючие металлические мурашки.

Еще ближе.

Если бы Билли Веласкез был богобоязненным назаретянином или же прошедшим огонь, воду и медные трубы первохристианином-ортодоксом, привыкшим обрушивать Библию на головы врагов и неверных, он бы немедленно распознал, что за чудовище издает подобные звуки. Если бы ему кто-нибудь когда-нибудь объяснил, что Властитель Тьмы и его посланцы — силы Зла способны обретать материальные формы и ходить по Земле, улавливая в свои сети наивные и нестойкие души, он бы сразу же определил, с кем имеет дело. Он бы не задумываясь сказал: «Это сам Дьявол». Зловещий вой, эхом разносившийся по бетонному коллектору, был и *правду* настолько ужасен.

И с каждым разом он слышался все ближе.

И ближе.

И приближался все быстрее.

Но Билли был католиком. Современный католицизм делает упор на безграничное милосердие Божие, на способность Господа к беспредельному состраданию, а не на изображения Ада с его кипящей смолой и горящей серой. Самые крайние ортодоксы-протестанты усматривают руку Дьявола во всем, начиная с телевидения и кончая светильниками на раздвижной подвеске. Католицизм же исповедует более спокойное и терпимое отношение к жизни. Из лона римско-католической церкви вышли в современный мир такие явления, как поющие монашенки, телевизионные религиозные программы и викторины, новый современный тип проповедников. И потому воспитанный в католичестве Билли Веласкез не связал сразу же леденящие кровь завывания неведомого чудовища со сверхъестественными силами Зла — даже несмотря на то, что ему так живо припомнился рассказ из комикса о дороге, ведущей в Ад. Билли просто чувствовал, что это вышедшее из земных недр и приближавшееся сейчас к ним завывающее чудовище было чем-то плохим. Очень плохим.

И оно приближалось. Оно неумолимо приближалось.

Рон Пик уже добрался до лестницы, ухватился за нее и стал взбираться вверх. Он уронил свой фонарь, но не стал возвращаться, чтобы поднять его.

Пик поднимался слишком медленно, и Билли закричал ему:

— Живее, мать твою!

Зловещее завывание неведомого чудовища теперь уже до предела заполняло собой все подземное пространство подобно ливневому потоку. Билли кричал, но посреди этого завывания он не в состоянии был расслышать даже собственных слов.

Пик был уже на середине лестницы.

Освободившегося пространства было достаточно, чтобы Билли мог начать подниматься следом за ним. Он взялся одной рукой за ступеньку лестницы.

Нога у Пика сорвалась, и он соскользнул на ступеньку вниз.

Билли выругался и успел убрать свою руку.

Леденящие душу и как будто предвещавшие смерть вопли становились все громче.

И все ближе и ближе.

Луч от упавшего фонаря Пика был направлен в сторону коллектора под Скайлайн-роуд, но Билли не оглядывался и не смотрел туда. Взгляд его был устремлен только вверх, туда, где в открытом люке сиял солнечный свет. Если бы, оглянувшись назад, он вдруг увидел нечто ужасающее, силы окончательно покинули бы его, он оказался бы не в состоянии сделать ни одного движения и оно схватило бы его. О господи, уж тогда-то оно бы наверняка его схватило!

Пик изо всех сил карабкался наверх, ноги его больше уже не срывались со ступенек.

Даже через сапоги Билли подошвами ног ощущал вибрацию, передававшуюся по бетонному дну и стенкам коллектора. Эта вибрация была чем-то похожа на эхо очень тяжелых шагов, от которых дрожала земля. Очень тяжелых, но в то же время быстрых, как молния.

Не оглядывайся, не оглядывайся!

Билли схватился за поручни лестницы и полез вверх так быстро, как только позволяло ему продвижение Пика. Одна ступенька. Две. Три.

У него над головой Пик уже выбрался из люка и вывалился всем телом на мостовую.

Теперь, когда Пик больше не загораживал собой колодец, яркое осеннее солнце светило своими лучами прямо на Билли Веласкеза, и это было похоже на те лучи, которые проникают внутрь церкви сквозь цветные витражи — может быть, потому, что в обоих случаях лучи символизировали свет надежды.

Билли поднялся уже до половины лестницы.

— Выберусь, успею, определенно выберусь,— повторял он себе, не в силах перевести дыхание.

«Но господи, что за завывания, что за вопли! Как будто я попал в самый центр смерча!»

Еще ступенька позади.

И еще одна.

Защитный костюм казался ему сейчас невероятно тяжелым. Таким тяжелым он еще никогда не был. Он весил, наверное, целую тонну. Не костюм, а рыцарские доспехи. Эта тяжесть неумолимо тянула Билли вниз.

Он поднимался по вертикальному колодцу, с тоской и надеждой глядя вверх, на свет и на лица склонившихся над люком людей. Он карабкался изо всех сил.

«Выберусь!»

Голова его показалась из люка.

Кто-то протянул ему навстречу руку, помогая выкарабкаться наружу. Это был сам генерал Копперфильд.

Завывания позади Билли стихли.

Билли поднялся еще на ступеньку, снял одну руку с лестницы и протянул ее навстречу руке генерала...

...но что-то снизу обвило его ноги прежде, чем он успел ухватиться за руку Копперфильда.

— Нет!!!

Что-то сильно обхватило его, сдернуло его ноги с лестницы и потащило. Закричав — странно, он сам как бы со стороны слышал собственный голос, зовущий маму,— Билли полетел вниз, ударяясь шлемом то о стенки колодца, то о ступеньки лестницы, разбивая себе локти и колени, отчаянно, но безуспешно пытаясь ухватиться по пути за ступеньку, пока не свалился наконец, оглушенный, в мощные объятия чего-то непередаваемого, необъяснимого, что поволокло его по тоннелю в сторону коллектора под Скайлайн-роуд, обратно.

Билли сопротивлялся, упирался, извивался, лупил куда попало кулаками, но все это не возымело никакого эффекта. Что-то крепко держало его и тащило все дальше, все глубже в тоннель.

В неровном отраженном свете, что попадал в коллектор через люк и колодец, а потом в слабеющем луче от оброненного Пиком электрического фонаря Билли сумел разглядеть какие-то части того, что схватило его и тянуло сейчас под землю. Но немногое. Отдельные фрагменты то выхватывались из тени, то мгновенно снова растворялись в темноте. Однако увиденного оказалось достаточно, чтобы Билли мгновенно обмочился и обделался. Это нечто было похоже на ящерицу. Но это была не ящерица. Оно чем-то напоминало насекомое. Но оно не было и насекомым. Оно одновременно и шипело, и мяукало, и рычало. Оно вцепилось в защитный костюм Билли и, таща его по тоннелю, уже разодрало скафандр в нескольких местах. У него была огромная пасть с мощными челюстями и многочисленными зубами. Но — Господь ты наш Спаситель, Пресвятая Дева Мария и святой Иосиф — что же это были за зубы! Двойной ряд высоких, крепких, острых как бритва клыков! У этого существа были когти, и само оно было огромного размера, с затуманенными красными глазами и слегка миндалевидными зрачками, глубокими и черными, как могила. Вместо шкуры все оно было покрыто чешуей, а спереди, прямо из бровей, над налитыми злобой глазами, торчали два больших, острых, изогнутых, как ятаганы, рога. Вместо носа на похожем на свиное рыле торчал пятачок, из которого непрерывно лили сопли. В пасти, среди смертоносных клыков, непрерывно сновал туда-сюда длинный раздвоенный на конце язык. Билли разглядел и еще что-то похожее то ли на жало осы, то ли на клешни.

Вот это-то чудовище и тянуло сейчас Билли Веласкеза по тоннелю к коллектору под Скайлайн-роуд. Билли отчаянно цеплялся за стенки, пытаясь найти хоть что-нибудь, за что можно было бы ухватиться и задержаться, но он только порвал перчатки, а потом ободрал и пальцы о стенки тоннеля. Когда это произошло, он ощутил на коже рук холодный воздух подземелья и подумал, что, возможно, именно сейчас он подхватывает какую-нибудь заразу; впрочем, подобная угроза в тот момент волновала его меньше всего.

Чудовище тащило его куда-то в гремящую темноту. Вот оно приостановилось, перехватило его покрепче. Разодрало костюм. Ударило по шлему и разбило его. Вот попыталось открыть плексигласовое забрало. Оно добиралось до Билли так, словно он был сделанным из живой плоти лакомым ядрышком, скрытым под прочной скорлупой ореха.

Билли с трудом сохранял рассудок, уже отчасти помутившийся, но он все же изо всех сил пытался удержать способность соображать, пытался понять, какова природа этого страшилища. Вначале оно показалось ему каким-то доисторическим ящером, непонятно как прожившим миллионы лет и теперь провалившимся в это подземелье через какую-нибудь дыру во времени. Но нет, это было явно невозможно. Билли почувствовал, как его начинает разбирать смех, какой-то серебристый, сумасшедший, пронзительный смех, и понял, что стоит только поддаться приступу этого лунатического смеха — и все, он пропал, его песенка будет спета. Чудовище уже почти полностью ободрало с него костюм. Оно уже касалось его, и это было прикосновение чего-то сильного, холодного, гладкого и скользкого, чего-то пульсирующего, а главное, каким-то непонятным образом *меняющегося* в те мгновения, когда оно дотрагивалось до тела Билли. Задыхаясь, отчаянно ловя воздух, заходясь в крике, Билли вспомнил вдруг картинку в какой-то старой религиозной книге. На ней был изображен Сатана. И это чудовище, которое его сейчас тащило, выглядело *именно так*. Точь-в-точь как на той картинке. Да, совершенно точно. Такие же рога. Такой же темный, раздвоенный на конце язык. Красные глаза. Это был сам Сатана, восставший из Ада. «Но нет: это же тоже совершенно невозможно,— подумал Билли.— Никак невозможно!» Пока эти мысли лихорадочно проносились в его голове, зловещее чудовище продолжало сдирать с него остатки костюма и уже почти полностью стянуло шлем. В кромешной темноте Билли почувствовал, как свинячье рыло тыкалось в клапаны сломанного шлема, как оно принюхивалось, стараясь нащупать его лицо. Билли ощутил слабый, но отвратительный запах, не похожий ни на один из известных ему. Чудовище добралось до его живота и бедер, и тут Билли испытал приступ странной, очень сильной и необычной боли: как будто все его тело в тех местах жгли огнем или разъедали кислотой. Он вертелся, крутился, извивался, корчился, напрягал все свои оставшиеся силы — но это было совершенно бесполезно. Билли опять словно со стороны услышал свой голос, в котором сливались и ужас, и замешательство, и боль: «Это Дьявол! Это сам Дьявол!» До него вдруг дошло, что с того самого момента, как его сдернули с лестницы, он непрерывно что-то кричал. И теперь, когда он уже не мог больше издать ни звука, когда невидимое пламя уже обратило в пепел и прах его легкие и добиралось до горла, он только беззвучно молился, стараясь хоть этой молитвой заглушить чувство страха, понимание неотвратимости близкой уже смерти, как-то уменьшить охватившее его ужасное ощущение собственной ничтожности, малости и бессилия: «*Дева Мария, Матерь Божья, услышь мою молитву... услышь меня, Дева Мария, и помолись за меня, Пресвятая Дева Мария... Матерь Божья, Пресвятая Богородица, помолись и заступись за меня и...*»

Он получил ответ на свой вопрос.

Теперь он знал, что произошло с сержантом Харкером.

Гэйлен Копперфильд любил природу, интересовался ею, много бродил пешком по полям и лесам и неплохо знал флору и фауну Северной Америки. Одними из самых интересных живых существ, по его мнению, были те пауки, что обычно обитают на земле и строят хитроумные гнезда-ловушки. Эти пауки — очень толковые инженеры. Они сооружают в земле глубокое спиралевидное гнездо и накрывают его сверху крышкой, способной поворачиваться на чем-то вроде петли или шарнира. Крышка по своей окраске так идеально совпадает с поверхностью грунта, на которой лежит, что насекомые без малейших подозрений наступают на нее, ничего не ведая о притаившейся в глубине опасности. Но стоит им только оказаться на крышке, как она поворачивается, насекомое летит вниз, оказывается в ловушке и попадает на стол пауку. Молниеносность, с которой это происходит, одновременно и поражает, и приводит в ужас. Только что насекомое было еще здесь, лишь мгновение назад оно еще стояло на крышке — а в следующий миг его уже нет, словно никогда и не было.

Капрал Веласкез исчез с такой внезапностью, как будто бы он наступил на крышку западни подобного паука.

Он просто исчез. Мгновенно.

Люди генерала Копперфильда и без того нервничали из-за исчезновения сержанта Харкера. Напугали их и те кошмарные звуки, что доносились вначале из канализации, но прекратились перед тем, как Веласкеза утянуло в колодец. Как только что-то схватило капрала и дернуло его вниз, все, кто был наверху, бросились на противоположную сторону улицы, опасаясь, что из-под земли может выскочить кто-то готовый кинуться на них.

Сам Копперфильд, который уже протягивал руку, чтобы помочь Веласкезу вылезти, инстинктивно отпрыгнул назад, когда голова капрала мгновенно снова скрылась в колодце. Отпрыгнул — и застыл на месте, не зная, как поступить и что делать дальше. На генерала это было совершенно не похоже. Никогда еще он не проявлял нерешительности в критической ситуации.

Вмонтированное в скафандр переговорное устройство доносило до него отчаянные вопли Веласкеза.

Сделав огромное усилие, чтобы заставить себя сдвинуться с места, Копперфильд снова приблизился к колодцу и заглянул внутрь. Внизу, на дне тоннеля, по-прежнему лежал включенный фонарь Пика. Больше там ничего не было. Не было и никаких признаков Веласкеза.

Копперфильд стоял в нерешительности.

Откуда-то до него доносились крики капрала.

Послать людей на помощь этому несчастному?

Нет. Это означало бы отправить их на верную гибель. Он вспомнил, что произошло с Харкером. Нельзя допускать неоправданных потерь.

Но — о господи! — какие ужасные вопли! Правда, не такие страшные, как тогда, когда кричал Харкер. Сержант кричал от невыносимой физической боли. Здесь же это крики предсмертного ужаса. Да, эти вопли не такие кошмарные, но все-таки и от них кровь стынет в жилах. Нечто подобное Копперфильду доводилось слышать только на поле боя.

В потоке криков можно было различить отдельные слова, которые звучали так, будто их выплевывали на выдохе. Задыхаясь и проглатывая звуки, капрал отчаянно пытался объяснить тем, кто оставался наверху,— а возможно, просто самому себе — то, что он видел.

— ...Ящерица...

— ...Насекомое... как жук...

— ...Дракон...

— ...Доисторический...

— ...Сатана...

Наконец голосом, в котором слились и физическая боль, и переживаемые душевные страдания, капрал прокричал: «Это Дьявол! Это сам Дьявол!»

После этого доносились уже только ужасающие вопли, подобные тем, какие испускал Харкер. Слава богу, что по крайней мере на этот раз они длились не так долго.

Когда все стихло и наступила тишина, Копперфильд положил на место крышку люка. Из-за кабеля крышка не могла закрыться и с одного края оставалась чуть приподнятой, но она все же прикрывала отверстие люка почти полностью.

На тротуаре, футах в десяти от колодца, генерал поставил двух часовых и приказал им стрелять во все, что может показаться оттуда.

Поскольку автомат Харкеру не помог, Копперфильд и несколько его подчиненных занялись подготовкой всего необходимого для изготовления «молотовских коктейлей». Из магазина Брукхарта на Вейл-лэйн они притащили десятка два бутылок вина, вылили содержимое, потом на дно каждой бутылки насыпали примерно с дюйм мыльного порошка, залили бензином, а в горлышки бутылок вставили матерчатые фитили и плотно забили их тряпками.

Но поможет ли огонь там, где оказались бессильными пули?

Что именно произошло с Харкером?

Что произошло с Веласкезом?

«Что будет со мной?» — подумал Копперфильд.

Первая из двух передвижных лабораторий обошлась больше чем в три миллиона долларов, но она стоила того: за эти деньги министерство обороны приобрело подлинное чудо техники.

Лаборатория была вершиной технического прогресса в области микроминиатюризации. Ее компьютер, основанный на трех микросхемах «Интел-432» (девять силиконовых чипсов вмещали в себя шестьсот девяносто тысяч транзисторов), зани-

мал не больше места, чем пара обычных чемоданов, но представлял собой в высшей степени современную систему, способную осуществлять медицинские анализы самой высокой сложности. Этот компьютер обладал большим объемом памяти и более широкими программными возможностями, чем основная часть стационарных компьютеров, установленных в клиниках и лабораториях крупнейших университетов.

Внутри «дома на колесах» было установлено множество всякого диагностического оборудования, спроектированного и размещенного таким образом, чтобы с максимальной отдачей использовать ограниченные площадь и объем лаборатории. Вдоль одной из стенок стояли два компьютерных терминала; кроме них здесь были и другие приборы: центрифуга, необходимая для выделения различных компонентов в составе крови, мочи и других жидкостей; фотоспектрометр, спектрограф, электронный микроскоп, система считывания изображения на котором была соединена с одним из экранов компьютера, компактная установка для быстрого замораживания крови и образцов тканей для их последующего хранения или же для проведения таких анализов и исследований, которые легче выполняются на замороженном материале, и многое другое.

В передней части кузова, прямо за кабиной водителя, располагался откидной стол для проведения вскрытий; когда им не пользовались, его можно было сложить. Сейчас стол был в рабочем положении и на его сделанной из нержавеющей стали поверхности покоилось тело Гэри Векласа — мужчины тридцати семи лет кавказского происхождения. Грубые пижамные брюки были разрезаны ножницами, сняты с трупа и отложены пока в сторону для последующего тщательного осмотра.

Доктор Сет Голдстейн, один из трех ведущих судебно-медицинских экспертов Западного побережья, готовился к проведению вскрытия. Он стоял сбоку от стола, там же, где и доктор Дэйрил Робертс. По другую сторону стола, на котором лежал труп, прямо напротив врачей стоял генерал Копперфильд.

Голдстейн нажал кнопку на панели управления, установленной на стенке фургона справа от него. Теперь во время вскрытия будет записано каждое произнесенное здесь слово. Впрочем, это была обычная практика даже в самых рядовых моргах. Будет производиться и видеозапись: две установленные на потолке видеокамеры были нацелены на труп и нажатием той же кнопки приведены в действие.

Голдстейн начал с внимательного общего осмотра и тщательного описания внешнего состояния трупа: он охарактеризовал необычное выражение на лице покойника, упомянул тот факт, что все тело выглядит одним сплошным кровоподтеком или синяком, что оно странно раздуто. Он старался отыскать на теле какие-нибудь механические повреждения, ранки, где была бы содрана кожа, где были бы видимые следы или признаки внутренних переломов, волдыри, любые указания на полученное ранение. Но ничего этого на теле не было.

Положив руку в резиновой перчатке на поднос с хирургическими инструментами, Голдстейн на минуту задумался, не зная, с чего же начать. Обычно, когда он приступал к проведению вскрытия, у него уже было какое-то общее представление о причинах, вызвавших смерть. Если человек умер от болезни, то Голдстейн, как правило, предварительно знакомился с его историей болезни. Если смерть наступила в результате несчастного случая, то всегда были какие-то видимые, явные травмы. Если человека убили, то и тут бывали явные признаки насилия. Но в данном случае внешний вид трупа не только не помогал ответить ни на какие вопросы, но и рождал множество новых, очень необычных и совершенно не похожих на те, с какими ему приходилось сталкиваться в своей практике раньше.

Как бы прочитав мысли Голдстейна, Копперфильд проговорил:

— Ищите ответы, доктор. Вполне возможно, что от этого зависят наши жизни.

Во втором «доме на колесах» было многое из того же оснащения, что и в первом,— диагностическая аппаратура, различные приборы, центрифуга, электронный микроскоп и многое другое,— но в дополнение ко всему этому было и такое оборудование, которым не располагала первая лаборатория. Правда, здесь не было стола для проведения вскрытий и стояла только одна видеокамера. Но зато вместо двух компьютерных терминалов здесь были установлены три.

Доктор Энрико Вальдез сидел сейчас перед одним из них в глубоком кресле, специально сделанном так, чтобы на нем мог

удобно размещаться человек, одетый в защитный скафандр и с прикрепленными за спиной баллонами воздуха. Вместе с Хоуком и Найвеном доктор занимался сейчас химическим анализом всевозможных образцов и предметов, собранных в жилых домах и общественных местах вдоль Скайлайн-роуд и Вейл-лэйн,— в том числе и анализом муки и булочек, которые они взяли с рабочего стола в булочной Либерманов. Они искали следы конденсата, который должен был остаться после применения нервно-паралитического газа, или же следы каких-нибудь других посторонних химических веществ. Пока что ничего необычного обнаружено не было.

Доктор Вальдез вообще не верил, что причиной всего происшедшего могли быть нервно-паралитический газ или какая-нибудь болезнь.

Он начинал уже задумываться о том, не лежит ли вообще весь тот случай целиком и полностью в той сфере, которой занимались Айси и Аркхэм. Эти двое, одетые в скафандры, на которых не были обозначены их имена, вообще не входили в состав бригады гражданской обороны. Они принадлежали к совершенно иному подразделению. Еще сегодня утром, перед самым рассветом, когда доктора Вальдеза познакомили с этой парой на сборном пункте в Сакраменто и он услышал, чем они занимаются, он чуть было не расхохотался. Тогда он полагал, что их занятие было пустым растранжириванием денег налогоплательщиков. Сейчас он уже начинал считать иначе. Он задумывался...

У него появились вопросы... и он был по-настоящему встревожен.

Доктор Сара Ямагути тоже работала во второй лаборатории.

Она занималась приготовлением культур бактерий. Пробы крови, взятые из тела Гэри Векласа, она методично вводила в различные питательные среды — напоминающие желе растворы питательных веществ, на которых предпочитали жить и размножаться разные типы бактерий: агар из лошадиной крови, из овечьей, шоколадный агар и многие другие.

Сара Ямагути была генетиком и потратила целых одиннадцать лет на исследования рекомбинаций в структуре ДНК. Если

бы было установлено, что Сноуфилд оказался жертвой какого-то искусственно созданного микроорганизма, то работа Сары обрела бы первостепенное значение для всего последующего расследования. Ей бы пришлось выполнить исследование морфологии этого микроба, а потом на основании полученных результатов постараться определить его возможные воздействия на человеческий организм.

Как и доктор Вальдез, Сара Ямагути тоже начала подумывать, что в проводимом ими расследовании Айси и Аркхэм могут в конечном счете оказаться гораздо полезнее, чем она решила вначале. Сегодня утром предмет их занятий показался ей весьма экзотическим, сродни скорее магии или паранаукам. Но теперь, в свете всего происшедшего с того момента, как их бригада прибыла в Сноуфилд, доктор Ямагути была вынуждена признать, что сфера профессиональных интересов Айси и Аркхэма представляется ей все более уместной и актуальной.

Как и доктор Вальдез, она тоже была по-настоящему встревожена.

Доктор Вильсон Беттенби, руководитель научной части БГО ОБЗ на Западном побережье, сидел за компьютерным терминалом через два кресла от доктора Вальдеза.

Беттенби проводил сейчас автоматизированный анализ нескольких проб воды. Пробы были помещены в специальный прибор, который испарял воду, конденсировал пар и собирал дистиллят, а также подвергал спектрографическому и другим видам исследований сухой остаток. Беттенби не занимался поисками каких-либо микроорганизмов, для чего нужны были иные приборы и методы. На этом же аппарате определялось присутствие в воде химических элементов и веществ, устанавливались их содержание и состав, и все результаты анализа высвечивались на экране компьютера.

Пробы воды, которые сейчас проверялись — за исключением одной,— были взяты на кухнях и в ванных домов, расположенных по Вейл-лэйн. Анализ показал, что ни в одной из них не содержится никаких опасных химических примесей.

Но была и еще одна проба — та, которую полицейский Отри собрал с пола на кухне в одном из домов на Вейл-лэйн прошлой ночью. По словам шерифа Хэммонда, в нескольких домах

были обнаружены лужи воды на полу и насквозь промокшие ковры. К сегодняшнему утру, однако, почти вся вода из них испарилась и осталась только пара-другая влажных ковров, взять из которых нормальную пробу Беттенби все равно бы не удалось. Поэтому он залил в анализатор воду и той пробы, что была собрана полицейским.

Через несколько минут компьютер выдал полный химический и минеральный состав воды и того сухого остатка, что образовался после ее перегонки:

	Процент в растворе	Процент в осадке		Процент в растворе	Процент в осадке
H	11.188	00.00	He	00.00	00.00
Li	00.00	00.00	Be	00.00	00.00
B	00.00	00.00	C	00.00	00.00
N	00.00	00.00	O	88.812	00.00
Na	00.00	00.00	Mg	00.00	00.00
Al	00.00	00.00	Si	00.00	00.00
P	00.00	00.00	S	00.00	00.00
Cl	00.00	00.00	K	00.00	00.00

Компьютер продолжал высвечивать все новые символы и цифры, перебирая по очереди все, что в принципе могло бы быть обнаружено в воде. Но результаты были всякий раз одни и те же. В набранной полицейским с пола — а значит, недистиллированной — воде абсолютно не содержалось следов каких бы то ни было химических элементов, кроме двух: водорода и кислорода. А после перегонки этой воды не осталось совершенно никакого остатка: там, где он должен быть, отсутствовали даже следы любых элементов. Вода, содержавшаяся во взятой Отри пробе, не могла быть из городского водопровода, она явно не была ни хлорирована, ни осветлена. Не могла она быть и кипяченой. В той питьевой воде, что обычно продается в бутылках, всегда присутствуют какие-то минеральные соединения. Возможно, в той квартире, откуда была взята проба, на водопроводном кране стоял дополнительный фильтр, но если даже и так, то в прошедшей через него воде все равно должны были бы оставаться обычные минеральные вещества. А во взятой Отри пробе оказалась многократно отфильтрованная,

лабораторной степени очистки, химически чистая дистиллированная вода.

Но... откуда же в таком случае она взялась на кухонном полу?

Беттенби, нахмурившись, неотрывно всматривался в экран компьютера.

А не состояло ли и небольшое озерцо на полу винного магазина Брукхарта тоже из такой сверхчистой водички?

И чего ради кому-то могло понадобиться разливать по всему городу десятки галлонов дистиллированной воды?

А самое главное — где они сумели ее достать в таких количествах?

Странно.

...Дженни, Брайс и Лиза сидели за одним из угловых столиков в столовой гостиницы «На горе».

Майор Айсли и капитан Аркхэм, одетые в защитные костюмы, на шлемах которых не были нанесены имена их владельцев, сидели на высоких табуретках напротив них, за тем же столом. Они принесли страшный рассказ о том, что произошло с капралом Веласкезом. Принесли они с собой и магнитофон, который стоял сейчас в центре стола.

— Я все-таки не понимаю, почему это не может подождать,— проговорил Брайс.

— Мы не отнимем у вас много времени,— ответил майор Айсли.

— Мне надо отправлять людей на осмотр города,— возразил Брайс.— Мы обязаны обойти каждый дом, пересчитать всех погибших, установить, кто погиб, а кто пропал, и постараться найти разгадку того, кто все-таки, черт возьми, убил этих людей. Такой работы здесь нам на несколько дней. Особенно если учесть, что после захода солнца работать нельзя. Я не могу позволить своим людям ходить по городу ночью, когда в любой момент может отключиться свет. Я не имею права и не допущу, черт побери, подобного риска!

Дженни вспомнилось обглоданное лицо Уоргла. И его пустые глазницы.

— У нас всего несколько вопросов,— продолжал настаивать майор Айсли.

Аркхэм включил магнитофон.

Лиза пристально смотрела на майора и на капитана.

Дженни гадала, что на уме у сестры.

— Начнем с вас, шериф,— сказал майор Айсли.— На протяжении двух суток, предшествовавших всему тому, что произошло в том городе, получало ли ваше полицейское управление заявления или какую-либо информацию о внезапных отключениях телефонов и электричества?

— Когда случается что-то подобное,— ответил Брайс,— люди обычно обращаются в соответствующую компанию, а не в полицию.

— Да, конечно, но разве сами компании не ставят вас в известность о крупных авариях? Ведь когда отключаются телефоны или электричество, всегда активизируются преступники, верно?

— Разумеется,— Брайс кивнул.— Но, насколько я знаю, предупреждений такого рода мы не получали.

— А не было ли в этой местности каких-либо нарушений в приеме радио- и телепередач? — капитан Аркхэм выжидательно подался вперед.

— Нет, я ни о чем таком не слышал,— ответил Брайс.

— Какие-нибудь необъяснимые взрывы?

— Взрывы?

— Да,— сказал Айсли.— Взрывы, или громкие хлопки от самолетов, переходящих звуковой барьер, или какие-нибудь другие очень громкие шумы из непонятного источника?

— Нет, ничего подобного не было.

«Интересно, к чему это они клонят?» — подумала Дженни.

Айсли немного помолчал, как бы испытывая колебание, потом спросил:

— А не было сообщений, что кто-то видел в округе необычные самолеты?

— Нет.

— Вы ведь оба не из бригады генерала Копперфильда, верно? — спросила Лиза.— Поэтому у вас и имена на шлемах не написаны, да?

— И костюмы на вас сидят не так, как на всех других,— добавил Брайс.— На остальных они подогнаны по фигуре. А на вас сидят так, как будто их только сейчас сняли с вешалки.

— Вы очень наблюдательны,— заметил Айсли.

— Если вы не из отдела бактериологической защиты,— спросила Дженни,— то кто вы и что здесь делаете?

— Мы не хотели прямо с этого начинать,— ответил Айсли.— Мы полагали, что скорее получим от вас прямые и объективные ответы, если вы не будете пока знать, что именно мы ищем.

— Мы не из военно-медицинской службы,— сказал Аркхэм.— Мы из ВВС.

— Служба слежения за космосом,— добавил Айсли.— Это, в общем-то, не секретная организация, но... как вам сказать... одним словом, мы предпочитаем, чтобы о нас не было слишком широко известно.

— Слежения за космосом? — переспросила Лиза, и глаза у нее загорелись.— То есть за НЛО, да? За летающими тарелками?

Дженни заметила, что при словах «летающие тарелки» Айсли поморщился.

— Мы не занимаемся проверкой сообщений насчет того, что кто-то где-то опять видел маленьких зеленых человечков,— сказал Айсли.— Прежде всего, для таких проверок у нас нет средств. Мы занимаемся тем, что пытаемся спрогнозировать научные, социальные и военные аспекты первой встречи человечества с враждебным разумом. Как организация мы скорее мозговой центр, чем что-то иное.

— Я не слышал, чтобы кто-нибудь в нашей местности говорил о том, что видел летающие тарелки,— отрицательно покачал головой Брайс.

— Именно это и имел в виду майор Айсли,— сказал Аркхэм.— Видите ли, наши исследования показывают, что первый контакт может произойти настолько заурядным образом, что мы даже не сообразим, что это самая первая встреча с иным разумом. Обычно полагают, что с неба спустится космический корабль... один или несколько... На самом деле все может быть совсем не так. Если мы столкнемся с *действительно* враждебным нам интеллектом, то их корабли могут настолько отличаться от наших представлений о том, как должен выглядеть космический корабль, что мы не сможем заметить даже сам факт их приземления.

— Вот почему мы проверяем все странные явления, даже если они на первый взгляд никак не связаны с НЛО,— продол-

жал Аркхэм.— Например, прошлой весной в одном местечке в Вермонте обнаружился вдруг дом, в котором необыкновенно активно действовал полтергейст. Приподнималась и передвигалась мебель. По кухне летали тарелки и разбивались о стены. Из стен начинали вдруг литься потоки воды, причем в таких местах, где даже не было водопроводных труб. Прямо из воздуха возникали вдруг ни с того ни с сего огненные шары...

— Но разве полтергейст — это не привидения? — спросил Брайс.— И какое отношение имеют привидения к сфере ваших интересов?

— Никакого,— ответил Айсли.— В привидения мы не верим. Но мы задаемся вопросом: не может ли быть явление полтергейста следствием того, что попытка установить канал общения между интеллектами разного типа почему-то не удалась? Если существа, принадлежащие к враждебному нам разуму, общаются между собой только при помощи телепатии, то мы будем не в состоянии перехватывать их обмены мыслями. Но в этом случае невоспринятая психическая энергия, возможно, может производить такой разрушительный эффект, который мы приписываем обычно потусторонним силам.

— И к какому заключению вы в конце концов пришли относительно того полтергейста в Вермонте? — спросила Дженни.

— К заключению? Ни к какому,— ответил Айсли.

— Мы просто сделали вывод, что это... интересно,— добавил Аркхэм.

Дженни посмотрела на сестру и увидела, что Лиза сидит с широко раскрытыми глазами. Враждебный интеллект — *это* было нечто такое, что Лиза в состоянии была воспринять, понять, принять как возможное объяснение. Благодаря книгам, кино, телевидению к такого рода угрозам и опасностям она была внутренне подготовлена. Космические чудовища. Пришельцы из дальних миров. Конечно, все это не делало убийства, совершенные в Сноуфилде, менее ужасными. Но это была понятная, *известная* угроза, неизмеримо более предпочтительная по сравнению с угрозой неизвестной. Дженни очень сильно сомневалась, что первая встреча человечества с обитателями других миров произойдет по подобным сценариям, но Лиза, кажется, была готова в это поверить.

— А Сноуфилд? — спросила девочка.— Здесь именно это и происходит, да? Тут приземлился кто-то... *оттуда*?

Не зная, что сказать, Аркхэм смущенно посмотрел на майора Айсли.

Айсли откашлялся, прочищая горло. Переговорное устройство, укрепленное у него на груди, воспроизвело этот кашель так, что получился какой-то рахитично-механический звук.

— Пока еще слишком рано судить о причинах того, что произошло здесь. Мы полагаем, что при первом контакте между человечеством и иной цивилизацией будет существовать небольшая вероятность опасности биологического заражения. Поэтому у нас есть договоренность с бригадой генерала Копперфильда о том, чтобы в таких случаях обмениваться информацией. Трудно объяснимая вспышка неизвестного заболевания может быть указанием на то, что произошел нераспознанный контакт с посланцами внеземных цивилизаций и что эти посланцы, возможно, находятся среди нас.

— Ну, если мы в данном случае действительно имеем дело с каким-то внеземным созданием,— проговорил явно сомневающийся в этом Брайс,— то для представителя «высшего» разума оно чертовски кровожадно.

— Я тоже так подумала,— сказала Дженни.

— Нет никаких гарантий того, что существо, обладающее более высоким, чем у нас, интеллектом, обязательно будет миролюбивым и благожелательным к нам,— удивленно поднял брови Айсли.

— Совершенно верно,— подтвердил Аркхэм.— Почему-то все всегда думают, что пришельцы из других цивилизаций непременно будут обладать знанием, как можно жить в полной гармонии между собой и с представителями других миров. Но, как поется в той старой песенке, необязательно будет так. В конце концов, на пути эволюции человечество находится гораздо дальше обезьян, но человек как род гораздо более кровожаден, чем самые агрессивные гориллы.

— Возможно, мы когда-нибудь и встретим такую внеземную цивилизацию, которая окажется дружелюбной и научит нас жить в мире,— сказал Айсли.— Возможно, они передадут нам знания и технологии, которые позволят нам решить все

земные проблемы и даже отправиться к звездам. Возможно, когда-нибудь так и будет.

— Но нельзя исключать альтернативы,— мрачно добавил Аркхэм.

Глава 26
АНГЛИЯ, ЛОНДОН

Когда в Сноуфилде было одиннадцать часов утра понедельника, в Лондоне тоже был еще понедельник, но уже семь вечера.

Отвратительный дождливый день перешел в отвратительный дождливый вечер. Капли дождя непрерывно барабанили в окно крохотной кухоньки двухкомнатной квартирки Тимоти Флайта, располагавшейся в мансарде.

Профессор стоял перед столом и на разделочной доске готовил себе бутерброд.

Изрядно заправившись за счет Берта Сандлера во время того роскошного завтрака с шампанским, Тимоти потом не пошел обедать — ему просто не хотелось. Пропустил он и послеобеденный чай.

Сегодня у него были занятия с двумя студентами. Одного он натаскивал в искусстве анализа иероглифов, с другим занимался латынью. Сильно переев за завтраком, он во время обоих этих занятий чуть было не заснул. Неудобно. Но, с другой стороны, его ученики платили ему так мало, что навряд ли имели право выражать недовольство, если он — один только раз! — задремал посреди урока.

Профессор уже намазал кусочек хлеба горчицей и теперь клал на него тонкий ломтик вареной ветчины и такой же тонкий лепесток «Швейцарского» сыра. В этот момент он услышал, как внизу, в общем холле их дома с меблированными комнатами, зазвонил телефон. Он даже не подумал о том, что звонить могли ему. Ему редко кто звонил.

Но несколькими мгновениями позже раздался стук в дверь. Это оказался молодой индиец, снимавший комнату на первом этаже. С сильным акцентом он сообщил Тимоти, что его просят к телефону. Очень срочно.

— Срочно? А кто? — спросил Тимоти, спускаясь вслед за индийцем по лестнице.— Он назвал себя?

— Сонд-леер,— ответил индиец.

Сандлер? Берт Сандлер?

За завтраком они договорились об условиях, на которых профессор подготовит новое издание «Вековечного врага». Это должна быть совершенно новая книга, и написана она должна быть так, чтобы оказаться по вкусу и силам обычному среднему читателю. После того как его книжка впервые вышла в свет семнадцать лет назад, ему несколько раз предлагали изложить в популярной форме его концепцию, объясняющую причины известных из истории случаев массового исчезновения людей. Но тогда ему не нравилась сама идея такого популяризаторства: ему представлялось, что выход научно-популярного варианта «Вековечного врага» окажется на руку тем, кто бессовестно обвинял его в погоне за сенсациями, в надувательстве и в стремлении нажиться. Однако теперь, по прошествии многих лет, прожитых в нужде, он стал относиться к мысли о таком издании более терпимо. Сейчас бедность Тимоти, с каждым годом все возраставшая, достигла критической черты, и в этих условиях появление Сандлера и предложенный им контракт были просто чудом. Утром они договорились о том, что профессору в счет будущих гонораров будет выплачен аванс в размере пятнадцати тысяч долларов. По текущему обменному курсу это было чуть больше восьми тысяч фунтов стерлингов. Не бог весть что, конечно, но все же гораздо крупнее тех сумм, которые приходилось получать Тимоти на протяжении уже очень и очень долгого времени. В данный же момент эти деньги вообще представлялись ему несметным богатством.

Спускаясь по узенькой лестнице в холл, туда, где на небольшом столике под скверной репродукцией какой-то плохой картины стоял телефон, Тимоти был полон беспокойства: не звонит ли Сандлер только затем, чтобы отказаться от достигнутого утром соглашения?

При этой мысли сердце профессора заколотилось с такой силой, что он ощутил почти физическую боль.

— Надеюсь, сэр, новости не доставят вам беспокойства,— произнес молодой индиец.

После чего ушел к себе в комнату и запер за собой дверь.

Флайт взял трубку:

— Да?

— Господи, вы вечерние газеты получаете? — спросил Сандлер. Голос его звучал пронзительно, почти истерично.

«Не пьян ли Сандлер случаем,— подумал Тимоти.— Он что, вот *это* считает срочным делом?»

Прежде чем Тимоти успел ему ответить, Сандлер продолжал:

— Мне кажется, это случилось! Боже мой, доктор Флайт, мне кажется, это и в самом деле случилось! Есть сообщения в вечерних газетах. И по радио. Подробностей пока мало. Но все выглядит так, что это и в самом деле случилось!

К волнениям профессора по поводу контракта теперь прибавилось еще и непонимание, и все это вместе повергло его в отчаяние.

— Не могли бы вы объяснить, в чем дело, мистер Сандлер?

— Вековечный враг, доктор Флайт. Одно из этих созданий снова объявилось. Только вчера. Напало на какой-то городок в Калифорнии. Есть погибшие. Большинство исчезло. Сотни людей. Весь городок. Их больше нет.

— Да поможет им Бог,— проговорил Флайт.

— У меня есть приятель в лондонском отделении Ассошиэйтед Пресс, и он прочитал мне последние сообщения, которые к ним поступили,— продолжал Сандлер.— В газетах этого еще не было, я точно знаю. Во-первых, тамошняя полиция в Калифорнии объявила на вас розыск по всей форме. По-видимому, кто-то из жертв был знаком с вашей книгой. Когда на них напали, он заперся в ванной. До него все равно добрались, но он выиграл несколько минут и успел написать на зеркале ваше имя и название вашей книги!

Тимоти был не в состоянии вымолвить ни слова. Хорошо, что рядом с телефоном стоял стул: профессор вдруг почувствовал, что ему совершенно необходимо присесть.

— Власти в Калифорнии не понимают, что происходит. Они не поняли даже того, что «Вековечный враг» — это название книги. И они не знают, какое вы можете иметь ко всему этому отношение. Они полагают, что имело место бактериологическое заражение, или применение нервно-паралитического газа, или даже контакт с внеземной цивилизацией. Но тот, кто

написал ваше имя на зеркале, явно все понял. Как и мы с вами. Все подробности расскажу вам в машине.

— В какой машине? — удивился Тимоти.

— О боже, совсем забыл: я надеюсь, у вас есть паспорт?

— Гм-м... да.

— Я сейчас за вами заеду и отвезу вас в аэропорт. Я хочу, чтобы вы отправились в Калифорнию, доктор Флайт.

— Но...

— Прямо сегодня, сейчас. На одном из рейсов есть свободное место. Я его забронировал на ваше имя.

— Но я не могу себе позволить...

— Все расходы оплатит издательство. Пусть это вас не волнует. Вы *должны* поехать в Сноуфилд. Теперь вам придется писать уже не научно-популярный вариант «Вековечного врага». Нет-нет. Теперь вы сможете написать всесторонний, гуманный, с полным пониманием всего происшедшего труд о трагедии в Сноуфилде. А в обоснование и подкрепление рассказа о том, что там произошло, вы используете все собранные вами материалы об известных из истории случаях массового исчезновения людей и вашу теорию, объясняющую, почему и как это происходит. Чувствуете, как все будет здорово?

— А удобно ли получится, если я вдруг сейчас сорвусь и полечу туда?

— Что вы хотите сказать? — не понял Сандлер.

— Хорошо ли это? — озабоченно повторил Тимоти.— Не создаст ли это впечатления, будто я просто хочу погреть руки на кошмарной трагедии?

— Послушайте, доктор Флайт, в Сноуфилд съедется сотня энергичных и предприимчивых писак, готовых расталкивать локтями кого угодно, и у каждого из них уже будет в кармане контракт на будущую книгу. Они просто утянут у вас из-под носа вашу тему. Если вы не напишете о том, что там произошло, то вместо вас это сделает кто-то другой.

— Но ведь погибли же сотни людей,— проговорил Флайт. От одной мысли об этом ему становилось нехорошо.— Сотни! Это такая боль, такая трагедия...

Колебания профессора явно раздражали Сандлера.

— Ну... хорошо, хорошо. Возможно, вы и правы. Возможно, я еще не вполне осознал весь ужас случившегося. Но не кажет-

ся ли вам, что именно поэтому вы, и *только вы*, и должны написать самую честную и умную книгу об этом? Никто другой, кроме вас, не сможет вложить в нее ни таких знаний, ни таких чувств и переживаний.

— Ну...

Чувствуя, что Тимоти начинает уже сдаваться, Сандлер произнес:

— Отлично. Укладывайте быстро чемодан. Через полчаса я буду у вас.

Сандлер дал отбой, а Тимоти еще несколько минут продолжал сидеть не двигаясь, прижимая к уху замолкнувшую трубку. Он был просто потрясен.

В свете фар такси дождь казался серебристым. Под порывами ветра он падал косо и сверкал, как тысячи нитей блестящей рождественской мишуры. На мостовой он собирался в лужи, напоминающие озера из жидкого серебра.

Водитель им попался лихач. Машину то и дело заносило на мокрых скользких улицах. Тимоти изо всех сил вцепился в закрепленный на дверце машины поручень. Берт Сандлер явно пообещал водителю хорошие чаевые, если он их быстро довезет до аэропорта.

Сидя рядом с профессором, Сандлер говорил:

— В Нью-Йорке будет пересадка, придется подождать, но недолго. Один из наших сотрудников вас встретит и поможет пройти все формальности и сделать все необходимое. Нью-йоркской прессе мы ничего сообщать о вашем прилете не будем. А пресс-конференцию устроим в Сан-Франциско. Так что когда выйдете там из самолета, будьте готовы к тому, что вас встретит толпа журналистов.

— А нельзя сделать так, чтобы я тихо, не привлекая внимания, добрался до Санта-Миры, а там кто-нибудь представил бы меня местным властям? — спросил Тимоти, которому явно пришлась не по душе перспектива пресс-конференции.

— Нет-нет, ни в коем случае! — воскликнул Сандлер, пришедший в ужас от предложения профессора.— Нам необходима пресс-конференция. Вы же единственный, кто *знает*, что там произошло, доктор Флайт. И надо, чтобы все узнали, что вы тот человек, у которого есть *ответы*. Нам надо начать рекламировать вашу следующую книгу, прежде чем Норман Мейлер

отложит в сторону свой очередной опус о Мэрилин Монро и влезет в этот случай обеими ногами!

— Но я же еще даже не начал ничего писать.

— Да знаю я, господи. Но к тому времени, когда мы ее издадим, спрос на книгу будет феноменальный!

Такси свернуло за угол. Шины завизжали на повороте. Тимоти швырнуло прямо на дверь.

— Наш агент по рекламе встретит вас в Сан-Франциско у самолета. Он и будет вести пресс-конференцию,— говорил Сандлер.— Он же как-то организует ваш переезд в Санта-Миру. Это довольно далеко, так что, возможно, придется воспользоваться вертолетом.

— Вертолетом?! — переспросил пораженный Тимоти.

Такси мчалось по глубоким лужам, разбрасывая во все стороны серебристые потоки воды.

Уже был виден впереди аэропорт Хитроу.

С того самого момента, как Тимоти сел в машину, Берт Сандлер говорил не останавливаясь. Вот и сейчас он продолжал:

— И еще одно. Расскажите на пресс-конференции то, о чем вы говорили мне сегодня утром. Об исчезнувших майя. О трех тысячах пропавших китайских солдат. И особенно постарайтесь припомнить какие-нибудь случаи массовых исчезновений на территории США — даже те, что произошли *до того*, как образовались США, возможно даже в предшествующие геологические эпохи. Американской прессе это понравится. Когда можно протянуть какие-то нити от вещей общих к конкретным, сегодняшним, известным, это всегда помогает. Было какое-нибудь британское поселение в Америке, которое бы исчезло без следа?

— Было. Поселение на Роанук-Айленд.

— Обязательно скажите об этом.

— Но я не могу утверждать категорически, что исчезновение жителей этого поселения связано с вековечным врагом.

— Но в принципе такая связь могла бы быть?

Фанатик своего предмета, Тимоти наконец-то получил возможность отвлечься от самоубийственной манеры езды, избранной их водителем.

— Когда английская экспедиция, финансировавшаяся сэром Вальтером Рейли, вернулась в марте 1590 года в поселение

Руанук, она обнаружила, что все жители куда-то исчезли. Сто двадцать человек пропали без следа. Высказывалось огромное количество предположений относительно того, какая судьба могла их постигнуть. Например, широко распространилось убеждение, что жители Руанука оказались жертвами одного из индейских племен, обитавшего неподалеку. Колонисты в явной спешке нацарапали название этого племени на коре дерева — это было единственное послание, которое они успели оставить. Но индейцы клялись, что не знают, куда и почему исчезли поселенцы. И это было очень миролюбивое племя. Совсем невоинственное. Поначалу они даже помогали колонистам там обосноваться. А кроме того, в самом поселении не было никаких признаков, указывающих на то, что тут произошло нападение. Не нашли ни одного трупа. Никаких костей или могил. Так что, как видите, даже самое общепризнанное объяснение рождало больше вопросов, чем давало ответов.

Такси сделало еще один лихой поворот и резко затормозило, чтобы избежать столкновения с грузовиком.

Но теперь Тимоти уже почти не обращал внимания на лихачество водителя. Он продолжал свой рассказ:

— Я подумал, что название племени, которое колонисты нацарапали на коре дерева,— *кроатонцы*,— возможно, было не указанием на виновников, а имело другой смысл. Возможно, оно означало, что кроатонцы знали, что там произошло. Я перечитал статьи британских исследователей в нескольких журналах, тех, кто впоследствии говорил с кроатонцами об исчезновении поселения; и есть свидетельства того, что индейцы и вправду кое-что знали о причинах случившегося. Или, по крайней мере, *полагали*, что знают. Но когда они пытались объяснить это белому человеку, их рассказы не воспринимались всерьез. Кроатонцы говорили, что одновременно с исчезновением поселения в окрестных лесах и полях, где охотилось это племя, почти исчезли звери и птицы. Численность практически всех видов диких животных очень резко сократилась, притом сразу, одномоментно. Несколько более наблюдательных и вдумчивых исследователей отметили, что индейцы рассказывали об этом с суеверным ужасом. Что у них было свое объяснение исчезновения колонистов. Связанное с религией. Но, к сожалению, тех белых, кто говорил с индейцами об этом случае,

не интересовали суеверия кроатонцев, и потому исследователи не углублялись в эту тему.

— Как я понимаю, вы, наверное, занялись изучением религии кроатонцев? — спросил Берт Сандлер.

— Да,— ответил Тимоти.— Это оказалось очень непростым делом, так как племя вымерло много лет назад. Но я установил, что кроатонцы были спиритуалистами. Они верили, что душа человека не умирает и остается бродить по земле даже после смерти тела. Они считали, что существуют «высшие духи» — воплощенные в основных силах природы: в ветре, земле, огне, воде и так далее. А самое главное — и к нам это имеет прямое отношение,— они были убеждены в существовании злого духа как источника всего зла. Это соответствует христианскому понятию Сатаны. Я забыл точное индейское слово, которым обозначался этот злой дух, но оно переводится примерно так: «Тот, Кто Может Быть Всем, Но Сам Ничто».

— Боже,— проговорил Сандлер.— Отличное описание вековечного врага.

— Истины иногда скрываются в предрассудках и суевериях. Кроатонцы считали, что Тот, Кто Может Быть Всем, Но Сам Ничто пожрал и колонистов, и диких зверей и птиц. Поэтому... хотя я и не могу категорически утверждать, что исчезновение поселения на Руанук-Айленд как-то связано с вековечным врагом, мне все же кажется — есть достаточно оснований изучить возможность этого.

— Потрясающе! — произнес Сандлер.— Обязательно расскажите обо всем этом на пресс-конференции в Сан-Франциско. Точно так же, как рассказали сейчас мне.

Такси завизжало тормозами и остановилось у входа в здание аэропорта.

Берт Сандлер сунул водителю в руку несколько пятифунтовых банкнот и взглянул на часы:

— Доктор Флайт, давайте поторопимся!

Сидя у окна, Тимоти Флайт смотрел, как огни города скрываются внизу, под густыми тучами. Прорезая пелену дождя, самолет круто набирал высоту. Вскоре он был уже выше облаков, ливень и непогода остались внизу, а вверху было теперь совершенно чистое небо. Лунный свет отражался от вспененных об-

лаков, и ночь за бортом самолета была наполнена мягким, внушающим суеверный страх свечением.

Погасла табличка «Застегнуть привязные ремни».

Тимоти расстегнул ремень, но облегчения это не принесло. В голове у него вскипали и клубились мысли — точь-в-точь как грозовые облака внизу.

Прошла стюардесса, предлагая напитки. Он попросил себе виски.

Его теперешнее состояние было похоже на состояние сжатой пружины. Вся его жизнь изменилась практически мгновенно. За один сегодняшний день он пережил и перечувствовал больше, чем за весь последний год.

Напряжение, в котором он сейчас пребывал, нельзя было назвать неприятным. Он был более чем счастлив, получив возможность стряхнуть с себя скуку и тоску серой повседневности; он вступал в новую, лучшую жизнь с такой же готовностью и быстротой, с какой надевал бы новый костюм. Конечно, ввязываясь в то новое публичное изложение своих гипотез и предложений, он рисковал показаться смешным, снова навлечь на себя все прежние нападки и обвинения. Но был и какой-то шанс на то, что теперь ему наконец-то удастся показать собственную правоту, самоутвердиться.

Принесли виски, он выпил, попросил еще. Постепенно внутреннее напряжение отпускало его.

За бортом самолета, насколько мог видеть глаз, была лишь ночная мгла.

Глава 27

ПОБЕГ

Через зарешеченное окно камеры предварительного заключения Флетчеру Кейлу была хорошо видна улица. Все утро он наблюдал за тем, как возле здания полиции скапливались репортеры. Видимо, произошло что-то действительно из ряда вон выходящее.

Некоторые заключенные обменивались новостями, передавая их от камеры к камере, но ни один из них не желал общаться с Кейлом.

Все другие арестанты ненавидели его. Насмехались над ним, оскорбляли, обзывали детоубийцей. Даже в тюрьме существовало свое деление на социальные классы; и на этой иерархической лестнице детоубийцы занимали самую последнюю, нижнюю ступеньку.

Это было почти смешно. Даже угонщики машин, воры, грабители, взломщики и растратчики испытывали потребность в том, чтобы чувствовать себя выше кого-то. И потому поносили и преследовали тех, кто убил или искалечил ребенка, что каким-то необъяснимым образом позволяло им ощущать себя в сравнении с детоубийцей чуть ли не священниками и кардиналами.

Идиоты. Кейл презирал их.

Он никого не спрашивал о том, что произошло в городе. Он не даст им понять, что попытка подвергнуть его остракизму удалась. Не доставит им этого удовольствия.

Он вытянулся на койке и принялся мечтать о той великолепной судьбе, которая его ждет: слава, власть, богатство...

В половине двенадцатого, когда за ним пришли, чтобы доставить в суд, где ему должно было быть предъявлено обвинение в двух убийствах, он все еще валялся на койке. Полицейский, стоявший на посту возле камер, отпер дверь. Другой полицейский — седой и толстопузый помощник шерифа — вошел в камеру и надел на Кейла наручники.

— Сегодня у нас не хватает людей,— сказал он Кейлу,— поэтому мне придется везти тебя одному. Но не думай, что тебе удастся удрать. Не бери эту дурью мысль в голову и даже не пробуй. Ты в наручниках, а у меня револьвер. И ничто не доставит мне большего удовольствия, как пристрелить тебе задницу.

В глазах и полицейского, и охранника читалась ненависть вперемешку с отвращением.

Наконец-то до Кейла дошло, что весь остаток своей жизни он вполне может провести в тюрьме. К собственному удивлению, когда его выводили из камеры, он вдруг заплакал.

Другие арестанты свистели ему вслед, что-то выкрикивали и обзывали его последними словами.

Толстопузый полицейский подтолкнул его кулаком под ребра: «Пошевеливайся!»

На ослабевших вдруг ногах, шатаясь, Кейл побрел по коридору, миновал решетку, закрывавшую вход в ту часть помеще-

ния, где находились камеры,— ее отодвинули в сторону, чтобы пропустить Кейла и сопровождавших его полицейских,— и вышел в холл. Охранник оставался возле решетки, а полицейский снова кулаком подтолкнул Кейла в сторону лифтов. Он вообще пинал его слишком часто и чересчур сильно, даже когда в этом не было никакой необходимости, и чувство жалости к самому себе у Кейла начинало постепенно вытесняться гневом.

В маленьком, медленно ползущем вниз лифте Кейл внезапно понял, что полицейский не видит никакой угрозы в арестанте, которого сопровождает, не ждет с его стороны никакого подвоха. Эмоциональный срыв Кейла вызвал у полицейского только презрение, неприязнь и желание побыстрее покончить с порученным ему делом.

К тому моменту, когда двери лифта открылись, в Кейле произошла внутренняя перемена. Он продолжал негромко всхлипывать, но слезы, катившиеся у него из глаз, были уже неискренними, и дрожал он теперь уже от возбуждения, а не от отчаяния.

Они миновали еще один пост. Здесь полицейский показал какие-то бумаги часовому, который называл его Джо. Часовой смотрел на Кейла с нескрываемым отвращением. Кейл отвернулся в сторону, как будто ему было стыдно. И продолжал плакать.

Потом он и Джо оказались на улице и стали пересекать большую стоянку, направляясь к ряду выстроившихся вдоль забора бело-зеленых полицейских машин. День был теплый и солнечный.

Кейл продолжал плакать и делал вид, будто его не держат ноги. Он ссутулился, нагнул голову вниз. Равнодушно шаркая, он брел вперед так, словно был уже вконец сломленным, разбитым человеком.

Кроме него и сопровождавшего его полицейского, на стоянке никого не было. Они были только вдвоем. Отлично.

Пока они шли к машинам, Кейл выиграл подходящий момент, когда можно будет начинать действовать. Поначалу ему казалось, что такой момент вообще не настанет.

Но вот Джо толчком заставил его встать возле машины и наполовину отвернулся, чтобы отпереть дверцу,— и в этот момент Кейл и нанес свой удар. Он бросился на полицейского,

когда тот вставлял ключ в замок дверцы. Полицейский от неожиданности выдохнул и замахнулся на Кейла кулаком. Но было уже поздно. Кейл уклонился от удара и изо всех сил пригвоздил полицейского к машине. Дверная ручка вонзилась ему в спину у основания позвоночника, и лицо Джо побелело от боли. Ключи выскользнули у него из руки, но, пока они падали, полицейский попытался той же рукой вытащить револьвер из кобуры.

Кейл понимал, что в наручниках он не сможет вырвать у полицейского револьвер. Стоит тому вытащить оружие, и Кейл проиграл.

Поэтому он потянулся к горлу полицейского. Он изо всех сил вцепился в него зубами и почувствовал, как хлынула кровь. Он вцепился снова, вгрызаясь, как собака, все глубже и глубже в уже нанесенную рану, и снова, и снова. Полицейский попробовал закричать, но у него получился только булькающий хрип, который никто не услышал. Револьвер выпал и из кобуры, из сведенной судорогой руки полицейского. Кейл и Джо тяжело упали на землю, Кейл оказался наверху. Полицейский снова попытался закричать, и Кейл сильно заехал коленом ему в пах. Из горла полицейского пульсирующими волнами хлестала кровь.

— Сволочь! — прохрипел Кейл.

Глаза Джо остановились, поток крови постепенно затих. Все было кончено.

Кейл никогда в жизни еще не чувствовал себя таким сильным, всемогущим, таким *живым*.

Он огляделся по сторонам. На стоянке по-прежнему никого не было видно.

Он дотянулся до связки ключей и стал по очереди пробовать их, пока наконец не открыл наручники. Сбросив наручники, он зашвырнул их под машину.

Мертвого полицейского он тоже закатил под машину, чтобы его не было видно.

Потом вытер рукавом себе лицо. Рубашка его была забрызгана кровью. Но тут уж ничего не поделаешь. Как некуда было деться и от того факта, что одет он в грубошерстную, похожую на мешок синюю тюремную куртку, брезентовые штаны и резиновые ботинки без шнурков, скорее похожие на галоши.

Чувствуя, что один его вид способен у кого угодно вызвать подозрение, он торопливо прошел вдоль забора и через открытые ворота вышел со стоянки. Перейдя через дорогу, попал на другую стоянку, что находилась позади большого двухэтажного многоквартирного дома. Он быстро скользнул взглядом по окнам, надеясь, что никто его сейчас не видит.

На стоянке было около двадцати машин. У ярко-желтого «датсуна» ключи зажигания торчали в замке. Он сел за руль, тихо прикрыл за собой дверцу и облегченно вздохнул. Никто не заметил его исчезновения, и у него теперь была машина.

Сверху, на приборной доске, стояла коробка «Клинекса». Поплевав на бумажные салфетки, он старательно оттер лицо от крови. Потом взглянул на свое отражение в зеркале заднего вида — и удовлетворенно усмехнулся.

Глава 28
ОСМОТР ГОРОДКА

Пока бригада генерала Копперфильда проводила в своих передвижных лабораториях вскрытия и анализы, Брайс Хэммонд сформировал две поисковые группы и начал обход и осмотр всех домов и зданий Сноуфилда. Первую такую группу возглавил Фрэнк Отри, и с ней — в качестве наблюдателя от службы слежения за космосом — отправился майор Айсли. Капитан Аркхэм присоединился в таком же качестве ко второй группе, которой командовал сам Брайс. Они осматривали дом за домом, квартал за кварталом, улицу за улицей, никогда не удаляясь друг от друга дальше чем на одно здание и непрерывно поддерживая связь при помощи переговорных устройств.

Дженни пошла вместе с группой Брайса. Она знала всех жителей Сноуфилда и потому лучше любого другого могла бы опознать погибших, если найдут новые трупы. В большинстве случаев она могла также назвать всех, кто жил в том или ином доме,— а такая информация была необходима, чтобы составить список пропавших.

Дженни очень не хотелось, чтобы Лизе пришлось снова лицезреть эти жуткие сцены, но она не могла отказать полицейским в помощи. Не могла она и оставить сестру в гостинице.

Особенно после того, что произошло с Харкером. И с Веласкезом. Однако сейчас, пока они переходили от одного дома к другому, тщательно осматривая каждую комнату, каждое помещение, девочка неплохо справлялась с эмоциями и держалась молодцом. Она доказывала старшей сестре, что способна контролировать себя, и Дженни внутренне все больше ею гордилась.

Поначалу они не находили трупов погибших людей. В самых первых жилых домах и других зданиях, которые они осмотрели, никого не было. В нескольких домах стояли столы, накрытые к воскресному ужину. В других ванны были наполнены водой, сейчас уже остывшей. Кое-где все еще работали телевизоры, перед которыми никто не сидел.

В одном из домов на кухне они обнаружили включенную электрическую плиту, на которой в трех кастрюлях что-то готовилось. Вода из кастрюль давно уже испарилась, содержимое высохло, сгорело и обуглилось, и установить, что было в этих кастрюлях изначально, теперь было уже невозможно. Сами кастрюли, сделанные из нержавеющей стали, пришли в полную негодность. Они почернели и снаружи, и внутри, обрели синевато-черный отлив, их пластмассовые ручки размягчились и частично оплавились. Весь дом провонял каким-то едким, неприятным запахом: Дженни никогда раньше не доводилось сталкиваться с подобной вонью.

Брайс выключил конфорки.

— Просто чудо, что не сгорел весь дом.

— Если бы плита была газовая, наверное, сгорел бы,— ответила Дженни.

Над плитой с кастрюлями была устроена вытяжка, тоже сделанная из нержавейки, с установленным в ней вентилятором. По-видимому, когда содержимое кастрюль высохло и загорелось, эта вытяжка оттянула пламя на себя и не дала ему распространиться на окружающие предметы, да и горело то, что оставалось в кастрюлях, скорее всего, недолго и несильно.

Когда они снова вышли на улицу, то все, за исключением облаченного в защитный костюм капитана Аркхэма, глубоко вздохнули и постояли несколько минут, с удовольствием дыша чистым горным воздухом. Всем им надо было прочистить легкие от той зловонной гадости, которой они надышались.

В следующем доме они обнаружили первый за этот день труп. Это был Джон Фарли, владелец «Горной таверны», работавшей обычно только в период лыжного сезона. Ему было уже за сорок, он был видный мужчина, всегда заметный и выделявшийся в любом окружении: с темными волосами, в которых уже проглянула седина, с большим носом и крупным ртом, часто улыбавшийся открытой, необычайно располагающей улыбкой. Сейчас он весь посинел и вздулся, одежда на распухшем теле натянулась, а глаза вылезли из орбит.

Фарли сидел за маленьким столиком в углу просторной кухни. Перед ним стояла почти полная тарелка: макароны с сыром и фрикадельками. Стоял стакан, наполненный красным вином. Рядом с тарелкой лежал раскрытый журнал. Фарли сидел, выпрямившись на стуле. Одна рука лежала у него на колене, раскрытой ладонью вверх. Рот у Фарли был приоткрыт, и в зубах его застрял кусочек хлеба. Фарли умер, жуя: челюстные мускулы у него так и остались напряженными.

— О господи,— проговорил Тад,— он даже не успел ни проглотить, ни выплюнуть. Должно быть, смерть наступила мгновенно.

— И он не видел ее приближения,— добавил Брайс.— Посмотрите на его лицо. На нем нет выражения ни ужаса, ни удивления, ни шока, как у большинства других.

— Чего я не могу понять,— проговорила Дженни, глядя на напряженные челюсти погибшего,— так это того, почему после смерти совсем не наступает расслабление мускулов. Очень странно.

В церкви Божьей Матери на Горе лучи солнца пробивались через витражные окна, набранные из стекла преимущественно различных оттенков синего и зеленого тонов. Сотни зайчиков — бледно-голубых, голубовато-фиолетовых, густо-синих, небесно-голубых, изумрудно-зеленых — лежали на полированных деревянных скамьях, в проходах между ними, на стенах церкви.

Как будто под водой, подумал Горди Брогэн, входя вслед за Фрэнком Отри в столь необычно и прекрасно освещенный неф церкви.

Сразу же за нартексом поток малинового света расплескивался по белой мраморной купели, заполненной святой водой.

Здесь солнце проникало через витражное изображение Христа, прямо через его кровоточащее сердце, и отбрасывало багровые лучи в воду, блестевшую в светлой мраморной чаше. Этот малиновый цвет как бы символизировал кровь Христа.

Из пяти человек, что входили в состав группы осмотра, только Горди был католиком. Он обмакнул два пальца в святую воду, перекрестился и преклонил колена.

В церкви было торжественно и тихо.

В воздухе висел приятный аромат благовоний.

Молящихся не было, на скамьях никто не сидел. Поначалу им показалось, что в церкви вообще никого нет.

Потом Горди внимательнее посмотрел в сторону алтаря и чуть не задохнулся.

Фрэнк тоже увидел то, что там было. «О господи!» — выговорил он.

В отличие от остальной части церкви алтарь скрывался в тени. Именно потому вошедшие не сразу разглядели ту ужасную и святотатственную картину, которую только теперь заметили. Свечи в алтаре догорели до конца и давно уже погасли.

По мере того как члены группы медленно подходили по центральному проходу ближе и ближе, им все виднее становилось большое, в натуральную величину распятие, возвышавшееся в центральной части над алтарем. Это был деревянный крест с закрепленной на нем гипсовой фигурой Христа, очень тщательно, во всех малейших деталях, выполненной и от руки раскрашенной. Но сейчас изображение Господа было почти полностью закрыто другой фигурой, висевшей впереди Христа. Эта фигура была уже настоящей, а не гипсовой. Это был священник в сутане, прибитый гвоздями к кресту.

Два мальчика, церковные служки, скончались перед алтарем на коленях. Они были мертвы, их тела посинели и раздулись.

Кожа священника уже потемнела, на ней были и другие признаки начавшегося разложения. Тело его очень отличалось от тел других погибших, найденных ими здесь. Оно выглядело так, как и должен выглядеть труп, пролежавший почти сутки.

Фрэнк Отри, майор Айсли и двое полицейских прошли через отделяющее алтарную часть ограждение и вошли в алтарь.

Горди был не в силах последовать за ними. Он был слишком потрясен и, чтобы не упасть, должен был сесть на переднюю скамью.

Осмотрев алтарь и заглянув через дверь в ризницу, Фрэнк вызвал по переговорному устройству Брайса Хэммонда, находившегося в соседнем здании.

— Шериф, здесь в церкви трое. Нам нужна доктор Пэйдж, чтобы установить их личности. Но тут особенно мерзкая картина, так что пусть лучше Лиза останется с парой ребят у входа.

— Сейчас подойдем,— ответил шериф.

Фрэнк вышел из алтаря, прошел через ограждение и сел рядом с Горди. В одной руке он держал переговорное устройство, в другой — револьвер.

— Ты же ведь католик?

— Да.

— Тяжело тебе смотреть на все это.

— Ничего, сейчас пройдет,— ответил Горди.— Но ты не католик, тебе, конечно, легче.

— Ты знал священника?

— По-моему, его звали отец Каллагэн. Но я ходил не в эту церковь. Я хожу в церковь Святого Андрея, ту, которая в Санта-Мире.

Фрэнк положил переговорное устройство на скамью и поскреб подбородок.

— Судя по всему, что мы видели до сих пор, городок подвергся нападению вчера вечером, незадолго до того, как сюда приехали доктор и Лиза. Но вот то, что произошло здесь... Если эти трое погибли сегодня утром, во время литургии...

— Это могло быть Благословение,— ответил Горди.— Во время Благословения, а не литургии.

— Благословения?

— Благословение святого причастия. Воскресная вечерняя служба.

— А-а. Ну что ж, тогда это совпадает по времени со всеми остальными.— Он оглядел пустые скамьи.— Интересно, а где же прихожане? Почему в церкви только священник и алтарные служки?

— На эту службу всегда приходит не так уж много народа,— ответил Горди.— Возможно, было всего два-три человека. Но *оно* их сожрало.

— Тогда почему же оно не сожрало всех?

Горди не ответил.

— Зачем ему понадобилось вытворять *такие вот* художества? — продолжал допытываться Фрэнк.

— Чтобы посмеяться над нами. Поиздеваться. Чтобы лишить нас надежды,— с печалью в голосе произнес Горди.

Фрэнк уставился на него, не понимая.

— Возможно, кто-нибудь из нас надеется, что Господь поможет нам выбраться отсюда живыми,— пояснил Горди.— Быть может, большинство из нас разделяют эту надежду. Я, например, молюсь почти непрерывно с тех пор, как мы сюда приехали. Может быть, и ты тоже. Оно понимает, что мы будем вести себя именно так. Оно знало, что мы обратимся к Богу за помощью. И таким вот образом оно дает нам понять, что Бог нам не поможет. Или же, по крайней мере, оно хочет, чтобы мы так думали. Потому что это для него естественно: возбуждать сомнения в Господе. Оно всегда действует именно так.

— Ты говоришь так, как будто точно знаешь, с кем мы тут сталкиваемся,— проговорил Фрэнк.

— Может быть, и знаю,— ответил Горди. Он посмотрел на распятого священника, потом опять повернулся к Фрэнку: — А что, сам ты не знаешь? Неужели ты еще не понял, Фрэнк?

Выйдя из церкви и повернув за угол на поперечную улицу, они увидели две разбитые машины.

«Кадиллак-севилль» влетел на лужайку перед домом приходского священника, снес попавшиеся ему на дороге кусты и въехал в столб крыльца на углу дома. Столб был почти перебит пополам, крыша крыльца накренилась набок.

Тал Уитмен заглянул через боковое стекло в машину.

— Там за рулем женщина.

— Мертвая? — спросил Брайс.

— Да. Но не в результате столкновения.

Дженни, стоявшая с другой стороны машины, попыталась открыть дверцу водителя. Но она оказалась заперта. Все дверцы машины были заперты изнутри, все стекла подняты вверх до самого упора.

Однако находившаяся за рулем женщина — это была Эдна Гоуэр, Денни ее знала — выглядела точно так же, как и все тру-

пы, которые они видели раньше. Потемневшая, посиневшая, распухшая. На ее искаженном лице как бы застыл вопль ужаса.

— Кто и как смог до нее там добраться и убить ее? — удивленно подумал Тал, не заметив, как произнес это вслух.

— А вспомни запертую ванную в гостинице «При свечах»,— сказал Брайс.

— И забаррикадированную комнату в доме Оксли,— добавила Дженни.

— Это почти аргумент в пользу того объяснения, которое предлагает генерал: что это был нервно-паралитический газ,— проговорил капитан Аркхэм.

После чего капитан отстегнул миниатюрный счетчик Гейгера, закрепленный у него на поясе, и тщательно исследовал с его помощью всю машину. Выяснилось, однако, что находившуюся внутри машины женщину убила вовсе не радиация.

Вторую разбитую машину они обнаружили примерно в квартале от дома священника. Это был перламутрово-белый «линкс». На мостовой позади него остались черные следы от шин. «Линкс» стоял поперек улицы, под некоторым углом к тротуару, загораживая проезд. Передком он воткнулся в бок стоявшему у тротуара желтому «шевроле»-фургону. Но значительных повреждений на обеих машинах не было; «линкс» успел затормозить и к моменту удара уже почти остановился.

За рулем сидел мужчина среднего возраста с пышными густыми усами. Одет он был в джинсы и безрукавку. Денни узнала его. То был Марти Сусман. Последние шесть лет он был в Сноуфилде главой городской администрации. Обаятельный и прямой Марти Сусман. Сейчас он был мертв. И причина смерти тоже явно никак не была связана со столкновением.

Дверцы «линкса» были заперты изнутри, стекла подняты до упора — все так же, как и на том «кадиллаке».

— Такое впечатление, что они оба пытались от кого-то или чего-то убежать,— сказала Дженни.

— Возможно,— сказал Тал.— А может быть, ехали куда-то по делам или просто отправились прокатиться в тот момент, когда произошло нападение. Но если они действительно пытались убежать, то их остановил кто-то очень сильный, раз он смог сделать это прямо на улице, на ходу.

— В воскресенье было тепло. Тепло, но не жарко,— проговорил Брайс.— Не настолько жарко, чтобы ездить, закрыв

стекла и включив кондиционер. Это был денек из тех, когда большинство людей, наоборот, предпочитают опустить стекла и наслаждаться свежим воздухом. Поэтому мне кажется, что после того, как что-то заставило их остановиться, они подняли стекла в машинах и заперлись изнутри, чтобы не дать никому забраться в машину.

— Но оно все равно забралось,— сказала Дженни.

Оно.

Нед и Сью Мэри Бишофф были владельцами очаровательного, построенного в тюдоровском стиле дома, уютно разместившегося на двойного размера участке прямо среди огромных сосен. Жили они здесь вместе с двумя сыновьями. Восьмилетний Ли Бишофф уже умел удивительно хорошо играть на пианино — даже несмотря на то что руки у него были еще маленькие — и как-то раз сказал Дженни, что когда он вырастет, то станет новым Стиви Уандером, «только не слепым». Шестилетний Терри был точной внешней копией Проказника Денниса с популярных карикатур, но только чернокожим и с очень добрым характером.

Нед был преуспевающим художником. Его картины продавались по шесть-семь тысяч долларов каждая, а выпускаемые ограниченным тиражом авторские оттиски гравюр шли по четыреста—пятьсот долларов за штуку.

Нед был постоянным пациентом Дженни. Хотя ему было всего тридцать два года и он уже добился успеха в жизни, он страдал язвой, от которой его и лечила Дженни.

Теперь язва не будет его больше беспокоить. Он лежал на полу своей мастерской, прямо перед мольбертом, мертвый.

Сью Мэри была на кухне. Как Хильду Бек, экономку Дженни, и как многих других в городке, смерть настигла Сью Мэри в тот момент, когда она готовила ужин. При жизни она была красивой и милой женщиной. Теперь она выглядела иначе.

Обоих мальчиков они нашли в детской.

Для ребят это была прекрасная комната: большая, просторная, с расположенными друг над другом детскими кроватками. Многочисленные полки были забиты детскими книжками. На стенах висели картины и рисунки Неда, изображавшие причудливые фантастические сцены, так непохожие на те произ-

ведения, благодаря которым он приобрел известность: свинья в смокинге, танцующая с одетой в вечернее платье коровой; пульт управления космического корабля, около которого в креслах сидят космонавты-жабы; мрачный, но по-своему очаровательный вид школьной площадки для игр ночью: все залито светом полной луны, детей на площадке нет, и только на качелях вовсю с удовольствием раскачивается огромный, жуткого вида оборотень.

Мальчиков они нашли в углу комнаты, под горой игрушек. Младший, Терри, был позади старшего, Ли, который, видимо, предпринял безуспешную попытку защитить младшего братишку. Глаза у обоих были навыкате, и их мертвый взгляд был устремлен перед собой, как будто они все еще видели то, что так напугало их вчера, прежде чем убить. Мускулы у Ли все еще оставались напряженными, и потому руки у него замерли в том положении, в каком они были в самые последние мгновения его жизни: поднятые и скрещенные перед собой, с растопыренными пальцами, как будто он защищался или пытался укрыться от ударов.

Брайс опустился перед детьми на колени. Дрожащей рукой он дотронулся до лица Ли, будто не веря, что мальчик и вправду мертв.

Дженни тоже опустилась на колени рядом с ним.

— Да, это сыновья Бишоффов,— произнесла она, не в силах справиться с задрожавшим голосом.— Так что вся семья была дома.

По щекам Брайса бежали слезы.

Дженни попыталась вспомнить, сколько лет его собственному сыну. Семь или восемь? Он должен быть примерно того же возраста, что и Ли Бишофф. Маленький Тимми Хэммонд лежал сейчас в глубокой коме в больнице Санта-Миры, и его состояние было таким же, что и год назад. Он превратился почти в растение. Но все же даже это было лучше, чем такая вот смерть. Все, что угодно, лучше, чем *это*.

Но вот слезы Брайса высохли.

— Я их достану,— проговорил он, и в голосе его звучала ярость.— Чьих бы рук дело это ни оказалось... Я их заставлю заплатить за это.

Дженни еще никогда не приходилось сталкиваться с такими людьми. В Брайсе соединялись мужественность, немалая

физическая сила, целеустремленность и воля, но ему были не чужды также и доброта, и нежность.

Ей захотелось обнять его. И чтобы он обнял ее в ответ.

Но, как всегда, она следила за собой и не любила выставлять напоказ свои чувства. Будь она такой же открытой и непосредственной, как Брайс, у нее никогда бы не произошло молчаливое отчуждение от матери. Но она не была открытым человеком или пока еще не была, хотела бы им стать. И потому в ответ на его яростное обещание разделаться с убийцей детей Бишоффов она возразила:

— А что, если их убил не человек? Не только в людях есть зло. Оно есть и в природе. Сколь разрушительно и слепо, например, землетрясение. Или зло рака, не разбирающее, кто его жертва. Убийцей, который действовал здесь, может оказаться нечто такое, что, возможно, и не ставило перед собой цели убивать. Нечто отдаленное от наших представлений. Такое, что невозможно будет привлечь к ответственности, отдать под суд. Возможно даже, что у него иная природа, нежели у человека. Что тогда?

— Кто бы или что бы это ни было, черт побери, я до него доберусь. И я с ним разделаюсь. Я его заставлю заплатить за все, что он тут натворил,— упрямо повторил Брайс.

Выйдя из католической церкви, группа Фрэнка Отри осмотрела три следующих дома, но никого в них не обнаружила. Четвертый дом, однако, не был пустым. Тут они нашли Венделла Халбертсона, учителя средней школы, который работал в Санта-Мире, но жить предпочел в горах, в доме, что когда-то принадлежал его матери. Халбертсон преподавал английский язык, и Горди учился у него всего пять лет назад. Труп учителя не был посиневшим и раздувшимся, как остальные: Халбертсон сам покончил с собой. В углу спальни, куда его, по-видимому, загнали, он вставил себе в рот ствол пистолета тридцать второго калибра и нажал на курок. Смерть от собственной руки явно показалась ему более предпочтительной по сравнению с тем, что *оно* собиралось с ним сделать.

Выйдя из дома Бишоффов, Брайс со своей группой осмотрели еще несколько домов, но ни в одном из них не нашли новых трупов. Только в пятом доме они обнаружили пожилую су-

пружескую пару, которая, спасаясь от убийцы, заперлась в ванной комнате. Ее тело лежало в ванне, его — бесформенной грудой на полу.

— Они были моими пациентами,— сказала Дженни.— Это Ник и Мелина Папандракис.

Тал внес их имена в список погибших.

Как и супруги Ордиэй в гостинице «При свечах», Ник Папандракис тоже попытался оставить надпись, которая бы указывала на убийцу. Он воспользовался йодом из аптечки, чтобы с его помощью написать что-то на стене. Но не успел закончить даже одно слово. На стене видны были только две буквы и начало третьей:

P R C

— Кто-нибудь может сообразить, что он хотел написать? — спросил Брайс.

Каждый по очереди протиснулся в ванную, переступил через труп Ника Папандракиса и долго всматривался в оранжево-коричневые буквы на стене. Но вспышка вдохновения так никого и не посетила.

Пули.

В следующем доме, что стоял рядом с домом Папандракисов, весь пол в кухне был покрыт стреляными пулями. Не целыми патронами. А десятками стреляных пуль, без гильз.

Поскольку стреляных гильз здесь не было, можно было сделать заключение, что стреляли не тут. Не было на кухне и характерного запаха сгоревшего пороха. Не было и следов от пуль ни в стенах, ни в мебели.

Просто весь пол был усеян пулями, как будто над ним прошел таинственный пулевой дождь.

Фрэнк Отри зачерпнул в ладонь целую пригоршню кусочков серого металла. Он не был специалистом по баллистике, но, как ни странно, ни одна из пуль не была серьезно деформирована или разбита на осколки, и Фрэнк без труда установил, что выпущены они из разного оружия. Большая часть пуль — многие десятки их — были того типа и калибра, что применяются для автоматов, которыми были вооружены солдаты из взвода охраны бригады генерала Копперфильда.

«Неужели же это пули из автомата сержанта Харкера? — подумал Фрэнк.— Те самые пули, которые он выпустил в своего убийцу в холодильной камере супермаркета Гилмартина?»

Фрэнк озадаченно нахмурился.

Он бросил те пули, что держал в ладони, и они застучали по полу, потом нагнулся и подобрал с пола несколько других. Здесь были пули двадцать второго калибра, тридцать второго, снова двадцать второго, тридцать восьмого. Было даже довольно много охотничьей дроби.

Он выискал единственную пулю сорок пятого калибра и принялся рассматривать ее с особым интересом. Это была пуля от того самого типа патронов, какими был заряжен и его револьвер.

Горди Брогэн присел на корточки рядом с ним.

Фрэнк не взглянул на Горди. Он продолжал внимательнейшим образом разглядывать пули и явно ловил ускользающую, но зловещую мысль.

Горди подобрал с пола несколько пуль.

— Они же совсем не деформированы!

Фрэнк кивнул.

— Они *должны* были во что-то попасть,— продолжал Горди,— а значит, они должны быть деформированы. Хотя бы некоторые из них.— Он помолчал немного, потом спросил: — Слушай, да ты где витаешь? О чем ты думаешь?

— О Поле Хендерсоне,— Фрэнк поднес под нос Горди пулю сорок пятого калибра.— Вчера вечером в полицейском участке Пол выпустил три такие пули.

— В своего убийцу.

— Ага.

— Ну так что?

— Ну так вот, у меня есть дикое предчувствие, что если мы попросим лабораторию провести баллистическую экспертизу, то выяснится, что эта пуля выпущена из револьвера Пола.

Горди моргал, не вполне понимая, куда он клонит.

— А еще мне кажется,— продолжал Фрэнк,— что если мы переберем все пули, которые валяются тут на полу, то найдем еще две точно такие же, как эта. Заметь, не еще одну. И не еще три. А именно еще две с точно такими же царапинами, как и на этой.

— Ты хочешь сказать... это те самые три пули, которые выпустил вчера вечером Пол?

— Ага.

— Но как они попали оттуда сюда?

Вместо ответа Фрэнк выпрямился и нажал кнопку переговорного устройства.

— Шериф?

Из маленького динамика тут же послышался решительный голос Брайса Хэммонда:

— В чем дело, Фрэнк?

— Мы все еще в доме Шеффилдов. По-моему, вам стоит сюда подойти. Здесь есть кое-что для вас интересное.

— Новые трупы?

— Нет, сэр. Э-э... нечто странное.

— Сейчас придем,— ответил шериф.

Выключив радио, Фрэнк сказал, обращаясь к Горди:

— Мне представляется, что... совсем недавно, где-то на протяжении последних двух часов, уже после того как сержант Харкер пропал из магазина Гилмартина, оно было здесь, в этой самой комнате. И тут оно избавилось от всех пуль, которые попали в него за вчерашний вечер и сегодняшнее утро.

— От пуль, которые в него попали?

— Да.

— *Избавилось* от них? Вот просто взяло и избавилось?

— Да, просто взяло и избавилось,— ответил Фрэнк.

— Но как?

— Похоже, что оно их просто как-то... выдавило из себя. Или стряхнуло эти пули, как собака стряхивает шерсть при линьке.

Глава 29

В БЕГАХ

Пока он ехал по Санта-Мире на украденном «датсуне», Флетчер Кейл услышал по радио о происшествии в Сноуфилде.

Хотя весь округ жил сейчас только этим событием, Кейла оно не особенно заинтересовало. Его никогда особенно не волновали трагедии других людей.

Он уже потянулся было выключить радио — ему надоели новости о Сноуфилде, у него было сейчас больше чем достаточно собственных проблем,— но тут он услышал имя, к которому он не был равнодушен. Джейк Джонсон. Джонсон был среди тех полицейских, что отправились вчера вечером в Сноуфилд. Теперь о нем говорили как об исчезнувшем и даже высказывали опасение, что он, возможно, уже мертв.

Джейк Джонсон...

Год назад Кейл продал Джонсону солидно построенный бревенчатый дом в горах с участком в пять акров.

Джонсон утверждал тогда, будто он страстный охотник и именно потому ему нужен дом в горах. Но из нескольких случайно оброненных полицейским оговорок Кейл сделал для себя вывод, что на самом деле Джонсон принадлежит к числу тех, кто убежден, что мир обречен, что он неумолимо катится в пропасть и что рано или поздно общество погибнет из-за обвальной инфляции, ядерной войны или какой-нибудь другой катастрофы. Кейл начал подозревать — и со временем все больше укреплялся в своих подозрениях,— что дом понадобился Джонсону как убежище, в котором можно было бы накопить большие запасы оружия и продовольствия, а потом, когда придут социальные потрясения, отсидеться, а в случае необходимости с легкостью защитить себя.

Для этой цели дом в горах, безусловно, подходил как нельзя лучше. Он располагался в уединенном месте, на склоне Снежной горы, по другую сторону от Сноуфилда. Добираться туда надо было по так называемой пожарной просеке — принадлежащей округу узкой грунтовой дороге, проехать по которой практически могли лишь машины со всеми ведущими колесами. С этой просеки надо было свернуть на другую, еще худшую дорогу и, наконец, последние четверть мили нужно было преодолевать пешком.

Через два месяца после того, как Джонсон приобрел дом и участок, Кейл одним теплым июньским утром, когда Джонсон, как он точно знал, находился на дежурстве в Санта-Мире, незаметно пробрался туда. Ему хотелось проверить, верны ли его подозрения и действительно ли Джонсон превращает это место в лесную крепость.

Дом стоял такой же, как прежде, но Джонсон, как быстро выяснил Кейл, вел какие-то большие работы в известковых пещерах, вход в которые начинался с его участка. Здесь, перед входом, были свалены мешки с песком и цементом, стояла тачка, лежала груда камней.

Внутри подземелья, сразу же за входом, на каменном полу у стены стояли две газовые лампы. Кейл взял одну из них и направился в глубь пещеры.

Вход в пещеру был длинным и узким, больше похожим на тоннель. В конце его Кейлу пришлось пробираться узким изломанным проходом, что шел зигзагами через известковые породы то влево, то вправо, прежде чем он оказался наконец в первой, похожей на комнату подземной выемке.

Вдоль одной из ее стен были рядами сложены пятифунтовые, запаянные под вакуумом и заполненные азотом банки с молочным и яичным порошками, с высушенными в глубоком холоде овощами, фруктами, суповыми смесями, бочонки с медом и с обычным зерном. Был здесь и надувной матрас, и много всякой прочей всячины. Джейк явно постарался.

Из первой подземной комнаты вел проход во вторую. Тут в полу было естественное отверстие диаметром около десяти дюймов, из которого доносился какой-то странный шум. Разговаривающие шепотом голоса. Угрожающе звучавший смех. Кейл чуть было не развернулся и не бросился бежать оттуда, но вовремя сообразил, что все эти вроде бы жуткие звуки на самом деле не что иное, как шум журчащей в закрытом пространстве воды. Подземный ручей. Джейк опустил в этот самой природой созданный колодец однодюймовую резиновую трубу, а возле отверстия установил ручной насос.

Просто квартира со всеми удобствами.

Кейл сделал для себя вывод, что Джонсон сооружает это убежище не просто на всякий случай, в порядке предосторожности, нет, этот человек положительно *одержимый*.

В другой раз, теперь уже в конце лета, в один из последних дней августа, Кейл, снова наведавшись в это место, не обнаружил, к своему удивлению, входа в пещеру. Отверстие высотой около четырех и шириной около пяти футов исчезло. Оказалось, Джонсон засадил все вокруг кустарником и вьющимися

растениями, и зелень совершенно скрыла от посторонних глаз вход в его убежище.

Кейл пробрался через эту маскировку, стараясь не повредить ее.

На этот раз он привез с собой собственный электрический фонарь. Он пролез в отверстие пещеры, выпрямился, оказавшись внутри, прошел вперед по зигзагообразному тоннелю — и вдруг неожиданно оказался в тупике. Он знал, что впереди должен быть еще один отрезок этого зигзагообразного тоннеля, а за ним первое из больших помещений. Но перед ним была сплошная стена из известняка, цельная ровная поверхность, наглухо запечатавшая проход вглубь.

Несколько мгновений Кейл изумленно смотрел на эту преграду, ничего не понимая. Потом он тщательно оглядел ее и через несколько минут обнаружил потайной замок. То, что казалось скалой, на самом деле было тонким слоем штукатурки, при помощи эпоксидной смолы закрепленной на двери, которую Джонсон очень умело соорудил в естественном проеме между последним отрезком тоннеля и первым из внутренних помещений пещеры.

Именно в тот августовский день, восхищенный этой потайной дверью, Кейл и решил, что он сам воспользуется этим убежищем, если в том возникнет необходимость. В конце концов, вполне возможно, что эти чокнутые, которые готовятся к вселенской катастрофе, в чем-то и правы. Может быть, действительно те идиоты, что засели в столицах, в один прекрасный день попытаются взорвать весь мир. Если так случится, то Кейл поспеет в это убежище первым, а когда сюда доберется Джонсон, то он, Кейл, просто пристрелит его.

Мысль об этом доставила Кейлу удовольствие.

Она давала ему возможность лишний раз почувствовать себя умнее, прозорливее, выше всех остальных.

Тринадцать месяцев спустя он, к собственному удивлению и ужасу, в самом деле увидел, что наступает конец мира. Конец *его* мира. Когда по обвинению в убийстве его посадили под замок в окружную тюрьму, он с самого начала знал, куда направится, если только ему представится возможность совершить побег: в горы, в пещеры. Он отсидится там в течение несколь-

ких недель, пока легавые не перестанут искать его в Санта-Мире и ее окрестностях.

Спасибо тебе, Джейк Джонсон.

Джейк Джонсон...

И вот сейчас, сидя в угнанном желтом «датсуне» и, по сути, едва отъехав от тюрьмы, Кейл вдруг услышал о Джонсоне по радио. Услышал и заулыбался. Судьба была на его стороне.

После того как побег удался, главной проблемой Кейла стало избавиться от тюремной одежды и экипироваться всем необходимым для жизни в горах. Пока еще он не знал, как сумеет сделать и то и другое.

Но как только он услышал по радио, что Джейк Джонсон мертв — или, по крайней мере, находится в Сноуфилде, а значит, не объявится тут,— Кейл тут же решил ехать прямо к дому Джонсона. Помощник шерифа жил один, без семьи. Его дом — идеальное и безопасное временное пристанище. Правда, по своим габаритам Джонсон несколько отличался от Кейла, но все же не очень значительно, так что Кейл сможет в его доме сменить свою тюремную одежду на что-нибудь наиболее подходящее из гардероба полицейского.

А главное, оружие. Раз Джейк Джонсон готовился к концу света, у него где-нибудь в доме обязательно должно быть припасено оружие.

Полицейский жил в том же самом одноэтажном трехкомнатном доме, который он унаследовал от своего отца, Большого Ральфа Джонсона. Дом этот было бы трудно назвать картинкой. Деньги, что Большой Ральф зарабатывал взятками и честным трудом, он тратил крайне осторожно: Джонсон-старший отлично знал, что способно привлечь внимание агентов федеральной налоговой службы, и потому предпочитал не высовываться. С другой стороны, дом Джонсонов не был и развалюхой. Он стоял в одном из центральных кварталов по Пайн-Шэдоулэйн, в респектабельном районе, где дома и участки были заметно больше средних, а на участках росли высокие и толстые деревья. Дом Джонсона был в этом квартале одним из самых маленьких, но сзади к нему была пристроена хорошая солнечная веранда, а внутри он был оборудован большой ванной джакузи с кислородным и струйным подводным массажем, огромной бильярдной, в которой стоял старинный стол, и целым рядом других усовершенствований для отдыха и комфорта, невидимых с улицы.

Кейлу довелось побывать здесь дважды в тот период, когда он продавал Джонсону участок в горах, и теперь он без труда отыскал этот дом снова.

Он загнал «датсун» на участок, заглушил двигатель и вышел из машины, надеясь, что никто из соседей его не видит.

Потом обошел дом, зашел с тыльной стороны, взломал окно на кухне и забрался внутрь.

Там он направился прямиком в гараж. Гараж был большой, рассчитанный на две машины, но сейчас в нем стоял только джип-универсал с четырьмя ведущими колесами. Кейл знал, что у Джонсона был джип, и он рассчитывал, что найдет его в гараже. Он открыл ворота гаража и загнал внутрь угнанный «датсун». Убрав краденую машину с улицы и закрыв снова гараж, он почувствовал себя в большей безопасности.

В спальне хозяина дома он тщательно изучил содержимое шкафов с одеждой и обнаружил пару крепких туристских ботинок всего на полразмера больше, чем носил он. Джонсон был на пару дюймов ниже Кейла, поэтому его брюки были Кейлу коротки, но если убрать их в ботинки, то все будет смотреться вполне нормально. В поясе брюки были Кейлу слишком широки, но тут он стянул все лишнее ремнем. Потом нашел и примерил спортивную рубашку. Сойдет.

Одевшись, он внимательно оглядел себя в большом, в полный рост, зеркале.

— Неплохо выглядишь,— сказал он своему отражению.

Потом обошел весь дом, разыскивая оружие. Но ничего не нашел.

Ну ладно, значит, оно где-то припрятано. Если потребуется, он разнесет весь этот дом в щепки, но оружие найдет.

Начал он со спальни. Он вывалил на пол все, что было в ящиках комода и гардероба. Оружия не было. Он вытряхнул все из большого стенного шкафа: одежду, ботинки, чемоданы, какие-то коробки, гладильную доску. Оружия не было и там. Он свернул ковер и внимательно изучил пол в поисках какого-нибудь тайника. Но и здесь тоже ничего не обнаружил.

Полчаса спустя он был весь мокрый от пота, но совершенно не чувствовал усталости. Наоборот, его охватило приятное возбуждение. Он оглядел учиненный им разгром и испытал странное удовлетворение. Комната имела такой вид, как будто в ней взорвался артиллерийский снаряд.

Он перешел в следующую комнату, взламывая, круша, вываливая на пол, переворачивая и ломая все, что попадалось ему под руку.

Ему очень хотелось отыскать оружие.

Но и сама процедура поисков доставляла ему удовольствие.

Глава 30

НЕСКОЛЬКО ОТВЕТОВ И НОВЫЕ ВОПРОСЫ

Этот дом поражал аккуратностью и чистотой, но его цветовая гамма и обилие везде и всюду виньеточек, оборочек и кружевных украшений выводили Брайса Хэммонда из равновесия. Все в доме было либо зеленого, либо желтого цвета. *Абсолютно все*. Ковры на полу были зеленые, стены бледно-желтые. В гостиной диваны были обиты желто-зеленым материалом с цветочным орнаментом, причем таких кричащих оттенков, что хотелось надеть темные очки. Два стоявших в комнате кресла были изумрудно-зеленого цвета, а две кушетки — канареечно-желтого. Желтые керамические лампы были накрыты зелеными волнистыми абажурами с кружавчиками и зеленовато-желтым орнаментом. На стене висели две большие картины: на каждой из них были изображены желтые маргаритки на зеленеющем поле. В спальне было еще хуже: обои с крупными цветами были намного ярче обивки на диванах в гостиной, а ярко-желтые драпировки дополнялись такими же оборчатыми занавесочками. По кровати было разбросано около десятка декоративных подушечек: часть из них была зеленого цвета с кружевными желтыми оборками, другая часть — желтого цвета, но с зелеными кружевами.

По словам Дженни, в этом доме жили Эд и Тереза Ланге, три их сына-подростка и семидесятилетняя мать Терезы.

Обитателей дома они не нашли. Брайс порадовался хотя бы тому, что в доме не было трупов: посиневшие и раздувшиеся мертвецы выглядели бы среди этого почти маниакально жизнерадостного окружения особенно жутко.

Кухня тоже была выдержана в зеленой и желтой гамме.

Подойдя к мойке, Тал Уитмен вдруг произнес:

— Вот это да! Взгляните-ка, шеф.

Брайс, Дженни и капитан Аркхэм подошли к Талу, двое других полицейских остались сзади, в дверях, вместе с Лизой. Невозможно было угадать заранее, что обнаружится вдруг в кухонной мойке в этом городке, посреди всего этого кошмара. Быть может, чья-нибудь голова. Или еще одна пара отрезанных рук. Или еще что-нибудь похуже.

Но на этот раз ничего ужасного в мойке не было. Просто странное.

— Хватит на ювелирный магазин среднего размера,— сказал Тал.

Двойная мойка была доверху наполнена ювелирными изделиями и украшениями. В основном это были наручные часы и всевозможные кольца. Часы здесь были и мужские, и женские, всех марок: «Таймекс», «Сейко», «Булова» и даже одни «Ролекс». Некоторые из часов были на браслетах, некоторые — без них, но не было ни одной пары часов на кожаном или пластмассовом ремешке. Здесь были десятки обручальных колец, их бриллианты ярко сверкали из мойки. Много было колец и перстней с камнями, соответствующими знаку зодиака: с гранатами, аметистами, гелиотропами, топазами, турмалинами, с рубинами и изумрудами. Были перстни с гербами школ и колледжей. Дешевые подделки и бижутерия были перемешаны с действительно настоящими и дорогими вещами. Брайс запустил руки в эту кучу драгоценностей примерно так же, как обычно в кино пираты запускают руки в сундук с сокровищами. Порывшись в этом сверкающем изобилии, он обнаружил и многое другое: серьги, кулоны, браслеты с подвесками и без них, отдельные жемчужины и камешки от разорванных ожерелий, золотые цепочки, очень милую брошь-камею...

— Не может быть, чтобы все это принадлежало семье Ланге,— проговорил Тал.

— Погоди-ка,— сказала Дженни. Она вытянула из кучи часы и принялась внимательно изучать.

— Узнали их? — спросил Брайс.

— Да. «Картье», особые водонепроницаемые часы. Но не обычные, классические, с римскими цифрами. А особые: здесь нет цифр и циферблат черный. Сильвия Канарски подарила их мужу, Дэну, в пятую годовщину их свадьбы.

Брайс нахмурился.

— Где я мог слышать эти имена?

— Это владельцы гостиницы «При свечах»,— напомнила ему Дженни.

— Да, верно. Ваши друзья.

— Числятся среди пропавших,— добавил Тал.

— Дэн очень любил эти часы,— сказала Дженни.— Когда Сильвия их купила, все посчитали это жутким мотовством. Финансовое положение гостиницы было тогда еще очень шатким, а часы стоили триста пятьдесят долларов. Сейчас, конечно, они стоят гораздо больше. Дэн потом шутил, что эти часы оказались самым удачным из всех их капиталовложений.

Она перевернула часы так, чтобы Брайсу и Талу была видна их задняя крышка. На золотом корпусе, прямо над эмблемой «Картье», было выгравировано: «МОЕМУ ДЭНУ». А внизу, под номером часов — «С ЛЮБОВЬЮ, СИЛ».

Брайс задумчиво посмотрел на мойку, доверху заполненную драгоценностями.

— Значит, это, по-видимому, принадлежало людям со всего Сноуфилда.

— Ну, я бы сказал, что это принадлежало тем, кто исчез,— уточнил Тал.— На тех жертвах, которые мы обнаружили, драгоценности были.

— Да, ты прав,— кивнул Брайс.— Значит, со всех исчезнувших содрали все часы и драгоценности, прежде чем... ну, прежде чем с ними произошло то, что произошло потом, черт возьми.

— Воры и грабители не оставили бы здесь такую добычу,— проговорила Дженни.— Они бы не стали отбирать все это только затем, чтобы потом бросить в мойке на кухне. Они бы все это во что-нибудь сложили и увезли с собой.

— Но зачем это все здесь свалено? — спросил Брайс.

— Убей меня бог, не знаю,— ответила Дженни.

Тал недоуменно пожал плечами.

Драгоценности, сваленные в двухсекционной мойке, сверкали и переливались всеми цветами радуги.

Крики морских чаек.

Лай собак.

Гэйлен Копперфильд оторвал взгляд от экрана компьютера, с которого он считывал информацию. Облаченный в защитный костюм, он уже давно был весь покрыт потом, устал, тело у него болело. Поначалу он было решил, что птичьи голоса и собачий лай ему померещились.

Потом резко проорал кот.

Тихо заржала лошадь.

Генерал нахмурился и оглядел передвижную лабораторию.

Гремучие змеи. Масса гремучих змей. Их такой знакомый и смертельно опасный треск: *«чика-чика-чика-чика»*.

Зажужжали пчелы.

Все, кто был в лаборатории, тоже слышали эти звуки и теперь тревожно переглядывались.

— Это идет по внутреннему переговорному устройству,— сказал Робертс.

— Совершенно верно,— донесся до них голос доктора Беттенби, который сидел во второй передвижной лаборатории.— Мы здесь тоже слышим.

— Ну что ж,— проговорил Копперфильд,— послушаем концерт. Для переговоров друг с другом пользоваться внешними устройствами.

Жужжание пчел прекратилось.

Где-то очень далеко и тихо запел ребенок. Определить, кто пел — мальчик или девочка,— было невозможно, голос казался каким-то бесполым:

> Господь меня любит, и я это знаю.
> Так Библия учит меня.
> К себе призывает Он малых и слабых.
> Слабы они, Он же силен.

Голос был очень приятный. И мелодичный.

Но почему-то от него кровь стыла в жилах.

Копперфильду никогда не доводилось слышать ничего подобного. Хотя голос был детский, нежный и тонкий, в нем все-таки присутствовало нечто такое... такое, что никак не должно было бы чувствоваться в голосе ребенка. В нем безусловно и явно не было ни малейшей наивности. Пожалуй, в нем было знание. Да. Слишком хорошее знакомство с массой ужасающих вещей. Угроза. Ненависть. Презрение. Все это не звучало откровенно, но ясно ощущалось под внешней поверхностью, билось под ней, как нечто темное и патологическое.

Иисус меня любит,
Иисус меня любит,
Да, Библия так говорит...

— Они ведь рассказывали нам об этом,— проговорил Голдстейн.— Доктор Пэйдж и шериф. Они говорили, что слышали то же самое по телефону, а потом из раковины на кухне. Мы им тогда не поверили: это так дико звучало.

— Сейчас мне это уже не кажется диким и странным,— сказал Робертс.

— Нет, не кажется,— согласился Голдстейн. Даже через переговорное устройство чувствовалось, как он дрожит внутри своего скафандра.

— Этот голос идет на той же волне, на которой работают наши радиофоны,— сказал Робертс.

— Да, но каким образом?..— удивился Копперфильд.

— Веласкез,— произнес вдруг Голдстейн.

— Конечно,— согласился Робертс.— В костюме Веласкеза есть радиофон. И оно воспользовалось этим радиофоном.

Ребенок вдруг перестал петь. Тихо, почти шепотом он проговорил: «*Помолитесь. Все помолитесь. Не забудьте помолиться*». И захихикал.

Они ждали, что последует дальше.

Но теперь настала полная тишина.

— По-моему, оно нам угрожало,— проговорил Робертс.

— Прекратить эти разговоры, черт побери! — заявил генерал Копперфильд.— Нечего бросаться в панику.

— А вы обратили внимание, что мы все теперь тоже говорим «*оно*»? — спросил Голдстейн.

Копперфильд и Робертс посмотрели на него, потом друг на друга и ничего не ответили.

— Мы стали говорить «*оно*» точно так же, как говорят доктор Пэйдж, шериф и полицейские. Означает ли это... что мы фактически полностью встали на их точку зрения?

В голове у Копперфильда все еще звучал этот странный детский голос, вроде бы и человеческий, и в то же время какой-то такой, словно он исходил от привидения.

Оно.

— А, бросьте,— проворчал он.— Давайте-ка лучше за дело, у нас еще тьма работы.

И он снова погрузился в изображение на экране компьютера, но сосредоточиться ему никак не удавалось.

Оно.

К половине пятого вечера того же дня — понедельника — Брайс прекратил осмотр домов. Сумерки должны были наступить еще часа через два, но все уже вымотались до предела. Вымотались от хождения вверх и вниз по лестницам. От созерцания чудовищных, противоестественных трупов. От мерзких сюрпризов. Вымотались от осознания масштабов произошедшей человеческой трагедии и от того постоянного ужаса, что притуплял все чувства. От страха, что неистребимым тугим комком засел в груди у каждого. И от постоянного нервного напряжения, от которого они уставали сильнее, чем от тяжелой физической работы.

К тому же Брайсу стало ясно, что объем предстоящей работы им просто не по силам. За пять с половиной часов они сумели осмотреть лишь ничтожную часть города. При таких темпах, при ограниченном числе людей и при том, что обходить дома можно было только в дневное время, для полного и тщательного осмотра всего Сноуфилда им бы потребовалось по меньшей мере две недели. Кроме того, если бы к моменту завершения такого осмотра пропавшие не объявились и об их местонахождении по-прежнему ничего не было известно, то пришлось бы организовывать прочесывание окрестных лесов, а это было еще более трудной задачей.

Накануне вечером Брайс был категорически против того, чтобы Национальная гвардия бродила по Сноуфилду и пута-

лась у них под ногами. Но теперь на протяжении почти целых суток он сам и его подчиненные имели возможность беспрепятственно осматривать весь городок. Специалисты из бригады Копперфильда тоже собрали необходимые им пробы и сейчас занялись исследованиями. Теперь, как только Копперфильд сможет со всей определенностью заявить, что бактериологической угрозы в Сноуфилде нет, в город можно будет вводить национальных гвардейцев в помощь подчиненным Брайса.

Поначалу, когда он почти ничего не знал о происшедшем и о положении в городе, Брайс был не расположен поступаться в чью бы то ни было пользу своей властью: ведь городок все-таки входил в сферу его ответственности. Сейчас он тоже не хотел поступаться властью, но был уже готов поделиться ответственностью. Ему необходимы были дополнительные люди. Реальная ответственность с каждым часом становилась все больше, давила все сильнее, и он был готов переложить часть ее на другие плечи.

Вот почему в половине пятого вечера, отозвав поисковые группы и группы осмотра назад в гостиницу «На горе», он позвонил губернатору штата и переговорил с ним. Они договорились о том, что Национальная гвардия будет приведена в состояние повышенной готовности и начнет действовать, как только от Копперфильда будет получено сообщение, что все чисто.

Едва Брайс положил трубку, как раздался звонок от Чарли Мерсера, дежурного сержанта из штаба полиции в Санта-Мире. У него были кое-какие новости. Флетчер Кейл совершил побег во время перевозки его в окружной суд, где ему должно было быть предъявлено обвинение в двух убийствах первой степени.

Брайс был вне себя от ярости.

Чарли молча слушал, давая начальнику выпустить пар, а когда Брайс понемногу начал успокаиваться, он добавил:

— Есть еще кое-что похуже. Он убил Джо Фримонта.

— Вот черт,— выругался Брайс.— А Мэри сказали?

— Да. Я сам к ней сходил.

— Как она восприняла?..

— Плохо. Они прожили вместе двадцать шесть лет.

Еще одна смерть.

Всюду смерть.

О господи!

— А что известно о Кейле? — спросил Брайс у Чарли.

— Мы полагаем, что он угнал машину от жилого дома, что стоит через улицу позади здания полиции. Там со стоянки одна машина пропала. Мы выставили заградительные посты на всех дорогах, как только обнаружили, что он сбежал, но у него был примерно час форы.

— Ну, так он давно смылся.

— Вероятно. Если к семи вечера мы этого сукина сына нигде не отыщем, я бы хотел снять посты. У нас не хватает людей — сами понимаете, что тут творится,— и мы не можем впустую держать их на этих постах.

— Действуй, как считаешь нужным,— устало ответил Брайс.— А что слышно от полиции Сан-Франциско? Я имею в виду — насчет Гарольда Орднэя, того, который оставил надпись на зеркале?

— Да, об этом я тоже хотел доложить. Они нам наконец-то кое-что сообщили.

— Что-нибудь полезное?

— Как сказать... Они побеседовали с сотрудниками книжных магазинов Орднэя. Помните, я вам говорил, что один из этих магазинов торгует исключительно редкими и антикварными книгами. Так вот, заместительнице управляющего этим магазином — ее зовут Селия Меддок — имя Тимоти Флайта знакомо.

— Он их покупатель? — спросил Брайс.

— Нет. Автор.

— Автор? Чего?

— Одной книжки. Догадайтесь, как она называется?

— Откуда, черт возьми, мне... А, ну да, конечно. *«Вековечный враг»*?

— Точно,— ответил Чарли Мерсер.

— А о чем книга?

— Вот это самое интересное. Селия Меддок говорит, что, если она не ошибается, книжка об известных в истории случаях массового исчезновения людей.

На несколько минут Брайс потерял дар речи. Потом спросил:

— Ты это серьезно? Ты хочешь сказать, что таких случаев было много?

— Наверное. Раз хватило на целую книжку.

— Когда? Где? И почему я о них ничего не слышал?

— Меддок говорила что-то об исчезновении древнего народа майя...

В памяти Брайса стали всплывать какие-то обрывочные сведения. Когда-то он читал статью в старом научном журнале. Цивилизация майя. Покинутые жителями города.

— ...и поселение Руанук, самое первое британское поселение в Северной Америке,— закончил Чарли.

— Об *этом* я слышал. Это есть во всех школьных учебниках.

— Я думаю, что если забираться в историю до самой древности, то наберется довольно много таких исчезновений,— сказал Чарли.

— Господи!

— Да. И Флайт явно придумал какую-то теорию, которая объясняет подобные вещи,— продолжал Чарли.— Об этом и книга.

— А в чем суть его теории?

— Меддок не знает. Она не читала книгу.

— Но Гарольд Орднэй наверняка ее читал. И то, что на его глазах началось в Сноуфилде, видимо, в точности совпало с тем, о чем писал Флайт. Поэтому-то Орднэй и написал название книги на зеркале в ванной.

— Должно быть, так.

— А полиция Сан-Франциско не раздобыла экземпляр этой книжки? — спросил Брайс, дрожа от волнения и возбуждения.

— Нет. У Меддок ее не было. Она и знала-то об этой книге только потому, что Орднэй недели две или три назад продал кому-то один ее экземпляр.

— А *мы* никак не можем ее получить?

— Она вышла давным-давно. В Штатах ее даже не печатали. Тот экземпляр, который продан,— это было английское издание, по-видимому единственное и с очень небольшим тиражом. Это *очень редкая* книга.

— А кому Орднэй ее продал? Должно быть, какому-нибудь коллекционеру. Можно узнать его имя и адрес?

— Меддок не помнит. Она говорит, что он не часто покупает что-либо в их магазине. По ее словам, Орднэй должен был его знать.

— Ну, нам от этого мало проку. Послушай, Чарли, мне *во что бы то ни стало* нужна эта книга.

— Я стараюсь ее достать,— ответил Чарли.— Но может быть, она и не понадобится. Вы все услышите из первых уст. Флайт уже летит сейчас сюда из Лондона.

Дженни сидела посреди вестибюля на краешке стола, который выполнял здесь роль оперативного центра, и во все глаза смотрела на откинувшегося на спинку кресла Брайса: она была просто потрясена всем тем, что он ей только что рассказал.

— И он уже летит сюда из Лондона? Прямо сейчас? Так быстро? Он что, знал, что это должно было случиться?

— Может быть, и не знал,— ответил Брайс.— Но мне кажется, что как только он услышал сообщение об этом, то сразу же понял, что этот случай подпадает под его теорию.

— Возможно, что и так.

— Возможно.

— А когда он должен здесь быть? — спросил стоявший перед столом Тал.

— Он прилетит в Сан-Франциско сразу после полуночи. Там в аэропорту его американский издатель организует для него пресс-конференцию. Оттуда он поедет прямо в Санта-Миру.

— Американский издатель? — переспросил Фрэнк.— Но вы же, по-моему, говорили, что эта книга здесь не издавалась.

— Раньше не издавалась,— ответил Брайс.— А сейчас он готовит новую книгу.

— О Сноуфилде? — спросила Дженни.

— Не знаю. Может быть. Вероятно.

— Ну, он не теряет времени даром,— нахмурилась Дженни.— После того как все это случилось, еще сутки не прошли, а у него уже есть контракт на книгу.

— Я бы хотел, чтобы он действовал еще быстрее. Лично я предпочел бы видеть его сейчас здесь.

— Мне кажется, доктор хочет сказать, что, возможно, этот Флайт просто еще один из тех, кто любит гоняться за длинной монетой,— сказал Тал.

— Совершенно верно,— подтвердила Дженни.

— Возможно,— согласился Брайс.— Но не забывайте, ведь Орднэй почему-то написал имя Флайта на зеркале. В этом

смысле Орднэй пока что наш единственный свидетель. И судя по этой надписи, мы можем сделать выводы, что увиденное Орднэем было очень похоже на то, о чем писал Тимоти Флайт.

— Черт возьми,— проговорил Фрэнк,— если у Флайта действительно есть какая-то информация, которая могла бы оказаться для нас полезной, он бы мог и позвонить, а не заставлять нас ждать.

— Конечно,— согласился Тал.— Пока он сюда прилетит, мы все уже можем стать покойниками. Он должен был позвонить и сказать, что нам следует делать.

— Вот в этом-то и проблема,— сказал Брайс.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Дженни.

— У меня есть предчувствие,— вздохнув, сказал Брайс,— что Флайт бы *обязательно* позвонил, если бы мог сказать, как нам следует себя вести. Мне кажется, что он, возможно, очень хорошо знает, с каким созданием или с какой силой мы тут столкнулись. Но я подозреваю, что он не имеет ни малейшего понятия, как с ним справиться. Независимо от того, что он знает и сможет рассказать нам об этом, мне кажется, он наверняка не скажет нам самого главного и нужного: *как нам всем выбраться отсюда живыми.*

Дженни и Брайс сидели за тем же столом — оперативным центром, пили кофе и обсуждали итоги осмотра домов, пытаясь соединить воедино, в нечто осмысленное, столь разные и на первый взгляд бессмысленные вещи: кощунственное распятие священника, пол на кухне в доме Шеффилдов, усеянный пулями, тела в запертых изнутри автомобилях...

Лиза сидела неподалеку от них. Со стороны казалось, что она целиком поглощена разгадыванием кроссворда в журнале, который она подобрала где-то в одном из домов во время осмотра. Но вдруг она подняла голову от журнала и сказала:

— Я знаю, почему там была полная мойка драгоценностей.

Дженни и Брайс выжидательно посмотрели на нее.

— Прежде всего,— сказала девочка, подавшись в их сторону,— вы должны признать, что все те люди, которые считаются пропавшими, на самом деле мертвы. Они все действительно погибли. Это несомненно.

— Ну, это не так уж несомненно, дорогая,— возразила Дженни.

— Они погибли,— тихо произнесла Лиза.— Я знаю. И ты знаешь.— Ее живые ярко-зеленые глаза смотрели сейчас почти с яростью.— Оно их всех *пожрало.*

Дженни припомнила, что сказала Лиза вчера вечером в местном полицейском участке, после того как Брайс рассказал им, что услышал в трубке телефона, когда звонило *оно*, крики и стоны истязуемых людей. Тогда Лиза сказала: «Возможно, оно сплело паутину в каком-нибудь темном месте где-нибудь в пещере или в погребе, опутало всех пропавших людей этой паутиной и запечатало их заживо в коконы. Возможно, оно просто приберегает их до тех пор, пока не проголодается снова».

Вчера все они удивленно уставились на девочку, им захотелось вначале рассмеяться, но потом все почувствовали, что в ее словах может быть какая-то доля чудовищной правды. Не обязательно это должны быть в буквальном смысле какой-то гигантский паук, паутина, коконы. Но что-то в этом сравнении есть. Никто не хотел тогда этого признать, но возможность чего-то подобного существовала. Они столкнулись с чем-то неизвестным. Неизвестное *нечто*. Нечто неизвестное, что пожирало людей.

И сейчас Лиза снова вернулась к той же самой теме: «Оно их *пожрало*».

— Но как это связано с драгоценностями? — спросил Брайс.

— Ну,— ответила Лиза,— после того как оно сожрало людей, может быть... может быть, оно просто выплюнуло эти драгоценности... примерно так же, как мы выплевываем вишневые косточки.

Доктор Сара Ямагути вошла в гостиницу «На горе», остановилась в дверях, отвечая на вопросы часового, а затем пересекла вестибюль и подошла к Дженни и Брайсу. Она была все еще в защитном костюме, но без шлема, не было на ней ни баллонов со сжатым воздухом, ни системы жизнеобеспечения. В руках она несла свернутую в узелок одежду и пачку скрепленных между собой листков бледно-зеленой бумаги.

Дженни и Брайс поднялись ей навстречу, и Дженни спросила:

— Что, доктор, карантин уже снят?

— *Уже?* У меня такое ощущение, что я просидела в этом скафандре не меньше года.— Голос доктора Ямагути был со-

всем не похож на то, что доносилось раньше из переговорного устройства. Теперь он звучал нежно и очень приятно и казался даже еще более нежным, чем была она сама.— Так хорошо вдохнуть снова свежий воздух!

— А вы уже провели высев бактерий, да? — спросила Дженни.

— Начали проводить.

— Н-но... ведь результаты станут известны только через сутки или двое, верно?

— Да. Но мы решили, что бессмысленно дожидаться результатов высева. Никаких бактерий мы там не найдем — ни доброкачественных, ни каких-либо иных.

Ни доброкачественных, ни каких-либо иных. Это странное заявление заинтриговало Дженни, но, прежде чем она успела поинтересоваться, что означают эти слова, доктор Ямагути сказала:

— А кроме того, Медди сообщил нам, что опасности нет.

— Медди?

— Это уменьшительное от Меданкомп,— объяснила доктор Ямагути.— А Меданкомп — это сокращенное обозначение «компьютерной системы медицинских анализов». Наш компьютер. После того как в него ввели все результаты вскрытий и анализов, Медди выдал оценку вероятности того, что все это вызвано биологическими причинами. Медди сделал вывод, что такая вероятность равна нулю целых нулю десятых.

— И вы настолько доверяете компьютеру, что решились сразу же начать дышать свежим воздухом? — спросил явно удивленный Брайс.

— Мы провели больше восьмисот испытаний, и Медди ни разу не ошибся.

— Но сейчас-то ведь не испытания,— возразила Дженни.

— Верно. Но после того, что мы обнаружили в результате вскрытий и патологоанализа...— доктор Ямагути пожала плечами и протянула Дженни пачку бледно-зеленых листков бумаги.— Вот. Тут все результаты. Генерал Копперфильд подумал, что вам будет интересно их посмотреть. Если появятся вопросы, я отвечу. А пока наши мужчины остались в лаборатории, вылезают из защитных костюмов, и мне до смерти хочется сделать то же самое. Все тело чешется.— Она улыбнулась и почесала себе шею. Облаченная еще в перчатку рука оставила красноватый след на нежной и гладкой, как фарфор, коже.— Здесь нельзя где-нибудь помыться?

— У нас есть мыло, полотенца и ванна,— ответила Дженни,— но только на кухне, в углу. Не самое укромное место, но мы готовы поступиться уединенностью ради безопасности.

— Это понятно,— кивнула доктор Ямагути.— И как мне туда пройти?

Лиза вскочила с кресла, отбросив кроссворд в сторону.

— Пойдемте, я вам покажу. И послежу за тем, чтобы ребята, которые работают на кухне, стояли к вам спиной и не подглядывали.

Бледно-зеленые листки оказались компьютерной распечаткой, разрезанной на одиннадцатидюймовые страницы. Страницы эти были пронумерованы и с левой стороны сброшюрованы при помощи пластмассового скрепляющего устройства.

Дженни перелистывала первый раздел отчета, Брайс заглядывал ей через плечо. В этом разделе были отпечатанные на компьютере наблюдения, сделанные Сетом Голдстейном во время вскрытия. Голдстейн отметил наличие признаков возможного удушения, более явных признаков очень сильной аллергической реакции на неустановленное вещество, но определить причины смерти он так и не смог.

Потом внимание Дженни привлекли результаты первых патологоанализов. Это были записи микроскопических исследований длинного ряда контрольных бактериальных препаратов, в которые вносились капли жидкости и срезы тканей, взятые из трупа Гэри Векласа; при этом даже самые крошечные микроорганизмы окрашивались бы в более темные цвета. Целью анализа было установить, какие бактерии продолжают жить в трупе. То, что они обнаружили, поразило исследователей.

ПРЕПАРАТЫ — ВЗВЕШЕННЫЕ РАСТВОРЫ
АВТОМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ — МЕДАНКОМП
КОНТРОЛЬ АНАЛИЗА — БЕТТЕНБИ
КОНТРОЛИРУЕТСЯ — 20% ПРОБ
РЕЗУЛЬТАТЫ

ПРОБА I
НА ESCHERICHIA GENUS
ПРИСУТСТВИЕ ФОРМЫ: НЕ ПРИСУТСТВУЕТ
ПРИМЕЧАНИЕ: НЕВЕРНЫЕ ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ
НЕВОЗМОЖНЫЙ ВАРИАНТ — ОТСУТСТВИЕ ЖИВОГО Е.

НА CLOSTRIDIUM GENUS
ПРИСУТСТВИЕ ФОРМЫ: НЕ ПРИСУТСТВУЕТ
ПРИМЕЧАНИЕ: НЕВЕРНЫЕ ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ
НЕВОЗМОЖНЫЙ ВАРИАНТ — ОТСУТСТВИЕ ЖИВОГО С.

НА PROTEUS GENUS
ПРИСУТСТВИЕ ФОРМЫ: НЕ ПРИСУТСТВУЕТ
ПРИМЕЧАНИЕ: НЕВЕРНЫЕ ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ
НЕВОЗМОЖНЫЙ ВАРИАНТ — ОТСУТСТВИЕ ЖИВОГО Р.

На распечатке и дальше шло перечисление тех бактерий, найти которые пытались компьютер и доктор Беттенби, но результат неизменно оказывался один и тот же.

Дженни вспомнила ту странную фразу, которую произнесла доктор Ямагути и в отношении которой она намеревалась задать несколько вопросов: *ни доброкачественных бактерий, ни каких-либо иных*. И вот перед ней были результаты анализов — совершенно невозможные результаты, что справедливо отметил компьютер.

— Странно,— проговорила Дженни.

— Мне все это ровным счетом ничего не говорит,— сказал Брайс.— Можете перевести?

— Видите ли, дело в том, что труп — отличная среда для размножения всех бактерий, по крайней мере в течение какого-то времени. Через столько часов после смерти труп Гэри Векласа должен был бы кишеть *Glostridium welchii*, которая обычно сопутствует газовой гангрене.

— А ее нет?

— В водяной капле, зараженной исследуемым материалом, они не смогли найти даже одной-единственной живой *Glostridium welchii*. А в такой пробе ими должно кишмя кишеть. Здесь должно быть полным-полно и *Proteus vulgaris*. Это сапрофитная бактерия.

— Переведите,— терпеливо попросил Брайс.

— Извините. «Сапрофитная» означает, что такая бактерия лучше всего чувствует себя в мертвых или разлагающихся тканях.

— А Векласс бесспорно мертв.

— Бесспорно. И тем не менее *Proteus vulgaris* в его трупе нет. Должна была бы присутствовать и еще одна бактерия. Как минимум *Micrococcus albus*, а может быть, и *Bacillus mesentericus*. Но нет вообще никаких микроорганизмов, которые обычно связаны с разложением. Ни одной из тех форм, которые всегда присутствуют. И что еще более странно, в теле нет живых *Escherichia coli*. Но они-то, черт возьми, обязательно должны были бы быть, и во множестве, еще до того, как Векласса убили. И должны были бы оставаться в теле сейчас, тоже во множестве. *Escherichia coli* живет в толстой кишке. У вас, у меня, у Гэри Векласа, у любого. И пока она не выходит за пределы кишечника, она остается в общем-то доброкачественным организмом.— Дженни перелистнула несколько страниц.— Вот, нашла. Взгляните-ка сюда. Когда они взяли анализ на наличие мертвых микроорганизмов, то обнаружили массу *Escherichia coli*. Но только мертвых. Живых бактерий в теле Векласа нет.

— А что это означает? — спросил Брайс.— Что труп не разлагается так, как положено?

— Он *вообще* не разлагается. Но странно не это. Странно другое: *почему* это происходит. А не разлагается он потому, что в него явно ввели огромную дозу стерилизатора и консерванта. Какого-то консерванта, Брайс. Похоже, что труп накачали каким-то крайне сильным консервантом.

Лиза принесла поднос, на котором стояли четыре кружки с кофе, лежали салфетки и чайные ложечки. Девочка передала кофе доктору Ямагути, Дженни и Брайсу, четвертую кружку она взяла себе.

Они сидели в столовой, что была устроена в гостинице «На горе», за столиком у окна. Вся улица была залита золотисто-оранжевым предзакатным солнцем.

Через час, подумала Дженни, опять стемнеет. И снова придется мучиться неизвестностью до самого рассвета.

Ее передернуло. Да, чашка горячего кофе была ей сейчас необходима.

Сара Ямагути переоделась в коричневые джинсы и желтую блузку. Длинные шелковистые черные волосы были распущены у нее по плечам.

— Наверное,— говорила она,— все мы насмотрелись тех старых документальных фильмов о природе, которые снимал когда-то Уолт Дисней. И потому знаем, что те пауки, те осы, которые живут в земле, и некоторые другие насекомые вводят в тела своих жертв консервирующие вещества и складывают эти жертвы либо в запас, либо для того, чтобы скормить позднее своему еще не родившемуся потомству. Тот консервант, которым пропитаны ткани тела Векласа, отдаленно напоминает консерванты, используемые насекомыми, но гораздо более сложен по составу и более сильнодействующий.

Дженни пришел на память тот невероятно огромный мотылек, который напал на Стюарта Уоргла и убил его. Но подобные существа не могли бы истребить всех жителей Сноуфилда. Определенно не могли бы. Даже если бы город наводнили сотни подобных созданий, то и тогда им было бы не по силам убить буквально каждого. Такой мотылек не мог бы забраться в закрытые машины, в запертые дома, в забаррикадированные комнаты. Нет, здесь поработало что-то *другое*.

— То есть вы хотите сказать, что людей здесь убило какое-то насекомое? — спросил Брайс Сару Ямагути.

— Те факты, которыми мы располагаем, об этом не свидетельствуют. Для того чтобы убить жертву и ввести в нее консервант, насекомое обычно пользуется жалом. Поэтому всегда бывает маленькая ранка — след от укуса, пусть даже микроскопический. Но Сет Голдстейн осмотрел все тело Векласа, целиком и полностью, через увеличительное стекло. В самом прямом смысле слова. Он дважды рассматривал через лупу каждый квадратный дюйм поверхности тела. И не нашел ни следа от укуса, ни какого-либо другого повреждения кожи, через которое мог бы быть введен консервант. Мы опасались, что тут могли вкрасться какие-то ошибки. Поэтому мы провели еще оно вскрытие и еще одну серию анализов.

— На Карен Оксли,— догадалась Дженни.

— Да.— Сара Ямагути отвернулась к окну и посмотрела на улицу: не идут ли генерал Копперфильд и все остальные. Потом опять повернулась лицом к сидевшим за столом и продолжала: — Однако результаты анализов оказались точно такими же. И в этом трупе не было никаких живых бактерий. Разложение трупа было каким-то непонятным образом полностью остановлено. Ткани насыщены консервантом. Опять пошли крайне странные исходные данные. Но мы, по крайней мере, были довольны хоть тем, что в первый раз не допустили никакой ошибки.

— Но если консервант вводился не через укус, то как же это было сделано? — спросил Брайс.

— Наше предположение таково, что этот консервант очень легко и быстро поглощается тканями и что он попадает в тело через контакт с поверхностью кожи, а потом за несколько секунд проникает во все ткани тела.

— Может быть, это все-таки какой-то нервно-паралитический газ? — спросила Дженни.— Быть может, его консервирующее воздействие — просто один из побочных эффектов?

— Нет,— ответила Сара Ямагути.— На одежде жертв нет ни малейших следов газа, а если то был действительно газ, то такие следы обязательно должны были бы оставаться. И кроме того, хотя неизвестное нам вещество и обладает попутным токсическим воздействием, химический анализ показывает, что это не яд, каким обязательно был бы нервно-паралитический газ, это именно консервант.

— А причиной смерти был он? — снова спросил Брайс.

— Он сыграл свою роль. Но точную причину смерти мы так и не смогли установить. Отчасти смерть произошла из-за токсического воздействия консерванта. Однако есть признаки, которые дают основания думать, что она наступила из-за резкой нехватки кислорода. Жертвам то ли полностью перекрывали трахею, то ли долго держали их в полупридушенном состоянии.

— То есть их так или иначе удушили? — подался вперед Брайс.

— Да. Но мы не знаем, как именно.

— Но это же невозможно,— вступила в разговор Лиза.— То, о чем вы говорите, должно было бы занять минуту или две. А все эти люди погибли очень быстро. За одну-две секунды.

— А кроме того,— добавила Дженни,— насколько я помню обстановку в доме Оксли, там не было никаких признаков борьбы. Люди, которых убивают, обычно оказывают чертовски сильное сопротивление, ломают и переворачивают все вокруг...

— Да,— согласно кивнула доктор Ямагути.— Это совершенно непонятно.

— Почему все тела такие раздутые? — спросил Брайс.

— Мы считаем, что это реакция на консервант.

— А то, что они посиневшие,— тоже?

— Нет. Это что-то... другое.

— Что именно?

Сара ответила не сразу. Она нахмурилась и какое-то время сидела, уставившись взглядом в содержимое своей кружки. Наконец она сказала:

— Кожа и подкожные ткани обоих трупов явно свидетельствуют о том, что эффект посинения вызван воздействием какой-то *внешней силы*: это классические ушибы. Иными словами, посинение не связано со вздутием и оно не является самостоятельной аллергической реакцией на консервант. Такое впечатление, что жертвы кто-то бил. Долго и сильно. Но это очень странно. Потому что когда избивают до таких синяков, то должен обязательно быть хотя бы один перелом. Есть и еще кое-что столь же странное: степень посинения одинакова по всему телу. Ткани повреждены совершенно в равной степени во всех местах: на бедрах, на руках, на груди, везде. Но это просто невозможно.

— Почему? — спросил Брайс.

— Когда кого-нибудь бьют чем-то тяжелым,— ответила ему Дженни,— то всегда какие-то участки тела получают более сильные повреждения, какие-то — менее сильные. Невозможно наносить каждый удар с абсолютно одной и той же силой и под тем же самым углом, что и все другие удары. А *именно так* надо было бить, чтобы ушибы по всему телу были одинаковы.

— Кроме того,— добавила Сара Ямагути,— посинение есть даже в таких местах, куда не могла бы достать никакая дубинка. Скажем, под мышками. Между ягодицами. И даже на подошвах ног! Причем несмотря на то, что на миссис Оксли, например, были надеты туфли.

— По-моему, совершенно очевидно,— сказала Дженни,— что повреждения тканей, приведшие к их посинению, наступили не в результате ударов по телу, а от чего-то еще.

— От чего, например? — спросил Брайс.

— Понятия не имею.

— И все они умерли очень быстро,— напомнила им Лиза.

Сара откинулась на спинку стула, покачалась на его задних ножках и снова посмотрела в окно. В сторону гор. В ту сторону, где стояли передвижные лаборатории.

— Доктор Ямагути, что вы обо всем этом думаете? — Брайс невольно понизил голос.— Не как врач и специалист. А неофициально. Что вы лично думаете о том, что тут происходит? Есть у вас какое-нибудь объяснение?

Она повернулась к нему, отрицательно покачала головой. Волосы ее взметнулись, и лучи клонящегося к закату солнца заиграли на них, отбрасывая красные, зеленые, синие блики примерно так же, как отражающийся от масляного пятна свет рождает целую гамму переливающихся красок.

— Нет. Боюсь, нет у меня никакого объяснения. И даже более или менее связных мыслей нет. Хотя...

— Хотя что?

— Н-ну... сейчас мне уже кажется удачным, что с нами приехали Айсли и Аркхэм.

У Дженни мысль о возможности того, что здесь замешана внеземная цивилизация, по-прежнему вызывала скептическое отношение, Лизу же, наоборот, эта мысль захватывала.

— А вы действительно думаете, что здесь могут быть пришельцы из других миров? — спросила девочка.

— Ну, в принципе могут быть и другие объяснения,— ответила Сара,— хотя трудно сейчас представить, какие именно.— Она посмотрела на свои наручные часики, нахмурилась, поерзала на стуле, потом проговорила: — Почему они так долго? — Повернувшись к окну, она внимательно и ожидающе стала смотреть на улицу.

Деревья на улице стояли абсолютно неподвижно.

Тенты перед входами в магазины не колыхались.

Весь городок застыл в оцепенении.

— Вы говорили, что они снимают защитные костюмы и переодеваются.

— Да, но это не занимает столько времени.

— Если бы что-то случилось, мы бы услышали стрельбу.

— Или взрывы,— добавила Дженни.— Тех бутылок с зажигательной смесью, которых они столько наделали.

— Они должны были быть здесь по меньшей мере пять... даже десять минут назад,— продолжала волноваться Сара.— А их до сих пор даже не видно.

Дженни вспомнила, как поразительно тихо и незаметно подкралось *оно* тогда к Джейку Джонсону.

Брайс поколебался, потом отодвинул стул и встал.

— Пожалуй, не повредит, если я возьму несколько человек и схожу гляну.

Сара Ямагути резко повернулась от окна, передние ножки ее стула с резким тревожным стуком опустились на пол.

— Что-то произошло,— сказала она.

— Да нет. Вряд ли,— возразил Брайс.

— Вы же сами это чувствуете,— сказала Сара.— Это видно по вашему лицу. О господи!

— Не волнуйтесь,— спокойно проговорил Брайс.

Но если голос у него был спокойный, то глаза выдавали его. За последние двадцать с чем-то часов Дженни научилась отлично прочитывать выражение этих внешне всегда полусонных глаз. Сейчас в них отражались внутреннее напряжение и ледяной, колючий страх.

— Пока еще рано беспокоиться,— сказал Брайс.

Но все они уже поняли, что случилось.

Они еще не хотели в это поверить, но они уже *знали*.

Кошмар начался снова.

Брайс решил, что к лабораториям вместе с ним пойдут Тал, Фрэнк и Горди.

— Я тоже пойду,— сказала Дженни.

Брайсу очень не хотелось, чтобы она шла. За нее он боялся гораздо больше, чем за Лизу, за своих подчиненных или даже за самого себя.

Между ними установилась какая-то совершенно неожиданная и редкая душевная связь. Брайс чувствовал себя в присутствии Дженни удивительно хорошо и спокойно, и он был уверен, что и она так же чувствует себя в его присутствии. И Брайс не хотел потерять Дженни.

Поэтому он сказал:

— Я бы предпочел, чтобы вы не ходили.

— Я врач,— ответила Дженни так, словно принадлежность к этой профессии не только налагала на нее моральные обязательства, но и служила щитом, способным оградить ее в случае опасности.

— Здесь у нас настоящая крепость,— продолжал уговаривать он.— Тут безопаснее.

— Здесь нигде нет безопасного места.

— Я не говорил, что здесь безопасно. Я сказал *«безопаснее»*.

— Им может понадобиться врач.

— Если они подверглись нападению, то либо уже мертвы, либо пропали. Раненых мы пока что не находили, верно?

— Всегда бывает первый раз.— Дженни повернулась к Лизе и попросила: — Голубушка, принеси мою медицинскую сумку.

Девочка побежала в тот угол вестибюля, где у них было оборудовано нечто вроде походного лазарета.

— Ну уж *она-то* точно останется здесь,— сказал Брайс.

— Нет,— ответила Дженни.— Она будет со мной.

— Послушайте, Дженни,— с отчаянием в голосе произнес Брайс,— в конце концов, у нас здесь ситуация военного положения. Я могу просто *приказать* вам остаться.

— И как же вы заставите меня выполнить этот приказ? Под дулом пистолета? — спросила Дженни, но без враждебности в голосе.

Вернулась Лиза, неся с собой черную кожаную сумку.

Сара Ямагути уже стояла у выхода и оттуда окликала Брайса:

— Побыстрее. Пожалуйста, поторопитесь.

Но если на передвижные лаборатории действительно напало *оно*, то спешить уже, возможно, и не было смысла.

Глядя на Дженни, Брайс думал: «Я же не смогу защитить тебя, док. Неужели ты этого не понимаешь? Сиди здесь, за закрытыми окнами и охраняемыми дверями. Не заставляй меня защищать тебя, потому что ясно как день, я не смогу этого сделать. Я не сумею защитить тебя. Как не сумел защитить Эллен... и Тимми».

— Пошли,— сказала Дженни.

Мучительно сознавая, что в случае чего он будет действительно бессилен, Брайс вывел всю группу из гостиницы, и они осторожно двинулись вдоль улицы к перекрестку, понимая, что там, за углом, их вполне может подкарауливать *оно*. Впереди, рядом с Брайсом, шел Тал. Фрэнк и Горди замыкали процессию с тыла. Лиза, Сара Ямагути и Дженни шли в центре.

Дневное тепло стало уже уступать место вечерней прохладе.

Внизу, в долине ниже Сноуфилда, начинал собираться туман.

До наступления темноты оставалось менее трех четвертей часа. Последние лучи заходящего солнца бросали на город кровавые отсветы. Всюду уже пролегли длинные, изломанные тени. Багровое солнце отражалось в окнах домов, напоминая языки пламени. Почему-то при взгляде на эти пламенеющие стекла Брайс подумал о фонарях из тыквы, которые они мальчишками вырезали под праздник Всех Святых: отсвет в отверстиях, обозначавших глаза, нос и рот, был очень похож на то, что отражалось сейчас в оконных стеклах.

Улица казалась даже еще более зловеще-тихой, чем накануне вечером. Их шаги отдавались громким и гулким эхом, словно они шли не по мостовой, а по огромному пустому собору.

Они осторожно повернули за угол.

Посередине улицы лежали три смятых и пустых защитных костюма. Еще один пустой костюм лежал так, что половина его была на мостовой, а половина — в придорожной канаве. Два шлема были разбиты.

Вокруг были разбросаны автоматы, неиспользованные бутылки с «молотовским коктейлем» аккуратным рядком выстроились вдоль тротуара.

Задняя дверь грузовика была открыта. Внутри, в кузове, валялись еще несколько пустых защитных костюмов и несколько автоматов. Людей не было.

— Генерал? Генерал Копперфильд? — громко крикнул Брайс.

Гробовое молчание.

Все тихо, как на Луне.

— Сет? — окликнула Сара Ямагути.— Билл? Билл Беттенби? Гэйлен? Ответьте кто-нибудь, пожалуйста!

Ничего. Никто не ответил.

— Они не успели даже ни разу выстрелить,— произнесла Дженни.

— Даже крикнуть,— сказал Тал.— Наши ребята у входа в гостиницу услышали бы, если бы они закричали.

— Вот черт,— проговорил Горди.

Задние дверцы обеих лабораторий были приоткрыты.

У Брайса было такое ощущение, что внутри их кто-то поджидает.

Ему хотелось повернуться и уйти. Но он не мог. Он был тут главным. И если он поддастся панике, то запаникуют все. А паника — это верная смерть.

Сара двинулась к двери первой лаборатории.

Брайс остановил ее.

— Там же мои друзья, черт возьми,— рассердилась она.

— Я знаю. Но дайте я вначале проверю,— сказал он.

Несколько мгновений, однако, он был не в состоянии тронуться с места.

Его сковал страх.

Он не мог заставить себя сдвинуться даже на дюйм.

Но в конце концов он все-таки переборол себя.

Глава 31

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ

В одной руке Брайс держал наготове взведенный револьвер. Другой он дотянулся до дверцы лаборатории и резко распахнул ее. Одновременно он отпрыгнул назад, продолжая держать дверной проем под прицелом своего револьвера.

Лаборатория была пуста. На полу валялись два смятых защитных костюма, третий был переброшен через спинку вращающегося кресла перед одним из компьютерных терминалов.

Брайс направился к задней дверце второй лаборатории.

— Давайте эту я проверю,— сказал Тал.

Брайс отрицательно покачал головой.

— Нет, ты стой здесь. Охраняй женщин: они без оружия. Если, когда я открою дверь, оттуда что-нибудь выскочит, удирайте со всех ног.

Брайс подошел к двери второй лаборатории и остановился. Сердце у него колотилось вовсю. Он взялся за ручку двери. Снова выждал немного. Потом распахнул дверь даже с бо́льшими предосторожностями, чем открывал дверь первой лаборатории.

И эта лаборатория тоже была пуста. Два защитных костюма внутри. Ничего больше.

Пока Брайс всматривался во внутреннее помещение лаборатории, свет под потолком мигнул и погас. От неожиданности Брайс даже вздрогнул. Но уже в следующее мгновение свет появился снова, хотя теперь он шел не от установленных под потолком ламп: свет был какой-то необычный, зеленоватый, и Брайс насторожился. Потом он понял, что свет этот исходил от трех экранов компьютера, которые все включились одновременно. И выключились. Снова включились. Выключились. Включились, выключились, включились, выключились... Сначала они включались и выключались все вместе, одновременно, потом стали делать это поочередно, так что возникло впечатление, будто свет движется от экрана к экрану по кругу. Наконец все они включились в последний раз и остались в таком состоянии, наполнив помещение лаборатории зловещим призрачным сиянием.

— Я войду,— сказал Брайс.

Прежде чем остальные успели возразить, он был уже на ступеньке и вошел внутрь. Там он подошел к первому терминалу, на темно-зеленом экране которого бледно-зелеными буквами светились несколько слов:

— ИИСУС МЕНЯ ЛЮБИТ, И Я ЭТО ЗНАЮ.

Брайс взглянул на два других экрана. На них были высвечены те же слова.

Экран мигнул. Теперь появились новые слова:

— ТАК БИБЛИЯ УЧИТ МЕНЯ.

Брайс нахмурился.

Что за странная программа? Это же слова той песенки, что раздавалась из раковины на кухне гостиницы.

— В БИБЛИИ ПОЛНО ЧУШИ,— заявил ему компьютер.

Экран мигнул.

— А ИИСУС МОЖЕТ КАТИТЬСЯ К ПСАМ В...

Эти слова держались на экранах дольше остальных. Брайсу показалось, что исходящий от экранов зеленый свет веет холодом. Пламя в камине излучает вокруг себя жар, а от свечения этих экранов исходил пронизывающий холод.

Нет, то, что показывали экраны, не могло быть обычной компьютерной программой. Подчиненные генерала Копперфильда не могли заложить в компьютер подобное ни при каких обстоятельствах, ни по какой логике, ни в каких целях, ни для какого анализа.

Экраны мигнули.

— ИИСУС МЕРТВ. БОГ МЕРТВ.

Снова мигнули.

— Я ЖИВ.

Опять мигнули.

— ХОЧЕШЬ ПОИГРАТЬ В 20 ВОПРОСОВ И ОТВЕТОВ?

С изумлением глядя на экран, Брайс ощущал, как внутри его поднимается почти животное чувство примитивного ужаса, как суеверные страх и трепет охватывают его всего, целиком и полностью, перехватывают ему горло. Но он не мог понять, чем это вызвано. Какими-то глубинами своего сознания, почти подсознанием он чувствовал, что рядом с ним находится нечто крайне злое, древнее и... знакомое. Но откуда оно может быть ему знакомо? Он ведь даже не знает, что *оно* такое. И тем не менее... Пожалуй, он действительно знал его. Где-то в самой глубине сознания. Инстинктивно. Если бы только он мог добраться до самой сокровенной сути самого себя, прорваться под ту видимость культуры, что так пронизана скептицизмом, если бы он мог докопаться до глубин своей расовой памяти, то, возможно, там бы он и нашел правду о том, что напало на жителей Сноуфилда и убило их.

Экраны опять мигнули.

— ШЕРИФ ХЭММОНД?

Мигание.

— ХОЧЕШЬ ПОИГРАТЬ СО МНОЙ В 20 ВОПРОСОВ И ОТВЕТОВ?

То, что компьютер назвал его по имени, потрясло Брайса. Но за этим последовал гораздо более неожиданный и неприятный сюрприз.

— ЭЛЛЕН.

На экране загорелось имя, имя его погибшей жены, и Брайс почувствовал, как напрятся, напружинился каждый мускул его тела. Он ждал, пока появятся какие-то дополнительные слова, но тянулись мгновения, на экране было только это, такое дорогое для него имя, и он не мог отвести от него взгляда, а потом...

— ЭЛЛЕН ГНИЕТ.

У него перехватило дыхание.

Откуда оно знает про Эллен?

Экран мигнул.

— ЭЛЛЕН КОРМИТ ЧЕРВЕЙ.

А это еще что такое? И для чего?

— ТИММИ УМРЕТ.

Предсказание четко высвечивалось на экране, зеленое на зеленом.

Он почувствовал приступ удушья.

— Нет,— негромко произнес он. На протяжении последнего года ему не раз казалось, что будет лучше, если Тимми действительно умрет. Лучше, чем такое вот медленное угасание. Еще вчера он мог сказать, что быстрая смерть сына была бы Божьим благословением. Сейчас он уже так не думал. Сноуфилд показал ему, что нет ничего хуже смерти. Когда ты в руках смерти, то надежды уже нет. Но пока Тимми жив, всегда будет оставаться вероятность выздоровления. В конце концов врачи говорят, что мозг мальчика поражен не так уж сильно. Поэтому если он когда-нибудь очнется от этого противоестественного сна, то у него есть хорошие шансы восстановить нормальные функции и способности. Шансы, возможность, надежда. Вот почему Брайс сказал компьютеру «нет». Твердое «нет».

Снова мигание.

— ТИММИ СГНИЕТ. ЭЛЛЕН ГНИЕТ. ЭЛЛЕН ГНИЕТ В АДУ.

— Кто ты *такой?* — требовательно спросил Брайс.

Однако стоило ему произнести эти слова, как он почувствовал себя глупо. Ведь с компьютерами не разговаривают так, словно они тоже живые существа. Если он хочет задать компьютеру вопрос, то надо его напечатать.

— ПОБЕСЕДУЕМ?

Но Брайс уже отвернулся от экрана. Он подошел к двери и выглянул наружу.

При виде его на лицах всех, кто там ждал, возникло выражение облегчения.

Откашлявшись и стараясь не показать, насколько он потрясен, Брайс позвал:

— Доктор Ямагути, мне нужна ваша помощь.

Тал, Дженни, Лиза и Сара Ямагути забрались в лабораторию. Фрэнк и Горди остались снаружи, у дверей, нервно оглядывая улицу, где уже быстро темнело.

Брайс жестом показал Саре на экраны компьютера.

— ПОБЕСЕДУЕМ?

Он рассказал о том, что высвечивалось на экранах терминалов в последние несколько минут, но не успел он закончить, как Сара перебила его:

— Это невозможно. В том компьютере нет ни программы, ни словаря, которые бы давали возможность...

— Кто-то управляет вашим компьютером,— возразил Брайс.

— Управляет? Как? — нахмурилась Сара.

— Я не знаю.

— Кто?

— Не *кто*, а скорее уж *что*,— проговорила Дженни, обнимая сестру.

— Да,— поддержал ее Тал.— Эта штука, этот убийца, кем бы он там, черт возьми, не был,— вот кто управляет вашим компьютером, доктор Ямагути. Это *оно*.

Явно продолжая сомневаться, Сара Ямагути села за один из терминалов и включила автоматический принтер. «Если из этого что-нибудь получится, пусть у нас хотя бы останется запись разговора». Ее маленькие, почти детские, изящные руки замерли над клавиатурой; Брайс стоял у нее за спиной и следил за экраном из-за ее плеча; Тал, Дженни и Лиза повернулись к двум другим экранам в тот самый момент, когда они мигнули и изображение с них стерлось. Сара посмотрела на светящийся ровным зеленым светом экран и наконец набрала код доступа и первый вопрос.

— ЕСТЬ ТАМ КТО-НИБУДЬ?

Немедленно последовал ответ, и принтер застучал, печатая его:

— ДА.

— КТО ВЫ?

— НЕИСЧИСЛИМЫЙ.

— Что это значит? — спросил Тал.

— Не знаю,— ответила доктор Ямагути.

Она повторила вопрос и получила опять тот же самый непонятный ответ:

— НЕИСЧИСЛИМЫЙ.

— Спросите, как его зовут,— посоветовал Брайс.

Сара напечатала вопрос, и набранные ею слова появились сразу на всех трех экранах:

— У ВАС ЕСТЬ ИМЯ?

— ДА.
— КАК ВАС ЗОВУТ?
— МНОГО.
— У ВАС МНОГО ИМЕН?
— ДА.
— НАЗОВИТЕ ОДНО ИЗ НИХ.
— ХАОС.
— КАКИЕ ЕЩЕ ИМЕНА У ВАС ЕСТЬ?
— ТЫ ГЛУПАЯ НАДОЕДЛИВАЯ БЛЯДЬ. СПРОСИ О ЧЕМ-НИБУДЬ ДРУГОМ.

Сара потрясенно посмотрела на Брайса.

— Ну, уж *подобного* слова в компьютерном языке точно нет.

— Не спрашивайте, *кто* он,— проговорила Лиза.— Спросите лучше, *что* оно такое.

— Верно,— согласился Тал.— Посмотрим, даст ли оно какое-нибудь физическое описание себя.

— Оно решит, что мы задаем вопросы, чтобы проверить, исправен ли компьютер,— ответила Сара,— и начнет выдавать нам схемы его цепей.

— Не начнет,— возразил Брайс.— Не забывайте, вы сейчас ведете диалог не с компьютером. Это что-то другое. Компьютер сейчас — только средство общения.

— Да. Да, конечно,— сказала Сара.— Хоть он меня только что и обозвал, я все еще по привычке отношусь к нему, как к нашему старому доброму Медди.

Подумав минуту, она напечатала:

— ДАЙТЕ СВОЕ ФИЗИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ.
— Я ЖИВОЙ.
— БУДЬТЕ ОПРЕДЕЛЕННЕЕ,— потребовала Сара.
— Я ПО СВОЕЙ ПРИРОДЕ НЕОПРЕДЕЛЕНЕН.
— ВЫ ЧЕЛОВЕК?
— Я ОБЛАДАЮ СПОСОБНОСТЬЮ БЫТЬ И ИМ ТОЖЕ.
— Оно просто играет с нами,— сказала Дженни.— Развлекается.

Брайс провел рукой по лицу.

— Спросите его, что стало с Копперфильдом.
— ГДЕ ГЭЙЛЕН КОППЕРФИЛЬД?
— МЕРТВ.

— ГДЕ ЕГО ТЕЛО?
— ИСЧЕЗЛО.
— КУДА ИСЧЕЗЛО?
— ТЫ НАДОЕДЛИВАЯ СУКА.
— ГДЕ ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ, КТО БЫЛ ВМЕСТЕ С ГЭЙЛЕНОМ КОППЕРФИЛЬДОМ?
— МЕРТВЫ.
— ТЫ УБИЛ ИХ?
— ДА.
— ЗАЧЕМ?
— ВЫ...

Сара постучала по клавишам.

— ПОЯСНИ.
— ВЫ ВСЕ...
— ПОЯСНИ.
— ВЫ ВСЕ МЕРТВЫ.

Брайс увидел, как у Сары задрожали руки. Они, однако, продолжали бегать по клавиатуре так же четко и умело, как и прежде.

— ЗАЧЕМ ТЫ ХОЧЕШЬ НАС УБИТЬ?
— ВЫ ДЛЯ ЭТОГО И СУЩЕСТВУЕТЕ.
— ТЫ ХОЧЕШЬ СКАЗАТЬ, ЧТО МЫ СУЩЕСТВУЕМ ТОЛЬКО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ НАС УБИВАТЬ?
— ДА. ВЫ СКОТ. СВИНЬИ. ВЫ ВСЕ ДРЯНЬ.
— КАК ТЕБЯ ЗОВУТ?
— ПУСТОТА.
— ПОЯСНИ.
— ПУСТОЕ МЕСТО.
— КАК ТЕБЯ ЗОВУТ?
— ЛЕГИОН.
— ПОЯСНИ.
— Х... Я ТЕБЕ ПОЯСНЮ, СУКА ТЫ ПРИСТАВУЧАЯ.
— Это просто черт знает что,— проговорила, вся вспыхивая, Сара.
— Такое впечатление, словно оно находится здесь, прямо среди нас,— сказала Лиза.

Дженни покрепче обняла сестру за плечи, стараясь приободрить ее, и спросила:

— Что ты имеешь в виду, голубушка?

Дрожащим, напряженным голосом девочка ответила:

— Его присутствие тут ощущается почти физически.— Лиза быстро обвела взглядом всю лабораторию.— Даже воздух кажется каким-то более густым, чем обычно. Тебе не кажется? И более холодным. Такое впечатление, как будто что-то вот-вот... возникнет тут прямо перед нами. Материализуется.

Брайс очень хорошо понимал, что она имеет в виду.

Тал поймал взгляд Брайса и слегка кивнул. Он тоже испытывал такое же ощущение.

Брайс, однако, был уверен: то, что они сейчас все испытывали, было не более чем субъективными ощущениями. На самом же деле ничто не могло тут материализоваться. И воздух был не гуще, чем за минуту до этого: он лишь казался сгустившимся, потому что все они находились в напряжении, а когда человек пребывает в таком состоянии, ему обычно всегда становится труднее дышать. А что воздух стал холоднее... ну, так это потому, что близится ночь.

Изображение на всех экранах исчезло. Потом вдруг появился вопрос:

— КОГДА ОН ПРИЕЗЖАЕТ?

— ПОЯСНИ,— напечатала Сара.

— КОГДА ПРИЕЗЖАЕТ ЭКЗОРСИСТ?

— Господи,— произнес Тал,— *это* еще что такое?

— ПОЯСНИ,— снова напечатала Сара.

— ТИМОТИ ФЛАЙТ.

— Вот это да! — удивилась Дженни.

— Оно знает этого Флайта,— проговорил Тал.— Но откуда? И такое впечатление, что оно его боится. Или здесь что-то другое?

— ТЫ БОИШЬСЯ ФЛАЙТА?

— ГЛУПАЯ СУКА.

— ТЫ БОИШЬСЯ ФЛАЙТА? — продолжала настаивать Сара, решив не обращать внимания на оскорбления.

— Я НИЧЕГО НЕ БОЮСЬ.

— ПОЧЕМУ ФЛАЙТ ТЕБЯ ИНТЕРЕСУЕТ?

— Я УЗНАЛ, ЧТО ОН ЗНАЕТ.

— ЧТО ОН ЗНАЕТ?

— ОБО МНЕ.

— Ну что ж,— сказал Брайс,— по крайней мере, теперь мы можем быть уверены, что Флайт не просто еще один удачливый конъюнктурщик.

Сара снова застучала по клавишам.

— ФЛАЙТ ЗНАЕТ, КТО ТЫ?

— ДА. Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ОН БЫЛ ТУТ.

— ЗАЧЕМ ОН ТЕБЕ ТУТ НУЖЕН?

— ОН МОЙ МАТФЕЙ.

— ПОЯСНИ.

— ОН МОЙ МАТФЕЙ, МАРК, ЛУКА И ИОАНН.

Сара нахмурилась и посмотрела на Брайса. Потом ее руки снова запорхали над клавиатурой.

— ТЫ ХОЧЕШЬ СКАЗАТЬ, ЧТО ФЛАЙТ — ТВОЙ АПОСТОЛ?

— НЕТ. ОН МОЙ БИОГРАФ. ОН ВЕДЕТ ЛЕТОПИСЬ МОИХ ДЕЛ. Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ОН БЫЛ ТУТ.

— ТЫ ХОЧЕШЬ УБИТЬ И ЕГО ТОЖЕ?

— НЕТ. Я ДАМ ЕМУ БЕЗОПАСНЫЙ ПРОХОД.

— ПОЯСНИ.

— ВЫ ВСЕ УМРЕТЕ. НО ФЛАЙТУ БУДЕТ ПОЗВОЛЕНО ЖИТЬ. СКАЖИТЕ ЕМУ ЭТО. ОН НЕ ПРИЕДЕТ, ЕСЛИ НЕ БУДЕТ УВЕРЕН, ЧТО ЕМУ ГАРАНТИРОВАН БЕЗОПАСНЫЙ ПРОХОД.

Теперь руки у Сары тряслись, как никогда прежде. Она ошиблась, ударила не по той клавише, пришлось стирать набранное и начинать все сначала. Но в конце концов она напечатала вопрос:

— ЕСЛИ МЫ ПРИВЕЗЕМ ФЛАЙТА В СНОУФИЛД, ТЫ ОСТАВИШЬ НАС В ЖИВЫХ?

— ВЫ МОИ.

— ТЫ ОСТАВИШЬ НАС В ЖИВЫХ?

— НЕТ.

До сих пор Лиза держалась мужественнее, чем позволял ожидать ее возраст. Но когда она прочла написанную так ясно и четко на экране компьютера ожидающую ее судьбу, крепиться дальше оказалось выше ее сил. Она негромко расплакалась.

Дженни, как могла, старалась утешить и успокоить девочку.

— Что бы это ни было,— сказал Тал,— но самонадеянности ему не занимать.

— Ничего, мы пока еще не умерли,— приободрил всех присутствующих Брайс.— У нас есть надежда. И пока мы живы, надежда будет всегда.

Сара снова застучала по клавишам.

— ОТКУДА ТЫ?

— ИЗ НЕЗАПАМЯТНЫХ ВРЕМЕН.

— ПОЯСНИ.

— СУКА НАДОЕДЛИВАЯ.

— ТЫ С ДРУГОЙ ПЛАНЕТЫ?

— НЕТ.

— Вот и ответ для Айсли и Аркхэма,— сказал Брайс, не сразу сообразив, что и Айсли, и Аркхэм уже погибли, а тела их исчезли.

— Если оно не врет,— сказала Дженни.

Сара вернулась к вопросу, который она собиралась задать раньше:

— ЧТО ТЫ ТАКОЕ?

— ТЫ МНЕ НАДОЕЛА.

— ЧТО ТЫ ТАКОЕ?

— ГЛУПАЯ БАБА.

— ЧТО ТЫ ТАКОЕ?

— ОТВАЛИ.

— ЧТО ТЫ ТАКОЕ?

На этот раз Сара с такой силой ударяла по клавишам, что Брайс заволновался, как бы они не сломались. Гнев явно вытеснил у Сары всякий страх.

— Я — ГЛАСИАЛАБОЛЛА.

— ПОЯСНИ.

— ЭТО МОЕ ИМЯ. Я КРЫЛАТЫЙ ЧЕЛОВЕК С СОБАЧЬИМИ ЗУБАМИ. ИЗО РТА У МЕНЯ ИДЕТ ПЕНА. Я НАВЕЧНО ОСУЖДЕН НА ТО, ЧТОБЫ ИЗО РТА У МЕНЯ ШЛА ПЕНА.

Брайс смотрел на экран, ничего не понимая. Это оно что, серьезно? Крылатый человек с собачьими зубами? Да нет, не может быть. Оно просто опять морочит им головы, снова развлекается. Но какое же это развлечение, что в нем приятного или интересного оно для себя находит?

С экранов стерлось изображение.

Пауза.

Потом стали появляться новые слова, хотя Сара не задавала никаких вопросов.

— Я — ГАБОРИЙ. У МЕНЯ ТРИ ГОЛОВЫ — ОДНА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ, ОДНА КОШАЧЬЯ И ОДНА ЗМЕИНАЯ.

— Это еще что за чушь собачья? — проговорил отчаявшийся что-либо понять Тал.

Воздух в лаборатории стал определенно холоднее.

Это всего лишь ветер, успокоил себя Брайс. Ветер задувает в дверь и несет с собой прохладу наступающей ночи.

— Я — РАНТАН.

Мигание экранов.

— Я — ПАЛЛАНТР.

Опять мигание.

— Я — АМЛЮТИЙ, ОЛФИН, ЭПИНИЙ, ФУАРД, ВЕЛИАР, ОМГОРМА, НЕБИРОС, ВААЛ, ЭЛИГОР*. И МНОГОЕ ДРУГОЕ.

Эти странные имена высветились на мгновение на всех трех экранах, потом изображение мигнуло, и они исчезли.

— Я ВСЕ И НИЧЕГО. Я — НИЧТО. Я — ВСЕ.

Изображение снова мигнуло, слова пропали.

Секунду, другую, третью экраны всех трех терминалов горели ярким чистым зеленым светом. Потом они потухли.

Зажглась лампочка под потолком.

— Интервью окончено,— сказала Дженни.

Велиар. Это было одно из тех имен, которыми оно себя назвало.

Брайс не отличался особенно ревностной религиозностью, но он был достаточно хорошо начитан для того, чтобы знать, что Велиар — это то ли одно из обозначений Сатаны, то ли имя одного из падших ангелов. Он, правда, не был точно уверен, что именно из двух.

---

* *Олфин (церк.)* — некто или нечто, идущее или длящееся «до самого конца», то есть до Судного дня; *Велиар* — в Старом Завете обозначение всех сил Зла, в Новом Завете — Сатана, в «Потерянном рае» (1667 г.) английского поэта и мыслителя Джона Мильтона (1608–1674) — один из восставших против Бога и потому падших (то есть погибших) ангелов; *Ваал* — у древнесемитских народов бог солнца, плодородия и т. п., сейчас — кумир, идол.

Горди Брогэн был среди них самым религиозным человеком, глубоко верующим католиком. Поэтому когда Брайс вышел самым последним из передвижной лаборатории, то показал Горди распечатку имен, сделанную в конце записи того странного разговора, и спросил, не говорит ли какое-нибудь из этих имен что-либо Горди.

Пока Горди читал, они стояли на тротуаре возле лаборатории. Быстро опускались сумерки. Через двадцать минут, а возможно, даже и раньше будет уже совсем темно.

— Вот,— сказал Горди,— это имя, Ваал.— Он показал пальцем соответствующее место в сложенной гармошкой распечатке.— Не могу точно сказать, где оно мне раньше встречалось. Но не в церкви и не катехизисе. Возможно, я о нем где-то читал.

В том, как говорил Горди, Брайс уловил какие-то странные тон и ритм. Это не была просто речь нервничающего человека, которому не по себе. Несколько слов Горди произносил слишком медленно, растянуто, несколько следующих — чересчур быстро, потом опять медленно, а потом снова — с почти лихорадочной быстротой.

— В какой-нибудь книге? — спросил Брайс.— Может быть, в *Библии?*

— Нет, не думаю. Я мало читал Библию. Хотя надо было бы. Надо было постоянно ее читать. Но имя это я встречал в какой-то обычной книге. В каком-то романе. Не помню.

— А кто он такой, этот Ваал? — спросил Брайс.

— По-моему, это должен быть какой-то очень сильный демон,— проговорил Горди. Но теперь уже что-то странное творилось не столько с его голосом, но и с *ним самим.*

— А другие имена? — спросил Брайс.

— Мне они ничего не говорят.

— Я подумал, не имена ли это других демонов?

— Знаете, католическая церковь не очень поощряет всю эту чертовщину и мало говорит о ней,— ответил Горди все в той же странной манере.— Хотя, может быть, стоило бы говорить об этом чаще. Да. Определенно стоило бы. Потому что мне кажется, что вы правы. Мне кажется, это действительно имена демонов.

Дженни устало вздохнула.

— Значит, оно опять только поиграло с нами.

Горди энергично затряс головой.

— Нет. Это не игра. Ничего подобного. Оно говорило правду.

Брайс нахмурился.

— Горди, неужели же ты и вправду думаешь, что это действительно какой-нибудь демон, или сам Сатана, или кто-то еще в этом роде?

— Чепуха все это,— сказала Сара Ямагути.

— Конечно,— согласилась Дженни.— Этот концерт на компьютерах, разговоры о демоне — все это только для того, чтобы еще больше заморочить нам головы и сбить нас с толку. Оно никогда не скажет нам правды о себе, потому что если мы узнаем правду, то сумеем придумать и способ победить его.

— А как в таком случае вы объясните распятие священника над алтарем в церкви Божьей Матери на Горе? — спросил Горди.

— Это только часть того, что нам пока не понятно,— сказал Тал.

Глаза у Горди стали какие-то странные. Сейчас в них не просто отражался страх. Это были глаза человека, переживающего сильнейшие духовные страдания, даже душевную агонию.

«Я должен был раньше обратить внимание на то, что он впадает в такое состояние»,— отругал себя Брайс.

Горди заговорил — негромко, но с захватывающей убедительностью:

— По-моему, скорее всего, это пришло время. Конец. Наступает начало конца. Наконец-то. Точь-в-точь как говорится в Библии. Я никогда в это не верил. Верил во все, чему учит церковь. Кроме этого. В Судный день я не верил. Я всегда почему-то считал, что жизнь будет продолжаться как обычно, и продолжаться вечно. А вот теперь он наступает, верно? Да. Наступает Страшный Суд. Не только для тех, кто жил в Сноуфилде. Для всех нас. Это конец. И я задаю себе вопрос: как оценят на Страшном Суде меня и мою жизнь? И я боюсь. Боюсь, потому что мне был дан дар, очень необычный дар, а я его растратил зря. Мне был дан дар святого Франциска. Я всегда умел ладить с животными. Нет, правда. На меня никогда не залаяла ни одна

собака. А вы и не знали этого, да? Ни одна кошка никогда меня не оцарапала. Животные меня понимают. Они мне доверяют. Может быть, они меня даже любят. Мне ни разу не попалось ни одно животное, которое бы отнеслось ко мне плохо. Я могу уговорить дикую белку есть прямо у меня из руки. Это дар. И мои родители хотели, чтобы я стал ветеринаром. А я отвернулся и от них, и от своего дара. И вместо этого стал полицейским. Взял в руки оружие. *Оружие*. Я был создан не для того, чтобы браться за оружие. Только не я. Нет. Я это сделал отчасти потому, что знал: это не понравится моим родителям. Так я выражал свою самостоятельность, понимаете? Но я забыл. Забыл о том, что Библия учит: почитай отца и матерь своих. А я вместо этого причинил им боль. И отвернулся от того дара, который ниспослал мне Бог. Больше того. Хуже того. Я наплевал на этот дар — вот что я сделал. Вчера вечером я решил, что сложу оружие, уйду из полиции и стану ветеринаром. Но мне кажется, что уже поздно. Суд уже идет, а я этого не понял. Я наплевал на дар, которым наградил меня Господь, и теперь... Я боюсь.

Брайс не знал, что и как можно было бы возразить Горди. Его воображаемые грезы были настолько далеки от подлинного, настоящего зла, что можно было разве что рассмеяться. Если кому-то из них и было уготовано место в раю, этим человеком наверняка был именно Горди. Нет, Брайс ни на мгновение не верил в то, будто действительно настал день Страшного Суда. Совершенно не верил. Но ему никак не приходило в голову, что можно было возразить Горди: этот большой ребенок с открытой кровоточащей душой слишком глубоко погрузился в себя, и вывести его из этого состояния было уже невозможно.

— Тимоти Флайт — ученый, а не богослов,— уверенно и твердо проговорила Дженни.— И если у Флайта есть какое-то объяснение тому, что здесь случилось, то это объяснение наверняка научное, а не религиозное.

Но Горди ее не слушал. По его лицу градом катились слезы. Взгляд у него был остановившийся, отсутствующий. Он слегка откинул голову и посмотрел на небо, но видел он в этот момент наверняка не заходящее солнце, а какую-нибудь широкую небесную дорогу, по которой должны скоро спуститься на огненных колесницах архангелы и небесное воинство.

Он был не в том состоянии, когда человеку можно доверить огнестрельное оружие. Брайс потихоньку вытащил у Горди из

кобуры револьвер и забрал его себе. Но Горди, похоже, даже не заметил этого.

Брайс видел, что этот странный, произнесенный вслух внутренний монолог Горди сильно подействовал на Лизу. Она выглядела ошеломленной, оглушенной, как после сильного удара.

— Ничего,— успокоил ее Брайс.— Пока еще не конец света. И не день Страшного Суда. Горди немного... переволновался. Мы отсюда выберемся. И все закончится благополучно. Ты мне веришь, Лиза? Ну-ка, подними свой симпатичный подбородок кверху! И постарайся еще немного побыть мужественной и храброй, ладно?

Лиза не сразу отреагировала на его слова. Но потом где-то в глубинах своей души она смогла отыскать новые запасы сил и душевной стойкости. Она молча кивнула. Она даже сумела улыбнуться ему в ответ слабой и неуверенной улыбкой.

— Ты потрясающая девчонка,— сказал ей Брайс.— Почти как твоя старшая сестра.

Лиза взглянула искоса на Дженни, потом снова перевела взгляд на Брайса.

— А вы потрясающий шериф,— ответила она.

«Интересно, у меня сейчас улыбка такая же дрожащая, как у нее, или нет?» — подумал Брайс.

Доверие, прозвучавшее в ее словах, заставило его смутиться: он-то понимал, что доверия этого не заслуживает.

«Я солгал тебе, девочка,— подумал он.— Смерть все еще ходит рядом с нами. И она обязательно нанесет удар снова. Может быть, это произойдет не в ближайший час. Возможно, даже не в ближайшие сутки. Но рано или поздно она *обязательно* нанесет удар снова».

Конечно, он никак не мог этого знать, но одному из них суждено было умереть уже в следующую минуту.

Глава 32
СУДЬБА

Утро понедельника Флетчер Кейл потратил главным образом на то, чтобы методично, комнату за комнатой, разгромить весь дом Джейка Джонсона в Санта-Мире. Он получал от этого занятия огромное, ни с чем не сравнимое наслаждение.

В большой кладовке, что была рядом с кухней, Кейл наконец-то обнаружил тайник Джонсона. Тайник этот был не среди полок, забитых таким количеством консервов, бутылок и всяких других съестных припасов, которых хватило бы по меньшей мере на год. И не на полу, где были горой навалены другие запасы. Нет, *настоящее* сокровище было спрятано *под* полом кладовки — под свободно положенным, не закрепленным линолеумом, под досками пола, в специально сделанном тайнике.

Здесь был небольшой, но очень тщательно подобранный запас оружия, способный произвести впечатление на любого. Каждая вещь была отдельно обернута в водонепроницаемую пленку. Поочередно разворачивая их, Кейл испытывал такое же чувство, как в детстве, когда утром после Рождества вскрывал сложенные под елкой подарки. Здесь были два боевых «магнума» производства компании «Смит и Вессон» — лучшие и самые мощные револьверы в мире. Ничего более внушительного, чем «магнум», просто не существовало в природе: выстрелом из такого револьвера можно было бы уложить наповал даже медведя. Более легкий «магнум» тридцать восьмого калибра отличался очень высокой точностью попадания и был незаменим в ближнем бою. Был дробовик: «ремингтон-870» двенадцатого калибра с настраиваемым по глазам оптическим прицелом, со складным прикладом, пистолетной рукояткой, дополнительными магазинами и ремнем. Была полуавтоматическая винтовка «М-1». Но что еще лучше, здесь лежал великолепный боевой автомат «хеклер и кох ХГ-91», а к нему восемь полных тридцатизарядных магазинов и отдельно еще две тысячи патронов.

Кейл просидел почти целый час, рассматривая оружие и играя с ним, любовно его поглаживая. Если по дороге в горы его засекут легавые, они об этом пожалеют. Крепко пожалеют.

В тайнике под полом кладовки были и деньги. Много денег. Банкноты были туго скручены в цилиндрики, обвязаны резинками и плотно набиты в пять больших, хорошо закрытых глиняных кувшинов: в каждом из них лежало от трех до пяти таких скруток.

Кейл вынес кувшины на кухню и расставил их на столе. Потом залез в холодильник, надеясь найти там пиво, но ему пришлось удовлетвориться банкой пепси. После чего он уселся за стол и принялся подсчитывать свои сокровища.

Шестьдесят три тысячи четыреста сорок долларов.

Одной из самых старых местных легенд, давно уже передававшейся из уст в уста в округе Санта-Мира, было предание о тайном богатстве Большого Ральфа — Джонсона-старшего,— сколоченном на взятках и других незаконных доходах. По-видимому, найденная Кейлом сумма была последними остатками неправедного состояния, припрятанного в свое время Большим Ральфом. Что ж, Кейлу как раз примерно столько и недоставало для того, чтобы начать новую жизнь.

Ирония судьбы заключалась в том, что, если бы такие деньги попали ему в руки неделю назад, ему бы не пришлось убивать Джоанну и Денни. Этой суммы было бы более чем достаточно для того, чтобы он сумел выкрутиться из трудного положения, сложившегося с «Высокогорными инвестициями».

Полтора года назад, когда он стал одним из партнеров в «Высокогорных инвестициях», он и представить себе не мог, что этот шаг приведет к катастрофе. В то время ему казалось, что компания открывает перед ним просто-таки золотые возможности, которые рано или поздно обязательно оправдаются.

Каждый из партнеров «Высокогорных инвестиций» внес тогда одну седьмую часть тех средств, которые были необходимы, чтобы приобрести и обустроить участок размером в тридцать акров на высокогорье Хайлайн-ридж, вдоль восточной границы округа Санта-Мира. Чтобы только войти в число партнеров, Кейлу пришлось тогда пустить на это начинание все, чем он располагал, до последнего доллара, но ему казалось, что потенциальная отдача начинаемого дела вполне оправдывает связанный с ним риск.

Однако проект освоения этого участка на деле обернулся бездонной бочкой, ненасытно пожиравшей все новые и новые средства.

По первоначальным условиям сделки, если бы со временем выяснилось, что стартового капитала недостаточно для завершения начатых работ, каждый из партнеров имел право на этом этапе заново решать, оставаться ему в деле или же выходить из него. Но если Кейл — или любой другой из партнеров — не мог внести дополнительные средства, то он немед-

ленно выбывал из «Высокогорных инвестиций», не получая никакой компенсации за то, что успел вложить в эту компанию: так сказать, «большое спасибо и до свидания». После чего вложенные им средства и причитающаяся ему доля делились поровну между остающимися партнерами. Такие условия обеспечивали реальное финансирование проекта, привлекая к участию в нем, как правило, только тех вкладчиков, которые располагали значительными свободными средствами. Но участие в компании подобного рода требовало железного здоровья и крепких нервов.

Кейл в свое время не подумал о том, что могут потребоваться дополнительные средства. И начально собранный капитал показался ему более чем достаточным. Но он ошибся.

Когда было объявлено о необходимости внести еще тридцать пять тысяч долларов, Кейл был потрясен, но из колеи его это не вышибло. По его прикидкам, десять тысяч они могли занять у родителей Джоанны, еще на двадцать тысяч продать что-нибудь из того, что было у них в доме, а наскрести остающиеся пять тысяч как-нибудь бы удалось.

Единственной трудностью во всем этом была Джоанна.

Она с самого начала была против того, чтобы он связывался с «Высокогорными инвестициями». Она утверждала, что ему это не по средствам и что вообще ему давно пора прекратить изображать из себя крупного финансового воротилу.

Но он ввязался, и теперь надо было выкладывать дополнительную сумму, а Джоанна упивалась своим отчаянием. Не явно, конечно. Для этого она была достаточно умна. Она понимала, что поза мученицы для нее гораздо выгоднее, чем поза гарпии. Она никогда не упрекала его прямо — дескать, «я же тебе говорила», но этот упрек и самодовольная уверенность в своей правоте постоянно читались в ее взгляде, постоянно чувствовались в том, как она обращалась с ним.

Наконец он сумел-таки уговорить ее перезаложить дом и взять в долг у ее родителей. Добиться этого было не просто.

Он улыбался, согласно кивал, с готовностью принимал все ее елейные советы, терпел язвительные замечания. Но он дал себе твердое обещание, что в конечном счете отплатит всем той же монетой. Точно так же ткнет их мордами в такое же дерьмо, какое они заставляли сейчас глотать его самого. Когда «Высокогорные инвестиции» принесут ему потрясающий успех, он заставит всех их приползти к нему на коленях. И прежде всего Джоанну.

Потом, к его ужасу, пришло второе извещение, гласившее, что каждый из семи партнеров должен внести дополнительную сумму. На этот раз она составляла сорок тысяч долларов.

Он мог бы найти и эти деньги, если бы только Джоанна искренне захотела помочь ему преуспеть. Она могла бы взять эту сумму из фонда. Когда через пять месяцев после того, как родился Денни, умерла бабушка Джоанны, то почти всю недвижимость, которая у нее была,— на пятьдесят тысяч долларов — старая карга оставила в виде фонда своему единственному правнуку. Джоанна же была назначена главной распорядительницей этого фонда. Поэтому, когда от «Высокогорных инвестиций» поступило второе дополнительное извещение, она вполне могла взять сорок тысяч долларов из фонда и заплатить требуемую сумму. Но Джоанна отказалась это сделать. Она тогда заявила: «А что, если придет еще и третье извещение? Ты потеряешь тогда все, Флетчи, абсолютно все, что у тебя есть. И Денни тоже потеряет почти весь фонд». Он попытался убедить ее, что третьего взноса не потребуется, что его не будет. Но, разумеется, она не желала слушать никаких его доводов, потому что на самом-то деле и не желала ему успеха, потому что на самом деле она хотела, чтобы он разорился, оказался бы униженным, потому что на самом деле она хотела добить и сломить его.

Теперь у него не оставалось другого выбора, кроме как убить ее и Денни. По условиям завещания, если бы Денни умер до достижения двадцати одного года, то фонд подлежал бы ликвидации. Оставшиеся деньги, после уплаты налогов, переходили бы в собственность Джоанны. А если бы умерла Джоанна, то вся принадлежащая ей недвижимость переходила бы к ее мужу: таково было условие завещания самой Джоанны. Поэтому если бы он избавился от них обоих, то остатки средств из попечительского фонда прабабки — и плюс еще дополнительные двадцать тысяч долларов, на которые была застрахована жизнь Джоанны,— попали бы к нему.

Эта сука просто не оставила ему выбора.

И он не виноват в ее смерти.

Она сама во всем этом виновата. Она сделала все так, что у него просто не оставалось другого выхода.

Он улыбнулся, вспомнив, какое выражение появилось у нее на лице, когда она увидела тело мальчишки,— а потом увидела, что он наставляет револьвер на нее.

Сидя сейчас за столом на кухне Джейка Джонсона, Кейл с удовольствием глядел на деньги, и его улыбка становилась все шире.

Шестьдесят три тысячи четыреста сорок долларов.

Еще несколько часов назад он сидел в тюрьме, у него не было в самом прямом смысле слова ни гроша, а впереди его ждал суд, который вполне мог завершиться смертным приговором. Большинство людей в таком положении впали бы в прострацию от отчаяния. Но Флетчер Кейл не сдался, не проиграл. Он знал, что судьба предназначила его для великих дел. И тому были доказательства. За непостижимо короткий отрезок времени он прошел такой гигантский путь: от тюрьмы к свободе, от бедности к обладанию шестьюдесятью тремя тысячами четырьмястами сорока долларами. Теперь у него были деньги, оружие, машина и безопасное убежище совсем неподалеку, в горах.

Началось наконец-то.

Его особое предназначение стало сбываться.

Глава 33
ФАНТОМЫ

— Давайте-ка возвращаться в гостиницу,— проговорил Брайс.

Через четверть часа на город должна была опуститься ночь.

Тени, выбираясь из укромных уголков, в которых они проспали весь день, уже росли со скоростью раковой опухоли, стремясь навстречу друг другу, сливаясь вместе и образуя обширные пространства полной темноты.

Небо над городом было окрашено в яркие карнавальные тона — оранжевые, красные, желтые, багряные,— но лишь слабые их отсветы достигали сейчас улиц Сноуфилда.

Группа стояла возле передвижной лаборатории, в которой они только что при помощи компьютера побеседовали с *ним*. После слов Брайса все повернулись и двинулись по улице, и в тот момент зажглись уличные фонари.

В этот же самый момент Брайс услышал и какой-то звук. Вроде бы кто-то заскулил. Потом мяукнул. Потом тявкнула собака.

Вся группа, как один человек, повернулась и посмотрела назад.

Там, вдоль тротуара, мимо лабораторий, изо всех сил стараясь догнать уходящих, хромая, бежала собака. Это был эрдель. Левая передняя лапа у него была явно сломана. Язык вываливался наружу. Длинная мягкая шерсть казалась свалявшейся, грязной, а вид у собаки был неухоженный и несчастный, как будто ее только что наказали. Она сделала еще несколько шагов вперед, остановилась, лизнула раненую лапу и жалобно заскулила.

Брайс впился взглядом во внезапно появившуюся собаку. Это было первое увиденное ими в городе живое существо. Оно было не в самом лучшем состоянии, но — живое.

Но *почему* оно оказалось живым? Что в нем было такого особенного, что позволило ему спастись, тогда как все остальные погибли?

Если бы они сумели найти ответ на этот вопрос, вполне возможно, что это помогло бы спастись и им самим.

Первым на появление собаки среагировал Горди.

Вид раненого эрделя подействовал на него гораздо сильнее, чем на всех остальных. Для него было невыносимо видеть перед собой страдающее животное. Если бы он мог, он бы предпочел страдать вместо него сам. Сердце у него учащенно забилось. Но на этот раз реакция Горди имела еще одну причину: он понял, что это не просто самая обычная собака, которой нужны помощь и утешение. Этот эрдель был знаком Божиим. Да. Знаком того, что Бог посылает Гордону Брогэну еще один шанс принять данный ему ранее Божий дар. Он способен понимать животных и общаться с ними так же хорошо, как это умел делать святой Франциск Ассизский, а таким даром нельзя пренебрегать и нельзя относиться к нему легкомысленно. Если он

и на этот раз повернется спиной к Божьему дару, как он неоднократно делал в прошлом, то теперь уже, безусловно, будет проклят. Но если он поможет этой собаке... На глаза у Горди навернулись слезы, они капельками побежали из уголков глаз вниз по щекам. Слезы облегчения и счастья. Милость Божия растрогала его и проняла до глубины души. Он заторопился навстречу эрделю, который стоял футах в двадцати от него.

Поначалу Дженни была настолько поражена внезапным появлением собаки, что не могла вымолвить ни слова. Она только молча, во все глаза смотрела на эрделя. Но затем вдруг ощутила прилив невыразимой радости. Жизнь все-таки каким-то необъяснимым образом сумела взять верх над смертью. В конце концов выясняется, что *оно* не сумело сожрать в Сноуфилде всех и вся. Выжила же вот эта собака — а эрдель, увидев, что Горди направляется к нему, устало присел, значит, возможно, и им удастся выбраться из этого городка живыми...

...И тут Дженни вдруг вспомнила о мотыльке.

Мотылек тоже был живым. Но это оказалась враждебная им жизнь.

И об ожившем трупе Стю Уоргла.

Собака улеглась на тротуаре, у самой кромки надвигающихся теней, положила голову на передние лапы и жалобно заскулила, словно прося, чтобы ее приласкали.

Горди подошел к ней, присел возле нее на корточки и заговорил ласково и ободряюще:

— Не бойся, дружок. Спокойно. Спокойно. Хорошая собачка. Теперь все будет в порядке. Все будет теперь отлично, дружок. Спокойно...

В Дженни вдруг пробудилось и начало подниматься чувство необъяснимого ужаса. Она приоткрыла рот, чтобы крикнуть, но другие опередили ее.

— Горди, *нельзя!* — закричала Лиза.

— Назад! — одновременно, в один голос крикнули Брайс и Фрэнк Отри.

— Отойди от нее, Горди! — прокричал Тал.

Но Горди, казалось, не слышал никого и ничего.

Когда Горди подошел к эрделю, собака приподняла голову с тротуара, поглядела на Горди, продолжая тихонько поскуливать. Это был отличный пес. Если залечить ему лапу, если его помыть, расчесать, привести в порядок, он будет просто красавцем.

Горди протянул собаке руку.

Она ткнулась в нее носом, но не лизнула.

Он погладил пса. Тот был холодный, невообразимо холодный и слегка влажный.

— Бедняжка,— проговорил Горди.

От собаки еще и как-то странно пахло. Чем-то кислым. И, в общем-то, очень неприятным. Горди никогда не сталкивался с подобным запахом.

— И где же это ты бродил? — спросил он собаку.— В каком дерьме извалялся?

Собака дрожала и негромко поскуливала.

Горди слышал, что сзади ему что-то кричат, но сейчас все его внимание было поглощено эрделем, и он не вслушивался в эти крики. Он протянул к собаке руки, поднял ее с тротуара, выпрямился с собакой на руках и прижал ее к груди. Поврежденная лапа эрделя беспомощно болталась.

Горди никогда еще не приходилось держать на руках животное, которое было бы таким ледяным. И дело было не просто в том, что мокрая шерсть пса казалась холодной: от него вообще не исходило никакого тепла, его совсем не чувствовалось даже и под шерстью.

Пес лизнул Горди руку.

У него и *язык* был тоже ледяной.

Фрэнк уже больше не кричал. Он только смотрел не отрываясь. Вот Горди поднял этого пса на руки, вот погладил его, вот потрепал по шерсти — ничего страшного не случилось. Может быть, это в конце концов и вправду собака. Может быть...

Но *тут-то*...

Собака лизнула Горди руку, и у Горди на лице появилось какое-то странное выражение, а собака начала... меняться.

О господи!

Казалось, что какой-то незримый скульптор у них на глазах мнет комок пластилина, все время придавая ему не только но-

вую форму, но и меняя его цвет. Вот словно растаяла и сменила окраску сваляшаяся шерсть, вот голова стала погружаться в тело, и само тело оказалось вдруг не телом, а каким-то бесформенным *нечто*, куском живой пульсирующей материи, вот начали укорачиваться и одновременно раздаваться в ширину лапы, причем все это вместе заняло не больше пяти-шести секунд, а потом...

Горди пораженно смотрел на то, что оказалось у него в руках.

Из аморфной массы, в которую превратилась собака, вдруг начала прорисовываться голова ящерицы с маленькими злобными желтыми глазками. Потом из желеподобной ткани возникла пасть, в которой забегал раздвоенный на конце язык и оказалась масса мелких остроконечных зубов.

Горди попытался сбросить с себя эту тварь, но она держалась крепко, о боже, настолько крепко, что ему начинало уже казаться, что она каким-то образом обтекла, обволокла собой его руки и плечи, так что его руки теперь оказались как будто бы *внутри* ее.

Потом куда-то сразу исчезло ощущение холода. Эта штука стала вдруг теплой. Потом горячей. Обжигающе горячей.

Не успела из дрожащей живой массы вылепиться законченная ящерица, как вдруг эта ящерица начала расплываться, а вместо нее стало складываться какое-то другое животное — лисица, но и лисица расплылась, не успев оформиться окончательно, а вместо нее возникли белки, две белки, сросшиеся между собой, как сиамские близнецы, вот они стали быстро разделяться и...

Горди закричал. Он лихорадочно махал руками, стараясь сбросить с себя эту тварь.

Жар теперь уже обжигал, как огонь. Боль была невыносимой.

О господи, ну *пожалуйста!*

Боль раздирала ему руки, плечи, прорывалась внутрь.

Горди выл, кричал, рыдал; шатаясь, он сделал неуверенный шаг вперед, снова поднял руки, пытаясь оторвать от себя это нечто,— но оно держалось крепко, а руки уже не слушались его.

Наполовину обретшие форму белки растворились, и из аморфной массы, которую Горди держал на руках и которая сама держала его, возникла вдруг кошка, но и она тут же исчезла, а появилось нечто новое — нет, господи боже, нет, только не это! — нечто похожее на насекомое, с головой, огромной, размером почти с ту, что была у эрделя, но отвратительной, утыканной сверху то ли шестью, то ли восемью глазами, с множеством колючих, покрытых мелкими шипами лап и...

Страшная боль разливалась по всему телу Горди. Качаясь, он сделал шаг вперед, в сторону, упал на колени, потом свалился на бок. Лежа на тротуаре, он извивался, судорожно дергал руками и ногами, корчась в агонии.

Сара Ямагути смотрела на все это, не в силах отвести взгляд и не веря собственным глазам. Похоже, что существо, напавшее на Горди, обладало способностью по собственному усмотрению и невероятно быстро перестраивать свою ДНК. Оно меняло формы совершенно свободно и с поразительной скоростью.

Но подобное создание просто не могло бы существовать. Уж она-то это знала и понимала: она все-таки была биологом-генетиком. То, что она сейчас наблюдала, было невозможно. И тем не менее происходило на ее глазах.

Вот расползся, растворился паук, и вместо него не возникло никакой новой формы. В своем естественном состоянии это существо было, по-видимому, просто массой желеподобных тканей серовато-коричневато-красного в крапинку цвета, чем-то средним между гигантской амебой и каким-то отвратительным грибом. Оно медленно ползло вверх по рукам Горди...

...И вдруг одна из рук отделилась и скользнула вниз через облеплявшую ее слизь. Но это была уже не рука. О господи, нет. То были лишь кости. Голые кости руки и кисти, как будто отделенные от скелета, белые, обглоданные дочиста. Кроме костей, все остальное было съедено.

Сара почувствовала спазмы в горле, сделала несколько шагов назад, повернулась к придорожной канаве, и ее стошнило.

Дженни оттолкнула Лизу на несколько шагов, подальше от того места, где Горди боролся с прилепившейся к нему тварью.

Девочка кричала не помня себя.

Слизь расползалась по оставшимся от руки костям, захватывая и обволакивая состоящие из одних костей пальцы, одевая их в некое подобие живой, пульсирующей перчатки. Пару секунд спустя исчезли, растворились и пальцы, а охватывавшая их перчатка свернулась в шарик, а потом вплавилась назад в основное тело этого странного организма. Тело его похабно корчилось и извивалось, то сжимаясь, сбиваясь в кучу, то вспениваясь и разбухая, образовывая выпуклости в одних местах, провалы и полости в других, чтобы уже в следующее мгновение на месте выпуклости возникал провал, и, наоборот, там, где только что была полость, вдруг надувался нарост. Оно лихорадочно и непрерывно менялось, словно прекращение этих пульсаций всего на секунду означало бы для него неминуемую смерть. Оно ползло вверх по рукам Горди, и тот отчаянно пытался сбросить с себя эту тварь, но она неуклонно взбиралась все выше и выше, все ближе к плечам, не оставляя позади себя совершенно ничего — ни культей, ни костей: оно пожирало на своем пути абсолютно все. Оно стало расползаться по груди, и там, куда оно направлялось, тело Горди просто бесследно исчезало, словно погруженное в ванну с необычайно едкой кислотой.

Лиза отвернулась от погибающего Горди и, рыдая, прижалась к Дженни.

Крики Горди были невыносимы.

Держа наготове револьвер — когда он только успел его выхватить! — Тал рванулся к Горди.

— Ты с ума сошел? — остановил его Брайс.— Черт возьми, Тал, мы же ничего не можем тут сделать!

— Мы можем избавить его от мучений.

— Не подходи *слишком* близко к этой чертовой штуке!

— Чтобы суметь попасть, и не надо подходить слишком близко.

Мука в глазах Горди с каждой секундой становилась все нестерпимее, он вопил уже изо всех сил, моля Бога о помощи, колотил ногами по мостовой, выгибал спину, весь дрожа от напряжения и стараясь вырваться из-под нападшего на него кошмарного существа, что с каждым мгновением становилось все тяжелее и тяжелее.

— Ладно. Быстро,— Брайс поморщился, как от боли.

Оба они подошли ближе к колотящему по земле ногами погибающему полицейскому и по нескольку раз выстрелили. Крики и конвульсии обреченного прекратились.

Брайс и Тал быстро отступили назад.

Они и не пытались убить то, что пожирало сейчас Горди. Они знали, что пули не причиняют ему никакого вреда, и теперь начинали понимать почему. Пули убивают тем, что разрывают важные кровеносные сосуды, разрушают жизненно необходимые органы. Но, судя по его внешнему виду, у этого существа не было органов и не было традиционной системы кровообращения. Не было у него и скелета. Похоже, оно представляло собой просто скопление однородной, хотя и внутренне очень сложной протоплазмы. Пуля разорвала бы ее, но поразительно гибкие ткани тут же заполнили бы проделанный пулей канал, и рана зажила бы в мгновение ока.

Теперь эта тварь жрала еще лихорадочнее, совершенно беззвучно, и через несколько секунд от Горди не осталось ничего. Он перестал существовать в самом прямом и полном смысле слова. Осталась только непрерывно меняющая свою форму масса, которая стала теперь гораздо больше не только собаки, какой она притворялась, но и самого Горди, тело которого она в себя вобрала.

Тал и Брайс возвратились к тому месту, где стояли все остальные, но в гостиницу никто не торопился. Все продолжали внимательно наблюдать за амебоподобным существом, что лежало сейчас на тротуаре. Быстро темнело, последние проблески света один за другим исчезали с неба в преддверии наступления ночи.

Масса стала обретать новую форму. За считанные секунды вся эта бесформенная протоплазма отлилась вдруг в огромного и страшного лесного волка. Он сел, задрал морду вверх и завыл на небо.

Потом морда его словно пошла рябью, свирепое выражение изменилось, и Талу показалось, будто человеческие черты пытаются пробиться на поверхность через оболочку волка. Вместо звериных глаз появились вдруг человеческие, внизу образовалось какое-то подобие подбородка. Неужели это были глаза Горди? И его подбородок? Но волшебная метаморфоза

продолжалась считанные мгновения, а потом мистическое существо вновь обрело устойчивое обличье волка.

Оборотень, подумал Тал.

Но он знал, что на самом-то деле это был вовсе не оборотень. Это было *ничто*, которое могло в любой момент стать *чем угодно*. Личина волка, сколь бы реальной и страшной она ни казалась, на деле была столь же ложной, как и любое иное обличье.

Волк постоял на том же месте, уставившись на них, оскалив огромные и необычайно острые клыки, гораздо большие, чем клыки любого настоящего волка, лесного или степного, современного или жившего когда-либо раньше. В последних лучах заходящего солнца глаза его горели багрово-красным пламенем.

Сейчас нападет, подумал Тал.

Он несколько раз выстрелил в волка. Пули попали в цель, но не оставили на волке никакой видимой раны, не вызвали потоков крови и явно не причинили ему боли.

Волк отвернулся от Тала, продемонстрировав холодное безразличие к обстрелу, и затрусил по направлению к открытому люку в мостовой, в который уходили электрические кабели от передвижных лабораторий.

В тот же момент что-то вырвалось из люка, из проходящей под улицей водосточной трубы, и стало на глазах расти, с содроганиями увеличиваясь в размерах, вытягиваясь вверх в сгущавшихся сумерках со скоростью, за которой угадывались потрясающие сила и мощь. Это была темная пульсирующая масса, похожая на тот поток, что течет обычно по канализационным трубам, с той только разницей, что это была не жидкость, а нечто вроде желе. Оно образовало колонну почти того же диаметра, что и люк, из которого оно появилось, и продолжало выталкивать себя оттуда наружу ритмичными неприличными толчками. Оно все росло и росло: вот колонна набрала четыре фута высоты, вот она стала шести футов, восьми...

Что-то сильно ударило Тала в спину. Он подскочил, попытался обернуться и только тут понял, что сам натолкнулся на стену гостиницы. Он даже не заметил, как и когда начал пятиться от того, что вылезло из люка и возвышалось сейчас над ним.

Теперь он разобрался, что пульсирующая, тянущаяся вверх колонна состояла из такой же способной менять свою форму протоплазмы, из какой состоял и тот эрдель, что превратился сейчас в лесного волка; но эта масса была во много раз больше той, первоначальной. Она была просто колоссальной. Тал попытался представить себе, сколько же этой массы скрыто еще внизу под улицей, и у него возникло ощущение, что ею заполнена вся водосточная труба, что видимая им сейчас часть — лишь ничтожная доля этой твари.

Достигнув десяти футов высоты, колонна перестала расти и стала менять форму. Верхняя ее часть расширилась во что-то вроде капюшона или мантии и стала похожа на голову кобры. Потом из переливающейся, меняющейся, медленно переползающей внутри самой себя колонны бесформенная масса стала перетекать в эту голову, которая начала быстро расширяться и становилась все шире и шире, пока не превратилась в пару гигантских крыльев, темных и перепончатых, похожих на крылья летучей мыши, отходящие от центрального, все еще бесформенного столба. Но вот стало обретать форму то, что располагалось между крыльями и что можно назвать телом. Вначале на нем образовались жесткие, накладывающиеся друг на друга чешуйки. Потом появились маленькие лапки и лапы подлиннее, с когтями. Постепенно колонна превращалась в крылатого змея.

Крылья захлопали.

Издаваемый ими звук был похож на щелканье кнута.

Тал изо всех сил вжался спиной в стену.

Крылья захлопали.

Лиза крепко вцепилась в Дженни.

Дженни прижимала к себе сестру, но ее взгляд, мысли и воображение были полностью сосредоточены на том чудовищном создании, что появилось вдруг из водосточной трубы. В сгущавшихся сумерках это создание дрожало, пульсировало, набухало и уменьшалось и казалось не чем иным, как внезапно ожившей тенью.

Его крылья снова захлопали.

Дженни ощутила дуновение холодного и довольно сильного ветра.

Казалось, этот новый фантом собирается вот-вот отделиться от той протоплазмы, что оставалась в канализационной трубе. Дженни ожидала, что он взмоет в темнеющее небо и улетит — или же бросится прямо на них.

Сердце ее колотилось, готовое выпрыгнуть из груди.

Она понимала, что убежать невозможно. Любое движение только привлекло бы к ней внимание этого чудовища. Тратить силы на побег было бессмысленно. От такого создания спрятаться невозможно нигде.

Включились дополнительные уличные фонари, и вокруг стало еще больше теней, вкрадчиво подбирающихся к замершей на месте группе.

Дженни с изумлением следила за тем, как на самой вершине этой десятифутовой крапчатой башни из живой материи формировалась голова змея. Вначале из бесформенной массы прорезались два налитых злобой и ненавистью зеленых глаза; их появление было похоже на замедленную съемку процесса образования и роста двух злокачественных опухолей. Сперва это были покрытые молочно-белой пленкой зеленые овалы, еще явно слепые; но они быстро расчистились, прояснились и стали видны удлиненные черные зрачки, которые с нескрываемой враждебностью смотрели вниз, на Дженни и всех остальных. Раскрылась щелевидная пасть шириной не меньше фута, и из черных десен в ней мгновенно выросли ряды острых белых клыков.

Дженни вспомнила зажигавшиеся на экранах терминалов демонические, словно в Аду рожденные имена, которыми называло себя *оно*. Масса бесформенной плоти, отлившей себя в крылатого змея, действительно казалась ей сейчас демоном, восставшим из преисподней.

Фантом-волк, вобравший в себя то, что было раньше Горди Брогэном, подошел к основанию этой башни со змеем на вершине. Он потерся о живую, пульсирующую колонну — и просто растворился в ней. В мгновение ока два существа слились в одно.

Очевидно, первый фантом не был самостоятельным существом. В этот раз — а может быть, и раньше — он был лишь частью того гигантского создания, что перемещалось под улицами, по канализационным трубам. По-видимому, это колоссальное материнское тело обладало способностью отделять от себя отдельные части, отправлять куда-нибудь с самостоятельными задачами — такими, например, как нападение на Горди Брогэна,— а потом по своему усмотрению вбирать их в себя назад.

Крылья захлопали, и от их звука задрожал, казалось, весь городок. Потом они стали растворяться в центральной колонне, и, по мере того как они переливались в нее, колонна становилась все толще и толще. Голова змеи тоже рассосалась. *Оно* устало от представления, ему надоело. Передние лапы, трехпалые ноги, зловещие когти тоже втянулись в колонну, и наконец не осталось ничего, кроме бурлящей, переливающейся, темной, крапчатой массы, той самой, что вылезла в самом начале из колодца. Несколько мгновений она постояла в сгущающихся сумерках как живое олицетворение зла, а потом начала вбираться назад в люк и погружаться в канализационную трубу.

Вскоре она скрылась полностью.

Лиза уже больше не кричала. Она лишь плакала и ловила открытым ртом воздух.

Многие из членов группы были потрясены не меньше, чем Лиза. Они обменивались взглядами, но никто не произнес ни слова.

Брайс выглядел так, словно его отдубасили до потери сознания.

Наконец он выговорил:

— Пошли. Надо добраться до гостиницы, пока совсем не стемнело.

Часового у входа в гостиницу не было.

— Беда,— проговорил Тал.

Брайс кивнул. Он осторожно вошел в двойные двери и тут же чуть не наступил на револьвер. Тот валялся на полу.

В вестибюле никого не было.

— Черт побери,— сказал Фрэнк Отри.

Они обыскали всю гостиницу, комнату за комнатой. В столовой никого не было. В импровизированном общежитии тоже. И на кухне никого.

Не было сделано ни одного выстрела.
Никто не крикнул.
И никто не сумел спастись.
Еще десять полицейских бесследно исчезли.
За стенами гостиницы, на улице, опустилась ночь.

Глава 34
ПРОЩАНИЕ

Шестеро оставшихся в живых — Брайс, Тал, Фрэнк, Дженни, Лиза и Сара — стояли у окон в вестибюле гостиницы «На горе». Снаружи, на Скайлайн-роуд, все было тихо и неподвижно; круги света под уличными фонарями резко перемежались с темными пятнами там, где господствовали тени и мрак. Ночное безмолвие словно тихонько тикало, как взведенный часовой механизм бомбы замедленного действия.

Дженни припомнился крытый проезд рядом с булочной Либерманов. В тот раз ей показалось, что там что-то сидело под стропилами крыши, а Лизе — будто что-то притаилось внизу, у стены. Вполне возможно, что обе они были тогда правы. Это способное менять свой облик существо — или по крайней мере какая-то его часть — наверняка и было тогда в проходе, бесшумно перебираясь из-под стропил по стене вниз. А потом, когда Брайс заметил что-то в расположенной внутри проезда решетке водостока, это явно был пробравшийся по трубе темный жгут протоплазмы, который либо следил за ними, либо занимался каким-то своим темным и непостижимым для них делом.

Вспомнив и об Оксли, забаррикадировавшихся изнутри в кабинете, Дженни сказала:

— Что ж, загадка запертых комнат теперь понятна. Эта тварь вполне способна протечь под дверью или пробраться внутрь через вентиляцию. Ей достаточно самого маленького отверстия или трещинки. А Гарольд Орднэй... когда он заперся там в ванной комнате, в гостинице «При свечах», *оно*, наверное, добралось до него через сливные отверстия в ванне или раковине.

— И люди в запертых машинах погибли точно так же,— согласился Фрэнк.— Оно вполне может окружить машину, обтечь ее со всех сторон и пробраться внутрь через вентиляционные отверстия.

— И когда оно хочет,— добавил Тал,— оно способно передвигаться без единого звука. Вот почему так много людей оказались застигнутыми врасплох. Оно уже было где-нибудь позади них, пробиралось под дверью или через вентиляции, становилось все больше и больше, а эти люди даже *не знали* о его присутствии до того самого момента, пока оно не нападало.

Снизу, из долины, уже поднимался туман, постепенно заполнявший собой всю улицу. Вокруг зажженных уличных фонарей стали образовываться дрожащие радужные нимбы.

— А как вы думаете, какой оно величины? — спросила Лиза.

Все помолчали, никто не торопился с ответом. Наконец Брайс проговорил:

— Большое.

— Возможно, размером с дом,— предположил Фрэнк.

— Или даже с эту гостиницу,— сказала Сара.

— А может быть, и еще больше,— произнес Тал.— Ведь оно сумело нанести явно одновременный удар сразу по всему городу. Возможно, оно... похоже на озеро: подземное озеро из живой материи, которое располагается почти под всем Сноуфилдом.

— Оно как Бог,— проговорила Лиза.

— Как это? Почему?

— Оно вездесуще,— ответила Лиза.— Оно везде, все видит и все знает. Совсем как Бог.

— У нас тут пять патрульных машин,— сказал Фрэнк.— Если мы разделимся, возьмем все эти пять машин и попробуем одновременно уехать...

— Оно нас остановит,— возразил Брайс.

— Может быть, оно не успеет остановить всех. Кто-нибудь прорвется. Хотя бы одна машина.

— Оно справилось с целым городом.

— Н-да... верно,— вынужден был неохотно согласиться Фрэнк.

— Вполне возможно,— проговорила Дженни,— что оно нас сейчас слушает. Вот в эту самую минуту. Оно нам может не дать даже добраться до машин.

Все не сговариваясь посмотрели на расположенные под потолком вентиляционные отверстия. За их металлическими решетками ничего не было видно. Ничего, кроме темноты.

Все собрались вокруг стола в обеденной комнате той крепости, которая уже больше не казалась им крепостью — да и никогда не была ею. Все делали вид, будто хотят кофе: совместное кофепитие придавало им чувство общности и создавало иллюзию, будто продолжается нормальная жизнь.

Брайс не стал выставлять у входа в гостиницу часовых. В часовых не было никакого смысла. Если *оно* захочет, оно все равно сможет добраться до них в любой момент.

Туман за окнами становился все гуще. Казалось, он стремится продавить оконное стекло внутрь.

Все испытывали потребность обсудить то, что увидели и узнали за последние час-полтора. Они понимали, что всех их ждет смерть, но им необходимо было разобраться, как и почему случилось, что им предстоит умереть. Да, верно: перспектива смерти вселяла ужас, но то, что смерть эта была бессмысленной, казалось еще ужаснее.

Брайс хорошо знал, что такое бессмысленная смерть: дорожная катастрофа, произошедшая год назад по вине потерявшего управление грузовика, исчерпывающе просветила его на этот счет.

— Интересно, а мотылек,— спросила Лиза,— он что, тоже был как этот эрдель и как та штука, которая... которая убила Горди?

— Да,— ответила Дженни.— Мотылек был просто фантомом, маленькой частью этого меняющего свои формы хамелеона.

— Когда Стю Уоргл явился к тебе той ночью,— сказал, обращаясь к Лизе, Тал,— это тоже был на самом-то деле не он. Видимо, после того как мы оставили тело Уоргла в кладовке, *оно* забралось туда и сожрало его. А потом, когда ему захотелось тебя попугать, оно приняло внешний вид Уоргла.

— Эта чертова штука,— проговорил Брайс,— явно способна принимать форму любого человека и любого животного, которых *оно* когда-то сожрало.

— А мотылек? — нахмурилась Лиза.— Где оно могло съесть такого мотылька? Ничего подобного просто *не существует*.

— Ну,— ответил Брайс,— может быть, такие насекомые и жили когда-нибудь, миллионы лет назад, во времена динозавров. Возможно, тогда *оно* ими и кормилось.

Глаза у Лизы широко раскрылись.

— Вы хотите сказать, что той штуке, которая вылезала из люка, миллионы лет?!

— Тем биологическим законам, которые нам известны, *оно* безусловно противоречит,— ответил Брайс.— Так, доктор Ямагути?

— Так,— подтвердила биолог.

— Ну а если так, то почему бы ему не быть заодно и бессмертным!

На лице у Дженни отразилось сомнение.

— Вы не согласны? — спросил Брайс.

— С чем? С тем, что оно бессмертно или почти бессмертно? Нет, с такой возможностью я готова согласиться. Вполне допускаю, что эта штука ведет свое происхождение со времен мезозоя и что она обладает способностью самообновления, а значит, практически бессмертна. Но как сюда вписывается крылатый змей? Мне как-то чертовски трудно поверить, что такой змей или нечто ему подобное *действительно мог* когда-нибудь существовать. Если этот хамелеон способен принимать форму того, что он когда-нибудь сожрал,— и только того,— то каким образом ему удается превращаться в летучего змея?

— Похожие животные существовали,— сказал Фрэнк.— Например, птеродактили. Это же были крылатые рептилии.

— Верно, рептилии,— согласилась Дженни.— Но не змеи. Птеродактили были предшественниками птиц. А то, что мы видели, был явный змей. Это совсем другое дело. Он и выглядел так, будто явился из сказки.

— Нет,— возразил Тал.— Он явился из шаманства.

— Из шаманства?! — Брайс удивленно повернулся к Талу.— А что и откуда ты знаешь про шаманство?

Тал заговорил с явной неохотой. Казалось, он не может заставить себя поднять глаза и посмотреть прямо на Брайса.

— В Гарлеме, когда я был еще маленьким, в нашем доме жила одна невероятно толстая женщина. Звали ее Агата Пибоди, и она была *боко*. Так называют ведьм, которые пользуются искусством колдовства в аморальных или злых целях. Она продавала амулеты, всякие штучки от наговоров, от дурного глаза, сама наговаривала на врагов тех, кто к ней обращался. В общем, занималась подобными делами. Всякой чепухой. Но для ребенка это было чем-то вроде дома с привидениями: и страшно, и жуть как интересно. Двери в квартире миссис Пибоди были постоянно открыты: к ней приходили и клиенты, и поболтать, и разные зеваки. Целый день шел народ, и днем, и ночью. И на протяжении нескольких месяцев я тоже часто заходил к ней и подолгу там просиживал: смотрел, слушал. У нее было довольно много книг по черной магии. И в нескольких из них я видел гаитянские и африканские рисунки, изображавшие, как там представляют себе Сатану, разных злых духов и демонов. На одном из рисунков был гигантский крылатый змей. Весь черный и с крыльями, как у летучей мыши. И с жуткими зелеными глазами. *Точь-в-точь* такой, как тот, которого мы видели сегодня.

Туман за окнами стал совсем густым, через него еле пробивался свет уличных фонарей, и в этом рассеянном свете было видно, как клубится и движется облако тумана: медленно, будто нехотя.

— А это и *вправду* Дьявол? Демон? Пришелец из Ада? — спросила Лиза.

— Нет,— ответила Дженни.— Это все только... позы.

— Но почему тогда он принимает облик Дьявола? — спросила Лиза.— И почему называет себя всякими демонскими именами?

— Мне кажется, потому, что сатанинское обличье просто доставляет ему удовольствие,— сказал Фрэнк.— Это лишь способ подразнить нас, деморализовать.

Дженни согласно кивнула.

— Я подозреваю, что оно способно принимать формы не только своих прежних жертв. Оно может принимать облик и своих жертв, *и* всего того, что оно способно себе представить.

Так что если кто-нибудь из его жертв был знаком с колдовством или черной магией, то, видимо, именно отсюда у него и возникла мысль стать крылатым змеем.

Это объяснение серьезно взволновало Брайса.

— Вы хотите сказать, что оно поедает и усваивает не только *тела* своих жертв, но и *то, что они знают? То, что содержится у них в памяти?*

— Похоже на то,— сказала Дженни.

— В биологии подобные явления известны,— вступила в разговор Сара Ямагути. Обеими руками она взбила свои длинные темные волосы и стала нервно заправлять их за маленькие изящные ушки.— Например... если некий вид плоского червяка достаточно много раз пропустить через лабиринт, в конце которого червяка ждет награда, то в конце концов червяк научится проходить лабиринт быстрее, чем он делал это поначалу. Если теперь разрубить его на мелкие части, даже растереть их и скормить эти части другим червям, то эти новые черви тоже сумеют быстро пройти через лабиринт, в котором они до этого даже не бывали. То есть каким-то образом, съев первого червяка, они усваивают не только его тело, но и его знания и опыт.

— Вот так, видимо, *оно* и узнало о Тимоти Флайте,— сказала Дженни.— Гарольд Орднэй знал о Флайте, а от него узнало и *оно*.

— Да, но откуда Флайт-то о нем узнал, господи? — воскликнул Тал.

— На этот вопрос сможет ответить только сам Флайт,— пожал плечами Брайс.

— Почему оно не убило тогда в туалете Лизу? И вообще, почему оно еще не убило всех нас?

— Оно с нами просто играет.

— Развлекается. Хорошенькое развлечение!

— Отчасти это верно. Но мне кажется, оно сохранило нас в живых для того, чтобы мы могли рассказать обо всем увиденном Флайту и заманить его сюда.

— Оно хочет, чтобы мы пообещали от его имени Флайту безопасность.

— Мы просто наживка на крючке.

— Верно.

— А когда мы выполним эту роль...

— Да.

Снаружи по гостинице что-то сильно застучало. Окна задрожали и зазвенели. Тем, кто находился внутри, показалось, будто затряслось все здание.

Брайс вскочил так стремительно, что опрокинул стул, на котором сидел.

Еще один удар. Более сильный и громкий. Потом какой-то скрежещущий звук.

Брайс внимательно вслушивался, стараясь определить, откуда исходит этот звук. Складывалось впечатление, что он раздается с северной стороны здания, из-за наружной стены. Поначалу он шел как будто с уровня земли, а потом начал быстро подниматься и удаляться.

Вот что-то застучало, заклацало. Так обычно стучат кости. Звук был такой, словно скелет мертвеца пытался выбраться из склепа.

— Что-то большое,— проговорил Фрэнк.— Поднимается вверх по боковой стене гостиницы.

— Это *оно*,— сказала Лиза.

— Но не в желеобразной форме,— добавила Сара.— В естественном состоянии оно бы протекло по стене бесшумно.

Все уставились на потолок, прислушиваясь и дожидаясь, что будет дальше.

«Интересно, что за фантом бродит там на этот раз? — подумал Брайс.— Какую форму оно теперь приняло?»

Скрежет. Негромкий щелчок. Частый стук.

Звуки смерти.

Рука Брайса была холоднее, чем рукоятка его револьвера.

Все шестеро подошли к окну и посмотрели на улицу. Но, кроме клубов густого тумана, там ничего не было видно.

Потом внизу, на улице, примерно в квартале от них, в неровном свете патриевой лампы что-то зашевелилось. Неясно что. Какая-то угрожающего вида тень, к тому же искаженная туманом. Брайсу показалось, что он разглядел там что-то вроде краба размером с легковую машину. Он успел увидеть паукообразные лапы. В свете уличного фонаря мелькнула и тут же

скрылась в темноте чудовищная клешня, усеянная множеством мелких зубчиков. На мгновение из темноты показалось что-то длинное, дрожащее, ищущее: то ли ус, то ли антенна. Потом то, что там было, бесследно растворилось опять в ночном мраке.

— Вот что-то подобное и ползет сейчас снаружи по зданию,— сказал Тал.— Какой-нибудь чертов краб вродс того, что мы видели. Родившийся в горячечном бреду какого-нибудь сожранного алкаша.

Они услышали, как этот кто-то забрался наконец на крышу. Его хитиновые конечности стучали и скребли по листам шифера.

— Что оно затевает? — озабоченно спросила Лиза.— И зачем ему нужно притворяться чем-то другим, а не быть тем, что оно есть? Самим собой?

— Может быть, ему просто нравится сам процесс мимикрии,— сказал Брайс.— Знаешь... примерно так же, как некоторым тропическим птицам нравится подражать различным звукам, и они делают это только для того, чтобы послушать себя.

Шум на крыше прекратился.

Все шестеро стояли и ждали.

Казалось, сама ночь подкрадывается к ним, как дикий зверь, изучая свою будущую жертву и выбирая момент для нападения.

Никому не сиделось, все они были слишком взволнованы и потому продолжали стоять у окон.

На улице по-прежнему ничего не было видно, только клубился густой туман.

— Теперь я понимаю, почему все тело превращается в один сплошной синяк,— проговорила Сара Ямагути.— Оно обволакивает жертву со всех сторон и сдавливает ее. Синяк — результат такого очень сильного, равномерного и достаточно долго длящегося сжимания. Поэтому же есть и признаки удушья: люди просто задыхались внутри этой живой материи, когда оказывались со всех сторон охваченными ею.

— Наверное,— сказала Дженни,— и консервант оно выпускает в тот момент, когда сжимает жертву.

— Да, вероятнее всего,— согласилась Сара.— Вот почему на тех телах, которые мы осматривали, нигде не было следов

укола или укуса. Консервант, должно быть, воздействует сразу на всю поверхность тела жертвы, втискивается давлением в каждую его пору. Своего рода консервация под давлением.

Дженни подумала о своей экономке, Хильде Бек, самой первой жертве, которую нашли она и Лиза.

Ее передернуло.

— Вода,— проговорила вдруг Дженни.

— Что? — переспросил Брайс.

— Помните те лужи дистиллированной воды, которые мы находили? Их оставило это существо.

— Почему вы так думаете?

— Тело человека состоит главным образом из воды. Поэтому после того, как оно поглощает тела своих жертв и усваивает все содержащиеся в них минеральные вещества, все, до последнего миллиграмма, витамины, все полезные ему калории, оно выделяет то, что ему не нужно: излишки абсолютно чистой воды. Те мокрые места и лужи, которые мы находили,— это все, что осталось от сотен пропавших людей. Никаких тел. Никаких костей. Только вода... которая уже испарилась.

Шум на крыше не возобновлялся, теперь там царила полная тишина. Краб-фантом исчез.

Ни в темноте, ни в тумане, ни в желтом свете натриевых ламп уличных фонарей — нигде ничего не шевелилось, не двигалось.

Наконец они отошли от окон и вернулись за стол.

— Можно эту проклятую штуку как-нибудь убить? — спросил, ни к кому конкретно не обращаясь, Фрэнк.

— По крайней мере, мы точно знаем, что пулей ее не возьмешь,— сказал Тал.

— А огнем? — спросила Лиза.

— Мы же сделали зажигательные бомбы, у солдат они были,— напомнила всем Сара.— Но *оно* явно напало так неожиданно и с такой стремительностью, что никто не успел схватить бутылки и поджечь запалы.

— А кроме того,— сказал Брайс,— мне кажется, что огонь бы все равно не помог. Если бы *оно* загорелось, то смогло бы... н-ну... просто *отделить* от себя горящую часть, а само передвинуться в безопасное место.

— И взрывчатка, наверное, тоже бесполезна,— проговорила Дженни.— Мне почему-то кажется, что если разнести ее на тысячи кусов, то каждый из них заживет самостоятельно, окажется столько же способным менять форму, и в конце концов они опять сольются воедино, не понеся никакого ущерба.

— Так можно ее убить или нет? — снова спросил Фрэнк.

Все помолчали, размышляя над этим вопросом.

Потом Брайс сказал:

— Нет. Во всяком случае, я не вижу, как это можно было бы сделать.

— Тогда как же нам поступить?

— Не знаю,— ответил Брайс.— Просто не знаю.

Фрэнк Отри позвонил Рут, своей жене, и проговорил с ней почти целых полчаса. По другому телефону Тал обзвонил за это время нескольких своих друзей. Потом почти на час заняла один из телефонов Сара Ямагути. Несколько звонков сделала Дженни, в том числе тетушке в Ньюпорт-Бич, с которой поговорила и Лиза. Брайс переговорил с несколькими своими подчиненными в Санта-Мире, с теми, с кем он проработал вместе долгие годы и с кем его многое связывало, потом он позвонил своим родителям в Глендейл и отцу Эллен в Спокэйн.

Все шестеро говорили со своими собеседниками бодро, весело, держались оптимистически. Все утверждали, что скоро покончат с той тварью и смогут наконец выбраться из Сноуфилда.

Брайс, однако, понимал, что все они просто делают хорошую мину при плохой игре. Он понимал, что это не были обычные телефонные разговоры. Несмотря на оптимистический тон, каждый из этих звонков преследовал одну и ту же мрачную и скорбную цель: все шестеро, кто оставался пока в живых, прощались с дорогими для них людьми.

Глава 35
КРОМЕШНЫЙ АД

Сэл Корелло, пресс-агент, специально нанятый, чтобы встретить Тимоти Флайта в международном аэропорту Сан-Франциско, был низкорослым, но крепким и мускулистым че-

ловечком с пшенично-светлыми волосами и густо-синими глазами. У него было лицо отчетливо выраженного лидера, и, если бы рост его составлял не пять футов один дюйм, а футов шесть, возможно, он стал бы не менее заметен и известен, чем Роберт Редфорд. Но дефицит роста с лихвой компенсировался его умом, остроумием и обаянием в сочетании с агрессивностью. Сэл хорошо знал, как добиваться желаемого для себя и своих клиентов, и умел это делать.

Как правило, Корелло удавалось загонять журналистов в такие рамки приличия, что тех даже можно было по ошибке принять в этот момент за цивилизованных людей, но на сей раз заставить их вести себя более или менее сдержанно было невозможно. Слишком сенсационной и жгучей была приведшая их сюда новость. Корелло никогда в жизни не приходилось еще видеть ничего подобного: сотни репортеров и просто любопытных набросились на Флайта, едва только увидели, толкая его со всех сторон, дергая за рукава и за пиджак, тыча ему прямо в лицо микрофонами, ослепляя его софитами и вспышками и лихорадочно забрасывая вопросами: «Доктор Флайт...», «Профессор Флайт...», «...Флайт!» Вокруг звучало одно непрерывное *«Флайт, Флайт Флайт-Флайт-Флайт, ФлайтФлайтФлайт-Флайт...»* Из-за шума старающихся перекричать друг друга голосов вопросы сливались в один сплошной гвалт и разобрать их было невозможно. От рева толпы у Сэла Корелло даже заломило в ушах. Профессор же вначале был явно ошеломлен, потом, кажется, испугался. Корелло крепко взял старика под руку и повел его через бурлящую толпу, приняв на себя роль тарана — маленького, но действовавшего весьма эффективно. Когда они в конце концов добрались до небольшого возвышения, предварительно сооруженного Корелло и охранниками аэропорта в одном из углов зала прилета, профессор Флайт выглядел так, словно он вот-вот скончается от страха.

Корелло взял микрофон и несколькими фразами заставил толпу притихнуть. Он убедил журналистов дать вначале Флайту возможность сделать короткое заявление, пообещав, что потом тот ответит на несколько вопросов. После этого Корелло представил профессора и уступил ему микрофон.

Стоило только собравшимся хорошо, без помех рассмотреть Тимоти Флайта, как по толпе прошла волна скептицизма.

Скрыть его было невозможно, Корелло легко читал на лицах присутствующих откровенное опасение: а не надувает ли их этот Флайт? Профессор и вправду казался внешне похожим на маньяка или одержимого. Его седые волосы торчали вверх, как будто он воткнул пальцы в электрическую розетку. Глаза были вытаращены — и от испуга, и потому что профессор боролся со сном и усталостью,— а лицо было какое-то посеревшее и помятое, как у человека, злоупотребляющего дешевым красным вином. Ему очень не мешало бы побриться. Измятый, жеваный костюм висел на нем бесформенным мешком. И вообще внешним своим видом профессор напоминал Корелло одного из тех ненормальных, что постоянно вещают на уличных углах о неизбежном и скором пришествии дня Страшного Суда.

В середине сегодняшнего дня Берт Сандлер, один из редакторов издательства «Винтергрин и Уайл», позвонил Корелло из Лондона и подготовил его к тому, что Флайт, возможно, произведет на журналистов отрицательное впечатление, но Сандлер мог бы и не предупреждать об этом. По мере того как Флайт прочищал горло, по меньшей мере полдюжины раз громко кашлянув прямо в микрофон, в толпе нарастало недовольное и нетерпеливое гудение. Но вот он наконец-то заговорил, и уже через минуту все оказались увлечены его рассказом. Он говорил об истории с поселением на Руанук-Айленд, об исчезнувших цивилизациях народов майя, о таинственных опустошениях, происходивших среди обитателей морей и океанов, о том, как в 1711 году исчезла целая армия. Толпа затихла и внимательно слушала. Корелло успокоился и расслабился.

Флайт рассказал об эскимосской деревушке Анджикуни, что находилась в пятистах милях к северо-западу от Черчилля — аванпоста канадской королевской конной полиции. В ноябре 1930 года, уже на склоне одного метельного дня, в Анджикуни забрел некто Джо Ла-Белль, франко-канадец, охотник и торговец, и обнаружил, что все жители деревушки куда-то исчезли. Все их имущество оставалось на месте, включая даже охотничьи ружья, которые ценились эскимосами очень высоко. Приготовленная еда была съедена только наполовину. Собачьи нарты стояли на месте (хотя самих собак не было) — значит, вся деревня никак не могла взять и почему-то переехать на но-

вое место. Как потом описывал свои впечатления Ла-Белль, деревня показалась ему «мрачной и жуткой, словно кладбище безлунной ночью». Ла-Белль поспешил сообщить об увиденном королевской полиции в Черчилле, и та начала большое расследование, но никаких следов жителей Анджикуни так никогда обнаружить и не удалось.

Репортеры записывали или направляли на Флайта микрофоны своих диктофонов и магнитофонов, а профессор тем временем заговорил уже о своей гипотезе вековечного врага — гипотезе, вызвавшей в свой адрес столь ожесточенную и злобную критику. Среди слушателей раздались возгласы удивления, появились недоверчивые взгляды, скептические улыбки, но его не перебивали вопросами, и никто не высказал прямо и открыто своего недоверия.

Едва только Флайт дочитал до конца заранее заготовленный текст выступления, как Сэл Корелло, нарушив свое же обещание дать потом журналистам возможность задать вопросы, схватил Флайта под руку и быстро вывел его в дверь позади возвышения.

При виде этого предательства журналисты взвыли от негодования и бросились к двери, пытаясь догнать Флайта.

Корелло и профессор вошли в служебный коридор, где их ждали несколько охранников. Один из них захлопнул и запер за вошедшими дверь, отрезав таким образом журналистов, которые с той стороны двери взвыли еще громче.

— Сюда,— показал охранник.

— Вертолет уже ждет,— сказал другой.

Они торопливо двинулись вперед, через лабиринты коридоров, переходов и залов, спустились вниз по бетонной лестнице, прошли через металлическую дверь пожарного выхода и оказались снаружи, на продуваемом ветром летном поле, где их ждал блестевший глянцевитыми боками голубой «Белл Джетрейнджер II», шикарный, хорошо оборудованный вертолет, предназначенный для деловых людей.

— Это вертушка губернатора,— сказал Корелло Флайту.

— Губернатора? — переспросил Флайт.— Он что, здесь?

— Нет. Но он предоставил свой вертолет в ваше распоряжение.

Они поднялись по трапу, вошли в комфортабельный пассажирский салон, и в тот же момент лопасти вертолета пришли в движение.

Прижавшись лбом к холодному стеклу, Тимоти Флайт смотрел, как Сан-Франциско уходил вниз и назад, скрываясь в ночи.

Флайт был возбужден. Перед тем как его самолет приземлился в Сан-Франциско, Флайт чувствовал себя вялым, полусонным и как будто извалявшимся в грязи, но сейчас все это прошло. Настроение у него было приподнятое, силы восстановились, мозг работал четко, и ему не терпелось узнать как можно больше обо всем, что происходило в Сноуфилде.

«Джетрейнджер» отличался хорошей для вертолета скоростью, и перелет в Санта-Миру занял меньше двух часов. Корелло — умный и приятный человек, с очень быстрой речью — помог Тимоти подготовить еще одно заявление для тех журналистов, что встретят их по прилете, и путешествие прошло незаметно.

С тяжелым и глухим стуком они приземлились прямо посередине огороженной забором стоянки позади здания полицейского управления, где располагался штаб шерифа округа. Корелло открыл дверцу и выскочил из пассажирского салона прежде, чем остановились вертолетные лопасти. Стоя прямо под ветром от винта, он повернулся к дверце и протянул руку Тимоти, помогая ему сойти.

В отдалении, со стороны улицы, прижавшись к металлическому забору, шумела агрессивная толпа журналистов. Здесь их было даже больше, чем в Сан-Франциско. Они выкрикивали вопросы, нацеливая в сторону новоприбывших свои микрофоны и камеры.

— Сделаем заявление потом, попозже, когда это *нам* будет удобно,— обратился Корелло к профессору, стараясь переорать царивший вокруг шум и грохот.— Сейчас вас ждут в полиции, чтобы связать по телефону со Сноуфилдом, с шерифом.

Двое полицейских быстро провели Флайта и Корелло в здание и, миновав вестибюль, ввели в какую-то комнату, где их уже ждали. Сидевшего тут полицейского звали Чарли Мерсер. Это был рослый, мощный человек с такими густыми бровями, каких Тимоти Флайту никогда еще не доводилось видеть, и с

энергичными деловыми манерами первоклассного секретаря какой-нибудь крупной компании.

Тимоти проводили к столу и усадили в кресло.

Мерсер набрал нужный номер в Споуфилде и соединился с шерифом Хэммондом. Разговор переключили на громкоговорящую связь, чтобы Тимоти не надо было держать трубку и чтобы все находящиеся в комнате могли тоже слышать, о чем пойдет речь.

Как только шериф и профессор обменялись приветствиями, Хэммонд сразу же выложил новость, потрясшую всех:

— Доктор Флайт, мы видели вековечного врага. Или, по крайней мере, нечто такое, что, как мне кажется, совпадает с вашими предположениями. Нечто очень крупное, массивное... и амебоподобное. Свободно меняет форму и может прикидываться чем угодно.

Руки у Тимоти затряслись, и он изо всех сил вцепился в подлокотники кресла.

— О господи!

— Это похоже на то, что вы назвали вековечным врагом? — спросил Хэммонд.

— Да. Выходец из другой эры. Ему миллионы лет.

— Ну что ж, расскажете нам о нем поподробнее, когда приедете сюда,— проговорил Хэммонд.— Если, конечно, я сумею уговорить вас приехать.

Тимоти воспринимал не больше половины из того, что говорил ему шериф. Все его мысли были поглощены вековечным врагом. Он писал об этом враге, всегда был убежден в том, что враг этот действительно существует, но почему-то оказался все-таки не готов к тому, что его гипотеза вдруг и вправду подтвердится. И потому сейчас профессор чувствовал себя глубоко потрясенным.

Хэммонд рассказал ему об ужасной гибели одного из полицейских, которого звали Горди Брогэн. Из всех присутствовавших в комнате только Тимоти и Сэл Корелло были действительно ошеломлены этой историей и пришли от нее в ужас. Мерсер и остальные явно узнали все подробности раньше.

— Вы все это видели *и остались в живых?* — спросил пораженный Тимоти.

— Оно вынуждено оставить кого-то из нас в живых,— ответил Хэммонд,— чтобы мы постарались уговорить вас приехать сюда. Оно гарантирует вам безопасность.

Тимоти задумчиво пожевал нижнюю губу.

— Доктор Флайт? Вы меня слышите? — спросил Хэммонд, не получив ответа.

— Что? Аа-а.. да-да. Да, слышу. А что значит «оно гарантирует мне безопасность?» Что вы хотите этим сказать?

Хэммонд рассказал ему, как им неожиданно удалось пообщаться с вековечным врагом при помощи компьютера.

Слушая рассказ шерифа об этой поразительной истории, Тимоти почувствовал, что его прошибает пот. Он увидел на столе коробку «Клинекса», запустил туда руку, схватил сразу несколько салфеток и принялся вытирать этим бумажным комком пот с лица.

Когда шериф закончил свой рассказ, профессор глубоко вздохнул и заговорил сдавленным голосом:

— Я никогда не думал... я никак не мог этого предвидеть... мне просто не приходило в голову...

— А в чем дело? — спросил Хэммонд.

Тимоти откашлялся, прочищая горло, и проговорил:

— Мне никогда не приходило в голову, что вековечный враг может обладать разумом *человеческого уровня.*

— Я подозреваю, что у него может быть разум даже *более высокого* уровня,— сказал Хэммонд.

— Я всегда представлял его себе как тупое животное, наделенное только самыми примитивными инстинктами.

— Это не так.

— Но это делает его гораздо более опасным! Боже мой! *Гораздо* более опасным.

— Так вы готовы сюда приехать? — спросил Хэммонд.

— Вообще-то я не собирался... я думал ограничиться местом, где я сейчас нахожусь,— ответил Тимоти.— Но если оно обладает *разумом*... и если оно обещает мне безопасность...

На линии вдруг прорезался откуда-то детский голос, приятный голосок мальчика, на слух пяти-шести лет: «Пожалуйста, доктор Флайт, ну пожалуйста, приезжайте поиграть со мной. Пожалуйста. Нам будет очень весело. Приедете, ладно?»

И прежде чем Тимоти успел ответить, раздался нежный, мелодичный женский голос: «Да, уважаемый доктор Флайт, очень вас прошу, приезжайте. Мы будем вам страшно рады. И вам ничего не грозит».

И наконец послышался голос старика, деликатный и теплый: «Вы сможете обо мне столько всего узнать, доктор Флайт. Обретете такое знание и понимание. Пожалуйста, приезжайте и приступайте к исследованиям. Предложение безопасности сделано искренне».

Наступила тишина.

— Алло? Алло? Кто это? — в замешательстве спросил Тимоти.

— Я все еще тут,— ответил Хэммонд.

Другие голоса не отозвались.

— Сейчас только я,— проговорил Хэммонд.

— А что это были за люди? — спросил Тимоти.

— Это не люди. Это всего лишь фантомы. Имитация. Неужели вы не поняли? Всеми этими голосами оно еще раз пообещало вам безопасность. Это был вековечный враг, доктор.

Тимоти взглянул на тех четверых, что сидели сейчас вместе с ним в комнате. Все они неотрывно смотрели на черный громкоговоритель, из которого раздался голос Хэммонда и — минутой раньше — голоса этого странного создания.

Сжав еще сильнее комок уже намокших бумажных салфеток, Тимоти снова вытер им покрытое потом лицо.

— Я приеду.

Все, кто был в комнате, смотрели теперь на него.

— Доктор, нет абсолютно никаких оснований верить, что оно сдержит свое обещание,— раздался из громкоговорителя голос шерифа Хэммонда.— Стоит вам оказаться здесь, и вполне возможно, что вы тоже отсюда не выберетесь.

— Но если оно разумное...

— Это еще не означает, что оно будет играть честно,— ответил Хэммонд.— Напротив, все мы, кто здесь есть, твердо уверены в одном: это создание есть само воплощение Зла. Это Зло, доктор Флайт. И вы готовы поверить обещаниям Сатаны?

Снова раздался голосок ребенка, веселый, мелодичный и нежный: «Если вы приедете, доктор Флайт, я сохраню жизнь не только вам, но и тем шестерым, что сидят здесь в ловушке. Если

вы приедете поиграть со мной, я их отпущу. А если не приедете, то эти свиньи будут мои. Я их раздавлю. Я выжму из них всю кровь и все дерьмо, превращу их в кашу и съем».

Все это было сказано невинным детским голосом, весело и беззаботно, и оттого прозвучало гораздо более устрашающе, чем если бы те же самые слова проорал рычащий бас.

Сердце у Тимоти бешено колотилось.

— Тогда решено,— ответил он.— Я приеду. У меня нет другого выбора.

— Если только из-за нас, то не приезжайте,— возразил Хэммонд.— Вас оно, может быть, еще и пожалеет, потому что вас оно называет своим Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном. Но нас оно в любом случае убьет наверняка, что бы оно сейчас ни говорило.

— Я приеду,— стоял на своем Тимоти.

Хэммонд помолчал немного, явно колеблясь, потом проговорил:

— Хорошо. Один из моих людей довезет вас до шлагбаума у поворота на Сноуфилд. Оттуда вам придется добираться дальше самому. Я не могу рисковать еще одним человеком. Вы водите машину?

— Да, сэр,— ответил Тимоти.— Предоставьте мне машину, а дальше я доберусь сам.

Линия смолкла.

— Алло? — спросил Тимоти.— Шериф?

Ответа не было.

— Вы меня слышите? Шериф Хэммонд?

Гробовое молчание.

Оно разъединило линию.

Тимоти посмотрел на Сэла Корелло, на Чарли Мерсера, на двоих других полицейских, имен которых он не знал.

Все они глядели на него так, словно он был уже покойник и лежал в гробу.

«Если я погибну в Сноуфилде,— подумал Флайт,— если *оно* меня сожрет, то никакого гроба не будет. И могилы не будет. И никакого вечного покоя».

— Я довезу вас до развилки,— сказал Чарли Мерсер.— Я сам вас отвезу.

Тимоти кивнул.

Пора было ехать.

Глава 36

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

В три часа двенадцать минут утра зазвонили колокола сноуфилдской церкви.

Брайс, сидевший в кресле в вестибюле гостиницы «На горе», встал. Все остальные тоже повскакивали со своих мест.

Завывала сирена пожарного депо.

— Наверное, Флайт уже в городе,— проговорила Дженни.

Все шестеро вышли на улицу.

Фонари на столбах вспыхивали и гасли, отбрасывая причудливые изломанные тени на движущиеся клубы тумана.

Было видно, как в нижней части Скайлайн-роуд из-за поворота выехала машина. Лучи от ее фар устремились вверх, в гору, придавая туманной мгле какое-то серебристое сияние.

Мигание уличных фонарей прекратилось, и Брайс встал под одним из них, в поток мягкого желтого света, надеясь, что здесь Флайт сможет его разглядеть, даже несмотря на туман.

По-прежнему выла сирена, звонили колокола, а машина медленно ползла вверх по затяжному подъему. Бело-зеленый патрульный автомобиль с опознавательными знаками управления шерифа подъехал к тротуару и остановился футах в десяти от того места, где стоял Брайс; водитель погасил фары.

Дверца рядом с водителем открылась, и Флайт вышел из машины. Он оказался совсем не таким, каким представлял его себе Брайс. Из-за толстых линз в очках глаза его казались ненормально большими. Тонкие седые спутанные волосы стояли торчком, из-за чего вокруг головы образовался нимб. Кто-то в полицейском управлении дал ему непромокаемую куртку со значком полиции округа Санта-Мира на левой стороне груди.

Колокольный звон прекратился.

Сирена прохрипела, затихая, и тоже смолкла.

И тут же наступила полная, глубочайшая тишина.

Флайт осмотрелся на погруженной в туман улице, постоял немного, прислушиваясь.

Наконец Брайс проговорил:

— Ну что ж, оно явно не хочет показываться.

— Шериф Хэммонд? — повернулся к нему Флайт.

— Он самый. Пойдемте в здание, посидим там и подождем.

Столовая в помещении гостиницы. Горячий кофе.

Руки у всех дрожат, и поэтому фарфоровые кружки стучат по крышке стола. Руки нервно сжимают теплые кружки, чтобы согреться и успокоиться.

Шестеро оставшихся в живых сидят, сгрудившись за столом и подавшись вперед, чтобы лучше слышать Тимоти Флайта.

На Лизу английский ученый сразу произвел впечатление, она была им покорена и очарована, у Дженни же поначалу возникли серьезные сомнения. Флайт показался ей ходячей карикатурой на рассеянного ученого, как их обычно изображают. Но, когда он заговорил и стал рассказывать о своей гипотезе, Дженни пришлось пересмотреть свое первое, неблагоприятное впечатление, и вскоре она была уже в таком же восхищении, что и Лиза.

Он поведал им об армиях, пропавших в Испании и в Китае, о покинутых городах майя, о поселении на острове Руанук.

А еще он рассказал им о Джойя-Верде, небольшом поселении в джунглях Южной Америки, чья судьба оказалась сходной с судьбой Сноуфилда. Джойя-Верде, что означает «Зеленый драгоценный камень», было торговым аванпостом на Амазонке, вдали от всякой цивилизации. В 1923 году шестьсот пять его жителей — мужчины, женщины и дети, абсолютно все, кто там жил,— бесследно исчезли, притом среди бела дня, где-то в промежутке между утренним и вечерним заходами курсировавшего по реке судна. Поначалу думали, что живущее неподалеку от того места племя индейцев, в общем-то мирное, почему-то обиделось на поселенцев и напало на них. Но не нашли ни одного трупа, не было никаких следов ни сражения, ни грабежа жилищ. В здании школы на классной доске обнаружили надпись: «*У него нет формы, но оно способно принимать любую форму*». Те, кто участвовал в расследованиях и пытался разгадать тайну Джойя-Верде, с легкостью отмели эти накорябанные мелом слова, как не имеющие никакого отношения к исчезновению жителей. Флайт придерживался на сей счет другого мнения, и Дженни, выслушав его аргументы, с ним согласилась.

— Своего рода послание было оставлено и в одном из древних городов майя,— продолжал Флайт.— Археологи нашли отрывок из молитвы, написанный иероглифами и датируемый

как раз тем временем, когда произошло исчезновение жителей города.— Он стал цитировать эту молитву по памяти: «Злые боги живут в земле, их мощь дремлет в скалах. Когда они просыпаются, то поднимаются и выходят наверх, как лава, только лава холодная, текучая, и они могут принимать много форм. И тогда возгордившиеся люди понимают, что они всего лишь слабый писк в реве бури, робкое дыхание на фоне урагана, и они исчезают, словно никогда и не существовали». Очки сползли Флайту на кончик носа, и он толчком отправил их на место.— Так вот, некоторые утверждают, что слова этой молитвы относятся к землетрясениям и извержениям вулканов. А я считаю, что они сказаны о вековечном враге.

— Мы тоже обнаружили здесь в одном месте послание,— сказал Брайс.— Часть слова.

— Но не можем понять какого,— добавила Сара Ямагути.

Дженни рассказала Флайту о двух буквах — P и R,— которые Ник Папандракис написал йодом на стене ванной комнаты.

— Там была еще и часть третьей буквы. Он ее только начал писать. То ли O, то ли U.

— Папандракис,— Флайт энергично закивал головой.— Грек. Да-да-да, это лишний раз подтверждает то, о чем я вам говорю. А этот Папандракис гордился тем, что он грек?

— Да,— ответила Дженни.— Очень гордился. А что?

— Ну, раз он гордился тем, что он грек,— сказал Флайт,— он вполне мог хорошо знать греческую мифологию. Видите ли, в одном из древнегреческих мифов есть бог Протей. Я полагаю, что именно это слово ваш Папандракис и пытался написать на стене. Протей. Бог, который живет в земле и обладает способностью путешествовать по ее недрам. Бог, у которого нет никакой собственной формы. Бог, который может принимать любую форму, какую он только пожелает, и который питается всем и всеми, кем только захочет.

С отчаянием в голосе Тал Уитмен проговорил:

— К чему все эти разговоры о чем-то сверхъестественном? Когда мы с ним общались через компьютер, само оно называло себя только именами разных демонов.

— Аморфный демон или бесформенный и обычно злой бог, способный принимать любую форму по своему желанию,—

довольно распространенные персонажи почти всех древних мифов и большинства, если не абсолютно всех, существующих в мире религий,— ответил Флайт.— Подобные мифические персонажи действуют обычно под десятками самых разных имен и названий во всех культурах мира. Вспомните хотя бы Ветхий Завет. Сатана в первый раз появляется там как змей, потом в облике козы, барана, оленя, жука, паука, потом как ребенок, как нищий и во множестве других обличий. И его называют, помимо прочего, «Властелином хаоса и бесформия», «Мастером обмана», «Тварью многоликой». В Библии говорится, что Сатана «изменчив, как тени» и «проныр лив, как вода; и как вода способна становиться паром или льдом, так и Сатана может превращаться во все, что захочет».

— Вы хотите сказать, что многоликое существо здесь, в Сноуфилде, *и есть* сам Сатана? — спросила Лиза.

— Н-ну... в определенном смысле да.

— Нет,— отрицательно покачал головой Фрэнк Отри,— не тот я человек, доктор Флайт, чтобы верить в нечистую силу.

— Я тоже в нее не верю,— согласился с ним Флайт.— Я не утверждаю, что это создание есть нечто сверхъестественное. Напротив. Оно совершенно реально, это создание из плоти, хотя и не такой, как у нас. Это не какой-нибудь дух или призрак. Но... в определенном смысле слова... я считаю, что оно-то *и есть* Сатана. Видите ли, я считаю, что именно это создание — или другое, но похожее на него, тоже какой-нибудь чудовищный выходец из мезозойской эры — и вызвало появление легенды о Сатане. Должно быть, в доисторические времена людям приходилось сталкиваться с подобными существами, и кто-нибудь из видевших его уцелел, выжил и потом рассказал другим. Естественно, что свои переживания и впечатления люди описывали тогда как умели — в привычной для них терминологии легенд и религиозных предрассудков. Я подозреваю, что демонические персонажи, которые есть в религиях всех стран и народов, в основе своей возникли из рассказов о таких вот способных менять форму чудовищах. Рассказов, которые передавались устно через бесчисленные поколения людей еще задолго до того, как эти предания были запечатлены в иероглифах, летописях, а потом и в печатных книгах. Это должны были быть рассказы об очень редких встречах с настоящим, действи-

тельно настоящим и очень опасным существом... но рассказы на языке религиозных мифов и легенд.

Эта часть гипотезы Флайта показалась Дженни одновременно и сумасшедшей, и великолепной, крайне маловероятной, но по-своему убедительной.

— Оно каким-то образом впитывает, усваивает знания и все то, что есть в памяти тех, кем оно питается,— проговорила Дженни,— так что ему известно, что жертвы считают его Дьяволом, и оно получает какое-то противоестественное удовольствие от того, что само намеренно играет эту роль.

— Похоже, ему нравится над нами издеваться,— подтвердил Брайс.

Сара Ямагути заправила за уши длинные волосы и спросила:

— Доктор Флайт, а можно ли объяснить все это со строго научной точки зрения? Как живет это существо? Как оно функционирует в биологическом отношении? Какие у вас соображения на этот счет, как бы вы все это объяснили?

Но, прежде чем Флайт успел ей ответить, появилось *оно*.

Металлическая решетка, закрывавшая вентиляционное отверстие, что находилось высоко на стене, под самым потолком, вдруг с громким хлопком сорвалась с крепивших ее винтов. Она перелетела почти через всю комнату, с грохотом упала на один из свободных столов, слетела с него вниз и, звеня и дребезжа, запрыгала по полу.

Дженни и все остальные, кто были в комнате, повскакивали со стульев.

Лиза громко вскрикнула и вытянула руку, показывая на стену.

Из вентиляционного отверстия вывалилось *оно*, повисая на стене. Существо, способное менять свои формы темного цвета. Влажное. Оно пульсировало. Внешне оно напоминало здоровенную, блестящую, смешанную с кровью соплю, постепенно вытекающую из ноздри и повисающую на носу.

Брайс и Тал потянулись было за револьверами, но потом передумали. Они все равно ничего не смогли бы поделать с этим существом.

Оно продолжало вытекать из вентиляционного отверстия, переливаясь волнами, надуваясь и разбухая, увеличиваясь в объеме и вырастая в омерзительную шишковатую груду размером уже с человека. Потом, не отделяясь от стены и продолжая выливаться из отверстия, оно заскользило по стене вниз. Теперь нижняя его часть уже большой кучей возвышалась на полу. По объему она была уже намного больше человека, а поток массы из вентиляционного отверстия лился не переставая. Существо становилось все больше и больше.

Дженни посмотрела на Флайта.

На лице профессора одно выражение почти мгновенно сменялось другим. Вначале на нем был написан ужас, потом любопытство, трепет, отвращение, потом снова благоговейный страх, ужас и опять любопытство.

Подвижная, непрерывно переливающаяся и вскипающая масса темной протоплазмы была уже сейчас величиной с трех или четырех человек, а из вентиляционного отверстия омерзительными, тошнотворными толчками вываливались все новые и новые порции этой гадости.

Лиза зажала себе рот и отвернулась.

Но Дженни не могла отвести взгляда от этого существа. Оно обладало какой-то странной, но несомненно притягательной силой.

В огромной массе бесформенной живой ткани, что уже вылилась в комнату, стали образовываться конечности, хотя ни одна из них не удерживалась неизменной больше нескольких секунд. Из этой массы вдруг вырывались, протягивались к ним мужские и женские руки, как бы моля о помощи. Или желеобразная ткань вытягивалась тонкими, хрупкими детскими ручонками, и некоторые ладошки раскрывались, горестно взывая о чем-то. Трудно было поверить, что на самом-то деле это вовсе не руки настоящих живых детей, поглощенных этой массой, но лишь имитация таких рук, фантомы, непрерывно меняющее свои формы *оно*. Потом возникли когти. Огромное, ужасающее количество лап животных и всевозможных когтей повылезало внезапно из этого протоплазмового супа. Были тут и отдельные части тел насекомых — колоссальные, увеличенные во много сотен раз, вызывающие жуть и содрогание и словно готовые схватить. Но все это, едва только возникнув, показавшись, тут же снова как будто таяло, распывалось и вновь превращалось в бесформенную массу живой протоплазмы.

Теперь перевоплощающаяся протоплазма растеклась уже до середины комнаты, а по величине была больше слона.

Она по-прежнему непрерывно меняла свои формы — упорно, быстро, таинственно и без всякой видимой цели. Дженни и все, кто был в комнате, потихоньку пятились назад, отступая к окнам.

За ними, на улице, бесформенные клубы тумана вели свой танец, и казалось, будто какие-то призраки повторяют движения меняющего свои формы чудовища.

Флайт вдруг заговорил, отвечая на вопрос Сары Ямагути. Он произносил слова быстро, почти проглатывая их, словно времени на ответ у него остается предельно мало:

— Лет двадцать назад мне однажды пришло в голову, что могла быть какая-то связь между массовыми исчезновениями людей и животных в наше время и исчезновением определенных видов живых существ в более ранние геологические эпохи — тогда, когда еще не было человека. Например, исчезновением динозавров.

Протоплазма продолжала пульсировать и вспучиваться, теперь она заполняла собой весь дальний угол комнаты и возвышалась там почти до потолка.

Лиза изо всех сил прижималась к Дженни.

В воздухе появился непонятный, но неприятный, отталкивающий запах. Он слегка отдавал серой. Такое впечатление, будто потянуло сквозняком из Ада.

— Существует масса гипотез, пытающихся объяснить причины исчезновения динозавров,— говорил Флайт.— Но ни одна из них не в состоянии ответить на все возникающие в этой связи вопросы. И вот я подумал... а что, если динозавры были истреблены какими-то другими существами, каким-то естественным врагом, который оказался более развитым и сильным, чем они? Более удачливым охотником? Такие существа должны были быть большими. И при этом обладать очень слабым скелетом или вообще не иметь его — потому что никто никогда не находил останков животных, которые были бы в состоянии сразиться с динозаврами в открытом бою.

По всей массе этой темной колышущейся слизи пробежала крупная дрожь, и на ее влажной, текучей поверхности стали возникать десятки человеческих лиц.

— И что, если несколько таких амебоподобных существ,— продолжал Флайт,— прожили миллионы лет...

Из бесформенной протоплазмы возникали то лица людей, то звериные морды и, едва показавшись, тут же растворялись в ней снова.

— ...обитая в подземных реках и озерах...

Некоторые из этих лиц были безглазыми. У других отсутствовал рот. Но вот стали появляться глаза. Они резко раскрывались, моргали несколько раз, потом широко распахивались. Глаза были совсем как настоящие, они смотрели до боли пронзительно, проникали в самую душу, их взгляд был наполнен болью, страхом, отчаянием.

— ...или же в глубоких впадинах в океане...

Вот возникли и раскрылись в беззвучном крике рты там, где только что была ровная, без намека на отверстие, поверхность нижней части лиц.

— ...в тысячах футов под поверхностью воды...

Вокруг распахнутых ртов образовались губы.

— ...питаясь морскими животными...

Казалось, лица-призраки кричали изо всех сил, но из их уст не исходило ни звука.

— ...изредка поднимаясь со дна вверх, чтобы покормиться...

Кошачьи морды. Собачьи морды. Морды каких-то доисторических рептилий. Все это словно всплывало наверх откуда-то из глубины вязкой, липкой слизи.

— ...и еще более редко получая в качестве корма людей...

Дженни казалось, что человеческие лица выглядят так, словно они смотрят на нее из глубины мутного затемненного зеркала. Ни одно из них ни разу так и не оформилось до конца. Те, что возникли раньше, вынужденно растворялись, потому что из глубины непрерывно всплывали все новые и новые бессчетные лица, соединявшиеся с прежними, сраставшиеся с ними, поглощавшие их. Это был бесконечный театр теней, непрерывный парад обреченных и пропавших.

Но вот поток лиц прекратился.

Огромная бесформенная масса на какое-то время успокоилась, она продолжала медленно и почти незаметно пульсировать, но в остальном лежала совершенно неподвижно.

Сара Ямагути негромко охнула.

Дженни еще крепче прижала к себе Лизу.

Никто не проронил ни слова. В течение нескольких мгновений никто не осмеливался даже дышать.

Потом, как бы продолжая демонстрацию своих возможностей, вековечный враг резко выбросил из себя десятки щупалец. Некоторые из них были толстыми, усыпанными присосками, как у головоногих или у осьминога. Другие, наоборот, были тонкими, похожими на веревки. Одни щупальца были ровные и гладкие, другие походили на конечности членистоногих и были даже еще более отвратительны, чем те, что напоминали щупальца осьминога: толстые и казавшиеся влажными. Некоторые из этих щупалец стали шарить во все стороны по полу, сшибая стулья и сдвигая столы, другие раскачивались в воздухе, напоминая танцующих под дудочку заклинателя кобр.

И тут оно напало, молниеносно устремившись вперед.

Дженни сделала шаг назад. Но больше отступать было некуда, позади была стена.

Щупальца рванулись в ее сторону, рассекая воздух со свистом, словно кнут или плетка.

Лиза не удержалась и взглянула и чуть не задохнулась от увиденного.

Всего лишь за какую-то долю секунды щупальца вытянулись во много раз.

Жгут холодной, скользкой, чужой и совершенно враждебной плоти упал сверху на руку Дженни и обвил ее кисть.

Нет!!!

С содроганием и чувством непередаваемого облегчения Дженни высвободила руку. Это оказалось не очень трудно сделать. *Оно* явно не намеревалось всерьез нападать на Дженни или по крайней мере пока не собиралось этого делать.

Щупальца засвистели в воздухе у нее над головой, и Дженни присела. То же самое сделала и прижавшаяся к ней Лиза.

Стараясь как можно быстрее отскочить подальше, Флайт сделал неверный шаг и упал.

Одно из щупалец двинулось в его сторону.

Флайт быстро пополз по полу назад к стене, пытаясь удрать от него.

Щупальце двигалось ему вслед, склонившись над ним так, словно собиралось ударить его сверху. Потом отвернулось и ушло в сторону. Флайт его тоже не интересовал.

Брайс выстрелил, хотя это было совершенно бессмысленно.

Тал что-то прокричал, но Дженни не поняла, что именно. Он рванулся к сестрам и встал перед ними, закрыв собой Дженни и Лизу от чудовища.

Пройдя над Сарой, щупальца схватили Фрэнка Отри. *Вот кто* был *ему* нужен. Два толстых щупальца обвились вокруг тела Фрэнка и вырвали его из маленькой группки людей.

Лицо Фрэнка было искажено от ужаса, он кричал что-то нечленораздельное и изо всех сил колотил по щупальцам кулаками, царапал их, пытался оторвать от себя.

Теперь уже завопили все — даже Брайс, даже Тал.

Брайс устремился за Фрэнком. Он схватил его за правую руку и попытался вырвать его из объятий щупалец, которые охватывали Фрэнка все новыми и новыми кольцами.

— Сбрось его! Сбрось его с меня! — орал Фрэнк.

Брайс попробовал оторвать от Фрэнка одно из щупалец.

Другое, скользкое и толстое, поднялось с пола, свернулось, размахнулось и с невероятной силой ударило Брайса. Он кубарем полетел по полу.

Щупальца, державшие Фрэнка, оторвали его от пола, подняли вверх и остановились в таком положении. Подвешенный в воздухе, Фрэнк с ужасом смотрел на колышущуюся под ним темную, непрерывно меняющуюся массу. Он боролся, стараясь освободиться, колотил вековечного врага изо всех сил, но все его усилия были напрасны.

Из центральной части этой перевоплощающейся протоплазмы вырвалось нечто похожее на стручок. Оно извивалось вверх, дрожа, словно от нетерпения. Серо-красновато-коричневая поверхность этого щупальца, такого же отвратительного, как и остальные, вдруг как будто растворилась вдоль, и из-под нее показались другие ткани, влажные и словно кровоточащие или слезящиеся.

Лизу чуть не стошнило.

Дело было не только в гноеподобном внешнем виде этой омерзительной плоти, хотя от него одного уже становилось плохо. Но одновременно резко усилился и отвратительный запах, который исходил от этой твари.

Из открывшейся на щупальце раны стала капать какая-то желтоватая жидкость. Там, где капли этой жидкости попадали

на пол, раздавалось шипение, шел вверх пар, а в керамической плитке пола оставалась глубокая язва.

Дженни услышала, как кто-то произнес: «Кислота!»

Крики Фрэнка превратились в один непрерывный, рвущий душу вопль ужаса и отчаяния.

Щупальце, из которого сочилась кислота, подкралось сзади к шее полицейского и обвило ее сильно и плотно, как петля.

— О господи, не надо!

— Не смотри,— сказала Дженни Лизе.

Амебоподобная тварь показывала им, как она обезглавила Якова и Аиду Либерман. Она хвалилась, как ребенок.

Последний крик Фрэнка Отри перешел в хрип и затихающее клокотание: щупальце с поразительной быстротой сдавило и перерезало ему горло, и полицейский захлебнулся в собственной крови. Через одну-две секунды после того, как Фрэнк смолк, голова его отделилась от тела и упала на пол, глухо ударившись о плитки.

Дженни почувствовала, как горький комок сдавливает ей горло. Сделав над собой усилие, она проглотила его, подавив готовые вырваться наружу рыдания.

Сара Ямагути громко всхлипывала.

Щупальца все еще продолжали держать обезглавленное тело Фрэнка в воздухе. Но теперь в той бесформенной массе, из которой они вырастали, вдруг жадно раскрылась огромная беззубая пасть. Она была такой величины, что ей ничего не стоило целиком заглотить взрослого человека. Щупальца опустили обезглавленный труп в этот разверзшийся, с неровными краями рот, и темная плоть сомкнулась над телом. Рот захлопнулся и исчез, будто его и не существовало.

И Фрэнк Отри тоже исчез.

Брайс с ужасом смотрел на отрезанную голову Фрэнка, оставшуюся лежать на полу. Мертвые глаза ее глядели не мигая на шерифа и как будто сквозь него.

Фрэнка больше не было. Фрэнк, который уцелел в нескольких войнах, который всю жизнь провел на опасной работе и до сих пор выходил невредимым из всех переделок, погиб. Это испытание оказалось для него последним.

Брайс подумал о Рут Отри. Он представил себе, как ей придется теперь доживать жизнь в одиночестве, и сердце его, стучавшее как молот, сжалось от горя. Рут и Фрэнк были необычайно близки друг другу. Брайс представить себе не мог, как он сообщит ей о гибели мужа.

Щупальца стали втягиваться назад, в огромную кучу пульсирующей живой ткани, и через одно-два мгновения от них не осталось и следа.

Бесформенная масса, по поверхности которой пробегала мелкая рябь, заполняла уже треть комнаты.

Брайс представил себе, как *оно* бесшумно и стремительно течет по доисторическим болотам, неотличимое внешне от болотной грязи, как подкрадывается к своим жертвам. Да, справиться с динозаврами ему бы не составило большого труда.

До сих пор Брайс считал, что это существо пощадило его самого и еще нескольких человек только ради того, чтобы оставшиеся в живых заманили в Сноуфилд Флайта. Но теперь он понял, что настоящая причина заключалась вовсе не в этом. Оно вполне могло бы сожрать их всех, а потом сымитировать по телефону их голоса, легко обмануть Флайта и убедить его приехать. Оно пощадило их по какой-то иной причине. Вполне возможно, только для того, чтобы потом убивать их поодиночке у Флайта перед глазами, дабы ученый увидел и понял, как именно оно живет и действует.

О господи!

Гора протоплазмы возвышалась над ними, дрожа, как желатин, и странно пульсируя, словно под поверхностью у нее бились не меньше десятка сердец, и каждое в своем ритме.

Дрожащим голосом — Брайс подумал, что, если бы он сейчас заговорил, его собственный голос оказался бы, наверное, не лучше,— Сара Ямагути проговорила:

— Хорошо бы каким-нибудь образом заполучить образец этих тканей. Я бы что угодно отдала за возможность взглянуть на них под микроскопом... увидеть их клеточное строение. Быть может, тогда мы нащупали бы какое-нибудь слабое место... нашли бы способ иметь с ним дело, а может быть, даже и победить его.

— Я бы очень хотел заняться его исследованием...— сказал Флайт,— ...просто чтобы разобраться... чтобы *узнать*...

Из центральной части бесформенной массы вырвался новый протуберанец тканей и стал принимать форму человека. Брайс с ужасом и смятением увидел вдруг, как прямо перед его глазами возникают очертания Горди Брогэна. Фантом не успел еще до конца материализоваться, тело было только оконтурено, а лицо не сложилось во всех деталях, но на нем вдруг открылся рот, и подобие Горди Брогэна заговорило, хотя и не голосом своего прообраза. Раздавшийся голос принадлежал Стю Уоргу, что придавало всей сцене еще большую фантасмагоричность и привело всех в замешательство.

— Идите в лабораторию,— проговорил фантом полусформировавшимся ртом, но совершенно ясно и отчетливо.— Я покажу вам все, что вы захотите увидеть, доктор Флайт. Вы мой Матфей. Мой Лука. Идите в лабораторию. Идите в лабораторию!

Незаконченное подобие Горди Брогэна растаяло быстро и бесследно, словно оно было из дыма.

Узловатый кусок плоти величиной с человека влился назад, в общую массу, из которой он выплеснулся перед этим.

Вся огромная, пульсирующая, то вздымающаяся, то сжимающаяся масса поползла вверх по неглубокому стыку в стене и начала втягиваться назад в вентиляционное отверстие.

Сколько же ее еще находится там, за пределами комнаты, но внутри гостиничных стен, с тяжелым чувством подумал Брайс. А сколько ее еще прячется в городских водостоках? И каковы же на самом деле *настоящие* размеры бога Протея?

Пока *оно* уползало восвояси, по всей его поверхности стали вдруг возникать причудливой формы отверстия. Величиной они были не больше человеческого рта. Одно, десять, двадцать... И вдруг из отверстий полились звуки: щебетание птиц, крики морских чаек, жужжание пчел, чье-то рычание, шипение, беззаботный детский смех, доносящееся откуда-то издалека пение, глухое уханье совы, предостерегающий треск гремучей змеи. Все эти звуки исходили из пятившегося чудовища, одновременно сливаясь в общий неприятный, раздражающий и откровенно зловещий хор.

Но вот вся протоплазма втянулась назад в вентиляционное отверстие. И только отрезанная голова Фрэнка и погнутая, искалеченная металлическая решетка вентиляции остались как

доказательства того, что здесь действительно побывало нечто, вышедшее из самых глубин Ада.

Настенные часы показывали три часа сорок четыре минуты утра.

Ночь уже почти прошла.

«Сколько еще времени остается до рассвета? — подумал Брайс.» — Полтора часа? Час сорок? Или больше?»

Не важно, решил он.

Все равно до рассвета ему, скорее всего, не дожить.

Глава 37
ТЩЕСЛАВИЕ

Дверь второй лаборатории была широко распахнута. Свет внутри горел. Экраны компьютеров светились. Все было готово к их приходу. Их явно ждали.

Вплоть до самого последнего момента Дженни все еще старалась верить, что им удастся каким-то образом организовать сопротивление, что у них есть еще шанс, пусть и самый малый, повлиять на дальнейший ход событий. Теперь эта слабая, но так бережно лелеемая ею надежда была развеяна без остатка. Они оказались бессильны. Они смогут делать только то, что *оно* захочет, ходить только туда, куда *оно* им позволит.

Все шестеро втиснулись в лабораторию.

— Ну и что теперь? — спросила Лиза.

— Подождем,— ответила Дженни.

Флайт, Сара и Лиза уселись перед тремя ярко светившимися экранами видеотерминалов. Дженни и Брайс стояли, облокотившись о рабочий стол, а Тал остался возле открытой двери, время от времени поглядывая наружу.

Мимо двери неслись клубы тумана.

«Подождем»,— ответила Дженни Лизе. Но ждать было очень нелегко. Каждая секунда была сплошной пыткой, в любой миг можно было ожидать смерти.

Откуда придет она в следующий раз?

Как?

И по кому ударит?

— Доктор Флайт,— заговорил, помолчав какое-то время, Брайс,— если эти доисторические создания прожили миллионы лет в подземных озерах и реках, в самых глубоких морских впадинах... или где там еще... и если они выходили наружу только для того, чтобы покормиться, то почему же массовые исчезновения людей не происходили более часто?

Флайт потер подбородок длинными тонкими пальцами и ответил:

— Потому что они редко наталкивались на людей.

— Но почему же редко?

— Я думаю, выжили лишь единицы таких созданий, не больше. Возможно, какая-то перемена климата загнала немногих из них под землю и на дно океанов, а основная их масса погибла.

— Но все же даже несколько таких...

— Их должно было остаться очень мало, единицы,— подчеркнул Флайт,— и эти считанные единицы разбросаны к тому же по всей планете. Очень может быть, что есть им надо нечасто. Возьмите, например, боа-констриктора: эта змея ест раз в несколько недель. Возможно, и это существо тоже питается нерегулярно, раз в несколько месяцев, а быть может, даже раз в пару лет. Обмен веществ у него должен быть настолько отличен от нашего, что тут возможно все, что угодно.

— Не исключено, что в его жизненный цикл входят периоды спячки, продолжающиеся не несколько месяцев, а несколько лет,— предположила Сара.

— Ну да, да,— согласно закивал Флайт.— Очень хорошее предположение. Очень хорошее. И оно дополнительно объясняет, почему это существо так редко сталкивается с людьми. Позвольте мне вам напомнить, что человечество занимает менее одного процента поверхности Земли. Даже если вековечному врагу необходимо кормиться достаточно часто, то и тогда он крайне редко сталкивался бы с нами.

— А когда это все-таки случается,— вставил Брайс,— то, скорее всего, такие встречи происходят на море: ведь основную часть поверхности Земли занимает вода.

— Совершенно верно,— сказал Флайт.— И если оно пожирало команду какого-нибудь судна, то свидетелей не оставалось, поэтому мы никогда ничего о *таких* встречах с ним и не

знали. История мореплавания полна рассказов об исчезнувших кораблях и о судах-призраках, с которых куда-то пропала команда.

— История «Марии Селесты»,— сказала Лиза и взглянула на Дженни.

Дженни вспомнила, при каких обстоятельствах ее сестра впервые заговорила о «Марии Селесте». Это было в то раннее воскресное утро, когда они пришли в дом ее соседей, Сантини, и обнаружили там накрытый к ужину стол.

— Случай с «Марией Селестой» — один из наиболее известных,— согласился Флайт.— Но он далеко не уникален. Только с тех пор, когда начали регулярно вести судовые журналы, при загадочных обстоятельствах исчезли многие сотни кораблей. Сотни в самом прямом смысле слова. Пропали без следа в мирное время, при хорошей погоде, без всякой видимой причины. Все исчезнувшие таким образом команды, вместе взятые, несомненно должны насчитывать десятки тысяч человек.

— То место в Карибском море, где пропадает столько кораблей...— проговорил от двери Тал.

— Бермудский треугольник,— быстро вставила Лиза.

— Да,— сказал Тал.— Может быть, и там тоже?..

— Работа этого существа? — подхватил Флайт.— А почему нет? Вполне возможно. Вот уже много лет в этом же районе необъяснимо исчезает огромное количество рыбы. Так что гипотеза о вековечном враге вполне приложима и к этому случаю.

На экранах терминалов вспыхнули слова:

— ПОСЫЛАЮ ВАМ ПАУКА.

— Что бы это значило? — спросил Флайт.

Сара отстучала в ответ:

— ПОЯСНИТЕ.

Снова зажглись те же самые слова:

— ПОСЫЛАЮ ВАМ ПАУКА.

— ПОЯСНИТЕ.

— ПОСМОТРИТЕ ВОКРУГ.

Дженни увидела его первой. Он сидел на рабочем столе слева от того терминала, за которым расположилась Сара. Черный паук, величиной немного поменьше тарантула, но намного крупнее обычного паука.

Сидел он, свернувшись в комок и поджав под себя длинные лапы. И он менялся. Сначала паук тускловато поблескивал. Потом черный цвет сменился на уже знакомый им серо-красновато-коричневый. Затем паук растаял, а кусок аморфной плоти начал удлиняться. Теперь вместо паука здесь сидел таракан. Отвратительный, безобразный и противоестественно большой таракан. Но вот на его месте возникла маленькая мышка и зашевелила дрожащими усиками.

На экранах терминалов высветилась новая надпись:

— ЭТО ОБРАЗЕЦ ТКАНЕЙ, КОТОРЫЙ ВЫ ПРОСИЛИ, ДОКТОР ФЛАЙТ.

— С чего это вдруг оно стало таким покладистым? — удивился Тал.

— Потому что оно понимает: что бы мы о нем ни узнали, нам это не поможет, мы ничего не сможем ему сделать,— угрюмо произнес Брайс.

— Должен быть какой-то способ,— возразила Лиза.— Нельзя терять надежду. Никак нельзя.

Дженни удивленно следила за тем, как теперь уже и мышка растаяла и превратилась в комочек бесформенной плоти.

— ДАРУЮ ТЕБЕ ЭТУ ЧАСТЬ СВЯЩЕННОГО ТЕЛА МОЕГО,— сообщило *оно*, перефразируя слова Священного писания и явно насмехаясь над ними.

Комок тканей то покрывался сверху рябью, то вспучивался, в нем образовывались провалы, из которых в следующий же миг что-то выпирало, а там, где только что торчали выпуклые узлы, внезапно раскрывались отверстия. Комок ни на долю секунды не мог оставаться спокойным — точь-в-точь как та основная масса этой протоплазмы, которая убила Фрэнка Отри и которая тоже то ли не хотела, то ли не могла ни одного мгновения побыть без движения.

— СМОТРИТЕ НА ЧУДО ПЛОТИ МОЕЙ, ИБО ТОЛЬКО ВО МНЕ ВОПЛОЩЕНО БЕССМЕРТИЕ. НЕ В БОГЕ. НЕ В ХРИСТЕ. НО ТОЛЬКО ВО МНЕ.

— Теперь я понимаю, что вы имели в виду, когда говорили, что оно находит для себя удовольствие в издевательстве и насмешках,— сказал Флайт.

Экран мигнул. На нем появились новые слова:

— МОЖЕТЕ ДОТРОНУТЬСЯ.

Экран снова мигнул.

— ПОТРОГАЙТЕ. ОНО НЕ ПРИЧИНИТ ВАМ ВРЕДА.

Никто не двинулся с места, не прикоснулся к дрожащему комочку странной, неведомой плоти.

— БЕРИТЕ ПРОБЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ. ДЕЛАЙТЕ С НИМ ВСЕ, ЧТО ХОТИТЕ.

Опять мигнул экран.

— ХОЧУ, ЧТОБЫ ВЫ ПОЗНАЛИ МЕНЯ.

Снова мигание.

— ХОЧУ, ЧТОБЫ ВЫ ПОЗНАЛИ ВСЕ ЧУДЕСА МОИ.

— Похоже, у него есть не только разум и само-сознание, но и изрядная доля тщеславия,— проговорил Флайт.

Наконец Сара Ямагути не без колебаний протянула руку и дотронулась кончиком пальца до маленького комочка протоплазмы.

— Он не как мы, совсем не теплый. Холодный. Холодный и немного... скользкий.

Маленькая частичка вековечного врага лихорадочно дрожала.

Сара быстро отдернула руку.

— Надо разделить его на несколько частей.

— Да,— поддержала ее Дженни.— Для микроскопического анализа нужны будут один или два тонких среза.

— И еще один для электронного микроскопа,— добавила Сара.— И образец покрупнее для анализа минерального и химического состава.

Вековечный враг, снова воспользовавшись компьютером, нетерпеливо торопил их.

— ДЕЙСТВУЙТЕ, ДЕЙСТВУЙТЕ, ДЕЙСТВУЙТЕ, ДЕЙСТВУЙТЕ, ДЕЙСТВУЙТЕ, ДЕЙСТВУЙТЕ, ДЕЙСТВУЙТЕ!

Глава 38

ШАНС ПОБОРОТЬСЯ

Через распахнутую дверь клубы тумана заползали в лабораторию.

Сара сидела за рабочим столом, склонившись над микроскопом.

— Невероятно! — негромко проговорила она.

Дженни устроилась за вторым микроскопом, рядом с Сарой, и рассматривала другой срез тканей.

— Никогда не встречала подобного строения клеток!

— Такое строение просто невозможно... и тем не менее вот оно, перед нами,— сказала Сара.

Брайс стоял за спиной у Дженни. Ему страшно хотелось взглянуть в микроскоп. Конечно, он бы мало что понял в увиденном. Он ведать не ведал, чем необычное строение клеток отличается от обычного. Ему просто *обязательно* надо было посмотреть на то, что лежало сейчас под объективом микроскопа.

Доктор Флайт, хотя он и был ученым, в биологии тоже не разбирался, и строение клеток было для него такой же китайской грамотой, как и для Брайса. Но и ему тоже не терпелось взглянуть. Склонившись над Сарой, он выглядывал у нее из-за плеча, дожидаясь, когда представится такая возможность. Тал и Лиза стояли поблизости, тоже горя нетерпением заглянуть в микроскоп и посмотреть на частичку самого Дьявола.

Не отрывая глаз от окуляра, Сара проговорила:

— В этих тканях у клеток по большей части *вообще нет* никакой структуры!

— На моем образце то же самое,— подтвердила Дженни.

— Но ведь у любого органического вещества должна быть какая-то определенная клеточная структура,— сказала Сара.— Она же служит главным признаком органического вещества, любой живой ткани, будь то растение или животное.

— Мне это вообще не кажется органическим веществом,— ответила Дженни,— но ведь это же невозможно.

— Невозможно,— согласился Брайс.— Мы все видели, что оно живое. Даже слишком живое.

— Кое-где видны клетки,— сказала Дженни.— Но очень немного. Просто отдельные клетки то здесь, то там.

— В моем образце такая же картина,— сказала Сара.— И похоже, что каждая клетка живет своей собственной жизнью, совершенно независимо от других.

— Они действительно очень далеко отстоят друг от друга, это верно,— согласилась Дженни.— Такое впечатление, будто они свободно плавают в море неструктурированной материи.

— У этих клеток очень подвижные и гибкие стенки,— сказала Сара.— И тройное ядро. Странно. Причем оно занимает почти половину внутреннего объема клетки.

— А что это значит? — спросил Брайс.— Что из этого следует?

— Не знаю, что это может значить и насколько это может оказаться существенно,— проговорила Сара, отстраняясь от микроскопа и нахмурившись.— Я просто не могу пока взять все это в толк.

На всех трех экранах компьютера вспыхнул один и тот же вопрос:

— ЧТО, НЕ ОЖИДАЛИ, ЧТО ПЛОТЬ САТАНЫ ОКАЖЕТСЯ ТАКОЙ ТАИНСТВЕННОЙ?

Образец плоти, который предоставила в их распоряжение перевоплощающаяся протоплазма, был величиной с мышь. Но пока он далеко не весь был израсходован на различные пробы и анализы. Примерно половина его еще находилась в чашке Петри, стоявшей на рабочем столе.

Эта половина непрерывно мелко подрагивала, как желатин.

Вот она снова превратилась в паука, и тот беспокойно забегал по чашке.

Паука сменил таракан, тоже какое-то время носившийся по чашке взад-вперед.

Потом она превратилась в слизняка.

В сверчка.

В зеленого жука с красным кружевным рисунком на панцире.

Теперь за микроскопами сидели Брайс и доктор Флайт, а Тал и Лиза дожидались своей очереди.

Дженни и Сара стояли перед экраном, на который выводилось усиленное компьютером изображение с электронного микроскопа. Сара настроила прибор и направила его на ядро одной из тех клеток, что были негусто разбросаны в тканях.

— Есть какие-нибудь идеи? — спросила Дженни.

Сара кивнула, не спуская взгляда с экрана.

— Пока могу только высказать предположение, не больше. Но мне кажется, что неструктурированная материя, составля-

ющая основную часть этих тканей, в принципе способна принимать любую клеточную структуру, какую угодно. Меняет структуру сама ткань. Она способна превращаться в клетки собаки, кролика, человека... Но когда это существо отдыхает, то у его тканей нет никакой собственной структуры на клеточном уровне. Что же касается тех отдельных клеток, которые там вкраплены... по-видимому, они каким-то образом управляют всей этой аморфной массой тканей. Клетки подают сигнал, химический, или выделяя какие-нибудь ферменты, и этот сигнал командует неструктурированной материей, во что ей следует превращаться.

— Значит, эти разбросанные клетки остаются неизменными, какой бы облик ни принимало это существо?

— Да. Или, по крайней мере, мне так кажется. Если бы оно, например, превратилось в собаку и мы бы взяли от этой собаки образец тканей на анализ, то во взятой пробе обнаружили бы в основном клетки собаки. Но по всей пробе были бы разбросаны эти специфические гибкие клетки с тройным ядром, и их присутствие служило бы доказательством, что на самом-то деле это вовсе не собака.

— Говорит ли нам все это хоть что-нибудь о том, как мы могли бы спастись? — спросила Дженни.

— Нет. Во всяком случае, мне ничего не говорит.

Оставшийся в чашке Петри комочек аморфной плоти снова превратился в паука. Паук растаял, и вместо него появились десятки крошечных муравьев, которые принялись ползать по дну чашки и друг по другу. Но они тут же слились воедино, и на дне чашки оказался червяк. Он извивался несколько мгновений и превратился в очень большую мокрицу. Та мгновенно трансформировалась в жука. И похоже, перевоплощения происходили с нарастающей скоростью.

— А как же мозг? — подумала вслух Дженни.

— Что вы хотите сказать? — спросила Сара.

— Ведь у этого существа должен быть какой-то центр, в котором сосредоточен его разум. Его знания, способности, все, что хранится в его памяти,— все это не может находиться в одиночных клетках.

— Скорее всего, вы правы,— сказала Сара.— У этого создания где-то должен быть орган, аналогичный человеческому мозгу. Разумеется, не такой же, как наш мозг. А другой, очень и очень от него отличающийся. Но с похожими функциями. По-видимому, этот орган управляет теми разрозненными клетками, которые мы видели, а уж они, в свою очередь, управляют бесформенной протоплазмой.

Ощущая растущее возбуждение, Дженни проговорила:

— У клеток мозга должна быть как минимум одна общая черта с теми клетками, что разбросаны в неструктурированной материи. Очень важная черта: они тоже сами *никогда* не должны меняться.

— Скорее всего, это именно так. Трудно представить себе, чтобы память, разум, логические функции могли сохраняться в тканях, не имеющих относительно жесткой и постоянной клеточной структуры.

— Значит, его мозг должен быть уязвим,— сказала Дженни.

В глазах Сары слабо забрезжила надежда.

— Если его мозг состоит не из аморфных тканей,— проговорила Дженни,— то в случае повреждения он не сможет восстановиться сам. Проткни в нем дырку, и эта дырка так там и *останется*. И мозг останется поврежденным. Если причинить ему достаточно серьезные повреждения, то мозг не сможет управлять аморфными тканями, из которых состоит тело, и оно тоже погибнет.

Сара смотрела на нее широко раскрытыми глазами.

— Если бы только нам удалось найти этот мозг и несколько раз в него выстрелить,— сказал Брайс.— Мы бы покончили с этой тварью. Но вот как его найти? Мне что-то подсказывает, что его мозг хорошо защищен, находится вне нашей досягаемости, укрыт где-нибудь глубоко под землей.

Радостное возбуждение Дженни заметно спало. Брайс прав. Возможно, что мозг действительно является самым слабым местом этого существа, но проверить свои предположения у них нет никакой возможности.

Сара склонилась над листком бумаги, на котором были отпечатаны результаты анализов минерального и химического состава взятой пробы.

— Исключительно много всевозможных углеводородов,— произнесла она.— Причем не одни только следы. Очень высокое содержание углеводородов.

— Углерод и его соединения — главная составная часть всех живых тканей,— ответила Дженни.— Что в этом такого особенного?

— Дело в степени,— ответила Сара.— Здесь такое изобилие углеводородов, в самых разных формах...

— Нам это может быть чем-нибудь полезно?

— Н-не знаю,— задумчиво сказала Сара, перебирая листки, на которых были отпечатаны результаты других анализов.

Мокрица.
Кузнечик.
Гусеницы.
Жук. Муравьи. Гусеница. Мокрица.
Паук, уховертка, таракан, многоножка, паук.
Жук-червяк-паук-улитка-уховертка.

Лиза с изумлением следила за лежавшим в чашке Петри комочком живой материи. Теперь он перевоплощался гораздо быстрее, чем раньше, причем скорость перевоплощений увеличивалась с каждой минутой.

Что-то здесь было не так.

— Петролатум,— проговорила Сара.

— Это что такое? — спросил Брайс.

— Нефтяное желе,— ответила Дженни.

— Вы хотите сказать... это нечто вроде вазелина? — произнес Тал.

— Но не может же эта аморфная ткань быть чем-то столь простым, как петролатум,— сказал, обращаясь к Саре, Флайт.

— Нет-нет, конечно же нет,— быстро согласилась Сара.— В данном случае это живые ткани. Но есть поразительное сходство в содержании углеводородов. Состав этих тканей, конечно, гораздо более сложный, чем состав петролатума. Здесь больше различных минералов и химических элементов, чем даже в составе тела человека. Целый набор кислот и щелочей... Я пока еще даже отдаленно не понимаю, как оно усваивает пищу, как дышит, как функционирует без системы кровообращения или

чего-либо подобного, без какой-нибудь видимой нервной системы, как оно создает новые ткани, если оно лишено клеточной структуры. Но вот эти исключительно высокие показатели содержания углеводородов...

Голос ее прервался, глаза уставились куда-то вдаль, лежавших перед нею листков с результатами анализов она уже явно больше не видела.

У Тала, наблюдавшего за Сарой со стороны, возникло ощущение, что она внезапно на что-то наткнулась. Охватившее ее возбуждение никак не отразилось ни в выражении ее лица, ни в позе, ни в каких-либо движениях. Но во всем ее облике появилось тем не менее нечто новое, нечто такое, что явно говорило Талу: Сара наткнулась на что-то действительно важное.

Тал посмотрел на Брайса. Их взгляды встретились. Он понял, что и Брайс тоже заметил эту перемену в Саре.

Тал почти непроизвольно скрестил два пальца.

— Подите-ка сюда, посмотрите, что тут происходит,— настойчиво потребовала Лиза.

Ее внимание было устремлено на чашку Петри, в которой лежала не использованная еще часть протоплазмы.

— Сюда, скорее! — повторила она, когда на ее призыв поначалу никто не откликнулся.

Дженни и все остальные собрались вокруг и тоже уставились на то, что происходило в чашке Петри.

Кузнечик-червяк-многоножка-улитка-уховертка.

— Оно меняется все быстрее и быстрее,— сказала Лиза.

Паук-червяк-многоножка-паук-улитка-паук-червяк-паук-червяк...

И еще быстрее.

...паукчервякпаукчервякпаукчервякпаук...

— Оно успевает только наполовину стать червяком и тут же снова начинает превращаться в паука,— проговорила Лиза,— как ненормальное. Видите? С ним что-то происходит.

— Похоже, что оно потеряло контроль над собой, свихнулось,— сказал Тал.

— Какой-то срыв с ним явно произошел,— согласился Флайт.

В следующее мгновение вид небольшого комочка аморфных тканей резко изменился. Из него выступила похожая на молочко жидкость, комочек сморщился и превратился в мокрую горку безжизненной грязи.

Он уже больше не шевелился.

Не принимал никакие формы.

Дженни захотелось прикоснуться к нему, но пока она не осмелилась.

Сара взяла небольшую лабораторную лопаточку и потыкала ею в то, что лежало в чашке.

Оно по-прежнему не шевелилось.

Сара попробовала помешать его.

Из тканей выделилось еще больше жидкости, но никаких других изменений не произошло.

— Оно мертво,— негромко произнес Флайт.

Брайса все увиденное привело в невероятное возбуждение.

— Что было в чашке Петри перед тем, как вы положили туда этот образец? — повернулся он к Саре.

— Ничего.

— Там наверняка что-то осталось.

— Нет, ничего.

— Черт возьми, вспомните! От этого зависит наша жизнь.

— В чашке не было ничего. Я взяла ее из стерилизатора.

— Может быть, следы какого-то реактива...

— Она была идеально чистой.

— Погодите, погодите. Ведь с чем-то же эти ткани вступили в реакцию, верно? — проговорил Брайс.— Разве не так?

— И то, что было в этой чашке,— добавил Тал,— именно *это* и может стать нашим оружием.

— Оно же убило эту часть протоплазмы, сможет убить и все остальное,— сказала Лиза.

— Необязательно,— произнесла Дженни, хотя ей и очень не хотелось лишать младшую сестру надежды.

— Это было бы слишком легко и просто,— согласился Флайт, ероша дрожащей рукой свою седую, торчащую дыбом гриву.— Давайте не торопиться с выводами.

— Особенно учитывая, что есть и другие возможности,— добавила Дженни.

— Это какие? — спросил Брайс.

— Ну... мы знаем, что основная масса этого создания способна отделять от себя части в любой форме, по собственному усмотрению. Знаем, что она может управлять поведением этих отделенных частей и может возвращать их назад, как оно вернуло ту часть, которая была послана, чтобы убить Горди. А теперь представьте себе, что отделившаяся от главного тела часть может существовать самостоятельно только в течение какого-то относительно короткого периода времени. Возможно, что для сохранения своей целостности аморфным тканям необходим постоянный приток какого-то определенного фермента, который *не вырабатывается* в тех разрозненных управляющих клетках, которые разбросаны по всем тканям...

— ...фермента, который вырабатывается только мозгом самого этого существа,— подхватила Сара мысль Дженни.

— Совершенно верно,— подтвердила Дженни.— А значит, любая отдельная часть должна непременно воссоединиться с основным телом, чтобы пополнить свои запасы этого жизненно необходимого ей фермента или чего-то еще — не знаю, что это может быть за вещество.

— Это не так уж невероятно,— сказала Сара.— В конце концов, мозг человека тоже вырабатывает различные ферменты и гормоны, без которых наше тело не смогло бы существовать. Так почему бы и мозгу того существа не выполнять похожие функции?

— Отлично,— сказал Брайс.— И что нам дает это открытие?

— Если это *действительно* открытие, а не праздные предположения,— ответила Дженни,— то из него следует, что мы, безусловно, сможем уничтожить все это существо, если только сумеем разрушить его мозг. Оно не сможет разделиться на несколько частей, скрыться и продолжать жить, воплотившись в себя из этих частей заново. Без вырабатываемых мозгом жизненно необходимых ферментов — или гормонов, или что там ему нужно — отдельные части рано или поздно распадутся и превратятся в безжизненную грязь точно так же, как тот комок, что лежал в чашке Петри.

Лицо Брайса вытянулось от разочарования.

— От чего ушли, к тому же и вернулись. Прежде чем его убить, надо отыскать его мозг, а оно никогда не позволит нам это сделать.

— Мы вернулись *вовсе* не к тому, от чего ушли,— возразила Сара, показывая на лежащую в чашке мертвую слизь.— Вот это позволило нам узнать кое-что важное.

— Что именно? — спросил Брайс, и голос его был преисполнен *отчаяния.*— Что-*нибудь полезное, что-то такое, что* могло бы нас спасти? Или просто-напросто какую-то пустую, никому не нужную информацию?

— Теперь мы знаем,— ответила ему Сара,— что аморфные ткани могут существовать только при условии поддержания очень тонкого химического равновесия, *которое может быть нарушено.*

Она умолкла, давая возможность каждому самостоятельно постигнуть весь смысл сказанного.

Глубокие складки на озабоченном лице Брайса немного разгладились.

— Плоть, из которой состоит это существо, может быть повреждена,— продолжила Сара.— Его можно убить. И доказательство тому лежит вот тут, в чашке Петри.

— А как же мы теперь сможем воспользоваться этим знанием? — спросил Тал.— Как мы нарушим химическое равновесие?

— Вот это мы и должны теперь узнать,— сказала Сара.

— А какие-нибудь предварительные идеи у вас есть? — спросила ее Лиза.

— Нет,— ответила Сара.— Никаких.

Но у Дженни почему-то осталось впечатление, что на этот раз Сара Ямагути говорила неправду.

Вначале Сара хотела рассказать всем о том плане, что родился в ее голове, но в самый последний момент она не смогла заставить себя произнести ни слова. Прежде всего план этот предлагал им очень тонкую, хрупкую ниточку надежды. Саре же не хотелось обнадежить их всех только для того, чтобы спустя какое-то время лопнула и эта надежда. Но гораздо важнее было иное. Если бы она поведала им всем сейчас свои мысли и

если бы потом каким-то чудом ей удалось найти способ убить это чудовище, *оно* могло услышать о ее планах, узнать о них и сумело бы помешать их осуществлению. Не было нигде такого места, где Сара могла бы обсудить свои идеи с Дженни, Брайсом и остальными, не опасаясь оказаться подслушанной. Какая-то надежда оставалась у них только при условии, что им удастся поддерживать самодовольство и самонадеянность вековечного врага.

Но ей обязательно нужно было выиграть время, всего несколько часов, в течение которых она могла бы привести свой план в действие. Перевоплощающейся протоплазме было много миллионов лет от роду, она была практически бессмертна. Что по сравнению с этим значили для нее несколько часов? Это существо наверняка согласится исполнить ее просьбу. Наверняка.

Сара снова уселась за один из терминалов. Глаза у нее болели и слезились от усталости. Ей необходимо было поспать. Всем им надо было поспать. Ночь уже подходила к концу. Сара провела по лицу рукой, словно снимая с себя усталость. Потом она набрала вопрос:

— ВЫ ТАМ?

— ДА.

— МЫ ПРОВЕЛИ НЕСКОЛЬКО АНАЛИЗОВ,— напечатала Сара. Все остальные сгрудились вокруг нее.

— Я ЗНАЮ,— ответило оно.

— МЫ ВОСХИЩЕНЫ И ХОТЕЛИ БЫ УЗНАТЬ ПОБОЛЬШЕ.

— ЕСТЕСТВЕННО.

— МЫ БЫ ХОТЕЛИ ПРОВЕСТИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ АНАЛИЗЫ.

— ЗАЧЕМ?

— ЧТОБЫ БОЛЬШЕ УЗНАТЬ О ВАС.

— ПОЯСНИТЕ,— *насмешливо ответило оно.*

Сара на минуту задумалась, потом отстучала:

— ДОКТОРУ ФЛАЙТУ НУЖНЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ, ЧТОБЫ ЕГО КНИГА О ВАС ПОЛУЧИЛАСЬ УБЕДИТЕЛЬНЕЕ.

— ОН — МОЙ МАТФЕЙ.

— ЕМУ НУЖНО ЗНАТЬ О ВАС БОЛЬШЕ. ТОГДА ОН СМОЖЕТ НАПИСАТЬ ТАКУЮ КНИГУ, КОТОРАЯ БУДЕТ ВАС ДОСТОЙНА.

В ответ прямо по центру экрана мгновенно появились три строчки:

— И ВОСТРУБИЛИ ТРУБЫ...

— ВЕЛИЧАЙШАЯ ИЗ ВСЕХ КОГДА-ЛИБО РАССКАЗАННЫХ ИСТОРИЙ...

— И ВОСТРУБИЛИ ТРУБЫ...

Сара не могла понять, издевается ли оно над ними, или же его тщеславие действительно настолько безмерно, что оно всерьез ставит на одну доску книгу о себе с жизнеописанием Христа.

Экран мигнул, на нем возникли новые слова:

— ПРОВОДИТЕ ВАШИ АНАЛИЗЫ.

— НАМ ПОНАДОБИТСЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЛАБОРАТОРНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ.

— ЗАЧЕМ? У ВАС ПОЛНОСТЬЮ ОСНАЩЕННАЯ ЛАБОРАТОРИЯ.

Руки у Сары стали влажными. Она вытерла их о джинсы и только потом напечатала ответ.

— ЭТА ЛАБОРАТОРИЯ ОБОРУДОВАНА ТОЛЬКО ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ НЕБОЛЬШОГО ЧИСЛА АНАЛИЗОВ: ОНА ПРЕДНАЗНАЧЕНА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ХИМИЧЕСКИХ И БИОЛОГИЧЕСКИХ БОЕВЫХ ВЕЩЕСТВ. МЫ НЕ ОЖИДАЛИ, ЧТО ВСТРЕТИМСЯ С СУЩЕСТВОМ ТАКОЙ ПРИРОДЫ, КАК ВЫ. ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ПОЛНОЦЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НАМ НЕОБХОДИМО ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ.

— ДЕЙСТВУЙТЕ.

— ЕГО ДОСТАВКА СЮДА ЗАЙМЕТ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ,— предупредила Сара.

— ДЕЙСТВУЙТЕ.

Она смотрела на это слово, высвеченное темно-зелеными буквами по светло-зеленому фону, и не верила своим глазам: она и думать не могла, что выиграть несколько часов времени окажется так просто.

Сара снова взялась за клавиатуру компьютера.

— НАМ НАДО ВЕРНУТЬСЯ В ГОСТИНИЦУ И ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ОТТУДА ТЕЛЕФОНОМ.

— ДЕЙСТВУЙ, СУКА ТЫ ЗАНУДНАЯ. ДЕЙСТВУЙ, ДЕЙСТВУЙ, ДЕЙСТВУЙ, ДЕЙСТВУЙ.

Руки у нее снова стали мокрыми. Она опять вытерла их о джинсы и встала из-за терминала.

По тому, как смотрели на нее все остальные, Сара поняла: они догадываются, что она что-то скрывает, и понимают, почему она это делает.

Но как они догадались? Неужели по ней это было видно? И если смогли понять они, то не догадалось ли обо всем и *оно*?

Сара откашлялась, прочищая горло.

— Пошли,— сказала она дрожащим голосом.

— Подождите,— остановил их Тимоти.— Минуту или две, не больше. Пожалуйста. Я хочу кое-что попробовать.

Он сел за терминал. Хотя в самолете ему и удалось немного поспать, но все-таки голова работала не так ясно, как ему сейчас хотелось бы. Он потряс головой, несколько раз глубоко вздохнул, потом напечатал:

— ЗДЕСЬ ТИМОТИ ФЛАЙТ.

— Я ЗНАЮ.

— МЫ ДОЛЖНЫ ПОГОВОРИТЬ.

— ДЕЙСТВУЙТЕ.

— ОБЯЗАТЕЛЬНО ЧЕРЕЗ КОМПЬЮТЕР?

— ОН УДОБНЕЕ, ЧЕМ НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА.

Тимоти не сразу сообразил, что означает последняя фраза. Но когда до него дошел смысл шутки, он чуть было не расхохотался. У этой твари есть чувство юмора, извращенное, но есть. Тимоти напечатал:

— ВАШ РОД И ЛЮДИ ДОЛЖНЫ ЖИТЬ В МИРЕ.

— ПОЧЕМУ?

— ПОТОМУ ЧТО МЫ ВМЕСТЕ ЖИВЕМ НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ.

— ФЕРМЕР ТОЖЕ ЖИВЕТ НА СВОЕЙ ФЕРМЕ ВМЕСТЕ СО СКОТОМ. ВЫ — МОЙ СКОТ.

— МЫ ЕДИНСТВЕННЫЕ НА ВСЕЙ ЗЕМЛЕ ВИДЫ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ, У КОТОРЫХ ЕСТЬ РАЗУМ.

— ВАМ ТОЛЬКО КАЖЕТСЯ, БУДТО ВЫ МНОГО ЗНАЕТЕ, А НА САМОМ ДЕЛЕ ВЫ ЗНАЕТЕ ОЧЕНЬ МАЛО.

— МЫ ДОЛЖНЫ СОТРУДНИЧАТЬ ДРУГ С ДРУГОМ,— упрямо гнул свое Флайт.

— ПО СРАВНЕНИЮ СО МНОЙ ВЫ НИЗШИЕ СУЩЕСТВА.

— МЫ МОЖЕМ МНОГОМУ НАУЧИТЬСЯ ДРУГ У ДРУГА.

— У ТАКИХ, КАК ВЫ, МНЕ НЕЧЕМУ УЧИТЬСЯ.

— ВОЗМОЖНО, МЫ УМНЕЕ, ЧЕМ ВЫ ДУМАЕТЕ.

— ВЫ СМЕРТНЫ. РАЗВЕ НЕ ТАК?

— ТАК.

— ДЛЯ МЕНЯ ВАШИ ЖИЗНИ ЗНАЧАТ НЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ДЛЯ ВАС ЖИЗНЬ БАБОЧКИ-ОДНОДНЕВКИ.

— ЕСЛИ ВЫ ТАК СЧИТАЕТЕ, ТО ЗАЧЕМ ЖЕ ВАМ НАДО, ЧТОБЫ Я О ВАС НАПИСАЛ?

— МНЕ ПРОСТО ЗАНЯТНО, ЧТО ОДИН ИЗ ВАС СМОГ ВЫЧИСЛИТЬ МОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ. ЭТО ВСЕ РАВНО ЧТО ДЕТЕНЫШ ОБЕЗЬЯНЫ, КОТОРЫЙ СУМЕЛ НАУЧИТЬСЯ СЛОЖНОМУ ТРЮКУ.

— Я НЕ СЧИТАЮ, ЧТО ПО СРАВНЕНИЮ С ВАМИ МЫ НИЗШИЕ,— храбро настучал Флайт.

— ВЫ СКОТ.

— НА МОЙ ВЗГЛЯД, ВЫ ХОТИТЕ, ЧТОБЫ О ВАС НАПИСАЛИ, ПОТОМУ ЧТО ВЫ ПЕРЕНЯЛИ ОТ ЛЮДЕЙ ТЩЕСЛАВИЕ.

— ОШИБАЕТЕСЬ.

— Я ПОЛАГАЮ, ВЫ НЕ БЫЛИ РАЗУМНЫМ СУЩЕСТВОМ, ПОКА НЕ НАЧАЛИ ПИТАТЬСЯ РАЗУМНЫМИ СУЩЕСТВАМИ — ЛЮДЬМИ.

— РАЗОЧАРОВАН ВАШИМ НЕВЕЖЕСТВОМ.

Тимоти продолжал играть на его самолюбии.

— Я СЧИТАЮ, ЧТО ВСЕ ВАШИ ЗНАНИЯ, ВСЕ, ЧТО ЕСТЬ В ВАШЕЙ ПАМЯТИ, И ВЕСЬ ВАШ РАЗУМ ВЫ ВЗЯЛИ ОТ ТЕХ ЛЮДЕЙ, ЧТО СТАЛИ ВАШИМИ ЖЕРТВАМИ. ВСЕЙ ВАШЕЙ ЭВОЛЮЦИЕЙ ВЫ ОБЯЗАНЫ НАМ, ЛЮДЯМ.

Оно не ответило.

Тимоти стер все, что было на экране, и продолжал печатать дальше.

— ПО СВОЕЙ СТРУКТУРЕ ВАШЕ СОЗНАНИЕ ОЧЕНЬ НАПОМИНАЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ — ЭГО, СУПЕРЭГО И ТАК ДАЛЕЕ.

— СКОТЫ,— ответило оно.

Экран мигнул.

— СВИНЬИ,— сообщило оно.

Снова мигнуло.

— ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ,— продолжало оно дальше.

Еще одно мигание экрана.

— ВЫ МНЕ НАДОЕЛИ,— передало оно.

И все экраны разом погасли.

Тимоти откинулся на спинку кресла и вздохнул.

— Отлично исполнено, доктор Флайт,— сказал шериф Хэммонд.

— Какая самонадеянность! — проговорил Тимоти.

— Такое впору самому Господу Богу,— сказала доктор Пэйдж.— И оно ведь и в самом деле так думает! Будто оно-то и есть бог.

— В каком-то смысле это ведь *так и есть*,— сказала Лиза.

— Да,— согласился Тал Уитмен.— Каковы бы ни были его цели и намерения, оно вполне могло бы быть богом. Ведь оно же могущественно поистине как бог, верно?

— Или как Дьявол,— ответила Лиза.

Ночь уходила, и мрак на улице стал понемногу отступать. Наверху, выше уличных фонарей, выше тумана, на самом краю неба прорезалась первая светлая предрассветная полоска.

Сара была очень обеспокоена тем, что доктор Флайт так отчаянно дразнил это изменчивое существо, бил по его самолюбию. Сара опасалась, что оно могло разозлиться и не сдержать теперь своего слова, тогда ни на какой выигрыш времени рассчитывать им уже не приходится.

От передвижной лаборатории до гостиницы «На горе» было очень близко, но, пока они шли, Сара каждый момент ожидала, что из тумана выскочит какой-нибудь чудовищный фантом и бросится на них. Только бы оно на них не напало! Только не сейчас! Не сейчас, когда наконец-то перед ними забрезжила слабая надежда.

Вокруг все еще стоял густой туман, лежали черные тени, из этой темноты со всех сторон неслись к ним странные животные звуки и зловещие завывания, подобных которым Сара не слышала никогда в жизни. *Оно* продолжало жить и действо-

вать, принимая все новые и новые формы. Чудовищный вопль, раздавшийся совсем рядом, заставил всех вздрогнуть и мгновенно прижаться друг к другу.

Однако никто на них не напал.

Не считая подобных звуков, на улице царила полная неподвижность. Не было даже самого слабенького ветерка, и влажная мгла висела в воздухе без движения.

Никакие сюрпризы не поджидали их и внутри гостиницы.

Сара села за стол, выполнявший роль оперативного центра, и набрала номер базы бригады гражданской обороны в Дагвэе, штат Юта.

Дженни, Брайс и все остальные стояли вокруг нее и слушали.

Поскольку в Сноуфилде сохранялось критическое положение, то в штаб-квартире на базе в Дагвэе сидел не просто дежурный сержант, как это было по ночам в обычное время. Сегодня у телефона дежурил капитан Дэниел Терш, врач из военно-медицинской службы, специалист по борьбе с эпидемическими заболеваниями и третий человек в служебной иерархии БГО. Он был готов оказать любую необходимую помощь, дать нужный совет, организовать, если понадобится, практическую поддержку.

Сара рассказала ему об их самых последних открытиях — о результатах микроскопического анализа тканей перевоплощающейся протоплазмы, о том, что показали химические и минеральные исследования,— и Терш был поражен, хотя, в общем-то, все это лежало за пределами его непосредственной специализации.

— Петролатум? — перебил он в одном месте рассказ Сары, удивленный ее словами.

— Аморфные ткани напоминают петролатум только в том смысле, что в них тоже существует очень широкий набор углеводородов, причем их содержание необыкновенно высокое. Но, конечно, аморфные ткани гораздо сложнее, чем петролатум.

В своем рассказе Сара особенный упор сделала именно на это открытие: она рассчитывала на то, что побудит таким образом Терша обязательно рассказать об этом другим работающим в Дагвэе ученым и специалистам. Если кто-нибудь из генетиков или биохимиков задумается над ее сообщением, а потом сопоставит его с перечнем тех материалов, которые она собиралась попросить прислать ей, то он почти наверняка поймет, в чем заключается ее план. А если кто-нибудь в отделе бактериологической защиты БГО поймет это, то необходимое оружие ей приготовят еще там, на базе, прежде чем отправлять все, что она затребует, в Сноуфилд. В таком случае ей не придется заниматься долгой и опасной процедурой изготовления этого оружия здесь, под самым носом у следящей за всем, что они делают, протоплазмы.

Она не могла прямо сказать Тершу, что ей было нужно, потому что вековечный враг наверняка подслушивал их разговор. На линии все время слышалось странное слабое шипение...

Наконец она заговорила о том, что им необходимо дополнительное лабораторное оборудование.

— Бо́льшую часть того, что нам нужно, можно будет позаимствовать прямо здесь, в Северной Калифорнии, в лабораториях университетов и фирм,— сказала она Тершу.— От вас мне нужно, чтобы вы, во-первых, отдали все необходимые распоряжения о подготовке этого оборудования и о том, чтобы оно было доставлено сюда как можно скорее, а во-вторых, чтобы вы использовали для его доставки возможности военных.

— Что вам нужно? — спросил Терш.— Называйте, я запишу, часов через пять-шесть все это будет у вас.

Она продиктовала ему целый список фактически не нужного ей оборудования и в заключение этого перечня добавила:

— И еще, пожалуйста, пришлите мне как можно больше того маленького чуда, которое есть у доктора Шакрабарти. Только четвертого поколения. Да, и еще два-три опрыскивателя, работающих от сжатого воздуха.

— Кто такой Шакрабарти? — спросил удивленный Терш.

— Вы его не знаете.

— А маленькое чудо? Это что такое?

— Запишите просто: Шакрабарти, четвертое поколение.— Она продиктовала ему имя по буквам.

— Понятия не имею, что это такое,— сказал он.

«Вот и хорошо,— с облегчением подумала Сара.— Отлично».

Если бы Терш знал, что такое «маленькое чудо» доктора Ананды Шакрабарти, он мог выпалить что-то, прежде чем ей

удалось бы его остановить. И тогда вековечный враг был бы предупрежден.

— Это не из вашей области,— ответила она.— Так что ни имя, ни прибор и не должны быть вам знакомы.— Теперь она говорила быстро, стараясь как можно скорее и естественнее уйти от этой темы.— Мне сейчас некогда все это объяснять, доктор Терш. В ОБЗ поймут, что мне нужно. Пошли дальше. Главное, чтобы все это было доставлено быстрее. Доктор Флайт хочет провести дополнительные исследования этого существа, и ему необходимо в самое ближайшее время получить все, что я перечислила. Вы сказали, подготовка займет часов пять-шесть?

— Думаю, в этот срок мы уложимся,— ответил Терш.— Как нам организовать доставку?

Сара посмотрела на Брайса. Он, конечно, не захочет снова рисковать своими людьми только для того, чтобы доставить в городок какой-то груз. Поэтому она задала капитану Тершу встречный вопрос:

— А можно было бы доставить все это армейским вертолетом?

— Конечно. Сделаем.

— Только предупредите пилота, чтобы он не пытался здесь сесть. *Оно* может решить, что мы собираемся ударать. А если оно заподозрит возможность побега, то в тот самый момент, как вертолет коснется земли, оно нападет и убьет и экипаж, и всех нас. Поэтому пусть они просто зависнут и опустят контейнер на тросе.

— Возможно, понадобится довольно большой контейнер,— сказал Терш.

— Я уверена, что они смогут его как-нибудь опустить,— ответила Сара.

— Ну что ж... хорошо. Сейчас я всем этим займусь. Удачи вам.

— Спасибо,— ответила Сара.— Удача нам бы не помешала.

Она повесила трубку.

— Теперь эти пять-шесть часов будут так долго тянуться,— проговорила Дженни.

— Да, целую вечность,— согласилась Сара.

Всем явно очень хотелось узнать, что же она задумала, но они понимали: обсуждать вслух ее план нельзя. И тем не менее во всеобщем молчании Сара уловила нотку вспыхнувшего оптимизма.

«Не слишком-то надейтесь»,— обеспокоенно подумала она.

Вполне может статься, что ее исходные предположения неверны. А возможно, и план в целом недостаточно продуман. Положа руку на сердце, было гораздо больше оснований ожидать неудачи, а не успеха. Если же план провалится, то перевоплощающаяся протоплазма поймет, *что* они замышляли, и тогда уничтожит их каким-нибудь особенно жестоким образом.

На улице уже светало.

Туман потерял свое бледное ночное сияние. Теперь он был белый-белый и весь сверкал и искрился под лучами восходящего утреннего солнца.

Глава 39
ВИДЕНИЕ

Флетчер Кейл проснулся рано. Как раз вовремя для того, чтобы увидеть самое начало рассвета.

Лес в основном был все еще погружен в темноту. Слабый неровной свет пробивался вниз лишь отдельными лучами, там, где им удавалось пронзить насквозь толстый зеленый полог, который образовали, плотно переплетаясь друг с другом, густые ветки и кроны гигантских деревьев. Туман еще больше приглушал эти лучи и рассеивал их, и в результате в лесу пока почти ничего не было видно.

Всю ночь Кейл провел в джипе-фургоне, принадлежавшем Джейку Джонсону. Сейчас он выбрался из машины и стоял рядом с ней, настороженно вслушиваясь в звуки леса: нет ли среди них шума приближающейся погони?

Накануне поздно вечером, уже после одиннадцати часов, когда Кейл направлялся в секретное убежище Джейка Джонсона, он свернул с шоссе, ведущего к Маунт-Ларсону, на пожарную просеку, что шла к диким заснеженным северным склонам Снежной горы,— и почти сразу же с ходу вляпался в беду. Не дальше чем футов через двадцать от того места, где он по-

вернул на проселок, фары машины выхватили стоявшие с обеих сторон дороги щиты-предупреждения. Большими красными буквами по белому фону на них было написано: «КАРАНТИН». Кейл ехал слишком быстро и потому не сразу остановился. Он проскочил поворот и очутился прямо перед полицейским заградительным постом: полицейская машина стояла поперек дороги, и при виде джипа Кейла из нее начали выбираться двое полицейских.

Он вспомнил, что слышал по радио что-то насчет того, что вокруг Сноуфилда установлена карантинная зона, но он тогда решил, что эта зона установлена только с противоположной стороны горы. Кейл резко нажал на тормоза, кляня себя за то, что по своему обыкновению пропустил тогда это предупреждение мимо ушей.

Но ведь полиция наверняка разослала уже сообщение о его побеге, присовокупив к нему и его фотографию. Эти двое конечно же опознают его, и меньше чем через час он снова будет в тюрьме.

Ему оставалось надеяться только на внезапность. Они явно не ожидают никакого подвоха. Обычный пост при въезде в зону карантина: легкая работенка, на которой всегда размагничиваются.

Автомат «ХК-91» лежал на сиденье рядом с Кейлом, лишь слегка прикрытый сверху пледом. Кейл схватил его, выскочил из джипа и открыл огонь по полицейским. Автомат послушно застучал, и две фигуры, казавшиеся размытыми в опустившемся уже тумане, задергались в коротком, беспорядочном танце смерти.

Кейл перекатил тела в канаву, убрал с дороги полицейскую машину и проехал на джипе через пост. Потом вернулся и поставил полицейскую машину поперек дороги, так, как она стояла раньше, чтобы те, кто обнаружит тела, не подумали, что убийца полицейских отправился в сторону гор.

Он проехал еще три мили в гору по разбитой просеке и там свернул на еще более скверную, поросшую высокой травой и кустарником проселочную дорогу. Эта дорога закончилась примерно через милю. Тут Кейл загнал джип в густые заросли и выбрался из машины.

Помимо автомата «ХК-91» у него была еще с собой целая сумка другого оружия, которое он забрал из дома Джонсона, а по семи застегнутым на «молнии» карманам охотничьей куртки были рассованы прихваченные там же шестьдесят три тысячи четыреста сорок долларов. Еще он захватил с собой электрический фонарь, больше ему ничего не было нужно: тех припасов, что хранились в известковых пещерах на участке Джонсона, было более чем достаточно.

Последнюю четверть мили надо было преодолевать пешком, и он собирался сделать это сразу же, но очень быстро убедился, что в погруженном в туман ночном лесу даже с электрическим фонарем ориентироваться было невозможно. Он бы почти наверняка заблудился. А заблудившись один раз в этой дикой местности, можно начать ходить по кругу и так кружить до бесконечности буквально в нескольких десятках метров от нужного места, даже не подозревая, что спасение совсем рядом. Вот почему, пройдя тогда всего несколько шагов, Кэйл вернулся назад к джипу и решил дожидаться рассвета в машине.

Даже если бы кто-то еще ночью обнаружил трупы убитых и даже если бы полиция пришла к выводу, что убийца скрылся в горах, они бы все равно не начали облаву, пока не рассветет. А к тому времени, когда полиция сможет утром сюда добраться, он уже давным-давно будет в пещере.

Спать он улегся на переднем сиденье джипа. Конечно, это не первоклассная гостиница, но все же намного удобнее и лучше, чем в тюрьме.

И вот теперь он стоял рядом с машиной в первых лучах утреннего солнца и прислушивался, не приближается ли откуда-нибудь облава. Но ничего подозрительного не было слышно. Честно говоря, он и не ожидал что-либо услышать. Сгнить в тюрьме — это не его судьба. Ему на роду написано золотое будущее. В этом он был уверен.

Он потянулся, громко зевнул, подошел к толстой сосне и отлил.

Полчаса спустя, когда уже достаточно рассвело и в лесу стало светлее, он обнаружил ту тропинку, которую не смог отыскать накануне ночью. Увидел он и еще кое-что, чего тоже не заметил с вечера в темноте: кусты вокруг были очень сильно

помяты и исхожены. Кто-то здесь бродил совсем недавно, и, по-видимому, не один человек.

Он осторожно двинулся по тропинке вперед, держа в правой руке «ХК-91», готовый всадить очередь в любого, кто попытался бы напасть на него.

Меньше чем через полчаса он вышел из леса на небольшую поляну, окружавшую бревенчатый дом,— и понял, почему те кусты и тропинка, по которой он поднимался, были так истоптаны. Около дома, выстроившись в ряд, стояли мотоциклы. Восемь больших «Харлеев», и на каждом из них ярко выделялась надпись: «Хромированные дьяволы».

Ублюдки этого Джина Терра. Но не все. Судя по количеству мотоциклов, здесь сейчас было примерно только полбанды.

Кейл присел на корточки возле выходящего на поверхность известняка и принялся изучающе разглядывать дом, еще плохо видный из-за тумана. Снаружи вокруг дома никого не было. Он порылся в сумке, стараясь не шуметь, извлек оттуда свежий магазин и вставил его в автомат.

Но каким образом Терр и его подонки оказались здесь? По горам на мотоцикле — это тяжелейший и страшно опасный кросс, способный вымотать все нервы. Хотя, с другой стороны, эти чокнутые только опасностью и живут.

Но что, черт возьми, они здесь *делают?* Как они отыскали этот дом и зачем сюда забрались?

Кейл внимательно прислушивался, стараясь по донесшемуся голосу или другим каким-нибудь звукам определить, где находятся сейчас мотоциклисты и чем они занимаются. И вдруг его поразило, что вокруг нет вообще никаких звуков. Ни пения птиц. Ни шуршания насекомых. Ни голосов животных. Абсолютно ничего. Эта тишина была странной и страшной.

Вдруг позади себя, в кустах, он услышал какой-то треск и хруст. Негромкий. Однако в окружавшей его противоестественной тишине звук этот был подобен грохоту орудия.

Перед тем как раздался этот треск, Кейл стоял на коленях. С кошачьей быстротой он упал на бок, перекатился на спину и выставил перед собой автомат.

Он был готов открыть огонь. Но к тому, что открылось его глазам, он оказался совершенно не готов. Футах в двадцати пяти позади него с широкой улыбкой на лице из-за деревьев и

из тумана прямо на него шел Джейк Джонсон. Голый. В чем мама родила.

Снова послышался шорох и треск. На этот раз слева от Джонсона, где-то за деревьями.

Кейл краем глаза уловил там какое-то движение и повернул голову в ту сторону, одновременно направив туда же и автомат.

Там из леса, из дымки тумана выходил еще кто-то, и высокая трава била его по голым ногам. Этот человек был тоже совершенно обнажен. И тоже широко улыбался.

Но это было еще не самое худшее. Хуже всего то, что и второй человек тоже оказался Джейком Джонсоном.

Удивленный и сбитый с толку, Кейл встревоженно переводил взгляд с одного на другого. Оба Джонсона были идеально похожи друг на друга, как братья-близнецы.

Но Джейк ведь был единственным ребенком в их семье, разве не так? Кейлу никогда не доводилось слышать о том, чтобы у Джонсона был брат-близнец.

Откуда-то из тени, из-под разлапистых веток огромной ели возникла третья фигура. И это тоже был Джейк Джонсон.

У Кейла перехватило дыхание.

Если еще и могла существовать какая-то ничтожная вероятность того, что Джонсон был одним из братьев-двойняшек, то уж тройняшек в той семье быть никак не могло.

Что-то во всем происходившем было не так, страшно, жутко не так. Кейл вдруг по-настоящему испугался. Даже не этих невероятных тройняшек. Все, что его окружало, вдруг стало казаться Кейлу каким-то зловещим: и лес, и туман, и размытые очертания каменистого склона горы...

Три близнеца медленно поднимались по склону, на котором, распластавшись на спине, лежал Кейл. Они сходились к нему одновременно с разных сторон. У всех троих были странные глаза и жестокие рты.

Кейл вскочил на ноги, сердце у него колотилось так, что казалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди.

— Стоять! Стоять всем на месте!

Однако они не остановились, даже несмотря на то что Кейл направил на них автомат, переводя его с одной фигуры на другую.

— Кто вы такие? Что вам нужно? Что происходит? — требовательно окрикнул их Кейл.

Они не ответили. Только продолжали приближаться. Как зомби.

Он схватил сумку, в которой лежало оружие, и торопливо, неуклюже стал пятиться от этого кошмарного трио.

Но нет. Теперь это было уже не трио. Квартет. Ниже по склону откуда-то из-за деревьев появился четвертый Джейк Джонсон, такой же абсолютно голый, как и трое первых.

Теперь страх Кейла в любой миг готов был обернуться паникой.

Вся четверка сходилась по направлению к Кейлу, почти не издавая при этом ни звука, одни только листья шуршали у них под ногами, больше ничего не было слышно. Они не обращали никакого внимания ни на острые камни, ни на сухие ветки и стебли, которые, несомненно, должны были ранить их ноги. Один из них принялся вдруг жадно облизываться. Все остальные тут же стали делать то же самое.

Кейл внезапно ощутил прошедшую по всему телу волну ледяного ужаса и подумал, не сходит ли он с ума. Но мысль об этом мелькнула у него и тут же исчезла. Не ведавший, что такое сомнения, Кейл не умел подолгу удерживать в голове подобные мысли.

Он бросил сумку, схватился за автомат обеими руками и открыл огонь, поводя стволом вправо-влево. Пули попадали в цель. Он это видел. Видел, как пули разрывали тела этих четырех фигур, как там, где они ударяли, мгновенно раскрывались большие рваные раны. Но крови не было. И раны исчезали почти с такой же быстротой, как появлялись: они затягивались без следа за считанные мгновения.

Четыре человеческие фигуры приближались к нему.

Но это были не люди. Нет. Что-то другое.

Галлюцинация? Много лет назад, еще в последних классах школы, Кейл много баловался наркотиками. Теперь он вспомнил, что видения и галлюцинации могут преследовать человека спустя многие месяцы и даже годы после того, как он перестал употреблять ЛСД. До сих пор никакие видения его самого не преследовали, но ему приходилось слышать, что подобное бывает. Может быть, сейчас именно это и происходило? Галлюцинация?

Быть может.

А с другой стороны... тела всех четверых блестели, как будто утренний туман конденсировался у них на голой коже. Когда у тебя галлюцинации, такого рода подробностей обычно не различаешь. И вообще все, что тут сейчас происходило, слишком *сильно* отличалось от всего, что доводилось ему испытывать под влиянием наркотиков.

Продолжая по-прежнему широко улыбаться, один из близнецов-призраков поднял руку и вытянул ее, показывая в сторону Кейла. Это было невероятно, но с протянутой руки начала вдруг отслаиваться, отваливаться плоть: с пальцев, с ладони. При этом она не падала вниз, а бескровно *перетекала* в руку, наподобие того, как оплавляется от пламени и течет воск. И через какое-то время запястье стало заметно толще, а от кисти остались только кости, чистые белые кости. Один из этих костлявых пальцев указывал прямо на Кейла.

Указывал гневно, обвиняюще и осуждающе.

Голова у Кейла пошла кругом.

Три других близнеца претерпели еще более кошмарные изменения. У одного исчезли с половины лица все мягкие ткани и теперь были видны лицевая кость и часть челюсти с рядом зубов, а глаз, лишившись век и всего мягкого своего обрамления, влажно сверкал из известково-белой глазницы. У другого исчезла часть наружных тканей торса и в образовавшееся «окно» были хорошо видны ребра и пульсирующие внутри темные и влажные органы. У третьего одна нога была нормальная, а от другой оставались только кости и сухожилия.

Они подходили к Кейлу все ближе и ближе, и один из них произнес: «Детоубийца».

Кейл вскрикнул, выронил автомат и бросился бежать. Но почти сразу же остановился: он увидел, как из-за дома появились и направились к нему еще два двойника Джонсона. Бежать было некуда. Разве что только прямо к известняковому выходу камней, что находился на склоне немного выше дома. Сопя и тяжело дыша, Кейл устремился прямо туда, добежал до кустов и, подвывая, как собака, рванулся через них напролом ко входу в пещеру, оглянулся на ходу, увидел, что вся шестерка

продолжает его преследовать, и устремился прямо в пещеру, в темноту, жалея, что не успел прихватить с собой фонарь. Он нащупал рукой стену и, все время касаясь ее, двинулся на ощупь вглубь, стараясь припомнить схему пещеры. Он помнил, что вначале тут должен быть более или менее длинный тоннель, заканчивающийся несколькими ответвлениями,— и тут он внезапно осознал, что это может оказаться вовсе не спасительным укрытием, а, напротив, ловушкой. Да, теперь уже он был в этом твердо уверен — ловушкой. Они с самого начала и *хотели* загнать его сюда. Он оглянулся, увидел сзади, у входа в пещеру, две полуразложившиеся фигуры, завыл и устремился вперед, дальше вперед, в кромешную черноту, потому что больше бежать было просто некуда, даже если впереди его и ждала западня. Обдирая руку о корявую поверхность камня, он снова рванулся вперед, оступился, закрутился на месте, ловя равновесие, добрался все-таки до последней, изломанной части тоннеля, а потом и до двери, вскочил внутрь и с грохотом захлопнул дверь за собой, понимая, что она все равно не остановит преследователей, и только тут увидел в глубине пещеры свет и пошел на него мимо сложенных вдоль стен припасов, двигаясь словно в тумане от овладевшего им ужаса.

Свет исходил от переносной газовой лампы.

Кейл вошел в третью камеру пещеры.

Здесь, в бледно-серебристом свечении, он увидел нечто такое, отчего застыл на месте как вкопанный. Оно поднялось в эту часть пещеры из подземной реки, проникнув через щели и трещины в полу и через то отверстие, возле которого Джейк Джонсон установил когда-то ручной насос для воды. Оно шевелилось, извивалось, корчилось. Оно двигалось, пульсировало, переливалось. Темная бесформенная плоть с кроваво-красными вкраплениями.

Вот из нее стали вырастать крылья. Но тут же растаяли и исчезли.

В воздухе чувствовался запах серы, не сильный, но неприятный.

Вдруг по всей поверхности этой плоти, поднимавшейся в высоту больше чем на семь футов, раскрылись глаза. И все они уставились на Кейла.

Он отпрянул и прижался спиной к стене, вжимаясь в камень так, словно это было последнее, что еще соединяло его с

миром реальности, последняя возможность ухватиться за что-то, перед тем как окончательно провалиться в мир безумия.

Некоторые из этих глаз были человеческими. Некоторые — чьими-то еще. Все они уставились на него, посмотрели, потом закрылись и исчезли.

Там, где только что ничего не было, вдруг стали раскрываться рты. Появились зубы. Клыки. Из-за черных губ высунулись раздвоенные языки. Из других ртов появились похожие на червей щупальца, покачались в разные стороны в воздухе и пропали, вобравшись назад. Спустя какое-то время и рты — как до них крылья и глаза — тоже растворились в бесформенной плоти.

На полу сидел какой-то человек. Он сидел в нескольких футах от той пульсирующей массы, что проникла в пещеру снизу, из подземной реки,— сидел так, что свет от лампы выхватывал из полумрака только его силуэт, а лицо оставалось в тени.

Увидев, что Кейл наконец заметил его, человек слегка наклонился вперед, так, чтобы свет попал ему на лицо. Он был не меньше шести футов четырех дюймов ростом, а возможно, и немного повыше, с длинными вьющимися волосами и бородой. Вокруг головы у него был повязан поясок. В одном ухе болталась золотая серьга. Он улыбнулся очень странной улыбкой, подобной улыбки Кейлу никогда еще не доводилось видеть, и слегка приподнял руку в приветственном жесте, на ладони у него оказалась татуировка: глаз, раскрашенный в красный и желтый цвета.

Это был Джин Терр.

Глава 40
БИОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Армейский вертолет появился через три с половиной часа после того, как состоялся разговор Сары с Дэниелом Терпом. Вертолет прилетел на два часа раньше, чем ей было обещано. Значит, отправляли его не из Дагвэя, а с одной из баз в самой Калифорнии, и те коллеги Сары из ОБЗ, которые снаряжали вертолет, по-видимому, вычислили суть ее замысла. Они несомненно поняли, что львиная доля заказанного Сарой оборудо-

вания на самом-то деле была ей не нужна, и потому собрали и погрузили в вертолет только то, что ей было действительно необходимо для военных действий против вековечного врага. В противном случае им бы не удалось уложиться в столь короткий срок.

Господи, только бы они верно все поняли, подумала Сара. Только бы прислали то, что надо. То, что *действительно* надо.

Это был большой, в пятнах маскировочной окраски вертолет с двумя огромными винтами. Он завис в шестидесяти—семидесяти футах над Скайлайн-роуд, и его быстро вращающиеся лопасти гнали мощным потоком утренний воздух к земле, разгоняя последние остатки ночного тумана. Шум его двигателей грохотом разносился по всему городку.

На одном из бортов вертолета сдвинулась с места и скользнула вперед дверь, и из грузового отсека высунулся человек, разглядывавший что-то на земле. Он даже не пытался окликнуть стоявших внизу, потому что из-за рева моторов и свиста винтов расслышать его все равно было бы невозможно. Вместо этого он что-то показывал рукой, но смысла его сигналов те, кто находился внизу, понять никак не могли.

Наконец Сара сообразила: экипаж просит показать, куда сгружать доставленное. Жестами она подозвала к себе всех, кто был на земле, и расставила их широким кругом посередине улицы, ярдах в двух друг от друга. Получился круг диаметром футов двенадцать—пятнадцать.

Из вертолета вытолкнули обернутый в брезент тюк объемом немного больше взрослого человека. Тюк был закреплен на тросе, шедшем от электрической лебедки. Вначале его опускали медленно, потом еще медленнее, и еще, и в конце концов тюк опустился на мостовую в самом центре круга настолько мягко, как будто сгружали не оборудование, а свежие яйца.

Не успел еще тюк коснуться мостовой, как Брайс первым бросился к нему. Он нашел крепежный замок и отсоединил трос. В этот момент к тюку подошли Сара и все остальные.

Вертолет вобрал в себя трос, а потом двинулся вниз, в сторону долины, постепенно набирая высоту и уходя все дальше и дальше из опасной зоны.

Сара присела возле тюка на корточки и принялась развязывать нейлоновый канат, пропущенный через специальные отверстия в брезенте. Она действовала с лихорадочной быстротой, и уже несколько мгновений спустя тюк был распакован.

Внутри оказались две голубые канистры, на которых трафаретом были нанесены какие-то слова и цифры. Увидев их, Сара с облегчением вздохнула. Ее поняли правильно. Здесь же лежали еще и три аэрозольных баллона, по размеру и внешнему виду похожие на те опрыскиватели, которыми пользуются для уничтожения вредных насекомых и сорняков в садах или на лужайках перед домом, но, в отличие от опрыскивателей, эти баллоны приводились в действие не ручным насосом, а сжатым воздухом. Каждый из них был снабжен ремнями, чтобы баллон можно было носить за спиной, как ранец. Гибкий резиновый шланг, четырехфутовый металлический удлинитель и рассчитанный на высокое давление наконечник позволяли посылать струю на двенадцать—четырнадцать футов, не слишком приближаясь к тому, что подвергалось опрыскиванию.

Сара подняла один из этих баллонов. Он оказался тяжелым, уже заполненным той же жидкостью, что находилась и в двух голубых запасных канистрах.

Вертолет растаял в небе, скрывшись в западном направлении, и тут Лиза спросила:

— Сара, неужели вот это — все, о чем вы просили?

— Здесь все, что нам нужно,— уклончиво ответила Сара.

Она нервно огляделась по сторонам — не выскакивает ли откуда-нибудь на них вековечный враг,— но того пока не было видно.

— Брайс, Тал,— сказала она,— если бы вы взяли два этих баллона...

Шериф и его помощник подняли каждый по баллону, надели на себя ремни, затянули нагрудные лямки, подвигали плечами, чтобы баллоны удобнее сидели на спине.

И тот и другой без лишних пояснений сразу же поняли, что в баллонах какое-то оружие, которое, быть может, позволит им покончить с чудовищем. Сара сознавала, что оба они должны были сгорать от любопытства, и на нее произвело большое впечатление, что ни тот ни другой не задавали никаких вопросов.

Третий баллон она собиралась взять сама, но он оказался гораздо тяжелее, чем ей сперва показалось. Поднять и протащить его она бы еще смогла, но быстро двигаться с ним за спи-

ной, поворачиваться, приседать, уклоняться она явно была бы не в состоянии. Между тем от ловкости и быстроты действий будет сейчас зависеть, останутся они в живых или нет.

Надо было отдать кому-то третий баллон, но кому? Не Лизе: она была не крупнее самой Сары и не сильнее ее. Не Флайту: еще накануне вечером он жаловался на свой артрит и вообще производил впечатление человека тщедушного. Оставалась только Дженни. Она была всего на три-четыре дюйма выше Сары и фунтов на пятнадцать—двадцать тяжелее ее, но физически в отличной форме. Она-то уж, наверное, справится с этим распылителем.

Флайт вначале было запротестовал, но, попытавшись поднять баллон, сдался.

— Наверное, я старее, чем кажусь себе,— грустно проговорил он.

Дженни и сама придерживалась мнения, что третий баллон надо взять ей. Сара помогла ей надеть и подогнать ремни, и теперь они были готовы к бою.

Но пока вековечного врага не было и следа.

Сара отерла пот со лба.

— Значит, так: как только оно покажется, начинайте его опрыскивать. Тут же, не теряя ни секунды. Поливайте его как можно больше, пятьтесь от него, если будет такая возможность, старайтесь, чтобы оно посильнее высунулось наружу из укрытия. И непрерывно поливайте, поливайте и поливайте.

— А это что у нас такое — кислота? — спросил Брайс.

— Нет, не кислота,— ответила Сара.— Хотя действие ее будет примерно таким же, как у кислоты. Если, конечно, эта штука вообще на него подействует.

— А если не кислота, то что же это такое? — спросил Тал.

— Особый род микроорганизма. Очень специфический,— ответила Сара.

— Микробы? — спросила Дженни, и глаза ее расширились от удивления.

— Да. В жидкой питательной среде, в которой они могут расти и размножаться.

— То есть мы эту протоплазму чем-то *заразим*? — нахмурившись, поинтересовалась Лиза.

— Искренне надеюсь, что да,— ответила Сара.

Вокруг не было никаких признаков движения. Совершенно никаких. И тем не менее в воздухе как будто что-то присутствовало. Вполне вероятно, что оно их подслушивало. У него же слух, как у кошки. Или как у лисицы. А скорее всего, у него свой собственный, очень чувствительный и ни на что не похожий слух.

— Если нам повезет, то мы его заразим, и заразим очень здорово,— проговорила Сара.— Это, похоже, единственный способ убить его.

Теперь уже их собственные жизни были поставлены на карту: *оно* узнало, что его перехитрили.

Флайт с сомнением покачал головой.

— Но вековечный враг настолько не похож на нас, он так отличается от человека и животных... те болезни, которые опасны нам, могут оказаться для него абсолютно безвредными.

— Верно,— согласилась Сара.— Но этот микроб — не обычная болезнь. Он вообще не вызывает никакой болезни.

Спускающийся ярусами по склону горы Сноуфилд был неподвижен и тих, словно изображение на открытке.

Оглядевшись по сторонам, нет ли какого-либо движения между домами и в самих домах, Сара рассказала им об Ананде Шакрабарти и сделанном им открытии.

В 1972 году корпорация «Дженерал электрик», в которой тогда работал Шакрабарти, обратилась от его имени за получением патента на первый в мире искусственно созданный микроб. Используя очень сложную технологию клеточного синтеза, Шакрабарти создал микроорганизм, который был способен питаться углеводородами, содержащимися в сырой нефти, усваивать эти углеводородные соединения и тем самым видоизменять их.

У микроба Шакрабарти было по меньшей мере одно очевидное качество, делающее его пригодным к промышленному производству и использованию: с его помощью можно было ликвидировать разливы нефти в море. Эта бактерия в самом прямом смысле слова поедала разлившуюся нефть, делая море снова безопасным для живущих в нем растений и организмов.

После целого ряда ожесточенных юридических нападок, последовавших с самых разных сторон, «Дженерал электрик» добилась все-таки права запатентовать открытие Шакрабарти.

В июне 1980 года Верховный суд вынес принципиальной важности решение, постановив, что созданный Шакрабарти микроб — не творение природы, но результат усилий ученого и потому может быть запатентован».

— Ну да, конечно,— вспомнила Дженни.— Я тогда читала об этом. В то время об этой истории писали все газеты: «Человек соперничает с Богом» и тому подобное.

— Поначалу,— продолжала Сара,— «Дженерал электрик» не собиралась запускать микроб в производство. Он был очень неустойчив и выживал только в тщательно контролируемых лабораторных условиях. Они обратились за патентом просто для того, чтобы выяснить, какие юридические проблемы могут возникнуть в подобном случае, и разрешить эти проблемы прежде, чем эксперименты в области генной инженерии приведут к созданию новых микробов, более устойчивых и с более широким набором полезных качеств. Но после того как Верховный суд вынес такое решение, ученые в течение нескольких лет усовершенствовали микроб и создали такую его разновидность, которая может существовать вне лаборатории от двенадцати до восемнадцати часов. Этот микроб уже продается на рынке под названием «Биосан-4» и очень успешно используется во всем мире для ликвидации разливов нефти.

— И у нас в баллонах этот препарат? — спросил Брайс.

— Да. «Биосан-4». В виде раствора, пригодного к распылению.

Городок был похож на кладбище и навевал кладбищенское настроение. Солнце светило вовсю с лазурного неба, но воздух был еще прохладный. Несмотря на стоявшую вокруг противоестественную тишину, внутренний голос говорил Саре, что оно приближается, что *оно* подслушало их разговоры и сейчас находится где-то уже очень близко, совсем рядом.

Все остальные испытывали то же самое и с тревогой оглядывались вокруг.

— Помните, что мы обнаружили, когда исследовали ткани этого существа? — спросила Сара.

— Высокое содержание углеводородов,— сказала Дженни.

— Да. Но не только это, не только углеводороды. А еще и высокое содержание вообще всяких углеродистых соединений. Самых разных.

— Вы еще нам тогда сказали, что оно совсем как петролатум,— вспомнил Тал.

— Не как петролатум. Но в некоторых отношениях похоже на него,— ответила Сара.— Это живая ткань. Очень сложная и совсем не похожая на наши ткани, но живая. И с таким необычайно высоким содержанием углерода... В общем, я хочу сказать, что ткани этого существа очень смахивают на дальних родственников петролатума, только они не просто органические, но еще и способные к обмену веществ. Вот поэтому я и надеюсь, что микроб Шакрабарти сможет...

Что-то приближается к ним.

— И вы надеетесь, что этот раствор съест протоплазму так же, как он съедает нефтяные пятна? — спросила Дженни.

Что-то... что-то...

— Да,— первно ответила Сара.— Я надеюсь, что микроб набросится на углерод и этим разрушит ткани. Или по крайней мере нарушит их очень тонкое химическое равновесие в достаточной степени, чтобы...

Все ближе, ближе...

— ...да, чтобы дестабилизировать и весь организм в целом,— закончила Сара, предчувствуя, что приближается нечто ужасное, неизбежное, возможно фатальное.

— И что, вот это и есть тот наилучший шанс, который у нас имеется? Вы считаете, что это действительно так? — спросил Флайт.

— Я думаю, да.

«Где оно? Откуда оно приближается?» — думала Сара, оглядывая опустевшие дома, пустынную улицу, неподвижные деревья.

— Мне это представляется почти невероятным,— с сомнением в голосе проговорил Флайт.

— Так оно и *есть*,— согласилась Сара.— Шанс на успех действительно очень невелик, но другого у нас попросту нет.

Раздался какой-то шум. Потом послышался какой-то резкий, дрожащий, свистящий звук, от которого волосы становились дыбом.

Все застыли на месте, ожидая, что будет дальше.

Но городок опять погрузился в пелену тишины.

Яркие лучи утреннего солнца отражались от окон, сверкали, преломляясь, в фигурных стеклах уличных фонарей. Остатки тумана сконденсировались на черных шиферных крышах домов, образовав на них влажную пленку, и поэтому казалось, что крыши за ночь кто-то отполировал до блеска.

Ничто не двигалось. Ничего не происходило. И шум не повторялся.

— Этот «Биосан»...— По лицу Брайса Хэммонда пробежала тень сомнений.— Надеюсь, для нас самих он безопасен?

— Абсолютно безвреден,— заверила его Сара.

И тут шум повторился. Раздался короткий, словно взрыв, треск. И снова наступила тишина.

— Сейчас что-то будет,— негромко проговорила Лиза.

«Да поможет нам Бог»,— подумала Сара.

— Сейчас что-то будет,— громко проговорила Лиза, и у Брайса в тот же миг возникло точно такое же предчувствие. Его охватило вдруг ощущение нарастающего, обвального ужаса. Воздух стал холоднее и гуще, а в тишине появилось нечто хищное. Действительно ли все это было именно так? Или ему только казалось? Он не знал. Он был твердо уверен только в одном: он в самом деле *чувствовал* нечто необычное.

Шум опять повторился, но теперь это был не короткий свист, а довольно продолжительный визг. Брайс поморщился. Звук был пронзительный и очень сильный. Какой-то жужжащий и одновременно завывающий. Как будто совершенно ясно, что этот звук вызван далеко не столь заурядной и безобидной причиной.

Похоже на насекомых. Звук был какой-то холодный и металлический, именно это и побудило его вспомнить о насекомых. Пчелы. Точно. Усиленное во много раз жужжание пчелиного роя — вот на что был похож этот звук.

— Все, у кого нет опрыскивателей, становитесь в середину, между нами,— проговорил Брайс.

— Да,— поддержал его Тал.— А мы встанем вокруг. Какая-никакая, а все-таки защита.

«Чертовски слабая, если этот «Биосан» не подействует»,— подумал Брайс.

Странный звук становился все громче.

Сара, Лиза и доктор Флайт встали, прижавшись друг к другу, а Брайс, Дженни и Тал образовали вокруг них кольцо, встав лицами наружу.

Но вот в небе, около булочной, появилось нечто жуткое. Скользнув над крышами домов, оно на несколько мгновений зависло над Скайлайн-роуд. Это была оса. Но размером с немецкую овчарку. Этот фантом даже отдаленно не имел ничего общего с любым из насекомых, которые существовали реально на протяжении тех многих миллионов лет, что прожил вековечный враг. Подобная оса, несомненно, могла быть только чудовищным порождением очень злобного и извращенного воображения. Шестифутовые полупрозрачные крылья свирепо колотили по воздуху, переливаясь всеми цветами радуги. На узкой, заостренной противной голове косо торчали черные ячеистые глаза. Каждая из четырех лап заканчивалась клешнями. Белое, покрытое волосами тело, составленное из нескольких сегментов, сзади оканчивалось острым, похожим на гигантскую иглу жалом длиной в добрый фут.

Брайс ощутил, как внутри его словно растет глыба льда.

Зависнув на миг, оса бросилась на них.

Когда оса бросилась на них, Дженни закричала от испуга, но не тронулась с места. Направив прямо на осу наконечник опрыскивателя, она нажала на рычажок, приводивший его в действие. Острая молочного цвета струя вырвалась из шланга примерно на шесть футов.

Оса была сейчас футах в двадцати и быстро приближалась.

Дженни нажала на рычаг до отказа. Струя стала еще тоньше и сильнее, образовав дугу длиной футов в пятнадцать-шестнадцать.

Брайс тоже выпустил струю из своего распылителя. Две струи «Биосана» скрестились в воздухе, выровнялись и двинулись вместе по направлению к одной и той же цели.

Оса оказалась как раз в их перекрестии. Выпущенные под большим давлением струи ударили по ней, сильно обдав членистое тело и крылья, которые сразу же перестали переливаться всеми цветами.

Насекомое мгновенно остановилось в воздухе, зависло, потом нырнуло, словно провалившись, вниз — как будто потеряло способность держаться на нужной высоте. Снова зависло.

Оно теперь уже не нападало, а только злобно смотрело на них налитыми ненавистью глазами.

Дженни ощутила прилив облегчения и надежды.

— Действует! — закричала Лиза.

И тут оса снова бросилась на них.

Она бросилась на них в тот самый миг, когда Тал уже было подумал, что на этот раз они спасены. Бросилась прямо через облако «Биосана-4». Теперь она летела медленнее, чем раньше, но все-таки летела вперед.

— Ложись! — закричал Брайс.

Все быстро присели, и оса пролетела прямо над ними, роняя с лап и с кончика жала капли молочно-белой жидкости.

Тал вскочил, собираясь пустить ей вслед длинную струю, пока оса была еще в пределах досягаемости.

Она резко повернула назад, нацелившись на него, но, прежде чем он успел выстрелить, оса как-то неуклюже замахала крыльями, повисла в воздухе, а потом рухнула на мостовую. Она хлопала крыльями и сердито жужжала. Пыталась подняться. Но у нее ничего не получилось, а потом она изменилась.

Она изменилась.

Вместе с другими Тимоти Флайт подошел к осе поближе и следил за тем, как она тает, превращаясь в бесформенную массу протоплазмы. Вот начали формироваться задние лапы собаки. И морда. Судя по той морде, собака должна была стать доберманом. Начал уже приоткрываться один глаз. Но трансформация так и не завершилась, и очертания собаки исчезли. Тимоти никогда еще не приходилось видеть, чтобы аморфные ткани так дрожали и пульсировали.

— Оно умирает,— проговорила Лиза.

Тимоти пораженно, не отрывая взгляда, следил за конвульсиями этой странной плоти. Теперь это прежде бессмертное создание познало смысл и ужас смерти.

По всей бесформенной массе пошли похожие на гнойнички ранки, из которых начала сочиться жидкость желтоватого цвета. Потом ее охватили сильнейшие судороги. Теперь раны открывались в невероятном количестве: всевозможные язвы, разрывы, лопающиеся пузыри — маленькие, большие, огромные — возникали все чаще и чаще по всей пульсирующей еще

поверхности. И наконец весь фантом превратился в безжизненную лужу вонючей жидкой грязи — точь-в-точь как тот маленький комочек тканей в чашке Петри.

— О господи! Получилось! — воскликнул Тимоти, поворачиваясь к Саре.

Щупальца. Целых три. Прямо позади нее.

Они выросли из-под канализационной решетки, что была футах в пятнадцати позади Сары. Каждое толщиной в руку Тимоти. Они скользили по мостовой прямо к Саре, и их кончики были уже не дальше чем в ярде от нее.

Тимоти закричал, но его предупреждение опоздало.

Флайт закричал, и Дженни резко обернулась. *Оно* было уже среди них.

Три щупальца с поразительной быстротой взвились с мостовой, зловеще и жутко рванулись вперед и опустились на Сару. В мгновение ока одно из них охватило Сару за ноги, другое захлестнулось вокруг ее груди, а третье обвило за шею.

«О боже, как они стремительны, мы же не поспеем за ними!» — подумала Дженни.

Она с ходу направила на них шланг опрыскивателя, проклиная все и вся, нажала на рычаг и принялась безостановочно поливать «Биосаном-4» и Сару, и щупальца.

К ней присоединились со своими распылителями Брайс и Тал. Но все они, все трое среагировали слишком поздно и слишком медленно.

Глаза Сары широко распахнулись, рот открылся в беззвучном крике. Ее подняло в воздух и...

«Нет! Нет!» — умоляла про себя Дженни.

...Щупальца принялись раскачивать ее взад-вперед, словно это была кукла...

Нет!

...А потом голова ее отделилась от тела и упала на мостовую с сухим отвратительным стуком.

Дженни инстинктивно отступила назад, ее чуть не стошнило.

Щупальца вытянулись вверх уже футов на двенадцать. Они извивались, раскачивались во все стороны, но вот на них появилась пена, и они тоже покрылись ранами и разрывами — это

бактерии разрушали те внутренние связи, что удерживали целостность аморфной ткани. Как и надеялась Сара, «Биосан-4» действовал на перевоплощающуюся протоплазму почти так же, как серная кислота действует на ткани человека.

Мимо Дженни, прямо по направлению к трем щупальцам, устремился Тал, и она попыталась криком остановить его.

Господи, что он еще задумал?

Тал промчался прямо по извивающимся теням, которые отбрасывали на землю движущиеся щупальца, моля Бога, чтобы ни одно из них не опустилось на него. Добравшись до решетки канализации, откуда они появились, Тал увидел, что щупальца отделяются от основной массы темной дрожащей протоплазмы, что лежала внизу, в водосточной трубе. Вековечный враг пытался сбросить с себя *зараженные ткани* прежде, чем находящиеся в них бактерии успеют добраться до основного его тела. Тал сунул наконечник распылителя прямо в решетку и выпустил туда длинную струю «Биосана-4».

Щупальца окончательно оторвались от материнского тела. Теперь они валялись на мостовой, корчась и извиваясь. А внизу, в водосточной трубе, накопившаяся слизь потекла назад, отделив от себя еще один кусок, который теперь тоже исходил пеной, спазматически дергался и умирал.

Значит, можно ранить и самого Дьявола. Значит, даже и сам Сатана тоже уязвим.

В радостном возбуждении Тал пустил в трубу еще одну длинную струю.

Аморфная масса уползла еще дальше, и теперь ее было уже не видно. Она скрывалась куда-то в глубокие подземные ходы, несомненно, продолжая по пути отделять от себя все новые и новые части.

Тал отвернулся от решетки и увидел, что отделенные щупальца потеряли свой первоначальный вид и форму: теперь это были всего лишь длинные спутанные нити гноящихся тканей. В явной агонии они хлестали друг друга и сами себя, на глазах распадаясь и превращаясь в вонючие и безжизненные помои.

Он бросил взгляд на решетку следующего водостока, на молчаливо стоящие дома, на небо, гадая, откуда на них может быть обрушен новый удар.

И вдруг мостовая у него под ногами загрохотала и начала приподниматься. Стоявшего перед ним Флайта бросило на землю, очки его разлетелись вдребезги. Самого Тала сильно толкнуло в сторону, и он с трудом удержал равновесие, едва не наступив на Флайта.

Мостовая снова задрожала и подпрыгнула, теперь уже сильнее, чем в первый раз. Казалось, что под ней прокатываются волны землетрясения. Но это было не землетрясение. Это приближалось *оно* — на сей раз уже не очередной фантом, не какая-нибудь частичка, но крупная, значительная часть основного тела, а может быть, и само оно целиком, во всей неимоверной массе, стремилось на поверхность с невообразимой разрушительной силой, восставая, словно преданный бог, и стремясь достойно отомстить тем ненавистным людям, что осмелились сопротивляться ему, переливаясь для того в колоссальную массу мускулов и пробиваясь, пробиваясь наружу, пока не вспучится и не треснет вся мостовая.

Тала бросило на землю. Он сильно ударился подбородком об асфальт и чуть не потерял сознание. Попытался подняться, чтобы суметь воспользоваться опрыскивателем, когда чудовище выйдет наружу, но ему с трудом удалось только встать на четвереньки. Улица продолжала вовсю ходить ходуном, и он лег на живот, дожидаясь, пока это кончится.

«Вот и смерть пришла»,— подумал он.

Брайс лежал на животе, изо всех сил прижимаясь к мостовой.

Рядом с ним лежала Лиза. Возможно, она кричала, визжала — Брайс все равно не слышал ее, такой вокруг стоял грохот.

Атональная симфония разрушения достигла сейчас в этой части Скайлайн-роуд крещендо, от которого готовы были лопнуть барабанные перепонки: все вокруг грохотало, трещало, взрывалось, и казалось, что весь мир раскалывается на части. Воздух был наполнен густой пылью, поднявшейся из расширявшихся трещин в мостовой.

Дорожное покрытие с невероятной силой дернулось и словно вывернулось наизнанку, осколки и обломки его взлетели вверх. Большинство из них были размером со щебенку, но были куски величиной и с добрый кулак, а отдельные обломки достигали и еще больших размеров. Скрывавшееся где-то в глу-

бине белковое создание неудержимо рвалось наверх, и куски бетона весом в пятьдесят, сто и даже двести фунтов взлетали в воздух на пять—десять футов.

Брайс подтащил Лизу к себе и попытался прикрыть ее. Он чувствовал, как она дрожит всем телом.

Земля под ними приподнялась. Потом рухнула вниз. Снова приподнялась и опустилась. Теперь сверху на них сыпался еще и настоящий каменный дождь. Щебенка и гравий стучали по баллону распылителя, что был у Брайса на спине, больно колотили его по ногам, лупили по голове. Брайс только морщился от боли.

Но где же Дженни?

Он огляделся по сторонам, испытав вдруг непонятный приступ отчаяния.

Вся улица словно вздыбилась, а прямо посередине Скайлайн-роуд образовалось нечто вроде небольшого горного хребта. Дженни, скорее всего, оказалась по другую сторону этого гребня, лежала где-нибудь там.

«Она жива,— подумал Брайс.— Она жива. Черт побери, она просто *не должна* погибнуть!»

Огромный кусок бетона вырвался из основания дороги слева от них и подлетел футов на восемь—десять вверх. Брайс был уверен, что этот кусок опустится на них, и изо всех сил прижал к себе Лизу, хотя, если бы кусок действительно на них рухнул, ничто не смогло бы их спасти. Но кусок упал на Тимоти Флайта. Он грохнулся прямо ему на ноги, ломая их, пригвождая Флайта к земле, и ученый взвыл от боли с такой силой, что его вопль на мгновение заглушил даже грохот ломающейся мостовой.

А землетрясение продолжалось. Мостовая вздымалась, трещала, рвалась вдоль. Посыпанные щебнем куски рваного бетона поднимались на дыбы и щерились на небо, на утреннее солнце, словно неровные, обломанные зубы.

Еще несколько секунд, подумал Брайс, и *оно* вырвется наружу и окажется здесь, прежде чем они успеют вскочить на ноги и ответить ему.

Кусок бетона размером с бейсбольный мяч, подброшенный той вулканической силой, с которой вековечный враг вырывался из водосточных труб, ракетой взлетел к небу и грохнулся на

мостовую в каких-нибудь двух-трех дюймах от головы Дженни. Отлетевший от него острый осколок больно полоснул ее по щеке так, что у нее появилась кровоточащая полоска.

Затем исходившее снизу могучее давление, взломавшее всю улицу и проложившее по ней целый горный хребет, вдруг исчезло. Мостовая перестала трястись. Перестала ползти вверх.

Стих и адский грохот. Теперь Дженни слышала только свое собственное хриплое, учащенное дыхание.

В нескольких футах от нее стал подниматься на ноги Тал Уитмен.

Дальше, по другую сторону вздыбленной и перепаханной мостовой, кто-то выл в предсмертной агонии, но Дженни не было видно кто.

Она попыталась встать, но в этот момент улицу снова сильно тряхнуло, и Дженни опять грохнулась лицом вниз.

Тал тоже упал, и до нее донеслось, как он громко выругался.

И вдруг мостовая начала быстро обрушиваться куда-то вниз. Снова раздался грохот, а куски взломанного бетона, навалленные вдоль линии разлома, зашевелились, огромные плиты стали падать куда-то в пустоту. Этой пустоты почему-то оказалось слишком много: судя по звукам, глыбы проваливались не в водосточную трубу, а куда-то в пропасть. Потом с громоподобным грохотом полетел вниз весь край, что тянулся вдоль мостовой в месте разлома, и Дженни оказалась вдруг на самом краю обрыва.

Она лежала на животе, приподняв голову, ожидая, что из глубины вот-вот появится нечто, и с ужасом думала о том, какую же форму примет перевоплощающаяся протоплазма на тот раз.

Но ничего не показывалось. Из провала никто не появился.

Образовавшийся провал был не меньше десяти футов в ширину и пятидесяти в длину. На противоположной его стороне пытались подняться на ноги Брайс и Лиза. Увидев их, Дженни чуть не закричала от радости. Какое счастье, что они живы!

Потом она увидела Тимоти. Ноги его были придавлены массивной глыбой бетона. Но хуже всего было то, что вместе со своей западней он оказался на опасном участке мостовой, который нависал над образовавшимся провалом, а снизу его ничто не поддерживало. В любой момент кусок этот мог обломиться и свалиться в пропасть, увлекая вместе с собой и Флайта.

Дженни осторожно подползла на несколько дюймов вперед и заглянула в провал. Глубина его была не меньше тридцати футов, а местами, возможно, даже и больше: определить точнее ей мешали сгустившиеся тени. Теперь становилось ясно, что вековечный враг появился не из сточных труб ливневой канализации; он поднялся из сейчас разрушенных, а прежде невредимых известняковых пещер, что находились глубоко под тем слоем земли, на котором была выстроена улица.

Но какой же феноменальной силой, какой невообразимой мощью должен был обладать вековечный враг, чтобы взломать не только мостовую, но и лежавшие глубоко под ней природные скалы? И куда он скрылся сейчас?

Внешне казалось, что в провале никого нет, но Дженни понимала, что *оно* должно быть где-нибудь там, в глубине, в подземных пустотах, что *оно* прячется там, укрываясь от новых струй «Биосана», выжидая и прислушиваясь.

Она подняла взгляд вверх и увидела, что Брайс пытается добраться до Флайта.

Резкий и громкий хлопок разорвал воздух. Выступ бетона, на котором лежал Флайт, задвигался. Он мог вот-вот оторваться и упасть в бездну.

Брайс тоже увидел грозившую опасность. Он стал карабкаться на выступ, стараясь успеть вытащить оттуда Флайта.

«Не успеет»,— подумала Дженни.

Но тут мостовая под ней загудела, задрожала, и Дженни поняла, что и сама она лежит в крайне опасном месте. Она начала подниматься. Бетон у нее под ногами треснул с грохотом взорвавшейся бомбы.

Глава 41
ЛЮЦИФЕР

Тени, лежавшие на стенах пещеры, непрерывно менялись, так же непрерывно менялась и протоплазма. В колеблющемся свете газовой лампы, чем-то похожем на холодное мерцание луны, это существо напоминало столб густого дыма — бесформенного, клубящегося, кроваво-красного.

Кейду очень хотелось бы верить, что это и вправду всего лишь дым, но он понимал, что дело обстоит не столь просто.

Эктоплазма. Вот что это, должно быть, такое. Материя потустороннего мира, из которой, как говорят, состоят духи, привидения и демоны.

Кейл никогда раньше не верил в привидения. Идея, что будто бы существует жизнь после смерти,— это духовный костыль для слабых, а не для таких, как Флетчер Кейл. Но теперь...

Джин Терр сидел на полу, не сводя взгляда с видения. В ухе у него блестела золотая сережка.

Кейл стоял, прижавшись спиной к холодной известняковой стене пещеры. У него было такое ощущение, будто его что-то намертво приклеило к этой стене.

В сыром воздухе все еще висел отвратительный запах серы.

Слева от Кейла, через проход, ведущий из первой камеры этого подземного убежища, вошел человек. Нет, не человек. Это был один из двойников Джейка Джонсона. Тот самый, который назвал его детоубийцей там, снаружи.

Кейл издал короткий стон отчаяния.

Это был демонический двойник, череп которого наполовину лишился мягких тканей. Его единственный влажный глаз, без век и бровей, злобно сверкал на Кейла из глазницы, которую обрамляла голая белая кость. Посмотрев на Кейла, демон повернулся к переливающемуся чудовищу, что было в центре пещеры. Он подошел к этой колонне непрерывно взбалтывающей себя слизи, развел руки в сторону, обнял желатиноподобную плоть — и просто растворился в ней, слившись с ней воедино.

Кейл пораженно смотрел, ничего не понимая.

Вошел еще один Джейк Джонсон. Тот, у которого был как будто содран бок. Все ребра торчали наружу, и было видно, как за ними бьется окровавленное сердце, легкие тоже были открыты, однако внутренние органы почему-то не выпадали наружу через пустые промежутки между ребрами. Но ведь это же невозможно! Хотя, с другой стороны, это же видение, родившееся где-то в Аду и поднявшееся сюда прямо из преисподней,— и лучшее доказательство тому — запах серы, всегда сопровождающий Сатану! — так что тут возможно все, что угодно.

Вот теперь Кейл *поверил*.

Если не поверить, то можно было только сойти с ума.

Вошли гуськом остальные четыре двойника Джонсона, взглянули на Кейла, потом по очереди влились в бурлящую, непрерывно движущуюся слизь.

Газовая лампа гудела негромко и ровно, слегка шипя.

Желеобразная плоть пришельца из потустороннего мира начала расправлять жуткие черные крылья.

Шипение лампы свистящим эхом отражалось от каменных стен.

Не успев до конца развернуться, крылья растворились в столбе слизи, из которого они возникли. А вместо них стали появляться лапы, похожие на те, что бывают у насекомых.

Но вот наконец заговорил Джин Терр. Возможно, он был в трансе — хотя в глазах у него горели живые искорки.

— Мы сюда приезжаем — то есть я и некоторые из моих ребят,— наезжаем два-три раза в год. Понимаешь? Здесь ведь оно что... здесь идеальное место потрахаться, а потом выбросить. Никто ничего не услышит. Никто не увидит. Понимаешь?

Джитер в первый раз за все время оторвал взгляд от чудовища и посмотрел прямо в глаза Кейлу.

— Что значит... потрахаться и выбросить? — спросил Кейл.

— Ну, раз в пару месяцев, иногда чаще, появляется какая-нибудь крошка, которая тоже хочет стать «Хромированным дьяволом» и готова для этого служить чьей-нибудь подстилкой, ей даже не важно чьей, понимаешь, пусть хоть любой ее трахает, когда тому только захочется или когда ему подпадоест своя баба. Понимаешь? — Джитер сидел, подвернув под себя ноги, как йог. Руки его неподвижно лежали на коленях. Он был похож на Будду, только злобного и циничного.— Иногда кто-то из нас ищет себе новую постоянную дырку. А иногда девчонка действительно хороша, и тогда мы берем ее в компанию. Но это бывает нечасто. По большей части мы их просто отшиваем.

Насекомоподобные лапы снова влились в столб переливающейся слизи, что торчал в центре пещеры. Теперь из него стали возникать десятки рук; появляясь, они растопыривали пальцы, и это напоминало лепестки какого-то странного цветка.

— А время от времени возникает просто потрясная крошка,— продолжал Джитер,— но она нам не нужна, или мы не хотим таскать ее за собой, а просто хотим позабавиться с ней. Или подвернется какая-нибудь шестнадцатилетка, знаешь, из

тех, что убежали из дому и теперь путешествуют, и, если она недурна, мы ее подбираем, хочет она или нет. Если мы прихватываем такую с собой, то даем ей чего-нибудь курнуть или нюхнуть, ну, чтобы ей тоже было в кайф, потом привозим сюда, где нам никто не помешает, и тут трахаем ее денька два-три до потери пульса, пока всю ее наизнанку не вывернем, а потом, когда ни у одного из нас уже больше не стоит, мы ее выбрасываем, но как-нибудь по-интересному.

Демоническое создание в центре пещеры снова изменилось. Руки вобрались обратно, а вместо них по всей его длине появились десятки ртов, заполненных острыми, как бритвы, клыками.

Джин Терр взглянул мельком на эту новую картину, но, похоже, она его нисколько не испугала. Напротив, при виде ее он даже улыбнулся.

— Что значит выбрасываете? — спросил Кейл.— Убиваете?

— Да,— ответил Джитер.— Но как-нибудь по-особенному, чтобы интересно было. Тут их и зарываем. Кто тут когда их найдет? А нас это немного встряхивает. Тонус поднимает. Но так было до последнего воскресенья. А в этот выходной, уже после обеда, ближе к вечеру, расположились мы тут на травке возле дома, трахаем такую вот крошку, и вдруг из леса выходит Джейк Джонсон, совсем голый, то есть в чем мать родила, как будто тоже пришел потрахаться. Я подумал, ну ничего, выбросим деваху, потом выбросим и его, и порядок, никаких свидетелей, понимаешь, но не успели мы его снять, как из лесу выходит еще один Джейк, потом третий...

— Точь-в-точь как со мной было,— вставил Кейл.

— ...Потом еще один, и еще. Мы в них палим, попадаем им прямо в грудь, прямо в морду, а они не падают, даже не останавливаются, прут прямо на нас и прут. Ну, Малыш Вилли, он у меня на главных ролях, бросается с ножом на того, что ближе всех, но хрен толку. Этот Джонсон сам хватает Вилли, и Малыш никак не может от него вырваться, а потом вдруг.. и-ну... Джонсон уже вдруг больше не Джонсон. Он вдруг превращается вот в *это*, в это бесформенное чудовище. И оно жрет Вилли... вгрызается в него, как... да нет, парень, оно его просто *растворяет*, черт побери. А само становится все больше и больше и потом вдруг превращается в огромного жуткого волка, в такое страшилище...

— Господи Иисусе,— проговорил Кейл.

— ...в большущую волчару, какой я никогда не видел, а другие Джейки стали превращаться кто во что, вроде огромных ящериц с мерзкими пастями, а один из них превратился не в ящерицу и не в волка, а во что-то такое, что я даже не знаю, как назвать, и все они начинают гоняться за нами. До мотоциклов мы, парень, добраться не можем, потому что эти твари оказались между нами и мотоциклами, и вот они угробили еще пару моих ребят, а потом стали гнать нас вверх, в гору.

— К пещерам,— сказал Кейл— Они и меня сюда так загнали.

— Мы и понятия не имели об этих пещерах,— сказал Терр.— Так вот, мы сюда попадаем, прямо в темноту, и эти твари начинают нас тут убивать, понимаешь, парень, убивать нас здесь, в темноте...

Клыкастые рты тоже исчезли.

— ...и вот, понимаешь, вокруг все вопят, а я понять не могу, куда попал, ничего же не видно, и я заполз в какой-то угол спрятаться, попадеялся, что они меня там не учуют, хотя сам же понимал, конечно, что найдут, обязательно найдут.

Кроваво-красные ткани пульсировали, по поверхности их пробегала рябь.

— ...А потом вопли стихли. Ну, значит, перебили всех. Тут наступила такая тишина... а потом я слышу, как в темноте неподалеку от меня что-то движется.

Кейл слушал Терра, а сам не отрывал глаз от колонны слизи. На ней снова появился рот, но теперь уже другой формы, с вытянутыми вперед губами. Похожий на рот какой-то экзотической рыбы, он жадно заглатывал воздух, но при этом казалось, что он ищет, где бы тут заглотить плоть.

Кейла передернуло. Терр улыбнулся.

Теперь такие же рты стали раскрываться по всему чудовищу.

— Так вот, сижу я там в темноте,— продолжая улыбаться, говорил Джитер,— и слышу какое-то видение, но на меня никто не нападает. Вместо этого вдруг зажигается свет. Вначале очень слабый, потом поярче. Оказывается, это один из Джейков зажег газовую лампу. И тут он говорит, чтобы я шел с ним. Я, понятно, не хочу. Он хватает меня за руку, и, знаешь, парень,

у него ледяная рука. И он *такой сильный*. Ну, он меня тащит за собой, притаскивает сюда, а тут из-под пола вылезает *такая* штука — я ничего подобного раньше не видел, нигде и никогда. Я чуть не обделался. Он заставляет меня сесть, оставляет мне лампу, а сам подходит к этому ползущему дерьму и просто входит в него, входит и сливается с ним, и я остаюсь один с этой штукой, которая сразу же начинает вот так вот непрерывно меняться.

Кейл и сам видел, что оно действительно нецрестанно видоизменяется. Ловящие воздух рты уже успели бесследно исчезнуть. Теперь на боках бурлящего создания образовались зловещие остроконечные рога: десятки рогов всех конфигураций — прямые и ветвистые, гладкие и с зазубринами — и всех возможных расцветок торчали из желатинообразной массы.

— Так что вот уже примерно полтора дня,— продолжал Терр,— я сижу здесь и наблюдаю за этой штуковиной. Ну, за исключением того времени, конечно, когда сплю или отхожу что-нибудь перекусить там вон, в соседней комнате. И знаешь, иногда оно со мной разговаривает. Похоже, оно знает обо мне все, даже и такое, что вряд ли знали самые близкие мне братья рокеры. Оно знает о трупах, которые мы здесь зарыли, и о тех чертовых мексикашках, которых мы выбросили, когда перехватили у них торговлю травкой, и знает о том коне, которого мы тут порубили на куски пару лет назад,— знает, понимаешь, хотя даже сами копы, ну, те, другие, этого и не подозревают и за нами не числят. Вот так-то, парень: эта великолепная и странная штуковина знает все мои тайны. А если чего не знает, то спрашивает, просит рассказать и тогда уж слушает будь здоров. Я ей нравлюсь, парень. Она меня одобряет. Или он. Никогда не думал, что действительно встречусь с ним. Всегда надеялся на это, но никогда не думал, что и вправду удастся. Я молился об этой встрече многие годы, парень, мы всем братством каждую неделю служили ради этого черные мессы, но я никогда не думал, что он и в самом деле мне явится. Мы приносили ему жертву, парень, даже настоящие человеческие жертвы, и пели все нужные псалмы, но нам никогда не удавалось ничего вымолить. Так что то, что здесь происходит, это, парень, настоящее чудо.— Джитер засмеялся.— Я работал на него всю свою жизнь, парень. Служил его делу. И молился ему тоже всю свою жизнь,

молился Зверю, Антихристу. И вот теперь он тут. Мать твою, это же просто чудо!

— Что-то я перестал тебя понимать,— на самом же деле Кейл не хотел понимать, о чем идет речь.

— Врешь,— Терр не мигая уставился на него,— Ты прекрасно понимаешь, парень, о чем я говорю. Ты все *знаешь*.

Кейл промолчал.

— Ты думал, что это Демон, что это что-то такое, из Ада, верно? А он и вправду из Ада, парень. Только это не Демон. Это *Он*. *Он*. Люцифер.

На мрачно-темной плоти, среди десятков остроконечных рогов раскрылись маленькие красные глазки. Множество маленьких пронзительных глаз, и в багрово-красном блеске каждого из них горели ненависть и знание — отличное знание науки зла.

Терр жестом дал понять Кейлу, чтобы тот подошел поближе.

— Он позволяет мне жить, потому что знает, что я — Его преданный апостол.

Кейл не сдвинулся с места. Сердце его стучало как молот. И не от страха. Или не только от страха. Его потрясло, захватило еще какое-то чувство, хотя определить это чувство Кейл бы не смог...

— Он позволяет мне жить,— повторил Джитер,— потому что знает, что я постоянно служу Его делу, выполняю Его работу. Другие... может быть, они были не так преданы Его делу, как я, и поэтому Он уничтожил их. Но я... я — другое дело. Он позволяет мне жить, чтобы я на Него работал. Вполне возможно, парень, что Он даже позволит мне жить вечно.

Кейл моргнул.

— Он и тебе позволяет жить тоже поэтому,— продолжал Джитер.— Наверняка. Точно. Правда точно. Потому что ты служишь Его делу, понимаешь?

Кейл отрицательно замотал головой:

— Я никогда не был... никогда не поклонялся Дьяволу. Никогда не верил.

— Не важно. Ты ведь служил Его делу, и тебе это нравилось.

Красные глазки внимательно смотрели на Кейла.

— Ты же убил свою жену,— сказал Джитер.

Кейл тупо кивнул.

— Ты даже собственного малолетнего сынка прикончил. Если уж это не служение Его делу, парень, тогда что же?

Сверкающие глазки смотрели не моргая, и Кейл начал постепенно осознавать, что за чувство росло и ширилось в нем. Восторг, благоговейный страх. Религиозное прозрение.

— И кто знает, что еще сделал ты за свою жизнь,— говорил Джитер.— Наверняка много такого, что тоже было служением Его делу. Быть может, даже все, что ты сделал, было таким служением. Ты совсем как я, парень. Ты появился на свет, чтобы быть посланцем Люцифера. Мы с тобой... это уже у нас в генах. *В генах*, парень.

Наконец Кейл нашел в себе силы оторваться от стены.

— Так-то лучше,— проговорил Джитер.— Иди сюда. Подойди к Нему поближе.

Эмоции захлестывали Кейла. Он и раньше знал, что он не такой, как все остальные. Он лучше. Он особенный. Кейл всегда знал *это*, знал твердо, однако *подобного* подтверждения своей правоты он и ожидать не мог. Но тем не менее вот оно, не оставляющее никаких сомнений доказательство его избранности. Кейла охватила неописуемая радость, от которой у него даже сжалось сердце.

Он опустился на колени рядом с Джитером, возле этого явленного чуда.

Наконец-то он призван.

Его час настал.

«Вот она, моя судьба»,— подумал Кейл.

Глава 42
ПО ДРУГУЮ СТОРОНУ АДА

Плита из бетонного основания мостовой, на которой лежала Дженни, треснула с грохотом пушечного выстрела.

Ба-бах!

Дженни лихорадочно поползла на четвереньках назад, но было уже поздно. Мостовая сдвинулась с места и стала уходить из-под нее.

О боже, нет, только не это! Сейчас она загремит в тот провал, и если ее не убьет при падении, то из своего укрытия появится

оно, схватит ее, утащит вниз, в темноту, и сожрет ее раньше, чем ей успеют прийти на помощь...

Тал Уитмен успел ухватить ее за лодыжки и теперь держал из последних сил. Дженни повисла вниз головой над провалом. Бетонная плита, кувыркаясь, полетела вниз и с грохотом шлепнулась на дно. Мостовая под ногами у Тала заходила ходуном, стала сдвигаться, и он чуть было не выпустил Дженни. Но потом ему все-таки удалось, пятясь назад, вытянуть ее за собой и оттащить подальше от обламывающегося края обрыва. Когда они очутились на твердом месте, Тал помог ей подняться на ноги.

Конечно, Дженни понимала, что ни по каким биологическим законам сердце никак не может само оказаться в горле, но у нее было ощущение, что ее сердце находилось в тот момент именно там, и она с усилием сглотнула, как бы возвращая его на место.

— О господи! — задыхаясь, еле вымолвила она.— Спасибо тебе, Тал! Если бы не ты...

— А, чепуха, ничего особенного,— ответил он, хотя только что чуть было сам не свалился вместе с Дженни в западню.

«Просто прогулка»,— подумала Дженни, вспомнив историю, которую рассказывал ей о Тале Брайс.

Тут она увидела Тимоти Флайта, лежавшего на противоположном краю провала. Тимоти повезло гораздо меньше, чем ей: Брайс явно не успевал вытащить его оттуда.

Мостовая под Флайтом тоже не выдержала. Плита длиной в восемь и шириной в четыре фута сорвалась, увлекая вместе с собой археолога. Но она не упала прямо вниз, как та плита, на которой несколько минут назад лежала Дженни. Край провала с противоположной его стороны был не таким отвесным, поэтому плита заскользила по нему и съехала вниз, на глубину футов тридцати, где и остановилась, уткнувшись в гору обломков.

Флайт был еще жив и кричал от невыносимой боли.

— Скорее, надо вытащить его оттуда,— проговорила Дженни.

— Бессмысленно и пытаться,— ответил Тал.

— Но...

— Смотри!

За Флайтом уже пришли. *Оно* вырвалось из расщелин, которыми было испещрено дно провала и которые явно вели куда-то глубже, в подземные пустоты. Аморфная протоплазма огромным стручком поднялась футов на десять в воздух, подрожала, упала вниз, отделилась от пославшего ее основного тела, продолжавшего скрываться где-то в глубине, и превратилась в омерзительного жирного черного паука размером с пони. Этот паук был теперь футах в десяти—двенадцати от Тимоти Флайта и с явно зловещими намерениями направлялся к ученому, карабкаясь через наваленные на дне обломки мостовой.

Тимоти, беспомощно распластанный на бетонной плите, утащившей его на дно провала, видел приближавшегося к нему паука. Волна ужаса охватила его, заглушив даже боль от искалеченных, раздавленных ног.

Черные веретенообразные лапы легко находили точки опоры среди беспорядочного нагромождения обломков, и паук пробирался по ним гораздо ловчее и быстрее, чем это смог бы сделать человек. Хрупкие лапы паука покрывали тысячи черных, похожих на тонкие проволочки волосинок, ощетинившихся во все стороны. Похожий на луковицу живот был гладким, глянцевито-блестящим и светлым.

Вот он уже всего в десяти футах. В восьми.

Паук издавал какой-то странный звук, нечто среднее между визгом и свистом, от которого кровь стыла в жилах.

В шести футах. В четырех.

Вот он остановился прямо перед Тимоти. Ученый увидел, что на него нацелена огромная челюсть с острыми хитиновыми зубами.

Он почувствовал, как в его мозгу начинает приотворяться дверь, отделяющая здравый рассудок от безумия.

И в этот момент на Тимоти пролился молочного цвета дождь. Сперва ему показалось, что это паук стрельнул в него ядом. Но потом он понял, что молочные струи — это «Биосан-4». Кто-то сверху, с края обрыва, поливал его из разбрызгивателя.

Жидкость обрызгала и паука, и на его черном теле стали появляться белые точки и пятна.

Летевшие во все стороны обломки и осколки повредили разбрызгиватель Брайса, и шерифу не удавалось выжать из своего баллона ни капли жидкости.

Ругаясь, он расстегнул ремни, высвободился из них и бросил баллон на мостовую. Пока Тал и Дженни поливали ученого «Биосаном» с противоположной кромки провала, Брайс кинулся к придорожной канаве, чтобы взять запасные канистры с раствором. Когда трещала и вздымалась дыбом мостовая, они откатились в ту сторону и теперь лежали, упершись в тротуар. Канистры были с ручками, и Брайс схватил сразу обе. Они оказались тяжелыми. Он помчался назад, к кромке провала, на мгновение приостановился на ней, потом шагнул вперед и съехал по пологому склону вниз, до самого дна. Каким-то чудом ему удалось удержаться при этом на ногах и не выронить канистры.

Он не пошел в ту сторону, где лежал Флайт. Там Дженни и Тал делали все, что было в их силах, чтобы успеть убить паука. Брайс же начал перебираться через завалы по направлению к тому отверстию, из которого вековечный враг только что выбросил этот фантом.

Тимоти Флайт с ужасом наблюдал, как нависший над ним паук превращался в гигантского пса. Это была не просто собака, это был самый настоящий Цербер, с мордой, одновременно и волчьей, и в чем-то человеческой. Шкура его — в тех местах, где ее не обрызгал «Биосан»,— была гораздо чернее, чем у паука, из огромных лап торчали загнутые крючьями когти, а клыки в пасти были величиной с пальцы на руках Флайта. Из пасти Цербера несло серой и какой-то еще худшей гадостью.

Но вот на шкуре пса стали возникать проплешины, трещины, язвы — это бактерии делали свое дело, поедая аморфную плоть,— и у Тимоти затеплилась надежда.

Глядя на него сверху вниз, пес заговорил. Голос его звучал так, словно масса щебенки сыпалась вниз по жестяному желобу: «Я думал, что ты мой Матфей, а ты оказался моим Иудой».

Гигантские челюсти раскрылись.

Тимоти закричал.

Под воздействием бактерий тварь разлагалась на глазах, но все-таки, клацнув зубами, она вцепилась прямо в лицо Флайту.

Стоя на самом краю провала, Тал Уитмен смотрел на происходившее внизу, и его внимание разрывалось между жуткой картиной убийства Флайта и самоубийственным рейдом Брайса, продолжавшего продвигаться вперед с канистрами в руках.

Флайт. Пес-фантом разлагался, бактерии разъедали его, как кислота, но все-таки он умирал недостаточно быстро. Пес вонзил зубы Флайту в лицо, потом в шею.

Брайс. Он добрался до отверстия, примерно футах в двадцати от Цербера, откуда пару минут назад вырвалась протоплазма, и начал отвинчивать крышку канистры.

Флайт. Пес ожесточенно вонзал зубы в голову ученого. Задняя часть песьего тела уже вся покрылась пеной, потеряла форму и распадалась, но фантом изо всех сил старался удержать свою форму, чтобы как можно дольше продолжать рвать и грызть Флайта.

Брайс. Он снял крышку с первой канистры, отбросил ее в сторону, и было слышно, как крышка зазвенела, прыгая по обломкам бетона. Тал был уверен, что через отверстие, возле которого стоял Брайс, что-нибудь выскочит из подземных пустот и схватит шерифа в смертельные объятия.

Флайт. Он уже больше не кричал.

Брайс. Он наклонил канистру и вылил раствор с бактериями через отверстие в дне провала куда-то в глубокие подземные убежища, где обитало *оно*.

Флайт был уже мертв.

Пес почти распался: то, что от него еще уцелело, было покрыто волдырями и гноилось. По сути дела, от пса оставалась теперь только его большущая голова. Но эта голова продолжала злобно кусать и рвать мертвого археолога.

...Вместо Тимоти Флайта лежало теперь только изувеченное, окровавленное тело.

Кажется, старик был неплохим человеком.

Лизу передернуло от отвращения к увиденному, и она попятилась от края провала. Там, где девочка стояла, она сейчас оказалась в одиночестве. Лиза пятилась до самой водосточной канавки, что шла с краю мостовой, вдоль тротуара, прошла немного боком вдоль нее, наконец остановилась и стояла так, дрожа...

...Пока до нее не дошло, что она стоит прямо на решетке водостока. Она вспомнила, как из такой же решетки вылезли те щупальца, что поймали Сару Ямагути и убили ее. Лиза мгновенно перескочила с решетки на тротуар.

Она бросила взгляд на стоявшие позади нее дома. Сейчас она оказалась неподалеку от одного из крытых проездов между двумя соседними магазинами и с подозрением, настороженно приглядывалась к его закрытым воротам.

Быть может, в этом проезде что-то таится? Высматривает, подстерегает ее?

Лиза шагнула было в сторону мостовой, но тут опять увидела решетку водостока и предпочла остаться на тротуаре.

Она нерешительно ступила влево, остановилась, постояла, не зная, как поступить, так же неуверенно сделала шаг вправо, снова заколебалась. Со всех сторон улицы на нее глядели двери, ворота, проходы, крытые проезды. Не было никакого смысла выискивать тут безопасное место. Такого места просто нигде не было.

Еще когда он только начал выливать «Биосан-4» из голубой канистры в расщелину на дне провала, Брайсу показалось, что в мрачной глубине отверстия произошло какое-то движение, что-то мелькнуло. Он ждал, что оттуда выскочит фантом и утянет его с собой в подземные бездны. Тем не менее он опорожнил в отверстие всю канистру до конца, однако никто оттуда не появился и не напал на него.

Схватив вторую канистру, он двинулся по кучам изломанных плит, по острым обломкам бетона, по изогнутым и разорванным трубам. Пот катил с него градом. Брайс осторожно переступил через оборванный и искрящий электрический кабель, перепрыгнул через небольшую лужу, образовавшуюся возле давшей течь водопроводной трубы. Он прошел мимо изувеченного тела Флайта и зловонных остатков того разложившегося фантома, который убил Тимоти.

Добравшись до следующей трещины в дне провала, Брайс присел возле нее на корточки, отвинтил крышку со второй канистры и вылил в трещину все ее содержимое. Отшвырнув куда-то вбок пустую канистру, он повернулся спиной и бросился удирать. Он торопился выбраться из провала прежде, чем на него, как на Флайта, бросится какой-нибудь очередной фантом.

Брайс уже преодолел почти третью часть того склона, по которому спустился в провал — подъем оказался гораздо более трудным, чем он ожидал,— когда услышал, что позади него происходит нечто ужасное.

Дженни, затаив дыхание, напряженно следила за тем, как Брайс пытается выкарабкаться из провала наверх, на мостовую. Больше всего она боялась, что он может не успеть это сделать.

Вдруг что-то заставило ее посмотреть на первую из тех трещин, в которые Брайс залил «Биосан». Перевоплощающаяся протоплазма вырвалась там из-под земли и продолжала хлестать, заливая дно провала. Ее поток был похож на прорвавшуюся из канализации густую массу, но в тех местах, где бактерии поработали сильнее всего, масса эта была заметно темнее, чем прежде. Она пузырилась, кипела, двигалась внутри самой себя еще энергичнее, чем раньше, что, по-видимому, свидетельствовало о происходящих разложении и распаде. Молочно-бледные пятна инфекции на глазах расползались по всей поверхности этой массы. Везде и всюду на ней вздувались, вырастали и лопались волдыри, раскрывались безобразные язвы, из которых текла ядовито-желтая жидкость. Всего за несколько секунд из трещины выплеснулось не меньше тонны аморфной плоти. Вся она была явно заражена бактериями «Биосана», но продолжала изливаться наружу, как лава, все быстрее и быстрее. Казалось, где-то под землей действует настоящий вулкан, извергающий эту живую желатинообразную плоть. Из соседней расщелины тоже выхлестнулась протоплазма. Колоссальная масса чудовища, выплескиваясь наружу, потекла по наваленным на дне провала обломкам, затапливая их собой. Она еще взвивалась вверх похожими на стручки фонтанами — бесформенными, неуверенными,— но покрывалась пеной и тут же падала назад, исходя конвульсиями. А потом отовсюду, со всех сторон, изо всех трещин и отверстий понеслись страшные звуки. Это были голоса многих тысяч мужчин, женщин, детей, животных, и все они были воплями боли, ужаса и безысходного отчаяния. Это был крик агонии, крик такой физической и ду-

ховной муки, что Дженни не в силах была его вынести, особенно когда среди общего хора несколько голосов показались ей знакомыми, напоминающими голоса ее старых друзей и добрых соседей. Она зажала уши, но бесполезно: рев человеческих страданий был такой силы, что заглушить его было невозможно. Конечно, на самом-то деле это был предсмертный вопль только одного существа — самого же вековечного врага, перевоплощающейся протоплазмы; но, поскольку *оно* не обладало собственным голосом, ему поневоле пришлось прибегнуть к голосам своих жертв и тем выразить свои нечеловеческие эмоции и свой нечеловеческий ужас.

Оно вздымалось все выше и выше, попирая под собой лежавшие на дне провала обломки и подступая все ближе к Брайсу.

Брайс, добравшийся уже до середины подъема, слышал, как раздававшийся позади него шум сменился вначале общим криком тысяч погибающих в одиночестве людей, а потом перешел в яростный рев.

Ему хватило смелости оглянуться. Он увидел, что в провал уже выплеснулись три или четыре тонны бесформенных тканей, но их поток продолжал увеличиваться, как будто бы сами земные недра прорвались и теперь изливали наружу накопленное. Плоть вековечного врага содрогалась, дергалась, порывалась куда-то, на ней, словно на прокаженной, постоянно открывались новые язвы, вспучивались новые волдыри. *Оно* еще пыталось сформировать и отделить от себя крылатые фантомы, но было уже слишком ослаблено и неустойчиво, чтобы породить нечто определенное; так и не оформившиеся до конца птицы или гигантские насекомые либо разлагались, превращаясь в напоминавшую гной слякоть, либо бессильно падали вниз, снова растворяясь в массе бесформенной протоплазмы. Тем не менее вековечный враг все-таки подбирался все ближе и ближе к Брайсу, лихорадочно вздрагивал, вспучиваясь и пенясь; он уже покрыл собой почти все дно провала и теперь выбрасывал вслед Брайсу слабеющие, но еще мощные щупальца, стараясь ухватить его за ноги.

Брайс отвернулся и с удвоенной энергией принялся карабкаться вверх.

Два больших окна гриль-бара, около которого стояла Лиза, с треском лопнули, высаженные изнутри неведомой силой, и грохнулись на землю. Один из осколков попал Лизе в лоб, но если не считать полученной при этом царапины, то всерьез ее не зацепило: основная часть осколков упала между зданием и тем местом, где она стояла.

Из выбитых окон вывалилась омерзительная темная масса.

Лиза попятилась и, оступившись, чуть не упала с тротуара.

Казалось, отвратительная шевелящаяся масса заполняет собой все здание, из которого она сейчас вырвалась.

Лиза почувствовала, как ее лодыжку охватывает что-то похожее на змею.

Из решетки водостока в мостовой, что была у нее за спиной, выскользнули выброшенные бесформенной плотью щупальца. Они-то и схватили Лизу.

Закричав, Лиза стала срывать их с себя — и вдруг, к удивлению своему, обнаружила, что это не составляет труда. Тонкие, похожие на червей щупальца отпадали чуть ли не сами собой. По всей их длине возникали разрывы, трещины, язвы, эти повреждения увеличились на глазах, и буквально через несколько секунд щупальца превратились в мертвую грязную слизь.

Вывалившаяся из бара мерзкая масса тоже на глазах разлагалась под действием бактерий. Комки пенящихся тканей отваливались от нее и шлепались на тротуар. Тем не менее она еще продолжала изливаться, еще лезла вперед, еще выбрасывала из себя щупальца, извивавшиеся в воздухе и искавшие Лизу, но эти щупальца шевелились так, что становилось ясно: они слепы и больны.

Тал видел, как на противоположной стороне улицы вышибло окна гриль-бара, но не успел он сделать и шагу на помощь Лизе, как у него за спиной тоже раздался грохот. Он удивленно обернулся и увидел, что все окна первого этажа гостиницы «На горе» — и те, что были в вестибюле, и окна ресторана — тоже вылетели. Входные двери гостиницы распахнулись, из них и из выбитых окон начали вываливаться целые тонны пульсирующей протоплазмы. «О господи, *какой же величины* эта проклятая штуковина? — подумал Тал.— С весь городок? Или с гору, из-под которой она появилась? Или еще больше?» Эта масса

бурлила, неслась вперед, выбрасывала из себя десятки извивающихся, переплетающихся щупалец. Она тоже была явно поражена бактериями, но оставалась еще заметно более активной и агрессивной, чем та ее часть, которая преследовала в провале Брайса. И прежде чем Тал успел направить на нее шланг опрыскивателя и нажать на рычаг, открывающий путь струе, холодные щупальца нашли его, схватили и потащили по мостовой к гостинице, к сплошной стене бурлящей слизи, продолжавшей выливаться наружу через разбитые окна, и, уже таща его туда, щупальца принялись прожигать его одежду, и Тал почувствовал, что кожа его горит, вздувается и лопается. Он взвыл, кислота уже въедалась в его тело, начинала переваривать его, по его телу и рукам словно заметались языки пламени, потом один из них обжег ему левое бедро, и Тал вспомнил, как подобное же вот щупальце обезглавило Фрэнка Отри, молниеносно проев ему шею, а вспомнив это, Тал подумал о своей тетушке Бекки и...

Дженни увернулась от одного из щупалец, которое попыталось обвить ее.

Она вовсю поливала Тала и три змееподобных отростка, которые держали и не отпускали его.

От щупалец отваливались комья распадающихся тканей, но сами щупальца пока еще не совсем распались.

Однако поверхность протоплазмы была испещрена язвами и разрывами даже в тех местах, до которых Дженни ее не достала. Было очевидно, что отравлены не отдельные участки тела, а вся тварь, что бактерии пожирают ее изнутри. Долго ей не протянуть. Но она еще может успеть убить Тала Уитмена.

Он кричал и бился, стараясь высвободиться.

От отчаяния Дженни, забыв обо всем, бросила разбрызгиватель и сделала несколько шагов вперед, ближе к Талу. Она схватила одно из обвивавших его щупалец и попыталась оторвать его от Тала.

В этот момент другое щупальце обхватило ее саму.

Она вырвалась из слабеющего захвата этого щупальца и тут вдруг поняла, что, если ей удалось так легко и просто освободиться, значит, перевоплощающаяся протоплазма проигрывает сражение с теми бактериями, которыми они ее заразили.

У нее в руках щупальце, которое она отрывала от Тала, вначале распалось на куски, потом эти куски превратились в омерзительно воняющие хлопья мертвых тканей.

С трудом удерживаясь, чтобы ее не вырвало, Дженни с еще большей энергией принялась отдирать щупальца от Тала, и наконец ей это удалось, а два последних отвалились сами, и Тал, задыхаясь и истекая кровью, упал на мостовую как подкошенный.

Извивавшиеся в воздухе, но ослепшие щупальца так и не смогли дотянуться до Лизы. Они сникли и влились назад в ту тошнотворную массу, что извергалась на улицу из гриль-бара. Пораженное чудовище дергалось в судорогах, от него отваливались покрытые пеной зараженные куски.

— Оно умирает,— проговорила Лиза, ни к кому не обращаясь, да рядом с ней и не было никого, кто бы мог здесь сейчас ее услышать.— Дьявол умирает.

Несколько последних футов, самый трудный, почти вертикальный участок подъема, Брайс прополз на животе. Но вот наконец он добрался до кромки обрыва, подтянулся и перевалился через нее на мостовую.

Выбравшись наверх, он оглянулся посмотреть на путь, который только что прошел. Перевоплощающаяся протоплазма так и не сумела подобраться к нему достаточно близко. По дну провала расползлась большущая лужа желатинообразной бесформенной материи, покрывшая собой все свалившиеся туда обломки мостовой, но она была уже почти безжизненной. То здесь, то там из нее пытались подняться отдельные фантомы то в виде человека, то животного, но вековечный враг на глазах терял способность к перевоплощению. Фантомы получались неправильных форм, медлительные и неуклюжие. Еще живая плоть постепенно тонула под грузом собственных же, но уже мертвых и разлагающихся тканей.

Дженни опустилась на колени возле Тала.

Руки и грудь его были страшно изранены. Вдоль всего левого бедра тоже тянулась большая открытая кровоточащая рана.

— Больно? — спросила Дженни.

— Когда оно держало меня, да, было страшно больно. Сейчас уже поменьше,— ответил он, хотя выражение лица выдавало подлинную силу испытываемых им страданий.

Огромная масса слизи, выплеснувшаяся из гостиницы «На горе», начала постепенно втягиваться назад, утекать в трубы и потайные пустоты, из которых вырвалась раньше, оставляя после себя слегка курящиеся паром пятна и грязные лужи распадающейся плоти.

Отступление, поистине достойное Мефистофеля. Назад в преисподнюю. Обратно в Ад.

Убедившись, что непосредственной опасности больше нет, Дженни занялась ранами Тала уже всерьез.

— Плохо дело? — спросил он.

— Не так плохо, как мне показалось вначале.— Она заставила его снова лечь.— Местами объедена кожа. А кое-где еще и подкожные жировые ткани.

— А как сосуды?

— Они не затронуты: ни вены, ни артерии. *Оно* уже порядком ослабело, когда напало на тебя, и не способно было прожигать тело достаточно глубоко. В подкожном слое повреждено очень много капилляров. Отсюда и кровотечение. Но не такое уж сильное, как можно было бы ожидать. Как только сможем войти в гостиницу, я принесу свою сумку и сделаю тебе перевязку. Думаю, пару дней тебе придется провести в больнице, пройти обследование, просто чтобы быть уверенным, что не проявится позднейшая реакция на кислоту или на какие-нибудь токсины. Но мне кажется, все должно зажить без осложнений.

— Знаете что? — спросил он.

— Что?

— Вы говорите так, как будто все уже кончилось.

Дженни даже заморгала от удивления.

Она посмотрела на гостиницу. Сквозь выбитые окна была хорошо видна внутренняя часть ресторана. Вековечного врага там и след простыл.

Она обернулась и взглянула на противоположную сторону улицы. Лиза и Брайс обходили провал, направляясь к тому месту, где сидели сейчас Дженни и Тал.

— По-моему, ты прав,— сказала она Талу.— Мне кажется, все действительно уже кончилось.

Глава 43
АПОСТОЛЫ

Флетчер Кейл больше уже не боялся. Он сидел рядом с Джитером и наблюдал за тем, как сатанинская плоть перевоплощалась во все более странные и причудливые формы.

Его донимал зуд в правой икре. И, следя за действительно поразительными перевоплощениями пришельца из потустороннего мира, Кейл машинально, сам не замечая этого, непрерывно скреб правую ногу.

Поскольку Джитер все время, начиная с воскресенья, безвыходно провел в пещере, он ничего не знал о том, что стряслось в Сноуфилде. Кейл пересказал ему то немногое, что знал сам, и Джитер пришел в восторг.

— Знаешь, все, о чем ты говоришь,— это *знак*. Сигнал. То, что Он сделал в Сноуфилде,— это сигнал, призванный сообщить всему миру, что наступает Его время. Скоро начнется Его царствие. И Он будет править на земле тысячу лет. Об этом в самой Библии сказано, парень: что будет на земле Ад на тысячу лет. И все будут мучиться — кроме меня и тебя и таких, как мы. Потому что мы, парень,— мы избранные. Мы Его апостолы. Мы будем править миром вместе с Люцифером, и весь мир будет принадлежать нам, и мы сможем сделать с любым, с кем только захотим, мать его, все, что угодно. С *любым*. И никто не посмеет нас тронуть, никто и никогда. Понимаешь? Ты понимаешь это? — Терр схватил Кейла за руку, голос его звучал требовательно и звенел от возбуждения, он дрожал, как у вошедшего в проповеднический раж евангелиста, и его религиозная страсть легко передавалась Кейлу, вызывая у того чувство опьяняющего святотатственного восторга.

Рука Джитера лежала на его руке, и Кейлу казалось, что он физически ощущает обжигающий жар, исходящий от вытатуированного на ней красно-желтого глаза. Этот магический глаз заглядывал ему прямо в душу, обнаруживая там их общую причастность к одному и тому же темному началу.

Кейл откашлялся, прочищая горло, поскреб лодыжку, икру. Потом проговорил:

— Да. Да. Я понимаю. Правда понимаю.

Из колонны слизи, стоявшей в центре пещеры, начал прорисовываться похожий на плетку хвост. Появились крылья, они распростерлись в разные стороны, один или два раза хлопнули. Выросли руки — длинные, мускулистые, жилистые, с огромными кулаками. Сильные пальцы рук переходили на концах в длинные когти. В верхней части колонны и бурлящей, перетекающей плоти возникло лицо. Скулы и подбородок его были словно высечены из гранита, крупный рот обрамляли тонкие губы, за которыми видны были неровные желтые зубы и похожие на змеиные клыки. Нос напоминал поросячий пятачок, и завершали лицо неистовые малиново-красные глаза, совершенно непохожие на человеческие, а скорее напоминавшие сетчатые, призматические глаза мухи. Надо лбом выступили и стали быстро расти рога — все в полном соответствии с христианскими представлениями о том, как должна выглядеть нечистая сила. То, что казалось вначале волосами, превратилось в червей; черно-зеленые, толстые, блестящие, они непрерывно шевелились, то скручиваясь в спутанные узлы, то высвобождаясь из них.

Очертания рта не оставляли сомнений в жестокости его владельца. Этот рот раскрылся, и Дьявол заговорил:

— Теперь вы верите?

— Да! — в экстазе восхищения ответил Терр.— Ты мой бог, мой повелитель.

— Да,— неуверенно произнес потрясенный Кейл.— Верю.— Он снова почесал правую икру.— Верю.

— Будете мне повиноваться? — вопросило явление.

— Да, всегда,— ответил Терр, Кейл тоже подтвердил свою готовность.

— Не покинете меня? Никогда? — спросило явление.

— Нет.

— Никогда.

— Хотите доставить мне радость?

— Да! — одновременно ответили Терр и Кейл.— Все, что прикажешь.

— Я скоро уйду,— проговорило видение.— Время моего царствования еще не наступило. Но оно придет. Скоро. Однако прежде должны быть выполнены некоторые условия, должны

сбыться некоторые пророчества. И тогда я снова приду уже не только для того, чтобы подать человечеству знак, но чтобы остаться с ним на целую тысячу лет. А до той поры я оставляю вас, но оставляю под защитой всей моей мощи, а она огромна. Никто не в силах будет ни пойти вам наперекор, ни причинить вам вред. Я дарую вам вечную жизнь. Я обещаю, что Ад станет для вас заслуженной наградой и местом величайшего наслаждения. Но предварительно вы должны будете выполнить пять моих поручений.

И он сказал им, что от них потребуется, чтобы доказать их преданность и доставить ему удовольствие. Он еще продолжал говорить, но вдруг все тело его пошло сыпью, прыщами, волдырями, язвами, трещинками, из которых сочилась какая-то желтоватая мутная жидкость.

«Интересно, что бы это могло означать»,— подумал Кейл, но тут он сообразил, что ведь Люцифер — повелитель всех болезней. И возможно, таким вот образом он недвусмысленно напоминает им о том, что сможет наслать на них любую порчу, самую ужасную, если они не выполнят эти пять его поручений.

Плоть покрылась пеной и стала распадаться. Она кусками падала на пол, отдельные ее клочки отлетали в стороны и попадали на стенки пещеры, потому что явление билось в конвульсиях. Хвост Дьявола отвалился от тела и вертелся в судорогах по полу, через несколько мгновений от него осталась только маленькая лужица грязи, вонявшая, как сама смерть.

Но он все-таки закончил свою речь, объяснил им, что ему от них нужно, и заключил вопросом:

— Договорились?

— Да,— ответил Терр, и Кейл тоже подтвердил:

— Да, договорились.

Покрытое непрерывно увеличивающимися язвами лицо Люцифера растаяло. Крылья и рога тоже исчезли. Вспениваясь и изливая из себя гноеподобную кашицу, явление опустилось в отверстие в полу и скрылось внизу, где-то в подземной реке.

Как ни странно, но вонючие отмершие ткани не исчезли. Когда явление из сверхъестественного мира уходит, то вместе с ним должна пропадать и вся эктоплазма, но здесь эта гадость

осталась и теперь лежала, смердя и вызывая приступы тошноты, слегка поблескивая в свете газовой лампы.

Благоговейный восторг Кейла постепенно сошел на нет, и он почувствовал холод, исходивший от известняка, на котором он сидел.

Джин Терр прокашлялся.

— Это ж надо... Ну и ну... Ничего себе явление было, а?

Кейл в который уже раз поскреб чесавшуюся икру. Теперь под тем местом, где непрерывно чесалось, образовался маленький сгусток тупой дергающей боли.

Оно уже давно наелось, и период очередной кормежки подошел к концу. По правде говоря, оно уже даже объелось. И сегодня вечером, попозже, намеревалось двинуться к морю через систему подземных пустот, трещин, каналов и рек. Оно собиралось уйти далеко за пределы континента, в глубокие океанские впадины. Уже бесчисленное количество раз оно проводило периоды летаргического сна — длившиеся иногда по многу лет — в холодных и темных глубинах моря. Там, внизу, где давление воды было таким огромным, что выжить под ним могли лишь единичные формы жизни, где абсолютные мрак и тишина исключали почти любые раздражители,— там вековечный враг мог замедлить процессы обмена веществ в своем теле, и только там, внизу, он мог наконец впасть в долгожданную блаженную полудрему и пребывать в полном покое и одиночестве, переваривая съеденное и размышляя о своем.

Но теперь оно уже никогда не сможет добраться до моря. Никогда в жизни. Оно умирало.

Мысль о своей собственной смерти оказалась столь новой и непривычной, что оно еще не успело в полной мере осознать ожидающую его мрачную перспективу и пока, спрятавшись внутри Снежной горы, продолжало отсекать от себя одну зараженную часть тела за другой. Оно забиралось все глубже и глубже, все ближе к текущей в кромешной мгле подземной реке Стикс, а потом и еще глубже, еще дальше, в самые потаенные подземные глубины, туда, где обитают Озирис, Эреб, Минос, Сатана и другие боги подземных царств, властители вечного мрака, повелители царства мертвых. Всякий раз, когда ему уже начинало казаться, что оно избавилось наконец от пожиравшего его микроорганизма, где-нибудь, в какой-нибудь части аморфных тканей снова возникало это особенное, специфическое ощущение — то ли зуд, то ли покалывание, то ли звон; ощущение, что что-то не так,— а вслед за ним приходила боль, совершенно не похожая на ту, какую испытывает человек, и ему приходилось снова отсекать от себя все новые и новые массы отравленной плоти. Оно уходило все глубже и глубже, все дальше вниз, в Геенну, в Преисподнюю, в Царство Забвения, в Ад. На протяжении многих веков оно с удовольствием исполняло роль Сатаны и других сил зла, ту роль, которую приписали ему люди, и находило для себя огромное удовлетворение, играя на людских суевериях и предрассудках. А теперь оно оказалось приговоренным к той самой участи, которая органически вытекала из мифов и преданий, рожденных с его же собственной помощью. Оно сознавало всю горькую иронию этого. Его свергли. Его прокляли и осудили на адские муки. И теперь всю оставшуюся жизнь будет пребывать во мраке и отчаянии — и при этом вполне возможно, что всей жизни ему осталось лишь несколько часов.

Ну что ж, оно, по крайней мере, оставляет после себя двух апостолов. Кейла и Терра. Эти двое выполнят то, что оно хотело сделать само, выполнят даже после его смерти. Они отомстят и посеют террор. Они оба идеально подходят для такого рода работы.

Сейчас, когда от нее оставался лишь мозг и минимальное количество поддерживающих жизнь тканей, перевоплощающаяся протоплазма забилась глубоко в подземные скалы, в их укромные подземные убежища, и дожидалась здесь конца. Последние минуты своей жизни она провела, исходя яростью и ненавистью ко всему человечеству.

Кейл подвернул штанину на правой ноге и принялся рассматривать лодыжку. В свете газовой лампы он увидел на ноге два небольших красных пятнышка. Икра в этих местах вздулась, припухла, сильно чесалась и болезненно реагировала на прикосновения.

— Кто-то укусил,— сказал он.

— Клещи,— ответил Джин Терр, бросив взгляд на ногу.— Они забираются под кожу. Будет чесаться, пока не вытащишь их оттуда. Прижги сигаретой.

— У тебя есть?

— Есть еще штучки две, с травкой.— Терр ухмыльнулся.— Такие тоже сгодятся, парень. И клещи сдохнут под кайфом.

Они выкурили по сигарете, а потом Кейл воспользовался своим еще тлевшим окурком, чтобы прижечь клещей. Это оказалось не очень больно.

— Когда ходишь по лесу,— проговорил Терр,— заправляй брюки в сапоги.

— Они у меня и были заправлены.

— Да? А тогда как же клещи забрались?

— Понятия не имею.

Они еще покурили немного, потом Кейл вдруг нахмурился и проговорил:

— Он же нам обещал, что нас никто не остановит и никто не сможет причинить нам вреда. Он сказал, что мы будем под Его защитой.

— Точно, парень. Мы теперь неуязвимы.

— Тогда почему же у меня вдруг эти клещи? — спросил Кейл.

— Ну, парень, это чепуха...

— Но если мы и вправду под защитой...

— Слушай, а может быть, Он через клещей решил скрепить наш договор кровью. Просто у Него такой подход. Понимаешь?

— Тогда почему они тебя не покусали?

Джитер пожал плечами.

— Да какое это имеет значение, парень? А кроме того, эти долбаные клещи вцепились в тебя до нашего с Ним договора. Разве не так?

— А-а-а.— Кейл кивнул. Голова у него уже немного кружилась от наркотика.— Да. Это верно.

Они некоторое время посидели молча.

Потом Кейл спросил:

— Как ты думаешь, когда мы сможем отсюда двинуться?

— Тебя же, наверное, еще вовсю ищут.

— Н-ну, если никто не сможет причинить мне вреда...

— Смысла нет создавать себе лишние трудности,— сказал Терр.

— Пожалуй.

— Отсидимся несколько дней тут. Пока не спадет ажиотаж.

— Да. И тогда уберем тех пятерых, про которых Он говорил. А потом что?

— Двинем куда-нибудь. Навострим лыжи и двинем. Подальше.

— Куда?

— Куда-нибудь. Он подскажет.— Терр помолчал немного, потом добавил: — Расскажи мне, а? Как ты пришил свою бабу и пацана?

— Что тебе рассказать?

— Все, парень. Расскажи, что ты при этом чувствовал. Что чувствуешь, когда решаешь свою старуху? Но самое главное, расскажи мне о пацане. Что испытываешь, когда отправляешь на тот свет пацана, а? Я, парень, пацанов никогда не убивал. Ты его сразу пришил или потянул удовольствие? А ощущение такое же, как когда убивал старуху, или другое? И *как именно* ты его порешил?

— Да как именно? Просто взял и убил. Они мне мешали.

— Путались под ногами, мешали жить, да?

— Оба.

— Точно. Я знаю, как это бывает. А как ты их прикончил?

— Ее пристрелил.

— И пацана тоже пристрелил, да?

— Нет. Этого я зарубил. Топориком для мяса.

— Не врешь?!

Они сидели, курили сигареты с травкой, негромко жужжала лампа, снизу, из отверстия в полу, едва слышно журчала подземная речка, а Кейл со всеми подробностями рассказывал о том, как он убивал Джоанну, Денни и полицейских.

Время от времени Джитер перебивал его и, перемежая свои слова характерным хихиканьем накурившегося марихуаны человека, говорил:

— Ну, парень, с тобой-то мы повеселимся! Ты да я — уж вдвоем-то мы повеселимся, верно? Рассказывай еще. Давай рассказывай. Уж мы-то с тобой, парень, повеселимся!

Глава 44

ПОБЕДА?

Брайс стоял на тротуаре и изучающе всматривался в городок. Прислушивался. Выжидал. Вокруг не было никаких признаков перевоплощающейся протоплазмы, но Брайс все еще никак не хотел поверить, что с нею покончено. Он опасался, что стоит ему только расслабиться и на мгновение утратить бдительность, как она тут же откуда-нибудь выскочит и бросится на него.

Тал Уитмен лежал вытянувшись на мостовой. Дженни и Лиза прочистили и промыли раны, нанесенные ему кислотой, засыпали их порошком антибиотика и наложили временные повязки.

В Сноуфилде по-прежнему стояла такая тишина, словно городок лежал на дне моря.

Закончив заниматься Талом, Дженни проговорила:

— Надо немедленно доставить его в больницу. Раны неглубокие, но может наступить вторичная реакция на попавшие в организм яды. Начнется аллергия, внезапное удушье, или же возникнут сбои в кровяном давлении. В больнице есть любое оборудование, даже для самого скверного случая, а тут у меня нет ничего.

Осматривая улицу, переводя взгляд от ее начала к концу и обратно, Брайс возразил:

— А что, если мы сядем в машину, поедем, окажемся как бы в движущейся ловушке и вот тут-то и появится *оно?*

— Возьмем с собой пару разбрызгивателей.

— Мы можем даже не успеть ими воспользоваться. Оно может выскочить из какого-нибудь люка на дороге, перевернуть снизу машину и убить нас, даже не прикоснувшись и не дав нам возможности воспользоваться разбрызгивателями.

Они постояли, прислушиваясь к окружавшему их городу. Ни звука. Только легкое дуновение ветерка.

— Оно мертво,— проговорила наконец Лиза.

— Откуда нам это знать,— возразил Брайс.

— Но неужели же вы сами не чувствуете?! — стояла на своем Лиза.— Это же ясно! Его больше нет! Оно мертво. Это же просто разлито в воздухе, как вы не чувствуете!

Брайс вдруг ощутил, что девочка и в самом деле права. Присутствие перевоплощающейся протоплазмы давало себя знать не только физически, но и духовно: он же сам ощущал тогда висевшее в воздухе зло, почти осязаемую враждебность. По-видимому, вековечный враг создавал вокруг себя какое-то поле — вибрации? или какие-нибудь психические волны? — невидимое и неслышное, но воспринимаемое на уровне инстинктов. Оно как будто оставляло в душе грязное пятно. Теперь такого поля не было. В воздухе не виссла угроза.

Брайс глубоко вздохнул. Воздух был чистый, свежий, приятный.

— Если не хотите прямо сейчас забираться в машину, не волнуйтесь,— проговорил Тал.— Можем подождать. Со мной все в порядке. И ничего не случится.

— Я передумал,— сказал Брайс.— Можем ехать. Никто нам не помешает. Лиза права. Оно мертво.

Когда они уже уселись в одну из полицейских машин и Брайс включил мотор, Дженни вдруг сказала:

— Помните, что говорил Флайт об интеллекте этого создания? Когда он разговаривал с ним в тот раз через компьютер, Флайт сказал ему, что разум и самосознание оно обрело только после того, как стало питаться разумными существами.

— Я помню,— ответил Тал, сидевший вместе с Лизой на заднем сиденье.— Ему еще тогда эти слова очень не понравились.

— Ну и что? — спросил Брайс.— Что вы хотите сказать, доктор?

— Ну, если оно обрело разум и знания, поглотив разум и знания людей, которых съело... не следует ли отсюда, что жестокость, злобу и коварство оно тоже получило от нас, от людей? — Дженни видела, что ее вопрос пришелся Брайсу сильно не по душе, но все-таки продолжала гнуть свое.— Когда начинаешь об этом задумываться всерьез, то приходит мысль, что, быть может, единственные настоящие дьяволы — это сами люди. Не все, не род людской в целом, а только те из нас, кто как-то изломан внутренне, кто не способен испытывать сочувствие, сострадание. Если этот оборотень был и вправду тем Сатаной, о котором говорится в легендах, то возможно, что зло,

которое есть в людях, вовсе не отражение Дьявола в них. Возможно, наоборот, что сам Дьявол всего лишь отражает, воплощает в себе ту дикость и жестокость, что присущи роду человеческому. Быть может... мы сами породили Дьявола в своем воображении.

Брайс помолчал, задумавшись. Потом произнес:

— Быть может, вы и правы. Наверное даже, правы. Нечего бояться всяких дьяволов, демонов и ночных привидений... В конечном счете все равно нет ничего страшнее тех чудовищ, что живут среди нас. И Ад мы себе устраиваем сами.

Они поехали вниз по Скайлайн-роуд, под гору.

Сноуфилд казался безмятежным и прекрасным.

Никто не пытался их останавливать.

Глава 45
ДОБРО И ЗЛО

В воскресенье вечером, через неделю после того, как Дженни и Лиза обнаружили погруженный в кладбищенскую тишину Сноуфилд, и пять дней спустя после смерти перевоплощающейся протоплазмы, обе они пришли в больницу Санта-Миры навестить Тала Уитмена. Попавшие в его организм ядовитые выделения чудовища все-таки оказали свое воздействие, а кроме того, он подхватил какую-то инфекцию, но даже в самые тяжелые дни жизнь его не была в серьезной опасности. Сейчас Тал был уже практически здоров, полон сил, и ему не терпелось выписаться из больницы и отправиться домой.

Когда Лиза и Дженни вошли в его палату, он сидел в кресле возле окна и читал какой-то журнал. Он уже был в форме, а пистолет и кобура лежали на маленьком столике рядом с креслом.

Не успел он встать, как Лиза обняла его, и он тоже обнял ее в ответ.

— Отлично выглядишь,— сказала ему Лиза.

— Ты тоже,— ответил он ей.

— Прямо на миллион долларов.

— А ты на два миллиона.

— От тебя теперь все женщины без ума будут.

— А от тебя мальчишки.

Это был уже устоявшийся ритуал, который они повторяли каждый день, небольшая церемония выражения взаимных симпатий, всегда вызывавшая у Лизы довольную улыбку. Дженни это нравилось: Лиза сейчас улыбалась редко. За всю минувшую неделю она еще ни разу не засмеялась, ни одного-единственного раза.

Тал поднялся, и Дженни тоже обняла его.

— Брайс сейчас у Тимми,— сказала она.— Он подойдет чуть попозже.

— Знаете,— проговорил Тал,— по-моему, сейчас он стал воспринимать его положение намного лучше, чем прежде. На протяжении всего последнего года было видно, как то, что стряслось с Тимми, добивает его, медленно убивает. Кажется, теперь он нашел в себе силы переносить это.

Дженни кивнула, соглашаясь.

— Он вбил себе в голову, что было бы лучше, если бы Тимми умер. Но за то время, что мы пробыли в Сноуфилде, у него в душе что-то изменилось. Мне кажется, он пришел для себя к выводу, что ничего не может быть хуже, чем смерть. Там, где продолжается жизнь, остается и надежда.

— Это верно.

— Если еще через год Тимми все еще будет в коме, Брайс может опять передумать. Но пока он благодарен судьбе просто за то, что получил снова возможность сидеть каждый день возле его постели и держать его за руку. За живую, теплую руку.— Она посмотрела на Тала и строго спросила: — А что это ты в форме?

— Меня выписывают.

— Потрясающе! — обрадовалась Лиза.

Сейчас в одной палате вместе с Тимми лежал восьмидесятидвухлетний старик, подсоединенный к аппарату поддержания жизни, к аппарату искусственного дыхания и к равномерно попискивающему монитору, следящему за работой сердца.

Хотя Тимми был подсоединен только к аппарату жизнеобеспечения, он пребывал в столь же глубоком забытьи, как и его престарелый сосед. Лишь раз или два за час, не чаще, у маль-

чика начинали вдруг дрожать веки, искривлялись губы или пробегала еле заметная судорога по щеке. Ни одно такое движение, однако, не длилось дольше минуты. И это было все.

Брайс сидел возле кровати, просунув руку через ее боковую решетку и мягко сжимая руку сына. После всего пережитого в Сноуфилде такой, пусть и минимальный контакт с мальчиком стал все-таки приносить ему удовлетворение. И с каждым днем, уходя из этой палаты, Брайс чувствовал себя все бодрее и оптимистичнее.

Уже наступил вечер, и поэтому в палате сейчас стоял полумрак. На стене у изголовья кровати висела лампа, несильно освещавшая только лицо Тимми и оставлявшая в тени его накрытое простыней тело. Но даже при таком тусклом свете Брайс видел, как постепенно сохнет и увядает его сын, как он худеет, несмотря на то что аппарат исправно прогоняет через его тело питательный раствор. Скулы на лице мальчика прорезались все острее и острее. Вокруг глаз пролегли темные круги. Подбородок казался трогательно слабым и хрупким. Мальчик и раньше был не по возрасту мал. Теперь же и вовсе казалось, что рука, которую держал сейчас Брайс, принадлежала не Тимми, а совсем маленькому ребенку, чуть ли не грудничку.

Но все-таки эта рука была теплой. Она была теплой.

Подержав сына за руку, Брайс неохотно выпустил ее. Он пригладил мальчику волосы, расправил простыню, взбил подушку.

Пора было уходить, но Брайс не мог этого сделать: он плакал. И не хотел выходить из палаты в слезах.

Брайс взял несколько бумажных салфеток из стоявшей на тумбочке коробки «Клинекса», поднялся, подошел к окну и посмотрел на улицу.

Он плакал каждый раз, как приходил сюда, но теперь это были иные слезы, не такие, как прежде. Теперь они очищали, уносили чувство горечи, лечили душу. Медленно, постепенно, по капле, но они исцеляли его.

— Выписывают? — переспросила, нахмурившись, Дженни.— Кто это сказал?

— Я! — весело улыбнулся Тал.

— С каких это пор ты стал сам себе врачом?

— Я подумал и решил: неплохо было бы посоветоваться с кем-нибудь еще. Ну вот я и вызвал самого себя на консилиум. И после консультации я-врач порекомендовал себе-больному отправляться домой.

— Тал...

— Честное слово, док, я себя прекрасно чувствую. Опухоли прошли. Температура нормальная уже два дня подряд. Если в этой больнице и есть несомненный кандидат на выписку, то это прежде всего я. А если вы меня здесь оставите, док, то моя смерть будет на вашей совести.

— Смерть?

— Больничная еда меня доконает.

— По-моему, он уже даже танцевать может,— сказала Лиза.

— А когда это *ты* успела стать врачом? — спросила ее Дженни и, обращаясь к Талу, проговорила: — Ну что ж... давайка я взгляну. Снимай рубашку.

Он быстро и легко сбросил с себя рубашку, совсем не так — медленно и осторожно,— как снимал ее еще накануне. Дженни аккуратно разбинтовала повязку и увидела, что Тал прав: опухолей не было, незаживших швов тоже.

— Мы победили,— ликующе заверил ее Тал.

— Обычно по вечерам мы никого не выписываем. Распоряжения подписываются только с утра, а сама выписка происходит с десяти до двенадцати.

— Для того и правила, чтобы их нарушать.

— И это говорит полицейский?! Какой ужас! — поддразнила его Дженни.— Послушай, Тал, мне было бы спокойнее, если бы эту ночь ты провел здесь, просто на всякий случай...

— А *мне* было бы спокойнее, если бы я ее провел не здесь, иначе я тут просто *свихнусь*.

— Ты и в самом деле твердо решил?..

— Он в самом деле решил твердо,— ответила за него Лиза.

— Док, они спрятали мой револьвер в сейф, туда, где у них тут хранятся наркотики,— сказал Тал.— Мне пришлось упрашивать, унижаться, уговаривать, убеждать одну милую сестричку, которую зовут Паула, чтобы она мне его вернула. Я сказал ей, что вы меня сегодня вечером точно выпишете. Так вот,

Паула очень душевная сестричка, очень симпатичная, незамужняя, привлекательная, соблазнительная...

— Не заводись,— сказала Лиза.— Тут несовершеннолетние.

— И я бы очень хотел пригласить ее на свидание,— продолжал Тал.— Я бы хотел провести с ней целую вечность. Но, док, если вы не отпустите сейчас меня домой, то мне придется отдать револьвер назад, в сейф, и тогда старшая сестра может узнать, что Паула выдала мне его раньше, чем меня окончательно выписали, и если это случится, то Паулу могут уволить с работы, но если она потеряет работу из-за меня, то я никогда уже не смогу пригласить ее на свидание. А раз я не смогу пригласить ее на свидание, то я не смогу и жениться на ней, а если я на ней не женюсь, то у нас не будет маленьких Талов Уитменов, никогда не будет, потому что я в таком случае уйду в монастырь и приму обет безбрачия, потому что я уже решил, что Паула — *та самая* женщина, что создана именно для меня. Так что, если вы меня не выпишете, вы не только искалечите всю мою последующую жизнь, но и, вполне возможно, лишите мир какого-нибудь маленького черного Эйнштейна и Бетховена.

Дженни расхохоталась и утвердительно закивала головой.

— Ну ладно, ладно. Сейчас напишу пропуск на выписку, и можешь уходить.

Тал стиснул ее в объятиях и принялся поспешно натягивать рубашку.

— Пауле придется за тобой хорошенько присматривать,— проговорила Лиза.— А то ты так умеешь уговаривать, что тебя оставлять одного с женщинами опасно. Или надо хотя бы колокольчик тебе подвешивать.

— Кто умеет уговаривать? Я? — Он затянул на себе пояс с прицепленной к нему кобурой.— Да стеснительнее Тала Уитмена нет никого на свете. Всю свою жизнь всегда был застенчив.

— Ну прямо,— не поверила ему Лиза.

— Если ты...— начала было Дженни.

Но тут Тал вдруг словно впал в неистовство. Он отбросил Дженни в сторону, одновременно сшибая ее на пол. Она упала, больно ударившись об пол и сильно стукнув плечо о заднюю спинку кровати. Падая, она услышала выстрелы, увидела, что

Лиза тоже падает, но не поняла, ранена ли ее сестра или же просто пытается укрыться; на какое-то мгновение Дженни даже почудилось, что это Тал вдруг открыл по ним стрельбу. Но потом, уже с пола, она увидела, что он еще только вытягивает из кобуры свой револьвер.

В палате раздался еще один громоподобный выстрел и зазвенело стекло. Это разлетелось окно у Тала за спиной.

— *Бросай оружие!* — заорал Тал.

Дженни повернула голову и увидела в дверях палаты Джина Терра. Его силуэт отчетливо прорисовывался на фоне более ярко освещенного больничного коридора.

Стоя возле окна, в глубокой тени, Брайс вытер слезы и скомкал промокшую бумажную салфетку. Он услышал у себя за спиной в палате какой-то негромкий звук, подумал, что это вошла нянечка, обернулся — и увидел Флетчера Кейла. На мгновение Брайс застыл от неожиданности, не веря собственным глазам.

Кейл стоял возле кровати Тимми, в ногах, и в слабом свете лампы его едва можно было узнать. Он не заметил Брайса. Он смотрел на мальчика и широко улыбался. На лице его было написано безумие. В руке он держал револьвер.

Брайс сделал шаг вперед от окна и одновременно потянулся за собственным револьвером. Он слишком поздно сообразил, что он сейчас не в форме и потому револьвера на привычном месте нет. У него был с собой только короткоствольный личный револьвер тридцать восьмого калибра в закрепленной на лодыжке кобуре, и Брайс нагнулся было, чтобы достать его.

Но Кейл уже успел его увидеть. Револьвер в его руке дернулся вверх, поворачиваясь в сторону Брайса, а три быстрых, друг за другом, выстрела почти слились в один.

Брайсу показалось, что его как будто ударили с левой стороны по корпусу тяжелым молотом, а грудь ему обожгла острая боль. Уже тяжело падая на пол, он услышал, как револьвер убийцы пролаял еще трижды.

— *Бросай оружие!* — заорал Тал, Дженни увидела Джитера, и в этот момент прогремел выстрел. Пуля ударила в металлическую спинку кровати и, видимо, рикошетом отлетела в по-

толок, потому что сверху посыпались обломки звукоизолирующей плитки.

Приседая на корточки, Тал с ходу выстрелил дважды. Первая пуля попала Джитеру в левое бедро. Вторая угодила ему прямо в живот, приподняв его и отбросив назад, в угол, где он и приземлился в луже крови. Джитер больше не двигался.

— Что за *черт?* — проговорил Тал.

Дженни на четвереньках устремилась вокруг кровати, зовя Лизу и не зная, жива ее сестра или нет.

Кейлу уже часа два как было крайне худо. У него началась лихорадка. Глаза жгло, было такое ощущение, словно в них что-то попало. Все это обрушилось на него совершенно внезапно. У него страшно разболелась голова, а потом, когда он уже стоял у кровати мальчишки, его вдруг стало подташнивать. Ноги у него ослабели и дрожали. Кейл не мог взять в толк, что происходит: ведь он же должен быть неуязвим, он под защитой. Конечно, могло случиться и так, что Люцифер просто потерял терпение из-за того, что они еще целых пять дней отсиживались в той пещере. Возможно, эта болезнь — Его предупреждение, что пора приниматься за дело. И наверное, она пройдет сразу же, как только он убьет мальчишку. Точно. Скорее всего, именно так и будет. Кейл усмехнулся, глядя на лежащего в коме ребенка, начал поднимать револьвер и поморщился: кишки ему свело судорогой.

Тут он заметил какое-то движение в тени, возле окна, и отшатнулся от кровати. Человек. Мужик. Прет на него. Хэммонд. Кейл открыл стрельбу и, не желая рисковать, выстрелил шесть раз подряд. Голова у него кружилась, перед глазами все плыло, в руках тоже была какая-то слабость, и он с трудом удерживал револьвер: даже на таком близком расстоянии ему было трудно хорошо прицелиться.

Но Хэммонд упал, грохнулся и теперь лежал неподвижно.

Хотя освещение в палате было тусклым и в глазах у него по-прежнему все плыло, Кейл все-таки различил капли крови, появившиеся на стене и на полу.

Он радостно рассмеялся в предвкушении того момента, когда болезнь отступится от него — ведь он же выполнил одно из тех поручений, что дал им Люцифер,— и неуверенно, покачиваясь, двинулся к упавшему, намереваясь сделать последний, окончательный выстрел. Даже если Хэммонд был уже мертв, как бревно, Кейлу все равно хотелось всадить пулю в его мерзкую самоуверенную рожу, превратить ее в сплошную кровавую кашу.

А потом он разделается с мальчишкой.

Именно этого и хотел от них Люцифер. Пять трупов. Хэммонда, мальчишку, Уитмена, доктора Пэйдж и девчонку.

Он доковылял до Хэммонда, начал наклоняться над ним...

...И вдруг шериф зашевелился. Его рука с быстротой молнии выхватила из кобуры револьвер, и, прежде чем Кейл успел как-то среагировать, прямо ему в лицо ударила вдруг яркая вспышка.

Выстрел попал в цель. Кейл зашатался и упал. Револьвер вылетел у него из рук, и Кейл слышал, как он ударился об одну из ножек кровати.

«Не может этого быть,— подумал Кейл.— Ведь я же под защитой. Мне никто не может причинить вреда».

Лиза была жива. Она упала за кровать не потому, что в нее попали, но просто спасаясь от начавшейся стрельбы. Дженни изо всех сил обняла ее.

Тал присел на корточки возле Джина Терра. Главарь банды был мертв, в груди у него зияла большая рана.

Возле палаты собралась уже небольшая толпа: нянечки, сестры, несколько врачей, один или двое больных в халатах и тапочках.

Примчался рыжеволосый дежурный санитар. Он был явно потрясен до глубины души.

— На втором этаже тоже стреляли!

— Это Брайс,— проговорила Дженни, и ее пронзила волна холодного страха.

— Что тут, черт возьми, *происходит?* — спросил Тал.

Дженни помчалась к пожарной лестнице, что была в конце коридора, распахнула дверь и, прыгая через две ступеньки, бросилась вниз. Тал нагнал ее, когда она была уже на площадке второго этажа. Он толкнул дверь, и они вместе чуть не вывалились в коридор.

Здесь возле палаты, в которой лежал Тимми, тоже толпились люди. Дженни протолкалась через толпу зевак. Сердце ее билось так, что, казалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди.

На полу кто-то лежал, над ним склонилась сестра.

Вначале Дженни показалось, что это был Брайс. Но потом она увидела, что шериф сидит в кресле и другая сестра осторожно срезает ему с плеча рубашку. Он был всего лишь ранен.

Брайс с трудом выдавил из себя улыбку.

— Будьте осторожны, док. Если вы станете всегда появляться на месте происшествия с такой скоростью, то можете заслужить прозвище «скорой».

Дженни расплакалась. Она просто не сумела сдержать себя. Кажется, ничему на свете она сейчас не могла бы обрадоваться так, как этим звукам его голоса.

— Чепуха, царапина,— проговорил Брайс.

— Рассуждаешь совсем как Тал,— сказала она, смеясь сквозь слезы.— А с Тимми все в порядке?

— Кейл хотел убить его. Если бы я тут не оказался...

— Это Кейл?

— Да.

Дженни вытерла рукавом слезы и осмотрела рану Брайса. Пуля прошла через плечо навылет, войдя спереди и выйдя со спины. Не было никаких оснований думать, что внутри она могла расщепиться на осколки, но Дженни все равно решила отправить Брайса на рентген. Кровь из раны текла спокойно, не встречая, по-видимому, внутренних препятствий, но и не хлестала, и потому Дженни сказала сестре, чтобы та просто наложила с обеих сторон тампоны, смоченные раствором борной кислоты.

Ничего серьезного, он поправится.

Убедившись, что состояние Брайса не вызывает опасений, Дженни повернулась к лежавшему на полу. Его положение оказалось гораздо серьезней. Он был ранен в грудь, и сестра уже расстегнула на нем пиджак, разорвала рубашку. Раненый кашлял, на губах у него выступала ярко-алая кровь.

Дженни отправила одну из нянечек за носилками и вызвала дежурного хирурга. Только после этого она обратила внимание, что у Кейла лихорадка. Лоб у него был горячий, лицо побагровело. Взяв его за руку, чтобы проверить пульс, Дженни увидела, что вся рука усыпана темно-красными точками. Она подняла рукав и обнаружила, что такие же точки идут дальше по всей руке. И на другой руке было то же самое. Ни на лице, ни на шее, однако, таких точек не было. Бледные красные точки были на груди, она поначалу даже приняла их за капельки крови. Теперь, посмотрев повнимательнее, она увидела, что это такие же точки, как на руках.

Корь? Нет. Это что-то другое. Что-то гораздо хуже, чем корь.

Вернулась нянечка с двумя санитарами, которые везли носилки на колесиках, и Дженни сказала ей:

— Придется закрыть этот этаж на карантин. И третий этаж тоже. Здесь какая-то инфекция, и я пока не очень понимаю, что это такое.

После того как ему сделали рентген и наложили постоянную повязку, Брайса поместили в палату, находившуюся почти напротив той, в которой лежал Тимми. Боль в плече у него не ослабевала, а становилась все сильнее: нервы, поначалу бывшие в шоке, постепенно восстанавливали свою чувствительность. От болеутоляющих средств Брайс отказывался: ему хотелось сохранить ясную голову до тех пор, пока он не разберется, что и почему здесь произошло.

Через полчаса после того, как его привезли в палату, Дженни зашла навестить его. Выглядела она усталой, но от этого не менее красивой. Одна только возможность видеть ее была для Брайса самым лучшим лекарством.

— Как Кейл? — спросил он.

— Пуля не затронула сердце. Она пробила легкое, разорвала артерии. Если бы все ограничивалось только этим, то можно было бы давать оптимистический прогноз. Но ему предстоит оправляться не только от раны: у него еще и особая, горная разновидность сыпного тифа.

— Сыпного тифа? — Брайс даже заморгал от удивления.

— На правой икре у него два ожога от сигареты, точнее, шрамы от двух ожогов. По-видимому, в этом месте он прижигал клещей. А лесные клещи разносят эту болезнь. Судя по виду шрамов, я бы предположила, что клещи покусали его дней пять-шесть назад, а это как раз примерно соответствует продолжительности инкубационного периода сыпняка. Наверное, болезнь по-настоящему скрутила его только в самые последние

часы. У него должна была кружиться голова, он должен чувствовать озноб, слабость в руках и ногах...

— *Вот* почему он так плохо стрелял! — проговорил Брайс.— Трижды, почти в упор, а попал в меня только один раз.

— Поблагодари Бога за то, что он насадал на него клещей.

— Пожалуй, это действительно выглядит как акт Божьей милости,— сказал, подумав немного, Брайс.— В самом деле так, правда? Но интересно, что все-таки они с Терром затевали? Почему они рискнули заявиться сюда, да еще с оружием? Я еще могу понять, почему Кейлу понадобилось убить меня или даже Тимми. Но при чем тут Тал, ты и Лиза?

— Ты не поверишь,— ответила Дженни,— но с прошлого вторника Кейл вел дневник, который он назвал «События после Богоявления». Похоже, он и Терр заключили сделку с Дьяволом.

В понедельник, в четыре часа утра, спустя всего шесть дней после того богоявления, о котором писал Кейл, он умер в окружной больнице. Перед самой смертью он открыл глаза, посмотрел безумным взглядом на сиделку, потом перевел глаза куда-то ей за спину и увидел там нечто, приведшее его в ужас, хотя сама сиделка потом клялась, что там никого и ничего не было. Он еще нашел в себе силы, чтобы поднять руки, словно защищаясь, и закричать, но крик вышел слабым, это был предсмертный хрип, а не крик. Когда сестра попыталась успокоить его, он ответил: «Нет, *моя* судьба должна быть другая». И умер.

Тридцать первого октября, через шесть с небольшим недель после событий в Сноуфилде, вечером накануне Дня всех святых, Тал Уитмен и Паула Тори — та медсестра, в которую влюбился полицейский,— устроили в доме Тала в Санта-Мире маскарад. Брайс пришел, нарядившись ковбоем. Дженни оделась женщиной-ковбоем, а Лиза — ведьмой, нацепив высокую остроконечную шляпу и густо измазав лицо черной краской.

Тал открыл им дверь и проговорил: «Ко-ко-ко!» На нем был костюм цыпленка.

Более дурацкого костюма Дженни в жизни не видела. Она расхохоталась так, что не сразу поняла, что и Лиза тоже хохочет вовсю.

Это был первый ее смех за все последние шесть недель. До этого она в лучшем случае только улыбалась, выдавливала из себя улыбку. Теперь же она хохотала до тех пор, пока по щекам у нее не покатились слезы.

— Подумаешь тоже, нашли над чем смеяться,— проговорил Тал, притворяясь обиженным.— Посмотрели бы вы со стороны на эту ведьму!

Он подмигнул Дженни, и она поняла, что Тал выбрал себе костюм цыпленка, думая именно о том, какое впечатление он произведет на Лизу.

— Бога ради,— взмолился Брайс,— пойдемте в дом, не будем стоять в дверях. Если тебя кто-нибудь увидит в подобном облачении, Тал, в городе исчезнет последнее уважение к полиции!

В этот вечер Лиза была активной участницей всех разговоров, игр и забав и много смеялась. Жизнь для нее начиналась заново.

В августе следующего года, в самый первый день своего свадебного путешествия, Дженни вышла на балкон гостиничного номера, с которого открывался прекрасный вид на Уайкики-Бич. На балконе уже стоял Брайс. Вид у него был хмурый.

— Ты что такой мрачный? Из-за того, что мы уехали от Тимми, да? — спросила она.

— Нет. Хотя я о нем постоянно думаю. В последнее время... у меня почему-то появилось такое ощущение, что с Тимми со временем все будет в порядке. Странно. Как предчувствие какое-то. Этой ночью мне приснилось, что Тимми вышел из комы, проснулся, сказал мне «привет!» и попросил «биг-мак». Но... только этот сон был совсем не похож на те, что я видел раньше. На этот раз все было словно *наяву*.

— Ну, ты ведь никогда не терял надежду.

— Одно время я потерял ее. Но потом она снова вернулась.

Они постояли еще немного молча, слушая, как волны набегают на пляж, и ощущая обвевавший их теплый морской ветерок.

Потом они снова занялись любовью.

Этим вечером они ужинали в одном из хороших китайских ресторанов Гонолулу. Весь вечер они пили шампанское, хотя официант вежливо предложил им перейти на чай, чтобы, как он выразился, «не испортить» вкусовые ощущения от блюд.

За десертом Брайс проговорил:

— В этом сне Тимми мне еще кое-что сказал. Когда я удивился, что он проснулся, вышел из комы, он вдруг произнес: «Но, папочка, если есть Дьявол, значит, должен быть и Бог тоже. Ты разве не понял этого, когда встретился с Дьяволом? Бог не позволил бы мне проспать всю мою жизнь».

Дженни посмотрела на него, не вполне понимая, к чему он клонит.

— Не бойся,— улыбнулся Брайс.— Я не чокнулся. И не собираюсь посылать деньги всяким шарлатанам-телепроповедникам, чтобы они молились за Тимми. Черт побери, я даже не собираюсь начать ходить в церковь. Воскресенье — это единственный день, когда я могу отоспаться! Я говорю не о той стандартной, привычной вере в Бога, какая обычно имеется в виду...

— Да, но ведь это все-таки был не настоящий Дьявол,— сказала она.

— Ты так думаешь?

— Это было какое-то доисторическое создание, которое...

— А может быть, это было и то и другое *одновременно*?

— Слушай, что это мы с тобой начинаем?

— Философский спор.

— Во время медового месяца?

— Я на тебе женился еще и потому, что ты — большая умница.

Потом, уже в постели, перед тем как сон сморил их обоих, Брайс проговорил:

— Знаешь, это многоликое чудище заставило меня понять: в мире гораздо больше неизвестного и таинственного, чем я думал раньше. Теперь я уже ничего не стану исключать заранее. И, оглядываясь сейчас назад, вспоминая обо всем, что мы пережили в Сноуфилде, и о том, как Тал надел кобуру с револьвером за секунду до появления Джитера, и о том, что Кейл промахнулся из-за того, что подхватил сыпной тиф... знаешь, мне кажется, *сама судьба* хотела, чтобы мы остались в живых.

Они заснули, проснулись перед самым рассветом, занялись любовью, потом опять заснули.

После обеда, когда они вдвоем прогуливались вдоль пляжа, Дженни подумала о том, что шелест набегающих на берег волн чем-то похож на поскрипывание огромных колес. Этот шелест напомнил ей вдруг старинную поговорку о жерновах судьбы, которые мелют неторопливо, но перемалывают все. Шорох волн сделал этот образ еще ярче, осязаемее, и ей вдруг представилась гигантская мельница и медленно вращающиеся огромные каменные жернова.

— Ты думаешь, у всего этого есть какой-то смысл? Какая-то цель? — спросила она.

Брайсу не понадобилось уточнять, что она имела в виду. Он ответил сразу:

— Да. У всего. У каждого поворота в жизни, у каждого ее зигзага есть какой-то смысл и какая-то цель.

Морская пена с шипением набегала на песок.

Дженни вслушивалась в ровный гул мельничных жерновов и думала о том, какие чудеса и тайны, какие ужасы и радости перемалывают они сейчас, в этот самый момент, и чем еще отзовется этот помол в их будущей судьбе.

К читателю

Как и все другие персонажи этой книги, Тимоти Флайт — вымышленный герой; но массовые исчезновения людей и животных, на которые он ссылается, не являются всего лишь плодом авторского воображения. Подобные случаи действительно имели место. Исчезновение всех жителей из поселения на острове Руанук, таинственным образом опустевшая эскимосская деревушка Анджикуни, покинутые города народа майя и их неизвестно куда пропавшее население, необъяснимое исчезновение нескольких тысяч испанских солдат в 1711 году, не менее таинственное исчезновение нескольких батальонов китайской армии в 1939 году и некоторые другие случаи, о которых упоминается в «Фантомах»,— все это действительно имевшие место исторические события, подлинность которых подтверждается документами.

Подлинным лицом является и доктор Ананда Шакрабарти. Все упоминаемые в «Фантомах» подробности о том, как им был запатентован первый в мире искусственно созданный микроорганизм, взяты из документальных источников. Созданная доктором Шакрабарти бактерия, как и написано в этой книге, действительно не могла существовать самостоятельно вне лаборатории. «Биосан-4» — предположительно более устойчивый тип бактерии, аналогичной той, какая была создана доктором Шакрабарти,— вымышленный препарат. Насколько мне известно, не предпринималось никаких попыток как-либо усовершенствовать бактерию доктора Шакрабарти, и она остается не более чем лабораторным опытом, получившим широкую известность главным образом только из-за той роли, какую он сыграл в ставшем прецедентом решении Верховного суда США.

Вековечный враг, разумеется, тоже продукт воображения автора. Но что, если...

АНГЕЛЫ-ХРАНИТЕЛИ

Часть I

СОКРУШАЯ ПРОШЛОЕ

Глава первая

1

В день своего тридцатишестилетия, 18 мая, Тревис Корнелл поднялся в пять утра, облачился в тяжелые походные ботинки, джинсы, ковбойку в голубую клетку, сел в красный пикап и поехал от своего дома в Санта-Барбаре в направлении каньона Сантьяго на востоке графства Оринджа, к югу от Лос-Анджелеса. С собой он взял только пакет печенья «Ореос», большую флягу апельсинового напитка «Кул-Эйд» и заряженный револьвер «смит-вессон» тридцать восьмого калибра, модели «Чиф-спешиал».

В течение двухчасовой поездки он ни разу не включил радио, не свистел и не напевал, как это часто делают мужчины, оставшись в одиночестве. На одном из участков пути, по правой стороне, плескался Тихий океан, воды которого вдали, у горизонта, были цвета сланца, но ближе к берегу лучи утреннего солнца расцвечивали их яркими фиалковыми и розовыми красками. Но Тревис так и не удостоил взглядом сияющие под солнечными лучами воды.

Это был худой жилистый мужчина, с глубоко посаженными темными глазами, такого же цвета, как и его волосы. У него

было узкое лицо, профиль римского патриция, высокие скулы и слегка выступающий вперед подбородок. Его аскетическое лицо вполне подошло бы какому-нибудь члену монашеского ордена, склонному к самобичеванию и верующему в очищение души через страдание. Видит Бог, ему довелось страдать в жизни. Временами, однако, его лицо способно было принимать доброе, открытое выражение, которое располагало к нему людей. Когда-то женщины не могли устоять перед его улыбкой. Но давно уже улыбка не посещала это лицо.

Печенье, фляга и револьвер находились в зеленом нейлоновом рюкзаке с черными лямками, лежащем на сиденье рядом с Тревисом. Время от времени он поглядывал туда и, казалось, видел револьвер сквозь плотную ткань рюкзака.

С шоссе, ведущего в каньон Сантьяго, он свернул на узкую проселочную дорогу, губительную для автомобильных покрышек. Примерно в половине девятого Тревис остановил пикап на обочине под огромной раскидистой кроной трисовой ели.

Выйдя из машины и вскинув на спину рюкзак, Тревис зашагал к подножию горной гряды Санта-Ана. В детстве он облазил здесь все склоны, долины, ущелья и хребты. У его отца была каменная хижина в верхнем каньоне Святого Джима — возможно, самом отдаленном из обитаемых каньонов, и Тревис потратил много недель и прошагал немало миль, изучая его окрестности.

Ему нравились эти дикие места. Когда он был мальчиком, в лесах еще водились черные медведи — теперь их уже нет. Встречаются чернохвостые олени, но не в таком количестве, как двадцать лет назад. Что осталось в неприкосновенности, так это радующий взгляд ландшафт, обильная и разнообразная растительность. Вот и сейчас Тревис долго шел под сводами, образованными кронами вирджинских дубов и платанов.

Время от времени ему попадались одиночные или стоящие кучно хижины. Немногочисленные их обитатели — своего рода отшельники — боялись приближающейся цивилизации, но не решались переселиться в места, еще более от нее отдаленные. Многие из них были обычными людьми, которым надоела суета современной жизни: они наслаждались своим отшельничеством, несмотря на отсутствие водопровода и электричества.

При всей кажущейся отдаленности каньонов к ним неумолимо приближались пригородные стройки. В радиусе ста миль

от этих мест, в примыкающих друг к другу поселениях графства Оринджи округа Лос-Анджелес, обитало почти десять миллионов человек, и число жителей постоянно увеличивалось.

Сейчас на эту дикую местность падал хрустальный всепроникающий свет, все вокруг казалось первозданно чистым и нетронутым.

На безлесном хребте, где низкая трава, выросшая за короткий сезон дождей, уже высохла и приобрела бурую окраску, Тревис сел на плоский валун и снял с себя рюкзак.

Полутораметровая гремучая змея грелась на солнышке на другом камне, метрах в пятнадцати от Тревиса.

Подростком он убил множество гадов в этих горах. Сейчас Тревис достал револьвер из рюкзака, встал и сделал несколько шагов в сторону змеи.

Она подняла голову и стала внимательно следить за ним. Тревис сделал еще шаг, затем еще один и, держа револьвер обеими руками, приготовился к выстрелу.

Змея начала сворачиваться в кольца. Скоро она поймет, что находится слишком далеко от противника для нападения, и попытается скрыться.

Хотя Тревис был уверен: выстрел прозвучал, но с удивлением обнаружил, что так и не нажал на спусковой крючок. Он приехал сюда, на эти склоны, не только за воспоминаниями о лучших днях, но и чтобы убивать гремучих змей, если те попадутся на его пути. В последнее время угнетенный и раздраженный бессмысленностью своей жизни Тревис чувствовал: его нервы натянуты как струна. Ему необходимо было разрядиться с помощью каких-то необузданных действий, и уничтожение нескольких тварей — невелика потеря — казалось ему прекрасным лекарством от хандры. Но вот сейчас, глядя на змею, Тревис вдруг понял, что ее существование не такое бессмысленное, как его собственное: она заполняет экологическую нишу и, кроме того, наверное, наслаждается жизнью куда больше, чем он сам. От этих мыслей Тревис вздрогнул, его рука отвела револьвер от цели. Он не смог заставить себя выстрелить. Палач из него не получился. Тревис опустил револьвер и вернулся к тому месту, где оставил рюкзак.

Змея, по-видимому, пребывала в мирном настроении: она снова положила голову на камень и замерла.

Посидев немного, Тревис вскрыл пакет с «Ореос» — в молодости это было его любимое лакомство. Он не ел его уже пятнадцать лет. Печенье было вкусное — почти как тогда. Тревис отпил «Кул-Эйд» из фляги, но напиток доставил ему меньшее удовольствие — оказался слишком сладким для взрослого человека.

«Неискушенность, энтузиазм, радости и аппетиты юношеских лет можно вспомнить, но нельзя полностью восстановить»,— подумал он.

Оставив змею наслаждаться солнечным теплом, Тревис надел рюкзак и зашагал по южному склону в тень деревьев в начале каньона, где воздух был пропитан весенним ароматом вечнозеленых растений. Добравшись до дна каньона, он свернул на оленью тропу.

Через несколько минут, пройдя между двумя большими калифорнийскими платанами, кроны которых смыкались, образуя зеленый свод, Тревис вышел на поляну, залитую солнечным светом. На другом ее конце оленья тропа уходила дальше в лес, где ели, лавры и платаны росли еще теснее. Стоя на границе солнечного света, он вглядывался в уходящую вниз тропу, но на расстоянии пятнадцати ярдов была уже кромешная тьма.

Не успел Тревис шагнуть в тень деревьев, как справа из сухого кустарника выскочила собака и, тяжело дыша и фыркая, бросилась прямо на него. Это был чистопородный золотистый ретривер. На вид ему было чуть больше года: он уже приобрел стать взрослого пса, но еще не утратил щенячьей резвости. Его густая шерсть была влажной, грязной, спутанной, в ней виднелись травинки, листья, колючки. Собака остановилась перед Тревисом, присела на задние лапы, склонила голову набок и посмотрела на него с явным дружелюбием.

Несмотря на свой замызганный вид, пес был очень симпатичный. Тревис нагнулся, потрепал его по голове и почесал за ухом.

Он был почти уверен, что вслед за собакой из кустов вот-вот выскочит его хозяин, задыхающийся от бега и, возможно, сердитый на беглеца. Однако никто не появился. Тревис осмотрел пса, но не обнаружил ни ошейника, ни жетона.

— Ты же не бродячий пес, а, малыш?

Собака фыркнула.

— Нет, конечно, для бродячего пса ты слишком дружелюбен. Ты что, потерялся?

Собака ткнулась носом в его руку.

Тревис заметил запекшуюся кровь на ухе пса. На передних лапах виднелась свежая кровь, как будто он так быстро и долго бежал по каменистой местности, что подушечки его лап стерлись.

— Похоже, ты проделал нелегкий путь, малыш.

Ретривер тихонько заскулил, как бы соглашаясь с человеком.

Тревис продолжал гладить пса по спине и почесывать ему за ухом, но через пару минут осознал, что хочет получить от животного то, чего оно ему дать не может: смысл, цель жизни, надежду.

— Ну, давай беги.

Он слегка шлепнул собаку по боку и выпрямился.

Та не двинулась с места.

Тревис шагнул мимо нее на узкую тропу, уходящую в лесную тьму.

Пес забежал вперед и загородил ему дорогу.

— Иди своей дорогой, малыш!

В ответ он оскалил зубы и злобно зарычал.

Тревис нахмурился:

— Давай иди. Ты же умный пес.

Как только он сделал шаг, ретривер оскалился и стал хватать его за ноги.

Тревис отпрянул.

— Эй, что с тобой?

Пес перестал рычать и сел, тяжело дыша.

Тревис предпринял очередную попытку, но собака кинулась на него с еще большей яростью. Она не лаяла, но рычала все громче и щелкала зубами, стараясь схватить за ноги. Тревис постепенно отступал. Он сделал восемь или девять неуклюжих шагов по скользкому ковру из опавших сосновых и еловых иголок и, споткнувшись, со всего размаха сел на землю.

Как только Тревис оказался на земле, пес отвернулся от него, засеменил поперек поляны к началу уходящей вниз тропы.

— Чертов пес,— сказал Тревис.

Собака не обернулась на звук его голоса. Стоя на границе света и тени, она напряженно вглядывалась в даль — туда, где оленья тропа исчезала во тьме. Хвост был опущен, поджат.

Тревис подобрал полдюжины мелких камешков, встал и бросил один из них в пса. Камень угодил в цель, но, несмотря на очевидную боль, собака не взвизгнула, а только быстро повернулась к Тревису с выражением удивления на морде.

«Ну вот,— подумал Тревис.— Теперь она схватит меня за горло».

Но пес только взглянул на него осуждающе и остался на месте.

Что-то в облике измученного животного — выражение его темных глаз или наклон большой угловатой головы — заставило Тревиса пожалеть о своем поступке. Этот чертов пес смотрел на него с таким разочарованием, что ему стало стыдно.

— Эй, послушай,— сказал Тревис.— Ты же сам первый начал!

Пес не сводил с него глаз.

Тревис бросил на землю оставшиеся камни.

Собака посмотрела на них, и, когда подняла глаза, Тревис готов был поклясться, что увидел в них одобрение.

Тревис мог вернуться назад или найти выход из каньона. Однако он был охвачен необъяснимым желанием во что бы то ни стало идти туда, куда считает нужным. Сегодня, как и всегда, никто не мог стоять у него на пути, тем более эта упрямая собака.

Тревис поднялся, надел рюкзак, глотнул пахнущего сосной воздуха и отважно двинулся через поляну.

Пес опять начал рычать, негромко, но угрожающе. Зубы его оскалились.

С каждым новым шагом Тревис чувствовал, что смелость его тает, и, не дойдя нескольких футов до ретривера, решил изменить тактику. Он остановился, осуждающе покачал головой и стал читать ему нотацию:

— Нехороший пес. Ты плохо себя ведешь, знаешь ты или нет? Какая муха тебя укусила? А? Ты же не злой. На вид очень добрый пес.

По мере того как Тревис говорил, собака перестала рычать. Раза два она даже вильнула хвостом.

— Ну вот и молодец,— сказал он с хитрецой в голосе.— Так-то лучше. Мы же с тобой не ссорились, правда?

Пес примирительно заскулил — звук, который издают все собаки, выражая естественное желание услышать ласковые слова в свой адрес.

— Ну вот, это уже кое-что,— сказал Тревис и сделал шаг в направлении собаки, собираясь нагнуться и погладить ее.

В то же мгновение пес бросился на Тревиса и погнал его обратно через поляну. Вцепившись зубами в штанину его джинсов, он яростно мотал головой из стороны в сторону. Тревис хотел лягнуть его свободной ногой, но промахнулся. Пока он пытался восстановить равновесие, собака схватила его за другую штанину и побежала по кругу, таща Тревиса. Он не смог удержаться на ногах и со всего размаха шлепнулся на землю.

— Черт возьми,— сказал Тревис, чувствуя себя в чрезвычайно глупом положении.

Между тем пес, вернувшись в дружеское расположение духа, заскулил и лизнул ему руку.

— Ты шизофреник, вот ты кто,— сказал Тревис.

Собака отбежала на противоположный край поляны. Она по-прежнему смотрела на оленью тропу, уходившую в прохладную тенистую глубь. Вдруг голова ее опустилась, спина выгнулась, и все тело напряглось, как перед отчаянным броском.

— Ты что там увидела? — Тревис вдруг понял, что она разглядывает не тропу, а что-то находящееся на ней.— Там что, пума? — спросил он и поднялся с земли. В годы его юности пумы, или кугуары, водились в этих лесах, и, наверное, несколько особей живут здесь и сейчас.

Пес заворчал, но не на Тревиса, а на что-то, привлекшее его внимание в лесной чаще. Ворчанье это было едва слышным, и Тревису показалось, что собака одновременно испытывает и злобу, и страх.

Может, это койоты? Здесь, в предгорьях, их великое множество. Стая голодных хищников вполне может встревожить даже такое мощное животное, как этот золотистый ретривер.

Вдруг, коротко тявкнув, пес сорвался с места и помчался мимо Тревиса через поляну. Тому уже подумалось, что через мгновение собака исчезнет в лесу. Однако она остановилась в тени двух платанов, мимо которых недавно проходил Тревис, и ста-

ла выжидательно смотреть в его сторону. Выражая всем видом тревогу и отчаяние, пес заспешил обратно, схватил Тревиса за штанину и, пятясь назад, попытался потащить его за собой.

— Погоди, погоди, сейчас,— сказал Тревис.

Собака разжала зубы и тявкнула.

Совершенно очевидно, что она сознательно не позволяла Тревису ступить на темную оленью тропу, потому что там что-то было. Что-то опасное. Теперь же она хотела побыстрее увести его с этого места, поскольку это опасное «что-то» приближалось, двигалось на них. Но что?

Тревис не испытывал страха, но его разбирало любопытство.

Нетерпеливо скуля, пес опять стал хватать Тревиса за штанину.

Поведение его было совершенно необъяснимо. Если он был напуган, почему не убегал? Тревис не был его хозяином — его не связывали с ним ни дружба, ни собачий инстинкт охраны человека. У бездомных собак нет чувства долга к незнакомым людям. Интересно, не воображает ли этот пес, что он добровольный последователь Лэсси*?

— Хорошо, хорошо,— сказал Тревис, следуя за ней под своды платанов.

Пес вырвался вперед по идущей вверх к входу в каньон оленьей тропе — туда, где лес был реже и было больше света. Дойдя до платанов, Тревис остановился. Нахмурившись, он оглянулся на залитую солнцем поляну, на дальнем краю которой в чаще леса чернотой зияла дыра, откуда начинался уходящий вниз по склону участок оленьей тропы. Что за опасность таилась там?

Вдруг разом замолкли все цикады, будто невидимая рука сняла пластинку с проигрывателя. В лесу наступила небывалая тишина. И в этой тишине Тревис услышал, как по погруженной во тьму тропе на него что-то движется. Он уловил звук отлетавших в сторону камешков, еле слышное шуршание сухого кустарника. Существо, которое передвигалось там, по тропе, находилось не так близко от Тревиса, как ему казалось: в тоннеле, образованном кронами деревьев, звук обманчиво усиливался. Тем не менее было ясно: существо это перемещается быстро, очень быстро.

---

* Лэсси — овчарка колли, персонаж популярного телевизионного сериала.

Впервые за все это время Тревис почувствовал, что подвергается страшной опасности. Он знал: в лесу не водятся животные, достаточно большие или смелые для того, чтобы напасть на него, но инстинкт подсказывал ему другое. Сердце у Тревиса застучало.

Ретривер, очевидно, почувствовал его нерешительность и возбужденно залаял.

Случись это лет двадцать назад, Тревис подумал бы, что разъяренный черный медведь рыщет там, на оленьей тропе, изнывая от болезни или от боли. Однако местные жители и туристы, приезжающие в горы на выходные, давно вытеснили нескольких сохранившихся хищников далеко в глубь Санта-Аны.

Судя по шуму, неизвестный зверь через несколько секунд должен был появиться на поляне, разделявшей нижнюю тропу и верхнюю.

По спине Тревиса, как мелкий дождь по оконному стеклу, пробежали мурашки.

Ему не терпелось узнать, кто же двигался там, в чаще, но одновременно он холодел от чисто животного страха.

На верхней тропе ретривер заходился тревожным лаем.

Тревис повернулся и побежал.

Он был в отличной форме — ни одного фунта лишнего веса. Прижав локти к телу, Тревис мчался за рванувшим с места псом, изредка пригибаясь, чтобы не задеть низко растущие ветки. Шипованные подметки его ботинок были хорошо приспособлены для такой местности: он несколько раз поскользнулся на камнях и слежавшихся сосновых иглах, но не упал.

Жизнь Тревиса Корнелла состояла из опасных и трагических эпизодов, но он никогда не отступал. Даже в самые тяжелые времена он спокойно встречал потери, боль и страх. Сейчас с ним произошло что-то из ряда вон выходящее. Он утратил контроль над собой. Впервые поддался панике. Страх вошел в него настолько глубоко, что затронул какой-то первобытный слой его сознания, о существовании которого он и не догадывался.

Мчась изо всех сил, он весь покрылся гусиной кожей и холодным потом. Тревис не мог понять, почему неизвестное существо, преследующее его, вызывает такой небывалый ужас.

Он не оглядывался и бежал, не сводя глаз с извивающейся между деревьями тропинки, боясь налететь на низко расту-

щую ветку. Но по мере того как Тревис удалялся от поляны, панический страх в груди у него продолжал расти, и, преодолев ярдов двести, он не оглядывался уже потому, что боялся увидеть такое, при виде чего его сердце остановилось бы.

Тревис понимал, что страх этот иррациональный. Мурашки по спине и ледяной холод в животе — симптомы суеверного ужаса. Но случилось так, что Тревис, человек цивилизованный и образованный, позволил одержать верх над собой тому первобытному началу, которое живет в каждом из нас, и никак не мог взять себя в руки, несмотря на очевидную абсурдность своего поведения. Сейчас им управлял грубый, первобытный инстинкт, и этот инстинкт приказывал ему бежать, не рассуждать, а просто бежать.

Недалеко от входа в каньон тропа сворачивала влево и извилисто поднималась по крутому северному склону в направлении гребня. Тревис выбежал из-за скалы, увидел бревно, лежащее поперек тропы, прыгнул, но одной ногой зацепил трухлявое дерево. Он упал лицом вниз, ударившись грудью о землю. Оглушенный, Тревис не мог ни вздохнуть, ни двинуться с места.

Он лежал и ждал: сейчас на него сзади навалится страшное существо и разорвет ему горло.

Ретривер примчался назад и, перепрыгнув через распростертого на земле человека, стал яростно лаять на преследователя — более угрожающе, чем раньше, когда пытался прогнать Тревиса с поляны.

Тревис перекатился на спину и сел, пытаясь восстановить дыхание. Тут до него дошло, что внимание ретривера обращено не в ту сторону, откуда они прибежали. Пес стоял поперек тропы, глядя в заросли лесного кустарника к востоку от места, где они находились. Разбрызгивая слюну, он лаял так громко, что у Тревиса заболели уши. В этом лае, однако, уже не было вызова — собака как бы предупреждала неизвестного противника, чтобы тот не приближался.

— Тихо, малыш,— сказал Тревис.— Тихо.

Ретривер замолк, не оглянувшись на Тревиса. Он продолжал напряженно вглядываться в заросли, время от времени оскаливая зубы и издавая грозное рычание.

Все еще тяжело дыша, Тревис поднялся на ноги и стал смотреть в ту же сторону, что и пес. Хвойные деревья, платаны, ред-

кие лиственницы. Тенистые участки были тут и там пронизаны золотыми булавками солнечного света. Кустарники. Заросли вереска. Вьюны. Несколько разрушенных, похожих на гнилые зубы скал. Ничего необычного.

Как только он нагнулся и положил ладонь на голову ретривера, тот сразу перестал рычать, как будто понял, чего от него хотят. Тревис затаил дыхание и стал прислушиваться, стараясь уловить малейшее движение в зарослях.

Цикады молчали. Птиц не было слышно. В лесу не раздавалось ни единого звука, как будто огромный часовой механизм природы остановился.

Тревис был уверен, что не он причина этой внезапной тишины. Ведь его появление в каньоне не потревожило ни птиц, ни цикад.

Там, в зарослях, находилось какое-то существо, к которому лесные обитатели отнеслись с явным неодобрением.

Тревис опять затаил дыхание, пытаясь уловить хоть малейший звук. На этот раз он услышал шорох, треск ломающейся ветки, мягкий хруст сухой листвы и путающее тяжелое прерывистое дыхание какого-то крупного существа. Судя по звукам, оно находилось футах в сорока от Тревиса.

Рядом с ним ретривер весь напрягся и замер. Его лохматые уши приподнялись.

Звук дыхания неизвестного врага был настолько страшен — вероятно, его усиливало эхо между лесом и каньоном, а может, он был страшен сам по себе,— что Тревис, не раздумывая, сбросил рюкзак, рванул на себя откидной клапан и выхватил свой «смит-вессон».

Пес уставился на револьвер. У Тревиса было странное чувство: собака знает, что такое револьвер, и одобряет его появление.

Тут Тревис подумал, что, возможно, в зарослях скрывается человек, и крикнул:

— Эй, кто там? Выйдите оттуда, чтоб я мог вас видеть!

За грубым дыханием в зарослях теперь улавливалось низкое, угрожающее рычание. Этот жуткий утробный рык парализовал Тревиса. В течение нескольких секунд, показавшихся ему вечностью, он не мог понять, почему этот звук наполнил его жилы таким сильным страхом. Затем он осознал: дело не в

самом звуке, а в том двойственном впечатлении, которое он оставлял. Рычание явно исходило от какого-то животного, но в его тембре и интонации чудились звуки, похожие на ор разъяренного мужчины. Чем больше Тревис прислушивался, тем больше он приходил к выводу: звук этот был не животного и не человеческого происхождения. Но если так, то... черт побери, какого?

Он увидел, как зашевелились кусты. Что-то двигалось прямо на Тревиса.

— Стой! — крикнул он.— Ни с места!

Существо не отреагировало. Ему оставалось пройти футов тридцать до того места, где стоял Тревис. Передвигалось оно, пожалуй, помедленнее, чем раньше. Более устало, что ли. Но расстояние между ними продолжало сокращаться.

Ретривер опять угрожающе зарычал, делая очередное предупреждение противнику. Но теперь бока у собаки дрожали и голова подергивалась. Видимо, перспектива встретиться с ним вызывала у пса непреодолимый страх.

От собаки страх передался Тревису. Ретриверы вообще знамениты своей храбростью. Их воспитывают как охотничьих псов и часто используют в опасных спасательных операциях. Что же могло вызвать такой ужас в этом сильном и гордом животном?

Существо в зарослях продолжало двигаться, их разделяло не более двадцати ярдов.

Хотя Тревис и не увидел до сих пор ничего необычного, в него вселился суеверный страх от присутствия рядом с ним чего-то неизвестного, но ужасного. Он старался внушить себе, что наткнулся на кугуара, который, возможно, боится Тревиса больше, чем тот его. Но ледяные мурашки, которые начали распространяться по его спине и добрались до головы, побежали быстрее. Его ладонь так вспотела, что он мог запросто выронить револьвер.

Оставалось футов пятнадцать.

Тревис поднял револьвер и произвел предупредительный выстрел. Грохот эхом прогремел в каньоне.

Ретривер даже не вздрогнул, но существо в зарослях повернуло назад и побежало по склону на север, к краю каньона. Тревис не мог разглядеть, что именно там перемещалось, но

ему было видно, как высокие, в пояс человека, заросли травы и кустарника шевелились и раздвигались под напором неизвестного существа.

На короткий миг он испытал облегчение от мысли, что ему удалось отпугнуть своего преследователя. Вскоре, однако, он заметил, что отступление существа нельзя назвать бегством. Оно направлялось на северо-запад по дуге, которая должна была вывести его на верхнюю тропу. Тревис вдруг понял: таким маневром существо старается отсечь их и заставить выходить из каньона по нижней тропе, где у него будет гораздо больше возможностей для нападения. Тревис не знал, почему сделал такой вывод, но был уверен — все обстоит именно так.

Проснувшийся в нем инстинкт пращуров заставил его действовать немедленно, не задумываясь о том, что именно он должен делать: все действия сейчас он производил как бы автоматически. Он не чувствовал в себе этого автоматизма с тех пор, как был в бою почти десять лет назад.

Стараясь не потерять из поля зрения движение кустарника справа от себя, оставив на земле рюкзак и захватив с собой только револьвер, Тревис помчался по круто уходящей вверх тропе, и ретривер последовал за ним. Тревис бежал очень быстро, но не успевал за неизвестным противником. Когда он понял, что тот достигнет верхней тропы раньше его, Тревис сделал предупредительный выстрел, который на этот раз не отпугнул преследователя и не заставил его изменить направление. Тогда Тревис выстрелил еще дважды прямо в кустарник, туда, где, судя по движению веток, находилось существо, не думая о том, человек это или нет. Он не был уверен, что попал в преследователя, но на этот раз наконец отпугнул его и заставил повернуть прочь.

Тревис продолжал бежать. Он хотел добраться до входа в каньон. Там, на гребне, деревья стояли редко, кустарник не был таким густым, как внизу, и яркий солнечный свет не оставлял места для предательской тени.

Когда пару минут спустя Тревис достиг вершины своего восхождения, он почувствовал: силы на исходе. Мышцы ног обжигала боль. Сердце так сильно стучало в груди, что он не удивился бы, если бы услышал, как его сердцебиение разносится по всему каньону. Вот место, где он останавливался, чтобы перекусить. Гремучая змея, которая грелась здесь на камне, исчез-

ла. Золотистый ретривер не отстал от Тревиса. Он был рядом, тяжело дышал и вглядывался в склон, по которому они только что поднялись.

Чувствуя легкое головокружение и преодолевая желание сесть на землю и отдохнуть, Тревис устремил свой взор вниз на тропу и стал внимательно оглядывать кустарник, понимая, что неведомая опасность еще не миновала. Если их преследователь идет за ними, то он делает это скрытно, поскольку никакого шевеления в кустах Тревис не заметил.

Ретривер заскулил и потянул Тревиса зубами за штанину. Затем он пересек узкий гребень и направился по склону, по которому они могли бы спуститься в другой каньон. Очевидно, пес понимал, что опасность где-то близко, и призывал Тревиса продолжать путь.

Атавистический страх и инстинкт, разбуженный этим страхом, заставили Тревиса поспешить за собакой через гребень вниз, в соседний заросший деревьями каньон.

2

Винсент Наско провел долгие часы ожидания в темном гараже. Весь его вид говорил о том, что он не приспособлен к такому времяпрепровождению,— крупный мужчина, больше двухсот фунтов весу, ростом шесть футов три дюйма, с хорошо развитой мускулатурой. Он всегда производил впечатление человека, готового взорваться от избытка накопившейся в нем энергии. Широкая физиономия Наско была равнодушной, как коровья морда, но его зеленые глаза светились жизненной силой и каким-то нервным выжиданием — выражение, которое можно увидеть в глазах дикого животного, например лесной кошки. Несмотря на таящуюся в нем невероятную энергию, он был терпелив, как кошка: мог часами сидеть в засаде, поджидая жертву.

В 9.40 утра во вторник, гораздо позже, чем ожидал Наско, замок в двери между прачечной комнатой дома и гаражом открылся с коротким тяжелым звяканьем. Дверь отворилась, и доктор Дэвис Вэтерби, включив свет в гараже, потянулся к кнопке, чтобы поднять большую секционную створку.

— Стой, где стоишь,— сказал Наско, неожиданно возникший перед жемчужно-серым «кадиллаком» доктора.

Вэтерби удивленно заморгал.

— Кто, черт побери, вы...

Наско поднял «вальтер P-38» с глушителем и выстрелил доктору прямо в лицо.

Умолкнувший на середине фразы, Вэтерби рухнул на спину на пол прачечной, окрашенной в веселые желтые и белые тона. Падая, он стукнулся головой о сушильную машину и толкнул тележку для белья, которая покатилась и ударилась о стену.

Произведенный при этом шум не встревожил Винса Наско, он знал: Вэтерби был холостяком и жил один. Винс наклонился над трупом, лежащим в дверном проеме, и мягким движением положил ладонь на лицо доктора.

Пуля попала Вэтерби в лоб, примерно на дюйм выше переносицы, и застряла в голове. Кровотечение было слабое, поскольку смерть наступила мгновенно. Карие глаза Вэтерби остались широко раскрытыми. В них застыл испуг.

Винс потрогал пальцами щеку и шею доктора. Он закрыл левый глаз мертвеца, затем правый, хотя и знал, что через пару минут они опять откроются под воздействием посмертной мышечной реакции. С глубокой благодарностью дрожащим голосом Винс сказал:

— Спасибо, доктор. Спасибо.

Затем он поцеловал закрытые глаза мертвеца.

— Спасибо.

Посиживаясь от удовольствия, Винс подобрал с пола ключи от автомобиля, которые уронил убитый, прошел в гараж и открыл багажник «кадиллака», стараясь не оставлять отпечатков пальцев. Багажник был пуст. Отлично. Он вытащил труп из дома, положил его в багажник и закрыл замок.

Винсу было сказано, что труп доктора не должен быть обнаружен раньше завтрашнего дня. Он не знал, зачем это было нужно, но любил во всем точность. Поэтому Винс вернулся в прачечную комнату, поставил тележку на место и осмотрелся. Убедившись в том, что все стоит как прежде, затворил дверь и запер замок одним из ключей на связке, которую выронил Вэтерби.

Затем выключил свет в гараже, прошел через темное помещение и вышел наружу через боковую дверь. Он запер за собой дверь и пошел прочь от дома.

Дэвис Вэтерби жил в Корона-дель-Мар с видом на Тихий океан. Винс оставил свой двухлетней давности микроавтобус марки «форд» за два квартала от дома доктора. Шагая назад к своей машине, он испытывал наслаждение и прилив бодрости. Это было приятное местечко, славившееся разнообразием архитектурных стилей: дорогие испанские гасиенды соседствовали с красивыми островерхими коттеджами, да так гармонично — не опишешь. Растительность вокруг была пышной, хорошо ухоженной. Пальмы, фикусы и оливковые деревья затеняли тротуары. Красные, коралловые, желтые и оранжевые бугенвиллеи горели на солнце тысячами соцветий, цвели хвощи. Ветви джакаранд свисали вниз, как пурпурные кружевные ленты. Воздух был пропитан запахом жасмина.

Винсент Наско чувствовал себя превосходно: таким бодрым, сильным, таким живым.

3

Время от времени собака бежала впереди, иногда ее обгонял Тревис. Они преодолели вдвоем уже довольно значительное расстояние, прежде чем Тревис понял, что чувство отчаяния и одиночества, которое привело его к подножию гряды Санта-Ана, не владеет им более.

Большой замызганный пес находился рядом с ним на всем пути назад к пикапу, который стоял у проселочной дороги под раскидистыми ветвями огромной ели. Остановившись у машины, ретривер начал смотреть в сторону, откуда они пришли.

Черные птицы чертили безоблачное небо, как будто какой-то лесной колдун послал их на разведку. Деревья, росшие темной стеной, были похожи на бастионы сказочного зловещего замка.

Дорога, на которую вышел Тревис, была ярко освещена солнцем, высушена до светло-коричневого цвета и покрыта слоем мягкой пыли. При каждом шаге Тревиса она облачком взлетала над его ботинками. Тревис с удивлением подумал о том, как такой яркий день может внезапно наполниться непреодолимым, почти осязаемым чувством страха.

Не сводя глаз с леса, который им пришлось так поспешно покинуть, пес коротко залаял в первый раз за последние полчаса.

— Что, он еще идет за нами? — спросил Тревис.

Пес взглянул на него и заскулил.

— Да,— сказал Тревис.— Я тоже его чувствую. Бред какой-то... но я чувствую, что оно там. Что, черт возьми, это такое, малыш? А? Что там такое, черт возьми?

Собаку вдруг пробила сильная дрожь.

Каждый раз, когда ретривер выказывал признаки страха, собственный страх Тревиса усиливался.

Он откинул задний борт пикапа и сказал:

— Влезай. Я тебя увезу отсюда.

Пес прыгнул в грузовое отделение машины.

Тревис захлопнул борт и стал обходить пикап, чтобы сесть за руль. В тот момент, когда он открывал дверцу, ему показалось, что в ближних кустах что-то шевельнулось, но не со стороны леса, откуда они пришли, а на противоположной стороне дороги. Там за ней было узкое поле, густо заросшее высокой, в пояс человека, коричневой травой, а также виднелись несколько мескитовых кустов и раскидистые олеандры, корни которых достаточно глубоко уходят в землю, чтобы питать их зеленую листву. Вперив взгляд в это поле, он не заметил, однако, никакого движения, хотя его не оставляло чувство, что несколько секунд назад зрение его не обмануло.

Тревога вновь вернулась к Тревису. Он забрался в пикап и положил револьвер на сиденье рядом с собой. Затем погнал машину на предельно возможной для этой дороги скорости, помня, однако, о четвероногом пассажире в грузовом отделении.

Двадцатью минутами позже, когда Тревис остановил машину у обочины шоссе «Сантьяго каньон», в мире асфальта и цивилизации, он все еще ощущал слабость и нервную дрожь. Страх, который в нем остался, отличался от того, что он испытал в лесу. Сердце у него больше не колотилось, а ладони и лоб уже не покрывал холодный пот. Сейчас тревогу Тревиса вызывало не какое-то неизвестное существо, а его собственное странное поведение. Оказавшись в безопасности, он уже не мог восстановить в памяти степень страха, охватившего его там, в лесу, и поэтому его собственные действия казались ему теперь иррациональными.

Тревис поднял рукоятку ручного тормоза и выключил зажигание. Было одиннадцать часов, и утренний поток автомобилей

уже схлынул — время от времени случайные машины проезжали мимо него по асфальтированному двухрядному шоссе. Тревис посидел минуту, стараясь убедить себя в том, что он только повиновался инстинктам — правильным, разумным и надежным.

Тревис всегда гордился своим самообладанием и трезвым прагматизмом — качествами, которые ценил в себе выше прочих. Он выдержал бы даже пытку огнем. Тревис умел принимать решения в чрезвычайных ситуациях и отвечать за последствия.

Тем не менее ему все труднее было поверить в то, что его пыталось преследовать какое-то страшное существо. Может быть, он неправильно понял поведение собаки и все эти шевеления в кустах были плодом его воображения?

Он вышел из машины и встал рядом с грузовым отделением, откуда на него глянула морда ретривера.

Пес ткнулся в него своей лохматой головой и лизнул щеку и подбородок. Хотя до этого собака лаяла на Тревиса и хватала его зубами, надо признать: она отличалась большим дружелюбием — и в первый раз за все это время ее замызганный вид заставил Тревиса улыбнуться. Он попытался оттолкнуть пса, но тот тянулся к нему, чуть не упав через борт пикапа, стараясь лизнуть его в лицо. Тревис засмеялся и потрепал его по спутанной шерсти.

Веселый нрав ретривера и энергичное виляние хвостом оказали неожиданное воздействие на Тревиса. Долгое время в его сознании царил мрак, наполненный мыслями о смерти,— кульминацией этих настроений и явилась сегодняшняя поездка. Но сейчас почувствовал: во тьму, наполнившую его душу, проник лучик света. Он напомнил ему о том, что у жизни есть светлая сторона, о которой Тревис давно уже не вспоминал.

— Что же там такое было? — спросил он.

Ретривер перестал лизаться, вилять своим свалявшимся хвостом. Он смотрел на Тревиса очень серьезно, и этот взгляд влажных коричневых собачьих глаз парализовал его. Что-то необычное, проникающее было в этом взгляде. Тревис впал в какой-то полусон, и пес, казалось, также находится в загипнотизированном состоянии. Стоя на весеннем южном ветру, Тревис всматривался в собачьи глаза, стараясь отыскать в них разгадку подобного гипнотического воздействия, но не обнаружил ничего

особенного. Разве что... ну, в общем, они казались более выразительными, умными и понимающими, чем у обычных собак. Животные вообще не любят долго смотреть в одну точку, поэтому долгий, неморгающий взгляд ретривера и показался ему странным. Шли секунды, но они продолжали смотреть друг другу в глаза, и Тревиса охватило страшное чувство. Его пробила дрожь, но не от страха, а от странности происходящего, от предчувствия, что он находится на пороге какого-то ужасного открытия.

Тут собака тряхнула головой, лизнула Тревису руку, и чары рассеялись.

— Откуда ты взялся, малыш?

Пес склонил голову влево.

— Кто твой хозяин?

Собака наклонила голову вправо.

— И что мне с тобой делать?

Как бы отвечая на последний вопрос, ретривер перепрыгнул через задний борт пикапа, побежал мимо Тревиса к водительской дверце и забрался в кабину.

Заглянув внутрь, Тревис обнаружил, что собака сидит на сиденье рядом с водительским и смотрит прямо перед собой сквозь лобовое стекло. Затем она повернула голову к Тревису и слегка тявкнула, как бы осуждая его медлительность.

Тревис сел за руль и засунул револьвер под сиденье.

— Вряд ли я смогу тебя содержать, парень. Слишком много ответственности. И это вообще не входит в мои планы. Ты уж извини.

Пес смотрел на него просительно.

— Ты, наверное, голодный.

Он тихонько тявкнул.

— Ладно, тут я тебе помогу. По-моему, в отделении для перчаток лежит плитка «Херши»*, а недалеко отсюда есть «Макдональдс», где для тебя найдется пара бутербродов. Ну, а потом... либо я должен буду отпустить тебя, либо сдать собачникам.

Тревис еще не закончил говорить, а пес уже поднял переднюю лапу и нажал на кнопку, отпирающую отделение для перчаток. Крышка откинулась.

---

* Сорт шоколада.— *Прим. пер.*

— Что за черт...

Собака просунула морду в открытое углубление и вытащила шоколадку зубами, держа ее так нежно, что даже не порвала обертку.

Тревис заморгал от удивления.

Ретривер протянул ему шоколадку, как бы требуя, чтобы Тревис развернул лакомство.

Пораженный, Тревис взял из пасти пса шоколадку и снял с нее обертку.

Собака наблюдала за его действиями и облизывалась. Тревис начал отламывать от плитки маленькие кусочки и скармливать псу. Тот благодарно брал их у него из рук и ел почти изящно.

Тревис со смятением наблюдал за ним, не зная, было ли происшедшее с ним чем-то экстраординарным или имело разумное объяснение. Неужели собака поняла его слова о том, что в отделении для перчаток лежит шоколадка? Или она просто учуяла запах шоколада? Определенно, последнее.

Обращаясь к псу, он спросил:

— Но как ты узнал, что надо нажать на кнопку, чтобы открылась крышка?

Ретривер уставился на него, облизнулся и взял еще кусочек.

Тревис сказал:

— О'кей, о'кей, тебя, наверное, научили этому фокусу. Хотя обычно собак учат другим вещам, так ведь? Переворачиваться, притворяться мертвыми, подавать голос на еду, даже на задних лапах ходить...— всему такому прочему... но их не учат открывать замки и задвижки.

Собака жадно смотрела на оставшийся кусочек шоколада, но Тревис убрал ладонь.

По времени получалось странно. Через две секунды после того, как Тревис упомянул о шоколадке, пес полез его доставать.

— Ты понял мои слова? — спросил Тревис, чувствуя, что глупо подозревать в собаке лингвистические способности.— Ты понял? Ты понял, что я говорил?

Нехотя ретривер перевел взгляд с кусочка шоколада на Тревиса. Их глаза встретились. И опять у Тревиса возникло ощущение необычности происходящего — его опять пробила дрожь, но уже не так неприятно, как в прошлый раз.

Он немного помолчал, затем откашлялся и спросил:

— М-м... ты не обидишься, если я съем последний кусочек?

Пес взглянул на шоколадный квадратик на ладони у Тревиса. Он фыркнул как бы с сожалением и стал смотреть сквозь лобовое стекло.

— Будь я проклят,— произнес Тревис.

Собака зевнула.

Стараясь не двигать рукой, чтобы не привлекать внимание пса к шоколаду, Тревис опять обратился к нему:

— Может быть, конечно, тебе больше необходим шоколад, чем мне. Если хочешь, можешь съесть этот кусочек.

Ретривер посмотрел на него.

Все еще не двигая рукой, прижав ее к телу, сделав вид, что оставил шоколад для себя, он сказал:

— Бери, если хочешь, или я просто выброшу его.

Ретривер заерзал на сиденье, придвинулся к Тревису и аккуратно взял шоколад у него с ладони.

— Будь я дважды проклят,— сказал Тревис.

Пес встал на четыре лапы, чуть не доставая при этом головой до потолка. Он посмотрел сквозь заднее стекло кабины и тихо зарычал.

Тревис взглянул в зеркало заднего обзора, затем в боковое, но не увидел позади машины ничего необычного. Шоссе, узкая насыпь и заросший сорняками склон с правой стороны.

— Ты полагаешь, что нам пора ехать, так ведь?

Пес взглянул на него, посмотрел сквозь заднее стекло, затем снова повернулся, сел, подогнув задние лапы, и снова стал смотреть вперед.

Тревис включил зажигание, вырулил на шоссе «Сантьяго каньон» и поехал на север. Покосившись на своего пассажира, он сказал:

— Ты на самом деле не тот, кем кажешься... или я просто рехнулся? А если ты не тот, кем кажешься... то кто ты такой, черт возьми?

Не доезжая до города, Тревис свернул с восточной оконечности Чэпмен-авеню на запад — туда, где находился упомянутый им «Макдональдс».

Он сказал:

— Теперь я уже не могу ни прогнать тебя, ни отдать на живодерню.

Через минуту Тревис снова заговорил.

— Если бы тебя не стало, я бы умер от любопытства.

Проехав еще около двух миль, Тревис припарковал пикап на стоянке у «Макдональдса».

— Стало быть, теперь ты моя собака.

Ретривер никак не отреагировал.

Глава вторая

1

Мастер из телеателье напугал Нору Девон. Несмотря на то что на вид ему было около тридцати (ее ровесник), его отличала агрессивная наглость самоуверенного подростка. Когда она открыла дверь на его звонок, он нахально смерил ее взглядом и представился: «Арт Стрек, телеателье Вэдлоу» — а потом, встретившись с ней глазами, подмигнул. Высокий, худой и ухоженный, он был одет в униформу, состоящую из белых брюк и рубашки. Его лицо было чисто выбрито, а темно-русые волосы коротко подстрижены и аккуратно причесаны. Арт Стрек выглядел обычным парнем, совсем не похожим на насильника или психа, но Нора тем не менее сразу испугалась его — может быть, из-за его нахальных манер, которые не соответствовали его наружности.

— Требуется обслуживание? — спросил мастер, видя, что она замешкалась в дверях.

Хотя это был вполне невинный вопрос, Норе показалось, что ударение, которое тот сделал на слове «обслуживание», придало ему сексуально-угрожающий смысл. Она была почти уверена, что он сделал это намеренно. Как бы там ни было, Нора сама вызвала механика из ателье Вэдлоу и теперь не могла отправить назад Стрека просто так, без всяких объяснений. Ей не оставалось ничего другого, как впустить его в дом.

Провожая его через просторный, прохладный холл к арке, ведущей в гостиную, Нора не могла избавиться от тяжелого чувства: вся эта его ухоженность и улыбчивость — всего лишь элементы притворства.

У Стрека был пристальный, внимательный взгляд хищного животного, какая-то внутренняя собранность — и по мере того, как они удалялись от входной двери, ее беспокойство продолжало расти.

Следуя за Норой на слишком близком расстоянии, почти наклонившись над ней, Арт Стрек сказал:

— У вас очень красивый дом, миссис Девон. Очень красивый. Мне он очень нравится.

— Спасибо,— сказала она сдержанно, не поправляя его ошибки в отношении ее семейного положения.

— Любой мужчина был бы счастлив здесь. Да, мужчине было бы здесь очень хорошо.

Дом был построен в архитектурном стиле, который иногда называли «Одд Санта-Барбара спэниш»*: два этажа, светлая штукатурка, красная черепичная крыша, несколько веранд, балконов и везде вместо углов — округлые линии. Пышные красные вьюны бугенвиллеи взбирались по северной стороне здания, свисая вниз гроздьями ярких соцветий. Дом был очень красивый.

Нора ненавидела его.

Она прожила в этом доме двадцать восемь лет, и только год из всех этих долгих лет она не находилась под железной пятой своей тетки Виолетты. Ни ее детство, ни вся ее жизнь в целом не были отмечены счастьем. Тетка умерла год назад. Но, по правде говоря, Нора все еще продолжала ощущать на себе ее гнет — память об этой ненавистной женщине буквально держала Нору за горло.

В гостиной, положив свой чемоданчик рядом с телевизором марки «Магнавокс», Стрек не спеша огляделся. Убранство комнаты вызвало у него неподдельное удивление.

Обои с цветочным рисунком были мрачные. Персидский ковер на полу — определенно непривлекательным. Сочетание цветов — серого, темно-бордового и синего — усугублялось редкими бледно-желтыми вкраплениями. Тяжелая английская мебель середины девятнадцатого века с вычурной резной окантовкой стояла на ножках в форме лап: массивные кресла, скамеечки для ног, шкафы, буфеты, каждый из которых на вид весил полтонны. Небольшие столики были накрыты тяжелыми вышитыми скатертями. Лампы двух видов — сделанные из

* Буквально: староиспанский стиль Санта-Барбара.— *Прим. пер.*

темно-бордовой керамики и с бледно-серыми абажурами, крепящимися на литую оловянную основу,— не давали достаточно света. Шторы были такими тяжелыми, что казались отлитыми из свинца; между ними сквозь пожелтевшие от времени тюлевые занавески в комнату проникали рассеянные лучи солнечного света, окрашенные в горчичный цвет. Все убранство дома явно не соответствовало испанскому стилю его архитектуры.

— Вы обставляли? — спросил Арт Стрек.

— Нет. Моя тетка,— ответила Нора. Она стояла у мраморного камина, стараясь держаться от мастера как можно дальше.— Это ее дом. Я... мне он достался по наследству.

— На вашем месте,— сказал Стрек,— я бы выкинул отсюда все это барахло. Можно сделать светлую, веселую комнату. Извините меня, но это не в вашем стиле. Это подходит для какой-нибудь старой девы... Ваша тетка ведь была старой девой? Ага, я так и думал. Высушенной старой деве это подходит, но такой симпатичной леди, как вы,— нет.

Норе хотелось сказать, что это не его дело и ему лучше заткнуться и заняться ремонтом телевизора, но у нее не было опыта и умения постоять за себя. Тетя Виолетта воспитывала Нору тихой и почтительной.

Стрек улыбнулся ей. Правый угол его рта противно оскалился. Лицо приняло почти насмешливое выражение.

Она заставила себя сказать:

— Мне здесь нравится.

— Неужели?

— Да.

Он пожал плечами.

— Что с телевизором?

— Картинка все время бегает. И помехи вроде снега.

Он отодвинул телевизор от стены, включил его и стал изучать изображение. Затем включил в сеть небольшую переносную лампу и прицепил ее к задней стенке телевизора.

Большие часы в холле пробили четверть часа, и этот звон эхом прокатился по всему дому.

— Вы много времени проводите у телевизора? — спросил он, отвинчивая заднюю крышку.

— Нет.

— Я люблю смотреть вечерние серии «Даллас», «Династия» и другие в этом роде.

— Я это не смотрю.

— Да? Ладно, чего уж там. Готов спорить, что смотрите.— Он хитро засмеялся.— Все смотрят, но не все хотят в этом признаться. Ведь нет ничего интереснее, чем истории об убийствах в спину, интригах, кражах, лжи... и супружеских изменах. Вы же понимаете. Люди сидят, смотрят и щелкают языком: «Какой ужас!», а сами при этом ловят кайф. Так уж устроен человек.

— Я... у меня есть дела на кухне,— сказала Нора нервно.— Позовете меня, когда закончите ремонт.

Она вышла из комнаты, прошла через холл и через вращающуюся дверь вошла в кухню.

Ее била дрожь. Нора презирала себя за слабохарактерность, за легкость, с которой поддавалась страху, но оставалась тем, чем была,— мышью.

Тетя Виолетта часто говорила:

— Девочка моя, в мире существует два типа людей: кошки и мышки. Кошки гуляют сами по себе, делают то, что хотят, и берут, что хотят. По натуре кошки агрессивны и самостоятельны. В мышах, напротив, нет ни грамма агрессивности. По природе своей они уязвимые, нежные и тихие зверьки, и самое большое счастье для них — смириться и довольствоваться тем, что дает им жизнь. Ты — мышка, моя дорогая. Но в этом нет ничего плохого. Ты можешь быть совершенно счастливой. У мышки, возможно, не такая яркая и разнообразная жизнь, как у кошки, но если она не будет высовываться из своей норки и будет сидеть тихо, то проживет дольше кошки и испытает гораздо меньше потрясений в жизни.

В данный момент там, в гостиной, представитель семейства кошачьих занимался ремонтом телевизора, а Нора отсиживалась в кухне, обуреваемая мышиным страхом. У нее не было здесь никаких дел. Минуту-другую Нора просто стояла у раковины, сцепив холодные ладони — они у нее всегда были ледяные,— стараясь придумать себе занятие на то время, пока Стрек чинит телевизор. Она решила испечь торт. Такой желтый торт с шоколадной глазурью. Это отвлечет ее и поможет не думать больше об агрессивном подмигивании Стрека.

Она достала посуду, электрический миксер, пакетик с ингредиентами для торта и принялась за работу. Вскоре ее взвинченные нервы успокоились.

Не успела Нора развалить тесто в две формы, как в кухню вошел Стрек и спросил:

— Вы любите готовить?

От удивления она чуть не выронила пустую миску из-под теста и лопаточку. Сумев все-таки удержать в руках эти предметы и выдав свой испуг легким звяканьем, она положила их в мойку.

— Да. Я люблю готовить.

— Это просто здорово! Я восхищаюсь женщинами, которые любят женскую работу. Вы, наверное, еще и шьете, вяжете крючком, вышиваете и так далее, да?

— Плету кружева.

— Это еще лучше.

— Телевизор готов?

— Почти.

Нора собралась поставить торт в духовку, но ей не хотелось нести формы под наблюдением Стрека. Она опасалась, что руки у нее будут слишком сильно дрожать. Тогда он поймет: Нора боится его, и сделается еще нахальнее. Поэтому она поставила полные формы на стол.

Стрек прошел в глубь просторной кухни, держа себя свободно и расслабленно, дружелюбно улыбаясь, но двигаясь при этом прямо на нее.

— Можно мне стакан воды?

Нора почувствовала некоторое облегчение, стараясь уверить себя, что жажда — единственное желание, приведшее его на кухню.

— Да, конечно,— сказала она, достала стакан из шкафа и открыла кран с холодной водой.

Когда Нора повернулась к Стреку со стаканом в руках, оказалось, что он по-кошачьи тихо успел подойти к ней вплотную. Она невольно вздрогнула, и вода плеснула на пол.

— Вы...

— Давайте,— сказал Стрек, забирая у нее стакан.

— ...напугали меня.

— Я? — переспросил он, улыбаясь и не сводя с нее своих ледяных голубых глаз.— Я не хотел, извините. Я абсолютно безопасен, миссис Девон. Правда. Я всего лишь хотел пить. Вы же не думаете, что я хотел чего-то другого, а?

Каков наглец. Невероятно нахальный, развязный и агрессивный тип. Ей хотелось ударить его по физиономии, но она боялась последствий. Дать ему пощечину — и тем самым признать его оскорбительные двусмысленности — означало поощрить его к еще более наглым действиям.

Стрек смотрел на нее пугающим плотоядным взглядом. Его улыбка была улыбкой хищника.

Инстинктивно Нора поняла, что лучший способ отделаться от Стрека — это притвориться непонимающей дурочкой, до которой якобы не доходят его противные сексуальные намеки. Короче говоря, необходимо было вести себя так, как ведет мышь, оказавшись в опасности. Притворись, что не видишь кошки, притворись, что ее просто здесь нет, и, возможно, она будет разочарована отсутствием реакции и начнет искать более пугливую жертву в другом месте.

Чтобы избежать взгляда его требовательных глаз, Нора оторвала пару бумажных полотенец с крепления рядом с мойкой и начала вытирать расплескавшуюся на полу воду. Но в тот момент, когда она нагнулась перед Стреком, Нора почувствовала, что совершает ошибку. Он не сдвинулся с места, а продолжал стоять над ней, опустившейся перед ним на корточки. Вся эта сцена превратилась в своего рода эротический символ. Когда Нора осознала уязвимость своей позы, она вскочила и увидела, что Стрек улыбается еще шире, чем прежде.

Покрасневшая и запыхавшаяся Нора швырнула мокрые полотенца в мусорное ведро под раковиной.

Арт Стрек сказал:

— Готовит, плетет кружева... да это просто замечательно. А что еще вы любите делать?

— Боюсь, что это все,— сказала она.— У меня нет никаких необычных увлечений. Я не очень интересный человек. Так себе. Скучный даже.

Проклиная себя за то, что не сумела выгнать этого ублюдка из дома, Нора скользнула мимо него к духовке, давая понять, что хочет проверить, нагрелась ли она, но на самом деле пытаясь оказаться вне досягаемости Стрека.

Он опять приблизился к ней.

— Когда я подъехал сюда, я увидел много цветов. Это вы ухаживаете за ними?

Не сводя глаз с термометра духовки, Нора сказала:

— Да, мне нравится работать в саду.

— Я одобряю это,— продолжал Стрек с таким видом, будто она ждала именно этого одобрения.— Цветы... хорошее занятие для женщины. Готовка, кружева, цветы — у вас прямо целый набор чисто женских занятий и талантов. Готов спорить: вы все делаете хорошо, миссис Девон. Я имею в виду все, что должна делать женщина. По всем статьям вы наверняка первоклассная женщина.

«Если он до меня дотронется, я закричу»,— подумала Нора.

Надо заметить, что стены старого дома были достаточно толсты, а соседи находились не так уж близко. Никто не услышит ее криков и не придет на помощь.

«Я буду брыкаться,— подумала она.— Так просто ему не дамся».

На самом деле Нора совсем не была уверена в том, что у нее хватит храбрости сопротивляться ему. Даже если она и попыталась бы защитить себя, Стрек все равно был намного выше и сильнее ее.

— Да, готов спорить: вы — женщина первый сорт, по всем статьям,— повторил он уже с более провокационной интонацией.

Повернувшись от духовки, Нора выдавила смешок:

— Мой муж удивился бы, услышав такое. Я неплохо пеку торты, но корочки у моих пирогов не пропекаются, а жаркое получается сухим. Вяжу я неплохо, но очень медленно.

Она проскользнула мимо него к кухонной стойке. Вскрывая пакет с порошком глазури, Нора болтала без умолку, к собственному удивлению. Отчаяние было причиной ее словоохотливости.

— С цветами у меня хорошо получается, а вот хозяйка я неважная, и, если бы мой муж мне не помогал, этот дом превратился бы черт знает во что.

«Все это звучит фальшиво»,— подумала Нора. В своем голосе она расслышала истеричные нотки, на которые он наверняка тоже обратил внимание. Но упоминание о муже, по-видимому, заставило Арта Стрека задуматься, прежде чем

атаковать с новой силой. Пока Нора высыпала порошок в миску и отмеряла нужный кусок масла, Стрек пил воду из стакана. Затем он поставил стакан в мойку с грязной посудой. На этот раз парень не приблизился к ней на непочтительно близкое расстояние.

— Ну, мне пора вернуться к работе.

Нора нарочно ответила ему рассеянной улыбкой, кивнула и стала напевать себе под нос, как будто ничего не случилось.

Стрек прошел через кухню, но остановился, приоткрыв дверь.

— Ваша тетя любила темные помещения, так ведь? Эта кухня смотрелась бы шикарно, если ее перекрасить повеселее.

Прежде чем Нора успела отреагировать, он вышел и дверь за ним закрылась.

Несмотря на непрошеный комментарий насчет кухни, Стрек все-таки поубавил свой пыл, и Нора была довольна собой. Прибегнув к невинной лжи по поводу несуществующего мужа, которую она произнесла с завидным хладнокровием, Нора сумела поставить Стрека на место. Конечно, кошки не так реагируют на противника, но такое поведение не было поведением запуганной насмерть мышки.

Нора оглядела кухню с высоким потолком и решила, что на самом деле здесь мрачновато. Стены выкрашены в грязновато-синий цвет. Матовые шары светильников источали тусклый, зимний свет. Она стала думать о перекраске кухни и замене светильников.

Сама мысль о том, чтобы произвести какие-либо крупные изменения в доме Виолетты Девон, вызывала некоторое головокружение. С тех пор как умерла тетка, у Норы хватило духу переоборудовать только свою спальню. Сейчас же, когда перед ней встал вопрос о косметическом ремонте всего дома, она чувствовала, как ее охватывает необузданное, дикое чувство раба, восставшего против хозяина. Возможно, Нора решится на это. Возможно. Если ей удастся не подпустить к себе Стрека, у нее достанет мужества и для того, чтобы выйти из повиновения покойной тетке.

Ее самодовольное настроение продержалось двадцать минут, в течение которых она поставила коржи в духовку, взбила глазурь и помыла посуду. В кухню вернулся Стрек, объявил, что

телевизор в порядке, и подал счет. Когда парень уходил, казалось, он слегка успокоился, но сейчас к нему вернулась прежняя наглость. Стрек осматривал ее с ног до головы, как бы мысленно снимая с нее одежду, и когда их взгляды встретились, в его глазах было вызывающее выражение.

Счет показался ей чрезмерным, но Нора не стала спорить, поскольку хотела отделаться от него побыстрее. Стрек прибегнул к уже испытанному приему: придвинулся вплотную к ней, стараясь запугать ее своей мужественностью и высоким ростом. Когда Нора встала из-за стола и протянула ему чек, Стреку удалось взять его таким образом, что она почувствовала его похотливое прикосновение.

Пока они шли к выходу через холл, Нора была почти уверена: вот сейчас он поставит на пол свой чемоданчик и набросится на нее сзади. Однако, когда они подошли к двери, Стрек прошел мимо нее на веранду, и ее сердце перестало колотиться.

На выходе он замешкался.

— А чем занимается ваш муж?

Этот вопрос сбил Нору с толку. Стрек мог задать его еще тогда, на кухне, когда она упомянула о своем муже, но теперь такой вопрос показался ей несвоевременным.

Норе надо было сказать ему, что это его не касается, но она все еще боялась Стрека. Нора чувствовала: Стрека сейчас легко разозлить. Накопившаяся в нем агрессивность может выйти наружу из-за какого-нибудь пустяка. Поэтому она решила соврать ему еще раз в надежде, что это охладит его пыл:

— Он... полицейский.

Стрек удивленно поднял брови.

— В самом деле? Здесь, в Санта-Барбаре?

— Совершенно верно.

— Ничего себе домик у полицейского.

— Простите?

— Я не знал, что полицейские так хорошо зарабатывают.

— А... но ведь я говорила вам — я унаследовала этот дом от своей тетки.

— Ах да, конечно. Я вспомнил. Вы мне говорили. Точно.

Стараясь подкрепить свою ложь, она сказала:

— Мы снимали квартиру, а когда тетя умерла, переехали сюда. Вообще-то вы правы, если не это, такой дом был бы нам не по карману.

— Ну,— сказал Стрек,— я рад за вас. Правда. Такая красивая леди, как вы, заслуживает, чтобы жить в таком красивом доме.

Он прикоснулся кончиками пальцев к воображаемой шляпе, подмигнул и зашагал по дорожке в сторону улицы, где был припаркован его белый фургончик.

Нора закрыла дверь и стала наблюдать за ним сквозь овальное витражное окошечко, устроенное в центре двери. Стрек обернулся, увидел Нору и помахал рукой. Она отпрянула от окошка в глубь полутемного холла, продолжая наблюдать за ним. Оттуда он уже не мог ее увидеть.

Стрек ей не поверил — это ясно. Он знал: никакого мужа у нее нет. Господи, не надо было говорить, что она замужем за полицейским, ему сразу стало понятно: это же уловка с целью обескуражить его. Надо было сказать, что она замужем за слесарем или доктором, за кем угодно, только не за полицейским. Тем не менее Арт Стрек удалялся. Он уходил, хотя и знал, что Нора наврала ему.

Она почувствовала себя в безопасности, только когда его фургончик исчез из виду.

Вообще-то говоря, даже и тогда она продолжала бояться.

2

После убийства доктора Дэвиса Вэтерби Винс Наско поехал в своем сером «форде» к автостанции на шоссе «Пасифик Коаст». Там зашел в телефонную будку и набрал номер в Лос-Анджелесе, он уже давно прочно удерживал его в памяти.

На звонок ответил мужской голос, повторив вслух номер, по которому звонил Винс. Это был один из трех голосов, обычно отвечающих по этому номеру, мягкий, низкого тембра. Чаще Винсу приходилось говорить с другим мужчиной. У того раздражающе резкий голос.

Изредка к телефону подходила женщина с сексуальным голосом: гортанным и в то же время каким-то девичьим. Винс никогда не видел ее, но часто пытался представить себе, как она выглядит.

Когда мягкий голос повторил номер, Винс сказал:

— Дело сделано. Я признателен вам за это предложение, и, если у вас будет для меня еще работа, я всегда к вашим услугам.

Он был уверен, что человек там, на другом конце провода, также узнал его.

— Я очень рад слышать, что все прошло хорошо. Мы очень ценим вас как специалиста. Теперь постарайтесь запомнить следующее...— И он произнес семизначный номер.

Винс удивленно повторил номер вслух.

Человек сказал:

— Это номер одного из общественных телефонов в Фенш-Айленде. Он находится в открытой галерее около универсального магазина Робинсон. Можете подъехать туда через пятнадцать минут?

— Конечно,— ответил Винс.— Даже через десять.

— Через пятнадцать минут я позвоню вам туда и сообщу подробности.

Винс повесил трубку и, насвистывая, зашагал к своему микроавтобусу. Раз его посылают к другому телефону, чтобы «сообщить подробности», это может означать только одно: у них для него есть еще задание.

3

После того как Нора испекла коржи и залила их глазурью, она ушла в спальню, которая располагалась в юго-западном крыле дома.

Когда была жива Виолетта Девон, эта комната служила Норе убежищем, где она могла уединиться, несмотря на отсутствие замка в двери. Подобно остальным комнатам, спальня была заставлена громоздкой мебелью, как будто это было не жилое помещение, а склад. Да и в остальных отношениях это было мрачное местечко. Тем не менее закончив дела по хозяйству или освободившись от нескончаемых нравоучений тетки, Нора убегала в спальню и спасалась чтением или предавалась мечтам.

Виолетта всегда проверяла, что делает ее племянница, тихонько подкрадывалась к двери ее спальни и врывалась туда в надежде застать Нору за каким-нибудь предосудительным занятием. Когда Нора была ребенком и подростком, эти внезапные инспекции происходили часто, потом они стали реже. Но до конца дней своих тетка контролировала Нору, хотя та была уже взрослой двадцатидевятилетней женщиной. Поскольку

Виолетта любила одеваться во все темное, стягивала волосы в тугой пучок, а ее бледное старенькое личико никогда не знало косметики, она скорее походила не на женщину, а на мужчину — этакого сурового монаха в грубой рясе, который крадучись бродит по коридорам какого-то средневекового монастыря и следит за поведением своих собратьев.

Если Виолетта заставала Нору спящей или мечтающей, она сурово отчитывала ее и тут же назначала ей наказание в виде самых неприятных дел по хозяйству. Тетка не любила лентяев.

Книги дозволялись — конечно, предварительно требовалось одобрение со стороны Виолетты — хотя бы потому, что чтение способствует образованию. Кроме того, она часто приговаривала:

— Простые домашние женщины, вроде тебя и меня, никогда не проживут яркую жизнь и никогда не побывают в экзотических местах. Поэтому книги имеют для нас особую ценность: читая их, мы можем многое испытать умозрительно. Это не так уж плохо. Жить в мире книг даже лучше, чем иметь друзей и... знать мужчин.

При помощи сговорчивого семейного врача тетке удалось освободить Нору от занятий в общеобразовательной школе под предлогом слабого здоровья. Она получала образование дома, поэтому книги заменяли ей школу тоже.

Помимо того, что к тридцати годам Нора успела прочесть тысячи книг, она самостоятельно освоила живопись маслом, акриловыми красками, акварелью, а также карандашный рисунок. Эти увлечения Виолетта одобряла. Искусство было единственным занятием, помогавшим Норе не думать о мире, оставшемся за пределами теткиного дома, и избегать контактов с людьми, которые обязательно отвергли бы, обидели и разочаровали ее.

В одном из углов Нориной комнаты стояли чертежная доска, мольберт и шкафчик с рисовальными принадлежностями. Место для миниатюрной студии было найдено за счет сдвигания вместе находившейся в комнате мебели — именно сдвигания, а не выноса,— поэтому эффект от этого получился клаустрофобический.

Много раз за долгие годы, особенно по ночам, Норе начинало казаться, что пол в спальне вот-вот рухнет под тяжестью мебели и она провалится в комнату под спальней и будет раздав-

лена насмерть своей собственной кроватью с балдахином. Временами этот страх становился непреодолимым, и тогда Нора убегала на лужайку за домом и сидела там под открытым небом, съежившись и дрожа. Ей исполнилось уже двадцать пять лет, когда она поняла, что эти приступы паники происходят не только из-за излишка мебели в ее комнате и мрачной обстановки в доме, но и из-за всеподавляющего присутствия Виолетты.

В одно свободное утро четыре месяца назад (и восемь месяцев спустя после кончины тетки) Нору вдруг охватило нестерпимое желание перемен, и она поспешно переоборудовала свою спальню. Нора вытащила из нее все малогабаритные предметы обстановки и распределила их равномерно по другим пяти комнатам второго этажа. Более тяжелые вещи пришлось разбирать и вытаскивать по частям. В конце концов в спальне остались кровать с балдахином, ночной столик, кресло, чертежная доска, табурет, шкафчик и мольберт — все, что ей было нужно. Потом она ободрала обои со стен.

Всю субботу и воскресенье у Норы было чувство: происходит какая-то революция и она никогда не вернется к прежней жизни. Однако к моменту, когда переоборудование спальни было закончено, мятежный дух в ней угас, и все остальные помещения в доме остались нетронутыми.

Но по крайней мере эта комната стала светлой, даже веселой. Стены были окрашены в светло-желтый цвет. Тяжелые гардины заменены занавесками, подходящими по цвету к стенам. Нора убрала ужасный ковер и отполировала красивый дубовый паркет.

Эта комната стала ее убежищем еще в большей степени, чем раньше. Когда Нора вошла туда и увидела плоды своих трудов, настроение у нее сразу поднялось и она даже забыла о недавних тревогах.

Нора села за чертежную доску и начала делать карандашный эскиз для будущей картины, замысел которой вынашивала уже некоторое время. Поначалу руки у нее дрожали, но, по мере того как она продолжала рисовать, внутренний страх пропал.

Нора уже подумала о Стреке и попыталась представить, как далеко он зашел бы в своих домогательствах, если бы ей не удалось выпроводить его из дома. В последнее время она все чаще

спрашивала себя, насколько верным был пессимистический взгляд Виолетты Девон на внешний мир и других людей; и, хотя этот взгляд лежал в основе воспитания самой Норы, у нее росло подозрение, что это неправильное, даже нездоровое мировоззрение. Но вот на ее пути встретился Арт Стрек — наглое подтверждение тому, в чем уверяла ее тетка: слишком тесное соприкосновение с окружающим миром таит в себе опасность.

Прошло много времени, и, закончив набросок, Нора начала думать о том, правильно ли она восприняла все, что делал и говорил Стрек. У него наверняка и не было сексуальных намерений по отношению к ней. Только не *к ней*.

По правде говоря, в сексуальном плане она не представляла интереса. Обычная. Домашняя. Возможно, даже некрасивая. Это был факт, который тетя Виолетта довела до сведения Норы еще в раннем возрасте. Несмотря на множество недостатков, старуха имела и кое-какие достоинства — хотя бы прямолинейность. Нора была непривлекательной женщиной, которая не могла рассчитывать на объятия, поцелуи и обожание.

Хотя как личность Стрек внушил ей отвращение, внешне он был привлекательным мужчиной и, очевидно, не испытывал недостатка в хорошеньких подружках. Смешно даже думать о том, что его могло заинтересовать такое чучело, как она.

Нора все еще носила одежду, купленную когда-то теткой: темные бесформенные платья, юбки и блузы, похожие на те, которые носила сама Виолетта. Более нарядные и яркие вещи только бы подчеркивали худобу нескладного тела девушки, заурядность и непривлекательность лица.

Но почему тогда Стрек сказал, что она хорошенькая?

Ну, это легко объяснимо. Он, наверное, подшучивал над ней. Или, что вероятнее, хотел быть учтивым.

Чем больше Нора думала на эту тему, тем больше уверяла себя, что не поняла бедняги. В тридцать лет она уже превратилась в нервную старую деву, пугливую и одинокую.

Эти мысли расстроили ее на какое-то время. Но Нора собралась, удвоила свои усилия и закончила набросок, после чего начала следующий, уже в другом ракурсе. Шло время, и она забылась, погрузившись в работу.

Внизу большие часы пунктуально отбивали каждые час, полчаса и четверть.

Солнце на западе приобретало все более золотистый оттенок, и к концу дня комната становилась светлее. Воздух мерцал золотыми блестками. За окном, выходящим на южную сторону, королевская пальма нежно подрагивала под порывами майского ветерка.

К четырем часам Нора уже совершенно успокоилась и, мурлыкая себе под нос, продолжала работать.

Зазвонил телефон, она вздрогнула. Отложив в сторону карандаш, сняла трубку.

— Алло?

— Интересно получается,— сказал мужской голос.

— Простите?

— Они никогда о нем не слышали.

— Извините,— сказала она,— но боюсь, вы не туда попали.

— Это вы, миссис Девон?

Она узнала этот голос. Это был он. Стрек.

На секунду у Норы отнялся язык.

Стрек сказал:

— Они никогда о нем не слышали. Я позвонил в полицейское управление Санта-Барбары и попросил к телефону полицейского Девона. Они ответили, что такой у них не числится. Странно, правда, миссис Девон?

— Что вам нужно? — спросила она дрожащим голосом.

— Я думаю, дело в компьютере,— сказал Стрек, посмеиваясь.— Наверняка из-за какой-нибудь ошибки в нем вашего мужа не оказалось среди личного состава полиции. Мне кажется, миссис Девон, вам лучше сказать ему об этом, как только он придет домой. Если об этом не позаботиться... то, черт возьми, в конце недели ему просто не начислят зарплату.

На этих словах Стрек повесил трубку. Услышав гудки, Нора поняла: ей надо было первой прекратить этот разговор, просто хлопнуть трубку на рычаг, как только он сообщил, что звонил в полицию. Ей не следовало выслушивать всю эту болтовню.

Нора прошла по дому и проверила запоры на окнах и дверях. Все они были надежно закрыты.

4

В кафе «Макдональдс» на Ист Чэпмен-авеню Тревис Корнелл заказал пять гамбургеров для золотистого ретривера. Сидя на переднем сиденье пикапа, пес съел всю мясную начинку и две булочки. Попытался лизнуть Тревиса в лицо, выражая таким способом свою благодарность.

— У тебя из пасти воняет, как от больного аллигатора,— запротестовал тот, отпихивая от себя собаку.

Обратный путь в Санта-Барбару занял у них три с половиной часа, поскольку машин на дорогах стало уже гораздо больше, чем утром. Пока они ехали, Тревис поглядывал на своего четвероногого спутника и разговаривал с ним, надеясь обнаружить в нем признаки так изумившего его разумного начала. Но ожидания не оправдались. Ретривер вел себя обыкновенно, как любая собака в такой поездке. Время от времени он усаживался очень прямо и смотрел сквозь встровое или боковое стекло на бегущий мимо пейзаж, может быть, с несколько большим для собаки интересом и вниманием. Но основную часть времени он лежал, свернувшись на сиденье, или спал, пофыркивая во сне, или скулил и зевал со скучающим выражением на морде.

Когда запах псины стал невыносим, Тревис опустил стекла, чтобы проветрить кабину, и ретривер высунул голову из окна. Ветер трепал его мягкие уши и шерсть, и на морде у него появилось глупое и очаровательное бесхитростное выражение, которое бывает у всех собак, перевозимых таким способом.

В Санта-Барбаре Тревис остановился у торгового центра и купил несколько банок «Алло»*, коробку собачьих галет «Милк Боун», тяжелые пластмассовые миски для корма и воды, жестяную ванну, флакон шампуня для домашних животных с компонентами против блох и клещей, щетку для расчесывания шерсти, ошейник и поводок.

Пока Тревис загружал покупки в кузов пикапа, пес наблюдал за ним через окно кабины, прижав влажный нос к стеклу.

Садясь за руль, Тревис сказал:

— Ты грязный и воняешь. Надеюсь, с мытьем у нас с тобой проблем не будет, а?

Пес зевнул.

К тому времени, как Тревис подъехал к арендуемому им бунгало на севере Санта-Барбары и заглушил мотор, он начал спрашивать себя, действительно ли поведение собаки было таким необычным, как ему показалось утром?

---

* Корм для собак.— *Прим. пер.*

— Если ты вскоре не покажешь мне свои фокусы,— обратился он к псу, вставляя ключ в дверной замок,— я начну думать, что мне все почудилось там, в лесу, что я рехнулся и все сам выдумал.

Стоя рядом с ним на крыльце, пес вопросительно поднял голову.

— Ты же не хочешь, чтобы я усомнился в том, что с головой у меня все в порядке, а?

Яркая оранжево-черная бабочка порхнула перед мордой ретривера, напугав его. Пес тявкнул, соскочил с крыльца и помчался за ней по дорожке. Бегая туда-сюда по лужайке, прыгая и щелкая зубами, он старался схватить яркое насекомое, но чуть не налетел на покрытый рисунком ствол канарской пальмы, затем едва избежал лобового столкновения с бетонной емкостью для воды и наконец неуклюже плюхнулся в клумбу с новогвинейскими недотрогами, над которой искала спасения бабочка. Перекатившись через спину, ретривер вскочил на лапы и выпрыгнул из клумбы.

Поняв, что жертва ускользнула, он вернулся к Тревису и виновато посмотрел на него.

— Ну и псина,— сказал Тревис.— Горе мое.

Он открыл дверь, ретривер вбежал внутрь дома и сразу стал исследовать незнакомое помещение.

— Только попробуй наделать мне на пол,— крикнул Тревис ему вслед.

Он прошел на кухню, неся в руках ванну и пластиковый мешок с остальными покупками. Тревис оставил там собачью еду и посуду, остальное вынес во двор через заднюю дверь. Он поставил ванну рядом со свернутым кольцами шлангом, надетым на водопроводный кран.

Зайдя обратно в дом, Тревис вытащил ведро из-под кухонной раковины, наполнил его горячей водой, вынес наружу и вылил воду в ванну. После того как Тревис принес четвертое ведро, появился ретривер и начал обследовать задний двор. К тому времени, как Тревис наполнил водой больше половины ванны, пес стал мочиться через каждые четыре фута вдоль побеленной бетонной стены, отмечая таким образом свою территорию.

— Когда закончишь портить газон,— сказал Тревис,— давай купаться. Ты воняешь.

Ретривер повернулся на звук его голоса, наклонил голову в сторону и стал слушать. Он, однако, совсем не походил на тех умных собак, которых снимают в кино. Было очевидно, что он не понимает человеческую речь. Он просто смотрел на Тревиса, и все. Как только Тревис замолчал, пес прошел немного вдоль стены и опять поднял заднюю ногу.

Наблюдая, как пес справляет нужду, Тревис почувствовал: ему тоже пора последовать его примеру. Он зашел в туалет, а затем переоделся в старые джинсы и футболку с короткими рукавами, готовясь к предстоящей грязной работе.

Выйдя наружу, Тревис увидел: ретривер стоит рядом с дымящейся ванной и держит в зубах шланг. Каким-то образом псу удалось повернуть кран. Из шланга в ванну текла вода.

Открыть кран — трудное, почти невозможное дело для собаки. По степени сложности это можно сравнить с ситуацией, в которой Тревису пришлось бы открывать за спиной пузырек с аспирином, снабженный крышкой с подстраховкой от случайного вскрытия детьми, и при этом он должен был действовать одной рукой.

— Слишком горячая вода для тебя? — удивленно спросил он.

Ретривер выпустил из зубов шланг, из которого на пол дворика продолжала литься вода, и почти изящно шагнул в ванну. Он сел в воду и посмотрел на Тревиса, как бы говоря: «Давай начинать, ты, недоумок».

Тревис подошел к ванне и присел на корточки рядом.

— Покажи мне, как ты закрываешь воду.

Пес посмотрел на него с глупым выражением на морде.

— Покажи мне,— повторил Тревис.

Собака фыркнула и устроилась поудобнее в теплой воде.

— Если ты сумел включить воду, значит, ты должен уметь ее выключить. Как ты это проделал? Зубами? Наверное, зубами. Не лапами же, прости Господи. Но ведь тебе пришлось крутить кран, а это непросто. Ты мог сломать себе зубы об эту чугунную ручку.

Пес вытянул шею и схватил зубами пакет, в котором находился шампунь.

— Не будешь закрывать кран? — спросил Тревис.

Пес непонимающе моргнул.

Тревис вздохнул и завернул кран.

— Ладно. О'кей, раз ты такой умник.

Он вынул из пакета щетку и шампунь и протянул их псу.

— Держи. Обойдешься без моей помощи. Уверен, что ты сам все сумеешь.

Собака испустила долгий подвывающий звук, и у Тревиса появилось чувство, что она говорит ему: «Сам ты умник!»

«Спокойно,— сказал Тревис себе.— Так недолго и умом тронуться. Конечно, это еще та собака, но она все-таки не понимает того, что я говорю, и, уж конечно, не может отвечать».

Ретривер не выказывал никакого неудовольствия по поводу купания — напротив, псу нравилась эта процедура. Приказав ему выйти из ванны и сполоснув чистой водой, Тревис потратил около часа, расчесывая его мокрую шерсть. Он вытаскивал застрявшие там колючки, травинки и распутывал колтуны. За все это время пес ни разу не проявил нетерпения, и к шести часам он совершенно преобразился.

Вымытый и расчесанный, он превратился в красивое животное. Его шерсть приобрела в основном среднезолотистый окрас, переходящий в более светлые подпалины на тыльных сторонах ног, живота и на нижней стороне хвоста. Подшерсток у него был густой и мягкий, хорошо сохранявший тепло и отталкивающий воду. Сама шерсть тоже была мягкая, хотя и не такая густая, и лежала волнами там, где волосы были длиннее. Хвост слегка закручивался кверху, придавая псу довольный, игривый вид — впечатление, которое еще усиливалось из-за постоянного виляния.

Запекшаяся кровь на ухе была следствием небольшой ранки, которая уже заживала. Кровь на лапах появилась от долгого бега по каменистой местности. Тревис смазывал трещины раствором борной кислоты, обладающей антисептическим действием. Он был уверен, что, поскольку пес не хромает, через несколько дней все будет в порядке.

Ретривер выглядел великолепно, в то время как Тревис был весь мокрый, потный и пропитался запахом собачьего шампуня. Ему не терпелось принять душ и переодеться. Кроме того, у него разыгрался аппетит.

Оставалось только надеть на пса ошейник. Но когда он попытался это сделать, ретривер тихо зарычал и отпрянул назад.

— Ну что еще такое? Это всего лишь ошейник, малыш.

Пес уставился на кольцо из красной кожи в руке у Тревиса и снова зарычал.

— У тебя с ошейником связаны неприятные воспоминания?

Собака перестала рычать, но не сдвинулась с места.

— С тобой плохо обращались? — спросил Тревис.— Вот в чем дело. Может, тебя душили, затягивали ошейник и душили, а может, держали на слишком короткой цепи? Что-нибудь в этом роде?

Ретривер тявкнул и прошлепал в самый дальний угол дворика, поглядывая оттуда на ошейник.

— Ты доверяешь мне? — спросил Тревис, все еще стоя на коленях в позе, свидетельствующей о его мирных намерениях.

Пес отвел взгляд от ошейника и посмотрел в глаза Тревису.

— Я никогда не буду тебя обижать,— торжественно сказал Тревис, уже не чувствуя себя по-дурацки оттого, что так искренне и прямо разговаривает с собакой.— Ты должен был это понять. Я имею в виду, что ты хорошо разбираешься в таких вещах, не так ли? Положись на свои инстинкты, малыш, и доверься мне.

Ретривер вышел из своего угла и подошел ближе. Он посмотрел на ошейник, а затем обратил свой жутковатый пристальный взгляд прямо в глаза Тревису. Как и раньше, Тревис ощутил, что между ним и псом существует невидимый контакт — прочный, странный и неописуемый.

Он произнес:

— Послушай, наверняка мне придется брать тебя с собой в такие места, где потребуется держать тебя на поводке, который прицепляется к ошейнику, так ведь? Это единственная причина, заставляющая меня надеть на тебя ошейник. Ты сможешь везде сопровождать меня. И еще — чтобы отпугивать от тебя блох. Но, если ты не хочешь надевать его, я не буду делать это насильно.

Некоторое время они стояли друг перед другом молча, пока ретривер, казалось, обдумывает ситуацию. Тревис продолжал держать ошейник в руке таким образом, чтобы он выглядел как подарок, а не как угроза, а пес продолжал смотреть в глаза своего нового хозяина. Наконец ретривер встряхнулся, чихнул и медленно приблизился к Тревису.

— Вот и молодец,— сказал тот одобряюще.

Подойдя к нему, собака улеглась на живот, затем перевернулась на спину и задрала все четыре лапы, как бы сдаваясь на милость человека. В его взгляде Тревис увидел любовь, доверие и легкую настороженность.

К своему удивлению, Тревис почувствовал, что к горлу у него подступает комок, а в уголках глаз скапливается влага. Он сглотнул и заморгал ресницами, чтобы прогнать слезы, и назвал себя сентиментальным рохлей. Но он понял, почему смиренная покорность пса подействовала на него так сильно. Впервые за последние три года Тревис Корнелл осознал, что он кому-то нужен, почувствовал глубокую связь между собой и другим живым существом. Впервые за эти три года его жизнь приобрела смысл.

Он надел на пса ошейник и почесал ему брюхо.

— Надо тебе придумать кличку,— сказал он.

Пес встал на лапы, взглянул на него и напряг уши, как бы желая услышать свое новое имя.

«Господи помилуй,— подумал Тревис,— я зря приписываю ему человеческие поступки. Он просто пес, хотя, возможно, и не такой, как все. Смотрит на меня, как будто хочет узнать, как его будут называть, хотя наверняка не понимает английскую речь».

— Не могу придумать ни одного подходящего имени,— наконец сказал Тревис.— Ты не простой пес, мохнатая ты морда. Мне надо хорошенько подумать на эту тему.

Тревис вылил грязную воду из ванны, сполоснул ее и оставил во дворе сушиться. Затем вместе с ретривером они вернулись в дом, который теперь был их общим домом.

5

Доктор Элизабет Ярбек и ее муж Джонатан, адвокат по профессии, жили в районе Ньюпорт-Бич в приземистом одноэтажном доме, похожем на ранчо, с тесовой крышей, кремовыми оштукатуренными стенами и дорожкой из природного камня. Заходящее солнце зажигало золотистые и рубиновые огоньки, которые мерцали и вспыхивали на ограненных стеклах узких окошек со свинцовыми переплетами по обе стороны входной двери, придавая им вид огромных бриллиантов.

На звонок Винса Наско дверь открыла Элизабет. Это была пятидесятилетняя подтянутая привлекательная женщина с копной светло-серебристых волос и голубыми глазами. Винс представился ей Джоном Паркером, сотрудником ФБР, и сказал, что ему нужно переговорить с ней и ее мужем по поводу дела, находящегося в данный момент в стадии расследования.

— Дела? — спросила она.— Какого дела?

— Речь идет о финансируемом правительством исследовательском проекте, вы в нем когда-то участвовали,— ответил Винс, повторив фразу, с которой, как его проинструктировали, он должен был начать разговор.

Она внимательно изучила предъявленное им служебное удостоверение с фотографией.

Винсу было на это наплевать. Фальшивое удостоверение он получил от тех же самых людей, которые наняли его десять месяцев назад, когда у него было задание в Сан-Франциско, и с тех пор он показывал его трижды и ни разу не прокололся.

Хотя он знал: удостоверение не вызовет у нее подозрений, но не был уверен, что сам выдержит проверку. На нем был темно-синий костюм, белая сорочка, синий галстук и начищенные башмаки — обычное одеяние агента ФБР. Его габариты и бесстрастное выражение лица тоже соответствовали роли, которую ему было поручено сыграть. Однако убийство доктора Вэтерби и предстоящие в течение ближайших нескольких минут еще два убийства настолько возбуждали Винса, переполняли каким-то маниакальным ликованием, что он едва скрывал свои эмоции. Смех буквально душил его, а все попытки сдержаться с каждой минутой становились все безуспешнее. Еще когда Винс сидел за рулем неприметного зеленого «форда», угнанного им минут сорок назад для выполнения этого задания, его начало сильно трясти, но не оттого, что он нервничал, а от чувства переполнявшего его предвкушения почти сексуального свойства. Ему даже пришлось остановиться у обочины и посидеть минут десять, чтобы отдышаться и успокоиться.

Элизабет Ярбек подняла взгляд от фальшивого удостоверения на Винса, встретилась с ним глазами и нахмурилась.

Он рискнул улыбнуться, хотя осознавал опасность того, что может непроизвольно расхохотаться и таким образом выдать себя. У него была мальчишеская улыбка, которая не соответ-

ствовала его внушительной внешности и могла оказывать обезоруживающее действие на собеседника.

После минутного колебания доктор Ярбек улыбнулась в ответ. С удовлетворенным видом она вернула ему документы и пригласила войти.

— Мне нужно поговорить с вашим супругом тоже,— напомнил ей Винс, пока женщина закрывала входную дверь.

— Он в гостиной, мистер Паркер. Сюда, пожалуйста.

Гостиная была большая и светлая. Светло-кремовые стены и ковер. Светло-зеленые диваны. Через огромные, во всю стену, окна, затемненные снаружи зелеными матерчатыми козырьками, были видны тщательно ухоженные участки и дома на холмах внизу.

Джонатан Ярбек засовывал пригоршни щепок между поленьев, которые он заложил в кирпичный камин, готовясь развести огонь. Он встал, отряхнул ладони, и его жена представила ему Винса:

— Джон Паркер из ФБР.

— ФБР? — переспросил Ярбек, недоуменно вскинув брови.

— Мистер Ярбек,— сказал Винс,— если в доме находятся остальные члены вашей семьи, я бы хотел, чтобы они тоже присутствовали при нашем разговоре.

Ярбек отрицательно покачал головой.

— Дома только Лиз и я. Ребята сейчас в колледже. А в чем дело?

Винс выхватил пистолет с глушителем из внутреннего кармана пиджака и выстрелил Джонатану Ярбеку в грудь. Адвоката отбросило назад к каминной полке, где он на мгновение замер, как пришпиленный, а затем упал на лежавшие на полу латунные принадлежности для камина.

«Сссснап».

От удивления и ужаса Элизабет Ярбек остолбенела. Винс быстро подскочил к ней, схватил левую руку и сильно вывернул ее за спину. Когда женщина вскрикнула от боли, он приставил ей пистолет к виску и сказал:

— Если не будешь молчать, мозги вышибу.

Винс провел ее через комнату к телу мужа. Джонатан Ярбек лежал лицом вниз на совке для угля и кочерге с латунной ручкой. Он был мертв. Но Винс не хотел рисковать и выстрелил еще два раза с близкого расстояния ему в затылок.

Лиз Ярбек испустила странный мяукающий звук и разразилась рыданиями.

Винс был почти уверен, что даже ближайшие соседи не могут рассмотреть происходившего в гостиной из-за большого расстояния между домами и дымчатых стекол на окнах, но на всякий случай решил разделаться с женщиной в более укромном месте.

Он повел ее в глубь дома через холл, пока наконец они не подошли к двери спальни. Там Винс сильно толкнул Элизабет, и она упала на пол.

— Лежи смирно,— сказал он.

Винс включил прикроватные лампы, затем подошел к раздвижным стеклянным дверям, выходящим на открытую террасу, и задернул шторы.

В тот момент, когда он повернулся к Элизабет спиной, она вскочила на ноги и побежала к двери в холл.

Винс догнал ее, ударил о стену, затем кулаком в живот и швырнул на пол. Приподняв голову женщины за волосы, он заставил ее посмотреть ему в глаза.

— Послушайте, леди. Я не собираюсь застрелить вас. Я пришел сюда, чтобы убить вашего мужа. Только его одного. Но, если вы попытаетесь удрать, я буду вынужден сделать с вами то же самое, понятно?

Это, конечно, было неправдой. Ему поручили убить именно ее, а мужа пришлось убить только потому, что он оказался дома. Однако Винс не соврал, сказав, что не застрелит Элизабет. Он просто хотел, чтобы она не сопротивлялась и не пыталась бежать, пока он не свяжет ее и не разделается с ней в более спокойной обстановке.

Двух человек Винс застрелил, и это было приятно, но теперь он хотел продлить удовольствие, убить ее помедленнее. Иногда убийство можно смаковать, как хорошую еду или вино или красивый закат.

Задыхаясь и рыдая, Элизабет спросила:

— Кто вы?

— Тебя не касается.

— Что вы хотите?

— Заткнись и не дергайся, останешься живой.

Она стала торопливо бормотать молитву, произнося слова слитно и иногда прерывая их короткими вздохами отчаяния.

Убедившись, что шторы плотно задернуты, Винс вырвал телефон из розетки и швырнул его через всю комнату.

Схватив женщину за руку, он заставил ее встать и потащил за собой в ванную комнату. Затем стал выдвигать ящики, пока не нашел то, что искал,— аптечку. Ему нужен был пластырь.

Притащив Элизабет обратно в спальню, Винс заставил ее лечь на спину на кровать и с помощью пластыря связал ей щиколотки и запястья. Открыв ящики комода, он достал оттуда кружевные трусики, скомкал их и засунул ей в рот в виде кляпа и сверху заклеил пластырем.

Женщину била сильная дрожь, и глаза ее часто моргали от разъедавших их слез и пота.

Винс вышел из спальни в гостиную и опустился на колени рядом с трупом Джонатана Ярбека. Он перевернул тело лицом вверх. Одна из пуль, которая вошла в затылок Ярбека, пробила ему спереди горло прямо под подбородком. Его открытый рот был полон крови. Один глаз закатился, и виден был только белок.

Винс посмотрел мертвецу в незакатившийся глаз.

— Спасибо,— сказал он искренне и почтительно.— Благодарю вас, мистер Ярбек.

Затем он закрыл мертвецу веки и поцеловал их.

— Спасибо за то, что вы мне дали.

После этого Винс прошел в гараж, где, порывшись в шкафах, нашел некоторые инструменты. Он выбрал молоток с удобной рукояткой в резиновой облицовке и головкой из полированной стали.

Когда Винс вернулся в тихую спальню и положил молоток рядом со связанной женщиной, глаза ее смешно округлились.

Она начала ерзать и ворочаться, стараясь освободить руки из липких пут, но тщетно.

Винс стал снимать с себя одежду.

Видя, что Элизабет смотрит на него с таким же ужасом, с каким она смотрела на молоток, он сказал:

— Пожалуйста, не беспокойтесь, доктор Ярбек. Я не собираюсь насиловать вас.

Винс повесил пиджак и рубашку на спинку стула.

— Я не испытываю к вам сексуального интереса.— Он снял ботинки, носки и брюки.— Это унижение вам не грозит.

А одежду я снимаю просто для того, чтобы не запачкаться кровью.

Раздевшись, он взял молоток и, размахнувшись, ударил по ее левой ноге, разбив вдребезги коленную чашечку. Винс произвел еще пятьдесят или шестьдесят ударов молотком, пока не наступил Момент.

«Сссснап».

Он вдруг ощутил мощный прилив энергии. Чувства его резко обострились. Винс мог различить мельчайшую текстуру материала и тончайшие оттенки цвета вокруг себя. Его переполняло чувство такой невероятной силы, какое бывает, наверное, у Бога, принявшего человечье обличье.

Он выпустил из рук молоток и упал на колени рядом с кроватью, уперся лбом в окровавленную простыню и несколько раз глубоко вздохнул, сотрясаясь от почти невыносимого наслаждения.

Двумя минутами позже Винс пришел в себя и адаптировался к своему новому состоянию, он поднялся на ноги, нагнулся над Элизабет и поцеловал ее изуродованное лицо и кисти рук.

— Спасибо.

Винс так расчувствовался от жертвы, которую она принесла ему, что чуть не зарыдал. Но радость от собственной удачи оказалась сильнее, чем жалость к убитой, и слезы не потекли.

Затем он быстро сполоснулся под душем. Пока струйки горячей воды смывали с него мыльную пену, Винс думал о том, как ему повезло, что он выбрал профессию наемного убийцы — ему платят за то, что он все равно делал бы бесплатно.

Одевшись, Винс протер полотенцем все предметы в доме, до которых дотрагивался. Он всегда помнил каждое свое движение и не боялся оставить случайных отпечатков пальцев. Совершенная память была составной частью его Дара.

Выскользнув наружу, Винс увидел, что наступила ночь.

Глава третья

1

В начале вечера ретривер не выказывал ни малейших признаков какого-либо выдающегося поведения, которое до этого так поразило воображение Тревиса. Он все время наблюдал за

собакой, иногда открыто, иногда боковым зрением, но не увидел ничего интересного.

Он приготовил ужин. Бекон, салат из помидоров и сандвичи для себя. Открыл жестянку с «Алпо» для ретривера. «Алпо» пес ел с удовольствием, но было ясно, что он предпочитает меню, приготовленное Тревисом для себя. Собака сидела рядом со стулом Тревиса и глядела на него грустными глазами, пока тот ел свои бутерброды за столом, покрытым красным пластиком «Формика». Наконец Тревис сжалился и кинул ей две полоски бекона.

В том, что пес клянчил еду, не было ничего необычного. Он не проделывал при этом никаких фокусов, а просто сидел и облизывался, скуля время от времени. На морде у него появлялись поочередно выражения, предназначенные для возбуждения жалости и сочувствия. Любая собака, выпрашивая подачку, делала бы то же самое.

Позже, когда Тревис включил телевизор в гостиной, пес улегся на диване рядом с ним. Потом он положил голову Тревису на бедро, явно желая, чтобы его погладили и почесали за ухом, что Тревис и сделал. Время от времени собака поглядывала на экран телевизора, но не проявляла какого-либо интереса к передачам.

Тревис смотрел на экран также без интереса. Его занимал пес. Ему хотелось получше узнать его повадки и увидеть побольше его фокусов. И хотя Тревис пытался придумать способы проверки удивительных умственных способностей ретривера, он так ни до чего не додумался.

Кроме того, у Тревиса было опасение: собаке это не понравится. Ему казалось, что пес инстинктивно пытается скрывать свои способности. Тревис вспомнил, с каким глупым и комичным видом тот гонялся за бабочкой, а потом открыл водопроводный кран — действие, ничего общего не имеющее с глупостью и неуклюжестью. Создавалось впечатление, что в двух этих случаях действовали разные животные. Хотя Тревис и считал это абсурдом, он все же подозревал: ретривер не хотел привлекать внимание к себе и обнаруживал свои выдающиеся способности только в экстремальной ситуации (например, в лесу), или когда был голоден (как это произошло с шоколадкой в машине), или когда думал, что за ним никто не наблюдает (как в случае с водопроводным краном).

Это была слишком уж смелая мысль. Если думать так, то пес не только чрезвычайно умен, но и знает о своих необычайных способностях. Собаки — и вообще животные — не обладают той высокой степенью сознания, которая позволила бы им оценивать себя в сравнительных категориях. Сравнительный анализ — это человеческая способность. Даже если собака очень умна и знает множество всяких приемов, она все равно не в состоянии понять, что чем-то отличается от своих собратьев. Предположить же, что этот пес обладает таким качеством, означало бы признать в нем наличие не только редкого ума, но и способностей здраво рассуждать — вместо того чтобы просто повиноваться инстинктам, как остальные животные.

— Ты загадка, завернутая в тайну,— сказал Тревис, гладя ретривера по голове.— Или я кандидат в психушку.

Пес поднял голову на звук его голоса, посмотрел ему в глаза, зевнул и... вдруг резко задрал голову и стал смотреть на книжные полки, которые высились до потолка по обе стороны арки, разделявшей гостиную и столовую. Довольное выражение исчезло с его с морды, и на смену ему пришел пристальный интерес, который Тревис уже замечал раньше и который явно был сильнее, чем обычное собачье любопытство.

Соскочив с дивана, ретривер бросился к стеллажам. Он начал бегать под ними из стороны в сторону, поглядывая на разноцветные корешки аккуратно расставленных томов.

Дом, который снимал Тревис, достался ему уже с мебелью (дешевой и непритязательной); обивка рассчитана на длительное пользование (винил) или на способность делать незаметными невыводимые пятна (фактурная клетка). Местами был использован пластик «Формика» «под дерево», не боящийся сколов, царапин и прижиганий сигаретами. Единственными предметами в этом доме, говорящими о вкусах и интересах его хозяина, были книги — в мягких и твердых обложках,— которыми были забиты полки в гостиной.

Пес проявил явный интерес, по крайней мере к некоторым из этих нескольких сотен книг.

Вставая с дивана, Тревис спросил:

— В чем дело, малыш? С чего это тебя так разбирает?

Ретривер встал на задние лапы, положил передние на одну из полок и начал обнюхивать корешки книг. Он обернулся к Тревису, а затем вновь стал изучать библиотеку хозяина.

Тревис подошел к полке и взял одну из книг, которую пес успел потрогать своим носом — «Остров сокровищ» Роберта Луиса Стивенсона, и показал ему обложку.

— Эта? Тебя она интересует?

Пес изучил картинку, изображавшую одноногого Джона Сильвера на фоне пиратского корабля. Мельком взглянув на Тревиса, он снова обратил свой взор на Джона Сильвера. Секунду спустя собака опустилась на пол и помчалась к полкам по другую сторону арки, встала вертикально и начала обнюхивать книги.

Тревис поставил «Остров сокровищ» на место и последовал за ретривером. Тот как раз тыкался своим влажным носом в собрание сочинений Диккенса. Тревис снял с полки «Повесть о двух городах» в мягкой обложке.

Как и в предыдущий раз, пес внимательно рассматривал картинку на обложке, как бы пытаясь определить, о чем книга, и с выжиданием посмотрел на Тревиса.

Полностью растерявшись, тот сказал:

— Французская революция. Гильотины. Обезглавливание. Трагедия и героизм. Это о... ну, в общем, о приоритете личности над группами... о необходимости ценить жизнь конкретного человека больше, чем прогресс общества.

Выслушав его, собака повернулась к стеллажу, продолжая обнюхивать книги.

— Я совсем чокнулся,— сказал Тревис, ставя на место «Повесть о двух городах».— Пересказываю краткое содержание книги, и кому — собаке!

Переставив передние лапы на соседнюю полку, ретривер заскулил и стал тыкаться носом в корешки книг. Увидев, что Тревис не собирается снимать их с полки, пес наклонил голову, нежно схватил зубами один том и попытался вытащить его.

— Еще не хватало,— сказал Тревис, протягивая руку к книге.— Испортишь мне переплет, мохнатая ты морда. Это «Оливер Твист». Тоже Диккенс. Он там попадает к темным личностям, уголовникам, и они...

Ретривер опустился на пол и потрусил к полкам на другой стороне арки, где опять начал обнюхивать тома, до которых мог дотянуться. Тревис готов был поклясться: пес с тоской поглядывал на книги, стоящие на верхних полках.

Примерно в течение пяти минут, охваченный предчувствием чего-то очень важного, что вот-вот должно произойти, Тревис ходил за собакой, показывая ей обложки дюжины книг и в нескольких словах излагая их содержание. Он не мог сообразить, чего добивается от него этот пес-вундеркинд. Наверняка тот не понимает кратких пересказов Тревиса. С другой стороны, собака очень внимательно слушала все, что он говорил. Тревис был уверен: у него создается искаженное представление о поведении животного и он приписывает ему сложные намерения, не имеющие ничего общего с реальностью. В то же время по спине Тревиса пробежал холодок. По мере того как они продолжали свои изыскания, Тревис пребывал в ожидании какого-то пугающего откровения, которое может произойти в любой момент, и одновременно чувствовал себя одураченным.

Библиотеку Тревис собирал бессистемно. Среди томов, которые он доставал с полок, были «Долгое прощание» Чендлера, «Почтальон всегда звонит дважды» Кейна и «И восходит солнце» Хемингуэя, произведения Рея Брэдбери, Ричарда Кондона, Энн Тайлер, Дороти Сэйерз и Элмора Леонарда.

Наконец пес оставил книги в покое, вышел на середину комнаты и начал расхаживать взад и вперед с явно возбужденным видом. Затем остановился перед Тревисом и тявкнул три раза.

— Что-нибудь не так, малыш?

Ретривер заскулил, посмотрел на стеллажи, сделал круг по комнате и опять уставился на книги. Он, казалось, был расстроен. Глубоко расстроен.

— Я не знаю, что еще сделать, малыш,— сказал Тревис.— Я не знаю, чего ты хочешь, и не понимаю то, что ты хочешь мне сказать.

Собака фыркнула и встряхнулась. Опустив голову, как бы признавая свое поражение, она с отрешенным видом вернулась на диван и устроилась там на подушках.

— Все на этом? — спросил Тревис.— Мы сдаемся?

Пес смотрел на него влажным, грустным взглядом.

Тревис медленно скользил глазами по стеллажам, как будто за информацией, содержащейся на страницах книг, скрывалось какое-то потустороннее послание, которое вдруг легко могло стать понятным ему, как будто их разноцветные корешки были незнакомыми рунами давно исчезнувшего языка и,

будучи расшифрованными, могли бы пролить свет на чудесные тайны. Но расшифровать их было ему не под силу.

Поверив поначалу, что он находится буквально на грани какого-то невероятного открытия, Тревис почувствовал огромное разочарование. Он был разочарован в гораздо большей степени, чем пес; не мог же Тревис просто улечься на диван, опустить голову и забыть обо всем, как это сделал ретривер.

— Что все это значит, черт побери? — воскликнул он.

Пес загадочно посмотрел на Тревиса.

— Во всей этой возне с книгами был какой-то смысл?

Собака не сводила с него глаз.

— Ты ведь не обычный пес, так ведь? Или я уже совсем рехнулся?

Ретривер лежал спокойно и совершенно неподвижно с таким видом, как будто глаза его вот-вот закроются и он уснет.

— Попробуй только зевнуть — получишь по заднице.

Пес зевнул.

— Ублюдок.

Он снова зевнул.

— Послушай меня внимательно. Что все это значит? Ты специально зеваешь, назло мне? Или ты просто зеваешь? Как я должен это понимать? Как мне узнать, что ты делаешь специально, а что нет?

Собака вздохнула.

Тревис тоже вздохнул, подошел к окну и стал смотреть в ночь, где разлапистые ветви большой канарской пальмы причудливо освещались странным желтоватым светом уличных фонарей. Он слышал, как за спиной у него пес соскочил с дивана и заспешил из комнаты, но решил не вмешиваться. Тревис просто не выдержал бы еще одного разочарования.

Было слышно, как ретривер орудует на кухне. До Тревиса доносилось звяканье, затем легкое постукивание. Наверное, пьет воду из своей миски.

Вскоре пес вернулся. Он подошел к Тревису и потерся о его ногу.

Тревис посмотрел вниз и, к своему изумлению, увидел, что в зубах у собаки зажата жестянка с пивом марки «Кооре». Тревис взял банку и почувствовал: холодная.

— Ты достал это из холодильника?!

Пес, казалось, улыбнулся в ответ.

2

Телефон зазвонил опять, когда Нора Девон на кухне готовила себе ужин. «Только не Стрек»,— взмолилась она. Но это был он.

— Я знаю, что вам нужно,— сказал Стрек.— Я знаю, что вам нужно.

«Я ведь не хорошенькая,— хотелось сказать ей.— Я некрасивая старая дева, так что же вы хотите от меня? Ваши притязания меня не касаются, потому что я непривлекательная. Вы что, ослепли?»

Однако вслух она ничего не произнесла.

— Знаете, что вам нужно? — спросил Стрек.

Обретя наконец голос, Нора сказала:

— Оставьте меня в покое.

— Я знаю, что вам нужно. Вы можете не знать этого, а я знаю.

На этот раз Нора первой оборвала разговор, хлопнув трубку на рычаг с такой силой, что у него, наверное, заболело ухо.

В 20.30 телефон зазвонил снова. Нора сидела в постели, читала «Большие ожидания» и ела мороженое. Звонок так напугал ее, что она выронила ложку и чуть не опрокинула десерт.

Отложив в сторону блюдце и книгу, Нора с тревогой уставилась на телефон, стоявший на ночном столике. Десять звонков. Пятнадцать. Двадцать. Резкие звуки наполняли комнату, отражались от стен и мелкими буравчиками сверлили ей голову.

В конце концов Нора поняла: она совершает большую ошибку, не отвечая на звонки. Стреку известно, что она дома, но боится снимать трубку, и это доставляет ему удовольствие. Превосходство — вот что он любит больше всего. А ее робость только воодушевляет его. Норе не приходилось конфликтовать с другими людьми, но она осознала: пора научиться постоять за себя, и не откладывая.

Нора сняла трубку на тридцать первом по счету звонке.

Стрек сказал:

— Я не могу не думать о тебе.

Она промолчала.

Он продолжал:

— У тебя красивые волосы. Такие темные. Почти черные. Густые и блестящие. Мне хочется перебирать их.

Ей следовало ответить, чтобы поставить его на место, или положить трубку. Но Нора не смогла сделать ни того ни другого.

— Я никогда не видел таких глаз, как у тебя,— произнес Стрек, тяжело дыша.— Они у тебя серые, но не просто серые. Такие глубокие, теплые, сексуальные...

Нора лишилась дара речи и сидела как парализованная.

— Ты хорошенькая, Нора Девон. Очень хорошенькая. И я знаю, что тебе нужно. Правда. Я правда знаю, Нора. Я знаю, что тебе нужно, и собираюсь дать это тебе.

Дрожь, охватившая Нору, вывела ее из оцепенения. Она опустила трубку на рычаг. Наклонившись вперед в кровати, Нора с трудом унялa дрожь.

У нее не было оружия, и она чувствовала себя маленькой, уязвимой и очень одинокой.

Нора начала подумывать о том, чтобы обратиться в полицию. Но что сказать полицейским? Что стала объектом сексуальных домогательств? Они воспримут это как шутку. Она? Объект домогательств? Старая дева, серая, как мышь, даже отдаленно не напоминающая тех женщин, которых мужчины провожают взглядом и которые вызывают у них эротические мечты. В полиции решат: либо Нора обманщица, либо истеричка. Или дадут понять, что она просто приняла обходительность Стрека за сексуальный интерес — а ведь на самом деле поначалу так и было.

Нора натянула голубой халат поверх просторной мужской пижамы и завязала пояс. Босая, она поспешила вниз, в кухню, и, поколебавшись, достала тесак для рубки мяса с полки у плиты. Узкая полоска света, как ртуть, пробежала по его отточенному лезвию.

Поворачивая сверкающее лезвие в руке, Нора видела отражение своих глаз в его полированной поверхности. Она вглядывалась в это отражение, думая о том, хватит ли у нее когда-либо духа ударить другого человека этим ужасным оружием, даже в целях самообороны.

Хорошо бы ей никогда не пришлось об этом узнать.

Вернувшись наверх, Нора положила тесак на ночной столик на расстоянии вытянутой руки.

Затем она сняла халат и присела на край кровати, скорчившись и стараясь подавить дрожь.

— Почему я? — спросила Нора вслух.— Почему Стрек пристает ко *мне*?

Он сказал, что она хорошенькая, но Нора знала, что это неправда. Мать оставила ее, двухгодовалую, на тетю Виолетту и появилась только дважды за двадцать восемь лет, последний раз, когда Норе было шесть лет. Отца своего она не знала, а другие члены семьи Девон никогда не предлагали забрать ее к себе — нежелание, которое Виолетта открыто приписывала непривлекательной наружности девочки. Поэтому, хотя Стрек и назвал ее хорошенькой, вряд ли на самом деле Нора его интересует в этом смысле. Нет, ему нужно запугать и обидеть ее, испытать от этого удовольствие. Бывают такие люди. Она читала об этом в книгах и газетах. И тетя сто раз предупреждала Нору: если мужчина подходит к ней со всякими там улыбочками и разговорчиками, то только для того, чтобы поднять ее повыше, а потом сбросить вниз с этой новой высоты, сделав ей при этом еще больнее.

Через некоторое время приступ охватившей ее дрожи почти прошел. Мороженое растаяло, поэтому она отставила блюдце на ночной столик. Взяв в руки роман Диккенса, Нора попыталась сосредоточиться на сюжете, но взгляд ее все время переходил с книги на телефон, потом на тесак и — через открытую дверь — на холл второго этажа, где она, как ей показалось, заметила какое-то движение.

3

Тревис пошел на кухню, и пес последовал за ним.

Он показал пальцем на холодильник и сказал:

— Покажи мне. Проделай это еще раз. Достань мне банку пива. Покажи, как ты это сделал.

Собака не двинулась с места.

Тревис присел на корточки рядом с ней.

— Послушай, морда мохнатая, кто вывез тебя из леса и спас от погони? Я. А кто купил тебе гамбургеры? Я. Я тебя искупал, накормил и приютил. Теперь твоя очередь. Кончай прикидываться. Если можешь открыть холодильник, то давай открывай!

Ретривер подошел к старенькому холодильнику марки «Фриджидэр», уцепился зубами за нижний угол эмалевой двер-

цы и стал тянуть на себя, напрягаясь всем телом. Резиновая прокладка дверцы наконец поддалась с едва слышным чмокающим звуком. Дверца распахнулась, он быстро засунул голову в холодильник, поставил передние лапы на нижний поддон и уставился на вторую полку, где Тревис хранил банки с пивом, «Диет-Пепси» и витаминным овощным соком. Пес вытащил жестянку пива, опустился на пол и подошел с ней к Тревису в тот момент, когда дверца сама захлопнулась.

Тревис взял у ретривера банку. Глядя на собаку, он сказал скорее самому себе, чем ей:

— О'кей, кто-то научил тебя открывать дверцу холодильника. И этот «кто-то» мог научить тебя отличать жестянки с определенным сортом пива от других банок и приносить пиво хозяину. Но кое-что мне еще не ясно. Какова степень вероятности, что именно тот сорт пива, который ты умеешь распознавать, мог оказаться в моем холодильнике? Очень небольшая. Я же тебя ни о чем не просил. Я не просил принести мне пива. Ты сделал все по собственному разумению, как будто знал: пиво — это как раз то, что мне требовалось в тот момент. Между прочим, так оно и было.

Тревис вытер жестянку о свою рубашку, выдернул кольцо и сделал несколько глотков. Его не смущало, что банка перед этим побывала в собачьей пасти. Он был слишком возбужден необычными способностями пса, чтобы волноваться насчет микробов. Кроме того, если уж говорить о гигиене, то тот хватался зубами только за низ банки.

Ретривер смотрел, как пьет Тревис.

Опустошив банку примерно на треть, тот сказал:

— Как будто понимал: я нервничаю, расстроен, и пиво поможет мне расслабиться. Бред это или нет? Речь идет об аналитическом мышлении. О'кей, домашние животные почти всегда чувствуют настроение своих хозяев. Но сколько есть на свете домашних животных, знающих, что такое пиво, и сколько таких, которые понимают: от пива хозяин может подобреть? И потом, откуда тебе стало известно, что в холодильнике есть пиво? Наверное, ты подсмотрел, когда я до этого открывал холодильник, но все же...

Руки у него дрожали. Он опять пригубил из банки, и она застучала о его зубы.

Пес обошел вокруг покрытого красным пластиком стола и подошел к двойным дверцам шкафчика под мойкой. Он открыл одну из них, засунул голову в темноту, вытащил оттуда пакет с собачьими галетами «Милк Боун» и принес его Тревису.

Тревис сказал со смехом:

— Ну, если мне положено пиво, то ты тоже кое-что заслужил, а? — Он взял пакет и вскрыл его.— А ты подобреешь от нескольких галет, мохнатая морда? — Он положил печенье на пол.— Угощайся. Я надеюсь, ты не слопаешь все сразу, как обычная собака.— Он опять засмеялся: — Черт возьми, скоро я разрешу тебе водить мою машину!

Ретривер аккуратно достал галету из пакета, уселся, распластав задние лапы, и со счастливым видом захрустел.

Тревис сел за стол и сказал:

— Ты даешь мне повод верить в чудеса. Знаешь, что я делал в лесу сегодня утром?

Энергично работая челюстями, разгрызая печенье, собака, казалось, на мгновение потеряла всякий интерес к Тревису.

— Я поехал в сентиментальное путешествие в надежде вспомнить то время, когда мальчишкой наслаждался предгорьями Санта-Аны... Когда еще все вокруг не стало таким мрачным. Я хотел убить нескольких змей, как тогда, в детстве, побродить и исследовать местность — в общем, ощутить себя снова молодым. Потому что долгие годы мне было все равно, буду я жить или умру.

Пес перестал жевать, заглотнул и стал внимательно слушать Тревиса.

— Последнее время моя депрессия вступила в самую мрачную стадию. Ты помнишь, что такое депрессия, псина?

Оставив галеты, пес поднялся и подошел к нему. Он посмотрел в глаза Тревису с той жутковатой прямотой и пристальностью, что и раньше.

Встретившись с ним взглядом, Тревис сказал:

— Тем не менее я не думал о самоубийстве. Во-первых, я получил католическое воспитание, и, хотя годами не бывал в церкви, я вроде как верующий. А самоубийство для католика — смертный грех. Как убийство. Кроме того, я слишком злой и упрямый, чтобы сдаться вот так, как бы плохо мне ни было.

Ретривер моргнул, но продолжал смотреть ему прямо в глаза.

— Там, в лесу, я искал счастье, которое познал когда-то. И наткнулся на тебя.

— Гав,— произнес пес, как бы говоря: «Хорошо».

Тревис взял его морду в ладони, наклонился и сказал:

— Депрессия. Чувство бессмысленности собственного существования. Собакам это неведомо, не так ли? У вас нет никаких забот. Для собаки каждый день — новая радость. Так неужели ты понимаешь то, о чем я говорю, малыш? Молю Бога, чтобы это было так. Может быть, я наделяю тебя слишком развитым умом и сообразительностью даже для такого чудесного пса, как ты? А? Конечно, ты можешь проделывать всякие удивительные штуки, но ведь это не то же самое, что понимать мои слова.

Ретривер пошел к своему печенью. Он схватил пакет зубами и вытряхнул двадцать или тридцать галет на линолеум.

— Ну вот здрасте,— сказал Тревис.— То ты ведешь себя как получеловек, то опять становишься собакой со своими собачьими замашками.

Оказалось, однако, ретривер высыпал печенье не для того, чтобы его съесть. Черным кончиком носа он стал выталкивать галеты на середину кухни, аккуратно кладя их одна к другой.

— Что, черт возьми, ты делаешь?

Пес уложил пять галет в линию, которая слегка загибалась вправо. Затем он прибавил еще одну и усилил изгиб.

Наблюдая за действиями собаки, Тревис постепенно допил одну банку пива и открыл вторую. У него было ощущение, что без пива ему не обойтись.

Ретривер осмотрел свое творение, как бы сомневаясь, правильно ли он все сделал. Несколько раз он прошелся по кухне с неуверенным видом и добавил две галеты. Бросив взгляд на Тревиса, а потом на фигуру, которую складывал на полу, он придвинул к ней еще одно печенье.

Тревис отхлебнул пива и стал ждать, что будет дальше.

Тряхнув головой и расстроенно вздохнув, пес ушел в дальний конец кухни и, опустив голову, уткнулся мордой в угол. «Интересно, что с ним?» — подумал Тревис, но потом до него дошло: собака собирается с мыслями. Постояв немного в углу, она вернулась и придвинула еще две галеты к своей конструкции.

Тревиса опять охватило чувство: вот-вот должно произойти что-то чрезвычайное. Руки его покрылись гусиной кожей.

На этот раз Тревиса не постигло разочарование. С помощью девятнадцати галет ретривер изобразил грубый, но узнаваемый вопросительный знак на кухонном полу и теперь выразительно смотрел на Тревиса.

Вопросительный знак.

Вопрос: «Почему? Почему ты дошел до такого мрачного состояния? Почему ты считаешь, что жизнь бессмысленна и пуста?»

Тревису стало ясно: собака поняла все, что он ей рассказал о себе. Ну ладно, хорошо — возможно, она не понимает языка, не улавливает отдельных слов, но каким-то образом ей удается ухватить смысл сказанного, по крайней мере в достаточной степени, чтобы проявить к этому интерес и любопытство.

И если пес уразумел значение вопросительного знака, то, следовательно, у него есть способность к абстрактному мышлению! Боже правый! Само понятие простых обозначений, таких как буква, цифра, вопросительный и восклицательный знаки, служащих для передачи сложных мыслей, требует способности к абстрактному мышлению. А таковым обладает лишь человек. Тем не менее совершенно очевидно, ретривер проявляет умственные способности, которых лишено любое другое животное.

Тревис был ошеломлен. Вопросительный знак не был случайностью. Собака изобразила его довольно грубо, но осознанно. Наверное, ее научили понимать его значение. Специалисты по теоретической статистике говорят: бесконечное число обезьян, снабженных пишущими машинками, могут в принципе воссоздать всю английскую прозу — во всяком случае, теоретически. Вероятность того, что за две минуты этот пес мог сложить вопросительный знак чисто случайно, была в десять раз меньше того, что эти черговы обезьяны напечатают пьесы Шекспира.

Собака выжидательно смотрела на Тревиса.

Поднявшись со стула, он обнаружил, что у него слегка дрожат колени. Тревис подошел к разложенным на полу галетам, раскидал их в стороны и вернулся на место.

Ретривер обвел взглядом разбросанное печенье, понюхал его и всем своим видом изобразил удивление.

Тревис сидел и ждал.

В доме было неестественно тихо, как будто время на земле остановилось для всех живых существ и неодушевленных предметов — кроме Тревиса и собаки.

Наконец пес стал двигать носом разбросанные газеты, и через минуту-другую вопросительный знак был готов.

Тревис ошеломленно глотнул пива. Сердце у него колотилось, а ладони вспотели. Его охватили одновременно изумление и трепет, радостное возбуждение и страх неизвестного, восторг и неверие собственным глазам. Тревису хотелось смеяться от того, что никогда раньше не приходилось видеть ничего подобного, и плакать, потому что только несколько часов назад жизнь представлялась ему тоскливой, мрачной и бессмысленной. Но теперь он понял: несмотря на удары судьбы, жизнь драгоценна. Ему начинало казаться, что сам Господь послал ему ретривера, чтобы пробудить в нем интерес к жизни и напомнить: в мире есть чему удивляться и отчаиваться не стоит. Тревис начал было смеяться, но его смех перемешивался с рыданиями. Когда же он разрыдался, его рыдания прозвучали как смех. Тревис пытался встать, но понял, что не удержится на ногах, ему ничего не оставалось, как плюхнуться обратно на стул и сделать большой глоток пива.

Наклоняя голову то в одну, то в другую сторону, пес наблюдал за ним, как бы соображая, не сошел ли с ума его хозяин. «Сошел,— признался себе Тревис.— Только это было давно. А сейчас мне намного лучше».

Он поставил банку на стол и тыльной стороной ладони вытер набежавшие на глаза слезы.

— Иди сюда, мохнатая морда.

Поколебавшись, ретривер подошел к нему.

Тревис потрепал его густую шерсть и почесал за ухом.

— Ты удивляешь и пугаешь меня. Не могу понять, откуда ты взялся и почему ты такой умный, но появился ты в самый подходящий момент. Вопросительный знак, а? Господи Иисусе. Ладно. Хочешь узнать, почему жизнь потеряла для меня радость и смысл? Я расскажу. Клянусь Богом, буду сидеть вот здесь, пить пиво и рассказывать это собаке. Но сначала... я дам тебе имя.

Пес выдохнул через ноздри, как бы говоря: «Давно пора».

Держа ладонями его голову и глядя ему прямо в глаза, Тревис сказал:

— Эйнштейн. Отныне, мохнатая морда, твоя кличка — Эйнштейн.

4

В 21.10 Стрек позвонил опять.

Не успел зазвонить телефон, как Нора резко схватила трубку, полная решимости сказать ему, чтобы он оставил ее в покое. Но почему-то она опять сжала трубку и потеряла дар речи.

Отвратительно фамильярным голосом Стрек произнес:

— Скучаешь, лапочка? А? Хочешь, я приду к тебе и буду твоим мужчиной?

Нора бросила трубку на рычаг.

«Что со мной случилось? — спросила она себя.— Почему я не могу сказать, чтобы он не приставал ко мне?»

Возможно, ее оцепенение происходит из-за тайного желания слушать, как голос, принадлежащий любому мужчине, даже такому отвратительному, как Стрек, называет ее хорошенькой? Хотя он явно не тот человек, который способен на нежность или настоящее чувство, но, возможно, слушая его, Нора представляет, как это бывает, когда достойный мужчина говорит нежные слова женщине.

«Ну, уж хорошенькой тебя не назовешь,— сказала она сама себе,— и ты никогда ею не станешь, поэтому хватит распускать нюни. Когда он позвонит в следующий раз, пошли его подальше».

Нора встала с постели и пошла через холл в ванную, где висело зеркало. По традиции, заведенной еще при Виолетте Девон, зеркала в доме были только в этих комнатах. Нора не любила смотреться в зеркало: то, что там отражалось, огорчало ее.

В этот вечер, однако, ей захотелось взглянуть на себя. Лесть Стрека, грубая и неискренняя, разбудила в ней любопытство. Не то чтобы Нора надеялась увидеть в зеркале что-то такое, что раньше не замечала. Нет. Превратиться за ночь из гадкого утенка в прекрасного лебедя... это была безнадежная мечта. Скорее, она хотела удостовериться в собственной непривлекательности.

Непрошеные ухаживания Стрека взбудоражили Нору, привыкшую к домашней обстановке и одиночеству, и ей необходи-

мо было убедить себя в том, что он просто дразнит ее и дальше слов не пойдет. Так Нора уговаривала себя, входя в ванную и зажигая свет.

Узкое помещение комнаты было сплошь выложено бледно-голубым кафелем с белым бордюром. Огромная ванна на ножках-лапах. Белый фаянс и латунные краны. Большое зеркало слегка помутнело от времени.

Нора посмотрела в зеркало на свои волосы, которые Стрек назвал красивыми, темными и блестящими. Они были ровного оттенка и не имели естественного блеска, разве что засалились немного, хотя она и мыла их сегодня утром.

Быстрым взглядом Нора окинула брови, нос, подбородок, губы. Задумчиво проведя по лицу рукой, она не увидела ничего такого, что могло бы заинтересовать мужчину.

Наконец, сделав над собой усилие, Нора посмотрела своему отражению в глаза, которые так расхваливал Стрек. Они имели отвратительный серый оттенок. Нора не могла выдерживать собственный взгляд более нескольких секунд. В глазах она увидела не свойственный ей гнев, вызванный ее поведением, гнев на саму себя. Злиться, конечно, не следовало: Нора была такая от природы, тут уж ничего не поделаешь.

Отведя взгляд от покрытого пятнами зеркала, она ощутила приступ разочарования: изучение собственного отражения не принесло ей никаких приятных неожиданностей. В ту же секунду, однако, Нора ужаснулась этому чувству. Стоя в дверях ванной, она удивлялась той каше, которая была у нее в голове.

Она что, хочет понравиться Стреку? Конечно нет. Он подлый, опасный извращенец. Возможно, Нора не возражала бы, если бы на нее благосклонно взглянул другой мужчина, но только не Стрек. Она должна упасть на колени и благодарить Бога за то, что он создал ее именно такой. Если бы Нора была хоть чуточку привлекательной, Стрек уже выполнил бы свои угрозы. Он пришел бы сюда и изнасиловал ее... а может быть, и убил. От такого, как Стрек, всего можно ожидать. Кто знает, на что он способен? Мысль об убийстве пришла ей в голову не потому, что Нора была нервной старой девой, нет, просто сейчас ужас что творится — все газеты только и пишут об этом.

Осознав свою беззащитность, она поспешила назад в спальню, где оставила тесак.

5

Большинство людей полагают, что с помощью психоанализа можно стать счастливее. Они уверены в том, что смогут преодолеть все свои проблемы и обрести спокойное состояние духа, если поймут собственную психологию, причины плохого настроения и саморазрушительного поведения. Тревис, однако, знал: это не так. На протяжении многих лет он подвергал себя беспощадному самоанализу и давно уже понял, почему превратился в одиночку, не способного завести друзей. Но несмотря на это понимание, Тревис так и не смог ничего в себе изменить.

Сейчас, когда близилась полночь, он сидел на кухне, пил очередную банку пива и рассказывал Эйнштейну о своей добровольной изоляции. Собака неподвижно сидела рядом, не шевелясь и не зевая, как будто была поглощена его историей.

— Я одинок с самого детства, хотя, конечно, у меня были приятели. Просто я всегда предпочитал свое собственное общество. Думаю, это у меня от природы. Я имею в виду, что, будучи мальчишкой, я еще не пришел к выводу о том, что дружба со мной представляет опасность для моих сверстников.

Мать Тревиса умерла при родах, и он знал об этом с раннего возраста. Наступит время, и ее уход покажется предзнаменованием будущих событий, и тогда он поймет всю его важность, но это произойдет позже. Ребенком Тревис не испытывал чувства вины.

Оно пришло к нему в десятилетнем возрасте. Когда погиб его брат Гарри. Он был на два года старше Тревиса. Одним июньским утром, в понедельник, Гарри уговорил Тревиса пойти за три квартала на пляж, хотя отец строго-настрого запретил им купаться без него. Это был небольшой, окруженный скалами участок моря, где не было спасательной станции и где, кроме них, никого не оказалось.

— Гарри попал в подводное течение,— сказал Тревис Эйнштейну.— Мы плавали самое большое футах в десяти друг от друга, и проклятое течение зацепило его и затащило на глубину, а я остался цел. Я даже попытался спасти его — и уж, наверно, должен был попасть на то же самое место, но течение, видимо, изменило направление после того, как утащило Гарри.

Он долго не сводил глаз с поверхности кухонного стола, но вместо красного пластика видел катящиеся зелено-голубые предательские морские волны.

— Я любил своего старшего брата больше всех на свете.

Эйнштейн тихо заскулил, как бы выражая соболезнование.

— Никто не винил меня в гибели Гарри. Из нас двоих он был старший. Он должен был отвечать за меня. Но я... я думал тогда, что, раз течение утащило брата, оно должно было утащить и меня.

Прилетевший с запада ночной ветер постучал в оконное стекло.

Сделав глоток пива, Тревис сказал:

— Однажды летом, когда мне исполнилось четырнадцать, я был одержим страстным желанием попасть в теннисный лагерь. Я тогда очень увлекался спортом. В общем, отец записал меня в один лагерь под Сан-Диего на интенсивный месячный курс. Он повез меня туда в воскресенье, но мы так и не доехали. К северу от Оушенсайда водитель грузовика заснул за рулем, выехал на осевую и снес нас с дороги начисто. Отец умер мгновенно. Перелом шеи, позвоночника, открытые травмы черепа, грудная клетка смята. Я сидел на переднем сиденье рядом с ним, но отделался несколькими порезами, ушибами и двумя сломанными пальцами.

Пес внимательно смотрел на него.

— История повторилась. Мы оба должны были погибнуть, но я остался цел. И мы вообще бы не поехали, если бы я не завелся с этим лагерем. На этот раз я почувствовал, что влип. Возможно, меня нельзя винить в кончине матери, умершей при родах, и, вероятно, я не был виноват в гибели Гарри, но это... В общем, становилось ясно: я приношу несчастье, и другим людям небезопасно иметь дело со мной. Все, кого я любил, по-настоящему любил, обязательно умирали.

Только ребенок мог убедить себя в том, что именно он повинен во всех этих трагических событиях. Но Тревис ведь и был, в сущности, ребенком в свои четырнадцать лет, а кроме того, это было самое подходящее объяснение. Он был слишком юн, чтобы понять: за природой несчастий и злого рока не стоит какого-либо определенного умысла. Поэтому Тревис сказал себе, что он проклят и если будет заводить близких друзей, то тем

самым приговорит их к преждевременной смерти. Будучи по характеру «самокопателем», Тревис без особых трудностей погрузился в себя и удовлетворился собственным обществом.

К двадцати четырем годам, когда Тревис закончил колледж, он превратился в законопослушного одиночку, хотя, повзрослев, относился к смерти своих родных по-иному. Он уже не думал о себе как об источнике несчастий и не винил в случившемся. Но так и не завел близких друзей, отчасти из-за неумения создавать и поддерживать дружеские отношения, отчасти из-за того, что без близких друзей он становился неуязвим для переживаний и горя в случае их потери.

— Привычка и самозащита стали основой моей эмоциональной изоляции,— сказал он Эйнштейну.

Пес поднялся и приблизился к нему на те несколько футов, которые разделяли их. Он протиснулся между колен Тревиса и положил голову ему на бедро.

Поглаживая собаку, Тревис продолжал:

— После окончания колледжа я не знал, чем заняться. Тут подоспел набор в армию, и я пошел, прежде чем получил повестку. Специальные войска. Мне там нравилось. Может быть, оттого, что... ну, в общем, там было чувство братства, и я был вынужден обзавестись друзьями. Понимаешь, я делал вид, что не хочу ни с кем сближаться, но там просто некуда было деться. Потом я решил остаться в армии. Когда формировалась группа «Дельта» по борьбе с терроризмом, я подался туда. Ребята в «Дельте» были крутые, *настоящие парни*. Они прозвали меня Немой и Гарпо*, потому что я был молчун, но друзья у меня появились вопреки мне самому. Во время одиннадцатой по счету операции наш взвод вылетел в Афины для освобождения посольства США от захватившей его группы палестинских экстремистов. Они уже убили восьмерых работников посольства и продолжали расстреливать каждый час по одному заложнику. На переговоры палестинцы не шли. Мы атаковали их быстро, аккуратно... и неудачно. Они заминировали все здание. Девять парней из взвода погибли. Я был единственным, кто уцелел. С пулей в бедре. И с шрапнелью в заднице. Но уцелел.

---

* Гарпо — бог тишины и молчания в древнегреческой мифологии.— *Прим. пер.*

Эйнштейн поднял голову с бедра Тревиса.

Ему показалось, что пес смотрит на него с сочувствием. Может быть, он увидел то, что ему хотелось увидеть.

— Это было восемь лет назад, когда мне исполнилось двадцать восемь. Потом я демобилизовался. Вернулся домой в Калифорнию. Получил лицензию агента по торговле недвижимостью: не знал, чем заняться, и решил пойти по стопам отца. Мне это здорово удавалось, возможно, потому, что было наплевать, покупают ли дома, которые я показываю, или нет. Я вообще не вел себя как продавец. Но факт оставался фактом — я так преуспел, что стал брокером, открыл свою контору, нанял агентов...

На этом поприще Тревис и встретился с Паулой. Она была высокой красивой блондинкой, умной и веселой. Паула умела так хорошо продавать недвижимость, что говорила в шутку, будто в прошлой жизни, наверное, была среди голландских колонистов, когда те покупали Манхэттен у индейцев в обмен на бусы и побрякушки. Она была без ума от Тревиса. Так ему и говорила:

— Мистер Корнелл, сэр, я без ума от вас. Вы прекрасно справились со своей ролью без слов. Это лучшая имитация Клинта Иствуда*, которую мне когда-либо приходилось видеть.

Тревис не сразу сошелся с Паулой. Нельзя сказать, что он боялся принести несчастье ей — тогда еще его детское суеверие не вернулось к нему с новой силой. Но Тревис не хотел подвергать себя риску испытать боль от очередной потери. Невзирая на все его сомнения, Паула не оставила Тревиса, и по прошествии некоторого времени он признался себе в том, что любит ее.

Так сильно любит, что даже рассказал ей о своей игре со Смертью — о чем никогда и никому не рассказывал.

— Послушай,— сказала Паула,— тебе не придется меня оплакивать. Я еще тебя переживу, потому что не привыкла сдерживать чувства. Свои собственные переживания я переношу на людей, которые меня окружают. Поэтому приготовься к тому, что я буду стоить тебе лет десять жизни.

* Клинт Иствуд — актер кино, снявшийся во многих вестернах.— *Прим. пер.*

Они поженились без особой помпы четыре года назад, летом, сразу после того, как Тревис отметил свое тридцатидвухлетие. Он любил ее. Боже, как он любил ее!

Обращаясь к Эйнштейну, Тревис сказал:

— В день, когда мы поженились, Паула уже была больна раком. Но мы не знали об этом. Через десять месяцев она умерла.

Пес опять положил морду ему на бедро.

Какое-то время Тревис не мог заставить себя продолжать. Он выпил еще пива и погладил собаку по голове.

Потом сказал:

— После этого я попытался жить, как жил. Я всегда гордился тем, что ничто меня не может сломить, встречал трудности грудью — в общем, верил во все это дерьмо. Еще год управлял своей конторой по продаже недвижимости. Но бизнес потерял для меня всякий смысл. Два года назад я все продал и вырученные деньги положил в банк. Снял вот этот дом. Провел эти два года... в размышлениях. Стал пугливым. Ничего удивительного, а? Чертовски пугливым. Вернулся на круги своя, к тому, во что поверил еще мальчишкой. Будто это я опасен для всех, кто приближается ко мне. Но ты заставил меня измениться, Эйнштейн. Вывернул наизнанку. Клянусь, это так. Ты был *послан* для того, чтобы показать мне: жизнь полна таинственных, странных и чудесных вещей, и только дураки по своей воле отстраняются от этой жизни и смотрят, как она проходит мимо.

Пес устремил на него полный внимания взгляд.

Тревис взял банку, но она была пуста.

Эйнштейн сбегал к холодильнику и принес еще одну.

Беря жестянку из пасти собаки, Тревис спросил:

— Теперь, когда ты слышал всю эту историю, что ты думаешь? Можно со мной иметь дело? Ты не боишься?

Пес тявкнул.

— Это что, означает «нет»?

Эйнштейн улегся на спину, задрав лапы вверх, и подставил ему брюхо, как и в прошлый раз, когда согласился надеть ошейник.

Отставив жестянку с пивом в сторону, Тревис встал из-за стола, опустился рядом с псом и погладил ему брюхо.

— Ладно,— проговорил он,— ладно. Только не умирай. Не вздумай умирать, пока ты со мной.

6

Телефон в доме Норы Девон зазвонил вновь в одиннадцать часов.

Это был Стрек.

— Ты в постели, лапочка?

Она не ответила.

— Хотела бы, чтобы я был рядом?

Со времени предыдущего звонка Нора все размышляла о том, как с ним разговаривать, и придумала несколько угроз, которые, по ее разумению, могли подействовать на него.

Она сказала:

— Если вы не оставите меня в покое, я обращусь в полицию.

— Нора, а ты спишь голая?

Сидя в кровати, Нора выпрямилась и окаменела.

— Я обращусь в полицию и скажу, что вы пытались... приставать ко мне. Клянусь, я так и сделаю.

— Хотелось бы увидеть тебя голенькой,— сказал Стрек, не реагируя на ее угрозу.

— Я солгу. Скажу, что подверглась из... изнасилованию.

— Хочешь ощутить мои ладони у себя на груди, Нора?

Тупые рези в животе заставили ее скорчиться.

— Я попрошу телефонную компанию прослушать мой телефон, записать все разговоры, и таким образом у меня будут доказательства.

— Было бы здорово целовать тебя всю, Нора.

Боли в животе усилились. Нору начинало трясти. Срывающимся голосом она выложила последнюю угрозу:

— У меня есть револьвер. У меня есть револьвер.

— Сегодня ты увидишь меня во сне, Нора, уверяю тебя. Тебе приснится, как я целую тебя повсюду, все твое красивое тело...

Она с силой опустила трубку на рычаг.

Улегшись на бок, Нора сжала плечи, подтянула колени и обхватила себя руками. Рези в животе были чисто эмоциональной реакцией, вызванной страхом, яростью и невероятной безысходностью.

Постепенно боли утихли. Страх исчез, и осталась только злость.

Нора была настолько отстранена от внешнего мира и присущих ему отношений, так не приспособлена к общению с другими людьми, что просто не могла существовать вне своего дома, который, как крепость, защищал ее. В социальном смысле она была неграмотной. Нора не умела поддерживать вежливую беседу даже с Гаррисоном Дилвортом, адвокатом тети Виолетты и теперь ее, Норины, адвокатом, когда им несколько раз пришлось вместе обсуждать дела о наследстве. Она отвечала на его вопросы односложно и сидела, опустив глаза вниз, не находя места своим холодным рукам, ужасно стесняясь. Боялась собственного адвоката! Если Нора робела в присутствии Гаррисона Дилворта, как она могла противостоять Арту Стреку? В будущем Нора уже никогда больше не отважится вызвать техника, что бы ни сломалось в доме — пусть все лучше развалится и рухнет, ведь следующий мастер может оказаться очередным Стреком или того хуже. По традиции, установленной еще теткой, Нора заключила договор с ближайшим супермаркетом на доставку продуктов, поэтому ей не надо было ходить в магазин, но теперь она будет опасаться впускать в дом даже посыльного; за все это время он ни разу не вел себя агрессивно, двусмысленно или оскорбительно по отношению к ней, но в один прекрасный день он может почувствовать ее уязвимость, как это произошло со Стреком.

Нора *ненавидела* Виолетту Девон.

С другой стороны, тетка права: Нора — мышь. И, как всем мышам, судьбой ей предназначено бежать, прятаться и отсиживаться в темноте.

Ее ярость утихла, как до этого утихли боли в животе.

На смену гневу пришло одиночество, и Нора беззвучно зарыдала.

Позже, облокотившись головой о спинку кровати, промокая покрасневшие от слез глаза салфетками «Клинекс» и сморкаясь, она храбро решила покончить со своим отшельничеством. Нора найдет в себе силы и мужество вступить в более тесный контакт с внешним миром. Будет встречаться с другими людьми. Перезнакомится с соседями, от которых в большей или меньшей степени отгородилась Виолетта. Заведет друзей. Видит бог, так и сделает. И Нора не позволит Стреку запугивать ее. Кроме того, она научится решать и новые проблемы,

которые могут возникнуть перед ней, и со временем превратится в совершенно другую женщину. Она обещает, что так и будет. Клянется всеми святыми.

Нора подумала, не отключить ли телефон и таким образом обезоружить Стрека, но остаться без телефона было страшно. Что, если она проснется, услышит, как кто-то забрался в дом, и не успеет включить телефон в розетку?

Прежде чем погасить свет и укрыться одеялом, Нора затворила дверь спальни и забаррикадировала ее с помощью кресла, подпиравшего дверную ручку. Уже лежа в постели, она убедилась, что в случае необходимости может быстро схватить тесак с ночного столика.

Нора лежала на спине с открытыми глазами. Бледно-янтарный свет уличных фонарей проникал сквозь ставни в комнату. На потолке образовался узор из перемежающихся темных и золотистых полос, как будто над ее кроватью в вечном прыжке распростерся огромный тигр. Теперь, наверное, ей всегда будет нелегко засыпать.

Интересно, найдется ли когда-нибудь человек в том большом мире, куда она поклялась войти, способный заботиться о ней, полюбить ее? Разве нет на свете никого, кто смог бы полюбить мышку и нежно с ней обращаться?

Где-то далеко за окном прозвучал гудок поезда — на пустой, холодной и скорбной ноте.

7

Винс Наско никогда не чувствовал себя таким занятым. Или таким довольным.

Когда он позвонил по известному номеру в Лос-Анджелес, чтобы доложить об успешном выполнении задания в доме Ярбеков, ему приказали перейти в другую телефонную будку. Она находилась на Бальбоа-Айленд в бухте Ньюпорт, между магазинчиком, торговавшим замороженным йогуртом, и рыбным рестораном.

Туда ему позвонила женщина с гортанным сексуальным и в то же время каким-то детским голосом. Она расспрашивала об убийстве обтекаемо, не называя вещи своими именами, а прибегая к эвфемизмам, которые в юридическом смысле нельзя

использовать как доказательства. Женщина звонила с другого телефона, выбранного наугад, поэтому шансы на то, что разговор может быть прослушан, практически сводились к нулю. Но все-таки это был мир спецслужб и сыска, поэтому рисковать было нельзя.

У женщины было для него задание.

Глядя на автомобили, медленно ползущие мимо по узкой улице, Винс внимал женщине, которую никогда не видел и имени которой не знал. Она продиктовала ему адрес доктора Альберта Хадстона в Лагуна-Бич. Хадстон проживает там вместе с женой и шестнадцатилетним сыном. Ликвидации подлежат оба супруга, а судьбу подростка предстоит решить Винсу. Если удастся сделать так, чтобы тот остался в стороне, отлично. Но если он заметит Винса или станет свидетелем происшедшего, его необходимо убрать.

— На ваше усмотрение,— сказала женщина.

Винс к этому моменту уже знал, что расправится с парнем, поскольку он извлекал тем больше пользы и энергии из преступления, чем моложе была жертва. Он уже давно не убивал по-настоящему молодого, и сейчас такая перспектива возбуждала его.

— Хочу только подчеркнуть,— сказал голос в трубке, немного сбивая Винса с толку паузами между словами,— этот вариант необходимо осуществить достаточно быстро. Мы хотим, чтобы сегодня вечером все было сделано. Уже завтра конкурирующая фирма узнает о наших целях и попытается помешать нам.

Винс понял, что под «конкурирующей фирмой» подразумевается полиция. Ему платили за ликвидацию трех докторов — никогда раньше он не убивал людей этой профессии,— и Винс догадывался, что между этими преступлениями существует связь, о которой, в свою очередь, догадается полиция, когда обнаружит труп Вэтерби в багажнике автомобиля и изуродованное тело Элизабет Ярбек в спальне. Винс не знал, что это за связь, потому что никогда ничего не знал о своих жертвах, да и никогда не интересовался. Так было безопаснее. Но полиция протянет ниточку от Вэтерби к Ярбек и от этих двоих к Хадстону, так что если Винс не прихлопнет Хадстона сегодня, то уже завтра полиция предоставит ему охрану.

Винс сказал:

— Можно спросить... Вы хотите, чтобы этот вариант был выполнен так же, как и предыдущие два? Вам нужен почерк?

Он подумывал о том, не сжечь ли дом Хадстонов вместе с трупами, чтобы спрятать следы.

— Почерк должен быть обязательно,— сказала женщина.— Один и тот же во всех вариантах. Нам необходимо, чтоб те, кто надо, знали: мы не сидим без дела.

— Понятно.

— Мы должны дернуть их за нос,— сказала она и негромко рассмеялась.— Посыпать соль на рану.

Винс повесил трубку и отправился обедать в «Веселый Роджер». Винс заказал овощной суп, гамбургер, поджаренный картофель, лук, запеченный колечками в тесте, шинкованную капусту, кусок шоколадного торта с мороженым и после некоторого раздумья порцию яблочного пирога. Все это он запил пятью чашками кофе. Винс всегда обильно ел, но после удачно выполненного задания аппетит его усиливался многократно. Честно говоря, даже покончив с яблочным пирогом, он не почувствовал сытости. Понятное дело. Всего за один день Винс вобрал в себя жизненную энергию Дэвиса Вэтерби и четы Ярбек, и теперь ему требовалось топливо, как форсированному спортивному двигателю. Его метаболизм стоял на высшей передаче; ему понадобится еще топливо, пока организм не зарядит энергией биологические аккумуляторы для последующего использования.

Способность поглощать жизненные силы людей, которых Винс убивал, и являлась Даром, отличавшим его от всех остальных людей. Благодаря этому Дару Винс всегда будет полон сил, бодрости и обладать хорошей реакцией. Он будет жить бесконечно.

Винс никогда не открывал тайну своего необыкновенного Дара ни женщине с гортанным голосом, ни другим своим работодателям. На свете слишком мало людей, имеющих достаточно воображения для того, чтобы всерьез отнестись к такой поразительной способности. Винс держал свой секрет при себе: он боялся, что его сочтут ненормальным.

Выйдя из ресторана, Винс немного постоял на тротуаре, с наслаждением вдыхая свежий морской воздух. Со стороны бухты дул прохладный ночной ветер, взметая обрывки бумажек и пурпурные лепестки джакаранд по мостовой.

Винс чувствовал необыкновенный прилив сил. Он ощущал себя такой же составной частью природы, как море и ветер.

Из Бальбоа-Айленд он поехал в Лагуна-Бич. В 23.20 он припарковал свой микроавтобус через улицу напротив дома Хадстонов. Одноэтажное строение стояло высоко на одном из холмов, откуда открывался прекрасный вид на океан. Два окна в доме светились.

Винс пролез между передними сиденьями назад в глубину машины и стал ждать, когда Хадстоны улягутся спать. Покинув дом Ярбеков, он сменил синий костюм на серые слаксы, белую рубашку и темно-бордовый свитер, поверх которого он надел темно-синюю нейлоновую ветровку. Сидя в темной машине, Винс коротал время, доставая орудия своего ремесла из картонной коробки, где они были спрятаны под двумя батонами хлеба, упаковкой туалетной бумаги из четырех рулонов и другими предметами, создававшими впечатление, будто он только что вышел из магазина.

Его «вальтер-38» был полностью заряжен. Закончив дело в доме Ярбеков, он навинтил на ствол новый глушитель — в два раза короче прежнего. Винс отложил пистолет в сторону. У него был нож с шестидюймовым выкидным лезвием. Его он засунул в боковой карман брюк.

Свернув проволочную удавку в кольцо, Винс засунул ее в левый наружный карман куртки. В правый положил мешочек со свинцовой дробью.

Вообще-то он собирался воспользоваться только пистолетом. Однако Винс любил быть готовым ко всяким неожиданностям.

На некоторых заданиях он использовал пистолет «узи», который подпольно переделал для стрельбы очередями. Но сегодняшнее поручение не требовало тяжелого вооружения.

У него был еще небольшой кожаный мешочек, размером в половину бритвенного набора, где он хранил отмычки. Винс не стал их осматривать. Возможно, они ему вообще не понадобятся, поскольку большинство людей удивительно беззаботно относятся к безопасности своих жилищ, оставляя на ночь незапертыми окна и двери, как будто живут в квакерской деревне девятнадцатого века.

В 23.40 Винс просунул голову между спинками передних сидений и сквозь боковое стекло посмотрел на дом Хадстонов. Все огни были погашены. Они легли спать.

Чтобы дать им время уснуть, Винс опять уселся на прежнее место и, грызя шоколадку, стал прикидывать, как распорядиться сегодняшним немалым заработком.

Ему давно хотелось купить реактивные водные лыжи, на которых можно кататься без помощи катера. Он любил океан. В нем было что-то притягательное; Винс умел обращаться с волнами и чувствовал душевный подъем, когда превращался в одно целое с огромными, поднимающимися почти вертикально массами воды. Ему нравились подводное плавание, парусный спорт и серфинг. Еще подростком он проводил на берегу гораздо больше времени, чем в школе. Да и взрослым Винс часто плавал на доске при хорошей волне. Ему, правда, стукнуло уже двадцать восемь, и серфинг был для него пройденным этапом. Теперь он любил *скорость*. Винс мысленно представил себя, несущегося по темной, будто сланец, поверхности моря на реактивных лыжах, рассекая ветер и подпрыгивая на бесчисленных бурунах, усмиряя Тихий океан, как ковбой в родео усмиряет дикого мустанга...

В 00.15 он вышел из машины, засунул пистолет за пояс и перешел через тихую, пустынную улицу, отделявшую его от дома Хадстонов. Через незапертую деревянную калитку Винс проник на открытую боковую веранду, освещенную лунным светом, пробивающимся через густую листву огромного коралового дерева.

Он остановился на минутку, чтобы надеть тонкие кожаные перчатки.

Раздвижная стеклянная дверь вела с веранды в гостиную. Она была заперта. При свете карманного фонарика Винс увидел: на нижнем полозе двери лежит деревянный упор, для того чтобы створку нельзя было отодвинуть.

Хадстоны оказались более осторожными людьми, чем можно было предполагать, но Винсу было все равно. Он приставил небольшую резиновую присоску к стеклу, алмазным резцом обвел ее по окружности и бесшумно вынул вырезанный стеклянный кружок около дверной ручки. Просунув руку в отверстие, открыл замок. Затем вырезал еще один кружок у порога и через него вытолкнул деревянный упор в комнату.

Насчет собак Винс не беспокоился. Женщина с сексуальным голосом сказала ему, что Хадстоны не держат домашних животных. Это был один из тех моментов, которые нравились Винсу в его работодателях: их информация была подробной и аккуратной.

Отодвинув дверь, он проскользнул через задернутые шторы в темную гостиную. Давая своим глазам привыкнуть к темноте, Винс постоял несколько мгновений, прислушиваясь. В доме было тихо, как в могиле.

Сначала он нашел комнату сына. Ее освещал зеленый отсвет от электронных часов, вмонтированных в радиоприемник. Подросток спал на боку, слегка похрапывая. Шестнадцать лет. Молоденький. Винс любил, когда ему попадались молоденькие.

Он обошел кровать и присел так, что оказался лицом к лицу со спящим. Зубами Винс стащил левую перчатку и, держа пистолет в правой руке, приставил дуло ему под подбородок.

Парень мгновенно проснулся.

Винс сильно ударил его левой рукой по лбу и одновременно нажал на курок. Пуля пробила мягкие ткани под подбородком и застряла в мозге. Смерть наступила мгновенно.

«Сссспап».

Сгусток энергии вырвался из умирающего тела и был моментально поглощен Винсом. Это была такая чистая и живая энергия, что он даже застонал от удовольствия, чувствуя, как она наполняет его.

На мгновение Винс задержался у кровати, не смея сдвинуться с места, опьянев и задыхаясь. Наконец он поцеловал мертвого подростка в губы и сказал:

— Принимаю. Спасибо. Принимаю.

Как кошка, быстро и бесшумно, он прокрался через дом и нашел супружескую спальню. Зеленое сияние от электронных часов и свет ночника, проникавший через открытую дверь ванной, достаточно хорошо освещали комнату. Супруги Хадстон спали. Винс убил первой жену.

«Сссспап».

Муж так и не проснулся. Женщина спала голышом. Получив от нее жертву, он прислонил ухо к обнаженной груди, чтобы услышать, как перестало биться сердце. Затем поцеловал соски и прошептал:

— Спасибо.

Обойдя вокруг кровати, Винс включил лампу на ночном столике и разбудил доктора Хадстона. Сначала тот не мог понять, в чем дело. Пока не увидел мертвые глаза жены. Тогда Хадстон закричал и вцепился Винсу в плечо, и пришлось дважды ударить его рукояткой пистолета.

Винс оттащил обнаженное тело Хадстона в ванную комнату. Как и раньше, он нашел пластырь и связал потерявшего сознание доктора по рукам и ногам.

Наполнив ванну холодной водой, он перевалил в нее Хадстона. Доктор очнулся.

Несмотря на наготу и путы, Хадстон попытался вскочить и навалиться на Винса.

Тот ударил его пистолетом в лицо и толкнул обратно в воду.

— Кто ты такой? Чего тебе надо? — произнес Хадстон, отплевываясь.

— Я убил твою жену и сына и собираюсь убить тебя.

Глаза Хадстона, казалось, еще глубже ушли в его худое, бледное лицо.

— Джимми? Только не Джимми, нет...

— Твой сын мертв,— сказал Винс.— Я ему вышиб мозги.

Это известие совершенно подкосило Хадстона. Он не зарыдал, не стал вслух оплакивать сына — ничего такого драматического. Но его глаза помертвели в одно мгновение. Как будто повернули выключатель. Хадстон продолжал смотреть на Винса, но в его взгляде уже больше не было ни страха, ни гнева.

Винс сказал:

— У тебя есть выбор: умереть легко или помучиться. Если расскажешь мне о том, о чем я хочу знать, умрешь быстро и небольно. Если заупрямишься, я могу растянуть это удовольствие на пять-шесть часов.

Доктор Хадстон молча глядел на него. За исключением следов свежей крови, его лицо было очень бледным, белым, как кожа какого-то глубоководного существа.

«Надеюсь, он не припадочный»,— подумал Винс.

— Я хочу знать, какая связь существует между тобой, Дэвисом Вэтерби и Элизабет Ярбек.

Хадстон заморгал, стараясь сосредоточиться на вопросе.

— Дэвисом и Лиз? Что вы имеете в виду?

— Знаешь их?

Хадстон кивнул.

— Откуда ты их знаешь? Вместе учились в школе? Или жили рядом?

Покачав головой, Хадстон сказал:

— Мы... мы вместе работали в Банодайне.

— Что такое Банодайн?

— Исследовательский комплекс. Лаборатория.

— Где это?

— Здесь, в графстве Оринджс,— уточнил Хадстон. Он назвал адрес в Ирвин-сити.

— Чем вы там занимаетесь?

— Исследованиями. Но я ушел оттуда месяцев десять назад. А Вэтерби и Ярбек еще работают там.

— Что это за исследования?

Хадстон заколебался.

Винс повторил:

— Быстро и без боли или долго и мучительно?

Доктор рассказал ему об исследованиях, которыми он занимался в Банодайне. Проект «Франциск». Эксперименты. С собаками.

То, о чем он поведал, было невероятно. Винс заставил Хадстона повторить некоторые подробности три или четыре раза, прежде чем убедился: это правда.

Вытянув из Хадстона все, что тот знал, Винс выстрелил ему в лицо — быстрая смерть, как и обещал.

«Ссссснап».

Сидя за рулем микроавтобуса и двигаясь по ночным холмам Лагуна-Хилла, прочь от дома Хадстонов, Винс думал об опасном шаге, который он только что предпринял. Обычно Винс ничего не знал о жертвах. Так было безопаснее и для него самого, и для его работодателей. Он *не хотел* знать, чем провинились эти несчастные люди, что им приходится так дорого платить. Возможно, за такое знание пришлось бы расплачиваться и самому Винсу. Но сейчас ситуация была не совсем обычная. Ему поручили убить трех докторов — но не врачей, а ученых, как теперь выяснилось,— все трое уважаемые граждане, а также членов их семей, попадавшихся на пути. Что-то здесь не так. В завтрашних газетах не хватит места для сообщений о случившемся. Происходит что-то очень большое и важное, настолько важ-

ное, что если Винс это вычислит, то это принесет ему невиданную удачу и небывалые деньги. Деньги можно получить за запретную информацию, которую он выудил из Хадстона... если, конечно, он правильно вычислит потенциального покупателя. Сведения такого рода — опасный товар. Знание вообще опасно — вспомнить хотя бы Адама и Еву. Если его теперешние работодатели — леди с сексуальным голосом и другие в Лос-Анджелесе — узнают, что он нарушил основную заповедь своей профессии (допрашивал одну из жертв), то они наймут другого человека, который начнет охоту за Винсом.

Правда, мысль о смерти не очень беспокоила его. Он накопил в себе достаточно жизненной энергии других людей. Винс был раз в десять более живуч, чем кошка. Он собирался жить вечно. Был почти уверен в этом. Но... не знал точно, *сколько* жизней ему нужно взять у других людей, чтобы обеспечить себе бессмертие. Иногда ему казалось, что он уже близок к цели. Но были моменты, когда Винс ощущал свою уязвимость и, следовательно, необходимость накопить больше жизненной энергии, прежде чем на него снизойдет желанное состояние собственной бесконечности. Пока он не убедится в том, что наконец взошел на свой Олимп, ему нужно проявлять определенную осторожность.

Банодайн.

Проект «Франциск».

Если все, о чем рассказал ему Хадстон, было правдой, то риск, которому подвергался Винс, окупится сторицей, когда найдется нужный покупатель для этой информации. Винс скоро станет богатым человеком.

8

Вэс Далберг уже десять лет жил один в каменной хижине в верхней части каньона Святого Джима на восточной границе графства Ориндж. Единственным источником освещения в его доме были переносные лампы «Коулман», а воду он получал с помощью ручной помпы, установленной над кухонной раковиной. Туалетом служило деревянное сооружение во дворе, стоящее футах в ста позади хижины, на двери которого была вырезана щербатая луна.

Вэсу исполнилось сорок два года, но выглядел он старше своих лет. У него было обветренное и продубленное солнцем лицо. Вэс носил аккуратно подстриженную бородку и большие седые бакенбарды. Несмотря на старообразную внешность, он был крепким, как двадцатилетний мужчина. Вэс верил в то, что его хорошее здоровье — следствие жизни на природе.

Вечером во вторник 18 мая он сидел за кухонным столом при серебристом свете шипящей лампы «Коулман», потягивая самодельную сливянку, и читал роман Джона Д. Макдональда. Сам себя Вэс называл «антисоциальным элементом, родившимся не в том веке», и не видел пользы в современном обществе. Но любил читать о таком персонаже, как Мак Ги, поскольку тот обретался в этом самом вонючем и ужасном мире и плыл поперек его гибельного течения.

Когда к часу ночи Вэс дочитал книгу, он вышел наружу, чтобы принести дров для очага. Качающиеся на ветру ветки сикомор отбрасывали причудливые тени, а гладкие поверхности шуршащих листьев тускло поблескивали в лунном свете. Вдалеке слышался вой койотов, которые, наверное, охотились на зайца или другого зверька. В ближних кустах звенел хор насекомых, а в верхушках деревьев пел холодный ветер.

Вэс хранил дрова в сарае, пристроенном к северной стене хижины. Он вытащил колышек, которым запирались двойные двери сарая. Вэс настолько хорошо знал, где лежат поленья, что прекрасно ориентировался в темноте, наполняя ими прочный железный лоток. Держа его двумя руками, Вэс вышел наружу, поставил лоток на землю и повернулся, чтобы запереть двери.

Тут до него дошло, что и койоты, и насекомые вдруг внезапно умолкли. Был слышен только шум ветра.

Нахмурившись, он повернулся лицом к лесу, темной стеной окружавшему вырубку, где стояла его хижина.

До него донеслось рычание.

Вэс скосил глаза на лес, который, казалось, стал еще темнее, чем минуту назад.

Рычание было низким и злобным. За те десять лет, которые он провел здесь в одиночестве, ему никогда не приходилось слышать ничего похожего.

То, что ощутил Вэс, можно было назвать любопытством, озабоченностью, но никак не страхом. Он стоял не шевелясь и прислушивался. Прошла минута, но все было тихо.

Вэс закрыл двери сарая, засунул колышек на место и подхватил лоток с дровами.

В этот момент опять раздалось рычание. Потом снова все затихло. Затем послышался треск сухих веток и шорох опавшей листвы под чьими-то подошвами.

Судя по звуку, кто-то двигался там, в лесу, ярдах в тридцати от Вэса. К западу от туалета.

Рычание возобновилось, на этот раз громче. И ближе. Теперь уже ярдах в двадцати.

Он не мог рассмотреть источник этих звуков. Луна спряталась за узкую гряду облаков.

Прислушиваясь к этому угробному, с подвыванием, ворчанию, Вэс почувствовал, что ему становится не по себе. Впервые за десять лет обитатель каньона Святого Джима осознал, что подвергается опасности. С лотком поленьев в руках он заспешил к кухонной двери с задней стороны хижины.

Шуршание и треск в кустах усилились. Существо там, в лесу, двигалось быстрее, чем раньше. Да оно просто бежало на него.

Вэс тоже побежал.

Рычание перешло в мощный злобный рык: причудливое сочетание звуков, которые одновременно могли издавать собака, кабан, кугуар, человек и еще что-то неведомое, но страшное. Преследователь уже нагонял Вэса.

Забежав за угол хижины, он раскачал лоток и запустил им туда, где, по его предположению, находилось животное. Ему было слышно, как поленья застучали о землю, как сверху на них упал металлический лоток, но рык становился все громче и ближе, и Вэс понял, что промахнулся.

Перепрыгнув через три ступеньки заднего крыльца, Вэс распахнул кухонную дверь, заскочил внутрь и захлопнул дверь. Затем он поспешно задвинул щеколду — мера предосторожности, к которой он не прибегал уже девять лет, с тех пор как убедился, что жизнь в каньоне абсолютно безопасна.

Подбежав к передней двери, Вэс тоже запер ее на щеколду. Удивительно, что он так сильно испугался. Даже если там, снаружи, находился какой-то хищник — например, спустившийся с гор бешеный медведь,— он не сможет открыть дверь и войти в хижину. Не было нужды запирать двери изнутри, но, задвинув щеколды, Вэс почувствовал облегчение. Он действовал

так, как подсказывал ему инстинкт. Проведя столько времени в общении с живой природой, Вэс знал: инстинктам надо доверять, даже если их следствием является иррациональное поведение.

О'кей, теперь он в безопасности. Ни одно животное не сможет открыть дверь. Даже такое мощное, как медведь, а похоже, что это именно он.

По правде, медведь не издает таких звуков. Это и напугало Вэса Далберга: рычание, которое он слышал там, снаружи, не могло принадлежать ни одному животному из здешних лесов. Он ведь знал все о зверях, живущих с ним по соседству, и мог отличать их завывания, крики и другие издаваемые ими звуки.

Хижина сейчас освещалась только огнем, пылавшим в камине, а в углах лежали глубокие тени. Отсветы пламени бросали причудливые блики на стены. Впервые за все эти годы Вэс пожалел, что в доме нет электричества.

У него было ружье 12-го калибра марки «ремингтон», с его помощью он пополнял запасы продовольствия, охотясь на мелкую дичь. Оно хранилось на полке в кухне. Он подумал, что не мешало бы достать и зарядить его, но, почувствовав себя в безопасности за запертыми дверями, вдруг устыдился собственной паники. Как какой-нибудь салага, прости Господи. Как житель пригорода, визжащий при виде полевой мыши. Если бы Вэс закричал и захлопал в ладоши, то наверняка отпугнул бы то животное в кустах. Даже с поправкой на инстинкт реакция на случившееся не соответствовала его собственному представлению о себе как об эдаком прошедшем огонь и воду скваттере. Если Вэс возьмется за ружье сейчас, он потеряет бóльшую часть самоуважения, представлявшего для него огромную важность, поскольку единственное мнение, которым Вэс Далберг дорожил, было его собственное. Ружье отменяется.

Вэс рискнул подойти к большому окну в комнате. Лет двадцать назад бывший хозяин заменил узкое окошко с частым переплетом на большое со сплошным стеклом, чтобы, очевидно, наслаждаться видом, открывавшимся из него.

Несколько посеребренных лунным светом облаков, казалось, фосфоресцировали на фоне черного, как бархат, ночного неба. Рассеянный лунный свет падал на двор перед домом, скользил по радиаторной решетке, капоту и ветровому стеклу

принадлежащего Вэсу джипа «чероки» и призрачно освещал силуэты подступавших к вырубке деревьев. Там, за окном, ничего не двигалось, если не считать колыхания веток на несильном ветру.

Минуты две Вэс изучал пейзаж. Не увидев и не услышав ничего необычного, он решил, что неизвестный зверь ушел. С чувством значительного облегчения и стыда за свое поведение Вэс отвернулся было от окна, но тут обратил внимание на какое-то движение около джипа. Он скосил глаза, ничего не увидел и на всякий случай простоял у окна еще пару минут. В тот момент, когда Вэс решил, что это ему почудилось, он опять заметил, как что-то движется позади автомобиля и приближается к стеклу.

Что-то мчалось через двор к дому, прижимаясь к земле. Вместо того чтобы осветить как следует животное, лунный свет делал его еще более таинственным и бесформенным. Существо неслось прямо на хижину. Внезапно — Господи Иисусе! — оно поднялось в воздух, и Вэс увидел что-то странное, летящее прямо на него из темноты, и вскрикнул от ужаса. Мгновением позже мерзкая тварь с оглушительным треском влетела через окно, и Вэс закричал, но тут же захлебнулся собственным криком.

9

Поскольку Тревис пил редко, три банки пива были для него хорошим средством от бессонницы. Он заснул через несколько секунд, едва его голова коснулась подушки. Ему приснилось, что он дрессировщик в цирке, а все животные, выступающие с ним на манеже, умеют разговаривать и после каждого представления рассказывают ему какой-то свой удивительный секрет, о котором он успевает забыть, подойдя к следующей клетке.

В четыре часа утра Тревис проснулся и увидел, что Эйнштейн стоит у окна, поставив передние лапы на подоконник, и внимательно смотрит в темноту.

— Что случилось, малыш? — спросил Тревис.

Собака взглянула на него, а затем вновь устремила взгляд в ночь за окном.

— Там кто-то есть? — Тревис встал с постели и натянул джинсы.

Пес опустился на четыре лапы и выбежал из спальни.

Последовав за ним, Тревис обнаружил, что он смотрит уже в окно гостиной. Опустившись на корточки рядом с ретривером и положив руку на его широкую мохнатую спину, Тревис спросил:

— В чем дело, а?

Эйнштейн прижал нос к стеклу и нервно заскулил.

Посмотрев в окно, Тревис не заметил ничего угрожающего ни на лужайке перед домом, ни на улице. Вдруг его осенило, и он спросил:

— Ты разволновался из-за того существа, которое вчера гналось за тобой в лесу?

Пес посмотрел на него серьезными глазами.

— Что это было там, в лесу? — спросил Тревис.

Собака заскулила и передернулась.

Вспомнив сильный страх, охвативший ретривера и его самого в предгорьях Санта-Аны, пережитое им жуткое ощущение того, что их преследует что-то сверхъестественное, Тревис почувствовал: его тоже начинает бить дрожь. Он стал всматриваться в ночь за окном. Через острые листья пальм просвечивал бледно-желтый свет от ближайшего уличного фонаря. Порывистый ветер закручивал небольшие вихри из дорожной пыли, опавших листьев и мелкого мусора, тащил их по мостовой, опускал на землю и через несколько секунд поднимал вновь. Ночная бабочка мягко билась в стекло прямо напротив лица Тревиса, очевидно, принимая отражение луны или уличного фонаря за живой огонь.

— Ты полагаешь, что это существо все еще идет за тобой? — спросил Тревис.

Эйнштейн негромко тявкнул.

— Знаешь, я так не думаю,— сказал Тревис.— Ты, наверное, не понимаешь, как далеко мы уехали от того места. Мы-то были на колесах, а ему пришлось бы передвигаться своим ходом — не уверен, что это возможно. Я не знаю, что это было, но оно осталось далеко позади, Эйнштейн, там, в графстве Оринджж, и, уж конечно, не знает, куда мы подевались. Пусть тебя это больше не волнует. Понимаешь?

Пес ткнулся носом в руки Тревиса и лизнул их, как бы выражая благодарность за поддержку. Через секунду, однако, он опять взглянул в окно и тихо заскулил.

Тревису пришлось уговаривать его вернуться в спальню. Там ретривер захотел лечь на кровать рядом со своим хозяином, и, желая успокоить животное, Тревис не стал протестовать.

Под козырьком крыши бормотал и стонал ветер.

Время от времени дом потрескивал, оседая.

Тихо урча мотором и шелестя шинами, мимо дома проехал автомобиль.

Уставший от эмоциональных и физических потрясений дня, Тревис вскоре уснул.

Незадолго до рассвета он на мгновение проснулся и увидел, что Эйнштейн стоит на страже на том же месте у окна. Полусонным голосом Тревис позвал пса и похлопал ладонью рядом с собой, но тот не оставил своего поста, а Тревис опять погрузился в сон.

Глава четвертая

1

На следующий день после встречи с Артом Стреком Нора Девон отправилась на прогулку, намереваясь осмотреть районы города, где ей еще не приходилось бывать. Когда была жива Виолетта, она совершала прогулки раз в неделю. С тех пор как старуха умерла, Нора делала вылазки из дома, но уже не так часто и уж никогда не удалялась от него дальше чем на шесть—восемь кварталов. Сегодня она собиралась уйти гораздо дальше. Это станет первым маленьким шагом на длинном пути к свободе и самоуважению.

Еще находясь дома, Нора подумала, что зайдет по дороге в какой-нибудь ресторан и съест легкий ленч. Она, правда, никогда не была в ресторане. Ей там придется разговаривать с официантом и сидеть за столом в компании незнакомых людей: такая перспектива напугала ее. Поэтому Нора взяла небольшой бумажный пакет и положила туда яблоко, апельсин и два овсяных кекса. Она поест в одиночестве, пристроившись где-нибудь в парке. Даже это будет революционным по значению шагом. Маленьким шагом к свободе.

Погода стояла теплая, и небо было безоблачным. Покрытые весенней листвой деревья выглядели необычайно свежими;

они слегка колыхались на слабом ветру, не позволяя жарким лучам иссушить их.

Проходя мимо ухоженных домов, большинство из которых были построены в испанском стиле, она всматривалась в двери и окна, с неожиданно возникшим любопытством спрашивала себя: «Что за люди живут в этих домах? Счастливы ли они? Печальны? Любят ли они друг друга? Какая музыка и какие книги им нравятся? Что они едят? Хотят ли они провести отпуск в каком-нибудь экзотическом месте, пойти вечером в театр или ночной клуб?»

Нора никогда раньше не проявляла интереса к этим людям, так как знала: их пути никогда не пересекутся. Интересоваться тем, как они живут, означало просто терять время. Но сейчас...

Когда ей кто-нибудь попадался навстречу, она по старой привычке опускала голову и отворачивала лицо, но, погуляв немного, нашла в себе мужество смотреть прохожим в глаза. К ее удивлению, многие из них улыбались и здоровались с ней. Спустя некоторое время Нора с еще большим удивлением обнаружила, что отвечает им тем же.

Около здания окружного суда она задержалась, чтобы полюбоваться желтыми цветами юкки и ярко-красными бугенвиллеями, взбирающимися по оштукатуренной стене и вплетающимися в узорчатую чугунную решетку на одном из высоких окон.

Дойдя до миссионерской церкви Санта-Барбары, построенной в 1815 году, Нора остановилась у входных ступенек и осмотрела красивый фасад старинного храма. Затем походила по церковному двору, заглянула в Священный Сад и поднялась на колокольню.

Постепенно Нора начала понимать, почему во многих из прочитанных ею книг Санта-Барбара называлась в числе самых красивых мест на земле. Она прожила здесь почти всю свою жизнь, но оттого, что сидела безвылазно в доме Виолетты Девон, а если и выходила, то смотрела только себе под ноги, Нора, как оказалось, по-настоящему видела город в первый раз. Он очаровал и восхитил ее.

В час дня Нора присела на скамье у пруда в парке Аламеда в тени трех огромных старых пальм. Ноги у нее ныли, но она не собиралась возвращаться домой. Нора открыла бумажный па-

кет и начала ленч с желтого яблока. Никогда не было так вкусно. Она очень проголодалась, быстро съела еще и апельсин, бросив кожуру обратно в бумажный мешок, и принялась было за кекс, как вдруг рядом с ней на скамейку сел Артур Стрек.

— Привет, лапочка.

На нем красовались синие шорты, кроссовки и толстые белые носки, которые носят спортсмены. Было очевидно, что он не бегал, так как совсем не вспотел. Это был мускулистый, с широкой грудной клеткой, загорелый самец. Он вырядился так специально, и Нора сразу отвела от него глаза.

— Стесняешься? — спросил Стрек.

Она не могла ответить ему, потому что не успела еще проглотить кусок кекса, который откусила перед его появлением. У нее во рту вдруг исчезла слюна. Нора хотела проглотить этот кусок, но испугалась, что подавится, выплюнуть постеснялась.

— Моя сладкая, застенчивая Нора,— сказал Стрек.

Опустив глаза, Нора увидела, как сильно дрожит правая рука. Кекс раскрошился у нее в пальцах, и крошки сыпались ей под ноги.

Нора отправилась на эту прогулку, предполагая пробыть целый день в городе и таким образом сделать первый шаг на пути собственной независимости, но сейчас ей пришлось сознаться себе в том, что она хотела выбраться из дома еще по одной причине: надеялась избавиться от приставаний Стрека. Нора боялась оставаться дома, опасаясь, что Стрек будет без конца звонить ей. И вот теперь он нашел ее здесь, на улице, где ее не защищали запертые окна и закрытые на щеколду двери, и это было гораздо хуже, чем домогательства по телефону, гораздо хуже.

— Посмотри на меня, Нора.

— Нет.

— Посмотри на меня.

Последняя крошка кекса выпала из ее пальцев.

Стрек взял ее левую ладонь в свою. Нора попыталась вырваться, но он сдавил ее руку, перебирая Норины пальцы, и она сдалась. Стрек приложил ее ладонь к своему обнаженному бедру. Его плоть была твердой и горячей.

В животе у нее появилось противное ощущение, сердце заколотилось, и Нора уже не могла понять, что произойдет раньше: ее стошнит или она упадет в обморок.

Медленно двигая ее ладонь вдоль своего бедра, Стрек сказал:

— Я тот человек, который тебе нужен, лапочка. Я позабочусь о тебе.

Кекс во рту склеил ей челюсти. Голова ее была опущена, но Нора подняла глаза и взглянула исподлобья, надеясь увидеть кого-нибудь, к кому могла бы обратиться за помощью,— поблизости никого не оказалось. Две молодые дамы, гуляющие с маленькими детьми, были слишком далеко, чтобы помочь ей.

Все еще сжимая Норину ладонь, Стрек переставил ее на свою обнаженную грудь.

— Хорошо погуляла сегодня? Тебе понравилась миссионерская церковь, а? А какие прекрасные цветы юкки у окружного суда, не правда ли?

Своим негромким наглым голосом он расспрашивал Нору о впечатлениях от увиденных ею достопримечательностей, и Нора поняла, что все утро он следил за ней, пешком или из машины. Она его не видела, но Стрек, без сомнения, был где-то рядом, поскольку знал о всех ее передвижениях, с тех пор как Нора вышла из дома. Это напугало и разозлило ее больше, чем все остальные гадости, которые он успел до сих пор наделать.

Нора дышала тяжело и часто, но ей все равно не хватало воздуха. В ушах у нее зазвенело, но она отчетливо слышала каждое его слово. Готовая ударить Стрека, вцепиться ему в глаза, Нора тем не менее пребывала в каком-то оцепенении, ярость наполняла ее силой, а страх эту силу отнимал. Ей хотелось кричать, но не о помощи, а от отчаяния.

— Ну вот,— сказал Стрек,— теперь ты нагулялась, подкрепилась на природе и расслабилась. Знаешь, что было бы сейчас лучше всего? Чтобы день завершился как надо, лапочка? Как праздник? Надо сесть в мою машину, поехать к тебе домой, в твою желтую комнату, забраться в твою кровать с балдахином...

Так Стрек был в ее спальне! Наверное, вчера, когда должен был в гостиной чинить телевизор, он прокрался наверх, ублюдок, в ее убежище и совал нос в ее вещи!

— ...в эту большую старинную кровать, где я сниму с тебя одежду, золотце, и трахну...

Нора и потом не могла понять, что придало ей смелости: ужас от того, что он проник в ее единственное убежище, или от того, что он впервые за все это время произнес похабное слово,

или то и другое вместе, но она вскинула голову, обожгла его взглядом и выплюнула содержимое своего рта ему в лицо. Крошки не до конца пережеванной пищи прилипли к его правой щеке, веку и боковой стороне носа. Мокрые крошки овсяного теста застряли в волосах и испещрили его лоб.

Увидев, как ярость зажглась в глазах Стрека и исказила его лицо, Нора испугалась содеянного. Одновременно все внутри у нее пело от сознания того, что ей удалось стряхнуть с себя эмоциональный паралич, пусть даже ей придется за это поплатиться.

Расплата последовала незамедлительно. Все еще продолжая держать Нору за руку, Стрек так сдавил ей ладонь, что у нее хрустнули пальцы. Ей было ужасно больно. Но она не желала плакать ему на потеху, поэтому сжала зубы и терпела. На лбу у Норы выступили капельки пота, и она чувствовала, что теряет сознание. Хуже боли, однако, был ледяной взгляд голубых глаз Стрека. Продолжая сдавливать ей пальцы, он удерживал ее не только рукой, но и взглядом — холодным и странным. Стрек пытался подавить и запугать ее, и у него это получалось, потому что в его глазах она увидела безумие, против которого была бессильна.

Увидев ее отчаяние, явно доставлявшее ему большее удовольствие, чем боль, которую он ей причинял, Стрек перестал сдавливать ей пальцы, но не позволил выдернуть руку. Он сказал:

— Ты заплатишь за это, за этот плевок. И тебе *понравится* за это платить.

Нора неуверенно произнесла:

— Я пожалуюсь вашему боссу, и вас выгонят с работы.

Стрек только улыбнулся в ответ.

«Почему он не смахнет крошки кекса с лица?» — подумала Нора, но ответ напрашивался сам собой: Стрек заставит ее сделать это.

— Выгонят со службы? Да я уже уволился из Вэдлоу Телевижен. Вчера положил заявление на стол. Так что теперь у меня много свободного времени, и я могу посвятить его тебе, Нора.

Она опустила глаза. Нора уже не могла скрывать своего страха, еще немного — и у нее застучали бы зубы.

— Я подолгу не задерживаюсь ни на одной работе. Мужчинам вроде меня, в которых столько энергии, быстро наскучивает на одном месте. Я люблю быть в движении. Кроме того, жизнь слишком коротка, чтобы посвящать ее работе, как ты думаешь? Поэтому я нанимаюсь куда-нибудь, зарабатываю немного, а потом гуляю, пока хватит денег. Время от времени на моем пути попадается девушка вроде тебя, которой я просто необходим. Она просто умоляет побыть с ней, и я не отказываю.

«Ударь его, вцепись в него зубами, выцарапай ему глаза»,— говорил ее внутренний голос.

Но Нора продолжала стоять в оцепенении.

Кисть руки у нее тупо ныла. Она не забыла, как было больно, когда Стрек сдавливал ей пальцы.

Он заговорил более мягким и ободряющим голосом, но от этого ее страх только усилился:

— Я не откажу и тебе, Нора. На время я поселюсь у тебя. Нам будет хорошо вместе. Конечно, ты меня немножко боишься, я это понимаю. Но поверь, детка, тебе просто нужно вывернуть твою жизнь наизнанку — это сейчас для тебя самое лучшее.

2

Эйнштейну нравилось в парке.

Когда Тревис отцепил поводок, ретривер поспешил к ближайшей клумбе, где крупные желтые календулы росли внутри бордюра из пурпурных первоцветов, и обошел вокруг, явно восхищенный увиденным. Затем он проследовал к клумбе с яркими поздноцветущими лютиками и к следующей — с недотрогами. Его хвост приходил в движение от каждого нового открытия. Говорят, что собаки видят все предметы в черно-белом изображении, но Тревис готов был спорить: Эйнштейн обладает цветным зрением. Пес обнюхивал все, что попадалось ему на пути: цветы, кусты, деревья, камни, урны для мусора, смятые бумажки, основание фонтанчика для питья, а также практически каждый фут земли под ногами — без сомнения, воссоздавая в своем воображении «портреты» людей и собак, прошедших здесь до него, картинки, которые для пса были такими, как для Тревиса — фотографии.

В утренние и ранние дневные часы ретривер ничем не отличался. На его месте любая собака вела бы себя точно так же, и

Тревис уже начал думать, что его почти человеческие способности находят на него приступами, как эпилепсия. Однако после вчерашнего необычайные качества Эйнштейна не подлежали сомнению.

Когда они прогуливались вокруг пруда, пес вдруг замер, поднял голову, слегка приподнял свои мягкие уши и уставился на парочку, сидящую на скамейке футах в шестидесяти от них. На мужчине были спортивные шорты, а женщина была одета в мешковатое серое платье; он держал ее за руку, и, казалось, они были поглощены беседой друг с другом.

Тревис начал поворачивать в сторону зеленого газона, чтобы не мешать им разговаривать. Но собака, издав короткий лай, помчалась прямо к парочке.

— Эйнштейн! Назад! Ко мне!

Пес проигнорировал его призыв, подбежал к скамейке и начал яростно облаивать сидящих на ней мужчину и женщину.

К тому времени, когда Тревис приблизился к скамейке, мужчина в шортах уже стоял на ногах. Выставив вперед руки и сжав кулаки, он сделал осторожный шаг назад.

— Эйнштейн!

Ретривер перестал лаять, увернулся от Тревиса, не дав ему прицепить поводок к ошейнику, подошел к женщине, сидевшей на скамейке, и положил ей морду на колени. Такая перемена в поведении пса удивила всех троих.

Тревис сказал:

— Извините. Он вообще-то никогда...

— Какого черта,— накинулся мужчина в шортах.— Нельзя отпускать такую злую собаку в парке без привязи.

— Он не злой,— возразил Тревис.— Он...

— Ерунда,— сказал мужчина, брызгая слюной.— Чертова тварь пыталась меня укусить. Вам что, нравится, когда на вас подают в суд?

— Я не знаю, что взбрело ему в...

— Давайте двигайте отсюда,— потребовал мужчина.

Обескураженно кивнув, Тревис повернулся к Эйнштейну и увидел, что женщина уговорила его сесть с ней рядом на скамейку. Эйнштейн сидел, поставив передние лапы ей на колени, а она не просто гладила, а прижимала его к себе. В том, как женщина прижималась к собаке, усматривалось какое-то отчаяние.

— Убирайтесь отсюда! — злобно сказал мужчина.

Он был выше, шире в плечах и вообще намного здоровее Тревиса. Сделав несколько шагов вперед, глядя на Тревиса сверху вниз, он таким образом попытался его запугать. Видимо, привык добиваться своего с помощью вот такой агрессивности и угрожающего поведения. Тревис презирал таких людей.

Эйнштейн повернул голову в сторону мужчины, обнажил зубы и издал низкое рычание.

— Послушай, ты, придурок,— сказал тот злобно, обращаясь к Тревису,— ты что, оглох? Я же сказал: собаку надо держать на поводке. Поводок у тебя в руках. Чего же ты ждешь?

До Тревиса начало доходить: что-то здесь не так. Справедливый гнев мужчины в шортах был уж слишком преувеличенным — как будто его застали за каким-то постыдным занятием и теперь он пытается скрыть свою вину, нападая на случайного свидетеля. Женщина тоже вела себя подозрительно. Во-первых, она не вымолвила ни слова. Лицо ее было бледно, а руки дрожали. Судя по тому, как она обнимала пса, причиной ее страха был не Эйнштейн. Кроме того, Тревису показалось странным, что, собираясь погулять в парке, парочка вырядилась так по-разному: он в шортах для бега, а она в нескладном домашнем платье. Тревис заметил боязливые взгляды, которые женщина бросала на «бегуна», и вдруг понял: вместе эти двое оказались случайно, и, уж конечно, не по воле женщины, и мужчина на самом деле сделал что-то недостойное.

— Мисс,— сказал Тревис,— вы в порядке?

— Разумеется, нет,— сказал «бегун».— Твоя чертова собака напугала ее.

— Мне так не кажется, по крайней мере в данную минуту,— произнес Тревис, пристально глядя на незнакомца.

На его щеке Тревис увидел прилипшие крошки, по всей видимости, овсяного кекса. Он также заметил овсяный кекс, вывалившийся из бумажного пакета на скамейку, и еще один раскрошенный под ногами у женщины. Что, черт возьми, здесь произошло?

«Бегун» посмотрел на Тревиса и начал было что-то говорить, но, бросив короткий взгляд на женщину и Эйнштейна, очевидно, понял, что его деланный гнев уже неуместен.

— Вы... в общем, нужно следить за своей собакой.

— Я не думаю, что сейчас в этом есть необходимость,— сказал Тревис, сворачивая поводок в кольцо.— На него просто нашло.

Все еще злобно, но уже не так уверенно мужчина обратился к съежившейся на скамейке женщине:

— Нора?

Она не ответила и продолжала гладить Эйнштейна.

— Увидимся позже,— сказал ей «бегун».

Не получив ответа, он, сузив глаза, посмотрел на Тревиса.

— Если эта чертова тварь станет хватать меня за пятки...

— Не станет,— перебил Тревис.— Можете продолжать свою тренировку. Он больше не побеспокоит вас.

Направляясь трусцой к ближайшему выходу из парка, мужчина несколько раз оглянулся на них. Потом исчез из виду.

На скамейке Эйнштейн лег на брюхо и положил морду на колени женщины.

— Вы ему понравились,— сказал Тревис.

Не поднимая глаз и продолжая одной рукой гладить Эйнштейна, она произнесла:

— Замечательный пес.

— Он у меня только со вчерашнего дня.

Она не ответила.

Тревис присел на другой конец скамейки, так что Эйнштейн очутился между ними.

— Меня зовут Тревис Корнелл.

Наконец женщина подняла голову и посмотрела на него.

— Нора Девон.

— Рад познакомиться.

Она нервно улыбнулась.

Несмотря на ее прямые волосы и отсутствие косметики, Нора была довольно привлекательна. Волосы у нее были темные и блестящие, кожа безукоризненная, а в ее серых глазах на ярком майском солнце светились зеленые прожилки.

Почувствовав его одобрительно-оценивающий взгляд и испугавшись, она сразу же отвела глаза в сторону и опустила голову.

Тревис спросил:

— Мисс Девон... что-нибудь случилось?

Она не ответила.

— Этот человек, он... приставал к вам?

— Все в порядке,— сказала Нора.

Склонив голову и сжав плечи, охваченная невероятным смущением, она выглядела настолько беззащитной, что Тревис не смог просто так встать и уйти, оставив ее наедине с проблемами.

Он сказал:

— Если этот человек приставал к вам, я думаю, надо найти полицейского и...

— Не надо,— возразила Нора мягко, но настойчиво.

Она встала со скамейки.

Пес вскочил на землю и встал рядом, глядя на нее влюбленными глазами.

Поднимаясь со скамейки, Тревис сказал:

— Извините, я лезу не в свое дело.

Нора заспешила прочь, но не по той дорожке, по которой удалился «бегун».

Эйнштейн было рванулся за ней, но Тревис окликнул его, и он неохотно вернулся к своему хозяину.

Тревис следил за Норой озадаченно, пока она не исчезла, загадочная и взволнованная чем-то женщина в сером платье, нескладном и бесформенном, как одеяние послушниц какой-нибудь секты, драпирующих свои фигуры, чтобы не вводить в искушение мужчин.

Вместе с Эйнштейном они продолжили прогулку по парку. Потом пошли на пляж, где ретривера, казалось, поразил вид бескрайнего морского простора и волн, разбивающихся о песчаный берег. Он все время останавливался, чтобы посмотреть на океан, а потом со счастливым видом носился по мелководью.

Вернувшись домой, Тревис попытался привлечь внимание Эйнштейна к книгам, которые так волновали его накануне вечером, надеясь выяснить, что пес хотел в них найти. Собака, однако, без всякого интереса обнюхала тома, принесенные ей Тревисом, и зевнула.

В течение всего дня образ Норы Девон с поразительной частотой и яркостью вставал у Тревиса перед глазами. Для того чтобы вызвать к себе мужской интерес, ей не требовалась броская одежда. Достаточно было взглянуть ей в лицо, в ее серо-зеленые глаза.

3

После нескольких часов глубокого сна Винсент Наско ранним утренним рейсом вылетел в Акапулько, в Мексику. Прибыв на место, он поселился в огромной, выходящей на залив гостинице — сверкающем, но бездушном небоскребе, сплошь состоящем из стекла, бетона и мозаики. Переодевшись в белые мягкие туфли, белые хлопчатобумажные брюки и бледно-голубую тенниску, он отправился на поиски доктора Лоутона Хейнса.

Хейнс проводил свой отпуск в Акапулько. Это был тридцатидевятилетний мужчина, пяти футов одиннадцати дюймов ростом и ста шестидесяти фунтов весом, с непослушными каштановыми волосами. Он был бы похож на Аль Пачино, если бы не красное родимое пятно размером с полдоллара у него на лбу. Хейнс приезжал на курорт по крайней мере дважды в год, всегда останавливался в элегантном отеле «Лас Бризас», стоящем на мысе на восточном берегу залива, и был завсегдатаем ресторана рядом с гостиницей «Калета», который любил за подаваемый там коктейль «Маргарита» и вид, открывающийся оттуда на Плайя де Калета.

В 12.30 Винсент сидел в плетеном кресле с удобными желтыми и зелеными подушками за столом у окна этого самого ресторана. Хейнса он увидел еще при входе в обеденный зал. Доктор тоже расположился у окна через три столика от Винса, частично скрытый от посторонних взоров стоящей рядом пальмой в кадке. Хейнс обедал вместе с потрясающей блондинкой. На ней были белые слаксы, ярко-полосатый топ, и добрая половина мужчин в ресторане не сводила с нее глаз.

На взгляд Винса, Хейнс скорее напоминал Дастина Хофмана, чем Пачино. У него были такие же резкие черты лица. Но в целом он соответствовал описанию, которое получил Винс. На нем были розовые хлопчатобумажные брюки, бледно-желтая рубашка и белые сандалии — наряд, который, по мнению Винса, даже для тропиков был чересчур экзотичен.

Винс съел ленч, состоявший из супа «Альбондиго», тортилий с начинкой из даров моря в зеленом соусе, безалкогольного коктейля «Маргарита», и заплатил по счету к тому времени, когда Хейнс с блондинкой собирались уходить.

Женщина села за руль красного «порше». Винс последовал за ними во взятом напрокат «форде». На его счетчике было намотано черт знает сколько миль, он гремел, как ударные в мексиканском свадебном оркестре, а его пол был выстлан изъеденным плесенью ковром.

У «Лас Бризас» блондинка высадила Хейнса на автомобильной стоянке, но, прежде чем расстаться, они еще минут пять простояли у машины, держа друг друга за задницы и целуясь взасос у всех на виду.

Винс был в смятении. Он ожидал, что Хейнс соблюдает хоть какие-то приличия. Все-таки у него докторская степень. Если люди с таким образованием пренебрегают принятыми нормами поведения, то чего ожидать от других? Неужели пришло время, когда в университетах перестали учить хорошим манерам и правилам хорошего тона? Тогда неудивительно, что мир день ото дня делается все более грубым и жестоким.

Женщина наконец уехала в своем «порше», а Хейнс — в белом спортивном «Мерседесе-560SL». «Мерседес» уж точно не был взят напрокат, и Винсу стало интересно, откуда у доктора такая машина.

Доехав до следующей гостиницы, Хейнс отдал ключи от зажигания подбежавшему служителю, и Винс сделал то же самое. Он последовал за доктором через вестибюль на пляж, где они сначала просто шли один за другим, пока Хейнс не остановился рядом с роскошной мексиканкой в бикини. Она была смуглая, прекрасно сложена и лет на пятнадцать моложе доктора. Девушка загорала в шезлонге, закрыв глаза. Хейнс поцеловал ее в шею, испугав при этом. Но очевидно, они были знакомы, потому что она со смехом обняла его.

Винс прошелся по пляжу, затем улегся на песок через два человека от Хейнса и девушки. Он не беспокоился о том, что доктор обратит на него внимание. По всей видимости, его интересовала исключительно женская анатомия. Кроме того, несмотря на свои габариты, Винс умел быть незаметным.

В заливе какой-то турист парил на парашюте, прицепленном на тонком тросе к катеру. Солнечные лучи нескончаемым золотым дождем падали на песок и на море.

Спустя минут двадцать Хейнс поцеловал девушку в губы и в не закрытую купальником верхнюю часть груди и зашагал

прочь той же дорогой, которая привела его сюда. Она крикнула ему вслед:

— Вечером в шесть!

— Договорились,— ответил Хейнс.

Затем доктор и Винс отправились на автомобильную прогулку. Сначала Винс думал, что Хейнс едет с какой-то конкретной целью, но, проехав некоторое расстояние, понял: тот просто так катается по побережью, глазея на пейзаж за окном.

Они миновали пляж «Революкадеро» и двинулись дальше, Хейнс на белом «мерседесе», а за ним, на почтительном расстоянии, Винс на «форде».

Наконец они добрались до одной из смотровых площадок, где Хейнс свернул с шоссе и припарковался рядом с автомобилем, из которого как раз выходили четверо франтовато одетых туристов. Винс тоже поставил свою машину и прошел к железному рельсу, ограждавшему край обрыва, откуда открывался великолепный вид на побережье и на волны, с грохотом разбивающиеся о скалы более чем в ста футах внизу.

Туристы в попугайных рубашках и полосатых брюках, закончив громко восхищаться зрелищем, сделав снимки и напоследок намусорив, сели в машину и уехали, оставив Хейнса и Винса один на один на вершине утеса. Единственной машиной на шоссе был приближающийся к ним черный автомобиль компании «Транс-Американ». Винс ждал, пока он проедет мимо. После чего собирался сделать Хейнсу сюрприз.

Но вместо этого «Транс-Американ» съехал на обочину и припарковался рядом с «мерседесом» Хейнса. Из машины вышла ослепительной красоты девушка лет двадцати пяти и заспешила в сторону доктора. Она была мексиканкой с примесью китайской крови, очень экзотичная особа. На ней был белый корсаж и белые шорты, и у нее были самые красивые ноги из всех, что приходилось видеть Винсу. Хейнс и девушка отошли футов на сорок от Винса вдоль ограды, а затем вошли в такой клинч, который заставил Винса покраснеть.

В течение нескольких минут он приближался к ним вдоль ограды, время от времени довольно рискованно свешиваясь вниз, где прибой поднимал брызги на двадцать футов в высоту, и приговаривая: «Вот это да!» — когда особенно большая волна разбивалась о каменную стену обрыва, стараясь вести себя так, чтобы его движение в их направлении выглядело случайным.

Несмотря на то что они стояли к нему спиной, ветер доносил до Винса обрывки их разговора. Женщина беспокоилась, что ее муж может узнать о приезде Хейнса в город, а доктор пытался договориться с ней на завтрашний вечер. «У этого парня нет ни стыда ни совести»,— подумал Винс.

Шоссе опять опустело, и Винс решил: такой возможности ему может больше не представиться. Он одним прыжком преодолел несколько футов, отделявших его от девушки, схватил ее за шею и за пояс шорт, приподнял в воздух и перебросил через ограду. Визжа, она полетела вниз.

Все произошло так быстро, что Хейнс не успел среагировать. Девушка еще находилась в воздухе, а Винс уже нанес два удара по лицу доктора, разбив губы и сломав нос.

В момент, когда потерявший сознание Хейнс повалился на землю, девушка ударилась о скалы, и Винс, даже на таком расстоянии, получил от нее подарок:

«Сссснап».

Ему хотелось перегнуться через ограду и посмотреть на ее изуродованное тело там, внизу, на скалах, но у него не оставалось на это времени. На шоссе могла появиться какая-нибудь машина.

Он оттащил Хейнса к «форду» и усадил на переднее сиденье, прислонив к боковому стеклу. Создавалось впечатление, что тот мирно спит. Затем он слегка откинул голову Хейнса назад, чтобы кровь из перебитого носа стекала ему в носоглотку.

С прибрежного шоссе, которое изобиловало крутыми поворотами и местами имело плохое покрытие, Винс свернул на боковую дорогу. После того как дорога из гравия перешла в обычную проселочную колею, он остановил автомобиль на краю тропического леса, у сплошной стены из огромных деревьев и буйной растительности. Дважды за это время Хейнс начинал приходить в сознание, и Винс вынужден был его успокаивать, ударяя головой о передний щиток.

Выйдя из машины, Винс стащил с пассажирского сиденья безжизненное тело доктора и поволок его сквозь заросли, пока не нашел небольшую поляну, покрытую густым мхом. Птичий гомон вокруг сразу прекратился, а находившиеся в кустах невидимые глазу животные бросились врассыпную. Крупные насекомые, включая жука размером с ладонь Винса, поспешили

убраться с дороги, а ящерицы побежали вверх по стволам деревьев.

Винс вернулся к «форду», в багажнике которого находились кое-какие приспособления для допроса. Упаковка шприцев и две ампулы пентотала натрия. Кожаный мешочек, наполненный свинцовой дробью. Ручной «тазер»*, напоминающий пульт дистанционного управления для телевизора. А также штопор с деревянной ручкой.

Когда Винс пришел обратно на поляну, Лоутон Хейнс все еще был без сознания. Кровь булькала в его сломанном носу. Хейнс вообще-то должен был умереть уже двадцать четыре часа назад. Люди, которые наняли Винса для выполнения предыдущих трех заданий, предполагали, что доктором займется другой наемник, живущий в Акапулько и «работающий» по всей Мексике. Но парень этот погиб накануне утром. В посылке, которую он с нетерпением ожидал от «Фортнум и Мейсон» из Лондона, вместо мармеладного ассорти оказалось два фунта пластиковой взрывчатки. Попав в отчаянное положение, «контора» в Лос-Анджелесе поручила это задание Винсу, хотя, принимая во внимание перегруженность Винса работой, это становилось уже опасно. Винс обрадовался заданию, поскольку был уверен: этот доктор также связан с лабораторией в Банодайне и сможет дать ему дополнительную информацию о проекте «Франциск».

Пройдясь по краю поляны, на которой лежал Хейнс, Винс отыскал упавшее дерево и оторвал от него большой изогнутый кусок коры. Найдя затем заросший водорослями ручей, он набрал примерно полкварты воды в импровизированную емкость. Вода была тухлой. Можно себе представить, сколько в ней было разных бактерий. Но теперь Хейнсу уже все равно, заболеет он или нет.

Сначала Винс плеснул водой доктору в лицо. Сходив еще раз в ручей, он заставил доктора напиться. Хейнс начал кашлять, давиться, потом его вырвало, но в результате сознание его прояснилось настолько, что он мог понимать и отвечать на задаваемые ему вопросы.

Показав мешочек с дробью и штопор, Винс объяснил доктору, как он собирается их использовать, если тот заупрямится.

---

* Электрошоковое устройство.— *Прим. пер.*

Хейнс — специалист по физиологии и деятельности мозга — обнаружил, что разумное начало в нем преобладает над патриотическими чувствами, и охотно поведал Винсу обо всех деталях сверхсекретного оборонного проекта, в котором он участвовал в Банодайне.

Когда Хейнс начал клясться, что рассказал все, что знает, Винс достал пентотал натрия. Набирая наркотик в шприц, он между прочим спросил:

— Доктор, что у вас с женщинами?

Хейнс, лежавший на спине, вытянув руки вдоль тела, как велел ему Винс, не сразу перестроился на другую тему и растерянно заморгал.

— Я следил за вами с обеда и узнал, что у вас тут, в Акапулько, три женщины...

— Четыре,— поправил его Хейнс. Несмотря на испытываемый им ужас, в его голосе прозвучала гордость.— Этот «мерседес», на котором я езжу, принадлежит Гизелле, очаровательной крошке...

— Так вы пользуетесь ее машиной для свидания с тремя другими женщинами?

Хейнс кивнул и попытался улыбнуться, но вместо улыбки на его лице появилась гримаса боли от сломанного носа.

— Я всегда... так веду себя с женщинами.

— Господи помилуй! — Винс пришел в ужас.— Вы что, не понимаете: сейчас уже не шестидесятые и не семидесятые? Время свободной любви кончилось. Теперь за это надо платить. По крупному счету. Вы не слышали о венерических заболеваниях, о СПИДе, наконец?

Вкалывая доктору наркотик, он добавил:

— Вы наверняка носитель всех венерических болезней, известных человечеству.

Хейнс глупо заморгал в недоумении, а затем быстро погрузился в наркотический сон. Под воздействием пентотала натрия он подтвердил все, что до этого рассказывал Винсу о Банодайне и о проекте «Франциск».

Когда действие наркотика закончилось, Винс развлечения ради прибегнул к помощи «тазера», пока не вышли из строя батарейки. Доктор корчился и брыкался, как полураздавленный водяной жук, выгибая спину и взрывая мох руками и пятками.

Отложив «тазер» в сторону, Винс избил Хейнса до потери сознания с помощью мешочка с дробью, а затем убил, воткнув штопор ему между ребер и направив острие прямо в сердце.

«Сссснап».

Все это время в лесу стояла кладбищенская тишина, но Винс чувствовал, как тысячи глаз его обитателей следят за ним. Он был уверен: невидимые наблюдатели одобряют то, что он сделал с Хейнсом, поскольку стиль жизни доктора оскорблял естественный порядок вещей, которому подчинялись жители джунглей.

Он сказал «спасибо» Хейнсу, но целовать не стал. Ни в губы, ни даже в лоб. Жизненная энергия доктора годилась, как и любая другая, а вот его тело и дух были нечисты.

4

Из парка Нора поспешила домой. Ощущение свободы и дух приключений, которые окрашивали ее утреннюю прогулку, уже больше не возвращались к ней. Стрек испортил ей все настроение.

Закрыв за собой входную дверь, она заперла обычный замок, щеколду и накинула латунную цепочку. Затем Нора прошлась по комнатам нижнего этажа, плотно задергивая шторы на всех окнах, чтобы Стрек, если он подкрадется снаружи, не мог заглянуть внутрь. Образовавшаяся темнота не понравилась ей, и Нора включила свет во всех комнатах. Придя на кухню, она закрыла ставни и проверила замок черного хода.

Общение со Стреком вызвало в ней не только страх, но и чувство физического омерзения. Больше всего на свете ей хотелось долго стоять под горячим душем.

Вдруг ноги у Норы задрожали и подкосились, и она почувствовала приступ головокружения. Ей пришлось ухватиться за край кухонного стола, чтобы не упасть. «Если я сейчас пойду к лестнице, то непременно упаду»,— подумала Нора и села, опершись на стол сложенными руками, опустила на них голову и стала ждать, пока ей полегчает.

Когда головокружение прекратилось, она вспомнила: в шкафу рядом с холодильником стоит бутылка бренди, и решила, что немножко спиртного придаст ей сил. Она купила бутылку «Реми Мартен» после смерти Виолетты, так как тетя с неодобрением отзывалась о любой выпивке, кроме домашнего сидра. В качестве акта неповиновения Нора налила себе рюмку бренди, вернувшись с похорон тетки. Напиток ей не понравился, и большую часть порции она вылила в раковину.

Но сейчас Норе казалось, что глоток бренди поможет снять охватившую ее дрожь.

Она подошла к раковине и несколько раз вымыла руки самой горячей водой, которую только могла стерпеть, сначала мылом, а потом жидкостью для посуды «Айвори», стараясь смыть прикосновения Стрека. Когда Нора выключила воду, руки у нее были красные, как ошпаренные кипятком.

Затем она поставила на стол бутылку и стакан. В книгах она читала о персонажах, которые от отчаяния садились за выпивку, чтобы заглушить боль. Иногда это им удавалось. Возможно, это поможет и ей. Если бренди хотя бы чуть-чуть улучшит ее состояние, она готова выпить всю эту чертову бутылку.

Однако по своей природе Нора не любила излишеств. Последующие два часа она провела за одной и той же порцией «Реми Мартен».

Как только Нора перестала думать о Стреке, ее сейчас же начали мучить воспоминания о тете Виолетте, и наоборот, а когда она заставила себя не думать об этих двоих, ее мысли повернулись к Тревису Корнеллу, человеку, который познакомился с ней в парке, но его образ не привел ее в душевное равновесие. Тревис показался ей приятным: мягким, вежливым, заботливым — и, кроме того, это он прогнал Стрека. Но на самом деле Тревис, наверное, ничуть не лучше Стрека. Если бы Нора дала ему возможность, он, безусловно, повел бы себя по отношению к ней так же, как и Стрек. Тетя Виолетта была, конечно, тираном, но Норе все чаще начинало казаться, что она была права, предупреждая ее об опасностях, которые таит в себе общение с другими людьми.

Но ведь была еще собака. Это уже совсем другое дело. Нора не испугалась пса даже в тот момент, когда тот рванулся к скамейке, яростно лая. Каким-то образом Нора поняла: ретривер — Эйнштейн, как называл его хозяин,— лаял не на нее, а на Стрека. Прижимаясь к собаке, она ощутила себя в безопасности, под защитой, даже в присутствии Стрека.

Может быть, ей стоит завести собственную собаку? Виолетта приходила в ужас от одной мысли о домашних животных.

Но тетка умерла, умерла навсегда, и теперь никто не мог помешать Норе взять в дом собаку.

Разве что...

У Норы было странное чувство: никакая другая собака не даст ей такого глубокого ощущения безопасности. Им с Эйнштейном понравилось их короткое знакомство.

Разумеется, оттого что пес избавил ее от Стрека, Нора, наверное, приписывает ему качества, которыми тот на самом деле не обладает. Она, естественно, приняла его за спасителя, за отважного защитника. Но, несмотря на все попытки уговорить себя, что Эйнштейн — обычный пес, Нора все равно чувствовала: он какой-то особенный, и никакая другая собака не сможет обеспечить ей такую защиту.

Порция «Реми Мартен», растянутая на два часа, плюс мысли об Эйнштейне в конце концов улучшили ее настроение. Она настолько расхрабрилась, что подошла к стоявшему на кухне телефону, намереваясь позвонить Тревису Корнеллу с предложением купить у него ретривера. Ведь он сам сказал, что собака у него только со вчерашнего дня, поэтому Тревис не мог за такое короткое время сильно привязаться к нему. За хорошую цену он может уступить. Нора полистала справочник, нашла номер Корнелла и набрала его.

Тревис ответил на второй гудок.

— Алло!

Услышав голос, Нора поняла: попытка купить у него собаку даст ему повод вмешаться в ее жизнь. Она забыла, что он может оказаться таким же опасным, как Стрек.

— Алло? — повторил Тревис.

Нора колебалась.

— Алло? Вас не слышно!

Она положила трубку, так и не произнеся ни слова.

Прежде чем говорить с Корнеллом о собаке, ей нужно было обезопасить себя на случай, если Тревис окажется таким же, как Стрек.

5

Когда без пяти пять зазвонил телефон, Тревис занимался тем, что опорожнял содержимое жестянки «Алпо» в миску Эйнштейна. Ретривер с интересом следил за его действиями и

облизывался, но не совался в миску, терпеливо ожидая, когда Тревис выскребет всю банку дочиста.

Тревис пошел к телефону, а Эйнштейн принялся за еду. Никто не ответил на приветствие Тревиса, он опять произнес «алло», и пес поднял морду от своей миски. Когда Тревису вновь не ответили, он сказал, что ничего не слышит, и тогда Эйнштейн подошел и с интересом взглянул на трубку в его руке.

Тревис положил трубку, повернулся и увидел пристальный взгляд собаки, направленный на настенный телефон.

— Наверное, не туда попали.

Пес взглянул на него и опять уставился на аппарат.

— Или какие-нибудь ребята балуются.

Ретривер с несчастным видом заскулил.

— Ну а тебя какая муха укусила?

Он не сводил глаз с телефона.

Со вздохом Тревис сказал:

— Все. На сегодня с меня хватит твоих штучек. Если хочешь продолжать — давай без меня.

Перед тем как приготовить ужин для себя, он решил посмотреть по телевизору новости, поэтому достал «Диет-Пепси» из холодильника и ушел в гостиную, оставив пса наедине с телефоном. Включив телевизор, Тревис услышал, что Эйнштейн что-то делает там, на кухне.

— Эй, ты чем там занят?

Послышалось звяканье, стук, поскребывание когтей по твердой поверхности. Потом что-то тяжелое упало.

— Если что-нибудь разобьешь, будешь за это платить,— предупредил Тревис.— Интересно, как ты будешь зарабатывать баксы? Можешь поехать на Аляску и стать там упряжной собакой.

Шум на кухне стих. Но только на минуту. Затем два раза что-то звякнуло, загремело и опять послышалось поскребывание.

Тревиса разбирало любопытство. Нажав кнопку на пульте, он выключил звук телевизора.

На кухне что-то с шумом бухнулось на пол.

Тревис уже собрался пойти и посмотреть, что происходит, но в эту минуту в гостиной появился Эйнштейн. В зубах он нес телефонный справочник. Стало быть, пес долго прыгал, стара-

ясь скинуть справочник со стола, пока ему это не удалось. Он пересек гостиную и положил книгу к ногам Тревиса.

— Ну и что это значит? — спросил Тревис.

Собака пододвинула справочник носом и выжидательно посмотрела на хозяина.

— Хочешь, чтобы я кому-нибудь позвонил?

— Тяв.

— Кому?

Эйнштейн опять ткнул носом в книгу.

Тревис сказал:

— Ну и кому же я должен позвонить? Лэсси, Рин Тин Тину или Старому Ворчуну?

Ретривер посмотрел ему в глаза, стараясь передать взглядом то, что можно было выразить только словами.

— Послушай, может быть, ты умеешь читать мои мысли, но я твои не умею.

Заскулив от отчаяния, ретривер выбежал из комнаты и исчез за углом короткого коридора, куда выходили двери ванной и двух спален.

Тревис хотел пойти за ним, но решил подождать и посмотреть, что будет дальше.

Меньше чем через минуту Эйнштейн вернулся, неся в зубах фотографию в позолоченной рамке, и положил ее рядом с книгой. Это был портрет Паулы, который Тревис держал на комоде в спальне. Снимок сделали в день их свадьбы, за десять месяцев до ее смерти. На нем Паула выглядела красивой и обманчиво здоровой.

— Нет, малыш. Я не могу звонить мертвым.

Пес тявкнул, как бы удивляясь несообразительности Тревиса. Он подошел к стойке с журналами в углу комнаты, столкнул ее набок и вернулся с номером «Тайм» в зубах, который положил рядом с портретом. Передними лапами ретривер стал перелистывать страницы, порвав при этом несколько из них. Сев на краешек кресла, Тревис с интересом наблюдал за собакой. Несколько раз она останавливалась и изучала страницы журнала, а затем начинала листать снова. Наконец она нашла рекламу автомобилей, которую сопровождала фотография красивой брюнетки. Пес посмотрел на Тревиса, затем на рекламу, потом опять на Тревиса и тявкнул.

— Не понимаю,— сказал Тревис.

Перебрав лапами несколько страниц, Эйнштейн нашел рекламу, где улыбающаяся блондинка держала в пальцах сигареты. Затем он фыркнул на Тревиса.

— Автомобили и сигареты? Хочешь, чтобы я купил машину и пачку «Вирджиния слимз»?

Эйнштейн опять отправился в угол комнаты и на этот раз вернулся с журналом по продаже недвижимости, который, несмотря на то что Тревис уже два года как бросил это дело, каждый месяц регулярно доставлялся ему на дом. Пес начал перелистывать страницы, пока не наткнулся на картинку, изображавшую женщину-агента по продаже недвижимости в куртке с надписью: «XXI век».

Тревис перевел взгляд с фотографии Паулы на блондинку с сигаретой, на смазливую женщину в куртке и вспомнил первую рекламу, с брюнеткой на фоне автомобиля.

— Женщина? Ты хочешь, чтобы я позвонил какой-нибудь женщине?

Эйнштейн залаял.

— Какой именно?

Взяв Тревиса зубами за запястье, пес попытался вытащить его из кресла.

— О'кей, о'кей. Отпусти меня. Я сам пойду.

Но пес отпустил его, только когда дотащил до телефона на кухне. Там Тревис наконец смог выпрямиться.

— Кому звонить? — опять спросил Тревис и вдруг понял. Они с Эйнштейном успели познакомиться только с одной женщиной.— Той леди, которую мы сегодня встретили в парке?

Собака завиляла хвостом.

— Ты думаешь, это она сейчас звонила?

Хвост задвигался быстрее.

— А откуда ты знаешь, кто звонил? Она же не сказала ни слова. И вообще, ты что, решил заняться сводничеством?

Пес дважды тявкнул.

— Ну, она, конечно, симпатичная, но не в моем вкусе, приятель. Немного странная, как ты думаешь?

Эйнштейн залаял, подбежал к Тревису и опять залаял, затем обежал вокруг стола, не переставая лаять, и еще раз бросился к двери. Стало ясно, что его что-то сильно беспокоит.

Эта женщина.

В парке Тревису показалось, что с ней что-то не так. Он вспомнил того ублюдка в шортах. Тревис предложил ей помощь, но она отказалась. Но потом, видимо, передумала и позвонила несколько минут назад, но ей не хватило храбрости объяснить все ему.

— Ты правда думаешь, что это она звонила?

Хвост пришел в движение.

— Ну, если это даже была она, по-моему, лучше остаться в стороне.

Ретривер бросился к Тревису, схватил его за правую штанину и яростно замотал головой, чуть не повалив на пол.

— Ну ладно, хватит! Я позвоню. Дай мне этот чертов справочник!

Эйнштейн отпустил Тревиса и помчался, оскальзываясь на линолеуме. Через мгновение он вернулся со справочником в зубах.

Только взяв книгу в руки, Тревис осознал, что он даже не задумался о том, поймет пес его просьбу или нет. Собака обладала такими способностями, что Тревис многое уже воспринимал как должное.

Тут его осенило, что ретривер с самого начала не принес бы справочник ему в гостиную, если бы не знал его значения.

— Клянусь Богом, псина, ты оправдываешь свою кличку.

6

Хотя Нора не привыкла ужинать раньше семи, она почувствовала, что проголодалась. От утренней прогулки и выпитого бренди у нее разыгрался аппетит, который не могли испортить даже мысли о Стреке. Ей не хотелось готовить, поэтому она положила на тарелку свежих фруктов, немного сыра и подогрела себе в духовке сдобную булочку. Обычно Нора ужинала в своей кровати и во время еды читала журнал или книгу — так ей нравилось больше всего. Взяв в руки тарелку и приготовившись подняться наверх в спальню, она услышала телефонный звонок.

Это Стрек.

Кто же, кроме него? Ей вообще мало звонили.

Нора замялась, слушая звонки. Даже после того как они прекратились, она все еще стояла, опираясь на кухонную стойку, чувствуя слабость и ожидая, что вот сейчас телефон зазвонит вновь.

7

Когда Нора Девон не ответила на его звонок, Тревис собрался смотреть вечерние новости, но Эйнштейн не успокаивался. Он прыгал на кухонную стойку, стараясь достать справочник, затем он все-таки свалил его на пол, зажал в зубах и выбежал из кухни. Гадая о том, что последует дальше, Тревис пошел за ним и увидел: пес стоит у входной двери, все еще зажав книгу в зубах.

— Ну теперь-то что?

Эйнштейн уперся передней лапой в дверь.

— Хочешь выйти?

Ретривер заскулил, но книга у него в пасти заглушила звук.

— Справочник-то тебе зачем? Хочешь закопать его, как кость? В чем дело?

Хотя вопросы оставались без ответа, Тревис все-таки открыл дверь и выпустил собаку наружу, где все было залито золотистыми лучами клонившегося к закату солнца. Эйнштейн сразу помчался к припаркованному на подъездной дорожке пикапу. Остановившись у пассажирской дверцы, он с нетерпением оглянулся.

Тревис подошел к машине и вздохнул:

— По-моему, ты хочешь куда-то поехать. И навряд ли в контору телефонной компании.

Выпустив из пасти справочник, Эйнштейн запрыгал у дверцы автомобиля, глядя при этом на Тревиса.

— Хочешь, чтобы я узнал адрес мисс Девон по справочнику и поехал к ней домой? Так, что ли?

— Тяв.

— Извини,— сказал Тревис,— я знаю, что она тебе понравилась, но в данный момент мне не нужна подруга. Кроме того, она не в моем вкусе. Я же тебе говорил. И я не в ее вкусе. Я вообще думаю, что все мужчины не в ее вкусе.

Пес залаял.

— Нет, говорю тебе.

Он опять схватил Тревиса за штанину.

— Нет,— повторил Тревис, хватая Эйнштейна за ошейник.— Не надо жевать мою одежду. Я не сду.

Эйнштейн вырвался, помчался к клумбе с ярко цветущими недотрогами и начал яростно рыть землю лапами, разбрасывая вырванные с корнем цветы по лужайке.

— Господи помилуй, это еще что такое?

Пес продолжал усердно работать, явно намереваясь полностью уничтожить всю клумбу.

— Эй, перестань сейчас же! — Тревис заспешил к клумбе.

Эйнштейн выбежал на газон и стал рыть яму.

Тревис попытался его поймать, но ретривер убежал в другую сторону, где попортил еще кусок газона, затем вернулся к клумбе с недотрогами и стал уничтожать оставшиеся цветы.

Отчаявшись поймать собаку, Тревис остановился, переводя дух, и крикнул:

— Хватит!

Эйнштейн поднял морду, с которой свисали стебли оранжево-красных недотрог.

— Мы едем,— сказал Тревис.

Пес стряхнул с морды цветы и осторожно вышел на газон.

— Я говорю вполне серьезно,— сказал Тревис.— Если это так важно для тебя, мы поедем к этой женщине. Что я буду ей говорить, один Бог знает.

8

Держа в одной руке тарелку с ужином, а в другой — бутылку минеральной воды «Эвиан», Нора шла по коридору первого этажа. Свет, горевший во всех комнатах, приносил ей успокоение. На площадке второго этажа она локтем нажала выключатель, и в холле вспыхнул свет. В следующий раз, когда ей придется посылать заказ в супермаркет, необходимо включить в него побольше электрических лампочек: в обозримом будущем Нора вообще не собиралась выключать свет ни днем, ни ночью. На такие расходы она денег не пожалеет.

Находясь все еще под воздействием выпитого, Нора начала тихо напевать, направляясь к себе в спальню: «Лунная река шириною в милю...»

Войдя в комнату, она увидела на кровати Стрека.

Он ухмыльнулся и сказал:

— Привет, детка!

На миг ей показалось, что это галлюцинация, но, когда Стрек заговорил, она поняла: это не так. Нора закричала, тарелка выпала у нее из рук, фрукты и сыр рассыпались по полу.

— О боже, что же ты тут наделала,— сказал он, сев и опустив ноги на пол. На нем все еще были шорты для бега, спортивные носки и кроссовки.— Не надо сейчас ничего убирать. Есть дело поважнее. Я долго ждал, пока ты поднимешься сюда, наверх. Ждал и думал о тебе... готовился к этому моменту...— Стрек встал во весь рост.— И вот настал этот момент, когда я научу тебя тому, чего ты еще не умеешь.

Нора оцепенела, и дыхание у нее перехватило.

Наверное, Стрек пришел сюда прямо из парка, задолго до нее. Он забрался в дом, не оставив следов взлома, и ждал здесь на кровати все время, пока она пила бренди на кухне. В этом его *ожидании* было что-то страшное, страшнее, чем другие его действия: ждал и томился желанием, прислушиваясь к ее передвижениям и получая от этого удовольствие.

Когда Стрек удовлетворит свою похоть, он, наверное, ее убьет.

Нора повернулась и побежала по коридору.

В тот момент, когда она ухватилась за поручень, чтобы ринуться вниз по лестнице, Нора услышала, что Стрек бросился за ней.

Она помчалась вниз, прыгая через ступеньки и в ужасе от мысли, что может потерять равновесие и упасть; на площадке между этажами Нора чуть не вывихнула колено, споткнулась, но продолжала бежать. Перепрыгнув через несколько ступенек, она оказалась в холле первого этажа.

Схватив Нору сзади за мешковатые плечи платья, Стрек с силой повернул ее лицом к себе.

9

Когда пикап Тревиса остановился на обочине у дома Норы, Эйнштейн встал на сиденье, положил передние лапы на рукоятку и, навалившись всем своим весом, открыл дверцу. Еще один фокус. Тревис еще не успел потянуть рукоятку ручного тормоза и выключить зажигание, а пес уже мчался по дорожке к дому.

Спустя несколько секунд Тревис поднялся по ступенькам веранды и увидел, что ретривер стоит на задних лапах у входной двери и нажимает передней лапой на кнопку звонка. Было слышно, как сработал звонок.

Приблизившись к собаке, Тревис сказал:

— Ну, теперь-то что?

Пес еще раз нажал кнопку.

— Подожди, сейчас она откроет.

Когда Эйнштейн позвонил в третий раз, Тревис услышал, как внутри дома закричал от ярости и боли мужчина. Потом женский голос позвал на помощь.

Разразившись таким же яростным лаем, как накануне в лесу, Эйнштейн стал скрести когтями дверь, как будто хотел проделать в ней дыру.

Придвинувшись к двери, Тревис приложил лицо к маленькому окошечку. Внутри, в холле, ярко горел свет, и ему было хорошо видно, как в нескольких футах от него борются две человеческие фигуры. Собака лаяла как бешеная.

Тревис толкнул дверь, но она была заперта. Локтем он пробил витражное окошечко, просунул внутрь руку, открыл замок, снял цепочку и вошел в дом в тот момент, когда мужчина в шортах отпихнул от себя женщину и бросился на него.

Эйнштейн опередил Тревиса и ринулся прямо на «бегуна».

Увидев пса, нападавший повел себя так, как в такой ситуации повели бы многие,— он побежал. Женщина попыталась помешать ему, «бегун» споткнулся, но не упал. В конце коридора он с грохотом скрылся за пружинной дверью.

Эйнштейн промчался мимо Норы Девон и успел проскочить в дверь до того, как она захлопнулась. Из-за двери послышались лай, рычание и крики. Что-то с грохотом рухнуло, потом упало еще что-то более тяжелое, мужчина выкрикнул проклятие, Эйнштейн испустил звук, от которого Тревис похолодел, а затем сражение вступило в еще более громкую стадию.

Тревис приблизился к Норе. Она стояла внизу лестницы, опершись на перила. Он спросил:

— С вами все в порядке?

— Он чуть не...

— Но все-таки не...— подсказал Тревис.

— Нет.

Он дотронулся до ее кровоточащего подбородка.

— Вы ранены.

— Нет,— сказала она, глядя на испачканные кровью пальцы Тревиса.— Я укусила этого ублюдка.— Она взглянула на пружинную дверь, которая перестала качаться.— Он может ранить собаку.

— Это вряд ли,— ответил Тревис.

Когда он подошел к кухонной двери, шум внутри затих. Два стула лежали на полу, усеянном осколками большой керамической вазы, расписанной голубыми цветами. Лежавшие в ней овсяные кексы, раскрошившиеся и раздавленные, были разбросаны повсюду. «Бегун» сидел в углу, подогнув ноги и скрестив руки на груди. Он был обут только в одну кроссовку, и его правая рука кровоточила от укуса Норы. Кровь была видна и на его левой икре, но это была уже работа Эйнштейна. Пес, находясь на безопасном расстоянии, сторожил Стрека, готовый в любую минуту броситься на него, если бы тот имел глупость шевельнуться в своем углу.

— Хорошая работа,— сказал Тревис.— Молодец.

Эйнштейн слегка заскулил, соглашаясь с ним. В ту же минуту Стрек пошевельнулся, и пес, грозно зарычав, щелкнул зубами, заставив его забиться обратно в угол.

— Все. Приехали,— сказал Тревис Стреку.

— Он укусил меня! *Они* укусили меня! — произнес Стрек, заходясь от ярости и возмущенного удивления.— *Укусили* меня!

Подобно многим хамам, привыкшим к вседозволенности, он был в шоке оттого, что ему самому могут причинить боль. Опыт научил Стрека: если давить на людей и при этом смотреть на них полубезумным взглядом, то можно легко запугать их. Он был уверен в безотказности этого метода. Сейчас же Стрек был бледен и выглядел подавленным.

Тревис подошел к телефону и позвонил в полицию.

Глава пятая

1

Поздним утром 20 мая, вернувшись из однодневной командировки в Акапулько, Винсент Наско купил номер «Таймс» в международном аэропорту Лос-Анджелеса, прежде чем сесть

в маршрутное такси, которое почему-то называлось лимузином, хотя представляло из себя обычный микроавтобус. Во время пути в свой городской дом в Гантингтон-Бич он просматривал газету и на третьей странице наткнулся на репортаж о пожаре в лаборатории Банодайн в Ирвин-сити.

Он начался вскоре после шести утра накануне, когда Винс еще ехал в аэропорт, чтобы успеть на рейс Лос-Анджелес—Акапулько. Прежде чем пожарные ликвидировали огонь, пострадали два лабораторных корпуса.

Те, кто нанял Винса для убийства Дэвиса Вэтерби, Лоутона Хейнса, четы Ярбеков и Хадстонов, наверняка наняли и специалиста по поджогам. Эти люди явно старались уничтожить всю информацию о проекте «Франциск», как ту, которая хранилась в картотеках Банодайна, так и ту, которая находилась в головах ученых, участвовавших в разработке и осуществлении проекта.

Поскольку этот проект представлял собой государственную тайну, то в газете, конечно, о нем ничего не говорилось. Комплекс Банодайн характеризовался в статье как «лидер в генной инженерии, специализирующийся на разработке новых препаратов, основанных на исследованиях в области рекомбинации ДНК».

На пожаре погиб ночной сторож. «Таймс» не давала никакого объяснения на этот счет. Винс сообразил, что его сначала убили, а потом бросили в огонь, чтобы замести следы.

Маршрутное такси доставило Винса прямо до дверей его дома. В прохладных комнатах царил полумрак. На не покрытом ковром полу отчетливо раздавался каждый шаг, вызывая гулкое эхо.

Винс купил этот дом два года назад, но еще не закончил его обустройство. В сущности, в столовой, гостиной и двух из трех спален не было ничего, кроме дешевых штор на окнах.

Винс считал, что городской дом — это лишь перевалочный пункт, из которого в один прекрасный день он переедет в особняк на берегу океана в Ринконе, знаменитом прекрасными условиями для серфинга. Но не временный характер его городского жилища стал причиной отсутствия в нем какой-либо обстановки. Винсу просто нравились голые стены, чистые бетонные полы и пустые комнаты.

Когда его мечта о покупке дома на побережье осуществится, Винс собирается отделать блестящим белым кафелем полы

и стены во всех комнатах. Там не будет ни дерева, ни кирпича, ни камня — никаких материалов с текстурной поверхностью для создания «уюта», которые нравятся другим людям. Мебель ему сделают на заказ — белая эмаль и обивка из белого винила. Единственным отклонением от этого обилия белых поверхностей будут стекло и полированная нержавеющая сталь. Обустроившись таким образом, он впервые в жизни приобретет чувство душевного равновесия и домашнего очага.

Распаковав чемодан, Винс отправился на кухню готовить ленч. Тунец. Три яйца вкрутую. Полдюжины ржаных крекеров. Два яблока и апельсин. Бутылка лимонада.

В углу кухни стояли маленький столик и стул, но он выбрал местом своей трапезы скудно обставленную спальню наверху. Винс сел на стул у окна, выходившего на запад. Океан находился всего лишь в квартале от его дома, на другой стороне шоссе «Коаст Хайвей», за полоской общественного пляжа, и со второго этажа ему были видны катящиеся волны.

Небо было частично затянуто облаками, и океан местами сверкал, как хромированный металл, а местами напоминал вздымающиеся массы темной крови.

За окном было тепло, хотя пейзаж был не по-весеннему холодным.

Глядя на океан, Винс всегда чувствовал, что ритм его кровообращения гармонично совпадает с ритмом прибоя.

Покончив с едой, он посидел еще немного, мурлыкая себе под нос и глядя на свое еле заметное отражение в стекле, как бы всматриваясь в прозрачную стенку аквариума; у него было такое чувство, что он находится в океане, глубоко внизу под поверхностью, на которой бушуют волны, в бесконечном мире полной тишины.

Днем Винс сел в свой микроавтобус и отправился в Ирвин-сити на поиски лабораторного комплекса Банодайн. Он находился у подножия горной гряды Санта-Ана и состоял из двух зданий и территории, выглядевшей непомерно большой для района, где земельные участки стоили так дорого. Один корпус представлял из себя двухэтажное здание в форме буквы L, а другой, одноэтажный, в форме буквы V, имел несколько узких окон, похожих на бойницы крепости. Оба здания были построены в современном стиле — комбинация из плоских поверх-

ностей и чувственных изгибов — и красиво облицованы темно-зеленым и серым мрамором. На фоне стоянки для машин и огромной ухоженной территории с растущими тут и там пальмами и коралловыми деревьями здания казались меньше, чем были на самом деле.

Пожар возник в V-образном корпусе, где размещались лаборатории. О случившемся свидетельствовали только несколько разбитых окон и следы сажи на мраморной облицовке над ними.

Территория не была обнесена ни стеной, ни забором, так что Винс, если бы захотел, мог войти туда без помех, однако на ведущей к зданиям дороге были устроены ворота и будка для привратника. Учитывая то, что привратник был вооружен, а также впечатление «закрытости», которое производило все это заведение, Винс предположил, что на всех газонах установлена электронная охранная сигнализация и даже ночью привратник будет знать о любом нарушителе, прежде чем тот успеет сделать вывод: поджигатель, помимо своей основной специальности, должен был еще хорошо разбираться в системах сигнализации.

Винс проехал мимо ворот туда и обратно. Тени от облаков медленно скользили по газонам и набегали на стены корпусов. Что-то зловещее было в облике этого заведения. И не только потому, что Винс знал, какие исследования там проводятся.

Затем он вернулся домой в Гантингтон-Бич.

Съездив в Банодайн в надежде понять, что делать дальше, Винс был разочарован. Он не мог сообразить, кому предложить информацию за цену, оправдывающую тот риск, на который он пошел. Конечно уж, не правительству Соединенных Штатов, поскольку именно ему принадлежала эта информация. И не Советам, то есть противоположной стороне, поскольку именно Советы наняли его для убийства Вэтерби, Ярбеков, Хадстона и Хейнса.

Разумеется, он не располагал никакими доказательствами того, что работает на Советы. Они поступили очень умно, наняв его, одиночку, не связанного ни с одной организацией. Винс, однако, получал от них задания так же часто, как от мафии, и, сопоставляя различные факты, все-таки был склонен думать: это Советы. Время от времени ему приходилось общаться по телефону с другими заказчиками помимо тех трех, в Лос-Анджелесе, их голоса ему были знакомы, и все они говорили с акцентом, возможно русским. Кроме того, люди, которых он устранял по их заданиям, были связаны с политикой или — как в случае с Банодайном — с обороной. Важно и то, что предоставляемая ими информация об «объектах» была неизменно более подробной, точной и содержательной по сравнению с той, которую он получал от уголовных структур.

Кто, кроме США и Советов, захочет заплатить за такие деликатные сведения оборонного характера? Какой-нибудь диктатор из «третьего мира», стремящийся противопоставить что-то ядерным сверхдержавам? Проект «Франциск» может дать какому-нибудь карманному Гитлеру такой шанс и поднять его на вершины мировой власти. И конечно, он щедро вознаградит за такую возможность. Но кто захочет рисковать, связываясь с типами вроде Каддафи? Только не Винс.

Кроме того, он, Винс, обладает сведениями только о факте проведения исследований в Банодайне, но ничего не знает о научной и практической стороне дела. Так что, оказывается, он может предложить потенциальному покупателю гораздо менее ценный товар, чем думал вначале.

Со вчерашнего дня, однако, в мозгу у Винса засела одна идея. И сейчас, когда он раздумывал о потенциальном покупателе перехваченных им секретов, эта идея не давала ему покоя.

Собака.

Очутившись опять у себя дома, Винс сел у окна в спальне и стал смотреть на океан. Уже наступила темнота, и океана не было видно, а он все сидел и думал о собаке.

Хадстон и Хейнс рассказали ему столько об этом ретривере, что Винс понял: несмотря на всю свою ценность и сенсационность, информация о проекте «Франциск» не стоила и одной тысячной доли цены этого пса. Ретривера можно использовать с выгодой, и для этого найдется много способов: эта собака представляет собой хвостатую машину для делания денег. В любом случае ее можно продать либо правительству Соединенных Штатов, либо русским за огромные деньги. Если Винс найдет этого пса, он сможет обеспечить себе финансовую независимость.

Но где его искать?

Наверняка гигантская операция по его поимке уже — незаметно или секретно — ведется по всей Южной Калифорнии. Министерство обороны, видимо, выделило огромное количество людей для ее осуществления, и если Винс наткнется на них, они пожелают знать, кто он такой. А Винс не хочет стать объектом внимания с их стороны.

Далее. Если он проведет собственный поиск в предгорьях Санта-Аны, где почти наверняка скрываются беглецы из лаборатории, он может найти не того, кого ищет. Вместо золотого ретривера наткнется на Аутсайдера. А это опасно. Смертельно опасно.

За окном покрытое тучами ночное небо и океан соединились во мраке, черном, как оборотная сторона Луны.

2

В четверг, через день после того, как Эйнштейн загнал Арта Стрека в угол кухни в доме Норы Девон, тот был обвинен во взломе и проникновении в чужое жилище, нападении, применении физической силы и попытке изнасилования. Поскольку в прошлом Стрек уже был судим за изнасилование и пробыл в заключении два года из трехлетнего срока, он не мог оставаться на свободе, так как назначенная полицией сумма денежного залога была слишком высока для него. А поскольку у него не было поручителя, который доверял бы ему, Стрек должен был находиться под арестом до дня суда. Нора испытала огромное облегчение от этого известия.

В пятницу они с Тревисом отправились обедать.

Приняв его приглашение, Нора удивилась собственному поступку. Надо было признать: Тревис был искренне возмущен тем, чего ей пришлось натерпеться от Стрека, и именно Тревису она была обязана сохранением своего достоинства и чести, а возможно, жизни. Однако годы параноидального воздействия тети Виолетты невозможно было перечеркнуть за несколько дней, поэтому некоторая подозрительность и страх еще присутствовали в поведении Норы. Если бы Тревис вдруг стал навязывать ей свое общество, она пришла бы в состояние жуткого смущения и отчаяния, но приняла бы как должное. Воспитанная с раннего детства на аксиоме: от других людей надо ожидать только плохого, Нора могла удивиться лишь проявлению доброты и сочувствия.

И тем не менее она согласилась пообедать с Тревисом.

В первые минуты Нора не знала, почему это сделала.

Ответ, однако, напрашивался сам собой: из-за собаки. Ей хотелось быть рядом с Эйнштейном, потому что он давал ей ощущение безопасности и еще потому, что никто не одаривал ее так щедро своей любовью, пусть даже собака. Кроме того, в глубине души Нора знала: Тревису Корнеллу можно полностью доверять, ведь ему доверял Эйнштейн, а собаку не так просто обмануть.

Обедали они в открытом кафе, устроенном в мощенном кирпичом дворике, где покрытые скатертями столики стояли под полосатыми бело-голубыми зонтиками и где им позволили привязать пса к железной ножке столика. Эйнштейн вел себя примерно и большую часть времени спокойно лежал на полу. Иногда он поднимал голову и смотрел на них своими умными глазами. Они угощали его, но специально еду ретривер не выпрашивал.

Нора плохо разбиралась в собаках, но ей казалось, пес очень умен и любопытен. Он часто менял позу, чтобы лучше разглядеть других посетителей, которые, по-видимому, вызывали у него интерес.

Нору привлекало буквально все. Она впервые обедала в общественном месте и хотя во многих книгах читала о том, как люди обедают в ресторанах, ее удивляли и восхищали мельчайшие детали. Роза в молочно-белой вазе. Спички, на этикетке которых было напечатано название заведения. Масло, свернутое в бутоны и поданное в вазочке с колотым льдом. Ломтик лимона в ледяной воде. Особенно ее поразила охлажденная вилка для салата.

— Посмотри вот на это,— сказала Нора Тревису после того, как официант принес им закуски.

Он, нахмурившись, взглянул на ее тарелку.

— Что-нибудь не так?

— Нет-нет... Видишь эти овощи?

— Маленькие морковки и кабачки.

— Где они берут такие крошечные овощи? А посмотри, как красиво разрезан помидор. Все так красиво. Как они успевают все так красиво приготовить?

Нора знала: то, чем она восхищается, для него — привычное дело; ее удивление говорит о неопытности и невежественности и делает ее похожей на ребенка. Нора часто краснела, иногда заикалась от стеснения, но тем не менее без удержу восторгалась всеми увиденными чудесами. Тревис почти беспрерывно улыбался ей, но не снисходительно — боже упаси, нет,— ему на самом деле нравились ее восторги по поводу открытий, которые она для себя делала.

К тому времени, как они покончили с кофе и десертом — тартинка с киви для нее и клубника со сливками для Тревиса, а также шоколадный эклер, доставшийся целиком Эйнштейну,— Нора углубилась в самую длинную в своей жизни беседу. Они провели в разговорах два с половиной часа, не впадая в неловкое молчание, обсуждая в основном книги; учитывая отшельническую жизнь Норы, любовь к чтению была единственным общим для них предметом. И еще одиночество. Тревис проявлял искренний интерес к ее мнению о писателях, со своей стороны высказывая интересные и смелые мысли о прочитанных книгах, которые до этого не приходили ей в голову. За весь предыдущий год Нора не смеялась столько, сколько в этот день. Напряжение, однако, оказалось так велико, что время от времени у нее начинала кружиться голова, а когда они наконец покинули кафе, она уже не могла вспомнить, о чем именно они говорили,— в голове у нее все перемешалось. Нора испытывала психическую перегрузку, которую мог бы испытать дикарь, если бы его вдруг высадили посередине Нью-Йорка, и ей нужно было время, чтобы успеть все это переварить.

Тревис поставил свой пикап у ее дома, поэтому обратно они шли пешком, и всю дорогу Нора вела Эйнштейна на поводке. Пес ни разу не попытался вырваться и ни разу не запутал поводок у нее в ногах, а мирно шел впереди, оглядываясь на Нору так умиленно, что та заулыбалась.

— Какой хороший пес,— сказала она.

— Замечательный,— согласился Тревис.

— Такой послушный.

— Такое с ним тоже бывает.

— И такой умный.

— Не надо его захваливать.

— Ты боишься, что он загордится?

— Он уже загордился,— сказал Тревис.— Если он загордится еще больше, с ним невозможно будет жить.

Пес оглянулся на Тревиса и презрительно чихнул.

Нора засмеялась.

— Иногда мне кажется, что он понимает каждое твое слово.

— Иногда,— согласился Тревис.

Когда они подошли к дому, Норе захотелось пригласить Тревиса зайти. Однако она не была уверена, правильно ли Тревис поймет ее приглашение. В ней заговорила пугливая старая дева, а вместе с тем Нора знала: она может и должна доверять ему. Но вдруг перед Норой встал образ тети Виолетты, делающей грозные предупреждения насчет мужчин, и она не смогла заставить себя сделать то, что считала нужным. Нора боялась, что, предприняв что-нибудь еще, испортит себе впечатление о великолепно проведенном дне, и поэтому просто поблагодарила Тревиса за обед и даже не осмелилась попрощаться с ним за руку.

Напоследок все-таки Нора наклонилась и погладила пса. Эйнштейн ткнулся носом ей в шею, лизнул в подбородок, заставив ее хихикнуть. Она никогда раньше не хихикала. Нора могла бы еще долго обнимать и ласкать собаку, но на этом фоне ее опасения насчет Тревиса стали бы еще очевиднее.

Стоя у распахнутой двери, она смотрела, как они сели в пикап и уехали.

Тревис на прощание махнул ей рукой.

Она помахала в ответ.

Затем пикап доехал до угла, повернул направо, и, когда совсем исчез из виду, Нора пожалела о своей трусости и о том, что не пригласила Тревиса в гости. Она чуть не сорвалась с места и не крикнула Тревису, чтобы тот вернулся. Но было поздно, Нора опять оказалась в одиночестве. Нехотя она вошла в дом и закрыла за собой дверь, оставив за порогом весь этот яркий и сверкающий мир.

3

Служебный вертолет «Белл Джет Рейнджер» пронесся над оврагами и лишенными растительности хребтами горной гряды Санта-Ана. Тень от него бежала впереди, поскольку пятни-

ца подходила к концу и солнце садилось на западе. На подлете к каньону Святого Джима Лемюэль Джонсон выглянул в иллюминатор и увидел внизу на узкой полоске голой земли четыре автомобиля из окружного отдела полиции. Рядом с каменной хижиной стояли еще несколько машин, включая «универсал» патологоанатома и джип «чероки», вероятно, принадлежавший убитому. Вырубка была небольшой, и пилоту едва хватило места для посадки вертолета. Еще до того, как перестал трещать двигатель и остановились лопасти, бронзовые в лучах заходящего солнца, Лем выпрыгнул из вертолета и заспешил к хижине. В двух шагах за ним следовал Клифф Соамс — его правая рука.

Уолт Гейнс, шериф округа, вышел из дома навстречу Лему. Гейнс был крупный мужчина, шести футов четырех дюймов ростом и весом сотни в две фунтов, с широченными плечами и крепкой грудью. Пшеничные волосы и васильковые глаза делали бы его похожим на киноидола, если бы черты лица не были такими грубыми. Ему было пятьдесят пять, а выглядел он на сорок. Прическа его была не намного длиннее той, которую Гейнс носил во время двадцатилетней службы в морской пехоте.

Несмотря на различие в цвете кожи — Лем Джонсон был черным, а Уолт белым, в облике — Лемюэль был на семь дюймов ниже и на шестьдесят фунтов легче Уолта, в происхождении — Джонсон вырос в зажиточной семье, в то время как родители Гейнса были бедняками из Кентукки, в возрасте, наконец,— Лем был на десять лет моложе шерифа, они были друзьями. Больше чем друзьями. Почти братьями. Вместе играли в бридж, рыбачили и получали ни с чем не сравнимое удовольствие, сидя в шезлонгах на веранде, потягивая пиво «Корона» и решая мировые проблемы. Даже их жены стали подругами — невероятный случай, по мнению Уолта, поскольку, как он сам говорил: «Моей старухе никто не нравился, с кем бы я ее ни знакомил за все эти тридцать два года».

Для Лема дружба с Уолтом Гейнсом тоже была исключительным событием, так как он очень трудно сходился с людьми. Он отдавал всего себя работе, и ему не хватало времени для того, чтобы простое знакомство переросло в дружбу. С Уолтом, правда, все было проще — они сразу стали друзьями, без всяких церемоний, моментально углядев сходство взглядов и привычек. Уже через полгода со дня их знакомства у них было чувство, что они знают друг друга с детства. Лем ценил эту дружбу почти так же высоко, как свой брак с Кариной. Если бы у него не было возможности расслабиться в компании Уолта, то работа совсем бы доконала его.

Когда лопасти вертолета перестали вращаться, Уолт Гейнс сказал:

— Не могу понять, почему вы, федералы*, заинтересовались убийством какого-то немытого скваттера.

— Ну и хорошо,— сказал Лем.— Тебе и не надо это понимать.

— Во всяком случае, я не предполагал, что ты сам приедешь. Думал, пришлешь кого-нибудь из своих «шестерок».

— Агенты УНБ** не любят, когда их называют «шестерками».

Глядя на Клиффа Соамса, Уолт спросил:

— Он ведь обращается с вами как с «шестерками», не так ли?

— Он тиран,— подтвердил Клифф.

Ему шел тридцать первый год. Рыжие волосы и веснушки. Больше похож на серьезного молодого проповедника, чем на агента Управления национальной безопасности.

— Слушай, Клифф,— сказал Уолт Гейнс,— ты должен понимать, откуда произошел Лем. Его отец, забитый черный бизнесмен, который никогда не зарабатывал больше двухсот тысяч в год. Что поделаешь, бедность. Поэтому Лем считает правильным принуждать вас, белых мальчиков, прыгать сквозь обручи, получая таким образом моральную компенсацию за годы ужасных унижений.

— Он заставляет меня называть его «маса»***,— сказал Клифф.

— Я так и думал,— ответил Уолт.

---

* Федералы — т. е. сотрудники Федерального бюро расследований (ФБР).— *Прим. пер.*

** Управление национальной безопасности (США).— *Прим. пер.*

*** «Маса» — обращение негров-рабов к своему хозяину (искаж. от «master» — хозяин).— *Прим. пер.*

Лем сказал со вздохом:

— Вы двое так же остроумны, как ранение в промежность. Где труп?

— Сюда, маса,— сказал Уолт.

Перед тем как шериф, Лем и Клифф вошли в хижину, верхушки деревьев закачались от порыва теплого дневного ветра и тишину каньона нарушил шелест листвы.

Очутившись в первой из имевшихся в доме комнат, Лем сразу почувствовал, почему Уолт так много шутил при встрече. Его деланный юмор был реакцией на тот ужас, который пришлось испытать. Так можно смеяться ночью на кладбище, чтобы не бояться покойников.

Два стула с остатками обивки лежали перевернутыми на полу. Диванные подушки продырявлены, и из них вылезал поролон. Книги в бумажных обложках были вытащены из шкафа в углу, разорваны в клочья и разбросаны по комнате. Осколки оконного стекла сверкали посреди этого разрушения, как бриллианты. Все, включая стены, было забрызгано кровью, а на полу засыхала огромная темно-бордовая лужа.

Подобно паре ворон, высматривающих яркие нитки для украшения своего гнезда, двое экспертов из криминалистической лаборатории, одетые в темные костюмы, тщательно исследовали место преступления. Время от времени они испускали бессвязные возгласы, вытаскивали что-то из обломков пинцетами и помещали находки в пластиковые пакетики.

Очевидно, труп уже осмотрели и сфотографировали, поскольку он был помещен в непрозрачный покойницкий мешок и лежал возле двери, откуда его должны были перенести в машину.

Глядя на смутные очертания человеческого тела в молочно-белом мешке, Лем спросил:

— Как его звали?

— Вэс Далберг,— ответил Уолт.— Прожил здесь больше десяти лет.

— Кто обнаружил труп?

— Сосед.

— Когда случилось убийство?

— Дня три назад. Может быть, во вторник вечером. Надо подождать результатов экспертизы. Погода-то стоит теплая, поэтому разложение идет быстрее.

Во вторник вечером... В предрассветные часы во вторник в Баподайне произошел побег. К вечеру того же дня Аутсайдер мог пройти такое расстояние...

Лем содрогнулся.

— Замерз? — саркастически спросил Уолт.

Лем не ответил. Они с Уолтом были друзьями и представителями закона, один на местном, другой на федеральном уровне, но в данном случае их пути расходились. Уолту необходимо было установить истину и рассказать о ней общественности, а Лему накрыть это дело крышкой и прижать посильнее.

— Ну и воняет же здесь,— сказал Клифф Соамс.

— Представляешь, как тут благоухало, когда «жмурик» еще не был в мешке? — сказал Уолт.— Только держись.

— Это не только... запах разложения,— сказал Клифф.

— Не только.— Уолт показал на пятна рядом со следами крови.— Экскременты.

— Жертвы?

— Не думаю,— ответил Уолт.

— Какие-нибудь предварительные анализы делали? — спросил Лем, стараясь не выдать своей обеспокоенности.— Хоть в микроскоп смотрели?

— Нет. Образцы доставят в лабораторию. Мы полагаем, это следы того, кто проник сюда через окно.

Взглянув на Уолта, Лем спросил:

— Ты имеешь в виду человека, убившего Далберга?

— Это был не человек,— сказал Уолт.— Я думаю, ты тоже об этом знаешь.

— Не человек?

— Ну... не такой, как ты и я.

— Так что это было, по-твоему?

— А черт его знает,— сказал Уолт, потирая шею своей огромной ручищей.— Судя по ранам на трупе, у убийцы были острые зубы, возможно, когти и плохое настроение. Ну как, похоже на то, что ты ищешь?

Лем не поддался на эту удочку. Наступило короткое молчание.

Сквозь разбитое окно ветер принес запах сосен, слегка перебивший ужасный смрад, стоявший в комнате.

Один из экспертов сказал: «А!» — и подцепил что-то своим пинцетом.

Лем устало вздохнул. Не нравилось ему все это. Конечно, они не смогут установить убийцу Далберга, но найдут достаточно вещественных доказательств для того, чтобы разжечь всеобщее любопытство. А дело это проходит по линии национальной безопасности, и гражданским лицам нечего совать в него нос. Лем собирался положить конец расследованию.

Он надеялся сделать это, не приводя Уолта в ярость. Их дружба сейчас находилась перед лицом серьезного испытания.

Вдруг, разглядывая мешок с трупом, Лем понял, что форма тела какая-то странная.

— Головы не хватает,— произнес он.

— Вас, федералов, не проведешь,— сказал Уолт.

— Его обезглавили? — дрогнувшим голосом спросил Клифф.

— Идите сюда,— позвал Уолт, шагнув в соседнюю комнату.

Собственно, даже не в комнату, а большую кухню с ручным насосом для воды и старинной дровяной печкой.

Кроме головы, там не было других следов убийства. Но и этого было более чем достаточно. Она помещалась в центре стола. На блюде.

— Господи Иисусе,— прошептал Клифф.

Когда они вошли на кухню, полицейский фотограф как раз делал снимки головы, фотографируя ее с разных сторон. Он еще не закончил, но отошел в сторону, чтобы им было лучше видно.

Глаза убитого отсутствовали. Их вырвали. Пустые глазницы чернели, как колодцы.

Клифф так побледнел, что веснушки загорелись на его белой коже, как искры.

Лема затошнило, не только из-за увиденного, но и от понимания, что этим убийством дело не кончится. Он гордился своими способностями руководителя и следователя, сознавал: никто не сможет вести дело лучше его. В то же время Лем не мог позволить себе недооценить противника или вообразить, что скоро положит конец этому кошмару. Для того чтобы выследить убийцу, ему понадобится много времени, терпения и везения. А за этот период появятся еще трупы.

Голова Далберга не была отрезана или отрублена. Ее или оторвали когтями, или отгрызли с помощью зубов.

У Лема внезапно вспотели ладони.

Странно... он не мог оторвать взгляда от пустых глазниц, как будто на него оттуда смотрели широко открытые, неподвижные глаза.

По спине у Лема скатилась холодная капелька пота. Он испытывал страх, которого раньше не знал,— но не хотел, чтобы по какой-либо причине его отстранили от расследования. Для безопасности государства и общественности чрезвычайно важно, чтобы оно велось как надо, а Лем Джонсон знал: никто лучше его с этим не справится. И дело тут не в самомнении. Его безоговорочно признавали самым толковым работником, и он знал, что это так. Лем гордился этим по праву, и здесь не было места ложной скромности. Это было его расследование, и он должен был довести его до конца.

Родители воспитывали в Леме чувство долга и ответственности. «Чернокожему,— говорил отец,— необходимо выполнять свою работу в два раза лучше, чем белому, чтобы заслужить какое-либо доверие. И тут ничего такого нет. Ничего тут не возразишь. Это просто факт жизни. Можно с таким же успехом возражать зимой против холодной погоды. Вместо этого нужно просто посмотреть правде в глаза, работать с удвоенной энергией — и ты добьешься поставленной цели. А ты должен достичь успеха, потому что являешь собой пример для своих братьев».

Следуя наставлениям отца, Лем без остатка отдавал все свои силы любимому занятию. Он очень боялся неудач, и они редко посещали его. Однако когда какое-нибудь дело не «вырисовывалось» неделями, Лем впадал в глубокую хандру.

— Выйдем поговорим? — предложил ему Уолт, шагнув к открытой задней двери хижины.

Лем кивнул. Клиффу он сказал:

— Побудь здесь. Проследи, чтобы никто: ни патологи, ни фотограф, ни полицейские — ни один человек не уехал отсюда, не переговорив со мной.

— Слушаю, сэр,— ответил Клифф.

Он быстро вышел из хижины, чтобы выполнить поручение Лема и наконец избавиться от зрелища мертвой головы.

Лем последовал за Уолтом Гейнсом на поляну позади хижины. Заметив валявшийся там металлический лоток и разбросанные поленья, он остановился, чтобы рассмотреть их.

— Мы думаем, что все началось здесь,— сказал ему Уолт.— Предположительно Далберг ходил за дровами в сарай, а что-то выскочило на него из-за деревьев, поэтому он бросил лоток и побежал в дом.

Они стояли у края поляны в оранжево-кровавом свете заходящего солнца, вглядываясь в пурпурные тени и зеленые глубины леса, окружавшего их со всех сторон.

Лем нервничал. Он думал о том, что беглец из лаборатории Вэтерби, возможно, притаился поблизости и наблюдает за ними.

— Ну, давай выкладывай,— сказал Уолт.

— Не имею права.

— Национальная безопасность?

— Так точно.

Ели, сосны и сикоморы зашелестели на ветру, и Лему почудилось какое-то движение в кустарнике. Игра воображения. Тем не менее Лем был рад, что у него, как и у Уолта, в кобуре под мышкой находился пистолет.

Уолт сказал:

— Можешь, конечно, держать рот на замке, но ты ведь не думаешь, что я полный дурак? Кое-что я соображаю.

— Никогда не считал тебя дураком.

— Во вторник утром все полицейские участки в Ориндже и Сан-Бернардино получают срочное предписание из твоего управления быть готовыми для оказания помощи в поисковой операции. Мы все встаем на уши. Мы же знаем, за что вы там отвечаете: за охрану оборонных исследований, за то, чтобы не дать этим писающим водкой русским похитить наши секреты. А поскольку в Южной Калифорнии находится половина всех оборонных подрядчиков, здесь есть на что позариться.

Устремив взгляд на лесную чащу, Лем хранил молчание.

— Поэтому,— продолжал Уолт,— мы приходим к выводу: идет поиск русского агента, который что-то там такое у вас умыкнул, и радуемся возможности сделать что-то приятное для дяди Сэма. К полудню, однако, вместо того чтобы получить оперативку, мы получаем отбой. Никакой операции не будет. Ваша контора заявляет нам, что все уже под контролем. А тревога была ложной.

— Правильно,— сказал Лем.— Ложная тревога. В управлении поняли: местную полицию невозможно будет плотно контролировать, и поэтому нельзя брать ее в помощники. Это задание можно было поручить только военным.

— Ну да, конечно. Во второй половине дня мы узнаем, что вертолеты морской пехоты из Эль-Торо летают в предгорьях Санта-Аны. А в среду утром сто морских пехотинцев, оснащенных по последнему слову техники, переброшены из Кемп-Пендлтона для ведения наземных поисков.

— Я слышал об этом,— сказал Лем,— но это делалось не по линии управления.

Уолт упорно не смотрел в глаза Лему, а отвел взгляд в сторону леса. Конечно, он знал: Лем лжет ему; он знал также, что Лем *вынужден* лгать, и не хотел поставить его в неудобное положение, встретившись с ним глазами. Несмотря на кажущуюся внешнюю грубость и плохие манеры, Уолт Гейнс был необычайно тактичным человеком и обладал редким талантом в дружбе.

Но, кроме всего прочего, он был еще и шерифом округа и считал своим долгом вести расследование даже вопреки упорному молчанию Лема. Уолт произнес:

— Военные заявили, что у них там учения.

— Мне тоже так сказали.

— Вообще-то об учениях нам сообщают за десять дней.

Лем не ответил. Ему показалось, что в глубине леса он заметил небольшое движение, какая-то темная масса шевельнулась в сосновом мраке.

— Морские пехотинцы провели всю среду и половину четверга, рыская по горам. Когда об этих «учениях» узнали репортеры и прибыли на место вынюхивать, в чем дело, начальство дало отбой. Складывалось впечатление, будто они ищут что-то настолько неприятное и настолько секретное, что для них лучше вообще ничего не найти, чем найти на глазах у прессы.

Скосив глаза, Лем вглядывался в сгущающуюся лесную тьму, стараясь уловить движение, которое, как ему показалось, он увидел там секунду назад.

Уолт продолжал:

— Вчера вечером УНБ просил представлять им отчеты о любых «необычных происшествиях, нападениях или убийствах, совершенных с особой жестокостью». Мы требуем разъяснений, но не получаем их.

Вон там. Что-то шевельнулось в сумраке вечнозеленых ветвей. Футах в восьмидесяти от края леса. Что-то там движется, крадучись, стараясь не выходить из темноты. Лем просунул руку за отворот пиджака и нащупал рукоять пистолета в кобуре под мышкой.

— Через день,— говорил Уолт,— мы находим этого бедного сукина сына Далберга, растерзанного на куски — происшествие необычное, и, уж конечно, «особая жестокость» налицо. И вот прибываете на вертолете вы, мистер Лемюэль Аса Джонсон, начальник южнокалифорнийского отдела УНБ, и мне становится ясно: вы прилетели сюда совсем не для того, чтобы узнать, какую закуску я предпочитаю за завтрашним вечерним бриджем.

Подозрительное движение в зарослях было гораздо ближе, чем в восьмидесяти футах. Лема сбила с толку игра света и тени между деревьями. Существо находилось футах в сорока от того места, где они стояли, когда внезапно оно бросилось прямо на них, ломая кустарник. Лем вскрикнул, выхватил пистолет и, спотыкаясь, сделал несколько невольных шагов назад, прежде чем занял огневую позицию, широко расставив ноги и держа пистолет двумя руками.

— Да это олень! — сказал Уолт Гейнс.

И в самом деле, из зарослей выбежал олень, остановился в нескольких футах от них и с любопытством взглянул на людей своими большими коричневыми глазами. Голову он держал высоко, а уши у него стояли торчком.

— Они так привыкли к людям в здешних местах, что стали почти ручными,— заметил Уолт.

Лем засунул пистолет в кобуру, ощущая противный вкус во рту.

Почувствовав неладное, олень повернулся и исчез в чаще.

Уолт не сводил пристального взгляда с Лема.

— А ты думал, это что?

Лем не ответил. Он вытер вспотевшие ладони о пиджак.

Подул холодный ветер, предвестник ночи.

— Никогда не видел тебя таким испуганным,— сказал Уолт.

— Это от кофе. Я сегодня выпил его слишком много.

— Иди ты знаешь куда.

Лем пожал плечами.

— Очевидно, убийца Далберга — животное, у которого полно зубов и когтей, настоящий зверюга,— сказал Уолт.— Но объясни мне, какое животное сумеет положить мертвую голову так аккуратно на блюдо посередине кухонного стола? Ничего себе юмор. Но животные не склонны к юмору, даже такому. Убийца Далберга оставил нам голову в качестве издевки. Так скажи мне, ради Христа, с чем мы имеем дело?

— Тебе не надо и *не положено* это знать, поскольку дело находится в моей юрисдикции.

— Бред собачий.

— Я здесь не командую,— сказал Лем.— Теперь расследование находится в ведении федеральных служб, Уолт. Я изымаю все доказательства, собранные твоими людьми, и все отчеты. Ни ты, ни твои люди не должны никому рассказывать об увиденном здесь. Ты заведешь папку на это дело, но в ней будет только один документ: служебная записка за моей подписью о том, что оно передается федеральным органам. Ты выходишь из игры, Уолт. Что бы ни случилось, никто не сможет тебя обвинить в этом.

— Дерьмо.

— Хорошо, пусть так.

Уолт повысил голос:

— Я должен знать...

— Теперь твое дело — сторона.

— Подвергаются ли опасности люди в моем округе? Хоть это ты мне можешь сказать, черт тебя дери?

— Да.

— Подвергаются?

— Да.

— А если я буду бороться с тобой, чтобы заполучить это дело, смогу ли я как-то уменьшить эту опасность?

— Нет. Ничего не сможешь,— сказал Лем искренне.

— Тогда нет смысла бороться с тобой.

— Никакого,— согласился Лем.

Он зашагал к хижине, поскольку начинало быстро смеркаться, а ему не хотелось с приближением темноты оставаться слишком близко к лесу. На этот раз это был олень. А на следующий?

— Погоди-ка,— сказал Уолт.— Послушай, что я тебе скажу. Можешь не говорить ни «да» ни «нет». Просто выслушай меня.

— Валяй,— сказал Лем нетерпеливо.

Тени от деревьев медленно ползли по сухой траве вырубки. Солнце повисло над горизонтом.

Уолт вышел из тени на угасающий солнечный свет, засунув руки в карманы и глядя себе под ноги, как бы собираясь с мыслями.

— Во вторник вечером кто-то вошел в частный дом в Ньюпорт-Бич и застрелил человека по имени Ярбек, а потом забил до смерти его жену. Ночью следующего дня кто-то убил семью Хадстонов в Лагуна-Бич: мужа, жену и сына-подростка. Полиция этих районов пользуется одной и той же криминалистической лабораторией, поэтому не составило труда определить, что и в том и в другом случае использовался один и тот же пистолет. На этом открытия, сделанные местной полицией, заканчиваются, поскольку в обоих этих случаях УНБ также взяло расследование под свою юрисдикцию. В интересах национальной безопасности.

Лем не отвечал. Он уже пожалел, что согласился выслушать Уолта. Во всяком случае, Лем не руководил лично расследованием убийств ученых, которые, по его мнению, почти наверняка были организованы советской стороной. Он поручил это дело другим людям, чтобы высвободить себя для поисков собаки и Аутсайдера.

Заходящее солнце окрашивало все вокруг в оранжевый цвет. Окна хижины вспыхивали в отблеске пылающего заката.

Уолт сказал:

— О'кей. Потом появляется сообщение о пропаже доктора Дэвиса Вэтерби из Корона-дель-Мар. Никто не видел его со вторника. Сегодня утром его брат находит труп доктора в багажнике машины. Не успевают прибыть туда местные патологоанатомы, а агенты УНБ уже тут как тут.

Лема слегка обеспокоила быстрота, с которой шерифу удалось собрать и сопоставить информацию из разных районов, не входящих в состав его округа и, таким образом, не входящих в его компетенцию.

Уолт усмехнулся, но глаза его были серьезны.

— Не думал, что я сумею нарисовать такую схему, а? Все эти преступления совершены в районах, подчиненных разным полицейским управлениям, но для меня этот округ — один большой город с двумя миллионами жителей, поэтому я поддерживаю тесные контакты с местными управлениями.

— Ну и к какому выводу ты пришел?

— К такому, что удивительным образом в один день происходит убийство шести видных граждан. Это ведь графство Ориндж, не Лос-Анджелес. И еще более удивительным образом все шесть убийств имеют отношение к национальной безопасности. Любопытно, не так ли? Поэтому я сразу начинаю проверять всю подноготную этих людей в поисках того, что может их связывать...

— Уолт, ради бога!

— И выясняю: все они работают или работали в заведении под названием Исследовательский комплекс Банодайн.

Лем не разозлился. Он не мог злиться на Уолта — они были ближе чем братья,— но проницательность этого верзилы на мгновение взбесила его.

— Послушай, ты не имеешь права проводить расследование.

— Я вообще-то шериф, ты не забыл?

— Ни одно из этих убийств — кроме Далберга здесь — не входит в твою юрисдикцию. Начнем с этого. А если бы даже они входили... когда в дело вступает УНБ, ты не имеешь права продолжать. Если уж говорить серьезно, это строжайше *запрещено законом.*

Не обращая внимания на его слова, Уолт продолжал:

— Я отправляюсь в Банодайн посмотреть, чем они там занимаются, и узнаю: генной инженерией, рекомбинацией ДНК...

— Ты неисправим.

— Конечно, нет прямых указаний на то, что в Банодайне работают на оборону, но ведь это ничего не значит. Это могут быть «слепые» контракты и проекты, настолько секретные, что их финансирование не проходит отдельной строкой в общественном бюджете.

— Боже мой,— раздраженно произнес Лем.— Неужели ты не понимаешь: с нами лучше не связываться, тем более когда законы о национальной безопасности на нашей стороне?

— Я просто рассуждаю.

— Ты дорассуждаешься до тюремной камеры.

— Послушай, Лемюэль, давай не доводить дело до расовых противоречий.

— Нет, ты неисправим.

— Ты повторяешься. Ну, в общем, я немного пошевелил мозгами и сообразил, что убийства сотрудников Банодайна каким-то образом связаны с поиском, который вели военные в среду и четверг. А также с убийством Вэса Далберга.

— Убийство Далберга не похоже на остальные.

— Разумеется, нет. Исполнители — разные. Ярбеки, Хадстоны и Вэтерби были убиты профессионалом. А бедняга Далберг растерзан на куски. Но, видит бог, тут все-таки существует связь. Иначе ты бы не приехал. И эта связь — Банодайн.

Солнце скрывалось за горизонтом. Тени сгущались и набухали.

Уолт сказал:

— Вот что я думаю: там, в Банодайне, они создавали какую-то новую бациллу, ну, другими словами, генетически измененный микроб, который выполз из пробирки и заразил кого-то. Но этот кто-то не просто заболел, а получил поражение мозга и превратился в дикого маньяка...

— Ну да, современный вариант доктора Джекилла,— саркастически перебил его Лем.

— Потом он сбежал из лаборатории, прежде чем кто-то узнал о случившемся, дотопал до этих холмов, пришел сюда и напал на Далберга.

— Ты что, насмотрелся фильмов ужасов?

— Ярбеков и остальных, возможно, убили из-за того, что они знали о происходящем и так боялись последствий, что намеревались сделать публичное заявление.

Вдали в сумерках каньона раздался надрывный протяжный вой. Наверное, койот.

Лему хотелось поскорее убраться подальше от этого леса. Но сейчас ему надо было разобраться с Уолтом Гейнсом и каким-то образом отвлечь шерифа от той линии, которую он так упорно гнул.

— Давай начистоту, Уолт. Ты хочешь сказать, что правительство Соединенных Штатов приказывает убивать своих ученых, чтобы заткнуть им рот?

Уолт насупил брови, понимая: подобный сценарий маловероятен, если вообще возможен.

Лем продолжал:

— Неужели наша жизнь похожа на фильм ужасов? Убивать собственных граждан? Это что, месяц национальной паранойи, или что? Ты на самом деле веришь в такой бред?

— Нет,— признался Уолт.

— Ну как, по-твоему, убийцей Далберга мог оказаться научный сотрудник, у которого поражен мозг? Ты ведь сам сказал, что существо, расправившееся с Далбергом, было с когтями и острыми зубами.

— О'кей, о'кей, в моей версии есть недостатки. Но в главном она верна. Я убежден, что все завязано вокруг Банодайна. Я ведь прав в принципе, а, Лем?

— Нет,— отвечал Лем.— Ничего похожего.

— Правда?

— Правда.— Лем не привык лгать Уолту, но ничего другого не оставалось.— Я не имею права говорить тебе даже этого, но по старой дружбе признаюсь.

К жутковатым завываниям в зарослях присоединились другие голоса, и теперь стало ясно, что это всего-навсего койоты, но Лему все равно было не по себе.

Потирая бычью шею ладонью, Уолт сказал:

— И что, Банодайн здесь совсем ни при чем?

— Абсолютно. То, что Ярбеки и Вэтерби, а в прошлом и Хадстон работали там,— чистое совпадение. Если хочешь, можешь дальше кругить свою версию, но предупреждаю: толку не будет.

Солнце скрылось, и в небе, казалось, внезапно отворилась какая-то дверь, откуда в ночной мир подуло холодом.

Все еще потирая шею, Уолт сказал:

— Значит, Банодайн ни при чем, да? — Он вздохнул.— Я слишком хорошо тебя знаю, парень. С твоим чувством долга ты бы соврал собственной матери, если бы этого требовали интересы государства.

Лем промолчал.

— Ладно,— сказал Уолт.— Брошу это дело. Занимайся им ты. При условии, что больше не будет убийств в моем районе. Если нечто случится... тогда мне, наверное, придется вмешаться. Не могу тебе обещать ничего другого. У меня тоже есть чувство долга, к твоему сведению.

— Знаю,— сказал Лем виновато, чувствуя себя полным негодяем.

Вместе они зашагали по направлению к хижине.

Небосвод — темный на востоке и испещренный полосками оранжевого, пурпурного и красного света на западе,— казалось, падал вниз, как крышка ящика.

Завывали койоты.

Их ход прерывал вой другого существа.

«Кугуар»,— подумал Лем, но понял, что лжет самому себе.

4

В воскресенье, два дня спустя после их удачного свидания в кафе, Тревис и Нора поехали в Сольванг — деревню, выстроенную в датском стиле в долине Святой Инессы. Это было туристское местечко с сотнями магазинов и магазинчиков, где торговали всем — от изящного скандинавского хрусталя до пластиковых имитаций датских пивных кружек. Причудливая (не без умысла) архитектура и обсаженные деревьями улицы только усиливали удовольствие от рассматривания витрин.

Несколько раз во время прогулки Тревису хотелось взять Нору за руку. Это казалось ему совершенно естественным. Тем не менее он чувствовал, что она может оказаться не готовой даже к такому безобидному прикосновению. На Норе было надето очередное платье-мешок, на этот раз блеклого синего цвета. Практичные туфли. Ее густые темные волосы спадали вниз неаккуратными прядями, как в первый день их знакомства.

Находиться рядом с ней было необычайно приятно. У нее был замечательный характер, отличавшийся тонкостью и доброжелательностью. Ее наивность производила освежающий эффект на Тревиса. Застенчивость и скромность, хотя и чрезмерные, нравились ему. Нора смотрела на все вокруг восторженными, широко раскрытыми глазами, и это было очаровательно. Тревис получал удовольствие оттого, что удивлял ее простыми вещами, показывая ей магазинчик, торгующий часами с кукушкой, лавку, где продавались чучела животных, музыкальную шкатулку, в которой отворялась перламутровая дверца, открывая взору кукольную балерину, делающую пируэт.

Тревис купил ей футболку с короткими рукавами, на груди которой в его присутствии — пока Нора ждала в сторонке — сделали надпись: «Нора любит Эйнштейна». Хотя девушка предупредила, что никогда не наденет футболку, поскольку это не в ее стиле, Тревис знал: она будет ее носить — ведь Нора так сильно любила собаку.

Когда они вышли к псу из магазина и отвязали его от парковочного счетчика, Нора показала ему футболку, и Эйнштейн, внимательно осмотрев надпись, со счастливым видом полез к ней лизаться. Вряд ли Эйнштейн мог прочесть надпись, но, похоже, он все-таки понял ее смысл.

За весь этот день у них был только один неприятный момент. Когда они повернули за угол и подошли к очередной витрине, Нора внезапно остановилась и оглядела толпы на тротуарах: людей, жующих мороженое в больших вафельных рожках и яблочные пирожные в кульках из вощеной бумаги; парней в украшенных перьями ковбойских шляпах, купленных в одной из лавок; хорошеньких девушек в коротеньких шортах и бюстье; жирную тетку в просторном гавайском платье; туристов, говорящих на английском, испанском, вьетнамском и многих других языках, которые можно услышать в любом курортном месте Южной Калифорнии; затем она перевела взгляд вдоль оживленной улицы на магазинчик сувениров, выстроенный в форме ветряной мельницы, и вдруг оцепенела, покачнулась. Тревису пришлось усадить ее на скамейку в ближайшем скверике. Ей потребовалось несколько минут, чтобы унять дрожь, прежде чем она смогла говорить.

— Перебор,— произнесла она наконец нетвердым голосом.— Слишком много... впечатлений, звуков... всего сразу. Извини, пожалуйста.

— Я понимаю,— сказал он растроганно.

— Я привыкла к нескольким комнатам, к знакомым вещам. Люди смотрят на нас?

— Да нет, никто не обратил внимания. На что тут смотреть?

Нора сидела, вздернув плечи, опустив голову и сжав кулаки. И только когда Эйнштейн положил голову ей на колени, она постепенно начала приходить в себя.

— Мне было так хорошо,— сказала Нора Тревису, не поднимая головы,— правда очень хорошо, и я думала о том, как далеко я нахожусь от дома и как это чудесно.

— Не так уж и далеко. Меньше часа на машине,— заметил Тревис.

— И когда я осознала, как далеко я забралась и какая незнакомая здесь идет жизнь... я испугалась, чисто по-детски.

— Хочешь, мы сейчас поедем назад, в Санта-Барбару?

— Нет,— ответила Нора, встречаясь с ним глазами и отрицательно мотая головой. Осмелев, она взглянула на людей, гуляющих в сквере, и на магазин в виде мельницы.— Нет, я хочу побыть здесь еще. До конца дня. Я хочу поужинать в ресторане — в настоящем ресторане, а не в уличном кафе,— как это делают другие люди, а затем, когда стемнеет, ты отвезешь меня домой.— Нора моргнула и мечтательным голосом повторила: — Когда стемнеет.

— Хорошо.

— Конечно, если ты не собирался вернуться домой пораньше...

— Нет-нет,— сказал он.— Я так и планировал, что мы пробудем вместе целый день.

— Это так мило с твоей стороны.

Тревис поднял брови.

— Что ты имеешь в виду?

— Сам знаешь.

— Боюсь, что нет.

— Ты помогаешь мне войти в этот мир,— сказала Нора.— Жертвуешь своим временем, чтобы помочь... мне. Это очень щедрый подарок.

Тревис был поражен.

— Нора, уверяю тебя, я не занимаюсь здесь благотворительностью.

— Я просто думаю, что такой мужчина, как ты, может гораздо интереснее провести воскресный день в мае.

— Ну конечно,— сказал он иронически.— Я мог остаться дома и почистить все свои башмаки с помощью зубной щетки. А еще можно было сосчитать все макароны в кухне.

Она не улыбнулась его шутке.

— Клянусь богом, ты на самом деле так думаешь,— сказал Тревис.— Ты полагаешь, что я нахожусь здесь с тобой из жалости?

Закусив губу, Нора произнесла:

— Оставим это. Мне все равно.

— Но я здесь не из жалости, черт меня возьми! А потому, что мне нравится быть с тобой, потому что мне нравишься ты!

Несмотря на то что она еще ниже опустила голову, Тревис заметил: ее щеки заливаются краской.

Наступила неловкая пауза.

Эйнштейн умиленно смотрел на Нору, которая водила рукой по его шерсти, и время от времени поднимал глаза на Тревиса, как бы говоря: «Послушай, ты вовлек ее в эти отношения, так не сиди как дурак, а скажи что-нибудь, действуй, постарайся завоевать ее сердце».

Минуты две она сидела молча, почесывая и лаская ретривера, а затем сказала:

— Со мной уже все в порядке.

Они покинули скверик и опять пошли вдоль торговых рядов, делая вид, что не помнят ни ее минутной паники, ни его неуклюжего признания.

У Тревиса было такое чувство, что он оказывает знаки внимания монашке. После некоторого размышления, однако, Тревис понял: ситуация еще сложнее. Со времени смерти жены три года назад он не вступал в связь ни с одной женщиной. Сама тема сексуальных отношений была для него как бы в новинку. Поэтому Тревис ощущал себя *священником*, ухаживающим за монашкой.

Почти на каждом углу располагалась кондитерская, и от витрины к витрине выставленные в них лакомства казались все более аппетитными. Ароматы корицы, сахарной пудры, мускатного ореха, миндаля, яблок и шоколада пронизывали теплый весенний воздух.

У каждой витрины Эйнштейн вставал на задние лапы и жадно смотрел сквозь стекло на искусно выставленные яства. Тем не менее он не входил внутрь и не лаял. Выпрашивая угощение, он тихонько скулил, чтобы не беспокоить окружающих. Получив конфету или яблочное пирожное, он успокаивался и переставал попрошайничать.

Спустя некоторое время Эйнштейн продемонстрировал Норе свои выдающиеся способности. Разумеется, он и до этого вел себя как умная и примерная собака, а еще раньше проявил инициативу в поимке Арта Стрека, но тем не менее раскрыться в полной мере ему до сих пор не удавалось.

Они проходили мимо аптеки, в которой помимо всего прочего продавались газеты и журналы, частично выставленные на

наружном стенде около входа. К удивлению Норы, пес вдруг помчался туда, вырвав конец поводка у нее из рук. Прежде чем она и Тревис догнали его, он успел вытащить зубами журнал со стойки и положил к Нориным ногам. Журнал назывался «Модерн Брайд»*. Тревис хотел схватить поводок, но Эйнштейн отскочил и выхватил еще один экземпляр «Модерн Брайд», который на этот раз положил к ногам Тревиса, в то время как Нора подбирала с земли первый журнал, намереваясь вернуть его обратно на стенд.

— Глупая псина,— сказала она.— Что это тебе взбрело в голову?

Подобрав поводок, Тревис пробился сквозь толпу и поставил свой экземпляр на стенд. Он был уверен, что понял намек собаки, но промолчал, боясь обескуражить Нору, и они зашагали дальше.

Эйнштейн смотрел по сторонам, с интересом обнюхивая прохожих, и, казалось, забыл о матримониальных изданиях. Однако, когда они отошли шагов на двадцать, ретривер резко повернулся и проскочил у Тревиса между ногами, вырвав у него из рук поводок и чуть не свалив его самого. Эйнштейн подбежал к аптеке, выхватил журнал со стойки и вернулся к ним.

«Модерн Брайд».

Нора все еще не понимала происходящего. Ее это забавляло, и она потрепала собаку по спине.

— Это что, твой любимый журнал, глупая псина? Не пропускаешь ни одного номера? Могу поспорить, что так и есть. А ты, оказывается, романтик!

Несколько туристов обратили внимание на игривое поведение ретривера, но еще меньше, чем Нора, осознали, какое серьезное намерение скрывается за этой игрой.

Когда Тревис нагнулся за журналом, собираясь вернуть его на место, Эйнштейн опередил его, схватил журнал зубами и начал яростно мотать головой из стороны в сторону.

— Нехороший пес,— сказала Нора, явно удивленная таким изменением в поведении собаки.

Эйнштейн разжал зубы, и «Модерн Брайд», потрепанный, порванный и мокрый от слюны, упал на тротуар.

— Похоже, придется за него заплатить,— сказал Тревис.

* Букв.: «Современная невеста» *(англ.).— Прим. пер.*

Высунув язык, пес сел, склонил голову и посмотрел на Тревиса.

Нора по-прежнему оставалась в неведении относительно всего происшедшего. Разумеется, у нее не было причин делать какие-либо сложные умозаключения по поводу поведения Эйнштейна. Она не могла оценить его способности и не ожидала от него сложного уровня общения.

Строго поглядев на пса, Тревис сказал:

— Ты прекращай это дело, псина. Чтобы я больше этого не видел. Понял?

Эйнштейн зевнул.

Заплатив за журнал и засунув его в пластиковый пакет, они продолжили прогулку по Сольвангу, но не успели дойти до конца квартала, как Эйнштейн решил осуществить свои намерения до конца. К удивлению и испугу Норы, он вдруг схватил ее зубами за руку, осторожно, но крепко, и потянул вдоль тротуара к картинной галерее, где молодая парочка любовалась выставленными в витрине пейзажами. Рядом с ними в прогулочной коляске сидел ребенок, и именно к нему старался Эйнштейн привлечь внимание Норы. Он не отпускал ее руки, пока не заставил дотронуться до пухлой ручки младенца, облаченного в розовый костюмчик.

Нора произнесла недоуменно:

— Он думает, что у вас замечательный ребенок, и это, конечно, так.

Родители, поначалу встревоженные появлением собаки, убедились, что пес безопасен для их малыша.

— Сколько вашей девочке? — спросила Нора.

— Десять месяцев,— ответила мать.

— А как ее зовут?

— Лана.

— Красивое имя.

Наконец Эйнштейн успокоился.

Когда Нора с Тревисом отошли в сторону и остановились полюбоваться антикварным магазином, который, казалось, по кирпичику и по досочке был перевезен сюда из Дании семнадцатого века, Тревис сел на корточки рядом с псом и, подняв рукой его лохматое ухо, проговорил:

— Хватит. Если хочешь еще раз получить «Алло», прекращай свои штучки.

Нора недоумевала:

— Что с ним?

Эйнштейн зевнул, и Тревис понял: дело плохо.

В течение следующих десяти минут Эйнштейн еще дважды брал Нору за руку и подводил к детишкам.

«Модерн Брайд» и младенцы.

Намек был теперь совершенно очевиден даже для Норы: *«Ты и Тревис предназначены друг для друга. Женитесь. Создавайте семью. Заведите детей. Чего вы ждете?»*

Нора залилась краской и не смела взглянуть на Тревиса. Он тоже был не в своей тарелке.

Почувствовав, что его намек ясен, Эйнштейн успокоился. Глядя на него, Тревис понял: у собак тоже бывает самодовольное выражение.

Когда настало время ужина, было еще очень тепло, и Нора отказалась от мысли пойти в ресторан. Она выбрала одно местечко, где на открытом воздухе под огромным дубом стояли столики, затененные красными зонтами. Тревис знал, что Нора не боится идти в ресторан, а просто не хочет расставаться с Эйнштейном, которому бы не позволили войти внутрь. Много раз в течение ужина она то украдкой, то открыто следила за собакой внимательным взглядом.

Тревис не упоминал в разговоре о происшедшем и сделал вид, что обо всем этом забыл. Но, когда Нора отвлекалась и смотрела по сторонам, он произносил шепотом угрозы в адрес пса:

«Больше никаких пирожных. Посажу на цепь. Надену намордник. Отправлю на живодерню».

Эйнштейн воспринимал их спокойно, скаля зубы, зевая и выдувая воздух из ноздрей.

5

Рано вечером в воскресенье Винс Наско навестил Джонни Сантини по кличке Струна. Он получил ее по двум причинам, одной из них стала его внешность: Джонни был длинный, худой и жилистый, как сплетенный из струн. У него к тому же были медного цвета волосы. Вторая связана с небольшим делишком, которое он предпринял в нежном пятнадцатилетнем возрасте. Чтобы заслужить внимание своего дяди, Релиджио Фастино, главы одного из пяти нью-йоркских мафиозных кланов, Джонни взялся ликвидировать одного самодеятельного торговца наркотиками, «работавшего» в Бронксе* без разрешения клана. Он задушил его рояльной струной. Такая демонстрация инициативы и верности принципам клана растрогала дона Релиджио, заставив его заплакать второй раз в жизни и пообещать племяннику вечное уважение и хорошо оплачиваемое место в семейном бизнесе.

Сейчас Джонни Струна достиг тридцатипятилетнего возраста и жил в доме стоимостью в миллион долларов на побережье в Сан-Клементе. После покупки дома, состоявшего из десяти комнат и четырех ванных, Джонни нанял дизайнера, который превратил его новое жилище в этакий заповедник «Арт Деко». Преобладающими цветами в интерьере были оттенки черного, серебряного и темно-синего, с вкраплениями бирюзового и персикового тонов. Джонни говорил Винсу, что ему нравится «арт деко». Этот стиль напоминал ему о «бурных двадцатых», а двадцатые он любил за то, что это была романтическая эпоха легендарных гангстеров.

Для Джонни Струны преступление стало не просто средством для добывания денег, способом противопоставить себя ограничениям цивилизованного общества, не результатом дурной наследственности, а захватывающей дух романтической традицией. Он считал себя братом каждого одноглазого и однорукого пирата, который когда-либо плавал по морям с целью наживы и грабежа, каждого разбойника с большой дороги, когда-либо обиравшего почтовый дилижанс, каждого взломщика сейфов, похитителя детей и мошенника на протяжении всего времени существования криминального мира. Ему нравилось называть себя мистическим родственником Джесси Джеймса, Диллинджера, Аль Капоне и Дальтонов, Лаки Лючиано и других. Джонни ко всем испытывал любовь, ко всем этим легендарным братьям по уголовному миру.

Приветствуя Винса у входной двери, он сказал:

— Входи, входи, здоровяк. Рад тебя видеть.

Они обнялись, хотя Винс не любил обниматься. Дело в том, что в прошлом, когда он жил в Нью-Йорке, ему приходилось

---

* Район Нью-Йорка.— *Прим. пер.*

работать на дядю Джонни, Релиджио, да и сейчас время от времени он брался за различные поручения клана Фастино, поэтому они с Джонни были вроде как приятели и обняться нужно было обязательно.

— Выглядишь хорошо,— сказал Джонни.— Следишь за собой. И конечно, по-прежнему хитрый, как змея?

— Как гремучая змея,— ответил Винс, досадуя, что ему приходится произносить всякие глупости, хотя знал: Джонни любит такие разговоры.

— Давно тебя не видел, уж было подумал, что тебя взяли за задницу.

— Я никогда не буду сидеть,— сказал Винс, уверенный: тюрьма никогда не станет частью его жизни.

Джонни понял его слова в том смысле, что Винс будет отстреливаться до последнего, но не сдастся властям, поэтому ухмыльнулся и одобрительно кивнул.

— Если загонят тебя в угол, положи столько этих тварей, сколько сможешь, прежде чем тебе наступит конец. Это единственный *чистый* выход.

Джонни Струна был на удивление непривлекательный мужчина, и это в какой-то мере объясняло его тягу к романтическим уголовным традициям. Годами вращаясь среди преступного мира, Винс заметил: преступники с красивой внешностью никогда не хвастаются своими «подвигами». Они хладнокровно убивают, потому что это им нравится или вызвано необходимостью; либо крадут, обманывают и вымогают, так как любят «легкие» деньги, и точка. Никаких самовосхвалений и самооправдания. Так и должно быть. Но те, у кого, как кажется, морды грубо отлиты из бетона, те, кто похож на Квазимодо, вставшего не с той ноги,— не все, но многие из них — стараются компенсировать свою неприглядную наружность, пытаясь походить на Джимми Кагни в «Возмутителе спокойствия».

На Джонни было надето черное трико десантника и черные кроссовки. Он всегда носил черное, так как этот цвет придавал ему зловещий вид и скрадывал уродство.

Из прихожей Винс последовал за Джонни в гостиную, где вся мебель имела черную обивку, а низкие столики были покрыты блестящим черным лаком. Винс увидел искусственную позолоту лампы Ранка, большие посеребренные вазы в стиле

«арт деко» от Даума и пару антикварных стульев от Жака Рульманна. Винс знал предысторию этих вещей только потому, что во время его предыдущих визитов Джонни сбрасывал с себя маску «крутого парня», чтобы натрепать ему всякой чепухи о своих сокровищах.

Привлекательная блондинка с журналом в руках полулежала в серебристо-черном шезлонге. Хотя на вид ей было не более двадцати лет, у нее были на удивление хорошо развитые формы. Ее чуть серебристые волосы были коротко острижены «под мальчика». На ней была красная пижама из китайского шелка, плотно облегавшая ее полную грудь, а когда она взглянула на Винса и надула губки, ему показалось, что она старается быть похожей на Джин Харлоу.

— Это Саманта,— представил Джонни Струна. Обращаясь к девушке, он сказал: — Лапуля, перед тобой фартовый парень, всегда работающий в одиночку, человек-легенда.

Винс чувствовал себя полным дураком.

— Что такое «фартовый»? — спросила блондинка таким высоким голосом, который не оставлял сомнения в том, что она подражает кинозвезде прошлых лет Джуди Холидей.

Стоя рядом с шезлонгом и взяв груди девушки в свои ладони, Джонни сказал:

— Она не понимает, Винс. Она не принадлежит к fratellanza*. Она девчонка из долины, жизни не знает, наших порядков — тоже.

— Он хочет сказать, что я не принадлежу к вонючим итальяшкам,— съязвила Саманта.

Джонни влепил ей такую пощечину, что она чуть не слетела с шезлонга.

— Думай, что говоришь, сучка.

Приложив ладонь к лицу, с глазами, полными слез, Саманта произнесла детским голосом:

— Прости меня, Джонни.

— Глупая сучка,— пробормотал он.

— Я не знаю, как это получилось,— сказала девушка.— Ты хорошо относишься ко мне, Джонни, и я ненавижу себя, когда веду себя вот так.

---

* Буквально: братство *(итал.).— Прим. пер.*

Винсу показалось, что сцена отрепетирована. Она уже до этого многократно повторялась, как наедине, так и на людях. По тому, как заблестели глаза Саманты, Винс понял: ей нравится, когда ее бьют по морде; она специально надерзила Джонни, чтобы тот ей врезал. Было ясно и то, что Джонни обычно не отказывал себе в этом удовольствии.

Винс почувствовал отвращение.

Джонни Струна обозвал ее еще раз сучкой, а затем повел Винса из гостиной в большой кабинет и закрыл за собой дверь. Он подмигнул ему и сказал:

— *Саманта любит взбрыкивать, но если бы ты знал, как она работает ртом!*

Ощущая подступившую тошноту от похотливости Джонни Сантини, Винс не дал втянуть себя в разговоры на эту тему. Он вынул из кармана конверт.

— Мне нужна информация.

Джонни взял у него конверт, небрежно провел большим пальцем по пачке стодолларовых банкнот, лежавшей внутри, и сказал:

— Считай, что ты ее уже имеешь.

Кабинет был единственной комнатой в доме, не тронутой стилем «арт деко». Здесь все было на высшем техническом уровне. Вдоль трех стен выстроились прочные металлические столы, на которых возвышались восемь компьютеров, все разных форм и моделей. Каждый компьютер имел собственный телефонный канал и модем, и все дисплеи светились. На некоторых из них были включены программы: бегали или медленно плыли сверху вниз данные. Окна были плотно зашторены, а на двух лампах, установленных на гибких кронштейнах, надеты бленды, чтобы свет не падал на мониторы, поэтому основным светом в кабинете был зеленый. От него у Винса складывалось впечатление, что он находится глубоко под поверхностью океана. Три лазерных принтера делали бумажные копии, производя при этом шелест, напоминавший звуки, издаваемые рыбами, скользящими между морскими водорослями.

На счету у Джонни Струны были полдюжины убийств, финансовые махинации, ограбления банков и кражи драгоценностей. Кроме того, по линии семьи Фастино он участвовал в операциях, связанных с наркотиками и рэкетом, с похищениями, с коррупцией в профсоюзах, аудио- и видеопиратством, угоном

грузовиков трансамериканских компаний, подкупом должностных лиц и детской порнографией. Все это он проделывал сам или помогал другим, и, хотя ему никогда не становилось скучно, вне зависимости от того, как долго и как часто он был задействован в тех или иных акциях, усталость все-таки накапливалась. В течение последних десяти лет, когда в уголовный мир пришли компьютеры, открыв новые, захватывающие возможности для совершения преступлений, Джонни ухватился за них. Оказалось, что у него к этому хорошие способности, и очень скоро организованная преступность возвела его в ранг компьютерного пирата № 1.

При наличии времени и стимула он мог проникнуть через любую систему охраны компьютерных данных и получить доступ к самой деликатной информации, хранящейся в памяти машины частной корпорации или государственного учреждения. Если вам требовалось совершить мошенничество с кредитными карточками на миллионные суммы, Джонни мог подобрать подходящие фамилии и справки о доходах из файлов TRW, а к ним — соответствующие номера карточек из банка данных «Американ Экспресс», принадлежащих другим людям. Если вы были уголовным воротилой, ожидающим суда за тяжкие преступления, и опасались, что один из ваших сообщников выступит с показаниями против вас, Джонни мог проникнуть в хорошо охраняемые банки данных Министерства юстиции, выяснить новую фамилию, которую органы следствия дали стукачу в системе защиты свидетелей, и направить верных вам людей по нужному адресу. Джонни с присущей ему помпезностью называл себя Электронным магистром, хотя по-прежнему звали его Струной.

Он стал настолько ценным кадром для всех преступных кланов страны, что те не возражали, когда Джонни решил уехать в сравнительно тихое местечко Сан-Клемент и вести там курортный образ жизни, лишь бы он продолжал работать на них. «В эпоху микросхем,— говорил Джонни,— весь мир превращается в маленький городишко. Ты можешь сидеть в Сан-Клементе или в Ошкоше и, не двигаясь с места, залезать кому-нибудь в карман в Нью-Йорк-сити».

Джонни плюхнулся в черное кожаное кресло с высокой спинкой и на резиновых колесиках, на котором он мог кататься от одного компьютера к другому.

— Итак, Винс, чем тебе может помочь Электронный магистр?

— Ты можешь подключиться к полицейской компьютерной сети?

— Запросто.

— Меня интересуют дела о необычных убийствах, которые, возможно, были заведены со вторника в любом из полицейских управлений.

— А жертвы кто?

— Не знаю. Мне просто нужны сведения о необычных убийствах.

— В каком смысле необычных?

— Точно сказать не могу. Возможно... разорванное горло. Или растерзанный на куски труп. Как после нападения дикого животного.

Джонни пристально посмотрел на него.

— Да, действительно дело незаурядное. Но о таких вещах, как правило, сообщают в газетах.

— Могут не сообщать,— произнес Винс, думая о целой армии сотрудников национальной безопасности, прилежно работающих, чтобы не просочилась в прессу информация о проекте «Франциск», и об опасном развитии событий в лаборатории Банодайн.— Об убийствах, наверное, станет известно, но полиция будет придерживать некрасивые подробности, чтобы все выглядело как обычное убийство. Поэтому из газет я не смогу узнать, являются ли жертвами интересующие меня люди.

— Ладно. Сделаю.

— Заодно проверь окружное управление по контролю над животными. У них могли появиться сведения о зверских нападениях со стороны койотов, кугуаров или других хищников и не только на людей, но также на всяких там коров, овец. Может быть, есть информация из какого-то района, скорее всего на востоке графства, где пропадали или были растерзаны домашние животные. Если наткнешься на что-либо подобное, отметь это для меня.

Джонни усмехнулся и спросил:

— Ты что, охотишься за оборотнем?

Это была шутка, и он не ждал ответа. Джонни не спросил, зачем Винсу нужна информация, и никогда не спросит, поскольку в его бизнесе люди не задают лишних вопросов. Конечно, Джонни любопытен, но Винс знал: Струна никогда не даст волю своему любопытству.

Винса сбил с толку не вопрос, а усмешка, с которой тот его задал. Зеленоватое мерцание дисплеев отражалось в глазах Джонни, на его влажных от слюны зубах, а также — хоть и в меньшей степени — в медных волосах. Он и так был безобразен, а это зеленое свечение делало его похожим на оживших мертвецов из фильма Ромеро.

Винс сказал:

— И еще одно. Я хочу знать, ведет ли хоть одно полицейское управление в округе поиск золотистого ретривера.

— Это что, собака?

— Ага.

— Пропавшие собаки — не дело полиции.

— Знаю.

— У нее есть кличка?

— Нет.

— Я проверю. Что-нибудь еще?

— Все. Когда будут результаты?

— Я позвоню тебе утром. Рано.

Винс кивнул.

— В зависимости от того, что тебе удастся обнаружить, мне, возможно, потребуются твои услуги и дальше. Каждый день.

— Детские игрушки,— сказал Джонни, повернувшись вокруг оси в своем вертящемся кресле и спрыгивая на пол с ухмылкой.— А теперь пойду трахну Саманту. Хочешь присоединиться? Такие два жеребца, как мы, из нее кисель сделаем, из этой сучки. Ну как?

Винс был благодарен этому жуткому зеленому свечению за то, что оно сделало незаметным покрывшую его бледность. Сама мысль о возне с этой вошочей стервой, с этой заразной шлюхой вызвала у него тошноту.

— У меня встреча, на которую я не могу опоздать.

— Жаль,— сказал Джонни.

Винс заставил себя выговорить:

— Это было бы интересно.

— Может быть, в другой раз.

Винса охватило брезгливое чувство. Ему очень сильно захотелось встать под горячий душ.

6

В воскресенье вечером, чувствуя приятную усталость от проведенного в Сольванге долгого дня, Тревис полагал, что уснет, как только его голова коснется подушки, но этого не произошло. Он не мог не думать о Норе Девон. Ее серых глазах с зелеными прожилками. Блеске черных волос. Изящной линии шеи. Музыкальном звуке голоса и ее улыбке.

Эйнштейн лежал на полу в прямоугольнике серебристого света, падающего в темную комнату сквозь окно. Тревис целый час крутился в кровати, переворачиваясь с боку на бок, и пес наконец забрался к нему в постель и положил кудлатую голову и передние лапы ему на грудь.

— Она такая замечательная, Эйнштейн. Одна из самых замечательных женщин, которых я когда-либо встречал.

Собака хранила молчание.

— И умная. У нее острый ум, она сама об этом знает. Нора понимает то, чего не понимаю я. Она умеет так рассказывать, что начинаешь смотреть на мир ее глазами и воспринимать его иначе.

Несмотря на неподвижность и молчание, ретривер не спал. Он внимательно слушал.

— Когда я думаю о том, что ее тяга к жизни, ум и чувства подавлялись на протяжении тридцати лет, мне плакать хочется. Тридцать лет в этом старом, мрачном доме. Боже правый! А когда я думаю, как она переносила все эти годы и не позволяла себе очерстветь душой, мне хочется обнять ее и сказать, какая она необыкновенная женщина — сильная, мужественная и замечательная.

Эйнштейн слушал, не шевелясь.

На Тревиса вдруг нахлынул чистый аромат шампуня — он слышал этот запах, когда приблизился к Норе у витрины картинной галереи в Сольванге. Он глубоко вдохнул этот нахлынувший на него аромат, и сердце у него учащенно забилось.

— Черт меня дери,— сказал он.— Знаком с ней всего несколько дней, но, по-моему, уже влюбился.

Ретривер поднял голову и тявкнул, как бы подтверждая эту мысль и показывая, что это он стал причиной их знакомства и что теперь беспокоиться нечего, поскольку все пойдет само собой.

Тревис еще целый час говорил о Норе, ее наружности и походке, мелодичности голоса, уникальном видении мира и способе мышления, а Эйнштейн слушал со вниманием и искренним интересом, как может слушать только настоящий, преданный друг. Тревис чувствовал необыкновенный душевный подъем. Он было уже поверил в то, что никогда не сможет никого полюбить. Да еще так сильно. Еще неделю назад его одиночество казалось непоколебимым.

Исчерпав свои физические и эмоциональные силы, Тревис в конце концов уснул.

Посередине ночи он, однако, проснулся и сквозь полусон увидел: Эйнштейн стоит у окна, положив передние лапы на подоконник и упершись носом в стекло, внимательно вглядывается в темноту.

Тревис понял, что пес испытывает беспокойство.

Однако ему только что снилось, что он держит Нору за руку, и ему не хотелось до конца просыпаться, чтобы этот приятный сон не ушел от него.

7

Утром в понедельник двадцать четвертого мая Лемюэль Джонсон и Клифф Соамс прибыли в небольшой зоопарк — это было несколько вольер, где для развлечения детей содержали молодняк — в просторном Ирвин-парке, на восточной границе графства Ориндж. Ветра не было, и в кронах огромных неподвижных дубов с ветки на ветку с щебетаньем перескакивали птицы.

Были убиты двенадцать животных. Они лежали, сваленные в кровавую кучу.

Под покровом ночи кто-то перелез через изгородь и убил трех молодых коз, белохвостую олениху с олененком, двух павлинов, зайца, овечку и двух ягнят.

Среди мертвых животных находился также пони, но на нем не было следов насилия. Очевидно, он умер от испуга и ударов об изгородь, о которую бился, пытаясь убежать, пока преступник расправлялся с другими животными. Пони лежал на боку, изогнув шею под неправдоподобным углом.

Дикие кабанчики не пострадали. Они хрюкали в отдельной вольере, тыкаясь в пыльную землю вокруг кормушки, где вчера

просыпался корм. В отличие от кабанчиков другие оставшиеся в живых животные вели себя скованно.

Служащие парка были подавлены. Они собрались вокруг оранжевого грузовика, принадлежащего администрации округа, разговаривали с двумя представителями отдела по контролю за животными и с молодым бородатым биологом из Калифорнийского департамента живой природы.

Присев на корточки около оленёнка, Лем осмотрел раны на его шее, но вскоре встал, не вынеся исходившего от него смрада. Запах был вызван не только начавшимся разложением, но и экскрементами и мочой, оставленными убийцей на телах жертв,— повторение того, что Лем уже видел в доме Далберга.

Прижав носовой платок к лицу, чтобы не дышать этим зловонием, Лем подошел к мертвому павлину. У него были оторваны голова и нога. Оба подрезанных крыла были изломаны, а радужные перья потускнели и слиплись от крови.

— Сэр,— позвал Клифф из соседнего загона.

Лем оставил павлина, нашел калитку, ведущую в вольеру, и подошел к Клиффу, стоявшему рядом с трупом овцы. Его облепили, жадно жужжа, мухи, и Лем с Клиффом помахали руками, сгоняя насекомых.

В лице Клиффа не было ни кровинки, но он не проявлял признаков шока или тошноты, как в пятницу в хижине Далберга. Возможно, оттого, что были убиты животные, а не люди. Вероятно, Клифф намеренно приучал себя к необычайной жестокости преступника.

— Зайдите с моей стороны,— сказал он, сидя на корточках рядом с овцой.

Лем обошел труп и присел рядом с Клиффом.

Несмотря на то что на голову животного падала тень от нависшей над загоном ветви дуба, Лем увидел: правый глаз был вырван из глазницы.

Не говоря ни слова, Клифф с помощью палки приподнял голову овцы и обнаружил, что левый глаз тоже отсутствовал.

Над трупом кружилась уже целая туча мух.

— Похоже, здесь поработал наш беглец,— произнес Лем.

Отнимая платок от лица, Клифф сказал:

— Это не все.— Он подвел Лема еще к трем трупам: двух ягнят и одной из коз. У них тоже были вырваны глаза.— Сомнения нет. Чертов монстр прикончил Далберга в прошлый четверг, затем бродил по холмам и каньонам в течение пяти дней...

— Занимаясь... чем?

— Бог его знает. Но прошлой ночью он притопал сюда.

Лем вытер платком пот, выступивший на его темнокожем лице.

— От хижины Далберга нас отделяет всего несколько миль, если идти на юго-восток.

Клифф кивнул.

— Как ты думаешь, куда он двинет?

Клифф пожал плечами.

— Да,— сказал Лем,— это непредсказуемо. Мы не можем предупредить его действия, так как не знаем его намерений. Нужно только молить бога, чтобы он остался здесь, в незаселенном районе графства. Я даже предположить боюсь, что произойдет, если он решит отправиться в самые восточные районы, такие как Ориндж-парк-эйкрз и Вилла-парк.

Выходя из зоосада, Лем заметил: мухи так сильно облепили зайца, что казалось, будто он покрыт куском темной материи, шевелящейся на легком ветру.

Восемь часов спустя, в семь вечера в понедельник, Лем вышел на трибуну большого конференц-зала в помещении базы морской пехоты в Эль-Торо. Он придвинулся к микрофону, постучал по нему пальцем, чтобы убедиться в его исправности, и сказал:

— Попрошу внимания.

В зале на складных металлических стульях ему внимали сто человек. Это были как на подбор молодые, хорошо сложенные мужчины, поскольку все они принадлежали к элите морской пехоты — ее разведке. Пять взводов, состоящих из двух отделений каждый, были вызваны из Пендлтона и других калифорнийских баз. Большинство этих парней на прошлой неделе участвовали в поисковой операции у подножия Санта-Аны.

Поиск еще не закончился — военные только что вернулись, проведя целый день на холмах и в каньонах. Чтобы ввести в заблуждение репортеров и местные власти, они приехали к обозначенному на карте периметру поискового района на легко-

вых машинах, пикапах и джипах. Там разбрелись на самостоятельные группы по три-четыре человека, одетые как обычные туристы: джинсы или брезентовые штаны, футболки или хлопчатобумажные рубахи, кепки с козырьками или ковбойские шляпы. Парни имели на вооружении крупнокалиберные пистолеты и револьверы, их можно было быстро спрятать в рюкзаках или под рубахами, если бы навстречу им попались настоящие туристы или представители властей. А в сумках-холодильниках из пенопласта «Стайрофом» хранились автоматы «узи», которые можно было привести в действие через несколько секунд в случае встречи с противником.

Каждый участник операции дал расписку в том, что, если он сообщит о характере операции кому-либо, его ожидает длительное тюремное заключение. Все они знали, за каким существом охотятся, хотя, по мнению Лема, некоторые из них все еще с трудом верили в его существование. Некоторые испытывали страх. Другие же, особенно те, кому довелось служить в Ливане или Центральной Америке, были достаточно хорошо знакомы со смертью и всякими ужасами, чтобы не спасовать перед необычностью сегодняшнего задания. Среди этих людей находилось и несколько ветеранов, еще застав-ших последний год вьетнамской войны, и они отнеслись к операции как к загородной прогулке. Это были настоящие парни, которые испытывали уважительную осторожность к предмету своих поисков. Если Аутсайдера вообще можно найти, они были полны решимости это сделать.

Сейчас же, когда Лем попросил их внимания, в зале мгновенно воцарилась тишина.

— Генерал Хотчкисс сообщил мне, что еще один день прошел в бесплодных поисках,— произнес Лем.— И я знаю: от этого у вас такое же паршивое настроение, как и у меня. Вы проводите по многу часов в труднопроходимой местности вот уже в течение шести дней, вы устали и спрашиваете себя, сколько это еще будет продолжаться. Что вам сказать? Мы должны искать то, что мы ищем, пока не загоним Аутсайдера в угол и не покончим с ним. Другого способа остановить его нет.

Парни ответили молчаливым согласием.

— И не забывайте: мы ищем еще и собаку.

Каждый из сидящих в зале, наверное, при этих словах испытал надежду, что именно он наткнется на собаку, а кто-то другой — на Аутсайдера.

Лем сказал:

— В среду сюда прибудут еще четыре подразделения морских пехотинцев из отдаленных баз вам на подмену, поэтому у вас будет пара выходных. Но завтра все выходят как один. Кроме того, изменился район поиска.

Позади трибуны на стене была вывешена карта округа, и Лем стал водить по ней указкой.

— Поиск перемещается на северо-запад в холмы и каньоны вокруг Ирвин-парка.

Затем он рассказал об убийствах животных в детском зоосаде, подробно описав состояние трупов. Ему хотелось, чтобы они получше узнали о повадках того, с кем им придется иметь дело.

— То, что произошло с животными в зоопарке, может случиться с любым из вас, если вы хоть на секунду потеряете бдительность.

Сто мужчин выслушали его со всей серьезностью, и в их глазах он увидел сто отражений его собственного затаенного страха.

8

Во вторник двадцать пятого мая Трейси Ли Кишан не могла уснуть. Она была настолько возбуждена, что все в ней ходило ходуном. Трейси могла бы сравнить себя с одуванчиком, белым пушистым шариком: достаточно малейшего дуновения — и легкие семена-парашютики полетят во все стороны, ее больше не станет, она исчезнет без остатка.

Трейси исполнилось тринадцать лет, и она обладала необычайно развитым воображением.

Лежа в кровати в темной спальне, девочка, даже не закрывая глаз, могла представить себя сидящей верхом на ее собственном гнедом жеребце по кличке Гудхарт*, а если точнее, мчащейся галопом по треку — мимо мелькает изгородь, дру-

* Букв.: Доброе сердце (*англ.*).— *Прим. пер.*

гие лошади скачут позади, до финиша остается меньше ста ярдов, а с главной трибуны слышен восхищенный гул зрителей...

В школе она постоянно получала хорошие отметки, но не из-за прилежания, а потому что учение давалось ей легко и не требовало от нее больших усилий. К занятиям Трейси относилась довольно безразлично. Она была стройной блондиночкой с глазами цвета чистого летнего неба и очень хорошенькой; мальчики крутились вокруг нее, но Трейси уделяла им не больше внимания, чем учебе, хотя все ее подружки были настолько заняты мальчишками, что подчас ей бывало невыразимо скучно.

По-настоящему Трейси была увлечена — глубоко и страстно — только лошадьми, и только чистокровными скакунами. Она собирала фотографии животных с пятилетнего возраста и посещала уроки верховой езды с семи лет, несмотря на то что долгое время ее родители не могли позволить себе купить ей лошадь. Последние два года, однако, бизнес ее отца процветал, и вот два месяца назад семья переехала в новый дом на участке в два акра в Оринджпарк-эйкрз. Здесь многие держали лошадей и было немало дорожек для верховой езды. В конце их владения находилась конюшня на шесть лошадей, но пока в ней было занято только одно стойло. Именно сегодняшний день, двадцать пятое мая, навсегда останется в сердце Трейси днем, который наглядно доказывал: Бог существует — сегодня ей подарили собственную лошадь, прекрасного и несравненного Гудхарта.

Заснуть, разумеется, девочка не могла. Она ушла в спальню в десять, но и к полуночи сна у нее не было ни в одном глазу. К часу ночи Трейси больше не могла оставаться в постели. Ей было просто необходимо пойти в конюшню и посмотреть на Гудхарта. Убедиться, что с ним все в порядке. Что ему удобно в его новом пристанище. Убедиться, что он *настоящий*.

Она откинула в сторону простыню и тонкое одеяло и выскользнула из постели. На ней были трусики и футболка с надписью «Скачки Санта-Анита», поэтому девочка просто натянула джинсы и сунула босые ноги в голубые кроссовки «Найк».

Бесшумно повернув ручку двери, она тихо вышла в холл, оставив дверь в спальню открытой. В доме было темно и тихо. Ее родители и девятилетний брат Бобби спали.

Трейси прошла через холл, гостиную и столовую, не зажигая света, полагаясь на лунное сияние, проникающее в дом через большие окна.

Войдя в кухню, выдвинула ящик из углового шкафчика и достала фонарик. Затем, отперев заднюю дверь, вышла на открытую кухонную веранду, тихонько притворила за собой дверь, не включая фонарь.

Весенняя ночь повеяла на нее прохладой. Несколько больших, посеребренных сверху лунным светом, но темных снизу облаков плыли, подобно парусным галсонам, по океану ночи, и Трейси полюбовалась ими несколько мгновений. Ей хотелось вобрать в себя мгновение, приближавшее ее к встрече с любимцем. Что ни говори, а сейчас впервые она сможет побыть со своим гордым и благородным конем наедине — постоять рядом и вместе помечтать о будущих совместных радостях.

Трейси миновала веранду, обошла вокруг плавательного бассейна, в воде которого трепетало гофрированное отражение луны, и зашагала по идущему вниз газону. В освещенной лунным светом траве мириадами огоньков мерцали капельки ночной росы.

Слева и справа участок был обнесен белой изгородью, слегка фосфоресцирующей в лунном сиянии. За изгородью простирались другие участки, площадью не меньше акра, а некоторые такие же большие, как владение Кинанов. На всем пространстве Оринджпарк-эйкрз стояла ночная тишина, нарушаемая только несколькими цикадами и лягушками.

Трейси медленно шла по направлению к конюшне на краю участка, размышляя о победах, которые ожидают их с Гудхартом. Он, правда, больше не будет участвовать в состязаниях. В недалеком прошлом жеребец брал призы на скачках в Санта-Анита, Дель-Мар, Голливуд-парке и других местах по всей Калифорнии, но получил травму, и возвращать его на трек было небезопасно. Тем не менее Гудхарта можно было использовать как племенного производителя, и Трейси не сомневалась, что его потомству уготовано блестящее будущее. Через неделю им обещали доставить двух хороших кобыл, и тогда сразу же отвезут их на племенную ферму, где Гудхарт их покроет. Потом все трое вернутся назад, и Трейси будет за ними ухаживать. На следующий год родятся два здоровеньких жеребеночка, и их от-

правят к тренеру, живущему поблизости, чтобы Трейси могла постоянно навещать малышей. Она будет помогать их растить и выезжать, научится всему, что нужно для воспитания настоящих чемпионов, а потом потомок Гудхарта впишет новые страницы в историю скачек — Трейси была абсолютно уверена, что именно так все и произойдет.

Ее мечтания были прерваны, когда до конюшни оставалось пройти ярдов сорок: она наступила в какую-то кашу, поскользнулась и чуть не упала. Хотя запаха Трейси не услышала, она подумала, что это, наверное, помет, оставленный Гудхартом во время вчерашней прогулки. Чувствуя себя глупо и неуклюже, девочка включила фонарик и, посветив себе под ноги, вместо лошадиного навоза увидела ужасным образом растерзанное тело кошки.

Трейси фыркнула от отвращения и тотчас выключила фонарик.

Их район буквально кишел кошками, отчасти потому, что вокруг конюшен, как правило, водилось множество мышей. С ближайших холмов регулярно спускались койоты в поисках добычи. Иногда им удавалось схватить зазевавшуюся кошку, и поначалу Трейси подумала, что какой-нибудь койот подлез под изгородь или перепрыгнул через нее и подстерег эту несчастную кошку, которая вышла охотиться на грызунов.

Койот, правда, съел бы кошку на месте, оставив от нее только кончик хвоста и кучу шерсти, поскольку эти хищники ужасно прожорливы. Или утащил бы жертву в другое место, где никто не помешал бы его трапезе. Эта же кошка не была съедена даже наполовину — ее просто разорвали на куски, как будто убийство в данном случае стало самоцелью.

Трейси содрогнулась.

И вспомнила слухи, ходившие про зоосад.

В Ирвин-парке, всего в милях двух отсюда, два дня назад кто-то убил нескольких животных, находившихся в вольерах. Какие-нибудь наркоманы. Садисты. Никто не знал в точности, что произошло, но слухи об этом ходили очень упорные. Соседские ребята вчера ездили туда на велосипедах; изуродованных трупов, правда, они не видели, но заметили: животных в вольерах поубавилось. Шотландского пони точно на месте не оказалось. Они начали расспрашивать служащих парка, но те оказались неразговорчивыми.

Предположение о том, что те же самые психи бродят по Ориндж-парк-эйкрз, убивая кошек и других домашних животных, привело Трейси в замешательство. Ей вдруг пришло в голову, что если у людей, убивающих кошек ради удовольствия, настолько не в порядке с головой, то они вполне могут переключиться и на лошадей.

Мысль о Гудхарте, стоящем в конюшне в одиночестве, чуть не парализовала ее. На мгновение у девочки отнялись ноги.

Странным образом ночные звуки вокруг нее стихли.

Цикады умолкли. Не было слышно и лягушек.

Облака-галеоны встали на якорь в ночном небе, как будто путь им преградили сияющие в лунном свете льды.

В ближнем кустарнике что-то шевельнулось.

Большая часть огромного участка отводилась под газон, по которому были искусно высажены живописные группы растений, состоявшие в основном из индийских лавров и джакаранд, нескольких коралловых деревьев, клумб с азалиями, кустов калифорнийской сирени и жимолости.

Трейси ясно услышала, как зашуршали кусты — кто-то грубо и торопливо пробирался через них. Но когда она включила фонарик и обвела его лучом ближайшие заросли, то не увидела ничего подозрительного.

Опять наступила непривычная тишина.

Девочка подумала: может, лучше вернуться домой и, разбудив отца, попросить его пойти вместе с ней или же лечь спать и утром все проверить самой. А что, если там, в кустах, всего-навсего койот? В этом случае опасность ей не угрожает. Голодный койот, конечно, может напасть на младенца, но убежит от всякого ростом с Трейси. Кроме того, она была слишком встревожена за своего благородного Гудхарта, чтобы терять время попусту; ей необходимо было удостовериться, что с ним все в порядке.

Направив луч фонаря себе под ноги, чтобы не наступить еще на что-нибудь неприятное, Трейси заспешила к конюшне. Сделав всего несколько шагов, она опять услышала шелест и, что еще хуже, жуткое рычание, не похожее на звуки, издаваемые известными ей животными.

Девочка в нерешительности остановилась и хотела уже бежать домой, когда из конюшни до нее донеслось пронзитель-

ное ржание Гудхарта. Впечатление было такое, что от страха он бьет копытами о дощатую стенку стойла. В воображении Трейси моментально возникла картина: ухмыляющийся маньяк приближается к Гудхарту, держа в руках ужасные орудия пыток. Ее боязнь за себя уступила место страху за ее любимого жеребца, и она помчалась ему на помощь.

Было слышно, как бедняга Гудхарт еще сильнее застучал копытами по стенам — в ночной тишине звук раздавался гулко, как гром.

Когда от конюшни Трейси отделяли каких-нибудь пятнадцать ярдов, до нее вновь донеслось странное утробное рычание и она поняла: сзади на нее надвигается какое-то существо. На скользкой траве девочка с трудом прервала бег, обернулась и вскинула фонарик.

На нее неслось существо, место которому было только в преисподней. Оно испустило безумный и злобный вопль.

В свете фонарика Трейси не сумела как следует разглядеть нападавшего. Фонарик прыгнул у нее в руке, да и луна вдруг зашла за облако; кроме того, существо мчалось слишком быстро, а она слишком сильно напугалась, чтобы понять, что это на самом деле. Девочка заметила только большую уродливую голову, всю в асимметрических углублениях и желваках, огромные челюсти, полные острых зубов, и янтарные глаза, светящиеся в луче фонарика так же, как глаза кошек и собак отсвечивают в свете автомобильных фар.

Трейси завизжала. Нападавший издал еще один вопль и кинулся на нее. Он ударился о девочку с такой силой, что чуть не вышиб из нее дух. Фонарик отлетел в сторону, она упала, существо навалилось на нее сверху, и они покатились в сторону конюшни. Трейси изо всех сил молотила кулачками по чудовищу, пока не ощутила, как острые когти впиваются ей в правый бок. Из раскрытой пасти ее обдало зловонным дыханием, в котором смешивался запах крови, гнилого мяса и еще чего-то более отвратительного; она почувствовала, что мерзкая тварь сейчас вцепится ей в горло — я сейчас умру, о господи, оно меня сейчас убьет, как ту кошку! Разумеется, через несколько секунд это бы и случилось, если бы Гудхарт, обезумевший от страха, не выбил дверь конюшни и не выскочил прямо на них.

Завидев девочку и чудовище, конь заржал и взвился на дыбы, как будто собираясь растоптать их.

Существо испустило еще один леденящий душу вопль, но на этот раз не от ярости, а от страха. Оно освободило Трейси и метнулось в сторону, стараясь избежать удара копыт.

Копыта Гудхарта опустились на землю в нескольких дюймах от головы девочки, затем конь опять встал на задние ноги, перебирая передними в воздухе и сопровождая это громким ржанием, и она поняла, что через несколько секунд он может в панике размозжить ей голову. Трейси перекатилась в сторону, противоположную той, куда метнулась желтоглазая тварь, к этому моменту исчезнувшая в темноте.

Гудхарт продолжал подниматься на дыбы и ржать, Трейси визжала и звала на помощь, собаки во всей округе начали выть, и в доме вспыхнул свет, давая ей надежду на спасение. Вместе с тем она чувствовала: чудовище находится где-то рядом, возможно, старается обойти жеребца, чтобы наброситься на нее вновь. Ей стало ясно, что прежде, чем она успеет добраться до дома, оно снова схватит ее, и поэтому решила искать спасения в одном из пустых стойл. На бегу Трейси приговаривала: «Господи, о господи, господи, господи, господи...»

Двустворчатая дверь конюшни, построенной на голландский манер, была крепко заперта на щеколду. Еще одна щеколда была на дверной раме. Трейси отперла эту щеколду, распахнула створки, прыгнула в пахнущую сеном темноту и, захлопнув за собой дверь, стала тянуть ее на себя что было сил.

Мгновением позже чудовище ударило в дверь снаружи, стараясь выбить ее, но рама не позволила ему это сделать. Дверь открывалась только наружу, и Трейси надеялась, что у желтоглазой твари не хватит ума сообразить, что створки надо тянуть на себя.

Но она ошиблась.

(Боже праведный, почему эта бестия не настолько же глупа, насколько она уродлива?!)

Ударившись о дверь два раза, чудовище потянуло в свою сторону, едва не вырвав створки из рук Трейси.

Ей хотелось позвать на помощь, но нужно было экономить каждую унцию энергии для того, чтобы еще крепче упереться пятками в пол и тянуть дверь на себя. От усилий ее демонического противника дверь так и билась о косяк. К счастью, Гудхарт все еще громко ржал, а чудовище испускало вопли — по-

этому, подумала она, отцу нетрудно будет определить, куда бежать на помощь.

Дверь приоткрылась на несколько дюймов. Трейси вскрикнула и с усилием захлопнула ее. Через мгновение чудовищу удалось оттянуть створки на себя, удержать и открыть их еще шире. Девочка проигрывала. С каждой секундой щель становилась все шире. Она уже видела смутные очертания уродливой головы. Янтарные глаза уже не светились так ярко. Чудовище шипело и рычало на нее, а зловонное дыхание перебивало запах сена.

Постанывая от ужаса и отчаяния, Трейси тянула на себя дверь изо всех сил. Но тщетно. Щель становилась все шире и шире. В висках у нее стучало так сильно, что она даже как следует не расслышала первый выстрел. Затем, когда в ночи прогремел второй, девочка поняла: отец спешит к ней на помощь, вооруженный своей двустволкой двенадцатого калибра.

Дверь вдруг захлопнулась в руках у Трейси, поскольку нападавший, напуганный выстрелами, перестал тянуть на себя. Трейси изо всех сил продолжала удерживать ее.

И тут она подумала, что в суматохе отец может решить, будто во всем виноват Гудхарт, что он взбесился или что-нибудь в этом роде. Поэтому девочка начала кричать:

— Не стреляй в Гудхарта! Не стреляй в коня!

Выстрелов больше не последовало, и Трейси стало стыдно за свои мысли. Отец был осторожным человеком, особенно когда дело касалось оружия, и если он не знает, что происходит, то сделает только предупредительные выстрелы. Вот и сейчас, скорее всего, он разнес в клочья какой-нибудь куст.

С Гудхартом наверняка все в порядке, а чудовище с янтарными глазами, по-видимому, уже мчится к холмам или каньонам или туда, откуда оно пришло.

(Кстати, что же это такое было?)

Слава богу, все уже позади.

Трейси услышала топот, а затем голос отца, зовущего ее по имени. Она открыла дверь и увидела его, одетого в синие пижамные брюки, с двустволкой в руках, спешащего к ней. За ним бежала мама с фонариком в руках, в короткой желтой ночной рубашке. На пригорке, в конце загона, стоял Гудхарт, прародитель будущих чемпионов, в целости и сохранности.

При виде коня, стоявшего перед ней без единой царапины, у Трейси из глаз брызнули слезы, и она спотыкаясь выбежала из конюшни, чтобы осмотреть его поближе. Не успела девочка сделать и трех шагов, как жгучая боль пронзила весь ее правый бок и у нее вдруг закружилась голова. Трейси покачнулась, упала, приложила ладонь к боку, почувствовала что-то мокрое и поняла: она ранена. Тут девочка вспомнила, что чудовище впилось в нее когтями как раз перед тем, как Гудхарт вырвался из стойла и спугнул его. Откуда-то издалека она услышала собственный голос:

— Милая моя лошадка... какая хорошая лошадка...

Отец опустился рядом с Трейси на колени.

— Малышка, что случилось, что с тобой?

Ее мама тоже была рядом.

Отец увидел кровь.

— Вызывай «скорую»!

Мать, не подверженная панике или истерикам в трудные минуты, мгновенно помчалась в сторону дома.

Трейси начала терять сознание. В ее глазах сгущалась темнота, но это не была ночная темнота. Этой темноты она уже не боялась. Это была хорошая, успокаивающая темнота.

— Малышка,— проговорил отец, прикладывая ладонь к ее ранам.

Слабым голосом, понимая, что находится в полубреду, и удивляясь собственным словам, Трейси произнесла:

— Помнишь, когда я была маленькой... совсем маленькой... я думала... что у меня в шкафу живет кто-то страшный?

Он обеспокоенно нахмурился.

— Детка, тебе сейчас лучше полежать спокойно и помолчать.

Окончательно теряя сознание, Трейси сказала с серьезностью, которая одновременно позабавила и напугала отца:

— Ну так вот... привидение, которое жило в шкафу в нашем старом доме... оно было настоящее... и оно приходило за мной.

9

В 4.20 утра в среду, несколько часов спустя после нападения в усадьбе Кишанов, Лемюэль Джонсон приехал в больницу Святого Иосифа в Ориндже, куда поместили Трейси. Несмот-

ря на то что Лем не терял времени, он обнаружил, что шериф Уолт Гейнс опередил его. Уолт стоял в коридоре, глядя сверху вниз на молодого доктора, облаченного в зеленый хирургический комбинезон и белый халат; они вполголоса о чем-то спорили.

Бригада УНБ, занимающаяся происшествием в Банодайне, проверяла все полицейские управления в графстве, включая и управление в Ориндж-сити, в ведении которого оказалось дело Кишанов. Руководитель ночной смены бригады УНБ позвонил домой Лему и сообщил о происшествии, не без основания посчитав, что оно вписывается в цепочку связанных с Банодайном инцидентов.

— Ты же отдал нам это дело,— напомнил Лем Уолту, подойдя к шерифу и доктору, стоящим у палаты, в которой лежала девочка.

— Возможно, это что-то другое.

— Ты же знаешь, что это не так.

— Полной ясности еще нет.

— Как же нет? В доме Кишанов я разговаривал с твоими людьми.

— О'кей, я нахожусь здесь в роли наблюдателя.

— Головная боль.

— Что?

— У меня сильная головная боль, и она называется Уолтер.

— Как интересно! А у твоей зубной боли тоже есть имя?

— Ее зовут точно так же.

— Нет, так их можно перепутать. Назови ее Бертом, или Гарри, или еще как-нибудь.

Лем сдержал улыбку. Он любил Уолта, но понимал: за этими шуточками скрывается стремление возобновить расследование. Поэтому Лем сделал каменное лицо, хотя Уолт, несомненно, видел, что ему хочется улыбнуться. Глупая игра, но ее надо было продолжать.

Доктор Роджер Селбок был похож на молодого Рода Стайгера*. Когда Лем и Уолт громко заговорили, он нахмурился; подобно Роду Стайгеру, он внушал присутствующим определенное чувство почтения, и они сразу замолчали.

* Популярный американский киноактер.— *Прим. пер.*

Доктор сказал, что девочка была обследована, ее раны обработаны и ей было введено болеутоляющее. Она еще очень слабенькая. Селбок собирается ввести ей сильное успокоительное, чтобы Трейси заснула, и он против того, чтобы полицейские любого ранга задавали ей сейчас какие-либо вопросы.

Утренние больничные звуки, разговоры вполголоса, запах дезинфицирующих средств и строгий вид одетой в белое монашки, процессовавшей мимо, вызвали у Лема тяжелое чувство. Он вдруг испугался, что девочка находится в гораздо более тяжелом состоянии, чем ему говорили, и он поделился своей тревогой с Селбоком.

— Нет-нет, она в неплохой форме,— сказал доктор.— Я отослал ее родителей домой — я бы не сделал этого, если бы самочувствие было плохое. У нее оцарапана левая сторона лица и синяк под глазом — это все ничего. Что касается раны на правом боку, мы наложили ей тридцать два шва — нужно будет позаботиться о том, чтобы шрам был не очень страшный. Но малышка вне опасности. Она сильно испугалась. Тем не менее Трейси умненькая и самостоятельная девочка, и я не думаю, что психическая травма останется надолго. В то же время я против того, чтобы сегодня подвергать ее допросу.

— Не допросу,— заметил Лем.— Всего несколько вопросов.

— Это займет пять минут,— сказал Уолт.

— Даже меньше,— подтвердил Лем.

Они вдвоем стали упрашивать Селбока, и наконец тот сдался.

— Ну ладно... Вы ведь тоже на работе... только не перусердствуйте.

— Я буду воплощением чуткости,— пообещал Лем.

— *Мы* будем воплощением чуткости,— поправил его Уолт.

Селбок сказал:

— А можно мне спросить: что с ней произошло?

— А она сама вам не говорила? — спросил Лем.

— Трейси говорит, что на нее напал койот.

Лем был удивлен и увидел удивление на лице Уолта. Может быть, все-таки этот случай не имеет ничего общего с делом Далберга и зоосадом Ирвин-парка?

— Но,— сказал доктор,— на такую большую девочку не может напасть ни один койот. Они опасны для совсем маленьких детей. Кроме того, я не верю, что койот может нанести такие раны.

Уолт спросил:

— Мне сказали, ее отец отогнал нападавшего с помощью ружья. Он-то видел, что это было?

— Нет,— ответил Селбок.— В темноте он ничего не разглядел и сделал два предупредительных выстрела. Он говорит, будто что-то побежало через двор и перепрыгнуло через забор, но не рассмотрел никаких подробностей. Трейси в бреду призналась ему, что это было привидение, которое когда-то жило у нее в шкафу. Мне она сказала, что это был койот. Вы... случайно не знаете, что тут вообще происходит? Может быть, вы сообщите мне что-нибудь, чтобы я знал, как правильно лечить мою пациентку?

— Я — нет,— сказал Уолт.— Но вот мистер Джонсон знает все об этом деле.

— Спасибо тебе,— сказал Лем.

Уолт улыбнулся в ответ.

Селбоку Лем сказал:

— Извините, доктор, но я не уполномочен обсуждать это дело. Во всяком случае, что бы я ни сообщил вам, это не повлияет на методы лечения.

Когда наконец Лем и Уолт оказались в палате, они увидели сильно израненную и бледную симпатичную девочку, лежащую под простыней на больничной койке. Несмотря на принятое болеутоляющее, она все еще нервничала, поэтому-то, очевидно, Селбок и хотел дать ей успокоительное. Хотя девочка явно старалась не показывать, что ей до сих пор страшно.

— Ты бы лучше оставил нас вдвоем,— сказал Лем Уолту.

— Лучше — это на ужин съесть филе-миньон,— сказал Уолт.— Привет, Трейси, я — шериф Уолт Гейнс, а это — Лемюэль Джонсон. Со мной-то можно иметь дело, а вот Лем — большой зануда, все об этом говорят, но я его приструню, так что не бойся.

Перебивая друг друга, они постепенно заставили Трейси разговориться. Очень быстро выяснилось: она наврала Селбоку про койота, потому что, скажи она правду, ей никто бы не поверил — ни доктор, ни кто другой.

— Я боялась, что меня сочтут ненормальной и продержат здесь слишком долго.

Присев на краешек койки, Лем сказал:

— Трейси, ты можешь быть уверена, я так не считаю. Я знаю, что ты видела сегодня ночью, и хочу только, чтобы ты подтвердила это.

Девочка удивленно посмотрела на него.

Уолт стоял в ногах кровати, похожий на большого плюшевого мишку, и улыбался. Он сказал:

— Перед тем как потерять сознание, ты призналась своему отцу, что на тебя напало привидение, жившее в твоем шкафу.

— Это была мерзкая тварь,— сказала она.— Но, конечно, не привидение.

— Ну, рассказывай,— произнес Лем.

Трейси взглянула на Уолта, затем на Лема и вздохнула.

— Лучше вы сами скажите, *что* я должна была увидеть, и, если это совпадает с тем, что случилось, я расскажу вам все, что помню. Но сама я начинать не буду, потому что все это похоже на бред сумасшедшего.

Лем с тоской взглянул на Уолта, подумав, что придется в его присутствии рассказывать некоторые подробности дела.

Уолт усмехнулся.

Обращаясь к девочке, Лем сказал:

— Желтые глаза.

Она охнула и напряглась.

— Да! Значит, вы все знаете? Вы знаете, *что* это было? — Трейси приподнялась, желая сесть, но швы ее напряглись, и она, поморщившись от боли, откинулась на подушку.— Скажите, что же это было?

— Трейси,— сказал Лем,— я не имею права сказать тебе это. Я дал подписку. Если я ее нарушу, меня могут посадить в тюрьму, но что еще хуже, я потеряю уважение к самому себе.

Она нахмурилась и кивнула.

— Я понимаю.

— Вот и хорошо. Теперь расскажи все, что помнишь, о существе, которое на тебя напало.

Оказалось, что Трейси не так уж много удалось рассмотреть — ночь была темная, а фонариком она осветила Аутсайдера только на мгновение.

— Довольно большого размера, наверное с меня ростом. Желтые глаза.— Она содрогнулась.— И морда у него была какая-то странная.

— Что значит странная?

— Ну, вся в таких шишках, уродливая.

Девочка побледнела еще больше, и на лбу у нее выступили мелкие капли пота.

Облокотившись о спинку кровати, Уолт наклонился вперед, стараясь не пропустить ни одного слова.

Порыв ветра, внезапно налетевший со стороны гряды Санта-Ана, напугал девочку. Она со страхом взглянула на застучавшее окно, как будто боялась, что сейчас что-то влетит в палату через стекло.

«А ведь таким способом Аутсайдер напал на Вэса Далберта»,— подумал Лем.

Девочка сделала глотательное движение.

— Пасть у него была огромная... а зубы...

Ее начало трясти, и Лем положил руку ей на плечо.

— Все позади, детка. Все кончилось хорошо.

Выдержав паузу, чтобы успокоиться, но продолжая дрожать, Трейси сказала:

— По-моему, оно было волосатое или обросшее шерстью... я не уверена, и очень сильное.

— На какое животное оно было похоже? — спросил Лем.

Она отрицательно покачала головой.

— Ни на что не похоже.

— Но, если бы тебе все-таки пришлось сравнивать его с животным, оно было похоже на кугуара или на что-то еще?

— Нет. Не на кугуара.

— На собаку?

Трейси заколебалась.

— Может быть... немного похоже на собаку.

— И немного на медведя?

— Нет.

— На пантеру?

— Нет. И ни на какую другую кошку.

— На обезьяну?

Она нахмурилась в раздумье.

— Не знаю... может быть... немного. Только ни у собак, ни у обезьян не бывает таких зубов.

Распахнулась дверь, и в палату вошел доктор Селбок.

— Пять минут уже прошли.

Уолт стал было выпроваживать доктора, но Лем сказал:

— Нет, все в порядке. Мы закончили. Еще полминуты.

— Счет пошел на секунды,— сказал Селбок, выходя в коридор.

Лем обратился к Трейси:

— На тебя можно положиться?

— В смысле «держать язык за зубами»?

Лем кивнул.

Девочка сказала:

— Да. Я никому не хочу сообщать об этом. Родители считают меня взрослой. Я имею в виду, в умственном и эмоциональном отношении. Но если я начну рассказывать истории о всяких монстрах, они решат, что я еще маленькая, и изменят свои планы насчет лошадей. А этого я не могу допустить, мистер Джонсон. Нет, сэр. Моя версия — это был бешеный койот. Но...

— Да?

— Можете ли вы мне ответить: оно не вернется?

— Думаю, что нет. Хотя на твоем месте я бы не ходил к конюшне по ночам. Договорились?

— Договорились.

«Судя по выражению ее лица, она теперь долго не станет выходить из дома по вечерам»,— подумал Лем.

Лем и Уолт вышли в коридор, поблагодарили доктора Селбока за содействие и двинулись к крытой больничной автостоянке. Еще не начало светать, и похожее на пещеру бетонное помещение было пустынно. Их шаги гулко раздавались в тишине.

Их машины оказались припаркованными недалеко друг от друга, и Уолт проводил Лема до его неприметного служебного «форда». Когда Лем вставил ключ в дверной замок, Уолт оглянулся по сторонам, чтобы убедиться, что их никто не слышит, и произнес:

— Расскажи.

— Не могу.

— Я все равно узнаю.

— Ты отстранен от дела.

— Тогда подай на меня в суд.

— Это идея.

— За подрыв национальной безопасности.

— Справедливое обвинение.

— Посади меня.

— Не исключено,— сказал Лем, зная, что этого он не сделает.

Парадоксально, нахальство, с которым Уолт пытался влезть в это расследование, одновременно раздражало и нравилось Лему. У него было немного друзей, и главным из них был Уолт; Лема тешила мысль, что малое количество друзей объясняется высокими требованиями, которые он предъявлял к ним. Если бы Уолт отступил, испугавшись федеральных властей, если бы он выключил свое любопытство так же легко, как гасят свет поворотом выключателя, его репутация была бы подпорчена в глазах друга.

— Что одновременно похоже на собаку и обезьяну да еще имеет желтые глаза? — спросил Уолт.— Кроме твоей тещи, конечно.

— Оставь мою тещу в покое, трепло,— ответил Лем.

Не в силах сдержать улыбку, он уселся за руль.

Уолт уцепился за дверцу машины и, наклонившись, взглянул Лему в глаза.

— Ради Христа, объясни мне, что там такое убежало из Банодайна?

— Я повторяю: Банодайн здесь ни при чем.

— Ну да, а пожар они сами себе устроили, чтобы замести следы.

— Не будь дураком,— сказал Лем устало, вставляя ключ в замок зажигания.— Следы заметают более эффективными и менее радикальными методами. Если есть что заметать. А там ничего такого не было. Потому что Банодайн здесь ни при чем.

Лем завел двигатель, но Уолт не отставал. Удерживая дверцу в открытом положении, он наклонился еще ниже и заговорил, перекрывая рев мотора:

— Генная инженерия. Вот чем они занимаются там в Банодайне. Возятся с бактериями и вирусами и выводят новые микроорганизмы, способные на хорошие поступки вроде вырабатывания инсулина и поедания нефтяных пятен. Я думаю, они также экспериментируют с генами растений — выводят семена кукурузы, которая сможет расти на кислой почве, или пшеницы, которую надо поливать в два раза реже. Мы привыкли думать, что эксперименты с генами проводятся в малых масштабах: на растениях или бактериях. Но ведь можно экспериментировать и с генами животных, чтобы вывести необычное потомство — может быть, новые виды животных? Это то, чем занимаются в Банодайне? То, что оттуда убежало?

Лем отчаянно замотал головой.

— Уолт, я не специалист по рекомбинации ДНК, но я не думаю, что наука достаточно продвинулась, чтобы делать такие вещи. И главное, зачем? Ну хорошо, предположим, можно произвести на свет какого-нибудь генетического ублюдка. Что с ним потом делать-то? На ярмарках показывать?

Уолт сузил глаза.

— Я не знаю. Я думал, что ты мне ответишь.

— Послушай, денег на эксперименты выделяется мало, и за то, чтобы получить даже маленькое ассигнование, ведется конкурентная борьба. Поэтому никто не может себе позволить проводить опыты, результаты которых не будут иметь применения. Понимаешь? Просто потому, что я занимаюсь этим расследованием, ты решил, что оно имеет отношение к национальной безопасности. И отсюда ты делаешь вывод, что Банодайн попусту расходует денежки Пентагона, производя уродов для ярмарок.

— Слова «попусту» и «Пентагон» иногда встречаются в одном и том же предложении,— сухо сказал Уолт.

— Спустись на землю, Уолт. Одно дело, когда один из подрядчиков Пентагона тратит деньги на разработку новой системы вооружений. Но совсем другое — транжирить их на то, что не имеет никакого отношения к обороне. Наша государственная система иногда неэффективна, подвержена коррупции, но до такой откровенной глупости еще не дошла. Я тебе еще раз повторяю: весь этот разговор — пустая трата времени, *потому что Банодайн здесь ни при чем.*

Уолт посмотрел на него долгим, пристальным взглядом и сказал:

— У тебя все очень складно выходит, Лем. Я знаю, что ты обязан мне врать, но все равно тебе не поверил.

— Я тебе правду говорю.

— Нет, ты молодец, Лем, ей-богу. Скажи мне... а что, убийца Вэтерби, Ярбеков и других уже найден?

— Нет.

Сотрудник, которому Лем поручил расследование этих преступлений, доложил ему, что, по его мнению, Советы наняли убийцу со стороны и, возможно, им является человек, вообще не связанный с политикой. Но Уолту он сейчас об этом не сказал.

Уолт было выпрямился и закрыл дверцу автомобиля, но затем вновь наклонился к Лему.

— Еще один момент. Ты обратил внимание на то, что оно перемещается в определенном направлении?

— О чем ты говоришь?

— Ну, с тех пор как эта тварь смылась из Банодайна, она все время движется на северо-запад.

— Из Банодайна никто не смывался, черт тебя дери.

— Из Банодайна в каньон Святого Джима, затем в Ирвин-парк, а оттуда — к дому Кишанов, вчера ночью. Все время идет на север или северо-запад. Ты, конечно, знаешь ее конечный пункт, но я боюсь, что, если я спрошу тебя об этом, ты сгноишь меня в тюрьме.

— Про Банодайн я сказал тебе все как есть.

— Это ты так говоришь.

— Ты невозможен, Уолт.

— Это ты так говоришь.

— Это все так говорят. Сейчас я возвращаюсь домой. Я устал как собака.

Улыбаясь, Уолт захлопнул дверцу «форда».

Лем выехал на Мейн-стрит, затем на скоростную трассу и двинулся к себе домой в Плацентию. Он надеялся к рассвету уже залечь в постель.

Ведя служебный автомобиль по пустынным, как океан, улицам, Лем думал о направлении, в котором перемещался Аутсайдер,— на север. Он и сам заметил это еще раньше, чем Уолт. И ему казалось, он знает, с какой целью стремится туда это чудовище, несмотря на то что точное местонахождение его неизвестно. И собака, и Аутсайдер обладают поразительной способностью чувствовать друг друга — даже тогда, когда они находятся на значительном расстоянии друг от друга. Доктор Вэтерби говорил — и кажется, вполне серьезно,— что между двумя этими существами есть своего рода телепатическая связь. Сейчас, похоже, Аутсайдер, пользуясь этим шестым чувством, идет за собакой.

«Если это не так, то псу крупно повезло»,— подумал Лем.

Еще в лаборатории стало очевидно: ретривер боится Аутсайдера, и не без оснований. Оба животных были неотъемлемой частью проекта «Франциск» — без них вообще ничего не было бы. Аутсайдер символизировал собой ужас и зло. Ученые сделали так, чтобы он ненавидел пса со всей страстью, на которую был способен. Теперь, когда оба они оказались на свободе, Аутсайдер целенаправленно шел за собакой, желая только одного — разорвать ее на куски.

Тут Лем заметил, что, разволновавшись, слишком сильно надавил на педаль газа. Машина стрелой летела по трассе. Он сбавил скорость.

Где бы и с кем бы ни находилась собака, ей угрожает опасность. Смертельному риску подвергается тот, кто дал ей убежище.

Глава шестая

1

Всю последнюю неделю мая и первую неделю июня Нора, Тревис и Эйнштейн не расставались друг с другом ни на один день.

Поначалу Нора побаивалась Тревиса, но не так, как Стрека; вскоре, однако, приступ паранойи у нее прошел. Теперь воспоминания о своей подозрительности вызывали у нее смех. Тревис был нежным и добрым — то есть таким, каким, по определению тетки Виолетты, не мог быть ни один мужчина на свете.

Когда психологический барьер был преодолен, Нора начала думать, что жалость — единственная причина, заставляющая Тревиса общаться с ней. Будучи человеком сострадательным — а Тревис таковым, несомненно, являлся,— он не способен был отвернуться от того, кто попал в беду. На большинство людей, знакомившихся с Норой, она не производила впечатление человека, попавшего в беду,— может быть, казалась излишне застенчивой и странной, но не отчаявшейся. В то же время Нора никак не могла войти в мир, находящийся за стенами ее дома, боялась будущего и была ужасно одинока. Тревис, с его чуткостью и добротой, понял ее состояние и отозвался на него. По-

степенно, спустя какое-то время, Нора осмелилась предположить, что он бывает с ней не из жалости, а потому что она ему нравится.

Единственное, чего она не понимала, это что такой мужчина мог найти в такой женщине, как она. По ее мнению, ей нечего было ему предложить.

Да, конечно, у Норы была проблема собственного имиджа. Возможно, она и не такая серая и скучная, как ей кажется. И все равно Тревис явно заслуживает — и, конечно, может позволить себе — лучшее женское общество, чем то, которое Нора может ему составить.

Она решила не терзать себя, а расслабиться и получать удовольствие.

Поскольку после смерти жены Тревис продал свою фирму по торговле недвижимостью и сидел без дела, Нора тоже не работала, у них было полно свободного времени, которое они посвящали друг другу. Они ходили в картинные галереи, рылись на полках в книжных магазинах, подолгу гуляли, ездили на машине в живописную долину Святой Инессы или вдоль Тихоокеанского побережья.

Два раза, встав пораньше, Нора и Тревис отправлялись в Лос-Анджелес и провели там по целому дню. Нора поразилась масштабам города и пришла в восторг от того, как они провели там время: побывали на экскурсии по киностудии, в зоопарке и на утреннем представлении популярного мюзикла.

В один прекрасный день Тревис уговорил Нору постричься и сделать прическу. Он отвез ее в салон красоты, куда раньше ходила его покойная жена. Нора так нервничала, что, разговаривая с Мелани, блондинкой-парикмахершей, начала заикаться. Когда жива была Виолетта, она стригла Нору дома, а после ее смерти девушка стриглась сама. Посещение парикмахерской для нее было так же волнующе, как впервые в жизни обедать в ресторане. Мелани, по ее словам, «подровняла» Норину прическу: состригла много волос, но при этом она не выглядела «обстриженной». В зеркало Норе разрешили посмотреть, только когда волосы были высушены и уложены. Увидев свое отражение, она потеряла дар речи.

— Ты выглядишь потрясающе,— сказал Тревис.

— Совсем другая женщина,— заметила Мелани.

— Потрясающе,— повторил Тревис.

— У вас хорошенькое личико и великолепные пропорции,— сказала Мелани,— но прямые длинные волосы слишком его удлиняли. Теперь все стало как надо.

Эйнштейну понравилась перемена в Нориной наружности. Когда они вышли из салона, пес, привязанный к парковочному счетчику, ждал их появления. Увидев девушку, он прыгнул на нее передними лапами, обнюхал лицо и волосы со счастливым выражением на морде, повизгивая и вовсю виляя хвостом.

Самой Норе новый образ пришелся не по вкусу. Когда ее повернули к зеркалу, она увидела истеричную старую деву, старающуюся сойти за молоденькую хорошенькую девушку. Эта прическа была совершенно не для нее. Она только подчеркивала ее незамысловатую серую сущность. Ей никогда не суждено стать сексуальной, очаровательной женщиной «с изюминкой», несмотря на то что претензии на это олицетворяла ее новая прическа. Это было все равно что привязать яркую метелку из перьев к заднице индюка и попробовать выдать его за павлина.

Поскольку Норе не хотелось расстраивать Тревиса, она притворилась, что ей нравится произошедшая в ней перемена. Но вечером того же дня она вымыла голову и расчесывала волосы до тех пор, пока полностью не избавилась от так называемого «стиля». Из-за стрижки волосы уже не спадали длинными прядями, как раньше, но Нора постаралась сделать все возможное, чтобы вернуть себе прежний облик.

На следующий день, заехав за ней, чтобы отвезти на ленч, Тревис был явно поражен увиденным. Он, однако, промолчал и не стал задавать никаких вопросов. Нора так переживала из-за обиды, которую невольно нанесла Тревису, что часа два вообще не могла взглянуть ему в глаза.

Несмотря на отчаянные и упорные протесты Норы, Тревис настоял на покупке ей нового яркого летнего платья, в котором она могла бы сопровождать его в «Ток оф Таун» — шикарный ресторан на улице Вест Гутиэррез, где, по его словам, можно увидеть кинозвезд и киношников, живущих в этом районе, уступающем в этом смысле только району Бел-Эйр и Беверли-Хиллз. Итак, они отправились в дорогой магазин, где она перемерила множество нарядов, демонстрируя их Тревису, крас-

нея и умирая от стыда. Продавщица искренне восхищалась тем, как каждое платье сидит на Норе, и уверяла ее, что у нее отличная фигура. Но она не могла избавиться от чувства, что над ней просто насмехаются.

Платье, которое понравилось Тревису больше остальных, было из коллекции Дианы Фрайс. Норе и самой оно приглянулось: изысканное сочетание цветов с преобладанием красного и золотого, что вообще отличает дизайнерскую манеру Фрайс. Платье было необычайно женственным. Красивая женщина в нем выглядела бы совершенно неотразимо. Но ей оно не подходило, нет. Темные цвета, бесформенный покрой, простые ткани без рисунка — вот это ее стиль. Нора попыталась объяснить это Тревису, сказав, что никогда не сможет надеть такое платье, но он был непреклонен.

— В нем ты смотришься просто шикарно, абсолютно сногсшибательно.

Ей ничего не оставалось делать, как позволить ему заплатить за покупку. Нора знала: это ошибка, она никогда не наденет это платье. Когда покупку заворачивали, Нора спросила себя, почему все-таки она согласилась, и поняла: несмотря на страшное смущение, ей льстило, что мужчина покупает ей одежду. Ей такое раньше и в голову не могло прийти, и Нора была совершенно ошеломлена.

Краска не сходила с ее лица, и сердце у нее колотилось. Она испытывала головокружение, но это было радостное чувство.

Когда они вышли из магазина, выяснилось, что за платье заплачено пятьсот долларов. Пятьсот долларов! Если бы оно стоило пятьдесят долларов, она бы повесила его в шкаф и любовалась на него, теша себя приятными мечтаниями, но за пятьсот долларов ей волей-неволей придется его надевать, даже если при этом она будет ощущать себя уборщицей, нарядившейся принцессой.

Вечером следующего дня, за два часа до того, как Тревис должен был заехать за ней и повезти в ресторан, Нора раз десять надевала и снимала платье. Затем она в отчаянии несколько раз перерыла содержимое своего шкафа, стараясь отыскать что-нибудь подходящее, что-нибудь более разумное, но так ничего и не нашла, так как у нее никогда не было выходного платья для ресторана.

Стоя в ванной комнате и глядя на себя в зеркало, она с издевкой сказала своему отражению:

— Ты похожа на Дастина Хофмана в «Тутси».

Ее вдруг разобрал смех: Нора поняла, что слишком строга к себе. Ничего не поделаешь: она чувствовала себя мужчиной в женском платье. В таких случаях чувства берут верх над фактами, и смех ее быстро угас.

Затем она совсем расстроилась, два раза принималась плакать и даже решила позвонить Тревису и отложить свидание. Ей, однако, очень хотелось его увидеть, пусть даже ценой унизительного вечера в ресторане. С помощью «Мюрайн» она избавилась от красноты в глазах, затем снова примерила — и сняла — платье.

В начале восьмого приехал Тревис. Он был очень красив в темном костюме.

На Норе было надето бесформенное синее платье и темно-синие туфли.

Он сказал:

— Я подожду.

— Подождешь?

— Не делай вид, что не понимаешь. *Иди и переоденься.*

Она сказала скороговоркой:

— Тревис, извини, это ужасно, но я пролила кофе на новое платье.

— Я буду ждать здесь,— сказал Тревис, проходя в гостиную.

— Целый кофейник.

— Поторопись. Столик заказан на семь тридцать.

Внутренне готовясь к насмешливому шепоту или даже к откровенному смеху ресторанной публики и убеждая себя в том, что, кроме мнения Тревиса, ее ничего не интересует, Нора поднялась в спальню и надела на себя платье от Дианы Фрайс.

Она пожалела, что испортила прическу, которую Мелани сделала ей пару дней назад. Может быть, с прической было бы лучше? Пожалуй, нет — было бы еще смешнее.

Когда Нора спустилась в гостиную к Тревису, Тревис улыбнулся и сказал:

— Какая ты красивая!

Ей так и не довелось узнать, соответствует ли кухня знаменитого ресторана его репутации: она не притронулась к еде.

Позднее Нора даже не могла как следует вспомнить внутреннее убранство заведения, хотя лица некоторых посетителей — включая актера Джина Хэкмана — она, казалось, запомнила на всю оставшуюся жизнь, так как была уверена, что они весь вечер смотрели на нее с удивлением и отвращением.

В середине ужина, явно чувствуя ее неловкость, Тревис поставил на стол свою рюмку и, наклонившись к Норе, тихо сказал:

— Ты действительно выглядишь замечательно, Нора, хоть ты и думаешь иначе. И если бы ты была поопытнее в таких делах, то заметила бы: большинство мужчин здесь, в зале, глядят на тебя с интересом.

Но Нора знала правду и была готова смотреть ей в глаза. Если мужчины и обратили на нее внимание, то совсем не потому, что она им нравилась. Когда индюк с фальшивыми перьями на заднице выдает себя за павлина, это, конечно, привлекает всеобщее внимание.

— Без всякой косметики,— заметил Тревис,— ты выглядишь лучше, чем любая из присутствующих женщин.

Отсутствие косметики. Еще одна причина, почему они все смотрят на нее. Когда женщина надевает платье за пятьсот долларов и идет в дорогой ресторан, она использует все средства: губную помаду, карандаш для глаз, крем-пудру, румяна и бог знает что еще для того, чтобы максимально улучшить свою внешность. А Нора даже и не подумала об этом.

Шоколадный мусс, поданный на десерт, был, конечно, восхитителен, но во рту у Норы он имел вкус библиотечного клея и застревал в горле.

Они с Тревисом в последние две недели много беседовали, и оказалось, что им на удивление легко говорить о самых сокровенных чувствах и мыслях. Она узнала, почему, несмотря на привлекательную внешность и относительный материальный достаток, он одинок, а он узнал, почему она о себе такого неважного мнения. Когда Нора уже начала окончательно давиться десертом и стала умолять Тревиса отвезти ее домой, он вполголоса сказал:

— Если на свете есть справедливость, то Виолетте Девон должно быть сейчас особенно жарко в аду.

Шокированная его словами, Нора произнесла:

— Нет, что ты! Она была не такая уж плохая.

Всю дорогу он молчал в задумчивости.

Прощаясь с Норой у двери ее дома, Тревис взял с нее обещание: она встретится с Гаррисоном Дилвортом, который был адвокатом ее тетки, а теперь занимался делами Норы.

— Из того, что ты рассказываешь мне,— сказал Тревис,— становится ясно: он знал твою тетку лучше, чем кто бы то ни было. И готов поспорить на что угодно: он может сообщить о ней кое-что, после чего она перестанет давить на тебя с того света.

Нора сказала:

— Я не думаю, что существуют какие-то мрачные тайны в отношении тети Виолетты. Она была тем, чем была, и не более того. На самом деле это была очень незамысловатая женщина. И грустная.

— Грустная, как же,— сказал Тревис.

Он заставил ее пообещать, что Нора договорится о встрече с Гаррисоном Дилвортом.

Когда она поднялась в спальню, то вдруг поняла, что ей не хочется снимать платье. Весь вечер Нора мечтала сменить этот наряд, поскольку чувствовала себя одетой в карнавальный костюм. Но теперь, когда смущение и неловкость остались позади и проведенный вечер будил в ней теплые воспоминания, она хотела продлить их. В этот вечер, как сентиментальная школьница, Нора заснула в платье стоимостью в пятьсот долларов.

Контора Гаррисона Дилворта была отделана со всей тщательностью, для того чтобы вызывать у клиентов чувство респектабельности, стабильности и надежности. Прекрасные дубовые панели. Тяжелые темно-синие шторы, свисающие с латунных карнизов. Полки, набитые книгами по юриспруденции в кожаных переплетах. Массивный дубовый письменный стол.

Сам адвокат представлял собой достойный удивления гибрид из Достоинства, Неподкупности и... Санта-Клауса. Высокий, плотный мужчина, с густой седой шевелюрой, миновавший семидесятилетний рубеж, но все еще работавший полную неделю, Гаррисон Дилворт имел слабость к костюмам-тройкам и галстукам приглушенных тонов. Несмотря на многолетнюю жизнь в Калифорнии, его чистое произношение и изыс-

канная речь указывали на то, что он вырос и получил образование в высших слоях общества на Восточном побережье. В то же время глаза у него были веселые, а улыбка добрая, совсем как у Санта-Клауса.

Он не стал отгораживаться от них шириной своего письменного стола, а сел рядом с Норой и Тревисом в удобные кресла вокруг кофейного столика, на котором находилась большая низкая ваза.

— Я не знаю, что вы хотите от меня узнать. У меня нет никаких секретов про вашу тетю. Так что если вы ждете, что я открою вам мрачную тайну, которая перевернет вашу жизнь...

— Я знаю столько же, сколько и вы,— сказала Нора.— Извините, что побеспокоили вас.

— Подожди,— прервал ее Тревис.— Дай мистеру Дилворту договорить.

Адвокат сказал:

— Виолетта Девон была моей клиенткой, а адвокат обязан оберегать тайны своих клиентов даже после их кончины. По крайней мере, я так думаю, хотя некоторые представители моей профессии придерживаются другого мнения. Однако, поскольку я имею дело с ближайшей родственницей Виолетты и ее наследницей, я полагаю, что мне нечего скрывать — еще и потому, что никаких секретов нет. Кроме того, я не вижу никаких моральных запретов против того, чтобы высказать вам свое собственное мнение о вашей тете. Даже адвокатам, священникам и докторам позволяется иметь свое мнение о других людях.— Он глубоко вздохнул и нахмурился.— Я всегда не любил ее. Считал ее ограниченной, эгоистичной женщиной, к тому же душевно неуравновешенной. А методы воспитания, которые она применяла к вам, Нора, можно назвать преступными. Не в смысле уголовного права, а в чисто человеческом смысле. И жестокими.

Сколько Нора себя помнила, внутри у нее, казалось, был завязан большой узел, сдавливающий все ее жизненно важные органы и сосуды, не дававший ей расслабиться, замедлявший кровообращение и подавляющий все ее чувства, заставлявший ее ощущать себя машиной, у которой не хватает мощности. После слов Дилворта узел этот внезапно развязался, и жизнь впервые свободно потекла по ее жилам.

Она понимала, *что* сделала с ней Виолетта Девон, но это знание не помогало ей преодолеть свое прошлое. Ей нужно было услышать, чтобы обвинение в адрес ее тетки прозвучало из посторонних уст. Тревис уже ругал Виолетту в присутствии Норы, и это принесло ей некоторое облегчение. Но этого все равно было недостаточно, поскольку Тревис лично не знал Виолетту и говорил, что называется, «заочно». Гаррисон же хорошо знал ее, и его слова принесли Норе чувство освобождения.

Ее била сильная дрожь, слезы катились по щекам, но Нора не замечала этого, пока Тревис не привстал со своего кресла и не положил руку ей на плечо. Она начала рыться в сумочке в поисках носового платка.

— Извините.

— Дорогая леди,— сказал Гаррисон,— не надо извиняться за то, что вы вырвались из железной скорлупы, в которой просидели всю свою жизнь. Впервые за все это время я вижу ваши эмоции, кроме, разумеется, обычного для вас крайнего стеснения, и это прекрасное зрелище.— Повернувшись к Тревису и давая Норе возможность вытереть слезы, он спросил: — Что еще вы хотели от меня услышать?

— Есть вещи, которые Нора не знает, но ей следует знать, и упоминание о них вряд ли нарушит кодекс вашей профессиональной чести.

— Какие именно?

Тревис сказал:

— Виолетта Девон нигде не работала, но жила весьма зажиточно и оставила достаточно денег, для того чтобы Норе хватило до конца жизни, по крайней мере, если та не покинет ее дома и будет вести одинокий образ жизни. Откуда у нее были такие средства?

— Откуда? — удивленно переспросил Гаррисон.— Да Нора наверняка знает откуда.

— Дело в том, что ей это неизвестно,— сказал Тревис.

Нора поймала изумленный взгляд Гаррисона Дилворта. Он моргнул и сказал:

— Супруг Виолетты неплохо зарабатывал. Он умер еще молодым, и она унаследовала все сбережения.

Нора чуть не задохнулась от удивления.

— Супруг?

— Джордж Олмстед,— ответил адвокат.

— Никогда не слыхала про такого.

Гаррисон быстро заморгал, как будто в лицо ему бросили горсть песку.

— Она никогда не упоминала о нем?

— Никогда.

— А соседи, они не...

— Мы не общались с соседями,— объяснила Нора.— Виолетте они не нравились.

— Вообще-то говоря, к тому времени, как вы стали жить вместе с Виолеттой, вокруг вас были уже новые соседи.

Нора высморкалась и убрала платок. Она все еще дрожала. Внезапное освобождение из-под теткиного гнета вызвало в ней эмоциональный кризис, который постепенно уступал место любопытству.

—. Как дела? — спросил ее Тревис.

Нора кивнула и пристально посмотрела на него.

— Ты знал, так ведь? Я имею в виду о супруге. Поэтому ты и привел меня сюда.

— Я подозревал,— сказал Тревис.— Если бы она получила наследство от родителей, то проговорилась бы. Сам факт, что Виолетта скрывала, откуда у нее деньги... ну, в общем, говорил о единственной возможности — о муже, и, скорее всего, о таком, с которым у нее не все было ладно. Это подтверждается ее отношением к другим людям, и мужчинам в частности.

Адвокат был настолько возбужден, что не мог усидеть на месте. Он вскочил и начал ходить взад-вперед мимо лампы, сделанной в виде старинного глобуса.

— Ну вы даете. Вы что, не понимали, почему она была такой желчной особой, почему думала о людях только плохое?

— Нет,— ответила Нора.— Я просто об этом не думала. Я принимала ее такой, какой она была.

Продолжая ходить взад-вперед, Гаррисон сказал:

— Да. Правильно. Я тоже думаю, что даже в молодости она была почти параноиком. А когда обнаружила, что Джордж обманывает ее с другими женщинами, совершенно зациклилась. И пошло-поехало.

Тревис сказал:

— А почему Виолетта жила под своей девичьей фамилией — Девон, если ее муж был Олмстед?

— Она более не желала носить его фамилию. Ненавидела мужа. Чуть не скалкой выгнала из дома! Подала на развод, но он внезапно умер,— сказал Гаррисон.— Я уже говорил, Виолетта узнала про его связи с другими женщинами и пришла в бешенство. Я бы так сказал... не могу полностью возложить вину на беднягу Джорджа, поскольку думаю, что дома ему было плохо. Он понял, что его женитьба — ошибка, уже через месяц после свадьбы.

Гаррисон задержался у лампы-глобуса, положив руку на вершину мира, и задумался. Обычно он выглядел моложе своих лет. Сейчас, когда он погрузился в воспоминания давно минувших дней, складки на его лице углубились и глаза потеряли блеск. Через минуту адвокат тряхнул головой и продолжал:

— Тогда были другие времена — женщина, обманутая мужем, становилась объектом жалости или насмешек. Но даже по тем меркам реакция Виолетты была чрезмерной. Она сожгла всю его одежду и поменяла все замки в доме... она ведь даже убила собаку, спаниеля, которого он любил. Отравила. И отправила труп ему по почте.

— Боже правый,— сказал Тревис.

Гаррисон продолжал:

— Виолетта взяла снова свою девичью фамилию, ибо сама мысль о том, что ей придется всю жизнь носить фамилию Олмстед, вызывала у нее отвращение. Даже после его смерти. Она не умела прощать.

— Да,— согласилась Нора.

Лицо ее исказилось от нахлынувших воспоминаний, и Гаррисон сказал:

— Когда Джордж погиб, Виолетта не скрывала своей радости.

— Погиб? — Нора чуть не спросила, не от руки ли тетки.

— В автокатастрофе, сорок лет назад,— сказал Гаррисон.— Потерял управление на шоссе «Коаст Хайвей» и полетел под откос. Тогда там не было ограждения. Машина свалилась с высоты шестидесяти—восьмидесяти футов и несколько раз перевернулась, прежде чем разбилась о скалы внизу. Виолетта

получила наследство полностью, потому что, хотя и подала на развод, Джордж не успел переписать завещание.

Тревис сказал:

— Значит, Джордж Олмстед не только обманывал Виолетту при жизни, но и, умерев, лишил ее возможности вымещать на нем свою злобу. Поэтому она ополчилась на весь мир.

— И на меня, в частности,— заметила Нора.

После обеда, в тот же день, Нора рассказала о своем увлечении живописью. До этого она не упоминала о своих художественных наклонностях, а поскольку Тревис не был допущен в ее спальню, то не видел ни мольберта, ни красок, ни рисовальной доски. Нора сама не знала, почему до сих пор скрывала от него эту часть своей жизни. Она упоминала о любви к искусству вообще — по этой причине они и посещали картинные галереи и музеи,— но не говорила ему о своих работах из боязни, что они не произведут на него никакого впечатления.

А если он подумает, что она бездарность?

Наряду с книгами живопись поддерживала Нору все эти годы, полные мрачного одиночества. Ей самой казалось, что у нее хорошо получается, очень хорошо, но она стеснялась кому-либо в этом признаться. Что, если она ошибается? Что, если у нее нет способностей и она просто теряет время? Творчество стало главным критерием Нориного существования. Это было единственное, что поддерживало ее хрупкий имидж, поэтому вера в собственный талант была ей просто необходима. Мнение Тревиса имело для нее решающее значение, и если он не одобрит ее картины, она этого не вынесет.

После визита к Гаррисону Дилворту Нора поняла: настало время рискнуть. Правда о Виолетте Девон освободила ее от эмоциональной тюрьмы, в которой находилась Нора. Ей еще долго предстоит идти по тюремным коридорам к выходу во внешний мир, но назад пути уже не будет. Поэтому Норе предстояло испытать все, что испытывают люди, живущие в этом мире, и среди прочего — горечь непризнания и разочарования. Не рискуя, нельзя ничего достичь.

Когда они вернулись к ней домой, ей захотелось привести Тревиса к себе в спальню и показать ему полдюжины своих последних произведений. Но сама мысль о том, что в ее спальне

может появиться мужчина — пусть с самыми невинными намерениями,— пугала Нору. Конечно, объяснения Гаррисона Дилворта освободили ее, но еще не в полной мере. Поэтому Нора усадила Тревиса и Эйнштейна на большой диван в гостиной, а сама решила сходить наверх за картинами. Она включила все светильники, раздвинула шторы на окнах и сказала:

— Я сейчас вернусь.

Поднявшись наверх, Нора стала лихорадочно перебирать десять полотен, находившихся в спальне, пытаясь выбрать два для показа. Наконец отобрала четыре штуки, хотя ей показалось неловким нести сразу так много картин. На полпути она остановилась и решила вернуться за остальными. Сделав несколько шагов, однако, поняла: можно целый день так выбирать. Напомнив себе, что без риска ничего на свете не дается, она глубоко вздохнула и быстро сошла вниз.

Тревису работы понравились. Даже больше чем понравились. Он был в восторге.

— Боже мой, Нора, это не любительская живопись. Это настоящее искусство.

Она прислонила картины к четырем стульям, но Тревис не мог усидеть на диване и подошел поближе, рассматривая полотна одно за другим с более близкого расстояния.

— Ты великолепный фотореалист,— сказал он.— Конечно, я не специалист, но техника у тебя не хуже, чем у Уайета. Вот эта... и здесь...

От его комплиментов Нора ужасно покраснела и даже на мгновение потеряла голос.

— Есть немного и сюрреализма.

Среди картин, которые она принесла, были два пейзажа и натюрморты. Один пейзаж и натюрморт действительно были выполнены в фотореалистической манере. Два других полотна также представляли собой образцы фотореализма, но уже с явными элементами сюрреализма. Натюрморт, например, изображал несколько стаканов для воды, графин, несколько ложек и разрезанный лимон на столе, выписанный с микроскопической тщательностью; на первый взгляд композиция выглядела очень реалистической, но, присмотревшись, можно было заметить, что один из стаканов как бы «врастал» в поверхность стола, а один из ломтиков лимона «проникал» через стеклянную стенку стакана.

— Очень талантливо,— произнес Тревис.— А еще есть?

Что за вопрос!

Нора еще дважды ходила наверх и принесла шесть работ.

С появлением каждой новой восторги Тревиса усиливались. Его похвалы звучали совершенно искренне. Сначала ей показалось, что он ее разыгрывает, но вскоре поняла: он не скрывает своих настоящих чувств.

Переходя от одной картины к другой, Тревис заметил:

— У тебя прекрасное чувство цвета.

Эйнштейн ходил за ним, тявканьем подтверждая суждения своего хозяина и восторженно виляя хвостом.

— В этих полотнах передано определенное настроение,— сказал Тревис.

— Тяв.

— И с материалом ты работаешь прекрасно. Я не вижу ни единого мазка. Ощущение такое, что ты провела по холсту широкой кистью и изображение появилось само по себе.

— Тяв.

— С трудом верится, что ты нигде этому не училась.

— Тяв.

— Нора, эти картины можно продать. Любая галерея моментально приобретет их.

— Тяв.

— Можно не только обеспечить себя материально, но еще и прославиться.

Из-за того, что Нора самой себе не смела признаться, насколько серьезно относится к творчеству, она часто писала свои картины на одном куске холста, одну поверх другой. В результате многие из ее работ были потеряны навсегда. Но на чердаке Нора сохранила более восьмидесяти самых лучших своих произведений. По настоянию Тревиса они снесли многие из них в гостиную, сорвали с них упаковочную бумагу и расставили по всей комнате, которая впервые на Нориной памяти стала веселой и яркой.

— Любая галерея будет рада выставить их,— сказал Тревис.— Давай завтра погрузим их в пикап и покажем в нескольких галереях — послушаем, что нам скажут.

— Нет-нет, что ты!

— Обещаю тебе, Нора, ты не разочаруешься.

Она вдруг занервничала. Хотя от мысли сделать карьеру в искусстве у нее захватило дух, Нора испугалась первого шага в этом направлении. Это было все равно как спрыгнуть с обрыва.

Она сказала:

— Нет, не сейчас. Через неделю... или через месяц... мы погрузим их в пикап и отвезем в галерею. Но не сейчас, Тревис. Я не могу... я не готова к этому.

Он усмехнулся:

— Опять перебор?

Эйнштейн потерся о ее ногу, взглянув ей в глаза так умильно, что Нора не могла сдержать улыбки.

Почесывая пса за ухом, она сказала:

— Слишком много всего произошло за такое короткое время. Я не могу все это пропустить через себя. У меня все время кружится голова. Как на карусели, которая вращается все быстрее и быстрее.

Сказанное ею было правдой, но не по этой причине ей хотелось отложить показ своих картин на публике. Нора желала растянуть это удовольствие. Если подстегивать события, то превращение одинокой старой девы в полноправную участницу жизни произошло бы слишком быстро. А она хотела продлить радость от такой метаморфозы.

Как больная, обреченная с самого рождения лежать в зашторенной комнате, заставленной медицинской аппаратурой, и затем чудесным образом выздоровевшая, Нора Девон делала первые осторожные шаги, входя в этот новый для нее мир.

Не только Тревис вызволил Нору из ее одиночного заключения. Эйнштейн сыграл в этом далеко не последнюю роль.

Ретривер, очевидно, решил, что Норе можно доверить секрет своих необычайных умственных способностей. После фокусов с «Модерн Брайд» и младенцем в Сольванге пес постепенно начал демонстрировать ей свой интеллект.

С «благословения» Эйнштейна Тревис рассказал Норе о том, как они повстречались в лесу и как что-то страшное (и неведомое) бросилось за ними в погоню. Он перечислил ей все удивительные трюки, проделанные Эйнштейном с того момента. Тревис также поведал ей о приступах бдительности, которые испытывал ретривер по ночам, когда вставал у окна и

смотрел в темноту, как будто ждал появления того неизвестного существа, преследовавшего их в лесу.

Один раз, вечером, они несколько часов сидели у Норы в кухне, пили кофе с домашним апельсиновым пирогом и обсуждали необычные способности пса. Когда тот не был занят десертом, он с интересом слушал то, что они говорили о нем, как будто понимал смысл сказанного. Иногда ретривер повизгивал и начинал ходить взад-вперед, как бы расстраиваясь, что его голосовой аппарат не позволяет ему разговаривать. Нора и Тревис, однако, ни к какому выводу не пришли, поскольку основания для этого были очень туманные.

— Я думаю, что пес сам может сообщить нам, откуда он взялся и почему так отличается от своих собратьев,— сказала Нора.

При этих словах Эйнштейн завилял хвостом.

— Я уверен в этом,— заметил Тревис.— У него сознание, как у человека. Он понимает, что не такой, как другие собаки, и, по-моему, знает почему. Я думаю, он рассказал бы нам об этом, если бы был способ это сделать.

Ретривер пролаял один раз, пробежался по кухне, посмотрел на них отчаявшимся взглядом, а затем улегся на пол, положив морду на лапы и тихо скуля.

Нору очень заинтересовал эпизод, когда Эйнштейн разволновался по поводу домашней библиотеки Тревиса.

— Он понимает, что книги могут стать средством общения,— сказала она.— И может быть, ему известно, что есть способ использовать книги для общения с нами.

— Каким образом? — спросил Тревис, подцепляя вилкой очередной кусок пирога.

Нора пожала плечами.

— Не знаю. Может быть, проблема в том, что твои книги не подходят для этого. Романы, ты сказал?

— Ну да. Художественная литература.

— Вероятно, нужны книги с картинками, которые были бы понятны ему. Если собрать много книг и журналов с картинками, разложить их на полу и показать Эйнштейну, то можно найти способ общаться с ним.

Ретривер вскочил и направился прямо к Норе. По выражению его морды и внимательному взгляду она поняла: это была

хорошая идея. Завтра же Нора принесет десятки книг и журналов и осуществит свой замысел.

— Понадобится немало терпения,— предупредил ее Тревис.

— Терпения мне не занимать.

— Это ты так думаешь, но, когда имеешь дело с Эйнштейном, это слово приобретает новое значение.

Повернувшись к Тревису, пес фыркнул.

Во время первых сеансов в среду и четверг их оптимизм слегка угас, но успех, казалось, был уже рядом. В пятницу, четвертого июня, произошло нечто такое, после чего их жизнь потекла уже по другому руслу.

2

«...Поступило сообщение о криках из района новостройки Бордо Ридж...» — прозвучало из динамика рации.

В пятницу вечером четвертого июня, меньше чем за час до наступления темноты, солнце над графством Оринджа являло собой золотисто-медный шар. Второй день стояла ужасная жара, и мостовые и здания усиливали ее, отдавая накопленное за день тепло. Деревья, казалось, обессиленно опустили вниз свои ветви. В воздухе не было ни дуновения. На шоссе и улицах звуки автомобильного движения были приглушены густым, как пар, воздухом.

«...Повторяю: Бордо Ридж, район новостройки на восточной границе...»

На округлых холмах на северо-востоке графства, в местности, примыкающей к району Йорба Линда, куда только начинала доходить застройка Бордо Ридж, было мало движения. Иногда раздававшийся автомобильный сигнал или визг тормозов не только звучали приглушенно из-за жары, но и удивительным образом производили скорбное, меланхолическое впечатление.

Офицеры полиции Тил Портер и Кен Даймс находились в патрульной машине — Тил за рулем, Кен рядом на переднем сиденье. Кондиционер не работал, вентиляционные отверстия вообще не пропускали воздух. Боковые стекла были опущены, но в автомобиле все равно было жарко, будто в духовке.

— Ты воняешь, как дохлый кабан,— сказал Тил Портер своему напарнику.

— Правда? — сказал Кен Даймс.— А ты не только воняешь, но и выглядишь, как дохлый кабан.

— Да? Значит, ты хорошо разбираешься в дохлых кабанах.

Несмотря на жару, Кен не смог сдержать улыбки.

— Ах так? Твои женщины мне рассказывали, что из тебя любовник, как из дохлого кабана.

Этот натянутый юмор взбодрил их. По рации им передали сообщение, не сулившее ничего интересного: скорее всего, несчастный случай с детьми; они ведь любят играть на строительных площадках. Обоим полицейским было по тридцать два года, и оба в прошлом выступали за футбольные команды своих колледжей. Они работали вместе уже шесть лет и были близки друг другу, как братья.

Тил свернул с шоссе на грунтовую дорогу, которая вела в район новой застройки Бордо Ридж. Здесь в разной стадии строительства находилось около сорока домов. Только некоторые из них были уже оштукатурены, а остальные представляли собой наполовину готовые каркасы.

— Никак не укладывается у меня в голове,— сказал Кен.— Что это за название такое — Бордо Ридж — для загородного поселка в Южной Калифорнии? Неужели всерьез хотят убедить будущих владельцев, что здесь в один прекрасный день зацветут виноградники? И почему, собственно, Ридж*, хотя это абсолютно плоская местность между двумя холмами. И обещанные тишина и покой — это пока. А что будет здесь, когда построят еще три тысячи домов в ближайшие пять лет?

Тил сказал:

— Ага, но меня еще убивает слово «мини-усадьба». Это же додуматься надо! Люди, находящиеся в здравом уме, не могут считать крохотный клочок земли у дома усадьбой — разве только русские, живущие по двенадцать человек в квартире. Это просто дачный поселок.

На улицах будущего поселка Бордо Ридж уже были проложены бетонные тротуары и водосточные канавы, но сами улицы еще не были замощены. Тил вел машину аккуратно, стараясь не поднимать пыль. Они с Кеном глазели по сторонам на скелеты недостроенных домов, высматривая ребятишек, попавших в беду.

---

* Ридж — от англ. ridge — хребет.— *Прим. пер.*

На западе, у границы города Йорба Линда, прилегающего к новостройке, находился поселок, где уже жили люди. От них и поступило сообщение в полицию о криках, раздававшихся в Бордо Ридж. Поскольку этот район еще не вошел в состав города, то происшествие попадало под юрисдикцию окружной полиции.

В конце улицы полицейские увидели белый пикап компании «Гулеманн Бразерз», которой принадлежал район Бордо. Он был поставлен около трех почти завершенных домов, служивших образцами для показа будущим владельцам.

— Похоже, прораб еще здесь,— сказал Кен.

— Или ночной сторож вышел на работу пораньше,— заметил Тил.

Они припарковались позади пикапа, вышли из своей душной машины и с минуту постояли, прислушиваясь. Вокруг была полная тишина.

Кен крикнул:

— Эй, есть здесь кто-нибудь?

Отозвалось только эхо.

Кен спросил:

— Ну что, посмотрим, что здесь такое?

— Придется,— ответил Тил.

Кен все еще не верил, что здесь что-то случилось. Пикап, наверное, просто оставили здесь на ночь. Все равно здесь без присмотра стояло много всякого оборудования. А что касается криков, то это, скорее всего, ребятишки играли.

Из машины они взяли карманные фонарики, поскольку, хотя электричество в поселок провели, в домах еще света не было.

Поправив висевшие на поясе револьверы, скорее по привычке, чем из предосторожности, Кен и Тил вошли в ближайший недостроенный дом. Они не искали ничего конкретного, просто осматривали место возможного происшествия, что обычно занимает половину времени полицейского.

Подул слабый порывистый ветер, впервые за весь день, гоня облачка опилок из открытых боковин дома. Солнце быстро клонилось к закату, и каркасные балки отбрасывали на пол тени, похожие на тюремные решетки. Угасающий свет дня из золотого превращался в темно-красный и придавал воздуху от-

тенок, похожий на отсвет доменной печи. Бетонный под был усыпан гвоздями, которые поблескивали в этом огненном свете и звенели под их башмаками.

— За сто восемьдесят тысяч долларов,— сказал Тил, освещая темные углы фонарями,— могли бы комнаты сделать попросторнее.

Вдыхая запах опилок, Кен сказал:

— За такие деньги и комнаты должны быть как залы ожидания в аэропорту.

Они вышли на узкий двор позади дома и выключили фонарики. Местность вокруг домов еще не была обустроена: повсюду валялись щепки, куски застывшего бетона, смятые обрывки рубероида, проволока, погнутые гвозди, обрезки пластмассовых труб и досок с крыши, пластиковые стаканчики и коробки из-под биг-маков, пустые жестянки из-под кока-колы и еще много всякого мусора.

Изгороди еще не были возведены, поэтому просматривались все двадцать задних дворов этого ряда домов. Уже сгущались пурпурные тени, но им было видно, что там никого нет.

— Никаких следов кровопролития,— произнес Тил.

— И симпатичных девушек, попавших в беду,— подтвердил Кен.

— Давай хоть пройдемся здесь немного,— сказал Тил.— Поработаем на налогоплательщиков.

У третьего по счету дома, в тридцатифутовом проходе между строениями, они нашли труп мужчины.

— Черт,— сказал Тил.

Мужчина лежал на спине, частично скрытый глубокой тенью, и поначалу Кен и Тил не рассмотрели, на какой ужас наткнулись. Опустившись на корточки рядом с трупом, Кен отшатнулся: у мужчины были вырваны все внутренности.

— Господи Иисусе, его глаза,— произнес Тил.

Кен перевел взгляд с изуродованного торса на глаза и увидел, что они вырваны из глазниц.

Пятясь внутрь замусоренного двора, Тил вынул револьвер.

Кен тоже попятился от обезображенного тела и достал револьвер из кобуры. Хотя целый день он потел в душной машине, но сейчас почувствовал, что его прошиб липкий, противный пот — признак сильного страха.

«ПХФ,— подумал Кен.— Только какой-нибудь ублюдок, наширявшийся пентахлорфенолом, мог сделать такое».

Над поселком Бордо Ридж стояла тишина.

Двигались только тени, которые, казалось, увеличивались с каждой секундой.

— Это дело рук какой-нибудь наркоты,— заметил Кен.

— Я тоже так подумал,— сказал Тил.— Пойдем дальше?

— Ну не вдвоем же. Давай вызывать подмогу.

Они возвращались тем же путем, что пришли сюда, настороженно оглядываясь по сторонам. Пройдя небольшое расстояние, услышали шум. Треск. Звяканье металла. Звон разбитого стекла.

У Кена не было сомнений в том, откуда доносятся звуки — из ближайшего к ним почти достроенного дома, предназначенного служить образцом для продажи.

Не видя подозреваемого и не зная, где начинать его поиски, они могли бы со спокойной совестью вернуться к машине и вызвать по рации подмогу. Но сейчас, когда они услышали этот шум, интуиция и профессиональный долг заставили их действовать более решительно. Полицейские повернулись и пошли к задней стороне дома.

Его внутренние помещения снаружи не просматривались; на обитые рубероидом доски была приколочена проволочная опалубка, и половина дома уже оштукатурена. Штукатурка была еще сырая — похоже, ее наложили только сегодня. Почти все окна застеклены, а оставшиеся проемы закрыты кусками непрозрачного пластика.

Треск внутри строения повторился, теперь уже громче прежнего, а за ним последовал звон разбиваемого стекла.

Кен Даймс толкнул раздвижную стеклянную дверь, соединявшую задний двор с гостиной. Она была не заперта.

Стоя снаружи, Тил заглянул внутрь гостиной через стекло. Хотя кое-какой свет проникал туда через окна, в комнате царил полумрак. Насколько они могли рассмотреть, там никого не было, поэтому Тил протиснулся через полураскрытую дверь, держа в одной руке фонарь, а в другой сжимая «смит-вессон».

— Иди к переднему входу,— прошептал Тил,— чтобы не дать ублюдку уйти с той стороны.

Пригнувшись, чтобы его нельзя было увидеть через окна, Кен побежал вокруг дома к передней двери, каждую секунду ожидая, что кто-то прыгнет на него с крыши или через один из незастекленных проемов.

Внутри гостиная была отделана гипсолитом и потолки оштукатурены. Гостиная соединялась с комнатой для завтраков, которая, в свою очередь, сообщалась с кухней — все это пространство было единым, без дверей и перегородок. На кухне были установлены шкафы, отделанные «под дуб», но кафельный пол еще не был положен. Пахло сырой штукатуркой и морилкой.

Затаившись в комнате для завтраков, Тил прислушивался. Стояла мертвая тишина.

Если этот дом построен по типовому проекту, значит, слева, за кухней, располагается столовая, затем гостиная, прихожая и кабинет. Если он пойдет по коридору, который ведет из комнаты для завтраков, то попадет в прачечную, ванную первого этажа, чулан для верхней одежды и потом — в прихожую. Сообразив, что один маршрут ничем не лучше другого, Тил вышел в коридор и пошел в прачечную. В ней не было окон, и, посветив фонариком через полуотворенную дверь, он рассмотрел желтые шкафы и пустые места, куда впоследствии установят стиральную машину и сушильный барабан. Тил решил заглянуть за дверь, где, по его предположениям, должны были находиться раковина и рабочий стол. Он распахнул дверь и быстро вошел внутрь, посвечивая фонариком и держа револьвер наготове. Все, что Тил увидел там, это раковину из нержавейки и приделанный вплотную к стене стол.

Полицейский уже давно не чувствовал себя так «на взводе». Перед глазами у него стоял образ мертвого мужчины с пустыми глазницами.

«Я не просто на взводе,— подумал он.— Мне очень страшно».

Снаружи Кен перепрыгнул через узкую водосточную канаву и приблизился к двустворчатой входной двери. Она была закрыта. Посмотрев вокруг, он никого не заметил. В сгущающихся сумерках поселок Бордо Ридж выглядел скорее не как район новостройки, а как территория, недавно подвергшаяся бомбежке.

В прачечной комнате Тил Портер повернулся, собираясь выйти в коридор, но в этот момент в одном из желтых шкафов — где обычно держат швабры — распахнулась дверца, и проклятая тварь выскочила на него, как чертик из шкатулки. На долю секунды ему показалось, что такого не может быть, просто это какой-то мальчишка в гуттаперчевой маске фантастического чудовища. Луч его фонарика был направлен в противоположную сторону от нападавшего, и поэтому Тил не смог как следует рассмотреть его, но все равно сразу понял: это не маска, а голова живого существа, потому что устремленные на него тускло светящиеся глаза явно были не из стекла или пластика. Он инстинктивно нажал на спусковой крючок своего револьвера, но, поскольку «смит-вессон» был направлен туда же, куда и фонарик, пуля прошила стену коридора; когда полицейский повернулся лицом к этому исчадию ада, оно зашипело, как змея, и навалилось на него. Пытаясь высвободиться из жутких объятий, Тил выстрелил еще раз, но теперь пуля ушла в пол — выстрел прозвучал оглушительно в тесном помещении. И тут он был прижат к раковине, а револьвер был вырван из руки. От толчка фонарь выпал и покатился в угол. Свободной рукой Тил ударил в темноту перед собой, но прежде, чем кулак достиг цели, чудовищная боль пронизала живот, как будто в него вонзили сразу несколько кинжалов, и ему сразу стало ясно: дело плохо. Он закричал. В лицо ему глянула уродливая желтоглазая морда, Тил закричал опять, наугад колотя кулаками перед собой, но в эту же секунду новые кинжалы прошили насквозь мягкие ткани его горла.

Кен Даймс находился в четырех шагах от входной двери, когда услышал крики Тила. Крики, в которых перемешались удивление, страх и боль.

— Черт!

Перед ним была двустворчатая дверь. Правда, створка удерживалась вверху и внизу специальными щеколдами, а левая — которая, собственно, и служила дверью — была не заперта. Кен

ворвался в дом, забыв об осторожности, и остановился в полутемной прихожей.

К этому моменту крики прекратились.

Кен включил фонарик. Справа — пустая гостиная, слева — пустой кабинет. Лестница на второй этаж. Никаких признаков чьего-либо присутствия. И тишина — как в вакууме.

Сначала Кен поостерегся позвать Тила, чтобы убийца по голосу не определил его местонахождение. Затем сообразил, что все равно ему придется оставить фонарик включенным, и, если он подаст голос, это ничего не изменит.

— Тил!

По пустым комнатам прокатилось эхо.

— Тил, где ты?

Молчание.

Тил, наверное, уже умер. Если бы он был жив, он бы ответил. Может быть, правда, он ранен или лежит без сознания и умирает. В этом случае лучше вернуться к патрульной машине и вызвать «скорую».

Нет-нет. Если что-нибудь случилось, нужно найти его и оказать первую помощь. А то, пока он будет вызывать «скорую», Тил может скончаться. Нельзя так рисковать.

Кроме того, остается еще и убийца.

На смену дню приходила ночь, и теперь только дымно-красный свет проникал в дом сквозь окна. Кену, таким образом, приходилось полагаться только на свой фонарик, который, конечно, не был идеальным источником света, поскольку при движении его луча из темноты возникали искаженные очертания и силуэты. А они могут отвлечь его внимание от настоящего убийцы.

Оставив входную дверь распахнутой, он, мягко ступая, двинулся по узкому коридору в направлении черного хода, стараясь держаться поближе к стене. Его башмаки скрипели при каждом шаге. Кен держал револьвер перед собой, а не вверх или вниз, как предписывала инструкция. Сейчас было не до инструкций.

Справа он увидел открытую дверь. Пустой чулан.

Запах его собственного пота, казалось, заглушал запахи извести и морилки.

Слева от чулана был вход в дамскую комнату. Быстро осветив ее фонариком, он не заметил в ней ничего необычного, только испугался своего отражения в зеркале.

Задняя часть дома, включавшая гостиную, комнату для завтраков и кухню, находилась прямо перед ним, а слева от него была распахнутая дверь. В свете фонарика, который вдруг запрыгал у него в руке, Кен рассмотрел тело Тила на полу прачечной комнаты, в такой огромной луже крови, которая не оставляла сомнений в том, что он мертв.

После того как волна страха прокатилась по жилам Кена, он почувствовал горе, ярость, ненависть и непреодолимое желание отомстить убийце.

Позади него раздался звук тяжелого удара.

Кен вскрикнул и повернулся лицом к противнику.

Ни в коридоре, ни в комнате для завтраков, однако, никого не было.

Звук донесся из передней части дома и мог означать только одно — кто-то захлопнул входную дверь. За ним последовал другой звук, менее громкий, но еще более тревожный — лязг замка: кто-то запер входную дверь.

Значит, убийца покинул дом и запер дверь снаружи на ключ? Но где он взял ключ? У убитого им прораба? И почему сделал паузу перед тем, как повернуть ключ в замке?

Более вероятно, что убийца запер дверь не только для того, чтобы помешать Кену выйти из дома, но и чтобы продолжить свою дьявольскую охоту.

Кен подумал: может быть, стоит выключить фонарик, не выдавать своего присутствия, но сумерки сгустились настолько, что без фонаря Кен вообще не смог бы ориентироваться.

Черт возьми, а как же *убийца* так легко передвигается в сгущающейся темноте? У наркоманов после приема ПХФ десятикратно возрастает физическая сила. Возможно ли, что и их ночное зрение улучшается в такой же степени?

В доме было тихо. Кен стоял, прислонившись спиной к стене коридора. До него доходил запах крови Тила — похожий на запах металла.

Клац, клац, клац.

Кен напряг слух, но больше ничего не услышал. Похоже на звук быстрых шагов по бетонному полу, производимый кем-то,

обутым в сапоги на кожаной подошве или башмаки с подковками. Затем до него опять донеслось — *клац, клац, клац, клац* — на этот раз четыре шага, прозвучавших со стороны прихожей,— кто-то двигался на него по коридору.

Кен моментально отпрянул от стены и, пригнувшись, повернулся в сторону идущего, держа перед собой фонарик и револьвер. В коридоре никого не оказалось.

Выдыхая ртом, чтобы не заглушить шумом своего дыхания шаги противника, Кен пошел по коридору в сторону прихожей. Никого. Входная дверь была закрыта, как он и предполагал, но ни в гостиной, ни на лестнице, ни в кабинете никого не было.

Клац, клац, клац, клац.

Теперь звуки доносились совсем с другой стороны — из комнаты для завтраков. Значит, убийца тихо покинул прихожую, пересек гостиную и столовую и прошел туда через кухню, подбираясь к Кену сзади. В эту минуту убийца входил в коридор, из которого только что вышел Кен. И хотя убийца проскользнул через все комнаты незаметно, теперь он специально не скрывал своего присутствия, чтобы подразнить Кена: *«Вот он я, позади тебя, приготовься, я иду».*

Клац, клац, клац.

Кен Даймс был хорошим полицейским и никогда не отступал перед опасностями. За семь лет службы он получил два поощрения за храбрость. Но этот чертов сукин сын, который крался в полной темноте по пустому дому, то замирая, то заявляя о своем присутствии, когда ему хотелось, внушал Кену непреодолимый страх. Кен, как и любой полицейский, не был трусом, но он не был и дураком — ведь только дурак пойдет навстречу неведомой опасности.

Вместо того чтобы вернуться в коридор и встретиться лицом к лицу с убийцей, Кен подошел к входной двери и нажал на латунную ручку, намереваясь выйти наружу. Тут он заметил, что дверь не просто заперта на щеколду. Обе ее створки поверх щеколды и ручки замка были связаны куском проволоки. Для того чтобы покинуть дом, ему придется распутать проволоку, что может занять полминуты.

Клац, клац, клац.

Не целясь, Кен выстрелил в сторону коридора и побежал в противоположном направлении через пустую гостиную. Ему

было слышно, как убийца клацает позади него в полной темноте. Когда же Кен достиг столовой и был почти у дверного проема, ведущего в кухню, намереваясь выбежать наружу через черный ход, откуда входил в дом Тил, он услыхал клацанье теперь уже впереди себя. Кен был уверен: убийца шел за ним до гостиной, но оказалось, что тот повернул назад и теперь начал с противоположной стороны. С ума можно сойти. Судя по звукам, производимым убийцей, он только что вошел в комнату для завтраков — значит, их разделяет только кухня. Кен решил, что будет стоять на месте и, как только этот подонок появится в свете фонарика, вышибет ему мозги первым же выстрелом.

В эту минуту убийца испустил вопль.

Двигаясь в темноте прямо на Кена, он издал резкий, нечеловеческий крик, полный первобытной ярости и ненависти. Кен никогда не слышал ничего подобного — ни от нормального человека, ни от сумасшедшего. Полицейский дрогнул, бросил фонарик в кухню, чтобы сбить с толку нападавшего, и помчался что было духу, но не в глубину дома, где дьявольская игра в кошки-мышки могла быть продолжена, а прямиком к едва светившемуся в густых сумерках окну. Нагнув голову и выставив вперед локти, он с оглушительным треском и звоном вылетел наружу и покатился по заднему двору, усеянному строительным мусором. Обломки деревянных реек и куски застывшего бетона больно впились ему в тело. Поднявшись на ноги, Кен повернулся лицом к дому и разрядил револьвер в разбитое окно на случай, если убийца захотел бы последовать за ним.

В призрачном мраке ночи он не увидел за собой погони.

Не рассчитывая на то, что попал в цель, Кен не стал терять времени. Обежав вокруг дома, он выскочил на улицу. Ему необходимо было добежать до машины, где у него была рация и крупнокалиберная винтовка.

3

В среду и четверг, соответственно второго и третьего июня, Тревис, Нора и Эйнштейн прилежно искали способы общения между собой, и в процессе этих поисков и люди, и пес едва не начали грызть мебель от отчаяния. У Норы, однако, оказалось столько терпения и уверенности в успехе, что их хватило на

всех троих. Когда в закатные часы в пятницу вечером их усилия увенчались успехом, она была удивлена этим меньше, чем Тревис и Эйнштейн.

Они начали с того, что купили сорок журналов — «Тайм», «Лайф», «Мак Колл» и «Редбук», а также пятьдесят книг по искусству и фотографии и принесли их к Тревису домой, где было достаточно места, чтобы разложить их на полу. Для удобства они положили рядом диванные подушки.

Эйнштейн заинтересованно наблюдал за их приготовлениями.

Сидя на полу, прислонившись к дивану, Нора взяла морду ретривера в ладони и, приблизив к нему лицо, произнесла:

— Послушай то, что я скажу, Эйнштейн. Мы хотим узнать о тебе все: откуда ты появился, почему ты умнее остальных собак, чего ты испугался в лесу в тот день, когда Тревис нашел тебя, почему иногда по ночам ты смотришь в окно, как будто боишься чего-то. У нас еще много вопросов. Но разговаривать ты не умеешь, так ведь? Не умеешь. И насколько мы знаем, читать — тоже. И если ты даже умеешь читать, то не умеешь писать. Поэтому мы воспользуемся картинками.

Сидя рядом с Норой, Тревис наблюдал за Эйнштейном и видел, что в течение всей тирады пес не сводил с Норы глаз. Хвост его висел без движения. Похоже, он не только понял, что она сказала, но и крайне заинтересовался предстоящим экспериментом.

«А не слишком ли разыгралось у меня воображение насчет его умственных способностей?» — подумал Тревис.

У людей существует привычка «очеловечивать» домашних животных, приписывать им способы восприятия действительности, которыми те не обладают. В случае с Эйнштейном, где на самом деле имели место выдающиеся способности, искушение видеть глубокий смысл в каждом незначительном действии пса было чрезвычайно велико.

— Мы внимательно посмотрим все эти картинки и отберем те, которые заинтересуют тебя и которые дадут нам возможность узнать, откуда ты и кто ты такой. Если ты увидишь что-либо, что может помочь нам ответить на эти вопросы, ты должен каким-то образом сообщить об этом. Или залаять, или поставить лапу на картинку, либо завилять хвостом.

— Сумасшедший дом,— сказал Тревис.

— Ты понимаешь меня, Эйнштейн? — спросила Нора.

Ретривер негромко тявкнул.

— Ничего не получится,— сказал Тревис.

— Нет, получится,— возразила Нора.— Он не умеет ни разговаривать, ни писать, но может показывать. Если Эйнштейн укажет нам на десяток картинок, мы попробуем понять, какой смысл он в это вкладывает или каким образом это связано с его происхождением. Со временем мы сумеем соотнести эти картинки друг с другом и узнать, что он хотел бы нам сказать.

Пес, морда которого все еще была зажата между ладонями Норы, скосил глаза на Тревиса и снова тявкнул.

— Мы готовы? — спросила Нора.

Эйнштейн бросил на нее быстрый взгляд и завилял хвостом.

— Хорошо,— сказала она, разжимая ладони.— Давай начинать.

В течение многих часов в среду, четверг и пятницу они пролистали множество книг и журналов, показывая Эйнштейну картинки и фотографии, изображавшие самые различные предметы: людей, деревья, цветы, собак, других животных, станки, городские и деревенские улицы, автомобили, корабли, самолеты, еду, рекламу различных товаров — в надежде, что некоторые из них вызовут в нем интерес. Эйнштейн лаял, ставил лапу на картинки, тявкал, нюхал и вилял хвостом при виде по крайней мере ста из многих тысяч изображений, при этом выбор его был настолько непредсказуем, что Тревис вообще не находил между ними никакой связи.

Эйнштейну очень понравилась реклама автомобиля, на которой тот сравнивался с мощным тигром и был помещен в железную клетку. Было непонятно, что именно заинтересовало его — автомобиль или тигр. Пес также заинтересовался несколькими картинками, рекламирующими компьютеры, собачий корм, стереофонический кассетный плейер, а также изображавшими книги, бабочек, попугая, унылого человека в тюремной камере, четверых молодых людей, играющих в полосатый пляжный мяч, Микки Мауса, скрипку, мужчину на тренажере «бегущая дорожка» и множество других сюжетов. Он пришел в восторг от фотографии золотистого ретривера, похо-

жего на него самого, и коккер-спаниеля, но изображения собак других пород его почему-то оставили равнодушным.

Самым странным и загадочным образом Эйнштейн отреагировал на фотографию, сопровождавшую журнальную статью о фильме, снимаемом на киностудии «XX век — Фокс». Картина была посвящена всяким сверхъестественным явлениям: призракам, полтергейсту, демонам, восставшим из преисподней, и так далее. На фотографии, приведшей его в страшное возбуждение, было запечатлено демонического вида существо с огромной челюстью, жуткими клыками и светящимися, как фонари, глазами. Существо это было не страшнее других, изображенных рядом, но Эйнштейна поразило именно оно.

Залаяв на картинку, ретривер отбежал за диван и стал выглядывать оттуда, как будто опасался, что существо может сойти со страницы журнала и наброситься на него. Прячась за диваном, он опять залаял, заскулил, и Норе пришлось уговаривать его подойти к журналу. Увидев изображение демона во второй раз, Эйнштейн злобно зарычал и стал неуклюже переворачивать страницы лапами, пока наконец не закрыл журнал.

— Это что, какая-нибудь особенная картинка? — спросила Нора.

Эйнштейн уставился на нее и задрожал.

Нора терпеливо открыла журнал на той же странице. Эйнштейн опять закрыл его. Нора вновь нашла нужную страницу. Эйнштейн закрыл журнал в третий раз, схватил его зубами и понес из комнаты.

Тревис и Нора последовали за ретривером на кухню, где он направился прямиком к мусорному ведру. Подняв с помощью педали крышку ведра, Эйнштейн опустил туда журнал и, сняв лапу с педали, захлопнул крышку.

— Что происходит? — спросила Нора.

— Я думаю, что он точно не пойдет на этот фильм.

— Четвероногий кинокритик.

Все это произошло в четверг днем. В пятницу вечером отчаяние и Тревиса, и пса достигло критической точки.

Иногда Эйнштейн проявлял необычную сообразительность, а иногда вел себя как обычная собака, и эта амплитуда между собачьим гением и уровнем обычной дворняги могла сбить с толку любого, кто попытался бы понять природу его способностей. Тревис уже начал думать, что, может быть, лучше воспринимать ретривера таким, какой он есть: быть готовым к неожиданным проявлениям его умственных способностей, но не ждать их постоянно. Скорее всего, эта тайна так и останется нераскрытой.

Нора, однако, сохраняла спокойствие. Она не уставала повторять, что Рим не сразу строился и что любой успех требует усердия, настойчивости, терпения и времени.

Когда Нора начинала читать им подобные нотации, Тревис устало вздыхал, а Эйнштейн начинал зевать.

Однако она была непоколебима. После того как они просмотрели все картинки в книгах и журналах, Нора собрала те, на которые Эйнштейн так или иначе отреагировал, разложила их на полу и попыталась с его помощью выяснить, какая между ними существует связь.

— На этих картинках изображены существа и предметы, которые играли важную роль в его прошлом,— сказала Нора.

— С уверенностью утверждать нельзя,— ответил Тревис.

— Ну вот давай его и спросим,— предложила Нора.— Он же сам выбрал эти картинки, потому что мы просили его об этом.

— Ты уверена, что он понимает правила игры?

— Да,— сказала она убежденно.

Пес тявкнул.

Нора взяла рукой лапу Эйнштейна и поставила ее на фотографию, изображавшую скрипку.

— О'кей, псина. Ты выбрал скрипку, значит, этот инструмент каким-то образом присутствовал в твоей прошлой жизни.

— Может, он выступал в концертном зале «Карнеги-холл»?

— Перестань.— Нора опять обратилась к ретриверу: — Хорошо, существует ли связь между изображением скрипки и другими картинками?

Эйнштейн бросил на нее внимательный взгляд, как бы обдумывая ответ на вопрос. Затем он пересек комнату, аккуратно ступая между рядами разложенных на полу картинок, скашивая глаза направо и налево, и затем, поставив лапу на рекламу кассетного плейера «Сони», поднял глаза на Нору.

— Связь очевидна,— сказал Тревис.— На скрипке играют, а на кассетнике воспроизводят музыку. Прекрасный пример

ассоциативного мышления у собаки, но ведь это ни о чем не говорит.

— А я уверена, что это не так,— сказала Нора. Обращаясь к Эйнштейну, она спросила: — Кто-то, кто был с тобой раньше, играл на скрипке?

Пес молча смотрел на нее.

Нора задала еще один вопрос:

— А у твоего предыдущего хозяина был такой кассетный плейер?

Собака не сводила с нее глаз.

Нора сказала:

— Может быть, тот, кто играл на скрипке, записывал свою игру на кассетник?

Пес моргнул и заскулил.

— Ладно,— сказала Нора.— Есть здесь другая картинка, которая ассоциируется со скрипкой и кассетником?

На мгновение Эйнштейн остановил взгляд на фотографии кассетника, затем прошел два ряда картинок и остановился у рекламы «Блю Кросс», где доктор в белом халате стоял у кровати, на которой молодая мать держала на руках новорожденного. Доктор и женщина улыбались, а младенец был серьезен и невинен.

Опустившись на четвереньки рядом с ретривером, Нора спросила:

— Это похоже на семью, в которой ты жил?

Пес уставился на нее.

— И в этой семье были отец, мать и маленький ребенок?

Собака продолжала смотреть на нее немигающим взглядом.

Сидя на полу, прислонившись к дивану, Тревис сказал:

— Ребята, мы тут, видимо, имеем дело со случаем реинкарнации. Наверное, старик Эйнштейн был кем-то из этих людей в прошлой жизни.

Нора не посчитала нужным отвечать на эту остроту.

— Ребенком, который играл на скрипке,— не унимался Тревис.

Нора прервала его:

— Ладно. Так у нас ничего не получается. Простое совмещение картинок ничего не дает. Надо придумать способ задавать ему вопросы о картинках и получать ответы.

— Дай ему ручку и бумагу,— посоветовал Тревис.

— Хватит острить,— сказала Нора, раздражаясь на него больше, чем на собаку.

— Сам знаю, что хватит, но выходит-то сплошное идиотство.

Нора задумчиво посмотрела в пол, затем внезапно подняла голову и обратилась к Эйнштейну:

— Ты ведь умная псина. И хочешь это доказать. Приятно же постоянно видеть восхищение и уважение со стороны окружающих. В таком случае сделаем вот что: ты научишься отвечать на мои вопросы просто: «да» или «нет».

Собака выжидательно смотрела на нее.

— Если хочешь сказать «да», повиляй хвостом,— сказала Нора.— Но только когда хочешь ответить утвердительно. Постарайся не делать этого по привычке или от избытка чувств. А когда захочешь сказать «нет» — пролай один раз.

Тревис сказал:

— Два раза будет означать «Я лучше погоняюсь за кошками», а три раза — «Принесите мне пива».

— Ты его не путай,— резко сказала Нора.

— А ему меня путать можно, да?

Но ретривер даже не взглянул на Тревиса. Он не сводил своих больших коричневых глаз с Норы, которая еще раз объяснила ему, как отвечать.

— Ну хорошо,— сказала она.— Давай попробуем. Эйнштейн, ты все понял?

Ретривер вильнул хвостом несколько раз.

— Это он случайно,— заметил Тревис.— Без понятия.

Нора задумалась на мгновение, формулируя вопрос, а потом обратилась к собаке:

— Знаешь, как меня зовут?

Хвост пришел в движение.

— Меня зовут Элен?

Пес тявкнул. *Нет.*

— Мери?

Нет.

— Нона?

Ретривер закатил кверху глаза, как бы упрекая ее в неверии в его понятливость. Тяв.

— Меня зовут Нора?

Эйнштейн быстро завилял хвостом.

Засмеявшись от восторга, Нора села рядом с Эйнштейном и обняла его за шею.

— Будь я проклят,— сказал Тревис, подползая к ним.

Нора показала на фотографию, которую пес все еще придерживал лапой.

— Ты выбрал эту картинку, потому что она напоминает тебе о твоих прежних хозяевах?

Нет.

Тревис спросил:

— А ты вообще когда-нибудь жил в семье?

Эйнштейн тявкнул.

— Значит, твое внимание привлекла женщина?

Нет.

— Мужчина в белом халате?

Хвост задвигался. *Да, да, да.*

— Он жил у врача,— предложила Нора.— У ветеринара, наверное.

— Или у ученого,— сказал Тревис, вдруг почувствовав, что нащупал правильную версию.

При слове «ученый» Эйнштейн завилял хвостом.

— Ученый из лаборатории,— сказал Тревис.

Да, да, да.

— Ты — лабораторная собака? — спросила Нора.

Да.

— Подопытное животное,— подсказал Тревис.

Да.

— И поэтому ты такой умный.

Да.

— Потому что над тобой делали опыты.

Да.

У Тревиса заколотилось сердце. Общение состоялось, и не на том весьма приблизительном уровне, на каком оно происходило в тот вечер, когда пес сложил вопросительный знак из галет. Сейчас они могли уже сообщать друг другу вполне конкретные вещи. Сейчас они почти разговаривали — втроем,— и вдруг Тревис понял, что это все меняет. Мир, в котором люди и животные обладают одинаковым интеллектом и живут наравне, имеют равные права, испытывают похожие надежды и видят похожие сны, уже не может оставаться прежним. Конечно, скорее всего, это преувеличение. *Не всем* животным дарованы

человеческое сознание и умственные способности, а всего лишь одной собаке; экспериментальному животному, возможно единственному в своем роде. Но... Господи! Господи! Тревис с благоговением смотрел на ретривера, и по спине у него побежал холодок — но не от страха, а от встречи с неведомым.

Нора обратилась к псу, и в ее голосе послышалось такое же благоговение, которое на мгновение лишило Тревиса дара речи.

— Тебя ведь не просто так выпустили?

Тяв. *Нет.*

— Ты убежал?

Да.

— В то утро, когда я встретил тебя в лесу? — спросил Тревис.— Ты тогда только что вырвался на свободу?

Пес молча смотрел на него, не двигая хвостом.

— За несколько дней до нашей встречи?

Эйнштейн заскулил.

— У него, вероятно, есть чувство времени,— сказала Нора,— поскольку почти все животные придерживаются естественного ритма «день — ночь». В них заложены биологические часы. Но понятие *календарных* дней ему, скорее всего, незнакомо. Он не знает, как делить время на дни, недели и месяцы, поэтому не может ответить на твой вопрос.

— Тогда придется его этому научить,— сказал Тревис.

Ретривер радостно завилял хвостом.

— Убежал...— задумчиво сказала Нора.

Тревис догадывался, о чем она думает.

Обращаясь к собаке, он спросил:

— Тебя ведь, наверное, ищут?

Пес заскулил и вильнул хвостом, всем своим видом выражая беспокойство.

4

Спустя час после заката Лем Джонсон и Клифф Соамс прибыли в Бордо Ридж, сопровождаемые восемью сотрудниками УНБ на двух машинах без опознавательных знаков. Главная дорога поселка была заставлена автомобилями, среди которых выделялись черно-белые машины окружного департамента полиции и микроавтобус патологоанатомической службы.

Лем с раздражением отметил, что пресса уже прибыла. Газетные репортеры и телебригады с портативными видеокамерами толпились у протянутой через дорогу заградительной ленты за несколько десятков метров от места происшествия. Замяв подробности гибели Вэсли Далберга в каньоне Святого Джима и убийство ученых из Банодайна, а также начав кампанию дезинформации, УНБ не позволило прессе установить связь между всеми этими событиями. Сейчас Лем надеялся, что полицейские, охранявшие место происшествия,— доверенные люди Уолта Гейнса и встретят вопросы репортеров невозмутимым молчанием, а в это время он подготовит приемлемую легенду.

Охранники сдвинули в сторону козлы для пилки досок, загораживавшие проход, и пропустили автомобили УНБ за заградительную ленту. Затем козлы были водружены на место.

Лем припарковал машину в конце улицы, недалеко от места происшествия. Клифф остался инструктировать прибывших с ними сотрудников, а Лем зашагал к недостроенному дому, который сейчас находился в центре всеобщего внимания.

Радиостанции патрульных машин наполняли горячий ночной воздух звуками шифрованных переговоров, полицейским жаргоном, шипением и треском помех — у Лема было такое впечатление, что весь мир поджаривается на огромной космической сковородке.

Перед домом на треногах были расставлены переносные софиты для освещения места работы следственной бригады, и Лем почувствовал себя актером на огромной сцене. Ночные насекомые чертили воздух и трепетали вокруг ярких огней, отбрасывая увеличенные тени на пыльную землю.

Наступая на свою гигантскую тень, Лем пересек двор и вошел в дом. Внутри, как и снаружи, все было залито яркими лучами софитов. Белые стены отражали ослепительный свет. Бледные и вспотевшие от невыносимой жары, в этом море света двигались двое молодых полицейских, люди из патологоанатомической службы и, как обычно, сосредоточенные сотрудники из научной службы.

В глубине дома два раза подряд полыхнула вспышка фотоаппарата. В холле было полно народа, поэтому Лем через гостиную, столовую и кухню прошел в заднюю часть дома.

В комнате для завтраков стоял Уолт Гейнс, едва различимый за сиянием софитов с надетыми блендами. Было видно, однако, что его душат одновременно ярость и горе. Известие о гибели сотрудника, очевидно, застало его дома, поскольку на нем были старые кроссовки, мятые, военного образца брюки и рубашка с короткими рукавами в красно-коричневую клетку. Несмотря на большие габариты, бычью шею и мускулистые руки, одеяние Уолта и его согбенная поза придавали ему вид брошенного ребенка.

Из комнаты для завтраков Лем не мог рассмотреть, что находится в прачечной, поскольку обзор заслоняли сотрудники криминалистической лаборатории. Он произнес:

— Мне очень жаль, Уолт. Очень жаль.

— Его звали Тил Портер. Мы с его отцом, Редом Портером, дружим двадцать пять лет. Ред уволился только в прошлом году. Как я скажу ему об этом? Господи. Поскольку мы друзья, то это придется сообщать именно мне. Такое дело никому не перепоручишь.

Лем знал, что Уолт всегда сам шел домой к семьям своих погибших сотрудников, сообщал им горестное известие и делил с ними первые, самые тяжелые минуты.

— Могли погибнуть двое,— сказал Уолт.— Второй вряд ли оправится от потрясения.

— А что... с Тилом?

— Выпущены кишки, как у Далберга. Обезглавлен.

«Аутсайдер,— подумал Лем.— Теперь уже сомневаться не приходится».

Внутрь помещения налетели ночные мошки и бились о стекло прожектора, у которого стояли Лем и Уолт.

Сдерживая ярость, Уолт сказал:

— Голову... так и не нашли. Как я скажу его отцу об этом?

Лем промолчал.

Уолт гневно посмотрел на него.

— Теперь ты не имеешь права отстранять меня от расследования. Теперь, когда один из моих людей мертв.

— Уолт, наше управление работает в обстановке секретности.Черт возьми, но даже число платных агентов держится в секрете. Твое же ведомство находится в центре внимания прессы. Для того чтобы знать, что делать, твои сотрудники должны

точно знать, что нужно искать. А это означает, что большая группа людей получит доступ к секретной информации.

— Твои-то люди все знают.

— Да, но мои сослуживцы давали подписку о неразглашении, прошли тщательную проверку и умеют держать язык за зубами.

— Мои тоже не трепачи.

— Я уверен в этом,— осторожно сказал Лем.— Я уверен, что они не болтают в неслужебной обстановке об обычных делах. Но это дело уникальное. Поэтому все должно оставаться в одних руках.

Уолт сказал:

— Мои люди тоже могут дать подписку.

— А проверка? Нужно будет проверить всех, даже простых клерков. На это уйдут недели или даже месяцы.

Бросив взгляд в сторону столовой, Уолт заметил Клиффа Соамса и агента УНБ, которые разговаривали с двумя полицейскими.

— Ты начал расследование, как только прибыл сюда? Даже предварительно не переговорив со мной?

— Ага. Мы должны быть уверены: твои люди понимают, что не имеют права ни с кем говорить об увиденном здесь сегодня, даже со своими женами. Мы каждому сотруднику объясняем соответствующие федеральные законы, предусматривающие наказание вплоть до тюремного заключения.

— Опять мне тюрьмой грозишь? — сказал Уолт, но на этот раз без юмора, который присутствовал в их разговоре после посещения Трейси Кишан в больнице.

Лем был расстроен не только гибелью полицейского, но и тем, что в их отношения с Уолтом теперь был вбит клин.

— Я не хочу никого сажать. И поэтому хочу, чтобы все понимали, какие могут быть последствия.

— Ну-ка, выйдем,— скривившись, сказал Уолт.

Выйдя наружу, они подошли к патрульной машине, стоявшей перед домом. Уолт сел на водительское место, а Лем рядом с ним.

— Подними стекла, чтобы можно было спокойно разговаривать.

Лем было запротестовал, говоря, что они задохнутся, но, взглянув на Уолта, понял: достаточно небольшой искры, чтобы он взорвался. Поэтому не стал спорить и поднял стекло.

— О'кей,— сказал Уолт.— Мы здесь одни. Не начальник управления УНБ и не шериф. Простые старые друзья. Приятели. Давай рассказывай.

— Черт возьми, Уолт, я не имею права.

— Скажи мне все, и я отстану. Больше не буду вмешиваться.

— Ты все равно не можешь участвовать в этом деле. Тебе не положено.

— Черта с два,— сердито сказал Уолт.— Я могу пойти прямиком вон к тем шакалам.— Он ткнул пальцем в пыльное ветровое стекло, через которое были видны столпившиеся за ограничительной лентой репортеры.— Я могу им сказать, что лабораторный комплекс Банодайн занимался каким-то оборонным проектом, который в один прекрасный день вышел из-под контроля, в результате чего оттуда, несмотря на все меры предосторожности, сбежало что-то странное, и теперь оно бродит по округе и убивает людей.

— Давай, давай,— проговорил Лем.— Тебя не только посадят. Тогда ты — конченый человек.

— Не думаю. В суде я заявлю, что мне пришлось выбирать между интересами государственной безопасности и интересами избирателей, благодаря которым я нахожусь на своем посту. И я скажу, что в критическую минуту я был вынужден поставить безопасность местного населения над интересами бюрократов из министерства обороны в Вашингтоне. Я уверен, что любой суд присяжных меня оправдает. Никуда меня не посадят, а вот на очередных выборах за меня проголосует еще больше народа, чем в прошлый раз.

— Вот дерьмо,— произнес Лем, понимая, что Уолт прав.

— Если ты мне расскажешь все сейчас, убедишь, что твои люди лучше справятся с этим расследованием, тогда я уйду с дороги. В противном случае я предам это дело всеобщей огласке.

— Ты заставляешь меня нарушить секретность. Это все равно что самому сунуть голову в петлю.

— Никто же не узнает о нашем разговоре.

— Да? Ради бога, Уолт, зачем тогда ставить меня в такое дурацкое положение? Только чтобы удовлетворить твое любопытство?

Уолт с обидой посмотрел на него.

— Не то ты говоришь, черт тебя возьми. Это не простое любопытство.

— А что?

— Один из моих людей мертв!

Откинувшись на сиденье, Лем закрыл глаза и вздохнул. Уолт должен знать, *почему* он не может расследовать это дело и мстить за убийство одного из своих людей. Его профессиональный долг и честь не позволят ему отступить, если он не узнает все. Лем почувствовал себя в безвыходном положении.

— Ну что, я пошел к репортерам? — спокойно спросил Уолт.

Лем открыл глаза и ладонью вытер пот с лица. В машине было душно, и ему хотелось опустить стекло. Мимо них, однако, снаружи все время сновали люди, и он не мог допустить, чтобы кто-нибудь услышал то, что Лем собирался рассказать Уолту.

— Ты был прав, ноги растут из Банодайна. В течение нескольких лет они занимаются там оборонными исследованиями.

— Биологическая война? — спросил Уолт.— Разведение нехороших вирусов?

— Возможно, и это тоже,— ответил Лем.— Но бактериологическое оружие не имеет ничего общего с этим делом, поэтому я буду говорить только о тех исследованиях, которые непосредственно относятся к нему.

Стекла в машине начали запотевать, и Уолт включил двигатель. Кондиционера не было, но даже слабый теплый воздух, начавший поступать от вентилятора, приносил некоторое облегчение.

Лем сказал:

— Работа велась по нескольким исследовательским программам под общим названием «Проект "Франциск"». В честь святого Франциска Ассизского.

Удивленно морщив, Уолт спросил:

— Они назвали военный проект именем святого?

— С названием как раз все в порядке. Святой Франциск умел разговаривать с птицами и животными. А в Банодайне доктор Дэвис Вэтерби работал над проектом, цель которого — достигнуть определенного уровня общения между человеком и животными.

— Изучение языка животных, что ли?

— Нет. Идея заключалась в том, чтобы с помощью последних достижений генной инженерии создать животных с таким высоким уровнем интеллекта, который позволял бы им на равных общаться с людьми и думать на человеческом уровне.

У Гейнса от удивления отвисла челюсть.

Лем сказал:

— Там было несколько исследовательских групп, которые проводили различные эксперименты по проекту «Франциск». Все они финансировались на протяжении по крайней мере последних пяти лет. Так, например, группа Дэвиса Вэтерби занималась собаками...

Доктор Вэтерби работал со спермой и яйцеклеткой золотистых ретриверов, выбранных им для эксперимента, потому что эта порода имеет более чем столетнюю историю. Во-первых, в генетическом коде чистопородных животных ослаблено присутствие наследственных болезней, что давало Вэтерби здоровых и умных подопытных животных. Во-вторых, если в результате эксперимента рождались щенки с какими-нибудь отклонениями от нормы, Вэтерби было проще отличить естественные мутации от побочных эффектов его собственных манипуляций с наследственностью подопытных животных и, таким образом, учиться на собственных ошибках.

На протяжении нескольких лет, стараясь увеличить интеллектуальные способности породы, не производя изменений в физическом облике животных, Вэтерби искусственно оплодотворял сотни генетически измененных яйцеклеток ретриверов, а затем помещал их в матку самок, которым предстояло вынашивать потомство. Самки вынашивали потомство в течение полного срока, а затем Вэтерби изучал новое поколение на предмет выявления повышенного интеллекта.

— Было очень много неудачных экспериментов,— сказал Лем.— Рождались физические уроды, которых приходилось уничтожать. Рождались мертвые щенки. Щенки, которые внеш-

не выглядели нормальными, но отставали в умственном развитии. Вэтерби занимался также генетическим скрещиванием различных видов животных, так что можешь себе вообразить, какие непривлекательные варианты возникали.

Уолт смотрел прямо перед собой на ставшее совершенно непрозрачным лобовое стекло.

— Генетическое скрещивание? Что ты имеешь в виду?

— Видишь ли, он отделял генетические доминанты интеллекта в видах, которые по своей природе умнее ретриверов.

— Обезьяны, что ли? Они ведь считаются умнее собак, так ведь?

— Ну да... обезьяны... и люди.

— Господи помилуй,— сказал Уолт.

Лем направил отражатель вентилятора себе в лицо.

— Вэтерби внедрял этот чужой генетический материал в генетический код ретриверов и одновременно убирал некоторые гены в самой собаке, которые, как он считал, ограничивают ее умственные способности.

Уолт подскочил.

— Но это невозможно! Этот, как ты говоришь, генетический материал невозможно внедрять от одного вида другому!

— В природе это происходит постоянно,— сказал Лем.— Генетический материал переносится от одного вида к другому. И носителем в данном случае является вирус. Ну, скажем, в резус-мартышках живет какой-нибудь вирус. В организме обезьяны этот вирус набирается генетического материала из живых клеток. И эти обезьяньи гены становятся частью самого вируса. Позже, когда вирус поражает человеческий организм, он способен оставить в нем генетический материал обезьян. Возьмем, например, вирус СПИДа. Существует мнение, что некоторые обезьяны и люди годами были носителями этого вируса, но не заболевали самой болезнью; я хочу сказать, стали чистыми носителями. Но потом что-то случилось с обезьянами — какое-то негативное генетическое изменение, которое сделало их не только носителями, но и жертвами вируса СПИДа. Обезьяны начали умирать от самой болезни. Потом, когда вирус попал в человеческий организм, он привнес с собой новый генетический материал, способствующий заболеванию, и вскоре люди уже стали заражать друг друга. Примерно так обстоят дела в

природе. А в лаборатории это можно воспроизвести еще более наглядно.

Глядя на запотевшее боковое стекло, Уолт сказал:

— Итак, Вэтерби удалось создать собаку с человеческим интеллектом?

— Это был долгий, медленный процесс, но постепенно приходил успех. И вот меньше года назад родился щенок-вундеркинд.

— Он думает так же, как человек?

— Возможно, не так же, но то же.

— И на вид это обычная собака?

— Так этого требовал Пентагон. Что, я думаю, сильно затруднило работу Вэтерби. Ведь ясно: размер мозга имеет отношение к умственным способностям, и Вэтерби, конечно, намного раньше добился бы успеха, если бы создал ретривера с мозгом большего размера. Но это привело бы и к увеличению черепа, поэтому собака имела бы необычный вид.

К этому моменту в машине запотели все стекла, но ни Уолт, ни Лем не пытались их протереть. Не видя того, что происходит за пределами теплого, влажного салона автомобиля, они чувствовали себя отрезанными от внешнего мира как во времени, так и в пространстве — в состоянии, странным образом настраивающем на размышления об удивительных и возмутительных вещах, на которые способна генная инженерия.

Уолт сказал:

— Пентагону была нужна собака, которая выглядела бы обычно, но могла думать, как человек. Зачем?

— Представь, какие возможности открываются для шпионажа,— сказал Лем.— Во время войны она может спокойно разгуливать по вражеской территории, подсчитывая количество техники и личного состава. Эти умные животные, с которыми возможен контакт, возвращаются назад и рассказывают все, что они видели и слышали.

— *Рассказывают?* Ты хочешь сказать, что собак можно научить разговаривать? Лем, ты шутишь!

Лему стало жалко своего друга, который с трудом представлял себе такие возможности. Современная наука движется вперед быстрыми темпами и каждый год делает столько революционных открытий, что для непосвященных обывателей

стирается грань между наукой и волшебством. Только немногим из них понятно, что мир сегодняшний отличается от того, каким он станет через двадцать лет, так же, как 80-е годы XVIII века отличаются от 80-х годов века XX. За этими изменениями невозможно уследить, и когда это на мгновение удается — как в случае с Уолтом,— то человека одновременно охватывают восхищение и страх.

Лем сказал:

— Наверное, можно на генетическом уровне сделать так, что собака сможет разговаривать. Может быть, это даже не очень трудно — я не знаю. Но ведь надо будет создать ей другой голосовой аппарат, изменить язык и губы — а значит, изменить наружность весьма радикальным образом, что не подходит для целей Пентагона. Поэтому *таким* собакам не суждено разговаривать. Но общение, разумеется, будет иметь место с помощью какой-нибудь сложной знаковой системы.

— Ты так серьезно все это говоришь,— сказал Уолт.— Это же дурацкий розыгрыш, почему же ты не смеешься?

— Ты только подумай,— сказал Лем терпеливо,— в мирное время... представь, что президент Соединенных Штатов дарит ретривера-однолетку советскому руководителю. Пес живет в его доме, сидит у него в офисе и присутствует при разговорах высших партийных чиновников. Время от времени, скажем раз в несколько недель или месяцев, собака выскальзывает из дома ночью, встречается с американским агентом в Москве и докладывает.

— *Докладывает?* Ты совсем рехнулся? — Уолт засмеялся, но смех его прозвучал довольно натужно, из чего Лем заключил, что скептицизм шерифа поколеблен, несмотря на внешнюю иронию.

— Я говорю тебе, это возможно, такая собака на самом деле создана в лабораторных условиях путем оплодотворения генетически измененной яйцеклетки генетически измененной спермой и вынашивания плода неродной матерью-самкой. После года содержания в лаборатории Банодайна утром семнадцатого мая эта собака убежала, проделав ряд сложных действий, против которых оказалась бессильна даже система сигнализации и охраны.

— И пес сейчас на свободе?

— Да.

— И он убивает...

— Нет,— сказал Лем.— Собака — абсолютно безвредное, доброе и чудесное животное. Я бывал в лаборатории у Вэтерби, когда тот работал с ретривером, и даже общался с псом в определенном смысле. Честно тебе говорю, Уолт, когда видишь это животное в действии, начинаешь понимать: еще не все потеряно.

Уолт недоуменно уставился на него.

Лему не хватало слов для того, чтобы выразить свои чувства. От нахлынувших эмоций у него стало тесно в груди.

— Ну, понимаешь... если мы, люди, можем делать такие поразительные вещи, создавать такие чудеса, значит, внутри нас есть что-то очень сокровенное и ценное, что бы там ни говорили разные пессимисты и пророки. Если мы создадим такое, значит, в нас присутствует божественное начало. Мы делаем не только смертоносное оружие, но еще и создаем жизнь. Если мы сможем поднять представителей какого-нибудь вида животных до нашего уровня, сумеем поделить мир с другими живыми существами... значит, изменятся и наша вера, и наша философия. Переродив ретривера, мы начали свое собственное перерождение. Подняв собаку на высший уровень сознания, мы поднимаемся сами.

— Господи, Лем, ты вроде как проповедь мне читаешь.

— Правда? Это потому, что у меня было больше времени подумать обо всем об этом, чем у тебя. Со временем и ты поймешь, о чем я здесь говорил. Ты ощутишь, что человечество движется в сторону добра — и оно этого заслуживает.

Уолт Гейнс долго смотрел на запотевшее стекло, как будто читая написанные на нем невидимые строки.

Затем он произнес:

— Может быть, все это верно. Может быть, мы и стоим на пороге нового мира. Но пока что мы живем в прежнем мире и должны еще кое в чем разобраться. Если не собака убила моего человека, то кто?

— Той же ночью из Банодайна кроме собаки сбежало еще одно существо,— сказал Лем. Его эйфория угасла от необходимости признать обратную сторону проекта «Франциск».— Оно известно под кличкой Аутсайдер.

5

Держа в руках журнал с рекламой, на которой автомобиль для сравнения с тигром был помещен в железную клетку, Нора сказала Эйнштейну:

— Хорошо, посмотрим, что мы еще можем выяснить. Что ты скажешь вот на это? Что заинтересовало тебя на этой картинке? Машина?

Эйнштейн коротко пролаял: *Нет.*

— Может быть, тигр? — спросил Тревис.

Нет.

— Клетка? — спросила Нора.

Собака завиляла хвостом: *Да.*

— Ты выбрал эту картинку потому, что тебя держали в клетке? — спросила Нора.

Да.

— А заключенный на другой картинке напомнил тебе о том, что испытываешь, когда находишься под замком?

Да.

— Скрипка,— сказала Нора.— Кто-нибудь в лаборатории играл для тебя на скрипке?

Да.

— Интересно, зачем? — спросил Тревис.

На этот вопрос пес не смог ответить.

— Тебе нравилась игра на скрипке? — спросила Нора.

Да.

— А вообще музыка тебе нравится?

Да.

— Ты любишь джаз?

Собака не залаяла и не завиляла хвостом.

Тревис сказал:

— Он не знает, что такое джаз. Я думаю, они не давали ему слушать джазовую музыку.

— А рок-н-ролл тебе нравится? — спросила Нора.

Эйнштейн тявкнул и одновременно завилял хвостом.

— Что это должно означать? — спросила Нора.

— Наверное, и «да» и «нет»,— сказал Тревис.— Что-то нравится, а что-то — нет.

Ретривер завилял хвостом, подтверждая предположение Тревиса.

— А классика? — спросила Нора.

Да.

— Да этот пес просто сноб,— сказал Тревис.

Да, да, да.

Нора в восторге рассмеялась, потом засмеялся Тревис, а Эйнштейн со счастливым видом стал тыкаться в них носом и облизывать языком.

Тревис выхватил еще одну картинку, изображавшую мужчину на тренажере «бегущая дорожка».

— Тебя ведь из лаборатории не выпускали. Но ты должен был поддерживать физическую форму. И тебе пришлось пользоваться «бегущей дорожкой»?

Да.

Чувство открытия неведомого переполняло их. Тревис вряд ли был бы больше возбужден и потрясен, даже если бы ему вдруг пришлось столкнуться с внеземным разумом.

6

«Я падаю в кроличью нору, прямо как Алиса»,— подумал Уолт Гейнс, воспрянув.

Весь этот новый мир с его космическими полетами, бытовыми компьютерами, телефонной спутниковой связью, промышленными роботами и вот теперь — биологической инженерией, совершенно не совпадал с тем миром, в котором он родился и вырос. Да что там говорить — во время Второй мировой войны, когда Уолт был ребенком, не существовало даже реактивных самолетов. Он прожил жизнь в гораздо более простом мире. В нем присутствовали похожие на корабли «крайслеры» с «плавниками» сзади, телефоны с дисками вместо кнопок и часы со стрелками вместо цифровых дисплеев. Когда Гейнс родился, телевидения не было и в помине, а возможность ядерного Армагеддона тогда никто не мог даже предсказать. У него было такое чувство, будто он переступил через невидимый барьер в мир, который движется по скоростной трассе. Это новое царство высоких технологий и восхищало, и пугало его.

Сама идея создания разумной собаки пробуждала в Уолте детские мечты, и ему захотелось улыбаться.

Однако другое существо, Аутсайдер, убежавшее из лаборатории, внушало ему непреодолимый страх.

— У собаки нет клички,— сказал Лем Джонсон,— и это в порядке вещей. Большинство ученых не дают кличек подопытным животным, поскольку, как только между ними возникают личностные отношения, трудно сохранять объективность в исследованиях. Поэтому псу был присвоен номер. Но даже когда стало ясно, что эксперимент удался и ретривера не придется уничтожать, даже тогда ему не дали клички. Все просто называли его «собака», и этого было достаточно, поскольку у других животных был только номер. Ну вот, а в то же самое время доктор Ярбек работала по другой программе проекта «Франциск», и ее усилия также увенчались успехом.

Ярбек стремилась создать животное с резко повышенным интеллектом. Оно должно было находиться рядом с людьми в районах боевых действий — как собаки сопровождают полицейских на опасные задания. По замыслу Ярбек, этот зверюга был бы не только умен, но и страшен. Безжалостный, действующий скрытно, хитрый, он наводил бы ужас на противника. Его с одинаковым успехом можно было бы использовать для ведения войны как в джунглях, так и в условиях городской местности. Ярбек понимала, конечно, что ее творение не может обладать человеческим интеллектом или быть столь же умным, как собака, созданная Вэтерби. Было бы безумием произвести живое оружие убийства с таким же уровнем интеллекта, каким обладают люди, которым предстоит использовать его и управлять им. Все читали «Франкенштейна» и видели старые фильмы Карлоффа, поэтому понимали опасность, таящуюся в эксперименте Ярбек.

Выбрав в качестве подопытных животных приматов из-за их природной сообразительности и похожих на человеческие конечностей, Ярбек остановилась на бабуинах как на основном виде, наиболее пригодном для осуществления ее мрачных целей. Бабуины — самые умные среди сородичей — отличный исходный материал. От природы они злобные и бесстрашные бойцы с весьма длинными острыми когтями и зубами, способны стоять насмерть, защищая свою территорию, и нападают на всякого, кого считают врагом.

Первое, с чего начала Ярбек,— попыталась изменить размеры бабуина, для того чтобы он мог противостоять взрослому

мужчине,— сказал Лем.— Она считала, что в нем должно быть по крайней мере пять футов росту и сто — сто десять фунтов весу.

— Не такой уж и большой,— заметил Уолт.

— Достаточно большой.

— Человека такого роста я бы мог прихлопнуть как муху.

— Человека — да. Но не такое существо. В нем — сплошные мускулы, ни грамма жира. И потрясающая реакция. Вспомни, что бычок весом в пятьдесят фунтов может сделать котлету из взрослого человека. А зверюга весом в сто десять фунтов — соображаешь, что это за боец?

Покрытое серебристой испариной лобовое стекло автомобиля, казалось, превратилось в киноэкран, на котором перед Уолтом предстала череда изуродованных трупов: Вэс Далберг, Тил Портер... Он сомкнул веки, но покойники все еще стояли у него перед глазами.

— О'кей, о'кей, согласен. Сто десять фунтов вполне достаточно для существа, предназначенного для убийств.

— Ну вот, Ярбек и создала породу бабуинов, которые вырастают до больших размеров. Затем она стала работать над спермой и яйцеклеткой этих гигантских приматов, убирая некоторые гены и добавляя новые.

Уолт сказал:

— Тот же самый метод, как и в случае с умной собакой.

— В принципе да. Но не совсем. Ярбек хотела, чтобы у ее творения была мощная, страшная челюсть, как у немецкой овчарки или у шакала, чтобы в его пасти помещалось как можно больше зубов. Сами зубы должны быть длиннее, острее и более изогнутыми по форме, что привело бы к изменению формы головы бабуина и ее лицевой части. Череп необходимо было увеличить в любом случае, чтобы туда поместился больший по размеру мозг. Ярбек, в отличие от Вэтерби, не была ограничена физическими рамками. Наоборот, чем страшнее, чем чужеродное получилось бы создаваемое ею существо, тем лучше, поскольку оно предназначалось не только для преследования и убийства, но и чтобы наводить ужас на противника.

Несмотря на жару и духоту, царившие в салоне автомашины, Уолт Гейнс почувствовал холод внизу живота, как будто наглотался ледяных кубиков.

— А Ярбек и другие — они никогда не задумывались об аморальности всего этого? Они читали когда-нибудь «Остров доктора Моро»? Лем, ты обязан предать это дело гласности. И я тоже.

— Так вопрос не стоит,— сказал Лем.— Идея о том, что существуют добрые и злые знания...— это, строго говоря, религиозная точка зрения. Действия людей могут быть моральными и аморальными, а знания нельзя классифицировать таким способом. Для ученого, для любого образованного человека все знания морально нейтральны.

— Все верно, но я, черт возьми, говорю о применении знаний. В случае с Ярбек оно не было нейтральным.

Сидя на веранде по выходным и попивая пиво «Корона», они любили рассуждать на такие темы. Философы с заднего двора. Любители пива, наслаждающиеся собственной мудростью. Иногда моральные дилеммы, которые они обсуждали, вставали перед ними в полицейской практике, но такой явной связи между их спорами и работой, как сейчас, Уолт припомнить не мог.

— Применение знаний — часть процесса познания,— сказал Лем.— Ученый должен внедрять свои открытия, чтобы знать, куда они его могут завести. Моральная ответственность лежит на тех, кто выводит технологию за пределы лабораторий и использует ее в аморальных целях.

— И ты веришь в эту брехню?

Лем помолчал с минуту.

— Думаю, что верю. Мне кажется, если бы мы привлекали к ответственности ученых за последствия, к которым могут привести их исследования, они, во-первых, отказались бы работать, а во-вторых, всякий прогресс вообще бы остановился. Мы так бы и жили в пещерах.

Уолт достал чистый платок из кармана и промокнул лицо, давая себе минуту на размышление. Жара и духота уже не беспокоили его. Но от одной мысли о смертоносной твари, шныряющей сейчас по графству Оринджи, пот катился с него градом.

Ему хотелось известить весь мир о том, что что-то невиданное и опасное бесконтрольно бродит по земле. Поступи он так, Уолт сыграл бы на руку новым луддитам, не замедлившим начать общественную истерию в попытке положить конец исследованиям подобного рода. Но ведь именно с помощью таких исследований создали сорта кукурузы и пшеницы, которые можно выращивать на бедных и засушливых почвах, и в результате на земле стало меньше голодных. А много лет назад был получен вирус, способный производить дешевый инсулин в виде побочного продукта. Если поведать миру об ужасном творении доктора Ярбек, можно наверняка спасти несколько жизней, но одновременно существует риск, что прекращение генетических исследований повлечет за собой гибель тысяч людей в дальней перспективе.

— Черт бы все побрал,— сказал Уолт.— На белое и черное тут не разделишь.

— Это и делает нашу жизнь интереснее,— заметил Лем.

Уолт кисло улыбнулся.

— Слишком уж она интересная стала в последнее время. О'кей, я согласен, что в этом расследовании нужно попридержать языки. Кроме того, если предать его гласности, то завтра в здешних местах будут бродить тысячи дураков-добровольцев, которые либо погибнут от зубов этой твари, либо по ошибке перестреляют друг друга.

— Это точно.

— Но мои сотрудники помогут держать это дело в секрете.

Лем начал рассказывать ему о сотне морских пехотинцев, переодетых в гражданскую одежду, оснащенных самым современным снаряжением и в отдельных случаях сопровождаемых собаками-ищейками, которые продолжали прочесывать холмы.

— Людей привлечено к расследованию больше, чем нужно. Делается все возможное. Ты не должен вмешиваться.

Уолт нахмурился.

— Хорошо. Но я хочу иметь полную информацию о ходе поисков.

— Договорились,— кивнул Лем.

— У меня есть еще вопросы. Например, почему его зовут Аутсайдер?

— Видишь ли, собака первая из всех подопытных животных проявила необычные умственные способности. А эта тварь — уже потом. Эксперименты имели успех только в этих двух случаях. Сначала они звали его Чужой, но потом им по-

казалось, что Аутсайдер подходит ему больше, поскольку он не представлял собой усовершенствованный вариант ни одной Божьей твари, а является чем-то совершенно посторонним — существом со стороны. И оно знало о своем статусе аутсайдера, очень хорошо знало.

— А почему они не назвали его просто бабуином?

— Потому что... оно... он уже больше не похож на бабуина. Ты вообще ничего подобного не видел — разве что в ночном кошмаре.

Уолту не понравилось выражение лица его темнокожего друга, и он решил не расспрашивать подробно о наружности Аутсайдера — возможно, ему не следовало это знать.

Вместо этого Уолт поинтересовался:

— А как насчет Хадстонов, Вэтерби и Ярбеков? Что стоит за всеми этими смертями?

— Мы не знаем, кто конкретно нажимал на спусковой крючок, но утверждаем: преступник нанят Советами. Убит еще один человек из Банодайна, который находился на отдыхе в Акапулько.

Уолт ощутил невидимый барьер, перейдя который он оказывался в еще более сложном мире.

— Советы? Ты сказал, Советы? А они-то как оказались втянутыми в это дело?

— Пока нам не известно, какими именно сведениями о проекте «Франциск» они располагают,— сказал Лем.— Но, очевидно, информация у Советов есть. Ясно, что в Банодайне у них был агент, который сообщал им о том, как идут дела. Когда собака, а затем Аутсайдер убежали из лаборатории, Советы узнали об этом, решили воспользоваться неразберихой и причинить нам побольше неприятностей. Советы организовали убийства всех ведущих специалистов: Ярбек, Вэтерби, Хейнса и Хадстона, который, кстати, уже не работал в Банодайне. Мы считаем, они занимались этим по двум причинам: во-первых, чтобы остановить проект «Франциск», а во-вторых, затруднить нам поимку Аутсайдера.

— А как ее можно затруднить?

Тяжесть ответственности за это дело, казалось, вдавила Лема в сиденье машины. Он сказал:

— Устранив Хадстона, Хейнса и особенно Вэтерби и Ярбек, Советы лишили нас возможности понять, каким образом думают Аутсайдер и собака. Только эти люди знали, куда могли направиться животные после побега и как их можно поймать.

— А ты уверен, что это дело рук Советов?

Лем вздохнул:

— Не совсем. Я занимаюсь поимкой собаки и Аутсайдера. А поиск советских агентов, осуществивших убийства, поджог и перехват информации, возложен на другую команду. К сожалению, Советы, кажется, наняли людей, не принадлежащих к их агентурной сети, поэтому мы не представляем, откуда начинать поиск. Эта часть расследования практически стоит на месте.

— А пожар в Банодайне?

— Определенно поджог. В огне пропала вся бумажная и компьютерная документация по проекту «Франциск». Разумеется, существовали запасные диски в другом месте... но каким-то образом информация, записанная на них, оказалась стертой.

— Опять Советы?

— Наверное. Таким образом, уничтожены как руководители проекта, так и вся документация, и нам приходится только гадать, как работают мозги у собаки и Аутсайдера и как можно осуществить их поимку.

Уолт замотал головой.

— Никогда не думал, что окажусь на стороне русских, но мне по душе их идея остановить проект.

— Не думай только, что они такие благородные. Я слышал, у них на Украине разрабатывается аналогичный проект. И у меня нет сомнения, что наши люди там делают то же самое, что их люди здесь. В любом случае, Советам хотелось бы, чтобы Аутсайдер оказался в каком-нибудь мирном пригороде и распотрошил там несколько домохозяек и маленьких ребятишек. Когда такое случится пару-тройку раз, этот проект уже точно обернется против нас.

Услышав про маленьких ребятишек, Уолт содрогнулся.

— И такое может случиться?

— Надеемся, что нет. Аутсайдер агрессивен, как сто чертей — его так запрограммировали,— и испытывает особую ненависть к своим создателям; этого Ярбек не ожидала и предполагала исправить в последующих поколениях. Аутсайдер получает высшее наслаждение от уничтожения людей. Но он

умен и знает, что каждое убийство приближает нас к его поимке. Поэтому зверюга попытается сдержать свою ярость. Большую часть времени он будет проводить вдали от людей, передвигаясь в основном по ночам. Иногда, правда, из любопытства он может забрести в жилые кварталы в восточном районе округа...

— К Кишанам Аутсайдер уже забрел.

— Ну да. Только я думаю, что он пришел туда не с целью убить кого-то. Простое любопытство. Чудовище не хочет, чтобы его поймали прежде, чем оно выполнит свою главную задачу.

— Какую?

— Найти и убить собаку.

Уолт удивился.

— А что ему далась эта собака?

— Мы точно не знаем,— ответил Лем.— Но в Банодайне он выказывал особую ненависть к ней, еще большую, чем к людям. Когда Ярбек общалась с Аутсайдером с помощью специально разработанной знаковой системы, он несколько раз выражал желание убить и изуродовать ретривера. Но не объяснял почему.

— И ты думаешь, что сейчас Аутсайдер идет по следу?

— Да. Собака первой убежала из лаборатории — это установлено следствием,— и ее побег буквально взбесил Аутсайдера. Его держали в специальном помещении в лаборатории Ярбек, и все там внутри — спальные принадлежности, учебные пособия, игрушки — было разнесено в клочья. Сообразив, что ретривер может навсегда оказаться за пределами его досягаемости, Аутсайдер пошевелил мозгами и нашел способ убежать.

— Но собаке, наверное, удалось оторваться...

— Между Аутсайдером и псом существует необъяснимая связь. На психическом уровне. Мы не знаем, насколько она сильна, но предполагаем, что они инстинктивно чувствуют друг друга на значительном расстоянии. Это своего рода шестое чувство, явившееся побочным эффектом экспериментов, проведенных Вэтерби и Ярбек. Правда, это всего лишь предположение. Нельзя сказать наверняка. Нам так мало известно, что ощущаешь себя полным дерьмом!

В течение нескольких мгновений собеседники хранили молчание.

Душная теснота автомашины уже не была такой неприятной. Там, снаружи, подстерегало столько опасностей, что влажный салон казался безопасным и уютным местом, настоящим раем.

Несмотря на боязнь ответов, которые он может получить на свои вопросы, Уолт тем не менее сказал:

— В Банодайне — строгий режим секретности. Туда трудно проникнуть, но и выйти оттуда, вероятно, непросто. Однако и собаке, и Аутсайдеру это удалось.

— Да.

— И конечно, никто не мог подумать, что это окажется возможным. Значит, они в действительности умнее, чем предполагали их создатели.

— Да.

— В случае с собакой... Если она разумнее, это значит... Но собака не агрессивна.

Лем встретился глазами с Уолтом.

— А если Аутсайдер умнее... если его интеллект почти такой же, как у человека, тогда поймать его будет очень сложно.

— Почти такой же или такой же.

— Нет. Этого не может быть.

— Или даже умнее,— сказал Уолт.

— Нет. Невозможно.

— Невозможно?

— Нет.

— Ты это точно знаешь?

Лем вздохнул, устало потер глаза и промолчал. Он не собирался снова врать своему лучшему другу.

7

Перебирая картинки одну за другой, Нора и Тревис узнавали об Эйнштейне все новые и новые подробности. Издавая короткий лай или виляя хвостом, пес отвечал на их вопросы. Например, он подтвердил, что выбрал картинку с рекламой компьютеров, так как она напомнила ему о компьютерах, увиденных им в лаборатории. Картинка, изображавшая четверых молодых людей, играющих в полосатый пляжный мяч, привлекла его внимание потому, что один из сотрудников лабора-

тории использовал мячи в тестах на умственные способности; эта процедура особенно нравилась Эйнштейну. Им не удалось выяснить, почему он выбрал изображения попугая, бабочек, Микки Мауса и еще целый ряд картинок. Они не сумели задать псу подходящие вопросы, на которые он мог бы ответить однозначно: «да» или «нет».

Но, даже несмотря на то что сотни их вопросов остались без ответа, сам процесс открытия возбуждал и радовал их — успех был налицо. Один только раз их радость омрачилась: когда они начали расспрашивать Эйнштейна об изображении демонического существа с рекламы нового фильма ужасов. Собака пришла в страшное возбуждение. Поджав хвост, она обнажила клыки и издала грозное рычание. Несколько раз ретривер пятился от картинки за диван или в соседнюю комнату и находился там несколько минут, затем неохотно возвращался, чтобы ответить на дополнительные вопросы. И все это время его почти непрерывно била дрожь.

Потратив по крайней мере десять минут на выяснение причин такого поведения, Тревис ткнул пальцем в изображение зубастого чудища со светящимися глазами и сказал:

— Ты, наверное, не понял, Эйнштейн. Это не изображение живого, настоящего существа. Это бутафорский демон из кинофильма. Ты понимаешь это слово — бутафорский?

Эйнштейн завилял хвостом: да.

— Ну вот, это бутафорский, ненастоящий монстр.

Нет.

— Да,— сказал Тревис.

Нет.

Эйнштейн попытался снова спрятаться за диваном, но Тревис ухватил его за ошейник.

— Ты хочешь сказать, что видел такую тварь живьем?

Пес поднял глаза на Тревиса, содрогнулся и заскулил.

Держа его за ошейник, Тревис почувствовал эту дрожь, а страх в глазах Эйнштейна передался ему самому. Ощущая, как мурашки бегут по телу, Тревис подумал: «Господи, ведь он на самом деле видел такое существо».

Заметив перемену в Тревисе, Нора спросила:

— Что случилось?

Вместо ответа Тревис повторил тот же вопрос:

— Ты хочешь сказать, что видел такое существо наяву?

Да.

— И оно в точности такое?

Да и нет.

— Похоже на него?

Да.

Выпустив из рук ошейник, Тревис погладил пса по спине, стараясь успокоить его, но Эйнштейн продолжал дрожать.

— И поэтому ты стоишь на страже у окна почти каждую ночь?

Да.

Обеспокоенная угнетенным состоянием собаки, Нора сказала:

— Я думала, ты опасаешься, что люди из лаборатории обнаружат тебя.

Эйнштейн коротко пролаял.

— Тебя не пугает, что они тебя разыщут?

Да и нет.

Тревис сказал:

— Ты боишься, что этот... это существо найдет тебя?

Да, да, да.

— Это то самое существо, которое гналось за нами там, в лесу, и это в него я стрелял?

Да, да, да.

Тревис бросил взгляд на Нору. Она нахмурилась.

— Но ведь это только монстр из кинофильма. На самом деле ведь ничего такого не бывает.

Собака прошлепала между разложенными на полу журнальными фотографиями и выбрала рекламу Голубого Креста, изображавшую врача и молодую мать с младенцем. Она взяла журнал и принесла его к их ногам. Затем Эйнштейн ткнулся носом в изображение доктора и взглянул на Нору, на Тревиса, потом опять стал тыкать носом в картинку и выжидательно поднял глаза.

— Мы уже догадались, что доктор напоминает тебе одного из ученых, кто занимался с тобой в лаборатории,— сказала Нора.

Да.

Тревис спросил:

— А сейчас ты хочешь сообщить, что этот ученый знает о существе, которое было там, в лесу?

Да.

Эйнштейн вновь принялся разглядывать картинки и на этот раз подобрал рекламу автомобиля, помещенного в клетку. Ткнувшись носом в изображение клетки, он, поколебавшись немного, дотронулся до картинки с демоном.

— Ты хочешь сказать, что это существо должно быть посажено в клетку? — спросила Нора.

Да.

— Более того,— уточнил Тревис,— я думаю, он хочет сказать, что видел его в клетке.

Да.

— В той же самой лаборатории, где ты тоже сидел в клетке?

Да, да, да.

— Еще одно подопытное животное? — спросила Нора.

Да.

Тревис принялся изучать изображение демона: тяжелые надбровные дуги, глубоко посаженные глаза, уродливую пасть, густо усаженную зубами. Наконец он произнес:

— Это был неудачный эксперимент?

Да и нет,— ответил Эйнштейн.

Придя в крайнее возбуждение, пес подбежал к окну, поставил передние лапы на подоконник и стал всматриваться в сумерки, опустившиеся на Санта-Барбару.

Нора и Тревис сидели на полу, перебирали журналы и книги и радовались достигнутому успеху. На них вдруг навалилась усталость. Они озадаченно посмотрели друг на друга.

— Как ты думаешь, Эйнштейн способен выдумывать всякие истории, как это делают дети? — спросила Нора тихо.

— Не знаю. Умеют ли собаки врать или это чисто человеческие способности? — Тревис засмеялся над абсурдностью собственного вопроса.— Может ли лось баллотироваться в президенты? Можно ли научить корову петь?

Нора засмеялась ему в тон:

— Могут ли утки отбивать чечетку?

Желая подурачиться после интеллектуальных и эмоциональных трудностей, испытанных во время общения с Эйнштейном, Тревис сказал:

— Один раз я видел селезня, отбивающего чечетку.

— Ну да?

— Да. В Лас-Вегасе.

Нора спросила со смехом:

— И в каком отеле он давал представление?

— В «Цезарь-Паласе». Кроме того, он еще и пел.

— Селезень?

— Ага. Знаешь, как его звали?

— Как?

— Сэмми Дэвис Дак Мл.,— ответил Тревис, и они рассмеялись.— Он был такой большой звездой, что даже не посчитали нужным указать полностью его имя на афише.

— Там было написано просто «Сэмми», да?

— Нет. Просто «Мл.».

Эйнштейн вернулся к ним и, склонив голову набок, пытался понять, что их так забавляет.

Озадаченное выражение на морде ретривера еще больше развеселило Нору и Тревиса. Обессилев от смеха, они повалились друг на друга.

Презрительно фыркнув, пес пошел назад к подоконнику. К моменту, когда затих смех, Тревис вдруг обнаружил, что *обнимает* Нору, а ее голова лежит у него на плече и впервые за время их знакомства между ними существует такой тесный физический контакт. Он вдыхал чистый, свежий запах ее волос и чувствовал жар ее тела. Внезапно им овладело сильное желание обладать ею, и Тревис понял: как только она поднимет голову с его плеча, он ее поцелует. Через мгновение Нора действительно подняла голову, и Тревис сделал то, что собирался,— поцеловал ее, и она поцеловала его. В течение первых нескольких секунд Нора как будто не понимала происходящего — в их поцелуе отразилась не страсть, а нечто гораздо более невинное: дружба и нежность друг к другу. Затем ее губы стали мягче, дыхание участилось, и, сжав его руку, она попыталась придвинуться поближе. Пробормотав что-то, Нора вдруг, казалось, очнулась от звука собственного голоса. Все тело ее напряглось, почувствовав в Тревисе мужчину, и ее красивые глаза широко раскрылись от удивления и страха перед тем, что едва не произошло. В тот же момент Тревис слегка отпрянул назад, инстинктивно понимая, что нужный момент еще не наступил.

Когда в конце концов они займутся любовью, это произойдет без всяких колебаний и помех, поскольку за долгие годы у них должна остаться об этом радостная и ничем не омраченная память. И хотя все еще у них было впереди, Тревис не сомневался: они с Норой будут вместе до конца своих дней — и эта возникшая в нем уверенность укреплялась с каждым часом.

После секундной неловкости они выпустили друг друга из объятий и замолчали, не решаясь комментировать внезапную перемену в отношениях.

Наконец Нора сказала:

— Он все еще у окна.

Прижав нос к стеклу, Эйнштейн вглядывался в ночь.

— А может, пес прав? — спросила Нора.— Может, на самом деле из лаборатории убежало что-то такое страшное?

— Если им удалось создать такую умную собаку, как он, значит, они способны вызывать к жизни другие существа. А ведь в тот день там что-то было в лесу.

— Но вы так далеко уехали от того места, что вряд ли это существо сможет разыскать ретривера.

— Вряд ли,— согласился Тревис.— Я думаю, Эйнштейн просто не понимает, как далеко мы находимся от леса, где я его обнаружил. В то же время мне кажется, что сотрудники лаборатории усиленно ищут его. И это меня беспокоит. Эйнштейн тоже встревожен. Поэтому на людях он притворяется обычным псом, а свои способности демонстрирует только нам с тобой. Он не хочет туда возвращаться.

— Если они его найдут...

— Не найдут.

— А если найдут, что тогда?

— Я его не отдам,— сказал Тревис.— Ни за что.

8

К 23.00 обезглавленный труп полицейского Портера и обезображенное тело прораба были вывезены из Бордо Ридж людьми из коронерской службы. К этому часу уже была придумала легенда, которую и сообщили репортерам, столпившимся у заградительной линии. Похоже, пресса купилась на эту легенду — журналисты не задавали вопросов и ограничились тем,

что отсняли несколько сотен фотографий и несколько тысяч футов видеопленки — в завтрашних новостях весь этот метраж будет сокращен и займет по времени не более полутора минут. (В наш век массовых уничтожений людей и терроризма убийство двух человек заслуживает около двух минут эфирного времени: десять секунд на вводную часть, секунд сто на сам репортаж и еще десять секунд на то, чтобы хорошо причесанные дикторы смогли изобразить на своих физиономиях приличествующие случаю печаль и огорчение. Затем можно сразу переходить к сообщению о конкурсе мини-бикини или к информации об НЛО.)

Журналисты разъехались, как, впрочем, и все остальные. На месте происшествия остались только Уолт, Лем и Клифф Соамс.

Месяц скрылся за облаками, и единственным источником освещения были фары автомобиля Уолта Гейнса. Он развернул его так, чтобы свет фар падал на машину Лема, припаркованную в конце улицы, и Лем с Клиффом могли идти, не спотыкаясь в темноте. За пределами этого светового коридора каркасы недостроенных домов возвышались, как гигантские скелеты доисторических рептилий.

Шагая к своему автомобилю, Лем чувствовал себя довольным, насколько, конечно, это позволяли обстоятельства. Уолт согласился не чинить препятствий федеральным властям в этом расследовании. И хотя сам Лем нарушил дюжину всяких инструкций и подписку о неразглашении, рассказав другу подробности проекта «Франциск», он был уверен: дальше Уолта это не пойдет. Дело это по-прежнему находилось за завесой секретности — возможно, уже не такой плотной, как раньше, но все-таки достаточно плотной.

Клифф Соамс, шедший впереди, открыл дверцу машины и сел на переднее сиденье справа. В тот момент, когда Лем открыл водительскую дверцу, Клифф вдруг произнес:

— О Господи Иисусе, о Боже...

Еще до того, как Лем успел взглянуть внутрь машины, Клифф уже выскочил наружу. Лем посмотрел на водительское сиденье. На нем лежала человеческая голова. Голова Тила Портера — сомнения не было. Она была обращена лицом к дверце, рот раскрыт в немом крике, а на месте глаз зияла пустота.

Отпрянув от машины, Лем выхватил из-за пазухи револьвер.

Уолт Гейнс также выскочил из своего автомобиля с револьвером в руке и подбежал к Лему.

— Что происходит?

Лем молча показал пальцем на сиденье.

Заглянув внутрь машины, Уолт издал протяжный стон.

К ним подошел Клифф, держа свой револьвер вверх стволом.

— Чертова тварь все это время была здесь, пока мы находились в доме.

— Возможно, она еще здесь,— заметил Лем, с тревогой вглядываясь в темноту, стеной окружающую освещенный пятачок, на котором стоял его автомобиль.

Глядя на мрачные силуэты домов, Уолт сказал:

— Можно вызвать сюда моих людей и начать поиск.

— Бесполезно,— сказал Лем.— Эта тварь сразу сбежит, как только увидит, что они возвращаются. А может, уже сбежала.

Они стояли на самом краю Бордо Ридж, сразу за которым начиналась открытая дикая местность, откуда Аутсайдер пришел и куда он, возможно, уже ушел. Все эти холмы, хребты и каньоны только угадывались в тусклом сиянии неполной луны.

Где-то в конце неосвещенной улицы послышался громкий стук, как будто рассыпались сложенные в штабель доски.

— Оно здесь,— произнес Уолт.

— Может быть,— сказал Лем.— Но мы не пойдем туда, в темноту. А оно хочет, чтобы мы туда пошли.

Они замолчали, прислушиваясь.

Ничто больше не нарушило тишину.

— Как только мы прибыли сюда, мы обыскали всю улицу, еще до вашего появления,— сообщил Уолт.

Клифф сказал:

— Оно, наверное, все время было на один шаг впереди вас — играло в прятки с вашими людьми. А потом, когда приехали мы, оно узнало Лема.

— Действительно, я раза два посещал Банодайн,— согласился Лем.— По правде говоря... Аутсайдер, вероятно, ждал здесь меня. Он, наверное, догадывается о моей роли во всем этом, понимает, что именно я возглавляю поиски его и собаки. Поэтому подложил мертвую голову именно на мое сиденье.

— В качестве издевки? — спросил Уолт.

— В качестве издевки.

Они помолчали еще некоторое время, с тревогой поглядывая в окружавшую их темноту.

В горячем июньском воздухе не было ни малейшего движения. Единственное, что нарушало ночную тишину, был звук двигателя в машине шерифа.

— Наблюдает за нами,— сказал Уолт.

Снова — на этот раз ближе — послышался шум падающих строительных материалов.

Трое мужчин замерли, встав спинами друг к другу, ожидая нападения с любой стороны. С минуту длилось молчание. Когда Лем собрался было заговорить, Аутсайдер испустил леденящий душу вопль. На этот раз они смогли определить, откуда пришел звук: из открытой местности за пределами Бордо Ридж.

— Он уходит,— сказал Лем.— Понял, что нас в ловушку не заманить, и уходит, прежде чем мы вызовем подкрепление.

Издалека донесся еще один вопль. Жуткий звук резанул Лема по сердцу.

— Утром,— сказал он,— мы перебросим морских пехотинцев вон туда, на те предгорья. Мы его поймаем, черт бы меня взял.

Поворачиваясь к машине Лема, явно оттягивая момент, когда нужно будет что-то делать с головой Тила Портера, Уолт спросил:

— Почему глаза? Почему Аутсайдер всегда вырывает глаза у своих жертв?

Лем ответил:

— Ну, во-первых, потому, что он — агрессивная и кровожадная тварь. Это у него в генах. А еще потому, что ему нравится внушать ужас. Я так думаю. А еще...

— Что еще?

— Не хотелось бы вспоминать...

В одно из своих посещений Банодайна Лем присутствовал при разговоре — условном, конечно,— между доктором Ярбек и Аутсайдером. Ярбек и ее ассистенты обучили Аутсайдера объясняться с помощью специальных знаков, похожих на те, которые использовались в первых экспериментах с гориллами в середине 1970-х. Наибольший успех тогда был достигнут с самкой по имени Коко — она стала героиней многих репорта-

жей, освоив словарный запас приблизительно в четыреста слов. Когда Лем видел Аутсайдера в последний раз, тот владел гораздо большим запасом слов, хотя, конечно, на довольно примитивном уровне. Находясь в лаборатории, Лем наблюдал, как это созданное человеком чудище обменивается сложными знаками с доктором Ярбек: перевод их на «человеческий язык» нашептывал Лему ассистент. Аутсайдер выказывал сильнейшую ненависть ко всему и ко всем, неоднократно прерывая диалог метанием по клетке, ударами по решетке и дикими воплями. Лему та сцена показалась пугающей и отвратительной, но одновременно его охватила жалость по отношению к Аутсайдеру: эта тварь обречена на сидение в клетке, на вечное одиночество, на которое не может быть обречено ни одно другое существо — даже собака Вэтерби. Увиденный им «разговор» настолько врезался Лему в память, что он и сейчас мог восстановить его в мельчайших подробностях.

Так, например, Аутсайдер показал знаками:

— *Вырву ваши глаза.*

— *Хочешь вырвать их у меня?* — спросила знаками Ярбек.

— *У всех.*

— *Зачем?*

— *Чтобы никто меня не видел.*

— *Почему ты не хочешь, чтобы тебя видели?*

— *Я безобразен.*

— *Ты считаешь себя безобразным?*

— *Очень.*

— *Откуда ты об этом узнал?*

— *От людей.*

— *Каких людей?*

— *Всех, кто меня видел.*

— *Как вот этот посетитель?* — Ярбек показала на Лема.

— *Да. Все считают меня безобразным. Ненавидят меня.*

— *Это не так.*

— *Так.*

— *Никто никогда не говорил тебе, что ты безобразен. Откуда ты знаешь, что о тебе так думают?*

— *Знаю.*

— *Откуда?*

— *Знаю, знаю, знаю!* — Аутсайдер забегал по клетке, сотрясая решетку и испуская дикие вопли. Затем вернулся на место.— *Вырву себе глаза.*

— *Чтобы не видеть себя?*

— *Чтобы не видеть, как люди смотрят на меня,*— показал он знаками, и Лем пожалел его тогда, хотя, конечно, страх не уступал место жалости.

Сейчас, стоя в жаркой темноте июньской ночи, он рассказал обо всем этом Уолту Гейнсу, заставив его содрогнуться.

— Господи помилуй,— произнес Клифф Соамс.— Аутсайдер испытывает отвращение к себе за то, что он не такой, как все, и поэтому ненавидит своих создателей еще больше.

— Теперь, когда я узнал подробности,— сказал Уолт,— я удивляюсь, что никто из вас так и не понял, почему Аутсайдер исполнен такой ненависти к собаке. Этот урод и пес — детища проекта «Франциск». Собака — любимый ребенок, о котором родители готовы говорить без умолку, а Аутсайдер — дитя, которое лучше никому не показывать. Поэтому он в обиде на собаку и от этого чувства не может избавиться ни на минуту.

— Все верно,— проговорил Лем.— Все верно.

— И теперь становится ясно, почему он разбил зеркала в обеих ванных комнатах в доме, где погиб Тил Портер,— сказал Уолт.— Это существо не выносит вида собственного отражения.

Откуда-то издалека до них донесся пронзительный вопль — звук, на который не способно ни одно из созданий Божьих.

Глава седьмая

1

В последние дни июня Нора занималась живописью, проводила много времени вдвоем с Тревисом и пыталась научить Эйнштейна читать.

Ни она сама, ни Тревис не были уверены, что у собаки, даже такой умной, хватит сообразительности научиться чтению, но решили попробовать. Раз пес понимает устную речь — а в этом сомнений у них не было,— значит, сможет разбирать и напечатанный на бумаге текст.

Разумеется, могло оказаться, что Эйнштейн распознает не сами произнесенные вслух слова, а каким-то телепатическим образом считывает «картинки», возникающие в мозгу говорящего.

— Я, правда, в это не очень верю,— сказал Тревис однажды, когда они с Норой сидели на веранде, попивая холодное вино и наблюдая, как Эйнштейн забавляется в струйках воды, бьющих из газонного разбрызгивателя.— Может быть, я просто не хочу в это верить. Трудно убедить себя в том, что пес обладает почти человеческим интеллектом да еще и телепатическими способностями в придачу. Если это так, то мне надо надеть ошейник, а он пусть держит поводок!

В отсутствии таких способностей у ретривера их убедит текст с испанским языком.

Еще в колледже Тревис три года изучал испанский. Затем, когда поступил на службу в элитную группу «Дельта», начальство настояло на продолжении занятий языком, поскольку обострявшаяся обстановка в Центральной и Южной Америке указывала на то, что «Дельте» придется все чаще вести операции по борьбе с терроризмом в испаноязычных странах. Тревис много лет назад уволился в запас, но не пропускал случая поговорить на испанском с жителями Калифорнии, для которых этот язык был родным.

Когда Тревис начал давать Эйнштейну команды и задавать вопросы на испанском, пес уставился на него с глупым видом, изумленно виляя хвостом. Когда же Тревис продолжил свои вопросы на непонятном языке, ретривер наклонил голову набок и тявкнул, как бы спрашивая, не шутка ли это. Если бы он мог считывать «образы», возникающие в сознании говорящего, ему было бы совершенно не важно, на каком языке к нему обращаются.

— Он не умеет читать мысли,— сказал Тревис.— Слава богу, все-таки есть пределы его возможностей!

День за днем Нора проводила с Эйнштейном на полу гостиной или на веранде в доме Тревиса и объясняла ему алфавит. Иногда Тревис давал ей передохнуть и сам проводил уроки, но большую часть времени он все-таки сидел рядом и наблюдал, поскольку, по его словам, у него не хватало терпения быть учителем.

Нора смастерила букварь из тетрадки с перекидными страницами. На левых страницах она приклеила вырезанные из журналов картинки, изображавшие различные предметы, а напротив — слова, их обозначающие: дерево, машина, дом, мужчина, женщина, стул... Сидя рядом с Эйнштейном и держа перед ним раскрытый букварь, она показывала пальцем на картинку, а затем на соответствующее слово и несколько раз медленно произносила его.

В последний день июня Нора разложила на полу несколько картинок без подписи.

— Сейчас у нас будет контрольная работа,— сказала она Эйнштейну.— Давай посмотрим, каких успехов мы добились по сравнению с понедельником.

Эйнштейн сел очень прямо, выпятил грудь и высоко поднял голову, как бы не сомневаясь в своих способностях.

Тревис расположился в кресле и наблюдал. Он сказал:

— Если ты получишь двойку, мохнатая морда, я обменяю тебя на пуделя, который умеет переворачиваться, притворяться мертвым и служить на задних лапах.

Нора с удовлетворением отметила, что Эйнштейн даже ухом не повел при этих словах.

— Сейчас не время для шуток,— проговорила она строго.

— Больше не буду, профессор,— сказал Тревис.

Нора показала Эйнштейну карточку, где было напечатано слово «дерево». Ретривер подошел к разложенным на полу картинкам и безошибочно выбрал изображение сосны, дотронувшись до него носом. При виде карточки с надписью «машина» он поставил лапу на изображение автомобиля, а увидев слово «дом», он указал на фотографию особняка в колониальном стиле. Таким же образом они «прогнали» пятьдесят слов, и пес ни разу не ошибся. Нора пришла в восторг от столь хороших результатов, а пес беспрестанно вилял хвостом.

Тревис сказал:

— Слушай, Эйнштейн, тебе еще далеко до того, чтобы читать Пруста!

Стараясь защитить своего любимца от подтрунивания, Нора сказала:

— У него здорово получается! Он просто молодец! Нельзя же ждать, что за один день он начнет читать книги. Все равно Эйнштейн учится быстрее, чем любой ребенок.

— Так ты считаешь?

— Да, я так считаю! Намного быстрее.

— Ну тогда он заслужил пару галет.

В ту же минуту пес помчался на кухню, чтобы достать коробку с собачьими галетами «Милк-Боун».

2

Шло время, и Тревис не переставал удивляться тому, как быстро Нора добилась успехов в обучении Эйнштейна чтению.

К середине июля они прочитали составленный ею букварь и перешли к чтению детских книжек в картинках доктора Сеусса, Мориса Сендака, Фила Паркса, Сюзи Бодал, Сю Дример, Мерси Мэйер и других. Эйнштейну, казалось, все они доставляли огромное удовольствие, хотя он явно отдавал предпочтение книжкам Паркса и особенно — по совершенно непонятным для Норы и Тревиса причинам — очаровательной серии Арнольда Лобеля «Лягушонок и жаба». Они носили детские книжки из городской библиотеки большими стопками, а кроме того, многие покупали в магазине.

Сначала Нора прочитывала их вслух, медленно водя пальцем под каждым словом, по мере того как она его произносила, а собака, наклонившись к книге, не отрываясь следила за ним глазами. Позже Нора уже не читала вслух, а только держала книги открытыми и переворачивала страницы, когда Эйнштейн подавал ей знак — ворчанием или каким-либо другим способом,— что он осилил эту страницу и готов перейти к следующей.

Готовность Эйнштейна часами просиживать над книгами сама по себе доказывала, что он в самом деле прочитывал их, а не просто разглядывал картинки. Тем не менее Нора решила проэкзаменовать его по содержанию некоторых книг, задав вопросы по тексту.

Когда Эйнштейн прочитал «Один год из жизни лягушонка и жабы», Нора закрыла книгу и сказала:

— Хорошо. А теперь ответь мне «да» или «нет» на мои вопросы.

Они были на кухне, где Тревис готовил на обед картофельную запеканку с сыром. Нора с Эйнштейном сидели на стульях

за кухонным столом. Тревис перестал готовить и стал следить за тем, как пес отвечает на вопросы.

Нора спросила:

— Когда однажды зимой лягушонок пришел в гости к жабе, жаба лежала в кровати и не хотела идти гулять. Правильно?

Эйнштейн повернулся на бок на стуле, чтобы высвободить хвост, и помахал им. *Да.*

Нора сказала:

— Но в конце концов лягушонок и жаба пошли кататься на коньках.

Пес пролаял один раз. *Нет.*

— Они пошли кататься на санках? — спросила она.

Да.

— Очень хорошо. Позже, в том же году, на Рождество лягушонок подарил жабе подарок. Это был свитер?

Нет.

— Новые санки?

Нет.

— Каминные часы?

Да, да, да.

— Отлично! — сказала Нора.— Что теперь будем читать? Как насчет этой книжки «Удивительный мистер Фокс»?

Эйнштейн энергично замахал хвостом.

Тревису очень хотелось более активно участвовать в обучении ретривера, но он не мог не видеть, что такая напряженная работа с Эйнштейном очень благотворно влияет на Нору, и поэтому не вмешивался. Он даже иногда валял дурака, задавая вопросы о том, зачем вообще надо учить собаку читать, отпуская остроты по поводу успехов пса или его литературных пристрастий. Этого было достаточно, чтобы удвоить Норину решимость продолжать занятия, проводить еще больше времени с Эйнштейном и доказать Тревису, что он не прав. Собака никогда не реагировала на эти придирки, и Тревис подозревал: она проявляет такую снисходительность потому, что разгадала психологическую игру Тревиса «действовать от обратного».

Было непонятно, почему Нора расцвела от своих педагогических занятий. Может быть, причина в том, что раньше она ни с кем так тесно не общалась — даже с Тревисом и теткой Виолеттой,— и само это общение с собакой побуждало ее все боль-

ше и больше выходить из своей раковины. Не исключено, что на нее оказывал благоприятное влияние тот факт, что она может передать псу часть своих знаний. По натуре Нора была широким человеком, ей доставляло удовольствие делиться с другими, но, вынужденная вести до этого жизнь затворницы, она не имела ни единой возможности проявить эту сторону своего характера. Теперь же у нее появился удобный случай раскрыть себя, и она щедро отдавала свое время и энергию, и эта щедрость доставляла ей самой огромную радость.

Тревис также подозревал, что в отношении ретривера Нора обнаружила свой природный материнский талант. Ее огромное терпение было сродни терпению хорошей матери в обращении с ребенком, и она часто разговаривала с Эйнштейном так нежно и любовно, что казалось, беседует со своим горячо любимым отпрыском.

Как бы там ни было, работая с Эйнштейном, Нора становилась все более свободной и открытой. Постепенно сменив свои бесформенные темные платья на летние белые хлопчатобумажные слаксы, яркие блузки, джинсы и майки, она помолодела лет на десять. Нора уложила свои роскошные черные волосы в парикмахерской и на этот раз не возвращалась к своей старой прическе. Она часто и заразительно смеялась. Разговаривая с Тревисом, Нора смотрела ему в лицо и редко робко отводила глаза в сторону, как делала это раньше. Часто дотрагивалась до него и обнимала рукой за талию. Ей нравилось, когда Тревис обнимал ее, и они теперь с легкостью целовались, хотя их поцелуи в большинстве своем по-прежнему оставались невинными, вроде тех, которыми обмениваются на первых порах подростки.

Четырнадцатого июля Нора получила известие, очень ее обрадовавшее. Ей позвонили от окружного прокурора Санта-Барбары и сообщили, что ей не надо давать показания в суде против Артура Стрека. Учитывая преступное прошлое, Стрек не стал настаивать на своей невиновности и защищаться от предъявленных ему обвинений в попытке изнасилования, угрозе физическим насилием, взломе и проникновении в чужое жилище. Он поручил своему адвокату договориться с прокурором. В результате с него сняли все обвинения, кроме угрозы физического насилия, и Стрек был приговорен к трем годам тюремного заключения без права на досрочное освобождение. Нора на радостях, празднуя это событие, впервые в жизни слегка напилась.

В тот же день Тревис принес домой очередную кипу книг, и Эйнштейн обнаружил среди них книжки-картинки и комиксы с Микки Маусом, и это привело пса в такой же восторг, как и Нору сообщение о разрешении вопроса с Артуром Стреком. Увлеченность собаки Микки, Дональдом Даком и другими героями Диснея хотя и казалась загадкой, была несомненна. Эйнштейн не переставая вилял хвостом и в знак благодарности облизал с ног до головы Тревиса.

Все было бы прекрасно, если бы пес по-прежнему не бродил по ночам по дому от окна к окну, с явным страхом всматриваясь в темноту.

3

Во вторник утром пятнадцатого июля, спустя почти шесть недель после убийств в Бордо Ридж и два месяца спустя после побега собаки и Аутсайдера из Банодайна Лемюэль Джонсон сидел в одиночестве в своем кабинете на верхнем этаже здания правительственных служб в Санта-Ане. Он глядел в окно на сильный туман, покрывший как одеялом западную часть округа и делавший стоградусную* жару еще более труднопереносимой. Мрачный день соответствовал настроению Лема.

Его обязанности не ограничивались поисками беглецов из лаборатории, но и когда он занимался другими делами, это расследование постоянно мучило его. Даже ночью Лем не мог выбросить происшествие в Банодайне из головы и в последнее время спал не больше четырех-пяти часов. Он не хотел мириться с поражением.

Нет, его чувства были даже острее: Лем был *одержим навязчивой идеей* о том, как выйти победителем. Его отец, начавший жизнь бедняком и впоследствии ставший преуспевающим бизнесменом, привил Лему почти религиозную веру в необходимость достигать во всем успеха, преуспевать и добиваться исполнения поставленных целей. «Независимо от того, чего ты

---

* Температура дана по шкале Фаренгейта.— *Прим. пер.*

добился в жизни,— часто говаривал его отец,— она всегда может выбить почву у тебя из-под ног, если ты перестанешь трудиться. Для чернокожего, Лем, это еще хуже. Для чернокожего успех подобен туго натянутому канату над Большим каньоном. Вот он наверху, и все прекрасно, но один неверный шаг — и он летит в бездну глубиной в милю. *В бездну*. Потому что падение означает бедность. А большинство людей даже в наш просвещенный век считают, что бедный, несчастный разорившийся негр — не человек, он просто черномазый». Это был единственный случай, когда его отец произносил это ненавистное слово. Лем вырос с сознанием, что, какого бы успеха он ни добился, это всего лишь очередная зацепка на скале жизни, всегда существует опасность, что его может сбросить с этой скалы неблагоприятными ветрами, поэтому он не смеет медлить и должен карабкаться быстрее на более широкий и безопасный уступ.

Лем плохо спал, у него пропал аппетит. Когда он заставлял себя есть, это вызывало несварение желудка. Лем стал плохо играть в бридж, поскольку не мог сконцентрироваться на картах, и на еженедельных встречах с Уолтом и Одри Гейнс Джонсоны всегда оказывались в проигрыше.

Он отдавал себе отчет в том, почему он так стремится к успешному завершению каждого дела, но это знание не помогало ему справиться со своим наваждением.

«Мы есть то, что мы есть,— думал Лем,— и, может быть, мы только тогда можем измениться, когда жизнь подкидывает нам вот такой сюрприз, а это все равно что разбить зеркало бейсбольной битой и стряхнуть с себя прошлое».

Так сидел Лем, смотрел в окно на жаркий июльский день и предавался своим беспокойным мыслям.

Тогда, в мае, он допускал возможность, что ретривера кто-то взял домой. Это был красивый пес, если бы он выказал лишь малую толику своих умственных способностей, его привлекательность стала бы неотразимой и ретривер нашел бы себе пристанище. Поэтому Лем с самого начала полагал: разыскать собаку будет труднее, чем напасть на след Аутсайдера. «Неделя на обнаружение Аутсайдера,— думал он,— и, может быть, месяц на поиски ретривера».

Лем разослал бюллетени по всем пунктам сбора бродячих животных и ветеринарам в Калифорнии, Неваде и Аризоне с

просьбой оказать содействие в поисках золотистого ретривера. В бюллетенях говорилось: животное сбежало из медицинской исследовательской лаборатории, ведущей важнейшие изыскания в области рака. В них отмечалось: потеря собаки будет означать потерю миллиона долларов и бесчисленного количества времени, затраченных на эксперименты, и может серьезно помешать разработке методов лечения некоторых заболеваний. В листке также помещались фотография собаки и информация о том, что на внутренней поверхности левой ушной раковины у нее вытатуирован лабораторный знак: 33-9. В сопроводительном письме к бюллетеню говорилось не только о необходимости оказания всевозможной помощи, но и о соблюдении строгой конфиденциальности. Повторные бюллетени рассылались каждые семь дней со времени происшествия в Банодайне. Кроме того, десятки агентов УНБ занимались только тем, что обзванивали пункты сбора животных и ветеринаров во всех трех штатах, напоминая им о существовании бюллетеня и необходимости поиска ретривера с татуировкой.

Между тем поиски Аутсайдера можно было с некоторой уверенностью ограничить безлюдными территориями, поскольку он не хочет, чтобы его видели. И потом, совершенно исключалась возможность, что его кто-нибудь приютит. Кроме того, Аутсайдер оставлял за собой кровавый след.

После убийств в Бордо Ридж, к востоку от Йорба Линда, он переместился в незаселенный район Чино Хиллз. Оттуда Аутсайдер двинулся на север, через восточную оконечность округа Лос-Анджелес, где его присутствие было обнаружено девятого июня в окрестностях поселка Даэмонд Бар. В агентство по охране животных округа Лос-Анджелес стали поступать многочисленные — и истеричные — звонки от жителей этого поселка с жалобами на нападения диких животных на домашних питомцев. Звонили в полицию и те, кто полагал, что убийства животных — дело рук сумасшедшего. За две ночи в Даэмонд Бар были растерзаны в клочья более двух десятков домашних животных, и состояние трупов не оставляло у Лема сомнений в том, что потрошителем был Аутсайдер.

Затем след потерялся более чем на неделю вплоть до утра восемнадцатого июня, когда двое молодых туристов сообщили, что у подножия пика Джонстона на южной границе обширно-

го Анджелесского национального заповедника они встретили нечто «из другого мира». Они заперлись в своем фургоне, но существо неоднократно пыталось проникнуть к ним и даже разбило камнем боковое окно. К счастью, у молодых людей был пистолет 32-го калибра, один из них открыл огонь по нападавшему и этим отпугнул его. В прессе к туристам отнеслись как к парочке ненормальных, а в выпуске вечерних известий над ними здорово посмеялись.

Лем верил молодой паре. На карте он отметил малонаселенный коридор, по которому Аутсайдер мог пройти из Даэмонд Бар на территорию южнее пика Джонстона: через горы Сан-Джоуз, через региональный парк Банелли, между Сан-Даймас и Глендорой, а затем в дикую местность. Он должен был пересечь или пройти под тремя расположенными здесь автострадами, но если Аутсайдер передвигался по ночам, когда движения почти нет, то мог остаться незамеченным. Лем перебросил в эту часть леса сто человек из морской разведки, и они, переодетые в гражданскую одежду, продолжали поиски группами из трех-четырех человек.

Он очень надеялся, что туристы хотя бы одним выстрелом попали в Аутсайдера. Но на их лагерной стоянке не были обнаружены следы крови.

Лем уже начал бояться, что Аутсайдера еще долго не удастся поймать. Простиравшийся к северу от Лос-Анджелеса национальный заповедник занимал огромную площадь.

— Почти такую же, как весь штат Делавэр,— заметил Клифф Соамс, измерив территорию на карте, висевшей на доске в кабинете Лема, и переведя ее в квадратные мили. Клифф был родом из Делавэра. Он недавно приехал на Запад и все еще не переставал удивляться гигантским масштабам, присущим этой части материка. Он был молод, полон юношеского энтузиазма и оптимизма, который достигал опасных размеров. Воспитание Клиффа коренным образом отличалось от того, что получил Лем. Клифф вовсе не считал, что одной ошибкой, одним провалом можно разрушить свою жизнь. Иногда Лем завидовал ему.

Он уставился на каракули с расчетами Клиффа.

— Если Аутсайдер будет прятаться в горах Сан-Габриэля, питаться дикими животными и удовольствуется одиночеством,

лишь изредка выходя оттуда, чтобы сорвать свою ярость на людях, живущих на окраинах... мы никогда его не отыщем.

— Но не забывайте,— сказал Клифф,— что он ненавидит собаку больше, чем людей. Он хочет найти ее и знает, как это сделать.

— Это мы так думаем.

— И разве Аутсайдер сможет вести такой дикий образ жизни? Я хочу сказать, он ведь только частично дикарь, он еще обладает и разумом. Возможно, этот разум не позволит ему довольствоваться унылым существованием в этой местности.

— Может быть,— согласился Лем.

— Военные скоро его обнаружат, или Аутсайдер сам сделает что-то, что наведет нас на след,— предсказал Клифф.

Это было восемнадцатого июня.

В последующие десять дней никаких следов Аутсайдера найдено не было, расходы на содержание сотни человек, ведущих его поиски, превысили допустимый предел. Двадцать девятого июня Лему пришлось отказаться от морских разведчиков, переданных в его распоряжение, и отправить их обратно на базы.

С каждым днем Клифф все больше радовался отсутствию происшествий: ему хотелось верить, что с Аутсайдером что-то случилось, вероятно мертв и они никогда о нем не услышат.

День за днем Лем впадал все в большее уныние, уверенный, что ситуация вышла из-под его контроля и Аутсайдер вновь даст о себе знать самым драматическим образом, который вызовет публичную огласку его существования. Провал.

Единственным светлым моментом во всем этом деле было то, что Аутсайдер находился сейчас на территории округа Лос-Анджелес, за пределами юрисдикции Уолта Гейнса. Если будут новые жертвы, Уолт, возможно, не узнает о них и Лему не придется вновь и вновь убеждать друга не вмешиваться.

К четвергу пятнадцатого июля, ровно два месяца спустя после побега из Баподайна, почти месяц спустя после того, как туристов так напугало какое-то внеземное существо или младший брат Снежного человека, Лем был убежден, что ему следует подумать о смене профессии. Никто не винил его в том, как шло расследование. На него, конечно, оказывали давление, но

не большее, чем при других крупных делах, некоторые вышестоящие начальники даже рассматривали такой поворот событий в том же благоприятном свете, что и Клифф Соамс. Но в самые черные минуты Лем видел себя пониженным до звания простого полицейского, в форме ночного сторожа, охраняющим какой-то склад.

Сидя в своем кабинете и хмуро глядя в окно на желтый туман, окутавший яркий летний день, он громко произнес:

— Черт возьми, меня ведь учили иметь дело с преступниками — *людьми*. Как, черт возьми, я могу перехитрить беглеца из какого-то кошмара?

Раздался стук в дверь, и, пока Лем поворачивался в кресле, дверь распахнулась. В кабинет торопливо вошел Клифф, возбужденный и удрученный одновременно.

— Аутсайдер,— проговорил он.— Мы напали на след... но еще двое людей мертвы.

Двадцать лет назад во Вьетнаме пилот вертолета УНБ, приписанного к Лему, выучил, что следует знать о взлете и посадке на пересеченной местности. И сейчас, находясь в постоянном радиоконтакте с помощниками шерифа округа Лос-Анджелес, уже прибывшими на место происшествия, он, используя естественные приметы, без труда визуально обнаружил район, где произошли убийства. В начале второго пилот опустил вертолет на широкую площадку безлесного хребта над каньоном Боулдер в Анджелесском национальном заповеднике, всего в сотне ярдов от того места, где были обнаружены трупы.

Когда Лем с Клиффом вышли из вертолета и поспешили по гребню хребта к ожидавшим их помощникам шерифа и лесничим, им навстречу дул горячий ветер, несущий запах сухой листвы и сосновых веток. Только пучки дикой травы, сожженные и истонченные июльским солнцем, сумели пустить корни так высоко над землей. Низкая жесткая растительность вроде мескитовых деревьев обрамляла верхние участки стен каньона, а внизу, на более низких склонах и дне каньона, росли деревья и зеленое подлесье.

Они находились менее чем в четырех милях к северу от города Санлэнд; в четырнадцати воздушных милях к северу от Голливуда и двадцати милях к северу от Лос-Анджелеса, а казалось, что они были на пустынном острове в тысячу миль шириной, в неприятном отдалении от цивилизации. Помощники шерифа припарковали автомобили на грунтовой дорожке в трех четвертях мили отсюда — при посадке вертолет Лема пролетал над этими машинами — и вместе с лесничими прошли туда, где были обнаружены трупы. Сейчас вокруг них собрались четверо полицейских, два человека из окружной криминалистической лаборатории и трое лесничих, и, казалось, у них тоже создалось впечатление, что они очутились в каком-то доисторическом месте.

Когда прибыли Лем с Клиффом, представители шерифа только что поместили останки в специальные мешки. «Молнии» еще не были застегнуты, и Лем увидел, что одной жертвой был мужчина, а другой — женщина. Они были молоды и одеты как туристы, путешествующие пешком. Раны были ужасны; у обоих были вырваны глаза.

Число невинных жертв достигло пяти, и эти потери вновь заставили Лема ощутить свою вину за происходящее. В моменты, подобные сегодняшнему, он жалел, что отец не воспитал его вообще без всякого чувства ответственности.

Помощник шерифа Хэл Бокнер, высокий загорелый человек с удивительно пронзительным голосом, ознакомил Лема с личностями убитых и состоянием трупов.

— Судя по удостоверению личности, найденному у убитого, имя мужчины Сидней Трэнкен, возраст — двадцать восемь лет, проживал в Глендейле. На теле обнаружено множество следов укусов, еще больше следов когтей и ран. Горло, как видите, порвано. Глаза...

— Вижу,— прервал его Лем, которому не хотелось останавливаться на этих ужасных подробностях.

Люди из криминалистической лаборатории застегнули «молнии» на мешках. Раздался звук, прозвеневший в раскаленном июльском воздухе, как цепочка из льдинок.

Помощник Бокнер сказал:

— Сначала мы предполагали, что Трэнкен погиб от ножа маньяка. Время от времени появляется какой-нибудь маньяк-убийца, предпочитающий выслеживать жертв среди туристов здесь, в лесах, а не на улицах города. Мы так и подумали... сначала его зарезали, а уж потом, когда парень был мертв, все осталь-

ное сделали дикие животные, питающиеся падалью. Но теперь... мы не так в этом уверены.

— Здесь на земле не видно крови,— удивленно сказал Клифф Соамс.— Судя по всему, ее должно быть *очень много*.

— С ними расправились не здесь,— ответил Бокнер, а затем продолжил свой отчет: — Женщина, возраст — двадцать семь лет, зовут Руфь Казаварис, также из Глендейла. Ужасные следы укусов, раны. Ее горло...

Вновь перебив его, Лем спросил:

— Когда их убили?

— Предположительно, до получения результатов лабораторных исследований, можно сказать, что это произошло вчера поздно вечером. По нашему мнению, их тела перенесли сюда, поскольку их легче найти на вершине хребта. Здесь проходит популярный туристский маршрут. Но обнаружил трупы обычный пожарный патрульный самолет. Пилот посмотрел вниз и заметил распростертые тела на голом хребте.

Это высокогорье над каньоном Боулдер находилось более чем в тридцати воздушных милях к северу от пика Джонстона, где двадцать восемь дней назад, восемнадцатого июня, парочка молодых туристов спасалась в фургоне от Аутсайдера, а затем открыла по нему стрельбу из пистолета 32-го калибра. Аутсайдер, по-видимому, чисто инстинктивно направлялся на север, и ему приходилось часто делать крюки, выбираясь из боковых каньонов; поэтому, очевидно, он преодолел в общей сложности около шестидесяти—девяноста миль. Но это составляло самое большее три мили в день, и Лем недоумевал, чем же занимался Аутсайдер, когда не шел, не спал и не охотился.

— Вы, конечно, осмотрите место, где были убиты эти двое,— сказал Бокнер.— Мы нашли его. И вам наверняка захочется увидеть и пещеру.

— Пещеру?

— Логово,— сказал один из лесничих.— Проклятое логово.

С самого приезда Лема и Клиффа помощники шерифа, лесничие и криминалисты бросали на них подозрительные взгляды, но Лема это не удивляло. Местные власти всегда относились к нему с подозрением и любопытством, поскольку они не привыкли к вмешательству такого солидного федерального учреждения, каким было УНБ. Но сейчас он вдруг понял: их любопытство иного свойства и сильнее обычного, и в первый раз почувствовал, что они боятся. Они нашли что-то — логово, по их словам,— это дало им основания полагать, что это дело еще более необычное, чем то, которое могло вызвать появление представителей УНБ.

Одежда Лема и Клиффа — костюмы, галстуки и начищенные до блеска ботинки — не была приспособлена для пешего путешествия вниз по каньону, но и тот и другой, не колеблясь, пошли за лесничими. Два помощника, криминалисты и один из трех лесничих остались рядом с трупами, и группа из шести человек стала спускаться. Они двинулись по неглубокой канаве, проложенной дождевыми стоками, затем вышли на оленью тропу. Спустившись на самое дно каньона, повернули на юго-восток и шли в этом направлении еще полмили. Скоро Лем покрылся потом и пылью, а его носки и брюки были все в колючках.

— Вот тут их убили,— сказал Бокнер, выведя их на просеку, окруженную сосновой порослью, тополями и кустарником.

На бледном песке и выгоревшей от солнца траве виднелись огромные темные пятна. Кровь.

— А прямо за вами,— сказал один из лесничих,— мы нашли логово.

Это была пещера в основании стены каньона глубиной, наверное, десять футов, шириной — двадцать футов и не далее чем в десятке шагов от небольшой просеки, где были убиты туристы. Вход в пещеру был в ширину примерно восемь футов, но довольно низкий, и Лему пришлось слегка пригнуться. Очутившись внутри, он смог распрямиться, поскольку до верха было высоко. В пещере стоял неприятный, затхлый запах. Свет проникал сюда через вход и дыру в потолке шириной в два фута, размытую водой, но все же там было сумрачно и на двадцать градусов холоднее, чем снаружи.

Лема с Клиффом сопровождал один лишь Бокнер. Лем понял: остальные не вошли с ними не из боязни, что в логове будет слишком тесно, а из-за чувства тревоги, которое оно вызывало.

У Бокнера с собой был фонарь. Он включил его и направил луч на те предметы, которые он хотел показать, разгоняя одни тени и заставляя другие перемещаться по пещере, наподобие летучих мышей, согнанных со своего насеста.

В одном углу на песчаном полу из кучи сухой травы высотой шесть или восемь дюймов было сооружено некое подобие ложа. Рядом с ним стояло оцинкованное ведро с относительно свежей водой, очевидно принесенной сюда из ближайшего ручья, чтобы, проснувшись среди ночи, существо могло утолить жажду.

— Он был здесь,— тихо произнес Клифф.

— Да,— согласился Лем.

Интуитивно он чувствовал, что именно Аутсайдер соорудил себе эту постель; каким-то образом в пещере все еще ощущалось его чужеродное присутствие. Лем уставился на ведро, гадая, где Аутсайдер мог его раздобыть. Скорее всего, по дороге из Банодайна он решил найти себе где-нибудь убежище и затаиться на время и понял, что ему понадобятся некоторые вещи, чтобы сделать свою жизнь в этих диких местах более комфортной. Возможно, Аутсайдер залез в конюшню, или сарай, или пустой дом и украл ведро и остальные предметы, которые Бокнер сейчас освещал фонарем.

Клетчатое фланелевое одеяло, которое могло понадобиться, если похолодает. Лем обратил внимание на то, как аккуратно оно было свернуто и положено на узкий стенной выступ недалеко от входа.

Фонарь. Он лежал рядом с одеялом. Аутсайдер обладал чрезвычайно хорошим ночным зрением. Это было одним из требований, над которым работала доктор Ярбек: хороший генетически созданный воин должен уметь видеть в темноте как кошка. Зачем же ему понадобился фонарь? Если только... может быть, даже такое создание тьмы иногда боится темноты?

Эта мысль взволновала Лема, он неожиданно почувствовал жалость к этому зверю, как в тот день, когда он присутствовал при разговоре Аутсайдера с доктором Ярбек, когда тот грубыми жестами дал понять, что хочет вырвать свои глаза, чтобы больше никогда не видеть себя.

Бокнер перевел луч фонаря на пару десятков конфетных оберток. Очевидно, Аутсайдер украл две упаковки у кого-то по дороге сюда. Странно, но обертки не были скомканы, а тщательно расправлены и положены на пол у задней стенки пещеры: десять — от конфет с арахисом и десять — от шоколадных плиток. Возможно, Аутсайдеру понравилась яркая расцветка

оберток. А может быть, он сохранил их как напоминание о полученном удовольствии, поскольку в той его прежней жизни радости и удовольствий было немного.

В дальнем от постели углу в темноте лежала кучка костей, принадлежащих небольшим животным. Съев конфеты, Аутсайдер принялся за охоту, чтобы прокормиться. А поскольку он не мог разжечь огонь, то питался сырым мясом. Вероятно, Аутсайдер держал кости в пещере из-за боязни, что они наведут на его след. То, что он хранил их в темноте, в самом дальнем углу своего убежища, говорило о его чистоплотности и любви к порядку, но Лему казалось, что тот прятал кости в темноте, поскольку стыдился собственной жестокости.

Трогательное чувство оставляли предметы, сложенные в стенной нише над постелью. Нет, решил Лем, не просто сложенные. Все они были аккуратно уложены, как если бы это была ценная коллекция предметов искусства из стекла, керамики или гончарных изделий племени майя. Тут хранилась круглая побрякушка из цветного стекла вроде тех, что часто вешают в патио, чтобы они сверкали на солнце; диаметром она была около четырех дюймов, и на ней изображался голубой цветок на бледно-желтом фоне.

Здесь был яркий медно-красный цветочный горшок, вероятно прихваченный из того же — или другого — патио. Рядом с горшком лежали две вещицы, наверняка украденные Аутсайдером из какого-то дома, возможно из того же, что и конфеты: изящная фарфоровая статуэтка, изображающая сидящую на ветке парочку кардиналов с ярким оперением, и хрустальное пресс-папье. По-видимому, даже этот монстр обладал определенным чувством прекрасного и желанием жить не как животное, а как разумное существо в окружении вещей, несущих отпечаток цивилизации.

У Лема защемило сердце, он представил себе это одинокое, измученное, ненавидящее себя самого нечеловеческое и в то же время обладающее сознанием существо, вызванное к жизни доктором Ярбек.

Последним предметом в нише над постелью была копилка в виде фигурки Микки Мауса высотой десять дюймов.

Чувство жалости в Леме еще усилилось, потому что он знал, чем эта копилка привлекла Аутсайдера. В Банодайне проводи-

лись исследования с целью определить глубину и природу интеллекта собаки и Аутсайдера, выяснить, насколько их восприятие сродни человеческому. Один из экспериментов был направлен на выявление их способности разграничивать фантазию и реальность. Ретриверу и Аутсайдеру по отдельности ставили видеокассету со всевозможными фрагментами из фильмов: кусочки старых лент Джона Вэйна, отрывок из «Звездных войн» Джорджа Лукаса, новости, куски из документальных фильмов и мультипликационные фильмы с Микки Маусом. Реакции собаки и Аутсайдера фиксировались на пленку. Затем их изучали с точки зрения того, понимают ли они, что из увиденного — реальные события, а что — продукт воображения. Оба подопытных постепенно научились распознавать фантазию, когда с ней встречались; но в одну фантазию оба верили дольше всего и любили больше всего: это был Микки Маус. Они обожали приключения Микки и его друзей. После побега из Банодайна Аутсайдер каким-то образом наткнулся на эту копилку и страшно захотел ею владеть, поскольку она напоминала несчастному созданию о единственном удовольствии, которое он испытал, живя в лаборатории.

Луч фонаря Бокнера упал на что-то блестящее и плоское, лежащее на полке. Оно находилось рядом с копилкой, и они чуть было не проглядели его. Клифф встал на травяную постель и взял в руки этот предмет: треугольный осколок зеркала размером три на четыре дюйма.

«Здесь прятался Аутсайдер,— подумал Лем,— пытаясь черпать силу из своих скудных сокровищ, надеясь создать себе хоть какое-то подобие дома. Время от времени он брал этот осколок зеркала и смотрел на себя — возможно, стремясь найти в своем облике хоть что-нибудь, что *не* было безобразным, возможно, стараясь примириться с тем, кем он был. Но безрезультатно. Конечно же безрезультатно».

— Боже мой,— тихо произнес Клифф, в голове которого, очевидно, мелькнула та же мысль.— Бедный, несчастный ублюдок.

У Аутсайдера была еще одна вещь: журнал «Пипл»* с Робертом Редфордом на обложке. Коттем, острым камнем или еще чем-нибудь он вырвал у Редфорда глаза.

* Букв.: «Люди» — *от англ. «people».— Прим. пер.*

Журнал был измят и изорван, как если бы его листали сотни раз. Бокнер подал им «Пипл» и предложил полистать его. Лем последовал его совету и обнаружил, что у всех людей, изображенных на страницах журнала, были поцарапаны, порезаны или грубо вырваны глаза.

От тщательности, с какой наносились эти символические увечья — не было пропущено ни одно изображение,— мороз шел по коже.

Да, Аутсайдер был жалок, ему можно было посочувствовать.

Но в то же время его следовало бояться.

Пять убитых, у одного выпущены кишки, у других оторваны головы.

О невинных жертвах нельзя было забывать ни на минуту. Ни привязанность к Микки Маусу, ни любовь к красоте не могли служить оправданием таких зверств.

Но Господи Иисусе...

У Аутсайдера хватало интеллекта осознать важность и преимущества цивилизации и стремиться к тому, чтобы найти себе место в ней и оправдать свое существование. В то же время ему привили неистовую тягу к насилию, инстинкт убийцы, которому нет равных в природе, поскольку его создали для роли убийцы на длинном невидимом поводке, эдакую живую военную машину. Независимо от того, как долго Аутсайдер жил в мирном одиночестве этой пещеры, независимо от того, сколько дней или недель подавлял в себе желание убивать, он не мог изменить себя. Сопротивление внутри его будет расти до тех пор, пока Аутсайдер не прекратит сдерживаться, пока убийства небольших животных не перестанут приносить ему психологическое облегчение, и тогда он выйдет на поиски более крупной и более интересной жертвы. Аутсайдер может проклинать себя за кровожадность, может страстно желать преобразиться в существо, способное жить в гармонии с окружающим миром, но он бессилен изменить свою суть. Всего несколько часов назад Лем размышлял о том, как сложно пересмотреть свои принципы, привитые тебе еще отцом, как трудно любому человеку изменить свою жизнь, но это все же реально, если обладаешь решительностью, силой воли и временем. Для Аутсайдера, однако, это было невозможно: убийство в нем

заложено генетически, накрепко *заперто*, так что он не мог надеяться на изменение или спасение.

— Что, черт возьми, все это значит? — осведомился Бокнер, который больше не мог справляться со своим любопытством.

— Поверьте мне,— ответил Лем,— вам лучше ничего не знать.

— Но что же было в этой пещере? — спросил Бокнер.

Лем только покачал головой. Ему крупно повезло, что убийство произошло в национальном заповеднике. Это была федеральная территория, а значит, УНБ будет гораздо проще взять на себя расследование.

Клифф Соамс все еще вертел в руках осколок зеркала, задумчиво глядя на него.

Бросив прощальный взгляд на мрачную пещеру, Лем Джонсон пообещал себе и своему опасному противнику: «Когда я найду тебя, я даже не подумаю брать тебя живым; никаких сетей и усыпляющих выстрелов, как того хотят ученые и военные; я тебя пристрелю».

Это не просто самое безопасное решение. Это будет актом сострадания и милосердия.

4

К первому августа Нора распродала всю обстановку и другие вещи, принадлежавшие тете Виолетте. Она просто позвонила агенту по продаже антикварной и подержанной мебели, и он предложил скупить все ее вещи по одной цене, на что та с радостью согласилась. Себе Нора оставила только посуду и серебро, и, за исключением ее спальни, в доме были одни голые стены. Дом казался очищенным, продезинфицированным, как если бы из него *изгнали духов*. Теперь, когда злые чары рассеялись, она знала, что у нее есть силы все здесь переделать. Но Нора больше не хотела жить в этом доме, позвонила агенту по продаже недвижимости и попросила продать его.

Она также избавилась от всей своей старой одежды, и теперь у нее был совершенно новый гардероб, состоящий из слаксов и юбок, блузок, джинсов и платьев, как у любой другой женщины. Изредка, правда, Нора по-прежнему чувствовала себя не в своей тарелке, когда надевала что-то яркое, но каждый раз подавляла в себе желание вырядиться во что-либо темное и бесформенное.

У нее все еще не хватало смелости выставить свои картины на суд зрителей, чтобы узнать их истинную цену. Тревис изредка — и, как ему казалось, мягко — напоминал ей об этом, но Нора не была готова положить на наковальню свое хрупкое «я» и дать другим возможность ударить по нему молотом. Скоро, но не сейчас.

Иногда, смотря на себя в зеркало или замечая свое отражение в освещенной солнцем витрине, она сознавала, что действительно была симпатичной. Может быть, не красавицей, не такой великолепной, как какая-нибудь кинозвезда, но вполне симпатичной. Однако Нора никак не могла привыкнуть к новому восприятию собственной внешности и через несколько дней опять поражалась привлекательности своего лица, глядящего на нее из зеркала.

Пятого августа в середине дня они с Тревисом сидели за кухонным столом и играли в «Скрэббл»*, и Нора ощущала себя хорошенькой. Несколько минут назад в ванной, глядя в зеркало, она вновь пережила это откровение, и собственная внешность понравилась ей даже больше обычного. Сейчас, сидя за «Скрэбблом», Нора чувствовала себя более жизнерадостной и счастливой, чем когда-либо прежде,— и более озорной. Она стала выдумывать несуществующие слова и затем яростно их защищала, когда Тревис начинал сомневаться в них.

— Дофнап? — нахмурился он.— Нет такого слова «дофнап».

— Это треугольная шапка, которую носят лесорубы,— ответила Нора.

— Лесорубы?

— Как Поль Баниан.

— Лесорубы носят вязаные шапочки, то, что мы называем тобганами, или круглые кожаные шапки с ушами.

— Я говорю не о том, в чем они ходят на работе, в лесу,— терпеливо объяснила Нора.— Дофнап. Так называются шапочки, которые они надевают на ночь.

---

* «Скрэббл» (англ. «Scrabble») — игра, напоминающая нашу игру «Эрудит».— *Прим. пер.*

Тревис рассмеялся и покачал головой.

— Ты меня разыгрываешь?

Нора смотрела на него абсолютно честными глазами.

— Нет. Это правда.

— Лесорубы спят в специальных шапочках?

— Да. Это и есть дофнап.

Сама *мысль* о том, что Нора может его разыгрывать, была ему в новинку, и он попался на удочку.

— Дофнап? Почему она так называется?

— Понятия не имею,— ответила Нора.

Эйнштейн лежал на брюхе на полу и читал роман. Перейдя с удивительной быстротой от книжек-картинок к детской литературе вроде «Ветра среди ив»*, он посвящал чтению ежедневно по восемь—десять часов. Ему всегда *не хватало* книг. Пес стал настоящим библиоманом. Десять дней назад, когда увлеченность Эйнштейна чтением начала утомлять Нору, которой приходилось держать ему книги открытыми и переворачивать страницы, они постарались придумать что-то, чтобы Эйнштейн мог сам справляться с этим. В компании, поставляющей оборудование для больниц, Нора и Тревис нашли приспособление для пациентов с недействующими руками и ногами. Это была металлическая подставка, на которой закреплялась книга; механические руки с электроприводом, управляемые тремя кнопками, переворачивали страницы и удерживали книгу в открытом состоянии. Держа зубами ручку, человек мог управлять этим устройством; Эйнштейн тыкал в кнопку носом. Казалось, псу страшно понравилось приспособление. Сейчас он тихонько проворчал что-то по поводу прочитанного, нажал одну из кнопок и перевернул страницу.

Тревис составил слово «злой» и набрал кучу очков, использовав квадрат, удваивающий очки, и Нора из своих букв тут же составила слово «виндейка», набрав еще больше очков.

— Виндейка? — переспросил Тревис, в голосе которого звучало сомнение.

— Это национальное югославское блюдо,— объяснила она.

— Неужели?

— Да. В его состав входят ветчина и индейка, поэтому оно и называется...

* Сказка известного английского писателя Кеннета Грэма.— *Прим. пер.*

Закончить Нора не смогла и расхохоталась.

Тревис рот раскрыл от изумления.

— Ты меня *разыгрываешь*. Ты меня разыгрываешь! Нора Девон, что с тобой происходит? Когда я познакомился с тобой, я сказал, что ты — чертовски мрачная и самая серьезная женщина из всех, кого я знаю.

— И самая пугливая.

— Нет, не пугливая.

— Пугливая,— настаивала она.— Ты подумал, что я пугливая.

— Ну хорошо, я подумал, что ты пуглива, как белка, и, наверное, у тебя дома весь чердак забит орехами.

Усмехнувшись, Нора сказала:

— Если бы мы с тетей Виолеттой жили на юге, мы были бы точь-в-точь герои Фолкнера, да?

— Еще более странными, чем у Фолкнера. А сейчас, вы только посмотрите! Выдумывает разные глупые слова и шутки, заставляет меня в них верить, так как мне и в голову не приходит, что Нора Девон способна на такое. Да, ты действительно изменилась за эти месяцы.

— Благодаря тебе,— заметила она.

— Скорее благодаря Эйнштейну, а не мне.

— Нет, больше всего благодаря тебе,— сказала Нора, и ее вновь вдруг охватила робость, которая так часто парализовала ее раньше. Она отвела от него взгляд и, уставившись на свой поднос с карточками, тихо проговорила: — Благодаря тебе. Я никогда бы не встретила Эйнштейна, если бы не познакомилась с тобой. А ты... заботился обо мне... беспокоился обо мне... разглядел во мне то, чего я сама не видела. Ты меня переделал.

— Нет,— сказал Тревис.— Ты слишком много всего мне приписываешь. Тебя нечего переделывать. Эта Нора всегда была там, внутри старой Норы. Как цветок, свернутый и спрятанный в глубине бесцветного крохотного бутона. Тебе просто надо было помочь... вырасти и расцвести.

Она не решалась поднять на него глаза. Ей казалось, что у нее на шее висит огромный камень и заставляет ее еще ниже опускать голову; Нора покраснела. Но все же нашла в себе смелость сказать:

— Это так тяжело — расцвести... измениться. Даже когда хочешь измениться, хочешь больше всего на свете, одного желания недостаточно. И отчаяния тоже. Это нельзя сделать без...

любви.— Она перешла на шепот: — Любовь — это как вода и солнце, благодаря которым прорастает семя.

Тревис сказал:

— Нора, посмотри на меня.

Камень на ее шее весил, наверное, сто фунтов, нет, тысячу.

— Нора?

Он весил уже *тонну*.

— Нора, я тебя тоже люблю.

Каким-то чудом ей удалось поднять голову и посмотреть на Тревиса. Его карие глаза, такие темные, что казались почти черными, были теплыми, добрыми и красивыми. Она любила эти глаза. Любила высокую переносицу и узкую линию носа. Любила каждую черточку на худом и аскетическом лице.

— Мне надо было первому признаться тебе в любви, потому что мне это легче сделать, чем тебе. Мне необходимо было сказать тебе много дней, много недель назад: «Нора, боже мой, я люблю тебя». Но я не говорил этого из-за боязни. Каждый раз, когда я позволяю себе полюбить кого-то, я его теряю, но сейчас, я думаю, будет по-другому. Может быть, ты изменишь все для меня, как я помог все переменить для тебя, и, вероятно, на этот раз мне повезет.

Ее сердце часто-часто забилось. Она с трудом дышала, но все же смогла выговорить:

— Я тебя люблю.

— Ты выйдешь за меня замуж?

Нора была ошеломлена. Она ожидала чего угодно, но только *не этого*. Одно то, что Тревис признался ей в любви и она смогла открыть ему свое сердце, делало ее счастливой на многие недели, месяцы. Нора надеялась, что у нее будет время для изучения внешней стороны любви, как если бы это было какое-то огромное таинственное сооружение вроде пирамиды, которую предстоит узнать и рассматривать во всех деталях, прежде чем осмелиться заглянуть внутрь.

— Ты выйдешь за меня замуж? — повторил Тревис вопрос.

Это было слишком скоро, ужасно скоро, и, сидя на кухонном стуле, Нора почувствовала головокружение, как на карнавале, и ей стало страшно. Ей хотелось сказать, чтобы он так не торопился, объяснить, что у них много времени и надо все как следует обдумать, но, к своему удивлению, услышала:

— Да. О да.

Тревис потянулся к ней и взял ее руки в свои.

Нора заплакала, но это были слезы радости.

Эйнштейн хотя и был поглощен своей книгой, все же заметил: что-то происходит. Он подошел к столу, потерся об их ноги, довольно ворча что-то.

Тревис спросил:

— На следующей неделе?

— Поженимся? Но ведь нужно время, чтобы получить разрешение и все прочее.

— Только не в Лас-Вегасе. Я позвоню в церковь в Вегасе и обо всем договорюсь. Мы можем поехать туда на будущей неделе и обвенчаться.

Плача и смеясь одновременно, она сказала:

— Хорошо.

— Потрясающе,— проговорил, улыбаясь, Тревис.

Эйнштейн яростно вилял хвостом:

Да, да, да, да, да.

5

В среду четвертого августа по заказу клана Тетранья из Сан-Франциско Винс Наско отправил на тот свет одного стукача по имени Лу Пантанджела. Этот человек выложил на следствии все, что знал, и должен был в сентябре давать показания в суде против членов организации Тетранья.

Джонни Сантини Струна, выполняя поручение клана, проник в компьютерные файлы федеральных властей и выяснил, где обитает Пантанджела. Предатель проживал под защитой двух агентов в безопасном месте в Редондо-Бич, к югу от Лос-Анджелеса. После выступления в суде этой осенью он должен был получить новые документы и переехать в Коннектикут, но его собирались убрать гораздо раньше.

Поскольку Винсу, скорее всего, пришлось бы ликвидировать одного или обоих агентов, чтобы добраться до Пантанджелы, и дело обещало быть жарким, Тетранья предложили ему очень высокое вознаграждение в шестьдесят тысяч долларов. Откуда ему было знать, что убийство нескольких человек для

Винса подарок: это делало работу более — а не менее — привлекательной.

Почти неделю он следил за Пантанджелой, каждый день меняя машины, чтобы его не засекли телохранители. Они нечасто позволяли Пантанджеле выходить из дома, но все же были более уверены в своем убежище, чем следовало бы, поскольку три или четыре раза в неделю разрешали ему позавтракать на людях, выбрав для этого небольшую тратторию в четырех кварталах от дома.

Пантанджела насколько мог изменил свою внешность. Раньше у него были густые, темные, почти до плеч волосы. Сейчас они были коротко острижены и выкрашены в светло-каштановый цвет. Он носил усы, но теперь сбрил их. Весил на шестьдесят фунтов больше нормы, но за два месяца, проведенных под присмотром телохранителей, похудел почти на сорок фунтов. И все же Винс узнал его.

В среду четвертого августа агенты, как обычно, в час дня привели Пантанджелу в тратторию. В десять минут второго туда же вошел Винс.

В центре зала ресторана стояло восемь столиков, а вдоль боковых стен было по шесть кабинок. Траттория выглядела чистой, но, на вкус Винса, слишком уж итальянской: красно-белые клетчатые скатерти; кричащие стены с изображениями римских развалин; пустые винные бутылки в качестве подсвечников; тысяча пластмассовых виноградных гроздей, свисающих, бог ты мой, с прикрепленной к потолку решетки и призванных создать атмосферу беседки. Поскольку калифорнийцы обедают рано, по крайней мере по восточным меркам, они и завтракают тоже рано, и к половине одиннадцатого пик посетителей уже схлынул. Вероятно, к двум часам дня единственными посетителями здесь будут Пантанджела, его два телохранителя и Винс, что делало это заведение подходящим местом для убийства.

Ресторан был совсем небольшим, и в это время не работала распорядительница; специальная табличка предлагала посетителям самим занимать места. Винс прошел через зал мимо Пантанджелы с агентами и расположился в соседней кабинке.

Винс тщательно продумал свой туалет. На нем были веревочные сандалии, красные хлопчатобумажные шорты и белая

майка с изображением голубых волн, желтого солнца и надписью «Человек из Калифорнии», очки с зеркальным покрытием. В руках он нес открытую брезентовую пляжную сумку с надписью «Мое барахло». Проходя мимо и заглянув в сумку, можно было увидеть туго свернутое полотенце, флакон с лосьоном для загара, небольшой приемник и расческу, но никто бы не заметил спрятанной на дне автоматической винтовки «узи» с глушителем и магазином на сорок патронов. Темный загар помогал ему добиться нужного впечатления: очень крепкого, но стареющего любителя серфинга, свободного, бесхитростного и, возможно, бездумного малого, целые дни проводящего на пляже, из тех мужчин, которые в шестьдесят лет стараются казаться молодыми и пребывают в полном упоении от собственной персоны.

Винс равнодушно скользнул глазами по Пантанджеле и его телохранителям, заметив, что они внимательно посмотрели на него и сочли незаслуживающим внимания и безобидным. Отлично.

В кабинках были высокие, обитые материей стенки, и со своего места ему было не видно Пантанджелу. Зато хорошо слышно, как он и его сотрапезники время от времени перебрасываются словами, в основном о бейсболе и женщинах.

После недельной слежки Винс знал: Пантанджела никогда не уходит из траттории раньше половины третьего, обычно это бывало в три часа, очевидно, потому, что он настаивал на закуске, салате, основном блюде и десерте — полном наборе. Значит, у Винса оставалось время на салат и лингвини с соусом из моллюсков.

Официантке исполнилось лет двадцать, она была яркой блондинкой, хорошенькой и такой же загорелой, как и Винс. У нее были внешность и голос пляжной девочки, и она, принимая заказ, сразу же начала заигрывать с Винсом. Он решил, что она принадлежит к числу тех пляжных нимф, мозги которых так же зажарились на солнце, как и их тело. Вероятно, все летние вечера девчонка проводила на пляже, балуясь всевозможными наркотиками и раздвигая ноги для каждого, кто ее заинтересует,— а таких, должно быть, большинство,— а это значило, что, несмотря на свой цветущий внешний вид, она по-

ражена болезнью. Сама мысль о том, чтобы переспать с ней, вызывала у Винса тошноту, но ему надо было сыграть свою роль, и он начал с ней флиртовать, стараясь показать, что у него текут слюнки при одной мысли о ее обнаженном, извивающемся под ним теле.

В пять минут третьего Винс покончил с ленчем. Кроме него в траттории остались только Пантанджела с двумя телохранителями. Одна из официанток ушла совсем, а две другие были на кухне. Лучше и не придумать.

Пляжная сумка стояла на скамье рядом с Винсом. Он залез внутрь и вынул автомат.

Пантанджела с агентами обсуждали шансы Доджерса попасть на чемпионат мира.

Винс встал, подошел к их кабинке и уложил всех очередью из двадцати—тридцати выстрелов. Короткий, высокого класса глушитель сработал изумительно: выстрелы напоминали речь заикающегося человека, с трудом произносящего слово, начинающееся с шипящей. Все произошло так стремительно, что телохранители не успели достать оружие. Они даже не успели удивиться.

«Сссснап».

«Сссснап».

«Сссснап».

Пантанджела и его охранники испустили дух за три секунды.

Винса передернуло от огромного удовольствия, его захлестнула жизненная энергия чрезвычайной мощи, которую он только что поглотил. Он не мог вымолвить ни слова. Затем дрожащим и трепетным голосом произнес:

— Спасибо.

Отвернувшись от кабинки, Винс увидел официантку, в шоке замершую в центре зала. Широко раскрытыми голубыми глазами она смотрела на убитых, затем медленно перевела взор на Винса.

Прежде чем девушка успела закричать, Винс разрядил в нее оставшиеся в магазине пули — что-то около десяти,— и она упала, истекая кровью.

«Сссснап».

— Спасибо,— сказал он и еще раз повторил это, потому что она была молода и полна жизненной энергии, а следовательно, была ему еще полезнее.

Опасаясь, как бы кто-нибудь не вышел из кухни или, проходя мимо траттории, не заглянул внутрь и не увидел распростертую на полу официантку, Винс быстро прошел в свою кабинку, схватил пляжную сумку и засунул винтовку под полотенце. Затем надел зеркальные очки и покинул ресторан.

Его не заботили отпечатки пальцев. Винс покрыл подушечки пальцев эльмеровским клеем. Высохнув, он становился почти прозрачным, и его можно было разглядеть, только если бы он повернул руки ладонями вверх и специально привлек к ним внимание. Слой клея был достаточно толстым и, заполняя все мельчайшие складочки кожи, оставлял абсолютно гладкие отпечатки.

На улице Винс прошел до конца квартала, свернул за угол и сел в свой фургон. Насколько он мог судить, никто не обратил на него внимания.

Винс двинулся в сторону океана, с удовольствием предвкушая отдых на солнце и купание. Поехать на Редондо-Бич в двух кварталах от того места, где он находился, показалось ему слишком рискованным, поэтому Винс повернул по «Коаст Хайвей» на юг к Болса-Чика, чуть севернее его дома в Гастингтон-Бич.

По дороге он думал о собаке. Винс продолжал платить Джонни Струне за проверку пунктов сбора животных, полицейских участков и всех тех, кто может участвовать в поисках ретривера. Ему стало известно о бюллетене, распространенном Управлением национальной безопасности среди ветеринаров и агентств по охране животных в трех штатах, а также и то, что до сих пор у УНБ не было никакой информации.

Возможно, пса сбила машина или его загрызло существо, которое Хадстон назвал Аутсайдером, или растерзала стая койотов там, в горах. Но Винсу не хотелось верить, что собака мертва. Это означало бы конец его мечте осуществить крупную финансовую сделку при помощи ретривера, потребовав за него выкуп у властей или продав какому-нибудь богачу из шоу-бизнеса, который придумает, как использовать скрытый в псе ин-

теллект, чтобы извлекать надежный и хороший доход из ничего не подозревающих простаков.

Винсу хотелось верить, что собаку кто-то нашел и взял к себе домой. Если он узнает, у кого она, то сможет купить ее — или просто убить хозяина и забрать ретривера.

Но где, черт возьми, искать пса или его хозяина? Если их можно найти, УНБ, конечно, разыщет их первым.

Скорее всего, собакой легче будет завладеть, найдя сначала Аутсайдера, который выведет Винса на ретривера, как полагал доктор Хадстон. Но это тоже нелегко.

Джонни Струна снабжал его информацией об особенно зверских убийствах людей и животных по всей Южной Калифорнии. Винсу было известно о бойне в зоосаде Ирвин-парка, убийстве Вэса Далберга и людей в Бордо Ридж. Джонни предоставил ему данные об изувеченных домашних животных в районе Даэмонд Бар, и Винс своими глазами видел по телевизору передачу о молодой паре, которая повстречалась с внеземным существом в диких местах южнее пика Джонстона. Три недели назад в Анджелесском национальном заповеднике были обнаружены страшно изуродованные трупы двух туристов, и, проникнув в компьютерные данные УНБ, Джонни подтвердил, что управление также взяло это дело под свою юрисдикцию, а это означало: убийства — дело рук Аутсайдера.

С тех пор ничего не произошло.

Но Винс не собирался сдаваться. Не так быстро. Он был терпеливым человеком. Это качество стало частью его профессии. Винс подождет, будет по-прежнему следить за всеми событиями и продолжать платить Джонни Струне за информацию и рано или поздно получит то, что ему нужно. В этом он был уверен. *Винс решил, что собака, так же как и бессмертие,— часть его великой судьбы.*

На общественном пляже в Болса-Чика он постоял некоторое время, не отрывая глаз от огромных темных масс поднимающейся воды, волны бились о его ноги. Винс чувствовал себя таким же всемогущим, как океан. Его наполняло множество жизней. Он бы не удивился, если бы из кончиков его пальцев вдруг заструилось электричество, подобно тому, как у мифических богов из рук вырывались молнии.

В конце концов Винс бросился в воду и поплыл наперерез мощным волнам. Он заплыл далеко вперед, затем повернулся и поплыл вдоль пляжа сначала на юг, а затем на север, пока наконец не обессилел и не позволил прибою вынести себя на берег.

Винс подремал немного под жарким полуденным солнцем. Ему приснилась беременная женщина с большим круглым животом, и он ее задушил.

Винс часто видел сны, в которых убивал детей или еще не появившихся на свет младенцев, потому что об этом мечтал в реальной жизни. Конечно, убийство детей было очень рискованным делом; ему приходилось отказывать себе в этом удовольствии, хотя жизненная энергия ребенка была бы самой богатой, самой чистой и самой стоящей из всех. Но это слишком опасно. Винс не мог заняться детоубийством, пока не был уверен, что достиг бессмертия, когда ему уже не надо будет бояться ни полиции, ни кого-либо другого.

Однако сон, от которого Винс проснулся на пляже в Болса-Чика, показался ему значимее остальных. Он был... другим. Пророческим. Винс сидел, зевая, и смотрел на заходящее на западе солнце, притворяясь, что не замечает поглядывающих на него девушек в бикини, и говорил себе, что этот сон — предвестник будущего удовольствия. Однажды его руки действительно окажутся на шее беременной женщины, как это случилось в сегодняшнем сновидении, и Винс познает высшее блаженство, получит высший дар, не только ее жизненную энергию, но и чистую, незамутненную энергию еще не родившегося ребенка в ее чреве.

Чувствуя себя так, как если бы он только что выиграл миллион, Винс вернулся к своему фургону и отправился домой. Там он принял душ и поехал обедать в ближайший ресторан «Стюарт Андерсон», где заказал себе филе миньон.

6

Эйнштейн пронесся мимо Тревиса из кухни через небольшую столовую и скрылся в гостиной. Держа в руке поводок, Тревис пошел за ним. Пес прятался за диваном.

Тревис сказал:

— Послушай, это совсем не больно.

Собака устало смотрела на него.

— Нам надо это сделать до отъезда в Вегас. Ветеринар сделает тебе пару прививок против чумки и бешенства. Это нужно тебе же, и это действительно не страшно. Правда. А потом мы оформим тебе свидетельство, которое нам давным-давно надо было оформить.

Пес пролаял один раз. *Нет.*

— Мы это сделаем.

Нет.

Согнувшись и держа в руке замок от поводка, который он собирался пристегнуть к ошейнику, Тревис шагнул к Эйнштейну.

Ретривер отбежал от него к креслу, вскочил на него и с этой наблюдательной площадки внимательно смотрел на Тревиса.

Медленно выходя из-за дивана, Тревис сказал:

— Послушай, псина, я — твой хозяин.

Эйнштейн пролаял один раз.

Нахмурившись, Тревис повторил:

— Да-да, я — твой хозяин. Ты, может быть, чертовски умный пес, но ты всего лишь пес, а я — человек, и говорю тебе, мы идем к ветеринару.

Эйнштейн вновь пролаял один раз.

Прислонившись к дверному косяку со скрещенными на груди руками, Нора проговорила:

— Похоже, он старается тебе показать, как ведут себя дети, чтобы мы знали, на что идем, если когда-нибудь решим их иметь.

Тревис бросился к собаке.

Эйнштейн сорвался со своего места и пулей вылетел из комнаты; Тревис, не удержавшись на ногах, свалился на кресло.

Нора рассмеялась.

— Очень забавно.

— Куда он мог удрать? — спросил Тревис.

Она показала на холл, ведущий в две спальни и ванную комнату.

Он нашел ретривера в большой спальне. Пес сидел на постели и смотрел на дверь.

— Ничего у тебя не выйдет,— проговорил Тревис.— Это для твоей же пользы, черт возьми, и тебе сделают эти прививки независимо от того, нравится это тебе или нет.

Эйнштейн поднял заднюю лапу и стал мочиться на постель.

Тревис ошеломленно спросил:

— Черт побери, что ты себе позволяешь?

Пес перестал мочиться, вышел из лужи, растекавшейся по стеганому покрывалу, и вызывающе посмотрел на Тревиса.

Тот слышал рассказы о домашних животных, которые таким вот образом выражали свое неудовольствие. В бытность его владельцем агентства по продаже недвижимости одна из служащих, уезжая на две недели в отпуск, оставила своего карликового колли в конуре. Когда она вернулась и выпустила собаку, та в отместку испортила ее любимое кресло и кровать.

Но Эйнштейн — незаурядная собака. Принимая во внимание замечательные умственные способности пса, его поведение свидетельствовало о более сильной ярости, чем если бы он был обычной собакой.

Тревис, рассердившись, двинулся вперед.

— Этого я тебе не прощу.

Эйнштейн стал сползать с кровати. Поняв, что он постарается выскользнуть из комнаты мимо него, Тревис отбежал назад и захлопнул дверь. Видя, что путь отрезан, пес круто переменил направление и рванулся в дальний конец спальни, где и остановился рядом с туалетным столиком.

— Больше никаких глупостей,— жестко проговорил Тревис, размахивая поводком.

Эйнштейн ретировался в угол.

Напрягшись и раздвинув в стороны руки, чтобы тот не мог проскользнуть мимо него, Тревис в конце концов схватил ретривера и пристегнул поводок.

— Ха!

С поверженным видом Эйнштейн забился в угол, опустил голову и начал трястись.

Чувство триумфа в Тревисе мгновенно угасло. Эйнштейн от страха издавал тихие, почти неслышные жалобные завывания.

Гладя пса и стараясь его успокоить, Тревис сказал:

— Знаешь, это действительно необходимо для твоего же блага. Тебе ведь не нужны ни чумка, ни бешенство. И это совсем не больно, дружок. Клянусь тебе.

Ретривер продолжал глядеть в сторону, уговоры Тревиса на него не действовали.

Поглаживая Эйнштейна, Тревис чувствовал, как сильно он дрожит. Он внимательно смотрел на пса, размышляя обо всем этом, затем спросил:

— Они что, там, в лаборатории... кололи тебя иголками? Они делали тебе больно? Поэтому ты боишься прививок?

Эйнштейн только заскулил в ответ.

Тревис вытянул сопротивляющегося пса из угла, высвободив его хвост, чтобы тот мог отвечать на вопросы. Отпустив поводок, он обхватил голову Эйнштейна руками и заставил его посмотреть ему прямо в глаза.

— Они делали тебе больно иголками в этой лаборатории?

Да.

— И поэтому ты боишься ветеринара?

Не переставая дрожать, пес пролаял один раз. *Нет.*

— Тебе делали больно иголками, но ты их не боишься?

Нет.

— Тогда *почему* ты так себя ведешь?

Собака просто смотрела на него и издавала эти ужасные отчаянные звуки.

Нора приоткрыла дверь и заглянула в спальню.

— Тебе удалось надеть на него поводок, Тревис? — Затем она проговорила: — Фу! Что здесь у вас происходит?

Не выпуская из рук голову пса и глядя ему прямо в глаза, Тревис ответил:

— Он явно выразил свое неудовольствие.

— Явно,— согласилась она, подходя к кровати и сдергивая с нее испорченные покрывало, одеяло и простыни.

Стараясь разгадать причину такого поведения ретривера, Тревис спросил:

— Эйнштейн, если ты не боишься уколов, может, ты боишься ветеринара?

Пес пролаял один раз. *Нет.*

Тревис в отчаянии обдумывал следующий вопрос, пока Нора стаскивала с кровати матрац.

Ретривер продолжал дрожать.

Вдруг Тревиса осенило, почему пес так себя ведет и так боится. Он проклинал себя за собственную тупость.

— Черт, ну конечно! Ты боишься не ветеринара — а тех, кому ветеринар может о тебе сообщить?

Дрожь собаки несколько улеглась, и она вильнула хвостом. *Да.*

— Если люди из лаборатории охотятся за тобой — а мы знаем наверняка, что они упорно разыскивают тебя, потому что ты, вероятно, самый важный подопытный пес в истории человечества,— они должны были связаться со всеми ветеринарными лечебницами штата, да? Со всеми ветеринарами, со всеми живодерами... и со всеми агентствами по регистрации собак.

Пес вновь неистово замахал хвостом, и дрожь его начала стихать.

Нора обошла вокруг кровати и встала рядом с Тревисом.

— Но ведь золотистые ретриверы — одна из самых распространенных пород. Ветеринары и регистрирующие агентства постоянно имеют с ними дело. Если наш гениальный пес зароет свой талант в землю и разыграет из себя глупую собачонку...

— А это у него прекрасно получается.

— ...Тогда они не узнают, что ищут именно его.

Нет, узнают,— настаивал Эйнштейн.

Тревис спросил у ретривера:

— Что ты имеешь в виду? Ты хочешь сказать, что они смогут каким-то образом тебя опознать?

Да.

— Как? — осведомилась Нора.

Тревис спросил:

— По какой-то отметине?

Да.

— Где-то под шерстью? — спросила Нора.

Пес пролаял один раз. *Нет.*

— Тогда где? — недоумевал Тревис.

Высвободившись из рук Тревиса, Эйнштейн так яростно замотал головой, что его длинные уши издали хлопающий звук.

— Возможно, на подушечках лап,— сказала Нора.

— Нет,— одновременно с лаем ретривера проговорил Тревис.— Когда я нашел его, его лапы от долгого трудного путешествия были сбиты в кровь, и мне пришлось обработать их борной кислотой. Я бы заметил отметину на лапе.

Эйнштейн снова яростно мотал головой, тряся ушами.

Тревис сказал:

— Возможно, на губе. Скаковых лошадей иногда помечают такой татуировкой, чтобы легче было распознавать и чтобы предотвратить их незаконное участие в состязаниях. Дай мне посмотреть твою губу, малыш.

Эйнштейн пролаял один раз — *Нет* — и отчаянно замахал ушами.

До Тревиса наконец дошло. Он заглянул в его правое ухо и ничего не обнаружил. Но в левом он кое-что заметил. Тревис подвел пса к окну, где было светлее, и на розовато-коричневой коже обнаружил татуировку, состоящую из двух чисел, черточки, третьего числа и сделанную красными чернилами: 33-9.

Посмотрев через плечо Тревиса, Нора проговорила:

— Вероятно, у них было много подопытных щенков из разных пометов и их надо было как-то различать.

— Господи Иисусе. Если бы я отвел его к ветеринару, который получил предупреждение о розыске ретривера с татуировкой...

— Но ведь ему надо сделать прививки.

— Возможно, их ему уже сделали,— с надеждой в голосе проговорил Тревис.

— Нам нельзя на это полагаться. Он ведь был лабораторным животным и жил в строго контролируемой среде, где в прививках не было необходимости. Вероятно, прививки могли помешать их экспериментам.

— Мы не вправе пойти на риск с ветеринаром.

— Если даже они его найдут,— сказала Нора,— мы просто его им не отдадим.

— Они могут нас заставить,— обеспокоенно проговорил Тревис.

— Черта с два!

— А что мы сможем сделать? Скорее всего, эти исследования финансируются правительством, и нас легко раздавят. Нам нельзя рисковать. Больше всего на свете Эйнштейн боится вернуться в лабораторию.

Да, да, да.

— Но что, если он заразится бешенством или чумкой, или...— сказала Нора.

— Мы сделаем ему прививки позже,— ответил Тревис.— Позже. Когда все немного успокоится. Сейчас слишком опасно.

Ретривер повизгивал от счастья и в знак благодарности облизывал шею и лицо Тревиса.

Нахмурившись, Нора сказала:

— Эйнштейн — почти самое большое чудо двадцатого века. Ты действительно считаешь, что они когда-нибудь о нем забудут и прекратят розыск?

— Возможно, они еще многие годы будут его искать,— признал Тревис, поглаживая пса.— Но со временем энтузиазма и веры у них поубавится. И ветеринары начнут забывать, что им надо заглядывать в уши каждого приведенного к ним ретривера. До тех пор ему придется обходиться без прививок, так я считаю. Это лучшее из того, что мы можем сделать. Это единственное, что мы можем сделать.

Одной рукой потрепав Эйнштейна, Нора сказала:

— Хотелось бы надеяться, что ты прав.

— Я прав.

— Надеюсь.

— Я прав.

Тревиса страшно потрясло, что его намерение едва не стоило Эйнштейну свободы, и в течение нескольких дней он размышлял о проклятии Корнелла. Возможно, все повторяется. Его жизнь круто изменилась и стала яркой благодаря любви, которую он испытывал к Норе и этому невозможному чертову псу. А сейчас, вероятно, судьба, которая всегда вела себя враждебно по отношению к нему, хочет украсть у него и Нору, и пса.

Тревис понимал: судьба — не более чем мифологическое понятие. Он не верил в существование пантеона злых богов, глядящих в замочную скважину и замышляющих новые трагедии для него,— и все же не мог удержаться от того, чтобы время от времени не поглядывать с тоской на небо. Тревис замечал: стоит ему сказать что-то оптимистичное о будущем, как он начинает стучать по дереву, чтобы противостоять злой судьбе. Опрокинув во время обеда солонку, Тревис тут же взял щепотку соли, чтобы бросить ее через плечо, но почувствовал себя дураком и стряхнул соль с рук. Сердце его, однако, сильно забилось,

его переполняли смешные суеверные страхи, и он не успокоился, пока снова не взял щепотку соли и не бросил ее за спину.

Нора, конечно, замечала такое эксцентричное поведение Тревиса, но у нее хватало такта ничего не говорить ему о его страхах. Каждая ее минута была заполнена любовью к нему, она с огромным удовольствием предвкушала их поездку в Вегас и пребывала в неизменно хорошем настроении.

Нора ничего не знала о его кошмарах, потому что Тревис ничего ей о них не рассказывал. А ему вот уже две ночи подряд снился один и тот же кошмар.

Как будто он бродил по каньонам у подножия Санта-Аны в графстве Ориндж в тех же местах, где впервые встретил Эйнштейна. Он снова был там, на этот раз с собакой и Норой, и потерял их обоих. В страхе Тревис спускался вниз по крутым склонам, карабкался вверх по горам, борясь с густым кустарником, и отчаянно звал Нору и пса. Иногда до него доносились Норин голос и лай Эйнштейна, и Тревис понимал: они попали в беду, он шел на их голоса, но с каждым разом они все удалялись от него и раздавались в новом месте. И как бы напряженно Тревис ни вслушивался и как быстро ни пробирался к ним через лес, он терял их, терял их...

Он просыпался в холодном поту, сердце его часто колотилось, и беззвучный крик застревал в горле.

В пятницу шестого августа выдался такой благословенно занятый день, что у Тревиса не оставалось времени на размышления о враждебной судьбе. Утром он первым делом позвонил в церковь и договорился о свадебной церемонии на среду, одиннадцатого августа, в одиннадцать часов. Охваченный романтической лихорадкой, Тревис сказал управляющему, что ему нужны двадцать дюжин красных роз, столько же белых гвоздик, хороший органист — никакой фонограммы! — который может сыграть традиционную мелодию, много свечей, чтобы обойтись без грубого электрического освещения, бутылка «Дом Периньон» для завершения церемонии и первоклассный фотограф, чтобы запечатлеть бракосочетание. Согласовав эти детали, Тревис позвонил в отель «Циркус-Циркус» в Лас-Вегасе, заведение семейного типа, расхваливающее свой лагерь для автотуристов, и заказал стоянку с вечера восьмого августа. Позвонив в Барстоу, находящийся на полпути к Вегасу, забронировал

стоянку на субботний вечер. Затем посетил ювелирный магазин, пересмотрел все, что у них было, и в конце концов остановился на обручальном перстне с большим безукоризненным бриллиантом в три карата и обручальном кольце с двенадцатью бриллиантами в четверть карата. Спрятав драгоценности под сиденье, Тревис вместе с Эйнштейном заехали за Норой домой и отправились к ее поверенному Гаррисону Дилворту.

— Вы собираетесь пожениться? Это просто замечательно! — проговорил тот, тряся руку Тревиса. Нору он поцеловал в щеку. Казалось, он искренне обрадовался.— Я навел о вас справки, Тревис.

Тревис удивленно переспросил:

— Да?

— Ради Норы.

От слов адвоката Нора покраснела и было запротестовала, но Тревису понравилось, что Гаррисон так беспокоится о ее благополучии.

Оценивающе глядя на Тревиса, седовласый адвокат сказал:

— Насколько я понял, у вас хорошо шли дела с недвижимостью, пока вы не продали свой бизнес.

— Да, неплохо,— скромно подтвердил Тревис, чувствуя себя так, как если бы он разговаривал с Ниным отцом и старался произвести хорошее впечатление.— *Очень* хорошо,— заметил Гаррисон.— И я слышал, вы удачно поместили ваш капитал.

— Я не пиццй,— подтвердил Тревис.

Улыбнувшись, Гаррисон продолжал:

— Мне также сказали, что вы — хороший, надежный человек и к тому же очень добрый.

Настала очередь Тревиса краснеть. Он пожал плечами.

Обращаясь к Норе, Гаррисон сказал:

— Дорогая, не могу выразить словами, как я рад за тебя.

— Спасибо.

Нора бросила на Тревиса светящийся любовью взгляд, и впервые за весь день у него возникло желание постучать по дереву.

Поскольку их свадебное путешествие должно было продлиться по меньшей мере неделю или дней десять, Нора опасалась, как бы им не пришлось спешно возвращаться в Санта-

Барбару, если ее агент по продаже найдет покупателя на дом Виолетты Девон, она попросила Гаррисона Дилворта оформить на себя доверенность, чтобы в ее отсутствие он мог от ее имени решать все вопросы, связанные с продажей дома. Меньше чем через полчаса все было оформлено, подписано и засвидетельствовано. Последовал очередной раунд поздравлений и наилучших пожеланий, после чего они отправились за прицепом для автомобиля.

Они собирались взять с собой Эйнштейна не только на бракосочетание в Вегас, но и в свадебное путешествие. Предвидя трудности, которые могли возникнуть при поиске хороших, чистых отелей, где не возбранялось проживание с собаками, они предусмотрительно решили приобрести домик на колесах. И потом, ни Нора, ни Тревис не смогли бы заниматься любовью в одной комнате с ретривером. «Это все равно что делать это в присутствии третьего человека»,— говорила Нора, зардевшись как маков цвет. Если они будут останавливаться в мотелях, им придется брать два номера: один — для себя, а другой — для Эйнштейна, что тоже неудобно.

К четырем часам они нашли то, что искали: среднего размера серебристый «Эйрстрим» с крошечной кухней, столовым отсеком, гостиной, спальней и ванной. Ложась спать, они смогут оставлять Эйнштейна снаружи и закрывать за собой дверь. Поскольку на пикапе Тревиса уже было надежное сцепление для трейлера, они прицепили «Эйрстрим» к заднему бамперу и увезли его с собой сразу же после оформления покупки.

Сидя в машине между Тревисом и Норой, Эйнштейн все время оборачивался и поглядывал в заднее стекло на сверкающий полуцилиндрический трейлер, как бы поражаясь людской изобретательности.

Они также купили занавески для трейлера, пластмассовые тарелки и стаканы, продукты и кучу других нужных для путешествия вещей. Вернувшись к Норе домой и приготовив обед, они еле передвигали ноги. В зевании собаки тоже не было никакого скрытого смысла, она просто устала.

Ночью, когда Тревис спал глубоким сном в своей постели, ему привиделись древние окаменелые деревья и ископаемые динозавры. Кошмары двух предыдущих ночей не повторились.

В субботу утром они выехали в Вегас навстречу семейной жизни. Решив, что с трейлером удобнее всего путешествовать по широким разделенным автострадам, они двинулись по Рут 101, сначала ведущей на юг, а затем поворачивающей на восток и переходящей в Рут 134, которая, в свою очередь, переходила в Интерстрит 210. К югу от этих трасс остались Лос-Анджелес и его окрестности, а на севере располагался обширный массив Анджелесского национального заповедника. Позже, когда они проезжали по огромной пустыне Моджейв, Нору привел в восторг бесплодный и в то же время неотразимо прекрасный пейзаж из песка, камня, перекати-поля, мескита, юкки и других кактусов. «Мир,— сказала она,— оказался гораздо больше, чем я себе представляла». Тревис наслаждался ее непосредственностью.

В три часа дня они подъехали к Барстоу (Калифорния), островку, растянувшемуся посреди этой огромной пустыни. Их соседями по стоянке в автогородке были Фрэнк и Мэй Джордан, супружеская чета средних лет из Солт-Лейк-Сити, путешествующие вместе со своим любимцем, черным лабрадором по кличке Джек.

К удивлению Тревиса и Норы, Эйнштейн с восторгом играл с Джеком. Они гонялись друг за другом вокруг трейлеров, покусываясь, вертелись клубком, падали и вновь поднимались и носились друг за другом. Фрэнк Джордан бросал красный резиновый мячик, и собаки мчались за ним наперегонки. Они играли и по-иному: стараясь выхватить друг у друга мяч и как можно дольше удерживать его. Тревис даже притомился, наблюдая за ними.

Вне всякого сомнения, Эйнштейн был самым умным в мире псом, феноменом, чудом, таким же восприимчивым, как человек, но он был и простой собакой. И каждый раз, когда Эйнштейн напоминал Тревису об этом, тот приходил в восторг.

Позднее, поужинав вместе с Джорданами на открытом воздухе поджаренными на древесном угле гамбургерами, кукурузными початками и выпив пива, соседи пожелали друг другу доброй ночи, а Эйнштейн попрощался с Джеком. Очутившись в прицепе, Тревис погрепал ретривера по голове и сказал:

— С твоей стороны это было очень мило.

Пес поднял голову и посмотрел на Тревиса, как бы спрашивая у него, что, черт возьми, тот имеет в виду.

Тревис сказал:

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю, мохнатая морда.

— Я тоже знаю,— сказала Нора, обнимая Эйнштейна.— Когда ты играл с Джеком, то легко мог оставить его в дураках, если бы захотел, но ты иногда поддавался ему, да?

Собака часто задышала и довольно оскалила зубы.

Выпив еще глоток пива, Нора ушла в спальню, а Тревис расположился на диване в гостиной. Он подумывал о том, не лечь ли ему вместе с ней, а она, в свою очередь, возможно, тоже намеревалась пустить его к себе в постель. В конце концов, до свадьбы было меньше четырех дней. Один Бог знал, как Тревис желал ее. И хотя Нора, конечно, испытывала некоторый девичий страх, она тоже желала его; в этом он нисколько не сомневался. С каждым днем они все чаще дотрагивались друг до друга, их поцелуи становились более частыми, более интимными, а воздух вокруг них был наполнен эротической энергией. Но почему не сделать все, как положено, раз уж до этого дня оставалось так мало времени? Почему не лечь в супружескую постель девственниками, ей — девственной по отношению ко всем, а ему — по отношению к ней?

Ночью Тревису приснилось, что Нора с Эйнштейном заблудились в этой огромной пустыне. Во сне у него не было ног, и ему приходилось мучительно долго ползти, чтобы найти их, и это было ужасно, потому что он знал: там, где они были, им угрожало... что-то.

Воскресенье, понедельник и вторник в Вегасе прошли в подготовке к свадьбе, наблюдении за восторженными играми Эйнштейна с другими собаками и походах к пику Чарльстон и озеру Мид. По вечерам Нора и Тревис оставляли Эйнштейна наедине с его книжками, а сами шли развлекаться. Тревису было не по себе оттого, что они бросают ретривера одного, но Эйнштейн всячески давал им понять: он не хочет, чтобы они проводили вечера здесь, в трейлере, только потому, что глупые и недальновидные владельцы отелей не пускают в казино и концертные залы воспитанных гениальных собак.

В среду утром Тревис облачился в смокинг, а Нора надела простое, доходящее до середины икр белое платье со скромной

кружевной отделкой на манжетах и вокруг ворота. Отсоединив «Эйрстрим» и оставив его на стоянке, они вместе с Эйнштейном отправились на пикапе на церемонию бракосочетания.

Обслуживающая все конфессии коммерческая церковь была самой странной из виденных Тревисом: ее архитектура производила романтическое, торжественное впечатление и в то же время отдавала дурным вкусом. Норе она тоже показалась смешной, и им стоило большого труда не расхохотаться, когда они вошли внутрь. Храм был втиснут меж светящимися неоновыми вывесками сверкающих, уносящих в небо отелей на бульваре Лас-Вегас Саут. Это было одноэтажное здание, выкрашенное в бледно-розовый цвет, с белыми дверями, над которыми висела медная табличка с выгравированной надписью: «Идите рука об руку...» Вместо святых на витражах в окнах были представлены сцены из известных произведений о любви, среди них «Ромео и Джульетта», «Абеляр и Элоиза», «Окассин и Николетта», «Унесенные ветром», «Касабланка» и — что уж совсем невероятно — «Я люблю Люси» и «Оззи и Генриетта».

Удивительно, но вся эта нелепица нисколько не повлияла на возвышенное настроение новобрачных. Ничто не могло принизить значительность этого дня. Даже эту возмутительную церковь следовало оценить, запомнить во всех ее безвкусных деталях, чтобы она осталась ярким воспоминанием на долгие годы, потому что это был их храм в *их* день.

Обычно сюда не разрешалось входить с собаками. Но Тревис заранее заплатил всем служащим, чтобы Эйнштейну не просто разрешили войти внутрь, но чтобы он там чувствовал себя таким же желанным гостем, как и другие.

Священник, преподобный Дан Дюпре — «Пожалуйста, зовите меня отцом Даном»,— был мужчиной с багровым лицом и большим животом, улыбчивым и щедрым на рукопожатия, по виду — типичный продавец подержанных машин. По обе стороны от него стояли двое нанятых свидетелей — его жена и сестра,— надевшие ради такого случая яркие летние платья.

Тревис занял место у алтаря.

Женщина-органист заиграла «Свадебный марш».

Нора выразила горячее желание пройти по проходу, а не просто начать церемонию у алтаря. Более того, ей хотелось, чтобы ее, как и других невест, сопровождал посаженый отец.

В этом качестве мог бы выступить ее отец, но отца у нее не было. Как не было и подходящего близкого человека, и сначала они подумывали о том, что ей придется идти к алтарю одной или под руку с незнакомцем. Но в пикапе по дороге в церковь Нора вспомнила об Эйнштейне и решила, что пес лучше всех на свете годится на эту роль.

Сейчас, когда органист заиграл марш, Нора вошла в дверь вместе с псом. Эйнштейн прекрасно сознавал, какой огромной чести удостоился, сопровождая ее к алтарю. С высоко поднятой головой он медленно шествовал в ногу с ней с гордым и торжественным видом.

Казалось, никого не беспокоило и даже не удивляло, что в роли Нориного посаженого отца выступает собака. Это ведь был Лас-Вегас.

— Она одна из самых красивых невест, которых я видела,— шепнула Тревису жена преподобного Дана, и Тревис знал: она говорит искренне, а не просто следует заведенному ритуалу.

Вспышка фотографа мигала не переставая, но Тревис был слишком поглощен Норой, чтобы отвлекаться на такие мелочи.

Воздух наполнялся ароматом роз и гвоздик, сотни свечей мягко мерцали в прозрачных стеклянных чашах и медных подсвечниках. К тому времени, как Нора подошла к Тревису, он уже забыл о нелепом убранстве храма. Его любовь стала архитектором, полностью перестроившим его, преобразовавшим в величественный собор.

Церемония оказалась короткой и неожиданно полной достоинства. Тревис и Нора обменялись сначала клятвами, а затем кольцами. В ее глазах блестели слезы, в них отражался свет свечей, и с минуту Тревис недоумевал, каким образом ее слезы могут затуманивать его взгляд, но затем понял, что тоже едва не плачет. Под аккомпанемент торжественной органной музыки они обменялись своим первым супружеским поцелуем, и это был самый чудесный поцелуй в его жизни.

Преподобный Дан откупорил шампанское и по просьбе Тревиса налил по бокалу всем, включая органистку. Для Эйнштейна нашлось блюдце. Громко чавкая, ретривер присоединился к тосту за здоровье, счастье и вечную любовь.

Остаток дня пес провел в передней части трейлера, в гостиной, за чтением.

В это время Тревис и Нора находились в другом конце трейлера, в постели.

Закрыв за собой дверь в спальню, Тревис положил в ведерко со льдом вторую бутылку «Дом Периньон» и поставил в компакт-диск-плейер четыре альбома нежной фортепианной музыки Джорджа Уинстона.

Нора опустила штору на единственном имеющемся окне и включила небольшую лампу с абажуром из золотистой материи. Теплый янтарный свет придавал комнате некую нереальность.

Какое-то время они лежали в кровати, болтая, смеясь, дотрагиваясь друг до друга, целуясь, затем разговоры стали реже, а поцелуи чаще.

Тревис медленно раздел ее. Он никогда раньше не видел ее обнаженной, и она показалась ему еще красивее, чем он себе представлял. Ее тонкая шея, нежные плечи, полная грудь, вогнутый живот, округлые бедра и ягодицы, длинные гладкие ноги — каждая линия, складка, изгиб возбуждали его и одновременно наполняли огромной нежностью.

Раздевшись, Тревис терпеливо и мягко начал посвящать ее в искусство любви. Испытывая страстное желание доставить ей удовольствие и полностью осознавая, что для нее все было ново, он показывал Норе — иногда нежно поддразнивая ее,— какие ощущения могут вызывать в ней его язык, пальцы и мужское естество.

Он приготовился к нерешительности, смущению, даже страху с ее стороны, поскольку тридцать прожитых лет никак не подготовили ее к такой степени интимной близости. Но Нора не выказала и следа фригидности и была склонна принять участие в любом акте, который мог доставить удовольствие одному из них или обоим. Ее нежные крики и задыхающийся шепот приводили его в восторг. С каждым ее оргазмом Тревис возбуждался все сильнее, пока его желание не стало почти болезненным.

Достигнув наконец оргазма, он прижался лицом к Нориной шее, выкрикивая ее имя, говорил ей снова и снова о своей любви, и это продолжалось так долго, что Тревис чуть было не ре-

шил: время остановилось, и он падает в какой-то бездонный колодец.

После этого молодожены долго лежали обнявшись, молча. Они слушали музыку и только позже заговорили о том, что оба испытали как физически, так и эмоционально. Выпили немного шампанского, а через какое-то время опять любили друг друга. И опять.

Несмотря на то что призрак смерти постоянно омрачает каждый день, удовольствия и радости жизни могут быть так велики и так прекрасны, что сердце почти останавливается от восторга.

Из Вегаса по Рут 95 новобрачные и Эйнштейн направились на север через бескрайнюю Невадскую пустошь. Два дня спустя, в пятницу тринадцатого августа, они прибыли на озеро Тахо и подсоединили трейлер к системам электропитания и водоснабжения в автогородке с калифорнийской стороны границы.

Теперь Нора уже не так легко, как раньше, поражалась каждому новому пейзажу и свежему ощущению. Но озеро Тахо оказалось таким потрясающе красивым, что ее вновь охватил детский восторг. Оно было двадцать две мили в длину и двенадцать — в ширину. С западной стороны граничило с горами Сьерра-Невада, а с восточной — с хребтом Карсон. Его называли чистейшим озером мира, сверкающим бриллиантом с сотней потрясающих переливчатых оттенков голубого и зеленого.

Шесть дней Нора, Тревис и Эйнштейн бродили по лесам Эльдорадо, Тахо и Тоябскому национальному заповеднику — огромным первозданным сосновым, еловым и пихтовым массивам. Они катались на лодке по озеру, исследуя его райские бухточки и грациозные заливы. Загорали, купались, и Эйнштейн со свойственным всем псам энтузиазмом плескался в воде.

Иногда по утрам, бывало и днем, а чаще ночью Нора и Тревис занимались любовью. Она поражалась собственной чувственности. Нора никак не могла насытиться Тревисом.

— Я люблю тебя за твой ум и твое сердце,— говорила она ему,— но, Господи, помоги мне, я почти так же люблю тебя за твое тело! Я что, развратная женщина?

— Конечно нет. Просто молодая здоровая женщина. А если учесть образ жизни, который ты вела, то эмоционально ты здоровее, чем могла бы быть. Ты не перестаешь поражать меня.

— Сейчас мне хочется забраться на тебя верхом.

— Может быть, ты действительно развратная женщина,— рассмеялся Тревис.

В пятницу, двадцатого августа, ранним безоблачно-голубым утром они покинули озеро и направились дальше через штат к полуострову Монтерей. Там, где континентальный шельф встречается с морем, пейзаж был еще красивее, чем на Тахо, насколько это возможно. Тревис и Нора провели там четыре дня и в среду днем, двадцать пятого августа, двинулись домой.

На протяжении всего путешествия счастье супружеской жизни настолько захватило их, что они не так много, как прежде, думали о чуде, которым являлся Эйнштейн.

Но, когда они подъезжали к Санта-Барбаре, Эйнштейн напомнил им о своих удивительных способностях. Миль за сорок—пятьдесят от дома он вдруг заволновался. Пес без конца ерзал на сиденье между Норой и Тревисом, приподнимался ненадолго, затем клал голову Норе на колени и снова приподнимался. Когда оставалось миль десять, его начала бить дрожь.

— Что с тобой, мохнатая морда? — спросила Нора.

Глядя на нее выразительными коричневыми глазами, Эйнштейн отчаянно пытался сообщить ей что-то очень важное, но она не понимала его.

За полчаса до наступления темноты, когда они въехали в город, Эйнштейн начал попеременно тихо скулить и рычать.

— Что это с ним? — спросила Нора.

Нахмурившись, Тревис ответил:

— Не пойму.

Когда пикап въехал на дорогу, ведущую к дому, который снимал Тревис, и остановился в тени финиковой пальмы, ретривер начал лаять. Он никогда не лаял в машине, ни разу за все долгое путешествие. В тесноте салона лай гулко отзывался у них в ушах, но пес не унимался.

Когда Нора и Тревис вышли из автомобиля, Эйнштейн проскользнул между ними и, не переставая лаять, замер, преградив им дорогу.

Нора двинулась было вперед по направлению к входной двери, но Эйнштейн, громко рыча, пулей ринулся к ней. Он схватил ее зубами за штанину джинсов и попытался сбить с ног. Норе удалось удержать равновесие, но собака отпустила ее только тогда, когда та отступила назад.

— Что с ним происходит? — спросила она Тревиса.

Задумчиво глядя на дом, Тревис сказал:

— Он так вел себя в тот наш первый день в лесу... когда не давал мне пойти по темной тропинке.

Нора постаралась успокоить ретривера, приласкав его.

Но он не унимался. Когда Тревис, чтобы испытать его, попробовал двинуться к дому, Эйнштейн бросился на него и заставил вернуться на место.

— Подожди здесь,— сказал Тревис Норе и пошел обратно к трейлеру.

Эйнштейн бегал взад-вперед перед домом и, глядя на дверь и окна, рычал и скулил.

Солнце закатилось на запад и скрылось за морем, улица казалась спокойной, мирной и во всех отношениях обычной — и все же Нора ощущала какую-то висящую в воздухе враждебность. Теплый ветер с Тихого океана, шелестя по пальмам, эвкалиптам и фикусовым деревьям, доносил звуки, которые в любой другой день были бы приятными, но сегодня казались зловещими. В длинных тенях, в последних оранжево-красных отблесках зари чувствовалась какая-то неясная угроза. Если бы не поведение пса, у Норы не было бы никаких причин полагать, что опасность где-то рядом, ее тревога шла не от разума, а была чисто интуитивного свойства.

Тревис вышел из трейлера, держа в руках большой револьвер. Все свадебное путешествие он пролежал незаряженным в ящике в спальне. Сейчас Тревис закончил заряжать его и щелкнул барабаном.

— Это необходимо? — обеспокоенно спросила Нора.

— В тот день в лесу кто-то был,— ответил Тревис,— и хотя я так никого и не видел... у меня волосы шевелились от страха. Да, думаю, револьвер может пригодиться.

Шелест деревьев и вечерние тени в какой-то степени позволяли ей понять, что пережил тогда в лесу Тревис, и ей пришлось согласиться, что присутствие револьвера ее несколько успокаивало.

Эйнштейн перестал метаться и вновь занял сторожевую позицию на дороге, преграждая им путь в дом.

Тревис обратился к ретриверу:

— Внутри кто-то есть?

Пес вильнул хвостом. *Да.*

— Люди из лаборатории?

Он пролаял один раз. *Нет.*

— То, другое подопытное животное, о котором ты нам рассказывал?

Да.

— Существо, преследовавшее нас тогда в лесу?

Да.

— Хорошо. Я иду в дом.

Нет.

— Нет, пойду,— настаивал Тревис.— Это мой дом, и мы не собираемся отсюда удирать, что бы там ни было.

Нора вспомнила фотографию в журнале, на которой был изображен монстр, вызвавший такую сильную реакцию собаки. Она не верила в реальность существа, даже отдаленно напоминающего это чудовище. Нора считала, что Эйнштейн преувеличивает или что они просто не сумели понять его рассказ об этой фотографии. Тем не менее Нора вдруг пожалела, что у них только револьвер и нет винтовки.

— Это «магнум 357»,— объяснил Тревис псу.— Один выстрел, все равно, в руку или ногу, может уложить самого рослого и самого опасного человека. Он будет чувствовать себя, как если бы в него попало пушечное ядро. У меня отличная стрелковая подготовка, и я много лет поддерживаю себя в хорошей форме. Я правда знаю, что делаю, и смогу справиться. И потом, мы ведь не можем вызвать полицию, не правда ли? У них глаза вылезут на лоб от удивления при виде того, что они найдут дома; они начнут задавать кучу вопросов и рано или поздно тебя отправят обратно в эту чертову лабораторию.

Эйнштейну явно не нравилось решение Тревиса, но пес взобрался вверх по ступенькам и обернулся, как бы желая сказать: *«Ладно, хорошо, но одного я тебя туда не пущу».*

Нора хотела пойти с ними, но Тревис был непреклонен, требуя, чтобы она осталась во дворе. Нора неохотно признала: поскольку у нее нет оружия, да и обращаться с ним она не умеет, помочь она ничем не может и будет только мешать.

Держа револьвер наготове, Тревис поднялся на крыльцо к Эйнштейну и вставил ключ в замок.

7

Тревис отпер замок, положил ключ в карман и толкнул дверь, держа перед собой револьвер; затем осторожно перешагнул через порог. Эйнштейн не отставал.

В доме было тихо, но в воздухе ощущался какой-то нехороший запах.

Пес тихонько зарычал.

В дом почти не проникали лучи быстро заходящего солнца — многие окна были частично или целиком занавешены. Но, несмотря на это, было достаточно светло, чтобы Тревис смог увидеть: диванная обивка изодрана. На полу валялись клочья материала. Деревянная журнальная полка разломана на куски: ее швырнули в стену, и она пробила дыры в пластике. Экран телевизора разбит брошенной в него напольной лампой, все еще воткнутой в сеть. Книги свалены с полок, разорваны и разбросаны по гостиной.

Несмотря на сквозняк, зловоние усиливалось.

Тревис включил свет. Зажглась только угловая лампа. От нее было немного света, но все же можно было разглядеть новые детали погрома.

«Похоже, кто-то прошел здесь сначала с бензопилой, а затем с газонокосилкой»,— подумал он.

В доме по-прежнему было тихо.

Оставив дверь за собой открытой, Тревис вошел в комнату; смятые страницы изорванных книг шуршали у него под ногами. На некоторых листах и на обивке цвета слоновой кости он заметил темные, ржавые пятна и резко остановился, поняв, что это кровь.

Через мгновение глаза его наткнулись на труп. Это был крупный мужчина; он лежал на боку рядом с диваном, наполовину прикрытый перемазанными кровью книжными страницами, переплетами и суперобложками.

Рычание Эйнштейна стало громче.

Подойдя ближе к телу, распластавшемуся в нескольких дюймах от дверного проема, ведущего в столовую, Тревис увидел, что это его домовладелец Тед Хокни. Рядом с ним находился его ящик с инструментами. У Теда был ключ от дома, и Тревис разрешал ему заходить в любое время, когда надо было

что-нибудь отремонтировать. Как раз сейчас в доме необходимо было кое-что привести в порядок, вроде текущего крана и сломанной посудомоечной машины. Очевидно, Тед за этим и зашел. А сейчас он сам сломался, и починить его было невозможно.

Из-за ужасного зловония Тревис подумал было, что тело пролежало здесь по меньшей мере неделю. Но внимательнее осмотрев труп — а он не раздулся от газов, сопровождающих разложение, и вообще не было никаких признаков разложения,— Тревис определил: со времени убийства не могло пройти много времени. Может, день, а может, и меньше. Ужасающая вонь объяснялась двумя причинами: во-первых, Теда распотрошили; а во-вторых, убийца оставил рядом с телом свои испражнения.

У Теда Хокни были вырваны глаза.

Тошнота подступила к горлу Тревиса, и не только потому, что ему нравился Тед. Он точно так же чувствовал бы себя, окажись жертвой этой невероятной жестокости любой другой. Подобная смерть начисто лишала жертву достоинства и принижала весь человеческий род.

Тихое ворчание Эйнштейна перешло в громкое рычание, перемежающееся яростным лаем.

Чувствуя, как его колотит нервная дрожь и гулко бьется сердце, Тревис отвернулся от трупа и увидел, что ретривер пристально вглядывается в соседнюю комнату. Там было темно, поскольку на обоих окнах были плотно задернуты шторы и только слабый серый свет проникал туда из кухни.

«Уходи, немедленно уходи отсюда!» — приказал ему внутренний голос.

Но Тревис не повернулся и не понесся прочь, потому что за всю свою жизнь ни разу не удирал от опасности. Ну, допустим, это было не совсем так: последние годы, поддавшись отчаянию, он ведь убегал от самой жизни. Его уход в одиночество был самой настоящей трусостью. Но это было раньше; сейчас Тревис — другой человек, Нора и Эйнштейн изменили его, и он не собирался снова пускаться в бегство, черт возьми.

Эйнштейн стоял неподвижно, выгнув спину, наклонив и вытянув вперед голову, и яростно лаял, так что слюна текла из пасти.

Тревис сделал шаг в сторону столовой.

Ретривер не отставал и лаял еще злее.

Держа револьвер перед собой и стараясь почерпнуть уверенность в этом мощном оружии, Тревис осторожно сделал еще один шаг среди предательского беспорядка. От дверного проема его отделяли каких-нибудь два-три шага. Он бросил беглый взгляд на унылую столовую.

Эхо разносило лай Эйнштейна по всему дому, казалось, что в доме целая свора собак.

Тревис сделал еще один шаг и заметил, как в темной столовой что-то шевельнулось.

Он замер.

Ничего. Никакого движения. Может быть, ему это только показалось?

Тени по ту сторону дверного проема напоминали серый и черный креп.

Тревис не был уверен, видел ли он какое-то шевеление или ему это только померещилось.

«Иди обратно, уходи немедленно»,— говорил внутренний голос.

Не желая поддаваться ему, Тревис собрался было войти в дверь.

Существо в столовой слегка задвигалось. На этот раз его присутствие не оставляло никакого сомнения: оно метнулось из дальнего угла комнаты, вскочило на стол и с криком, от которого кровь стыла в жилах, бросилось на Тревиса. В темноте он разглядел светящиеся глаза и фигуру почти человеческого роста, в которой — несмотря на плохое освещение — чувствовалось какое-то уродство.

Эйнштейн бросился вперед ему наперерез, а Тревис попытался отступить на шаг назад, чтобы выиграть лишнюю секунду и выстрелить. Нажимая на курок, он поскользнулся на разбросанных на полу книгах и упал. Прогремел выстрел, но Тревис почувствовал, что промахнулся, попал в потолок. За мгновение, пока пес пробирался к своему противнику, Тревису удалось лучше разглядеть это существо с желтыми глазами, его лязгающие крокодильи челюсти и невероятно широко раскрытую пасть на бесформенной морде со зловещими кривыми клыками.

— Назад, Эйнштейн! — закричал он, понимая, что любое столкновение кончится тем, что это дьявольское создание разорвет собаку на куски. Лежа на полу, Тревис снова дважды нажал на курок.

Своим окриком и выстрелами он не только остановил Эйнштейна, но и вынудил врага к отступлению. Чудовище повернулось — быстро, гораздо быстрее кошки — и бросилось через неосвещенную столовую к двери, ведущей в кухню. На мгновение тусклый свет, проникающий из кухни, осветил его, и Тревис увидел нечто стоящее на двух ногах вопреки всему, с бесформенной головой, в два раза более крупной, чем следовало, сгорбленную спину и слишком длинные руки, оканчивающиеся когтями, напоминающими зубцы граблей.

Он снова выстрелил, на этот раз ближе к цели. Пуля вырвала кусок из дверной рамы.

Зверь с криком скрылся в кухне.

Что, боже мой, это было? Откуда оно взялось? Действительно сбежало из той же лаборатории, что и Эйнштейн? Но как они сотворили такое чудовище? И зачем? *Зачем?*

Тревис был начитанным человеком: последние несколько лет он большую часть времени проводил за книгами, и ему в голову стали приходить возможные ответы. Среди них были и исследования в области рекомбинации ДНК.

Эйнштейн стоял посредине столовой и громко лаял, не сводя глаз с двери, за которой скрылось существо.

Поднявшись на ноги, Тревис подозвал пса, и тот быстро и охотно вернулся к нему.

Он сделал псу знак молчать и прислушался. С улицы доносился отчаянный крик Норы: она звала его по имени — а в кухне было тихо.

Чтобы успокоить Нору, Тревис крикнул:

— Со мной все в порядке! Со мной все в порядке! Оставайся на месте.

Собака дрожала.

Тревис слышал гулкие удары своего сердца и почти слышал, как по его лицу и пояснице струится пот, но он не мог уловить ни единого звука, указывающего, где находится этот беглец из страшного кошмара. Тревис не думал, что тот выбежал через черный ход на задний двор. Во-первых, по его мнению, это су-

щество хотело, чтобы его видело как можно меньше людей, и поэтому выходило только по ночам, передвигаясь исключительно в темноте, когда можно незаметно проскользнуть даже в такой достаточно большой город, как Санта-Барбара. А сейчас было еще слишком светло, чтобы покинуть дом. Более того, Тревис чувствовал: оно где-то рядом, подобно тому, как он ощущал, если ему смотрели в спину, как предугадывал приближение грозы в сырой день, когда на небе низко нависают тучи. Чудовище было здесь, это точно, затаилось в кухне, готовое напасть на него.

Тревис осторожно подкрался к двери и вошел в полутемную столовую.

Эйнштейн стоял рядом с ним, не ворчал, не рычал и не лаял. Казалось, пес понимает: Тревису нужна полная тишина, чтобы расслышать любой звук, издаваемый этой тварью.

Тревис сделал еще два шага вперед.

Через кухонную дверь ему были видны край стола, раковина, часть стойки и половина посудомоечной машины. Солнце садилось с другой стороны леса, и свет на кухне был тусклый, серый; их противник не сможет обнаружить себя тенью. Вероятно, он спрятался за дверью или забрался на одну из стоек, чтобы оттуда броситься на Тревиса, как только тот войдет в комнату.

Стараясь перехитрить эту тварь и надеясь, что она не колеблясь отреагирует на любое движение, Тревис засунул револьвер за пояс, тихонько поднял один из стульев, подошел к кухне на расстояние шести футов и швырнул им в открытую дверь. Пока стул летел в кухню, он выхватил из-за пояса револьвер и приготовился к стрельбе. Стул ударился о покрытый пластиком стол, упал на пол и отскочил к посудомоечной машине. Враг с желтыми глазами не попался на удочку. Никакого движения. Когда стул перестал кувыркаться, в кухне вновь воцарилась настороженная тишина.

Эйнштейн издавал какой-то странный дребезжащий звук, и через мгновение Тревис понял: это все из-за того, что пес не может сдержать дрожь.

Сомнения не было: незваный гость был тем самым монстром, который более трех месяцев назад преследовал их в лесу. За прошедшие недели он перебрался на север, вероятно передвигаясь преимущественно по диким местам к востоку от обжитой части штата, каким-то непонятным Тревису образом и по совершенно неясным ему причинам упорно идя по следу собаки.

В ответ на брошенный стул за кухонной дверью на пол была сброшена белая эмалированная банка. Тревис от неожиданности отскочил назад и наугад выстрелил, прежде чем до него дошло: его дразнят. С банки слетела крышка, и по кафельному полу рассыпалась мука.

Снова воцарилась тишина.

Ответив на хитрость Тревиса своей уловкой, незваный гость обнаружил неожиданные умственные способности. Тревис вдруг понял, что, происходя из той же лаборатории, что и Эйнштейн, и будучи продуктом каких-то схожих экспериментов, это создание может быть таким же умным, как и ретривер. И это объясняло страх Эйнштейна перед ним. Если бы Тревис уже не свыкся с мыслью о том, что пес может обладать человеческим интеллектом, он не смог бы приписать этой твари нечто большее, чем просто животную хитрость; однако события нескольких последних месяцев подготовили его к тому, чтобы принять и быстро приспособиться к любым неожиданностям.

Тишина.

В револьвере остался только один патрон.

Мертвая тишина.

Тревис был так напуган падением банки, что даже не заметил, с какой стороны от дверного проема ее бросили, а она лежала так, что он не мог вычислить местонахождение пришельца. Тревис по-прежнему не знал, был ли тот справа или слева от двери.

Он не был уверен в том, что хочет знать, где чудовище. Даже с револьвером в руках не стоило входить в кухню. Не стоило, если эта тварь так же умна, как человек. Черт возьми, это смахивало бы на сражение с «мыслящей» циркулярной пилой.

Свет в выходящей на восток кухне быстро угасал, стало почти совсем темно. В столовой, где находились Тревис с Эйнштейном, тоже сгущались сумерки. Даже гостиная за ними, несмотря на открытую входную дверь, окно и угловую лампу, наполнялась тенями.

С кухни донесся звук, напоминающий свист вытекающего газа, за которым последовало *клик-клик-клик*, возможно от постукивания острых когтей на ногах или руках монстра по твердой поверхности.

Тревис увидел, как дрожит Эйнштейн. Сам он чувствовал себя, как муха на краю паутины, обреченная попасть в ловушку.

Ему припомнилось избитое, окровавленное лицо Теда Хокни с пустыми глазницами.

Клик-клик.

Во время подготовки в группе «Дельта» Тревиса учили незаметно подкрадываться к человеку, и у него это неплохо получалось. Но вся трудность заключалась в том, что этот желтоглазый дьявол, может, и был так же хитер, как человек, но полагаться на то, что он *думает*, как человек, было нельзя. Тревис не мог знать, что тот предпримет в следующую минуту, как отреагирует на его действие. Поэтому он не мог перехитрить его, и благодаря своей чуждой природе существо обладало постоянным смертельно опасным преимуществом внезапности.

Клик.

Тревис тихо сделал шаг назад от открытой кухонной двери, затем еще один, ступая с величайшей осторожностью. Он не хотел, чтобы эта тварь поняла, что Тревис отступает, поскольку одному Богу известно, как она отреагирует, узнав о его намерениях. Эйнштейн тихонько прошел в гостиную, не меньше Тревиса желая увеличить расстояние между собой и пришельцем.

Дойдя до трупа Теда Хокни, Тревис отвел взгляд от столовой в поисках наименее грязного прохода к парадной двери — и заметил стоящую около кресла Нору. Испугавшись выстрелов, она взяла с кухни в трейлере разделочный нож и пришла узнать, не надо ли помочь.

Увидев Нору здесь, при тусклом свете угловой лампы, Тревис одновременно поразился ее храбрости и ужаснулся. Ему вдруг почудилось, что те кошмарные сны, в которых он терял обоих — Нору и Эйнштейна,— вот-вот сбудутся, снова вступит в силу проклятие Корнелла, так как сейчас они оба были в доме, были оба уязвимы, оба, возможно, находились в нескольких шагах от опасной твари, затаившейся на кухне.

Нора начала было что-то говорить.

Тревис покачал головой и поднес палец к губам.

Она замолчала, прикусила губу и перевела взгляд с него на лежащий на полу труп.

Осторожно пробираясь среди обломков и мусора, Тревис вдруг представил себе, что незваный гость выскочил через черный ход из дома и, рискуя в сумерках быть замеченным соседями, обходит его кругом, направляясь к передней двери, чтобы неожиданно проникнуть в дом с тыла. Нора стояла между Тревисом и передней дверью, и, если чудовище войдет с той стороны, он не сможет выстрелить; черт, оно набросится на Нору через секунду после того, как откроет дверь. Стараясь держать себя в руках и не думать о пустых глазницах на лице Хокни, Тревис быстро пересек гостиную, рискуя наступить на что-нибудь на полу и надеясь, что эти негромкие звуки не донесутся до пришельца, если он все еще в кухне. Дойдя до Норы, он схватил ее за руку и потащил к входной двери на крыльцо и вниз по ступенькам, поглядывая по сторонам и ожидая нападения этого ожившего кошмара, но его нигде не было видно.

Соседи по всей улице открыли двери, заслышав револьверные выстрелы и Норины крики. Некоторые вышли из дома. Наверняка кто-то уже вызвал полицию. А полиция была так же опасна для них, как и желтоглазая тварь, засевшая в доме.

Втроем они забрались в пикап. Нора заперла свою дверь, а Тревис свою. Он завел мотор и подал автомобиль и «Эйрстрим» назад с подъездной дороги на улицу. Тревис видел глазеющих на них людей.

Сумерки быстро сгущались, как это всегда бывает у океана. Небо на востоке было черным, над головой пурпурным и постепенно темнеющим, багрово-красным на западе. Тревис был благодарен прикрытию ночи, хотя знал желтоглазое чудовище радуется тому же.

Он проехал мимо любопытствующих соседей, ни с кем из которых так и не познакомился за годы своего добровольного затворничества, и свернул за первый же угол. Нора крепко держала Эйнштейна, и Тревис вел машину на предельно допустимой скорости. Прицеп позади них раскачивался и трясся.

— Что там случилось? — спросила Нора.

— Оно убило Хокни сегодня утром или вчера...

— Оно?

— ...И ждало, когда мы вернемся домой.

— Оно?

Эйнштейн заскулил.

Тревис сказал:

— Я тебе потом все объясню.

Он не был уверен в этом. Ни одно описание пришельца не сможет все передать; у него не хватит слов, чтобы рассказать, до какой степени он был странен.

Не проехали они и восьми кварталов, как услышали завывание сирен, доносящееся с того места, которое они только что покинули. Оставив позади еще четыре квартала, Тревис припарковался на пустой стоянке около какого-то учебного заведения.

— А теперь что? — спросила Нора.

— Мы бросим здесь пикап с трейлером,— ответил он.— Они будут их разыскивать.

Тревис сунул револьвер в ее сумочку, а Нора настояла на том, чтобы положить туда же и тесак, который он хотел оставить в машине.

Они вылезли из пикапа и в сгущающейся темноте прошли мимо здания школы, пересекли стадион, а затем через ворота в чугунной ограде вышли на фешенебельную улицу, вдоль которой росли высокие деревья.

С наступлением ночи ветерок превратился в сильный ветер, теплый и сухой. Он бросил в них несколько опавших листьев и поднял вверх, вдоль тротуара, пыльные призраки.

Тревис понимал, что даже без трейлера и пикапа они слишком заметны. Соседи расскажут полиции, что следует искать мужчину, женщину и золотистого ретривера — не слишком обычное трио. Их будут разыскивать, чтобы расспросить о смерти Теда Хокни, поэтому их поиск будет тщательным. Надо быстро скрыться из виду.

У него не было друзей, у которых можно было бы спрятаться. После смерти Паулы он отошел от всех своих немногочисленных приятелей и не поддерживал отношений ни с кем из агентов по продаже недвижимости, работавших у него раньше. У Норы благодаря Виолетте Девон тоже не было друзей.

В окнах большинства домов, мимо которых проходила троица, горел свет, и они, казалось, насмехались над ней недосягаемостью своих убежищ.

8

Гаррисон Дилворт жил на границе между Санта-Барбарой и Монтесито в живописном местечке с пышной растительностью, где ему принадлежали пол-акра земли и величественный дом в стиле Тюдор, который не очень сочетался с калифорнийской флорой, но зато прекрасно подходил самому адвокату. Когда он открыл дверь, на нем были черные мокасины, серые слаксы, темно-синяя спортивная куртка, белая трикотажная рубашка, очки в черепаховой оправе, поверх которых он с удивлением, но, к счастью, без недовольства смотрел на незваных гостей.

— Ну, привет, молодожены!

— Вы одни? — спросил Тревис, когда он, Нора и Эйнштейн вошли в просторный холл с мраморным полом.

— Один? Да.

По дороге Нора рассказала Тревису, что жена адвоката умерла три года назад и сейчас за ним присматривает экономка по имени Глэдис Мерфи.

— А миссис Мерфи? — спросил Тревис.

— У нее сегодня выходной,— ответил адвокат, закрывая за ними дверь.— Вы неважно выглядите. Что случилось?

— Нам нужна помощь,— сказала Нора.

— Но,— предупредил Тревис,— каждый, кто помогает нам, рискует навлечь на себя неприятности.

— Что вы натворили? Судя по вашему мрачному виду, я бы предположил, что вы похитили президента.

— Мы не сделали ничего предосудительного,— уверила его Нора.

— Нет, сделали,— не согласился с ней Тревис.— И продолжаем делать: мы прячем собаку.

Гаррисон озадаченно посмотрел на ретривера.

Эйнштейн заскулил, выглядя к случаю достаточно несчастным и очаровательным.

— А кроме того, в моем доме находится труп,— сказал Тревис.

— Труп?

— Тревис его не убивал,— уточнила Нора.

Гаррисон снова взглянул на пса.

— Собака тоже не убивала,— сказал Тревис.— Но меня будут разыскивать в качестве свидетеля или что-то в этом роде, это уж точно.

— Гм-м...— произнес адвокат.— Может быть, мы пройдем в мой кабинет и вы мне все расскажете?

Он провел их через громадную и только наполовину освещенную гостиную, по короткому коридору в кабинет с роскошными панелями из тикового дерева и медно-красным потолком. Темно-бордовые кожаные кресла и диван, стоящие в кабинете, выглядели очень дорогими и удобными. Полированный письменный стол из тикового дерева был массивным, в углу его возвышалась модель пятимачтовой шхуны со всем парусным снаряжением. Стены кабинета были украшены различными корабельными принадлежностями: рулевое колесо, латунный секстант, резной бычий рог, наполненный жиром, в котором лежали парусные иглы, шесть видов корабельных ламп, колокольчик рулевого и морские карты. Тревис увидел фотографии мужчины и женщины на различных парусных шлюпках. В мужчине он узнал Гаррисона.

На журнальном столике рядом с одним из кресел лежала раскрытая книга, рядом наполовину пустой стакан виски. Очевидно, Гаррисон отдыхал, когда раздался звонок в дверь. Он предложил им выпить, и оба они согласились, оставляя за хозяином право выбрать им напиток по своему усмотрению.

Адвокат усадил Тревиса и Нору на диван, а Эйнштейн занял второе кресло. Он скорее сидел на нем, чем лежал, как бы готовясь принять участие в беседе.

У углового бара Гаррисон налил в два стакана «Шивас Ригал» со льдом. Нора обычно не употребляла виски и очень удивила Тревиса, опорожнив свой стакан за два глотка и попросив еще. Он решил, что она права, и последовал ее примеру, а затем отнес пустой стакан к бару, где Гаррисон наполнил Норин стакан.

— Я хотел бы рассказать вам все и попросить о помощи,— сказал Тревис,— но вы действительно должны понять, что можете оказаться по другую сторону закона.

Закрывая бутылку, Гаррисон сказал:

— Вы сейчас говорите как непрофессионал. Я адвокат, и, уверяю вас, закон — это не линия, выгравированная на мраморе, неподвижная и не меняющаяся веками. Скорее... закон похож на пружину, закрепленную с двух сторон, но с большой степенью свободы — она очень слабо натянута,— и вы можете растягивать ее и так и эдак, исправить ее дугу таким образом, что вы почти всегда — за исключением случаев очевидного воровства или хладнокровного убийства — будете в безопасности по эту сторону закона. В это трудно поверить, но это так. Я не боюсь узнать от вас нечто, что может привести меня в тюремную камеру, Тревис.

Полчаса спустя Тревис и Нора уже рассказали ему все об Эйнштейне. Для человека, которому через пару месяцев должен был исполниться семьдесят один год, седовласый адвокат обладал быстрым и восприимчивым умом. Десятиминутной демонстрации сверхъестественных способностей собаки было достаточно, чтобы он отбросил все сомнения, уверовал в увиденное и изменил свое представление о том, что нормально и возможно в этом мире.

Сидя в большом кожаном кресле, держа Эйнштейна на коленях и нежно почесывая его за ухом, Гаррисон сказал:

— Если вы привлечете прессу, соберете пресс-конференцию и предадите это дело огласке, вероятно, удастся через суд добиться, чтобы собака осталась у вас.

— Вы правда думаете, что это возможно? — спросила Нора.

— В лучшем случае,— признался Гаррисон,— наши шансы составляют пятьдесят процентов.

Тревис покачал головой.

— Нет. Мы не пойдем на такой риск.

— Что вы хотите предпринять? — спросил Гаррисон.

— Бежать,— ответил Тревис.— Будем все время переезжать.

— И что это даст?

— Эйнштейн останется на свободе.

Пес тявкнул в знак согласия.

— На свободе, но на сколько? — поинтересовался Гаррисон.

Тревис, слишком взволнованный, чтобы усидеть на месте, поднялся и принялся расхаживать взад-вперед по комнате.

— Они не перестанут его искать,— признал он.— По крайней мере еще несколько лет.

— Конечно нет,— проговорил адвокат.

— Хорошо, это будет нелегко, но это единственное, что мы можем сделать. Будь я проклят, если позволю им забрать его. Пес страшно боится лаборатории. Кроме того, он более или менее вернул меня к жизни...

— А меня спас от Стрека,— сказала Нора.

— Он свел нас вместе,— сказал Тревис.

— Изменил наши жизни.

— Радикальным образом изменил нас самих. Сейчас он неотъемлемая часть нашей жизни, как если бы он был нашим ребенком,— сказал Тревис. От избытка чувств у него комок застрял в горле, когда он встретился глазами с благодарным взглядом Эйнштейна.— Мы будем бороться за него так же, как он боролся бы за нас. Мы — семья. Мы будем жить вместе... или умрем вместе.

Поглаживая ретривера, Гаррисон сказал:

— Вас будут искать не только люди из лаборатории. И не только полиция.

— То существо,— кивнул Тревис.

Эйнштейн вздрогнул.

— Ну-ну, спокойно,— проговорил Гаррисон, похлопывая собаку. Обращаясь к Тревису, он сказал: — Как вы думаете, что это за существо? Я помню ваше описание, но оно не многое объясняет.

— Что бы это ни было,— сказал Тревис,— это не Божьих рук дело. Его создали люди. А значит, оно должно быть продуктом каких-то исследований в области рекомбинации ДНК. Бог его знает, чем руководствовались экспериментаторы, почему им понадобилось создать что-то вроде него. Но они его создали.

— И, похоже, он обладает сверхъестественными способностями находить вас.

— Находить Эйнштейна,— уточнила Нора.

— Нам придется уехать,— проговорил Тревис.— Уехать далеко.

— Вам понадобятся деньги, а банки откроются не раньше чем через двенадцать часов,— заметил Гаррисон.— Что-то подсказывает мне: если вы хотите бежать, то надо отправляться сегодня.

— Здесь вы можете нам помочь,— сказал ему Тревис.

Нора открыла сумочку и вынула две чековые книжки, свою и Тревиса.

— Гаррисон, мы бы хотели выписать на ваше имя два чека, один — я, а другой — Тревис. У Тревиса на текущем счету только три тысячи, но в банке у него хранятся крупные сбережения, и часть денег переводится оттуда на текущий счет, чтобы не превышать кредит. Так же обстоит дело и с моими счетами. Если мы выпишем вам один чек со счета Тревиса на двадцать тысяч — завизированный задним числом, как бы до всех этих неприятностей — и один с моего счета тоже на двадцать тысяч, вы могли бы зачислить общую сумму на свой счет. Когда все будет сделано, вы купите восемь банковских чеков на пять тысяч каждый и пришлете их нам.

Тревис сказал:

— Полиция начнет разыскивать меня для дачи показаний, но им будет известно, что я не убивал Теда Хокни, ибо *ни один человек* не смог бы так его распотрошить. Поэтому вряд ли арестуют мои счета.

— Если за исследованиями, в результате которых появились Эйнштейн и это существо, стоит ФБР,— сказал Гаррисон,— они попытаются во что бы то ни стало найти вас, и *они* могут заморозить ваши счета.

— Вероятно. Но, скорее всего, не сразу. Вы живете в том же городе, и ваш банк не позднее понедельника переведет деньги с моего счета на ваш.

— И как вы будете обходиться без денег, пока я не перешлю ваши сорок тысяч?

— У нас есть немного наличными, а также дорожные чеки, которые остались с медового месяца,— ответила Нора.

— И у меня еще есть кредитные карточки,— добавил Тревис.

— Они могут выследить вас по вашим кредитным карточкам и дорожным чекам.

— Я знаю,— сказал Тревис.— Поэтому буду пользоваться ими только в тех местах, где мы не собираемся задерживаться, и удирать оттуда как можно скорее.

— Когда у меня на руках будут банковские чеки на сорок тысяч, куда мне их вам переслать?

— Мы вам позвоним,— сказал Тревис, возвращаясь к дивану и усаживаясь рядом с Норой.— Мы что-нибудь придумаем.

— А как быть с остальными вкладами: вашими и Норы?

— С теми решим позже,— ответила она.

Гаррисон нахмурился.

— Прежде чем уйти, Тревис, вам необходимо подписать письмо, где вы дасте мне право представлять вас в любых вопросах, которые могут возникнуть. Если кто-нибудь попытается заморозить ваши счета или Норины, я по возможности постараюсь это оспорить, хотя до тех пор, пока полицейские не выйдут на меня, не буду высовываться.

— Вероятно, Норины вклады пока в безопасности. Ни она, ни я никому, кроме вас, не говорили о нашей женитьбе. Соседи сообщат полиции, что я уехал вместе с какой-то женщиной, но им неизвестно, кто она такая. Вы кому-нибудь о нас рассказывали?

— Только моей секретарше миссис Эшкрофт. Но она не из болтливых.

— Тогда все в порядке,— сказал Тревис.— Не думаю, что власти что-нибудь разузнают о нашей женитьбе, и пройдет немало времени, прежде чем они доберутся до Норы. Но, когда это произойдет, они выяснят, что вы ее адвокат. Если они проверят мои вклады и счета в надежде уточнить, куда я подевался, им станет известно о двадцати тысячах, которые я вам заплатил, и тогда они выйдут на вас.

— Это меня совершенно не смущает,— проговорил Гаррисон.

— Возможно, и нет,— сказал Тревис.— Но, как только установят существование связи между мной и Норой и между нами двумя и вами, они начнут за вами следить. Когда это случится... если мы вам позвоним, вы должны будете сразу же сообщить нам об этом, чтобы мы немедленно прекратили разговор и прервали с вами всякие отношения.

— Это я отлично понимаю,— заметил поверенный.

— Гаррисон,— сказала Нора,— вам вовсе не обязательно ввязываться во все это. Мы от вас слишком много требуем.

— Дорогая моя, мне скоро исполнится семьдесят один год. Мне пока еще доставляет удовольствие моя практика, и я пока еще продолжаю плавать... но, по правде говоря, жизнь в последнее время кажется мне несколько скучноватой. Это дело — как раз то, что мне нужно, чтобы заставить кровь в жилах бежать чуть побыстрее. И главное, я считаю, вы обязаны помочь Эйнштейну остаться на свободе, и не только из-за того, что рассказали мне, но еще потому, что... у человечества нет никакого права использовать накопленный гений для создания другого разумного вида и затем обращаться с ним как со своей собственностью. Если мы достигли такого уровня, что можем творить как Господь Бог, то должны научиться и поступать как он: справедливо и милосердно. А в этом деле справедливость и милосердие требуют, чтобы Эйнштейн был свободным.

Пес поднял голову с колен Гаррисона, с любовью взглянул на него и ткнулся своим холодным носом ему в подбородок.

В гараже Гаррисона, рассчитанном на три машины, находились новый черный «Мерседес-560 SEL», белый «Мерседес-500 SEL» с голубым салоном и зеленый джип, которым он пользовался в основном для поездок к месту стоянки своей яхты.

— Белый раньше принадлежал Франсине, моей жене,— пояснил адвокат, подводя их к машине.— Сейчас я им почти не пользуюсь, но он на ходу. Я иногда езжу на нем, чтобы покрышки не застаивались. После смерти Фрэнни мне нужно было бы избавиться от него. Это все-таки была ее машина. Но... она так любила свой шикарный белый «мерседес»... я помню, как она выглядела за рулем... мне хотелось бы, чтобы вы им воспользовались.

— Бежать на машине стоимостью в шестьдесят тысяч долларов? — сказал Тревис, проводя ладонью по полированной поверхности капота.— Это пижонство.

— Никто не будет искать эту машину,— сказал Гаррисон.— Даже если в конце концов обнаружится связь между мной и вами, никто не догадается, что я дал вам один из своих «мерседесов».

— Это слишком дорогой автомобиль, мы не можем его принять,— сказала Нора.

— Тогда возьмите его напрокат,— предложил Гаррисон.— Когда у вас появится своя машина, оставьте мою где-нибудь, на автобусной станции или в аэропорту, и сообщите мне, где она находится. Я пришлю за ней кого-нибудь.

Эйнштейн поставил лапы на переднюю дверцу «мерседеса», заглянул внутрь автомобиля сквозь боковое стекло и, оглянувшись на Тревиса и Нору, тявкнул, как бы говоря, что они будут дураками, если откажутся от такого предложения.

9

В пятнадцать минут одиннадцатого в среду вечером они выехали на белом «мерседесе» из дома Гаррисона на Рут №101, ведущую в северном направлении. К половине первого они миновали Сан-Луис-Обиспо, в час ночи — Пасо Роблес. В два часа они притормозили на заправочной станции самообслуживания. До Салинаса оставался час езды.

Нору угнетало чувство собственной бесполезности. Она даже не могла сменить Тревиса за рулем, поскольку не умела водить машину. В какой-то мере в этом была скорее виновата Виолетта Девон, а не сама Нора — еще одно следствие жизни, проведенной взаперти; тем не менее она ощущала свою никчемность, и это расстраивало ее. Но Нора не собирается оставаться такой беспомощной — нет! Она будет водить машину и сможет обращаться с оружием. Тревис обучит ее и тому и другому. У него достаточно опыта, чтобы научить ее также боевым искусствам рукопашного боя, таким как дзюдо или карате. Он хороший педагог. Тревис ведь так хорошо обучил ее искусству любви. От этой мысли Нора улыбнулась, и вскоре дурное настроение покинуло ее.

На протяжении следующих двух с половиной часов, за которые они миновали Салинас и выехали на трассу, ведущую на север к Сан-Хосе, Нора временами засыпала. В те минуты, когда бодрствовала, она с удовлетворением считала мили, остающиеся позади. По обеим сторонам шоссе в бледном свете луны простирались нескончаемые пашни. Когда луна скрывалась, им приходилось проезжать длинные участки погруженной во тьму трассы, прежде чем попадалось освещенное окно одинокой фермы или сгрудившиеся у обочины строения придорожных служб.

Желтоглазая тварь, которая шла по следу Эйнштейна с предгорья Санта-Аны в графстве Ориндж в Санта-Барбару, за три месяца преодолела расстояние, составлявшее по прямой сто двадцать пять миль, что примерно равнялось тремстам милям пешим ходом по дикой местности. Не так уж быстро. Значит, когда они удалятся на триста миль по прямой от Санта-Барбары и найдут себе убежище в районе залива Сан-Франциско, вероятно, их преследователь нагонит их только через

семь-восемь месяцев. А возможно, он вообще не найдет их. Сможет ли он определить местонахождение Эйнштейна на таком расстоянии? Наверняка есть предел его способности чуять собаку. Наверняка.

10

В одиннадцать часов утра в четверг Лемюэль Джонсон стоял в спальне дома Тревиса в Санта-Барбаре. Зеркало над туалетным столиком было разбито вдребезги. Все остальные вещи в комнате были также перебиты и перевернуты: создавалось впечатление, что Аутсайдер пришел в невероятную ярость, видя, что пес живет в комфортной домашней обстановке, в то время как он сам вынужден бродить по дикой местности и жить в довольно суровых условиях.

Среди обломков, покрывавших пол, Лем нашел четыре фотографии в серебристых рамках, которые до этого, вероятно, стояли на туалетном столике или на прикроватных тумбочках. На первой, цветной, фотографии был изображен Корнелл в обществе привлекательной блондинки. Лем уже достаточно много знал о Тревисе и сразу определил, что это его покойная жена Паула. На второй, черно-белой, фотографии была запечатлена пожилая чета — родители Корнелла,— предположил Лем. На третьей, тоже довольно старой, был мальчик лет одиннадцати-двенадцати. Возможно, сам Тревис Корнелл, а скорее всего — его погибший брат.

С последней фотографии на Лема смотрела группа улыбающихся солдат, разместившихся на деревянных ступеньках казармы. Одним из них был Тревис Корнелл. На униформе некоторых ребят были нашивки группы «Дельта» — элитного подразделения по борьбе с терроризмом.

В задумчивости поставив последнюю фотографию на туалетный столик, Лем направился в гостиную, где Клифф продолжал копаться в забрызганных кровью обломках. Он искал то, что не представит интереса для полиции, но может много поведать сотруднику службы безопасности.

УНБ не сразу начало заниматься делом об убийстве в Санта-Барбаре — Лем, например, вообще ничего не знал до шести утра. В результате пресса уже успела растрезвонить все мрач-

ные подробности убийства Теда Хокни. Репортеры с энтузиазмом распространяли различные версии о причинах гибели Хокни, придерживаясь в основном мысли о том, что Корнелл держал у себя дома экзотическое и опасное животное, например гепарда или пантеру, которое напало на ничего не подозревающего Теда, когда тот зашел в дом. В средствах массовой информации прошли со смаком сделанные снимки разодранных в клочья и забрызганных кровью книг. Версии такого рода придерживались и в «Нейшнл Инквайерер» — что, впрочем, не удивило Лема, поскольку, по его мнению, линия, разделяющая сенсационные издания типа «Инквайерера» и официальные средства массовой информации — особенно электронные,— намного тоньше, чем думают многие журналисты.

Лем уже подготовил и запустил в работу кампанию по дезинформации, направленную на поддержку раздуваемой прессой истерии по поводу «диких животных». В соответствии с этим планом в публике должны появиться платные агенты УНБ, утверждающие, что лично знали Корнелла и что помимо собаки он держал у себя в доме пантеру. Другие агенты, которые представятся знакомыми Корнелла, будут с горечью в голосе говорить, что они настойчиво советовали ему удалить у зверя клыки и когти, когда тот был еще детенышем. Получив такие заявления, полиция захочет допросить Корнелла и его неизвестную спутницу насчет пантеры и ее нынешнего местонахождения.

Лем был уверен, что таким образом удастся отвлечь прессу от расследований, которые могут приблизить ее к истине.

Разумеется, об убийстве станет известно Уолту Гейнсу в графстве Ориндж, который, конечно, по своим каналам свяжется со здешними властями и быстро сообразит: Аутсайдер пробрался далеко на север. Лем с облегчением подумал, что Уолт на его стороне.

Войдя в гостиную, Лем спросил у Клиффа Соамса:

— Нашел что-нибудь?

Молодой человек поднялся с обломков, похлопал ладонью о ладонь, сбивая пыль, и сказал:

— Ага. Посмотрите там, на обеденном столе.

Лем проследовал за ним в столовую, где на столе лежал блокнот в переплете из металлических колец. Открыв блокнот, он увидел, что на страницах слева наклеены цветные фотографии из журналов, а напротив каждой картинки на правой странице большими печатными буквами написано название изображенного предмета: ДЕРЕВО, ДОМ, МАШИНА...

— Что скажете? — спросил Клифф.

Скривившись, Лем продолжал молча перелистывать блокнот, чувствуя, что наткнулся на что-то важное. Тут его осенило:

— Это букварь. Для обучения чтению.

— Точно,— сказал Клифф.

Лем увидел улыбку на лице своего помощника.

— Они знают о способностях собаки и хотят раскрыть их поглубже. И они... решили научить ее читать.

— Похоже на то,— сказал Клифф, все еще улыбаясь.— Боже правый, неужели это правда? Неужели ее можно научить читать?

— Без сомнения,— сказал Лем.— Между прочим, обучение чтению стояло в программе эксперимента доктора Вэтерби на эту осень.

Тихо засмеявшись, Клифф произнес:

— Черт меня побери.

— Чем скалить зубы, лучше попробуй оценить ситуацию. Этот парень, Корнелл, осознал, что собака необыкновенно умна. Возможно, он уже научил ее читать. Можно также предположить, что Тревис нашел способ с ней общаться. И уже знает, что это экспериментальное животное. Кроме того, Корнелл понимает: на поиски этой собаки задействовано множество людей.

Клифф сказал:

— У него, несомненно, есть сведения об Аутсайдере. Пес наверняка сообщил ему об этом.

— Да. И, зная все это, Корнелл тем не менее решил не предавать дело огласке. Он мог продать эти сведения — покупатель бы нашелся. Но не сделал этого. Ему легко было поднять на ноги всю прессу и обвинить Пентагон в финансировании такого рода исследований.

— Но Корнелл этого не сделал,— сказал Клифф, нахмурившись.

— Это значит, что он предан собаке, хочет держать ее у себя и не отдаст никому другому.

Кивнув, Клифф сказал:

— Если то, что нам стало известно, правда, то так оно и есть. Я хочу сказать, что этот парень еще в молодости потерял всю свою семью. Через год после свадьбы умерла жена. Все его друзья по группе «Дельта» погибли. Он замкнулся и превратился в одиночку. Наверное, здорово страдал от этого. И тут появляется собака...

— Все точно,— сказал Лем.— Для человека, служившего в группе «Дельта», не составит труда перейти на нелегальное положение. А если мы его все-таки найдем, собаку Корнелл так просто не отдаст. А драться он умеет.

— Насчет его пребывания в группе «Дельта» у нас еще нет подтверждения,— с надеждой в голосе произнес Клифф.

— У меня оно есть,— проговорил Лем и рассказал ему о виденной в спальне фотографии.

— Тогда мы здорово вляпались,— вздохнул Клифф.

— По самую шею,— подтвердил Лем.

11

К шести часам утра в четверг они добрались до Сан-Франциско, а в половине седьмого нашли подходящий мотель — низкое строение, на вид очень чистое и современное. Домашних животных туда не допускали, но им не составило труда тайком провести Эйнштейна в свой номер.

Несмотря на небольшую, но все-таки реальную опасность того, что на имя Тревиса в полиции мог быть выписан ордер на арест, он зарегистрировался в книге проживающих под своим настоящим именем. Впрочем, выбирать не приходилось, поскольку у Норы вообще не было с собой никаких документов: ни кредитных карточек, ни водительского удостоверения. Регистраторы в гостиницах, конечно, с удовольствием принимали наличные, но требовали удостоверение личности, так как данные о постояльцах необходимо было вносить в компьютер гостиничной сети.

Тревис, однако, сообщил клерку вымышленные номера и марку своей машины, для чего предусмотрительно припарковал ее так, чтобы она не была видна от стойки регистрации.

Они заплатили за одну комнату и взяли с собой Эйнштейна: любовью они все равно заниматься не могли — Тревис едва успел поцеловать Нору, как тут же от усталости погрузился в глубокий сон. Ему снились существа с желтыми глазами, уродливыми мордами и крокодильими челюстями, утыканными акульими зубами.

Тревис проснулся через пять часов, в двенадцать десять пополудни.

Нора была уже на ногах. Она приняла душ, но, поскольку смены платья у нее не было, надела на себя ту же одежду, в которой приехала в мотель. Волосы у нее были еще мокрые и, прилипая к шее, делали ее очень соблазнительной.

— Вода очень горячая, и напор хороший,— заметила Нора.

— У меня тоже,— сказал Тревис, принимаясь ее целовать.

— Тогда остынь немного,— произнесла она, отодвигаясь от него.— Маленькие ушки — на макушке.

— Эйнштейн? У него большие уши.

Войдя в ванную, он увидел, что пес взобрался на полку рядом с умывальником и пьет холодную воду, которую Нора набрала для него в раковину.

— Знаешь ли, мохнатая морда, для большинства собак туалет — прекрасный источник питьевой воды.

Ретривер чихнул, спрыгнул с полки и не спеша вышел из ванной комнаты.

У Тревиса с собой не было принадлежностей для бритья. К тому же он решил, что однодневная щетина придаст ему подходящий вид для того дельца, которое ему предстояло совершить вечером в районе Тендерлойн.

Покинув мотель, они остановились у первого попавшегося «Макдональдса». Перекусив, поехали в местное отделение банка Санта-Барбары, где у Тревиса был счет. Воспользовавшись компьютерной банковской карточкой, а также карточками «Мастеркард» и «Виза», они сняли наличными одну тысячу четыреста долларов. Затем отправились в офис «Американ Экспресс» и с помощью одного из чеков Тревиса, а также карточки «Голд Кард» получили максимально возможную сумму в пятьсот долларов наличными и еще четыре тысячи пятьсот долларов дорожными чеками. Прибавив эти деньги к двум тысячам ста долларам наличными и дорожным чекам, оставшимся у них после медового месяца, они имели в своем распоряжении

восемь тысяч пятьсот долларов, которыми могли располагать без дальнейших проволочек.

Во второй половине дня и вечером Нора и Тревис вместе с Эйнштейном поехали по магазинам. Пользуясь кредитными карточками, они купили полный набор багажных сумок и достаточное количество одежды, чтобы их наполнить. Приобрели туалетные принадлежности и электробритву для Треиса.

Он еще купил игру «Скрэббл», на что Нора сказала:

— Тебе еще и поиграть хочется?

— Нет,— ответил Тревис, довольный тем, что та не догадывается о цели этой покупки.— Я тебе потом объясню.

За полчаса до захода солнца, поместив все свои покупки в просторный багажник «мерседеса», они двинулись в глубь Тендерлойна — части Сан-Франциско, расположенной за улицей О'Фаррелл и входящей клином между Маркет-стрит и Ван-Несс-авеню. Это был район сомнительных баров с полуголыми *танцовщицами, заведений, где на сцену выходили девицы* вообще без одежды, а также салонов, в которых мужчины платили за то, чтобы посидеть за столиком с обнаженными молодыми девушками и поговорить о сексе, и дело обычно не заканчивалось только разговорами.

Весь этот грубый разврат шокировал Нору, которая уже вообразила себя опытной и многое повидавшей женщиной. Она не была готова увидеть такую клоаку. Открыв рот, Нора смотрела на яркие неоновые вывески, рекламирующие пип-шоу*, женскую борьбу в грязевых ваннах, женщин-пародисток, бани для гомосексуалистов и массажные салоны. Некоторые вывески озадачивали ее, и тогда она спрашивала:

— А что они хотели сказать этой надписью: «Поднеси к носу розочку»?

Высматривая место для парковки, Тревис ответил:

— Это значит, что девушки танцуют совершенно обнаженными и во время танца пальцами раздвигают половые губы, чтобы показаться во всей красе.

— Не может быть!

— Может.

---

* Салоны, где клиент, глядя в глазок, наблюдает «живые» или заснятые на пленку порнографические сцены.— *Прим. пер.*

— Боже. Я этому не верю. То есть я верю, но этого не может быть. Что — совсем крупным планом?

— Девушки танцуют прямо на столиках у клиентов. Законом запрещено дотрагиваться до них, но девушки бывают совсем рядом с посетителем, размахивая голыми грудями у них перед носом. Между их сосками и губами смотрящих на них мужчин едва ли можно просунуть сложенный втрое листок бумаги.

На заднем сиденье Эйнштейн фыркнул от отвращения.

— Согласен с тобой, парень,— сказал ему Тревис.

Они проехали мимо заведения, на фасаде которого мигали красные и желтые лампочки и перекатывались голубые и пурпурные неоновые полосы. Надпись у входа гласила: «ЖИВОЕ СЕКС-ШОУ».

Нора в ужасе спросила:

— А что, бывают «мертвые» секс-шоу?

Тревис так захохотал, что чуть было не врезался во впереди идущую машину, битком набитую желторотыми школьниками.

— Нет-нет. Даже в Тендерлойне есть свои пределы. Слово «живое» используется, когда хотят сказать, что шоу демонстрируется на сцене перед публикой, а не записано на пленку. Тут полно секс-кинотеатров, в которых показывают только порнографию. Но в этом заведении все происходит «живьем». Я, правда, сомневаюсь, что это правда.

— А мне наплевать, правда это или нет! — сказала Нора голосом Дороти из Канзаса, которая только что попала в неведомую ранее часть страны Оз.— И вообще, что мы здесь делаем?

— Сюда приезжают, когда хотят купить то, что не продается в других местах, например молоденьких мальчиков или большие партии наркотиков. А также фальшивые водительские удостоверения и поддельные документы.

— А-а,— произнесла она.— Теперь понятно. Эту часть города контролирует организованная преступность по типу семьи Корлеоне из «Крестного отца».

— Полагаю, мафия контролирует большую часть этих заведений,— подтвердил Тревис, ставя автомобиль у обочины.— Но не думай, что настоящая мафия состоит из благородных героев, подобных Корлеоне.

Эйнштейн согласился посидеть в «мерседесе».

— Вот что, мохнатая морда,— сказал Тревис.— Если нам повезет, мы тебе тоже выправим новый документ. В нем будет записано, что ты — пудель.

Нора с удивлением обнаружила, что с наступлением сумерек с моря подул холодный ветер, заставивший их облачиться в теплые нейлоновые куртки, купленные днем.

— Даже летом ночи здесь холодные,— сказал Тревис.— Скоро опустится туман. Городское тепло, накопленное за день, притянет его с моря.

Тревису в любом случае пришлось бы надеть куртку, так как нужно было прикрыть от посторонних глаз заткнутый за пояс револьвер.

— Тебе в самом деле может понадобиться оружие? — спросила Нора, когда они зашагали прочь от машины.

— Не думаю. Я прихватил его с собой в основном в качестве удостоверения личности.

— Что-что?

— Сама поймешь.

Она оглянулась в сторону «мерседеса» и увидела Эйнштейна, с брошенным видом смотревшего через заднее стекло. Ей стало не по себе оттого, что они не взяли его с собой. «С другой стороны,— подумала Нора,— посещение таких заведений (даже если туда пускают собак) может нанести ему моральную травму».

Тревиса интересовали только те бары, где вывески были написаны по-английски и по-испански или только по-испански. Некоторые заведения имели довольно обшарпанный вид и откровенно выставляли напоказ облупившуюся краску и сбившиеся ковровые дорожки; другие же пытались скрыть свою тараканью сущность с помощью зеркал и ярких огней. По-настоящему дорогих и чистых баров было немного. В каждом из таких мест Тревис заговаривал по-испански с барменом или с музыкантами, когда у тех был перерыв, и некоторым из них раздавал сложенные двадцатидолларовые купюры. Не зная испанского, Нора не могла понять, о чем он беседует с этими людьми и почему платит им деньги.

Когда они вышли на улицу в поисках очередного такого заведения, Тревис объяснил ей, что в основном незаконными им-

мигрантами являются мексиканцы, сальвадорцы и никарагуанцы — люди, бегущие от экономического хаоса и политических репрессий. Поэтому на рынке поддельных документов испаноговорящих нелегалов гораздо больше, чем вьетнамцев, китайцев и всех других национальностей, вместе взятых.

— Поэтому самый простой путь выйти на изготовителя поддельных документов лежит через латиноамериканский уголовный мир.

— У тебя уже есть кто-нибудь на примете?

— Нет еще. Так, по мелочам. Вполне вероятно, девяносто девять процентов сведений, за которые я заплатил,— ерунда или вранье. Но не волнуйся — мы найдем то, что ищем. На этом и держится Тендерлойн — люди, которые сюда приезжают, всегда находят то, что ищут.

Окружающая публика удивила Нору. На улицах, в барах с полуголыми танцовщицами можно было встретить кого угодно: азиатов, латиноамериканцев, белых, чернокожих, даже индийцев, смешавшихся в полуалкогольном тумане,— казалось, что расовая гармония стала положительным следствием коллективного поиска греховных наслаждений. Она видела ребят бандитской наружности в кожаных куртках и джинсах — именно таких, каких и ожидала встретить здесь, но были и другие — одетые в приличные костюмы, выпускники университетов, парни, выглядящие настоящими ковбоями, и пляжные мальчики, как будто сошедшие с кадров старых фильмов Анетты Фуницелло. Бродяги сидели на тротуарах или стояли на углах улиц — небритые личности в зловонных лохмотьях, но даже у обладателей дорогих костюмов в глазах был такой нехороший блеск, что хотелось сразу же бежать от них. У большинства людей, однако, был вполне благопристойный вид — в обычных обстоятельствах они вполне могли бы сойти за добропорядочных граждан. Нору это поразило.

За столиками в барах женщин было немного, вернее, их было достаточно, но выглядели они даже более вызывающе, чем голые танцовщицы. Только некоторые из них, казалось, пришли сюда не для того, чтобы продать себя.

В баре с обнаженными по пояс танцовщицами под названием «Хот Типс», куда посетителей зазывала вывеска на английском и испанском языках, играла такая громкая музыка,

что у Норы моментально разболелась голова. Шесть прекрасно сложенных девушек, в туфельках на шпильках и блестящих трусиках-бикини, танцевали на столиках, извиваясь и раскачивая грудями перед потными лицами гогочущих и хлопающих в ладони мужчин. Другие девушки, одетые подобным же образом, в это время работали официантками.

Пока Тревис разговаривал по-испански с барменом, Нора заметила, что некоторые посетители оценивающе оглядывают ее. У нее мурашки побежали по коже. Она ухватилась за руку Тревиса так крепко, что ее клещами нельзя было оторвать от него.

Запахи пива и виски, испарения потных тел, наслаивающиеся друг на друга ароматы дешевых духов и сигаретного дыма делали атмосферу заведения похожей на баню, правда без присущего баням оздоровительного эффекта.

Нора сжала зубы и подумала:

«Меня не стошнит — это было бы слишком глупо. Меня не стошнит».

После нескольких минут быстрого разговора Тревис передал бармену пару двадцаток, и их провели в глубину зала, где у двери, задернутой густо расшитой стеклярусом шторой, на стуле сидел парень размером с Арнольда Шварценеггера. На нем были черные кожаные штаны и белая футболка. Руки у него были толстые, как бревна, а лицо казалось изваянным из цемента. Его серые глаза были полупрозрачны. Тревис сказал ему что-то по-испански и протянул две двадцатки.

Музыка с оглушительного грохота перешла в простой рев. Женский голос произнес в микрофон:

— Ладно, мальчики, если вам понравилось то, что мы вам показали, начинайте совать нам между ног.

Нора вздрогнула от услышанного, но при новом всплеске музыки увидела, что имела в виду женщина, сделавшая столь похабное объявление: посетителям предлагалось засовывать сложенные пяти- и десятидолларовые банкноты в трусики танцовщицам.

Бугай в кожаных штанах наконец оторвался от своего стула и провел их за стеклярусную занавеску, за которой оказалась комната футов десять в ширину и восемнадцать или двадцать в длину.

Там сидели шесть девушек в туфлях и трусиках, готовясь сменить выступавших в зале. Они поправляли грим перед зеркалом, красили губы и просто болтали друг с другом. Все девушки были так же красивы, как те, которых Нора видела танцующими. У одних были довольно крутые физиономии, красивые, но крутые, а другие выглядели вполне невинно, как школьные учительницы.

Бугай повел Тревиса, державшего за руку Нору, через гримерную к двери на другом конце комнаты. Одна из танцовщиц — яркая блондинка — положила руку Норе на плечо и зашагала рядом.

— Ты новенькая, малышка?

— Я? Нет. Нет-нет, я не работаю здесь.

Девушка, обладавшая такими развитыми формами, что Нора чувствовала себя рядом с ней мальчиком, сказала:

— А у тебя неплохие причиндалы, киска.

— Что вы,— выдавила из себя Нора.

— А мои тебе нравятся? — спросила блондинка.

— Ну да, вы очень красивая,— ответила Нора.

Обращаясь к девушке, Тревис сказал:

— Оставь ее в покое, сестренка. Леди не играет в такие игры.

Блондинка ответила, улыбаясь:

— Пусть попробует, может быть, ей понравится.

Они вышли из гримерной и оказались в узком, плохо освещенном коридоре. Только тут Нора сообразила, что ей сделали предложение. И кто? Женщина!

Она не знала, смеяться или плакать. Пожалуй, и то и другое.

Бугай проводил их до офиса в глубине здания и ушел со словами:

— Мистер Ван Дайн будет через минуту.

Обстановка офиса состояла из серых металлических стульев, конторских шкафов и потрепанного металлического стола. Серые стены были абсолютно голые: ни календарей, ни картинок. На столе не было ни блокнотов, ни авторучек, ни бумаг. Создавалось впечатление, что этой комнатой редко пользовались.

Нора и Тревис уселись на металлические стулья перед столом.

Доносившаяся из бара музыка уже не оглушала. Переведя дыхание, Нора спросила:

— А откуда они берутся здесь?

— Кто?

— Все эти милашки со своими грудями, задницами и длинными ногами и... с большим желанием... заниматься этим самым. Откуда они?

— Недалеко от Модесто есть ферма, где их разводят,— ответил Тревис.

Нора удивленно уставилась на него.

Он засмеялся и сказал:

— Извини. Я все забываю о степени вашей неискушенности, миссис Корнелл.— Тревис чмокнул ее в щеку, уколов немного щетиной, но ей все равно было приятно. Несмотря на помятую одежду и небритый вид, он выглядел свежим, как ребенок, хотя и находился в самом центре преступной клоаки. Тревис сказал: — Мне придется давать тебе только прямые ответы, потому что до тебя не доходят мои шутки.

— Так никакой фермы нет! — заморгала Нора.

— Нет, конечно. Но существуют девушки, готовые заниматься этим делом. Девушки, стремящиеся попасть в шоу-бизнес, обосноваться в Лос-Анджелесе и стать кинозвездами. Им это не удается, и тогда они оказываются в таких же местах в Лос-Анджелесе или еще дальше на севере — в Сан-Франциско или в Лас-Вегасе. Большинство из них — вполне порядочные девушки. Они думают, что это временно. Можно быстро заработать очень хорошие деньги. Таким образом они готовят себе плацдарм для очередного наступления на Голливуд. Одни из них занимаются этим, чтобы унизить самих себя. Другие пытаются таким образом отомстить своим родителям, бывшим мужьям, всему миру. Некоторые — на самом деле шлюхи.

— И эти шлюхи... встречают здесь своих сутенеров?

— Возможно, да, а может, и нет. Некоторые выступают здесь для того, чтобы у них был официальный источник дохода, когда налоговая служба постучит к ним в дверь. Они числятся танцовщицами, что дает им неплохую возможность скрывать доходы от других занятий.

— Печальная история,— сказала Нора.

— Ага. В некоторых... во многих случаях очень печальная.

— А этот Ван Дайн обеспечит нас фальшивыми удостоверениями личности?

— Похоже, что так.

Она с уважением посмотрела на Тревиса.

— Ты, оказывается, знаешь, где искать.

— Тебя беспокоит, что мне известны такие места, как это?

Нора задумалась.

— Нет. Честно говоря... когда женщина собирается замуж, я полагаю, ее будущий муж должен уметь вести себя в любой ситуации. Мне, во всяком случае, это внушает уверенность.

— Во мне?

— В тебе, да,— уверенность в том, что мы выпутаемся из этой истории, спасемся сами и спасем Эйнштейна.

— Уверенность — это хорошо. Когда я служил в группе «Дельта», первое, чему меня научили, было то, что чрезмерная уверенность в себе — прямой путь в могилу.

В этот момент открылась дверь, и в сопровождении бугая-телохранителя в комнату вошел круглолицый человек в сером костюме, голубой рубашке и черном галстуке.

— Ван Дайн,— представился мужчина, но руки не подал. Обошел вокруг стола и сел на стул с пружинной спинкой. У него были редеющие светлые волосы и гладкие, как у ребенка, щеки. Он походил на биржевого брокера из телерекламы: компетентный, элегантный и вежливый.— Я захотел встретиться с вами для того, чтобы узнать, кто распространяет обо мне ложные сведения.

Тревис проговорил:

— Нам нужны новые документы: водительские права, карточки социального страхования — в общем, весь набор. И по первому классу, без дураков.

— Вот и я о том же,— сказал Ван Дайн. Он вопросительно поднял брови.— Откуда, позвольте узнать, вы взяли, что я занимаюсь подобного рода делами? Боюсь, вас неправильно информировали.

— Нам нужны первоклассные документы со всей подноготной,— повторил Тревис.

Ван Дайн уставился на него и на Нору.

— Разрешите мне осмотреть ваш бумажник и вашу сумочку, мисс.

Кладя свой бумажник на стол, Тревис сказал Норе:

— Все нормально.

Нехотя она поставила сумочку рядом с бумажником.

— Теперь, пожалуйста, встаньте, чтобы Цезарь мог вас обыскать,— сказал Ван Дайн.

Тревис поднялся и знаком приказал Норе встать.

Цезарь с каменным выражением на лице и с обескураживающей тщательностью обыскал Тревиса и, обнаружив «Магнум 357», положил револьвер на стол. Еще более добросовестно он обыскал Нору, расстегнув ей блузку и грубо ощупав чашечки ее бюстгальтера в поисках миниатюрного микрофона и записывающего устройства. Она залилась краской и не позволила бы дальше осматривать себя, если бы Тревис не объяснил ей, в чем дело. Кроме того, Цезарь проделывал все это без каких-либо эмоций, как машина, не способная на эротические реакции.

Когда Цезарь закончил обыск, они подождали немного, пока Ван Дайн знакомился с содержимым бумажника и сумочки. Нора было испугалась, что он заберет себе все их деньги, но, по всей видимости, его заинтересовали только их документы да еще тесак для рубки мяса, который она по-прежнему носила с собой.

Обращаясь к Тревису, Ван Дайн сказал:

— О'кей. Если бы вы были полицейскими, вам бы не разрешили таскать с собой револьвер «магнум».— Он наклонил в сторону барабан и осмотрел патроны.— Да еще к тому же заряженный пулями «магнум». За это вам бы здорово прижали хвост.— Он улыбнулся Норе.— А женщины-полицейские не носят тесаки в сумочках.

Тут Нора поняла слова Тревиса о том, что револьвер ему нужен не столько для самообороны, сколько для удостоверения личности.

Ван Дайн и Тревис немного поторговались и наконец сошлись на цене в шесть тысяч пятьсот долларов за два полных комплекта документов с «железной» легендой.

После этого им вернули все вещи, включая тесак и револьвер.

Затем они проследовали за Ван Дайном в узкий коридор, где он отпустил Цезаря и повел их по тускло освещенным лестничным пролетам в подвал, куда через толщу бетонного перекрытия едва проникали звуки музыки из бара.

Нора не представляла себе, что можно увидеть там, в подвале: возможно, мужчин, похожих на Эдварда Робинсона, в зеленых светозащитных козырьках на резинках, склонившихся над старинного вида печатными прессами и изготавливающих не только фальшивые документы, но и пачки фальшивой валюты. То, что открылось ее глазам на самом деле, удивило Нору.

Ступеньки привели их в складское помещение размером примерно футов тридцать на сорок. Вдоль каменных стен почти в рост человека возвышались коробки с запасами для бара. Они прошли по узкому проходу между коробками с виски, пивом и салфетками для коктейлей и остановились у стальной двери. Ван Дайн нажал кнопку на косяке, приведя в действие телевизионную камеру, которая с мягким треском обвела их своим электронным оком.

Дверь открыли изнутри, и они вошли в небольшую комнату с приглушенным освещением, где за семью компьютерами, выстроенными в линию на столах вдоль одной стены, работали двое бородатых парней. На одном из них были надеты мягкие башмаки «Рокпорт», брюки-сафари и такая же рубашка. На другом — кроссовки «Рибок», джинсы и байковый свитер с изображениями театральных масок. Они выглядели почти близнецами и были оба похожи на Стивена Спилберга в молодости. Ребята были настолько заняты своими компьютерами, что не обратили никакого внимания на Нору, Тревиса и Ван Дайна. В то же время работа, по всей видимости, доставляла им подлинное удовольствие — они оживленно переговаривались друг с другом и отпускали замечания в адрес компьютеров на таком сложном техническом языке, что Нора не смогла понять ни слова.

В комнате также находилась блондинка лет двадцати с небольшим. У нее была короткая стрижка и красивые, фиалкового цвета глаза. Пока Ван Дайн разговаривал с парнями, она увела Тревиса и Нору в дальний конец комнаты, усадила перед белым экраном и сфотографировала для поддельных водительских прав.

Закончив съемку, женщина ушла в темную комнату проявлять пленку, а Тревис и Нора присоединились к Ван Дайну, рядом с которым два молодых человека со счастливым видом стучали по клавиатуре компьютеров. Нора смотрела на то, как они проникали в якобы «непроницаемые» компьютерные се-

ти Калифорнийского департамента автомобильного транспорта и Администрации социального страхования, а также других федеральных и местных организаций.

— Когда я сказал мистеру Ван Дайну, что документы нужны со «всей подноготной»,— пояснил Тревис,— я имел в виду, что водительские права должны будут выдержать проверку, если нас остановит полицейский патруль на шоссе. Водительские удостоверения, которые мы здесь получим, невозможно отличить от настоящих. Эти парни вставят наши новые имена в файлы ДАТ и, собственно, таким образом внесут данные об этих документах в банк данных штата.

Ван Дайн заметил:

— Адреса, конечно, фальшивые. Но, когда вы поселитесь где-нибудь под своими новыми фамилиями, вам надо будет просто сообщить в ДАТ об изменении адреса — так положено по закону,— и тогда все будет абсолютно легально. Права вам выдадут на год, после чего вы пойдете в контору ДАТ, сдадите обычный экзамен и получите новенькие права, поскольку ваши новые имена уже находятся в их файлах.

— А какие у нас будут фамилии? — с интересом спросила Нора.

— Видите ли,— сказал Ван Дайн со спокойной уверенностью биржевого брокера, объясняющего рыночные возможности новому инвестору,— необходимо начать со свидетельства о рождении. У нас есть данные в компьютере о смерти младенцев на всей западной части Соединенных Штатов за пятьдесят лет. Мы уже поискали сведения о детишках, умерших в год, когда вы родились, пытаясь найти вариант, при котором цвет их волос и глаз, а также имена совпадали бы с вашими. Всегда трудно менять сразу и имя, и фамилию. Мы нашли информацию о маленькой девочке, Норе Джин Эймс, родившейся двенадцатого октября в год, когда вы родились, и умершей через месяц здесь, в Сан-Франциско. У нас есть универсальный лазерный принтер, на котором мы уже изготовили свидетельство о рождении по образцу, который использовался в Сан-Франциско в то время. В нем указаны имя, фамилия и основные сведения о Норе Джин. Мы сделаем с него две ксерокопии, которые будут вам вручены. Мы также подсоединились к файлам социального страхования и ввели туда номер Норы Джин Эймс, которого, конечно, никогда не было, и создали полную

картину уплаты взносов.— Он улыбнулся.— Таким образом, вы заплатили уже достаточно двадцатипятицентовиков, чтобы получить пенсию. Точно таким же образом в файлах налоговой службы теперь существует запись, что вы работали официанткой в полудюжине разных городов и что каждый год вы исправно платили налоги.

Тревис заметил:

— Имея свидетельство о рождении и настоящий номер в картотеке социального страхования, они смогли сделать водительское удостоверение, за которым стоит реальное удостоверение личности.

— Итак, теперь я — Нора Джин Эймс? Но если свидетельство о ее рождении находится в памяти компьютера, то как быть со свидетельством о смерти? Если кто-нибудь захочет проверить...

Ван Дайн покачал головой.

— В те времена свидетельства о рождении и смерти имели форму бумажного документа, никакими компьютерами тогда не пользовались. А поскольку правительство всегда тратит больше денег впустую, чем расходует разумно, у него никогда не было достаточно средств, чтобы перевести всю бумажную документацию прошлых лет в компьютерные банки данных. Так что, если кто вас в чем-то и заподозрит, будет невозможно проверить записи о смерти с помощью компьютера за несколько минут. Надо будет ехать в муниципалитет, раскопать папки коронера за тот самый год и найти в них свидетельство о смерти Норы Эймс. Но и это нельзя сделать, поскольку мы берем на себя заботу о том, чтобы этот документ был изъят из архива, как только вы купите у нас личность.

— Мы вошли в файлы TPB — агентства, ведающего кредитами,— сказал один из близнецов-Спилбергов с нескрываемым восторгом.

Нора увидела, как на зеленых экранах забегали строчки, но ей, конечно, это ни о чем не говорило.

— Они сейчас выстраивают истории кредитов под наши новые личности,— объяснил ей Тревис.— К тому времени, когда мы где-нибудь осядем и поставим ДАТ и TPB в известность о перемене адреса, наш почтовый ящик будет завален предложениями по кредитным карточкам — «Виза», «Мастеркард», возможно, даже «Американ Экспресс» и «Карт-Бланш».

— Нора Джин Эймс,— тупо произнесла Нора, пытаясь уловить скорость, с которой создавались ее новые жизнь и личность.

Поскольку не удалось обнаружить сведений о ребенке, носившем имя Тревис и умершем в год рождения Корнелла, ему пришлось удовольствоваться именем Сэмюеля Спенсера Хайатта, родившегося в январе и скончавшегося в марте того года в Портленде, штат Орегон. Свидетельство о смерти будет изъято из муниципальных архивов, и таким образом новая личность Тревиса сможет выдержать довольно тщательную проверку.

Забавы ради (так по крайней мере сказали бородачи) они выстроили армейское прошлое для новой личности Тревиса, записав ему шесть лет в морской пехоте, а также наградив его орденом Пурпурного сердца и двумя поощрениями за храбрость, проявленную во время миротворческой миссии на Ближнем Востоке. К их восторгу, он спросил, не могут ли они также сделать настоящую лицензию агента по торговле недвижимостью на его новое имя. Потратив тридцать пять минут, они влезли в нужный банк данных и исполнили все, что он просил.

— Проще пареной репы,— сказал один из молодых людей.

— Проще пареной репы,— эхом отозвался второй.

Блондинка с фиалковыми глазами вернулась в комнату, неся водительские удостоверения с наклеенными на них фотографиями Норы и Тревиса.

— Вы оба вполне фотогеничны,— сказала она.

Через два часа двадцать минут после встречи с Ван Дайном Нора и Тревис вышли из бара «Хот Типс» с двумя длинными конвертами в руках, где находились комплекты документов, удостоверяющих их новые личности. Оказавшись на улице, Нора почувствовала легкое головокружение и, когда они шли к своей машине, держала Тревиса за руку.

Пока они были в баре, на город накатил туман. Мигающие огни и всплески неонового света на заведениях Тендерлойна смягчила мутная пелена — казалось, что каждый кубический сантиметр ночного воздуха наполнен странным светом, напоминающим северное сияние. В наступившей темноте эти неряшливые улицы манили к себе, но это могло подействовать только на того, кто не видел их при дневном свете.

Эйнштейн терпеливо ждал их возвращения.

— Мы так и не смогли переделать тебя в пуделя,— сказала Нора, защелкивая ремень безопасности.— Но о себе мы позаботились. Разреши представиться: Сэм Хайатт и Нора Эймс.

Ретривер положил морду на спинку переднего сиденья, посмотрел на нее, затем на Тревиса и фыркнул, давая понять, что разыграть его не удастся: он прекрасно знает, кто они на самом деле.

Обращаясь к Тревису, Нора сказала:

— Это в группе «Дельта» ты... узнал, что существуют такие места, как «Хот Типс», и люди типа Ван Дайна? Когда террористы проникают в страну, они таким же способом добывают себе документы?

— Да, некоторые идут к Ван Дайнам, но обычно это происходит не так. Большинство террористов получают документы от Советов. Ван Дайн обслуживает в основном незаконных иммигрантов, не бедных конечно, а также преступников, скрывающихся от ареста.

Пока он заводил мотор, Нора сказала:

— Но если ты смог найти Ван Дайна, то, наверное, люди, которые нас ищут, тоже выйдут на него.

— Наверное. Это займет у них много времени, но, вероятно, они смогут его разыскать в конце концов.

— Тогда они все узнают о наших новых личностях.

— Не узнают,— сказал Тревис, включая обогреватель стекол и «дворники».— Ван Дайн не держит архивов. Он не хочет, чтобы против него были доказательства. Если даже его найдут и устроят обыск в заведении, на компьютерах ничего не окажется, кроме бухгалтерских счетов бара.

Пока они ехали через город в направлении моста «Золотые Ворота», Нора зачарованно смотрела на пешеходов и автомобилистов, даже когда они покинули Тендерлойн. «Интересно,— спрашивала она себя,— сколько людей живет под настоящими именами и сколько является оборотнями, такими как я с Тревисом?»

— Меньше чем за три часа нас переделали в совершенно других людей,— сказала Нора вслух.

— В таком мире мы живем. Что означает «высокая» технология в первую очередь — так это максимальную гибкость. Весь мир становится все более и более гибким. Почти все финансовые сделки теперь осуществляются с помощью электро-

ники — деньги переводятся из Нью-Йорка в Лос-Анджелес — или вокруг света — за считанные секунды. Деньги мгновенно пересекают границы — их уже не надо перевозить, пряча от таможни. Большинство записей делаются в форме электрических сигналов, расшифровать которые может только компьютер. Все очень гибкое, легко меняющееся. Личности. Прошлое.

Нора сказала:

— Теперь даже генетическая структура видов живых существ не есть что-то незыблемое.

Эйнштейн тявкнул, как бы соглашаясь с этим утверждением.

— Страшно, правда? — спросила Нора.

— Страшновато,— ответил Тревис. Их машина приближалась к сияющему сквозь туман огнями южному концу моста «Золотые Ворота». Сам мост был почти не виден.— Но все-таки такая гибкость в основе своей — хорошая вещь. В социальной и финансовой сферах она гарантирует свободу. Я думаю и надеюсь, что со временем роль правительств неизбежно потеряет свою значимость, уже нельзя будет управлять людьми и контролировать их так же тщательно, как в прошлом. Тоталитарные режимы тогда не смогут больше удерживать власть.

— Это почему же?

— Ну сама посуди, как может диктатура контролировать общество, в котором существует максимальная гибкость, основанная на высоких технологиях? Единственный путь — это запретить все технические достижения, закрыть границы и сделать шаг назад — в прошлое. Но это было бы самоубийством для любой нации. Она бы не смогла выдержать мирового соревнования. Через несколько лет такая страна превратилась бы в государство современных аборигенов. Сейчас, например, Советы стараются не выпустить компьютеры за рамки оборонной промышленности. Но ведь долго это не может продолжаться. Им все равно придется компьютеризовать экономику и научить своих граждан пользоваться компьютерами — а как в таком случае они смогут держать гайки затянутыми,— ведь русские получат средство, с помощью которого можно манипулировать системой и избегать контроля над собой с ее стороны.

Южный въезд на мост оказался бесплатным. Они двинулись по мосту, на котором из-за погоды им пришлось резко снизить скорость.

Глядя вверх на призрачный скелет «Золотых Ворот», который блестел от влаги и прятался в тумане, Нора сказала:

— Ты думаешь, что лет через десять—двадцать на Земле наступит рай?

— Рай не наступит,— ответил Тревис.— Жизнь будет легче, безопаснее, счастливее. Но рая не будет. Все равно останутся проблемы человеческого сердца и больного разума. Новый мир принесет не только новые радости, но и новые беды.

— Такие, как случились с твоим домовладельцем.

— Да.

С заднего сиденья послышалось рычание Эйнштейна.

12

В тот же четверг, днем двадцать шестого августа, Винсент Наско подъехал к дому Джонни Струны Сантини в Сан-Клементе, чтобы забрать отчет за прошедшую неделю, из которого он узнал о гибели Теда Хокни в Санта-Барбаре накануне вечером. Состояние трупа, в особенности вырванные глаза, указывало на почерк Аутсайдера. Джонни также уверял: УНБ по-тихому взяло дело под свой контроль, а это наводило на мысль о беглецах из Бандайна.

Вечером Винс купил газету и за ужином в мексиканском ресторане прочитал заметку о Теде Хокни и о человеке по имени Тревис Корнелл, снимавшем у него дом. Сообщалось, что Корнелл, в прошлом торговец недвижимостью и бывший боец группы «Дельта», держал у себя в доме пантеру, которая и напала на Хокни. Винс, однако, знал, что история с пантерой — чушь, придуманная для отвода глаз. По заявлению полиции они хотели бы переговорить с Корнеллом и его неизвестной подругой, несмотря на то что обвинений против него выдвинуто не было.

В заметке упоминалось о собаке: «Корнелл и его подруга уехали из дома, взяв с собой золотистого ретривера».

«Если я найду Корнелла,— подумал Винс,— я найду собаку».

Это был первый прорыв в этом деле, который лишний раз убедил Винса в том, что ему суждено владеть этим псом.

Чтобы отпраздновать событие, он заказал еще морских закусок и еще пива.

13

В четверг вечером Нора, Тревис и Эйнштейн остановились в мотеле в графстве Марин, к северу от Сан-Франциско. Они купили шесть бутылок пива «Сан-Мигель» в универсальном магазине, а также заехали в ресторан и взяли навынос цыплят, бисквитов и шинкованной капусты. Ужинали они поздно в своей комнате.

Эйнштейну понравился цыпленок, и к тому же он проявил заметный интерес к пиву.

Тревис решил налить полбутылки пива в новую желтую пластмассовую миску, которую они купили для ретривера утром.

— Не больше, чем полбутылки, даже если тебе очень понравится,— предупредил он.— Ты мне нужен трезвый для вопросов и ответов.

После ужина они уселись втроем на огромной кровати, и Тревис распаковал игру «Скрэббл». Он положил доску игровой поверхностью вниз, а Нора помогла ему разложить карточки с буквами на двадцать шесть стопок.

Эйнштейн, на которого, казалось, совершенно не подействовало выпитое пиво, с интересом наблюдал за ними.

— О'кей,— сказал Тревис.— Мне необходимы более подробные ответы, чем просто «да» и «нет». Я подумал, что вот это нам поможет.

— Гениально,— ответила Нора.

Обращаясь к псу, Тревис сказал:

— Я задам тебе вопрос, а ты будешь выбирать карточки с буквами, необходимыми тебе для ответа, букву за буквой, слово за словом. Понял?

Эйнштейн моргнул, посмотрел на сложенные в стопки карточки, затем на Тревиса и «ухмыльнулся».

Тревис спросил:

— Ну вот и хорошо. Ты знаешь название лаборатории, из которой ты сбежал?

Эйнштейн ткнул носом в карточки с буквой Б.

Нора сняла карточку и положила ее на пустую часть доски.

Меньше чем за минуту на доске появилось слово «БАНОДАЙН».

— Банодайн,— задумчиво произнес Тревис.— Никогда не слыхал такого названия. Это полное название?

Пес заколебался, а затем стал указывать на разные буквы, в результате чего на доске возникло: «ЛАБОРАТОРНЫЙ КОМПЛЕКС БАНОДАЙН».

Тревис записал ответ в гостиничном блокноте, а затем разложил карточки обратно в стопки.

— Где находится Банодайн?

«ИРВИН».

— Похоже на правду,— сказал Тревис.— Я нашел тебя в лесу к северу от Ирвина. Ладно... Мы встретились во вторник, семнадцатого мая. Когда ты убежал из Банодайна?

Собака уставилась на карточки, заскулила, но ничего не выбрала.

— Ты уже достаточно много прочитал, чтобы разбираться в месяцах, неделях, сутках и часах,— сказал Тревис.— У тебя теперь есть чувство времени.

Бросив взгляд на Нору, пес опять заскулил.

Она сказала:

— У него есть чувство времени, но, когда он убежал, у него его не было, поэтому Эйнштейн и не может вспомнить, как долго находится в пути.

Пес сразу же начал выбирать буквы:

«ПРАВИЛЬНО».

— Ты знаешь имена кого-нибудь из ученых в Банодайне?

«ДЭВИС ВЭТЕРБИ».

Тревис записал имя в блокнот.

— Еще кого-нибудь?

Задумываясь над правописанием, Эйнштейн наконец сложил:

«ЛОУТОН ХЕЙНС, ЭЛ ХАДСТОН» и еще несколько имен.

Записав все эти имена в блокнот, Тревис сказал:

— Это люди, которые, наверное, разыскивают тебя?

«ДА. И ДЖОНСОН».

— Джонсон? — переспросила Нора.— Он тоже ученый?

«НЕТ».— Ретривер подумал с минуту, изучая стопки карточек, и затем вывел: «БЕЗОПАСНОСТЬ».

— Он начальник охраны в Банодайне? — спросил Тревис.

«НЕТ. БОЛЬШЕ».

— Наверное, какой-нибудь федеральный агент,— сказал Тревис, обращаясь к Норе, которая принялась укладывать буквы обратно в стопки.

Глядя на карточки, пес что-то проскулил, и Тревис хотел было сказать ему, что если он не помнит имя Джонсона, то и не надо. Но тут собака стала складывать:

«ЛЕМУЛЬ».

— Такого имени нет,— сказала Нора, подбирая карточки.

Эйнштейн попробовал еще раз:

«ЛАМУИЛ».

Потом еще:

«ЛИМУУЛ».

— Это тоже не имя,— сказал Тревис.

Пес сделал еще одну попытку:

«ЛЕМ Ю УИЛ».

Тревис догадался, что ретривер пытается изобразить фонетическое произношение имени, и сам разложил семь карточек: «ЛЕМЮЭЛЬ».

— Лемюэль Джонсон,— прочитала Нора.

Эйнштейн подскочил и ткнулся носом ей в шею.

Он весь завертелся от удовольствия, что его поняли, и кровать заскрипела от его прыжков.

Затем пес вернулся к карточкам и выложил: «ТЕМНЫЙ ЛЕМЮЭЛЬ».

— Темный? — переспросил Тревис.— Ты имеешь в виду «злой»?

«НЕТ. ТЕМНЫЙ».

— Опасный, что ли? — спросила Нора.

Собака фыркнула на нее, потом на Тревиса, стараясь подчеркнуть их тупость.

«НЕТ. ТЕМНЫЙ».

С минуту они сидели молча, напряженно думая. Наконец Тревис сказал:

— Черный! Ты хочешь сказать, что Лемюэль Джонсон — чернокожий.

Эйнштейн негромко тявкнул, покачал вверх-вниз головой и завилял хвостом.

Затем с их помощью он набрал невиданно длинную фразу:

«ВЫ НЕ СОВСЕМ ЕЩЕ БЕЗНАДЕЖНЫЕ».

Нора засмеялась.

— Остряк,— сказал Тревис.

Его переполняло чувство радости, которое он не смог бы описать словами. До сегодняшнего дня они не общались с ретривером на протяжении нескольких недель, но игра с алфавитом предоставила им новые громадные возможности для взаимопонимания. Еще в большей степени, чем раньше, Эйнштейн становился для них чем-то вроде ребенка. К этому добавлялось еще и пьянящее чувство прорыва через границы обыденного человеческого опыта, ощущение перехода в другое измерение. Конечно, Эйнштейн — уникальный пес, его интеллект сродни человеческому, но сам-то он все-таки — животное, и поэтому его умственные способности хотя и близки к человеческим, но все же качественно другие, а это привносит в общение с ним оттенок тайны и создает впечатление невероятности происходящего. Глядя на фразу «ВЫ НЕ СОВСЕМ ЕЩЕ БЕЗНАДЕЖНЫЕ», Тревис подумал, что она может быть понята как послание, адресованное всему человечеству.

В последующие полчаса они продолжали расспрашивать Эйнштейна, и Тревис записывал все его ответы. Вскоре они заговорили о желтоглазом монстре, убившем Теда Хокни.

— Что это за мерзкая тварь? — спросила Нора.

«АУТСАЙДЕР».

Тревис переспросил:

— Аутсайдер? Что ты имеешь в виду?

«ТАК ЕГО НАЗВАЛИ».

— Люди в лаборатории? — спросил Тревис.— Почему они назвали его Аутсайдером?

«ПОТОМУ ЧТО ОН ЧУЖОЙ».

Нора сказала:

— Я не понимаю.

«ДВА УСПЕХА. ОН И Я. Я — СОБАКА. ОН — ТО, ЧЕМУ НЕТ НАЗВАНИЯ. АУТСАЙДЕР».

Тревис спросил:

— Он тоже умный?

«ДА».

— Такой же, как ты?

«МОЖЕТ БЫТЬ».

— Господи,— произнес Тревис, потрясенный.

Эйнштейн издал жалобный звук и положил голову Норе на колено, прося, чтобы его приласкали.

Тревис спросил:

— Зачем понадобилось создавать такое существо?

Пес вернулся к карточкам.

«УБИВАТЬ ДЛЯ НИХ».

По спине Тревиса пробежал холодок.

— Кого же он должен убивать?

«ВРАГОВ».

— Каких врагов? — спросила Нора.

«НА ВОЙНЕ».

От отвращения Тревиса чуть не стошнило. Он оперся о спинку кровати. Помнится, он говорил Норе, что мир, в котором не будет нуждающихся, мир всеобщей свободы, еще не есть рай, поскольку существуют проблемы человеческого сердца и больного разума.

Обращаясь к собаке, он сказал:

— Значит, по-твоему, выходит, что Аутсайдер — прототип генетически сконструированного солдата. Что-то вроде... очень умной полицейской собаки, предназначенной для боевых действий?

«ОН СДЕЛАН ДЛЯ УБИЙСТВА. ОН ХОЧЕТ УБИВАТЬ».

Прочитав это, Нора пришла в ужас.

— Но это сумасшествие. Как можно управлять таким чудовищем? Оно же может повернуться против своих хозяев.

Тревис сел прямо.

— Почему Аутсайдер ищет тебя?

«НЕНАВИДИТ МЕНЯ».

— Почему?

«НЕ ЗНАЮ».

Пока Нора собирала карточки, Тревис спросил:

— Он и дальше будет искать тебя?

«ДА. ВСЕГДА».

— Но как такое существо может передвигаться незамеченным?

«НОЧЬЮ».

— Тем не менее...

«ТАК ДВИГАЮТСЯ КРЫСЫ».

Нора спросила с озадаченным видом:

— Но как Аутсайдер выслеживает тебя?

«ЧУВСТВУЕТ МЕНЯ».

— Чувствует тебя? Как это?

Ретривер долго соображал, несколько раз принимался отвечать и наконец разложил: «НЕ МОГУ ОБЪЯСНИТЬ».

— А ты его чувствуешь? — спросил Тревис.

«ИНОГДА».

— А сейчас?

«ДА. ОН ДАЛЕКО».

— Очень далеко,— согласился Тревис.— За сотни миль отсюда. И он может отыскать тебя на таком расстоянии?

«ДАЖЕ ДАЛЬШЕ».

— А сейчас Аутсайдер тебя выслеживает?

«ПРИБЛИЖАЕТСЯ».

Тревиса пробила холодная дрожь.

— Когда он разыщет тебя?

«НЕ ЗНАЮ».

Пес выглядел испуганным и дрожал.

— Скоро? Он скоро придет сюда?

«МОЖЕТ БЫТЬ, НЕ ОЧЕНЬ».

Тревис увидел, как побледнела Нора. Он положил ладонь ей на колено и сказал:

— Мы не станем убегать от него, черт нас дери. Мы найдем дом, поселимся в нем и будет ждать. Мы подготовимся к приходу Аутсайдера и сами разделаемся с ним.

Все еще дрожа, Эйнштейн стал тыкаться носом в карточки, и Тревис помог ему вывести: «Я ДОЛЖЕН УЙТИ».

— Что ты имеешь в виду?

«Я ПОДВЕРГАЮ ВАС ОПАСНОСТИ».

Нора обняла ретривера за шею и прижала к себе.

— Выбрось это из головы. Ты часть нас самих. Мы семья, черт возьми, и мы будем держаться вместе, *как положено семье*.— Она взяла в ладони песью морду и, приставив свой нос к его носу, внимательно посмотрела ему в глаза.— Если однажды я проснусь утром и увижу, что тебя нет, у меня разорвется сердце.— В глазах у нее стояли слезы, и голос дрогнул: — Понимаешь, мохнатая морда? Я не выдержу, если ты уйдешь.

Ретривер отстранился от нее и начал выбирать карточки: «Я УМРУ».

— Ты умрешь, если уйдешь от нас? — спросил Тревис.

Пес сложил еще несколько карточек и стал ждать, когда смысл его следующей фразы дойдет до них: «Я УМРУ ОТ ОДИНОЧЕСТВА».

Часть II

ХРАНИТЕЛЬ

Глава восьмая

1

В четверг, когда Нора уехала на машине к доктору Вейнгольду, Тревис и Эйнштейн отправились бродить по холмам и лесам позади дома, который они купили в красивом прибрежном районе Калифорнии под названием Биг Сюр.

На лишенных деревьев холмах осеннее солнце нагрело камни, а редкие облака легкой тенью скользили по земле. Бриз, поднявшийся с Тихого океана, с шуршанием шевелил сухие золотистые травы. Воздух был прохладен. Тревис чувствовал себя уютно в джинсах и рубашке с длинными рукавами.

В руках у него было короткоствольное самозарядное ружье двенадцатого калибра с пистолетной рукояткой. Он всегда брал его с собой на такие прогулки. Если бы кто-нибудь поинтересовался, зачем оно ему, он сказал бы, что вышел поохотиться на гремучих змей.

Там, где деревья росли густо, яркое утро меркло и воздух был холоднее. В такие моменты Тревис радовался, что догадался надеть байковую рубашку. Массивные сосны, небольшие рощицы секвой и лиственных деревьев, обычно встречающихся в предгорьях, плохо пропускали солнечные лучи, поэтому здесь царил вечный полумрак. Местами попадались заросли кустарника: непроходимые чащи вечнозеленых дубков, которые иногда называют чаппаралем, да множество папоротников в цвету благодаря частым туманам и влажному прибрежному воздуху.

Эйнштейн то и дело принюхивался к следам кугуаров и настаивал на том, чтобы Тревис посмотрел на отпечатки лап этих лесных кошек, оставленных в сырой почве. К счастью, пес хорошо понимал всю опасность преследования этих животных и подавлял в себе естественное желание пойти по их следу.

Ретривер удовлетворялся тем, что наблюдал за местной фауной. Часто в пути им попадались пугливые олени, пробегавшие по своим тропам. В местах, где они бродили, водилось много енотов, за которыми было интересно наблюдать. Хотя некоторые из них вели себя вполне дружелюбно, Эйнштейн знал: лучше их не трогать, и держался от них на почтительном расстоянии.

Однажды на подобной прогулке Эйнштейн очень удивился тому, в какой ужас приходят белки, когда он к ним приближается: застывают на месте и таращат со страху глаза. Видно даже, как колотятся их маленькие сердечки.

«ПОЧЕМУ БЕЛКИ БОЯТСЯ?» — спросил он у Тревиса однажды вечером.

— Инстинкт,— объяснил тот.— Ты собака, а они инстинктивно чувствуют, что ты можешь напасть на них.

«ТОЛЬКО НЕ Я».

— Конечно, не ты,— сказал Тревис, потрепав его по загривку.— Ты не сделаешь им ничего плохого. Но ведь белки об этом не знают. Для них ты — собака, ты пахнешь собакой, поэтому они тебя и боятся.

«МНЕ НРАВЯТСЯ БЕЛКИ».

— Я знаю. К сожалению, они слишком глупы, чтобы это понять.

Впоследствии Эйнштейн старался не приближаться к белкам, чтобы не путать их. Иногда, проходя мимо, он отворачивал морду в сторону, делая вид, что не замечает зверьков.

Сегодня же был особенный день. Белки, олени, птицы, еноты и другие представители лесной фауны мало занимали их.

Даже открывающиеся время от времени виды Тихого океана не привлекали их внимания. Они бродили здесь только для того, чтобы скоротать время и не думать о Норе.

Тревис постоянно посматривал на часы и специально выбрал круговой маршрут, который должен был привести их обратно домой к часу дня — когда предположительно вернется Нора.

Сегодня было двадцать первое октября — прошло уже восемь недель после того, как они сменили свои личности в Сан-Франциско. Хорошенько поразмыслив, они решили двинуться на юг, навстречу Аутсайдеру. Все равно — по их мнению — он найдет их, чтобы разделаться с Эйнштейном, поэтому лучше не оттягивать время конфронтации.

С другой стороны, им не хотелось рисковать, забираясь слишком далеко на юг, к Санта-Барбаре, поскольку Аутсайдер мог добраться до них быстрее, чем дошел летом из графства Ориндж до Санта-Барбары. Нельзя полагаться на то, что он будет преодолевать не более трех-четырех миль в день. Если Аутсайдер будет двигаться быстрее, то разыщет их прежде, чем они сумеют подготовиться к встрече. Район Биг Сюр показался им идеальным местом, так как был малонаселенным и находился в ста девяноста милях от Санта-Барбары. Если Аутсайдер будет идти за Эйнштейном так же медленно, как и раньше, то это займет у него почти пять месяцев. Если же ему удастся удвоить скорость передвижения по открытым пространствам и холмам, то все равно он доберется до них не раньше второй недели ноября.

День этот неумолимо приближался, но Тревис уже сделал все необходимые приготовления и теперь почти с нетерпением ожидал появления Аутсайдера. В то же время Эйнштейн пока не ощущал близкой опасности. Таким образом, у них было в запасе достаточно времени, чтобы испытать свое терпение.

К четверти первого Тревис с ретривером дошли до конца маршрута, пролегавшего через холмы и каньоны, и вернулись во двор своего нового дома. Это было двухэтажное строение со стенами из морского дерева, крышей из кедрового теса и двумя массивными печными трубами с северной и южной сторон. На запад и восток выходили два крыльца, с которых открывался прекрасный вид на лесистые склоны.

Поскольку снег здесь никогда не выпадал, крыша была не очень крутой — по ней можно было даже ходить. Именно на крыше Тревис устроил первое оборонительное сооружение. Сейчас, выйдя на опушку леса, он поднял глаза и увидел трапы из деревянных брусков, установленные им на крыше. По этим трапам будет легко и безопасно передвигаться по наклонным плоскостям. Если Аутсайдер подкрадется к дому ночью, он не сможет попасть внутрь через окна первого этажа, потому что на ночь они запираются внутренними ставнями. Тревис сам установил их, и они могут противостоять любому непрошеному гостю, кроме, пожалуй, какого-нибудь сумасшедшего громилы, вооруженного топором. Обнаружив препятствие, Аутсайдер, скорее всего, залезет по столбам на крышу переднего или заднего крыльца, чтобы проникнуть в дом через окна второго этажа, которые укреплены так же, как и нижние. В это время, получив предупреждение от инфракрасной системы сигнализации, установленной Тревисом три недели назад, он вылезет на крышу через чердачный люк. Наверху, воспользовавшись трапами, Тревис сможет подобраться к краю, откуда ему откроется вид на крышу крыльца и на двор. С этой точки, недосягаемой для Аутсайдера, он и откроет по нему огонь.

В двадцати ярдах к востоку от дома находился ржавого цвета амбар, дальняя стена которого почти упиралась в опушку леса. В состав усадьбы не входили культивируемые угодья, и предыдущий владелец, очевидно, использовал амбар в качестве конюшни и курятника. Тревису и Норе он служил гаражом, поскольку проселочная дорога, соединявшая их участок с шоссе, заворачивала мимо дома как раз к амбарным дверям.

Тревис предполагал, что, когда Аутсайдер прибудет на место, он произведет внешний осмотр дома сначала из-за деревьев, а затем прячась за амбаром. Возможно, попытается устроить там засаду, поджидая, когда они придут за пикапом «додж» или за «тойотой». Поэтому Тревис приготовил в амбаре несколько сюрпризов для Аутсайдера.

Ближайшие соседи, которых Нора и Тревис видели только однажды, жили в четверти мили к северу от их усадьбы, отделенные деревьями и зарослями чаппараля. Шоссе проходило довольно близко, но по ночам там почти не было движения, а Аутсайдер, скорее всего, появится именно ночью. Если в схват-

ке с ним придется много стрелять, эхо от выстрелов прокатится по холмам и многократно отразится в лесу — соседям или проезжающим по шоссе автомобилистам будет трудно понять, откуда именно прозвучали выстрелы. Поэтому Аутсайдера надо успеть убить и закопать прежде, чем появятся первые любопытные.

Сейчас же, больше думая о Норе, чем об Аутсайдере, Тревис поднялся на заднее крыльцо, открыл двойной замок и, сопровождаемый Эйнштейном, вошел в дом. Там была кухня, которая могла служить одновременно и столовой, несмотря на ее размеры, там было довольно уютно: отделанные дубом стены, пол, выложенный мексиканской плиткой, стойки из бежевого кафеля, дубовые шкафчики, текстурно оштукатуренный потолок и прекрасное оборудование. Вокруг стола, сделанного из большой деревянной плахи, стояли мягкие, удобные стулья, а каменный очаг превращал это помещение в главную комнату дома.

Там было еще пять комнат: огромная гостиная и холл на первом этаже и три спальни на втором. Кроме того, на каждом этаже размещалась ванная. Одной спальней они пользовались вместе, вторая служила Норе студией, где она немного занималась живописью, а третья пустовала до поры до времени.

Тревис включил свет на кухне. Хотя дом стоял особняком, но до шоссе было всего около двухсот ярдов, и к строению сделали ответвление от линии электропередачи.

— Я буду пиво,— сказал Тревис.— Тебе дать что-нибудь?

Эйнштейн подошел к пустой миске для воды, стоявшей в углу рядом с миской для еды, и стал толкать ее перед собой к раковине.

Тревис и Нора не рассчитывали на приобретение такого дома вскоре после отъезда из Санта-Барбары, так как, позвонив Гаррисону Дилворту, узнали, что банковские счета Тревиса заморожены. Им еще повезло! Они смогли провести через банк чек на двадцать тысяч долларов. Адвокат перевел часть средств Тревиса и Норы в восемь кассирных чеков, как и планировалось, и выслал их Тревису на имя Сэмюэля Спенсера Хайатта в мотель, где Нора и Тревис прожили около недели. Двумя днями позже, однако, они получили пакет с чеками и запиской, в которой Гаррисон сообщал, что ему удалось продать Норин дом за неплохую шестизначную сумму.

Разговаривая с ним по телефону, Нора сказала:

— Даже если вы на самом деле продали дом, вряд ли вам удалось закончить оформление и получить деньги так быстро.

— Верно,— сказал адвокат.— Оформление будет длиться еще месяц. Но вам нужны деньги сейчас, поэтому я авансирую вас.

Они положили деньги на два банковских счета в Кармеле — городке, находившемся в тридцати с лишним милях от их теперешнего местонахождения. После того как Тревис и Нора купили себе новый пикап, они отогнали «мерседес» Гаррисона в аэропорт Сан-Франциско и оставили его там на стоянке. Затем, поехав в южном направлении мимо Кармела вдоль побережья, начали присматривать подходящий дом в районе Биг Сюр. Когда они нашли вот этот дом, то заплатили за него наличными. В их положении гораздо разумнее было приобрести дом, чем арендовать, и при покупке заплатить наличными, а не оформлять рассрочку, поскольку это давало им возможность избежать лишних вопросов.

Тревис не сомневался, что их новые документы не подведут, но не хотел испытывать судьбу раньше времени. Кроме того, став домовладельцами, они превращались в респектабельных граждан, сводя к минимуму возможность подозрения насчет их личностей.

Пока Тревис доставал бутылку пива из холодильника, открывал пробку и делал большой глоток прямо из горлышка, Эйнштейн проследовал в кладовку, дверь в которую была постоянно приоткрыта, и, нажав лапой на педаль, установленную специально для него Тревисом, включил свет.

Помимо полок с запасами консервов там находилось сложное устройство, сконструированное Тревисом и Норой для облегчения общения с собакой. Устройство располагалось у задней стены: двадцать восемь прозрачных трубок восемнадцати дюймов в высоту. К каждой трубке была внизу приделана педаль. В двадцати шести трубках разместились алфавитные карточки из игры «Скрэббл», по нескольку штук на каждую букву, для того чтобы Эйнштейн мог составлять длинные фразы. Спереди на каждой трубке была приклеена буква, соответствующая тем, что находились внутри: А, Б, В, Г и так далее. В двух оставшихся трубках хранились карточки, на которых Тревис

изобразил запястье и вопросительные знаки. (Они решили, что без точек можно обойтись.) Эйнштейн научился сбрасывать карточки, нажимая на педали, а затем носом выстраивать буквы в ровную линию на полу. Тревис и Нора решили поставить аппарат в кладовке, подальше от посторонних глаз, чтобы им не пришлось ничего объяснять, если вдруг к ним случайно кто-нибудь зайдет.

Пока Эйнштейн нажимал на педали и стучал карточками, Тревис вынес бутылку с пивом и собачью миску для питья на переднее крыльцо. Там они будут ждать Нору. Вернувшись в дом, он обнаружил, что Эйнштейн уже выложил фразу:

«МОЖНО МНЕ ГАМБУРГЕР ИЛИ ТРИ СОСИСКИ?»

Тревис сказал:

— Я буду обедать вместе с Норой, когда она придет. Может, подождешь и поешь вместе с нами?

Ретривер облизнулся и с минуту пребывал в раздумье. Затем он осмотрел выстроенную им из карточек фразу, отодвинул несколько штук в сторону и нажатием педали сбросил несколько новых.

«О'КЕЙ. НО Я ГОЛОДНЫЙ».

— Ничего, не умрешь,— сказал Тревис. Он собрал с пола карточки и разложил их по трубкам.

Затем Тревис взял ружье, прислоненное к косяку задней двери, и, выйдя на переднее крыльцо, положил его рядом с креслом-качалкой. Эйнштейн выключил свет в кладовке и присоединился к Тревису.

Они застыли в напряженном ожидании: Тревис в кресле, пес на полу.

Теплый октябрьский воздух звенел от пения птиц.

Тревис потягивал пиво, а собака время от времени лакала воду из своей миски. Потом они молча смотрели на проселочную дорогу, скрывавшуюся в гуще деревьев, за которыми находилось шоссе.

В перчаточном отделении своей «тойоты» Нора держала пистолет тридцать восьмого калибра, заряженный пулями с мягкими наконечниками. За несколько недель, проведенных здесь, она научилась водить машину и — с помощью Тревиса — стрелять из пистолета, а также из автоматического пистолета «узи» и из ружья. Правда, поездка в Кармел не была связана с особыми опасностями. Даже если в этих местах уже

бродит Аутсайдер, ему нужна не Нора, а собака. Поэтому ей вряд ли что-нибудь грозит.

Но почему ее так долго нет?

Тревис пожалел, что отпустил ее одну. Но после почти тридцати лет зависимости и страха самостоятельные поездки в Кармел были для нее средством, с помощью которого Нора утверждала и испытывала свою вновь обретенную силу, независимость и уверенность в себе. Она бы не захотела ехать вместе с ним.

К половине второго, когда Нора опаздывала уже на полчаса, у Тревиса появилось противное, тянущее чувство в животе, а Эйнштейн поднялся и начал ходить взад-вперед по крыльцу.

Минут через пять ретривер первым услышал звук свернувшей с шоссе машины, сорвался с крыльца и выбежал на обочину проселочной дороги.

Тревису не хотелось, чтобы Нора видела его взволнованным, она могла истолковать это как неверие в ее способность к самостоятельным действиям — а этой способностью она как раз обладала и гордилась. Поэтому Тревис остался сидеть в кресле, сжимая в руке бутылку «Короны».

Когда из-за деревьев показалась голубая «тойота», он вздохнул с облегчением. Проезжая мимо дома, Нора посигналила. На ней были голубые джинсы и рубашка в желто-белую клетку. Тревис, правда, считал, что даже в этом наряде она не затерялась бы на балу, танцуя рядом с разодетыми и усыпанными драгоценностями принцессами.

Нора подошла к нему и поцеловала. Губы у нее были теплые.

— Скучал по мне?

— Без тебя зашло солнце, умолкли птицы и померкли все радости жизни,— сказал Тревис, пытаясь отшутиться, но голос его прозвучал серьезно.

Эйнштейн терся о ее ноги, скулил и заглядывал в глаза, как бы спрашивая: *Ну как?*

— Он прав,— сказал Тревис.— Так не годится. Ты держишь нас в неведении.

— Все, как я думала.

— Думала?

— Ну да. Все подтвердилось,— улыбнулась Нора.

— Вот это да! — сказал он.

— Все в порядке. Я готовлюсь стать мамой.

Тревис вскочил, обнял ее и поцеловал.

— Доктор Вейнгольд не может ошибаться?

— Нет, он хороший доктор,— сказала она.

— Но он назвал срок? Когда?

— Ребеночек появится на третьей неделе июня.

Тут вмешался Эйнштейн, которому очень хотелось лизнуть ее и выразить свой восторг.

— Мы это дело отпразднуем,— предложила Нора.— Я привезла холодненькую бутылочку игристого.

На кухне, вынимая бутылку из бумажного пакета, Тревис увидел, что это был игристый яблочный сидр — безалкогольный.

— Такое событие заслуживало бы самого лучшего шампанского,— заметил он.

Доставая бокалы из буфета, Нора сказала:

— Это, наверное, глупо... но я не хочу рисковать, Тревис. Я никогда не думала, что у меня будет ребенок, не могла даже мечтать об этом, и теперь у меня такое чувство, что, если я не буду соблюдать осторожность, делать все по правилам, он может погибнуть. Поэтому я не возьму в рот ни капли спиртного, пока малыш не родится. Я ограничу себя в нарном мясе и буду есть очень много овощей. Я не курю, поэтому эта проблема сразу снимается. Я буду следить за своим весом, в точности как говорит мне доктор Вейнгольд, и у меня родится самый лучший ребенок на свете.

— Ну конечно,— сказал Тревис, наполняя бокалы сидром и наливая немножко в миску Эйнштейну.

— Все будет очень хорошо,— сказала Нора.

— Абсолютно все,— подтвердил Тревис.

Они выпили за ребеночка — и за Эйнштейна, который станет ему крестным отцом, дядей, дедушкой и мохнатым ангелом-хранителем в одном лице.

Никто из них не вспомнил об Аутсайдере.

Поздно вечером, когда они, прижавшись друг к другу, лежали в темной спальне, обессиленные от любви, прислушиваясь к тому, как их сердца стучат в унисон, Тревис осмелел и спросил:

— Может быть, нам не стоило заводить ребенка ввиду предстоящих событий?

— Тсс,— прошептала Нора.

— Но...

— Мы не планировали этого ребенка,— произнесла она.— Мы даже предохранялись. Но так уж получилось. То, что все наши предостережения не подействовали,— это знак судьбы. Тебе не кажется? Та, прежняя, Нора могла бы сказать: ребенка не должно быть. Но нынешняя говорит: ему суждено родиться. Это подарок судьбы, такой же как Эйнштейн.

— Но нам еще предстоит...

— А это не имеет никакого значения,— перебила его Нора.— С этим мы справимся. Все будет хорошо. Мы к этому готовы. А когда с этим будет покончено, у нас будет ребенок и мы вместе начнем новую жизнь. Я люблю тебя, Тревис.

— И я люблю тебя,— сказал он.— Боже, как я тебя люблю.

Тревис осознал, как сильно она изменилась с тех пор, как они встретились в Санта-Барбаре весной. Из женщины-мышки Нора превратилась в сильную, целеустремленную натуру, которая теперь уже пытается успокоить его самого. И у нее это получается. После разговора с ней Тревис почувствовал себя лучше. Он стал думать о ребенке и улыбнулся в темноте, уткнувшись лицом ей в шею. Несмотря на то что судьба взяла у него трех заложников — Нору, будущего ребенка и Эйнштейна,— настроение у Тревиса было намного лучше, чем когда-либо раньше. Нора развеяла все его страхи.

2

Винсент Наско сидел в итальянском кресле, украшенном вычурной резьбой и покрытом блестящим лаком. После нескольких веков регулярной полировки он приобрел необычайную прозрачность.

Справа от Винса находился диван, еще два кресла и низкий стол — очень элегантный ансамбль, за ним возвышались шкафы, заполненные книгами в кожаных переплетах, которые никто ни разу не читал. Винс знал это наверняка, потому что хозяин кабинета, Марио Тетранья, однажды указал на них с гордым видом и сказал:

— Дорогие книги. И совершенно новенькие, потому что никто их не читал. Ни одну из них.

Спереди находился огромный письменный стол, за ним Марио изучал отчеты о доходах от своих менеджеров, давал указа-

ния о новых мероприятиях и издавал приказы о ликвидации тех или иных людей. Сейчас он с закрытыми глазами сидел за столом, слишком грузный для своего кожаного кресла. У него был такой вид, будто он только что скончался от закупорки вен и ожирения сердца,— на самом же деле Тетранья обдумывал просьбу Винса.

Марио Отвертка — уважаемый глава своей Семьи и наводящий страх дон, стоящий во главе целого клана Тетранья, контролирующего торговлю наркотиками, игорный бизнес, проституцию, ростовщичество, порнографию и другие виды организованной преступности в Сан-Франциско, был низеньким — пять футов семь дюймов, толстеньким — триста фунтов — человечком с лицом, похожим на кусок жирной колбасы. С трудом верилось, что этот пухлый субъект своими руками выстроил целую преступную организацию. Конечно, и Тетранья был когда-то молодым, но и тогда Марио представлял собой коротышку, глядя на которого становилось ясно: он был и будет толстяком всю свою жизнь. Его пухлые, с короткими пальцами ручки напоминали Винсу руки ребенка, но именно этими руками вершились судьбы членов семейной империи.

Когда Винс взглянул Марио Тетранье в глаза, он сразу понял: малый рост и слишком обрюзгший вид дона не имеют никакого значения. Глаза у него были как у рептилии: холодные, колючие и спокойные. Если собеседник не проявлял должной осторожности или же вызывал у него неудовольствие, дон мог загипнотизировать его своим взглядом и проглотить точно так же, как змея заглатывает парализованную страхом мышь: целиком.

Винсу очень нравился Тетранья. Он смотрел на него как на великого человека, и ему очень хотелось, чтобы дон знал: он тоже избранник судьбы. Однако Винс никому не рассказывал об этом, так как однажды в прошлом был поднят на смех человеком, которому, как ему показалось, можно было доверять.

Дон Тетранья наконец открыл свои змеиные глаза и сказал:

— Я хочу быть уверен, что правильно тебя понял. Ты ищешь человека. Это не по линии нашей Семьи. Это твое личное дело.

— Да, сэр,— подтвердил Винс.

— Ты считаешь, этот человек мог купить себе фальшивые документы и сейчас живет под другой фамилией. Он что, знает, как добыть себе такие документы, хотя и не является членом ни одной Семьи и не входит в fratellanza?

— Да, сэр. У него такое прошлое, что... он может знать, как это делается.

— И ты полагаешь, что ему удалось заполучить документы либо в Лос-Анджелесе, либо здесь,— сказал дон Тетранья, махнув своей мягкой розовой ручкой в сторону окна, за которым виднелись очертания Сан-Франциско.

Винс сказал:

— Двадцать четвертого августа он выехал на машине из Санта-Барбары, поскольку по каким-то причинам не мог улететь на самолете. Мне кажется, ему необходимо изменить личность как можно быстрее. Сначала я было подумал, что он переберется на юг и будет добывать себе документы в Лос-Анджелесе, так как это было ближе всего. Я почти два месяца потратил на то, чтобы связаться со всеми людьми в Лос-Анджелесе и даже в Сан-Диего, к которым он мог обратиться по поводу надежных документов. Мне дали там несколько наводок, но ни одна из них не подтвердилась. Значит, если из Санта-Барбары он поехал не на юг, то единственное место, где он мог найти документы...

— Это наш прекрасный город,— подхватил дон Тетранья, опять махнув в сторону окна и улыбнувшись.

Винсу показалось, что дон улыбается оттого, что ему действительно нравится этот город, но потом понял: это была улыбка алчного человека, предвкушающего поживу.

— И ты хочешь,— продолжал Тетранья,— чтобы я дал тебе имена людей, которые имеют от меня разрешение на изготовление документов такого уровня, который нужен этому твоему объекту?

— Если бы вы были настолько добры, чтобы предоставить мне такую информацию, я был бы вам очень обязан.

— Эти люди ведь не держат архивов.

— Да, сэр, но они могут что-нибудь вспомнить.

— Воспоминания не являются частью их бизнеса.

— Но человек запоминает многое против своего желания.

— Это верно. И ты можешь поклясться, что человек, которого ты разыскиваешь, не принадлежит ни к одной Семье?

— Клянусь.

— Это дело никоим образом не должно обнаружить связь с моей Семьей.

— Клянусь.

Дон Тетранья опять закрыл глаза, но ненадолго. Когда он открыл их вновь, его лицо расплылось в широкой улыбке, но, как всегда, без тени веселья. Это был один из самых невеселых толстяков, которых когда-либо приходилось видеть Вину.

— Когда твой отец женился на шведской девушке, вместо того чтобы выбрать жену своей национальности, его семья пришла в отчаяние и приготовилась к худшему. Но твоя мать оказалась хорошей женщиной, спокойной и послушной. А потом родился ты — очень красивый сын. Но ты не только красив, Винсент, ты еще и настоящий боец. Ты отлично, чисто поработал на Семьи в Нью-Йорке и Нью-Джерси, в Чикаго и здесь, на побережье. Не так давно ты оказал мне большую услугу, раздавив этого таракана Пантанджелу.

— И за это я был вами щедро вознагражден, дон Тетранья.

Отвертка пренебрежительно махнул рукой:

— Мы все получаем за свой труд. Сейчас разговор не о деньгах. Твоя преданность и отличная служба измеряются годами и стоят больше, чем деньги. Поэтому я должен тебе по крайней мере единожды.

— Благодарю вас, дон Тетранья.

— Ты получишь имена тех, кто изготавливает такие документы в этом городе, а я позабочусь о том, чтобы их предупредили о твоем визите. Тебе будет оказана всесторонняя поддержка.

— Раз вы так говорите, так и будет,— сказал Винс, вставая и делая полупоклон.— Я знаю, что так и будет.

Дон жестом приказал ему сесть.

— Но прежде чем ты займешься этим своим частным вопросом, я бы хотел дать тебе одно поручение. В Окленде есть человек, который очень огорчает меня. Он думает, что я не трону его, потому что у него большие политические связи и хорошая охрана. Его зовут Рамон Веласкес. Это будет трудное задание, Винсент.

Винс сделал над собой усилие, чтобы скрыть охватившие его отчаяние и раздражение. Именно сейчас ему совсем не хотелось браться за хлопотное дело. Винсу нужно было сконцентрировать все свои силы на поисках Тревиса Корнелла и собаки.

Но он знал, что задание, которое давал ему Тетранья, было не просьбой, а условием. Для того чтобы получить имена людей, занимающихся подделкой документов, он должен будет сначала убрать Веласкеса.

Винс сказал:

— Почту за честь раздавить любое насекомое, укусившее вас. И на этот раз это ничего вам не будет стоить.

— Нет-нет, я обязательно заплачу тебе, Винсент.

Улыбаясь самым любезным образом, Винс сказал:

— Прошу вас, дон Тетранья, разрешите мне оказать вам эту услугу. Это доставит мне истинное удовольствие.

Тетранья притворился, что обдумывает просьбу, хотя несомненно рассчитывал на подобное предложение. Он похлопал себя обеими ладонями по огромному брюху.

— Везучий я человек. Куда бы я ни повернулся, люди готовы оказывать мне услуги.

— Дело не в везении, дон Тетранья,— проговорил Винс, которого уже тошнило от этого манерного разговора.— Вы пожинаете то, что сеете, и если вы пожинаете доброту, то это потому, что сами щедро посеяли ее семена.

Просияв от удовольствия, Тетранья принял предложение Винса убрать Веласкеса бесплатно. Ноздри его поросячьего носа раздувались, как от запаха вкусной еды. Он сказал:

— Скажи мне... мне просто интересно, что ты сделаешь с тем человеком, с которым у тебя вендетта, когда найдешь его?

«Вышибу мозги и заберу собаку»,— подумал Винс.

Он знал, однако, что от него, наемного убийцы, всеобщего любимца, Отвертка хотел услышать что-нибудь менее прозаическое, поэтому Винс сказал:

— Дон Тетранья, я отрежу ему яйца, уши и вырежу ему язык, а потом воткну ему лезвие в сердце и заставлю его замолчать навсегда.

Глазки толстяка одобрительно заблестели, а ноздри раздулись.

3

Наступил День благодарения, но Аутсайдер не нашел дом из мореного дерева в районе Биг Сюр.

Каждую ночь Тревис и Нора запирали изнутри ставни на окнах и двери. Поднявшись на второй этаж, они ложились

спать, положив ружья рядом с кроватью, а револьверы на тумбочки.

Иногда глубокой ночью они просыпались от странного шума во дворе или на крыше крыльца. Эйнштейн начинал ходить от окна к окну, усиленно принюхиваясь, но всем своим видом показывал, что бояться нечего. Выглянув наружу, Тревис обычно обнаруживал источник шума: енота или другого лесного обитателя.

Праздник Благодарения превзошел ожидания Тревиса. Они с Норой приготовили традиционный обед на троих: зажаренную индейку с каштановым соусом, запеканку, морковное заливное, печеную кукурузу, салат из перца, рогалики и тыквенный пирог.

Эйнштейн попробовал все блюда, поскольку, в отличие от обычных собак, у него были хорошо развиты вкусовые ощущения. И хотя салат из перца ему совсем не понравился, от индейки он пришел в восторг. Целый день потом пес занимался тем, что обгладывал косточки.

Наблюдая за Эйнштейном на протяжении многих недель, Тревис заметил, что тот иногда ел некоторые травы во дворе, хотя время от времени и давился ими. В День благодарения ретривер тоже вышел во двор пощипать травы, и когда Тревис спросил его, нравится ли она ему на вкус, Эйнштейн ответил отрицательно.

— Тогда зачем ты ешь ее?

«МНЕ ЭТО НУЖНО».

— Зачем?

«Я НЕ ЗНАЮ».

— Если ты не знаешь, зачем тебе это нужно, откуда тебе известно, что это тебе нужно вообще? Инстинкт?

«ДА».

— Просто инстинкт, и все?

«НЕ ДАВИ НА МЕНЯ».

В тот вечер они втроем сидели на подушках, разложенных на полу в гостиной перед большим каменным очагом, и слушали музыку. Пламя очага отражалось в блестящей толстой шкуре Эйнштейна. Обняв одной рукой Нору за плечи и свободной рукой поглаживая пса, Тревис думал о том, что ретривер не зря все-таки ест траву, поскольку выглядит здоровым и бодрым.

Собака несколько раз чихнула и время от времени покашливала, но это, скорее всего, было нормальной реакцией на гастрономические излишества в праздничный день и на сухое тепло, исходившее от очага. Тревису и в голову не пришло беспокоиться о здоровье пса.

4

Теплым днем в пятницу, двадцать шестого ноября, на следующий день после праздника Благодарения, Гаррисон Дилворт находился на борту своей любимицы, сорокадвухфутовой яхты «Красавица», пришвартованной на своей постоянной стоянке в бухте Санта-Барбары. Он полировал металлические поручни и рукоятки и настолько увлекся этим занятием, что не заметил приближения двух мужчин в строгих костюмах. Гаррисон поднял глаза, когда они были уже готовы представиться ему, и сразу понял, с кем имеет дело, еще до того как они показали ему свои служебные удостоверения.

Одного из них звали Джонсон, второго Соамс.

Изобразив на своем лице удивление и интерес, адвокат пригласил их пройти к нему.

Ступая с пристани на борт судна, тот, который представился Джонсоном, сказал:

— Нам бы хотелось задать вам несколько вопросов, мистер Дилворт.

— На какую тему? — поинтересовался Гаррисон, вытирая руки белой тряпкой.

Джонсон был среднего телосложения негром, немного костлявым, с изможденным лицом, но в то же время обладал внушительными манерами.

Гаррисон спросил:

— Так вы из Управления национальной безопасности? Я надеюсь, вы не думаете, что я наймит КГБ?

Джонсон слегка улыбнулся.

— Вы оказывали профессиональные услуги Норе Девон?

Гаррисон вскинул брови.

— Норе? Вы это серьезно? Могу вас заверить, что Нора не такой человек, чтобы оказаться замешанной в таких...

— Вы ведь ее адвокат? — перебил его Джонсон.

Гаррисон взглянул на веснушчатого молодого человека, представившегося агентом Соамсом, и опять вскинул брови, как бы спрашивая, всегда ли Джонсон такой зануда. Соамс ответил ему ничего не выражающим взглядом, подыгрывая своему начальнику.

«Да,— подумал Гаррисон,— с этими ребятами хлопот не оберешься».

После обескураживающего и неудачного допроса Дилворта Лем услал Клиффа Соамса, дав ему несколько заданий: взять постановление суда о прослушивании домашних и служебных телефонов адвоката; найти три телефона-автомата поблизости от его дома и офиса и организовать их прослушивание; получить сведения от телефонной компании о всех междугородных звонках, производимых с домашнего или служебного телефона Дилворта; в течение трех часов с помощью подкрепления из Лос-анджелесского отделения УНБ организовать круглосуточное наблюдение за Дилвортом.

Пока Клифф выполнял эти поручения, Лем отправился побродить по причалу в надежде, что шум океана и созерцание катящихся волн прояснят ход его мыслей и помогут *сосредоточиться*. Видит Бог, ему сейчас было крайне важно сосредоточиться. С тех пор как собака и Аутсайдер убежали из Бандайна, прошло больше шести месяцев, и за это время Лем потерял почти пятнадцать фунтов весу. Уже несколько месяцев он плохо спал, утратил интерес к еде, и даже его сексуальная жизнь претерпела изменения к худшему.

«Нельзя сделать больше, чем можешь,— говорил Лем себе.— От этого мозги может заклинить».

Подобные увещевания, однако, не возымели действия. Голова у него была по-прежнему как ватная.

Когда три месяца назад им удалось найти машину Корнелла на школьной автостоянке, на следующий день после убийства Хокни, Лем сразу определил: Корнелл и его подруга только что вернулись из поездки в Лас-Вегас, Тахо и Монтерей. Карточки ночных клубов Лас-Вегаса, гостиничные блокноты, спичечные книжечки и расписки с бензозаправочных станций, обнаруженные в трейлере и пикапе, подробно указывали на пройденный парочкой маршрут. Тогда Лем не знал имени приятельницы Корнелла и предполагал, что она просто его знакомая, не более того. Всего несколько дней назад, когда один из агентов Лема сказал, что едет жениться в Лас-Вегас, тот наконец сообразил: Корнелл со своей подругой могли отправиться туда с такой же целью. И вся их поездка была не чем иным, как свадебным путешествием. Лему понадобилось всего несколько часов, чтобы получить подтверждение о том, что одиннадцатого августа Корнелл женился на Норе Девон из Санта-Барбары в графстве Клерк, штат Невада.

Начав поиски женщины, Лем выяснил: ее дом был продан за шесть недель до этого события, а она сама исчезла вместе с Корнеллом. Заинтересовавшись документами на продажу дома, Лем обнаружил, что интересы Норы Девон представлял ее адвокат Гаррисон Дилворт.

Отдав приказ заморозить банковские счета Корнелла, Лем решил поставить беглецов в трудное положение, но вот теперь выясняется, что Дилворт помог снять двадцать тысяч со счета Корнелла, а все деньги, вырученные от продажи дома Норы Девон, были каким-то образом ей переведены. Более того, при помощи адвоката она закрыла свои банковские счета четыре недели назад и умудрилась получить с них деньги. Так что вся эта троица имела достаточно средств, чтобы несколько лет не выходить на поверхность.

Стоя на причале, Лем смотрел на испещренное солнечными бликами море, ритмично бьющееся об опоры. Равномерное движение воды вызывало у него ощущение тошноты.

Подняв глаза, он стал наблюдать за кричащими чайками. Но вместо успокоения их грациозный полет вызвал у него чувство беспокойства.

Гаррисон Дилворт умен и хитер — прирожденный боец. Теперь, когда обнаружилась связь между ним и Корнеллами, адвокат пригрозил, что через суд заставит УНБ разморозить счета Тревиса.

— Вы не представили против него никаких обвинений,— сказал Дилворт.— Какой же судья в таких обстоятельствах вынесет решение о замораживании счетов? Ваши манипуляции с законом, имеющие целью ущемить дееспособность честного гражданина, бессовестны.

Лем мог бы выдвинуть против Тревиса и Норы обвинения в нарушении целого ряда законов, касающихся национальной безопасности, и лишил бы Дилворта возможности помогать беглецам. Но, поступив таким образом, он неизбежно привлек бы внимание средств массовой информации, и тогда убогая легенда о пантере, которую якобы держал у себя дома Тревис,— а возможно, и вся схема дезинформации, выстроенная УНБ по этому делу,— рухнула бы как карточный домик.

Единственная надежда Лема была на то, что Дилворт попытается связаться с Корнеллами и сообщит им, что их контакт обнаружен. В этом случае, если повезет, Лем мог бы «вычислить» Корнеллов по номеру их телефона. Но он не думал, что все будет так просто. Дилворт не такой дурак.

Обводя взором бухту Санта-Барбары, Лем старался успокоиться: ему надо быть рассудительным и бодрым, чтобы перехитрить старого адвоката. Сотни прогулочных яхт стояли у причалов со свернутыми или снятыми парусами и легко покачивались на приливной волне; другие, развернув паруса, шли в открытое море. На их палубах виднелись люди в купальных костюмах, загорающие или пьющие коктейли; чайки чертили голубой небосвод в белых заплатках облаков; на волнорезе люди удили рыбу. Вся эта сцена была весьма живописна, но одновременно вызывала чувство какого-то наигранного спокойствия, которого Лем Джонсон не разделял. Такое спокойствие слишком отвлекало от холодных, жестоких реальностей повседневной жизни; любой отдых, продолжающийся более нескольких часов, заставлял Лема нервничать и скучать по работе. Здесь же, на берегу, отдых измерялся днями и неделями; на этих дорогих и искусно сделанных яхтах люди месяцами плавали вдоль побережья — здесь царило такое безделье, от которого Лема бросало в пот и от которого ему хотелось кричать.

Кроме всего прочего, его беспокоил и Аутсайдер. С тех пор как Тревис Корнелл стрелял по нему у себя в доме в конце августа, о нем не было ни слуху ни духу. Прошло уже три месяца. Чем эта тварь занималась все это время? Где пряталась? Преследовала ли по-прежнему собаку? А может, ее уже нет в живых?

Вероятно, Аутсайдера укусила гремучая змея или он свалился со скалы и разбился?

«Боже,— подумал Лем,— сделай так, чтобы Аутсайдер был уже мертв, дай мне хотя бы возможность перевести дух. Сделай так, чтобы он был мертв».

Лем знал, однако, что Аутсайдер не мертв, потому что это был бы слишком простой выход. А в жизни простых выходов не бывает. Чертова тварь жива и идет за собакой. По всей видимости, Аутсайдер удерживает себя от убийства людей, встречающихся ему на пути, понимая: каждое такое убийство приближает к нему Лема и его сотрудников, а ему не хочется, чтобы его остановили, прежде чем он найдет и убьет собаку. Когда же зверюга разорвет пса и обоих Корнеллов на куски, тогда вновь начнет вымещать свою ярость на других людях, и каждая новая смерть будет тяжелым камнем ложиться на совесть Лема Джонсона.

Между тем расследование убийств ученых из Банодайна ни к чему не привело. Вторая спецгруппа УНБ была распущена. Безусловно, что для совершения этих преступлений Советы наняли посторонних людей, которых невозможно было установить.

В этот самый момент мимо Лема прошествовал загорелый молодой человек в белых шортах и мягких теннисных туфлях и произнес:

— Прекрасный денек!

— Черт бы его взял,— ответил Лем.

5

На следующий после праздника Благодарения день Тревис вошел в кухню, чтобы налить себе стакан молока, и увидел там вовсю чихающего Эйнштейна, но не придал этому значения. Нора, которая в большей степени, чем Тревис, была восприимчива к переменам в поведении Эйнштейна, тоже ничего не заметила. В Калифорнии в воздухе летает особенно много пыльцы весной и осенью, но поскольку климат позволяет растениям цвести круглый год, то ни один сезон не обходится без нее. А в лесной местности пыльцы, естественно, еще больше.

Ночью Тревис проснулся от звука, природа которого была для него непонятна. Моментально сбросив с себя остатки сна, он сел на кровать и в темноте нащупал на полу ружье. Сжимая

«моссберг», Тревис начал прислушиваться, и через минуту звук повторился: он доносился из коридора второго этажа.

Стараясь не разбудить Нору, Тревис выскользнул из постели и осторожно подошел к двери. В холле, как почти повсюду в доме, горел ночник, и в его тусклом свете Тревис увидел Эйнштейна. Он стоял у верхней ступеньки лестницы, кашлял и тряс головой.

Подойдя к нему, Тревис спросил:

— С тобой все в порядке?

Коротко вильнув хвостом, пес показал:

«ДА».

Тревис нагнулся и провел рукой по его шерсти.

— Ты уверен?

«ДА».

С минуту пес прижимался к нему, радуясь ласке. Затем отошел в сторону, пару раз кашлянул и спустился вниз.

Тревис последовал за ним. На кухне Эйнштейн стал жадно пить воду из миски.

Опустошив ее, ретривер прошел в кладовку, зажег свет и, надавливая лапой на педали, вывел:

«ХОЧУ ПИТЬ».

— Ты в самом деле себя хорошо чувствуешь?

«ХОРОШО. ТОЛЬКО ПИТЬ ХОЧЕТСЯ. МНЕ СНИЛСЯ ПЛОХОЙ СОН».

Тревис удивленно просил:

— Тебе снятся сны?

«А ТЕБЕ РАЗВЕ НЕТ?»

— Снятся. Слишком часто.

Тревис налил в миску воды и, после того как Эйнштейн выпил все до капли, наполнил ее еще раз. Пес наконец напился вдоволь. Тревис подумал, что собака попросится на улицу, но вместо этого она ушла наверх и улеглась в коридоре у двери спальни.

Тревис сказал ей шепотом:

— Послушай, если хочешь лечь рядом с кроватью, никаких проблем.

Этого как раз Эйнштейн и хотел. Он прошел в спальню и свернулся клубком рядом с кроватью с той стороны, где лежал Тревис.

В темноте тот легко дотрагивался рукой до ружья и до собаки. И присутствие пса внушало ему гораздо больше уверенности, чем ружье.

6

В субботу днем, через два дня после праздника Благодарения, Гаррисон Дилворт сел в «мерседес» и медленно отъехал от своего дома. Через два квартала он убедился, что за ним все еще следует «хвост» из УНБ. Это был зеленый «форд», возможно, тот же самый, что увязался за Дилвортом прошлым вечером. Люди, ведущие наблюдение, держались от адвоката на порядочном расстоянии и не старались обнаружить себя, но ведь он был не слепой.

Гаррисон так еще и не позвонил Тревису и Норе. Увидев за собой слежку, он подумал, что его телефоны прослушиваются. Адвокат мог, конечно, воспользоваться уличным телефоном-автоматом, но боялся, что агенты УНБ подслушают разговор с помощью микрофона направленного действия или еще какого-нибудь неизвестного ему устройства. А если они зафиксируют продолжительность набора цифр телефонного номера Корнеллов, тогда им не составит труда определить и сам номер, и местонахождение абонента в Биг Сюре. Поэтому если и звонить Тревису и Норе, то каким-то обманным путем.

Адвокат знал также, что ему нужно сделать это побыстрее, пока Тревис или Нора не позвонили ему сами. УНБ располагало техникой, способной установить номер звонящего прежде, чем тот, кому звонят, успеет предупредить, что линия прослушивается.

Исходя из этих соображений, в два часа дня в субботу сопровождаемый зеленым «фордом» Гаррисон поехал к дому Деллы Колби в Монтесито, чтобы пригласить ее покататься с ним на яхте. По крайней мере так он сказал ей о цели своего визита по телефону.

Делла была вдовой судьи Джека Колби. Они с Джеком были лучшими друзьями Гаррисона и Франсины на протяжении двадцати пяти лет, пока смерть не разрушила их компанию. Джек умер через год после Франсины. Делла и Гаррисон сохранили дружбу: часто обедали вместе, танцевали, гуляли и ката-

лись на яхте. Поначалу их отношения были чисто платоническими: они оставались просто друзьями, которым повезло — или не повезло — пережить всех, кого они любили, и их тянуло друг к другу, потому что их объединяли воспоминания о прекрасных временах, проведенных вместе со всеми. Год назад, когда неожиданно для них самих Гаррисон и Делла оказались в одной постели, то испытали состояние шока и вины перед своими покойными супругами, скончавшимися много лет назад. Чувство вины, разумеется, скоро прошло, и сейчас они были искренне благодарны судьбе за объединившую их дружбу и за ровно горящую страсть, неожиданно украсившую жизнь на склоне лет.

Когда адвокат подъехал к дому Деллы, она заспешила к машине. На ней были спортивные тапочки, белые слаксы, бело-голубой полосатый свитер и голубая штормовка. Несмотря на то что Делле исполнилось шестьдесят девять лет и ее короткие волосы были белы как снег, она выглядела на пятнадцать лет моложе.

Гаррисон вылез из «мерседеса», обнял ее и поцеловал.

— Мы сможем воспользоваться твоим автомобилем?

Она заморгала.

— С твоим что-нибудь не в порядке?

— Нет,— ответил он.— Мне просто хочется поехать на твоем.

— Давай.

Делла вывела свой «кадиллак» из гаража, и Гаррисон сел рядом с ней на переднее сиденье. Когда они выехали на улицу, он проговорил:

— Боюсь, в моей машине установлено подслушивающее устройство. Мне не хочется, чтобы они знали то, что я тебе сейчас расскажу

Делла смотрела на него с неподдельным интересом.

— Нет,— засмеялся адвокат,— я не выжил из ума. Если взглянешь в зеркало, увидишь, что за нами следят. Они большие профессионалы, но все-таки не невидимки.

Через некоторое время Делла спросила:

— Зеленый «форд»?

— Точно.

— Во что же ты такое вляпался, дорогой?

— Мы сейчас не поедем прямо на причал. Сначала заглянем на рынок и купим свежих фруктов. Затем побываем в винном магазине и выберем там вино. К тому моменту я успею тебе все рассказать.

— У тебя есть тайная жизнь, о которой я и не подозревала? Ты престарелый Джеймс Бонд?

Накануне Лем Джонсон вновь открыл временный штаб в невероятно тесной комнатке в здании окружного суда Санта-Барбары. В комнатке было одно узкое окошко, стены выкрашены темной краской, а светильник на потолке источал такой тусклый свет, что все четыре угла зияли чернотой. Мебель, которую туда внесли, состояла из предметов, списанных из других офисов. Лем занял эту комнатушку сразу после того, как произошло убийство Хокни, но потом покинул ее на неделю, поскольку у него не было больше дел в этом районе. Теперь же, когда появилась надежда, что Дилворт наведет его на Корнеллов, Лем вновь открыл свой «полевой штаб», подключил телефоны и стал ждать развития событий.

В офисе вместе с ним находился помощник, Джим Вэни, очень серьезный и прилежный двадцатипятилетний молодой человек.

В настоящий момент Клифф Соамс руководил действиями группы из шести агентов УНБ, которые работали в разных точках района, а также организовывал наблюдение за Дилвортом с моря. Старый проныра наверняка понял, что за ним следят, и Лем предполагал, что он попытается скрыться от наблюдения на некоторое время, достаточное для того, чтобы позвонить Корнеллам. С этой точки зрения наиболее логичным для адвоката было попытаться выйти на яхте в море, на лодке пробраться на берег в какой-нибудь точке побережья и позвонить, прежде чем его смогут засечь приставленные к нему наблюдатели. Но как же удивится Дилворт, когда местный морской патруль будет сопровождать его при выходе из бухты, а в открытом море его будет поджидать катер береговой охраны.

В пятнадцать часов сорок минут позвонил Клифф и доложил, что адвокат и его подруга находятся на борту «Красавицы», едят фрукты, потягивают вино, вспоминают прошлое и посмеиваются.

— Из того, что мы услышали по направленному микрофону и увидели, могу заключить: они никуда не собираются. Разве что в постель. Бодрые старички.

— Присматривай за ними,— сказал Лем.— Я им не доверяю.

Потом позвонил агент, возглавлявший обыск дома Дилворта, который начался сразу же после того, как тот уехал. Ничего, указывающего на местонахождение Корнеллов и собаки, обнаружено не было. Перечень междугородных звонков, сделанных им из дома и офиса, также не содержал в себе номера телефона Корнеллов — если адвокат и звонил им, то наверняка из телефона-автомата. Изучение телефонной карточки также не принесло результатов. Даже если Дилворт звонил из телефона-автомата, то плату за разговор он начислял не на свою карточку, а на счет Корнеллов, не оставляя таким образом никаких следов. А это был плохой признак. Очевидно, что адвокат соблюдал крайнюю осторожность еще до того, как заметил за собой слежку.

В субботу, испугавшись, что собака могла простудиться, Тревис внимательно наблюдал за Эйнштейном. Но ретривер только пару раз чихнул и ни разу не кашлянул за весь день.

В этот день транспортная компания доставила им десять больших ящиков, в которых находились все законченные живописные работы Норы, оставленные ею в Санта-Барбаре. Пару недель назад, воспользовавшись адресом своего знакомого в качестве обратного, чтобы нельзя было установить связь между ним и Норой Эймс, Гаррисон Дилворт отправил ей картины.

Сейчас, распаковывая полотна и разбрасывая вокруг себя горы мятой бумаги, Нора пребывала в состоянии душевного подъема. Тревис знал: на протяжении многих лет творчество составляло главный смысл ее жизни, а теперь, когда картины вернулись к ней, она не только испытывала радость, но, возможно, и желание заняться живописью — в пустой спальне, превращенной в студию, ее ждало несколько незаконченных работ.

— Хочешь позвонить Гаррисону и сказать «спасибо»? — спросил он.

— Да, непременно! — ответила Нора.— Но сначала давай распакуем и посмотрим, все ли цело.

Расположившись на причале и изображая из себя владельцев яхт и рыболовов, Клифф Соамс и другие агенты УНБ вели визуальное и электронное наблюдение за Дилвортом и Деллой Колби. День подходил к концу, спускались сумерки, а адвокат и не собирался выходить в море. Вскоре совсем стемнело, но Дилворт и его подруга так и не двинулись с места.

Через полчаса после наступления темноты Клифф Соамс устал изображать из себя человека, удящего рыбу с кормы шестидесятишестифутовой спортивной яхты, пришвартованной через четыре стоянки от яхты Дилворта. Он взобрался по лесенке в кабину рулевого и снял наушники с Хенка Горнера, агента, который прослушивал разговор престарелой парочки через микрофон направленного действия. Он начал слушать:

— *...тогда в Акапулько Джек нанял рыбацкую лодку...*

— *...да, а команда выглядела как шайка пиратов...*

— *...мы подумали, что нам перережут глотки, а нас самих выбросят в море...*

— *...а потом оказалось, что они студенты-богословы...*

— *...учатся на миссионеров, а Джек тогда сказал...*

Возвращая наушники Хенку, Клифф сказал:

— Все еще вспоминают!

Хенк кивнул. В кабине был выключен верхний свет и горела только маленькая, закрытая блендой лампочка на приборном щитке, в свете которой черты лица Хенка выглядели странным образом вытянутыми.

— И так целый день. Но истории они рассказывают интересные.

— Я пошел в сортир,— сказал Клифф устало.— Скоро буду.

— Можешь хоть десять часов там сидеть. Они никуда не собираются.

Через несколько минут, когда Клифф вернулся, Хенк Горнер стащил с головы наушники и сказал:

— Они спустились в каюту.

— Что это значит?

— Не то, чего мы ждем. Наверное, хотят поразмять старые кости.

— О!

— Клифф, ну их к черту. Я не хочу больше слушать.

— Слушай!

Хенк приложил один наушник к уху.

— Ну вот, они раздевают друг друга, а ведь по возрасту им столько же, сколько моим деду и бабке. Неловко как-то.

Клифф вздохнул.

— Успокоились,— сообщил Хенк, нахмурившись, с выражением отвращения на лице.— В любую минуту они могут начать стонать, Клифф.

— Слушай! — приказал тот.

Схватив легкую куртку, лежавшую на столе, Соамс вышел наружу. Он точно не обязан это слушать.

Если бы не холод, пробиравший Клиффа даже через куртку, ночь можно было бы назвать прекрасной. Морской воздух прозрачен и свеж. Черное безлунное небо усеяно звездами. Волны успокаивающе бились о причальные опоры и о борта мирно покачивающихся на приколе яхт. Где-то вдали на одной из них звучала музыка сороковых годов. Послышался рев заводимого мотора — и даже в этом звуке было что-то романтическое. Клифф подумал о том, как хорошо было бы заиметь яхту и отправиться на ней в долгое путешествие по южной части Тихого океана, куда-нибудь на заросшие пальмами острова...

Вдруг мотор перешел с холостого на рабочий ход, и Клифф сообразил, что это «Красавица». Вскочив со своего стула и уронив удочку, он увидел, как яхта Дилворта быстро шла задним ходом к выходу из причального отсека. Это была парусная яхта, и Клифф не ожидал, что она начнет движение с убранными парусами. На судне, правда, имелись вспомогательные двигатели, и они знали об этом и были готовы к такому варианту, но все равно их застигли врасплох. Клифф заспешил обратно в кабину.

— Хенк, сообщи патрулям. Дилворт выходит в море.

— Да они же залегли в койку!

— Черта с два!

Клифф выбежал на нос яхты и увидел, что Дилворт уже развернул свою «Красавицу» и направляется к выходу из бухты. Яхта передвигалась без огней, только на носу горела маленькая лампочка. Итак, он решил прорваться!

К тому времени, когда Тревис и Нора распаковали все сто картин, повесили некоторые из них на стены и отнесли остальные в спальню-студию, они почувствовали, что умирают с голоду.

— Гаррисон, наверное, сейчас тоже обедает,— сказала Нора.— Не хотелось бы ему мешать. Позвоним ему после обеда.

В кладовке Эйнштейн нажал на педали и вывел:

«ТЕМНО. СНАЧАЛА ЗАКРОЙТЕ СТАВНИ».

Удивляясь собственной беспечности, Тревис начал ходить по комнатам, закрывать ставни и запирать их на щеколды. Обрадовавшись возвращению Нориных картин и ее восторгам по этому поводу, они не заметили, как спустилась ночь.

На полпути к выходу из бухты, уверенный в том, что расстояние и шум мотора служат надежной защитой от электронных подслушивающих устройств, Гаррисон сказал:

— Держись вдоль края фарватера и подбрось меня поближе к концу северного волнореза.

— Ты уверен, что поступаешь правильно? — обеспокоенно спросила Делла.— Ты ведь не мальчишка.

Он похлопал ее по заду и сказал:

— Я лучше.

— Фантазер.

Гаррисон чмокнул ее в щеку, подошел к бортику яхты и приготовился к прыжку. На нем были темно-синие плавки. Вода была холодной, и следовало бы надеть резиновый костюм, но он решил доплыть до волнореза, обогнуть его и вылезти с северной стороны, где его не будет видно из бухты,— и все это за несколько минут, так что не успеет слишком сильно замерзнуть.

— К нам гости! — стоя у руля, крикнула Делла.

Адвокат оглянулся и увидел патрульный катер, покидающий южный причал и направляющийся в их сторону.

«Они не могут нас остановить,— подумал Гаррисон.— У них нет на это никакого права».

Но ему надо успеть нырнуть в воду прежде, чем патруль развернется. А то им будет видно, как он прыгает за борт. Сейчас, пока они еще были далеко, у порта, «Красавица» загородит от них его прыжок, а фосфоресцентный кильватер прикроет самого Гаррисона на несколько секунд, пока он будет огибать волнорез. Вполне достаточно, а потом пусть следят дальше за Деллой.

Яхта шла вперед на максимально большой скорости, при которой Делла чувствовала себя уверенно. Зюйд-вест подбра-

сывал судно на волнах с такой силой, что Гаррисону приходилось держаться за поручни. И все же ему казалось: они слишком медленно движутся вдоль каменной стены волнореза; а морской патруль приближался, но Гаррисон все ждал и ждал, потому что не хотел нырять в воду за сто ярдов от выхода из бухты. Если он прыгнет слишком рано, то не сможет добраться до мыса волнореза и обогнуть его; вместо этого ему придется плыть прямо к волнорезу и выдезать на него с фланга на виду у наблюдателей. Патруль подошел к ним на расстояние ста ярдов, увидел их и начал разворачиваться. Больше медлить было нельзя, нельзя.

— Пора! — крикнула Делла.

Гаррисон прыгнул через бортик в темную воду, подальше от яхты.

Вода была холодной. У него перехватило дыхание. Он стал уходить под воду, никак не мог выплыть на поверхность, его охватила паника. Гаррисон стал молотить руками и ногами по воде и наконец, хватая ртом воздух, выплыл на поверхность.

«Красавица» была на удивление близко. Ему казалось, что он барахтался под водой целую вечность, но на самом деле, должно быть, прошла всего лишь секунда или две, так как яхта была совсем рядом. Морской патруль тоже был недалеко, и Гаррисон решил, что даже расходящиеся от «Красавицы» волны не будут для него надежным прикрытием, поэтому набрал в легкие побольше воздуха и снова нырнул, оставаясь под водой так долго, как только мог. Когда адвокат всплыл на поверхность, Делла и ее преследователи уже вышли из бухты и повернули на юг — он был в безопасности.

Его быстро несло отливом за северный волнорез, представлявший собой стену из валунов и камней, более чем на двадцать футов возвышающуюся над поверхностью воды и кажущуюся ночью крапчатым серо-черным крепостным валом. Ему надо было не только обогнуть конец этого барьера, но и добраться против течения к берегу. Без дальнейшей проволочки Гаррисон начал плыть, недоумевая про себя, с чего это он решил, что все это детские игрушки.

«Тебе скоро семьдесят один год,— говорил себе адвокат, проплывая мимо каменистого мыса, освещенного маяком.— С чего это тебе вздумалось строить из себя героя?»

Но он знал с чего: из-за глубокого убеждения, что собака должна оставаться на свободе, что с ней нельзя обращаться как с собственностью правительства. *Если мы дошли до того, что можем творить, как Господь Бог, мы должны научиться поступать так же справедливо и милосердно, как он.* Так Гаррисон сказал Норе, Тревису — и Эйнштейну — той ночью, когда был убит Тед Хокни, и он готов был подписаться под каждым своим словом.

Соленая вода разъедала глаза, мешала смотреть. Что-то попало в рот и разъело маленькую язвочку на нижней губе.

Борясь с течением, Гаррисон обогнул мыс волнореза и энергично поплыл к нему. Теперь его нельзя было увидеть из бухты. Добравшись наконец до камней, он, тяжело дыша, ухватился за первый же валун и повис на нем, набираясь сил, чтобы выбраться из воды.

В недели, прошедшие после побега Норы и Тревиса, у Гаррисона было много времени, чтобы подумать об Эйнштейне, и сейчас он еще сильнее чувствовал: держать в клетке разумное и абсолютно невинное существо было актом чудовищной несправедливости, независимо от того, что речь шла о собаке. Гаррисон посвятил всю свою жизнь борьбе за справедливость, ставшую возможной благодаря законам демократии, и поддержание свободы, вытекающей из этой справедливости. Когда человек, имеющий идеалы, решает, что слишком стар для того, чтобы поставить все на карту во имя своих идеалов, то перестает быть человеком с идеалами. Может быть, он вообще перестает быть человеком. Эта суровая правда и заставила его предпринять этот ночной заплыв, несмотря на возраст. Смешно, что долгая жизнь человека с идеалами спустя семь десятков лет должна подвергнуться проверке судьбой собаки.

Но *какой* собаки!

«В каком дивном новом мире мы живем»,— подумал Гаррисон.

Генетическую технологию следовало бы переименовать в «генетическое искусство», поскольку каждое произведение искусства — это акт творчества, а на свете не может быть более тонкого и красивого акта творчества, чем создание разумного существа.

Ощутив второе дыхание, адвокат вылез из воды на отлогий край северного волнореза. Этот барьер отделял Гаррисона от

бухты, и он пошел в сторону берега по камням, а слева от него бушевало море. Адвокат предусмотрительно прикрепил к плавкам водонепроницаемый карманный фонарик и теперь освещал им дорогу, с величайшей осторожностью ступая босыми ногами по мокрым камням, боясь поскользнуться и сломать себе ногу.

Впереди в нескольких сотнях ярдов виднелись городские огни и неясная серебристая линия пляжа.

Ему было холодно, но все же не так, как в воде. Сердце его часто билось, но не так часто, как прежде.

Он сделает это.

Лем Джонсон прибыл на пристань из своего временного «полевого штаба» в здании окружного суда. Клифф встречал его у пустой лодочной стоянки, где прежде находилась «Красавица». Поднялся ветер. Сотни судов покачивались у причалов; они скрипели, а плохо натянутые парусные веревки бились и бились о мачты. Фонари на пристани и огни с соседней яхты бросали мерцающий свет на темную, выглядящую маслянистой воду, где прежде была пришвартована сорокадвухфутовая яхта Дилворта.

— А морской патруль? — озабоченно осведомился Лем.

— Они проследовали за ним в открытое море. Нам казалось, Гаррисон собирается повернуть на север, уж очень близко к волнорезу он шел, но вместо этого двинул на юг.

— А Дилворт его заметил?

— Должен был. Вы же видите — никакого тумана, полно звезд, светло, как днем.

— Хорошо. Я хочу, чтобы он знал. А береговая охрана?

— Я говорил с катером,— заверил его Клифф.— Они на месте, идут на юг вдоль берега на расстоянии ста ярдов от «Красавицы».

Дрожа на быстро остывающем воздухе, Лем сказал:

— Они знают, что Гаррисон попытается добраться до берега в резиновой лодке или еще на чем-то?

— Знают,— ответил Клифф.— Он не сможет это проделать у них под носом.

— Охрана уверена, что Дилворт их заметил.

— Они освещены, как рождественская елка.

— Отлично. Я хочу, чтобы он понял: все бесполезно. Если мы не дадим ему возможности предупредить Корнеллов, тогда рано или поздно они позвонят ему сами — тут-то мы их и возьмем. Даже если парочка воспользуется телефоном-автоматом, мы будем знать их примерные координаты.

Кроме прослушивания домашних и служебных телефонов Дилворта, УНБ установило специальное следящее устройство, которое включит линию сразу после звонка и не разъединит ее даже по окончании разговора, до тех пор, пока номер телефона и адрес звонившего не будут определены и проверены. Даже если Дилворт быстро выкрикнет предостережение и повесит трубку, как только услышит голос одного из Корнеллов, будет уже поздно. Единственно как он мог попытаться сорвать планы УНБ — это вовсе не подходить к телефону. Но даже это ему бы не помогло, потому что после шестого звонка включалось автоматическое устройство УНБ, которое «отвечало на звонок», устанавливало соединение и приступало к процедуре опознания.

— Единственное, что может нам помешать,— сказал Лем,— это если Дилворт доберется до телефона, который не находится у нас под контролем, и предупредит Корнеллов, чтобы они ему не звонили.

— Этого не произойдет,— заверил Клифф.— Мы прочно сидим у него на хвосте.

— Лучше бы ты этого не произносил,— забеспокоился Лем. Ветер со звоном ударился о металлический замок, висящий на свободном конце веревки, и Лем даже подпрыгнул.— Мой отец любил говорить, что все самое худшее случается тогда, когда этого совсем не ждешь.

Клифф покачал головой.

— Несмотря на все мое уважение, сэр, чем чаще вы цитируете своего отца, тем больше я склоняюсь к мысли, что он был самым мрачным человеком, когда-либо жившим на этой земле.

Оглядываясь по сторонам на раскачивающиеся лодки и вздымающиеся от ветра волны и чувствуя, что это он перемещается, вместо того чтобы стоять неподвижно в движущемся мире, и что его от этого слегка подташнивает, Лем сказал:

— Да... мой отец по-своему был великим человеком, но он также был... совершенно невозможным.

Раздался крик Хенка Горнера:

— Эй! — Он бежал по причалу от яхты, где они с Клиффом просидели весь день.— Я только что разговаривал с катером. Они посветили прожектором на «Красавицу», чтобы слегка их попугать, и говорят, что Дилворта там нет. Только женщина.

Лем сказал:

— Но, черт, он же ведет яхту.

— Нет,— ответил Горнер.— На «Красавице» темно, но прожектор с береговой охраны освещает всю посудину, и они говорят, что у руля женщина.

— Все в порядке. Гаррисон внизу в каюте,— сказал Клифф.

— Нет,— проговорил Лем с гулко бьющимся сердцем.— В такой момент адвокат не стал бы сидеть в каюте. Он бы следил за катером, решая, идти ли ему дальше, или повернуть назад. Его нет на «Красавице».

— Но Дилворт должен там быть! Он с нее не сходил, пока она стояла у причала.

Лем уставился в ту сторону хрустально-прозрачной бухты, где на конце северного волнореза находился маяк.

— Ты говорил, что эта чертова посудина развернулась у северного мыса и, казалось, собиралась идти на север, но затем резко развернулась и пошла на юг.

— Черт,— произнес Клифф.

— Вот там-то Дилворт и сошел,— сказал Лем.— У мыса северного волнореза. Без резиновой лодки. Клянусь Богом, он просто поплыл.

— Гаррисон слишком стар для таких трюков,— запротестовал Клифф.

— По-видимому, нет. Он обогнул волнорез с той стороны и направился к телефону-автомату на одном из северных общественных пляжей. Нам надо остановить его, и быстро.

Клифф поднес рупором руки ко рту и выкрикнул имена четырех агентов, которые были в лодках, стоящих на приколе вдоль причала. Несмотря на ветер, эхо от воды далеко разносило его голос. На зов Клиффа бежали агенты, а Лем бросился к стоянке, где он оставил свой автомобиль.

Все самое худшее случается, когда его меньше всего ждешь.

Тревис мыл посуду после обеда, когда Нора сказала:

— Взгляни-ка сюда.

Он обернулся и увидел, что она стоит рядом с мисками Эйнштейна для еды и питья. Воды в миске не было, но половина обеда осталась нетронутой.

Она заметила:

— Раньше он никогда не оставлял ни кусочка.

— Никогда.— Нахмурившись, Тревис вытер руки кухонным полотенцем.— Последние несколько дней... я думал, что, может быть, у него легкая простуда, но он сообщает, что чувствует себя хорошо. А сегодня даже не чихает и не кашляет, как раньше.

Нора и Тревис прошли в гостиную, где ретривер с помощью своего устройства для переворачивания страниц читал «Черную красавицу». Они опустились рядом с ним на колени, он поднял на них глаза, и Нора спросила:

— Ты не заболел, Эйнштейн?

Ретривер негромко пролаял один раз: *Нет.*

— Ты уверен?

Пес быстро вильнул хвостом: *Да.*

— Ты не доел свой обед,— сказал Тревис.

Собака старательно зевнула.

Нора спросила:

— Ты хочешь сказать нам, что немного устал?

Да.

— Если ты себя плохо почувствуешь, ты нам сразу сообщишь об этом, да, мохнатая морда?

Да.

Нора настояла на том, чтобы внимательно осмотреть глаза, рот и уши Эйнштейна, выискивая явные признаки инфекции, но в конце концов признала:

— Ничего. Кажется, с ним все в порядке. Наверное, даже суперпес имеет право на усталость.

Налетел резкий холодный ветер. На море поднялись большие волны, чего днем не было.

Когда Гаррисон добрался по северному волнорезу до берега, его с ног до головы покрывала гусиная кожа. Он с облегчением ступил с твердых и острых камней этого крепостного вала на

песчаный пляж. Дилворт был уверен, что у него сбиты обе ступни; они горели, а при каждом шаге его левую ступню пронизывала острая боль, заставляя хромать.

Он старался держаться поближе к бурунам, подальше от начинающегося за пляжем парка. Там, где парковые фонари освещали аллеи и прожектора бросали яркий театральный свет на пальмы, его будет лучше видно с улицы. Адвокат не думал, что его будут искать; он был уверен: фокус удался. Однако на всякий случай не хотел привлекать к себе внимание.

Порывистый ветер срывал с волн пену и швырял ее в лицо Гаррисону, так что ему казалось, будто он все время бежит по какой-то паутине. Пена залепляла глаза, которые после морской ванны наконец-то перестали слезиться, и в конце концов ему пришлось отойти от бурунов поглубже на пляж, где был более мягкий песок, хотя он по-прежнему находился вдалеке от фонарей.

На темном пляже расположились молодые люди: они были тепло одеты и парочками в обнимку лежали и сидели на одеялах; небольшие группки, балующиеся наркотиками и слушающие музыку. Восемь—десять мальчиков-подростков собрались у двух вездеходных машин с толстыми шинами, на которых днем въезжать на пляж было запрещено, да, скорее всего, и ночью тоже. Они пили пиво у ямы, вырытой в песке, куда собирались спрятать свои бутылки, если вдруг заметят приближение полицейского; ребята громко говорили о девочках и отпускали грубые шутки. Ни один не обратил на Гаррисона никакого внимания, когда тот проходил мимо. В Калифорнии фанаты здорового образа жизни — такое же обычное явление, как уличные фигляры на улицах Нью-Йорка, и если какому-то старичку взбрело в голову принять холодную ванну, а затем побегать по пляжу, на него обращали не больше внимания, чем если бы он был священником в церкви.

Направляясь на север, Гаррисон посматривал вправо, ища глазами телефоны-автоматы. Они, скорее всего, будут стоять по двое, ярко освещенные на бетонных островках у одной из аллей или поблизости от общественных уборных.

Он уже начал отчаиваться, уверенный в том, что пропустил по крайней мере пару телефонов, когда увидел то, что искал. Два телефона-автомата с полукруглыми звуковыми щитами.

Ярко освещенные, они расположились примерно в сотне футов от пляжа, на полпути к улице, примыкающей к другой стороне парка.

Повернувшись спиной к волнующемуся морю, Дилворт замедлил шаг, чтобы немного отдышаться, и пошел по траве вперед под раскачиваемыми ветром ветвями трех королевских пальм, росших рядом. До цели оставалось футов сорок, когда он увидел несущуюся на большой скорости машину; раздался скрежет шин, и она резко затормозила у обочины прямо напротив телефонов. Гаррисон не знал, кто был в автомобиле, но решил не рисковать. Он нырнул в укрытие большой старой двуствольной финиковой пальмы, но счастью, подсвеченной декоративными прожекторами. В щель между стволами ему были видны телефоны и дорожка, ведущая к обочине, у которой остановилась машина.

Из седана вышли двое. Один побежал по периметру парка, заглядывая внутрь и явно высматривая кого-то.

Другой рванул по аллее прямо в глубь парка. Когда он добежал до освещенной площадки вокруг телефонов-автоматов, Гаррисон с ужасом узнал, кто это был.

Лемюэль Джонсон.

Прячась за пальмами, Гаррисон прижал к себе покрепче руки и сдвинул плотно ноги, хотя он был уверен, что сросшиеся стволы представляют собой безопасное укрытие, но, несмотря на это, старался сделать себя еще незаметнее.

Джонсон подошел к первому телефону, снял трубку и попытался оторвать ее. У нее оказался гибкий металлический шнур, и он, проклиная прочность аппарата, несколько раз безуспешно дергал за нее. В конце концов ему удалось оторвать трубку и зашвырнуть ее подальше. Затем он испортил второй телефон.

На какое-то мгновение, когда Джонсон развернулся от телефонов и пошел прямо на Гаррисона, адвокат подумал, что его обнаружили. Но, сделав всего несколько шагов, Лем остановился и начал осматривать примыкающие к пляжу конец парка и сам пляж. Его взгляд даже на секунду не задержался на финиковых пальмах, за которыми притаился Гаррисон.

— Чтоб ты провалился, старый, выживший из ума ублюдок,— проговорил Джонсон и поспешно зашагал к машине.

Скрючившись в тени за деревьями, Гаррисон ухмыльнулся, потому что знал, кого имеет в виду этот человек из УНБ. Не-

ожиданно адвоката перестал волновать холодный ветер, дующий с моря.

«Старый, выживший из ума ублюдок» или «престарелый Джеймс Бонд» — есть из чего выбирать. В любом случае он все еще был человеком, с которым следовало считаться.

В подвале телефонной компании, где находился коммутатор, агенты Рик Олбиер и Денни Джоунз присматривали за электронными устройствами с автоматическим определителем номера телефона и адреса звонящего, установленными для прослушивания служебных и домашних телефонов Гаррисона Дилворта. Это было скучнейшее занятие, и, чтобы скоротать время, они играли в карты: в пинокл и в рамми. Ни одна из этих игр им особенно не нравилась, но сама мысль о том, чтобы вдвоем играть в покер, вызывала у них отвращение.

Когда в четырнадцать минут девятого по домашнему телефону Дилворта раздался звонок, засидевшиеся Олбиер и Джоунз отреагировали на него с гораздо большим энтузиазмом, чем того требовала ситуация. Олбиер уронил на пол карты, а Джоунз бросил свои на стол, и оба схватились за две пары головных телефонов с таким рвением, как если бы сейчас шла Вторая мировая война и они собирались подслушать сверхсекретный разговор между Гитлером и Герингом.

Специальное устройство должно было установить соединение и зафиксировать сигнал, если Дилворт не подойдет на шестой звонок. Поскольку им было известно, что адвоката нет дома и на звонок он не ответит, Олбиер уже на второй звонок включил соединение.

На экране компьютера высветилась зеленая надпись: «Идет определение номера».

На том конце провода человек произнес:

— Алло?

— Алло,— сказал в микрофон своего головного телефона Джоунз.

На экране высветился номер телефона и адрес в Санта-Барбаре. Эта система была сходна с полицейским компьютером-911, мгновенно выдающим сведения о звонившем. Но сейчас на экране над адресом появилось название компании, а не фамилия человека — «ТЕЛЕФОННЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ, ИНК».

В ответ Денни Джоунз услышал:

— Сэр, рад сообщить вам, что вас выбрали для получения бесплатной фотографии размером восемь на десять и десяти бесплатных карманных снимков любого...

Джоунз спросил:

— С кем я говорю?

Компьютер просматривал банки данных на адреса в Санта-Барбаре, чтобы проверить личность звонившего.

Голос в трубке сказал:

— Я звоню по поручению «Олин Миллз», фотоателье, гарантирующего первоклассное качество...

— Минуточку,— сказал Джоунз.

Компьютер проверил личность телефонного абонента: обычная реклама, не более.

— Мне ничего не нужно! — резко произнес Джоунз и прервал разговор.

— Черт,— сказал Олбиер.

— Еще партию? — спросил Джоунз.

В помощь шести агентам, уже находящимся в бухте, Лем вызвал из своего временного «полевого» штаба еще четырех.

Он расставил пять человек по периметру парка, в нескольких сотнях ярдов друг от друга. В их задачу входило наблюдение за широким проспектом, отделяющим парк от делового района со множеством отелей, ресторанов, магазинов, торгующих йогуртом, подарками и другими розничными товарами. Во всех этих заведениях, конечно же, были телефоны, и даже в офисах некоторых мотелей были установлены телефоны-автоматы; из любого из них адвокат мог предупредить Тревиса и Нору Корнелл. В этот вечерний субботний час многие магазины уже закрылись, но некоторые — и все рестораны — еще работали. Во что бы то ни стало надо было помешать Дилворту пересечь улицу.

Ветер с моря усилился и стал еще холоднее. Агенты стояли, засунув руки в карманы курток, опустив головы и дрожа от холода.

Резкие порывы ветра колыхали ветви пальм. Устроившиеся на ночлег птицы тревожно вскрикивали и снова замолкали.

Еще одного агента Лем послал в юго-западный конец парка, к волнорезу, отделявшему общественный пляж от бухты с дру-

гой стороны. Он должен помешать Дилворту вернуться к волнорезу, забраться на него и пойти назад через бухту к телефонам в другой части города.

Седьмой агент стоял у воды в северо-западном углу парка, чтобы не дать Дилворту пробраться на частные пляжи и в жилые районы, где он мог уговорить кого-нибудь разрешить ему воспользоваться его телефоном.

Лем, Клифф и Хенк должны были прочесывать парк и прилегающий к нему пляж в поисках адвоката. Лем знал: у него слишком мало людей, но эти десять человек — да еще Олбиер и Джоунз, засевшие в телефонной компании,— были единственными сотрудниками, которые находились в его распоряжении здесь, в городе. Не было смысла просить подкрепление в управлении Лос-Анджелеса: к тому времени, как оно прибудет, Дилворт либо уже будет обнаружен и остановлен, либо ему удастся позвонить Корнеллам.

Вездеходный автомобиль без верха имел трубчатый каркас. В нем были два ковшеобразных сиденья, позади которых располагался грузовой отсек в четыре фута длиной, где могли разместиться еще пассажиры или значительное количество багажа.

Гаррисон лежал на животе на полу грузового отсека автомобиля, прикрытый одеялом. Два мальчика-подростка сидели на передних сиденьях, а еще двое устроились в грузовом отсеке, развалясь на Гаррисоне, как если бы они сидели на простой куче из одеял. Они старались не давить на него всей своей тяжестью, но он все равно чувствовал себя полураздавленным.

Звук мотора напоминал пронзительное жужжание рассерженных ос. Оно оглушающе действовало на адвоката, чье правое ухо было прижато прямо к днищу, передающему и усиливающему вибрацию.

К счастью, мягкий песок представлял собой относительно гладкую дорогу.

Автомобиль перестал набирать скорость и замедлил ход, звук мотора стал затихать.

— Черт,— прошептал Дилворту один из ребят,— там, впереди, парень с фонарем делает знак остановиться.

Они затормозили, и сквозь ленивый шепот мотора Гаррисон расслышал, как человек спросил:

— Куда это вы, ребята, направляетесь?

— Вдоль берега.

— Там дальше частные владения. У вас есть право туда заезжать?

— Мы там живем,— ответил Томми, водитель.

— Правда?

— А разве мы не похожи на компанию избалованных сынков богатых родителей? — прикидываясь простачком, спросил один из парнишек.

— Чем вы занимались? — подозрительно спросил человек.

— Просто болтались по пляжу. Но стало слишком холодно.

— Вы что, ребята, выпили?

«Ну и дурак же ты,— подумал Гаррисон, слушая мужчину,— ты же разговариваешь с *подростками*, бедными созданиями, которые в силу своей гормональной перестройки еще пару лет будут восставать против какого бы то ни было давления. Мне они симпатизируют, потому что я скрываюсь от полиции, и они будут на моей стороне, даже не спрашивая, что я натворил. Если хочешь рассчитывать на помощь, не дави на них — иначе ты ничего не добьешься».

— Выпили? Черт, конечно нет,— ответил другой паренек.— Если хотите, можете посмотреть в холодильном ящике, сзади. В нем ничего нет, кроме газировки.

Прижатый к холодильнику Гаррисон надеялся, что человек не будет проверять. Если этот парень подойдет поближе, он наверняка увидит, что под одеялом, на котором сидят ребята, неясно вырисовываются очертания человека.

— Газировки, мм? Что за пиво там было, пока вы его не выпили?

— Эй, парень,— сказал Томми.— Что ты к нам пристал? Ты что, из полиции или еще откуда-нибудь?

— Да, из полиции.

— А где твоя форма? — спросил один из подростков.

— Я тайный агент. Послушайте, ребята, я намерен вас отпустить, не проверять на алкоголь и так далее. Но мне надо знать, не встречали ли вы сегодня вечером на пляже пожилого седого мужчину?

— Зачем нам сдались старики? — спросил один из парней.— Нам нужны *женщины*.

— Если бы вы видели человека, о котором я говорю, вы бы его запомнили. Скорее всего, он был в плавках.

— Сегодня? — спросил Томми.— Послушайте, декабрь на носу. Видите, какой ветер?

— Возможно, на нем еще что-то было.

— Нет, я его не видел,— сказал Томми.— Никакой седой старичок мне не попадался. А вам, ребята?

Остальные трое тоже подтвердили, что не встречали никакого старикана, отвечающего данному описанию, и им разрешили ехать дальше к северу от общественного пляжа, к району стоящих на побережье особняков и частных пляжей.

Обогнув невысокий пригорок и скрывшись из виду остановившего их агента, ребята сдернули с Гаррисона одеяло, и тот, вздохнув с явным облегчением, сел.

Томми развез по домам своих приятелей и, пользуясь тем, что родителей нет дома, пригласил Гаррисона к себе. Он жил на краю обрыва в доме, похожем на корабль с несколькими палубами и состоящем сплошь из стекла и граней.

Войдя вслед за мальчиком в фойе, Дилворт увидел в зеркало свое отражение. Оно не имело ничего общего с величавым седовласым адвокатом, которого знал каждый городской юрист. Его волосы были мокрыми, грязными и спутанными. Лицо заляпано грязью. Песок, трава и водоросли прилипли к голой коже и запутались в седых волосках на груди. Он довольно подмигнул сам себе.

— Телефон здесь,— сказал Томми из кабинета.

Приготовив ужин, поев, вымыв посуду и беспокоясь из-за отсутствия у Эйнштейна аппетита, Нора и Тревис совсем забыли позвонить Гаррисону Дилворту и поблагодарить его за то, как старательно он упаковал и переправил им Норины картины. Они сидели у камина, когда Нора вспомнила об этом.

Прежде им приходилось звонить Гаррисону из телефонов-автоматов в Кармеле. Это оказалось излишней предосторожностью. И сейчас, вечером, у них не было ни малейшего желания садиться в машину и ехать в город.

— Мы могли бы позвонить ему завтра из Кармела,— предложил Тревис.

— Давай позвоним отсюда,— сказал он.— Если бы обнаружилась связь между тобой и Гаррисоном, он наверняка позвонил бы и предупредил нас.

— Он может и не знать о том, что они выявили такую связь,— сказал Тревис.— Может не догадываться, что за ним следят.

— Гаррисон бы об этом обязательно знал,— твердо сказала Нора.

Тревис кивнул:

— Да, я тоже уверен, что знал бы.

— Поэтому ты спокойно можешь позвонить ему отсюда.

Нора была на полпути к телефону, когда раздался звонок.

Голос оператора в трубке произнес:

— Вас вызывает мистер Гаррисон Дилворт из Санта-Барбары. Вы оплатите разговор?

Когда до десяти часов оставалось несколько минут, Лему после тщательного, но безрезультатного прочесывания парка и пляжа пришлось нехотя признать: Гаррисон Дилворт каким-то образом ускользнул от него. Он отослал своих людей обратно в штаб и бухту.

Лем с Клиффом тоже вернулись в бухту на спортивную яхту, с которой вели наблюдение за Дилвортом. Переговорив с катером береговой охраны, следующим за «Красавицей», они узнали, что приятельница адвоката, не доходя до Вентуры, повернула назад и сейчас направляется на север вдоль побережья в Санта-Барбару.

В бухту яхта вошла в десять тридцать шесть.

Лем с Клиффом ежились на колючем ветру на пустынном причале, принадлежавшем Гаррисону, и смотрели, как Делла плавно и мягко пришвартовывает яхту к берегу. Это было красивое, хорошо отделанное судно.

У Деллы даже достало наглости крикнуть им:

— Не стойте тут без дела! Хватайте трос и помогите мне привязать яхту!

Они исполнили ее просьбу, прежде всего потому, что им не терпелось поскорее поговорить с ней, а до тех пор, пока «Красавица» не пришвартуется, сделать это было невозможно.

Оказав женщине необходимую помощь, Лем и Клифф шагнули на палубу. На Клиффе были надеты кеды, но Лем был в обычных ботинках и чувствовал себя крайне неуверенно на мокрой палубе, особенно из-за небольшой качки.

Прежде чем они успели что-либо сказать Делле, голос у них за спиной произнес:

— Простите, джентльмены...

Лем обернулся и при свете фонаря увидел Гаррисона Диворта, входящего вслед за ними на яхту. На нем была одежда явно с чужого плеча. Брюки ему были очень широки в талии и держались на ремне. Зато они были ему коротки, и из-под них торчали голые щиколотки. Рубашка тоже была ему велика на несколько размеров.

— ...пожалуйста, извините меня, но мне просто необходимо переодеться во что-либо теплое из моей одежды и выпить чашку кофе...

Лем проговорил:

— Черт подери!

— ...чтобы согреть мои старые кости.

Задохнувшись от изумления, Клифф Соамс рассмеялся, затем взглянул на Лема и произнес:

— Извините.

Лем ощущал, как у него в желудке начались спазмы и все горит — язва давала о себе знать. Он даже не поморщился от боли, не согнулся пополам, даже не положил руку на живот — не подал ни единого признака того, что ему не по себе, чтобы не увеличивать и без того немалое удовлетворение, испытываемое Дивортом. Лем просто взглянул на адвоката, на женщину, а затем, не говоря ни слова, повернул к выходу.

— Этот пес,— сказал Клифф, догоняя шефа,— вызывает у всех чертовскую преданность.

Позже, укладываясь в постель в мотеле, потому что Лем слишком устал, чтобы завершить здесь все дела и отправиться домой в округ Оринджа, он думал о словах Клиффа. Преданность. *Чертовская* преданность.

Лем старался вспомнить, испытывал ли он когда-нибудь такое сильное чувство преданности по отношению к кому-либо, какое Корнеллы и Гаррисон Диворт, очевидно, испытывали по отношению к ретриверу.

Он крутился в постели, вертелся с боку на бок, а сон все не шел к нему, пока Лем наконец не понял: бесполезно пытаться выключить горевший в нем внутренний свет до тех пор, пока не докажет себе, что способен на такую же преданность и верность, какие встретил в Корнеллах и их адвокате.

Лем сел в темноте, прислонившись к изголовью кровати.

Да, конечно, он был чертовски предан своей стране, которую любил и уважал. И был предан управлению. Но другому *живому существу?* Ну хорошо, Карен, своей жене. Он был верен Карен сердцем, умом и телом. Любил Карен. Глубоко любил ее вот уже почти двадцать лет.

— Ну,— проговорил Лем вслух в пустом номере мотеля в два часа ночи,— ну, если ты так предан Карен, то почему ты сейчас не с ней?

Он был несправедлив по отношению к самому себе. В конце концов, у него было дело, очень важное дело.

— Вот в этом-то и беда,— пробормотал Лем,— у тебя всегда — *всегда* — есть какое-нибудь дело.

Ему приходилось проводить вдали от дома более ста ночей в году, каждую третью ночь. А когда был дома, половину времени мысли его блуждали совсем в другом месте, и он продолжал думать о последнем своем деле. Когда-то Карен хотела иметь детей, но Лем все откладывал это, говоря, что не готов нести ответственность за детей до тех пор, пока не будет уверен, что его положение надежно.

— Надежно? — сказал он.— Парень, ты же унаследовал деньги твоего папочки. Ты начинал, имея гораздо больше, чем большинство людей.

Если Лем был так же предан Карен, как эти люди своей собачонке, тогда эта преданность должна была означать, что ее желания превыше всего. Если Карен хотела иметь детей, это должно быть важнее карьеры. Так? По крайней мере, ему необходимо было пойти на компромисс и завести детей, когда им было чуть больше тридцати. До тридцати он мог заниматься карьерой, а после тридцати — наследниками. Сейчас ему сорок пять, а Карен — сорок три, и с детьми они опоздали.

Лема охватило чувство страшного одиночества.

Он вылез из постели, прошел в ванную, включил свет и внимательно стал разглядывать себя в зеркало. Глаза у него были

красные и потухшие. Лем так похудел за время этого расследования, что лицо его все больше напоминало скелет.

У него снова начались спазмы в животе, и он наклонился над раковиной, ухватившись за нее обеими руками. Язва заявила о себе с месяц назад, но его состояние ухудшалось с поразительной быстротой. Боль долго не отпускала его.

Когда Лем вновь взглянул на себя в зеркало, то сказал:

— Ты не верен даже самому себе, дурак. Убиваешь себя, загоняешь этой работой в гроб и не можешь остановиться. Ты не предан ни Карен, ни себе. На самом деле ты не предан даже управлению, если уж на то пошло. Черт подери, единственное, чему ты предан телом и душой, это идиотскому представлению твоего отца, что жизнь — это ходьба по канату.

Идиотскому.

Это слово, казалось, еще долго звучало в ванной. Лем любил и уважал своего отца, никогда не сказал о нем ничего плохого. А сегодня он признался Клиффу, что его отец был «невозможным человеком». А сейчас еще и это: «идиотское убеждение». Лем по-прежнему любил отца и всегда будет его любить. Но он стал задумываться о том, может ли сын любить отца и одновременно полностью отвергать все, чему тот его учил.

Год назад, месяц назад, даже несколько дней назад Лем не смел даже помыслить об этом. А сейчас, бог ты мой, это казалось не просто возможным, но и крайне важным — отделить любовь к отцу от приверженности его принципам.

— Что со мной происходит? — спросил Лем.— Свобода? Наконец-то свобода в сорок пять лет? — Скосив глаза в зеркало, он сказал: — Почти в сорок шесть.

Глава девятая

1

В воскресенье Тревис обратил внимание на то, что аппетит Эйнштейна по-прежнему оставлял желать лучшего, но в понедельник, двадцать девятого ноября, дела у ретривера, казалось, были в полном порядке. В понедельник и вторник Эйнштейн съел все без остатка и читал новые книги. Он чихнул всего лишь один раз и не кашлял вовсе. Пес пил больше воды, чем раньше,

но не слишком много. А если он и проводил больше времени у камина, бродил по дому с меньшим энтузиазмом... ну что ж, зима быстро вступала в свои права, а всем известно, что поведение животных меняется в зависимости от времени года.

В книжном магазине в Кармеле Нора купила «Настольный ветеринарный справочник для владельцев собак». Она провела несколько часов за кухонным столом, внимательно изучая его и выискивая возможные объяснения поведения Эйнштейна. Нора вычитала, что апатия, частичная потеря аппетита, чихание, кашель и повышенная жажда могли вызываться сотней разных недомоганий — а могли совсем ничего не значить.

— Похоже, единственное, чего у него не может быть, так это простуды,— сказала она.— Собаки в отличие от нас не простужаются.

Но к тому времени, как Нора раздобыла этот справочник, симптомы недомогания у Эйнштейна настолько уменьшились, что она решила: он абсолютно здоров.

В кладовке Эйнштейн с помощью «Скрэббл» сообщил им:

«ИСПРАВЕН, КАК СКРИПКА».

Наклоняясь к псу и поглаживая его, Тревис сказал:

— Ну, думаю, тебе лучше знать.

«ПОЧЕМУ ГОВОРЯТ: ИСПРАВЕН, КАК СКРИПКА?»

Возвращая карточки на место, Тревис объяснил:

— Ну, потому что это значит «совершенно здоров».

«А ПОЧЕМУ ЭТО ЗНАЧИТ "ЗДОРОВ"?»

Тревис поразмыслил над этой метафорой: «Исправен, как скрипка» — и понял, что не сможет объяснить, почему она означает то, что означает. Он хотел узнать у Норы, она подошла к двери в кладовку, но тоже ничего не придумала.

Достав лапой еще буквы и расположив их носом в нужном порядке, ретривер спросил:

«ПОЧЕМУ ГОВОРЯТ: НАДЕЖНЫЙ, КАК ДОЛЛАР?»

— Надежный, как доллар,— означает «в полном здравии»,— проговорил Тревис.

Нора сказала, обращаясь к собаке:

— Это выражение проще пояснить. Когда-то доллар США был самой надежной, самой стабильной в мире валютой. Полагаю, это и сейчас так. Многие десятилетия он, в отличие от других валют, не подвергался значительной инфляции, а значит, не

было причин разочаровываться в нем, и люди стали говорить: «Я надежен, как доллар». Конечно, доллар сейчас не тот, что прежде, и поэтому эта поговорка справедлива лишь отчасти, но мы все еще продолжаем ею пользоваться.

«ЗАЧЕМ ПРОДОЛЖАТЬ ЕЮ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ?»

— Потому что... мы так привыкли,— пожала плечами Нора.

«ПОЧЕМУ ГОВОРЯТ: ЗДОРОВ, КАК ЛОШАДЬ? ЛОШАДИ НИКОГДА НЕ БОЛЕЮТ?»

Собирая карточки и укладывая их на место, Тревис заметил:

— Нет, на самом деле лошади, несмотря на свой размер, хрупкие животные. Они легко заболевают.

Пес выжидательно посмотрел на Нору.

Она сказала:

— Наверное, мы говорим «здоров, как лошадь», потому что эти животные *выглядят* сильными и нам не верится, что они могут заболеть, хотя это случается то и дело.

— Придется тебе привыкать,— сказал Тревис собаке,— что мы, люди, часто говорим вещи, кажущиеся на первый взгляд бессмысленными.

Нажимая лапой на педали, выпускающие буквы, пес сообщил им:

«ВЫ СТРАННЫЕ СУЩЕСТВА».

Тревис взглянул на Нору, и они рассмеялись.

Под словами «ВЫ СТРАННЫЕ СУЩЕСТВА» ретривер вывел:

«НО Я ВАС ВСЕ РАВНО ЛЮБЛЮ».

Такие любознательность и чувство юмора, казалось, больше, чем что-либо другое, свидетельствовали о том, что Эйнштейн теперь полностью выздоровел.

Это было во вторник.

В среду, первого декабря, Нора рисовала в студии на втором этаже, а Тревис занимался проверкой системы безопасности и уходом за оружием.

В каждой комнате было тщательно спрятано какое-нибудь оружие: под мебелью, за шторами или в кладовке — но всегда где-то под рукой. У них было два дробовика «моссберг» с револьверными рукоятками, четыре «смит-вессона» девятнадцатой модели, заряженных пулями 57-го калибра, два пистолета 38-го калибра, которые они возили с собой в пикапе и «тойоте», карабин «узи» и два пистолета «узи». Они могли бы приобрести весь свой арсенал законным путем в местном оружейном магазине после того, как купили дом и зарегистрировались в графстве, но Тревис не мог ждать так долго. Он хотел, чтобы уже в первую ночь на новом месте у них было оружие, поэтому при посредничестве Ван Дайна в Сан-Франциско они с Норой нашли нелегального торговца оружием и купили все, что нужно. Естественно, им не удалось бы приобрести устройство автоматической стрельбы для «узи» законным путем, но они купили такие устройства в Сан-Франциско, и теперь карабин и пистолеты «узи» были полностью автоматическими.

Тревис ходил по комнатам, проверяя, так ли положено оружие, не запылилось ли оно, не нуждается ли в смазке и полностью ли заряжены магазины. Он знал, что все в полном порядке, но ему было спокойнее, если раз в неделю устраивалась такая проверка. Хотя Тревис уже много лет не носил формы, прежняя военная подготовка и привычки были у него в крови и под влиянием обстоятельств всплыли на поверхность быстрее, чем он ожидал.

Прихватив с собой «моссберг», он вместе с Эйнштейном также обходил кругом дом, останавливаясь у каждого небольшого инфракрасного датчика, которые были спрятаны везде, где только можно: за камнями и растениями, за стволами немногих деревьев на углах дома, за старым гнилым сосновым пнем в конце подъездной дорожки. Тревис открыто купил компоненты датчиков у торговца электронными изделиями. Датчики были устаревшими, но он выбрал их, поскольку был знаком с ними еще со времен своей службы в группе «Дельта» и они годились для его целей. Провода от датчиков тянулись под землей к сигнальному устройству, спрятанному в одном из кухонных шкафов. Когда система включалась на ночь, ни одно живое существо крупнее енота не могло подойти к дому ближе чем на тридцать футов или пробраться в амбар, расположенный за домом, не включив сигнальное устройство. При этом не было ни звонков, ни завывания сирены, потому что это спугнуло бы Аутсайдера и он мог сбежать. А им не хотелось отпугивать его; они хотели его убить. Поэтому при срабатывании сигнального устройства включались радиоприемники во всех комнатах, настроенные на такую громкость, которая не насторожит Аутсайдера, но сможет предупредить Тревиса и Нору.

Сегодня, как и обычно, все датчики были на месте. Все, что надо было сделать Тревису,— это стереть тонкий слой пыли, покрывший линзы.

— Дворцовый ров в отличном состоянии, мой господин,— сказал он.

Эйнштейн одобрительно заворчал.

В ржаво-красном амбаре Тревис с Эйнштейном осмотрели приспособления, которые, как они надеялись, преподнесут Аутсайдеру неприятный сюрприз.

В северо-западном углу полутемного помещения слева от большой вращающейся двери на стенной полке был закреплен стальной баллон со сжатым воздухом. В противоположном, юго-восточном углу задней части здания, за пикапом и автомобилем, на такой же полке стоял точно такой же баллон. Они напоминали большие пропановые баллоны, которые используются в летних домиках для приготовления пищи, но в них находился не пропан. Они были наполнены закисью азота, которую иногда не слишком точно называют «веселящим газом». Первая струя действительно могла развеселить вас и заставить смеяться, но вторая нокаутировала бы прежде, чем смех успел сорваться с ваших уст. Дантисты и хирурги часто пользуются закисью азота при анестезии. Тревис купил баллоны там же, в Сан-Франциско, у торговца медицинской техникой.

Включив в амбаре свет, он проверил манометры на обоих баллонах. Давление было в норме.

Помимо большой вертящейся двери в амбаре была еще одна, поменьше, в рост человека, расположенная в задней его части. Других дверей не было. Пару окон на чердаке Тревис забил досками. По ночам, когда включалась сигнальная система, маленькая задняя дверь оставалась незапертой — Тревис надеялся, что Аутсайдер, намереваясь приблизиться к дому под прикрытием амбара, попадется в ловушку. Когда он войдет, сработает механизм, который захлопнет и запрет за ним дверь. Передняя дверь, уже запертая снаружи, не даст ему выйти в эту сторону.

Сразу же после того, как захлопнется ловушка, большие баллоны с закисью азота освободятся от всего своего содержимого менее чем за минуту, поскольку Тревис снабдил их клапанами экстренного выпуска, подсоединенными к сигнальной системе. Он законопатил все щели в амбаре, чтобы газ не мог улетучиться через них, прежде чем откроют одну из дверей.

Аутсайдеру не удастся спрятаться в пикапе или «тойоте», так как они будут заперты. В амбаре не останется ни уголка, где можно будет укрыться от газа. Не пройдет и минуты, как существо потеряет сознание. Тревис подумывал, не применить ли ему какой-нибудь отравляющий газ, который, вероятно, можно было бы найти у нелегальных торговцев, но потом решил этого не делать, поскольку, если что-либо пойдет не по плану, опасность для него, Норы и Эйнштейна будет слишком велика.

После того как Аутсайдер потеряет сознание, Тревис сможет просто открыть одну из дверей, проветрить амбар, войти туда с карабином «узи» и убить эту тварь. В самом худшем случае, если во время проветривания Аутсайдер и придет в себя, он все еще будет нетвердо стоять на ногах и плохо соображать и с ним будет легко справиться.

Убедившись, что в амбаре все в полном порядке, Тревис и Эйнштейн вернулись во двор за домом. Декабрьский день был прохладным, но безветренным. Лес, окружавший усадьбу, казался неестественно тихим. Деревья стояли неподвижно под низко нависшим над ними небом с серо-голубыми облаками.

Тревис спросил:

— Аутсайдер по-прежнему идет сюда?

Быстро вильнув хвостом, Эйнштейн ответил: *Да.*

— Он уже близко?

Пес втянул носом чистый зимний бодрящий воздух. Он прошел через двор на север по направлению к окружавшему участок лесу и снова вдохнул, вытянул голову и напряженно уставился в глубь деревьев. Затем проделал то же самое с южной стороны.

У Тревиса создалось впечатление, что на самом деле псу не нужны были зрение, слух и обоняние при поисках Аутсайдера. Он следил за ним особым образом, отличным от того, каким бы выслеживал кугуара или белку. Тревис полагал, что собака прибегает к неведомому шестому чувству — назовите его психическим или по крайней мере квазипсихическим. Использование ретривером обычных чувств было, вероятно, или курком, запускающим эту психическую способность, или просто привычкой.

Наконец Эйнштейн вернулся к нему и издал какое-то странное завывание.

— Он что, близко? — спросил Тревис.

Пес понюхал воздух, затем оглядел окружающий их мрачный лес, как будто не зная, что ответить.

— Эйнштейн? Что-нибудь случилось?

В конце концов ретривер пролаял: *Нет.*

— Аутсайдер подбирается к нам?

Колебание. Затем: *Нет.*

— Ты уверен?

Да.

— Действительно уверен?

Да.

Когда Тревис открыл дверь дома, ретривер отвернулся от него, прошел к заднему крыльцу и замер, оглядывая в последний раз двор и мирный молчаливый темный лес. Затем легкая дрожь пробежала по его телу, и он вошел вслед за Тревисом в дом.

Днем во время осмотра оборонительных приспособлений Эйнштейн был ласковее обычного, часто терся о ноги Тревиса, прижимался к нему и всячески старался вызвать ответную ласку, поглаживание или почесывание. Вечером, когда они втроем, сидя на полу в гостиной, смотрели телевизор, а затем играли в «Скрэббл», пес продолжал ласкаться. Он то и дело клал голову на колени то Норе, то Тревису. Казалось, его вполне бы устроило, если бы ему до самого лета почесывали за ухом и гладили.

За время, прошедшее после их первой встречи в предгорьях Санта-Аны, у ретривера несколько раз бывали всплески чисто собачьего поведения, когда с трудом верилось, что он обладает интеллектом сродни человеческому. Сегодня он вновь был в таком настроении. Несмотря на проявленную им во время игры в «Скрэббл» сообразительность — он уступил только Норе и получал чертовское удовольствие от составления слов, слабо намекающих на ее пока еще незаметную беременность,— он был тем не менее просто собакой.

Нора и Тревис закончили вечер легким чтением — детективными романами,— но Эйнштейн не захотел, чтобы они утруждали себя, вставляя книгу в его приспособление для переворачивания страниц. Вместо этого он улегся на полу перед Норином креслом и мгновенно уснул.

— Он какой-то немного заторможенный,— сказала Нора Тревису.

— Но он ведь все съел за ужином. И потом, у нас действительно был трудный день.

Дыхание спящего пса было нормальным, и Тревис не волновался. Он даже меньше, чем прежде, беспокоился за их будущее. Проверка всех мер предосторожности вновь внушила ему уверенность в то, что они справятся с Аутсайдером, когда он доберется до них. А благодаря смелости и преданности Гаррисона Дилворта все попытки правительственных органов обнаружить их были сорваны, возможно навсегда. Нора снова с большим энтузиазмом занялась живописью, а Тревис решил использовать свою лицензию агента по продаже недвижимости и сразу же после уничтожения Аутсайдера приступить к работе под именем Сэмюэля Хайатта. А если пес и был немного вялым... ну что ж, он, без всякого сомнения, был более энергичен, чем в последнее время, и завтра или самое позднее послезавтра снова станет самим собой.

Этой ночью Тревис спал без всяких сновидений.

Утром он поднялся раньше Норы. Когда Тревис принял душ и оделся, Нора тоже была уже на ногах. По дороге в ванную она поцеловала его, куснула в губу и пробормотала сонные уверения в любви. Глаза ее припухли, волосы спутались, зубы не чищены, но он все равно затащил бы ее в постель, если бы она не сказала:

— Можешь застрелить меня, Ромео. Сейчас мое единственное желание — пара яиц, бекон, тост и кофе.

Тревис спустился вниз и, начав с гостиной, принялся открывать внутренние ставни, впуская утренний свет. Небо казалось таким же низким и серым, как вчера, и он не удивился бы, если бы пошел дождь.

В кухне Тревис обратил внимание на то, что дверь в кладовку открыта и в ней горит свет. Он заглянул внутрь в поисках Эйнштейна, но единственным указанием на пса было послание, составленное им ночью:

«СКРИПКА СЛОМАЛАСЬ. НЕ НАДО ДОКТОРА. ПОЖАЛУЙСТА. НЕ ХОЧУ ОБРАТНО В ЛАБОРАТОРИЮ. БОЮСЬ. БОЮСЬ».

— О господи, боже мой!

Тревис вышел из кладовки и крикнул:

— *Эйнштейн!*

Никто не залаял в ответ и не прошлепал ему навстречу.

Окна в кухне все еще были закрыты ставнями, и света из кладовки было недостаточно, чтобы осветить всю комнату. Тревис рывком включил свет.

Собаки не было.

Он вбежал в кабинет. Ретривера там тоже не было.

С почти до боли колотящимся сердцем Тревис помчался наверх, перепрыгивая через ступеньки, заглянул в третью спальню, которая в один прекрасный день станет детской, а затем в комнату, служившую Норе студией, но Эйнштейна нигде не было. Не было его и в главной спальне, не было даже под кроватью, куда в отчаянии заглянул Тревис. Какое-то мгновение он никак не мог сообразить, куда, черт возьми, подевался пес, и стоял, прислушиваясь к Нориному пению в ванной,— она до сих пор не знала о том, что произошло,— и Тревис уже направился было к ней, чтобы сказать о случившемся, как вдруг вспомнил о ванной на первом этаже. Он выбежал из спальни через холл и понесся вниз по лестнице так стремительно, что чуть не потерял равновесие и не упал, и там, в ванной комнате, между кухней и кабинетом нашел то, что искал.

В ванной стояла ужасная вонь. Пса, всегда такого аккуратного, стошнило в унитаз, но у него не хватило сил — а может быть, ясности ума,— чтобы спустить за собой воду. Эйнштейн лежал на боку на полу, Тревис опустился на колени рядом с ним. Ретривер не шевелился, но был жив, жив — Тревис слышал его дыхание, но оно было хриплым. Узнав голос Тревиса, он попытался поднять голову, но у него не было сил пошевелиться.

Его глаза, Господи Иисусе, его глаза!

Очень мягко Тревис приподнял голову собаки и увидел, что эти всегда такие удивительно выразительные коричневые глаза потускнели. Из них медленно стекала водянистая желтая жидкость; она запеклась на его золотистой шерсти. Такие же липкие выделения текли из ноздрей.

Положив руку на шею ретривера, Тревис почувствовал затрудненное и неритмичное сердцебиение.

— Нет,— сказал Тревис.— О нет, нет. Этого не будет, парень. Я не допущу, чтобы это случилось.

Он опустил голову ретривера на пол, встал и повернулся к двери, а Эйнштейн едва слышно завыл, как бы желая сказать, что не хочет оставаться один.

— Я сразу же вернусь, сразу же,— пообещал Тревис.— Держись, парень. Я быстро.

Он понесся вверх по лестнице еще быстрее, чем прежде. Сердце его колотилось с такой силой, что казалось, сейчас вырвется из груди. Тревис тяжело дышал.

Нора только что вышла из-под душа и стояла в ванной голая, с нее стекала вода.

Тревис выпалил:

— Быстро одевайся, нам срочно нужен ветеринар, ради бога поторопись.

Она в ужасе спросила:

— Что случилось?

— Эйнштейн! Скорее! Я думаю, он умирает.

Он сдернул с постели одеяло и, оставив Нору одеваться, поспешил вниз, в ванную комнату. Прерывистое дыхание ретривера, казалось, за ту минуту, что Тревис отсутствовал, стало еще хуже. Он сложил одеяло вчетверо, затем положил на него пса.

Эйнштейн испустил болезненный стон, как будто каждое движение причиняло ему боль.

Тревис сказал:

— Спокойно, спокойно. С тобой все будет в порядке.

В дверях показалась Нора. Она на ходу застегивала влажную блузку, поскольку, чтобы не терять времени, надела ее прямо на мокрое тело. Волосы у нее были влажные.

Задыхаясь от волнения, Нора проговорила:

— Ох, мохнатая морда, нет, нет.

Она хотела наклониться и потрогать ретривера, но нельзя было медлить. Тревис сказал:

— Подгони к дому пикап.

Пока Нора неслась к амбару, Тревис, как мог, укутал Эйнштейна в одеяло, так что из него виднелись только голова, хвост и задние лапы. Безуспешно стараясь не причинять ретриверу боли, Тревис взял его на руки и понес из ванной через кухню на улицу, захлопнув за собой дверь, но не заперев ее: сейчас ему было наплевать на безопасность.

Похолодало. Вчерашнего спокойствия как не бывало. Вечнозеленые деревья раскачивались и дрожали, и было что-то злове-

щее в их ощетинившихся игольчатых ветвях. Другие, стоящие с голыми ветвями, вздымали в мрачное небо свои черные костлявые руки.

Нора в амбаре завела пикап. Взревел мотор.

Тревис осторожно спустился с крыльца и медленно пошел к подъездной дорожке, ступая так аккуратно, как будто нес в руках тончайший старинный фарфор. Порывистый ветер, казалось, обладал какой-то злой волей: он поднимал его волосы, хлопал свободными концами одеяла, взъерошивая шерсть на торчащей из-под одеяла голове Эйнштейна, и стремился оторвать от Тревиса пса.

Нора круто развернула пикап и остановилась, поджидая Тревиса. Вести машину будет она.

Верно замечено: в определенные критические моменты, во время больших эмоциональных переживаний женщины лучше мужчин умеют взять себя в руки и делать то, что надо. Сидя на пассажирском месте и укачивая лежащего у него на руках завернутого в одеяло пса, Тревис был не в состоянии вести автомобиль. Его била сильная дрожь, и он понял: у него из глаз непрерывно катятся слезы с того самого момента, когда нашел Эйнштейна на полу в ванной комнате. У Тревиса случались тяжелые минуты во время службы в армии; и даже во время опаснейших операций, проводимых группой «Дельта», он никогда не поддавался панике или страху, но в этот раз все было по-другому: это ведь был Эйнштейн, *это был его ребенок*. Если бы ему пришлось сесть за руль, Тревис, наверное, сразу же врезался бы в дерево или съехал с дороги прямо в кювет. У Норы тоже в глазах стояли слезы, но она не поддавалась им. Она кусала губы и ехала дальше, как если бы ее специально готовили к участию в трюках во время киносъемок.

В конце грунтовой дороги они свернули направо и по извилистому шоссе «Пасифик коаст» поехали на север, в Кармел, где должен быть хотя бы один ветеринар.

Во время поездки Тревис разговаривал с Эйнштейном, стараясь успокоить и подбодрить его.

— Все будет в порядке, в полном порядке, все не так плохо, как кажется, ты будешь как новенький.

Эйнштейн захныкал и слабо заворочался на руках у Тревиса, и тот понял, о чем думает пес. Ретривер боялся, как бы ветеринар не обнаружил у него в ухе татуировку, тогда он поймет, что она означает, и отправит его обратно в Банодайн.

— Не бойся, мохнатая морда. Никто не сможет отнять тебя у нас. Клянусь тебе, никто. Им придется сначала иметь дело со мной, и у них ничего не выйдет, ничего.

— Ничего,— мрачно подтвердила Нора.

Но Эйнштейн, прижатый в одеяле к груди Тревиса, отчаянно затрясся.

В памяти Тревиса всплыли слова, выложенные на полу в кладовке:

«СКРИПКА СЛОМАЛАСЬ... БОЮСЬ... БОЮСЬ...»

— Не бойся,— умоляюще произнес он.— Не бойся. Бояться нечего.

Несмотря на идущие от сердца заверения Тревиса, Эйнштейн дрожал и боялся, и Тревису тоже было страшно.

2

Остановившись на станции технического обслуживания на окраине Кармела, Нора отыскала адрес ветеринара в телефонном справочнике и позвонила ему, чтобы убедиться, что он на месте. Клиника доктора Джеймса Кина находилась на Долорес-авеню, на южной окраине города. Когда они доехали туда, было без нескольких минут девять.

Нора ожидала увидеть типичную, кажущуюся стерильной ветеринарную лечебницу и с удивлением обнаружила, что доктор Кин практикует у себя дома в симпатичном двухэтажном коттедже в английском стиле, из камня и бревен, с загибающейся по углам крышей.

Они еще торопливо шли по каменной дорожке к дому, неся Эйнштейна на руках, а Кин уже открывал им дверь, как будто высматривал, не едут ли они. Стрелка показывала, что вход в лечебницу находится с другой стороны здания, но ветеринар впустил их через парадную дверь. Это был высокий человек со скорбным выражением лица, желтоватой кожей и печальными карими глазами, но теплой улыбкой и обходительными манерами.

Закрывая дверь, доктор Кин сказал:

— Сюда, пожалуйста.

Он быстро провел их через холл с дубовым паркетом и длинной узкой ковровой дорожкой. Налево, за аркой, виднелась уютно обставленная жилая комната, которая действительно выглядела жилой, с подставочками для ног, стоящими перед креслами, настольными лампами, книжными стеллажами и вязаными шерстяными пледами, аккуратно перекинутыми через спинки некоторых стульев на случай зябких вечеров. В арке стоял пес, черный лабрадор. Он серьезно посмотрел на них, как будто понимал всю тяжесть состояния Эйнштейна, и не последовал за ними.

Они прошли за ветеринаром в глубь дома и, свернув налево от холла, оказались в чистой приемной. Вдоль стен стояли шкафы из белой эмали и нержавеющей стали, сквозь стеклянные дверцы которых были видны пузырьки с лекарствами, сыворотками, таблетками, капсулами и огромным количеством различных порошковых ингредиентов, из которых составляют более экзотические препараты.

Тревис осторожно опустил Эйнштейна на смотровой стол и развернул одеяло.

Нора отчетливо увидела, что они с Тревисом ведут себя точь-в-точь как обезумевшие родители, принесшие к врачу умирающего ребенка. У Тревиса были красные глаза, хотя он больше не плакал, но непрерывно сморкался. Сама Нора, как только припарковала пикап перед домом и поставила его на ручной тормоз, больше не могла сдерживать слезы. Сейчас она стояла по другую сторону смотрового стола от доктора Кина, обхватив рукой Тревиса, и тихо плакала.

Ветеринар, очевидно, привык к проявлению сильных эмоций со стороны владельцев своих пациентов, потому что ни разу не взглянул на Нору и Тревиса и ни разу ничем не выказал, что находит их волнение и горе чрезмерными.

Доктор Кин прослушал сердце и легкие ретривера стетоскопом, пропальпировал его живот, осмотрел гноящиеся глаза с помощью офтальмоскопа. На протяжении всех этих и еще нескольких других процедур Эйнштейн оставался неподвижным, как будто парализованным. Только по его слабым завываниям и неровному дыханию можно было понять, что он все еще жив.

«Все не так страшно, как кажется»,— повторяла про себя Нора, промокая глаза носовым платком.

Посмотрев на Нору и Тревиса, доктор Кин спросил:

— Как его зовут?

— Эйнштейн,— ответил Тревис.

— Сколько времени он живет с вами?

— Всего несколько месяцев.

— Ему делали прививки?

— Нет,— сказал Тревис.— Не делали, черт побери.

— А почему?

— Это... сложно объяснить,— сказал Тревис.— Но есть причины, по которым мы не могли сделать ему прививки.

— Все причины несостоятельны,— неодобрительно произнес Кин.— У него нет свидетельства, нет прививок. Вы поступили крайне безответственно, не оформив положенных документов и не сделав ему прививок.

— Знаю,— произнес Тревис упавшим голосом.— Знаю.

— А что с Эйнштейном? — спросила Нора, мысленно повторяя как заклинание: «Все не так страшно, как кажется».

Слегка поглаживая ретривера, Кин ответил:

— У него чумка.

Эйнштейна переложили в угол кабинета на толстый, в длину собаки матрац с полиэтиленовым чехлом на «молнии». Чтобы он не мог никуда уйти — если когда-нибудь у него будут силы двигаться,— его привязали коротким ремешком к кольцу в стене.

Доктор Кин сделал ретриверу инъекцию.

— Антибиотик,— объяснил он.— Против чумки нет эффективных антибиотиков, но они необходимы, чтобы избежать вторичных бактериальных инфекций.

Он также вколол иглу в одну из вен на лапе ретривера и подсоединил ее к капельнице, чтобы избежать обезвоживания.

Когда ветеринар попытался надеть на Эйнштейна намордник, Нора и Тревис с жаром запротестовали.

— Я не боюсь, что он может меня укусить,— объяснил доктор Кин.— Это необходимо для его же пользы, чтобы помешать ему впиться зубами в иглу. Как только у него появятся силы, он начнет делать то, что всегда делают с ранами собаки: зализывать их и пытаться уничтожить зубами любой источник раздражения.

— Только не этот пес,— сказал Тревис.— Этот пес — особенный.

Он оттолкнул Кина и, подойдя к собаке, снял с нее приспособление, связывающее челюсти.

Ветеринар хотел было запротестовать, но потом передумал.

— Ладно. Пусть пока лежит так. Сейчас он, в любом случае, слишком слаб.

Все еще стараясь отрицать ужасную правду, Нора сказала:

— Но насколько это серьезно? У него были всего лишь очень слабые симптомы болезни, да и те исчезли через пару дней.

— У половины всех собак, больных чумкой, вообще не бывает никаких симптомов,— сказал ветеринар, убирая в один из шкафов пузырек с антибиотиками и бросая использованный шприц в мусорное ведро.— У других симптомы слабые, которые то появляются, то исчезают. Некоторые болеют очень тяжело, как Эйнштейн. Это может быть постепенно прогрессирующая форма болезни, а могут сначала появиться слабые симптомы, а потом... такое. Но во всем этом есть светлая сторона.

Тревис сидел на корточках рядом с Эйнштейном, чтобы тот мог видеть его, не поднимая головы и не вращая глазами, и чувствовать, что за ним ухаживают, присматривают, любят. Заслышав слова Кина о светлой стороне, Тревис с надеждой поднял на него глаза:

— Какая светлая сторона? Что вы имеете в виду?

— Зачастую течение чумки определяется состоянием пса до заражения. Наиболее тяжело болеют животные, за которыми был плохой уход и которых плохо кормили. А я вижу, что за Эйнштейном очень хорошо ухаживали.

Тревис сказал:

— Мы старались хорошо его кормить и следить за тем, чтобы он был в хорошей физической форме.

— А мыли и чистили его даже *слишком* часто,— добавила Нора.

Улыбнувшись и в знак одобрения кивнув головой, доктор Кин сказал:

— Тогда у него есть преимущество. У нас есть самая настоящая надежда.

Нора встретилась глазами с Тревисом, но он быстро отвел взгляд и посмотрел вниз на ретривера. Вопрос, которого они так боялись, пришлось задавать ей:

— Доктор, он поправится, правда? Он не... он не умрет, ведь так?

Очевидно, Джеймс Кин знал, что его от природы хмурое лицо и потупленный взгляд не могут вселить надежду. Он тепло улыбнулся и заговорил мягким, но уверенным голосом; у него появились почти отеческие манеры, которые, может быть, и были искусственными, но казались искренними и помогали уравновешивать вечное уныние, которым наградил его Господь Бог.

Он подошел к Норе и положил руки ей на плечи:

— Дорогая, вы любите этого пса так, как если бы он был вашим сыном, да?

Она закусила губу и кивнула.

— Тогда вы должны верить. Верить в Бога, который, говорят, все видит, и доверять немного мне. Я довольно хорошо знаю свое дело и заслуживаю вашего доверия.

— Я верю, что вы хороший ветеринар,— ответила Нора.

Все еще сидя на корточках рядом с Эйнштейном, Тревис приглушенно спросил:

— Но шансы. Каковы шансы? Скажите нам прямо.

Отпустив Нору и повернувшись к Тревису, Кин сказал:

— Ну что же, выделения из глаз и носа не такие мутные, как могли бы быть. Далеко нет. На животе нет гнойников. Вы говорите, его рвало, но поноса не было?

— Нет. Только рвота,— сказал Тревис.

— Температура у него высокая, но не опасная. У него сильно текла слюна?

— Нет,— ответила Нора.

— Он не тряс головой и не делал такого жевательного движения, как если бы у него во рту был плохой привкус?

— Нет,— хором ответили Тревис и Нора.

— А вы не видели, он не бегал кругами, не падал без причины на землю? Не лежал на боку и не брыкался ногами, как будто бежит? Не бродил бесцельно по комнате, не натыкался на стены, не дергался, не было у него судорог или чего-нибудь еще в этом роде?

— Нет-нет,— сказал Тревис.

А Нора спросила:

— Боже мой, неужели все это бывает?

— Если болезнь перейдет во вторую стадию, да,— ответил Кин.— Тогда может быть затронут мозг. Возможны припадки вроде эпилептических. Энцефалит.

Тревис поднялся, неожиданно как-то странно накренившись. Шатаясь, он направился к Кину, затем, качнувшись, остановился. Лицо у него было бледное как полотно. В глазах застыл ужас.

— Затронут мозг? А если он поправится, у него будет... поврежден мозг?

Нора почувствовала, как у нее к горлу волнами подкатывает маслянистая тошнота. Она представила себе Эйнштейна после болезни; такой же разумный, как человек, достаточно разумный, чтобы вспомнить, что некогда он был особенным, и знать, что это утеряно навсегда, что сейчас ты живешь тусклой, серой жизнью, не такой полной, как прежде. От страха у нее закружилась голова, и ей пришлось прислониться к смотровому столу.

Ветеринар сказал:

— Большинство собак не переносят чумки второй стадии. Но если Эйнштейн выживет, все равно у него будет задет мозг. Конечно, ничего такого, из-за чего его придется усыплять. У него, например, может на всю жизнь остаться хорея, то есть непроизвольное подергивание или дрожание, что-то вроде паралича, часто оно ограничивается только головой. Но при этом пес будет чувствовать себя относительно счастливым, вести безболезненное существование и оставаться по-прежнему симпатичным домашним животным.

Тревис почти прокричал Кину:

— Мне плевать, будет он симпатичным животным или нет. Меня не волнуют *физические последствия* повреждения мозга. Что станет с его *разумом*?

— Ну, собака будет узнавать своих хозяев,— сказал ветеринар,— будет к вам привязана. Здесь никаких проблем. Возможно, она будет много спать. Возможны периоды апатии. Но почти наверняка утеряет некоторые навыки. Не то чтобы забудет, чему его учили...

Дрожа всем телом, Тревис сказал:

— Мне плевать, Эйнштейн может мочиться по всему дому, мне важно, чтобы он по-прежнему мог думать!

— Думать? — повторил явно сбитый с толку доктор Кин.— Ну... что вы конкретно имеете в виду? Он ведь все-таки всего лишь собака.

Прежде ветеринар воспринимал их тревожное, со взрывами отчаяния поведение как нормальную в подобных ситуациях реакцию. Но теперь наконец он начал смотреть на них по-иному.

Отчасти для того, чтобы сменить тему и усыпить подозрения ветеринара, отчасти потому, что она просто хотела услышать ответ, Нора спросила:

— Хорошо, а сейчас у Эйнштейна вторая стадия?

Кин ответил:

— Судя по тому, что я до сих пор видел, он все еще в первой стадии. Сейчас лечение начато, и, если в течение последующих суток мы не увидим более тяжелых симптомов, я думаю, у нас есть хороший шанс удержать его на этой стадии и затем выйти из нее.

— А на первой стадии мозг не затрагивается? — спросил Тревис так настойчиво, что Кин снова вскинул вверх брови.

— Нет, на первой стадии нет.

— А если он останется на первой стадии,— сказала Нора,— он не умрет?

Стараясь говорить как можно мягче и успокаивающе, Джеймс Кин сказал:

— Ну, сейчас у него очень хорошие шансы пережить чумку первой степени — и без каких бы то ни было последствий. Я хочу, чтобы вы поняли, что его шансы на выздоровление достаточно высоки. Но в то же время не хочу вселять в вас излишнюю уверенность. Это было бы жестоко. Даже если болезнь не будет прогрессировать дальше первой стадии, Эйнштейн может умереть. Больше шансов за то, что он выживет, но смертельный исход не исключен.

Нора снова расплакалась. Она думала, что взяла себя в руки. Думала, что готова быть сильной. Но сейчас не сдержалась. Нора подошла к Эйнштейну, села рядом с ним на пол и положила

ему руку на плечо, просто чтобы дать ему понять, что она рядом.

Кина слегка начала раздражать — и здорово озадачивать — их буйная эмоциональная реакция на плохую новость. В его голосе появились жесткие нотки. Он сказал:

— Послушайте, единственное, что мы можем сейчас для него сделать, это обеспечить первоклассный уход и не терять надежды. Естественно, ему придется остаться здесь, поскольку чумка требует сложного лечения, и оно должно проводиться под наблюдением ветеринара. Я буду держать его на внутривенных вливаниях, антибиотиках... регулярно давать противосудорожные и седативные препараты, если у него начнутся припадки.

Нора рукой ощутила, как задрожал Эйнштейн, как будто слышал и понял все эти страшные перспективы.

— Хорошо, о'кей, согласен,— сказал Тревис,— очевидно, ему придется побыть у вас. Мы останемся с ним.

— В этом нет необходимости...— начал Кин.

— Хорошо, необходимости нет,— быстро проговорил Тревис,— но мы хотим остаться, нам будет удобно, мы можем спать сегодня здесь на полу.

— О, боюсь, это невозможно,— сказал ветеринар.

— Нет, возможно, о нет, совершенно возможно,— пробормотал Тревис, стараясь убедить ветеринара.— Не беспокойтесь о нас, доктор. Мы прекрасно устроимся. Мы нужны Эйнштейну тут, и мы тут останемся и конечно же заплатим вам за причиненные неудобства.

— Но у меня здесь не гостиница!

— Мы должны остаться,— твердо сказала Нора.

Кин сказал:

— Послушайте, я нормальный человек, но...

Тревис обеими руками схватил правую руку ветеринара и крепко сжал ее, чем несказанно удивил Кина.

— Послушайте, доктор Кин, пожалуйста, позвольте мне попытаться объяснить. Я понимаю, это необычная просьба. Я знаю, что мы кажемся вам парочкой сумасшедших, но у нас есть на то свои причины, и они очень веские. Это не простой пес, доктор Кин. Он спас меня...

— И меня тоже,— сказала Нора.— При других обстоятельствах.

— И мы познакомились благодаря ему,— сказал Тревис.— Не будь Эйнштейна, мы бы никогда не встретились, никогда не поженились, и нас бы уже не было на свете.

Кин ошарашенно переводил взгляд с одного на другого.

— Вы хотите сказать, спас вас обоих в буквальном смысле? И при разных обстоятельствах?

— Именно так,— ответила Нора.

— А затем познакомил вас?

— Да,— сказал Тревис.— Изменил наши жизни коренным образом.

Сжатый руками Тревиса ветеринар взглянул на Нору, опустил свои добрые глаза на тяжело дышащего ретривера, покачал головой и произнес:

— Обожаю истории про собак-героев. Вам придется рассказать мне ваши.

— Мы вам все расскажем,— пообещала Нора, а про себя решила: это будут тщательно отредактированные версии.

— Когда мне было пять лет,— сказал Джеймс Кин,— я чуть было не утонул, и меня спас черный лабрадор.

Нора припомнила красивого черного лабрадора в гостиной и подумала, не потомок ли он пса, спасшего Кина, или просто напоминание о том, что он в долгу перед собаками.

— Хорошо,— сказал Кин,— вы можете остаться.

— Спасибо,— голос Тревиса дрогнул.— Спасибо.

Высвободив свою руку из рук Тревиса, Кин сказал:

— Но должно пройти по меньшей мере сорок восемь часов, прежде чем я смогу с уверенностью сказать, что Эйнштейн выживет. Это долго.

— Сорок восемь часов — это ничто,— сказал Тревис.— Всего лишь две ночи на полу. Мы справимся.

Кин сказал:

— У меня есть подозрение, что для вас двоих эти сорок восемь часов покажутся вечностью.— Он взглянул на часы и проговорил: — Так, минут через десять придет моя ассистентка, и вскоре после этого мы начнем утренний прием. Я не хочу, чтобы, пока я занимаюсь пациентами, вы путались у меня под ногами. Да и вряд ли доставит большое удовольствие сидеть в

приемной вместе с толпой других взволнованных хозяев и больных животных; это только еще больше расстроит вас. Вы можете обождать в гостиной, а после приема вернетесь сюда, к Эйнштейну.

— А днем нам можно к нему заглядывать?

Кин улыбнулся:

— Ладно. Но только заглядывать.

Эйнштейн под Нориной рукой наконец перестал дрожать. Частично напряжение покинуло его, и он расслабился, как если бы слышал, что им разрешили остаться рядом, и это его сильно успокоило.

Утро тянулось мучительно долго. В гостиной доктора Кина были телевизор, книги и журналы, но ни Нора, ни Тревис не могли сконцентрироваться ни на телевизионных передачах, ни на чтении.

Примерно каждые полчаса они по очереди проскальзывали через холл и заглядывали к Эйнштейну. Им не показалось, что он чувствует себя хуже, но и лучше ему тоже не стало.

Один раз к ним зашел Кин и сказал:

— Между прочим, к вашим услугам ванная комната, а в холодильнике есть прохладительные напитки. Если хотите, можете сварить себе кофе.— Улыбнувшись, он посмотрел на стоящего у его ног черного лабрадора.— А этого приятеля зовут Пука. Он вас страшно полюбит, если вы только дадите ему такую возможность.

В самом деле, Пука оказался одним из самых дружелюбных псов, каких Нора встречала. Без всяких просьб он перекатывался с боку на бок, притворялся мертвым, вставал на задние лапы, а затем, сопя и виляя хвостом, подходил к ним, чтобы его приласкали или почесали в виде вознаграждения.

Все утро Тревис игнорировал любые попытки лабрадора обратить на себя внимание, как если бы он, приласкав собаку, каким-то образом предал Эйнштейна и тем самым вызвал его смерть от чумки.

Нора, напротив, находила в псе утешение и дарила ему то внимание, которого он так жаждал. Она говорила себе, что, если будет хорошо обращаться с Пукой, богам это понравится, и тогда они благосклонно отнесутся к Эйнштейну. Результатом

ее отчаяния было не менее страстное, чем у мужа,— хотя и совершенно обратное — суеверие.

Тревис бродил взад-вперед по комнате, затем садился на краешек стула, наклонив голову и обхватив ее руками. Подолгу он стоял у одного из окон, глядя на улицу, но не видя ничего, кроме какого-то темного отражения собственных мрачных мыслей. Он винил себя за то, что случилось, и истинное положение вещей (о котором ему напоминала Нора) никак не уменьшало его иррациональное чувство вины.

Смотря в окно и обхватив себя руками, как будто ему было холодно, Тревис тихо спросил:

— Как ты думаешь, Кин видел татуировку?

— Не знаю. Может быть, и нет.

— Думаешь, действительно всем ветеринарам разослали приметы Эйнштейна? Кин догадается, что означает татуировка?

— Возможно, и нет,— ответила Нора.— Вероятно, в нас говорит параноидальный страх.

Но, узнав от Гаррисона об усилиях, предпринятых правительством, чтобы помешать адвокату предупредить их, они понимали, что развернутые широкомасштабные поиски собаки все еще продолжаются. А значит, говорить о «параноидальном страхе» не приходилось.

С двенадцати до четырнадцати часов дня у доктора Кина был перерыв. Он пригласил Нору и Тревиса в свою просторную кухню на ленч. Кин был холостяком и сам о себе заботился: его морозильная камера была битком набита разными замороженными блюдами, которые он сам приготовил и упаковал. Ветеринар разморозил отдельно завернутые ломтики лазаньи домашнего приготовления и при помощи гостей сделал три салата. Все было очень вкусно, но ни у Норы, ни у Тревиса не было аппетита.

Чем больше Нора узнавала Джеймса Кина, тем больше он ей нравился. Несмотря на мрачную внешность, ветеринар оказался веселым человеком, и его чувство юмора распространялось и на него самого. Он весь изнутри светился любовью к животным, и это придавало ему особую привлекательность. Собаки были его страстью, и, когда Кин говорил о них, энтузи-

азм преображал его блеклые черты и он становился красивее и привлекательнее.

Доктор поведал им о Кинге, черном лабрадоре, который спас его в детстве, и попросил Нору и Тревиса рассказать о том, как Эйнштейн спас их. Тревис в красках поведал ему, как в горах он чуть было не наткнулся на раненого и разъяренного медведя. Описал, как Эйнштейн предупредил его и затем, когда обезумевший медведь погнался за ним, отвлекал медведя и несколько раз сбивал со следа. Нора смогла рассказать историю, более близкую к истине: как на нее набросился сексуальный маньяк и как ему помешал Эйнштейн, который задержал его и не отпускал до прибытия полиции.

Кин был потрясен:

— Он и правда герой!

Нора чувствовала: своими рассказами о собаке они настолько завоевали расположение ветеринара, что если он и обнаружил татуировку и знал, что она означает, то, скорее всего, выбросит все это из головы и даст им уйти с миром, когда Эйнштейн поправится. Если Эйнштейн поправится.

Но, когда они убирали со стола, Кин спросил:

— Сэм, я тут все думаю: почему ваша жена зовет вас Тревисом?

К такому вопросу Нора и Тревис были готовы. Получив фальшивые документы, они решили, что будет проще и безопаснее, если Нора по-прежнему будет звать его Тревисом, а не Сэмом, потому что в какой-нибудь критический момент она может оговориться. Всегда можно было сказать, что она прозвала его Тревисом после одной очень личной шутки; подмигивая друг другу и глупо ухмыляясь, они могли намекнуть, что у этой шутки был какой-то сексуальный подтекст, нечто слишком нескромное, чтобы не сказать больше. Именно так они и ответили на вопрос Кина, но у них не было настроения убедительно подмигивать и глупо ухмыляться, поэтому Нора не была уверена в том, что они хорошо сыграли свои роли. Более того, она думала, что их нервное и неумелое представление могло усилить подозрения Кина, если таковые были.

Незадолго до начала дневного приема Кину позвонила его ассистентка, у которой еще утром разболелась голова, и сообщила, что к головной боли добавилось расстройство желудка.

Ветеринар вынужден был один вести прием, поэтому Тревис сразу предложил ему свои и Норины услуги.

— Конечно, у нас нет специальной подготовки, но мы вполне годимся для любой черной работы.

— Да,— подтвердила Нора,— и, между прочим, у нас на плечах вполне приличные головы. Если вы нас научите, мы могли бы делать практически все.

Весь день они провели, удерживая вырывающихся кошек, собак, попугаев и других животных, пока Джим Кин лечил их. Надо было подавать бинты, доставать из шкафов лекарства, мыть и стерилизовать инструменты, брать плату и выписывать рецепты. Некоторые животные, страдающие рвотой и поносом, оставляли после себя грязь, которую надо было убирать, но Тревис и Нора делали эту неприятную работу, ни на что не жалуясь и не колеблясь, как любую другую.

На то у них было две причины. Во-первых, помогая Кину, можно было весь день находиться в его кабинете вместе с Эйнштейном. В перерывах они улучали минутку приласкать ретривера, сказать ему несколько ободряющих слов и убедиться лично, что ему не стало хуже. Отрицательная сторона их неотлучного пребывания рядом с Эйнштейном заключалась в том, что они, к своему огорчению, также не видели, чтобы его состояние *улучшалось*.

Вторая причина заключалась в том, чтобы снискать еще большее расположение ветеринара, чтобы он чувствовал себя им обязанным и не передумал оставить их на ночь.

Наплыв пациентов был намного больше обычного, и они смогли закончить прием только после шести часов. Усталость и совместная работа породили теплое чувство товарищества. Пока готовили обед и сидели вместе за столом, Джим Кин развлекал их множеством веселых историй о животных из своей практики, и им было так хорошо и приятно вместе, как будто они были знакомы с ветеринаром многие месяцы, а не несколько часов.

Кин приготовил для них спальню для гостей и дал несколько одеял, чтобы соорудить постель на полу в кабинете. Тревис с Норой решили по очереди спать в спальне, а половину ночи проводить на полу рядом с Эйнштейном.

Первым должен был дежурить Тревис — с десяти вечера до трех часов ночи. В дальнем углу кабинета оставили включенной

одну лампу, и Тревис то сидел, то лежал на одеялах в полумраке рядом с Эйнштейном.

Иногда пес спал, и его дыхание становилось более ровным, не таким страшным. Но иногда бодрствовал, и дыхание становилось пугающе трудным, ретривер похныкивал от боли и — Тревис каким-то образом догадывался — от страха. Когда Эйнштейн бодрствовал, Тревис разговаривал с ним, вспоминал случаи из их совместной жизни, те многие приятные моменты и счастливые минуты, которые у них были за эти шесть месяцев, и, казалось, собака немного успокаивалась, слыша голос Тревиса.

Она лежала совершенно неподвижно, и в силу этого у нее появилось недержание. Пару раз пес мочился на покрытый полиэтиленом матрац. Тревис все убирал без всякого отвращения, с любовью и состраданием, которые были сродни отцовским по отношению к тяжело больному ребенку. Удивительно, но Тревису даже была приятна вся эта грязь, потому что всякий раз, как Эйнштейн мочился, это служило доказательством, что он все еще жив, все еще функционировал в каком-то смысле так же нормально, как всегда.

Несколько раз в течение ночи принимался идти дождь. Звук дождя по крыше казался траурным и напоминал похоронный барабанный стук.

Дважды за смену Тревиса появлялся Джим Кин в надетом на пижаму халате. В первый раз он внимательно осмотрел Эйнштейна и сменил бутылочку в капельнице. Позже он еще раз осмотрел его и сделал укол. Оба раза он заверял Тревиса, что признаки улучшения появятся позже, сейчас хорошо уже то, что не было признаков ухудшения состояния пса.

Часто в течение ночи Тревис уходил в другой угол кабинета и читал слова в простой рамке над раковиной:

ПОСВЯЩЕНИЕ СОБАКЕ

Единственным, совершенно бескорыстным другом человека в этом корыстном мире, другом, который никогда не покинет его, который никогда не бывает неблагодарным и не предаст его, является собака. Собака останется рядом с человеком в богатстве и бедности, в здравии и болезни. Она будет спать на холодной земле, где дуют зимние ветры и яростно метет снег, только бы быть рядом с хозяином. Собака будет целовать ему руку, даже если эта рука не может

дать ей еды; она будет зализывать раны и царапины — результат столкновений с жестокостью окружающего мира. Собака охраняет сон своего нищего хозяина так же ревностно, как если бы он был принцем. Когда уходят все остальные друзья, этот останется. Когда все богатства улетучатся и все разваливается на куски, собака так же постоянна в своей любви, как солнце, шествующее по небу.

Сенатор Джордж Вест, 1870 г.

Всякий раз, когда Тревис перечитывал эту оду, его заново переполняло удивление от существования Эйнштейна. Что может быть обычнее детской фантазии, что его собака так же восприимчива, мудра и умна, как любой взрослый человек? Какой Божий дар может доставить больше радости ребенку, чем сознание того, что его домашний пес может общаться с ним на человеческом уровне и делить с ним горе и радости, полностью осознавая их значение и важность? Какое чудо может принести большую радость, внушить большее благоговение перед таинствами природы, больший восторг перед неожиданными сторонами жизни? Каким-то образом сама идея объединить в одном существе индивидуальность собаки и разум человека давала надежду на появление нового вида, такого же талантливого, как человечество, но более благородного и достойного. И разве есть другая, более распространенная мечта взрослых, чем встретить однажды других разумных существ и разделить с ними огромную, холодную вселенную и, поделив ее с ними, хотя бы отчасти избавиться наконец от невыразимого одиночества и чувства тихого отчаяния?

И какая другая потеря может сравниться с потерей Эйнштейна, первого многообещающего свидетельства того, что человечество несет в себе ростки не просто величия, но и некоего божественного начала?

Эти мысли, которые Тревис не мог подавить, потрясли его, и у него из груди вырвалось хриплое горестное рыдание. Обозвав себя неврастеником, он пошел вниз, где пес не увидит — и не испугается — его слез.

Нора сменила Тревиса в три часа ночи. Ей пришлось долго уговаривать его пойти в спальню, поскольку он никак не соглашался покинуть кабинет Кина.

Измученный, но говоря, что не сможет заснуть, Тревис рухнул на кровать и сразу уснул.

Он видел сон. За ним гналось желтоглазое чудище с кривыми когтями и сплюснутыми крокодильими челюстями. Он пытался защитить Эйнштейна и Нору, толкая их перед собой, заставляя их бежать, бежать, бежать. Но каким-то образом монстру удалось обойти Тревиса, и он разорвал на куски сначала Эйнштейна, а затем Нору — это было прежнее проклятие Корнелла, которое невозможно снять, просто сменив имя на Сэмюэля Хайатта,— и в конце концов Тревис перестал бежать, упал на колени и наклонил голову, потому что не сумел спасти Нору и пса и теперь ему хотелось умереть, и он слышал приближение твари — *клик-клик-клик,*— но в то же время он приветствовал смерть, которую предвещало это приближение.

Нора разбудила его незадолго до пяти часов утра.

— Эйнштейн,— настойчиво сказала она.— У него судороги.

Когда Нора привела Тревиса в кабинет, Джим Кин, склонившись над Эйнштейном, что-то делал. Единственное, что им оставалось, это не путаться у ветеринара под ногами и не мешать ему работать.

Они стояли взявшись за руки.

Спустя несколько минут доктор Кин встал. Он выглядел обеспокоенным и не пытался, как обычно, улыбаться или поднять им настроение.

— Я ввел ему дополнительно средство против конвульсий. Думаю... теперь с ним будет все в порядке.

— У него началась вторая стадия? — спросил Тревис.

— Может быть, нет,— ответил Кин.

— А конвульсии на первой стадии бывают?

— Это возможно,— сказал Кин.

— Но маловероятно.

— Да, маловероятно,— подтвердил доктор.— Хотя... и возможно.

«Чумка второй степени»,— с ужасом подумала Нора.

Она еще крепче вцепилась в Тревиса.

Вторая степень. Задет мозг. Энцефалит. Хорея. Повреждение мозга. *Повреждение мозга.*

Тревиса не удалось уговорить отправиться спать. Он остался в кабинете вместе с Норой и Эйнштейном.

Они включили другую лампу, чтобы сделать немного посветлее, но не побеспокоить Эйнштейна, и внимательно следили, не появятся ли признаки того, что чумка перешла во вторую стадию: подергивание и жевательные движения, о которых говорил Джим Кин.

Тревису никак не удавалось черпать надежду в том, что подобных симптомов не было. Даже если болезнь Эйнштейна все еще находилась на первой стадии и на ней и останется, Эйнштейн, казалось, умирал.

На следующий день, в пятницу третьего декабря, ассистентка Джима Кина все еще была больна и не могла выйти на работу, и Норе с Тревисом снова пришлось ему помогать.

К ленчу температура Эйнштейна так и не спала. Из глаз и носа продолжала течь чистая, хотя и желтоватая жидкость. Дыхание его было менее затрудненным, но в отчаянии Норе казалось, что, возможно, дыхание ретривера стало полегче просто потому, что он не прикладывал больших стараний, чтобы дышать, так как начал сдаваться.

За ленчем она не смогла проглотить ни кусочка. Пока Нора стирала и гладила одежду, свою и Тревиса, им пришлось надеть халаты Джима Кина, которые были слишком велики им обоим.

Днем работы не убавилось. У Норы с Тревисом не было ни одной свободной минуты, и Нору это радовало.

Без двадцати минут пять — это время навсегда врезалось им в память,— сразу после того, как они помогли Джиму справиться с трудным пациентом — ирландским сеттером,— Эйнштейн дважды тявкнул со своего ложа в углу. Нора с Тревисом обернулись, задохнувшись и ожидая худшего, поскольку это был первый звук, кроме завываний, который пес издал с тех пор, как попал сюда. Но ретривер поднял голову — впервые у него были силы сделать это — и моргая посмотрел на них; он с любопытством огляделся по сторонам, как бы спрашивая, где это он находится.

Джим опустился на колени рядом с ретривером и, пока Нора с Тревисом стояли у него за спиной, ожидая, что он скажет, осмотрел Эйнштейна.

— Обратите внимание на его глаза. Они слегка мутные, но совсем не такие, как прежде, и не так сильно текут.— Влажной тряпочкой ветеринар вытер слипшуюся шерсть под глазами Эйнштейна и прочистил ему нос; в ноздрях больше не пузырились свежие выделения. Ректальным термометром он измерил температуру собаке и сказал: — Упала. На целых два градуса.

— Слава богу,— произнес Тревис.

А Нора обнаружила, что у нее из глаз снова катятся слезы.

Джим сказал:

— Он еще не выкарабкался. Сердцебиение стало более ритмичным, менее быстрым, хотя все еще далеко от нормы. Нора, возьмите вон там одну из мисок и налейте в нее воды.

Через секунду Нора вернулась от раковины и поставила миску на пол рядом с ветеринаром.

Джим придвинул ее поближе к Эйнштейну.

— Что скажешь, парень?

Пес снова приподнял голову с матраца и уставился на миску. Его высунутый язык казался сухим и был покрыт каким-то клейким налетом. Он завыл в предвкушении удовольствия.

— Может,— сказал Тревис,— если мы ему поможем...

— Нет,— прервал Джим Кин.— Он сам должен решить. Собака сама знает, что делать. Мы ведь не хотим, чтобы ее снова вырвало от воды. Ей подскажет инстинкт, настало ли время.

Со стонами и тяжело дыша Эйнштейн передвинулся на своем матраце, наполовину перекатившись с бока на живот. Он поднес нос к миске, понюхал воду, лизнул ее языком раз, другой и с явным удовольствием выпил треть, затем вздохнул и лег на место.

Поглаживая ретривера, Джим Кин сказал:

— Я очень удивлюсь, если он не поправится, полностью не поправится, со временем.

Со временем.

Эта фраза беспокоила Тревиса.

Сколько времени понадобится ретриверу, чтобы полностью восстановиться? Им всем будет лучше, если Эйнштейн выздоровеет и все его чувства зафункционируют по-прежнему, когда Аутсайдер в конце концов доберется до них. Инфракрасные датчики — это хорошо, но их главным сигнальным устройством с опережающим оповещением был ретривер.

Последний пациент ушел в половине шестого, и Джим Кин покинул дом по какому-то таинственному делу. Вернулся он с бутылкой шампанского.

— Я не очень пьющий человек, но в некоторых случаях хочется разок-другой глотнуть чего-нибудь.

Нора дала зарок ничего не пить во время беременности, но даже самый торжественный зарок было не грех нарушить по такому поводу.

Они достали бокалы и выпили прямо в кабинете за здоровье Эйнштейна, который посмотрел на все это несколько минут и вскоре заснул.

— Но это естественный сон,— заметил Джим.— Без снотворных.

Тревис спросил:

— А сколько времени ему потребуется, чтобы выздороветь?

— Чтобы справиться с чумкой, еще несколько дней, может неделю. В любом случае ему надо побыть здесь еще два дня. Если хотите, вы можете отправляться домой, но можете и остаться. Вы мне очень помогли.

— Мы остаемся,— тотчас ответила Нора.

— Но после того, как Эйнштейн справится с чумкой,— сказал Тревис,— он будет еще слаб, да?

— Сначала очень слаб,— сказал Джим.— Но постепенно к нему вернутся если и не все, то почти все его силы. Теперь я уверен: у него не было чумки второй степени, несмотря на конвульсии. Поэтому, возможно, к первому января он снова будет самим собой. Не должно быть никакой длительной немощи, никакой паралитической дрожи или чего-нибудь еще в этом роде.

Первое января...

Тревис надеялся, что будет еще не поздно.

Нора с Тревисом вновь поделили ночь на две смены. Тревис дежурил в первую смену, а она сменила его в три часа ночи.

На Кармел спустился туман. Он с мягкой настойчивостью заглядывал в окна.

Эйнштейн спал, когда пришла Нора, и она спросила:

— Он спал неспокойно?

— Да,— сказал Тревис.— Время от времени.

— Ты... говорил с ним?

— Да.

— Ну?

Тревис выглядел изможденным и осунувшимся, выражение его лица было мрачным.

— Я задавал ему вопросы, на которые можно ответить «да» или «нет».

— И?

— Пес не отвечает на них. Он просто мигает, или зевает, или снова засыпает.

— Эйнштейн очень устал,— сказала Нора, отчаянно надеясь, что именно этим объясняется нежелание ретривера вступать в контакт.— У него нет сил на вопросы и ответы.

Тревис, бледный и явно подавленный, сказал:

— Может быть. Я не знаю... но думаю... он кажется... озадаченным.

— Он еще не оправился от болезни,— сказала она.— Он все еще у нее в когтях, борется с ней, но все еще болен. У него и должна быть легкая путаница в голове.

— Озадаченным,— повторил Тревис.

— Это пройдет.

— Да,— сказал он.— Да, это пройдет.

Но это прозвучало так, как если бы в душе он убедил себя, что Эйнштейн никогда уже не будет прежним Эйнштейном.

Нора догадывалась, о чем думает Тревис: что это снова проклятие Корнелла, в которое, по его словам, он больше не верил, но которого в глубине души боялся. Все, кого он любит, обречены страдать и умирать молодыми. Всех, кто был ему дорог, отрывали от него.

Конечно, это была чепуха, и Нора ни секунды в это не верила. Но она знала, как трудно стряхнуть с себя прошлое, смотреть только в будущее, и она сочувствовала неспособности Тревиса взглянуть на нынешнюю ситуацию с оптимизмом. Она также понимала, что не в ее силах вытащить его из этой пропасти отчаяния, единственное, что она может сделать,— это поцеловать его, прижаться к нему на минуту и отправить спать.

Когда Тревис ушел, Нора опустилась на пол рядом с Эйнштейном и проговорила:

— Я хочу кое-что сказать тебе, мохнатая морда. Я знаю, ты спишь и не слышишь меня, а может быть, даже если бы ты не спал, то все равно не понял бы то, что я говорю. Возможно, ты никогда больше не сможешь понимать, и именно поэтому я хочу сказать тебе это сейчас, пока еще есть *надежда*, что твой мозг цел.

Она замолчала, глубоко вздохнула и оглядела тихий кабинет, где тусклый свет отражался в предметах из нержавеющей стали и стеклах эмалированных шкафчиков. Здесь, в половине четвертого утра, было очень одиноко.

Эйнштейн дышал, тихо посвистывая, изредка издавая какой-то дребезжащий звук. Он не шевелился. Даже не пошевелил хвостом.

— Я считаю тебя, Эйнштейн, своим хранителем. Так я тебя однажды назвала, когда ты спас меня от Артура Стрека. Мой хранитель. Ты не просто защитил меня от этого страшного человека, ты спас меня от одиночества и страшного отчаяния. И ты спас Тревиса от тьмы, которая была внутри его, свел нас вместе, и еще в сотне других отношений был таким же совершенным, каким только может быть ангел-хранитель. Ты со своим добрым, чистым сердцем никогда ничего не просил и ничего не ждал в ответ на свои поступки. Немного крекеров время от времени, кусочек шоколада. Но ты поступал бы так, даже если бы не получал ничего, кроме обычной собачьей еды. Ты поступал так, потому что любил и, кроме ответной любви, тебе ничего не было нужно. И одним тем, что ты такой, как ты есть, мохнатая морда, ты преподал мне урок, урок, который трудно выразить словами...

Некоторое время она молча сидела рядом со своим другом, своим ребенком, своим учителем, своим хранителем и не могла говорить.

— Но, черт возьми,— сказала она наконец,— я *должна* найти подходящие слова, потому что это, возможно, последний раз, когда я могу не притворяться, что ты способен меня понять. Это, как бы это выразить... ты внушил мне, что я тоже твой хранитель, что я хранитель Тревиса, а он — мой и твой. Мы отвечаем друг за друга, мы все ангелы-хранители, оберегающие друг друга от тьмы. Ты научил меня, что мы, все люди, нужны друг другу, даже те, кто иногда считает себя бесполезным,

обыкновенным и ничем не примечательным. Если мы любим и позволяем любить себя... любящий человек — самая большая драгоценность в этом мире, дороже всех сокровищ, когда-либо существовавших на земле. Вот чему ты научил меня, мохнатая морда, и благодаря тебе я никогда не буду тем, кем была прежде.

Всю оставшуюся часть этой нескончаемой ночи Эйнштейн пролежал неподвижно и спал глубоким сном.

По субботам у Джима Кина был только утренний прием. В полдень он запер вход в лечебницу с другой стороны своего большого уютного дома.

Утром Эйнштейн проявлял обнадеживающие признаки выздоровления. Он пил больше воды и проводил некоторое время лежа на животе, а не на боку. Подняв голову, пес с интересом смотрел по сторонам на то, что происходит в кабинете ветеринара.

Он даже, негромко чавкая, съел полмиски смеси из сырого яйца с соусом, которую Джим поставил перед ним, и не отрыгнул съеденное обратно. Ему полностью прекратили делать внутривенные вливания.

Но ретривер все еще много спал. И реагировал на Тревиса и Нору только как обыкновенный пес.

После ленча, когда они сидели за кухонным столом и допивали по последней чашке кофе, Джим вздохнул и сказал:

— Ну, думаю, больше это откладывать нельзя.

Из внутреннего кармана своего старого потертого вельветового пиджака он достал сложенный бюллетень, где говорилось о том, что Эйнштейн находится в розыске.

Плечи Тревиса опустились.

Чувствуя себя так, будто ее сердце падает куда-то вниз, Нора придвинулась поближе к Тревису, чтобы они могли прочитать бюллетень вместе. Он был датирован прошлой неделей. Кроме описания примет Эйнштейна, включающего трехзначную татуировку в его ухе, в бюллетене говорилось, что, по всей вероятности, собака находится у человека по имени Тревис Корнелл и его жены Норы, которые, возможно, живут под чужими именами. Внизу страницы приводились описания — и фотографии — Норы и Тревиса.

— Как давно вы все знаете? — спросил Тревис.

Джим Кин сказал:

— С тех пор, как впервые увидел его в четверг утром. Вот уже шесть месяцев мне все время присылают такие бюллетени — и мне трижды звонили из федерального Института рака напомнить, чтобы я не забывал осматривать каждого золотистого ретривера на предмет лабораторной татуировки и сразу же сообщить им, если ее увижу.

— И вы уже сообщили? — спросила Нора.

— Еще нет. Не было никакого смысла делать это, пока не увидел, что он выкарабкается.

Тревис спросил:

— А теперь вы о нем сообщите?

Собакообразное лицо Джима Кина приняло еще более унылое, чем обычно, выражение, когда он сказал:

— Как мне сообщили из Института рака, эта собака была в центре наиважнейших экспериментов, направленных на поиски средства от этой болезни. Они говорят, что миллионы долларов исследовательских денег будут выброшены на ветер, если пес не будет найден и возвращен в лабораторию для завершения экспериментов.

— Это все вранье,— произнес Тревис.

— Я хочу, чтобы вы ясно поняли одну вещь,— сказал Джим, наклонившись вперед на стуле и обхватив своими большими руками кофейную чашку.— Я люблю животных до мозга костей. Я всю свою жизнь посвятил им. И больше других животных я люблю собак. Но боюсь, я не очень симпатизирую людям, считающим, что должны быть прекращены все опыты над животными, людям, которые полагают, что медицинские достижения, помогающие спасать человеческие жизни, не стоят того, чтобы причинить вред одной свинке, одной кошке, одной собаке. Люди, которые нападают на лаборатории и крадут животных и губят тем самым годы важнейших исследований... меня от них тошнит. Это хорошо и правильно — любить жизнь, горячо любить во всех ее самых скромных формах. Но эти люди не любят жизнь — они перед ней *благоговеют*, а это языческое, невежественное и, возможно, даже дикарское отношение.

— Все это не так,— сказала Нора.— Эйнштейна никогда не использовали в раковых исследованиях. Это просто легенда.

Институт рака не разыскивает собаку. Ее ищет Управление национальной безопасности.— Она взглянула на Тревиса и спросила: — Ну, что будем делать?

Тревис хмуро улыбнулся и сказал:

— Я ведь не могу убить Джима, чтобы помешать ему...

Ветеринар выглядел озадаченным.

— ...Поэтому думаю, нам надо его убедить,— закончил Тревис.

— Правда? — спросила Нора.

Тревис долго смотрел на Джима Кина и наконец сказал:

— Да. Правда. Это единственное, что может заставить его выбросить этот чертов бюллетень в мусорное ведро.

Набрав в легкие побольше воздуха, Нора сказала:

— Джим, Эйнштейн так же умен, как вы, я или Тревис.

— Мне иногда кажется, что умнее,— сказал Тревис.

Ветеринар непонимающе уставился на него.

— Давайте сварим еще кофе,— сказала Нора.— Это будет долгий, долгий разговор.

Спустя несколько часов, в десять минут шестого в субботу, Нора, Тревис и Джим Кин сгрудились пред матрацем, на котором лежал Эйнштейн.

Пес только что выпил еще несколько унций воды. Он тоже с интересом смотрел на них.

Тревис пытался понять, есть ли в этих больших коричневых глазах та странная глубина, сверхъестественная живость и несобачье сознание, которые он так часто видел в них прежде. Черт! Он не был уверен, и эта неуверенность страшила его.

Джим осмотрел ретривера, заметив вслух, что его глаза стали яснее, почти нормальными, и что температура по-прежнему падает.

— Сердце тоже лучше.

Измученный десятиминутным осмотром, Эйнштейн плюхнулся на бок и издал протяжный усталый вздох. Через минуту он снова задремал.

Ветеринар сказал:

— Не очень-то похож на гениального пса.

— Он еще болен,— сказала Нора.— Все, что ему требуется,— немного больше времени, и когда он выздоровеет, то докажет, что все, о чем мы вам рассказали, правда.

— Как вы думаете, когда он начнет вставать? — спросил Тревис.

Подумав, Джим сказал:

— Возможно, завтра. Сначала будет шататься, но, возможно, завтра. Увидим.

— Когда Эйнштейн встанет,— сказал Тревис,— и к нему вернется чувство равновесия и интерес к ходьбе, это будет означать, что и в голове у него тоже прояснилось. Мы устроим ему экзамен, чтобы доказать вам, насколько он умен.

— Справедливо,— сказал Джим.

— А если он докажет это,— спросила Нора,— вы не донесете на него?

— Донесу на него людям, которые создали этого Аутсайдера, о котором вы мне рассказывали? Донесу на него этим людям, которые состряпали эту чушь в бюллетене? Нора, за кого вы меня принимаете?

— За порядочного человека,— сказала Нора.

Сутки спустя, в воскресенье вечером, Эйнштейн ковылял по кабинету Джима Кина, шатаясь, как маленький старичок на четырех ногах.

Нора быстро передвигалась на коленках рядом с ним, говоря ему, какой он замечательный и храбрый пес, мягко поощряя его продолжать путь. Каждый его шаг приводил ее в такой восторг, как если бы он был ее собственным ребенком, делающим свои первые шаги. Но еще больший трепет испытала она от взгляда, которым он несколько раз наградил ее; этот взгляд, казалось, выражал огорчение по поводу собственной немощи, но в нем одновременно было и чувство юмора, как будто он говорил: *«Эй, Нора, это тебе что, театр или что? Разве это не смешно?»*

В субботу вечером ему дали немного твердой пищи, а в воскресенье Эйнштейн целый день поклевывал легко перевариваемую пищу, приготовленную ветеринаром. Он много пил, а самым обнадеживающим признаком его выздоровления было настойчивое желание выйти на улицу справить нужду. Пес не мог подолгу стоять на ногах и время от времени ковылял на место и плюхался на матрац; однако он не натыкался на стены и не ходил кругами.

Накануне Нора выходила за покупками и вернулась с тремя коробками игры «Скрэббл». Сейчас Тревис разложил все буквы на двадцать шесть стопок в том углу кабинета, где на полу было много пустого пространства.

— Мы готовы,— сказал Джим Кин. Он сидел на полу рядом с Тревисом, подогнув под себя ноги на индийский манер.

Рядом с хозяином лежал Пука и озадаченно смотрел на происходящее.

Через всю комнату Нора подвела Эйнштейна к буквам. Обхватив его голову руками и глядя ему прямо в глаза, она сказала:

— О'кей, мохнатая морда. Давай с тобой докажем доктору Джиму, что ты не какое-нибудь жалкое подопытное животное, используемое в раковых исследованиях. Покажем ему, кто ты есть на самом деле, и поможем понять ему, почему эти люди в действительности тебя разыскивают.

Нора пыталась убедить себя в том, что во взгляде темных глаз ретривера она видела прежнее сознание.

С явной нервозностью и страхом Тревис спросил:

— Кто задаст первый вопрос?

— Я,— не колеблясь ответила Нора. Обращаясь к Эйнштейну, она спросила:

— Как поживает скрипка?

Они рассказывали Джиму Кину о послании, которое обнаружил Тревис в то утро, когда Эйнштейн заболел,— «СКРИПКА СЛОМАЛАСЬ» — так что ветеринар понял вопрос Норы.

Эйнштейн, мигая, взглянул на нее, затем на буквы, снова, мигая, посмотрел на нее, понюхал буквы, и у Норы от страха уже похолодело в животе, когда пес вдруг начал выбирать нужные буквы и носом раскладывать их.

«СКРИПКА ПРОСТО РАССТРОИЛАСЬ».

Тревис вздрогнул, как будто страх, сидевший в нем, был мощным электрическим зарядом, который в одно мгновение вышел из него. Он сказал:

— Слава Богу, благодарю тебя, Господи,— и рассмеялся от удовольствия.

— Будь я проклят,— сказал Джим Кин.

Пука высоко поднял голову и навострил уши, понимая, что происходит что-то важное, но не уверенный в том, что именно.

Сердце Норы переполняли облегчение, возбуждение и любовь. Она вернула буквы на место и сказала:

— Эйнштейн, кто твой хозяин? Назови нам его имя.

Ретривер посмотрел на нее, на Тревиса, затем выдал обдуманный ответ:

«ХОЗЯИНА НЕТ. ЕСТЬ ДРУЗЬЯ».

Тревис рассмеялся.

— Мой бог, я согласен! Никто не может быть его хозяином, но каждый должен чертовски гордиться дружбой с ним.

Интересно: то доказательство того, что разум Эйнштейна не пострадал, заставило Тревиса рассмеяться от удовольствия, впервые за много дней, а Нору взволновало до слез.

Джим Кин смотрел на все, широко раскрыв глаза от изумления и глупо ухмыляясь. Он сказал:

— Я чувствую себя как ребенок, прокравшийся вниз в ночь перед Рождеством и увидевший, как настоящий Санта-Клаус кладет под елку подарки.

— Теперь моя очередь,— сказал Тревис, выходя вперед и, положив руку на голову Эйнштейна, ласково похлопывая его.— Джим только что упомянул Рождество, и оно уже не за горами. Осталось двадцать дней. Скажи мне, Эйнштейн, что бы ты хотел получить от Санта-Клауса?

Дважды пес принимался раскладывать буквы, но оба раза передумывал и снова смешивал их. Он прошлепал к своему месту, улегся на матрац, застенчиво посмотрел по сторонам, увидел, что они все ждут ответа, снова встал и на этот раз составил просьбу Санта-Клаусу:

«ВИДЕОКАССЕТЫ С МИККИ МАУСОМ».

Они легли спать только в два часа ночи, потому что Джим Кин был просто опьянен, не пьян от пива, вина или виски, а опьянен от полнейшего восторга по поводу разумности Эйнштейна.

— Как у человека, да, но все равно собака, все равно собака, чудесным образом похожая и одновременно замечательно другая: человеческое мышление, насколько я могу судить по тому малому, что видел.

Но Джим не требовал новых доказательств собачьего интеллекта и после дюжины примеров первым предупредил, что им не следует утомлять больного. Все же доктора как будто наэлектризовали, он был так возбужден, что едва мог сдерживать-

ся. Тревис не удивился бы, если бы ветеринар неожиданно взорвался.

В кухне он умолял их повторить рассказы об Эйнштейне: случай с журналом «Модерн Брайд» в Сольванге; как он сам разбавил холодной водой первую горячую ванну, которую налил для него Тревис; и многое-многое другое. Некоторые истории Джим практически пересказывал сам, как будто Тревису и Норе они были не известны, но они с радостью доставляли ему это удовольствие.

Затем он схватил со стола бюллетень о розыске Эйнштейна, зажег спичку и сжег его в раковине. Потом смыл пепел.

— К черту этих недалеких людей, которые хотят держать взаперти такое создание, чтобы его колоть и изучать. Может быть, у них и достало гениальности сотворить Эйнштейна, но они не понимают значения того, что содеяли. Они не осознают его величия, потому что иначе бы не захотели держать его в клетке.

В конце концов, когда Джим Кин нехотя признал, что им всем необходим отдых, Тревис отнес Эйнштейна (уже спящего) наверх, в комнату для гостей. Из подушек и одеял они соорудили ему на полу постель рядом со своей кроватью.

В темноте, лежа под одеялом и слушая успокаивающе-тихое посапывание Эйнштейна, Тревис и Нора прижались друг к другу.

Она сказала:

— Теперь все будет в порядке.

— Неприятности пока еще впереди,— сказал он.

Тревис чувствовал: выздоровление Эйнштейна ослабило проклятие преждевременной смерти, преследовавшее его всю жизнь. Но он пока не был готов к тому, что оно совсем исчезло. Аутсайдер все еще где-то бродил... и он приближался.

Глава десятая

1

Во вторник, седьмого декабря, днем, они увозили Эйнштейна домой. Джим Кин никак не хотел их отпускать. Он проводил их до пикапа и, стоя у окна со стороны водителя, повторял им, что лечение надо продолжать еще пару недель, напомнил, что раз в неделю в течение следующего месяца хотел бы видеть Эйнштейна, и приглашал их приезжать к нему не только для осмотра собаки, но и просто так, в гости.

Тревис понимал: ветеринар пытается сказать им, что хочет остаться частью жизни Эйнштейна, надеется участвовать в этом чуде.

— Джим, поверь мне, мы приедем еще. А перед Рождеством ты обязательно должен на денек заехать к нам.

— Буду очень рад.

— Мы тоже,— искренне ответил Тревис.

По дороге домой Нора держала на коленях Эйнштейна, снова закутанного в одеяло. К нему пока не вернулся прежний аппетит, и он был еще очень слаб. Его иммунная система подверглась жестокой встряске, и какое-то время он будет больше обычного подвержен болезням. Его следовало как можно дольше держать дома и всячески лелеять до тех пор, пока к нему не вернется былая сила,— возможно, как говорит Джим Кин, до первого января будущего года.

Небо как будто распухло от тяжелых темных туч. Тихий океан казался твердым и серым и был похож на миллиарды серо-голубых плиток и черепков, постоянно приводимых в движение каким-то геологическим смещением глубоко под землей.

Унылая погода не могла испортить приподнятого настроения. Нора сияла, а Тревис заметил, что насвистывает. Эйнштейн с огромным интересом рассматривал пейзаж за окном, и было видно, как его радует даже мрачная красота этого почти что бесцветного дня. Возможно, он не ожидал, что когда-нибудь снова увидит мир за пределами кабинета Джима Кина, и поэтому даже похожее на груду камней море и мрачное небо были для него драгоценным подарком.

Когда они наконец приехали, Тревис оставил Нору вместе с ретривером в пикапе и вошел в дом один через заднюю дверь, держа в руке пистолет тридцать восьмого калибра, который всегда лежал в машине. В кухне, где так и горел свет, оставленный ими после поспешного отъезда на прошлой неделе, он сразу же взял автоматический пистолет «узи» из потайного места

в шкафу и отложил менее мощное оружие в сторону. Тревис осторожно прошел по комнатам, заглядывая за каждый крупный предмет меблировки и в каждую кладовую.

Признаков взлома не было, да он и не ожидал их увидеть. В этой сельской местности преступления почти не совершались. Вы могли оставить дверь незапертой на несколько дней, не боясь, что воры залезут в дом и вынесут все, даже обои.

Его беспокоил не взломщик, а Аутсайдер.

В доме было пусто.

Тревис также проверил амбар, прежде чем поставить туда пикап, но там тоже никого не было.

Дома Нора опустила Эйнштейна на пол и сняла с него одеяло. Он поковылял по комнате, обнюхивая разные предметы. В гостиной пес поглядел на холодный камин и проверил свое приспособление для переворачивания страниц.

Он вернулся в кладовую при кухне, ножной педалью включил свет и составил из букв слово:

«ДОМ».

Наклонившись к псу, Тревис сказал:

— Приятно снова оказаться дома, правда?

Эйнштейн ткнулся носом ему в горло и облизал шею. Его золотистая шерсть была пушистой и хорошо пахла, потому что Джим Кин прямо в кабинете, при тщательно контролируемых условиях, искупал его. Но каким бы пушистым и чистым он ни выглядел, Эйнштейн все еще не был самим собой: он казался усталым и похудевшим, потому что меньше чем за неделю потерял несколько фунтов.

Достав еще буквы, Эйнштейн снова написал то же слово, как бы желая подчеркнуть его прелесть: «ДОМ».

Стоя в дверях, Нора сказала:

— Дом — это то место, где есть тепло, а здесь, в этом доме, много тепла. Эй, давайте пообедаем пораньше в гостиной и посмотрим видеокассету с «Рождественской песней Микки Мауса». Что скажете?

Эйнштейн яростно завилял хвостом.

Тревис спросил:

— Как думаешь, ты справишься со своим любимым блюдом — несколькими сосисками на обед?

Эйнштейн облизнулся. Он достал еще несколько букв, с помощью которых выразил свой энтузиазм по поводу предложения Тревиса:

«ДОМ — ЭТО ТАМ, ГДЕ ЕСТЬ СОСИСКИ».

Когда Тревис среди ночи проснулся, Эйнштейн стоял на задних лапах у окна спальни, положив передние на подоконник. Его едва было видно при тусклом свете ночника из примыкающей к спальне ванной комнаты. Внутренние ставни на окне были заперты, поэтому пес не видел передний двор за окном. Но, возможно, для того, чтобы настроиться на Аутсайдера, зрение было ему не нужно.

— Там кто-то есть, малыш? — тихо спросил Тревис, не желая без нужды будить Нору.

Эйнштейн отошел от окна, проковылял к той стороне кровати, где спал Тревис, и положил голову на матрац.

Лаская пса, Тревис прошептал:

— Он идет?

Заворчав в ответ, Эйнштейн устроился на полу рядом с кроватью и заснул.

Через несколько минут Тревис тоже уснул.

Проснувшись снова на рассвете, он увидел, что Нора сидит на краю постели и ласкает Эйнштейна.

— Спи,— сказала она Тревису.

— Что случилось?

— Ничего,— сонно ответила она.— Я проснулась и увидела, что он стоит у окна, но это ничего. Спи.

Ему и в третий раз удалось уснуть, но во сне ему привиделось, что Аутсайдер за время своего шестимесячного преследования Эйнштейна научился обращаться с инструментами и теперь с горящими желтыми глазами прокладывает себе путь в спальню, круша топором ставни.

2

Строго по часам Тревис и Нора давали Эйнштейну лекарства, и он послушно глотал таблетки. Они объяснили ему, что надо хорошо питаться, чтобы выздороветь окончательно. Пес честно старался, но аппетит возвращался к нему очень медлен-

но. Потребуется еще несколько недель, прежде чем он наберет потерянные фунты и восстановит свои жизненные силы. Но день ото дня улучшение было все заметнее.

К пятнице, десятому декабря, Эйнштейн казался достаточно окрепшим, чтобы рискнуть выйти на короткую прогулку. Его все еще время от времени шатало, но уже не бросало из стороны в сторону на каждом шагу. В ветеринарной лечебнице ему сделали все прививки. Можно было не бояться, что кроме чумки, с которой ретривер только что справился, он заболеет еще и бешенством.

Погода стала теплее, чем в последние недели, температура поднялась чуть выше шестидесятиградусной отметки, было безветренно. Разбросанные по небу облака были белыми, а солнце, когда не скрывалось за ними, своими живительными лучами мягко ласкало кожу.

Эйнштейн сопровождал Тревиса в его инспекционном обходе инфракрасных датчиков вокруг дома и осмотре баллонов с закисью азота в амбаре. Они шли чуть медленнее, чем когда проделывали этот путь вместе в прошлый раз, но собаке, казалось, нравилось это возвращение к старым обязанностям.

В студии Нора усердно трудилась над новой работой — портретом Эйнштейна. Он не знал, что будет изображен на ее последнем холсте. Картина должна была стать одним из его рождественских подарков, и после этого ее предполагалось повесить в гостиной над камином.

Когда они вышли из амбара во двор, Тревис спросил:

— Он приближается?

Услышав вопрос, ретривер проделал обычную процедуру, хотя с меньшим усилием, меньшим принюхиванием и менее внимательным изучением окружающего их темного леса. Вернувшись к Тревису, пес тревожно завыл.

— Он там? — произнес Тревис.

Эйнштейн не ответил, а только еще раз удивленно посмотрел на лес.

— Он еще идет? — спросил Тревис.

Пес не отреагировал.

— Он теперь ближе, чем раньше?

Собака прошлепала по кругу, понюхала землю, затем воздух, подняла вверх голову сначала в одну сторону, потом в другую. Наконец она вернулась к дому и встала у двери, глядя на Тревиса и терпеливо поджидая его.

Войдя в дом, Эйнштейн направился прямиком в кладовку.

«ЗАГЛУЯСНЫЙ».

Тревис уставился на сложенное на полу слово.

— Заглуясный?

Пес достал еще буквы и разложил их на полу.

«ЗАГЛУШЕННЫЙ, НЕЯСНЫЙ».

— Ты говоришь о своей способности чувствовать Аутсайдера?

Ретривер вильнул хвостом. *Да.*

— Ты его больше не чувствуешь?

Эйнштейн пролаял. *Нет.*

— Ты думаешь... он умер?

«НЕ ЗНАЮ».

— А может быть, это твое шестое чувство не работает во время болезни или когда ты так слаб, как сейчас?

«МОЖЕТ БЫТЬ».

Собрав и рассортировав карточки с буквами, Тревис на минутку задумался. Нехорошие мысли. Мысли, лишающие присутствия духа. У них по всей усадьбе были расставлены сигнальные устройства, это правда, но в немалой степени они рассчитывали, что Эйнштейн заранее предупредит их. Вряд ли Тревису стоило беспокоиться по поводу Аутсайдера, учитывая принятые меры предосторожности и собственные навыки, приобретенные в группе «Дельта». Но его все время преследовала одна мысль, будто он что-то упустил в системе защиты, и, случись непредвиденное, потребуются все способности Эйнштейна и его силы, чтобы помочь ему справиться с любыми неожиданностями.

— Придется тебе поправиться поскорее,— сказал Тревис, обращаясь к ретриверу.— Ты должен есть, даже когда у тебя нет аппетита. Ты должен спать как можно больше, чтобы дать своему организму восстановиться, а не стоять полночи у окна.

«КУРИНЫЙ СУП».

Рассмеявшись, Тревис сказал:

— Можем попробовать и его.

«БОЙЛЕРМЕЙКЕР УБИВАЕТ МИКРОБОВ».

— Откуда ты это взял?

«КНИГА. ЧТО ТАКОЕ БОЙЛЕРМЕЙКЕР?»

Тревис объяснил:

— Глоток виски, налитый в стакан пива.

Эйнштейн с минуту обдумывал это.

«УБИВАЕТ МИКРОБОВ, НО МОЖНО СТАТЬ АЛКОГОЛИКОМ».

Тревис расхохотался и взъерошил шерсть псу.

— Ты настоящий комик, мохнатая морда.

«МОЖЕТ, МНЕ СТОИТ ВЫСТУПАТЬ В ВЕГАСЕ?»

— Думаю, у тебя бы получилось.

«ЗВЕЗДА».

— Конечно, ты был бы звездой.

Он потискал ретривера, и они еще посидели в кладовке, смеясь каждый по-своему.

Несмотря на шутки, Тревис знал: Эйнштейн сильно обеспокоен потерей способности чувствовать Аутсайдера. Шутки были всего лишь защитной реакцией, способом отогнать от себя страх.

Днем, после короткой прогулки вокруг дома, Эйнштейн спал, а Нора лихорадочно работала в своей студии, Тревис сидел у окна и смотрел на лес, мысленно еще раз проверяя свою систему обороны и выискивая в ней слабое звено.

В воскресенье, двенадцатого декабря, днем их навестил Джим Кин, и они все вместе пообедали. Ветеринар осмотрел Эйнштейна и остался доволен ходом выздоровления.

— Нам кажется, дело движется медленно,— пожаловалась Нора.

— Я же предупреждал, что должно пройти немало времени.

Он внес несколько изменений в лечение собаки и оставил новые пузырьки с таблетками.

В кладовке ретривер с удовольствием продемонстрировал Кину приспособление для переворачивания страниц и устройство для выбора букв. Он снисходительно выслушал похвалы в свой адрес по поводу умения держать в зубах карандаш и с его помощью самостоятельно обращаться с телевизором и видеомагнитофоном, не прибегая к помощи Норы и Тревиса.

Сначала Нору страшно удивило, что Джим выглядит менее печальным и унылым, чем ей помнилось. Но потом она решила, что внешне он не изменился, изменилось только ее собственное восприятие. Теперь, когда Нора лучше его узнала, когда он стал их лучшим другом, она видела не только унылые черты, которыми его наградила природа, но доброту и чувство юмора, скрытые за ними.

За обедом Джим сказал:

— Я тут немного изучал татуировки, чтобы выяснить, не могу ли я свести номер в его ухе.

Эйнштейн, лежащий рядом на полу и слушавший их беседу, встал, качнулся, заспешил к кухонному столу и вспрыгнул на один из пустых стульев. Он сел очень прямо и уставился на Джима.

— Так вот,— продолжал ветеринар, опуская вилку с куском курицы, которую он наполовину донес до рта,— большинство, но не все татуировки можно свести. Если я буду знать, какая тушь была использована и каким способом она была нанесена, мне, возможно, удастся ее удалить.

— Это было бы здорово,— сказала Нора.— Тогда даже если бы они нас нашли и попытались забрать *Эйнштейна*, то не смогли бы доказать, что это их собака.

— Все равно останутся следы татуировки, которые можно будет заметить при более внимательном осмотре,— заметил Тревис.— Под увеличительным стеклом.

Эйнштейн поглядел на Джима Кина, как бы говоря:

Да, что ты теперь скажешь?

— В большинстве лабораторий животным просто прикрепляют бирки,— уточнил Джим.— А те, что применяют татуировки, используют разные чернила. Возможно, мне удастся удалить ее, не оставив никакого следа, если не считать небольших царапин на коже. Исследование под микроскопом не обнаружит следов чернил и даже намека на цифры. В конце концов, это ведь небольшая татуировка, что значительно упрощает дело. Я пока еще изучаю, как лучше справиться с этой задачей, но через несколько недель можем попытаться, если Эйнштейн ничего не имеет против небольшого неудобства.

Ретривер вышел из-за стола и прошлепал в кладовку. Им было слышно, как он нажимает на педали.

Нора пошла посмотреть, какое послание сочинил пес.

«НЕ ХОЧУ КЛЕЙМО, НЕ КОРОВА».

Его желание освободиться от татуировки было глубже, чем полагала Нора. Он хотел избавиться от своей отметки, чтобы люди из лаборатории не могли опознать его. Но, по-видимому, ретривер ненавидел эти цифры в своем ухе, потому что они делали из него обычную собственность, а это оскорбляло его чувство собственного достоинства и было нарушением его прав разумного существа.

«СВОБОДА».

— Да,— уважительно сказала Нора, положив руку ему на голову.— Я понимаю. Ты... личность, и личность, обладающая,— впервые она смотрела на данную проблему под этим углом,— душой.

Разве это богохульство — думать, что у Эйнштейна есть душа? Нет. Нора считала, что никакого богохульства в этом нет. Человек создал этого пса; однако если Бог существовал, он явно одобрительно относился к собаке, и в большой степени потому, что способность Эйнштейна различать добро и зло, бескорыстно любить, его смелость и самоотверженность делали его ближе к творцу, чем многие человеческие существа, населяющие землю.

— Свобода,— сказала она.— Если у тебя есть душа — а я в этом не сомневаюсь,— тогда ты был рожден со свободной волей и правом на независимость. Этот номер в твоем ухе оскорбителен, и мы от него избавимся.

После обеда Эйнштейну явно хотелось послушать разговор и принять в нем участие, но у него иссякли силы, и он заснул у камина.

За бренди и кофе Джим Кин слушал рассказ Тревиса о мерах защиты от Аутсайдера. Его попросили найти в них слабые звенья, но ветеринар не смог ничего указать, кроме уязвимости системы подачи энергии.

— Если эта бестия додумается до того, чтобы повредить электропровод, идущий от основной линии, вы среди ночи окажетесь в темноте и все ваши сигнальные устройства будут бесполезными. А без электричества не сработают и ваши механизмы в амбаре, которые должны захлопнуть дверь за этой тварью и выпустить закись азота.

Нора с Тревисом отвели его вниз в полуподвал в глубине дома и показали аварийный генератор. Он питался энергией от зарытой во дворе канистры бензина на сорок галлонов, и уже через десять секунд после повреждения основного источника электричества восстановит подачу электроэнергии в доме, амбаре и сигнальной системе.

— Насколько я могу судить,— сказал Джим,— вы ничего не забыли.

— Думаю, что нет,— сказала Нора.

Но Тревис нахмурился:

— Не знаю...

В среду, двадцать второго декабря, они приехали в Кармел, оставили Эйнштейна у Джима Кина и весь день покупали рождественские подарки, украшения для дома, елочные игрушки и саму елку.

Казалось почти легкомысленным строить планы на праздник, зная, что угроза нападения Аутсайдера неумолимо приближается, но Тревис сказал:

— Жизнь коротка. Никогда не знаешь, сколько тебе осталось, поэтому нужно отпраздновать Рождество, что бы ни случилось. Кроме того, последние годы у меня было не слишком веселое Рождество, и я намерен вознаградить себя за это.

— Тетя Виолетта не любила делать из Рождества событие. Она не придавала значения подаркам и елке.

— Она вообще не любила *жизнь*,— сказал Тревис.— Тем более это еще одна причина отметить праздник как полагается. Это будет первое хорошее Рождество и для тебя, и для Эйнштейна.

«На следующий год,— подумала Нора,— у нас родится ребенок и мы будем встречать Рождество вместе с ним, вот будет здорово!»

Пока единственными признаками ее беременности были легкая тошнота по утрам да пополневшая на пару фунтов фигура. Живот у нее был по-прежнему плоским, и доктор Вейнгольд говорил, что при ее телосложении, возможно, он претерпит лишь умеренное растяжение. Нора надеялась, что в этом отношении ей повезет, так как тогда будет намного проще вернуть после родов свою форму. Конечно, ребенок появится на

свет только через шесть месяцев, а значит, она еще может успеть раздуться, как морж.

Когда они возвращались из Кармела в пикапе, кузов которого был заполнен свертками и очень пушистой елкой, Эйнштейн проспал у Норы на коленях половину пути. Он совершенно измотался за этот долгий путь, играя с Джимом и Пукой. Домой они добрались менее чем за час до наступления темноты. Пес бежал впереди них к дому, но неожиданно остановился и внимательно огляделся по сторонам. Он понюхал прохладный воздух, затем двинулся через двор, опустив нос к земле, как будто шел по следу.

Направляясь к задней двери с руками, полными свертков, Нора сначала не заметила ничего необычного в поведении собаки, она только увидела, что Тревис стоит и не отрываясь смотрит на Эйнштейна. Она спросила:

— Что случилось?

Пес пересек двор и подошел к южной границе леса. Он постоял, не шевелясь и вытянув вперед голову, затем встряхнулся и двинулся по периметру леса. Несколько раз он останавливался, замирал и через пару минут снова продолжал свой круговой путь на север.

Когда ретривер вернулся к ним, Тревис спросил:

— Что-нибудь случилось?

Эйнштейн коротко махнул хвостом и пролаял один раз: *Да и нет.*

Дома в кладовке пес составил послание:

«ЧУВСТВОВАЛ ЧТО-ТО».

— Что? — спросил Тревис.

«НЕ ЗНАЮ».

— Аутсайдера?

«ВОЗМОЖНО».

— Близко?

«НЕ ЗНАЮ».

— К тебе возвращается твое шестое чувство? — спросила Нора.

«НЕ ЗНАЮ. ПРОСТО ПОЧУВСТВОВАЛ».

— Почувствовал что?

После долгого раздумья Эйнштейн сложил ответ:

«БОЛЬШУЮ ТЕМНОТУ».

— Ты почувствовал темноту?

«ДА».

— И что это означает? — обеспокоенно спросила Нора.

«НЕ МОГУ ОБЪЯСНИТЬ ЛУЧШЕ. ПРОСТО ЧУВСТВОВАЛ ЕЕ».

Нора взглянула на Тревиса и прочла тревогу в его глазах, которая, вероятно, стала отражением ее собственного беспокойства.

Где-то рядом была большая темнота, и она приближалась к ним.

3

Рождество прошло очень весело.

Утром, сидя вокруг украшенной огнями елки, они пили молоко с домашним печеньем и рассматривали подарки. Шутки ради Нора сначала подарила Тревису коробочку с нижним бельем, а он вручил ей яркий оранжево-желтый балахон, явно рассчитанный на женщину весом по меньшей мере в триста фунтов, со словами:

— Это тебе на март, когда ты вылезешь из всей своей одежды. К маю, конечно, и он тебе станет мал.

Они также сделали друг другу серьезные подарки: драгоценности, свитера и книги.

Но Нора, как и Тревис, чувствовала: этот день принадлежит прежде всего Эйнштейну. Она подарила ему портрет, над которым работала целый месяц, и ретривер, казалось, был ошеломлен, польщен и очень доволен тем, что она навечно запечатлела его на холсте. Пес также получил три новые видеокассеты с Микки Маусом, пару красивых металлических плошек для воды и еды, на которых было выгравировано его имя, собственный небольшой электронный будильник на батарейках, который он мог таскать за собой по всем комнатам (он выказывал всевозрастающий интерес ко времени), и еще несколько подарков; но его постоянно тянуло к портрету, который они прислонили к стене для обозрения. Позже, когда его повесили в гостиной над камином, Эйнштейн, явно очень довольный и гордый, стоял у очага и, задрав голову, смотрел на картину.

Как все дети, ретривер играл с пустыми коробками, скомканной оберточной бумагой и лентами с не меньшим удовольствием, чем с самими подарками. Особенно ему приглянулась подаренная ими в шутку красная шапочка Санта-Клауса с белым помпоном, которая держалась на его голове с помощью эластичной завязки. Нора надела ее на собаку просто так, чтобы посмеяться. Когда пес увидел себя в зеркале, собственное отражение так понравилось ему, что, когда несколько минут спустя Нора попыталась снять с него шапку, он запротестовал и оставался в ней почти до самого вечера.

Днем приехали Джим Кин с Пукой, и Эйнштейн сразу же потащил их в гостиную полюбоваться на его портрет над камином. Целый час Джим и Тревис смотрели, как собаки играют на заднем дворе. Эта возня, которой предшествовало возбуждение от утреннего обмена подарками, утомила ретривера, и он захотел вздремнуть, поэтому они все вернулись в дом, где Джим и Тревис принялись помогать Норе готовить праздничный обед.

После отдыха Эйнштейн попытался пробудить в Пуке интерес к видеофильмам с Микки Маусом, но Нора заметила, что ему это не слишком удалось. У Пуки не хватало терпения досмотреть даже до того момента, где с помощью Дональда, Гуфи или Плуто Микки попадает в какую-нибудь передрягу. Проявляя уважение к своему товарищу, чей интеллект был явно ниже, и совершенно очевидно не скучая в его обществе, Эйнштейн выключил телевизор и занялся чисто собачьими играми: они немного поборолись в комнате, а затем долго лежали нос к носу, молчаливо поверяя друг другу свои заботы.

К вечеру дом наполнился ароматами индейки, вареной кукурузы, ямса и других вкусностей. Играла рождественская музыка, и, несмотря на запертые из предосторожности внутренние ставни, на лежащие под рукой ружья, несмотря на демоническую фигуру Аутсайдера, незримо присутствующую в ее мыслях, Нора никогда еще не была так счастлива.

За обедом разговор зашел о ребенке, и Джим спросил, как они думают его назвать. Эйнштейн, устроившись вместе с Пукой в углу, где для них был накрыт обед, сразу же выразил живейшее желание принять участие в выборе имени для их первенца. Он немедленно ринулся в кладовку, чтобы сообщить им свои предложения.

Нора вышла из-за стола, чтобы взглянуть, какое имя выберет пес.

«МИККИ».

— Исключается! — сказала она.— Я не собираюсь называть моего ребенка в честь какой-то мыши из мультфильма.

«ДОНАЛЬД».

— И в честь утки тоже.

«ПЛУТО».

— Плуто? Будь серьезным, мохнатая морда.

«ГУФИ».

Нора твердо воспротивилась тому, чтобы он продолжал нажимать на педали, собрала использованные карточки, положила их на место, выключила в кладовке свет и вернулась к столу.

— Вы, наверное, думаете, Эйнштейн шутит,— сказала Нора покатывающимся со смеху Тревису и Джиму,— но он совершенно серьезен.

После обеда все сидели в гостиной вокруг елки и разговаривали о разных вещах, среди них и о намерении Джима завести еще одну собаку.

— Пуке нужен друг,— сказал ветеринар.— Ему скоро полтора года, и я думаю, что собакам, когда они перестают быть щенками, человеческого общества недостаточно. Им, как и нам, становится одиноко. И поскольку я собираюсь взять ему товарища, я могу с таким же успехом завести чистопородную девочку-лабрадора, а потом, может быть, у меня появятся щенки на продажу. Таким образом, у него будет не просто приятель, но и пара.

Нора не заметила, чтобы Эйнштейн к этой части беседы проявил больший интерес, чем к остальным. Однако после ухода Джима и Пуки Тревис обнаружил в кладовке послание и позвал Нору взглянуть на него.

«ПАРА. ТОВАРИЩ, ПАРТНЕР, ОДИН ИЗ ДВУХ».

Ретривер явно ждал, пока они обратят внимание на аккуратно разложенные карточки. Он стоял у них за спиной и вопросительно смотрел на них.

Нора спросила:

— Ты думаешь, тебе нужна пара?

Эйнштейн проскользнул мимо них в кладовку, разбросал карточки и выложил ответ:

«ОБ ЭТОМ СТОИТ ПОДУМАТЬ».

— Но послушай, мохнатая морда,— сказал Тревис.— Ты ведь единственный в своем роде. Собак с таким интеллектом на свете больше нет.

Ретривер задумался, но разубедить его им не удалось.

«ЖИЗНЬ — ЭТО НЕЧТО БОЛЬШЕЕ, ЧЕМ ПРОСТО ИНТЕЛЛЕКТ».

— Справедливо,— заметил Тревис.— Но полагаю, это надо хорошенько обдумать.

«ЖИЗНЬ — ЭТО ЧУВСТВА».

— Ну хорошо,— сказала Нора.— Мы обсудим это.

«ЖИЗНЬ — ЭТО ДВОЕ, ВМЕСТЕ».

— Обещаем тебе все всесторонне взвесить и еще раз вернуться к этому разговору,— сказал Тревис.— А сейчас уже поздно.

Эйнштейн быстро составил еще одно послание:

«МОЖЕТ, НАЗОВЕМ РЕБЕНОЧКА МИККИ?»

— Исключено! — ответила Нора.

Ночью, когда они, обессилев от любви, лежали в постели, Нора сказала:

— Могу поспорить, что ему очень одиноко.

— Джиму Кину?

— Ну да, ему тоже. Он такой хороший человек и мог бы стать для кого-нибудь прекрасным мужем. Но женщины так же привередливы насчет внешности, как и мужчины, правда? Им не нравятся мужчины с такими лицами. Они выходят замуж за красавцев, которые часто обращаются с ними как с ничтожествами. Но я имела в виду не Джима. Я говорила об Эйнштейне. Наверное, временами он чувствует себя очень одиноким.

— Но мы же постоянно с ним?

— Да нет, на самом деле это не так. Я рисую, а ты занимаешься разными делами, в которых бедняга Эйнштейн не принимает участия. А если ты когда-нибудь снова займешься недвижимостью, ретриверу придется много времени проводить в одиночестве.

— У него есть книги. Ему нравится читать.

— Может быть, кроме книг ему еще что-то нужно,— сказала она.

Они молчали так долго, что Нора решила: Тревис заснул. Но он неожиданно спросил:

— Интересно, если Эйнштейн найдет себе подругу и у них появятся щенки, какие они будут?

— Ты имеешь в виду, будут ли они такими же умными, как он?

— Не знаю... Думаю, тут возможны три варианта. Первый: его интеллект не может передаваться по наследству, и его потомство будет обыкновенным. Второй: он передается по наследству, но гены его подруги ослабят интеллект, поэтому щенки родятся умными, но не такими, как их отец; и каждое последующее поколение будет появляться на свет все более серым и бесцветным, пока в конце концов его прапраправнуки не станут самыми обыкновенными собаками.

— А третий вариант?

— Интеллект как сохраняющаяся черта может оказаться генетически доминирующим, крайне доминирующим.

— И тогда щенки Эйнштейна будут такими же умными, как он сам.

— И следующее поколение тоже, и так далее, и так далее, пока со временем у нас не появится целая колония разумных золотистых ретриверов, тысячи по всему миру.

Они снова замолчали.

Потом Нора произнесла:

— Здорово.

Тревис сказал:

— Он прав.

— Что?

— Об этом стоит подумать.

4

Тогда, в ноябре, Винс Наско и предположить не мог, что ему потребуется целый месяц, чтобы разделаться с Рамоном Веласкесом, этим парнем из Окленда, занозой на теле дона Марио Тетранья. До тех пор пока он не прикончит Рамона, Винс не

получит имен парней в Сан-Франциско, которые занимались подделкой документов и могли помочь ему выйти на след Тревиса Корнелла, женщины и собаки. Поэтому он испытывал настоятельную потребность поскорее сделать из Веласкеса отбивную.

Но тот был чертовски осторожен. Он и шагу не ступил без двух своих телохранителей, из-за которых становился более, а не менее заметным. Однако Рамон вел свой картежный и наркотиковый бизнес — ущемляющий права Тетраньи в Окленде — с хитростью, достойной Говарда Хугса. Он удирал и ускользал по своим делам, имел в распоряжении целый *парк* разных автомобилей, никогда не повторяя дважды один и тот же маршрут, никогда не назначал встречи в одном и том же месте, пользуясь улицей в качестве своего офиса, никогда нигде не задерживался подолгу, чтобы его не могли засечь и убрать. Веласкес был безнадежным параноиком, считающим, что все вокруг хотят его убить. У Винса не было возможности даже рассмотреть этого человека, чтобы сравнить с фотографией, которую дал ему Тетранья. Рамон Веласкес был неуловим, как *дым*.

Винс смог добраться до него только на Рождество, и вышла ужасная заваруха. Рамон встречал праздник с кучей своих родственников. Винс попал в дом Веласкеса со стороны соседнего здания: он перелез через высокую каменную ограду, разделяющую два строения. Очутившись внизу по другую сторону стены, он высмотрел Веласкеса и еще нескольких человек, которые во внутреннем дворике у бассейна жарили огромную индейку на жаровне — разве где-нибудь еще, кроме Калифорнии, можно увидеть такое? — и они сразу же заметили его, хотя Винс и был от них на расстоянии в пол-акра. Телохранители потянулись к заплечным кобурам за пистолетами, и ему ничего другого не оставалось, как открыть беспорядочный огонь из своего «узи», обстреливая всю территорию внутреннего дворика и уложив Веласкеса, обоих телохранителей, какую-то пожилую женщину, вероятно чью-то жену, и еще одну старую даму, должно быть чью-то бабку.

«Сссснап».

«Сссснап».

«Сссснап».

«Сссснап».

«Сссснап».

Все, находящиеся как внутри дома, так и снаружи, отчаянно кричали и пытались укрыться. Винсу пришлось перелезать обратно через ограду во двор соседнего дома — где, слава богу, никого не было,— и он уже добрался до самого верха, перетаскивал через стену свой зад, когда несколько латиноамериканцев в доме Веласкеса открыли по нему огонь. Ему чудом удалось унести оттуда ноги.

На следующий день Винс пошел в Сан-Франциско в ресторан, принадлежащий дону Тетранья, чтобы встретиться там с Фрэнком Дичензиано, доверенным *капо* Семьи, подчиняющимся непосредственно самому дону. Он был очень озабочен. В fratellanza существовал кодекс, касающийся убийств. Черт возьми, у них были правила абсолютно на все — возможно, даже на посещения сортира,— и они очень серьезно относились к ним, а к кодексу убийств особенно. Первое правило этого кодекса гласило: нельзя убивать человека в кругу его семьи, если только он не ушел в подполье и до него нельзя добраться другим способом. В этом отношении Винс чувствовал себя уверенно. Но второе правило гласило: нельзя убивать жену, детей или бабушку этого человека, чтобы выйти на него. Любой исполнитель, нарушивший это правило, рискует тем, что его самого пустят в расход те самые люди, которые его наняли. Винс надеялся убедить Фрэнка Дичензиано, что инцидент с Веласкесом — это особый случай: ни одному клиенту еще не удавалось ускользать от Винса в течение целого месяца, и то, что произошло в Окленде на Рождество, было печальным, но неизбежным событием.

Если Дичензиано — а может быть, и дон — будет слишком сердит, чтобы прислушаться к голосу разума, Винс сделал необходимые приготовления помимо пистолета. Ему было известно: если его захотят убрать, то окружат и отнимут оружие, прежде чем он им воспользуется. Как только Винс войдет в ресторан и сообразит, что к чему. Поэтому он обмотал себя пластиковой взрывчаткой и приготовился подорвать их и снести весь ресторан, если только они попытаются примерить на него гроб.

Винс не был уверен в том, что ему удастся выжить после взрыва. За последнее время он поглотил такое количество жиз-

ненной энергии других людей, что полагал, будто уже близок к бессмертию, к которому стремился — или уже достиг его,— но не знал, насколько силен, пока не подвергнет себя испытанию. Если бы ему пришлось выбирать: стоять ли в центре взрыва... или позволить парочке умников разрядить в себя сотню пуль и замуровать в бетон, прежде чем они сбросят его в воду... Винс решил, что первое нравится ему больше и, возможно, даст ему больше шансов на спасение.

К его удивлению, Дичензиано — который был похож на бурундучка с засунутыми за щеки орехами — пришел в восторг от того, как был выполнен заказ на Веласкеса. Он сказал, что дон очень доволен Винсом. Никто не обыскивал Винса при входе в ресторан. Его и Фрэнка, как самых дорогих гостей, обслуживали в угловом кабинете, где подавали специально приготовленные для них блюда, которых не было в меню. Они пили «Каберне Совиньи», за триста долларов бутылка, подарок от Марио Тетранья.

Когда Винс осторожно затронул вопрос об убитых жене и бабушке, Дичензиано сказал:

— Послушай, друг мой, мы знали, что это очень трудное, сложное задание и что тут, возможно, придется нарушить кое-какие правила. Кроме того, эти люди — не *наши* люди. Просто кучка мексиканских нелегалов. Им не место в нашем бизнесе. Если они пытаются пролезть в него, то не должны ожидать, что мы будем играть с ними по правилам.

Успокоившись, Винс в середине ленча встал и пошел в туалет, где разрядил детонатор. Теперь, когда опасность миновала, ему не хотелось, чтобы тот случайно сработал.

В конце ленча Фрэнк вручил Винсу список из девяти фамилий.

— Эти люди — кстати, не все члены нашей Семьи — платят дону за право изготовления поддельных документов на его территории. Еще в ноябре, предвосхищая твой успех в деле Веласкеса, я разговаривал с ними со всеми, и они знают, что дон хочет, чтобы тебе оказали всяческое содействие.

В тот же день Винс отправился на поиски кого-то, кто вспомнит Тревиса Корнелла.

Вначале он был разочарован. С двумя из первых четырех человек, включенных в список, связаться было нельзя. Они прервали на время свои дела и отправились на рождественские каникулы. Винсу показалось странным, что криминальный мир разъезжается на Рождество и Новый год, как школьные учителя.

Но пятого человека, Энсона Ван Дайна, Винс застал на рабочем месте в подвале его клуба «Хот Типс», и в половине шестого двадцать шестого декабря Винс нашел то, что искал. Ван Дайн взглянул на фотографию Тревиса Корнелла, которую Винс вырезал из старой газеты Санта-Барбары.

— Да, я его помню. Он не из тех, кого легко забыть. Не какой-нибудь иностранец, пожелавший стать американцем, как половина моих клиентов. И не простой неудачник, которому надо изменить фамилию и уйти на дно. Он не здоровяк и ничего из себя не корчит, но создается впечатление, что он прикончит всякого, кто встанет у него на пути. Держит себя в руках. Очень осторожен. Я не мог бы его забыть.

— Кого действительно трудно забыть,— сказал один из двух бородатых кудесников за компьютерами,— так это красотку, с которой он был.

— Да, при виде нее и у мертвого встанет,— сказал второй.

Первый повторил:

— Да, даже у мертвого, это точно.

Винса одновременно покоробили и привели в замешательство их замечания, поэтому он их проигнорировал. Обращаясь к Ван Дайну, он спросил:

— Есть ли какая-то вероятность, что вы вспомните их новые фамилии?

— Конечно. Они у нас в картотеке,— ответил Ван Дайн.

Винс не верил своим ушам.

— Я считал, что люди вроде вас не держат архивов. Это гораздо безопаснее для вас и важно для ваших клиентов.

Ван Дайн пожал плечами.

— Плевать я хотел на клиентов. Может, однажды нас застукают федералы или местные власти и прикроют наше дело. И мне понадобятся деньги, чтобы платить адвокатам. Тогда мне и пригодится перечень из пары тысяч человек, живущих по фальшивым документам, ребят, которые предпочтут, чтобы их слегка прижали, чем снова начинать все сначала.

— Шантаж,— произнес Винс.

— Некрасивое слово,— сказал Ван Дайн.— Но, боюсь, точное. В любом случае, все, что нас волнует, так это *наша* собственная безопасность, чтобы не было архивов, могущих скомпрометировать *нас*. Эти данные мы держим не здесь. Как только клиент получает новую фамилию, мы, пользуясь безопасной телефонной линией, передаем соответствующую запись с этого компьютера на другой, который стоит в другом месте. *Тот* компьютер запрограммирован таким образом, что данные из него нельзя затребовать отсюда; это игра в одни ворота. Так что, если нас накроют, полиция не сможет с этих машин добраться до наших записей. Черт, они даже не узнают, что такие записи существуют.

У Винса голова пошла кругом от этого высокотехничного криминального мира. Даже дон, человек беспредельного криминального ума, считал, что эти люди не держат архивов, и не мог предположить, что компьютеры и эти архивы обезопасили. Винс думал обо всем, что сообщил ему Ван Дайн, мысленно раскладывая все по полочкам. Он спросил:

— И что, вы можете отвести меня к тому, другому компьютеру и посмотреть новую фамилию Корнелла?

— Для друга дона Тетранья,— сказал Ван Дайн,— я сделаю все, что угодно, может, только не дам перерезать себе горло. Пошли за мной.

Ван Дайн привез Винса в оживленный китайский ресторан в Чайна-тауне. Ресторан вмещал, наверное, человек сто пятьдесят; все места были заняты, и в большинстве своем европейцами, а не азиатами. Хотя зал был большим и украшен бумажными фонариками, нарисованными на стенах драконами, ширмами под красное дерево и медными колокольчиками в форме китайских идеограмм, он напомнил Винсу кричащую итальянскую тратторию, где он в августе пришил этого таракана Пантанджелу и двух приставленных к нему агентов. Все эти этнические колориты — от китайского до итальянского, от польского до ирландского — были, по сути, совершенно одинаковы.

Владельцем ресторана был китаец лет тридцати, которого представили Винсу просто Юанем. Получив от него бутылки с «Чинзано», Ван Дайн с Винсом прошли в его офис, расположенный в подвале, где на двух столах разместились два компьютера. Один из них стоял в центре комнаты, а второй был приткнут в угол. Тот, что находился в углу, был включен, хотя за ним никто не сидел.

— Вот это мой компьютер,— сказал Ван Дайн.— За ним никто никогда не работает. До него даже *не дотрагиваются*, только каждое утро включают телефонную линию, чтобы запустить его в действие, а вечером выключают. Мои компьютеры в «Хот Типс» связаны с этим компьютером.

— Вы доверяете Юаню?

— Я его субсидировал, чтобы он смог открыть свое дело. Юань должен мне много денег. И это совершенно чистый заем, ничто не связывает его со мной или с доном Тетранья, так что Юань остается добропорядочным гражданином, не представляющим интереса для полиции. В благодарность за мои услуги он разрешает мне держать здесь мой компьютер.

Ван Дайн сел за компьютер и стал нажимать на клавиши. Через две минуты он нашел новое имя Тревиса Корнелла: Сэмюель Спенсер Хайатт.

— А вот еще,— сказал Ван Дайн, когда на дисплее высветилась свежая информация.— Вот женщина, которая была с ним. Ее настоящее имя Нора Луиза Девон из Санта-Барбары. Теперь ее зовут Нора Джин Эймс.

— О'кей,— сказал Винс.— Теперь сотри их с твоего файла.

— Что ты хочешь сказать?

— Сотри их. Вынь их из памяти компьютера. Они больше не твои. Они мои. Больше ничьи. Только мои.

Чуть позже они вернулись в «Хот Типс», от которого Винса тошнило.

В подвале Ван Дайн дал фамилии Хайатт и Эймс двум бородатым кудесникам, которые, казалось, как пара троллей, никогда не покидали это подземелье.

Сначала тролли проникли в файлы Департамента автомобильного транспорта. Они хотели узнать, поселились ли где-нибудь за эти три месяца, прошедших с момента получения новых документов, Хайатт и Эймс и зарегистрировали ли они свое новое место жительства.

— Есть,— сказал один из них.

На экране появился адрес, который бородач тотчас распечатал.

Энсон Ван Дайн оторвал с принтера лист бумаги и вручил его Винсу.

Тревис Корнелл и Нора Девон — теперь Хайатт и Эймс — проживали в сельской местности на «Пасифик Коаст Хайвей» к югу от Кармела.

5

В среду, двадцать девятого декабря, Нора одна отправилась в Кармел на прием к доктору Вейнгольду.

Небо было затянуто тучами, такими темными, что белые чайки на их фоне казались яркими огоньками. Такая погода установилась на следующий день после Рождества, но обещанного дождя все не было.

Сегодня, однако, как только она поставила пикап на свободное место на небольшой стоянке за офисом доктора Вейнгольда, дождь полил как из ведра. На всякий случай Нора предусмотрительно надела нейлоновую куртку с капюшоном и, перед тем как выйти из пикапа и побежать к одноэтажному каменному зданию, натянула на голову.

Доктор Вейнгольд, как всегда, очень внимательно осмотрел ее и заявил, что она совершенно здорова.

— Никогда еще не встречал женщину на третьем месяце беременности в лучшей форме, чем вы,— сказал доктор.

— Я хочу, чтобы у меня родился очень здоровый ребенок, идеальный малыш.

— Так и будет.

Доктор знал, что ее фамилия Эймс, а фамилия ее мужа Хайатт, но никогда ничем не выказывал своего неодобрения относительно ее семейного статуса. Такое положение вещей смущало Нору, но она полагала, что современный мир, в который она вылетела, покинув кокон дома Девон, снисходительно взирал на такие вещи.

Доктор Вейнгольд еще раз предложил ей пройти обследование и определить пол ребенка, но она, как и прежде, отказалась. Нора хотела, чтобы это был сюрприз. Кроме того, если они узнают, что это девочка, Эйнштейн начнет приставать к ним, чтобы они назвали ее Минни.

Быстро согласовав с ассистенткой доктора дату и время ее следующего посещения, Нора вновь натянула на голову капюшон и вышла на улицу. Лил проливной дождь. На одной части крыши не было желоба, и вода стекала прямо на тротуар, образуя глубокие лужи на покрытой щебенкой автостоянке. Она пошла по этой небольшой речке к пикапу, и через секунду ее спортивные туфли промокли насквозь.

Добравшись до машины, она увидела, как из красной «хонды», припаркованной рядом, вышел мужчина. Она не слишком хорошо рассмотрела его — только то, что автомобиль, казалось, был мал для такого крупного мужчины и что его одежда не предназначалась для прогулок под дождем. На нем были джинсы и синий свитер, и у Норы мелькнула мысль: «Бедняга, он промокнет до нитки».

Она открыла водительскую дверцу и стала садиться в машину. В следующую секунду этот человек протолкнул ее на соседнее сиденье, а сам уселся за руль. Он сказал:

— Если ты, сука, будешь кричать, я выпущу тебе кишки.— Нора ощутила, как ей в бок ткнулся револьвер.

Она непроизвольно вскрикнула и хотела было пролезть дальше через переднее сиденье и вылезти наружу через дверцу с правой стороны. Но что-то в его голосе, жестокое и мрачное, заставило ее заколебаться. Ей показалось, что он скорее выстрелит ей в спину, чем позволит ускользнуть.

Мужчина захлопнул дверцу с ее стороны, и Нора осталась с ним наедине, без надежды на помощь, скрытая от всего мира завесой из дождя, стекающего по стеклам и делающего их непроницаемыми. Впрочем, это не имело значения: других машин на стоянке не было, а саму стоянку с улицы было не видно, так что ей все равно не к кому было бы обратиться за помощью.

Рядом с Норой сидел *очень* крупный мужчина с развитой мускулатурой, но не его размеры пугали ее больше всего. Его широкое лицо было спокойным, лишенным всякого выражения, и это спокойствие, совершенно не подходящее к данным обстоятельствам, пугало Нору. Его глаза были еще хуже. Они были зеленые — и холодные.

— Кто вы такой? — спросила она, стараясь скрыть свой страх, уверенная в том, что ее ужас только возбудит его. Каза-

лось, он балансирует на тонкой линии.— Что вам от меня нужно?

— Мне нужна собака.

Она думала, грабитель. Думала, насильник. Маньяк-убийца. Но ни на секунду Нора не могла предположить, что он окажется правительственным агентом. А кто еще будет разыскивать Эйнштейна? Никто даже не знал о его существовании.

— О чем вы? — спросила она.

Нора почувствовала боль, когда он еще сильнее ткнул ей в бок револьвер.

Она подумала о ребенке, которого носила.

— Хорошо, о'кей, очевидно, вам известно о собаке, так что нет смысла играть в молчанку.

— Нет смысла.

Мужчина говорил так тихо, что за шумом дождя, барабанящего по крыше пикапа и бьющего о ветровое стекло, она с трудом разбирала слова.

Он потянулся к ней, стянул с головы капюшон, расстегнул «молнию» и запустил руку вниз через грудь к ее животу. На какое-то мгновение Нора испугалась, что он все же собирается изнасиловать ее.

Вместо этого незнакомец спросил:

— Этот Вейнгольд — акушер-гинеколог. Зачем ты к нему приезжала? У тебя какая-нибудь проклятая венерическая болезнь или ты беременна? — Он почти выплюнул слова «венерическая болезнь», как будто его тошнило от отвращения, когда он произносил их.

— Вы не работаете на правительство,— сказала она, повинуясь интуиции.

— Я задал тебе вопрос, сука,— произнес он почти шепотом. Наклонился ближе и снова ткнул ей в бок револьвер. В пикапе было очень влажно. Шум дождя и страшная духота создавали почти невыносимую клаустрофобическую атмосферу.— Так что с тобой? У тебя лишай, сифилис, триппер или еще какая-нибудь мерзость? Или ты беременна?

Подумав, что беременность, возможно, спасет ее от насилия, на которое он, казалось, был способен, Нора сказала:

— Я жду ребенка. Я на третьем месяце.

Что-то произошло с его глазами. Какой-то сдвиг. Как если бы в детском калейдоскопе изменилась фигура, составленная из осколков стекла одного и того же оттенка зеленого цвета.

Нора поняла, что, признавшись в своей беременности, она допустила непоправимую ошибку, но не знала *почему*.

Она вспомнила о пистолете тридцать восьмого калибра, лежащем в отделении для перчаток. Нора не могла просто так открыть дверцу, схватить пистолет и пристрелить мужчину, прежде чем он нажмет на курок своего револьвера. Все же ей надо быть все время настороже, ждать подходящего случая, какой-нибудь оплошности с его стороны, которая позволит ей достать свое оружие.

Вдруг Нора почувствовала, что он лезет на нее, и снова подумала, что незнакомец собирается ее изнасиловать средь бела дня, пусть под прикрытием дождевой завесы, но все же средь бела дня. Затем сообразила: он просто меняется с ней местами, вынуждая ее сесть за руль, а сам займет пассажирское место, не спуская с нее дула револьвера.

— Поезжай,— сказал мужчина.

— Куда?

— Обратно, домой.

— Но...

— Заткнись и поезжай.

Теперь Нора сидела с другой стороны от перчаточного отделения. Чтобы добраться до него, ей придется тянуться через пассажира. Такой оплошности он никогда не допустит.

Она не собиралась поддаваться нарастающему в ней страху, но сейчас поняла, что кроме страха ей придется держать в узде еще и свое отчаяние.

Нора завела мотор, выехала со стоянки и свернула на улицу.

«Дворники» стучали по ветровому стеклу почти так же громко, как ее сердце. Она не знала, что шумит громче: дождь или кровь у нее в ушах.

Квартал за кварталом Нора искала глазами полицейского, хотя не имела ни малейшего понятия, что будет делать, если его встретит. Решать эту проблему ей так и не пришлось: полицейских не было видно.

Всю дорогу, пока они ехали по Кармелу и затем по шоссе «Пасифик Коаст», шквалистый ветер не только гнал дождь по

ветровому стеклу, но и швырял в него колючие кипарисовые и сосновые иголки с огромных старых деревьев, которыми были обсажены улицы. Южнее, по мере того как они удалялись от города и продвигались вдоль побережья, местность становилась все менее населенной; здесь над дорогой уже не нависали кроны деревьев, но ветер с океана с еще большей силой ударялся в пикап. Часто Нора ощущала, как от его порывов руль дергается у нее в руках. А дождь, хлещущий в них с моря, с такой силой колотил по машине, что, казалось, пробьет в металле дырки.

После пятиминутного молчания, показавшегося Норе часом, она больше не могла подчиняться его приказу не открывать рот и спросила:

— Как вы нас нашли?

— Следил за вашим домом несколько дней,— ответил он своим холодным тихим голосом, который был под стать безмятежному выражению его лица.— Сегодня, когда ты уехала из дома, я последовал за тобой в надежде, что ты мне поможешь.

— Нет, я имела в виду, как вы узнали, где мы живем?

Он улыбнулся.

— Ван Дайн.

— Вот подлый обманщик.

— Чрезвычайные обстоятельства,— заверил он ее.— Большой человек из Сан-Франциско был мне должен, вот он и надавил на Ван Дайна.

— Большой человек?

— Тетранья.

— А кто это?

— Ты ничего не знаешь, да? — сказал незнакомец.— Только как делаются дети, да? Это ты знаешь, да?

Жесткие издевательские нотки в его голосе были не просто сексуального свойства: они были более мрачные, более странные и внушали больший ужас. Это неистовое напряжение, которое Нора чувствовала в нем каждый раз, когда он заговаривал с ней о сексе, так пугало ее, что она не посмела ничего сказать ему в ответ.

На землю опустился легкий туман, и Нора включила фары. Она внимательно следила за мокрой от дождя трассой, проглядывающей из-за грязного стекла.

Мужчина сказал:

— Ты очень красива. Если бы я хотел воткнуть его кому-нибудь, я бы воткнул его тебе.

Нора прикусила губу.

— Но даже несмотря на то, что ты такая красивая,— продолжал он,— могу поспорить, что ты ничем не лучше, чем все. Если я воткну его в тебя, он начнет гнить и отвалится, потому что ты так же заразна, как и другие, правда? Да, заразна. Секс — это смерть. Я один из немногих, кто это понимает, хотя доказательств вокруг полным-полно. Секс — это смерть. Но ты очень красива...

Пока Нора слушала его, в горле у нее встал комок. Ей стало трудно дышать.

Неожиданно всю его неразговорчивость как рукой сняло. Незнакомец заговорил быстро-быстро своим тихим и безмятежно-спокойным голосом, резко выделяющимся на фоне тех безумных вещей, о которых он говорил:

— Я стану еще больше, чем Тетранья, еще важнее. Во мне собраны десятки жизней. Я поглотил больше энергии, чем ты можешь себе представить, пережил Момент. Это мой дар. Когда Тетранья умрет, я буду здесь. Я буду здесь, когда умрут все, кто сейчас жив, потому что я бессмертен.

Нора не знала, что сказать. Пришедший из ниоткуда, каким-то образом знающий об Эйнштейне, этот человек был сумасшедшим, она, казалось, ничего не может сделать. Ее злость на несправедливость всего происходящего не уступала ее страху. Они так тщательно подготовились к приходу Аутсайдера и предприняли все возможное, чтобы убежать от правительства,— но как они могли быть готовы к такому? Это было несправедливо.

Незнакомец замолчал и напряженно смотрел на нее минуту или более, показавшуюся ей вечностью. Нора физически ощущала взгляд его зеленых глаз, как если бы он касался ее своими холодными руками.

— Ты не понимаешь, о чем я говорю, правда? — спросил он.

— Нет.

Возможно, потому, что он счел ее красивой, мужчина решил объяснить ей все.

— Я всего лишь однажды рассказывал об этом другому человеку, и он посмеялся надо мной. Его звали Дэнни Слович; мы с ним вместе работали на семью Каррамазза в Нью-Йорке, самую большую из пяти мафиозных семей. Выполняли небольшую работку руками, время от времени убивая тех, кого надо было убрать.

У Норы тошнота подкатила к горлу; он был не просто сумасшедшим и не просто убийцей, он был сумасшедшим профессиональным убийцей.

Не заметив ее реакции и переведя взгляд с мокрой от дождя дороги на ее лицо, незнакомец продолжал:

— Мы обедали в одном ресторане, Дэнни и я, ели моллюсков с соусом, и я объяснил ему, что мне суждено прожить долгую жизнь благодаря моему дару поглощать жизненную энергию людей, которых я убиваю. Я сказал ему: «Понимаешь, Дэнни, люди — они как батарейки, ходячие батарейки, наполненные таинственной энергией, которую мы называем жизнью. Когда я пришиваю кого-либо, его энергия переходит ко *мне*, и я становлюсь сильнее. Я — бык, Дэнни. Посмотри на меня: я бык или кто? А я должен быть быком, потому что у меня есть этот Дар забирать у людей их энергию». И знаешь, что мне ответил Дэнни?

— Что? — оцепенев, спросила Нора.

— Ну, Дэнни очень серьезно относился к еде, поэтому он не сводил глаз со своей тарелки, пока не подцепил еще несколько моллюсков. После этого посмотрел на меня — с губ и подбородка у него тек соус — и спросил: «Эй, Винс, где ты этому научился? Где ты научился поглощать эти жизненные энергии?» Я ответил: «Это мой Дар»,— а он говорит: «Ты хочешь сказать, что он от Бога?» Мне пришлось подумать над этим, и я ему ответил: «Кто знает, от кого? Это мой Дар, такой же, как удар у Мэнтла или голос у Синатры». А Дэнни спрашивает: «Скажи мне вот что — предположим, ты убьешь парня, который был электриком. После того как ты поглотишь его энергию, ты можешь провести в доме проводку?» Я не понял, что он меня разыгрывает. Я думал, Дэнни серьезно меня спрашивает, и стал объяснять ему, как я поглощаю жизненную энергию, а не личность, не знания этого человека, только его энергию. И потом Дэнни говорит: «Значит, если ты пришьешь какого-нибудь

подонка, ты не станешь ни с того ни с сего откусывать цыплятам головы?» Тогда я понял, что Дэнни решил, что я или пьян, или чокнутый, поэтому доел своих моллюсков и больше ни слова не сказал ему о своем Даре и с тех пор никогда об этом никому не рассказывал. Ты первая.

Он назвал себя Винсом, так что теперь Нора знала его имя. Она не знала только, что это ей даст.

Винс рассказал ей свою историю, никак не показывая, что сознает содержащийся в ней безумный черный юмор. Он был страшно серьезным человеком. Если Тревису не удастся с ним справиться, этот парень не оставит их в живых.

— Поэтому,— продолжал Винс,— я не мог рисковать тем, что Дэнни будет кому попало рассказывать в смешном и абсурдном виде то, что я ему доверил. И тогда все решат, что я спятил. А большие боссы не нанимают сумасшедших убийц; им нужны холодные, рассудительные, уравновешенные парни, которые чисто делают свое дело. А я как раз такой и есть: холодный и уравновешенный, но Дэнни заставил бы их переменить свое мнение обо мне. Поэтому я той же ночью перерезал ему глотку, оттащил труп на одну известную мне заброшенную фабрику, разрубил на куски, засунул в бочку и облил серной кислотой. Он был любимым племянником дона, и я не мог допустить, чтобы следы от него привели ко мне. Теперь во мне помимо множества других энергий была еще и энергия Дэнни.

Пистолет лежал в отделении для перчаток.

Мысль о том, что оружие находится в отделении для перчаток, давала ей некоторую надежду.

Пока Нора была на приеме у доктора Вейнгольда, Тревис замесил и испек двойную порцию шоколадного печенья с арахисовым маслом. Живя один, он научился готовить, но это занятие никогда не доставляло ему особого удовольствия. В прошедшие несколько месяцев, однако, Норе удалось развить его кулинарные способности до такой степени, что теперь ему нравилось готовить и особенно печь.

Обычно Эйнштейн крутился рядом с Тревисом, предвкушая, что получит кусочек сладенького, но сегодня он покинул Тревиса еще до того, как тот кончил взбивать тесто. Пес в воз-

буждении бродил по дому от окна к окну, всматриваясь в дождь.

Через какое-то время поведение ретривера встревожило Тревиса, и он спросил, не случилось ли чего.

В кладовке Эйнштейн выложил ответ.

«Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ НЕМНОГО СТРАННО».

— Ты не заболел? — спросил Тревис, испугавшись, не начался ли у собаки рецидив. Она быстро шла на поправку, но пока еще не выздоровела окончательно. Ее иммунная система еще не была готова к новым испытаниям.

«НЕ ЗАБОЛЕЛ».

— Тогда что? Ты чувствуешь... Аутсайдера?

«НЕТ. НЕ ТАК, КАК ПРЕЖДЕ».

— Но ты что-то чувствуешь?

«НЕХОРОШИЙ ДЕНЬ».

— Может, это из-за дождя?

«МОЖЕТ БЫТЬ».

Несколько успокоенный, но все еще немного нервничая, Тревис вернулся к выпечке.

Мокрое шоссе казалось серебряным.

По мере того как они продвигались дальше на юг вдоль побережья, дневной туман усилился, и Норе пришлось сбавить скорость до сорока миль в час, а в некоторых местах даже до тридцати.

Интересно, нельзя ли под предлогом тумана совсем сбавить скорость, открыть дверцу и выскочить из машины? Наверное, нет. Ей пришлось бы ехать меньше пяти миль в час, чтобы не разбиться самой и не повредить ребенку, а туман был не таким уж густым, чтобы оправдать такую маленькую скорость. Кроме того, Винс все время, пока говорил, не сводил с нее дула пистолета, и он выстрелит ей в спину, едва она повернется к выходу.

Фары пикапа и еще нескольких встречных машин отражались во влажном тумане. Из-за быстро несущихся облаков вдруг показался яркий свет и выглянула радуга, а потом все сразу исчезло.

Нора подумывала о том, не свернуть ли ей с дороги в одном из тех мест, где, насколько она знала, насыпь внизу была мягкой и падение было бы вполне сносным. Но Нора боялась, что

перепутает и по ошибке съедет в пропасть глубиной в двести футов и со страшной силой ударится о каменистый берег. Даже если она свернет в нужном месте, в результате этой подстроенной и не слишком опасной аварии она может потерять сознание или у нее случится выкидыш, а ей, насколько это возможно, хотелось, чтобы она и ребенок вышли из этой передряги целыми и невредимыми.

Начав говорить, Винс уже не мог остановиться. Многие годы он никому не поверял своей тайны, прятал от всего света мечты о власти и бессмертии, но страстное желание рассказать о своем предполагаемом величии, по-видимому, не уменьшилось после его фиаско с Дэнни Словичем. Казалось, долгие годы он записывал в своей голове на магнитофонную ленту все, что хотел поведать людям, и сейчас на большой скорости проигрывал ее, извергая собственное безумие, которое приводило Нору в ужас.

Винс рассказал ей о том, как узнал об Эйнштейне и об убийствах ученых, ведущих различные исследования в рамках проекта «Франциск» в Банодайне. Ему было известно и об Аутсайдере тоже, но он не боялся его. Винс ощущал себя на грани бессмертия, и похищение собаки стало последней ступенькой, которую следовало преодолеть, чтобы достичь своей Судьбы. Ему и собаке было предписано свыше быть вместе, потому что каждый из них был единственным в этом мире, единственным в своем роде. Когда Винс достигнет своей Судьбы, сказал он, ничто его не остановит, даже Аутсайдер.

Нора не понимала половины из того, что он говорил. Она полагала, что если бы она понимала все, то была бы такой же безумной, каким, несомненно, был Винс.

Но хотя ей не всегда удавалось ухватить смысл, Нора знала, что он собирается сделать с ней и Тревисом после того, как завладеет ретривером. Сначала она боялась заговорить с ним о том, как будто слова могли сделать ее страшное будущее неотвратимым. В конце концов, однако, когда до дороги, ведущей от шоссе к их деревянному дому, оставалось не более пяти миль, Нора спросила:

— Вы ведь не дадите нам уйти, когда заберете собаку, правда?

Винс уставился на нее, лаская ее своим взглядом.

— А ты как думаешь, Нора?

— Я думаю, вы нас убьете.

— Конечно.

Она удивилась тому, что это подтверждение ее страхов не наполнило ее душу еще большим ужасом. Его самоуверенный ответ только разозлил ее, уменьшив страх и увеличив решимость сорвать его тщательно продуманные планы.

Теперь Нора знала, что стала другой женщиной, не имеющей ничего общего с той Норой, какой она была в мае и которая пришла бы в ужас от наглой самоуверенности этого типа.

— Я могла бы рискнуть и пустить машину под откос,— сказала Нора.

— Стоило бы тебе повернуть руль,— ответил Винс,— и я бы тебя пристрелил и попробовал взять управление на себя.

— Может, у вас ничего бы не вышло. Возможно, вы бы тоже погибли.

— Я? Погиб? Вероятно, но только не в аварии. Нет-нет. Во мне слишком много жизней, чтобы я мог уйти так просто. И потом, я все равно не верю, что ты попыталась бы это сделать. В глубине души ты веришь: твой муж возьмет надо мной верх и спасет тебя, собаку и себя самого. Ты ошибаешься, конечно, но не перестаешь надеяться. Он ничего не сделает, так как побоится навредить тебе. Я войду в дом вместе с тобой, мой пистолет будет приставлен к твоему животу, и это зрелище парализует его на несколько секунд, а мне этого хватит, чтобы вышибить у него мозги. Поэтому-то у меня всего один револьвер. Мне больше не надо. Эта его забота о тебе и боязнь повредить тебе убьют его.

Нора решила, что сейчас крайне важно не выказывать своей ярости. Она должна стараться выглядеть испуганной, слабой, совершенно неуверенной в себе. Если Винс будет ее недооценивать, то может совершить какую-нибудь промашку и дать ей небольшое преимущество.

На секунду переведя взгляд с мокрого шоссе на него, Нора увидела, что он смотрит на нее не с радостью и не с яростью сумасшедшего, как можно было бы ожидать, и не со своим тупым спокойствием, а с чем-то очень похожим на привязанность, а возможно, и благодарность.

— Долгие годы я мечтал убить беременную женщину,— сказал Винс таким тоном, как будто его цель была не менее важна и достойна уважения, чем желание выстроить деловую империю, накормить голодных или ухаживать за больными.— Я никогда еще не был в такой ситуации, когда риск убить беременную женщину был настолько мал, чтобы его можно было оправдать. Но в этом вашем уединенном доме, после того как я разделаюсь с Корнеллом, у меня появится идеальная возможность.

— Пожалуйста, не надо,— прерывистым голосом сказала Нора, разыгрывая слабость, хотя ей и не пришлось подделывать нервную дрожь.

Продолжая говорить спокойным голосом, в котором, однако, звучало больше эмоций, чем прежде, Винс произнес:

— Я получу твою жизненную энергию, все еще молодую и богатую, но в момент твоей смерти ко мне перейдет еще и энергия ребенка. И это будет совершенно чистая, неиспользованная энергия, не зараженная грязью этого больного, развращенного мира. Ты, Нора,— моя первая беременная женщина, и я всегда буду тебя помнить.

В уголках его глаз заблестели слезы, и это тоже не было игрой. Хотя Нора и верила, что Тревис как-нибудь справится с этим человеком, она боялась, что в этой заварухе могут погибнуть или она сама, или Эйнштейн. И Нора не знала, сможет ли Тревис оправиться от того, что не смог спасти их всех.

Тревис вынул из духовки первую порцию печенья и поставил на подставку остывать.

Вошел Эйнштейн и начал принюхиваться. Тревис сказал:

— Они еще слишком горячие.

Пес вернулся в гостиную и стал смотреть в окно на дождь.

Прямо перед поворотом с шоссе Винс съехал на сиденье вниз, чтобы его не было видно из окна, и приставил к ней пистолет.

— Одно неверное движение, и я вышибу из брюха ребенка.

Нора верила, что он так и сделает.

Свернув на грязную и скользкую грунтовую дорогу, она поехала к дому. Нависшие над дорогой ветки деревьев немного

защищали ее от дождя, но зато собирали воду, а затем посылали ее на землю более крупными каплями или целыми струйками.

Нора увидела Эйнштейна, стоящего у окна, и попыталась придумать какой-нибудь знак, который бы означал «беда» и был бы сразу понятен, но ей ничего не приходило в голову.

Глядя на нее, Винс сказал:

— Не надо к амбару. Остановись прямо у дома.

Его план был ясен. Угол дома, где находились кладовка и лестница в подвал, не имел окон. Тревис и Эйнштейн не смогут разглядеть, что вместе с ней из машины выходит человек. Винс толкнет ее за угол и через черный ход войдет в дом прежде, чем Тревис поймет, что что-то не так.

Может быть, Эйнштейн своим собачьим чутьем обнаружит опасность. Может быть. Но... пес ведь совсем недавно был так болен.

Эйнштейн в явном возбуждении прошлепал в кухню.

Тревис спросил:

— Это был Норин пикап?

Да.

Ретривер подошел к задней двери и заплясал от нетерпения, затем замер, высоко подняв голову.

Норе повезло, когда она этого меньше всего ожидала.

Припарковавшись рядом с домом, она поставила машину на ручной тормоз и выключила двигатель. Винс схватил ее и через пассажирское сиденье потащил из пикапа со своей стороны, так как эта сторона примыкала к задней стороне дома и через передние окна хуже просматривалась. Вылезая из автомобиля и таща ее за руку, Винс оглядывался по сторонам, чтобы убедиться, что Тревиса поблизости нет; он отвлекся и не так внимательно следил за Норой. Протискиваясь через сиденье мимо перчаточного отделения, Нора рванула на себя его дверку и схватила пистолет. Должно быть, Винс что-то услышал или почувствовал, потому что он круто развернулся в ее сторону, но было уже поздно. Нора приставила пистолет к его животу и, прежде чем Винс смог поднять свой и размозжить ее голову, трижды нажала на курок.

На лице его появилось выражение крайнего изумления, его отбросило к стене дома, находившейся в трех футах от него.

Ее поразило собственное хладнокровие. В каком-то безумии она подумала, что нет никого более опасного, чем мать, защищающая своих детей, даже если один из них еще не появился на свет, а второй был собакой.

Нора выстрелила еще раз, на этот раз прямо ему в грудь.

Винс тяжело повалился на мокрую землю, лицом в грязь.

Она отвернулась от него и побежала. На углу дома едва не столкнулась с Тревисом, который перепрыгнул через перила крыльца и приземлился на четвереньках рядом с ней, не выпуская из рук «узи».

— Я убила его,— сказала Нора с истеричными нотками в голосе, которые она тщетно старалась побороть.— Я выстрелила в него четыре раза, я убила его. Господи.

Тревис поднялся, ничего не понимая.

Нора обхватила его руками и положила голову ему на грудь. Они стояли под холодным дождем, и она наслаждалась исходившим от него теплом.

— Кого...— начал Тревис.

Позади Норы Винс, тяжело дыша, пронзительно вскрикнул и, перекатившись на спину, выстрелил в них. Пуля попала Тревису в плечо и отбросила его назад. Еще бы два дюйма, и она бы размозжила Норе голову.

Она еле устояла на ногах, когда Тревис упал, потому что держалась за него, но быстро выпустила его и побежала налево, чтобы укрыться за пикапом и выйти из линии огня. Нора лишь мельком взглянула на Винса и увидела, что тот пытается встать на ноги, в одной руке сжимая револьвер, а второй хватаясь за живот.

И в этой картине, которая промелькнула перед ее глазами, прежде чем она укрылась за машиной, не запечатлелось следов крови — на этом человеке не было никаких следов крови.

Что происходит? Он не мог остаться в живых, получив три пули в живот и одну в грудь. Если только он *действительно* не был бессмертным.

Пока Нора пробиралась к пикапу, Тревис приподнялся в грязи и сел. На *нем* кровь была видна, она стекала с плеча ему на грудь и проступала на рубашке. В правой руке, которая

действовала, несмотря на рану в плече, он по-прежнему сжимал «узи». Винс выстрелил наугад во второй раз, и Тревис открыл огонь. Его позиция была не лучше, чем у противника: пули беспорядочно ударялись о дом и рикошетом отскакивали к грузовику.

Он перестал стрелять.

— Дерьмо,— сказал Тревис, поднимаясь на ноги.

Нора спросила:

— Ты попал в него?

— Он спрятался за дом и побежал вокруг,— сказал Тревис и последовал за Винсом.

Винс полагал, что если он еще не достиг бессмертия, то уже близок к нему, находится совсем рядом. Ему нужны были всего лишь несколько жизней, и он боялся умереть, когда *так* близко подошел к своей Судьбе. Поэтому Винс принял ряд предосторожностей. Вроде самой последней и самой дорогой модели бронезащитного жилета «Кевлар». У него под свитером был надет такой жилет, и это-то и спасло его от четырех пуль, которые всадила в него эта стерва. Пули расплющились о жилет, не оставив на нем ни царапины. Но, бог мой, ему было так больно! Его отбросило к стене дома, и он едва не задохнулся. Винсу казалось, что он лежит на гигантской наковальне и кто-то мерно опускает на него тяжелый молот.

Согнувшись пополам от боли и ковыляя к дому, чтобы спрятаться от этого проклятого «узи», он был уверен, что его пристрелят выстрелом в спину. Но каким-то чудом ему удалось зайти за угол, забраться на крыльцо и уйти из-под обстрела.

Винс испытывал некоторое удовлетворение при мысли о том, что ранил Корнелла, хотя и знал: рана не смертельна. Он лишился элемента внезапности, теперь ему предстояла долгая борьба. Черт возьми, эта женщина оказалась такой же опасной, как сам Корнелл,— эдакая сумасшедшая амазонка.

Винс готов был поклясться, что в ней было что-то от робкой мышки, что по своей натуре она очень податлива. Очевидно, он ее недооценивал, и это его подвело. Винс Наско не привык совершать такие ошибки, ошибки были уделом других, а не избранника Судьбы.

Отступая через переднее крыльцо, уверенный в том, что Корнелл настигает его, Винс решил спрятаться в доме, а не бежать к лесу. Они ожидают, что он двинет в сторону леса, чтобы укрыться там и выработать стратегию. Вместо этого он пойдет прямо в дом и выберет такую позицию, с которой ему будут видны обе двери: и передняя, и задняя. Возможно, еще удастся застать их врасплох.

Он проходил мимо большого окна, направляясь к передней двери, когда что-то, как бомба, выскочило через стекло.

Винс вскрикнул от удивления и нажал на курок, но пуля попала в крышу крыльца, и собака — бог мой, так вот что это было, собака! — с силой ударилась об него. Он выронил револьвер, и его отбросило к перилам. Собака не выпускала его, она рвала когтями одежду, а зубами впилась ему в плечо. Перила крыльца не выдержали. Они рухнули на землю прямо под дождь.

Винс кричал и молотил по собаке своими огромными кулачищами до тех пор, пока она не завизжала и не выпустила его. Затем пес набросился на его горло, ему едва удалось сбросить его прежде, чем он перегрыз ему дыхательное горло.

Внутри у Винса все трепыхалось, но он все же подтянулся на руках и влез обратно на крыльцо, ища глазами револьвер,— и вместо револьвера увидел Корнелла. Из его раны на плече текла кровь, но он стоял на крыльце и смотрел вниз на Винса.

Того захлестнула безумная волна самоуверенности. Он знал, что с самого начала был прав, знал, что непобедим, бессмертен, поэтому мог смотреть в дуло «узи» без страха, без *всякого* страха, и он ухмыльнулся Корнеллу в лицо:

— Посмотри на меня, *посмотри*. Я твой самый страшный кошмар.

Корнелл сказал:

— Ты ошибаешься,— и открыл огонь.

Тревис сидел в кухне на стуле, Эйнштейн лежал рядом, а Нора обрабатывала мужу рану. Накладывая ему повязку, она рассказала все, что знала об этом человеке, который силой залез к ней в пикап.

— Проклятая случайность,— сказал Тревис.— Этого мы никак не могли предвидеть.

— Надеюсь, это только случайность.

Тревис поморщился, когда Нора смазала рану спиртом и йодом, и еще раз, когда она бинтовала ее, пропуская марлю под мышкой, и сказал:

— Не слишком старайся. Кровотечение совсем слабое. Ни одна артерия не задета.

Пуля прошла навылет, оставив на выходе страшную рану, и ему было здорово больно, но какое-то время Тревис еще сможет пробыть на ногах. За медицинской помощью он обратится попозже, скорее всего к Джиму Кину, чтобы избежать вопросов, которые любой другой врач наверняка задаст ему и на которые потребует ответа. Сейчас Тревиса заботило, чтобы рана была крепко перевязана и он мог бы избавиться от трупа.

Эйнштейну тоже досталось. К счастью, он не порезался, выскакивая через стекло. Было не похоже, что у него сломаны кости, но пес получил несколько сильных ударов. Да, ретривер тоже был не в лучшей форме и выглядел ужасно: грязный, насквозь промокший и больной. Да, ему тоже не помешает показаться Джиму Кину.

Дождь за окном усилился, с силой барабанил по крыше и с шумом стекал по желобам и водосточным трубам. Он заливался через крыльцо в разбитое окно, но сейчас им было не до этого.

— Надо Бога благодарить за дождь,— сказал Тревис.— Из-за этого потопа ни один человек в округе не мог расслышать звуки выстрелов.

Нора спросила:

— Куда мы денем труп?

— Я как раз об этом думаю.

Боль разливалась от плеча вверх и отдавала в голову, и Тревис с трудом мог собраться с мыслями.

Она сказала:

— Мы могли бы закопать его здесь, в лесу...

— Нет. Мы все время будем думать о том, что он здесь. Бояться, как бы звери не раскопали тело и его не нашли туристы. Лучше... там вдоль шоссе есть такие места, где мы могли бы остановиться, выждать, пока вокруг не будет машин, вытащить его и сбросить вниз. Если мы найдем место, где склон обрывается прямо в океан, его унесет течением, прежде чем кто-нибудь заметит.

Нора закончила перевязку. Эйнштейн резко поднялся и завыл. Он принюхался. Затем подошел к задней двери и замер, уставившись на нее, затем скрылся в гостиной.

— Боюсь, он пострадал больше, чем кажется,— проговорила Нора, прикрепляя последнюю полоску пластыря.

— Возможно,— сказал Тревис.— А может, и нет. Он сегодня весь день ведет себя как-то странно, с самого твоего отъезда. Он сообщил мне, что день сегодня плохо пахнет.

— Он был прав,— сказала она.

Пес прибежал из гостиной и сразу направился в кладовку, где включил свет и стал доставать карточки, нажимая на педали.

— Может, он придумал, как избавиться от трупа,— предположила Нора.

Пока она убирала на место йод, спирт, марлю и пластырь, Тревис, морщась от боли, надел рубашку и пошел в кладовку узнать, что хочет им сообщить Эйнштейн.

«АУТСАЙДЕР ЗДЕСЬ».

Тревис защелкнул новый магазин в приклад своего карабина, запасной сунул себе в карман и дал Норе один из пистолетов «узи», которые лежали в кладовке.

Судя по поведению собаки, у них не было времени пройти по дому, чтобы закрыть и запереть ставни.

Весь их хитроумный план, заключавшийся в том, чтобы отравить Аутсайдера в амбаре газом, был построен на уверенности, что он придет ночью и отправится на разведку. Теперь, когда он появился средь бела дня и произвел рекогносцировку, пока они занимались Винсом, этот план никуда не годился.

Они стояли в кухне, прислушиваясь, но из-за нескончаемого шума дождя ничего не было слышно.

Эйнштейн не смог точнее указать им место, где находится их противник. Его шестое чувство все еще работало не в полную силу. Счастье, что он вообще почувствовал эту бестию. Его утреннее тревожное состояние, очевидно, не было связано с ощущением опасности, грозящей им со стороны человека, приехавшего вместе с Норой, а вызывалось — пусть неосознанно — приближением Аутсайдера.

— Второй этаж,— сказал Тревис.— Пошли туда.

Здесь, внизу, это существо могло появиться и через двери, и через окна, а там, на втором этаже, им по крайней мере не надо будет думать о входных дверях. Может быть, им даже удастся закрыть ставни на некоторых окнах.

Нора поднималась по лестнице вместе с Эйнштейном. Тревис, пятясь и держа под прицелом первый этаж, прикрывал их с тыла. У него кружилась голова. Он остро чувствовал: боль и слабость в его раненом плече медленно растекаются по всему телу наподобие чернильного пятна, проступающего на промокательной бумаге.

Добравшись до площадки второго этажа, Тревис сказал:

— Если мы услышим, что Аутсайдер вошел в дом, то отойдем подальше, подождем, пока он начнет забираться к нам, выступим вперед и, застав его врасплох, пристрелим.

Нора кивнула.

Сейчас надо было молчать, предоставив ему возможность пробраться в дом, дав ему время понять, что они спрятались наверху, позволив ему подойти к лестнице, ощутив себя в полной безопасности.

Вспышка молнии — первой за все время — осветила окно в конце холла; за ней последовал раскат грома. Казалось, небо сотряслось от этого удара и все запасы дождя, которые скопились в небесах, обрушились на землю в едином страшном потопе.

Из студии, расположенной в конце холла, вылетело одно из Нориных полотен и с грохотом ударилось о стену.

Нора вскрикнула от изумления, и какое-то мгновение все трое тупо смотрели на лежащую на полу картину, думая, что ее полтергейстский полет, наверное, был вызван страшным раскатом грома.

Из комнаты вылетела вторая картина, ударилась о стену, и Тревис увидел, что все полотно изрезано.

Аутсайдер был уже в доме.

Их разделял короткий холл. Слева от них была главная спальня и будущая детская, а справа Норина студия и ванная комната. От твари, которая в Нориной комнате уничтожала ее картины, их отделяли всего две двери.

Еще одно полотно оказалось в коридоре.

Весь промокший, грязный, избитый, все еще слабый после чумки, Эйнштейн тем не менее яростно лаял, стараясь спугнуть Аутсайдера.

Держа «узи» перед собой, Тревис сделал шаг вперед.

Нора схватила его за руку.

— Не надо. Давай уйдем отсюда.

— Нет. Нам придется с этим справиться.

— В нашем-то положении.

— Другого выхода у нас нет.

Еще две картины вылетели из комнаты и с грохотом присоединились к уже и так не маленькой кучке загубленных полотен.

Лай Эйнштейна перешел в грозное рычание.

Вместе они двинулись по коридору по направлению к открытой двери в Норину студию.

Весь предыдущий опыт и подготовка Тревиса говорили ему, что им следует разделиться, рассредоточиться, а не группироваться вместе, представляя собой единую мишень. Но они ведь сейчас были не в «Дельте». И их противник не был обычным террористом. Если они рассредоточатся, то потеряют часть своего мужества, так необходимого им, чтобы лицом к лицу встретиться с этим существом. Сама их близость друг к другу придавала им сил.

До студии оставалось пройти еще полпути, когда раздался пронзительный крик Аутсайдера. Этот леденящий душу звук резанул Тревиса, кровь застыла у него в жилах. Они с Норой остановились, а Эйнштейн сделал еще два шага.

Собаку била сильная дрожь.

Тревис заметил, что сам он тоже дрожит. От этого боль в его плече усилилась.

Стряхнув с себя сковавший его страх, Тревис рванулся к открытой двери, ступая прямо по загубленным картинам, и дал очередь по комнате. Карабин отдавал ему в плечо, и, хотя отдача была минимальной, ему казалось, что кто-то зубилом врезается ему в рану.

Он ни в кого не попал, не услышал никакого крика, не обнаружил никаких признаков противника.

Пол был усеян дюжиной изуродованных картин и осколков стекла из разбитого окна, через которое Аутсайдер проник в комнату с крыши переднего крыльца.

Тревис выжидал, широко расставив ноги.

Сжимал обеими руками карабин. Пот заливал ему глаза. Он старался не замечать страшной боли в правом плече. Ждал.

Аутсайдер должен быть слева от двери — или за ней справа,— стоит, приготовившись к прыжку. Если Тревис не будет торопиться, возможно, эта тварь устанет ждать и бросится на него, и тогда он здесь, в проеме, вышибет из нее мозги.

«Нет, она такая же умная, как Эйнштейн,— сказал себе Тревис.— Разве Эйнштейн выскочил бы на меня через этот узкий дверной проем? Нет. Он придумал бы что-то более хитроумное и неожиданное».

Раскат грома, такой сильный, что стекла задрожали в окнах и дом покачнулся, сотряс небеса. Молния осветила небо.

Ну, давай же, скотина, покажись.

Тревис взглянул на стоящих в нескольких шагах от него Нору и Эйнштейна. С одной стороны от Тревиса была главная спальня, с другой — ванная, а за ними — лестница.

Он снова посмотрел в комнату на осколки стекла, валявшиеся на полу. Неожиданно Тревис осознал, что Аутсайдера в студии больше нет, он выбрался через окно на крышу переднего крыльца и сейчас приближается к ним с другой стороны дома; возможно, через другую дверь, или из одной из спален, или из ванной комнаты, или, может быть, он с криком бросится на них с лестницы.

Тревис подозвал к себе Нору.

— Прикрой меня.

Прежде чем она успела запротестовать, он крадучись вошел в студию. Тревис чуть было не поскользнулся в этом беспорядке, но удержался на ногах и круто развернулся, готовый открыть огонь, если эта тварь прыгнет на него.

В студии никого не было.

Дверь в подсобку была открыта. Там тоже было пусто.

Тревис подошел к разбитому окну и осторожно выглянул наружу на мокрую от дождя крышу крыльца. Никого. Ветер звенел опасно острыми осколками стекла, торчащими из оконной рамы.

Он повернулся, чтобы идти обратно в холл верхнего этажа. Тревис видел Нору, которая смотрела на него испуганными глазами, но храбро продолжала сжимать свой пистолет. Позади нее распахнулась дверь в будущую детскую, и он заметил эту бестию с горящими желтыми глазами. Ее чудовищная пасть, полная зубов, гораздо более острых, чем осколки стекла в раме, была широко раскрыта.

Почувствовав ее присутствие, Нора стала оборачиваться, но тварь схватила ее прежде, чем Нора успела выстрелить, и вырвала у нее из рук пистолет.

Эйнштейн, яростно рыча, бросился на Аутсайдера, не дав ему вонзить в Нору свои острые как бритва шестидюймовые когти. С проворностью кошки тот перенес свое внимание с Норы на пса. Он хлестал вокруг себя и размахивал своими длинными руками так, как если бы у него был не один локтевой сустав, а несколько. Затем своими ужасающими клещами он схватил собаку.

Тревис рванулся через студию к двери, но не выстрелил, так как между ним и этой ненавистной тварью стояла Нора. Добежав до двери, Тревис крикнул ей, чтобы она легла и он смог выстрелить, она так и сделала без промедления, но было уже поздно. Аутсайдер затащил Эйнштейна в детскую и захлопнул за собой дверь, как будто он был каким-то злобным кошмарным отродьем из игрушечного ящика, которое в мгновение ока появилось и исчезло со своей жертвой.

Эйнштейн завизжал, и Нора бросилась к двери в детскую.

— Назад,— закричал Тревис, отталкивая ее в сторону.

Он направил свой автоматический карабин на закрытую дверь и разрядил в нее оставшиеся патроны, проделав в ней по меньшей мере тридцать дырок и сжав зубы, чтобы не закричать от страшной боли, которая жгла его плечо. Конечно, был риск, что Тревис попадет в Эйнштейна, но ретриверу грозила куда более страшная опасность, если бы Тревис *не* открыл огонь. Когда патроны кончились, он рывком вытащил пустой магазин, достал из кармана новый и вставил его в карабин. Затем распахнул изуродованную дверь и вошел в детскую.

Окно было открыто, и ветер раскачивал занавески.

Аутсайдер исчез.

Эйнштейн без движения лежал на полу у одной из стен. Он был весь в крови.

При виде ретривера Нора вскрикнула от отчаяния.

Выглянув в окно, Тревис увидел кровавые следы, тянущиеся через крышу крыльца. Дождь быстро смывал их.

Какое-то движение привлекло его внимание, он бросил взгляд на амбар и увидел, как за Аутсайдером закрылась большая дверь.

Опустившись на колени рядом с собакой, Нора проговорила:

— Боже мой, Тревис, боже мой, умереть так после всего, что он пережил.

— Я иду за этим чертовым отродьем,— яростно проговорил Тревис.— Он в амбаре.

Нора последовала было за ним к двери, но он сказал:

— Нет! Позвони Джиму Кину и оставайся рядом с Эйнштейном, оставайся рядом с Эйнштейном.

— Но я нужна тебе. Ты не можешь идти один.

— Ты нужна *Эйнштейну*.

— Эйнштейн мертв,— сказала она сквозь слезы.

— Не смей этого говорить! — закричал Тревис. Он понимал, что ведет себя неразумно, как если бы он считал, что Эйнштейн не умрет до тех пор, пока они не произнесут этих слов, но сдержать себя не мог.— Не говори, что он мертв. Оставайся с ним, черт подери. Я уже ранил этого проклятого монстра, думаю, сильно ранил, он истекает кровью, и я могу сам с ним справиться. Позвони Джиму Кину и оставайся с Эйнштейном.

Тревис боялся также, что случившееся может спровоцировать у Норы выкидыш. Тогда они потеряют не только собаку, но и ребенка.

Он бегом бросился из комнаты.

«В таком состоянии ты не можешь идти в амбар,— сказал Тревис себе.— Сначала тебе надо успокоиться. Ты велел Норе вызвать ветеринара к мертвому псу и остаться с ним, когда на самом деле она могла бы помочь тебе... Не годится. Нельзя давать ярости и жажде мести овладеть собой. Не годится».

Но он не мог остановиться. Всю свою жизнь он терял тех, кого любил, и всегда, за исключением службы в «Дельте», ему некому было нанести ответный удар, потому что нельзя ведь отомстить судьбе. Даже в «Дельте» враг был безликим: некая бесформенная масса маньяков и фанатиков, составляющих «международный терроризм»,— и эта месть не доставляла большого удовлетворения. Но сейчас перед ним был враг, не имеющий себе равных, враг, достойный этого названия, и он заставит его заплатить за то, что тот сделал с Эйнштейном.

Тревис пробежал через холл и, перепрыгивая через несколько ступенек, понесся вниз по лестнице. Волна тошноты и голо-

вокружения захлестнула его, и он едва не упал. Тревис ухватился за перила, чтобы прийти в себя. Он облокотился не на ту руку, и жгучая боль пронзила его раненое плечо. Выпустил перила, потерял равновесие и скатился вниз по последнему пролету, сильно ударившись спиной.

Тревис был в худшей форме, чем думал.

Сжимая в руке карабин, он поднялся на ноги, с трудом добрался до задней двери, затем прошел на крыльцо, спустился по ступенькам и вышел во двор. Холодный дождь прояснил его тяжелую голову, и Тревис еще минуту постоял на лужайке, чтобы дождь хотя бы немного смыл с него слабость.

Перед его взором мысленно пронесся образ изломанного, окровавленного тела Эйнштейна. Он подумал о веселых посланиях, которые уже никогда не появятся на полу в кладовке, о будущих Рождествах, на которых Эйнштейн уже не будет расхаживать по дому в своей шапочке Санта-Клауса, и о любви, которую он уже никогда не сможет получить и отдать, и о гениальных щенках, которые уже никогда не родятся, и тяжесть этой потери едва не вдавила Тревиса в землю.

Он направил свое горе на то, чтобы обострить свой гнев, и оттачивал свою ярость до тех пор, пока она не стала острой как бритва.

Тогда Тревис направился к амбару.

Амбар кишел тенями. Он остановился у открытой двери и щурясь смотрел на царящую внутри слоистую мглу в надежде увидеть желтые глаза, а дождь хлестал его по голове и спине.

Ничего.

Гнев придал ему храбрости, и Тревис вошел внутрь и нажал на кнопку выключателя на северной стене. Даже когда зажегся свет, он не увидел Аутсайдера.

Борясь с головокружением и сжав от боли зубы, Тревис направился мимо пустого места, где обычно стоял пикап, мимо «тойоты» и медленно двинулся вдоль машины.

Сеновал.

Еще несколько шагов, и он выйдет из-под сеновала. Если эта тварь там, она может броситься на него сверху...

Его размышления были прерваны при виде Аутсайдера, который был здесь, в глубине амбара, за «тойотой». Он лежал,

скорчившись, на бетонном полу и выл, обхватив себя своими длинными сильными руками. Пол вокруг него был весь в крови.

Тревис почти минуту стоял рядом с машиной в пятнадцати футах от этого существа и с отвращением, страхом, ужасом и какой-то необъяснимой завороженностью разглядывал его. Ему казалось, он видит тело обезьяны, возможно бабуина, но в любом случае кого-то из семейства обезьян. Но причислить его к какому-то одному виду или сказать, что это просто мешанина, состоящая из разных частей многих животных, было нельзя. Аутсайдер существовал как бы сам по себе. Со своим чрезмерно большим и бесформенным лицом, огромными желтыми глазами, со своими челюстями, напоминающими экскаватор, и длинными изогнутыми клыками, со своей сгорбленной спиной и спутанной шерстью и слишком длинными руками, он представлял ужасное зрелище.

Существо выжидающе смотрело на него.

Тревис сделал два шага вперед и вскинул карабин.

Аутсайдер поднял голову, заработал челюстями и скрипучим, надтреснутым голосом невнятно, но все же достаточно разборчиво произнес слово, которое он расслышал, даже несмотря на бурю: *«Больно»*.

Тревис скорее ужаснулся, чем поразился. От этого существа не требовалось умение говорить, но, обладая умственными способностями, оно хотело научиться этому, так как стремилось к общению. Очевидно, за те месяцы, что оно преследовало Эйнштейна, это желание окрепло. Оно каким-то образом могло извлекать исковерканные звуки из своих жилистых голосовых связок и бесформенного рта. Тревиса привел в ужас не вид говорящего демона, а мысль о том, как отчаянно Аутсайдер хотел общаться с кем-нибудь, с любым. Тревис не мог жалеть его, не смел жалеть, потому что он должен был чувствовать, что поступает *правильно*, стерев его с лица земли.

— *Долго шел. Теперь кончено,*— с огромным усилием произнес Аутсайдер, как будто каждое слово приходилось вырывать у него из горла.

Его глаза были слишком недобрыми, чтобы вызывать сочувствие, а все конечности, несомненно, служили орудиями убийства.

Высвободив длинную руку, он поднял что-то, лежащее на полу рядом с ним, и Тревис только сейчас заметил, что это одна из кассет с Микки Маусом, которую Эйнштейн получил на Рождество. На футляре кассеты был нарисован знаменитый мышонок: на нем был надет его привычный наряд, он улыбался знакомой улыбкой и махал рукой.

— *Микки,*— произнес Аутсайдер, и, несмотря на то что голос его был таким же мерзким, странным и еле различимым, он каким-то образом передавал чувство ужасной потери и одиночества.— *Микки.*

Затем он выронил кассету, обхватил себя руками и в агонии стал кататься по полу.

Тревис сделал еще шаг вперед.

Страшное лицо Аутсайдера было таким отталкивающим, что в этом был какой-то элемент законченности. В своем уникальном уродстве оно было странно, мрачно завораживающим.

Раздался новый раскат грома, и на этот раз свет в амбаре мигнул и почти потух.

Снова подняв голову, Аутсайдер сказал своим прежним скрипучим голосом, в котором на этот раз звучало холодное, безумное ликование:

— *Убил собаку, убил собаку, убил собаку,*— и издал какой-то звук, который, возможно, был смехом.

Тревис едва не разнес его на куски. Но, прежде чем он успел нажать на курок, смех Аутсайдера перешел в рыдание. Тревис как завороженный смотрел на него.

Уставившись на Тревиса своими желтыми глазами, он снова повторил:

— *Убил собаку, убил собаку, убил собаку,*— но на этот раз казалось, что он испытывает страшные муки, как если бы он осознал размеры преступления, которое в силу своей генетики вынужден был совершить.

Аутсайдер взглянул на кассету с изображением Микки.

Затем умоляюще произнес:

— *Убей меня.*

Тревис не знал, действует ли он под влиянием горя или жалости, когда нажал на курок и разрядил в Аутсайдера магазин своего карабина. Что человек начал, то человек и закончил.

Тревис почувствовал себя опустошенным.

Бросил карабин и вышел из амбара. У него не было сил вернуться в дом. Опустившись на землю под дождь, он сжался и зарыдал.

Тревис все еще плакал, когда с шоссе на грязную дорожку свернула машина Джима Кина.

Глава одиннадцатая

1

В четверг днем, тринадцатого января, Лем Джонсон оставил Клиффа Соамса и еще двух человек в начале проселочной дороги, там, где она упиралась в шоссе «Пасифик Коаст». Им было приказано никого не выпускать и оставаться на месте до тех пор, пока Лем в случае необходимости их не позовет.

Клиффу Соамсу этот приказ показался странным, но вслух он ничего не сказал.

Лем заявил, что, поскольку Тревис Корнелл когда-то служил в группе «Дельта» и имел большой боевой опыт, с ним следует обращаться осторожно.

— Если мы ворвемся к нему, он сразу поймет, с кем имеет дело, и может оказать сопротивление. А если я пойду один, то смогу заставить его выслушать меня и, возможно, мне удастся уговорить его добровольно выдать нам собаку.

Это не слишком убедительное объяснение его неортодоксальных действий не смогло стереть выражение недоумения с лица Клиффа.

Лему было наплевать на недоумение Клиффа. Он поехал по дороге один на седане и припарковался перед домом из мореного дерева.

На деревьях распевали птицы. Здесь, на северном калифорнийском побережье, зима временно ослабила свою хватку, и день выдался очень теплым.

Лем поднялся по ступенькам и постучал в дверь.

На стук к двери подошел Тревис Корнелл и взглянул на него через решетку. Затем сказал:

— Мистер Джонсон, я полагаю.

— Откуда вы... ах, да, конечно, вам обо мне рассказал Гаррисон Дилворт, когда той ночью звонил вам.

К удивлению Лема, Корнелл открыл дверь.

— Можете войти.

На Корнелле была майка без рукавов, очевидно из-за повязки, скрывавшей большую часть его правого плеча. Он провел Лема через холл в кухню, где его жена, сидя за столом, чистила яблоки на пирог.

— Мистер Джонсон,— произнесла она.

Лем улыбнулся и сказал:

— Я вижу, меня тут хорошо знают.

Корнелл сел за стол и взял в руки чашку с кофе. Лему он кофе не предложил.

Чувствуя себя не в своей тарелке, Лем с минуту постоял, затем сел рядом с ними. Он сказал:

— Ну, знаете, это было неизбежно. Рано или поздно мы должны были вас найти.

Женщина продолжала молча чистить яблоки. Ее муж уставился в свою чашку.

«Что это с ними?» — подумал Лем.

Происходящее даже отдаленно не напоминало картину, которую он себе представлял. Он был готов к панике, гневу, подавленности и многому другому, но только не к этой странной апатии. Казалось, им было все равно, что он в конце концов их нашел.

Он спросил:

— Вам неинтересно узнать, как мы вас нашли?

Женщина покачала головой.

Корнелл произнес:

— Если хотите, можете доставить себе это удовольствие и рассказать нам.

Лем удивленно вскинул брови и сказал:

— Ну, все очень просто. Мы знали, что мистер Дилворт позвонил вам из какого-то дома или заведения, находящегося в радиусе нескольких кварталов от парка севернее бухты. Поэтому мы подключили наши компьютеры к архивам телефонной компании — с их разрешения, конечно,— и дали нашим людям задание проверить счета всех междугородных разговоров, произведенных той ночью с одного из номеров в радиусе трех кварталов от парка. И мы ничего не нашли. Но потом вдруг поняли, что при счетах с обратной оплатой звонки не регистри-

руются по номеру, с которого производились, а регистрируются по телефону абонента, оплачивающего разговор, то есть по вашему. Но их также заносят в специальный файл телефонной компании, чтобы у них было документальное свидетельство разговора, если позже абонент откажется платить. Мы просмотрели этот файл — он был очень небольшой — и быстро нашли звонок, произведенный из одного дома, стоящего на побережье чуть севернее парка. Когда мы пришли беседовать с жильцами — их фамилия Эссенби,— мы сразу же обратили внимание на их сына-подростка по имени Томми, и хотя нам потребовалось некоторое время, убедились в том, что действительно Дилворт воспользовался их телефоном. На первую часть ушло очень много времени, недели и недели, но зато после этого... детские игрушки.

— Вы что, ждете от меня медали? — спросил Корнелл.

Женщина взяла еще одно яблоко, разделила его на четыре части и начала снимать кожуру.

С ними было очень нелегко, но ведь его намерения были далеки от того, что они ожидали. Нельзя было упрекать их за то, что они так холодны с ним; они ведь еще не знали, что он пришел к ним как друг.

Лем сказал:

— Послушайте, я оставил своих людей в конце дорожки. И предупредил их, что вы можете запаниковать и совершить какую-нибудь глупость, если увидите, что мы целой группой подходим к дому. Но на самом деле я пришел к вам... чтобы сделать вам одно предложение.

Только теперь они с интересом взглянули на него.

Он сказал:

— Я собираюсь к весне выйти из этого дела. Почему я так поступаю... вас не касается. Скажу только, что я теперь совершенно другой человек. Я научился справляться с поражением, и теперь я его больше не боюсь.— Лем вздохнул и пожал плечами.— В любом случае собаке в клетке не место. Мне плевать на то, что они говорят и чего хотят. Я знаю, что правильно, а что нет. Я знаю, что значит жить в клетке. Я сам до недавних пор жил в клетке. Нельзя допустить, чтобы собака вернулась туда. Вот что я хочу вам предложить. Вы, мистер Корнелл, прямо сейчас уводите пса отсюда куда-нибудь в лес, оставляете его в

безопасном месте, затем возвращаетесь и держите ответ. Скажите, что собака сбежала от вас пару месяцев назад, когда вы были в другом месте, и вы полагаете, что ее уже нет в живых или что она попала к другим людям, которые теперь о ней заботятся. Конечно, остается Аутсайдер, о котором вы, должно быть, знаете, но мы с вами могли бы позже что-нибудь придумать, чтобы справиться с ним, когда он появится. Я установлю за вами наблюдение, но через несколько недель сниму его, скажу, что это дохлый номер...

Корнелл встал и шагнул к Лему. Левой рукой он схватил его за рубашку и заставил встать.

— Ты опоздал на шестнадцать дней, сукин ты сын.

— Что вы хотите сказать?

— Собака мертва. Аутсайдер убил ее, а я убил Аутсайдера.

Женщина положила на стол свой нож и кусок яблока. Она закрыла лицо руками и наклонилась вперед, сгорбив плечи и тихо плача.

— Господи Иисусе,— сказал Лем.

Корнелл выпустил его. Смущенный и подавленный, Лем поправил галстук, расправил складки на рубашке. Затем взглянул на брюки — и отряхнул их.

— Господи Иисусе,— повторил он.

Корнелл охотно провел их к тому месту в лесу, где он похоронил Аутсайдера.

Люди Лема выкопали его. Чудовище было завернуто в полиэтилен, но им не надо было разворачивать его, чтобы понять, что перед ним творение рук доктора Ярбек.

Корнелл отказался назвать место, где похоронена собака.

— У него была не слишком спокойная жизнь,— угрюмо сказал Корнелл.— Но теперь, клянусь Господом Богом, он будет отдыхать с миром. Никто не положит его на анатомический стол и не разрежет. Ни за что.

— Если этого потребуют интересы национальной безопасности, вас могут заставить.

— Пусть только попробуют,— заявил Корнелл.— Если они вытащат меня на суд и попытаются заставить сказать, где я похоронил Эйнштейна, я выложу все, что знаю, газетчикам. Но если они оставят Эйнштейна в покое, если они оставят в покое

меня и мою семью, я буду держать язык за зубами. Я не собираюсь возвращаться в Санта-Барбару и жить там под именем Тревиса Корнелла. Теперь моя фамилия Хайатт, им я и останусь. Моя прошлая жизнь кончилась навсегда. Мне незачем к ней возвращаться. И если в правительстве сидят не дураки, они дадут мне жить под фамилией Хайатта и будут держаться от меня подальше.

Лем долго смотрел на него. Затем сказал:

— Да, если там не дураки, думаю, они именно так и поступят.

В этот же день, позже, когда Джим Кин готовил обед, раздался телефонный звонок. Звонил Гаррисон Дилворт, которого он никогда не видел, но с которым познакомился на прошлой неделе, выступая в роли посредника между адвокатом, Тревисом и Норой. Гаррисон говорил из телефона-автомата в Санта-Барбаре.

— Они уже были? — спросил адвокат.

— Да, днем,— ответил Джим.— Должно быть, этот Томми Эссенби хороший парень.

— Да, неплохой. Но он пришел предупредить меня не потому, что у него такое доброе сердце. Сейчас он бунтует против властей. Когда они надавили на него и заставили признаться, что той ночью я звонил из его дома, он возмутился. И с той же неукротимостью, с какой козлы расшибают свои лбы о загородки, Томми пришел прямиком ко мне.

— Они забрали Аутсайдера.

— А что с собакой?

— Тревис заявил, что не скажет им, где ее могила. Заставил их поверить, что разделается с каждым и проломит им всем головы, если они будут настаивать.

— Как Нора? — спросил Дилворт.

— Она не потеряет ребенка.

— Слава богу. Это большое утешение.

2

Восемь месяцев спустя, в уикенд Дня труда в сентябре, Джонсоны и Гейнсы собрались на барбекю в доме шерифа. Лем и Карен чаще выигрывали, чем проигрывали, что было теперь довольно необычным явлением, поскольку Лем больше не садился за стол с прежним фанатичным желанием победить.

Он ушел из УНБ в июне. С тех пор жил на доходы от тех денег, что оставил ему отец. К весне будущего года Лем собирался заняться чем-нибудь другим, открыть какое-нибудь свое небольшое дело, где он был бы сам себе хозяин и распоряжался своим временем сам.

Позже, пока их жены готовили в кухне салаты, Лем и Уолт во внутреннем дворике жарили барбекю.

— Значит, ты по-прежнему известен в УНБ как человек, проваливший это расследование о Банодайне.

— Меня навечно запомнят из-за этого дела.

— И несмотря на это, ты получаешь пенсию,— сказал Уолт.

— Ну, я все же не даром вкалывал там двадцать три года.

— Нет, это все-таки несправедливо, чтобы человек провалил расследование века и в сорок шесть лет спокойно ушел с полной пенсией.

— С тремя четвертями пенсии.

Уолт глубоко втянул ароматный дымок, поднимающийся от мяса.

— Все равно. Куда катится наша страна? В менее либеральные времена тебя по меньшей мере просто высекли бы и посадили в колодки.— Он еще раз глубоко вдохнул ароматный запах и произнес: — Повтори еще раз, как все было там, в кухне.

Лем уже сотни раз рассказывал ему об этом, но Уолт готов был слушать эту историю снова и снова.

— Ну ладно, кухня была очень чистенькая. Все сверкало. И сам Корнелл, и его жена тоже очень опрятные люди. Такие начищенные и наглаженные. И вот они говорят мне, что собака умерла две недели назад, умерла и похоронена. Корнелл сует мне под нос свой кулак, вытаскивает меня за рубашку с моего стула и сверкает глазами, как будто сейчас оторвет мне голову. Когда он меня отпускает, я поправляю галстук, расправляю рубашку... и смотрю на свои брюки, просто так, по привычке, и замечаю эти золотистые волоски. Собачью шерсть. Шерсть ретривера, голову даю на отсечение. И я думаю: разве это возможно, чтобы такие аккуратные люди, особенно теперь, когда им надо заполнить пустоту и отвлечься от своей трагедии, не нашли за две недели времени немного прибраться.

— У тебя *все* штаны были в волосках,— сказал Уолт.

— Сотни волосков.

— Как будто собака была там за несколько минут до твоего прихода.

— Как будто, приди я на две минуты раньше, я бы наткнулся на нее.

Уолт перевернул мясо.

— Ты очень наблюдательный человек, Лем, и должен был далеко пойти. Ума не приложу, как со всеми твоими талантами ты умудрился так успешно провалить это дело.

Они оба, как всегда, рассмеялись.

— Такой уж я везунчик,— сказал Лем, который всегда так отвечал ему, и снова засмеялся.

3

Когда двадцать восьмого июня Джеймс Гаррисон Хайатт отмечал свой третий день рождения, его мать носила ребенка, который позже стал его сестрой.

Они устроили вечер в своем доме из мореного дерева на лесистой возвышенности над Тихим океаном. Поскольку вскоре они собирались переезжать в новый, более просторный дом на побережье, им хотелось этот памятный вечер посвятить не только дню рождения, но и своему прощанию с домом, ставшим первым пристанищем для их семьи.

Из Кармела приехал Джим Кин с Пукой и Сэди, двумя своими черными лабрадорами и своим молодым золотистым ретривером Леонардо, которого обычно звали Лео. Пришли несколько близких друзей из агентства по продаже недвижимости, где работал Сэм — которого все звали Тревисом,— и из галереи в Кармеле, где были выставлены на продажу Норины картины. Эти друзья тоже прибыли со своими ретриверами, щенками от второго помета Эйнштейна и его подруги Минни.

Не было только Гаррисона Дилворта. Он скончался во сне в прошлом году.

Стоял чудесный день, они прекрасно провели время не только потому, что были друзьями и им было хорошо вместе, но и из-за общей тайны, объединявшей их, чудо и радость, которые навсегда соединили их в одну большую многочисленную семью.

Все щенки от первого помета, с которыми Тревис и Нора не смогли расстаться и которые жили вместе с ними в доме, тоже были здесь. Их звали: Микки, Дональд, Дейзи, Хью, Дью и Луи.

Собаки проводили время еще веселее, чем люди: резвились на лужайке, играли в лесу в прятки и смотрели видеофильмы в гостиной.

Собачий патриарх участвовал в некоторых играх, но большую часть времени проводил с Тревисом и Норой и, как обычно, держался рядом с Минни. Он прихрамывал, так как его правая задняя нога была искалечена Аутсайдером, и, если бы ветеринар не приложил массу усилий к тому, чтобы восстановить ее, она бы вообще не действовала.

Тревис часто задавался вопросом, действительно ли Аутсайдер решил, что Эйнштейн мертв, после того как со страшной силой швырнул его об стену. Или в ту минуту, когда Аутсайдер держал в своих руках жизнь ретривера, он нашел в себе каплю жалости, которую его создатели не запрограммировали в нем, но все равно она у него была. Возможно, Аутсайдер припомнил то единственное удовольствие, которое они с псом делили в лаборатории: мультфильмы. И, вспомнив это, вероятно, впервые ощутил в себе слабую искру, роднящую его с другими живыми существами. И, найдя в себе это общее, он, возможно, не смог убить Эйнштейна с той легкостью, с какой ожидал. Ведь, в конце концов, легкого движения его когтей было достаточно, чтобы распотрошить собаку.

Но хотя Эйнштейн стал хромать, благодаря Джиму Кину из его уха исчезла татуировка. Теперь никто никогда не смог бы доказать, что он был псом из Бандайна, и он по-прежнему, когда хотел, мог разыгрывать из себя глупую собачонку.

Изредка в течение этой феерии — трехлетнего юбилея Джеймса — Минни в замешательстве поглядывала на своего друга и потомство, удивляясь их играм. Хотя она никогда не могла до конца понять их, ни одна мать никогда не получала от своих щенят и половины той любви, которую отдавали ей те, кого Минни произвела на свет. Она следила за ними, а они, в свою очередь, присматривали за ней, охраняя друг друга.

Поздно вечером, когда все гости разъехались, а Джимми спал в своей комнате, когда Минни и ее первые щенки укла-

дывались на ночь, Эйнштейн, Тревис и Нора собрались в кладовке рядом с кухней.

На месте устройства для выдачи карточек из «Скрэббла» стоял компьютер. Эйнштейн взял в рот карандаш и стал нажимать на клавиши. На экране высветилась надпись:

«ОНИ БЫСТРО РАСТУТ».

— Да,— произнесла Нора.— Твои растут быстрее, чем наши.

«ОДНАЖДЫ ОНИ БУДУТ ПОВСЮДУ».

— Однажды,— сказал Тревис,— спустя какое-то время они будут по всему миру.

«ТАК ДАЛЕКО ОТ МЕНЯ. ЭТО ОЧЕНЬ ПЕЧАЛЬНО».

— Да,— сказала Нора.— Но ведь все птенцы рано или поздно покидают свои гнезда.

«А КОГДА МЕНЯ НЕ БУДЕТ?»

— Что ты имеешь в виду? — спросил Тревис, наклонившись к псу и взъерошив его густую шерсть.

«ОНИ БУДУТ МЕНЯ ПОМНИТЬ?»

— Да, мохнатая морда,— ответила Нора, опустившись на колени и крепко обнимая его.— Пока существуют собаки и пока существуют люди, они все будут тебя помнить.

СОДЕРЖАНИЕ

ФАНТОМЫ 5

Часть I. ЖЕРТВЫ 7

Часть II. ФАНТОМЫ 217

К ЧИТАТЕЛЮ 490

АНГЕЛЫ-ХРАНИТЕЛИ 491

Часть I. СОКРУШАЯ ПРОШЛОЕ 493

Часть II. ХРАНИТЕЛЬ 820

Литературно-художественное издание

Дин Кунц

ФАНТОМЫ

Ответственный редактор *А. Етоев*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *А. Скурихина*
Корректор *Л. Ершова*

Оригинал-макет подготовлен издательством «Домино»
197198, Санкт-Петербург,
ул. Блохина, 20/7. Тел./факс (812) 325-13-28

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — **info@ eksmo.ru**

По вопросам размещения рекламы в книгах обращаться в рекламный отдел издательства «Эксмо». Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (095) 780-58-34

Книжные магазины издательства «Эксмо»:
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.
Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

ООО Дистрибьюторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: marinovich.yk@eksmo.com.ua

Северо-Западная компания представляет весь ассортимент книг издательства «Эксмо». Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

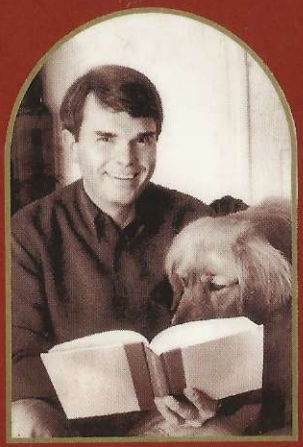
Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети «Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.
Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Подписано в печать с готовых монтажей 14.04.2004.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 50,4.
Доп. тираж 4000 экз. Заказ 5325.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат"
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) -sales@ tverpk.ru

ДИН

КУНЦ

Dean R. Koontz